Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918 – 1940

Писатели русского зарубежья

Литературная энциклопедия
Русского Зарубежья
1918–1940

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
in Social Sciences

ENCICLOPAEDIA

OF THE RUSSIAN EMIGRE LITERATURE

1918–1940

RUSSIAN EMIGRE WRITERS

Moscow
ROSSPEN
1997

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

Литературная энциклопедия
Русского Зарубежья
1918–1940

ПИСАТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Москва
РОССПЭН
1997

ББК 83.3р
Л 64

Издание
осуществлено при финансовом содействии
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 96-04-16066

Работа над проектом осуществлена при содействии
Российского Фонда Фундаментальных исследований (РФФИ)
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО ЗАРУ-
Л 64 **БЕЖЬЯ (1918—1940) / Том I. ПИСАТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕ-ЖЬЯ.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 512 с., илл.

В первом томе «Литературной энциклопедии русского зарубежья» представлены статьи о наиболее значительных и забытых писателях и критиках, эмигрировавших или высланных из России после большевистского переворота. Некоторые из них вернулись позднее в СССР и стали советскими писателями или, напротив, погибли, были расстреляны. В энциклопедии использованы отечественные и зарубежные архивы.

Во второй том войдут статьи о литературных центрах и периодических изданиях русского зарубежья «первой волны»; в заключительный третий том — о важнейших книгах прозаиков, поэтов, критиков и мемуаристов русского зарубежья.

ББК 83.3р

ISBN 5-86004-086-5

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед вами не просто еще один справочник по литературе. Словарные статьи — документальные свидетельства трагической судьбы сотен русских писателей, философов, критиков, выброшенных за пределы России, унесших в своих сердцах частицу Родины, дума о которой согревала и поддерживала их жизнь в чужих краях.

В настоящее издание включены статьи о литераторах, находившихся постоянно или временно после 1917 г. в эмиграции, высланных или бежавших от большевистского тоталитаризма, а также об их детях-литераторах. Это представители так называемой «первой волны эмиграции». Основное внимание уделяется эмигрантскому периоду их жизни и творчества (в том числе и вернувшихся в Россию), что нашло отражение и в пристатейной библиографии.

Русская литература 20-30-х годов, создававшаяся за рубежом, только в последние годы стала объектом пристального исследования в нашей стране. Справочник является первым опытом подобного издания у нас и охватывает круг наиболее значительных в литературном отношении имен. Подготовка полного словаря писателей и деятелей культуры русского зарубежья — дело будущего.

Типовая статья включает сведения о дате и месте рождения и смерти, последовательное хронологическое изложение биографии и творчества писателя: происхождение, образование, служебная и литературно-общественная деятельность, начало печатания, сведения о первых публикациях основных произведений (особенно в эмиграции), их жанрово-тематическая характеристика, отзывы современников.

Статьи сопровождаются библиографией изданий основных произведений писателя, его автобиографических материалов, писем (не упомянутых в самой статье) и критической литературы о нем (названные в статье работы не повторяются). Выборочные библиографические сведения при статьях доведены в основном до 1995 года. В статьях и библиографии использованы сокращения, общепринятые в отечественных энциклопедических изданиях и литературных биографических словарях. *Курсив* в тексте статьи означает отсылку к статье об этом писателе. Значок + в конце пристатейной библиографии обозначает отсылку к Списку сокращений названий книг. При подготовке настоящего тома использованы следующие издания:

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917-1944 гг.: Библиогр. справочник. — Станфорд, 1990-1991. — Ч. 1-4.

Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья: Книги 1917-1940. Материалы к библиографии. — СПб., 1993.

Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900-1937. — М., 1994. — Т. 1.

Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. — Нью-Йорк, 1993.

Вернуться в Россию — стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология/ Сост. Крейд В. — М., 1995.

Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиогр. каталог/Сост. Макаревич Е.В. — М., 1994.

Казак В. Лексикон русской литературы XX века. — М., 1996.

Литература русского зарубежья: Антология в 6 т. /Сост. Лавров В.В. — М., 1990-1997. — Т. 1. — 3 (4 кн.).

Литература русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указ. публикаций 1986-1990 гг. — М., 1993. — Вып. 1. — Ч. 1-2.

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. — Белград, 1931, 1941. — Вып. 1-2 (ч. 1).

Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий российского зарубежья в библиотеках Москвы: (1917-1990) /Ред.-сост. Овсянникова М.А. — М., 1991.

«Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии рус. зарубежья. 1920-1990 (Первая и вторая волна): В 4 кн. / Сост. Витковский Е.В.; Комм. Мосешвили Г.И. — М., 1994-1995. — Т. 1-3.

Писатели современной эпохи/Подг. к изд. Богомоловым Н.А. — М., 1995. — Т. 2.

Русская эмиграция: Журналы и сб. на рус. яз., 1920-1980/Сост. Гладкова Т.Л. и др.; Ред. Гладкова Т.Г., Осоргина Т.А.; Предисл. Раева М. — Париж, 1988.

Русские эмигранты о Достоевском / Сост. Белов С.В. — СПб., 1994.

Русское зарубежье, 1917—1991: Каталог изданий/Сост. Толстых Г.А. — М., 1992 (Дом Марины Цветаевой).

Русское зарубежье: Хроника научной, культурной, и общественной жизни. 1920-1940. Франция /Ред. Мнухин Л.А. — М.; Париж, 1995-1996. — Т. 1-3.

Русское зарубежье о Есенине / Сост. Шубникова-Гусева Н.И. — М., 1993. — Т.1-2.

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917-1992 гг.). — СПб, 1993.

Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917-1941): Биогр. словарь. — СПб., 1994.

Строфы века: Антология русской поэзии / Сост. Евтушенко Е.; Науч. ред. Витковский Е. — Минск; М., 1995.

Фостер Л. Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968. — Бостон, 1970. — Т. 1-2.

Штейн Э. Поэзия русского рассеяния, 1920-1977. — Нью-Йорк, 1978.

Dictionary of Russian women writers / Ed. by Ledkovsky M., Rosenthal Sh., Zarin M. — Westport (Conn.); L., 1994.

Kasack W. Lexikon der russischen Literatur des 20. Jahrhunderts: Vom Beginn des Jahrhunderts bis zum Ende der Sowjetära. — 2. erw. Aufl. — München, 1992.

Literary exile in the twentieth century: An analysis and biogr. dictionary / Ed. by Tucker M. — N.Y., 1991.

Ossorguine-Bakounine T. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des periodiques en langue russe. 1855-1940. — 2 ed. — P., 1990.

Schatoff M. Half a century of Russian serials. 1917-1968. — N.Y., 1969-1972. — 4 vols.

Первоначальный макет Словаря был изготовлен ограниченным тиражом в ИНИОН РАН (ч. 1-3. — 1993-1995) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 93-06-11070).

Настоящее издание является первым томом (260 статей) «Литературной энциклопедии русского зарубежья» и осуществлено при финансовой поддержке со стороны Российского гуманитарного научного фонда (96-04-16066).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИКИ

В — Возрождение. — Париж, 1925-1940 (газ.), 1949-1974 (журн.).

ВЛ — Вопросы литературы. — М., 1957-

ВРСХД (ВРХД) — Вестник русского студенческого христианского движения (РСХД). — Париж, 1925-1990; далее Вестник русского христианского движения.

ВФ — Вопросы философии. — М., 1947-

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. — СПб, . 1834-1917.

ЗРАГ — Записки русской академической группы в США. — Нью-Йорк, — 1967-

ИР — Иллюстрированная Россия. — Париж, 1924-1939.

ЛГ — Литературная газета. — М., 1929-

ЛН — Литературное наследство. — М., 1931-

ЛО — Литературное обозрение. — М., 1973-

НЖ — Новый журнал. — Нью-Йорк, 1942-

НРС — Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1910.

ПН — Последние новости. — Париж, 1920-1940.

РЗ — Русские записки. — Париж, 1937-1939.

РЛ — Русская литература. — Л., СПб., 1958-

РМ — Русская мысль. — София, Прага, Париж, 1921-1924, 1927; Париж, 1947-(газета).

СЗ — Современные записки. — Париж, 1920-1940.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ, АРХИВОВ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (бывш. ЦГАОР)

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. (ныне — Российская Национальная библиотека. С.-Петербург. — РНБ).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН.

ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам РАН.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР (РАН).

ОР — Отдел рукописей.

РГБ — Российская государственная библиотека (бывш. Государственная библиотека им. В.И.Ленина).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (бывш. ЦГАЛИ).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ КНИГ

Адамович — Адамович Г. Одиночество и свобода. — Нью-Йорк, 1955.

Амфитеатров — Амфитеатров А.В. Литература в изгнании. — Белград, 1929.

Анненков — Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. — Нью-Йорк, 1966; репринт — М., 1991. — Т. 1-2.

Бахрах — Бахрах А. По памяти, по записям: Лит. портреты. — Париж, 1980.

Берберова — Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. — Мюнхен, 1972; 2-е доп. изд.: Нью-Йорк, 1983. — Т. 1-2.

Бунин — Бунин И.А. Воспоминания. — Париж, 1950.

Гуль — Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. — Нью-Йорк, 1984. — Т. 1-3.

Зайцев — Зайцев Б. Далекое: Статьи. — Вашингтон, 1965.

Зеньковский — Зеньковский В.В. История русской философии. — Париж, 1950; Л., 1991.

Казак — Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. — Лондон, 1988; переизд.: Лексикон рус. лит-ры XX в. — М., 1996.

Лосский — Лосский Н.О. История русской философии. — Париж, 1954; М., 1991.

Михайлов — Михайлов О.Н. Литература русского зарубежья. — М., 1995.

Одоевцева — Одоевцева И. На берегах Сены. — Париж, 1983; переизд.: М., 1989.

Полторацкий — Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. Полторацкого Н.П. — Питтсбург, 1972.

Раев — Раев М. Россия за рубежом: История культуры рус. эмиграции. 1919-1939. — М., 1994.

РЛЗ — Русское литературное зарубежье: Сб. обзоров и материалов. — М., 1991-1993. — Вып. 1-2.

РП — Русские писатели, 1800-1917: Биографич. словарь. — М., 1989-1993. — Т. 1-3.

Русский Берлин — Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921-1923. — Париж, 1983.

РФН — Русская философия: Малый энциклопедич. словарь. — М.: Наука, 1995.

РФР — Русская философия: Словарь. — М.: Республика, 1995.

Седых — Седых А. Далекие, близкие. — Нью-Йорк, 1962.

Соколов — Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. — М., 1991.

Струве — Струве Г. Русская литература в изгнании. — Нью-Йорк, 1956; 2-е изд. испр. и доп. — Париж, 1984.

Терапиано — Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974); Эссе, воспоминания, статьи. — Париж; Нью-Йорк, 1987.

Ходасевич — Ходасевич В. Некрополь: Воспоминания. — Брюссель, 1939; репринт: Париж,

1976; «Некрополь» и другие воспоминания. — М., 1992.

Шаховская — Шаховская З. Отражения. — Париж, 1975; В поисках Набокова. Отражения. — М., 1991.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ, УПОМЯНУТЫХ В СПРАВОЧНИКЕ

Беседа. — Берлин, 1923-1925.

Благонамеренный. — Брюссель, 1926.

Версты. — Париж, 1926-1928.

Вестник русского студенческого христианского движения. — Париж, 1925-1990 (далее: Вестник русского христианского движения). — Сокр.: ВРСХД (ВРХД).

Воздушные пути: Альманах. — Нью-Йорк, 1960-1967.

Возрождение. — Париж, 1925-1948 (газета); 1949-1974 (журнал). — Сокр.: В.

Воля России. — Прага, 1922-1932 (в 1920-1921 — газета).

Временник Общества друзей русской книги. — Париж, 1924-1938.

Время и мы. — Тель-Авив; Нью-Йорк, 1975-.

Встречи. — Париж, 1934.

Голос минувшего на чужой стороне. — Париж, 1926-1928 (в 1923-1925 под назв.: На чужой стороне).

Голос России. — Берлин, 1919-1922.

Грани. Альманах. — Берлин, 1922-1923.

Грани. — Мюнхен; Франкфурт-на-Майне, 1946-

Грядущая Россия. — Париж, 1920.

Дни. — Берлин, 1922-1928 (газета); 1928-1933 (журнал, Париж).

Евразийский временник. (Утверждение евразийцев). — Берлин; Париж, 1921-1931.

Евразия. — Кламар (Париж), 1928-1929.

Жар-птица. — Берлин; Париж, 1921-1926.

Жизнь. — Нью-Йорк. 1924-1925.

Журнал содружества. — Выборг, 1933-1938.

Записки Русской академической группы в США. — Нью-Йорк, 1967— Сокр.: ЗРАГ.

Зарница. — Нью-Йорк, 1925-1927.

За свободу! — Варшава, 1921-1932 (в 1920 под назв.: Свобода).

Звено. — Париж, 1923-1925 (газета); 1926-1928 (журнал).

Зеленая палочка: Журн. для детей. — Париж, 1920-1921.

Иллюстрированная Россия. — Париж, 1924-1939. Сокр.: ИЛ.

Ковчег. — Прага, 1926.

Континент. — Берлин; Мюнхен, 1974-.

Круг: Альманах. — Париж, 1936-1938.

Меч. — Варшава, 1934-1939.

Минувшее: Альманах. — Париж, 1986-.

Молва. — Варшава, 1932-1934.

Мосты: Альманах. — Мюнхен, 1958-1970.

Накануне. — Берлин, 1922-1923 (газета и лит.прил. к ней).

На чужой стороне. — Берлин; Прага, 1923-1935 (далее: Голос минувшего на чужой стороне, 1926-1928).

Новая газета. — Париж, 1931.

Новая Россия. — Париж, 1936-1940.

Новая русская жизнь. — Гельсингфорс, 1919-1922 (газета).

Новая русская книга. — Берлин, 1922-1923 (в 1921 под назв.: Русская книга).

Новое время. — Белград, 1921-1929 (газета).

Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1910-(газета). — Сокр.: НРС.

Новоселье. — Нью-Йорк; Париж, 1942-1950.

Новости литературы. — Берлин, 1922.

Новый град. — Париж, 1931-1939.

Новый дом. — Париж, 1926-1927.

Новый журнал. — Нью-Йорк, 1942-. — Сокр.: НЖ.

Новый корабль. — Париж, 1918-1922, 1928-1933.

Огни. — Прага, 1924.

Окно. — Париж, 1923.

Опыты. — Нью-Йорк, 1953-1958.

Перезвоны. — Рига, 1925-1929.

Посев. — Лимбург; Франкфурт-на-Майне, 1945-.

Последние известия. — Ревель, 1920-1927.

Последние новости. — Париж, 1920-1940. — Сокр.: ПН.

Путь. — Париж, 1925-1940.

Россия. — Париж, 1927-1928 (газета).

Россия и славянство. — Париж, 1928-1934 (газета).

Рубеж. — Харбин; Шанхай, 1925-1946.

Руль. — Берлин, 1920-1931 (газета).

Русская книга. — Берлин, 1921 (далее: Новая руская книга, 1922-1923).

Русская мысль. — София; Прага; Париж, 1921-1924, 1927. — Сокр.: РМ.

Русская мысль. — Париж, 1947 — (газета) — Сокр.: РМ.

Русские записки. — Париж; Шанхай, 1937-1939. — Сокр.: РЗ.

Русский инвалид. — Париж, 1929-1939.

Русский колокол. — Берлин, 1927-1930.

Русское слово. — Харбин, 1926-1927.

Сатирикон. — Париж, 1931.

Свобода. — Варшава, 1920 (далее: За свободу! 1921-1932).

Своими путями. — Прага, 1924-1926.

Сегодня. — Рига, 1919-1940 (газета).

Синтаксис. — Париж, 1978-.

Смена вех. — Париж, 1921-1925.

Современник. — Торонто, 1960-

Современные записки. — Париж, 1920-1940. — Сокр.: СЗ.

Сполохи. — Берлин, 1921-1923.

Страна и мир. — Мюнхен, 1984-.

Числа. — Париж, 1930-1934.

А

АВЕ́РЧЕНКО Аркадий Тимофеевич (15(27).III.1881, Севастополь — 12.III.1925, Прага) — прозаик, драматург, фельетонист. писатель-юморист. «Вероисповедания — православного. Отец был купцом, мать из мещан» (Письмо С.А.Венгерову, 1910) // Ежегодник РО Пушкинского Дома на 1973 г. — Л., 1976. — С. 155). Учился в севастопольской г-зии, после чего продолжил образование дома. В 1896 работал в Луганске писцом транспортной конторы Брянских каменноугольных рудников, в 1897 — конторщик, затем бухгалтер в Харьковском отделении той же компании. Лит. дебют — рассказ «Как мне пришлось застраховать жизнь» (Южный край. — Харьков, 1903. — 31 окт.). Печатался в «Харьковских губ. вед.» (1905). В Харькове А. основал и редактировал журн. «Штык» (1906, вышло 9 номеров) и «Меч» (1907, вышло 3 номера), к-рые были закрыты по приказу губернатора. 24 дек. 1907 А. приехал в Петербург. Печатался в газ. «Свободные мысли» в «Журн. для всех». Вместе с издателем М.Г.Корнфельдом создал журн. худож. сатиры нового типа «Сатирикон» (1908-1913). В качестве образца было взято оформление германского сатирич. еженед. «Симплициссимус» (1896-1942). *А.Куприн* считал, что А. в своем журн. проявил оригинальность, «сразу нашел себя: свое русло, свой тон, свою манеру». (Сегодня. — 1925. — 23 марта). Редакция заявляла в своей программе: «В «Сатириконе», как в зажигательном стекле, мы сосредоточим жалкую и кошмарную действительность и силою ядовитой сатиры будем жечь сердца» (Сатирикон. — 1908. — № 1. — С. 2.). В рассказах и фельетонах А., в первых книгах («Рассказы. (Юмористические)», 3 кн.) «была та редкостная разновидность юмора, которая прославила Марка Твена и особенно Джерома К.Джерома» (Корнфельд М.Г. Воспоминания // ВЛ. — 1990. — № 2. — С. 271). В 1911 А. предпринял первое заграничное путешествие с целью познакомиться с Европой и показать смешные стороны ее нравов («Экспедиция в Западную Европу», 1911). В том же году появилась необычная «Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» (А. принадлежит раздел «Новая история»), в к-рой преследовалась цель высмеять казенную науку. «Для авторов был характерен взгляд на историю как на цепь ошибок и недоразумений и несообразностей, как на всемирную комедию» (Козин А. Комментарии // *Ремизов А.* Взвихренная Русь. — Лондон, 1979. — С. 797).

Гл. в довоенном творчестве А. была тема детства. Сб. рассказов А. стали в России 1910-х книгами для семейного чтения: Николай II был, по словам управляющего Царскосельского дворца кн.М.С.Путятина, «большим читателем и почитателем» автора «Зайчиков на стене» (1910) (Камышников Л. А.Т.Аверченко // НРС. — 1925. — 15 мая). Писателю пророчили славное будущее: ему «суждено стать русским Твеном, если... климат этому не помешает» (Полонский В. Смех и горечь // Всеобщ. ежемес. — 1910. — № 7. — С. 98). Значительным событием в творч. биографии А. стали «Рассказы для выздоравливающих» (1912). Осн. их качество — юмор с «крепкими кулаками». В 1913 А. порвал с Корнфельдом в связи с «невозможными условиями работы» (Рус. молва. — 1913. — 19 мая) и начал издавать «Новый Сатирикон». Во время первой мировой войны журн. занял патриотич. и объединительную позицию. В 1915 А. по собств. волеизъявлению отправился на фронт в качестве воен. корреспондента. Он писал о зверствах германцев, о нуждах простого солдата, о процветании преступников-тыловиков. В нач. 1917 в сатире А. обострилась антимонархич. направленность, он приветствовал Февральскую революцию и первые шаги Временного правительства («Как мы это понимаем» // Новый Сатирикон. — 1917. — № 19). А. придерживался умеренно-либеральных взглядов и не принял октябрьский переворот. В «хлопотливом большевике» он разглядел истинную сущность ложного радетеля и «заступника» крестьян, к-рый заставил «нового хозяина» работать на помещичьей

земле «во славу интернационала» («Сказка о хлопотливом большевике» // Новый Сатирикон. — 1917. — № 19. — С. 16). Разочарование в Февральской революции и неприятие Октября произошло потому, что в освободительном движении, по А., не проявилась патриотич. идея («Капли крови» // Новый сатирикон. — 1918. — № 12). Происходящее он сравнивал с «дьявольской интернационалистической кухней, которая чадит на весь мир» (Новый Сатирикон. — 1917. — № 14. — С. 6). А. обратился к новому диктатору, Ленину, со свойственной ему манерой независимого фельетониста: «Черт с ним, с этим социализмом, которого никто не хочет» («Моя симпатия и сочувствие Ленину» // Новый Сатирикон. — 1918. — № 12). После выхода еще 6 номеров «Новый Сатирикон» был закрыт. В конце 1918 на А. за его антибольшевистские настроения была объявлена настоящая охота («Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко» // Зарницы. — Константинополь, 1921 — № 15. — С. 4-5; переизд.: Столица. — 1990. — № 1). Писатель уехал в Москву, затем в Харьков и Киев, где выступал на вечерах юмора. В нач. 1919 А. выехал в Крым. В июне 1919 участвовал в орг-ции свободной печати в Севастополе. Ген. Врангель считал, что в Белом крымском гос-ве «камертон задавала севастопольская пресса... — «Юг России» под редакцией Аркадия Аверченко, газета умеренного направления» (Врангель П.Н. Воспоминания. — М., 1992. — Т. 2. — С. 42). В газ. «Юг» (с марта 1920 — «Юг России»). А. печатал рассказы и фельетоны, к-рые вошли в его лучшие кн. эмигр. периода: «Нечистая сила» (Константинополь, 1921), «Дюжина ножей в спину революции» (Париж, 1921), «Двенадцать портретов» (Париж, 1923). Ведущим жанром в творчестве А. стал портрет в «стиле будуар» — серия изображений первых лиц в Совдепии, представляющая собой «нечто среднее между галереей предков и альбомом карточек антропометрического бюро при сыскном отделении». («Двенадцать портретов». — С. 5). Крым при ген. Врангеле был для А. символом независимости, концом старой и началом новой России: «горе-революция» — разгулявшаяся стихия бандитизма, создала условия для уродливой «новой аристократии». События в России А. сравнивает с «кровавым балаганом». Появившаяся на коротком народном празднике свободы нечистая сила (по А. — III Интернационал), повинуясь призыву: «Палачи всех стран, соединяйтесь!», объединилась и стала гл. действующей силой. Сб. крымских рассказов А. обладает внутренней связью. Автор стремился показать в них «униженных грязной лапой комиссара» («Нечистая сила». — С. 18) беззащитных рус. людей и найти уязвимые места новой власти, подбодрить «белых воинов». Его настроение приобретает особый характер (юмор висельника, человека, изо всех сил борющегося с отчаянием). А. попытался определить меру вины не только власть не удержавших (Керенского и Милюкова), узурпаторов (Ленина и Троцкого), но и всего народа, к-рый допустил «среди себя хулу и унижения Бога». «Неся эту вину, двадцать миллионов... поползли с родных мест неведомо куда, устилая трупами сухой проклятый путь свой» («Двенадцать портретов». — С. 11). Куприн высоко оценивал позднее творчество А.: «Перо его умело наносить и тяжелые беспощадные удары, перенести и забыть которые трудно» (Сегодня. — 1925. — 23 марта). Писатель издавал свои произв. и на Белом Востоке: в Харбине вышли его «Рассказы» (1920), в Шанхае готовилось собр. произв. А. (в 1920 вышел 1-й том).

В Крыму писатель не скрылся «от всевидящего глаза» и «всеслышащих ушей» сов. критики. Обозреватель моск. «Известий» сообщал: «Нагоняет строчки о большевиках Аркадий Аверченко» («В русской Вандее» // Известия. — 1919. — 14 февр.). Яркое впечатление произвела кн. «Дюжина ножей в спину революции» на Ленина (Ленин Н. Талантливая книжка // Правда. — М., 1921. — 22 нояб.). В начале 1920-х А. высмеивал абсурдные стороны «русской коммуны» («Рай на земле» . — Загреб, 1922), уродливые стороны современности («Смешное в страшном». — Берлин 1923). Бытовые стороны «крымской одиссеи» и «врангелевского осадного сидения» получили освещение в кн. «Кипящий котел» (Константинополь, 1922), в к-рой обрисован путь, пройденный рус. изгнанниками. Автор стремился доискаться первопричин поражения русских во времена «Крымской Вандеи». Успехом пользовалась пьеса А. «Игра со смертью», в 1920 поставленная им в т-ре-кабаре «Дом артиста».

15 нояб. 1920 А. вместе с частями врангелевской армии отплыл в Константинополь. «Записки Простодушного» (Константинополь, 1921; М., 1992) повествуют об ожесточении характера рус. беженца в Турции. В первом изд. кн. был подзаголовок: «О нашей жизни, страданиях, приключениях, о том, как мы падали, поднимались и снова падали, о нашей жестокой борьбе и тихих радостях». Гл. герой «Записок» действует среди представителей чужой культуры в переломный для истории момент, когда «вся Россия вывернулась наизнанку и сидит на чемоданах и узлах» («Записки Простодушного». — С. 6). Исключительность положения персонажей сообщает повествованию драматич. характер. В Константинополе А. печатался в рус. еженед. «Зарницы», в к-ром опубликовал серию фельетонов о жизни в сов. России «Пауки в банке» (Зарницы. — 1921. — № 4, 7). Кн. А. выходили в Турции в изд-вах «Новый Сатирикон», «Культура».

В 1922 А. «потянуло в церковнославянские земли». — 13 апр. 1922 он прибыл в Софию, 17 июня через Югославию приехал в Прагу: «Я теперь чувствую себя всюду у себя — Прага ли, Лондон ли или Мельбурн — это все мои летние виллы, в которых я спасаюсь от советской духоты» («Записки Простодушного». — С. 156). О жизни в Праге А. написал новый раздел для «Записок» — «Чехословакия», в к-ром не скрывает своего восхищения гостеприимством и добронравием братьев-славян. Переработанное и доп. изд. вышло в Берлине в 1923 в изд-ве «Север» с подзаголовком: «Я в Европе. Турция — Чехословакия». В Берлине он издал «Пантеон советов молодым людям» (1925), выдержанный в мажорном ключе. Особой популярностью пользовались фельетоны и рассказы А. в Чехии. Мн. его произ. были переведены на чеш. яз. С сент. 1922 А. регулярно печатался в газ. «Prager presse». В числе высокопоставленных поклонников таланта писателя — президент Т.Масарик и премьер-министр Э.Бенеш. А. с успехом гастролировал по Зап. Европе с чтением своих рассказов и постановками пьес. 22 окт. 1922 приехал в Берлин. «В его рассказах последнего периода ... запечатлелась едкая горечь и патриотическая скорбь» (Вл.Л. А.Т.Аверченко // Студенческие годы. — 1925. — № 2. — С. 17). А. публиковался в журн.: «Бич» (Париж), «За рубежом» (Шанхай), в изд-вах: «Рус. дело» (Харбин). «Изд-во Мартенсона» (Шанхай), «Добро» (Варшава), «Пламя» (Прага), «Север» и «Арбат» (Берлин), в газ. «Вечерняя пресса» (Константинополь), «Руль», «Сегодня».

В последние годы жизни писателем овладели ностальгические настроения. Он создал автобиогр. ром. «Шутка мецената» (Прага, 1925) о жизни сатириконского братства. Сатира и юмор в произв. малых жанров имели горький привкус: «Я всегда был против того, чтобы мои книги низводились до степени мягкой перины. Литература должна звать куда-то, будить, тревожить, вызывать разные вопросы и запросы» («Отдых на крапиве». — Варшава, 1924). В планы А. входила поездка в Америку. Перед предполагавшимся выездом он отправил в ведущую рус. газ. США «НРС» рассказ «Сильные и слабые» (напечатан посм. 15 мая 1925).

А. скончался в Пражской гор. больнице в результате болезни сердца. Похоронен в Праге на Ольшанском кладб. Популярность и любовь среди почитателей А. не ослабевала после его смерти: «В отчетах 250 библиотек эмигрантского зарубежья А. стоит на одном из первых мест» (ИР. — 1935 — № 13. — С. 16). Друг А. писатель К.П.Бельговский, размышляя о его творчестве, писал: «Он занял единственное в своем роде место в русской и мировой литературе, сумев в короткий чеканный по стилю и форме веселый рассказ вложить глубокое психологическое содержание» (Студенч. годы. — 1925. — № 2. — С. 17).

Архив А.: РГАЛИ. Ф. 32.

Изд.: Избр. соч. — М., 1927. — Т. 1-2.
Избранное. — Вашингтон, 1961.
Юмористич. рассказы / Предисл. Михайлова О.Н. — М., 1964.
Избр. рассказы / Предисл. Михайлова О.Н. — М., 1985.
Кривые углы / Предисл. Горелова П. — М., 1989.
Бритва в киселе / Предисл. Никоненко С.С. — М., 1990.
Хлопотливая нация. — М., 1992.

Лит.: Пильский П. А.Т.Аверченко // Сегодня. — 1925. — 15 марта.
Тэффи Н. Аркадий Аверченко // Сегодня. — 1925. — 22 марта.

Брешко-Брешковский Н. Над свежей могилой // Русь. — София, 1925. — 25 марта.
Пильский П. Затуманившийся мир. — Рига, 1929.
Левицкий Д.А. А.Аверченко: Жизненный путь. — Вашингтон, 1973.
Евстигнеева Л.А. Рус. сатирич. лит-ра нач. XX в. — М., 1977.
Михайлов О.Н. Веселый смех // Михайлов О.Н. Страницы рус. реализма. — М., 1982.
Тэффи Н. Ностальгия: Рассказы. Воспоминания. — Л., 1989. — С. 269-334.
Богословский Н. Эскизы к биографии // Дружба народов. — 1990. — № 1.
Молохов А.В. А.Аверченко: Страницы творчества. // Россия и совр. мир. — 1995. — № 1.
+ Амфитеатров; Казак; РП-1; Соколов.

О.В.Сергеев

АГЕ́ЕВ М. (Марк Лазаревич (Людвигович, Леонтьевич) Леви) (27.VII (8.VIII).1898, Москва — 5.VIII.1973, Ереван) — прозаик. Сын моск. первой гильдии купца-еврея. Окончил частную г-зию Р.Ф.Креймана в Москве (1912—16). Перешел в евангелич. реформаторское вероисповедание для того, чтобы поступить в ун-т. В 1916 поступил на матем., в след. году перешел на юрид. ф-т Моск. ун-та. В 1918 покинул ун-т, не завершив учебу. С того же года работал в транспортно-мобилизац. отделе ВСНХ, был откомандирован в поезд особоуполномоченного Совета труда и обороны М.К.Владимирова, с к-рым ездил на фронт, где был контужен. В годы НЭПа служил переводчиком в АРКОСе, в 1925 уехал в Германию для изучения технологии окраски мехов. Устроившись на службу в концерне «Эйтингон Шильд», сумел получить парагвайский паспорт и на родину не вернулся. Потеряв работу в 1930, перебрался в Турцию и поселился в Константинополе, где перебивался случайными заработками, пока в 1933 не поступил на работу в книжный магазин франц. фирмы «Ашетт» (занимался распространением рус. и сов. лит-ры). В том же году он прислал в Париж рукоп. своей кн., к-рая была опубликована под назв. «Повесть с кокаином» (подпись М.Агеев): первая часть в «Числах» (1934. — № 10), в журн. «Илл. жизнь» (1934. — № 1-17, март-июнь).

Эта исповедь юноши (вначале гимназиста, потом студента), прожигающего жизнь в предрев. Москве, полна безысходного отчаяния и фатальной обреченности. Рассказчик, умный и наблюдат. человек, откровенно и даже цинично повествует о своих эротич. эскападах и наркомании, с холодной беспощадностью анализируя собств. чувства и мотивы поведения. Нервный и выразит. яз., хорошее знание описываемой среды (ром. явно автобиографичен), умение передать противоречивость человеч. сознания сделали кн. незаурядным явлением рус. прозы XX в. Журнальная публ. ром. и, особенно, отд. изд., выпущенное в 1936 в Париже Издат. коллегией Парижского объединения писателей (под назв. «Роман с кокаином: По зап. больного»), были с восторгом встречены большинством критиков. Отмечая несомненное влияние Достоевского, они характеризовали автора как талантливого и оригин. художника. *Г.Адамович* писал, что «каждая страница отмечена подлинным, несомненным дарованием, — и каждая страница дышит такой правдивостью и болью, что вспоминаются великие имена нашей литературы» (ПН. — 1936. — 3 дек.); *Д.Мережковский*, высоко оценивая «прекрасный, образный язык» ром., считал, что автор «соединяет (в языке, в изобразительности) плотную, по старым образцам вытканную материю бунинского стиля с новейшей блестящей тканью Сирина» (Меч. — 1934. — 5 авг.) (см. также отзывы: *В.Вейдле* — Круг. — 1936. — Кн. 2; *П.Пильского* — Сегодня. — 1934. — 12 июня, 1936. — 10 дек.; Н.Резниковой — Рубеж. — 1937. — № 5). Рецензенты, негативно оценившие ром., критиковали его с прямо противоположных позиций: *В.Ходасевич* полагал, что кн. «оказывается иллюстрацией к прописным истинам», так как «ослабляет и снижает рассказ прямыми рассуждениями и морализированиями, всегда банальными, а подчас и несколько пошловатыми» (В. — 1937. — 9 янв.); для *А.Бема* ром. был примером совр. внеморальной, безоценочной лит-ры, описывающей лишь «клинический случай, который может привести лишь к постановке диагноза болезни, но не в состоянии дать ни-

какого художественного разрешения» (Меч. — 1938. — 7 авг.). Впрочем, оба критика сходились как в акцентировании языковых и стилистич. промахов, «языковой неряшливости» (Бем) кн., так и в признании талантливости автора и его «подкупающей искренности» (Ходасевич).

В 1939 А. предпринял попытку вернуться на родину, но разрешения не получил. В 1942 он был выслан в СССР и поселился в Ереване, где преподавал нем. яз. в ун-те, на каф. иностр. яз. АН Армении и в ин-те иностр. яз.

Помимо ром., с подписью А. был опубл. только небольшой рассказ «Паршивый народ» (Встреча. — 1934. — № 4), посвященный драматич. последствиям гражд. войны, немалое место в к-ром занимала и евр. тема.

Кто скрывался под псевд. А., в 1930-х было не известно, а позднее и сам ром. был забыт. Лишь в 1980-х началось возрождение интереса к кн.: в 1983 в Париже выпущен репринт изд. 1936, вышли пер. на франц., англ., итал. яз., а в 1985 Н.А.Струве выдвинул и подробно обосновал гипотезу, что этот, по его словам, «ром.-загадка» принадлежит *В.Набокову*. И хотя слухи о том, что ром. принадлежит М.Леви, циркулировали и ранее, но документально это было доказано лишь в начале 1990-х.

Изд.: Роман с кокаином. Паршивый народ / Послесл. Струве Н. — М., 1990.

Лит.: Струве Н.А. К разгадке одной лит. тайны: «Роман с кокаином» М.Агеева // ВРХД. — 1985. — № 144.

Струве Н.А. Споры вокруг Набокова и «Роман с кокаином» // ВРХД. — 1986. — № 146.

Волчек Д. Загадочный господин Агеев // Родник. — Рига, 1989. — № 11.

Равдин Б. Об авторе «Роман с кокаином» // Даугава. — 1992. — № 2.

«Был такой писатель Агеев...» / Публ. Суперфина Г.Г. и Сорокиной М.Ю. // Минувшее. — М.; СПб. — 1994. — Вып. 16.

Толстой И.Н. Тропою тропа, или почему не Набоков был автором «Роман с кокаином»// Звезда. — 1995. — № 3.

Струве Н. Еще об авторстве «Романа с кокаином» // ВРХД. — 1995. — № 172.

А.И.Рейтблат

АГНИ́ВЦЕВ Николай Яковлевич (8(20).IV.1888, Москва — 29.X.1932, Москва) — поэт, драматург, дет. писатель. Учился в Петерб. ун-те на ист.-филол. ф-те (не окончил). Печатался с 1908 в журн. «Весна», «Сатирикон», «Новый Сатирикон», а также в «Петерб. газ.», «Биржевых вед.», «Голосе земли». Получил известность среди студенч. молодежи и петерб. богемы благодаря своему муз.-лирич. дарованию. Его стихи исполняли *А.Вертинский* («Баллада о короле»), Н.Ходотов, сам автор выступал со своими мелодекламациями и пьесами в ресторане «Вена». *В.П.Крымов* считал А. «одним из талантливейших поэтов того времени» (Крымов В.П. Из кладовой писателя. — Париж, 1951. — С. 70). А. создал кн. «Студенч. песни» (СПб., 1913), драму «Оживленная баллада: Эпизод в одном действии из войны Алой и Белой Розы», (Пг., 1914); в первую мировую войны выпустил кн. патриотич. стих. и песен «Под звон мечей» (Пг., 1915). В годы революции А. работал в созд. им самим бродячем театре «Би ба бо» (совм. с реж. К.А.Марджановым), впоследствии — «Кривой Джимми». В 1921 гастролировал по югу России. В это время он написал цикл стих., посв. Петербургу («Санкт-Петербург». — Тифлис: Изд. т-ра «Кривой Джимми», 1921).

В 1921 эмигрировал в Берлин. В 1922 янв. номере журн. «Звено. Издание Союза российских студентов», посв. дню студентов и рус. интеллигенции, он поместил стих. «Alma Mater» о Петерб. ун-те. В 1921 издал сб. своих старых и новых стих. «Мои песенки» (Берлин, 1921; Париж, 1980). Жанровая структура сб. многослойна — басни («Слон и муха», «Рассеянный Король»), явно подражательные стих. (преим. в духе *И.Северянина*: «Это было в белом зале», «Очень просто...»), студенч. песни («Король Артур», «Так поется в старой песне»), иронич. песенки на экзотич. мотивы («Ишак и Абдул», «Зулейка»). Особенно интересными представляются стих., запечатлевшие разные лики любви — «Дон Паскуале», «Невероятная история», «Леда и Леди», «Бильбокэ». Несколько диссонансно звучат стихи «Довольно!» (он выразил несвойств. ему раздражение, относящееся к его положению салонного поэта — «Я, как муха в паутине, бьюсь с жужжанием в гостиных...» («Мои песенки». —

Париж, 1980. — С. 65). Брюзжащая интонация в его стихах моментально исчезает в общем иронич. контексте, даже рифмы пронизаны шутливостью: «довольно — безалкогольны», «кофейни — Гейне» (там же). Маленьким шедевром в этом сб. можно назвать стих. «Смерть поэта», в к-ром поэт остается галантным даже по отношению к Смерти, видя в ее образе прежде всего Даму. Его стих. вошли в «Антологию сатиры и юмора» (Берлин, 1922), сб. «Петербург в стихотворениях рус. поэтов» (Берлин, 1923), «Вечера под зеленой лампой» (Берлин, 1922). В Берлине А. продолжил создание кн. о Петербурге («Блистательный Санкт-Петербург: Стихи». — Берлин, 1922; М., 1989). В ней он создал свой образ гражданина мира: «В моем скитанье бесконечном / Я видел все, чем мир дивит...» (там же. — С. 7). Однако чувство одиночества, прежде не характерное для поэта, проявляется здесь с особой силой: «В этой сутолке всемирной — / Один на целый мир вокруг...» (там же. — С. 11). Стих. приобретают здесь монументальную тяжеловесность («Странный город», «Павел I», «Гранитный призрак»). А. удалось создать рельефный лит. ландшафт, одухотворенный ностальгич. переживаниями; Петербург для А. — сказочный город, «взнесенный Словом над Невой» (там же. — С. 13). Он населен тенями некогда живших, ныне живущих и выдуманных людей. Отголоски рев. событий звучат в строках об ист. возмездии Петру I: («Ужель наступит этот час...»). В этом сб. своеобразна муз. орг-ция стих. материала — автор как бы «сцепил» мажорный и минорный лады: тема смерти, разрушения чередуется с темой вечной дружбы («Н.Н.Ходотову»), вечной любви.

Патриотич. тема звучит у А. довольно экстравагантно: в стихотв. сценке «Дама в карете» легкомысленная бравада эмигрантки-модницы, решившей покорить весь мир рус. мехами и драгоценностями из «фамильных сундуков», сменяется искренним чувством любви к родной земле: «Дороже мне поклажи всей / Вот эта ладанка на шее!/В ней персть родной земли моей» (там же. — С. 47).

Особой популярностью в первые годы эмиграции пользовалисль его «Пьесы» (Берлин, 1923), к-рые шли в рус.-герм. т-ре «Синяя птица». Небольшие по размеру, они были предназначены для 2-4 актеров и представляют собой остроумные поэтич. диалоги, песенки-пьесы: шутливые стилизации («Царевна-Несмеяна», «Чудо святого Бен-Али»), пьесы-танцы («Мещанская полька», «Гусарская полька», «Внучек и дедушка» — в ритме вальса), пьесы — игры, в к-рых заняты как люди («Жмурки»), так и игрушки («Фарфоровая любовь», «Аленушка, пастушок и буренушка»). В этом сб. особенно выделяются «картинки московской старины»; они выдержаны в духе эмигр. иронии по отношению к новым порядкам: «Кто в Москву приедет с места, / Всех там тянет к сватовству. / Коль кому нужна невеста — / То пожалуйте в Москву» («Смотрины невест»). Автор определил этот жанр как «водевильный ералаш». Моск. тема окрашена и в тоскливые тона: «В скитаньях наших по чужбине / У нас в душе всегда жива / В Париже, в Лондоне, в Берлине / Золотоглавая Москва» («Пьесы». — С. 93).

В 1923 А. вернулся в Москву, где по его словам, «вновь стал русским» («От пудры до грузовика: Стихи 1916-1922 гг.» — М.; Л., 1926. — С. 7). Выпустил более 20 кн. для детей.

Изд.: Стихотворения. — Сан-Пауло, 1960.
Гранитный барин. — М., 1990.

Лит.: О.(Офросимов Ю.В.): Рец.: «Блистательный Санкт-Петербург» // Новая рус. кн. — 1923. — № 1.
+ РП-1.

О.В.Сергеев

АДАМО́ВИЧ Георгий Викторович (7(19).IV.1892, Москва — 21.II.1972, Ницца) — поэт, лит. критик. Род. в семье военного. Учился во 2-й моск. и 1-й петерб. г-зиях, на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та. Начинал как прозаик: рассказ «Веселые кони» (Голос жизни. — 1915. — № 8). Первый поэтич. сб. — «Облака» (М.; Пг., 1916). В ун-тские годы А. вошел в лит. мир Петербурга, сблизился с Гумилевым, Ахматовой, О.Мандельштамом, *Г.Ивановым*. Стал чл. созданного акмеистами «Цеха поэтов», участвовал в одноим. альм. В 1922 опубл. второй сб. стихов «Чистилище» (Пг.) с посвящением: «памяти Андрея Шенье». Ка-

мерная лирика А. была сосредоточена на мотивах одиночества, тоски, обреченности.

Летом 1923 эмигрировал. На париж. Монпарнасе А. обучал не столько мастерству, сколько умению «сказаться душой», довольствуясь минимумом «простых» и «главных» слов. В 1939 в серии «Рус. поэты» вышел третий сб. А. «На Западе» (Париж). Отход от акмеизма наметился уже в кн. «Чистилище», а в сб. «На Западе» от этой манеры осталась лишь склонность к «литературности», к реминисценциям из стихов других поэтов, из к-рых любимыми были Лермонтов и Анненский. С оценкой сб. выступили *П.Бицилли* (СЗ. — 1939. — № 69. — С. 383-384), *З.Гиппиус* (ПН. — 1939. — 9 марта).

В 1967 вышел четвертый и последний сб. стихов «Единство» (Нью-Йорк) — свидетельство исключит. строгости автора к себе. А. — «скуп и немногословен как поэт, и в этом одно из больших его достоинств. Его тянет к простоте» (*Струве.* — С. 320). В последней кн. стихов «аскетические мотивы и стоицизм», присущие А., «входят в противоречие с другими мотивами — упоением безнадежностью и телесной красотой» (Богословский А.Н. // Человек. — М., 1992. — № 6. — С. 183).

А. был ведущим критиком париж. газ., а затем журн. «Звено» (1923-28), а после его прекращения — газ. «ПН». В итоге А. — критик затмил А.-поэта, став признанным наставником молодых поэтов «парижской ноты».

Г.Струве, признавая А. интересным критиком, отмечал «субъективизм и импрессионизм» его критич. разборов — в них впечатления брали верх над анализом. Сам А. называл себя не критиком, а «эссеистом»; в жанровом отношении его статьи и рецензии — это этюды, силуэты, записки. «В них больше от абсолютного слуха и интуиции, чем от пристального изучения... Но всякую аргументацию, разборы, медленное чтение — это он всегда оставлял в удел литературоведам» (*Чиннов И.* Вспоминая Адамовича // Дальние берега. — М., 1994. — С. 254). Эссеистически-импрессионистич. способы критики формировались в журн. «Звено», каждый номер к-рого открывался «Лит. беседами» А. Здесь складывались характерные для него приемы критич. суждений, получившие название в заголовке его итоговой книги — «Комментарии» (Вашингтон, 1967; сокр.: Знамя. — М., 1990. — № 3). Критик объединял несколько эссе о явлениях совр. ему лит-ры, и каждая из заметок являлась как бы «комментарием» к последующей. Читатель же должен был «уловить» содержащийся в этом «соседстве» контрапункт. А. писал преим. об эмигр. лит-ре, но контекст сов. лит-ры присутствовал. По сути, в «беседах» он уже сформулировал свои осн. мысли, определившие пафос его кн. «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955; СПб., 1993).

В системе критич. мышления А. определяющим было понятие «лиризм». Им он характеризовал степень правдивости, искренности, творчества, и силу дарования поэта или писателя. «Лиризм» высокого качества находил он в пьесе М.Булгакова «Дни Турбиных». В тот момент, когда полагалось видеть только «массы», рассуждал А., именно Булгаков первым из «советских» писателей понял человека как гл. предмет лит-ры: «Испытание революции человеком дало печальные результаты; революция потеряла привлекательность, человек предстал измученным и ослабевшим» (Звено. — 1927. — № 6. — С. 310). Личностный аспект — как синоним понятия «лиризм» — неизменно присутствовал в разборах А. В кн. «Одиночество и свобода» он отмечал, что *Б.Зайцев* существует для него как писатель, «в подлинном, глубинном смысле слова, потому что существует как личность» (С. 196). В суждениях А. о писателях «личностная, или человеческая» новизна была для него важнее «литературной». С этим критерием он подходил тогда к оценке критич. работ *М.Цветаевой*, называя ее «по-настоящему «лиричным критиком», способным в одном чувстве, душевном движении подметить множество спорных подразделений» (Звено. — 1927. — № 2. — С. 68). Гл. тезисом «беседы» о Цветаевой стало убеждение, что только та лит-ра имеет смысл, где «за словом чувствуется человек». И все это А. утверждал, невзирая на язвительную ст. о нем Цветаевой «Поэт о критике» (Благонамеренный. — 1926. — № 2), где она высвечивала непоследовательность его суждений. В «Лит. беседах» проявилось и свойственное А. противоречие между теоретич. формулировками и практикой конкретного анализа произв., однако основ-

ным критерием оставалось «сознание ответственности поэта перед миром за каждое произносимое слово» (Звено. — 1928. — № 2. — С. 71).

Гл. и наиб. последоват. оппонентом А. был *В.Ходасевич*. Началом полемики считают обмен репликами по поводу конкурса на лучшее стих., объявленного весной 1926 журн. «Звено». «Возможность вести спор на высоком уровне с достойным противником обоим явно нравилась» (Коростелев О., Федякин С. Полемика Г.В.Адамовича и В.Ф.Ходасевича (1927-1937) // Рос. литведч. журн. — 1994. — № 4. — С. 206). Самым острым был момент спора о поэзии, к-рый критики вели на страницах ведущих парижск. газ.: «В» (Ходасевич) и «ПН» (Адамович). Полемика возникла в связи с эмигр. (и более узко — «парижской») поэзией, но спор шел, по сути, о «кризисе поэзии». А. видел причину спада поэтич. творчества в кризисе культуры, в разложении личности, и от поэзии, по его мнению, требовалось особенно правдивое и самоуглубленное отражение этих процессов. Лучшими А. считал стихи тех поэтов, к-рые, не заботясь о «мастерстве», о форме, старались с предельной простотой и обнаженностью говорить о том, что их волновало. Критик провозгласил первенство интимной, дневниковой поэзии над «сделанными» произведениями. Суть расхождения А. с Ходасевичем Г.Струве сформулировал так: «С одной стороны, требование от поэзии «человечности»... а с другой — настаивание на мастерстве и поэтической дисциплине...» (Струве. — С. 212). В самый разгар полемики о смысле и назначении поэзии А. приветствовал (как программное) стих. *Ю.Терапиано* «Кто понял, что стихи не мастерство...» А. всегда отталкивался от «формализма», крайностей к-рого не принимал. Вместе с тем он не раз высказывался в защиту формы: «...поэзия есть не только тайнотворчество, но и ремесло» (Звено. — 1928. — № 6. — С. 296); «мастерства чистого внешнего, голого, бездушного не бывает... Великая и подлинная власть над словом всегда соединялась с богатством содержания» (там же. — № 1. — С. 4). В 1939 в париж. сб. «Лит. смотр» А. опубликовал эссе «О самом важном» — он видел это «важное» в проблеме соединения правды слова с правдой чувства. Полемика А. с Ходасевичем разделила лит. эмиграцию на два полюса: «старшие» поддерживали Ходасевича, ратовавшего за овладение поэтич. культурой, за продолжение пушкинской традиции, а молодежь тянулась к А., утверждавшему, что одного «мастерства» недостаточно. В его миропонимании гл. был вопрос «о совместимости красоты и справедливости, т.е. в конечном счете — этики и эстетики», — отмечает В.Крейд (Дальние берега. — С. 248).

А. оставался постоянен в оценке места и роли рус. лит. эмиграции (не разделяя на этот счет глубокого пессимизма Ходасевича). В 1927 А. утверждал: «Россия не есть понятие, которое можно развозить по частям... Язык есть форма духовной жизни народа, он существует только для своего народа» (см.: Терапиано Ю. Встречи. — Нью-Йорк, 1953. — С. 53). В кн. «Одиночество и свобода» он признавал, что понятие творчества в эмиграции искажено не было, духовная энергия на чужой земле не иссякла и когда-нибудь «сама собой включится в наше вечное, общерусское дело» (С.16).

Временами А. ставил сов. лит-ру выше эмигрантской, ибо последняя, писал он, лишена «пафоса общности», к-рый в сов. лит-ре возникает от «вкуса к работе», а также от бодрости, от направления «вперед», взятого Россией («О лит. эмиграции» // СЗ. — 1932. — № 50. — С. 31). После войны А. пришел к приятию сов. режима, к сотрудничеству в течение неск. лет в просов. «Рус. новостях» и к «оправданию» Сталина в кн., написанной для французов («L'autre patrie». — P., 1947. — P. 316, 320).

Последняя кн. А. «Комментарии» объединила его выступления разных лет (в «Числах», «СЗ», «Опытах», «Круге»). В них ставились коренные вопросы его критики: о России и Западе (в итоге их противопоставления предпочтение отдавалось отечеству), о культуре как вечном «заимствовании» и «продолжении», о Боге и христианстве, о неустранимом конфликте между свободой и равенством, об аристократизме красоты и несовместимости ее со справедливостью, о Л.Толстом и Достоевском (об их полярности: первому А. следовал, второго недооценивал, называя «писателем для юношества»), об А.Блоке (строго осужденном за «скифство» в 1922, а затем за это же высоко вознесенном), о Серебря-

ном веке, о декадентстве (его правах и «грехах»). Все это было как бы свободным «философствованием»; А. стремился к «моментальной фотографии мысли» («Комментарии». — С. 80). С этой т.з. критич. стиль А. м.б. сравнен с известной трилогией В.В.Розанова, к-рый тоже пытался фиксировать моменты рождения мысли (Коростелев О. Критич. проза Г.Адамовича // Лит. учеба. — 1991. — № 1. — С. 140). На вопрос — может ли небесная родина заменить земную, А. отвечал отрицательно: «И после всех наших скитаний, без обольщения и слезливости, со свободной памятью, спокойно, уверенно, говорить себе: сладок дым отечества... Не потому, что это — отечество, а потому, что это — Россия» («Комментарии». — С. 5-6).

Мн. ст. А. из «СЗ», «Опытов», «Воздушных путей», «НЖ» перепечатаны в отеч. изданиях; среди них — об *И.Бунине* (Знамя. — 1988. — № 4), А.Ахматовой (Октябрь. — 1989 — № 6), О.Мандельштаме (там же. — 1991. — № 2), М.Зощенко (Дружба народов. — 1993. — № 8), *М.Алданове* (Дальние берега. — М., 1994) и др.

Изд.: Л.Н.Толстой. — Париж, 1960.
Вклад рус. эмиграции в мировую культуру. — Париж, 1961.
О книгах и авторах: Заметки из лит. дневника. — Париж, 1967.
Невозможность поэзии / Вступ. ст. Коростелева О. // Лит. учеба. — М., 1991. — № 1.
Несобранное // ЛО. — 1992. — № 5/6.
Критич. проза / Сост. Коростелева О.А. — М., 1996.
Одиночество и свобода / Сост. Крейда В. — М., 1996.

Лит.: Бунин И. На поучение молодым писателям. // ПН. — 1928. — 2 дек.; то же: Бунин И. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1967. — Т. 9.
Федотов Г.П. О париж. поэзии // Ковчег. — Нью-Йорк, 1942.
Иванов Г. Рец.: «Одиночество и свобода» // НЖ. — 1955. — № 143.
Струве Г. Об Адамовиче-критике // Грани. — 1957. — № 34/35.
Иваск Ю. Памяти Г.В.Адамовича // НЖ. — 1972. — № 106.
Вейдле В. Памяти Адамовича // РМ. — 1972. — 2 марта.
Шмеман А. Прощаясь с Адамовичем // ВРСХД. — 1972. — № 101/102.
Обухов В. «Когда мы в Россию вернемся»; Поэтич. наследие Г.Адамовича. // РМ. — 1996. — 26 февр.
Hagglund R. A vision of unity: Adamovich in exile. — Ann Arbor (Mich.), 1985.
Hagglund R. Georgy Adamovich: An annotated bibliogr. Criticism, poetry a. prose. 1915-1980. — Ann Arbor (Mich.), 1985.
+ Казак; Одоевцева; РЛЗ-2; РП-1; Соколов; Струве; Терапиано; Шаховская.

А.А.Ревякина

АЙХЕНВА́ЛЬД Юлий Исаевич (12(24).I.1872, Балта, Подольская губ. — 17.XII.1928, Берлин) — лит. критик, переводчик. Род. в семье раввина. Окончил Ришельевскую г-зию (Одесса, 1890), ист.-филол. ф-т Новороссийского ун-та (Одесса, 1894). После переезда в Москву в 1895 преподавал в гимназии, ун-те им.А.Л.Шанявского, на Высших ист.-филол. жен. курсах В.А.Полторацкой. Член Пушкинской комиссии Об-ва любителей рос. словесности, секр. журн Моск. психологич. об-ва «Вопросы философии и психологии», театр. обозреватель, чл. ред. (1902-03, 1907-08) «РМ», печатался в «Рус.вед.» (1895-1902).

Лит. имя А. приобрел благодаря своему осн. труду — кн. «Силуэты русских писателей»: (СПб., 1906-10.— Т. 1-3), где во Введении сформулировал гл. положения своего лит.-критич. метода — «принципиального импрессионизма», в основе к-рого отказ от претензий на научность лит-ведч. анализа, утверждение невозможности науки о лит-ре («Искусство недоказуемо; оно лежит по ту сторону всякой аргументации») и ориентация на идеалы Добра и Красоты как на единственно верный критерий эстетич. оценки, в свете чего художник предстает как побеждающий хаос Орфей, как жизнеутверждающее начало, одухотворяющее косную природу. Методу А. отвечал жанр и стиль его работ — лит.-критич. эссе, изобилующие метафорами и афористич. формулировками. Продолжатель филос. традиций нем. романтиков, последователь «философии жизни», А. высказывался о коммуникативно-диалогич. природе иск-ва, о «соав-

торстве» художника и читателя в едином интенционально-миростроительном творч. акте, об активности иск-ва, «опережающего жизнь», «организующего» действительность, а не рабски отражающего ее, о неисчерпаемости «смыслов» худож. произв. А. вел многолетнюю полемику с критиками социологич. ориентации, отстаивая идею «незаинтересованности» иск-ва в решении актуальных общественно-политич. проблем (т.н. «спор о Белинском»).

Органический противник «всякого насилия, через которое его нежная, чуткая душа... не могла перешагнуть» (Гессен И.В. Годы изгнания. — Париж, 1979. — С. 164), А. был непримирим к «большевистской революции и ее насилию над свободным творчеством» (*Струве*. — С. 183). И если в кн. «Наша революция: Ее вожди и ведомые» (М., 1918), написанной до большевистского переворота, он выражает надежду на победу духовного начала в рус. об-ве, с симпатией принимая ряд социалистич. лозунгов того времени, видя в них средство духовно-нравств. освобождения человека, раскрепощения его творч. возможностей, то к нач. 20-х доминантой его работ становятся грусть и боль при виде разрушающейся рус. культуры и «непримиримая, буквально всепоглощающая ненависть к большевикам» (Гессен И.В. — Там же). В сб. «Похвала праздности» (М., 1922) в ст. «Похвала праздности», «Бессмертная пошлость», «Самоубийство», «Искусство и мораль», «Писатель и читатель» А. выступает не столько как лит. критик. сколько как автор филос. этюдов, размышлений на «вечные» темы, утверждая духовную автономию личности, противопоставляя «примитивному материализму» спиритуализм. Рецензируя эту кн., В.Полянский (П.И.Лебедев) писал, что А. — «верный и покорный сын капиталистического общества, твердо блюдущий его символ веры, глубокий индивидуалист» (Под знаменем марксизма. — 1922. — № 4. — С. 104). По поводу его кн. «Поэты и поэтессы» (М., 1922), содержавшей, в частности, панегирич. очерк о Гумилеве, в «Правде» 2 июня 1922 появилась ст. «Диктатура, где твой хлыст?» (подписана криптонимом О; многими, в том числе и самим А., приписывалась Троцкому), где утверждалось, что А. «называет рабочую советскую республику грабительской шайкой», и предлагалось «хлыстом диктатуры заставить Айхенвалдов убраться за черту в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежат по праву...».

В сент. 1922 А. был выслан на «философском корабле» из Петрограда (вместе со мн. учеными и писателями). Он поселился в Берлине и включился в научную и лит. жизнь эмиграции: с дек. 1922 читал курс «Филос. мотивы рус. лит-ры» в Рус. религ.-филос. академии, с 1923 преподавал историю рус. лит-ры в Рус. научном ин-те, часто выступал с лекциями и докладами. В кон. 1922 был среди создателей (наряду с *А.Белым*, *Н.Бердяевым*, *Б.Зайцевым*, *М.Осоргиным*, *А.Ремизовым*, *В.Ходасевичем* и др.) лит. об-ва «Клуб писателей» принимал активное участие в деятельности созданного в 1924 «Кружка друзей рус. лит-ры», проводившего лекции и вечера. Вступил он и в «Союз рус. журналистов и литераторов в Германии».

По приезде в Берлин А. стал сотрудничать в журн. «Новая рус. книга», рижской газ. «Сегодня». Однако осн. его пристанищем стала берлин. газ. «Руль», где А. вел лит.-критич. отдел (часто печатались *А.Амфитеатров*, Г.Ландау, *С.Горный*, *В.Набоков*, *Н.Тэффи*). Вокруг А. группировался кружок берлин. лит. молодежи, среди участников к-рого был Набоков, назвавший А. в своих восп. «человеком мягкой души и твердых правил» (Набоков В. Другие берега. — М., 1989. — С. 138). Осн. вклад А. в культурную жизнь рус. эмиграции — «Лит. заметки», к-рые он на протяжении шести лет еженедельно помещал в «Руле», давая обзоры сов. и эмигрантской лит-ры. А. в эти годы — и как критик, и как публицист — не сменил «вех». Однако в его критич. деятельности существенно усилился акцент на том, что он называл «общественностью», поскольку, как он сам писал, «когда-то пишущему можно было не быть публицистом; теперь этого нельзя. Во все, что ни пишешь... неудержимо вторгается горячий ветер времени, самум событий, эхо своих и чужих страданий» (Руль. — 1923. — 25 февр.). А. полагал, что невозможно эстетич. воспринимать революцию, поскольку «большевизм привел Россию к безмерному несчастью, создал бесконечно много человеческого горя, напитал русскую почву слезами и кровью, уморил голодной смертью миллионы людей...» (Руль. —

1928. — 25 янв.). В стране установилось «равенство нищеты и нищенской культуры», идет борьба с духовностью и религией, у людей отнимают смысл жизни. Резко понизился культурный уровень об-ва, лит-ра задыхается в тисках цензуры. Однако «даже там, где беллетристы хотят присоединиться к казенному хору славословия, они то и дело срываются с голоса, потому что правда громче неправды... Талант органически честен. Он может впадать в бесчестность, но тогда он искажает свою природу и превращается в свою противоположность» (Руль. — 1925. — 8 июля).

А. следил за текущим лит. процессом, поддерживал искренних, правдивых художников (М.М.Зощенко, Вс.В.Иванова, Л.Н.Лунца, Н.С.Тихонова) и резко отрицательно оценивал проявления сервилизма, тенденциозности, насилия писателя над своим талантом в угоду политич. конъюнктуре (В.В.Вересаев. *М.Горький*, В.Маяковский, *А.Н.Толстой*, И.И.Ясинский и др.). Среди эмигрантов он выделял *И.Бунина*, Б.Зайцева, А.Ремизова, *И.Шмелева*, поддерживал лит. молодежь — *М.Алданова*, *Н.Берберову*, *Г.Газданова*, В.Набокова. В эмиграции у А., как и у др. литераторов, проявились ретроспективистские тенденции. Он нередко обращался к мемуарному жанру (под псевд. Б.Каменецкий написал цикл «Дай оглянусь...» // Сегодня. — 1923. — № 226, 271, 279; 1924. — № 9, 31 — о Л.Толстом, Короленко, Чехове, Вл.Соловьеве, Мамине-Сибиряке и др.); «Пуришкевич» (Сегодня. — 1924. — 10 мая), «Лит. заметки» (Руль. — 1925. — 5 авг. — о *Л.Андрееве*), подгот. переизд. (включающие новые очерки) «Силуэты рус. писателей» (Берлин, 1923. — Т. 1-3; 1929; М., 1994). Усилилась ориентация А. на классику: выступал на юбилейных вечерах, часто печатал ст. к годовщинам классиков, подчеркивал, что эмиграция обязана сохранять и развивать культурные традиции, оборванные сов. властью. Для эмигрантской лит-ры, особенно для старшего ее поколения, критич. деятельность А. играла консолидирующую роль, обеспечивая связь с дорев. прошлым, поддержание старой иерархии лит. авторитетов и ценностей. Показательная реакция Бунина на смерть А. (он погиб в результате несчастного случая, попав под трамвай): «Вот и последний... Для кого теперь писать? Младое незнакомое племя... Что мне с ним? Есть какие-то спутники в жизни — он был таким» (ЛН. — М., 1973. — Т. 84. — Кн. 2 — С. 260).

Изд: «Товарищество на пайках» // Час пик. — СПб., 1992. — 17 авг.

Рус. об-во и евреи: Статьи // Вестн. Еврейск. ун-та в Москве. — 1992. — № 1.

Лит.: Некрологи: Руль. — 1928. — 18, 23, 24 дек. (В.Сирин, И.Шмелев и др.); В. — 1928. — 20 дек. (И.Лукаш); ПН. — 1928. — 22 дек. (Б.Элькин); Путь. — 1929. — № 15 (С.Франк).

Матусевич И. Затаенная пламенность: Памяти Ю.И.Айхенвальда // СЗ. — 1929. — № 39.

Ходасевич В. «...я очень слежу за вашими отзывами...»: Письма В.Ф.Ходасевича Ю.И.Айхенвальду // Встречи с прошлым. — М., 1990. — Вып. 7.

Рейтблат А.И. «Подколодный эстет» с «мягкой душой и твердыми правилами»: Ю.Айхенвальд на родине и в эмиграции // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1.

Rejtblat A. Julij Ajchenvald in Berlin // Russische Emigration in Deutschaland. 1918 bis 1941. — Berlin, 1995.

\+ Бахрах; РП-1.

А.В.Дранов, А.И.Рейтблат

АЛДА́НОВ (наст. фамилия: Ландау) Марк Александрович (26.X.(7.XI.).1886, Киев — 25.II.1957, Ницца) — прозаик, драматург, публицист. Сын промышленника, владельца сахарных заводов на Украине. В 1910 окончил Киевский ун-т одновременно по правовому и физико-математич. (отд. химии) ф-там, в первой пол. 1920-х — париж. Коллеж социальных и экономич. наук. Выступив в 1910 в печати с научной работой «Законы распределения вещества между двумя растворителями» («Университетские известия». — Киев), уехал во Францию. В Пг. вернулся в начале первой мировой войны, работал на химич. заводе. Во мн. его произв. герои — химики. В сер. 1930-х испытал творч. кризис, задумал бросить писательское ремесло и вновь посвятить жизнь химии. Этот план осуществлен не был, но А. время от времени выпускал

монографии: «Actionochimie» (Р., 1936), «De la possibilité de nouvelles découvertes en chimie» (Р., 1950).

Как лит-вед дебютировал в 1915: критич. этюд «Толстой и Роллан» (Пг. — Т. 1). Толстой для А. — высший авторитет, а его «Война и мир» — одна из лучших кн. мировой лит-ры. Однако А. отвергает историч. детерминизм Толстого. *Ю.Айхенвальд* писал в рецензии. что А. обнаруживает зрелого и уверенного в себе критика. Рукопись 2-го т. погибла в годы гражданской войны в России. Вторая часть 1-го т. была переизд. в эмиграции (под назв. «Загадка Толстого». — Берлин, 1923).

А. не принял Окт. революции. Свое отношение к ней как к историч. трагедии он выразил в сб. публицистич. отрывков «Армагеддон» (Пг., 1918), к-рый сразу же был изъят большевиками. Осенью 1918 А. отправился в поездку по зап-европ. столицам в качестве секр. делегации ряда запрещенных большевиками партий, объединившихся в Союз возрождения России. Делегация стремилась получить оружие и деньги, но всюду была встречена холодно (очерк А. «Из восп. секретаря одной делегации» // ПН. — 1930. — 20, 26 апр.; 22 мая). В марте 1919 выехал из Одессы через Константинополь за рубеж.

А. стал одним из ред. просуществовавшего только два месяца журн. «Грядущая Россия» (Париж, 1920), затем пост. сотр. журн. «СЗ», где в 1921 было напечатано его первое худож. произв. В этом журн. вплоть до его закрытия в 1940 А. публиковал прозу, а также рец., лит.-критич. ст., очерки. В 1922-24 жил в Берлине, где женился на своей двоюродной сестре Татьяне Марковне, урожд. Зайцевой, редактировал воскресное прил. к газ. «Дни», затем вернулся в Париж. Выступал с очерками и ст. в газ. «ПН», «Дни» (Берлин, затем Париж), «Сегодня», в журн. «РЗ». Выехав в нач. второй мировой войны в США, стал одним из создателей и пост. авторов «НЖ». Регулярно печатался в газ. «НРС». В 1947 снова поселился во Франции, в Ницце. Скончался скоропостижно вскоре после празднования своего 70-летия. Похоронен на кладб. Кокад в Ницце.

Проза А. пользовалась исключит. популярностью. «Я думаю, что вообще в русской литературе Алданов — первый автор исторических романов», — писал *Г.Газданов* (РЗ. — 1938. — № 10 — С. 194). *Б.Зайцев* сообщает, что, получив ром. «Девятое термидора», они с женой разодрали книгу надвое, чтобы читать одновременно. А. — один из немногих писателей-эмигрантов первой волны, кто мог жить исключительно на гонорары и заниматься благотворительностью. Его кн. переведены на 24 яз. Ром. «Начало конца» (под назв. «The fifth seal») был отмечен в 1943 амер. премией Book of the month club. В 1948 British book society премировало его ром. «Истоки» («Before the deluge»). Начиная с 1933 *И.Бунин* ежегодно выставлял кандидатуру А. на Нобелевскую пр. Известность А. принесла его пов. «Святая Елена, маленький остров» (СЗ. — 1921. — № 3-4; отд. изд.: Берлин, 1923). Печальный рассказ о последних днях великого человека перемежался иронич. сценами и филос. раздумьями о скоротечности мирской славы, об иронии судьбы. Через все последующее творчество А. проходят заявленные в этой пов. темы громадной роли в истории случая, «повторяемости» событий, когда в отдаленном прошлом удается разглядеть приметы настоящего.

«Мыслитель» (по им. одной из химер собора Парижской Богоматери) — название тетралогии, где «Святая Елена, маленький остров» стала заключит. частью. Работа над ром. «Девятое термидора» (СЗ. — 1921. — № 7—8; 1922. — № 9, 11, 13; отд. изд.: Берлин, 1923), «Чертов мост» (отрывки: СЗ. — 1924. — № 21; 1925. — № 23, 25; отд. изд.: Берлин, 1925), «Заговор» (СЗ. — 1926. — № 28, 29; 1927. — № 30, 31; отд. изд.: Берлин, 1927) продолжалась с 1921 по 1927. А. создал галерею ист. портретов: Екатерина П, Павел I, Александр 1, Суворов, Безбородко, Воронцов, Робеспьер, Баррас, Талейран, Питт, Нельсон, Гамильтон... От эпохи франц. революции А. перешел к эпохе рус. революции 1917, обратившись к теме судеб рус. интеллигенции в трилогии: «Ключ» (СЗ. — 1928. — № 35, 36; 1929. — № 38-40; отд. изд.: Берлин, 1930). «Бегство» (СЗ. — 1930. — № 43, 44; 1931. — № 45, 46; отд. изд.: Берлин, 1932). «Пещера» (СЗ. — 1932. — № 50; 1933. — № 51; 1934. — № 54-56; 1935. — № 57; отд. изд.: Т. 1. — Берлин, 1934; Т. 2. — Берлин, 1936). Замысел трилогии раскрыт в авторском предисл. к «Бегству»: показать,

как «на фоне перешедших в историю событий только проявляются характеры людей». В трилогии действуют вымышленные персонажи. «Ключ» — нравств. счет современникам-интеллигентам, допустившим трагедию 1917. А. обвинял их в своекорыстии и безразличии к судьбам страны. В «Бегстве» те же персонажи выведены с большей симпатией: под воздействием увиденного в ходе революции в них пробуждается гражд. начало, они вступают в борьбу против торжествующего зла. В «Пещере» это эмигранты, несчастные и страдающие. Трилогию «Ключ» — «Бегство» — «Пещера» критика рус. зарубежья противопоставляла трилогии *А.Толстого* «Хождение по мукам», утверждая, что А. правдивее и историчнее. На «Пещеру» рец. написал *В.Набоков*, определив в ней характерную черту прозы А.: «Усмешка создателя образует душу создания» (СЗ. — 1936. — № 61. — С. 470).

Замысел А. состоял в том, чтобы тетралогию «Мыслитель», трилогию «Ключ» — «Бегство» — «Пещера», пов. «Десятая симфония» (отрывки: ПН. — 1930. — 28 сент., 2 окт.; 1931. — 1, 7 янв.; отд. изд.: Париж, 1931; перепеч.: Октябрь. — 1992. — № 12) положить в основу единой большой серии ром. и пов., охватывающих двести лет истории. Гл. тема серии — войны и революции. Каждая кн. самостоятельна, хотя их связывают общие действ. лица (или предки и потомки). Воплощению этого замысла А. посвятил почти всю свою жизнь: к восьми ранее написанным произв. в последующие 20 лет добавились еще восемь. Серия — уникальный по масштабности ист. цикл. По времени действия ее открывает филос. пов. «Пуншевая водка» (РЗ. — 1938. — № 7-9; отд. изд.: Париж, 1940), где речь идет о воцарении Екатерины II; среди персонажей — Ломоносов и Миних. А. своеобразно возобновляет вольтеровскую традицию филос. повести, называя свои произв. «сказками» в особом значении: «отрывочность, сухость психологического рисунка и подчинение всего основной идее» («Истоки» — М., 1991. — Т. 2. — С. 501). В последовавшей за ней «сказке о мудрости» «Могила воина» (РЗ. — 1939. — № 13, 15, 16) изображена греч. эпопея Байрона. К «сказкам» примыкают пов. «Десятая симфония», где действуют граф Ан.К.Разумовский, Бетховен и франц. миниатюрист Ж.-Б.Изабе и «Пов. о смерти» (отрывки: НРС. — 1950. — 9, 10 апр., 3-5,8 авг., 25, 26 окт.; НЖ. — 1952. — № 28-33; отд. изд.: Франкфурт-на-М., 1969). в к-рой изображены революция 1848 и последние годы жизни Бальзака. В канун второй мировой войны А. работал на ром. «Начало конца», где показана гражданская война в Испании. Герои — стареющие люди, многого добившиеся в жизни, но разочарованные, усталые. Горечь замысла контрастирует с острой уголовной интригой, пародирующей «Преступление и наказание» Достоевского: 1-й т. (СЗ. — 1936. — № 62; 1937. — № 63, 65; 1938. — № 66; отд. изд.: Париж, 1939); 2-й т. (СЗ. — 1939. — № 68-69; 1940; — № 70; НЖ. — 1942. — № 2 («Командировка Тамарина»), № 3 («Реквием»). Полная рукоп. ром. хранится в Бахметевском архиве Колумбийского ун-та, США).

В годы войны и в первые послевоен. годы А. создал лучший из своих ром. «Истоки» (отрывки: НЖ. — 1943. — № 4,6; 1944. — № 7, 9; 1945. — № 10, 11; 1946. — № 12, 13; отд. изд.: Париж, 1950). По отзыву Бунина, как сообщает мемуарист *А.Бахрах*, под изображением Александра II в этом ром. «не отказался бы поставить свою подпись сам Лев Николаевич» (НЖ. — 1977. — № 126. — С. 158-9). А. рисует заключит. годы царствования Александра II, создает широкое полотно рус. жизни, образы революционеров и приверженцев престола, политиков, писателей, интеллигентов. Важное место отведено диалогам на политико-филос. темы. Центр. мысль А. — убеждение в том, что в 1870-е перед Россией открывалась последняя возможность мирного, безболезненного развития, и оно могло стать сказочным благодаря размерам и мощи страны, богатству ее ресурсов, в особенности же благодаря одаренности рус. народа; то, что этого не произошло, «даже не русская трагедия, а мировая». (Собр. соч. — М., 1991. — Т. 5. — С. 290).

К «Истокам» примыкает последний ром. А. «Самоубийство», публ. к-рого в газ. НРС (1956. — 11 дек. — 1957. — 2 мая; отд. изд.: Нью-Йорк, 1958) была завершена уже после смерти автора. В ром. воссозданы эпизоды подготовки революции в России и события первых послерев. лет, в центре,

впервые в прозе рус. зарубежья, образ Ленина. По А., революция не оправдала возлагавшихся на нее надежд, привела к порядку вещей, худшему, чем был до нее. В замысле перехода к утопич. справедливому об-ву через насилие А. усматривал нравственный изъян, зародыш будущей трагедии. В последние годы жизни А. написал ром. «Живи как хочешь» (отрывки: НРС. — 1949. — 1, 3, 7 окт.; 1951. — 10, 11 февр.; 10, 11 июня; отд. изд.: Нью-Йорк, 1952), где исследуется внутр. мир рус. писателя-эмигранта, и «Бред» (отрывки: НЖ. — 1954. — № 38, 39; 1955. — № 40-42; 1957. — № 48) — политич. детектив, заканчивающийся сценой нар. восстания в Вост. Берлине в 1953.

А. писал также пьесы. В 1937 рус. труппами в Париже и Праге была поставлена его драма «Линия Брунгильды» (РЗ. — 1937. — № 1; отд. изд.: «Бельведерский торс. Линия Брунгильды». — Париж, 1938). В ром. «Живи как хочешь» включены две вставные комедии, приписанные перу гл. героя — «Рыцари свободы», действие к-рой происходит в дни смерти Наполеона, и «The lie detector», воспроизводящая события нашего времени и древнюю легенду об изобретении фарфора. Связь времен — гл. тема А. Он — мастер публицистики. Его излюбл. жанр — портретный очерк. Нек-рые очерки, посв. людям кон. XVIII — нач. XIX в. и совр. политич. деятелям, составляют документальный мат-л к тетралогии «Мыслитель» и трилогии «Ключ» — «Бегство» — «Пещера». А. писал о преступниках, шпионах, заговорах, покушениях, об Азефе, Мата Хари, об убийствах Урицкого и президента Франции Карно. Он писал о Гитлере и Сталине задолго до того, как миру раскрылась сущность обоих диктаторов, и дал им оправдавшуюся впоследствии оценку («О Сталине и Троцком» // Сегодня. — 1927. — 28, 29 дек.). В кон. очерка «Гитлер» (ПН. — 1932. — 12, 13, 17 янв.) звучит пророческая фраза: «И не сегодня-завтра он, чего доброго, подожжет мир». Жанр очерка давал писателю возможность раскрыть свое дарование аналитика, отвечал склонности А. к политико-филос. афоризмам. Очерки А. частично собраны в его кн. «Современники» (Берлин, 1928; 2-е изд., доп.: Берлин, 1932), «Портреты» (Берлин, 1931), «Земля, люди» (Берлин, 1932), «Юность Павла Строганова и др. характеристики» (Белград, 1934), «Портреты». — Т. 2 (Париж, 1936).

В нач. второй мировой войны, переехав в США, А. обратился к новому для себя жанру — остросюжетному политич. рассказу. Темами служили эпизоды жизни гос. деятелей: Черчилля («Микрофон» // Ковчег: Сб. рус. зарубеж. лит. — Нью-Йорк, 1942), Муссолини («Номер 14» // НРС. — 1948. — 4-7 янв.). В рассказе «Фельдмаршал», написанном в 1941 (НЖ. — 1942. — № 1), угадан дальнейший ход воен. действий, заговор 20 июля 1944. При этом А. оставался убежден в непредсказуемости ист. событий.

Особое место в творчестве А. занимает сб. ист.-филос. диалогов «Ульмская ночь: Философия случая» (Нью-Йорк, 1953). А. отрицает прогресс, поступат. развитие об-ва: «Пулемет заменил пищаль, вот и весь прогресс с XVI в.» Размышляя о причинах, по к-рым кн. А. оставались недоступными для отечеств. читателя, *Ю.Терапиано* писал: «Он посягает на прекрасную мечту большевистской доктрины о необходимости построения земного рая, ниспровергая всяческий детерминизм и возвращая человека, в смысле представления о его возможностях, к самой трезвой мере, говоря о суете всех формул и рецептов спасения мира, а главное — о том, что человек — не титан, не хозяин жизни...» (РМ. — 1957. — 9 марта). В 1992 Рос. междунар. фонд культуры приобрел парижскую часть архива А.

Изд.: Собр. соч.: В 6 т. / Сост., вступ. ст., комм. Чернышева А. — М., 1991-94. — Т. 1-6; М., 1994-96. — Кн. 1-6.
Девятое термидора. — Чертов мост. — Заговор. — Св. Елена, маленький остров / Предисл. Романенко А. — М., 1989.
Истоки: Избр. произв.: В 2 т. / Сост., послесл. Чернышева А. — М., 1991. — Т. 1-2.
Повесть о смерти. — М.., 1991.
Святая Елена, маленький остров. — Убийство Урицкого. — М., 1991.
М.А.Алданов-критик / Публ. Чернышева А. // ЛО. — 1994. — № 7/8.
«Как редко теперь пишу по-русски...» (Из переписки В.В.Набокова и М.А.Алданова) // Октябрь. — 1996. — № 1.
«Этому человеку я верю больше всех на свете» (Из переписки И.А.Бунина и

М.А.Алданова) // Октябрь. — 1996. — № 3.

Лит.: Седых А. У М.А.Алданова // Звено. — 1925. — 23 марта.
Слоним М. Романы Алданова // Воля России. — 1925. — № 6.
Седых А. Встреча с Алдановым // Сегодня. — 1926. — 7 марта.
Осоргин М. Рец.: «Заговор» // СЗ. — 1927. — № 33.
Седых А. М.А.Алданов о себе и о других // Сегодня. — 1927. — 18 сент.
Вейдле В. Рец.: «Бегство». — «Земля, люди» // СЗ. — 1932. — № 48, 50.
Жебри А. Ницца. Беседа с М.А.Алдановым // НРС. — 1956. — 9 окт.
Карпович М.М. Алданов в истории // НЖ. — 1956. — № 47.
Сабанеев Л.Л. Мои встречи с Алдановым // НРС. — 1957. — 21 мая; 2; 9 июня.
Адамович Г. Мои встречи с Алдановым // НЖ. — 1960. — № 60; перепеч.: Соврем. драматургия. — 1991. — № 1.
Сабанеев Л.Л. М.А.Алданов: (К 75-летию со дня рождния) // НРС. — 1961. — 1 окт.
Грин М.Э. Письма М.А.Алданова к И.А. и В.Н.Буниным // НЖ. — 1965. — № 80, 81.
Газданов Г. Загадка Алданова // РМ. — 1967. — 15 апр.
Струве Г. Из моей переписки с писателями: Письма Г.В.Иванова, М.И.Цветаевой, М.А.Алданова // Мосты. — 1968. — № 13/14.
Зайцев Б. М.А.Алданов // Зайцев Б. Мои современники. — Лондон, 1988.
Чернышев А. Свободный в выборе // ЛГ. — 1989. — 19 июля.
Grabowska Y. The problem of historical destiny in the works of M.Aldanov. — Toronto, 1969.
Lee C.N. The novels of M.A.Aldanov. — The Hague; Paris, 1969.
Cristesco D., Cristesco H. Bibiliographie des oeuvres de Marc Aldanov / Introd. de Slonim M. — P., 1976.
Setschkareff V. Der Schriftsteller als Literaturkritiker: Tolstoj u. Dostoevskij im Werk Aldanovs // Ztschr. für slavische Philologie. — Heidelberg, 1986. — Bd 46.
+ Амфитеатров; Бахрах; Казак; Полторацкий; Седых; Струве.

А.А.Чернышев

АЛЕКСЕ́ЕВ Глеб Васильевич (наст. фамилия — Чарноцкий, 6(18).VI. 1892, Москва — 1938) — прозаик, критик. Отец — учитель, долгие годы служил бухгалтером в приюте для сирот. Первый рассказ напечатал в журн. «Копейка» (1909. — 7 июня). В 1910 был ред. газ. в Твери, а с 1912 пом. ред. провинц. отдела газ. «Рус. слово». В годы первой мировой войны ушел на фронт, служил в авиации. «Война мотала меня по Галиции, по Румынии, по бестолковым российским тылам», — писал А. в автобиогр. (Писатели. Автобиогр. и портреты совр. рус. прозаиков. — М., 1928. — С. 15). Во время одного из полетов потерпел аварию, был ранен. Революция застала А. на фронте. Гражд. война занесла его на юг, в Новороссийск. Заболел сыпным тифом и в 1920 был вывезен из Одессы в Константинополь. Нек-рое время жил в Югославии, где работал на виноградниках. Переехал в Берлин, где стал работать в Книгоизд-ве писателей. В эти годы знакомится с *А.Толстым* и *М.Горьким*. В эмиграции издал кн. «Земля пробуждается. Очерки революционной деревни» (Берлин, 1921), «Живая тупь и др. рассказы» (Берлин, 1922), «Бабьи посиделки: Укр. нар. сказки» (Берлин, 1922), «Живые встречи» (Берлин, 1923) и др. Печатался в журн. «Жар-птица», «Сполохи», «Театр и жизнь», «Новая рус. книга», сб. «Одиссея» и др. Кроме отдельных рассказов и очерков, А. напечатал повесть из жизни эмиграции «Мертвый бег» (Берлин, 1923), о которой один критик писал: «Невылазной, томительной, засасывающей тоской веет со страниц этой книги», приписывая это не столько автору, сколько его сюжету: книга была о буднях беженской лагерной жизни. Повесть Алексеева — натуралистическое сырье, «человеческий документ» скорее, чем литература. Ничего крупного Алексеев в эмиграции больше не написал, но в советской литературе, из которой он, в отличие от *Дроздова*, довольно быстро исчез, после него остались не лишенные интереса вещи» (*Струве*. — С. 177).

В ноябр. 1923 вернулся в Россию. Были изданы его кн.: «Иные глаза: Рассказы». (М., 1926); «Шуба: Повести» (Харьков, 1927); «Горькое яблоко: Рассказы» (М., 1928); «Тени стоящего впереди: Ром.» (М., 1928) и др. В 1938 А. был арестован.

Изд.: Роза ветров.— СПб.; М., 1976.
Подземная Москва: Ром. — М., 1991.

Лит.: Бахрах А. Рец.: «Мертвый бег» // Новая рус. книга. — 1923. — № 2.
П. Рец.: «Мертвый бег» // Накануне. Лит. прил. — 1923. — 1 апр.
+ Рус. Берлин

В.П.Нечаев

АЛЫ́МОВ Сергей Яковлевич (24.III (5.IV).1892, с.Славгород, Ахтырский уезд, Харьковская губ. — 20.IV.1948, Москва) — поэт. Отец — крестьянин (ум. в 1900), мать — учительница (ум. в 1940). Учился в харьк. коммерч. уч-ще, из к-рого исключен в 1908 за орг-цию «забастовки» учащихся. Занимался рев. деятельностью. В февр. 1910 арестован, в марте 1911 приговорен к каторге за принадлежность к группе анархистов-коммунистов. Ввиду несовершеннолетия каторга была заменена вечной ссылкой. Из Канского уезда Енисейской губ., куда был отправлен летом 1911, осенью бежал через Китай в Японию. Оттуда вместе с женой Верой Дятловицкой, учительницей рус. яз. у японцев, отправляется в Шанхай, а затем в Австралию (Брисбен). В эмиграции начал заниматься лит. деятельностью, вступил в Союз рус. эмигрантов. «Был грузчиком, землекопом, лесорубом, работал на скотобойнях, рыбачил, резал сахарный тростник, изучал в университете Шекспира, занимался архитектурой и сотрудничал в русском и английском языке», — писал он в автобиографии (РГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1). Посылал корреспонденции в «Рус. ведомости» и др. газ. России. А. писал матери 23 мая 1913: «Воистину осуществление уничтожает всю красоту и поэзию задуманного! Добрая половина социалистической программы, осуществленная здесь, совсем не кажется таким медом, как это расписывается в соответствующих книгах. А всем поборникам 8-часового (рабочего) дня я посоветовал бы поработать в Австралии на лопате несколько недель — чтобы они испытали на своей шкуре — чем может стать 8-час. рабочий день при надлежащей (?!) постановке дела...» И чуть позднее в связи с описанием демократических выборов: «Все, о чем мечтают социалисты, здесь осуществлено, но мерзость еще худшая, чем где бы то ни было...» (2 июня 1913) (РГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 2. Ед. хр. 70. Л. 26).

В июле 1917 он выехал в Китай, посещал Филиппины, Гонконг, Корею и Японию, о-ва Тихого и Индийского океанов. С 1917 по 1926 жил в Харбине, где они вместе с Николаем Устряловым выпускали лит.-худож. ежемес. «Окно» (вышли номера 1-2 за 1920). В 1919 он писал родным: «Я теперь поэт, известный всему Дальнему Востоку (л. 33). Его стихи исполнялись под муз. сопровождение и пелись в кафе и др. местах встречи эмигрантов.

В 1920 в Харбине была издана кн. стихов «Киоск нежности: Стихи», содержащая гл. обр. любовную лирику. В качестве изд-ва обозначено «Окно»; по-видимому, издание было задумано как прил. к журналу. Обложку сб. оформил художник Николай Гущин. Тираж 1200 экз., из них 75 — в переплетах из кит. и япон. парчи. Цикл «Разбрызг» посвящен Дюла Талош, «самому тонкому эротику после Бердслея». Автор подчеркнул столкновение (или синтез) восточной и зап-европ. традиции, графически изящной утонченности и метафорич. избыточности. Отношение поэта к женщине — романтическое, «грезовое», образы и ситуации окружены ореолом вымысла, что придает многим эротич. стихам почти что целомудренное звучание. Легкая любовная лирика, изысканно-салонные, иногда пряные стихи, как правило, прозрачно грустны, сияют хрустальной свежестью, при некоторой артистич. манерности — искренностью. Сб. посвящен прекрасной «Генри», «чьи смарагдовые тенета» поэт с нежностью благословляет. *Северянинские* «грезо-фарсы», стилизованные баллады в духе акмеистов, печально-изящные «панельные» колыбельные и «молитвы», «акафисты» прекрасным женщинам исполнены чарующей прелести, многие тексты отличаются эстетич. свободой, независимостью от предшественников. Ритмическое, интонац. многообразие, совершенное владение всеми традиц. размерами, яркая изобразительность — при отдельных сбоях и шероховатостях — выдают в авторе оригинального поэта со своим неповторимым почерком. Наиболее удачны женские портреты. Привлекателен образ лирич. лица, подчинившего жизнь служению красоте, его формулы любви: «Тебя моноклем вставив в душу, / Смотрю на мир сквозь

изумруд». Или: «И даже если ты несчастье, ты все ж единственное счастье, / И раб, лежащий пред тобою, я — овладевший миром царь!» (с. 94). Сб. завершает поэма «Облака». Возвышенно-прозрачный музыкальный строй в духе *Андрея Белого* не заводит, однако, в бездны символистской отвлеченности. В 1921 А. был чл. президиума Владивостокского отд. Пролеткульта. В том же году в Харбине вышел сб. его стихов «Оклик мира», включающий «космические» пролетарские стихи, по-брюсовски чеканные, прославляющие «Совдепию», — будто нарочно провоцирующие усмешки полит. противников. Рисунки художника В.Пальмова в авангардист. стиле также имеют оттенок карикатурности.

В 1926 возвратился из эмиграции в Москву. Публиковал произв. на темы китайской жизни: рассказ «В атласной темнице» (М.; Л., 1928), роман «Нанкин-род» (Харьков, 1929). Был в заключении в Соловках.

Известен как поэт-песенник, автор песен «Вася-Василек», «Соленая вода», «Тульская винтовочка», «Россия» (с припевом «Светит солнышко / На небе ясное...»), «Хороши весной в саду цветочки», «Бейте с неба, самолеты». Сотрудничал с композиторами А.В.Александровым (с 1928 писал песни для Краснознаменного ансамбля «Песни и пляски»), И.Дунаевским, М.Блантером, Б.Мокроусовым и др. В 1940-45 служил в Гл. политуправлении Военно-Мор. флота.

Изд.: Стихи и песни. — М., 1953.

Лит.: О-ва А. Рец.: «Киоск нежности» // Рус. обзор. — 1921. — №186.

Л.Ф.Алексеева

АМАРИ — См. Цетлин М.О.

АМИНА́ДО — см. Дон-Аминадо

АМФИТЕА́ТРОВ Александр Валентинович (14(26).XII.1862, Калуга — 26.II.1938, Леванто, Италия) — прозаик, драматург и критик. Отец — протоиерей, впоследствии — настоятель архангельского собора Моск. Кремля. В 1880 окончил 6-ю моск. г-зию, в 1885 — юрид. ф-т Моск. ун-та, готовился к сценич. карьере в опере, пел в театрах Тифлиса и Казани. Первые стихи А. появились в «Пчеле» 17 мая 1878. В 1882-86 сотрудничал в петерб. юмористич. журн. «Будильник» и «Осколки». Первая пов. — «Алимовская кровь» (Рус. вед. — 1884. — 24, 25 и 27 окт.). Живя в Италии, А. в 1886-87 стал корр. рус. газет в Милане, в 1889-91 сотрудничал в тифлис. «Новом обозр.», в 1892 — в газ. «Каспий» (Баку), с 1891 по 1899 под псевд. Old Gentlman в «Новом времени» (СПб.), где стал воскресным фельетонистом. В 1890-х вышли ром. «Людмила Верховская» (М., 1890), сб. рассказов «Оборванные струны» (М., 1895), «Психопаты» (М., 1893), драмы «Отравленная совесть» (СПб., 1896), «Полоцкое разорение» (М., 1892). В 1899 А. совм. с В.Дорошевичем основал газ. «Россия», где 13 янв. 1902 опубл. фельетон «Господа Обмановы», высмеивающий правящую династию. За это в том же году был сослан в Минусинск, затем в Вологду. В конце 1904 выехал за границу, в Париже в 1906-07 издавал журн. «Красное знамя». Живя в Италии с 1906 по 1916, А. работал над многотомными ист. романами «Восьмидесятники» (СПб., 1907. — Т. 1-2), «Девятидесятники» (СПб., 1910-11. — Т. 1-2), «Закат старого века» (СПб., 1910. — Т. 1-2), «Дрогнувшая ночь» (СПб., 1914), предполагая объединить их в хронику о судьбах рус. об-ва 1880-1910 под общим загл. «Концы и начала». Из др. многотомной серии — «Сумерки божков» — вместо 12 томов вышли два: «Серебряная фея» (СПб., 1909) и «Крестьянская война» (СПб., 1910). Посв. проблемам женской эмансипации романы «Виктория Павловна» (СПб., 1903), «Марья Лусьева» (1903) и их продолжения отмечены печатью сенсационности. Более значительно ист. соч. из жизни Рима эпохи Нерона «Зверь из бездны» (СПб., 1911-14. — Т. 1-4). С 1911 в СПб. начало выходить собр. соч. А. в 37 тт. (вышло 34 кн.), включавшее в себя помимо худож. произв. сб. ст., восп. и фельетонов. Кн. А. пользовались большой популярностью среди массового читателя, занимая, по данным отчета библиотечной выставки за 1911, второе место в России после А.Вербицкой. Вернувшись в Россию в 1916, А. сотрудничал в газ. «Рус. воля» (Пг.), выражая «яропатриотическую позицию» (РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2.

№ 158). Февр. рев. А. застал в ссылке в Иркутске.

Окт. переворот писатель встретил враждебно, определив его как «лавину ужасов и мерзостей». («Вчерашние предки». — Новый Сад, 1928. — Т. 1. — С. 6). Живя в Петрограде, он пишет пьесы «Аввакум» (Сполохи. — 1921. — № 2) и «Василий Буслаев» (Берлин; Ревель, 1922), делает пер. для изд-ва «Всемирная лит-ра». А. подвергался арестам: «трижды арестованный, основательно познал прелести узилищ Чрезвычайки» («Горестные заметы». — Берлин, 1922. — С. 3). Взгляды А. на происходящее изложены в его речи на банкете по случаю приезда Г.Уэллса (там же. — С. 70-72) и в ст. «Ленин и Горький» (РГАЛИ. Ф. 34, Оп. 2). Опасность нового ареста заставила А. эмигрировать: 23 авг. 1921 вместе с семьей он на лодке бежал в Финляндию («То, чего нельзя выдумать» // За свободу! — 1922. — 1 марта). После недолгого пребывания в Праге поселился в Италии (Леванто), продолжая, по свидет-ву сына, всю жизнь быть «ожесточеннейшим врагом Советской власти» (РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. № 158).

Из драматич. произв., вышедших в первые годы эмиграции, выделяется пьеса «Василий Буслаев», написанная по совету *М.Горького* для серии «Всемирная лит-ра». Критич. оценивая ее «литературность», А.Блок писал: «...все изрядно упрятано в литературу, сглажено, как у *Ал.Толстого* (или Римского-Корсакова), отчего эта самая русская мордобойная «правда» выходит немного слащавой, книжной, даже... газетной. Есть, однако, и живые слова и та сочность, которая свойственна А. всегда» (ЛН. — 1988. — Т. 95. — С. 55). М.Горький похвалил драму: «Хорошая вещь. Я полагаю — лучшее из всего когда-нибудь сочиненного Амфитеатровым» (Горький М. Полн. собр. соч. — М., 1972. — Т. 13. — С. 564).

За рубежом А. сотрудничал в берлинских, парижских, шанхайских изд. (журн. «Сполохи», «Перезвоны», «ИР», «Слово» и др.), был пост. автором газ. «В», поддерживал монархич. орг-цию «Братство рус. правды» (Красная газета. — 1925. — 2 сент. — Веч. вып.). Сб. А. «Зачарованная степь» (Ревель, 1921) объединил одноим. пов., написанную в 1918, и четыре новых рассказа из цикла «Бабы и дамы». В рец. на этот сб. Ф.Иванов отметил «размашистый, от избытка щедрый, льющийся амфитеатровский язык» (Сполохи. — 1922. — № 5. — С. 38). В сб. «На заре» (Берлин, 1922) и «Мечта» (Берлин, 1922) вошли рассказы, ранее издававшиеся в России.

Творчество А. 1920-х отмечено, как и прежде, устойчивым интересом к историч. хроникам, к-рые продолжают и развивают темы его дорев. произв. Хроника «Сестры» (Берлин, 1922-23. — Т. 1-2) была начата в канун революции 1917. В предисл. ко второму изд. первого тома («Гнездо») А. определил происшедшее в России как ист. катастрофу, к-рая заставила рус. лит-ру заснуть летаргическим сном и замолкнуть. «Молнии Октябрьской революции осветили нам как был тонок, жидок и непрочен столь блистательный с поверхности слой нашей русской культуры и как мало дорожили им бездонные народные глубины» («Гнездо». — Прага, 1922. — С. 13). В основе хроники лежит мат-л семейного архива оперной певицы М.П.Урошевич. Используя «человеческие документы», А. почти не прибегает к вымыслу, тем не менее романтич. повествование часто берет верх над хроникой. Манера письма напоминает насыщенную бытовыми деталями канву таких произв., как «Восьмидесятники» и «Виктория Павловна». Однако А. пытается осмыслить опыт последнего десятилетия, объясняя «социально-политическое безобразие русской коммуны» крахом старой культуры, рухнувшей под напором «извечной азиатчины» (там же).

В кн. А. «Горестные заметки: Очерки красного Петрограда» (Берлин, 1922) собраны ст., написанные в сент.-окт. 1921 в Финляндии и печатавшиеся в газ. «Новая рус. жизнь» (Гельсингфорс). Дневниковые записи, близкие по духу «Окаянным дням» *И.Бунина*, сочетаются в ней с публицистикой, напоминающей «Несвоевременные мысли» М.Горького. А. выступает не только как летописец эпохи красного Петрограда («Повесть о великой разрухе»), но и как непримиримый враг нового строя («Вымирающий Петроград», «Н.Гумилев», «Воззвание М.Горького», «Выборг и Питер» и др.). Продолжая публицистич. деятельность и в последующие годы, А. все больше погружается в прошлое, пытается завершить работу над кн. «Соломония бесноватая» (этюд «Лешие сказки») // Злато-

цвет. — Прага, 1924. — № 22-30). Выходят ром. А.: «Без сердца» (Берлин, 1922) и «Скиталица» (Берлин, 1922).

Из произв. А. конца 1920-х — нач. 1930-х выделяется ром. «Вчерашние предки» (Т. 1. — Новый Сад, 1928; т. 2. — Белград, 1931) (отрывок в журн.: Перезвоны. — 1927. — № 28). Задуманный как пятая часть хроники «Концы и начала», он был начат в 1913 как ром. бытовой, а дописывался уже как исторический. А. пытался дать объективную картину, полемизируя и с теми, кто идеализировал дорев. Россию, и с теми, кто был склонен видеть в прошлом лишь опыт поколений, «утомленных разносторонним взаимоистреблением и разочарованных в смысле бытия» (Т. 1. — С. 7). «Вчерашние предки» завершаются характеристикой рос. обществ. движения двух последних десятилетий XIX в. А. предполагал продолжить хронику до нач. первой мировой войны и Окт. революции, но этот замысел не был реализован. В годы эмиграции А. продолжает изучение «жен. вопроса» в худож. и публицистич. форме. В основе очерков «Заря рус. женщины» (Белград, 1929) — лекция, прочитанная им в 1906 в парижской Высшей школе социальных наук: «Женщина в обществ. движении России».

Многолетнее изучение рус. фольклора и лит. Др. Руси дало А. мат-л для кн. «Одержимая Русь: Демонич. повести XVII в.» (Берлин, 1929). А. обращается к памятникам др-рус. лит-ры: повестям о Петре и Февронии, о Соломонии Бесноватой и Савве Грудцыне. В ром. «Лиляша» (Рига, 1928. — Кн. 1-3) история «одной жен. жизни» раскрывается как повествование о тайной проституции, продолжая тему «Марьи Лусьевой». О позднем творчестве А.-романиста Б.Ивинский писал: «Историком, даже мыслителем, а не политиком, писателем культурной традиции, а не революционером был Амфитеатров. Именно отсюда, из этих его свойств и вся его беллетристика — и «Вчерашние предки», и «Марья Лусьева», и «Виктория Павловна», и «Восьмидесятники» (В. — 1938. — 4 марта). Критик не случайно поставил в один ряд дорев. и эмигр. произв. А., ибо в них та же сочная бытопись, тонкое чувство языка, любовь к красочной детали. *И.Шмелев* в дни празднования 50-летия творч. деятельности А. писал: «Я почувствовал в его книгах близкие мне по духу, но в иных преломлениях, чем я знал раньше, — быт российский, московский, губернский, уездный, купеческий, разночинный» (Россия и славянство. — 1932. — 23 июля).

Из произв. А. последнего десятилетия жизни следует отметить сб. восп. о театре и театральных деятелях: «Знакомые музы» (Париж, 1928) и кн. «Лит-ра в изгнании» (Белград, 1929). Написанная на основе публичной лекции о лит-ре рос. зарубежья (прочитана в Миланском филол. об-ве и напечатана в газ. «Новое время», Белград, 1929, 16-24 мая), она дает картину «высокого подъема и прочного созидания» (с. 3). Характеризуя разные ветви эмигрантской лит-ры, А. пишет: «За немногие годы своего невольного возникновения русская зарубежная литература проявила жизненной силы, творческой способности и красочного богатства несравненно больше, чем в предшествовавший нам литературный период от кончины Чехова до революции» (с. 3-4). Подтверждая эту мысль, А. анализирует творчество И.Бунина, *Б.Зайцева*, И.Шмелева, *А.Куприна*, В.Сирина (*Набокова*) и др., выделяя русло «неотургеневизма», субъективизма, ист. беллетристики, касаясь и галлиполийской лит-ры и творчества писателей-юмористов.

Незадолго до смерти А. издал пов. «Две надежды» (Шанхай, 1936), сб. «Стена плача и стена нерушимая» (Белград, 1930), этюды о Гоголе («Комедия без конца» // Земля Колумба. — Нью-Йорк, 1937. — № 2). Этюды из кн. «Н.В.Гоголь. Человек, смешащий людей» печатались в 1936 в газ. «В». Как составитель и комментатор, А. выступил в кн. «Избр. соч.» М.Е.Салтыкова-Щедрина (Берлин, 1922), как ред. — в кн. М.З.Никонова-Смородина «Красная каторга: Записки соловчанина» (София, 1938). Значит. часть обширного творч. наследия А. остается неопубл. В некрологе Н.Кривич писал: «Ушел последний выдающийся представитель целой полосы в истории русской журналистики» (ПН. — 1938. — 1 марта). Отмечая, что ист. романы А. носили автобиогр. характер, критики единодушно считали, что сильной стороной писателя было доскональное знание рос. быта: вся Москва и весь Петербург угадывались под прозрачными псевдонимами его героев.

Изд.: Закаты старого века / Послесл. Красовского В. — Кишинев, 1989.
Лит. заметки. — Кишинев, 1989.
Мертвые боги: Рассказы. Роман / Вступ. ст. Гряковой Н.Ю. — М., 1991.

Лит.: Слоним М.Л. Худож. лит. // Рус. зарубеж. книга. — Прага, 1924. — № 1.
Рыбинский К. Неостывающее сердце: К 70-летию А.В.Амфитеатрова // Рус. голос. — Белград, 1932. — 17 июля.
Амфитеатрова И. Последние дни // В. — 1938. — 1 апр.
Спиридонова-Евстигнеева Л.А. Рус. сатирич. лит-ра начала XX в. — М., 1977.
Гаретто Э. Наследие А.В. Амфитеатрова за рубежом // Культ. наследие рос. эмиграции. 1917-1940. — М., 1994. — Т. 2.
+ Казак; РП-1; Рус. Берлин; Струве.

Л.А.Спиридонова

АМФИТЕА́ТРОВ-КАДА́ШЕВ Владимир Александрович (26.VIII(7.IX).1888, с.Смелы, Киевская губ. — 23.II.1942, Леванто, Италия) — публицист, прозаик, поэт, критик, переводчик. Сын *А.В.Амфитеатрова* от первого брака с певицей и преподавательницей муз. А.Н.Левицкой. Учился в 8-й моск. им.Г.П.Шелапутина г-зии и Моск. ун-те, на ист.-филол. ф-те. Впервые выступил в печати в 1906 в журн. «Киевский театрал», но постоянно заниматься лит. работою начал с 1912 — в «Рус. слове», сначала в Москве, а с нояб. 1914 года по май 1916 в Риме, где был пом. А.В.Амфитеатрова, в то время состоявшего корр. этой газ. по всему Средиземноморью. В РГАЛИ хранится неизд. перевод «Сатирикона» Петрония, выполненный А.-К. совм. с К.А.Лигским (эсером, бежавшим с каторги за границу и бывшим у детей Амфитеатрова репетитором).

Вернувшись в 1916 в Россию, сотрудничал в Петрограде в «Рус. воле», «Вольности», «Биче», «Сатириконе»; в Москве — в «Новостях дня»; в Харькове — в «Возрождении»; в Царицыне — в «Волго-Донском крае»; в Ростове-на-Дону — в «Донской волне», «Приазовском крае», «Жизни»; в Симферополе — в «Таврическом голосе»; в Ялте — в «Ялтинском курьере»; в Новочеркасске — в «Донских вед.»; в Екатеринославе — в «Екатеринославском вст.». Увлеченный кинематографом, А.-К. возглавил иноотдел Отдела пропаганды (бывшего Освага, или Осведомит. агентства при председ. Особого совещания, сочетавшего формы пропагандист. диверсий против большевиков с функциями контрразведки), принял участие в создании неск. фильмов. Под псевд. Ромаш Макошин выпустил в Ростове брошюру «Что сделала Добрармия?» В 1920 был ред.-изд. газ. «Южный курьер» (Ялта), сохранявшей нек-рую независимость от воен. командования. Опубл. в газ. серию ст. о поэтах сов. России — А.Блоке, Н.Клюеве. В ст. о Блоке писал: «Самым неожиданным и самым огорчительным «уходом на ту сторону», было крещение красною верою Александра Блока. Многие даже усумнились в реальности этой бредовой фантастики и постарались увидеть в знаменитых «Двенадцати» преднамеренную злую сатиру. ... Произв. лукавое и двусмысленное, эта поэма звучит странно, словно фантастический вальс в «Бале» кн. В.Ф.Одоевского: все время слышатся посторонние, вне воли творца превходящие ноты, делающие из славословия революции нечто гимну совсем противоположное. Однако более чем сомнительно, чтобы эта двойственность была преднамеренною» (РГАЛИ. Ф. 2279. Оп. 1. Ед. хр. 12). Характерно название ст. о Клюеве: «Социал-славянофильство» (там же).

Вместе с частями Врангеля А.-К. эвакуировался из Крыма в нояб. 1920 и, после недолгого пребывания в Константинополе, переехал в Прагу, затем в Берлин. В Чехословакии принимал участие в поэтич. объединении «Скит поэтов», издал в Славянском изд-ве «Очерки истории рус. лит-ры» (Прага, 1922). Эта кн. подверглась критике в рец. *А.Бема*, к-рый писал: «Попытка охватить на 260 стр. всю рус. лит. с древнейшего времени до «самых последних слов» крайне неудачна» и далее: «Случайно выrванные цитаты, нагромождение названий произв-ний и общих мест в стиле гимназических сочинений». Отметив. что подход автора к лит-ре скорее импрессионистич., чем историко-культурный, Бем замечал, что внимания заслуживала лишь последняя часть «Очерков...» — о писателях-современниках А.-К. В целом же, резюмировал рецензент, «книга издана с такими недопустимыми ошибками, что давать ее в

руки учащихся безусловно нельзя» (Новая рус. книга. — 1922. — № 4. — С. 15).В 1922 в Берлине в изд-ве Е.А.Гутнова вышли две маленьких книжки рассказов А.-К.: «Зум-Зум» и «Фрачник с хвостом». Рецензенты Л.Кельберин (Сполохи. — 1922. — № 10) и В.Татаринов (Руль. — 1923. — 7 янв.), отмечая иностранное, в частности, франц. влияние на фантастич. прозу А.-К. («иногда его рассказы кажутся переведенными с какого-либо иностранного языка», — писал Кельберин), оценивали ее, в общем, положительно. Появлялись произв. А.-К. в разл. альм.: «Сполохи», «Веретено». «Медный Всадник», «Младорусь», а также в пер. в чешск. журн. «Zumir».

Рассказы А.-К несут отпечаток подражательности Ф.Сологубу, *Л.Андрееву*, Пьеру Луису, а также «мистическим» произв. отца. Больший интерес представляют его газ. критич. и публицистич. статьи. Из напечатанных за время революции и гражд. войны А.-К. составил две книги: «На великом изломе» (1918-1919) и «Записки контрреволюционера» (1918-1920); обе не изданы. Насыщены богатым фактич. содержанием и множеством сведений о лит. жизни Белого Юга России дневник и зап. книжки А.-К. за март 1917 — май-июнь 1919. В 1924 он переписал их, исключив записи личного характера, и продал Рус. заграничному ист. архиву в Праге. Издан в то время дневник не был из-за яростной антидемократич. (а не только антибольшевистской) направленности, резких выпадов против тогда живых чл. Врем. правительства. В эмиграции А.-К. печатался в газ.: «Руль», «Новая рус. жизнь» (Гельсингфорс), «Сегодня», «Эхо» (Ковно) и др. Неуклонное «поправение» А.-К. привело его, выходца из демократич. среды, тесно общавшегося когда-то с *Горьким*, Г.Лопатиным, П.Рутенбергом и др. деятелями эсеровского и социал-демократич. движения, к сотрудничеству в рус. нацистской газ. «Новое слово», издававшейся в Берлине В.М.Деспотули. А.-К. с 1936 живший в Италии, под псевд. В.Кадашев, становится ведущим публицистом и идеологом «Нового слова», почти не помещая статей лит. характера; лит. произв. А.-К. этого периода неизвестны. В ст. «Водораздел» А.-К. выразил свое кредо: «Насущною задачею национальных сил, как бы они ни звались: фашизмом, национал-социализмом, белой эмиграцией, становится в данный исторический момент преодоление демократии»; а далее, споря с эмигр. публицистами, к-рые ставили на одну доску фашизм и большевизм, утверждал: «Глубочайшая метафизическая пропасть, лежащая между идеологией Гитлера или Муссолини и большевиками, умышленно не замечается» (Новое слово. — 1936. — 15 марта). Приветствовал возникновение новых тоталитарных режимов в Европе: Салазара, Франко («Португальский диктатор» // Меч. — 1938. — 31 июля; «Трезубец и треугольник» // Новое слово. — 1940. — 19 мая; в последней статье победа Франко над республиканцами интерпретировалась как поражение международного масонства). В ст. «Эллинизм и иудаизм», принимая сторону *Д.Мережковского* и обвиняя в симпатиях к еврейству *Н.Бердяева*, пытался доказать, что христианство происходит из эллинских религий и не имеет преемственности с Ветхим Заветом.

В 1941-42 давал в «Новом слове» обзоры писем итал. солдат с Вост. фронта, полные описаний «нищеты, бесправия и культурной деградации» сов. России. Сотрудничество с нацистами привело к бойкоту А.-К. со стороны б.ч. эмиграции. Есть сведения, что в кон. жизни А.-К. страдал психич. расстройством.

Изд.: Страницы из дневника / Публ. Шумихина С.В. // Минувшее. — М.; СПб, 1996. — Вып. 20.

С.В.Шумихин

А́НДЕРСЕН Ларисса (Лариса Николаевна Баранова) (1912, Харбин) — поэтесса. Была вывезена родителями из Хабаровска в 1920. Семья поселилась в Харбине, где А. окончила школу. С юного возраста увлекалась поэзией и балетом. Лит. деятельность начала под эгидой «Чураевки» — кружка молодых литераторов. Первые стихи А. опубл. в харбинск. «Журнале ХСМЛ» (1928. — № 1). В том же году ее стихи были напечатаны в неск. номерах «Рубежа». В нач. 30-х А. переехала в Шанхай, где вышел сб. ее стихов «По зеленым лугам» (1940). После окончания второй ми-

ровой войны вместе с мужем-французом (Chaige) уехала во Францию, где проживает и по сей день. После отъезда из Китая лит. творчеством не занималась.

О ней оставили воспоминания *Валерий Перелешин*, Виктор Петров, Вера Серебрякова, Юлия Крузенштерн-Петерец, Наталья Ильина, Елена Таскина и др. харбинцы. *А.Вертинский* в ст. «Лариса Андерсен» писал о ее стихах: «Просто. Строго. И скупо. Скупо той мудрой экономией слова, которая бывает у очень больших художников. У нее почти нет того, чем грешат молодые поэты. Междустрочной воды. Необходимой как цемент для постройки. Она монолитна. Ее вещи как бы вырезаны из одного целого куска материала. Из них ничего не уберешь. К ним ничего не добавишь. Единственный упрек, который можно было бы ей сделать, то, что она замкнулась в круг слишком личных переживаний. Она пишет себя. Она пишет о себе» (Шанхайская звезда. — 1940. — 21 апр.).

В 1946 в Шанхае вышел последний сб. рус. поэтов Китая «Остров»; его вдохновительницей была А. В сб. вошло неск. ее лучших стих. из отмеченных А.Вертинским. В отличие от др. дальневост. эмигрантов, она почти ничего не написала о Китае, Сибири, Дальнем Востоке. Ее стихией была чистая лирика, внутр. мир, душевные переживания, эмоции, «жизнь сердца». Даже гл. нота эмигр. поэзии — ностальгия по России, едва слышна в ее поэзии. Уже в ранней лирике А. прозвучала мелодия нежной меланхолии, позже сохранившаяся во всем ее творчестве. «Говорят, что если ждать и верить / То достигнешь... Вот, и я ждала» («Яблоня в цвету») или: «Сегодня день такой больной, / Такой печальный, хмурый, хилый... («Память о весне»). Поэтесса, обещавшая, что «лучшие песни мои не спеты, / Лучшие песни мои со мной», почти совсем перестала писать в неполных сорок лет, отказавшись и от карьеры танцовщицы. В 1986 в США Э.Штейн издал кн. стихов поэтессы «Остров Ларисы» (Орандж, Конн.). Рос. читатели познакомились с поэзией А. впервые в сб. прозы и поэзии дальневост. эмиграции: «Харбин: Ветка рус. дерева» (Новосибирск, 1991), составленном Д.Селькиной и Е.Таскиной.

Изд.: Лариса вспоминает // НЖ. — 1996. — № 200.

Лит.: Линник Ю. Сольвейг: Набросок к портрету Л.Андерсен // Грани. — 1995. — № 177.

Сюй Гохун (Светлана)
(Китай)

АНДРЕ́ЕВ Вадим Леонидович (25.XII.1902 (7.I.1903), Москва — 17.V.1976, Женева, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем) — поэт, мемуарист, прозаик. Сын писателя *Леонида Андреева* и старший брат философа и поэта Даниила Андреева, 28 нояб. 1906 умерла мать — А.М.Велигорская. Учился в г-зии Лентовской, одном из лучших дет. уч. заведений Петербурга. После революции и отделения Финляндии вместе с отцом оказался отрезанным от России, в усадьбе Ваммельсу (Черная речка). В 1919 с отцом переехал в дачное место Тюрисево. Затем недолгое время учился в териокском реальном уч-ще, потом в рус. г-зии в Гельсингфорсе. Смерть отца потрясла А., и сознание ответственности сына одного из самых изв. писателей России не покидало его всю жизнь. По выражению сына А. Александра Вадимовича, «вживание (или, точнее, изживание) в отца (из отца), Леонида Андреева, классика русской литературы, давалось нелегко» (Родина. — 1992. — № 11/12. — С. 36). Летом 1920 А. записался добровольцем в армию ген. Миллера и в октябре 1920 с группой др. волонтеров отправился в Крым. В Марселе их застало известие о разгроме Врангеля, и с небольшой группой он отправился на пароходе в Константинополь, оттуда — на Кавказ, чтобы там бороться с большевиками. Приехав в Батуми, добрался до Сухуми, где принял участие в боях с красноармейцами в составе армии Кубанской республики. После разгрома этих формирований бежал обратно в Константинополь и полгода прожил в военизиров. лагере для беженцев Китчелли. В Константинополе А. вел полуголодную жизнь, торговал на улицах, поступил в Константинопольский рус. лицей. Там подружился с прозаиком *Б.Сосинским*. В 1922, после ликвидации лицея, всех его обитателей отправили в лагерь Скутари на берегу Босфора, откуда А. опять бежал в Константинополь. Поступил в константинопольскую г-зию, затем вместе с др. учениками переехал в Софию, где они жили в ба-

раках. В Софии А. встретил пред. К-та помощи рус. студентам, византолога Д.Уиттмора, поразил его своей эрудицией, получил стипендию и с группой др. стипендиатов в апр. 1922 прибыл в Берлин, поступил в Берлин. ун-т на филос. ф-т и стал заниматься историей живописи. Первые стихи А. появились в газ. «Дни». Он познакомился с *А.Белым*, часто бывал в лит. кафе «Дом искусств». Вместе с *А.Присмановой* и Б.Сосинским вошел в лит. группу «Четыре плюс один». Также сблизился с *А.М.Ремизовым*. Разорвав отношения с газ. «Дни», стал публиковаться в газ. сов. направления «Накануне». По свидет-ву его сына Александра, «в нашей семье были довольно сильны социалистические, а, значит, «антибелые» настроения» (там же. — С. 37). В 1924 в Берлине вышел первый сб. стихов А. «Свинцовый час», негативно встреченный критикой. *А.Даманская* выяснила, что все недостатки этой кн. «оттого, что жизни самой сын талантливого отца узнать не успел, угадать ее не сумел... Нужны, конечно, исключительные и совсем простые слова. И ни тех, ни других в его речи нет» (ПН. — 1925. — 12 февр.). Критик, писавший под псевд. «М.В.», желал молодому поэту: «Когда Вадим Андреев разбросает окружающий его щебень мертвых слов и даст волю своим приглушенным силам, его стихи сразу же найдут более громкий отклик в сердцах у читателей» (Накануне. Лит. неделя. — 1924. — 15 июня). В 1924 А. вместе с др. стипендиатами Уиттмора переехал в Париж. Там он учился в Сорбонне, работал чернорабочим на фабрике резиновых изделий, мастером в киномонтажной. В 1925 под руководством *Ю.Терапиано* вместе с *Д.Кнутом*, *А.Ладинским* и *В.Мамченко* организовал «Союз молодых поэтов и писателей».

В Париже А. женился на Ольге Федоровой-Черновой (1905-1964), приемной дочери изв. эсера В.М.Чернова. У них родились сын Александр и дочь Ольга. В 1928 он вошел в возглавлявшееся *М.Слонимом* лит. объединение «Кочевье», куда входили *А.Гингер*, А.Присманова, А.Ладинский. В 1927 в Париже увидела свет вторая кн. стихов А. «Недуг бытия». Не слишком благосклонным в оценке этой работы оказался *Г.Адамович*: «Даровитость Вадима Андреева, выпустившего сборник «Недуг бытия», — под сомнением. Это грамотные, довольно приятные, довольно умелые, средние символические стихи... В них чувствуется подлинно поэтическое отношение к миру. Но стихи эти столь многое напоминают, в них так очевидно отсутствие своего стиля, и личность автора в них так еще полно окутана заемной литературщиной, что счесть их за нечто реально существующее невозможно» (СЗ. — 1928. — № 38. — С. 523). Еще более отрицательным был отзыв *В.Ходасевича*: «В стихах В.Андреева ничего по-новому не переработано и не пережито, но много разнородного, сырого материала механически и сумбурно смешано, свалено в одну кучу» (В. — 1928. — 26 июля). Стихи А. стали появляться на страницах ведущих эмигр. периодич. изд. — «Воля России», «Числа», «Своими путями». В 1932 в Париже издана поэма А. «Восстанье звезд» — попытка масштабного, эпич. описания рев. событий, навеянная блоковским «Возмездием»: «Эпоха рухнула. И страх / Нам выклевал глаза, как ворон. / Мы бродим белым днем; впотьмах, / У голых стен ночным дозором. / Пожарище минувших дней / Безмолвный пир угля и пепла / О, нас язвит, как яд, елей. / Душа рассыпалась. Ослепла» (с. 45). Отзыв Г.Адамовича снова был неласков: «Попадаются отличные строфы, крепкие и сжатые, есть во всей поэме лирическое напряжение. Но неизвестно самое главное — о чем она?... Мысль изнемогает под тяжестью надетого на нее пышного словесного наряда, гибнет под ним... Все остается в плоскости неплохого литературного упражнения и напоминает черновик, по которому пройдется еще оживляющая рука мастера» (ПН. — 1933. — 17 авг.). В 1938 с 5 по 12 номер журн. «РЗ» появилась «Повесть об отце», ставшая важным этапом для А. В том же году она вышла под назв. «Детство. Пов. об отце» в Париже отд. кн. С нач. войны А. был мобилизован, но принять участие в боевых действиях не сумел. Он с семьей бежал на о-в Олерон, где занимался сел. хозяйством и вместе с Б.Сосинским активно участвовал в Сопротивлении. На Олероне, работал над своими восп., впоследствии послужившими основой «Истории одного путешествия» (М., 1974). 15 дек. 1944 А. был арестован фашистами, но расстрелять его они уже не успели. Как и большинство эмигрантов, А. был охвачен патриотич. чувствами и в 1946 получил сов. паспорт; выехать не смог по чистой

случайности, что, судя по всему, и спасло ему жизнь.

В 1950 вышел сб. стихов А. «Второе дыхание» в париж. изд-ве «Рифма». До этого А. вместе с Сосинским создал изд-во «Оплешник» для публ. кн. А.М.Ремизова. Сб. «Второе дыхание» явил по-настоящему зрелого и сильного поэта. В стихах А. стало явственно проступать «бунинское» начало, когда картины природы чередуются с размышлениями о вечном: «Уже наполнился густой туман / Шуршанием, чуть слышным, перелета, / Уже покрыл расшитый доломан / Листвы почти безмолвное болото. / И каждый звук, и каждый всплеск / До сердца Божьего легко доходит — / Ему понятней, чем весенний блеск, / Осеннее смирение природы (с. 45). Завершает кн. поэма «Второе дыхание» — картины воображаемого возвращения в Россию и страстное признание в любви к Родине.

В 1949 А. переехал в США, где получил работу в ООН. В 1957 он впервые после 1917 посетил Россию. Тогда же встретился со своим братом Даниилом, находившимся после заключения на поселении. Встреча с этим человеком, одним из самых интересных рус. мыслителей XX в., во мн. повлияла на решение А. не возвращаться в СССР. Он часто приезжал в Москву и после своего переселения в Швейцарию в 1959. С помощью К.И.Чуковского выпустил в Москве в 1963 «Детство» (восп. о Л.Андрееве). В 1966 кн. выходит вторым изд. В 1965 в Минске увидела свет кн. А. в соавторстве с Б.Сосинским и Л.Я.Прокша «Герои Олерона» об участниках Сопротивления во Франции. В том же году в «Звезде» был опубликован ром. А. «Дикое поле», вышедший в 1967 в Москве и Софии отд. изд. В 1969 в 5-м номере «Звезды» А. печатает «Историю одного путешествия» о своих злоключениях во время гражд. войны.

Дочь А. Ольга Андреева-Карлайл и сын Александр оказывали содействие А.И.Солженицыну. Они помогли писателю переправить фотопленки с переснятыми рукоп. на Запад. В 1967 А. перевез за границу в кармане плаща микропленку с текстом ром. «В круге первом». В 1974 в Москве увидела свет кн. «История одного путешествия. Повести». Это была одна из немногих вышедших в СССР кн., где можно было без эпитетов «враги» и «антисоветчики» прочесть о жизни рус. эмиграции.

В 1977 в Париже в изд-ве «YMCA-Пресс» вышел посм. сб. стихом А. «На рубеже. 1925-1976». В него вошли стихи 1925-1976. Завершали кн. поэмы «Ревекка» и «Возвращение». В рец. на этот сб. *Б.Нарциссов* писал: «То, что старые формы загораются новым блеском, когда их касается рука настоящего поэта, показывает творчество Вадима Андреева... По общему направлению его поэзии Вадима Андреева можно поместить на дороге, отмеченной вехами Тютчева и Бунина» (НЖ. — 1978. — № 132. — С. 253-254).

Архив А. хранится в составе Рус. архива в Лидсе, рукопись восп. жены А. — в Отд. рукописей РГБ (ф. 543). В РГАЛИ находятся письма В.Андреева к *М.Осоргину* (Ф. 1464. Оп. 1. Д. 286). А. печатался также в «РЗ» под псевд. С.Осокин.

Изд.: Сальери // Числа. — 1930/1931. — № 4.
Стих. // СЗ. — 1934. — №54.
Поэма об отце // Новоселье. — 1947. — № 31/32.
Стихотворения и поэмы. — Беркли, 1996. — Т. 1-2.

Лит.: Терапиано Ю. Вадим Андреев // Современник. — 1976. — № 32.

В.В.Леонидов

АНДРЕ́ЕВ *Леонид Николаевич* (9(21). VIII.1871, Орел — 12.IX.1919, Финляндия, дер. Нейвала близ Мустамяки. В 1956 прах перенесен из Ваммельсу на Литераторские мостки Волкова кладб. в Ленинграде) — прозаик, драматург,публицист. Род. в семье чиновника. В 1897 окончил юрид. ф-т Моск. ун-та. Начал печататься в 1892 в петерб. журн. «Звезда». В 1901 в изд-ве «Знание» вышел его первый сб. рассказов. В своем раннем творчестве А. продолжал реалистич. и гуманистич. традиции рус. лит-ры. Его произв. кон. 1890-х — первой пол. 1900-х ввели его в круг писателей-«знаньевцев». В дальнейшем для творчества А. стало характерным редкое для рус. лит-ры сочетание традиционно-реалистич. манеры письма с символистско-гротескной образностью, что проявилось в его драматургии: «Жизнь человека» (1907), «Царь-голод» (1908), «Черные маски» (1908), «Анатэма»

(1909). Накануне и во время революции 1905-07 А. был захвачен рев. настроениями. В «Рассказе о семи повешенных» (1908) — одном из вершинных своих произв. — он выразил протест против смертных казней. Начиная с 1907 А. отошел от горьковского «Знания» и сблизился с петерб. изд-вом «Шиповник», в альманахах к-рого печатались его пьесы «Екатерина Ивановна» (1912), «Милые призраки» (1917), ром. «Сашка Жегулев» (1911), пов. «Иго войны» (1916). В 1913 издано Полн. собр. соч.: в 8-ми т. (СПб., изд-во Маркса). В 1913-17 вышло 17 т. собр. соч. А. После смерти А. его вдова Анна Ильинична Андреева продолжала изд. произв. писателя за границей. В 1914-17 А.-публицист был одним из наиб. активных выразителей идеи «войны до победного конца». Ст. этих лет составили его сб. «В сей грозный час» (Пг., 1915). С 13 апр. 1917 А. — гл. ред. газ. «Рус. воля». на страницах к-рой с дек. 1916 по окт. 1917 появилось около 100 ст., фельетонов, рец., открытых писем и худож. произв. писателя.

Февр. революцию А. восторженно приветствовал. В ст. «Путь красных знамен» он писал, что «в своем логическом развитии эта война... закончится не обычным путем всех ранее бывших войн, а европейской революцией. В свою очередь эта революция приведет к уничтожению милитаризма, то есть постоянных армий, и к созданию европейских соединенных штатов» (Рус. воля. — 1917. — 8 марта). То, что произошло в России вслед за Февралем — развал фронта, стачки, демонстрации, начавшийся голод — все это повергло А. в состояние, близкое в отчаянию. Отсюда отчаянные ламентации в статье «Veni, creator»: «Я на коленях молю вас, укравших мою Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните...» (Рус. воля. — 1917. — 15 сент.). Окт. революцию А. не принял «ни единым атомом своей души», как писал в своих мемуарах В.В.Вересаев (Вересаев В.В. Восп. — М., 1982. — С. 457). 25 окт. 1917 А. уехал из Петрограда в Финляндию на свою дачу на Черную речку (Ваммельсу) и оказался после провозглашения 31 дек. 1917 независимости Финляндии в эмиграции. Его выступления в печати, а также письма 1918-19 к В.Л.Бурцеву. И.В.Гессену, П.Н.Милюкову, Н.К.Рериху, И.А.Белоусову, записи в дневнике, к-рые были частично опубл. в 1920 и 1922 в Париже и Берлине, содержат резкие характеристики большевиков и их деятельности. исполнены боли и тревоги за судьбу и будущее России. Большевики, по мнению А., ввергли страну в хаос и анархию, «закона нет, власти нет, весь общественный строй без охраны» (Моск. вестн. — 1990. — № 6. — С.328. — Запись в дневнике 18 авг. 1918). Большевизм «съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания. В этом смысле Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры» (ВЛ. — 1991. — № 7. — С. 186. — Письмо к В.Л.Бурцеву от 9 сент. 1919). «Конечно, — в этом же письме писал А. — как двухголовый теленок, как всякий монструм, биологически нелепый, большевизм должен погибнуть, но когда это будет?» (там же). По поводу расстрела Николая II в дневнике А. содержится следующая запись: «Мне не жаль Николая II, я когда-то слишком ненавидел его, чтобы перейти к иному чувству. Бездарный и бессильный... Злой неудачник — он заслужил свою судьбу. Но расстрел его — безобразен, невыносим для ума и человеческого сознания, как воплощение глупости, безобразия и жалкой низости» (Моск. вестн. — 1990. — № 6. — С. 338). В написанной за полгода до смерти в февр. 1919 ст. «S.O.S.» (опубл. В.Л.Бурцевым в парижск. газ. «Общее дело». — 1919. — 24 марта, отд. изд.: Выборг, 1919; переведено на мн. яз.), в к-рой А. призывал правительства США, Великобритании и Франции не входить ни в какой альянс с большевиками (речь шла о предполагавшейся конференции союзных держав на Принцевых о-вах) и прийти на помощь России, гибнущей под большевистской властью. Писатель уподобляет понятие «большевик» образу «современного Безумца — человека, лишенного зрения и слуха, памяти и сознания, разума и волки, человека, страдающего нравственным умопомешательством, грязного и тупого» (ВЛ. — 1991. — № 7. — С. 170). «Надо совсем не иметь ушей, — или иметь, но ничего ими не слышать, — писал А. о «революционных» деяниях большевиков, — чтобы не услыхать этих воплей и стонов, воя женщин, писка детей, хрипения удушенных, треска непрерывных расстрелов, что состав-

ляет неумолчную песню России в течение последних полутора лет. Надо совсем не знать разницы между правдой и ложью, между возможным и невероятным, как не знают ее сумасшедшие, чтобы не почувствовать социалистического бахвальства большевиков в их неистощимой лжи: то тупой и мертвой, как мычание пьяного, как декреты Ленина, то звонкой и виртуозной, как речи кровавого шута Троцкого...» (там же. — С. 168). В нач. 1919 А. закончил свое последнее худож. произв. — ром. «Дневник сатаны», впервые опубл. после смерти автора в 1921 в изд-ве «Библион» в Гельсингфорсе. В интервью, данном им финским журналистам 29 авг. 1919, А. сказал, что его деятельность как писателя «прервалась сразу же после большевистской революции. — Три года ... я почти ничего не писал. Только последней зимой я написал роман «Дневник сатаны». Это фантастический роман, героем которого является дьявол. Действие романа происходит в довоенные годы. Он пока что остается в рукописи. Из-за границы я, правда, получил предложение опубликовать его, но согласия пока еще не дал. Напечатаю его, быть может, в Америке» (Helsingin sanomat. — 1919. — 29 авг.). В том же интервью (оно оказалось последним в жизни А.) он изложил свою т.з. на положение послерев. России: «Я считаю, что Россия уничтожена как государство, но русский народ существует и будет существовать. ... Для того, чтобы Россия смогла стать на ноги, нужно, по-моему, по крайней мере два года ... не больше. Но ей потребуется десять лет, может быть, и дольше, чтобы выздороветь окончательно. ... По-моему сейчас можно сравнить русский народ с больным человеком» (там же).

26 июня 1919 А. с семьей переселился из Ваммельсу, где проходила линия фронта, на дачу Лобека в Тюрисево — там к этому времени основалась колония беженцев из России. В последние мес. жизни он собирался предпринять поездку в Англию и Америку с курсом пропагандист. лекций, о чем сообщал в письме к И.В.Гессену: «Еду в Америку. Там читаю лекции против большевиков, разъезжаю по штатам, ставлю свои пьесы... и миллиардером возвращаюсь в Россию для беспечальной маститой старости» («Последние письма Леонида Андреева» // Москва. — 1991. — № 3. — С. 202). А. предполагал занять пост министра пропаганды в белогвардейском Сев.-Зап. правительстве: с этой целью для переговоров он поехал в Гельсингфорс в конце авг. 1919. Но, как вспоминал впоследствии сын писателя *Вадим Андреев*, «для белой эмиграции Андреев оказался слишком яркой и революционной фигурой» (*Андреев В.Л.* Детство. — М., 1963. — С. 255) и через неск. дней А. вернулся в Тюрисево. Осуществление планов и замыслов А. не состоялось из-за его внезапной смерти.

Изд.: Держава Рериха // Рус. жизнь. — Гельсингфорс, 1919. — 29 марта; переизд.: Жар-птица. — 1921. — № 4/5.
Европа в опасности // Скорбь земли русской: Сб. ст. — Нью-Йорк, 1920.
Из дневника // Рус. сб. — Париж, 1920.
Ночной разговор. — Гельсингфорс, 1921.
Собачий вальс // СЗ. — 1922. — № 10.
Отъезд: Страничка из дневника // Грани. — 1922. — № 1.
Самсон в оковах // СЗ. — 1925. — № 24.
Перед задачами времени: Полит. ст., 1917-1919 гг. / Сост. Дэвис Р. — Бенсон (Вермонт), 1985.
Письма Л.Андреева к Л.Алексеевскому // РЛ. — 1990. — № 3.
«Спасите наши души»: Статья и письма к В.Л.Бурцеву и И.А.Белоусову // ВЛ. — 1991. — № 7.
Письма к Н.К.Рериху (1918-1919) // De visu. — 1993. — № 4/5.
S.O.S. Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Ст. и интервью (1919). Восп. современников (1918-1919). / Вступ. ст. Дэвиса Р. и Хеллмана Б. — М.; СПб., 1994.
«Верните Россию!» Публицистика 1916-1917. Письма 1917-1919 /Вступ. ст. Андреевой И.Г.; Комм. Чувакова В.Н. — М., 1994.
Лит.: Некрологи: Рус. жизнь. — Гельсингфорс, 1919. — 15, 18, 19 сент.; Голос России. — 1919. — 16, 27 сент.; Одесские новости. — 1919. — 19 сент.; Сибирская речь. — Омск, 1919. — 25 сент.; Общее дело. — 1919. — 27 сент.; Сын отечества. — Одесса, 1919. — 1 окт.; Куприн А.И. // Свободная Россия. — Ревель, 1919. — 20 нояб.
Иорданская М.К. Эмиграция и смерть Леонида Андреева: (Восп.) // Голос России. — 1920. — 23 мая, 6, 13. 20 июня;

перепеч.: Родная земля. — Нью-Йорк, 1920. — Сб. 1.
Рогальский М.А. Леонид Андреев // Русь. — Берлин, 1920. — № 1.
Цетлин М.О. О творчестве Л.Андреева // Грядущая Россия. — 1920. — № 2.
Чириков Е. Л.Андреев // Рус. сборники. — София, 1921. — Кн. 2.
Книга о Леониде Андрееве. — Пб.; Берлин, 1922. — Восп. М.Горького, К.Чуковского, А.Блока, Г.Чулкова, Б.Зайцева, Е.Замятина, Н.Телешева.
Скиталец. Л.Андреев: Воспоминания // Рус. голос. — Харбин, 1922. — 7, 12, 17, 19, 21 февр.
Адамович Г. Л.Андреев: К 10-летию со дня смерти // ИР. — 1929. — № 41.
Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева. — М., 1930.
Андреева В.Л. Дом на Черной речке. — М., 1980.
Хеллман Б. Леонид Андреев и революция // РМ. — 1987. — 5 июня.
Л.Н.Андреев: Библиография. — М., 1995. — Вып. 1 / Сост. Чуваков В.Н.
Davis R. Leonid Andreev: Manuscripts in the coll. of Vadim, Valentin a. Savva Andreev // Poetry, prose and public opinion: Aspects of Russia. 1850-1970. — Letchworth (England), 1984.
+ Казак; РП-1; Соколов.

А.П.Руднев

АНИ́ЧКОВ Евгений Васильевич (2(14).I.1866, Боровичи, Новгородская губ. — 22.X.1937, Белград) — критик, историк лит-ры, прозаик. Сын помещика. С 1878 жил в Петербурге, учился в г-зии при филол. ф-те Петерб. ун-та, в 1886 стал его студентом. В 1887 исключался из ун-та за участие в студенч. «беспорядках». В 1889 восстановлен. Окончил ун-т 1892. Преподавал англ. яз. в ун-те Св.Владимира (Киев.). Два года работал в Париже под руководством историка романских лит-р Гастона Париса. В 1901 участвовал в создании в Париже Высшей рус. науч. школы. С 1895 приват-доцент ун-та Св.Владимира по каф. сравнит. изучения лит-р и романистики, с 1901 зав.кафедрой. А. прочитал и издал вступ. лекцию «Научные задачи истории лит-ры» (Киев, 1896). Первое науч. иссл. «Николай угодник и св. Николай» — о цикле нар. сказаний, герой к-рого творил добро для людей, А. напечатал в «Зап. неофилол. об-ва» (СПб., 1902). В 1902 — приват-доцент Петерб. ун-та по каф. западных лит-р. Преподавал эстетику и теорию словесности. за участие в рев. движении заключался в тюрьму, лишался права преподавать. В 1903 проф. Петерб. психоневрологич. ин-та. Сблизился с символистами, участвовал в деятельности «башни» *Вяч. Иванова*, лит.-артистич. кабаре «Бродячая собака», выступал как лит. критик (сб. «Лит. образы и мнения» — СПб., 1904). В нач. войны 1914 добровольцем записался в ополчение в качестве кавалерийск. офицера, был воен. цензором. В 1917 направлен в рус. экспедиц. корпус во Францию, в чине лейтенанта находился на Салоникском фронте. С распадом рус. армии перешел во франц. войска. По окончании войны остался в Югославии. С 1920 — проф. Белградск. ун-та, с 1926 проф. в ун-те в Скопле, в 1936 возвратился в Белград. В эмиграции участвовал в деятельности Союза писателей и журналистов, Рус. науч. ин-та в Белграде и Праге.

Как ученик и последователь А.Н.Веселовского, к-рому посвятил дис. «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (СПб., 1903-05. — Т. 1-2), А. руководствовался историко-сравнит. методом, относил себя к «неофилам». По теме иссл. «Язычество и Др. Русь» (СПб., 1914) и др. А. включил в «Историю рус. лит-ры» (М., 1908), вышедшую под его ред., главы: «Нар. словесность», «Нар. поэзия и древние верования славян» и др. А. издал «Очерк истории т-ра в Зап. Европе и в России» (Харьков, 1911) и «Очерк развития эстетич. учений» (Харьков, 1915), был ред. «Полн. собр. соч.» Н.А.Добролюбова в 9 т. (СПб., 1911-13); участвовал в создании коллективного труда «Россия в XIX веке» (СПб., 1907-08). Под ред. Ф.Д.Батюшкова и А. выходило «Собр. соч.» в 30 т. Э.Золя (СПб., 1910-17; вышло не полн.).

В зарубежье А. продолжал сравнит. иссл. фольклора, зап-европ. и славянских лит-р, истории рус. лит-ры. Работы издавал в Белграде, Праге, Берлине, Париже. Рус. поэзии Серебяного века посвятил кн. очерков «Новая рус. поэзия» (Берлин, 1923), охарактеризовав «новые веяния», «наносные западные и родные», к-рые «выводили

поэзию из тоскливой пустоты душевной» (с. 7) — эстетизм, ницшеанство, символизм, футуризм, акмеизм. В критич. этюдах представлены *Д.Мережковский*, *З.Гиппиус*, Вяч. Иванов, *К.Бальмонт*, В.Брюсов, Ф.Сологуб, А.Блок, *А.Белый*. Есенин, акмеисты — Гумилев, Ахматова. Выходу кн. предшествовали публ. в югославск. периодике. Из всех поэтов, отмечал А.., Блок и Белый «наиболее ярко выразили мысли и чувства родного» (с. 90). У А.Белого критик находил «разложение русского стиха», у футуристов (Маяковский, Каменский) «разложение художественной выразительности» (с. 124). В кн. прослеживалось воздействие революции на рус. духовность и художественность, большевизм расценивался как «проявление кризиса всей европейской цивилизации» (с. 138). В ст. «Акмея рус. художества (XIX век)» (Новости лит-ры и иск-ва. — Берлин, 1922. — № 1) А. выразил неприятие теории «иск-ва для иск-ва».

А. издал кн. «Христианство и Др. Русь» (Прага, 1924), вышло его сравнит. иссл. «Зап. лит-ры и славянство» (Прага, 1926. — Т. 1-2). Вникая в истоки и выявляя самобытность путей развития славянск. лит-р до и после христианизации славянства, А. стремился определить их место в европ. культуре, отношение христианства к художеству, поэзии, а также лит. отношения нового времени — гуманизм и его воплощение в иск-ве, классицизм на Западе и у славян. Исследуются и сопоставляются процессы в итал., франц., англ., нем., польск., рус., сербск. лит-рах. В эмиграции проявилась склонность А. к религ.-филос. темам. В работе «К религ. исканиям наших шестидесятников» (Зап. рус. науч. ин-та. — Белград, 1931. — Вып. 3) он обратился к идейным течениям в среде литераторов 1840-60-х, ставил вопрос о необходимости «тщательного пересмотра общественных и еще в большей степени религиозных убеждений» Гоголя, Белинского, Чернышевского, писал о «прогрессистской роли» франц. толкователей христианства (братьев Ламенне, П.Леру и др.). По свидет-ву биографа А. (В.Мошина), проживая последние годы в центре Македонии (Скопле), к-рая для всего славянства была колыбелью православия и местом преломления эллинистически-христ. культуры при ее проникновении к славянам, А. занимался религ. течениями (манихейством, иоахимизмом и др.).

В 1937 под ред. А. был издан «Белградский пушкинский сб.». В него вошла ст. А. «Пушкин и театр» (К «Моцарту и Сальери»)». Ее основой была речь, произнесенная на заседании Пушкинского к-та в Белграде, посв. 100-летию со дня гибели поэта. Вступ. ст. А. сопроводил Собр. соч. *А.И.Куприна* (Берлин, 1921). В 1932 в Париже был издан ром. А. «Язычница».

Посм. в 1938 в «Зап. рус. науч. ин-та» в Белграде (вып. 15) опубл. работа А. «Единство цивилизации и задачи фольклора». А. печатал ст. в журн. «Сполохи» («Достоевский». — 1921. — № 2); «Slavia» («А.Н.Веселовский». — 1921. — № 1); «Заметки по рукоп. «Демона» и творчеству Лермонтова» (1925/26. — № 4).

Изд.: Joachim de Flores et les millieux courtois. — Roma, 1931.

Лит.: Юбилей Е.В.Аничкова // Руль. — 1927. — 15 мая.

Амфитеатров А.В. Некролог // Сегодня. — 1937. — 7/8 нояб.

Мошин В. Славянство. Русь и Византия в тр. Е.В.Аничкова // Slavia. — Beograd, 1939/40. — Т. 17. — N 1.

+РП-1; РФН.

Е.Ф.Трущенко

А́ННЕНКОВ Юрий Павлович (11(23).VII.1889, Петропавловский порт, ныне Петропавловск-Камчатский — 18.VII.1974, Париж) — потомок литератора и пушкиниста П.В.Анненкова, сын народовольца. А. — «портретист, художник, автолитограф, иллюстратор, театральный декоратор, карикатурист, писатель, критик, режиссер, театровед (автор знаменитого манифеста абстрактного театра). ... Близкий друг многих знаменитостей — русских, французов, итальянцев, поклонник многих культур — русской, японской, финской и средиземноморской. Будучи сам порождением двух специфических культур — петербургской и парижской — сам Анненков был одновременно и творимой легендой, и деятельной реальностью» (Раннит А. О рисунках Юрия Анненкова: К годовщине смерти художника // НЖ. — 1975. — № 120. — С. 111).

В 1908 А. поступил на юрид. ф-т Петерб. ун-та, но вскоре оставил его, увлекшись живописью, к-рой учился у А.Л.Штиглица, в школе С.М.Зейденберга, в студии проф. Академии художеств Я.Ф.Ционглинского. В 1911-13 продолжил образование в Париже у Ж.Валлотона. Ближайшее окружение А. составляли М.Шагал, М.Кислинг, О.Цадкин, И.Пуни. Летом 1912 А. был вольнослушателем на биологич. станции в Роскове (Бретань, Франция). Впоследствии он проиллюстрировал несколько науч. трудов по зоологии. В 1913 А. впервые выставил свои работы в Салоне независимых художников в Париже. По возвращении в Россию (1913) работал как иллюстратор в журн. «Театр и искусство» (1914-15), «Отечество» (1914-15), «Сатирикон» (1908-14). В 1920 А. избран проф. Акад. художеств. В 1919 А. поставил «Первого винокура» Л.Толстого в Петрогр. показательном эрмитажном т-ре. Критики считают А. родоначальником перелицовок классики на рус. сцене, а его постановку — первым шагом в направлении «мюзикхоллизации театра», по к-рому пошли новаторы, включая С.М.Эйзенштейна. Революция увлекла А. перспективой, открывшейся перед художником. В 1920 он стал одним из организаторов массового зрелища «Гимн освобожденному труду» на Васильевском о-ве в Петрограде. В нояб. того же года был помощником реж. (*Н.Евреинова*) и гл. художником спектакля «Взятие Зимнего дворца», в к-ром участвовало 8 тыс. человек, танки и крейсер «Аврора». В 1921 А. изложил свои взгляды на совр. т-р в манифесте «Театр до конца»: «Художественно-организованное движение, «синтез скоростей», облеченный в видимую форму, является самоцелью театрального искусства, т.е. театром чистого метода» («Театр до конца» // Дом искусств. — 1921. — № 2. — С. 67). Творч. манера А.-художника и его понимание иск-ва т-ра привлекли внимание режиссеров К.Станиславского, Вс.Мейерхольда, Ф.Комиссаржевского, Н.Петрова, К.Хохлова, Н.Балиева, с к-рыми А. сотрудничал как автор рис. к театр. костюмам и бутафории.

Насилие и террор, на к-рых держалась власть большевиков, А. считал гибельными для свободы человека и художника. В 1924 в связи с открытием сов. павильона на Междунар. худож. выставке в Венеции А. выехал в Италию. На родину он не вернулся, обосновавшись в Париже. А.-художник наиболее известен как портретист. Ему принадлежат портреты *М.Горького*, А.Бенуа, Б.Пастернака, М.Кузмина, Н.Евреинова, *А.Ремизова*, С.Прокофьева, Ф.Сологуба, К.Чуковского, И.Бабеля, Б.Пильняка, деятелей мировой культуры. По заказу сов. правительства А. писал портреты В.Ленина, Л.Троцкого, Г.Зиновьева. В 1922 вышел альбом А. «Портреты» со ст. о нем М.Бабенчикова, *Е.Замятина*, М.Кузмина. В ст. «О синтетизме» Е.Замятин писал об А.: «Эти портреты — экстракты из лиц, из людей, и каждый из них — биография человека эпохи» (Замятин Е. О синтетизме // Анненков Ю.П. Портреты. — Пб., 1922. — С. 40).

В 1923 А. опубл. пов. «Любовь Сеньки Пупсика» в журн. «Звено» (1927. — № 222) под псевд. Б.Темирязев, к-рым впоследствии подписывал свои худож. произв. В 1928 в «СЗ» (№ 37) появился рассказ «Домик на 5-й Рождественской» — о трагич. судьбах «маленьких» людей, к-рые в годы революции терпят нужду, голод, теряют близких и погибают под треск демагогич. речей новых властителей. В 1929 А. опубл. рассказ «Сны» (СЗ. — 1929. — № 39). Методом наплыва одних событий на другие, в смене к-рых исчезают люди, целые социальные слои, привычные понятия, А. передал атмосферу революции и первых лет нэп'а. В 1934 А. закончил «Повесть о пустяках» (Берлин), а через год — первую часть пов. «Тяжести» (СЗ. — 1935. — № 59); вторая часть: СЗ. — 1937. — № 64) — психологич. зарисовки нравов рус. эмиграции, переплетенные с восп. о жизни в дорев. России. Ту же тему А. развивает в ром. «Рваная эпопея» (В. — 1957. — № 71; 1958. — 73; НЖ. — 1960. — № 59-61). Атмосфера всеобщего безразличия, окружающая персонажей ром. — рус. эмигрантов в Париже, разрушает их личности. В поисках «случая зацепиться за элементы вечности, забрызганные сегодняшней кровью» (НЖ. — 1960. — № 61. — С. 43), А. создает калейдоскопич. движение сюжета, где сцены быта Парижа предвоен. и воен. лет перемежаются с ностальгич. картинами ушедшей России, отрывки прозы Достоевского, Гоголя, Салтыкова-Щедрина — с док-тами и пространными авторскими отступления-

ми, объединяющими воедино, казалось бы, хаотично развивающиеся линии судеб героев в романе. Автобиогр. повествование «Побег от истории» (В. — 1960. — № 100-105) рисует «исход» французов из Парижа перед вторжением фашистов и жизнь рус. эмигрантов в оккупиров. городе. В творч. манере А.-прозаика сочетаются ирония, гротеск и реалистичность деталей.

А.-публицисту принадлежат неск. работ, направленных против подавления свободы личности в СССР. В 1957 он выступил с публ. «Сентиментальный памятник: Отрывок из неизданного романа «Рваная эпопея», предложив читателю собр. док-тов, к-рое «должно быть «одноцветной» (кровавого цвета) книгой» (В. — 1957. — № 71. — С. 41). Это были перепечатанные из сов. газет 1930-х письма сотен людей — «от президента Академии наук до заводского ночного сторожа» (там же) с призывами уничтожить, расстрелять троцкистов-зиновьевцев. Продолжением публикации стала работа «Бытовое явление» (В. — 1959. — № 86), где вслед за требованиями истребить троцкистов так же сплошь, без комментариев перепечатаны из газ. призывы рабочих, ученых, писателей расправиться с Б.Л.Пастернаком за присуждение ему Нобелевской премии. Эти письма — «совершенный образец коллективного сердцебиения, безоговорочной коллективной восхищенности действиями своего правительства» (с. 42), они «могут служить памятником непревзойденного единообразия литературного стиля» (с. 41).

Начиная с сер. 1950-х А. публикует в журн. «В», «НЖ», «Опыты» лит. портреты деятелей культуры и политиков, с к-рыми сводила его жизнь. Оказавшись в эмиграции, А. сохранил живые связи с Россией, с писателями и художниками, встречался с ними во время их зарубеж. поездок, следил за их нелегкой судьбой. А. свободен в выборе формы портрета, включает в текст докты, письма, записанные по памяти беседы, факты и размышления о них. Эти лит. портреты по жанру могут быть отнесены к эссе, им присущи лаконичность и динамизм. Созданные в разное время, они составили двухтомный «Дневник моих встреч: Цикл трагедий» (Нью-Йорк, 1965-66).

В первую книгу (предисл. George W.) вошли эссе о М.Горьком, А.Блоке, Н.Гумилеве, А.Ахматовой, В.Хлебникове, С.Есенине, В.Маяковском, А.Ремизове и С.Прокофьеве, Е.Замятине, Б.Пильняке, И.Бабеле, И.Репине, *Г.Иванове*. Вторая кн. (предисл. Rannit A.) включает эссе о Вс.Мейерхольде, Вс.Пудовкине, Н.Гончаровой, *С.Маковском* и В.Татлине, В.Ленине, Л.Троцком. Мн. эссе сопровождены графич. портретами работы А. Как портретиста-писателя и художника А. интересовала самоценная суть творч. личности: «Создавая художественное произведение, автор выносит наружу, материализует свои мысли, свои чувства, свое миропонимание, обогащая этим человеческую культуру. В этом, только в этом заключается социальное значение, смысл, ценность художественного труда» («Дневник моих встреч». — М., 1991. — Т. 2. — С. 215). В эссе «Александр Блок» А. проследил, как изменялось отношение поэта к революции, к-рую он ждал и приветствовал, но скоро осознал ее гибельность для России: «Мировая революция превращается в мировую грудную жабу» (там же. — Т. 1. — С. 74). А. был иллюстратором первого изд. поэмы «Двенадцать». Блок писал ему: «Рисунков к «Двенадцати» я страшно боялся... Сейчас. насмотревшись на них, хочу сказать Вам, что разные углы, части, художественные мысли — мне невыразимо близки и дороги» (там же. — С. 63). А. стремился пробиться сквозь канонич. образ писателя и указать на черты его характера и дарования. Его эссе о М.Горьком разрушало сложившийся в сов. критике образ «пролетарского писателя». А. рисует натуру сложную, не лишенную «детскости», полную сомнений, а в годы сталинщины — страхов и растерянности перед тем, что происходило в стране. А. придерживается версии убийства Горького Сталиным. В эссе о Вс.Мейерхольде, А.Ахматовой, Б.Пастернаке автор «Дневника...» воспроизводит обстоятельства гонений на них и их травли офиц. сов. прессой. Мн. персонажи «Дневника...» были репрессированы, расстреляны, покончили с собой или были обречены на молчание. Трагичность их судеб делает эту кн. обличением сов. власти, уничтожавшей цвет рус. культуры.

В 1968 А. выступил с работой «Русские в мировой кинематографии» (В. — № 200-204). В отличие от рус. балета, мировая роль к-рого признана, роль русских в кинематографии недооценена. А. приводит сотни имен реж., операторов, хореографов, акте-

ров, сценаристов, к-рые, будучи выходцами из России. создавали фильмы во Франции, Англии, Германии, Америке, «растворялись» в нац. кинематографии этих стран. Стремясь «восстановить справедливость», А. утверждал, что все эти фильмы должны войти в историю рус. кинематографии. В России, Франции, Италии А. были созданы рис. костюмов и эскизы декораций к 133 пьесам и 60 кинофильмам.

Изд.: La revolution derrière la porte. — P., 1988.

Лит.: Шкловский В.Б. Дополненный Толстой. Народная комедия и «Первый винокур» // Шкловский В.Б. Ход коня. — М.; Берлин, 1923.
Еленев Н.А. Юрий Анненков // Своими путями. — 1925. — № 6/7.
Мишеев Н.И. К портретам Ю.Аненкова // Перезвоны. — 1925. — № 16.
+Одоевцева; РЛЗ-1; Струве; Шаховская.

Е.С.Померанцева

АРАБА́ЖИН Константин Иванович (2(14).I.1866, Канев, Киевская губ. — 13. VII.1929, Рига) — историк лит-ры, критик, обществ. деятель. Род. в семье потомств. дворянина Полтавской губ. Двоюродный брат *А.Белого*, племянник укр. историка В.Б.Антоновича. Окончил историко-филол. ф-т ун-та Св.Владимира (Киев) (1883). Принимал участие в деятельности кружков рев. настроенной молодежи, возглавлял один из них. С 1891 жил в Петербурге. Преподавал рус. яз. и лит-ру в г-зиях и военн. уч. заведениях Петербурга, Харькова, Гельсингфорса. Один из инициаторов создания первого в России Нар. ун-та (1898), неск. научно-педагогич. об-в Петербурга, изд-ва «Нар. уч. лит-ра», участвовал в создании об-в по изучению наследия А.Н.Островского, Л.Н.Толстого, Н.И.Пирогова. Сотр. газ. «Сев. курьер» (СПб., 1899-1900). «Кавказские минеральные воды» (Пятигорск, 1903), газ. «Новости», «Ежегодника имп. театров» и др. Его ранние стихи, рассказы и пер. с рус. и франц. яз. публиковались в 1880-е в укр. журн. под псевд. «К.Недоля» и «Non-ego», получили благожелат. отзывы И.Франко и Л.Украинки. А. автор монографии «Казимир Бродзинский и его лит. деятельность (1791-1835)» (Киев, 1891), кн. о М.Ю.Лермонтове «Поэт мировой скорби» (Пг., 1914), ст. о творчеств Л.Толстого, Чехова, *Горького*, *Л.Андреева*, рус.-укр. и рус.-фин. культурных и полит. связях. В кн. «Публичные лекции о рус. писателях» (СПб., 1909. — Кн. 1), «Л.Андреев. Итоги творчества. Лит.-критич. этюд» (СПб., 1910), «Этюды о рус. писателях» (СПб., 1912) использована методология культурно-историч., сравнительно-историч. и психологич. школ, элементы импрессионистич. лит-ведения. С 1913 А. проф. рус. яз. и лит-ры в Гельсингфорсского ун-та и инспектор слав. б-ки ун-та.

В нояб. 1917 А. переехал на пост. жительство в Гельсингфорс. Возглавлял коллегию Матросского (Нар.) ун-та, входил в Советы рус. уч. заведений Гельсингфорса, читал лекции в жен. г-зии, возглавлял объединенную комиссию по рус. школьному делу в Финляндии. По его инициативе в 1918 было создано об-во «Рус. колония в Финляндии» — союз, объединявший интересы фин. граждан рус. происхождения и беженцев из России. А. стал первым пред. Совета об-ва (до окт. 1918). В марте 1919 пр-во Финляндии решило упразднить все рус. кафедры, и А. лишился работы в Гельсингфорсском ун-те. А. издавал и ред. гельсингфорсск. газ. «Голос рус. колонии» (1918), «Рус. листок» (1918-19), «Рус. голос» (1918), «Рус. вест» (1918), «Рус. жизнь» (1919), «Новая рус. жизнь» (1919-22), призванные, по его мнению, служить целям духовного сближения рус. населения с финнами. Кроме публицистич. ст. известность получили восп. А. о встречах с Л.Толстым, Горьким, Чеховым, Репиным, Н.Рерихом, лит.-критич. этюды о Достоевском, Тургеневе, Горьком, Блоке, *Арцыбашеве*, Ахматовой, *Эренбурге*, Р.Тагоре и др., помещенные в рус. газ. и журн. Риги: «Сегодня» (1919-21), «День» (1922), «Театр и жизнь» (1920), «Новая неделя» (1924-27), «Новая нива» (1926-27), «Сегодня вечером» (1923-40), «Слово» (1920); Стокгольма — «Рус. курьер» (1919); Ревеля — «Последние изв.» (1920); Белграда — «Наше будущее» (1924-25); Парижа — «Наше слово» (1920). В апр. 1919 фин. власти запретили А. жить в Гельсингфорсе. Вызвало подозрение его участие в переговорах с сов. руководством об оказании материальной помощи рус. в Финляндии. В авг. 1919 А. вер-

нулся в столицу Финляндии и продолжил культурно-обществ. работу, основав «беспартийный демократич. орган рус. самосознания» газ. «Рассвет» (1919-20).

С лета 1920 А. жил и работал в Риге. Занимал должность проф. рус. лит-ры Латвийск. ун-та (1920-22), затем приват-доцента рус. и слав. лит-р, проф. Высшей школы Латвии, Латышского нар. ун-та, Рижской евр. консерватории. В 1921 он основал и возглавлял до своей смерти рус. ун-тские курсы в Риге, ред. лит. и обществ. полит. газ. «День» (1922), сотрудничал в изд-ве «Саламандра» (Рига, 1926-29).

Лит.: Унковский В. Из воспоминаний о К.И.Арабажине // Наше слово. — Рига, 1929. — № 9.
Исаков С.Г. Проф. Хельсинкского ун-та К.И.Арабажин. Очерк жизни и деятельности // Studia slavica finlandensia. — Helsinki, 1987. — Т. 4.
+РП-1.

Л.А.Еськина

АРСЕ́НЬЕВ Николай Сергеевич (16(28).V.1888, Стокгольм — 18.XII.1977, Нью-Йорк) — философ, богослов, культуролог, лит-вед. Род. и вырос в дворянской семье, сын дипломата. «Патриархальная, тихая жизнь дома была духовно динамична... она оплодотворяла душу» («Дары и встречи жизненного пути». — Франкфурт-на-М., 1971. — С. 70). Учился в моск. лицее им. цесаревича Николая (бывший Катковский лицей), с 1905 — на ист.-филол. ф-те Моск. ун-та (лекции и занятия Л.М.Лопатина, В.О.Ключевского, С.К.Шамбинаго, П.Н.Сакулина), к-рый окончил в 1910 с дипломом 1 степени, в том же году опубликовал кн. «В исканиях абсолютного Бога» (М.). Продолжил учебу в нем. ун-тах. В 1912 оставлен при кафедре зап-европ. лит-р Моск. ун-та, с 1914 приват-доцент, читал лекции по культуре и лит-ре ср-вековья. Близкий правому крылу октябристов, отдал дань публицистике («О нашем Временном правительстве, о свободе и порядке и защите родины». — М., 1917). В 1918-20 проф. Саратовского ун-та. В 1919 дважды арестовывался, в марте 1920 эмигрировал, перейдя польскую границу; в начале 1930-х из СССР к нему по визам выехала семья. С 1921 по 1944 преподавал рус. лит-ру и богословие в Кеннигсберге и на православном ф-те Варшавского ун-та (1926-38), с 1924 д-р философии. С 1927 участник экуменического движения, в частности Лозаннской (1927) и Эдинбургской (1937) конференций, поч. гость на Втором Ватиканском соборе (1965); в 1959 личная аудиенция у папы Иоанна XXIII. После поражения Германии жил в Париже, с 1948 проф. Св.Владимирской семинарии в Нью-Йорке, читал лекции в европ. странах.

В центре внимания А. как философа-культуролога — сходства разных культур, эпох и народов. Основой духовной жизни человечества он считал преодоление «пессимизма на путях мистики», усматривая его у древних египтян, евреев, греков, в буддизме и христианстве: «Пессимистич. умонастроения — наилучшая почва для... развития мистических исканий» («Жажда подлинного бытия: Пессимизм и мистика». — Берлин, 1922. — С. 7, 10). Культуру, выросшую на почве христианства, к-рому он был неизменно верен, А. рассматривает в широких контекстах. Прямым преддверьем христианства А. считает антич. культуру («Пессимизм и мистика в Др. Греции» // Путь. — 1926. — № 4-5). В ср-век. миросозерцании А. привлекают не аскетика и пессимизм, сопряженные со страхом, а его светлая, эстетически окрашенная тенденция: мир и материя не есть принцип отрицательный, земное бытие призвано быть обожествленным, и «процес этот начался уже в воскресении во плоти Сына Божия»: появление христианства знаменовало преодоление платоновского дуализма и «пропасти... между миром и Богом» («Платонизм любви и красоты в лит-ре эпохи Возрождения» // ЖМНП.— 1913. — № 1. — С. 26). Будучи сторонником единения православия с католичеством и протестантизмом, А. подчеркивал неумирающее значение Вост. церкви, к-рая говорит о соборном характере нашего спасения («Православие. Католичество. Протестантизм». — 2 изд. — Париж, 1948 (1 изд. — 1930). — С. 144-5; «Единый поток жизни: К проблеме единства христиан». — Брюссель, 1973. — С. 218-9).

Общим проблемам эстетики посвящены работы А. 1950-70-х. Исходя из того, что «просветление тварного, земного .... луча-

ми свыше — одна из центральных проблем духовной жизни человечества», он утверждает, что красота призвана умиротворять и одновременно пробуждать томление, что ее значение не только утешительное, но прежде всего «будящее» («О красоте в мире». — Мадрид, 1974. — С. 44, 139): красота лишает человека покоя, порождает «творческую тоску», «вызывает душу на активность» и «требует ответа». Иск-во при этом осознается (в противовес кантовской и романтич. эстетике) не столько в качестве сотворения прекрасного, сколько как его «схватывание» и закрепление («Преображение мира и жизни». — Нью-Йорк, 1959. — С. 44). Со временем миропонимание А. окрашивается в тона традиционалистские и почвенные: «глубины духа» становятся достоянием человека, поскольку они питали «творческую жизнь» его предков; культура — это порождение нар. жизни, важнейшее достояние к-рой — «ткань жизни.., насыщенная творческими воздействиями» и не менее значимая, чем «отдельные великие памятники... культуры» («Из рус. культурной и творч. традиции». — Франкфурт-на-М., 1959. — С. 13, 9). Почвенничество А. отмечено историзмом: «Истинно жизненная традиция всегда динамична: это есть единый поток жизни духа». Как необходимое проявление культуры рассматриваются религ.-просветленный бытовой уклад и святыня семейного очага. Смысл культурного творчества — в любви , и осуществляется оно на том «жизненном поле, на котором я поставлен работать» («О жизни Преизбыточествующей». — Брюссель, 1966. — С. 267). А. говорит о болезненности «разрывов» культурной преемственности, причины к-рых усматривает, во-первых, в насильств. акциях — революциях, всегда «бесплодных и убогих», ибо они рождаются из ненависти, и, во-вторых, в «духовном оскудении... «мещанском» обмельчании духа». Высказывается предположение, что в ситуациях «культурных разрывов» защитники традиции бывают «не менее виноваты, чем ее поносители и враги» («О духовной традиции и о «разрывах в истории культуры» // Грани. — 1953. — № 20. — С. 145).

Культурология А. получила обоснование в его работах о рус. жизни. Говорится как о женственной душе России, так и о силе ее духа: «Героизм в соединении с простотой и смирением можно определить как тот идеал, который русский народ видит перед собой всегда, если только его душа не целиком оторвана от своих истоков», истоки же эти — «в смиренной духовной трезвенности православия» («Die geistigen Schicksale des russischen Volkes». — Graz, 1966. — S. 124). Подробно характеризуются «красота, уют и внутренняя теплота патриархальной семейной жизни», к-рая стала в России своего рода «домашней церковью»; «элемент соборности» и присущий рус. людям (речь идет о Д.В.Веневитинове, Н.В.Станкевиче и дружеских сообществах славянофилов) «дар... зажигания друг друга духовным огнем»; культуротворческая энергия «усадебных гнезд», органически связанных с деревенской жизнью. Рус. XIX в. предстает в освещении А. как эпоха плодотворного культурного синтеза Востока и Запада: в отечеств. бытии соединились «раскрытость духовная и укорененность в жизни предания. Лучшее в русской жизни родилось отсюда» («Из рус. культ. и творческой традиции». — С. 15-16, 66, 152). А. восторженно оценивает «духовную весну» в России рубежа XIX-XX вв. (деятельность Вл.Соловьева, Л.М.Лопатина, Е.Н. и С.Н.Трубецких): С.Н.Трубецкой, «примиритель старого (но не стареющего) и нового (но не разрушительно буйного)» явился «примером христианского мыслителя, спустившегося на арену политической жизни». Вместе с тем культурная среда этой эпохи оценивается критически: порой «чаша Диониса литературно и безответственно смешивалась с чашей Евхаристии» («Дары и встречи жизненного пути». — С. 105, 248, 62). А. разграничивал худож. словесность, выражавшую религ. умонастроения, объективно освещавшую уклад рус. жизни, и лит-ру интеллигентов, к-рая отвергала нац. традиции, была политически радикальна, тенденциозна, сыграла роль разрушительную и предварила большевизм («Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart. — Mainz, 1929. — S. 5-6). В лит-ре символист. ориентации А. усматривал эротич. мистику, взвинченность, духовное разложение; высоко оценивал поэзию акмеистов; в творчестве А.Ахматовой отметил «сдержанный героизм, пропитанный терпением, любовью и жалостью», веру в «безмерную силу любящего сострадания», классич. ясность и сдержанность формы (ЗРАГ. — 1972. —

Т. 6. — С. 47). В лучших произв. рус. писателей, утверждает А., присутствуют укорененные в нац. сознании порывы прощающей любви и сердечного сокрушения, дар умиления и благодатных слез, готовность к радостному отданию себя («Из рус. культурной и творческой традиции». — С. 240-5).

В творчестве А.С.Пушкина, А.К.Толстогоо, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского А. усматривал близкие ему умонастроения. Речь шла о «духе трезвенности и гармонии... при напряженности чувства» в пушкинских стихах («О красоте в мире». — С. 117), о «захваченности» поэта стихией нар. жизни и значимости для него темы «семейного быта, родовой жизни» («О лирич. стиле и нек-рых лирич. темах Пушкина» // ЗРАГ. — 1975. — Т. 9. — С. 68, 73). А.К.Толстой охарактеризован как глубоко «мажорный», «великий религиозный поэт», кровно связанный с народом. («А.К.Толстой» // НЖ. — 1976. — № 122. — С. 131), в чьем творч. сознании «чувство родины, чувство красоты и призыв к духовному подвигу» слиты воедино («Поэт А.К.Толстой: Служение красоте и борьба за права духа» // ЗРАГ. — 1976. — Т. 10. — С. 20). Менее однозначна оценка миросозерцания Л.Н.Толстого, творч. подвиг к-рого понят как «неправильно направленный». Высоко ценя в писателе «великого изобразителя и поклонника... русской семейной традиции», А. вместе с тем упрекает его в осмеянии религии и склонности к «ригористической морали», порой заостряемой до изуверства («О Льве Толстом» // В. — 1960. — № 107. — С. 27-33; см. также «Захваченность стихией жизни у Льва Толстого» // ЗРАГ. — 1978. — Т. 11). Характеризуя Достоевского как «глубочайшего аналитика» утопич. фантазий и безудержных страстей, в т.ч. «головных», А. утверждает, что «беспощадность писателя вытекает ... из огромной жалости, охватившей его раз и навсегда», что в его произв. началам разложения и хаоса противопоставляется сила «целящей и умиляющей Творческой Реальности» («О Достоевском: Четыре очерка». — Брюссель, 1972. — С. 234-534). Как о достойном и творч. продолжателе лучших традиций рус. культуры и лит-ры А. говорил о А.И.Солженицыне (ЗРАГ. — 1974. — Т. 8). Откликался он также и на др. явления совр. лит-ры («О лирич. поэзии Д.И.Кленовского» (там же.- 1979. — Т. 12). и сам выступал как поэт («Безбрежное сияние: Стихотворения». — Нью-Йорк, 1956; «Близкая даль: Стихотворения». — Франкфурт-на-М., 1977).

А. как культуролог во многом близок *Г.Федотову*, для к-рого тоже были актуальны понятия «ткань жизни», «традиция», «почва» и к-рый рассматривал начала рус. быта как «срощенные» с христианством. В отличие от большинства совр. ему мыслителей, А. мыслил более «сопрягающе», нежели «альтернативно», избегал оценочно поляризующих суждений, настойчиво сближал разные культуры, будь то эллинизм и христианство, ср. века и Новое время, Россия и зап-европ. страны, Восток и Запад. Почвенная позиция А., констатирующая родство всего и вся в жизни человечества, обладала и обладает энергией объединения наций, конфессий, регионов, эпох.

Изд.: Мистицизм и лирика: Из обл. мистич. поэзии ср-вековья. — Пг., 1917.
Князь С.Н.Трубецкой // НЖ. — 1952. — № 29.
Преображение красоты и любви в творчестве Данте // В. — 1965. — № 166.
О лирич. поэзии Шелли, Тютчева и Хуана де ла Крус // В. — 1970. — № 223/224.
Образы романтич. Италии: От Гете до Гоголя и до наших дней // ЗРАГ. — 1970. — Т. 4.
А.С.Хомяков и В.А.Кожевников // В. — 1970. — № 217.
С.Л.Франк как мистик // В. — 1970. — № 231.
О «цветении» рус. культуры в нач. 20 в. // Современник. — 1978. — Т. 37-38.
Духовные силы в жизни рус. народа / Вступ. ст.Хализева В.Е. // ЛО. — 1994. — № 1/2.

Лит.: Плетнев Р. Н.С.Арсеньев // Рус. религ.- филос. мысль XX в.: Сб. ст. под ред. Полторацкого Н. — Питтсбург, 1975.
Некрологи: Современник. — 1978. — № 37-38; ВРСХД. — 1978. — № 126; НЖ. — 1978. — № 131.
Посв. памяти Н.С.Арсеньева // ЗРАГ. — 1979. — Т. 12. — Статьи С.Зеньковского, Г.Штаммлера, А.Оболенского, архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) и библиогр. Т.Берда.
Хализев В.Е. Н.С.Арсеньев как культуролог и лит-вед // Обществ. науки за рубежом. Сер. 7. — 1992. — № 5/6.
+РФН; РФР.

В.Е.Хализев

АРЦЫБÁШЕВ Михаил Петрович (24.X(5.XI).1878, хутор Доброславовка, Ахтырский уезд, Харьковская губ. — 3.III.1927, Варшава) — прозаик, публицист, драматург. Происходил из поместного дворянского рода, по матери — поляк. В 1897-98 учился в харьковской Школе живописи и рисования. С 1894 его рассказы, заметки, репортажи стали появляться в провинц. газетах. С переездом в Петербург в 1898 начинает публиковаться в столичной прессе. А. критически воспринимал рев. пафос литераторов, группировавшихся вокруг горьковских сб. «Знание», скептически оценивал возможность духовно воздействовать на об-во. «Я думаю, — делился он в «Записках писателя», — что литература вовсе не так влияет на жизнь, чтобы даже самое великолепное художественное произведение отдельного автора могло произвести в ней ощутительный переворот... Литература влияет на жизнь... в течение десятков, если не сотен лет...» («Рассказы. Записки писателя». — М., 1914. — С. 320). В его произв. часто возникают образы, заимствованные у Чехова, Толстого, Достоевского, и вместе с тем его поэтика вступала в резкое противоречие с рус. классич. лит-рой — его описания нарочито натуралистичны, обнаженно жестоки. Роман «Санин» (Совр. мир. — 1907. — № 1-5, 9; отд. изд.: СПб., 1908; М., 1990) надолго обеспечил ему скандальную репутацию проповедника аморализма. Автором разгромной ст. был К.И.Чуковский (см. его кн. «От Чехова до наших дней». — 3-е изд. — СПб.; М., 1908. — С. 119-134). Оскорбленный писатель послал критику вызов на дуэль, к-рая не состоялась. Вместе с тем, по признанию А.Блока, А. был «бесспорно талантливым писателем» (Блок А.А. Собр. соч.: В 8-ми т. — М.; Л., 1962. — Т. 5. — С. 115), Л.Толстой, хотя и упрекнул А. в том, что в ром. «Санин» он «не показал никакой духовной жизни», но в целом положительно отозвался о писателе: «...у Арцыбашева работает — самобытно — мысль, чего нет ни у *Горького*, ни у *Андреева*... Простой талант без содержания у *Куприна*; у Арцыбашева и талант и содержание» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. — Т. 57. — С. 20). Особенно нравилась Толстому пов. «Смерть Ланде» (1904), в определ. мере созвучная идеям «толстовства». Лучшие ром. А. печатались в сб-ках «Земля»: «У последней черты». — 1910-12. — Сб. 4, 7, 8 (отд. изд.: Мюнхен; Лейпциг, 1910; М., 1913); «Женщина, стоящая посреди». — 1915. — Сб. 17 (отд. изд.: Рига, 1930). См. также: Собр. соч.: В 10-ти т. — М., 1912-18.

О тех настроениях, с к-рыми А. оказался в эмиграции, свидетельствует сб. его размышлений, написанных в 1919 в России, но изд. лишь за рубежом. Здесь А. утверждал: «Жизнь не в столкновениях народов, борьбе классов, создании религий и философских систем. Она в том, чего все эти события являются завершением: в мыслях, чувствах и поступках всех людей» («Вечный мираж». — Берлин, 1922. — С. 8). По убеждению писателя, к каким бы результатам ни пришла грядущая социальная революция, трагизм ее будет не в падении того или иного класса, а в том, что «множество живых, страдающих людей будет втянуто в смертельную борьбу, обречено на муку и гибель. В случае ее победы не торжество идеи будет важно, а облегчение участи опять-таки миллионов людей. Но хотя бы для грядущих поколений выгоды этой революции были бы даже неисчислимы, они все-таки ни на йоту не уменьшат ужаса страданий и смерти тех, кто падет в этой борьбе» (там же. — С. 10-11). Эту идею А. варьировал на протяжении всей кн. «Вечный мираж». Характерен для нее и апофеоз страдания — настроения, явно противопоставляемого группе людей, «утверждающих жизнь». «Только страдание, — писал А., — и является настоящим двигателем жизни, и жизнь застыла бы в мертвом бездействии, если бы страдание и страх страдания не толкали ее на поиски спасения. Всякое сознательное творчество и всякое бессознательное влечение равно возбуждаются прямой необходимостью бороться со страданием или желанием предохранить себя от страданий в будущем» (там же. — С. 25). Писатель говорил о «духовной узости» и «умственном убожестве» людей, «охваченных политической борьбой»: «В самом характере их деятельности есть уже отрицание жизни, ибо они ставят над жизнью идею, во имя которой допускают всякое насилие над чувством, волею и жизнею того же человека. за которого они бо-

рются» (там же. — С. 29-30). В завершении кн. «Вечный мираж» А. обобщал: «Итак, «человек» не «звучит гордо», как провозгласил Горький, нет, «человек» звучит очень жалобно и жалко, но это все, что мы имеем, что мы есть. И да закатятся скорее все «великие солнца великих идей» о Богах всякого рода, и да воцарится в сознании человечества истина о том, что мы — одни, что нет и не может быть такой идеи, во имя которой можно было бы терзать живого человека. Если мы не можем жить без религии, то пусть этой религией будет любовь к человеку. К маленькому, живому, страдающему человеку сегодняшнего дня, такому, как он есть, со всеми его слабостями и пороками» (там же. — С. 131-132).

С подобными убеждениями А. эмигрировал в авг. 1923 в Варшаву, где издал сб. «Под солнцем» (1924). составленный из произв., написанных в России. В одноим. рассказе писатель предвещал гибель всей цивилизации и культуры в результате осуществления мировой революции. Политич. аллюзиями оказалась насыщена единств. написанная в эмиграции драма «Дьявол: Трагический фарс» (Варшава, 1925). В этой стихотв. пьесе иронически обыгрывается традиц. демонич. тема, популярная в нач. XX в. Сюжет «трагического фарса» представляет собой как бы продолжение «Фауста» Гете, но в эпоху XX в. — «ада на земле», т.е. в эпоху битвы «за свободу, равенство и братство», всегда оборачивающейся, по мнению писателя, кровью и диктатурой. Дьявол заключает «пари» с «Духом свободы» о том, что Фауст, к-рому вернут зрение (в кон. гетевской трагедии он слепнет), будет через год сам искать смерти. И Дьявол выигрывает. Фаусту (символизирующему неутомимое искание истины) открывается изнанка полит. идеалов, деклараций служителей иск-ва и церкви, ложных уверений в любви, оказывающейся похотью (в вакханалию голой чувственности вовлекается и Маргарита). Разочарованный во всем, преданный своими «товарищами» по полит. борьбе, Фауст принимает яд. В ансамбль персонажей наряду с традиц. фигурами Дьявола (Мефистофеля), Фауста, Маргариты, Марты, Ведьмы и др. введены многочисл. лица, подчеркивающие злободневность «старой легенды» (среди них — социалисты, рабочие, члены Комитета). В речи персонажей вплетены реминисценции не только из «Фауста», но также из полит. гимнов пролет. движения. Иронич. осовременивание классич. сюжета призвано подчеркнуть иллюзорность идеалов «свободы, равенства и братства».

Гл. для себя А. считал теперь публицистич. деятельность; в эмиграции А. «громко заявил, что отныне впредь до падения большевиков он более не романист, не новеллист, не драматург, а только публицист, политик и трибун-патриот» (*А.Амфитеатров*. — С.23-24). Печатался постоянно в варшавской газ. «За свободу!» (также помогал *Д.В.Философову* ее редактировать). А. «вовсе не был «человеком экстремы», как многие пытались его определить, обманываясь его пламенным литературным темпераментом. Напротив, характером он был очень мягок, а ум имел рассудительный и логический. Но именно на прямолинейных путях строгой «честности мысли», логической до конца, обретал он ту беспощадную последовательность, что определяет его как писателя-гражданина, смелого до дерзости... Его варшавская противобольшевицкая кампания была сплошным бомбометательством в лагери коммунизма и соглашательства» (Амфитеатров. — С. 22). *З.Гиппиус* называла А. настоящим художником, причем подчеркивала художественность именно его полит. ст. в варшавской газ. (СЗ. — 1924. — № 18). Эти ст. вызвали разл. отклики во всех центрах эмиграции, их перепечатывали во многих газ. Наиб. последовательно А. изложил свои взгляды на сов. режим в ст., связанных с процессом М.Конради: убийца сов. представителя Воровского был оправдан женевским судом, и публицистич. выступления А. способствовали этому. «Показания» А., написанные специально для процесса М.Конради и опубл. в газ. «За свободу!», были включены в кн. «Записки писателя» (Варшава, 1925). Пользуясь правом художника на фантазию, А. призывал в свидетели против деяний большевика Воровского — как представителя власти рабочих и крестьян — «всех замученных и расстрелянных в большевицких подвалах, всех погибших от голода и холода, всех погибших от

грязи и эпидемии... жертв великого коммунистического эксперимента... ибо кому же и свидетельствовать в пользу человека, который поднял свою слабую руку... в защиту и отмщение всех их, невинно погибших» (там же. — С. 25). Ведь «кто творит одно дело с палачами, тот сам палач, и Воровский был убит не как идейный коммунист, а как палач... Убит как агент мировых поджигателей и отравителей, всему миру готовящих участь несчастной России» (там же. — С. 40-41). В основе подобных выводов лежала уверенность А., что «кровавый переворот 7 ноября 1917 года не выражал народной воли» и что Ленин является «гениальнейшим пройдохой, так полно сочетавшим в себе черты деспота — жестокость и лицемерие» (там же. — С. 5, 12). По убеждению А., «ни нашествие Батыя, ни кровавое безумие Иоанна не причинили России такого вреда и не стоили русскому народу столько крови и слез, как шестилетняя диктатура красного вождя» (там же. — С. 96). Говоря о «завоеваниях» революции, А. писал: «Очень может быть, что, когда кончится наша революция и на Руси воцарится какой-то новый строй, Русь станет и богаче и сильнее старой... Это будет результатом напряженной деятельности новых, более талантливых и сильных духом строителей, которые придут после нас. Эта новая Россия именно потому и будет прекрасна, что в ней не останется следов тех ужасов, насилия, глупости и подлости, на которых и зиждется бытие революции» (там же. — С. 68-69).

Получив известие о смерти А., З.Гиппиус сказала о нем на заседании «Зеленой лампы»: «Человек. Любил родину просто: как любят мать. Ненавидел ее истязателей. Боролся с ними лицом к лицу, ни пяди не уступая, не отходя от материнской постели. Шесть лет. Потом был физически выкинут вон. Остался у дверей. И продолжал то же... Как солдат на фронте умирает просто, так же просто, в чистой рубашке умер и Арцыбашев, отдав все свое, вплоть до жизни — своей единой любви» (*Терапиано*. — С. 66). Как писатель и публицист А. является «одним из тех авторов, которых понимание возрастает через отдаление их эпохи в историческую перспективу: истинную оценку им дает не современность, но потомство» (Амфитеатров. — С. 21).

Изд.: Тени утра: Роман, повести, рассказы. — М., 1990.
Собр. соч. — М., 1994. — Т. 1-3.

Лит.: Некрологи: Пильский П. // Сегодня. — 1927. — 4 марта; Куприн А. // В. — 1927. — 5 марта; [Скиталец] // Рус. слово. — Харбин, 1927. — 22 марта; За свободу! — 1927. — 5, 6, 8 марта.
Неугасимая лампада: Сб. ст. памяти М.П.Арцыбашева. — Варшава, 1928.
+ Казак; РП-1.

А.А.Ревякина

АЧАЙР (наст. фамилия Грызов) Алексей Алексеевич (5(17).IX.1896, Омск — 16.XII.1960, Новосибирск) — поэт. Происходил из семьи сиб. казаков. Окончил омский кадетский корпус. поступил в Петровско-Разумовскую сел.-хоз. акад. Участник Белого движения, в 1922 прибыл в Харбин, стал заметной фигурой в лит. кругах. «Внешность его никак не соответствовала его происхождению. Тонкий в кости, изящный, с золотой шапкой вьющихся волос, хороший пианист. он скорее походил на рафинированного эстета петербургских гостиных, чем на сибирского казака. Был он секретарем недавно открывшегося в Харбине Христианского союза молодых людей, филиала одноименной американской организации» (Волин М. Рус. поэты в Китае // Континент. — 1982. — № 34. — С. 339). Именно в помещении этого Союза в Харбине стали собираться молодые чл. лит. объединения «Чураевка», ставшего одним из центров рус. эмигр. поэзии. А. был инициатором этого кружка, он же придумал название, взятое из эпопеи «Чураевы» сибирского писателя *Г.Гребенщикова*. Почти все поэты Харбина, а затем Шанхая, в той или иной степени прошли через этот «Чураевский питомник»: Г.Гранин, Н.Щеголев, *В.Перелешин*, Н.Петерец, Ю.Крузенштерн-Петерец, *Л.Андерсен*. В заседаниях «Чураевки» принимали участие *А.Несмелов* и *М.Колосова*.

В 1925 в Харбине вышла кн. стихов А. под назв. «Первая». Впоследствии *А.Пер-*

фильев вспоминал: «Лет 12 назад, если не ошибаюсь, писал я о его сборнике стихов... Хорошо помню сборник, его темы и сущность, его тревоги и надежды. «Не согнула судьба нас, не выгнула, / Хоть пригнула до самой земли, / А за то, что нас Родина выгнала, / Мы по свету ее разнесли» (Для Вас. — Рига, 1937. — № 17. — С.29). А. печатался в изданиях рус. Харбина «Рубеж» и «Луч Азии». «Алексей Ачаир — поэт разнообразный, от тем казачьих пришедший к темам стихийного движения России на восток, поэт доброй воли и гуманности, часто умевший облечь свои замыслы в одежды великой гармонии и музыкальности. В его менее удачных вещах преобладает нота назидательности, но мы оцениваем поэта не по его срывам, а по его способности иногда приблизиться к совершенству» (Перелешин В. Рус. дальневосточные поэты // НЖ. — 1972. — № 107. — С. 256). Музыкальность А. отмечали многие: «Он был очень музыкален, сам подбирал к своим стихам музыку... В музыке, в стихах, которые, казалось, лязгали, как копыта на мерзлом снегу, слышалась летевшая на конях, не покорившаяся красным, казачья Сибирь» (Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник // В. — 1968. — № 204. — С. 51). Дарованию А. способствовал и его брак с оперной певицей Галиной Добротворской. «Свои стихи Ачаир всегда читал слегка нараспев и любил декламировать их под музыку собственного сочинения» (Резникова Н. В рус. Харбине // НЖ. — 1988. — № 172/173. — С. 391).

В 1931 Харбин был оккупирован японцами, и мн. поэты уехали в Шанхай. Но А. остался в Харбине и продолжал возглавлять «Чураевку», а в 1932 уступил руководство молодым Н.Петерецу и Н.Щеголеву: «Будь на месте Ачаира человек себялюбивый и менее выдержанный, он пошел бы на разрыв, предоставив новорожденной студии искать себе другое пристанище. Вместо этого, он скромно стушевался, отступил, дал своим буйным питомцам возможность трудиться по-своему, а сам остался лишь рядовым членом Чураевки» (Крузенштерн-Петерец Ю. — С. 63). Новый сб. А. «Лаконизмы» вышел в Харбине в 1937. А.Перфильев оценил эту кн.: «Спасение Ачаира в его талантливости. Сжатость его не искусственна, ритм четок, мысли углублены и заострены, и иные четверостишия говорят больше, чем целые поэмы. Строго говоря, это не стихи, а афоризмы, стихотворные эпитафии на могилах чувств и переживаний... В его стихах ясная умудренность, сдержанность. Улыбчивая, чуть тронутая инеем грусть. И большая усталость. Ни вскрика, ни стона... В сборнике нет бодрости, хотя нет и отчаяния. И это грустно, потому что граничит с равнодушием» (Перфильев А. — С. 29). В 1936 стихи А. были опубл. в поэтич. антологии «Якорь» (Берлин). Для дальневост. поэта такой «прорыв» в лит. Европу значил очень многое.

В 1938 в Харбине увидел свет еще один сб. А. «Полынь и солнце», а в 1939 там же вышла кн. его стихов «Тропы». Как и в др. кн. А., основной мотив — тоска по России: «О вьющемся снеге, / О радостном беге / Сибирских салазок / С горы ледяной, / О девичьем смехе, / О лунности сказок / Над снежной страной» («Взгрустнулось». — С. 10). «Без ветра спокойно молчала / Лазурная, стылая высь... / На взмыленной тройке промчала / Сверкнувшая звездами жизнь» (С. 18). Снова высоко оценивал эту кн. А.Перфильев: «Алексей Ачаир радует и волнует. Свежесть сравнений, умелое пользование рифмами по созвучию, стремление к обновлению форм сочетается у него с простотой и ясностью. Он не загораживается от мира поэтической дымовой завесой и, стремясь к новому, не ломает старого. В нем заметен здоровый постепенный рост полнокровного дарования» (Для Вас. — 1939. — № 9. — С. 28). В 1942 в Нью-Йорке в сб. рус. заруб. лит-ры «Ковчег» было опубл. стих. А. «Оазис», что еще раз свидетельствовало о признании его поэзии «мэтрами» рус. эмиграции, а в 1943 в Харбине издан последний сб. А. «Под золотым небом».

В 1945 после входа сов. войск в Харбин А. был депортирован в СССР и десять лет провел в лагерях. После освобождения жил и работал в Новосибирске. «Последовавшие тяжелые десять лет жизни в ГУЛАГе не истребили в нем творческого огня, и уже на седьмом десятке лет он продолжал свою педагогическую деятельность — преподавал пение в одной из школ Новосибирска. Он создал хор, в ко-

тором пело около сотни школьников» (Таскина Е. Лит. наследие рус. Харбина // Харбин: Ветка рус. дерева. — Новосибирск, 1991. — С. 16).

Изд.: «Голубые глаза без Руси одиноки...» // Голос Родины. — 1987. — № 51.

Лит.: Аргус М. Рец: «Лаконизмы» // Рубеж. — 1937. — № 16.

Осокин С. <Андреев В.> Рец.: «Тропы» // РЗ. — 1939. — № 17.

Пильский П. Рец.: «Тропы» // Сегодня. — 1939. — 17 апр.

Таскина Е.П. Поэты рус. Харбина // Проблемы Д.Востока. — 1989. — № 3-4.

Таскина Е.П. — Поэтич. волна рус. Харбина // ЗРАГ. — 1994. — Т. 26.

В.В.Леонидов

Б

БАЙКО́В Николай Аполлонович (29.XI(11.XII).1872, Киев — 6.III.1958, Брисбен, Австралия) — писатель-натуралист. Окончил 1-ю петерб. классич. г-зию, поступил в Тифлисское пехотное уч-ще. Воен. службу начал на Кавказе в 1892; в 1901 переводится в Заамурский округ пограничной стражи КВЖД. С Маньчжурией, с ее лесами, полями и горами связана вся его дальнейшая жизнь и довольно поздно начатое лит. творчество. В Петербурге в 1914 выходит его кн. «В горах и лесах Маньчжурии» (позднее изд. под назв. «В дебрях Маньчжурии») и в 1915 переизд. В это время Б. находился на австр. фронте, затем в рядах Белой армии, в нач. 1920 больной сыпным тифом эвакуировался из Новороссийска на пароходе «Саратов», оказался в Египте, затем в Индии и Индокитае, наконец, в 1922 приезжает в Харбин, устраивается на работу в КВЖД (Земельный отдел); подолгу живет на станциях Эхо, Яблоня. С 1925 Б. оседло жил в Харбине, сотрудничал и был почетным чл. в «Об-ве изучения Маньчжурского края», писал в журн. «Вест. Маньчжурии».

Б. был относительно изолирован в среде рус. эмигр. писателей. В СССР известна кн. Б. «В горах и лесах Маньчжурии». Она читалась любителями краеведческой лит-ры, тем более что внимание к ней привлек В.К.Арсеньев (1872-1930), кн. к-рого «По Уссурийскому краю» (1921) и «Дерсу Узала» (1923), написанные под влиянием Б., пользовались большой популярностью в СССР. В 1934 «В дебрях Маньчжурии» вышла в Харбине с доп. рассказами. Кн. Б. «Великий Ван: Жизнеописание тигра, быт тайги, легенды и сказания таежников» (Харбин, 1936; переизд. в России в альм. «Рубеж». — Владивосток, 1992. — № 1/863) стала своеобр. классикой «таежного» жанра; пер. на англ., франц., япон. яз. «Великий Ван» — анималистич. ром., живописующий жизнь огромного тигра, владыки («вана» по-кит.) тайги, к-рого охотники отпускают на свободу согласно традиц. кит. почтительности к любому владыке; неск. поколений рус. детей выросло в Харбине на этой кн. В 1937 выходит мемуарная кн. Б. «По белу свету: Военные и эмигр. рассказы» (Харбин), посвященная годам гражданской войны, скитаниям по Египту, Индии и Индокитаю, затем кн. «Тайга шумит» (Харбин, 1938), «У костра: Воспоминания и беседы» (Тяньцзинь, 1939), «Сказочная быль» (Тяньцзинь, 1940), «Тигрица: Таежная быль» (Харбин, 1940), «Наши друзья»(Харбин, 1942), «Записки маньчжурского охотника» (Тяньцзинь, 1941), «Шу-Хай» (кит. «таежное море») (Харбин, 1942), «Таежные пути» (Харбин, 1944), «Черный капитан: Роман-быль из жизни заамурцев по охране КВЖД» («Тяньцзин, 1943; Брисбен, 1959) и др.

Выезжал в Японию в нояб. 1942 как «рус. азиатский писатель», его кн. многократно выходили в пер. на япон. яз. «Дикие звери и люди», «Рассказы девственного леса» (Токио, 1959 и 1960) изд. только на япон. яз. в пер. с рукоп. Мн. произв. Б. не изд. до сих пор; в библ. «Н.А.Байков», изд. в Мельбурне в 1968 В.Н.Жернаковым, учтено свыше трехсот публ. Б.

После вступления сов. войск в Харбин в авг. 1945 Б. продолжал жить на Церковной улице и лишь в 1956 вместе с последней волной выезжающих из красного Китая русских престарелый писатель покинул страну и перебрался в Австралию, где вскоре умер. Б. известен также как тонкий и талантливый иллюстратор собств. произв.; все 24 рисунка к кн. «Великий Ван» воспроизведены при переизд. в «Рубеже».

Лит.: Ким Рехо. Николай Байков: Судьба и книги. Из лит. наследия «рус.» Харбина // ЛО. — 1993. — № 7/8.

Е.В.Витковский

БАКУ́НИНА (Новоселова) Екатерина Васильевна (1889, Царское Село — 2.IV.1976, Лондон) — прозаик, поэтесса. Окончила Екатерининскую г-зию в Петербурге. «Первый мой рассказ был напечатан в «Задушевном слове», когда мне было девять лет», — вспоминала она впоследствии (Содружество. — Вашингтон, 1966. — С. 508). Поступила на Агрономич. курсы, потом их бросила и уехала в США, где трудилась чернорабочей. Вернувшись в Россию, начала учебу на юрид. ф-те Высших жен. Бестужевских курсов. Из-за революции бежала на Украину и сдала экстерном экзамены в Харьковском ун-те. Работала отв. секр. журн. «Вест. Харьковского кредитного союза кооперативов». «Пореволюционные годы и эмиграция — годы борьбы за хлеб и кров, а, бывало, и за жизнь. Самое тяжелое в них — отсутствие свободы в распоряжении временем и почти полная невозможность писать», — писала она в автобиографии. (Калифорнийский альм. — Сан-Франциско, 1934. — С. 96). В 1921 вернулась в Петроград, где работала ассистентом в Ин-те мозга, занималась переводами и заведовала отделом «Кунсткамера» в «Синем журн.»

В 1923 эмигрировала в Париж. В 1931 в изд-ве «Родник» увидел свет ее сб. «Стихи». В кн. 9 разделов: Родина; Изгнание; Люди; Одиночество; О смерти; Материнство; Женское; Отражения; Земля. Стихи были в осн. лирико-филос. Поэтесса писала, обращаясь к сыну: «Рожденный мною — мне самой дальний / Чужих и мертвых впитав грехи, / Он остается к словам печальным, / К нежнейшим зовам моим глухим» (с. 128). Нек-рые стихи были написаны в подражание *И.Северянину*: «В октябрьский день, прозрачный и печальный, / На сером фоне стен деревьев редкий лист, /Желтея ежится в холодной раздевальне/ У осенью раскрашенных кулис» (с. 76). Книгу не слишком ласково встретил *В.Ходасевич*, назвав ее из-за относит. грамотности стихов и полного, на его взгляд, отсутствия поэтич. магии и тайны, «человеческим документом» (В. — 1931. — 25 июня). Значит. период творчества Б. оказался связанным с журн. «Числа», где она работала секр. ред. Здесь были опубл. подборки ее стих. и рец. В 1933 в берлинском изд. «Парабола» увидел свет ром. Б. «Тело». (М., 1994), посв. истории любовных переживаний героини и ее мучений в попытках найти гармонию в физич. близости. «Тело» вызвало большой резонанс в лит. критике. Совершенно не принял новое произв. В.Ходасевич: «Переживание, описанное с величайшей точностью, но не подчиненное законам литературного ремесла, не образует художественного произведения... Тут нет никакой эротической трагедии, а есть цепь половых неудач — разница преогромная» (В. — 1933. — 11 мая). Сама же писательница, обосновывая свое творчество, писала: «Важнее не то «как» сказано или сделано. Доходчивой оказывается предельная правдивая простота-безыскусственность, как в жизни некрасивое лицо душевней правильного» («Для кого и для чего писать» // Числа. — 1932. — № 6. — С. 256). В полемику с Ходасевичем вступил *М.Цетлин*. «Умение говорить правду дается не многим. Екатерина Бакунина этим умением обладает в большой степени. Зоркость, напряженная воля к правде, способность эту правду видеть, чувствовать и показывать другим в ней незаурядны. Поэтому книга ее не «человеческий документ».., а художественный синтез, искусство» (СЗ. — 1933. — № 53. — С. 452). В особо натуралистич. страницах «Тела» Цетлин нашел влияние «Любовника леди Чаттерлей» Д.Г.Лоуренса. Критика также привлекло мастерство в изображении удручающих картин эмигр. быта. Восторженной была реакция *Ю.Фельзена*: «Книга Бакуниной — одна из самых искренних и бесстрашных, какие приходится читать. Это — сплошное медленное усилие превратить «крик отчаяния» в осторожные, точные, конкретно-правдивые слова» (Числа. — 1933. — № 9. — С. 218). Фельзен отверг обвинения некоторых критиков в цинизме и порнографии.

Те же темы Б. развила в новой кн. «Любовь к шестерым» (Париж, 1935; М., 1994). Опять с резким отзывом выступил В.Ходасевич: «Книга Бакуниной представляется мне совершенной ее неудачей. Проблемы, лежащие в основе ее, сами по себе важны, но говорить о них по поводу «Любви к шестерым», или в связи с этим романом будут, конечно, разве только в самых глухих углах интеллектуального захолустья. Как психологический тип, ге-

роиня г-жи Бакуниной оказалась не трагична, а забавна, потому что вся ее «философия» и психология уж очень явно сводятся к физиологии». (В. — 1935. — 1 авг.). Также с язвит. рец. выступила *З.Гиппиус*. Ром., в к-ром подробно расписывались чувства героини к своим детям, мужу, любовнику и двум старикам, явно не вызвал ее одобрения: «Пристрастие Бакуниной к «жено-бабству» уже замечалось в первом романе ее (гораздо, все-таки, лучшем). Быть может, это наивное убеждение, что «о женском» легко узнать, если раздеть женские телеса и аккуратно проследить их половые функции?... Возможно. Но невозможно не пожелать Бакуниной поскорее отделаться от наивности и заняться действительно литературой. Для этого — повторяю, у нее много данных» (СЗ. — 1935. — № 58. — С. 478-479). Однако ром. имел значит. успех и вскоре был переведен на чешск., нем. и франц. яз.

В 1936 *Г.В.Адамович* и М.Л.Кантор включили два стих. Б. в антологию «Якорь». Впоследствии ее стихи вошли в антологии поэзии рус. зарубежья «Эстафета» (Париж, 1948) и «Содружество» (Вашингтон, 1966). Сразу после войны Б. переехала в Лондон, где жизнь, по ее признанию, не очень складывалась. «Отъезд в Англию, где узкая клетка устарелого брачного законодательства оказалась мне не впору... В Англии урывками отливались только стихи, появлявшиеся в «Новом русском слове». Начатые, незаконченные или недоработанные рукописи — в корзине», — так закончила Б. свою автобиогр. (Содружество. — С. 508).

Изд.: Стихи // Числа. — 1932. — № 6.
Стихи // СЗ. — 1933. — № 52.
Шторм // Числа. — 1934. — № 10.
Стихи // НЖ. — 1945. — № 11.
Стихи // Рус. сб. — Париж, 1946. — № 1.

Лит.: Пильский П. Рец.: «Стихи» // Сегодня. — 1931. — 7 авг.
Адамович Г. Рец.: «Тело» // ПН. — 1933. — 9 марта.
Трубников Г. [Пильский П.] Рец.: «Тело» // Сегодня. — 1933. — 28 марта.
Пильский П. Рец.: «Любовь к шестерым» // Сегодня. — 1935. — 22 июля.

В.В.Леонидов

БАЛАКШИ́Н Петр Петрович (5(17).X.1898, Барабаш, Приморская обл. — 29.VII.1990, Ричмонд, США) — прозаик, критик, журналист. Род. в семье почтового работника. Отец участвовал в рус.-япон. войне, заведуя воен. почтой в Мукдене. Мать — дочь фин. переселенцев вблизи Владивостока. Детство Б. прошло в Хабаровске. С февр. по май 1917 учился в Александровском воен. уч-ще в Москве, затем принимал участие в боевых действиях на румын. фронте. С 1919 сражался в Белой армии на Д.Востоке. В кон. 1921 покинул Россию.

После двух лет скитаний по городам Китая Б. из Шанхая отправился в Сан-Франциско, увлекся журналистикой, начал писать рассказы. Учился на славян. ф-те Калифорнийского ун-та, печатался в «НРС» под псевд. Б.Миклашевский, редактировал лит. сб. «Земля Колумба» (Нью-Йорк, 1936. — Кн. 1), в к-ром опубл. его пов. «Весна над Филмором». В кн. 2 альм. «Земля Колумба» (Нью-Йорк, 1937) напечатаны его «Письма из Рокпорта». В «Калифорнийском сб.» (1934) писал о рус. эмигр. лит-ре. Летом 1946 Б. приехал в Сеул, где работал в штабе ген. Д.Макартура, принимал участие в амер.-сов. комиссии по Корее, написал труд о суде над япон. военными преступниками. По восп. Б., ему понадобилось более шести лет, чтобы написать свой гл. двухтомный труд «Финал в Китае» (Сан-Франциско, 1958-59) — первое историко-документ. иссл. жизни рус. эмиграции на Д.Востоке. По свидет-ву А.Хисамутдинова, изучавшего наследие Б. в отд. рукоп. Гарвадского ун-та, тема рус. эмиграции волновала Б. до кон. жизни, он предполагал написать кн. о жизни рус. эмиграции на Западе.

Рассказы Б. на рус. и англ. яз. опубл. в периодич. печати в 20-30-е и были выпущены в Сан-Франциско в изд-ве «Сириус»: т. 1. «Пов. о Сан-Франциско» (1951, включает автобиогр.); т. 2. «Весна над Филмором» (1951); т. 3. «Возвращение к первой любви» (1952). В том же изд-ве в 1955 вышел ром. Б. «Планировщики». Хотя Б. был прежде всего новеллистом, «за десятилетия литературной работы он обрел отточенное перо и оригинальный стиль, оставаясь при этом эссеистом, критиком, драматургом» (Витковский Е. // Рубеж. — 1995. — № 2. — С. 4). Мн. работы Б., особенно последнего периода, не опубл.

Лит.: Хисамутдинов А. Человек из Приморья // Владивостокское время. — 1995. — 4 авг.

Е.П.Таскина

БАЛЬМÓНТ[1] Константин Дмитриевич (3(15). VI.1867 Гумнищи, Шуйский уезд, Владимирская губ. — 24.XII, 1942, Нуазиле-Гран, близ Парижа) — поэт, переводчик, эссеист. Род. в помещичьей семье, отец был земским деятелем в Шуе. Учился в г-зии в Шуе и Владимире, на юрид. ф-те Моск. ун-та (1886—1888); был исключен за участие в орг-ции студенч. «беспорядков». Первые стих. напечатал в 1885 в петерб. журн. «Живописное обозрение» (№ 48. — 1 дек.). Первую кн. «Сборник стихотворений» выпустил на собств. средства в 1890 (Ярославль). Затем следовали сб. «Под северным небом» (СПб., 1894), «В безбрежности» (М., 1895), «Тишина» (М,, 1898), «Горящие здания» (М., 1900). Вершина поэтич. славы Б. пришлась на первое десятилетие XX в., когда были изданы сб. стих. «Будем как солнце» (М., 1903), «Только любовь» (М., 1903), «Литургия красоты» (М,, 1905), кн. «Горные вершины» (М., 1904), в к-рую вошли ст. и эссе о писателях, произв. к-рых поэт переводил, размышления о поэтике стихосложения.

Высокие оценки поэтич. дара и мастерства Б. даны мн. его современниками: «То было время, — писал В.Брюсов, — когда над русской поэзией восходило солнце поэзии Бальмонта. В ярких лучах этого восхода затерялись едва ли не все другие светила. Думами всех, кто действительно любил поэзию, овладел Бальмонт и всех влюбил в свой звонкопевучий стих» (Брюсов В.Я. Далекие и близкие. — М., 1912. — С. 107). В Москве в 1907-14 вышло «Полн. собр. стихов» Б. в 10-ти т.

В пер. Б. опубл. произв. мн. классиков мировой лит-ры. По восп. *И.В.Одоевцевой*, большую заслугу Б. отмечал Н.С.Гумилев: «Это он открыл для читателя сокровищницу мировой поэзии», он первым «пригласил мечту дальних стран на пир русской поэзии» (Одоевцева. — С. 217).

С 1892 по 1916 Б. совершил путешествия по странам четырех континентов: первое — в Скандинавию (1892), затем в Испанию (1896). В Оксфорде (Англия) выступил с лекциями по рус. лит-ре. (1897). В 1902 — снова Испания, Англия, а также Германия, Швейцария, Бельгия. С 1905 проживал в Париже (до 1913), посетил Мексику и Калифорнию (1905), Египет (1909). В 1912 совершил морское путешествие на Восток (Южная Африка, Австралия, Океания, Новая Зеландия, Цейлон, Индия). В 1916 через Владивосток выезжал в Японию. Б. переводил древние предания и мифы, к-рые составили кн. «Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних» (М., 1908). Написал несколько кн. путешеский: «Змеиные цветы» (М., 1910), путевые очерки о Мексике; пер. мифов майя, «Край Озириса: Египетские очерки» (М., 1914).

В 1905-20 создал цикл стих. «Песня рабочего молота» (М., 1922). В февр. 1917 Б. приветствовал революцию как «освежающую грозу». Окт. 1917 и последующие события получили отражение в кн. автобиогр. прозы и стихов Б. «Революционер я или нет» (М., 1918). Его отношение к социализму было резко отрицательным: «Социализм есть убогая выдумка человеческого ума, которой, быть может, суждено на краткий исторический час воплотиться в действительность, чтоб человечество, всегда в своей исторической жизни создающее новые ходы и попытки, убедилось, что принудительное обобществление труда есть наихудший вид духовной каторги и наиболее полное осквернение свободы личности и неприкосновенности отдельной души» («Революционер я или нет». — С. 12). «Дважды и трижды рассудив со своею душою свою жизнь, — я знаю, что никогда более я не смогу поверить ни в какую революцию» (там же. — С. 31).

25 июня 1920 Б. с близкими покинул Россию, получив разрешение выехать во Францию на полгода. Обратно не возвратился. В 1921 перешел на положение эмигранта. Жил в Париже и его окрестностях, временами — на Атлантическом побережье в Капбретоне (1926-28 и 1930-32). Скончался Б. в пору нем. оккупации Франции

---

[1] Существует две традиции в произношении фамилии поэта. Первая, с ударением на первом слоге, идет от потомков, вторая, предпочитаемая поэтом, сложилась и бытовала в лит. кругах его времени — Бальмóнт (Куприяновский П. Бáльмонт или Бальмóнт?) // ЛГ. — 1992. — 19 авг.)

в приюте «Русский дом» недалеко от Парижа»[1]. По восп. И.В.Одоевцевой, «ни поэтов, ни поклонников на похоронах не было». (Одоевцева. — С. 217). В Париже рус. эмиграция узнала о погребении позднее из ст. в «Парижском вестнике» (*Терапиано.* — С. 21).

В 1920-1930-х Б. издал новые поэтич. сб., кн. прозы публицистики, пер. поэзии и фольклорных памятников. Для поэта это был период нравств. испытаний и горького чувства утрат, нужды и бедствий: «Я потерял в путях свою страну» («Стихотворения». — Л., 1969. — С. 39). Гл. темами творчества Б. стали отношение к революции, любовь к России, горечь переживаний, чувство обреченности, а также размышления о лит-ре и писателях, худож. творчестве.

В 1924 Б. издал кн. очерков-восп. «Где мой дом?» (Прага). В очерках «Факел в ночи», «Белый сон», «Без русла» он свидетельствовал о пережитом в пореволюционные годы в Подмосковье (Новогиреево), где он провел часть зимы 1919. «Лютый зимний холод... Мы в снежном царстве зимы и, голодные, стынем... в царстве безбрежного злосчастья, где убивают и умирают» («Где мой дом»? — С. 9, 13).

Покинув свою страну, поэт на долгие годы оказался в одиночестве. «Я живу среди чужих». «Мне душно от того воздуха, которым дышат изгнанники... Мне душно от воздуха летнего Парижа, где я никому не нужен и где ничто для меня не нужно» («Где мой дом?». — С. 18, 132). «Я ушел из тюрьмы, уехав из Советской России», — писал он в очерке «Завтра». — «Я уехал на полгода и не вернулся. Зачем бы я вернулся? Чтобы снова молчать как писатель... Но нет дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа, когда бы я не порывался вернуться («Где мой дом?». — С. 24, 131). Мироощущение поэта в нач. 20-х наиб. выразительно передано названием поэтич. сб. «Марево» (Париж, 1922), стих. к-рого выражают смятение и подавленность: «Наваждения», «Бездна», «Актеры Сатаны» и др. 23 апр. 1921 прочитал в Париже лекцию «Три года при большевиках (Лично пережитое)». Мрачны его пророчества и о судьбе России: «Великая держава / Где твое величье? / Упившись в диком пире, / Проснешься — вновь в цепях» («Российская держава»). Со стих. тех лет в поэзию Б. вошли неведомые в период его восторженного триумфа трагич. тональность, гражданственность, публицистичность. В последующих сб. и циклах стих., как и в очерках, заметны иные лирич. мотивы. «Моя мысль уходит далеко. Туда, в белую Москву и подмосковные места, где мне было, как никогда, трудно, но где душа моя пела» («Где мой дом?» — С. 9). «Уйти туда, где бьются струи / В знакомый брег / Где знал впервые поцелуи / И первый снег... / Уйти туда хоть на мгновенье, / «Хотя мечтой» («В раздвинутой дали: Поэма о России». — Белград, 1930). В очерке «Гаданье» Б. писал: «Ощутив веяние новых созвучий в душе, я начинал обратный путь домой — в Россию, в правду и красоту». Поэтом овладевало «чаяние возврата в новую Россию, которая будет, которая строится... ибо, конечно же, не только злые силы там работают..., но и силы творческие, которые в конце концов... возобладают» («Где мой дом?» — С. 48). Вместе с тем в 1928 Б. и *Бунин* опубликовали в парижской газ. «L'Avenir» (1928. — 12 янв.) открытое письмо, обращенное к совести франц. писателей, молчащих о положении писателей в СССР. Р.Роллан возражал им в журн. «L'Europe» (1928, февр.).

Г.Струве подчеркивал, что поэтич. речь Б. «осталась тем же, чем была в эпоху, когда символизм нераздельно царствовал в русской поэзии» (Россия и славянство. — 1930. — 29 марта). Тихое любование красотой, тонкие нюансы чувств, налет грусти передают стих. «Хлопья тумана», «Зарево мгновений», «Сумерки» («Гамаюн: Избр. стихи». — Стокгольм, 1921). Символичны назв. стих. «Цветочный звон», «Полночь в цветке», «Цветозыбь», «Звездный водомет» («Дар земле». — Париж, 1921).

В числе изд. за рубежом кн. Б. — «Светлый час: Избр. стихи» (Париж, 1921; М., 1992), «Голубая подкова: Стихи о Сибири, 1916-1928» (Чураевка (США), 1936). «Светослужение» (Харбин, 1937), «Воздушный путь: Кн. рассказов» (Берлин, 1923), автобиогр. ром. «Под новым серпом» (Берлин, 1923), сб. эссе «Соучастие душ» (София, 1930). Поэт печатал стих. и ст. в журн. и альм.: «СЗ», «Сполохи», «Воля России».

[1] Датой смерти считается 24 дек. 1942, однако Г.Струве (с. 32) и Ю.Терапиано (с. 21) пишут, что Б. скончался 26 дек. 1942.

«Грани», «Числа», «Записки наблюдателя», «Перезвоны». В «СЗ» поместил цикл стих. «Видения родного» (1922. — № 9).

В годы эмиграции были переизданы поэтич. пер. Б., кн. путешествий: «Из мировой поэзии» (Берлин, 1921), «Зовы древности» (Берлин, 1923). В сравнении с первым изд. (М., 1908) они дополнены пер. др-греч. лирики, аккадских заклинаний, япон. древней поэзии, заговоров Океании. В авторизов. пер. на франц. яз. в Париже вышла кн. путевых очерков «Visions solaires: Mexique — Egypte — Inde — Japon — Oceanie» (P., 1923).

Б. поддерживал творч. контакты с литераторами Чехии, Болгарии, Польши, Литвы, переводил их произв. В его пер. вышли «Стихотворения» Ярослава Врхлицкого (Прага, 1928), «Книга смиренных» Яна Каспровича (Варшава, 1928). В 1929 Б. посетил Болгарию, результатом чего явилось изд. в его пер. кн. «Золотой сноп болгарской поэзии: Нар. песни» (София, 1930). Поездки в Литву и давние контакты с литов. поэтами (Людас Гира и др.) позволили Б. издать поэтич. сб. «Сев. сияние: Стихи о Литве и Руси» (Париж, 1931).

Б. возвращался к сделанному им пер. поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», первому полному на рус. яз., к-рый был издан под назв. «Носящий барсову шкуру» (М., 1917). В 1933 пер. вышел в Париже. В пер. Б. было напечатано также «Слово о полку Игореве» (Россия и славянство. — 1930. — 14 июня). Кн. пер. Б. «Рев. поэзия Европы и Америки: Уитмен» издана в Москве (1922).

В публ. в «СЗ», в кн. «Где мой дом?» поэт расширил диапазон размышлений о рус. поэзии и лит. в целом, он писал о Пушкине, Лермонтове, Некрасове, Тютчеве, Тургеневе, Л.Толстом. В парижском клубе молодых литераторов выступил со «Словом к молодым поэтам» (День поэзии. — М., 1965), с речью о Баратынском («Мыслящее сердце: Баратынский» // Лит. учеба. — 1982. — № 2). На лит.-муз. утреннике в Париже 23 марта 1924 Б. произнес речь, посв. памяти С.Т.Аксакова («Имени С.Т.Аксакова» // Зап. наблюдателя. — Прага, 1924. — № 1). В 1921, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Ф.М.Достоевского, Б. произнес на юбилейном собр. в Париже речь о писателе («Где мой дом?». — С. 54-61).

Б. опубл. цикл «Мысли о творчестве», в к-рый вошли эссе «Эпоха Просвещения и заря новой жизни», «Романтики» (СЗ. — 1921. — № 1), «Тургенев» (СЗ. — 1921. — № 4). Тургенева он назвал самым русским из всех наших прозаиков, «лучше других постигшим разлив родной речи и лучше всех других понявшим основные черты нашего народа, прихотливый ход нашей истории». «Тургенев — безупречный лик художника, воспринявшего искусство как одну из граней вечности» (СЗ. — 1921. — № 4. — С. 294-295). Б. оставил свидет-ва о писателях рус. зарубежья — И.Бунине, *А.Куприне*, *Д.Мережковском*, *З.Гиппиус*, *Г.Гребенщикове* («Где мой дом?». — С. 95-99).

Критика в зарубежье по-разному оценивала творчество поэта в годы эмиграции и его лит. наследие в целом. Б., — писал *Г.Адамович*. — «это метеор, мерцавший обманчивым и неверным светом и исчезнувший, надо полагать, бесследно» (Адамович Г. Комментарии. — Вашингтон, 1967. — С. 147). Соотечественники в эмиграции видели, что начиная с 1932 в Б. нарастала душевная депрессия, парализовавшая в конечном счете его мысль. Но *М.Цветаева* отмечала в «Слове о Бальмонте», произнесенном 24 апр. 1936 на вечере в связи с 50-летием его творч. деятельности: «Если бы за ним сейчас записывать, получилась бы одна из прекраснейших его книг» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1994. — Т. 4. — С. 277). Г.Струве, знавший поэта близко, отмечал: «Ни своего дара песни, ни своего мастерства Бальмонт в эмиграции не утратил». При этом он ссылался на сотни стих. из сб. «Дар земле» (Париж, 1921), «Сонеты солнца, меда и луны» (Берлин, 1921), «Мое — Ей. Россия» (Прага, 1924), «В раздвинутой дали» (Белград, 1929), «Сев. сияние» (Париж, 1931). «Лучшие стихи Бальмонта этого периода стоят на том же уровне, что и те, к-рые когда-то пленяли читателя на заре второго золотого века русской поэзии» (Струве. — С. 133).

Изд.: Стихотворения / Вступ. ст. Орлова В.Н. — Л., 1969.
Избр. стихи и поэмы. — Мюнхен, 1975.
Избранное / Вступ. ст. Ивановой Е.В. — М., 1989.
Избранное / Вступ. ст. Макогоненко Д.Г. — М., 1991.
Стихотворения / Вступ. ст. Озерова Л. — М., 1990.

Золотая россыпь. Избр. переводы / Вступ. ст. Романенко А.Д. — М., 1990.
Где мой дом: Стих., худож. проза, ст., очерки, письма. / Сост. Крейда В. — М., 1992.
Письма К.Бальмонта А.Ранниту (1937-38) / Публ. Шерона Дж. // Новое ЛО. — 1995. — № 11.

Лит.: Адамович Г. Бальмонт // Звено. — 1925. — 14 дек.
Седых А. К.Д.Бальмонт: О себе и о других // Сегодня. — 1926. — 27 июня.
Пильский П. К.Д.Бальмонт: К 60-летию со дня рождения // Сегодня. — 1927. — 4 июня.
Даватц В. В Рус. научном ин-те на лекции К.Д.Бальмонта // Новое время. — 1929. — 20 марта. Подпись: В.Д.
Адамович Г. 70-летие К.Д.Бальмонта // ПН. — 1937. — 17 июня.
Цетлин М. Бальмонт // НЖ. — 1943. — № 5.
Седых А. Бальмонт // НЖ. — 1958. — № 55.
Бальмонт Е.А. Мои восп. о К.Д.Бальмонте // Лит. Россия. — 1987. — № 12.
Авадовский К.М., Дьяконова Е.М. Бальмонт и Япония. — М., 1991.
Бальмонт и чеш. писатели [Письма Бальмонта] // ВЛ. — 1992. — № 2.
Althaus-Schönbücher S. Konstantin D.Balmont. — Bern; Frankfurt a.M., 1975.
+ Амфитеатров; Бахрах; Зайцев; Казак; Одоевцева; РЛЗ-1; РП-1; Седых; Соколов; Струве; Терапиано.

Е.Ф.Трущенко

БАРЯ́ТИНСКИЙ Владимир Владимирович (8(20).XII.1874, Петербург — 7.III.1941, Париж), князь — прозаик, журналист, драматург. Из древнейшего княж. рода, восходящего к Рюриковичам (в 22-м колене), внучатый племянник наместника Кавказа кн. А.И.Барятинского. Окончив петерб. морск. кадетский корпус (1893), служил в Гв. морск. экипаже, в 1904 вышел в отставку. В первой его драме «Честь мое имя!» (СПб., 1893) сатирич. изображена светская жизнь. С 1896 писал в газ. «СПб. вед.» рассказы и статьи о театре, затем сотрудничал в газ. «Новое время» под псевд. «Барон Ondit». В 1899-1900 изд. и ред. (совм. с *К.И.Арабажиным*) полит. и лит. газ. «Сев. курьер» (историю закрытия газ. Б. рассказал в газ. «Сегодня». — 1929. — 6 окт.). Ст. Б. из «Сев. курьера» представлены в его сб. «Рассказы. Мысли и заметки» (СПб., 1901). В 1901 вместе с первой женой актрисой Лидией Борисовной Яворской открыл Новый т-р (Т-р Яворской), где шло большинство пьес Б.: «Перекаты» (1901), «Карьера Наблоцкого» (1903), «Пляска жизни» (1904) и др. о нравах дворянства. Б. также автор ист. пьес «Во дни Петра» (СПб., 1900), «Светлый царь» (СПб., 1905) и прозы: «Потомки!» (СПб., 1897), «Лоло и Лала (Картинки добрых нравов)» (СПб., 1900) о людях «большого света».

В нач. первой мировой войны Б. выехал на Запад, читал лекции по рус. лит-ре и истории в Англии и Франции, печатался в эмигр. газ. Берлина, Парижа. Большинство его рассказов, очерков и восп. появилось в «ПН» и посв. придворной жизни, старому Петербургу, рус. и франц. истории. Печатался также в «РМ», «ИР» и «Мире и иск-ве», где появились его мемуары «Догоревшие огни» (1930. — № 6, 9, 13; 1931. — № 6, 15; отд. изд.: Париж, 1934; отрывок в газ. «Дни». — 1924. — 27 апр.). В некрологе о Б. говорилось: «В эмиграции он оказался уже немолодым человеком, без средств... В Западной Европе у него оставались и светские связи и литературные... Но этих связей не хватало для того, чтобы наладить жизнь. Он никогда не жаловался, был всегда со всеми ровен и любезен, разговаривал о своих делах и занятиях почти неизменно в веселом тоне: ну что ж, пожил иначе, теперь живу так, не все ли равно?... Люди, его знавшие, ценили и талантливую натуру, и неизменное безупречное джентльменство этого старого барина» (НЖ. — 1942. — № 1. — С. 376).

+РП-1.

Л.Л.Черниченко

БАХРА́Х Александр Васильевич (1902, Киев — 23.XI.1985, Париж) — критик, мемуарист. Отрочество и юность провел в Петербурге, где учился в частной г-зии. Осенью 1918 вместе с родителями вернулся в Киев. откуда в мае 1920 уехал в Варшаву.

При подходе Красной армии к польск. столице Б. с трудом удалось выбраться в Данциг, а оттуда через Берлин в Париж, где его ждал обосновавшийся там дед, с к-рым Б. был связан крепкими духовными узами. В Париже Б. слушал лекции на юрид. ф-те Сорбонны. В конце 1920 уезжает в Берлин, тогдашний центр рус. лит. эмиграции, живет там до 1923, активно участвуя в лит. жизни. Первое выступление в лит-ре состоялось в берлин. газ. «Дни» 19 нояб. 1922 (отзыв о кн. *А.Ремизова* «Ахру»). В 1922 высланные из России философы и писатели — *Н.Бердяев*, *С.Франк*, *М.Осоргин*, *Ф.Степун* и др. образовали свой «Клуб писателей», секр. к-рого стал юный Б. В 1923 возвращается в Париж и уже до кон. дней не расстается с Францией. Биогр. сведения о Б. скудны, однако известна его образованность, знание европ. яз., способность располагать к себе. «Это был высокий, красивый, умевший великолепно держаться парижанин, оставлявший после себя яркое впечатление», — писал публикатор его лит. эссе Г.Поляк (НЖ. — 1992. — № 189. — С. 305).

Б. дружил с *И.Буниным*, А.Ремизовым, *В.Ходасевичем*, переписывался с *М.Цветаевой* и опубл. ее письма (Мосты. — 1960. — № 5; 1961. — № 6). Был «своим» на Монпарнасе, мн. времени проводил среди художников. Знал мн. европ. писателей, художников, актеров. Одно время исполнял обязанности секр. экономиста *А.В.Чаянова*, написавшего ряд лит. произв. Не сильно обремененный заботами о хлебе насущном, Б. писал и печатался мало, однако участвовал почти во всех эмигр. изд.: «Дни». «Воля России», «Новая рус. книга», «Струги», «Числа», «СЗ», «Рус. сб.», «Орион», «Новоселье», «НЖ», «Мосты», «Опыты», «НРС», «Континент». Был далек от политики, не участвовал в лит. конфронтациях. Б. знал происходящее в мире эмигр. лит-ры «изнутри» и умел дать объективную оценку явлению, обладая острым взглядом и хорошим вкусом. В течение своей долгой жизни, наполненной общением с интересными людьми XX в., вел записи, составившие своего рода худож. летопись быта и бытия рус. париж. эмиграции. Был особенно близок с И.Буниным, прожив «под его крышей» четыре воен. года. Весьма сожалел, что «не стал его Эккерманом». Оставил запись последнего дня Бунина, читавшего в тот день «Воскресение» Л.Толстого, размышляя о таинстве жизни и смерти. Кн. Б. «Бунин в халате» (Bayville; N.Y., 1979) насыщена бунинск. сентенциями и корректна в оценках фактов интимной жизни писателя. В 1980 в Париже вышла кн. его эссе «По памяти, по записям. Лит. портреты», большинство к-рых было впервые опубл. на стр. «Рус. мысли». В кн. вошли лит. портреты И.Бунина. *А.Толстого*, А.Ремизова, *Д.Мережковского*, *Б.Зайцева*, *П.Муратова*, *Н.Тэффи*, *К.Бальмонта*, *А.Белого*, М.Цветаевой, Б.Пастернака, М.Шкапской, Н.Бердяева, *Л.Шестова*, М.Гершензона, *Ю.Айхенвальда*, *М.Алданова*, *В.Набокова*, *С.Юшкевича*, *Дон-Аминадо*, *Е.Кузьминой-Караваевой* (матери Марии), *Д.Кнута*, *Б.Вильде*, *А.Гингера*, *Б.Поплавского*, *А.Вертинского* и др. В предисл. к кн. *Ю.Иваск* характеризует манеру письма Б., вспоминая сентенцию о дружбе Монтеня: «Дружественная теория познания Бахраха» очень монтеневская. Она вытекает из симпатии, с добавкой иронии, иногда скепсиса» (с. 7). «Бахрах хорошо знает — что может и хочет делать и чего не может да и не хочет. Бахрах не мифотворец, он просто пишет свои портреты или эскизы — меткие, живые, непритязательные...» Элемент «мифотворчества» все же иногда присутствует в портретах «доброжелательного Бахраха», как его называет Ю.Иваск. Версия о том, будто *Н.Оцуп* хлопотал в Чека за Н.Гумилева, не что иное как мифологема, глубоко оскорблявшая А.Ахматову (РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 34). Вторая часть кн. «По памяти, по записям» должна была выйти из печати к восьмидесятилетию Б. Однако изд. не состоялось, и фрагменты из кн. опубл. в «НЖ» (1992. — № 189; 1994. — № 194; 1996. — № 197—198/199). Эти записи менее «портретны», однако более плотно насыщены фактами, в них усилено личностное начало. Б. формулирует свою позицию свидетеля и мемуариста: «От давних дней сохранилась у меня картонная папка, в которой я храню всевозможные письма, автографы, случайные и неслучайные записи. Иной раз я в эту папку заглядываю и замечаю, что некоторые письма и записи имеют кое-какую литературную ценность, другие будят воспоминания, о третьих я сам вспоминаю в связи с какой-нибудь случайно прочитанной или кем-нибудь оброненной фразой. Гончаров когда-то писал чуть ли не о «неприличии» посмертного

опубликования писем, не предназначавшихся для печати. Мне такое суждение всегда было малопонятно, и мне теперь кажется, что некоторые бумаги, сохранившиеся в моей литературной копилке, представляют общий интерес. поэтому я и считаю возможным печатать их, снабдив не столько комментариями, сколько добавив к ним те соображения, которые их чтение у меня — прямо или косвенно — вызывают» (НЖ. — 1992. — № 189. — С. 306-307). Вторая часть кн. готовилась к печати уже без участия Б., по материалам архива, предоставленного его вдовой Кристи Бахрах. В этих фрагментах встречаются повторения уже напечатанного в первой части, относящиеся к Бунину, Мережковскому, Ремизову. Но в осн. это новые, яркие штрихи, детали, цитации. Интересны разделы о *Г.Иванове*, В.Ходасевиче, Клюеве, Есенине, *Кусикове*, философах и историках Бердяеве, Шестове, Степуне, кн. *Д.Святополке-Мирском*, о поэтах *Д.Шаховском*, *Ю.Одарченко*, *В.Смоленском*, супругах *Раисе Блох* и *М.Горлине*, о критике *В.Варшавском*, о *Вере Булич*, *Н.Минском* и др.

Лит.: Иваск Ю. Рец: «Бунин в халате» // НЖ. — 1979. — № 137.
Некролог // РМ. — 1985. — 29 нояб.
Носик Б. «Такой забавник — умница Бахрах» // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Т. 2.
Ходасевич В.Ф. Переписка с А.В.Бахрахом / Публ. Малмстада Дж. // Новое ЛО. — 1993. — № 2.

С.А.Коваленко

БАХТИ́Н Николай Михайлович (20.III(1.IV).1894, Орел — 9.VII.1950, Бирмингем) — философ, филолог. Старший брат филолога и философа Михаила Бахтина, с к-рым его связывали не только общие интересы, но и — что заметно проявилось в годы эмиграции — сходные внутр. твор. импульсы и пристальный интерес к жизни слова.

В 1912 закончил 1-ю виленскую г-зию, переехал в Одессу и поступил в Новороссийский ун-т на историко-филол. ф-т. В 1913 перевелся в Петерб. ун-т на ф-т вост. яз., но вскоре перешел на историко-филол. ф-т. Во время учебы в Петерб. ун-те входил в малоизвестную ныне поэтич. группу, творчество участников к-рой ограничивалось пародиями на популярные в то время течения и поэтич. имена. Часть поэтич. опытов участников группы увидела свет в созд. ими изд-ве «Омфалос» (см. Эджертон В. Ю.Г.Оксман, М.И.Лопатто. Н.М.Бахтин и вопрос о книгоиздат-ве «Омфалос» // Пятые Тыняновские чтения. — Рига, 1990. — С. 218-225). Здесь его и застигла первая мировая война, не давшая завершить образование. В 1915 поступил в Николаевское кавалерийское уч-ще. Закончил его к началу Февр. революции и был направлен в распоряжение 11 гусарского (Изюмского) полка. В июле 1917 вернулся в Петроград, приступил к лит.-филос. занятиям. В янв. 1918 бежал в Крым. В окт. того же года вступил в Добровольч. армию, участвовал в боях, дважды болел тифом, после разгрома Белой армии эмигрировал («Рус. революция глазами белогвардейца» // Бахтинология. — СПб., 1995).

Нек-рое время плавал матросом на кораблях по Средиземному морю, потом был завербован на пять лет в Иностр. легион. Воевал в Алжире. После тяжелого ранения, едва не лишившись руки, попал в госпиталь. Выписался в 1924, вышел в отставку и перебрался в Париж. Перепробовав несколько профессий, летом 1924 стал сотр. еженед. (с сер. 1927 — ежемес.) «Звено». В своем отклике на смерть Н.Бахтина *Г.Адамович* вспоминал, что нового сотр. заметил изд. еженед. М.М.Винавер (НРС. — 1950. — 24 сент.). Мн. сотр. «Звена» знали Б. еще по Петерб. ун-ту.

Первые публ. Б. носят скрыто-биогр. характер. Ст. «Военный монастырь» (Звено. — 1926. — 14 июля) — попытка человека, прошедшего службу в Иностр. легионе, увидеть это своеобр. воен. сообщество как некое культурное целое со своими традициями, своими нормами поведения и неповторимым стилем жизни. И в поэзии, и в философии Б. привлекает не совершенство формы, не стройность и завершенность системы, но то, что толкает к действию. И стих., и философия должны адресоваться не к «читателю», не к «мыслителю», но к человеку. Можно говорить о «ницшеанстве», «кантианстве» или «язычестве» Б. (сам он говорил и о влиянии на его поколение идей Гуссерля — (см. «Эмансипация психологии» // Звено. — 1925. — 30 нояб.), но

его прежде всего интересует не сама доктрина, а способность ее стать дейст. частью жизни. Так, напр., он высоко оценивает Ф.Маритена, автора «Трех разговоров» (Звено. — 1926. — 3 авг.), и с иронией пишет о Маритене, попытавшимся примириться с неблизкими ему течениями («Обращение» Жана Кокто» // Звено. — 1926. — 15 авг.). Б. ценит прежде всего умение из мн. направлений сделать выбор в пользу одного, поскольку там, где нет сил к сознат. выбору, наступает зависимость от безликих косм. сил. Наиб. отчетливо это положение прозвучало в ст. «Современность и фанатизм» (Звено. — 1925. — 5 окт.; перепеч.: Независимая газ. — 1994. — 23 марта). Эта ключевая идея Б. отчетливо ощущается и в его подходе к философии Ницше («Ницше» // Звено. — 1924. — 17 нояб; «Ницше и музыка» // Звено. — 1927. — 2 янв.; перепеч.: Независимая газ. — 1994. — 12 окт.), и в его интерпретациях поэтич. и филос. творчества Поля Валери («Поль Валери — мыслитель» // Звено. — 1925. — 13 апр.; перепеч.: Лепта. — 1995. — № 24; «Поль Валери — академик» // Звено. — 1925. — 9 нояб.; «Из записей Поля Валери» // Звено. — 1927. — 22 мая; перепеч.: Лепта. — 1995. — № 24; «Два облика Поля Валери» // Звено. — 1927. — № 6, перепеч.: Лепта. — 1995. — № 24) и в его мыслях о задачах поэзии.

Общая направленность поэтич. творчества Б. заметно расходилась с устремлениями существующих направлений в рус. поэзии. С этим связан его пристальный интерес к проблеме самого способа существования поэзии, что нашло отражение в его ст.: «О рус. стихосложении» (Звено. — 1924. — 23 июня), «Письма о слове. 1. О произносимом слове. 2. О формальном методе» (Звено. — 1924. — 18 и 25 авг.), «Пути поэзии» (Звено. — 1925. — 9 февр.; перепеч.: Лепта. — 1995. — № 24), в рец. на кн. рус. формалистов В.М.Жирмунского, Б.Т.Томашевского, Б.М.Эйхенбаума и др., часто подписанных инициалами «Н.Б.».

По мнению Б., совр. поэзия переживает кризис, к-рый определяется сдвигом в яз. сознании. Изначально поэтич. слово — слово заклинательное, произносимое. В такой «поэзии для слушателя» (античная поэзия) музыке дано реальное звучание, и потому в ней отчетливей и тверже логич. остов, а сам мат-л распределен во времени, со своими кульминациями и спадами. Звучащая поэзия властно вовлекает слушателя в свое течение, ибо призвана повелевать. В новейшей поэзии «для читателя» незвучащая музыка слова вынуждена оберегать себя, — она выходит на передний план, затушевывая логич. остов этой поэзии. Отсутствие жесткой направленности во времени каждую «точку пути» делает равно существенной. Поэзия становится «келейной», превращается в иск-во тончайших узоров, в к-рые надо вникать внимательно и многократно. Такая «мыслимая» поэзия, удаляя звук, умалила и смысл, и «слово, в его двоякой сущности — звучащей и указующей, — медленно умирало» («О произносимом слове»). Поэт-заклинатель (Орфей) сменился поэтом-ремесленником, к-рый изготовляет безделушки для узкого круга любителей.

Символизм пытался вернуть поэзии «значение силы движущей и устрояющей» (Звено. — 1936. — 4 апр.), но в совр. условиях эта цель оказалась неосуществимой. «На смену символизму пришел трезвый эстетизм и разнузданный футуризм», к-рый исказил идею «всенародности», и «теперь поэтам остается или продолжать заниматься изготовлением поэтических пустячков, приятных и беспомощных безделушек, или, оставив стихи, обратиться к работе над перестроением всей современной культуры» (там же). С размышлением над совр. состоянием поэзии связан и интерес Б. к стихосложению, особенно к работам рус. формалистов. Высоко оценивая результаты отд. работ (особенно В.Жирмунского), Б. резко отзывался о попытках придать формальному методу универсальный характер, поскольку он способен раскрыть структуру любого словесного объекта, но не способен ответить на вопрос, что собственно делает прием худож. приемом. И лишь общее, филос. уяснение природы целостного слова дает основание всем частным методам.

С 1925 Б. ведет в «Звене» рубрику «Из жизни идей». Мн. ст. этого цикла стали своего рода «творческой лабораторией» филос. идей Б. Степень самостоятельности статей колеблется от простого пересказа до совершенно оригин. работ, где только тема определена вышедшей в свет кн., как, напр., ст. «Константин Леонтьев», поводом для к-рой послужила кн. *Н.Бердяева* (Звено. — 1926. — 28 марта). В поле его внимания — совр. течения философии

(фрейдизм, неотомизм, шпенглерианство и др.), новые идеи в филологии и психологии. О диапазоне интересов Б. говорит и его полемика с *З.Гиппиус* о кинематографе («Апология поневоле» // Звено. — 1927. — 23 янв.; перепеч.: ЛО. — 1992. — № 3/4) и заметка «Муза гастрономии» к 100-летию со дня смерти Брийа-Саварэна, автора «Физиологии вкуса» (Звено. — 1926. — 7 февр. подпись: «Н.Бор.»). Часть откликов — на кн. малоинтересные в собств. филос. смысле, но показательные для современности — он подписывал псевд. Н.Боратов.

К 1926 жанр эссе, ст. или рец. становится тесен Бахтину. На стр. «Звена» появляются его диалоги и «разговоры»: «Разговор о переводах» (Звено. — 1926. — 22 авг.), «О современности» (Звено. — 1926. — 12 сент.), «Похвала смерти» (Звено. — 1926. — 14 нояб.), «О созерцании» (Звено. — 1927. — 27 марта), «Об оптимизме» (Звено. — 1927. — 8 и 15 мая), «О разуме» (Звено. — 1927. — № 4; перепеч.: Лепта. — 1995. — № 24). Несомненно, в выборе жанра сказалось стремление следовать античной традиции, хотя не менее очевидно и влияние рус. традиции («Рус. ночи» В.Одоевского, «Три разговора» Вл.Соловьева, «На пиру богов» *С.Булгакова* и др.). Среди героев этих произв. часто встречаются «Поэт», «Философ» и «Филолог», и поскольку сам Б. в разные годы жизни выступал в каждой из этих «ролей», решить с полной определенностью, кто из героев этих диалогов и разговоров представляет взгляды самого Б., не всегда возможно. Скорее, каждое из этих произв. — фрагмент длит. спора с самим собой.

Но кульминацией его творч. деятельности в эмиграции стало то «живое», действ. слово, к к-рому он всегда стремился, — четыре лекции на тему «Современность и наследие эллинства» (1. «История и миф». 2. «От Гомера к трагедии», 3. «Торжество и разложение трагич. концепции мира» и 4. «О возможности и условиях нового Возрождения»), прочитанные в февр. — нач. марта 1927 (Звено. — 1927. — 20 и 27 марта). «Нельзя этих лекций забыть, — вспоминал Г.Адамович. — Среди слушателей Бахтина были люди, носящие самые славные в нашей эмиграции имена, — и я мог бы на их свидетельства сослаться: нельзя этих лекций забыть, соглашаются и они» (НРС. — 1950. — 24 сент.). После окончания цикла Б. было посв. и спец. заседание «Зеленой лампы» 12 марта 1927. На самое значит. возражение — о трагедии и христианстве — Б. ответил ст. «Паскаль и трагедия» (Звено. — 1927. — 12 и 19 июня), в к-рой доказывал, что христ. миросозерцание исключает трагическое. Отд. положения лекций были развиты в блестящих эссе «Четыре фрагмента» (Звено. — 1928. — № 3; перепеч.: Независимая газ. — 1993. — 20 апр.).

После закрытия в 1928 «Звена» Б. публикует две работы, к-рые стали итоговыми. Ст. «Антиномия Культуры» (Новый корабль. — 1928. — № 3; перепеч.: Независимая газ. — 1994. — 30 марта), к-рой предшествовала лекция «Самоотрицание культуры», прочитанная 15 дек. 1927, вскрывает трагедию человеч. самосознания. Эссе «Разложение личности и «внутренняя жизнь» (Числа. — 1930. — № 4) — последняя работа Б., опубл. на рус. яз.

В 1932 Б. переселяется в Англию (к этому времени он успел закончить Сорбонну), где начинается новая страница в жизни ученого. Здесь он получил степень д-ра филологии; дружил с Л.Витгенштейном, с к-рым, вместе с тем, совершенно расходился во взглядах. К нач. второй мировой войны стал коммунистом. Его творчество англ. периода — лекции и эссе — собрано в кн.: Bachtin N. Lectures and essays: Selection from the unpublished writings. — Birmingham, 1963.

Изд.: Из жизни идей: Статьи. Эссе. Диалоги. / Сост. Федякин С. — М., 1995.

Лит.: Осовский О.Е. «Неслышный диалог»: Биогр. и науч. созвучия в судьбах Н. и М.Бахтиных // М.М.Бахтин и филос. культура XX в. — СПб., 1991. — Ч. 2.
Грибанов А.Б. Н.М.Бахтин в нач. 1930-х годов // Шестые Тыняновские чтения. — Рига; М., 1992.
Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). — Саранск, 1993.
Осовский О.Е. Николай Бахтин на страницах журн. «Звено» (1926-1928) // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.
Christian R.F. Some unpublished poems of N.Bachtin // Oxford Slavonic papers. — 1977. — Vol. 10.
+РФР.

С.Р.Федякин

БЕЛОЦВЕ́ТОВ Николай Николаевич (3(15).V.1892, Петербург — 12.V.1950, Мюльхайм, ФРГ) — поэт, философ. Жил в Ревеле и Риге, был последователем антропософского учения Р.Штейнера (перевел его кн. «Страж порога». Б.г.). «Многое в его творчестве может быть объяснено антропософскими медитациями... Его поэзия действительно — чистое искусство. В этом его сила, но также и слабость: сила в чистоте тона, а слабость в том, что в слышимой им музыке было мало человеческого. Он всегда пребывал в высших сумерках бытия, где прислушивался не только к ангелам, но и к демонам», — писал в некрологе Б. *Юрий Иваск* (НЖ. — 1950. — № 23. — С. 226). Публиковался в эмигр. газ. и журн. В 1921 в Берлине выпустил кн. «Коммуна пролетарских миссионеров (Отрывки из неизд. романа «Михаил»)», в к-ром на фоне событий революции и гражд. войны рисовалась деятельность некоего тайного об-ва. Большевики в романе были представлены также носителями мистич. сил зла. Б. писал в предисл.: «По моему глубокому убеждению, пути России сокровенны для абстрактного мышления... Сокровенное можно выявить во всей его сложности только посредством художественного воссоздания идей и тайных импульсов, действующих за внешней оболочкой тайных событий» (с. 3). В том же году в Берлине увидела свет кн. «Пути России», на титульном листе к-рой значится: Н.А.Белоцветов. Автор, считая неминуемой скорее падение советской власти, развивал идеи о необходимом духовном очищении народа и воссоединении отпавших земель Рос. империи. В 1926 стихи Б. были опубл. в 12 и 16 номерах журн. «Перезвоны». В берлин. изд-ве «Гамаюн» в 1926 увидела свет кн.: Ангел Силезский. «Избр. двустишия из Херувимского странника» — стихи нем. поэта-мистика Иоганна Шеффлера в пер. Б., к-рый писал в предисл.: «Двустишия эти подобны трилистникам, только что сорванным с Елисейских полей; глубина мысли и художественные формы сочетаются в них с огромным религиозным напряжением. В них чувствуется еще одна непосредственная связь с тем Духом, из которого в одинаковой мере черпает и философия, и искусство, и религия» (с. 4).

Первый сб. стихов Б. «Дикий мед» вышел в 1930 в берлин. изд-ве «Слово». Строфы были написаны в ясной строгой манере, напоминающей поэзию рус. классицизма. «Все ближе вы, изменчивые тени, / Вы, некогда бежавшие очей. / Окрепшему откроетесь ли зренью? Пребудете, как встарь, в любви моей? / Все ближе Вы! Царите же, виденья, / Сквозите же за дымкой все ясней!» (Руль. — 1930. — 30 апр.). Тепло встретил кн. *М.Гофман*: «В его стихах не только нет ничего дикого, но они насыщены вековой культурой и отмечены большим образованным вкусом и большим чувством меры и такта» (Руль. — 1930. — 30 апр.). Несколько более сдержан был *Н.А.Оцуп*: «Стихи Белоцветова далеко не равноценны. Но он осторожен в выборе слов, достаточно строг к себе и может дописаться до своего стиля» (Числа. — 1930. — № 4. — С. 266).

Б. был участником трех сб. рус. поэтов Берлина: «Новоселье» (1931), «Роща» (1932), «Невод» (1933). Признанием таланта было появление его стихов в журн. «Числа» (1933. — № 7/8) и «СЗ» (1934. — № 56). В 1936 его произв. были включены в антологию рус. эмигр. поэзии «Якорь» и в этом же году в Риге увидел свет его второй сб. «Шелест». «Элегическая грусть, певучая и не лишенная нарядности, лучше всего удается Н.Белоцветову... Менее убедительны те трагические пронзительные ноты, которые встречаются в иных его стихотворениях», — писал в рецензии *М.О.Цетлин* (СЗ. — 1937. — № 63. — С. 406). В 1943 в Риге была издана «Антология рус. поэзии», к-рую завершали стихи Б.: «На незаконченной Твоей картине / Я лишь едва заметный робкий штрих, / Простой мазок, одна из многих линий, / Но Ты в трудах нуждаешься моих. / Настанет день, когда я нужен буду / Для Твоего огромного холста, / И без меня не совершится чудо / И не обожествится красота» (с. 281). Посмертный сб. стихов Б. «Жатва» вышел в 1953 в париж. изд-ве «Рифма».

Изд.: Духолюбие. — Рига, 1932.

Лит.: Пильский П. Рец.: «Шелест» // Сегодня. — 1936. — 17 окт.

Резникова Н. Рец.: «Шелест» // Рубеж. — 1937. — № 4.

Эпопея эмигрантской жизни. Николай Белоцветов // Грани. — 1953. — № 17. Подпись: А.Н.

В.В.Леонидов

БЕ́ЛЫЙ Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев; 14(26).X.1880, Москва — 3.I.1934, там же) — прозаик, поэт, критик, лит-вед, мемуарист. Сын Николая Васильевича Бугаева, ученого-математика и мыслителя, проф. Моск. ун-та. В 1899 окончил моск. частную г-зию Л.И.Поливанова, в 1903 — естеств. отд. физико-математич. ф-та Моск. ун-та. Лит. дебют Б. — «Симфония (2-я, драматическая)» (М., 1902). С нач. 1890-х Б. входит в круг моск. символистов, отстаивает концепции религ.-филос., теургич. символизма, направл. к преображению бытия и открытию новых горизонтов человеч. сознания. Ранний, «мистериальный» этап творчества Б. отражен в его «симфониях»: «Сев. симфония (1-я, героическая)» (М., 1904), «Возврат: 3-я симфония» (М., 1905), «Кубок метелей: 4-я симфония» (М., 1908), — а также в 1-й кн. стихов и лирич. прозы «Золото в лазури» (М.. 1904). Во 2-й пол. 1900-х Б. переживает кризис прежних убеждений, угасание мистич. надежд, пробуждение живого интереса к трагизму совр. действительности, что находит отражение в его кн. стихов «Пепел» (СПб., 1909) и «Урна» (М., 1909). В ту же пору Б. заявляет о себе как о крупнейшем теоретике символизма и активном критике-полемисте; значит. часть его ст. этого времени собрана в кн. «Символизм» (М., 1910), «Луг зеленый» (М., 1910), «Арабески» (М., 1911). Интерес к историософской проблематике, к осмыслению судеб России под знаком мифологем Востока и Запада — в центре ром. Б. «Серебряный голубь» (М., 1910) и «Петербург» (1911-13; отд. изд.: Пг., 1916). Став последователем антропософского учения Р.Штейнера, Б. живет в осн. за границей (март 1912 — авг. 1916, гл. обр. в Германии и Швейцарии), пишет ром. «Котик Летаев» (Скифы. — Пг., 1917-18. — Сб. 1-2; отд. изд.: Пб., 1922), иссл. «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., 1917), стихи, составившие сб. «Звезда» (Пб., 1922). С воодушевлением откликнулся на обе революции 1917, принимая их в специфическом «скифском» аспекте — как мятежную очистит. стихию, открывающую пути к «революции духа» (поэма «Христос воскрес». — Пб., 1918). С 1918 Б. участвует в работе сов. учреждений, становится одним из зачинателей ряда культурных инициатив (с 1919 — пред. Вольной филос. ассоциации («Вольфила» в Петрограде). Деятельность сов. власти и идеололгич. экспансия большевизма, вкупе с обстоятельствами всеобщей разрухи, способствуют все более усугубляющемуся конфликту Б. с пореволюционной действительностью; с 1919 Б. предпринимает ряд попыток выехать за границу (в письме к *М.Горькому* от 4 янв. 1920 он называет гл. причиной, побуждающей его к отъезду, потребность во встрече с женой, А.А.Тургеневой, к-рая после его возвращения в Россию в 1916 осталась в Швейцарии (РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 43-43 об.). Разрешение на выезд было получено лишь осенью 1921, после смерти А.Блока. Свой отъезд за границу Б. не считал эмиграцией по полит. мотивам; необходимость в нем, как он неоднократно подчеркивал, была продиктована личными и деловыми обстоятельствами (планами изд. собств. книг, орг-цией в Берлине отделения «Вольфилы» и др.).

Б. выехал из Москвы 20 окт. 1921; проведя в Ковно (Литва) более трех недель (в связи с задержкой на получение въездной германской визы), прибыл в Берлин 18 нояб. В последующие два года не покидал пределов Германии: до начала мая 1922 — Берлин; май-июнь 1922 — Цоссен близ Берлина; июль — нач. сент. 1922 — Свинемюнде на Балтийском море (курорт на острове Узедом в Померании, близ Штеттина), с поездками в Миздрой, Герингсдорф, Берлин; с 6 сент. 1922 по 22 марта 1923 — Берлин, с поездками к М.Горькому в Сааров (Фюрстенвальде) близ Берлина; 23-31 марта 1923 — поездка в Штутгарт и свидание с Р.Штейнером (30 марта); 1 апр. — кон. мая 1923 — Берлин; конец мая-июнь — Гарцбург (вместе с К.Н.Васильевой); конец июня — конец окт. 1923 — Берлин, с поездками (июль — август) в Альбек, Штеттин, Свинемюнде. 23 окт. 1923 Б. выехал из Берлина на родину и 26 окт. возвратился в Москву.

Два года, проведенные в Германии, оказались для Б. одним из самых драматичных периодов его жизни. Надежда на восстановление отношений с женой не увенчалась успехом: встретившись с Б. в Берлине в кон. нояб. 1921, А.Тургенева решительно отказалась возобновлять совместную жизнь; глубоко разочаровали тогда Б. также новые встречи с Штейнером и его антропософскими последователями. Личная драма и кри-

зис идейных воззрений стимулировали у Б. болезненное состояние духа и ощущение внутр. надлома, выражавшиеся в обычно не свойств. ему пристрастиях к алкоголю и танцам в кафешантанах: «Он словно бравировал своими «хлыстовскими» радениями, из вечера в вечер посещая второсортные танцульки, размножившиеся тогда по Берлину» (*Бахрах А.* Андрей Белый // Континент. — 1974. — № 3. — С. 301-302). Эпизоды берлин. пребывания Б. восстанавливаются в мемуарах его современников. Тем не менее берлин. годы — пора исключительно высокой творч. активности Б. В 1922 он выпускает в берлин. изд-вах рекордное количество своих кн.: «Возврат: Повесть» (изд-во «Огоньки»), «Сирин ученого варварства» (изд-во «Скифы»), «Первое свидание: Поэма» (изд-во «Слово»). «Глоссолалия: Поэма о звуке» (изд-во «Эпоха»), «Зап. чудака» (Т. 1-2; изд-во «Геликон»). «Петербург: Роман» (ч. 1-2, перераб.; изд-во «Эпоха»), «Серебряный голубь: Роман» (ч. 1-2; изд-во «Эпоха»), «Стихи о России» (изд-во «Эпоха»), «Путевые заметки» (т. 1: «Сицилия и Тунис»; изд-во «Геликон»). В Берлине написаны сб. «После разлуки: Берлинский песенник» (Пб.; Берлин: «Эпоха», 1922) и очерк «Основы моего мировоззрения» (не опубликован), подготовлен большой итоговый сб. «Стихотворения» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во Гржебина, 1923), в к-ром значит. число произв. напечатано в переработ. редакциях. В дек. 1921 Б. организует при изд-ве «Геликон» журн. «Эпопея» под своей ред.; значит. часть объема 4-х его выпусков (1922-23) занимают «Восп. о Блоке» — наиб. пространная версия мемуаров Б. о покойном поэте, над к-рой Б. работал в течение 1922. С дек. 1922 до лета 1923 Б. перерабатывает «Восп. о Блоке» в большую мемуарную кн. «Начало века» (т.н. «берлинская редакция», ок. 100 печ. л.), в полном объеме не уцелевшую (машинопись — в ЦГАЛИ и ГПБ). «Берлинское» «Начало века» — наиб. масштабное и достоверное (с т.з. полноты и искренности рассказа о самом себе и своем окружении) мемуарное произв. Б., создававшееся без оглядки на цензурные ограничения сов. времени.

В Берлине Б. — пред. совета берлин. отд. «Вольфилы» и чл. совета «Дома иск-в» (14 дек. 1921 выступил там с лекцией «Культура в совр. России»). Б. участвует в акциях Обществ. к-та помощи голодающему населению России (речь на митинге в Берлин. филармонии 10 марта 1922), в проведении благотворит. выступления Томаса Манна в «Доме иск-в» (20 марта 1922), в заседаниях и вечерах Клуба писателей; составляет текст поздравит. адреса Г.Гауптману от рус. писателей (нояб. 1922). Ст. и рец. Б. печатаются в газ. «Голос России», «Дни»; Б. также публикует свои произв. и фрагменты из восп. в альм. («Моск. альманах», «Веретеныш», «Струги»), журн. «СЗ», «Беседа» (входит также в его редколлегию) и «Новая рус. книга».

По своей лит.-обществ. позиции Б. занимал промежуточное положение между убежденными антибольшевиками, с одной стороны, и «сменовеховцами» (воспринятыми им резко отрицательно) и просоветскими кругами — с другой. В ст. «Культура в совр. России» (Новая рус. книга. — 1922. — № 1); «О Духе России и «духе» в России» (Голос России. — 1922. — 5 марта) Б., констатируя гибель жизненных устоев, деморализацию, распад быта, тем не менее выражал надежды на «зелень новой культуры», на воскрешающую силу неистребимого духовного творчества, возвестившего о себе в России, несмотря на самые невозможные внешние обстоятельства. Временами Б. склонялся к тому, чтобы остаться в эмиграции: 17 нояб. 1922 он писал Н.О.Щупак, что для него в Россию «путь отрезан» (Sapir B. An unknown correpondent of Andrey Bely: (Andrey Bely in Berlin 1921-1923) // Slavonic a. East Europ. rev. — 1971. — Vol. 49. — N 116. — P. 451). Осенью 1923 в письме к *М.И.Цветаевой* выражал надежду на переезд из Берлина в Прагу на пост. жительство. Окончат. решение возвратиться на родину (подготавливавшееся у Б. острым чувством недовольства своей берлин. жизнью) было принято под воздействием общения с К.Н.Васильевой (впоследствии — женой Б.), представительницей Моск. антропософского об-ва, к-рая приехала к Б. в янв. 1923 и прожила с ним до 31 июля. 1 авг. 1923 Б. получил извещение берлин. комиссии Наркомпроса о разрешении на въезд в РСФСР. Свои берлин. впечатления Б. отразил в очерке-памфлете «Одна из обителей царства теней» (Л., 1924).

В последние десять лет жизни, проведенных на родине, Б. написал ром. «Москва» (М., 1926) (Ч. 1: «Моск. чудак»; Ч. 2. «Москва под ударом») и «Маски» (М.,

1932), четыре кн. мемуаров — «Восп. о Штейнере» (опубл. посм. — Париж, 1982), «На рубеже двух столетий» (М., 1930; М., 1989), «Начало века» (М.; Л., 1933; М., 1990), «Между двух революций» (Л., 1934; М., 1990), кн. очерков «Ветер с Кавказа» (М., 1928), иссл. «Ритм как диалектика и «Медный всадник» (М., 1929), «Мастерство Гоголя» (М.; Л., 1934), опыт духовной автобиогр. «История становления самосознающей души» (неоконч., неопубл.) и др. произведения.

Изд.: Символизм как миропонимание / Сост. Сугай Л.А. — М., 1994.

Собр. соч. / Ред. Пискунов В.М. — М., 1994-95. — Т. 1-4.

Лит.: Гуль Р. Жизнь на фукса. — М.; Л., 1927.

Цветаева М. Пленный дух: (Моя встреча с А.Белым) // СЗ. — 1934. — № 55; перепеч.: Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1994. — Т. 4.

Мочульский К. Андрей Белый. — Париж, 1955.

Азадовский К.М., Лавров А.В. Новое о встречах Томаса Манна с рус. писателями: («Слово благодарственное» Андрея Белого Томасу Манну) // РЛ. — 1978. — № 4.

Саакянц А. Встреча поэтов: Андрей Белый и Марина Цветаева // Андрей Белый Проблемы творчества. — М., 1988.

«Зов многолюбимый»: Андрей Белый и Е.Ю.Фехнер / Публ. А.В.Лаврова // ЛО. — 1989. — № 9.

Восп. об А.Белом / Сост. Пискунов В.М. — М., 1995.

Nivat G. L'oeuvre polémique, critique et journalistique d'Andrej Belyj // Cahiers du monde rus.e.sov. — 1974. — Vol. 15. — № 1/2.

Malmstad J.E. Andrej Belyj in Berlin, 1921-1923: Addenda for a bibliogr. of his works // Andrej Belyj soc. newsletter. — Riverside (Ca), 1985. — N 4.

Beyer Th. R., Kratz G., Werner X. Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. — B., 1987.

Beyer Th.R. Andrej Belyj: The Berlin years, 1921-1923 // Ztschr. für slavische Philologie. — 1990. — Bd 1. H. 1.

+ Бахрах; Берберова; Гуль; Зайцев; Казак; Лосский; РП-1; РФН; РФР; Рус. Берлин; Ходасевич.

А.В.Лавров

БЕМ Альфред Людвигович (24.IV(6.V).1886, Киев — 1945, Прага?) — лит-вед, критик, публицист, педагог, переводчик. Род. в семье нем. подданного. Окончил словесное отд. историко-филол. ф-та Петерб. ун-та с дипломом 1-й степени. Оставлен при кафедре рус. лит-ры. Был чл. семинария, руководимого проф. С.А.Венгеровым «Пушкин: история его жизни, творчества и текста» (1908-16). Доклад Б. «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина», прочитанный 11 и 18 февр. 1910, опубл. проф. С.А.Венгеровым в сб. «Пушкин и его современники» (СПб., 1911. — Вып. XV) и «Пушкинист» (СПб., 1914. — Вып. 1). Чл. семинария были Ю.Н.Тынянов, А.С.Долинин, В.Л.Комарович и др. С 1910 Б. работал в Рукоп. отд. Имп. акад. наук под руководством В.И.Срезневского, где позже занял выборную должность ученого хранителя рукоп. Б. состоял чл. Об-ва Толстовского музея в Петрограде, Историко-лит. об-ва им. Пушкина в Петрограде, Рус. библ. об-ва в Петрограде. Совместно с В.И.Срезневским составлял библ. Л.Н.Толстого (СПб., 1914-15), написал кн. «К истории изучения Толстого» (Пг., 1916) и редактировал сб. «Толстой. Памятники творчества и жизни» (Пг., 1917-1923. — Т. 1-4), занимался также рукоп. Л.Н.Толстого. Совм. с В.Н.Бенешевичем ред. и участник составления пяти томов сер. «Обозрение тр. по славяноведению» (СПб., 1912-14, 1918).

В конце 1919 Б. принял решение покинуть сов. Россию. С янв. по нояб. 1920 он находился в Белграде. С нояб. 1920 по янв. 1922 жил в Варшаве. В янв. 1922 Б. получил, с помощью К-та по обеспечению обучения рус. студентов в ЧСР, стипендию Мин-ва иностр. дел Чехословацкой республики. Б. начал работать лектором рус. яз. в Карловом ун-те в Праге, где преподавал до закрытия чешск. ун-тов нем. властями осенью 1939. На протяжении более двадцати лет, прожитых в Праге, до трагич. момента его ареста сов. органами 16 мая 1945 (имеются сведения, что Б. был расстрелян во дворе пражск. тюрьмы Панкрац (НРС. — 1955. — 11 сент.) Б. состоял в Союзе рус. писателей и журналистов в Чехословакии. Был секр. полит. группы «Крестьянская Россия» (ее чл. состоял до 1930) и ред. одноим. сб. (Прага, 1922-24), работал в библ. комиссии К-та рус. книги, был одним из гл. инициаторов празднования «Дня рус.

культуры». Б. сотрудничал с журн. «Рус. школа за рубежом» (Прага, 1923-29), занимался методологией преподавания в средней и нач. школе, дет. психологией, был секр. Рус. пед. бюро и ред. его «Вестника» (Прага, 1927-31). Участвовал также в подг. и работе съездов деятелей рус. заруб. школы, в 1923-24 читал лекции по рус. лит-ре в Пед. ин-те им. Я.А.Коменского, обучал рус. яз. и лит-ре детей эмигрантов в «воскресной школе» рус. «профессорского дома» в Праге. В начале 40-х большой популярностью пользовался учебник рус. яз. «Рус. слово», одним из авторов к-рого был Б.

Мировую известность Б. принесли его работы по рус. классич. лит-ре, творчеству Ф.М.Достоевского; мн. из них впервые прозвучали в Семинарии по изучению Достоевского при Рус. нар. (позднее — свободном) ун-те в Праге (1925-38). Вдохновителем и секр. семинария был сам Б. Он старался привнести в работу творч. климат, характерный для пушкинского семинария проф. С.А.Венгерова в Петрограде. В изучении Достоевского принимали участие видные рус. и чешск. ученые *Д.Чижевский*, С.Гессен, *В.Зеньковский*, И.Лапшин, *Н.Лосский*, А.Флоровский, П.Савицкий, И.Горак и др. Комплексный подход к творчеству Достоевского, влияние метода психоанализа З.Фрейда на взгляды участников семинария, отразившиеся в их иссл., привлекли внимание широкой науч. общественности — все это явилось важным этапом в процессе изучения творчества Ф.М.Достоевского. Наиб. важные доклады Б. опубликовал в сб. «О Достоевском» (Прага, 1929, 1933, 1936), 3-й сб. включал только его работы. К печати был подготовлен также 4-й сборник, к-рый сохранился в рукоп. виде и стал основой для публ. Нац. биб-кой в Праге в 1972 кн. «O Dostojevskem. Sborník statí a materiálu», составной частью к-рой является и работа Б. «Словарь личных имен к Дневнику писателя» и библ. работ Б. о Достоевском, подготовл. С.В.Беловым. В вводной ст. ко 2-му сб., назв. «Достоевский — гениальный читатель» (Прага, 1933. — С. 7-24), Б. подытожил свои предыдущие научн. иссл. и текстологич. анализ, освещающие рус. «истоки» и «преломление творчества трех крупных русских писателей» (Грибоедов, Пушкин, Гоголь) в творчестве Достоевского. В прил. ко 2-му сб. «О Достоевском» помещен также получивший высокую оценку «Словарь личных имен у Достоевского», составленный А.Л.Бемом, С.В.Завадским, Р.В.Плетневым и Д.И.Чижевским под общей ред. Б. Для его ст. по рус. классич. лит-ре характерен сравнит. анализ ее основных произв. и произв. мировой лит-ры, изучение параллельных явлений и общих общественно-психологич. типов-персонажей. Результатом связи Б. с чешск. интеллектуальной общественностью являются его ст. о чешск. поэтах О.Бржезине, К.Г.Махе, П.Безруче, а также пер. фрагмента драмы чешск. писателя В.Дыка на рус. язык и анализ восприятия Т.Г.Масариком рус. лит-ры (см.: «Осуждение Фауста» // Науч. труды Рус. нар. ун-та в Праге, 1933. — Т. 5). Б. регулярно информировал чешск. и словацких славистов о лит. жизни в сов. России в сер. ст. «Лит-ра в рус. журн.» (1926-39) и «Заметки о книгах по (новой) рус. лит-ре» (1929-40), публикуемых в академич. жур. «Slavia». По случаю сотой годовщины смерти А.С.Пушкина Б. подготовил совместно с *Р.Якобсоном* 4-томные «Vybrané spisy A.S.Puškina» (Прага, 1936-38).

Особенное значение имела деятельность Б. в качестве организатора и руководителя лит. объединения молодых рус. писателей «Скит поэтов» (позднее «Скит»). Среди его чл. были поэты *В.Лебедев*, *А.Головина*, *С.Рафальский*, *Э.Чегринцева*, *Т.Ратгауз* и прозаик *В.Федоров*. На собр. чл. объединения Б. обычно руководил дискуссиями при чтении новых произв., занимался поэтич. воспитанием и образованием лит. молодежи, читая регулярно лекции по поэтике. Открытые вечера «Скита» всегда начинались его вступит. словом; он также был ред. четырех поэтич. сб., изд. под назв. «Скит» в 1933-37.

Взгляды Б. на развитие совр. рус. лит-ры, как заруб., так и сов., отражает серия его ст., опубл. под загл. «Письма о литературе» в газ. «Руль» (1931), «Молва» (1932-34) и «Меч» (1934-39). Сотрудничая с газ. «Руль», Б. считал себя продолжателем критич. традиций этой газ., у истоков к-рой стоял его предшественник *Ю.Айхенвальд*. Именно ему Б. посвятил первое «Письмо о литературе» (Руль. — 1931. — 29 апр.). В этой ст. Б., развивая взгляды Ю.Айхенвальда, подчеркнул ответственность заруб. лит-ры за всю рус. лит-ру: «За последнее время все резче и речзе обозначается уже подлинный разрыв между литературой подсоветской и лите турой

зарубежной». Б. считал этот разрыв большим несчастьем для будущего рус. культуры. В ст., посв. лучшим представителям совр. рус. лит-ры (*А.Ремизову*, М.*Цветаевой*, Н.Гумилеву, Б.Пастернаку и др.), он высказывал убеждение о вневременной сущности настоящей лит-ры и о «едином потоке» рус. культуры. Одной из интереснейших тем «Писем о лит-ре» является полемика Б., фактич. представителя так называемой «пражской школы», с представителями парижск. рус. критики (*Г.Адамовичем*, *В.Ходасевичем*). В рамках «Писем» Б. представил творчество талантливых чл. «Скита поэтов», отзывался на новые заруб. поэтич. сб. («Якорь», «Круг»), отмечал годовщины рус. писателей (Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев), комментировал лит.-политич. события (съезд сов. писателей, выступление А.Фадеева в Праге, конгресс писателей в защиту культуры в Париже).

Ст. за его подписью появлялись в западных эмигр. периодич. изд., в академич. и др. журн., изд. в Чехословакии на чешск. (Slavia, Slovanský přehled, Lumír) и нем. (Slavische Rundschau, Germanoslavica, Prager Presse) яз.

Изд.: К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского. — Прага, 1928.
О Пушкине. Статьи. — Ужгород, 1937.
Достоевский. Психоаналитич. этюды. — Прага, 1938.
Церковь и рус. лит. язык. — Прага, 1944; Брюссель, 1988.
Письма о лит-ре / Отв. ред.Белошевская Л. — Прага, 1995.

Лит.: Плетнев Р. Восп. о первом Междунар. об-ве им. Ф.Достоевского // ЗРАГ. — 1981. — Т. 14.
Сурат И., Бочаров С. Альфред Людвигович Бем // ВЛ. — 1991. — № 6.
Бубеникова М., Вахаловска Л. Из писем о литературе А.Л.Бема // Славяноведение. — 1993. — № 4.
Давыдов С. А.Л.Бем и «рус. Прага» // ЗРАГ. — 1995. — Т. 27.
Bubeniková M., Vachalovská L. The unknown heritage of a Russian emigré in Czechoslovakia: A.L.Bem // Litteraria Pragensia. — 1992. — Vol. 2. — № 4.
Bubeniková M., Vachalovská L. A.L.Bem (1886-1945?): Bibl. — Praha, 1995.

Милуша Бубеникова (Чехия)

БЕРБЕ́РОВА Нина Николаевна (26.VII (8.VIII).1901, Петербург — 26.IX.1993, Филадельфия) — писательница, лит. критик. Отец происходил из проживающего в Нахичевани армянского рода, в 1917 занимал пост чиновника по особым поручениям при мин. финансов. Мать, Н.И.Караулова — дочь тверского помещика и земского деятеля. В 1919-20 Б. училась в Ростове-на-Дону. Первая публ. — стих. «О том, что вечером морозным...» в нач. 1922. в альм. «Ушкуйники» (Пб.). Став гражданской женой поэта *В.Ф.Ходасевича*, 30 июня 1922 вместе с ним приехала в Берлин. 8 окт. 1922 в берлинск. газ. «Голос России» появились ее первые эмигр. стихи. В мае 1923 в берлинск. журн. «Беседа» напечатаны ее новые стихи. Свой первый гонорар получила за пер. романа Ш. де Лакло «Опасные связи» (Берлин, 1923). Б. и Ходасевич с июня 1922 по апр. 1925 провели с *М.Горьким* в Саарове под Берлином, в Мариенбаде и Сорренто. С Ходасевичем Б. разошлась в апр. 1932, но не порывала с ним отношений до его смерти в Париже в 1939. Вела дружескую переписку с О.Б.Марголиной, ставшей его женой в 1933. Письма Марголиной-Ходасевич (1890-1942) (Ходасевич В.М., Марголина-Ходасевич О.Б. Unpublicated letters to Nina Berberova. — Berkeley, 1979) адресованы Б. и ее второму мужу художнику Н.В.Макееву (1889-1975), с к-рым она жила в предместье Парижа.

В Париже Б. в течение 16 лет была лит. сотр. газ. «ПН»: «Печатала рассказы и даже стихи, кинокритику, хронику советской литературы, иногда — репортаж, а летом заменяла уехавшую в отпуск машинистку» («Люди и ложи» // ВЛ. — 1990. — № 1. — С. 142). В Париже в 1928-40 написана серия рассказов «Биянкурские праздники» (печатались в «ПН») и три ром.: «Последние и первые: Роман из эмигр. жизни» (Париж, 1930), «Повелительница» (Берлин, 1932), «Без заката» (Париж, 1938), посв. эмиграции. Б. рассказывала о судьбах бывших деникинских и врангелевских солдат, офицеров, к-рые работали на автозаводе Рено, открывали сапожные лавки и красильни. Б. печаталась в парижск. журн. «Новый дом» (1926-27), «Новый корабль» (1927), «Звено» (1927), «СЗ», посещала заседания об-ва «Зеленая лампа», возникшего по инициативе *Д.Мережковского* и *З.Гиппиус* (1927-39). «Сегод-

няшний день, сегодняшний час, — говорила Б., — для литературной эмигрантской молодежи самый важный. Сейчас, унося в себе Россию, она становится «лицом к Европе», где почитали за счастье жить лучшие русские люди... Она считает изгнание трагедией, да. Но не случайной неприятностью. И, сознательно относясь к этой трагедии, она жертвует своим пребыванием в России ради того глубоко русского дела, которого там сейчас делать нельзя» (*Терапиано.* — С. 71-72). Шесть рассказов Б., опубл. в 1934-41 в журн. «СЗ», позже были собраны в кн. «Облегчение участи» (Париж, 1949). Перу Б. принадлежат две худож. биографии рус. композиторов: «Чайковский. История одинокой жизни» (Берлин, 1936; СПб., 1993; «Бородин» (Берлин, 1938). *М.Цетлин* в рец. на кн. «Чайковский» (печатавшуюся первонач. фельетонами в «ПН») писал: «На основании труда Модеста Чайковского и многочисленных других материалов, опубликованных в последние годы, на основании отчасти и расспросов людей, лично знавших Чайковского, она дала живой образ его, и книга ее, не будучи вымыслом, читается с увлечением, как роман» (СЗ. — 1936. — № 61. — С. 469).

Во время войны Б. оставалась в оккупиров. немцами зоне Франции. В 1947 разошлась с Н.В.Макеевым. После войны выступала ред. лит. страниц парижск. еженед. «РМ», печаталась в «НЖ» (ром. «Мыс бурь». — 1950. — № 24; 1951. — № 25-27). В 1950 Б. переехала в США. Восемь лет прожила в Нью-Йорке, работала в архиве, училась на курсах англ. яз. Преподавала с 1958 в Йельском ун-те, затем в Принстонском ун-те. Входила в ред. альм. «Мосты» (Мюнхен, 1958-68). Автобиография «Курсив мой» опубл. впервые в Лондоне и Нью-Йорке на англ. яз. (1969); первое рус. изд. с поправками — в Мюнхене в 1972; 2-е доп. изд. в 1983 в Нью-Йорке (отрывки: ВЛ. — 1988. — № 9-11; Октябрь. — 1988. — № 10-12; 1991. — № 7-9; отд. изд.: М., 1996). «Эта книга — история моей жизни, попытка рассказать эту жизнь в хронологическом порядке и раскрыть ее смысл» (ВЛ. — 1988. — № 9. — С. 186). «Книга Берберовой — «целая эпоха и люди в ней» — собрана, составлена, смонтирована из портретов и фрагментов известных лиц, поданных крупным планом, не позволяющих утаить ни одного «мгновенного выражения» (Марченко А. Будетлянка // Согласие. — 1992. — № 8/9. — С. 160).

Наиб. значит. работы Б. вышли в 1980-е. Кн. «Железная женщина: Рассказ о жизни М.И.Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях» (Нью-Йорк, 1981; Дружба народов. — 1989. — № 8-12). В предисл. Б. пишет: «Источники мои — это документы и книги от 1900 до 1975 гг. Они помогли мне раскрыть тайну ее предков, подробности ее личной жизни, имена ее друзей и врагов, цепь событий, с которыми она была иногда тесно, иногда косвенно связана... Обстановка и эпоха — два главных героя моей книги» («Железная женщина». — М.: Политиздат, 1991. — С. 5). А.Вознесенский в своем предисл. к кн. пишет: «Жанр ее необычен. Я назвал бы ее инфроманом, романом-информацией, шедевром нового стиля нашего информативного времени, ставшего искусством. Это увлекательное документально-страшное жизнеописание баронессы М.Будберг — пленительной авантюристки, сквозь сердце которой прошли литературные и политические чемпионы столетия — как-то: М.Горький, Уэллс, Локкарт, Петерс и другие» («Железная женщина». — М.: Кн. палата, 1991. — С. 5).

Кн. «Люди и ложи: Рус. масоны XX столетия» (Нью-Йорк, 1986; ВЛ. — 1990. — № 1, 3-7) написана не историком, пишет Б., но современником рус. масонства XX в., когда оно возникло среди гор. населения России. Б. получила доступ к рус. масонскому архиву в Париже. На его основе в кн. помимо очерков масонства в России и эмиграции (1922-70) помещен биогр. словарь в 666 имен. Среди них деятели Февр. революции, члены четырех составов Врем. правительства, участники эмигр. политич. оргций. Представлены писатели-масоны: *Г.Адамович, М.Алданов, А.Амфитеатров, Р.Гуль, Н.Евреинов, Л.Зуров, А.Ладинский, И.Лукаш, С.Маковский, К.Мочульский. Вас. Немирович-Данченко, М.Осоргин, Н.Оцуп, Б.Савинков, М.Слоним, Ю.Терапиано, А.Тыркова-Вильямс, Ю.Фельзен, И.Фондаминский.*

Лит.-критич. ст. «Подстриженными глазами» (НЖ. — 1951. — № 27); «Владислав Ходасевич — рус. поэт (1886-1939)» (Грани. — 1951. — № 12); «*Набоков* и его «Лолита» (НЖ. — 1959. — № 57); «Великий век» (НЖ. — 1961. — № 64); «Сов.

критика сегодня» (НЖ. — 1966. — № 85; 1967. — № 86); кн. «A.Blok et son temps» (P., 1935) — раскрывают Б. как тонкого ценителя совр. лит-ры, прежде всего поэзии. Осн. качествами поэзии она считает насыщенность, точность и новизну. «Поэзия определяется как язык, насыщенный до возможного предела» («Великий век» // НЖ. — № 64. — С. 120), как иск-во «вкладывать максимальный смысл в слово», каждое из к-рых «приходит с десятком своих обертонов (и чар)» (там же. — С. 121, 128). Раскрываемые Б. собств. поэтич. ассоциации характеризуют плотную интертекстуальность ее критич. исследований. Характеризуя пять осн. методов англо-амер. лит. критики, Б. отдает предпочтение формальному методу, считая его обязательным «школьным фундаментом литературы». Кн. рус. формалистов, на ее взгляд, «учат больше, чем все написанное русскими критиками за последние пятьдесят лет» (там же. — С. 131). Осн. задача лит. критики — интерпретация, избегающая оценок. Б. близка в этой позиции «новой критике» и цитирует ее мэтров: «Поэма не должна что-то значить, она должна быть» (А.Маклиш); «задача критики — видеть вещь, как она есть» (Т.С.Элиот) (там же. — С. 120, 133). В обзоре сов. критики Б. положительно отозвалась о тех лит-ведах, к-рые «возвращают искусству его формосозидающую сущность, когда снова делается ясным, что поэт не вырастает, как дерево, из собственного детства и своего окружения, но из столкновения с достижениями других поэтов...» («Сов. критика сегодня» // НЖ. — 1966. — № 85. — С. 128). Б. одна из первых оценила талант В.Набокова, считая, что появление его оправдывает существование всей эмиграции. В 1989 Б. побывала на родине.

Изд.: Стихи, 1921-1983. — Нью-Йорк, 1984.
Биянкурские праздники и др. рассказы // Октябрь. — 1989. — № 11.
Маленькая девочка: Пьеса // Совр. драматургия. — 1991. — № 2.
Рассказы в изгнании. — М., 1994.

Лит.: Кнут Д. Рец.: «Без заката» // РЗ. — 1938. — № 10.
Гуль Р. Рец.: «The italics are mine» // НЖ. — 1970. — № 99.
Мейлах М. Нина Берберова в России // РМ.— 1989. — 20 окт.
Не только курсив: С Н.Берберовой беседует К.Привалов // ЛГ. — 1989. — 17 мая.
Чагин А. Курсив времени // ЛГ. — 1989. — 19 апр.
«Не прошло и семидесяти лет...»: Нина Берберова в России / Записал Мейлах М. // ЛО. — 1990. — № 7.
Костырко С. Выжить, чтобы жить // Новый мир. — 1991. — № 9.
Сумеркин А. Нине Николаевне Берберовой: К 90-летию // РМ. — 1991. — 9 авг.
Некрологи: НЖ. — 1993. — № 192/193; РМ. — 1993. — 14 окт.
Barker M. The short prose of N.Berberova // Russ. lit. triquart. — Ann Arbor, 1984. — № 22.
+Казак; Струве.

Е.А.Цурганова

БЕРДЯ́ЕВ Николай Александрович (6(18).III.1874, Киев — 23.III.1948, Кламар, под Парижем) — философ, литератор, публицист, обществ. деятель. Выходец из старинного дворянского рода. В 1884-94 учился в киевск. кадетском корпусе; увлекался рус. классикой, испытал влияние толстовского бунта против об-ва. В 1894 поступил на естеств. ф-т ун-та Св. Владимира (Киев), через год перешел на юрид. ф-т. В ун-те окунулся в марксист. среду, стал сотрудничать в журн. «Мир Божий» (1898-1904). За участие в студенч. демонстрации в 1897 выслан из Киева: с мая 1900 по апр. 1902 Б. — в Вологде, где интенсивно общался со ссыльными литераторами (*Ремизов А.М.* Северные Афины // СЗ. — 1927. — № 30); с апр. 1902 по май 1903 — в Житомире.

Полемика Б. с Н.К.Михайловским в кн. «Субъективизм и индивидуализм в обществ. философии» (СПб., 1901; предисл. *П.Струве*) вызвала отрицат. отношение как в народнич., так и в марксист. кругах. С осени 1904 Б. — в Петербурге, соредактор (совм. с *С.Булгаковым*) журн. «Новый путь», а в 1905 — журн. «Вопросы жизни». Встреча с лит. миром рус. Серебряного века (*А.Белый*, *З.Гиппиус*, *Д.Мережковский*, *Вяч. Иванов* и др.), сочетавшего христианство с духом Диониса и распространявшего чуждую рус. классике атмосферу двойственности и космич. прельщений, оставила

Б. разочарованным («Самопознание: Опыт филос. автобиографии». — Париж, 1949. — Гл. 6; М., 1990). Эссе Б. этих лет вошли в его сб. «Sub specie aeternitatis: Опыты филос., социальные и лит.: (1900-1906)» (СПб., 1907), отразивший путь от имманентного идеализма, критич. марксизма и эстетич. модернизма к христианству нового сознания. Эта версия «неохристианства», или «мистич. реализма», программно изложена в кн. «Новое религ. сознание и общественность» (СПб., 1907). в 1907 Б. уехал в Париж, где окончательно разошелся с Мережковским, обвинив его в религ. сектантстве и в идеализации рев. событий в России из «прекрасного далека». В 1908 начался моск. этап жизни Б.: он входил в среду «православного возрождения» (С. Булгаков, Е.Трубецкой, В.Эрн, П.Флоренский и др.), участвовал в Религ.-Филос. об-ве, печатался в сб. религ.-филос. изд-ва «Путь» («О Владимире Соловьеве». — М., 1911; «О религии Льва Толстого». — М., 1912). Послерев. «кризис духа» и проблемы ответственности за него обществ. сил и особенно круга прогрессивных интеллектуалов стали темой сб. «Духовный кризис интеллигенции: Ст. по обществ. и религ. психологии: (1907-1909)» (СПб., 1910). Интеллигенцию Б. обвинял в подчинении «утилитарно-общественным» и рев. целям, в измене истине и «метафизич. духу великих русских писателей» (ст. «Филос. истина и интеллигентская правда», вошедшая в сб. «Вехи». — М., 1909; переизд.: М., 1991) и призывал ее порвать с политич. радикализмом. Зимой 1911 Б. уехал в Италию, где сложилась его эстетич. утопия («Смысл творчества: Опыт оправдания человека». — М., 1916), к-рая оказалась причиной расхождения Б. с моск. изд-вом «Путь» и Религ.-Филос. об-вом (см. письма С.Н.Булгакова А.С.Глинке (Волжскому) 1912-13. — РГАЛИ. Ф. 12. Ед. хр. 198).

Подъем духа во время Февр. революции 1917 сменился у Б. страхом перед нарастающей стихией насилия и болью за будущее России (см. ст. в еженед. «Рус. свобода». — Пг.; М., 1917). Окт. революцию Б. воспринял как возмездие за пороки рос. прошлого; и как всегда в катастрофич. обстоятельствах он ощутил прилив боевых сил, к-рые отдает обширной обществ.-публицистич. и просветит. деятельности. Он читает лекции в Моск. ун-те, участвует в бурных дебатах о Христе в Клубе анархистов, зимой 1918-19 организует Вольную акад. духовной культуры (ВАДК), где выступает с докладами по историософии и философии религии, а также ведет семинар по Достоевскому, из чего родилась кн. «Миросозерцание Достоевского» (Прага, 1923); проводит у себя дома регулярные лит.-филос. «вторники» (1917-22); в 1918 избирается, наряду с *М.Осоргиным*, вице-пред. Всерос. союза писателей, участвует в кооперативной Лавке писателей (*Зайцев Б.* Москва. — Париж, 1939). В преемственном «Вехам» сб. «Из глубины» (М.; Пг., 1918) Б. опубл. ст. «Духи рус. революции», в к-рой предлагает искать разгадку «рев. эксцессов» 1917-го в лит. типах Гоголя, Достоевского, Толстого. Но размышления Б. по следам революции принимают также форму нетипичной для него углубленной критики эгалитаризма и демократии (см. кн. «Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии», к-рая была закончена уже летом 1918; опубл.: Берлин,1923). Будучи непосредств. и пламенной реакцией на только что произведенный большевистский переворот в России, «Философия неравенства» оказалась вместе с тем самым значит. соч. по полит. философии. Наперекор обычной своей наклонности к леворадикализму мыслитель защищает здесь органическое, иерархич. устроение общества и доказывает губительность для человеч. духа марксистско-ленинского революционного мировоззрения. В дальнейшем снова возобладавшая в сознании Б. идея равенства заставила его отмежеваться от этой книги.

В сент. 1922 Б. выслан за границу. До сер. 1924 он жил в Берлине, где учредил Рус. науч. ин-т, а при поддержке амер. организации ИМКА (Христ. союз молодых людей) открывает Религ.-Филос. академию. продолжающую программу моск. ВАДК; он читает лекции по истории рус. мысли и этике; участвует в Первом съезде Рус. студенч. христ. движения (РСХД) в чехосл. г.Пшерове (окт. 1923). Дом его становится центром оживл. лит. собраний не только рус. эмиграции. но и нем. интеллигенции. Краткий берлинск. период творчества Б. можно назвать историософским: в это двухлетие им были додуманы и опубликованы мысли о путях рус. и мировой истории, родившиеся прежде всего в рев. пожаре, но

также навеянные нарастанием секулярного духа и наступлением массового об-ва; таковы темы кн.: «Смысл истории: Опыт человеческой судьбы» (Берлин, 1923; М., 1990), «Новое средневековье: Размышление о судьбах России и Европы» (Берлин, 1924).

С переездом в Париж (не позже осени 1924), в предместье Кламар, где Б. прожил всю оставшуюся жизнь, науч-обществ. деятельность его расширяется. В нояб. 1924 Б. открывает париж. отделение Религ.-филос. академии. основывает и возглавляет журн. «Путь» (1925), просуществовавший до нем. оккупации Парижа в 1940. Вместе с Ж.Маритеном и С.Булгаковым Б. становится одним из инициаторов экуменич. движения. С конца 20-х он выступает с докладами на европ. конгрессах (в частности, на XI Междунар. эстетич. конгрессе в г.Лилле, 1937), участвует в «Декадах Понтиньи», на к-рых устанавливаются пост. связи с Г.Марселем. Э.Мунье, Р.Фернандесом, А.Жидом, Р.Мартен дю Гаром. А.Моруа, Ф.Мориаком, К.Бартом, А.Мальро. Он принимает участие в рус.-франц. «Встречах» («Rencontres»), где проходят дебаты о Л.Толстом (1930), выступает одним из основателей «Лиги православной культуры» (1930), читает в «Рус. центре» курс по истории рус. мысли (1934). Дом Б. в Кламаре становится одним из пунктов притяжения интеллектуальной элиты Франции. Парижский этап Б. богат собственно филос. творчеством. для к-рого характерно дальнейшее развитие идей его экзистенциалистской метафизики («Философия свободного духа». — 1927; М., 1994; «О назначении человека». — 1931; М., 1993; «Я и мир объектов». — 1934; «Дух и реальность». — 1937; «О рабстве и свободе человека». — 1939; «Опыт эсхатологической метафизики». — 1947; «Царство Духа и царство кесаря». — 1949; М., 1995); «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого». — 1952). Б. выступает и как публицист, отзывающийся на сдвиги в сфере человеч. духа, на совр. культ.-историч. и социально-политич. феномены (его ст. появляются в «Пути», «Новом граде», «СЗ», «НЖ», «В», «РЗ», «Новоселье» и др. эмигр. журн., в газ. «Рус. новости». «Рус. патриот», «ПН», перепечатываются в иностр. прессе). Философа-персоналиста удручает состояние совр. личности, как она отразилась во франц. романе и вообще зап. лит-ре с ее «фактографической» правдой, отсутствием духовной позиции у автора (Л.Селин, А.Мальро, Д.Лоуренс) и распадом человеч. «я» в «плавучем мире ощущений» (М.Пруст, А.Жид); Б. анализирует феномен «особой», «лживой искренности», характерной для внутр. раздвоенности народившейся в XX в. новой души (см. две рец.: на стих. сб-к *Б.Ю.Поплавского* «В венке из воска» и его «Дневники»: СЗ. — 1939. — № 68). В своих оценках Б. ориентируется на немеркнущие образцы рус. классики с ее «необыкновенной правдивостью и простотой» («Рус. идея». — Париж, 1946; цит. по: Париж, 1971. — С. 221), с ее больной совестью и «нравственной гениальностью», — классики, утверждающей высшее достоинство и призвание человеч. личности. «Пневматолог» Достоевский, по Б., возвратил человеку его «духовную глубину», уловил грядущие «подземные сдвиги» в его душе и показал трагедию «человека, отпущенного на свободу», чем и предвозвестил судьбу совр. человечества («Миросозерцание Достоевского». — С. 58, 42). Эта трактовка Б. не обходится, однако, без чрезмерного акцента на «безосновной свободе», пронизывающей всю его философию творчества. Последняя представляет собой унаследов. от рус. символизма идею теургич. иск-ва, к-рая претерпевает радикальные изменения в религ. экзистенциализме Б. с его антиномией между христ.-позитивным «мир во зле лежит», и его надо спасать, и неоромантически-гностическим «мир есть зло», и его надо упразднить. Акцент на переживании невоплощаемого творч. подъема открывает у Б. за истиной спасения мира психологию спасения от мира с его тоскливой обыденностью.

В поле зрения Б. всегда остается судьба России: он раздумывает над ее культ.-историч. предназначением, над ее нац. лицом и духовным складом («Рус. идея»), никогда не забывая о случившейся с ней рев. катастрофе. Однако Б., не перестававший до конца дней заявлять о «правде коммунизма», а также не вполне изживший в себе марксизм, трактует Окт. революцию прежде всего как «русскую», списывая издержки марксистской идеи за счет нац.

почвы, подставляя на место «пролетарского мессианизма» будто бы действующий в революции некий «мессианизм русского народа». Этот дезориентирующий миф, получивший затем широкую популярность, был запущен в мировой обиход соч. Б. «Истоки и смысл русского коммунизма» (вышел на нем. и англ. в 1937, на франц. и исп. в 1938 и 1939, на рус.: Париж, 1955; репринт: М., 1990).

Во время второй мировой войны Б. пережил патриотически-ностальгич. волнения, на фоне к-рых потускнела его идейная неприязнь к сов. гос-ву и до крайности обострились отношения с эмиграцией. В 1947 Б. стал д-ром honoris causa Кембриджского ун-та, был воспринят интеллектуальными кругами Запада как представитель России, олицетворявший одновременно православное сознание, новый христианский гуманизм, «русскую душу», а в среде эмиграции — даже «красную философию». Умер за письм. столом.

Б. принадлежит ок. сорока книг и пятисот статей. Его работы переведены на полтора десятка языков, о нем написаны десятки монографий. Б. оказался самым изв. рус. философом «от Дармштадта до Сант-Яго и от Нью-Йорка до Токио» (Bull. de l'Association Nicolas Berdiaeff. — P., 1953. — № 1. — P. 1). Архив Б.: РГАЛИ. Ф. 1496.

Изд.: Константин Леонтьев. — Париж, 1926.
Собр. соч. — Париж, 1983-91. — Т. 1-4.
О рус. классиках / Сост. Гришин А.С. — М., 1993.
Философия творчества, культуры и иск-ва / Сост. Гальцева Р.А. — М., 1994. — Т. 1-2.
Истина и Откровение. — СПб., 1996.

Лит.: Федотов Г.П. Н.А.Бердяев-мыслитель // НЖ. — 1948. — № 19.
Степун Ф.А. Памяти Н.А.Бердяева // Вестник. — Мюнхен, 1949. — № 3.
Гальцева Р.А. Н.А.Бердяев // ЛГ. — 1989. — 2 авг.
Гальцева Р.А. Sub species finis (О филос. творчества Н.Бердяева) // Гальцева Р.А. Рус. утопич. мысль XX в. — М., 1992.
Н.А.Бердяев: Pro et contra: Антология / Сост. Ермичев А.А. — СПб., 1994. — Т 1.
Porret E. Nicolas Berdiaeff, prophéte des temps nouveaux. — Neuchatel, 1951.
Lowrie D.A. Rebellious prophet: A life of N.Berdiaev. — N.Y., 1960.
Klépinine T. Bibliographie des oeuvres de N.Berdiaev. — P., 1978.
+Бахрах; Зайцев; Зеньковский; Лосский; РП — 1; РФН; РФР.

Р.А.Гальцева

БИЦИ́ЛЛИ Петр Михайлович (1(13).X.1879, Одесса — 24/25.VIII.1953, София) — историк, филолог, лит. критик. Род. в семье мелкопоместных дворян, предки — выходцы из Албании итал. происхождения, один из них получил в России потомств. дворянство как участник войны 1812. Отец служил секр. в Одес. гор. кредитном об-ве. В 1905 Б. закончил Новороссийский ун-т (ист.-филол. ф-т) и был оставлен стипендиатом при ун-те для подготовки к магистерскому экзамену по каф. всеобщей истории. Неск. лет как аспирант специализировался во Франции, Италии, Германии. В 1910, сдав магистерский экзамен, был избран приват-доцентом по каф. всеобщей истории в Новороссийском ун-те и одновременно преподавателем той же дисциплины на Одесских высших жен. курсах. В 1912 опуб. ист. очерки «К вопросу об источниках «Афинской политии» (Одесса, 1912), «Тацит и римский империализм» (Одесса, 1912), а в 1914 «Зап. влияние на Руси и начальная летопись» (Одесса, 1914). Уже в первых работах ученого раскрываются исключит. познания Б. в обл. древней и ср-век. истории и творч. подход к истории языка. В 1917 защитил в Петрогр. ун-те дис. «Салимбене: Очерки итал. жизни XIII в.» (Одесса, 1916), в к-рой на примере судьбы францисканского монаха Салимбене, анализируя его ист. очерки, раскрыл намечающееся отличие человека раннего Возрождения от ср-векового. В 1918 Б. получил приглашение в Саратовский ун-т на должность ординарного проф., занять к-рую помешала гражданская война. Б. был далек от политики и все свое время отдавал исключительно науч. и преподават. деятельности, однако накануне революции из двух близких ему партий (кадетов и эсеров) выбирает партию эсеров; он переживал тот

свойств. рус. интеллигенции романтич. настрой по отношению к революции, к-рый вскоре после окт. переворота сменился горьким разочарованием. В этот период Б. публикует ист. труды «Основы социализма» (Одесса, 1917), «Элементы средневековой культуры» (Одесса, 1919). В них, проводя ист. параллели между прошлым и наступающей эпохой социализма, ученый размышляет о возможном возвращении обва XX в. к периоду безраздельного господства догматизма. «Что если, — провидчески предостерегает он, — «экспроприация экспроприаторов» выродится в спорадические грабежи и насилия, завершится расхищением en masse общественного достояния и наступлением «сумерек цивилизации», нового средневековья?» («Основы социализма». — С. 45).

В 1920 ученый эмигрировал и поселился в Сербии, судьба забросила его в небольшой городок Вране. Б. вспоминал об этом «смутном времени»: «Хотя в бурные 1917-1920 годы я был далек от активной политики, не участвуя непосредственно в гражданской войне и не разделяя ее идеологических обоснований, но по своей установке, по своим связям, которые поддерживал, находился в лагере, враждебном октябрьской революции; когда наступил неизбежный крах контрреволюции, вместе с людьми, меня окружавшими, покинул Родину...» («Автобиография». — ОР ИРЛИ. Ф. 804). В г.Вране ученый пережил длит. депрессию, связанную не столько с тяжелым материальным положением, сколько с неопредел. будущим, с невозможностью в заштатном городе работать с кн., продолжать научную деятельность, — для него это было равносильно «отбыванию каторги» (там же). Преподавал в г.Скопье. В 1924 переехал с семьей в Софию и преподавал в Софийском ун-те как проф. по контракту на каф. новой и новейшей истории. «В его научном творчестве начинался самый плодотворный период, внесший ценный вклад в болгарскую историческую науку», — вспоминал его ученик, проф. Христо Гандев (Векове. — София, 1980. — № 2. — С. 61). Среди рус. ученых-эмигрантов, работавших в Болгарии (Н.П.Кондаков, Н.М.Дылевский, С.Н.Трубецкой), Б. заслуженно занял место выдающегося филолога и историка. К этому времени в Праге вышли в свет две работы Б. по истории и филологии: «Очерки теории историч. науки» (1925) и «Этюды о рус. поэзии» (1926). Первая из них вызвала неоднозначные отклики. *Д.И.Чижевский* в своем отзыве на кн. указывал на гл. ее недостаток, — «вулканичность», подчеркивая в то же время «методологическую и философскую плодотворность книги» (СЗ. — 1929. — № 39. — С. 547). Тем не менее именно в этом объемном труде Б. впервые выдвинул и обосновал свой науч. метод, темой кн. стало утверждение безграничного своеобразия ист. бытия. В «Этюдах о рус. поэзии» Б. исследовал основу рус., итал., франц. и англ. стиха. Основой стихосложения он называл ритм. В своем анализе поэзии Б. был близок к формальному методу и в то же время был индивидуален, провозглашая абсолютное равенство лит. формы и психологии творчества. *М.Цетлин* в отзыве на кн. особенно выделял этюд о Пушкине: «Его остроумное доказательство того, что единство «Евгения Онегина» создано ритмом и именно онегинской строфой, как и многое другое, сказанное о Пушкине, представляется нам прочным приобретением русской критики» (СЗ. — 1926. — № 27. — С. 568). В 1928 Б. опубл. работу «Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого». (СЗ. — 1928. — № 36), появившуюся задолго до «Освобождения Толстого» *И.Бунина*. Б. считал, что «отношением к смерти — объективно самому важному, как всеобщему, непреложному, неизбежному в жизни, — определяется у каждого отношение к жизни. У художника, следовательно, им определяется все его творчество» (СЗ. — 1928. — № 36. — С.278).

Б. — пост. автор журн. «Ежегодник Софийского ун-та» («Годишник на Софийския ун-т»), «Болгар. мысль» («Българ. мисль»). Особенно часто Б. печатал ст. и рец. в «СЗ»: «В отношении рецензий это был, кажется, рекорд для «Современных записок», к которому приблизился лишь М.О.Цетлин», — замечал *Г.Струве* (с. 56). Б. внимательно следил за судьбой рус. лит-ры у себя на родине и в изгнании, его отзывы о произв. И.Бунина, В.Сирина (*Набокова*), *В.Шкловского*, *М.Алданова* имели большой авторитет в мире рус. эмиграции, — это были суждения глубокого, увлеченного и взыскат. критика. Его ст. «Что такое роман?» (Звено. — 1927. — № 6); «Нация и язык» (СЗ. — 1929. — № 40); «Зощенко и Гоголь» (Числа. — 1932. — № 6); «Трагедия рус.

культуры» (СЗ. — 1933. — № 53); «Гоголь и Чехов» (СЗ. — 1934. — № 56) можно расценить как блестящие лит-ведч. миниатюры. Известность Б., жившего вдалеке от осн. центров эмиграции, была велика, о чем свидетельствует его переписка с И.Буниным, М.Алдановым, *П.Струве* и др. эмигрантами из России.

В 1931-32 Б. составил «Хрестоматию по истории рус. литературы...» (опубл. в Париже), получившую высокую оценку *В.Вейдле* (СЗ. — 1932. — № 50). В 40-е годы в «Ежегоднике Софийского ун-та» выходят наиболее значит. работы Б. по рус. лит-ре: «Творчество Чехова: Опыт стилистич. анализа» (1942), «Пушкин и проблема чистой поэзии» (1945), «К вопросу о внутр. форме романа Достоевского» (1945/46), «Проблема человека у Гоголя» (1948). Б. раскрыл стилистич. и филос. близость таких непохожих писателей, как Чехов и Гоголь. Наиб. интересны размышления ученого над средствами комич. экспрессии у Гоголя. Особенностью романа Достоевского Б. называл «синхроничность», герои Достоевского — разновидности одного типа, двойники. Все романы пронизаны «двойничеством», драматургичны в своей психологич. основе, отсюда их стиль — «романа-драмы».

1948 стал поворотным в биографии и науч. деятельности Б.: по истечении очередного контракта он был уволен из ун-та без пенсионного пособия. Новая власть Болгарии расценила Б. как педагога «буржуазного» направления. Несмотря на большие заслуги ученого в деле развития болгарской ист. науки, еще в 1946 началась его травля, продолжавшаяся вплоть до смерти. В печати появлялись клеветнич., откровенно враждебные ст., в к-рых критиковались науч. метод и изыскания проф. в области новой и новейшей истории. Атмосфера травли губительно действовала на здоровье Б. «Чувство своей ненужности, обреченности все чаще овладевало им, — вспоминал близкий его родственник и биограф А.П.Мещерский. — Смерть (рак легкого) он встретил удивительно спокойно: он ее ждал и, очевидно, давно желал» (Мещерский А.П. Заметки и мат-лы к биобиблиографии рус. преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии, 1920-44. — София, 1955/56. — РО ИРЛИ. Ф. 804). Зарубеж. и эмигр. печать почти не обратила внимания на смерть крупного рус. ученого.

Изд.: Падение Римской империи. — Одесса, 1919.

Проблема русско-укр. отношений в свете истории. — Прага, 1930.

Краткая история рус. лит-ры. — София, 1934.

Статьи: История. Культура. Лит-ра / Вступ. ст. Туниманова В.А. // РЛ. — 1990. — № 2.

Элементы ср-вековой культуры. — СПб., 1995.

Избр. труды по филологии. — М., 1996.

Место Ренессанса в истории культуры. — М., 1996.

Лит.: Айхенвальд Ю. Рец.: «Этюды о рус. поэзии» // Руль. — 1926. — 6 янв.

Вейдле В. Рец.: «Этюды о рус. поэзии» // Дни. — 1926. — 31 янв.

Гофман М. Рец.: «Этюды о рус. поэзии» // Благонамеренный. — 1926. — № 1.

Адамович Г. Рец.: «Краткая история рус. лит-ры» // ПН. — 1934. — 23 авг.

Пильский П. Рец.: «Краткая история рус. лит-ры» // Сегодня. — 1935. — 4 февр.

Некролог // Ист. преглед. — София, 1953. — № 5.

+ Струве.

М.А.Васильева

БЛОХ Раиса Ноевна (1899, Петербург — 1943, Германия, концлагерь) — поэтесса, историк ср-вековья, переводчик. Род. в семье крупного юриста Ноя Блоха. С детства проявила способности к яз. После смерти отца с 1912 жила у брата Якова, будущего театроведа и изд. В 1919-20 училась в Петрогр. ун-те на ист. отд. ф-та обществ. наук. В 1919-21 посещала переводч. студию М.Л.Лозинского, благодарность к к-рому сохранила на всю жизнь, часто называя себя «одним из лозинят» (Воронова Т.П. Раиса Блох — рус. поэтесса и историк ср-вековья // Проблемы источниковедческого изучения рус. и сов. лит-ры. — Л., 1989. — С. 58). Участвовала в коллективном пер. кн. франц. поэта Ж.-М. де Эредиа «Трофеи». Этот пер. увидел свет только в 1973 в сер. «Лит. памятники». В 1920 была принята в петрогр. отд. Всерос. Союза поэтов, пред. к-рого был А.Блок. Рекомендацию для

вступления дал ей М.Л.Лозинский, отметивший, что «в стихах Раисы Блох есть лиризм, есть несомненный песенный строй» (ЛН — М., 1987. — Т. 92. — Кн. 4. — С. 689).

В 1922 вместе с семьей брата Б. эмигрировала в Германию. Здесь она окончила берлинск. ун-т и защитила дис. «Монастырская политика Льва IX в Германии, Бургундии и Италии». В 1924 в изд. «Петрополис», к-рым руководил Яков Блох, вышла в пер. Б. и В.И.Ракинта комедия Н.Макиавелли «Мандрагора». С 1928 по 1933 Б. работала ассистентом медиевиста проф. М.Бракмана. «Она посвятила себя средневековью, так называемой «кухонной» латыни и ее мистическим поэтам», — писал *А.Бахрах* (НЖ. — 1993. — № 190/191. — С. 353). Б. переводила П.Верлена, посещала поэтич. кружок, к-рый возглавлял ее будущий муж *Михаил Горлин*, давала уроки.

В 1928 в изд-ве «Петрополис» вышел первый сб. Б. «Мой город». В нем в четких и классич. выверенных строфах она вспоминала о Петербурге, о прежней утраченной жизни. «Мне был отчизной город белый / Где ветер треплет вымпела. / И оттого я звонко пела / И беззаботная жила» (с. 9). «Зачем? Мой город не вернуть, / Тот золотой, широкозвонный: / Его коснулась тления муть, / Обвеял холод похоронный» (с. 52). *В.Набоков* оценил первую кн. Б. невысоко: «Солнце, горы, море, песни, рай — эти слова очень часто встречаются в книжечке стихов «Мой город». Беда в том, что это только слова, игрушечки поэзии, ярлычки испарившихся символов, старые телефонные номера Господа Бога». Набоков отметил «склонность Раисы Блох к благозвучным, но совершенно невыразительным прилагательным...» В кон. рец. он неск. смягчился: «Впрочем, язык ее хоть и беден, да чист, чист не только слог, но и все настроение ее книжечки. И когда она низводит музу из постылой светлицы на землю, то совсем хорошо» (Руль. — 1928. — 7 марта). Иначе отозвался на кн.*К.Мочульский*: «Этот сборник стихов посвящен Петербургу, он связан с ним не только заглавием и именем издательства, но и поэтическими темами и всем строем своего лиризма... Для начинающего поэта — удивительная свобода от бутафории. Все проверено хорошим вкусом и доведено до простейшего выражения» (Звено. — 1928. — № 3. — С. 173). Б. принимала участие в сб. «Новоселье: Сб. берл. поэтов» (Берлин, 1931), «Роща: Второй сб. берлинск. поэтов» (Берлин, 1932) и «Невод: Третий сб. берлинск. поэтов» (Берлин, 1933).

Б. очень трудно переносила жизнь вне России. «Завтра русская Пасха... Представляю себе предпраздничный «мой город» с толпами людей, несущих в салфетке пасхи и куличи, представляю себе знакомые проспекты, лестницы церквей... Когда увижу все это? Увижу ли вообще», — писала она своей подруге О.А.Добиаш-Рождественской (Воронова Т. — С. 59).

Б. переводила на нем. яз. сказки, стихи Есенина, но наступающий в Германии фашизм заставлял ее все чаще вспоминать о своем евр. происхождении. В 1933 она бежит с М.Горлиным из Германии во Францию. Большое участие в ее судьбе принял проф. Сорбонны Ф.Лот, возглавлявший к-т по переизд. словаря ср-век. латыни. Он же сумел предоставить ей работу по каталогизации рукоп. Аристотеля. Б. занималась пер. и написанием ст. для франц. журн. по истории фармацевтики. В 1934 в «СЗ» (№ 56) среди стихов др. берлинск. поэтов были опубл. и стихи Б. В 1935 она регистрирует свой брак с Горлиным. «Когда они поженились, немало было толков в русском Париже, многие недоумевали: помилуйте, такая разница в возрасте, да он и на вид еще совсем мальчик. Но на деле получился отличный брак», — вспоминала Е.Каннак (Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1. — С. 244). В 1935-36 печаталась в «Журн. Содружества» (Выборг).

В 1935 в «Петрополисе» вышел в свет ее второй сб. «Тишина. Стихи. 1928-1934». Там впервые было опубл. стих., ставшее знаменитым благодаря песне *А.Вертинского*: «Принесла случайная молва / Милые, ненужные слова: / Летний сад, Фонтанка и Нева. / Вы, слова залетные, куда?» (с. 47). «Тишина» характерна теми же ясными, мелодич. стихами, в к-рых все чаще слышится безнадежность: «Я научилась лжи последней /И искушенью и огню./ Я детства ласковые бредни / Сегодня все похороню» (с. 30). Высоко оценил эту кн. *Г.Адамович*: «Книжка далеко не пустая. Над ней можно задуматься... Раиса Блох подкупает именно тем, что ни в какие платья не рядится, ничем не притворяется. Она такая, какая есть, очень простыми и чистыми словами

рассказывает о своих томлениях, надеждах, разочарованиях» (ПН. — 1935. — 24 янв.). *В.Ходасевич* был более строг: «Ее стихи — наименее сделанные, наиболее сырые, в том смысле, что многое в них еще не ясно очерчено, неточно выражено. Мне кажется, в этом отношении ее нынешний второй сборник — шаг назад по сравнению с первым... Для поэзии Блох характерно чувство, в основе которого — неизбывное, неутомимое, глубоко трогающее тоскование все по том же утраченном Петербурге» (В. — 1935. — 28 марта).

В 1936 у Б. род. дочь Дора. В 1939, в Брюсселе, куда из Берлина переехало изд-во «Петрополис», вышла кн. «Заветы», объдинившая стихи Б. и Мирры Бородиной, жены проф. Лота. Здесь в стихах Б. — надежда, обращение к Богу с верой и ожиданием лучшего. «Квадратных плит простые письмена / Храни, верна, до дня успокоения, / И знай, опять начнутся времена/ Для новых душ и нового строения» (с. 51). «Чистота, чистота и звон / На высотах Твоих, о Боже, / И Тобой этот мир рожден, / Этот мир, на тебя похожий» (с. 55). В этом же сб. опубл. пер. Б. из ср-век. поэтов-мистиков — немца Иоанна Таулера (1306-1361) и итальянца Якопоне да Тоди (1230-1306).

Оккупация Франции предопределила судьбу Б. Сначала арестовали мужа. Она пыталась его спасти, достала фальшивый паспорт и хотела бежать в Швейцарию. По дороге, на руках, умерла дочь, а швейцарск. пограничники выдали ее фашистам. В нояб. 1943 Б. отправили в лагерь. По пути ей удалось выбросить из окна вагона записку, где было написано, что она не знает, куда ее везут.

Изд.: Страсти господни во франц. иск-ве // Встречи. — 1934. — № 6.
Блох Р., Горлин М. Избр. стих. — Париж, 1959.
Стихи // Новая юность. — М., 1994. — № 4.
Здесь шумят чужие города... / Предисл. Леонидова В. — М., 1996.
Etudes littéraires et historiques par Michel Gorlin et Raissa Bloch-Gorlina. P., — 1957.

Лит.: Струве Г. Рец.: «Мой город» // Россия. Лит. прил. — 1928. — 11 февр.
Базилевская Е. Рец.: «Тишина» // Новь. — 1935. — № 8.
Пильский П. Рец. «Тишина» // Сегодня. — 1935. — 6 авг.
Кельнер В. «Здесь шумят чужие города, и чужая плещется вода...» (О поэтессе Раисе Блох) // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1.

В.В.Леонидов

БОБОРЫ́КИН Петр Дмитриевич (15(27).VIII.1836, Н.Новгород — 12.VIII.1921, Лугано, Швейцария) — прозаик, драматург, лит. и театр. критик. Из старинного дворянского рода, ведущего свое нач. от выходца из балт. славян Комбиллы (XIII в.). Учился в нижегородской г-зии (1846-53), на юрид. ф-те Казан. ун-та и на физико-математ., затем мед. ф-тах Дерпт. ун-та (1853-60). Во время студенчества был реж. любит. спектаклей и автором пьес. Первая публ. — комедия «Однодворец» (Б-ка для чтения. — 1860. — № 10). Решив стать проф. литератором, 25-летий Б. купил у А.Ф.Писемского его журн. «Б-ка для чтения» на деньги, полученные по наследству. С кон. 1862 и до закрытия журн. в авг. 1865 Б. состоял его ред.-изд. Первый ром. Б. «В путь-дорогу» (1864), имеющий автобиогр. основу, был благосклонно встречен критикой. В сент. 1865 Б. уехал в Париж. В Россию Б. приезжал на короткие сроки. В качестве заруб. корр. публиковал ст. в газ. «Москва», «СПб. ведомости», «Голос». С 1871 — зав. иностр. отд. «Отеч. записок». В центре внимания Б.-романиста был психологич. тип, к-рый Д.Н.Овсянико-Куликовский назвал «пробудившимся человеком». Худож. манеру Б. критик высоко ценил «за отсутствие тенденции и предпочтение индуктивных наблюдений априорному, идеологическому отношению к действительности» (Овсянико-Куликовский Д.Н. П.Д.Боборыкин // История рус. лит-ры XIX в. — М., 1910. — Т. 5. — с. 135). Позднее, в эмиграции, Б. выражал согласие с выводами ученого, показавшего, что писатель «воссоздал собирательную психику целого класса общества» («Критик-психолог: Памяти Д.Н.Овсянико-Куликовского» // Общее дело. — Париж, 1920. — 26

дек.). Д.Н.Овсянико-Куликовский классифицировал ром. Б., выделив 4 осн. категории: 1) социальные ром., где на первый план выступает интеллигенция: «Жертва вечерняя» (1868), «Солидные добродетели» (1870), «Полжизни» (1873); 2) бытовые и психологич. этюды из жизни разл. слоев об-ва: «Дельцы» (1873), «Китай-город» (1882), «Василий Теркин» (1892), «Ходок» (1895), «Прорыв в вечность» (1911); 3) этюды по психологии возраста и пола: рассказы «Горленки», «Ранние выводки», пов. «Посестрие» (1871); 4) произв., где поставлены и разработаны моральные задачи: «На суд» (1869), «Поумнел» (1890) и др. («История рус. лит-ры XIX в.» — М., 1911. — Т. 5. — С. 134-144).

В своих восп. «Столицы мира» (1911) Б. затронул проблемы, связанные с феноменом рус. эмиграции, возникновением «взрывных идей» в ее центрах — Париже, Риме, Лондоне. Б. был убежден в том, что рус. «пугачевщина» была искажен. эхом заграничной подрывной пропаганды. Живя за границей, Б. занимался также историей лит-ры: читал лекции на тему «Реальный роман во Франции» (Отеч. записки. — 1876. — № 6-7), завершил иссл. «Европ. ром. в XIX столетии» (СПб., 1900).

С сер. 1910-х Б. лишь изредка печатался на родине. После окт. переворота 1917, к-рый он воспринял как катастрофу, в Россию известия о писателе не доходили. В 1919 распространились ложные слухи о смерти «лит. старейшины». В преждевременном некрологе А.Ф.Кони назвал автора «Китай-города» «рус. европейцем», смотревшим на Запад «без рабского перед ним восхищения» (Кони А.Ф. Рус. европеец // Вестн. лит. — 1919. — № 7. — С.4). 60-летний юбилей творч. деятельности (1920) Б. был отмечен на страницах тех эмигр. изд., где он печатался («ПН», «Общее дело»). Потеряв зрение, писатель влачил бедств. существование. Летом 1920 швейцарское отд. «Американского фонда помощи ученым и литераторам» (пред. — Н.А.Ульянов) обратилось с воззванием к цивилизов. миру о помощи 84-летнему мастеру. Собр. деньги помогли ему сохранить жизнь, ред. эмигр. изд. начали печатать произв. Б., к-рые он не мог опубл. с 1915. Б.ч. их так и не вышла, оставшись в семейном архиве в Швейцарии, хранительницей к-рого была жена писателя переводчица С.А.Боборыкина. В 1924 она опубл. библиогр. заметку с перечнем неизд. соч. Б.: «Автобиография из разных эпох, начиная с 1860-1890-1891», «Мой инвентарь», «Вселенная — чудо!», «Куда идет человечество», «Богоискатели и люди звериного числа», «Мысли вслух», «Из переписки беженцев», «Пляска безумия», «Рус. революция: Итоги и думы автора», «Рус. женщина», «Мы — русские», «Предатель», «Одна душа», «Тургенев среди нас: Греза наяву», «Жизнерадостный Максим», «Толстой — вероучитель» (опубл.: На чужой стороне. — 1925. — № 13), «Без отечества. Из дневника русского», «Старое и новое», «Гром грянул: Общая вина», «Сухая перегонка», «Новый сдвиг», «Кандидаты на отречение», «Quo vadis, Germania», «Веточки-ягодки. 1612-1817», «Писательская иерархия» (Боборыкина С.А. Лит. наследие П.Д.Боборыкина. Рукописи, еще нигде не напечатанные // ПН. — 1924. — 12 авг.). Б. охотно сотрудничал с эмигр. прессой, не изменяя при этом своим либерально-консерват. взглядам: он опубл. восп. «От Герцена до Толстого» о подготовке и духовных предтечах соц.-полит. революции в России. В этом очерке делается акцент на том факте, что «проводники разрывных идей», «якобинства на подкладке социализма», «беженцы, имевшие счеты с полицией», — все они «превратились в «граждан» чужой страны по собств. выбору и желанию, без всякой кары со стороны рус. правительства (Грядущая Россия. — 1920. — № 1. — С. 334).

В творчестве Б. значит. место занимал фельетон. В эмиграции он вновь обратился к этому жанру. Его волновала тема изгнанничества, доля рус. беженцев. Сквозь горький сарказм прозвучали у Б. выстраданные размышления о судьбе родины, «обреченной на раскол и разграбление». Он не верил в силу и власть «фанатиков, что хотят стереть с лица земли все то, что — не они сами», и предрекал скорый конец деспотии «врагов свободы и правды-справедливости» («Икра победила» // ПН. — 1920. — 26 мая). В париж. еженед. «Луч», печатном органе Христ. союза молодежи, он высмеял легкомысл. интеллигенцию, не понявшую своего назначения во время Февр. революции («Полегонечку:

Из доброго старого времени» // Луч. — 1920. — 13 июля). Б.ч. времени в эмиграции Б. работал над мемуарами, в к-рых сравнивал образ былой страны с тем, «что такое стала теперь Россия под режимом диктатуры пролетариата» («И.Е.Репин» // ПН. — 1920. — 12 мая). Тяжелее всего, считал автор, сознавать это человеку с «русской душой, ставившей выше всего идеалы правды-справедливости, простоты, полному глубоких демократических настроений» (там же). Таким человеком был и др. «коренной эмигрант» — М.М.Ковалевский. Отрывки из кн. о нем — «Жизнерадостный Максим» — Б. печатал в Швейцарии. Автору глубоко симпатичен этот тип «рус. европейца», к-рому не только «режим, державший Россию в своих лапах, не нравился», но и дорев. эмигранты-нелегалы, затаившие злобу на свою родину, доверия не вызывали («М.М.Ковалевский: Штрихи из восп. о нем» // Родина. — Лозанна, 1920. — 23 окт.). Из своего «скорбного далека» он обращался с «душевным приветом», сочувствием и словом утешения к тем, кто остался на родине («Гордость Малого театра: К 50-летней годовщине М.Н.Ермоловой» // ПН. — 1920. — 18 сент.). Образ былой России, к-рую он горячо любил, запечатлен в очерке «Москва моего времени» (ПН. — 1920. — 30 июня). Незабытым оказался жанр театр. фельетона, к-рому Б. прежде отдал «щедрую дань». К столетию «Горя от ума» А.Грибоедова Б. написал ст. «Великая годовщина» (ПН. — 1920. — 9 окт.), указав, что юбилейная дата «Горя от ума» «явилась горьким упреком всему тому, что теперь творится на нашей многострадальной Родине», «в нынешней России, т.е. развалинах нашего отечества», где «литература, творчество, высшие запросы ума и души находятся в подавленном состоянии» (там же).

Ист. параллели пессимистич. свойства содержатся и в юбилейной ст. о III франц. республике («4 сент. 1870 года: Из давних переживаний» // ПН. — 1920. — 4 сент.). Из крупных своих произв. Б. успел опубл. повесть «Кто я?: Исповедь профессиональной женщины» (Общее дело. — 1920. — 29 нояб. — 17 дек.). Последний рассказ Б. «Именины» был написан за неск. дней до смерти (ПН. — 1924. — 12, 13 авг.). Современники с болью переживали кончину Б., «рыцаря рус. общественности без пятна и упрека», либерала-идеалиста, к-рый ушел, «добитый невзгодами родины и тоскою по ее небесам» (Измайлов А.А. Рус. европеец // Вестн. лит. — Пг., 1919. — № 7. — С. 4).

Лит.: Некролог // Руль. — 1921. — 16 авг.
Мельгунов С.П. Встречи: П.Д.Боборыкин // На чужой стороне. — 1923. — № 1.
+ РП — 1.

О.В.Сергеев

БÓЖНЕВ Борис Борисович (24.VII(5.VIII).1898, Ревель — 24.XII.1969, Марсель) — поэт. Родился в семье преподавателя истории и лит-ры Василия Божнева. После смерти отца (ок. 1901) Б. был усыновлен отчимом, Борисом Гершуном, братом изв. эсера. Б. рано начал увлекаться иск-вом, лит-рой (в числе друзей Б. был в те годы и молодой композитор С.Прокофьев. — См.: Божнев Б. Собр. стихотворений: В 2-х т. — Беркли, 1987. — Т. 1. — С. 8, 17). В 1919 Б., оставив родителей в России, уехал в Париж в надежде получить высшее образование. Вместо учебы, однако, он был вынужден зарабатывать на жизнь перепиской нот. В нач. 20-х Б. сходится с молодыми поэтами и художниками, принимает деят. участие в лит. и худож. жизни рус. Парижа как чл. «Палаты Поэтов», одного из первых поэтич. объединений рус. зарубежья. По инициативе Б. было создано пришедшее на смену «Палате Поэтов» лит.-худож. объединение «Через».

Первые стихи Б. появились в изд. совм. с К.Парчевским сб. «Рус. лирика» (София, 1920) и в журн. «РМ» (сент.-окт. 1921). Первая кн. стихов Б. «Борьба за несуществование» (Париж, 1925) сразу стала предметом внимания и споров. Позиции критиков сходились в признании того, что уже в первой кн. Б. выступил как зрелый мастер, умело владеющий иск-вом поэтич. слова. Нек-рые критики были шокированы подчеркнутым, рассчитанным на эпатаж антиэстетизмом стих. («Богобоязненный семит...», «Стою в уборной...» и др.), отмеченных, по мнению авторов рец., откровенным цинизмом. «Грязная порнография», «неразделен-

ный, болезненный эротизм», «бессильная, больная, безликая розановщина, писсуарная поэзия»... — так оценивал кн. Б. критик Е.А.Зноско-Боровский (Воля России. — 1926. — № 1. — С. 159). Между тем за циничной позой, за эпатажем др. критики увидели глубину и искренность переживания, боль, к-рую испытывает поэт, созерцая убогую, печальную сторону жизни (*Адамович Г.* // Звено. — 1926. — 28 февр.; Яблоновский С. // Руль. — 1925. — 21 марта.). Здесь проявлялась существ. черта творчества Б., во мн. определившая смысл кн. и ее своеобразие — неприятие жизни, отвержение этого мира, где каждая подробность ненавистна, где «и воздуха густое сало / Все горячее и жирней, / А ноги пачкаются калом / Травы, песка или камней» («Борьба за несуществование». — С. 71). Принцип. значение «почти программного заглавия» кн. (*Бахрах.* — С. 157) было несомненным — не случайно так настойчиво повторялся здесь (прямо или косвенно) образ смерти («В толпе я смерть толкнул неосторожно...», «Трава зеленая, как скука...» и др.). Об этом писала и *Н.Берберова* (псевд. Ивелич), отмечая, что «этой жизни он не хочет, искусственно, быть может, видит в ней — и любит видеть: падаль, гной, «прогнивающую землю» и «безобразную зарю». Для него не случайны «омерзенье», «отвращенье», «ненависть» — только об этом пишет он и достаточно зрелыми, прочными и продуманными стихами» (СЗ. — 1925. — № 24. — С. 442). О «цельности в неприятии мира» у Б. писал и *Г.Струве* (Струве. — С. 163).

«Цельность» эта была, однако, достаточно условна, и писал Б. не «только об этом». Последовательность и эстетич. максимализм в утверждении неприятия мира порою заслоняла от читателей (и критиков) противоречивость творчества Б. Мир его поэзии печален и скуден, но человеку дано увидеть его иным «сквозь капли слез незрячих» («И капли слез мешают видеть мир...»). Рядом с отвержением жизни в поэзии Б. воспевается мир как «храмина Божья, где «сквозь грязные обои», сквозь скорбь и темноту повседневности «вдруг просияет небо голубое, / И спросит голос — сын мой, это ты...» («Борьба за несуществование» — С. 11-12, 53). Рядом с «нигилизмом» и «патологией» (Г.Струве) в стихах Б. утверждается сила человеч. тепла и добра, соединяющая души (там же. — С. 17, 32), целомудр. сила любви (там же. — С. 39, 56-57). В своей рец. на первую кн. поэта Берберова писала о «сильном влиянии *Ходасевича*», даже о заимствованиях из него (СЗ. — 1925. — № 24. — С. 442). Помимо прямой переклички образов, сама поэтика стих. Б. с их тяготением к традиц. стиху и, главное, с их формальной отточенностью свидетельствовала о близости Б. к эстетич. позиции Ходасевича.

В 1927 появилась вторая кн. Б. «Фонтан» (Париж), состоящая из восемнадцати восьмистиший. Кн. эта оказалась во мн. неожиданной, демонстрировала «поворот поэта в сторону «неоклассицизма», его уход от тех духовных поисков, к-рые шокировали читателей прежде. Новые стихи Б. были встречены критикой с одобрением, поэзия его рассматривалась теперь как продолжение традиций рус. филос. лирики. Г.Адамович писал о «Фонтане»: «Книжка Божнева не обманывает ожиданий. Ее следует прочесть всем, кто любит поэзию, — если не все, то многое в ней относится к поэзии неподдельной. И хотя среди восемнадцати восьмистиший едва ли найдется одно, которое можно было счесть вполне удавшимся, в целом на книге лежит какой-то «отблеск вечности». Не совсем воплощено, но отражено в ней что-то высокое и прекрасное». Замечая, что в «Фонтане» размеренный, плавный ход стихов «нарушается то капризно-неубедительным образом, то грязной рифмой», возражая против частых архаизмов, он вместе с тем отмечал: «Со всеми этими оговорками следует все же признать, что из всех книг, выпущенных до сих пор т.н. парижскими поэтами, «Фонтан» — самая поэтическая и самая умелая» (Звено. — 1928. — № 2. — С. 107). Известен хвалебный отзыв на кн. В.Сирина (*Набокова*) (Руль. — 1928. — 23 мая). Вместе с тем во второй кн. Б. сказалась та черта его творчества, к-рая в большей мере дала знать о себе в дальнейшем. Оценивая весьма высоко книгу Б., отмечая ее «классическую прозрачность» и «чрезвычайную чистоту», А.Леонидов обратил внимание на то, что «каждая строчка в «Фонтане» закончена, отшлифована и безошибочна. И эта безошибочность, холодность, эта разумом очерченная граница, этот замкнутый круг не может удовлетворить читателя, ...весь «Фонтан» Б.Божнева настолько безупречен,

что невольно думаешь, — а вдруг это все только холод, только холодная игра? ...О поэзии Б.Божнева уже создалось трафаретное мнение, как о поэзии единственного «мастера» среди молодых парижских поэтов. Я думаю что мастерство Б. Божнева глубже, оно касается не только внешней, безупречной формы его стихотворений. Сальерическое начало легло в основу и всего его мировоззрения» (Воля России. — 1928. — № 6. — С. 124-125).

В 1929 Б. женился на Э.М.Каминер, приехавшей из Палестины, и в 1930 поселился с женой в Кламаре под Парижем. С этого времени связи Б. с лит. жизнью рус. Парижа ослабевают. В 1936 в Париже вышли две его кн.: поэма «Silentium sociologicum» и «Альфа с пеною омеги». Известны суровые отзывы Г.Адамовича (ПН. — 1936. — 12 февр.) и *Ю.Мандельштама* (В. — 1936. — 30 янв.) на первую из этих кн. Разочарование критиков было вызвано усилением «сальерического начала» в поэзии Б., преобладанием в ней теперь стихотворства «насквозь книжного, подчеркнуто литературного» (Г.Адамович), построений «чисто головных» (Ю.Мандельштам). Вторая же кн. была вообще не замечена критикой. С этого момента начинается новый этап лит. биографии Б.: «он сознательно порывает с эмигрантским литературным миром и все последующие издания адресует узкому кругу ближайших почитателей и друзей», — писал Л.Флейшман («Собр. стих.» — Т. 1. — С. 285).

В кон. 30-х Б. начинает издавать минимальным тиражом свои кн., к-рые печатались на старинной бумаге: «Элегия Эллическая» (1940), «Саннодержавие» (1939), «Утешенность разрушения» (1939) и др. Вышедшие после войны кн. Б. («Оратория для дождя, мужского голоса и тумана», 1948; «Колокольный звон над «Царство Божие внутри нас», 1948; «Утро после чтения «Братьев Карамазовых», 1948; «Уход солдат на русско-японскую войну», 1949; «Высоко белеющие строки и свист площади», 1949 и др.) также были адресованы узкому кругу друзей. «По формату они походили на музыкальные ноты и печатались на какой-то серой и шершавой бумаге» (Бахрах. — С. 160).

В 1939 Б. с женой переехал в Марсель. Их не миновали испытания воен. лет: «скитались из дома в дом, влача подпольное существование, прячась в семьях знакомых и друзей» («Собр. стих.». — Т. 1. — С. 16). После войны Б. жил в провинции, занимаясь в осн. рисованием и коллекционированием, но продолжал писать рус. и франц. стихи. После тяжело протекавшего гриппа Б. скончался. Он был похоронен на кладбище Сан-Пьер в Марселе. Л.Флейшман опровергает сообщение Г.Струве о том, что Б. «кончил... в лечебнице для душевнобольных» (там же. — С. 19).

Творчество Б. мало изучено. Поэзии его была свойственна как содержательная, так и формальная противоречивость. Л.Флейшман отмечает ориентацию лирики Б., с одной стороны, на опыт Б.Пастернака и *М.Цветаевой* «в области стиховой семантики, взятой в ее зависимости от метра», и, с др. стороны, на традиции Боратынского и Тютчева (там же. — С. 14). Отточенность, чистота поэтич. яз. Б. «нарушалась» — о чем не раз писали критики — архаизмами, но ему была свойственна (особенно в позднем творчестве) и вульгарная лексика. Далеко не все произв. Б. дошли до читателя. Наиб. полное изд. его произв. — двухтомное «Собр. стихотворений» под ред. Л.Флейшмана. Лучшее, что было им создано, дает основание вспомнить слова одного из его критиков: «Это единственный «мастер» среди молодых парижан, самый опытный и взыскательный у них» (Адамович Г. // Звено. — 1928. — № 4. — С. 190).

Лит.: Терапиано Ю. Париж. молодые поэты // Своими путями. — 1926. — № 12/13.
Струве Г. П. Новые стихи // Россия. — 1928. — 1 февр.
Адамович Г. Рец.: «Фонтан» // Звено. — 1928. — № 2.
Цетлин М. Новые сб. стихов // СЗ. — 1937. — № 63.
Мельников Н. Эпоха Божнева // Волшебная гора. — М., 1995. — № 3.
Кубрик А. Молчание и зеркало // ЛО. — 1996. — № 2.
+Бахрах; Струве.

А.И.Чагин

БО́ЛДЫРЕВ (Шкотт) Иван Андреевич (1(14).XI.1903, Москва — 19.V.1933, Париж) — прозаик. В 1920 поступил на физико-

матем. ф-т Моск. ун-та, стал одним из создателей независимой студен. академич. группы, за что был арестован весной 1924 и после восьми месяцев тюрьмы сослан в Нарымский край. Бежал и 1 окт. 1925 пересек сов.-польск. границу. Через три месяца прибыл во Францию. Работал на металлург. заводе в Лотарингии, потом переехал в Париж. «Условия побега тяжело отразились на его здоровье. Он начал глохнуть, боялся, что потеряет и зрение» (*Шаховская.* — С. 157). «С мягким, в общем, очень русским лицом, светлоглазый, медлительный Болдырев начинал всецело под литературным влиянием *Ремизова*. Он считался отличным математиком и давал частные уроки по этому предмету, чем и кормился» (*Яновский* — С. 184).

В «Воле России» (1928. — № 7, 10/11) была опубл. пов. Б. «Мальчики и девочки», а в 1929 в созданном *М.Осоргиным* в Париже изд. «Новые писатели» вышла отд. кн. «Мальчики и девочки», посв. зарисовкам сов. школы 1918-19. Пов. вызвала критич. отклики. В.*Зензинов*, отмечая суровую реалистич. правду в прозе Б., писал: «Школа А.М.Ремизова или вернее подражание ему чувствуется буквально с первых же строк... Вместо импрессионистической манеры рассказа получается растрепанность, бессвязность, а кое-что остается просто непонятным» (СЗ. — 1930. — № 42. — С. 527). Так же критичен был отзыв *К.Зайцева*: «Эта книга... любопытна, временами занимательна, производит впечатление правдивости. В смысле литературном она не представляет ничего выдающегося. Написана она не то под Ремизова, не то под Белого... Впрочем, даже если бы повесть Болдырева была литературно слабой, она по самому содержанию своему заслуживала бы напечатания» (Россия и славянство. — 1930. — 22 февр.). Намного более благожелательной стала для Б. рец. *П.Пильского*: «Свое повествование Иван Болдырев ведет бесхитростно, описывает то, что им было видено и наблюдено... Есть художественно выписанные черты, ясна картина, ценно беспристрастие, хорош язык и уже сейчас чувствуется смелость молодого, уверенного в себе писателя» (Сегодня. — 1930. — 7 янв.). «Психологии в книге Болдырева мало. Хорошо это ли, плохо ли, неизвестно, скорее слабо, потому что дело идет о людях маленьких, но очень сложных «человеках». Но очень хорошо замечены и переданы общие для возраста, важные черты — любопытство, растерянность перед «величием мира», — писала *Л.Червинская* (Числа. — 1930. — № 2/3. — С. 252-253).

Боясь наступающей полной глухоты, Б. покончил с собой, приняв смертельную дозу снотворного.

Лит.: Червинская Л. Некролог // Числа. — 1933. — № 9.

В.В.Леонидов

БРЕ́ШКО-БРЕШКО́ВСКИЙ Николай Николаевич (8(20).II.1874, Петербург — 23.VIII.1943, Берлин) — прозаик, журналист. Происходил из старинного польско-укр. дворянского рода. Сын Е.К.Брешко-Брешковской (урожд. — Вериго, 1844-1934), прозв. «бабушкой рус. революции» (лидер партии эсеров, автор мемуаров). Детство писателя прошло в Заславле на Волыни в семье брата матери — В.К.Вериго. Окончив в 1893 Ровенское реальное уч-ще, два года служил в Петербурге, затем стал свободным литератором. В ранних рассказах (печатался с 1896) выступал как бытописатель провинции и запорожского казачества. Публиковался в газ. и журн., где вел отделы великосветской и спорт. хроники. Этот мат-л послужил основой для пов. о светской жизни («Записки натурщицы». — СПб., 1909; «В потемках жизни». — Пг.; М., 1914), ром. о людях иск-ва («Зап. проходимца». — СПб., 1901; «Прекрасный мужчина». — Пг., 1917); особ. спросом пользовались ром. из жизни борцов: «Чемпион мира», «Гладиаторы наших дней» (сб. «В мире атлетов». — СПб., 1908) и «Чухонский бог» (Киев, 1910). Б.-Б. обращался к «шпионскому» жанру («Гадины тыла». — Пг., 1915; «В сетях предательства». — Пг., 1916; «Ремесло сатаны». — Пг., 1916; М., 1991), к воен. тематике («Танцовщица Лилиас». — Пг., 1916; «Дочь Иностранного легиона». — Пг., 1916) и к теме «распутинщины» («Позор династии». — Пг., 1917). В 1910-е имя Б.-Б. стало нарицат. для обозначения кн. бульварного чтива. Рец. на его произв. носили в осн. отрицат. характер. Рассматривая Б.-Б. в ряду основателей бульварной эстетики, *А.Куприн* отмечал в

стилистике его произв. шаблоны, мелодраматизм концовок, стремление разжалобить читателя, мнимую многозначительность общих мест, трафаретную красивость в речах героев и описаниях природы (Мир Божий. — 1904. — № 6. — С. 85-90; 1905. — № 6. — С. 77-78). Но Куприн находил у Б.-Б. и «крупицы настоящего»; «интересным и увлекательным писателем» он называл его в ст. «Поэт арены» (Синий журнал. — 1911. — № 8. — С. 12).

В эмиграции (с 1921) Б.-Б. написал более 30 ром. Куприн вновь обратился к творчеству беллетриста, находя, что ром. Б.-Б. «всегда захватывает», он «занимателен, ярок, бодр; порою трогателен без всяких признаков нытья, порою весел без забавы» (Куприн А. Н. Брешко-Брешковский: (Этюд) // Брешко-Брешковский Н.Н. Жуткая сила. — Ростов-н.-Д., 1991. — С. 6). Писатель привлек внимание к тем сторонам воззрений Б.-Б., к-рые были близки и ему самому. Во всех ром. Б.-Б., созданных после 1917, неизменно появляется большевик — «существо лишь на четверть человеческое, насыщенное и пресыщенное истерической и садистической злобой, несущее с собой отраву, разложение, подкуп, соблазн, шпионство, богохульство, кровь, разврат физический и духовный, призыв к разрушению всех сокровищ морали и культуры.... Словом, существо, которое терпится Европой по странной слепоте, по какому-то трагическому недоразумению...» (там же. — С. 5). В изображении своих осн. героев Б.-Б. сгущает краски так, что они начинают «жечь глаза»: «В его распоряжении нет нежных, тонких кисточек, а лишь одна великанская кисть, которой он пишет со всего размаха, быстро, яростно и порою небрежно. Такой кистью писал когда-то Александр Александрович Дюма-первый» (там же). Имена Куприна и Б.-Б. вновь сошлись в 3-м изд. кн. стихов В.Горийского (В.А.Давыдова) «Песни солнца» (Париж, 1933): первый написал предисл. к сб.; второй — критико-биогр. очерк о поэте. С явным сочувствием оценивал Б.-Б. поэтич. суждения, близкие к его собств. творч. кредо: «Не надо забывать того, что поэт есть царь, абсолютный законодатель в области своего творчества и что его мышление не знает пределов, которым подчиняется кругозор простых смертных» (Н.Брешко-Брешковский о Владимире Горийском // Горийский В. Песни солнца: Сб. стихотворений. — 3-е изд. — Париж, 1933. — С. 15). Импонировала ему и глубокая вера в Бога, в существование за гробом иной, высшей жизни, и вера «в воскресение человеческого духа не только в той загробной жизни, но и в этом мире» (там же. — С. 24).

Для Б.-Б.-прозаика показателен «роман из эпохи русской революции» «Белые и красные» (Париж, 1921). В революции он видит бунт дезертиров, беглых каторжников, бродяг, грабителей: «Словно какие-то дикие полчища завоевали Петербург. Словно их орды, хлынув потоками, запрудили величавую, державную столицу. Запрудили, чтобы смести и раздавить, растоптать грубым солдатским сапогом все культурные завоевания, все духовное, красивое, хрупкое, нежное, уничтожить всю русскую интеллигенцию, и без того немало выстрадавшую за восемь месяцев хаотической и нелепой керенщины... У власти большевики. Это не было даже завоевание. Она так легко далась им, она, эта, с позволения сказать, власть, жалким, беспомощным комком валялась в Зимнем дворце в виде тщедушного, невзрачного человека с бритым, землистым лицом, подслеповатыми глазами и вставной челюстью» («Белые и красные»... — С. 5). Так характеризовался А.Ф.Керенский (во всех ром. ему неизменно даются уничижительные оценки). И далее Б.-Б. продолжал: «Это был медовый месяц Советского самодержавия, сводившегося к самодержавию Ленина и Бронштейна-Троцкого. Угарный, кровавый медовый месяц. Как одержимые, бешено мчались с протяжным завыванием сирен автомобили, развозя торжествующих пьяных комиссаров и захваченных, обреченных к расстрелу, всех тех, кто был умен, образован, интеллигентен, воспитан, а следовательно, являлся контрреволюционером и «врагом народа» в глазах разбушевавшейся, осатаневшей черни» (там же. — С. 6). Горькой скорбью о чаемом монархе — вел. кн. Михаиле Александровиче (брате Николая II) проникнут ром. «Царские бриллианты» (Париж, 1921). Как «сенсационный политический труд», с «пламенными идеями и самыми настоящими идеалами», воспринял этот ром. вернувшийся из эмиграции критик *И.М.Василевский*, выступавший под псевд. «Не-Буква». Он откликнулся на выход ром. и дал едко-иронич. портрет пи-

сателя: «За что я люблю маститого Н.Н.Брешко-Брешковского, это — за его чуткость, за его отзывчивость на все веяния эпохи... Пришла война, и нужны оказались германские зверства. — Пожалуйста!.. Пришла Февральская революция, и нужны, оказывается, иные мотивы! — Пожалуйста! И новый труд неутомимого Брешки, свежий, круто заправленный, горячо поданный... рьяно рассказывает о Гришке Распутине, о развратной Алисе, о восставшем народе...» В «политическом памфлете из русской жизни», как называет И.Василевский ром. «Царские бриллианты», Б.-Б. «искренне желает послужить белому движению и, во что бы то ни стало, свергнуть большевиков». Но «каким-то сознательным кощунством кажется эта лихая пляска веселого романиста вокруг героев от Троцкого с Юровским до «его императорского высочества Михаила Александровича» и Адольфа Альфонсовича, умеющего так «плавно» душить «красивыми белыми руками» советских комиссаров...» (Василевский И.М. Белая психология // Василевский И.М. Что они пишут?: (Мемуары бывших людей). — Л., 1925. — С. 26-30). В ром. «На белом коне: (Из жизни Добровольческой армии)» (Берлин, 1922) «кремлевским самодержцам» Ленину и Троцкому снова противопоставляется возвыш. образ ожидаемого на белом коне «нового императора» Михаила Александровича. Апофеозом его достоинств стал ром. «Дикая дивизия» (Рига, 1930; М., 1990). Вел. кн. предстает здесь как отважный, сильный спортсмен и кавалерист, наделенный «ясной, бесхитростной душой» и способностью воспламенять сердца горцев, из к-рых состояла легендарная кавалерийская дивизия. Под его командой горцы готовы были идти на верную смерть. Дивизия была сформирована на Сев. Кавказе, а через четыре мес. обучения ее бросили на австр. фронт. Ром. представляет собой «хронику текущих событий» 1914-1920: захват Галиции (авг.-сент. 1914); формирование белогвардейской Добровольч. армии (ДА), а в итоге — бегство последнего главкома ДА барона Врангеля с остатками войск из Крыма; корниловский мятеж, на к-рый возлагались огромные надежды: «Если корниловское наступление увенчается успехом, оно оздоровит армию и тогда дружным натиском с востока и запада союзники раздавят австро-германцев» (Лит-ра рус. зарубежья: Антология. — М., 1990. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 166). Судьба лит. героев ром. тесно переплетается с судьбами воен. и политич. деятелей (ген. Корнилов, Троцкий, Керенский, Родзянко, Савинков и др.). Гл. нерв романа — разоблачение «немощного Временного правительства» и резкая дискредитация того «пестрого зверинца», каким являлся «Совет рабочих и солдатских депутатов», державший в своих руках судьбы России. Накал разоблачения подогревался пылкими надеждами на возможность освобождения от большевиков: «Захват Петрограда, беспощадное физическое уничтожение Совета рабочих депутатов, несущего большевизм... Все это может проделать одна кавалерийская дивизия...» При этом совершенно необходим — «как знамя» — Вел. князь: «Его можно освободить, похитить, наконец, вместе с ним войти в Петербург и провозгласить императором» (там же. — С. 156). Ром. «Дикая дивизия» принадлежит к числу наиб. удачных и популярных произв. Б.-Б.

Высланный из Польши, Б.-Б. в нач. 1927 поселился в Югославии. С приходом к власти фашистов он «поспешил в Берлин и там ревностно служил в органах фашистской пропаганды, пока не погиб во время бомбежки» (Любимов Л. На чужбине. — М., 1963. — С. 335).

Изд.: Под звездой дьявола. — Новый сад, 1923.
Мировой заговор: Бомбы римского отеля. — София, 1924.
Ряса и кровь. — Варшава, 1925.
На золотом троне. — Белград, 1925.
Печать проклятья. — Новый Сад, 1925.
Когда рушатся троны. — София, 1925.
Женщины, кровь и бриллианты. — София, 1926.
Побежденные победители. — Берлин, 1926.
Мстители. — София, 1926.
Трилогия: Демон пустыни. — Рига, [1926]; Сбежавший каторжник. — Рига, 1927; Тайна мертвых песков. — Рига, [1928].
Жуткая сила. — Рига, [1927]; Ростов-н.-Д., 1991 (с предисл. А.Куприна).
Албанская сирена. — Белград, 1927.
Ночи Варшавы. — Рига, 1927.
Кровавый май: В огне страстей: (Совр. экзотич. роман). — Рига, 1927-1928. — Ч. 1-2.
Принц и танцовщина. — Рига, 1927.
Живая совесть (Прекрасные калеки), — Париж, 1928.

Яд земли. — Рига, 1928.
Рукою палача. — Рига, [1928].
Роман манекена. — Рига, [1929].
Голубой мундир. — Рига, 1930.
Жидкое золото. — Варшава, 1930.
Короли нефти. — Рига, 1933. — Ч. 1-2.
Ставиский, король чеков: Роман из совр. жизни. — Париж, 1934.
Графиня: Венский роман. — Рига, 1935.
Король пулеметов. — Тяньцзын, [193?].
Сокровища Алмаз-хана. — Тяньцзын, [1938].
За сорок пять лет: Восп. старого журналиста // Нов. слово. — Берлин, 1942. — 8 марта.

Лит.: Сургучев И. Некролог // Парижский вестн. — 1943. — 4 сент. — Подпись: И.С. +РП-1.

А.А.Ревякина

БУЛГА́КОВ Валентин Федорович (13(25).XI.1886, г.Кузнецк, Томская губ. — 22.IX.1966, Ясная Поляна) — мемуарист, писатель, просветитель. Род. в семье смотрителя училищ. После четырех лет пребывания (1906-1910) на ист. филол. ф-те Моск. ун-та оставил учебу, неудовлетворенный системой образования. Переломным моментом в его жизни явилось знакомство в 1907 с Л.Н.Толстым. Б. становится одним из горячих приверженцев «толстовства»; в 1909 он систематизирует и излагает учение великого писателя в своей работе «Христианская этика» (опубл.: М., 1917). С янв. 1910 Б. по предложению В.Черткова занимает место секр. Л.Н.Толстого, заведует его обширной перепиской, помогает в работе над кн. «Путь жизни». До 9 нояб. 1910 ведет подробный дневник, легший затем в основу неоднократно переизд. и дорабатывавшейся кн. «У Л.Н.Толстого в последний год его жизни» (М., 1911). После смерти писателя Б. много делает для сохранения наследия Л.Н.Толстого и популяризации его идей, начинает библ. описание б-ки писателя. В 1916-23 служит сначала пом. хранителя, а затем дир. Музея Л.Н.Толстого в Москве; организует Дом-музей писателя в Хамовниках.

Исходя из своих толстовских убеждений, революции Б. не симпатизировал, в 1921 стал одним из чл.Всерос. комитета помощи голодающим. За выступления против террора и гражд. войны в марте 1923 вместе с семьей выслан из России. Выбор Б. падает на Прагу, здесь ему выплачивают небольшое пособие, и он имеет возможность продолжать свою творч. деятельность. В том же году в пражском изд-ве «Пламя» выходит его кн. «Толстой — моралист», одобрительно встреченная критикой (Аратов Б. // Огни. — 1924. — 14 янв.; Каменецкий Б. (*Айхенвальд Ю.*) // Руль. — 1923. — 14 окт.). Б. возглавлял Кружок по изучению совр. рус. лит-ры при Рус. свободном ун-те в Праге, в 1925 избран пред. Союза рус. писателей и журналистов в Чехословакии, вместе с *М.Цветаевой* и *С.Завадским* редактирует сб. Союза рус. писателей «Ковчег» (Прага, 1926). «Работа шла в поразительном единодушии трех редакторов, — писал позднее Б. — Ум и вкус Марины Ивановны до сих пор вспоминаются мною с удивлением и преклонением» (Лит. Россия. — 1987. — 18 дек.). Совместная работа послужила поводом к переписке между ними, продолжавшейся нек-рое время и после отъезда Цветаевой во Францию. Впоследствии часть этой переписки была Б. откомментирована (Цветаева М. Письма В.Булгакову. 1925-27. — Прага, 1992). В «Ковчеге» вместе с «Поэмой конца» опубл. работа Б. «Замолчанное о Толстом».

В февр. 1926 Б. обратился к сов. правительству с просьбой разрешить ему вернуться в Россию; намереваясь принять участие в подг. к празднованию 100-летия Л.Н.Толстого и в редактировании Полн. собр. соч. писателя, Б. обещает не делать к.-л. полит. заявлений, однако в мае 1926 он получил отказ ВЦИК. Б. много ездит по Европе с выступлениями и публичными лекциями, сотрудничает с жур. «Своими путями», «Воля России», «На чужой стороне», «Голос минувшего», публикуется в газ. «Дни», «Сегодня» и др. Цикл лекций, прочитанных в Берлине и др. городах Германии на нем. яз. и в Праге на чеш. легли в основу небольшой кн. «Толстой, Ленин, Ганди» (Прага, 1930).

По инициативе Б. в Збраславе под Прагой 9 сент. 1935 открылся Рус. культурно-историч. музей, дир. к-рого он стал (за картинами париж. худ.-эмигрантов весной 1937 Б. сам едет во Францию). При музее была обширная б-ка, один из разделов к-рой содержал неизд. научные и лит. работы

эмигрантов. Совм. с А.Юпатовым подготовил илл. справочник «Рус. иск-во за рубежом» (Прага; Рига, 1938). Во время войны фонды музея частью были разграблены, частью вывезены в Сов. Союз. С середины 30-х Б. готовит «Словарь рус. заруб. писателей», ставший первой серьезной попыткой создать целостное представление о лит-ре рус. эмиграции как значительнейшем явлении мировой культуры. Словарь дает краткие биографич. сведения о писателях рус. зарубежья, о сб., журн., газ., лит. объединениях и изд-вах рус. зарубежья. В начале 60-х Б. вновь возвращается к этой работе (издана под ред. Г.Ванечковой в Нью-Йорке в 1993). В 1937 Б. получил Континентальную премию об-ва «Новая история в США» за соч. на тему «Как достичь всеобщего разоружения». В 1938 по предложению Н.К.Рериха он избирается поч. чл. лиги поощрения культуры «Фламма». В конце 30-х Б. выступает в новом для себя качестве, публикуя две пьесы: «На кресте величия. (Смерть Л.Н.Толстого)» (Тяньцзинь, 1937; рец.: Резникова Н. // Рубеж. — 1937. — № 52.), вскоре поставленную на сцене Рус. драматич. т-ра в Таллине, и драму «Эдгар По» (Тяньцзин, 1940).

С приходом в Чехословакию фашистов Б. был арестован гестапо и три месяца содержался в пражской тюрьме, а затем до кон. войны находился в баварском лагере для интернированных сов. граждан в замке Вюльцбрук, близ г.Вейссенбурга. Здесь он на клочках бумаги работает над рукоп. «Друзья Толстого». Освобожденный американцами, возвращается в Прагу и включается в творч. жизнь чеш. столицы: работает в Мин-ве информации, редактирует журн. «Пражские новости», читает лекции по истории Чехословакии в сов. посольстве, преподает в рус. школе. В 1948 Булгаков получает возможность вернуться в СССР, поселяется в Ясной Поляне и становится хранителем Дома-музея Л.Н.Толстого. В 1958 принят в чл. Союза писателей СССР, с 1965 чл. ревизионной комиссии правления СП СССР.

Лит.: М.Цветаева за рубежом (Письма М.И.Цветаевой к В.Ф.Булгакову) // Встречи с прошлым. — М., 1976. — Вып. 2.
+РП-1.

М.Г.Павловец

БУЛГА́КОВ Сергей Николаевич (16(28).VI.1871, Ливны — 13.VI.1944, Париж) — философ и богослов, экономист, публицист, обществ. деятель. Род. в семье потомств. священника, обучался в Орловской духовной семинарии, однако покинул ее в 1888, пережив кризис веры и завершил образование в Моск. ун-те, окончив его в 1894 по кафедре политич. экономии и статистики. В период до нач. XX в. Б. примыкал к течению легального марксизма и занимался иссл. в области политэкономии, выпустив кн. «О рынках при капиталистическом производстве» (М., 1897) и «Капитализм и земледелие» (СПб., 1900. — Т. 1-2). На рубеже веков он отходит от марксист. идеологии и на первый план у него выступает интерес к философии классич. нем. идеализма, а также к рус. мысли, творчеству Достоевского и Вл.Соловьева. Подобная эволюция была характерна для рус. интеллигенции той поры, и вскоре Б. выдвигается в ряд ее признанных духовных лидеров. Он стал одним из осн. участников сб. «Проблемы идеализма» (М., 1902), где впервые объединились ведущие лица нарождавшегося религ.-филос. движения; название сб. его ст. «От марксизма к идеализму» (СПб., 1903) сделалось крылатым, выражая духовный смысл ист. момента. Последующие годы — период наиб. обществ. и публицистич. активности философа. Он участвовал во мн. начинаниях развернувшегося религ.-филос. возрождения — в журн. «Новый путь» и «Вопросы жизни», сб. «Вопросы религии» (М., 1906-8), «О Владимире Соловьеве» (М., 1911), «О религии Льва Толстого» (М., 1912), «Вехи» (М., 1909), в работе Религ.-филос. об-ва памяти Вл.Соловьева и книгоизд-ва «Путь», где в 1911-17 выходили в свет важнейшие произв. рус. религ. мысли. В 1906 он был также избран депутатом Второй Гос. Думы (как беспартийный «христианский социалист»). В творчестве его в этот период совершается переход от лекций и статей на темы религии и культуры (важнейшие из них были им собраны в двухтомнике «Два града», М., 1911) к оригин. филос. разработкам. В монографиях «Философия хозяйства» (М., 1912) и, гл. обр., «Свет Невечерний» (М., 1917; 1994) он намечает основы собств. учения, идущего в русле метафизики всеединства и софи-

ологии Вл.Соловьева, однако вобравшего и заметное влияние позднего Шеллинга, а также ряд своих идей, питаемых интуициями православной религиозности. Процесс постепен. возврата к церковно-правосл. миросозерцанию завершается уже в рев. годы принятием священства (1918). Б. начинает играть видную роль также и в церк. кругах, активно участвуя в работе Всероссийского Поместного Собора Правосл. Церкви (1917-18) и близко сотрудничая с патриархом Тихоном. Восприняв безусловно отрицательно окт. переворот, о.Сергий откликнулся на него диалогами «На пиру богов», написанными в стиле и духе «Трех разговоров» Вл.Соловьева; диалоги вошли в коллект. сб. «Из глубины» (М.; Пг., 1918; М., 1991). В годы гражд. войны находился в Крыму и, будучи оторван от иерейского служения, как и от общественно-публицистич. деятельности, интенсивно работал в философии. В созданных тогда соч. «Философия имени» (1920; Париж, 1953) и «Трагедия философии» (1920; изд. в нем. пер.: Darmstadt, 1927) он подверг пересмотру свой взгляд на соотношение философии и догматики христианства, склонившись к выводу о том, что христ. умозрение способно выразиться без искажений искл. в форме догматич. богословия. Последнее и стало с тех пор осн. сферой его творчества.

В 1922 о.Сергий был включен в составленные ГПУ по инициативе В.И.Ленина списки деятелей науки и культуры, подлежащих высылке за рубеж. 30 дек. 1922 он отправляется из Крыма в изгнание и после недолгого пребывания в Константинополе в мае 1923 занимает должность проф. церк. права и богословия на юрид. ф-те Рус. науч. ин-та в Праге. Вскоре при его ближайшем участии возникает и успешно осуществляется проект создания в Париже Правосл. богословского ин-та, с открытия к-рого в 1925 о.Сергий был его бессменным главой, а также проф. каф. догматич. богословия. Под руководством Б. Сергиевское Подворье — как стали называть комплекс институтских строений с храмом во имя преподобного Сергия Радонежского — выросло в крупнейший центр правосл. духовности и богословской науки в зарубежье. Помимо дел, связанных с ин-том, и богословского творчества, Б. уделял большое внимание еще, по меньшей мере, двум сферам: духовному руководству рус. молодежью и участию в экуменич. движении. О.Сергий был одним из отцов-основателей Рус. студенч. христ. движения. Он участвовал в его зарождении, в первых съездах РСХД в Пшерове (Чехословакия) и Аржероне (Франция) и продолжал постояннно его курировать, оставаясь для членов движения незаменимым наставником и авторитетом. В работу экуменич. движения о.Сергий включился в 1927, на Всемирной Христ. конференции «Вера и церк. устройство» в Лозанне. До кон. 30-х он принимал участие во многих экуменич. начинаниях, став одним из влият. деятелей и идеологов движения; в 1934 совершил большую поездку по США. Наиб. перспективным в экуменич. сфере оказалось сотрудничество с англиканской церковью. Объективные возможности для сближения православия и англиканства обнаруживались и признавались со времени А.С.Хомякова; трудами о.Сергия и его сподвижников (о.*Георгия Флоровского*, *Н.Зернова*, *Г.Федотова* и др.) они стали воплощаться в жизнь. В кон. 1927 — нач. 1928 проходит англо-рус. религ. съезд, результатом к-рого явилось учреждение двустороннего Содружества св.Албания (др-англ. св. мученик) и преподобного Сергия Радонежского, продолжающее свою деятельность поныне.

В 1939 у о.Сергия был обнаружен рак горла. Он перенес опасные операции, побывал на пороге смерти и в значит. степени утратил способность речи. Начавшаяся мировая война ограничила еше более сферу его трудов. Однако до последних дней жизни, в тяжелых условиях оккупиров. Парижа он не прекращал служить литургию и читать лекции (что стоило ему огромных усилий), а также работать над новыми соч. Его творчество обладает редкою цельностью: всем его гл. темам он сумел подвести итог и дать отчетливое завершение. Как и в каноне Св.Писания, его последняя кн. — он закончил ее совсем незадолго до смерти — «Апокалипсис Иоанна» (Париж, 1948; М., 1991).

В центре заруб. творчества о.Сергия — задача создания богословской системы, хранящей верность всем христ. догматам и вместе с тем акцентирующей специфич. черты русско-правосл. религиозности, равно как и собств. интуиции автора. Эта задача решается им, прежде всего, в знаме-

нитой «большой трилогии» — кн. «Агнец Божий» (Париж, 1933), «Утешитель» (Париж, 1936) и «Невеста Агнца» (Париж, 1945), объединенных общим названием «О Богочеловечестве». Отказавшись от философии в пользу богословия, Б., однако, сохраняет в своей новой системе большинство ведущих мотивов метафизики «Света Невечернего» и ставит во главу угла те же фундамент. мифологемы, коими служат Богочеловечество и София Премудрость Божия; и ранняя метафизика, и зрелое богословие его равно объемлются именем софиологии. Но София получает теперь иную трактовку и тщательный догматич. анализ. В «Агнце Божием» он решает заново осн. апорию всякой софиологии: противоречие между ипостасной природой Софии и невозможностью четвертой ипостаси Пресв.Троицы. Новое решение (где София сближалась с Сущностью, Усией Божией) вызвало, однако, возражения и было осуждено спец. указами Моск. Патриархии (от 7.IX.1935) и Архиерейского собора в Карловцах (от 30.X.1935). О.Сергий представил на эти осуждения свои ответы, и на их основании Зап-европ. экзархат, к к-рому он принадлежал, не присоединился к осуждениям. Окончат. решения «спор о Софии» не получил по сей день, хотя надо отметить, что учение о.Сергия не привлекло на свою сторону практически никого из богословов. Вместе с тем, помимо своего софианского ядра, система Б. содержит немало интересных, богатых мыслью разработок. Наряду с узкобогословскими темами, здесь развито и обширное учение о мире. Согласно концепции Богочеловечества, оно строится в ист. плане как учение о мировом процессе, к-рый во всей целокупности, от акта творения, через пребывание в падшести, и до финального Преображения, представляется как «Богочеловеческий процесс», процесс воссоединения твари с Богом. В этих рамках основательно рассмотрены все классич. предметы богословского учения о миретворение и тварность, вечность и временность, зло и свобода твари, причинность, предопределение, смерть и смертность, конец истории. В общем типе и облике, в ряде ведущих мотивов и идей возникающая система напоминает большие теологич. системы совр. зап. христианства, сближаясь с учениями Тейяра де Шардена и, неск. меньше, Тиллиха.

О.Сергий был писателем плодовитым и лит. одаренным; ему, как и вообще рус. душе, щедро была отпущена любовь и живая чуткость к прекрасному, худож. восприимчивость. Его всерос. известность началась с лекций о Чехове, а перед самою революцией Б. выпустил сб. статей по проблемам эстетики и иск-ва «Тихие думы» (М., 1918). В зарубежье он также писал иногда на темы лит. и худож. — о Пушкине («Жребий Пушкина» // Новый град. — 1937. — № 12; «Образ Пушкина» // ВРСХД. — 1949. — № 3), о рус. иконе. Труды его написаны с большим стилистич. мастерством, отличаясь чистотою и искренностью тона, порой эмоциональностью и, при всей учености, полной свободою от сухого академизма. Вышедшая посм. кн. «Автобиогр. заметки» (Париж, 1946) содержит страницы мемуарной и исповедальной прозы.

Изд.: Св. Петр и Иоанн. — Париж, 1926.
Друг Жениха. — Париж, 1927.
Купина неопалимая. — Париж, 1927; М., 1991.
Лествица Иаковля. — Париж, 1929.
Православие. — Париж, 1965; М., 1991.
Христианство и еврейский вопрос. — Париж, 1991.
Соч.: В 2 т. — М., 1993.

Лит.: Лосский В.Н. Спор о Софии. — Париж, 1936.
Памяти о.Сергия Булгакова. — Париж, 1945.
Зандер Л. Бог и мир: Миросозерцание о.С.Булгакова. — Париж, 1948. — Т. 1-2.
Осоргина Т. Библиография трудов о.С.Булгакова. — Париж, 1987.
Хоружий С.С. София — космос — материя: Устои филос. мысли о.С.Булгакова // ВФ. — 1989. — № 12.
Naumov K. Bibliographie des oeuvres de p.Serge Boulgakov. — P., 1984.
+Зеньковский; Лосский; РП-1; РФН; РФР.

С.С.Хоружий

БУ́ЛИЧ Вера Сергеевна (17.II(1.III).1898, Петербург — 21.VII.1954, Хельсинки) — поэтесса, прозаик, критик, переводчик. Закончила г-зию в Петербурге (1914). Отец — Сергей Константинович (1859-1921) — ученый-филолог, историк лит-ры, лингвист, музыковед, проф. Петерб. ун-та, дир. Высших жен. курсов. После окт. 1917 семья Б. поселилась на даче в местечке Куолемаярви

под Выборгом. После смерти отца Б. переехала в Гельсингфорс. Поступила в славянск. отдел ун-тской биб-ки, где проработала до кон. жизни. В 1930-е она состояла чл. литхудож. об-ва «Светлица», входила в Совет Рус. академич. объединения в Финляндии. В 1947 была приглашена в б-ку Ин-та по изучению Сов. Союза (в дальнейшем Ин-т культурных связей между Финляндией и СССР). В 1940-х — нач. 50-х сотр. б-ки об-ва дружбы «Финляндия-СССР», ред. лит. отдела «Рус. журнала» (Хельсинки, 1947), печатного органа Рус. культурно-демокр. союза.

Печататься Б. начала после отъезда из России, в гельсингфорсск. газ. «Новая рус. жизнь» (1920). Ее стих., рассказы, рец. и обзоры, пер. из фин. и швед. поэзии, лит.-критич. ст. опубл. в журн. «СЗ», «Журн. Содружества» (Выборг, 1935-38), «Наш огонек» (Рига, 1923-28), «Новый дом», «НЖ», газ. «Руль», «Новые рус. вести» (Гельсингфорс, 1923-26), «Новая рус. жизнь» (Гельсингфорс, 1920-21), «Рус. голос» (Ревель, 1934-35). Б. владела фин. и швед. яз.: писала рассказы, сказки для детей, тексты радиопередач, к-рые публиковала в периодич. изд. Хельсинки и Стокгольма. Одна из лучших переводчиц фин. поэзии XX в. на рус. яз., Б. незадолго до смерти начала составлять антологию поэзии Финляндии. Она внесла значит. вклад в дело популяризации знаний о рус. культуре в Финляндии, укрепления финско-рус. духовных связей. В 1930-е на собр. об-ва «Светлица» читала доклады о творчестве Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Батюшкова, Анненского и др.

Первая кн. Б. вышла в 1927 на фин. яз. — сб. миниатюр «Сказка о маленькой принцессе» («Satu pikkirikkisesta ptinsessasta», Porvoo.). В первой кн. стих. «Маятник» (Гельсингфорс, 1934) доминировали настроения, намеченные в «Сказках» и ставшие впоследствии сквозными для творчества Б.: болезненное ощущение одиночества, тоска по простому человеч. счастью, стремление к внутр. свободе, глубокая христ. вера, душевное мужество перед лицом жизн. невзгод, самопожертвование в любви, преданность в дружбе, покорность судьбе. Задушевный рассказ о своих «разговорах с сердцем» поэтесса продолжила в кн. «Пленный ветер. Вторая кн. стихов» (Таллин, 1938). Стих. отличает точность в передаче мира красок, звуков, запахов природы, искренность в раскрытии переживаний женщины, испытавшей безответную любовь. В центре внимания сб. «Бурелом. Третья кн. стихов» (Хельсинки, 1947) — внутр. мир поэта, душевное спокойствие к-рого нарушено вторжением вероломной войны. Новое звучание обретает мотив любви к покинутой родине. Теперь это солидарность с ней, восхищение силой духа народа, победившего фашизм. В последнем сб. стих. Б. «Ветви» (Париж, 1954), изд. незадолго до смерти поэтессы от рака легких, настроение обреченности смертельно больного художника смягчено ощущением радости от сознания, что жизнь после ухода в иной мир не кончается.

Обладая яркой творч. индивидуальностью, Б., по ее собствен. признанию, испытала влияние поэзии Пушкина, Анненского, *Белого*, переосмыслила традиции Блока, Есенина, Ахматовой, Гумилева. При жизни Б. ее поэзия вызывала неизменный интерес критиков рус. зарубежья. *В.Ходасевич* (В. — 1934. — 27 сент.) отмечал ее поэтич. талант и худож. вкус, изысканность, психологич. глубину. *Г.Адамович* (ПН. — 1938. — 12 мая) восхищался утонченностью, хрупкой, «фарфоровой» законченностью ее стих. *Ю.Мандельштам* (СЗ. — 1936. — № 50) находил ясность выражения мысли, четкость построения стиха. *Ю.Терапиано* (Стихи Веры Булич // НРС. — 1949. — 2 янв.) подчеркивал серьезность и в то же время неподдельное лирич. волнение, ощущение борьбы духовного начала в человеке с темными инстинктами, к-рым исполнена поэзия Б. Сама поэтесса в произв. своих собратьев по перу ценила благородную мужественность, точность осмысления реальной жизни, «подводную глубину» поэтич. слова, самобытность образов, одушевленных единой «мыслью-чувством».

Поэзия Б. — это интимный дневник женщины, к-рая, переживая материальную и личную неустроенность, умеет быть счастливой, сохранять интерес к жизни, душевное равновесие, чувствовать боль за судьбу близких, друзей, за покинутую родину, умеет оставаться для окружающих мягким, деликатным человеком, вызывающим искреннюю симпатию. Ее творчеству чужды грубая политизация, высокомерие, непримиримость. Прожив б.ч. жизни вдали от России, Б. сумела сохранить и выразить в своей поэзии сопричастность судьбам роди-

ны, сострадание народу, верность кодексу чести рос. интеллигента.

Лит.: Цетлин М. Рец.: «Маятник» // СЗ. — 1934. — № 1.
Пильский П. Рец.: «Пленный ветер» // Сегодня. — 1938. — 26 марта.
Пахмусс Т. Вера Булич, рус. поэт в Финляндии // Современник. — 1979. — № 41.
Пресас Г. Поэтесса настроения и красоты природы // Рус. листок в Финляндии. — 1984. — № 1.
Еськина Л.А. Вера Булич. Из истории рус. лит-ры в Финляндии. // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.

Л.А.Еськина

БУЛЫ́ГИН Павел Петрович (23.I(4.II).1896, Владимир — 17.II.1936, Асуньсьон, Парагвай) — поэт, эссеист. Род. в семье писателя П.П.Булыгина (1858-1914).Окончил Александровское воен. уч-ще в Москве. Отправился в Добровольч. армию, участвовал в первом Кубанском походе. По окончании был назначен в отряд особого назначения по охране имп. Марии Федоровны. По ее поручению принял участие в расследовании убийства царской семьи, помогал возглавлявшему от Колчака следствие Н.А.Соколову. После гражд. войны жил во Франции и Германии. В 1922 в берлин. изд-ве «Град Китеж» вышел сб. Б. «Стихотворения». В нем, наряду со стихами о гибели России и посв. природе и быту ушедшей дорев. жизни, были и мистич. стихи, написанные под влиянием Блока. Теплым был отзыв А.Роговича в монархич. журн. «Двуглавый орел»: «В этих стихотворениях, в которых можно похвалить почти все, нет ничего выдуманного, показного, вычурного: это передача вылившихся из души настроений... В них мало радости, но много задушевной искренности» (1922. — № 30. — С. 31).

Б. в 1924 принял приглашение отправиться в Абиссинию воен. инструктором. «Его всегда тянуло к необычному, его звали далекие страны, экзотические миры, необычайная обстановка», — вспоминал впоследствии *П.Пильский* в предисл. ко второй кн. Б., вышедшей уже после его смерти («Янтари». — Рига, 1937. — С. 5). Б. работал военным инструктором в армии эфиопского правителя негуса, затем заведывал кофейной плантацией.

В нач. 30-х возвращается в Европу. Ст. Б. публикуются в рижской газ. «Сегодня». В них он пишет о жизни в Эфиопии, снова возвращается к истории гибели царской семьи. В 1934 получил приглашение возглавить колонию рус. староверов в Парагвае, отправился в Юж.Америку и основал колонию староверов «Балтика». «С неимоверными усилиями, без всяких средств, без знания испанского языка, исключительно благодаря своим организаторским способностям, он успел сделать очень многое. Буквально из ничего, в глухом девственном лесу Парагвая он основал русскую деревню» (Пильский П. Указ. соч. — С. 6). В 1935 вышла кн. Б. о расстреле Николая II и его близких: «The murder of Romanovs: The authentic account» (L., 1935). Он ожидал со дня на день гонорара за книгу, чтобы вернуться в Европу, но внезапно умер от кровоизлияния в мозг.

В посмертной кн. Б. «Янтари» было много стихов, посвященных восп. о России. «Опять без сна. И ночь, как вечер / Издалека припомнил я/ Деревню, лето, наши встречи/ На повороте у ручья / И запах росной земляники, / И звон фарфоровой волны, / Совы пугающие крики/ Простор полуночной луны» (С. 109). Строки, в к-рых были картины путешествий по Африке и дальним странам, написаны в подражание Гумилеву: «Храню погоны и кокарду / От службы русскому царю, — / Кормя ручного леопарда / Я с ним по-русски говорю» (с. 107). Тепло отозвался о выходе этой кн. *А.Перфильев*: «Везде, в каждом стихотворении, терпеливая, притаенная, нежная грусть об ушедшей жизни. И не об ее эгоистических сторонах — об утерянном благосостоянии и благополучии — а о душевном, сокровенном, национальном. О пороше, Москве, Иверской, обо всем, бывшем когда-то действительностью и ставшем сном» (Для Вас. — Рига, 1937. — № 26. — С. 29).

Лит.: Кап Д.Л. П.П.Булыгин // Часовой. — 1936. — № 171. — С. 34.
Некролог // Наша заря. — Тяньцзин, 1936. — 25 апр.
Пильский П. Рец.: «Янтари» // Сегодня. — 1937. — 15 июня.
Резникова Н. Рец.: «Янтари» // Рубеж. — 1938. — № 11.

В.В.Леонидов

БУНАКОВ — см.Фондаминский И.И.

БУ́НИН Иван Алексеевич (10(22).X.1870, Воронеж — 8.XI.1953, Париж; похоронен на рус. кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем) — прозаик, поэт, переводчик. Как художник сложился и получил признание в 1890-е (Пушкинская премия Рос. АН 1903 за поэму «Листопад» и пер. «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло; вторая Пушкинская премия 1909 и избрание поч. академиком). Выходец из семьи, принадлежащей к древнему, но обедневшему дворянскому роду (он состоял в родстве с В.А.Жуковским, А.П.Буниной, П.П.Семеновым-Тян-Шанским), Б. сызмальства познал жизнь рус. народа, крестьянства (рассказ «Антоновские яблоки» (1900), пов. «Деревня» (1910), «крестьянские» рассказы 1910-х, испытывая одновременно глубокую внутр. связь с уходящим «вымороченным» «рыцарским сословием» (пов. «Суходол», 1911). Мастер пейзажной, любовной, филос. лирики, короткого рассказа, посв. трагичности бытия, глубоко драматич. основам рус. нац. характера, Б. входит в полосу расцвета своего дорев. творчества в 1910-е: «Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи 1912-13 гг.» (М., 1913); «Чаша жизни»: Рассказы 1913-14 гг.» (М., 1915); «Господин из Сан-Франциско: Произв. 1915-16 гг.» (М., 1916).

Задолго до рев. потрясений 1917 Б. предчувствовал их приближение. Февр. революция 1917, падение империи усиливают пессимизм Б. в отношении будущего России как гос.-нац. целого. Он размышляет о том, что такое народ как данность и ощущает в нем огромный резервуар спящих и, по его мнению, еще совсем диких, азиатских, разрушит. сил: «Придет время, потрясется земля, небо... И пропустит Господь огненную реку!» (рассказ «Я все молчу», 1913). Эту «огненную реку» Б. вполне ожидал и запечатлел, преим. в прозе. В 20-е выделяется кн. худож. публицистики «Окаянные дни» (впервые целиком опубл. в 10-м т. Собр. соч. — Берлин, 1935), к-рая создавалась в захваченной красными Одессе в 1918. Из Одессы 26 янв. 1920 Б. навсегда покинул Россию на франц. пароходе, трагически ощущая, что «России — конец» (рассказ «Конец», 1921). «Конец» и «погибель» — лейтмотив «Окаянных дней». Это монолог о революции, эмоцион. и предельно искренний, написанный человеком, ее не принявшим и проклявшим. Гигантская обществ. катастрофа, постигшая Россию, нашла здесь прямое и открытое выражение и в то же время отразилась на всем худож. мире Б., резко изменив его акценты.

Б. не пережил за рубежом никакого «слома», «кризиса». Напротив, жизнь вдали от России, в Париже и Грасе, драма эмиграции обозначили перед ним новые горизонты и позволили раскрыться дремавшим возможностям. Об этом немало говорилось в эмигр. и даже в отечеств. критике (таково суждение писателя и критика Н.П.Смирнова: Столетие Бунина // Рус. новости. — Париж, 1970. — 13 февр.).

Эмигр. творчество Б. рассматривается как развитие, как обретение нового смысла. Обращенные вспять симпатии обретают четкую социальную установку. Не принимая новой действительности, к-рая «царит уже крепко, входит уже в колею, в будни», герой рассказа «Несрочная весна» (1921) целиком чувствует себя в мире мертвых, «навсегда и блаженно утвердившихся в своей неземной обители». Смерть оказывается в поздних произв. Б. не только разрешительницей всех противоречий, но и источником абсолютной, очищающей силы (рассказ «Преображение», 1921). Рассказы 1920-х пронизывает чувство одиночества, изоляции человека от ему подобных («Алексей Алексеевич», 1917). Как и прежде, Б. сдвигает жизнь и смерть, радость и ужас, надежду и отчаяние. Но никогда ранее не выступало с такой обостренностью в его произв. ощущение бренности и обреченности всего сущего — жен. красоты, счастья, славы, могущества (рассказы «Огонь пожирающий», 1922; «Темир-Аксак-Хан», 1921). Созерцая ток времени, гибель далеких цивилизаций, исчезновение царств («Город Царя Царей», 1924), Б. словно испытывает болезненное успокоение, временное утоление своего горя. Несмотря на филос. и ист. экскурсы и параллели (рассказ о франц. рев. «Богиня разума», 1924), Б. не мог отделаться от мыслей о России. Однако это была «отодвинутая» Россия: она была — и словно не была, все в ней встало под вопрос и испытание. В ответ на боль и

сомнение в образе отодвинутой России стало яснее проступать то русское, что не могло исчезнуть и должно было идти из прошлого дальше. То, что он думал об этом сейчас и видел, запоминал раньше, встретилось. Времена сместились и охватили этот один образ с разных концов, и читатель убеждался: то прекрасное, что Б. удалось вскрыть под житейским течением в прошлом, не прервалось и не закончилось — оно было узнаваемо, только не в тех формах, какие Б. мог знать («Подснежник», 1927; «Далекое», 1922).

Важнейшей в творчестве Б. является тема любви. Он описывал любовь во всех состояниях, умел найти ее даже там, где ее еще нет («Сестрица», 1930), где она едва брезжит и никогда не сбудется («Старый порт», 1927) и где томится неузнанная («Ида», 1925), и где переходит в страсть («Убийца», 1930) или не обнаруживает своего прошлого, подвластного разрушит. времени («В ночном море», 1923). Любовь у Б. поражает не только силой худож. изобразительности, но и своей подчиненностью неведомым человеку законам. Понимание любви как страсти, захватывающей все помыслы, все духовные и физич. потенции человека, было свойственно Б. на протяжении всего творчества, и в этом смысле рассказ «Маленький роман» (1909) принципиально не отличается от позднейшего «Солнечного удара» (1925). Чтобы любовь не исчерпала себя, не выдохлась, необходимо расстаться — и навсегда. Если этого не делают сами герои, в ход вмешивается судьба, рок, можно сказать, во спасение чувства убивающий кого-то из возлюбленных. В рассказе «Дело корнета Елагина» (1925) намечаются общие точки соприкосновения неореализма Б. с рус. символизмом, к-рый он так яростно отвергал и у к-рого давно сформировалась концепция смерти как освобождения (в произв. Ф.Сологуба, *З.Н.Гиппиус*), подтверждением чему может служить рассказ «Митина любовь» (1927).

Ром. «Жизнь Арсеньева» (начал печататься в «СЗ» с 1928) — наиб. значит. произв. Б. эмигр. поры. Первые четыре кн. («Истоки дней») напечатаны отд. изд. в 1930; пятая кн. — «Лика» вышла в 1939. Это огромное полотно, запечатлевшее старую Россию. Замысел «Жизни Арсеньева» давно просился наружу. Б. стремился найти новую форму, вернее, уйти от всякой привычной лит. формы, что проявилось в рассказе «Книга» (1925). Ром. носит итоговый характер, обобщая события и явления полувековой давности. Почти все крупные писатели рус. зарубежья обращались — с большей или меньшей широтой типизации — к худож. мемуарам. Автобиогр. основа «Жизни Арсеньева» несомненна. *В.Ходасевич*, рецензируя «Жизнь Арсеньева», охарактеризовал ее как «вымышленную автобиографию», «автобиографию вымышленного лица» (В. — 1933. — 22 июня).

Создание центр. глав ром. совпало с появлением последней любви Бунина — молодой писательницы *Г.Кузнецовой*, с к-рой стареющий Бунин делится секретами иск-ва, тайнами мастерства, раскрывается в своем прошлом, являя себя и в силе, и в слабости. Живя в Грасе, Кузнецова пишет «Грасский дневник» — не просто хронику бунинской жизни, но и еще своего рода «биографию романа» «Жизнь Арсеньева». Ее близости обязан Б. тем, что создал единств. в своем творчестве «открытую книгу», где герой, Алексей Арсеньев, раскрывается «изнутри» (*Алданов М.* О Бунине // НЖ. — 1953. — № 35). В пору недолгого любовного счастья происходит в работе над ром. смена масштаба повествования, дотоле чисто лирического. Кузнецова заносит в дневник 11 июля 1929: «Написана новая очень интересная глава: вхождение молодого Арсеньева в рев. среду и описание этой среды блестяще-беспощадное. С этих пор «Жизнь Арсеньева» собственно перестает быть романом одной жизни, «интимной» повестью, а делается картиной жизни вообще, расширяется до пределов картины национальной» (Кузнецова Г. Грасский дневник. — Вашингтон, 1967. — С. 114; переизд.: М., 1995). «Жизнь Арсеньева» — это и монолог о судьбе России. Размышляя о нац. великодержавной гордости, от века присущей рус.человеку, Б. вопрошает: «Куда она девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?» (Собр. соч.: В 6 т. — М., 1986. — Т. 6. — С. 37). От вечных, метафизич. характеристик нации он приходит к сугубо злободневному приговору свершившейся революции, скорбя о «навсегда погибшей

России», «погибшей на наших глазах в такой волшебно краткий срок».

«Жизнь Арсеньева» можно охарактеризовать как поэму в прозе. В 1920-е — 1940-е Б. написано немного стихов, и все они шедевры («И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...», «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...» и др.). Итоговой для Б.-поэта явилась кн. «Избр. стихи» (Париж, 1929). Появление в печати первых четырех кн. ром. «Жизнь Арсеньева» сыграло свою роль в присуждении 9 нояб. 1933 Нобелевской пр. писателю, к-рый стал первым ее рус. лауреатом.

В произв. эмигр. поры Б. стремился постичь смысл бытия, тайну жизни и смерти, их вечного противостояния, наконец, смысл смерти: конец или освобождение. Он соотносил свой опыт с судьбой любимого художника и мыслителя Л.Н.Толстого. О Толстом Бунин принимался писать не раз. Однако только в 1937 в Париже им была выпущена кн. «Освобождение Толстого», обобщившая размышления мн. лет. Это не свод восп.; собств. немногочисл. впечатления, равно как и обильные свидетельства родных и близких Толстого приводятся им для подтверждения давно выношенной концепции смысла бытия. Это одновременно и религ.-моралистич. трактат о Толстом, и худож. произведение, своего рода реквием, с незаурядной силой подтытоживший судьбу великого художника-эмигранта.

Когда Б. было за шестьдесят, он задумал кн. о любви «Темные аллеи» (1-е изд.: Нью-Йорк, 1943; полное — Париж, 1946; М., 1991). Эта кн. создавалась в Грасе, где Б. безвыездно прожил пять лет, жестоко страдая от голода, холода, мучительно переживая события второй мировой войны. «Темные аллеи» — кн., где все о любви; тридцать восемь новелл этого сб. дают великое разнообразие незабываемых жен. типов — Руся, Антигона, Таня, Галя Ганская, Поля, героиня «Чистого понедельника». В «Темных аллеях» мы встретим и грубоватую чувственность («Антигона», «Гость»), и просто мастерски рассказанный игривый анекдот («Сто рупий»), но сквозным лучом проходит через кн. тема чистой и прекрасной любви. Здесь романтика ощущений и осторожный натурализм подробностей уравновешивают друг друга. Влечение к женщине, по убеждению Б., глубоко чувственно и таит в себе неразрешимую загадку. «Ведь это даже как бы и не люди, а какие-то совсем особые существа, живущие рядом с людьми, еще никем точно не определенные, непонятные, хотя от начала веков люди только и делают, что думают о них» (Собр. соч.: В 9 т. — М., 1967. — Т. 9. — С. 352). Но выводы Б. мрачны: любовь прекрасный, но мимолетный гость на нашей земле. Дай ей продлиться чуть дольше — проза и пошлость съедят ее, произойдет стремит. девальвация чувства. Наиб. ярко эта тенденция выявляется в рассказе «Чистый понедельник». «Краткая новелла, почти лишенная событий, рассказывает о трагическом душевном надломе. Героиня наделена властной женской прелестью, волей и жаждой жизни. В то же время она придавлена безнадежностью и беспомощностью... Ее возлюбленный ничем не выше и не лучше окружающих. Благородная требовательность, такая же, как и у Лизы, Елены (тургеневские героини), у гончаровской Веры, приводит к бесчеловечному юродству. В «чистый понедельник» она рассчиталась с любимым и любовью, простилась с презираемой, но все же манящей жизнью, отдала «кесарю кесарево» (Иофьев М. Профили иск-ва. — М., 1965. — С. 123).

Занимая в годы второй мировой войны патриотич. позиции, Б., однако, не желал признавать перемен, происшедших в России. Он посетил посла СССР во Франции, а после того как руководство Союза рус. писателей и журналистов в Париже исключило из своих членов всех, кто принял сов. подданство, в знак солидарности с исключенными вышел из его состава. Насколько далеко зашло это сближение с сов. властью, свидетельствует факт, приводимый В.Н.Муромцевой-Буниной 3 мая 1946: «Предлагают Яну, т.е. Бунину, полет в Москву, туда и обратно, на две недели с обратной визой» («Устами Буниных...» — Франкфурт-н.-М., 1982. — Т. 3. — С. 181). Одновременно в моск. изд-ве (Гослитиздат) был подготовлен том его произв. Б. ч. эмиграции отнеслась к этому как к отступничеству; от него отвернулись такие близкие люди, как *Б.Зайцев*. Однако обе стороны (и официальная, большевистская, и эмигратская) не учли внутр. независимости Б. и верности, в главном, его прежним идеалам. Интервью в «Сов. патриоте» оказалось сфальсифицированным; «Избр.» в Советском Союзе не увиде-

ло света; о посещении России не могло быть и речи после репрессивных постановлений коммунистич. партии «в обл. лит-ры». Одинокий, глубоко больной, полунищий и почти лишенный возможности работать, Б. оказался между двух огней: часть эмигрантов отвернулась от него; с сов. стороны было глухое молчание.

Кн. «Воспоминания» (1950) по резкости оценок не только в худож., но и полит. плане напоминала Б. 1920-х («Окаянные дни», «Записная книжка», «Инония и Китеж»). Написанная с исключит. силой и блеском, эта кн. включает, наряду со светлыми страницами (портреты Л.Н.Толстого, Чехова, Рахманинова, Эртеля, Джером Джерома), очерки-памфлеты, исполненные язвительности и сарказма. До недавнего времени главы эти либо вообще не публиковались у нас («Горький», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель»), либо публиковались в усеченном, искажающем общий смысл виде («Третий Толстой», «Волошин», «Автобиогр. заметки»). Обращаясь к писателям-современникам, Б. мысленно соизмерял их с Толстым и Чеховым.

Изд.: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы / Под ред. Грин М. — Франкфурт-н.-М., 1977-82. — Т. 1-3. Отрывки: Нева. — 1991. — № 5-6.
Собр. соч.: В 6 т.- М., 1987-88. — Т. 1-6.
Лишь слову жизнь дана. — М., 1990.
Повести и рассказы. — М., 1990.
Окаянные дни. Восп. Статьи. — М., 1990.
Избр. произв. — М., 1991.
Собр. соч.: В 8 т. / Сост. Бабореко А.К. — М., 1993-96. — Т. 1-5.
Великий дурман: Неизвест. стр. — М., 1997.

Лит.: Зайцев К. И.А.Бунин: Жизнь и творчество. — Берлин, 1934.
ЛН. — 1973. — Т. 84. — Кн. 1-2.
Мальцев Ю. Забытые публикации Бунина // Континент. — 1983. — № 37.
Михайлов О.Н. И.А.Бунин: Жизнь и творчество. — Тула, 1987.
Вильчинский В. Лит. биография И.А.Бунина // НЖ. — 1989. — № 177.
Лавров В. Холодная осень: И.Бунин в эмиграции (1920-1953). — М., 1989; Рец.: Бабореко А. Осенняя клюква // Нов. мир. — 1990. — № 1.
Нефедов В.В. Чудесный призрак: Бунин-художник. — Минск, 1990.
Смирнова Л.А. И.А.Бунин: Жизнь и творчество. — М., 1991.
Новое о Буниных // Минувшее. — М., 1992. — Т. 8.
Михайлов О.Н. К истории одной дружбы: И.Бунин и Б.Зайцев // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.
Мальцев Ю.В. И.Бунин. 1870-1953. — М., 1994.
Бунин и рус. лит-ра XX в. — М., 1995.
+Адамович; Амфитеатров; Бахрах; Берберова; Зайцев; Михайлов; Одоевцева; Полторацкий; РП—1; Рус. Берлин; Седых; Струве; Терапиано; Шаховская.

О.Н.Михайлов

БУРЛЮ́К Давид Давидович (9(21).VII.1882, хутор Семиротовщина, Харьковская губ. — 15. I.1967, Лонг-Айленд, США) — поэт, художник, мемуарист, худож. критик, публицист. Отец Давид Федорович (1857-1915) — из укр. казаков, агроном, автор неск. кн. по сел. хоз-ву; мать Людмила Иосифовна (урожд. Михневич, 1860-1823); братья: Владимир (1888-1917), худ.; Николай (1890-1920?), поэт и худ.; сестра Людмила (1886-1968), худ. Учился в тамбовск. и тверск. г-зиях в 1895-98, перевелся сначала в казанск. (1899), затем в одесск. худож. уч-ще, к-рое окончил в мае 1911. В 1902-03 учился в Мюнхенск. акад. художеств в мастерской проф. В. фон Дица и в худож. школе А.Ашбе, а в 1904 — в Школе изящных иск-в в Париже. В 1911 поступает в Моск. уч-ще живописи, ваяния и зодчества, откуда был исключен вместе с В.Маяковским 21 февр. 1914. Начиная с 1905 Б. — участник и организатор многочисл. худож. выставок авангардного искусства.

Первое стих. Б. датирует 1897, но опубл. его позже, уже находясь в эмиграции («Ты богиня средь храма прекрасная» // Рус. голос. — Нью-Йорк, 1923. — 11 мая). 1910, отмеченный выходом сб. «Садок судей», в к-ром принимали участие бр.Бурлюки, В.Хлебников, В.Каменский, Е.Гуро и др., назван впоследствии Б. годом рождения рус. футуризма, «переворотом, революцией в искусстве как едином, что готово создавать новые формы... потрясением синтаксиса, установлением форм сдвигов, новой техники словостроя, нового метода»

(«Энтелехизм». — Нью-Йорк, 1930. — С. 3). Всего, как вспоминал Б., при его непосредственном и деятельном участии (в качестве автора, ред., сост.) было изд. в 1910-15 более 12 футуристич. сб. («Энтелехизм». — С. 1). Деятельность Б. как «отца рус. футуризма» (В.Каменский) не ограничивалась изд. общих сб. и соч. его друзей (В.Хлебников, В.Маяковский), но включала в себя многочисл. выступления, эпатажные лекции и диспуты, гастроли (в т.ч. и знаменитое турне по 27 городам, 1913-14), создание совм. с В.Маяковским фильма «Не для денег родившийся» (1918), участие в оргции лит. кафе, выпуск «Газеты футуристов» (1918). Несмотря на то, что с 1915 Б. с семьей жил в имении своей жены Марии Никифоровны (урожд. Еленевской) в Уфимск. губ., с окт. 1917 по апр. 1918 он находился в Москве, рассматривая революцию как продолжение «литературно-художественной революции... которая разразилась в России за 10 лет до Красного Октября» (Минувшее. — М., 1991. — Вып. 5. — С. 22).

Живя за Уралом, Б. был вынужден, по его признанию, чтобы прокормить семью и в целях безопасности, переезжать с места на место, организуя выставки, продавая картины, устраивая лекции, вечера поэзии, продвигаясь все дальше и дальше на восток (о путешествии Б. во Владивосток см. воспоминания его сына: Burliuk N. Memoir // Canad.-Amer. slavic studies. — Vancouver, 1986. — Vol. 20. — № 1/2. — P. 16-19). Несмотря на социалистич. симпатии, приверженность сов. власти, к-рые он постоянно декларировал и в эмиграции, творч. планы Б. оказались неосуществимы в условиях разрухи и гражд. войны. Его взгляды изначально были неприемлемы «при сильном и крепком режиме, хотя бы и молодом, но рассчитывающем на длительную жизнь» (Голлербах Э. Поэзия Давида Бурлюка. — Нью-Йорк, 1931. — С. 6). «Надо быть тупослепым, — писал Б., — чтобы не видеть зависимость жизни от свободы творчества в искусстве» («Энтелехизм». — С. 11). «Веселый ужас» (А.Блок) будетлян, словотворческие эксперименты и эпатаж — все это привело к тому, что уже в первые послерев. годы футуризм был признан «буржуазной выдумкой, капиталистической игрушкой» (Л.Каменев; цит. по: Соколов Б. Лит. и наука в Сов. России // Родная земля. — Нью-Йорк, 1924. — С. 50). За время пребывания на Д.Востоке Б. выпустил первую кн. стих. «Лысеющий хвост» (Курган, 1919), печатался в местных газ. («Дальневосточное обозрение», 1920), вместе с Н.Асеевым и С.Третьяковым принимал участие в деятельности лит. группы «Творчество». О своих впечатлениях Б. написал ст.: Лит. и художество в Сибири и на Дальнем Востоке // Новая рус. книга. — 1922. — № 2. — С. 44-48. К этому периоду Б. постоянно обращался впоследствии, планировал написать кн. в двух томах «из жизни Колчаковщины» «Простая жизнь» («Энтелехизм». — С. 24), однако были опубл. только отд. новеллы, в т.ч. «Записки простого человека о днях совсем недавних» (Рус. голос. — 1923. — 19, 26 июля).

1 окт. 1920 Б. вместе с худ. В.Н.Пальмовым уехал из Владивостока в Японию и уже через две недели (14 окт.) открыл выставку рус. иск-ва в Токио. По свидет-ву япон. худ. Ш.Киноситы, Б. принимал участие в деятельности япон. группы футуристов и выставлялся с ними в дек. 1920.

Б. выступал в Японии с лекциями и принял участие в конференции по футуризму, организов. членами яп. Ассоциации футуристич. иск-ва в нояб. 1921. В Японии выпустил кн. стих. с собств. илл. «Восхождение на Фудзи-сан» (Иокогама, 1921). к-рую переиздал в 1926 в Нью-Йорке. Пребыванию в Японии посв. кн. Б. «Ошима: Японский Декамерон» (Нью-Йорк, 1927), состоящая из 26 новелл-зарисовок разл. жанров, а также сб. рассказов «По Тихому океану: Из жизни совр. Японии» (Нью-Йорк, 1925). По восп. сына Б., еще во Владивостоке они собирались уехать в Америку (Burliuk N. Memoir. — P. 19). Воссоединившись с семьей, 17 авг. 1922 Б. отплывает в США, 2 сент. прибывает в Нью-Йорк.

Америка явилась для Б. благодатной почвой для развертывания футуристич. деятельности. Можно даже отметить, что рус. футуризм продлил свое существование благодаря Б. в условиях иной культурной парадигмы. Нью-Йорк, с одной стороны, явился для будетлянина воплощением его урбанистич. устремлений (Радио-манифест. — Нью-Йорк, 1926, Радио-манифест 2. — Нью-Йорк, 1927). С другой — антикапиталистич. умонастроения Б. выявляются здесь столь сильно, что даже ред. проком-

мунистич. газ. «Рус. голос» вынужден поместить примеч. о своем несогласии с автором («Американские нравы» // Рус. голос. — Нью-Йорк, 1923. — 23 сент.). В провозглашлении футуризма «подлинным искусством пролетариата» Б. находит последователей среди чл. Кружка пролет. писателей в Америке, деятельность к-рого после приезда Б. заметно активизировалась. В 1924-29 участвует в создании сб. и альм., вып. Кружком (В плену небоскребов. — Нью-Йорк, 1924; Китоврас. — Нью-Йорк, 1924. — № 1-5; Свирель собвея. — 1924; Красная стрела. — Нью-Йорк, 1932 и др.). В февр. 1923 организовал в помещении Кружка футуристич. поэзо-бал и концерт писателей (НРС. — 1923. — 2 февр.). С первых дней пребывания в Америке Б. стал пост. сотр. газ. «Рус. голос», где помещал свои манифесты («Мы, новые, берем на себя роль беспокойства в ваших эстетически привычных квартирах» // Рус. голос. — 1923. — 19 апр.); восп., стих., отчеты о худож. выставках, очерки из амер. жизни. Б. сотрудничал также и в газ. «НРС» иной политич. ориентации. «Мифологическое отцовство», отмеченное Б.Лившицем (Лившиц Б. Гилея. — Нью-Йорк, 1931. — С. 5), продолжало оставаться сущностью натуры Б.: он покровительствовал своим единомышленникам, публикуя их произв., устраивая конкурсы «первопоэтов», на к-рых футуристы получали звание «королей поэзии» (Рус. голос. — Нью-Йорк, 1929. — 1 марта), собирал сведения о худ., приезжавших в Америку и издал о них кн.-справочник: Рус. художники в Америке. — Нью-Йорк, 1928. Продолжая традиции футуристич. выступлений, Б. устраивал лит. диспуты, носившие зачастую скандальный характер, балы писателей, поэзоконцерты и др. действа, приобретая репутацию балаганщика (*Ветлугин А.* Бурлюк как шоумен // Exhibition of recent works by D.Burliuk. — N.Y., 1925). Отношение к Б. в рус. колонии неоднозначно; мн. отмечалась противоречивость его творчества, связанная как с «протеизмом» Б. (Бринтон К. Oils, watercolors by Burliuk. — N.Y., 1934), «пантеистическим обжорством» (Голлербах Э. Поэзия Д.Бурлюка. — С. 8), так и с традициями рус. культуры: «Бурлюк. И не похож на футуриста... на нем жилетка и серьга. Глаз острый и щупает. Когда он у меня в гостях — ругает новь, старое хвалит. Когда на собрании, или где еще — отец российского футуризма» (Ван Розен Р. О рус. художниках в Америке // Зарница. — 1925. — № 1. — С. 11). В 1920-30 вышло около 19 сб. Б.: Бурлюк пожимает руку Вульворт-Билдингу: Стихи, картины, автобиогр. — Нью-Йорк, 1924; Маруся-сан: 3-я кн. стих. — Нью-Йорк, 1925; Морская повесть. — Нью-Йорк, 1927; Десятый октябрь. — Нью-Йорк, 1928; Толстой. Горький. Поэмы. — Нью-Йорк, 1928; Новеллы. — Нью-Йорк, 1929; Рерих: Черты его жизни и творчества. — Нью-Йорк, 1930; Энтелехизм: Теория. Критика. Стихи. Картины. — Нью-Йорк, 1930; 1/2 века: Россия-Америка-СССР: 1882-1932. К 50-летию со дня рождения. — Нью-Йорк, 1932.

Почти все произв. этого периода представляют собой своего рода коллаж из стихов, рис., теоретич. ст., графич. поэзии, отзывов о Б., восп., дневниковых записей, за искл. одной-двух кн., более или менее «чистого» жанра. Можно говорить о создании Б. произв. особого жанра, о неразрывности разл. сторон его творчества, поэзии, живописи, публицистики, мемуаристики. В поэзии Б. остается верен принципам, провозглашенным ранее: «мозаике несогласованностей», рассчитанной на «шоковый эффект» («Мне нравится беременный мужчина / Лишь он хорош у памятника Пушкину»); поэтике морфологич. сдвига: общезевота, бунтогул, желан-невеста, — и сдвига синтаксического, в т.ч. и пропуск предлога «в» («Петухи поют подвале»); звуковой инструментовки. Изв. в рус. колонии Нью-Йорка драматург Иван Народный писал о Б.: «Это искусство, которое вызывает не наслаждение, а испуг» (American art of tomorrow. — N.Y., 1929. — P. 7). С 1930 Б. начал изд. свой журн. («Color and rhyme»), к-рый выходил в течение 37 лет и насчитывает 66 номеров. В журн. опубл. восп. Б. и его жены о В.Хлебникове (1952. — № 26), о П.Филонове (1954. — № 28), о В.Кандинском (1963. — № 51/52). Судьба Б.-худ. сложилась в Америке удачно. В 1930-60 состоялось более 30 его выставок. Его картины приобретены крупнейшими музеями США. В 1956 и 1965 Б. посетил Сов. Союз (Color and rhyme. — N.Y., 1959. — N 40).

Изд.: Фактура и цвет / Сост. Евсеева С. — Уфа, 1994.
Фрагменты из восп. футуриста. — СПб., 1994.

Лит.: Евреинов Н. Оригинал о портретистах. — М., 1922.
Парецкий А. Бурлюк в оценке американской прессы // Рус. голос. — 1929. — 19 апр.
Голлербах Э. Иск-во Давида Бурлюка. — Нью-Йорк, 1930.
Поступальский И. Лит. труд Д.Бурлюка. — Нью-Йорк, 1931.
Завалишин В. Бурлюк: (Некролог) // НРС. — 1967. — 27 янв.
Селезнева Т.В. Д.Д.Бурлюк — ред.-издатель (1920-67) // Культ. наследие рос. эмигр. 1917-1940. — М., 1994. — Т. 2.
Dreier K. Burliuk. — N.Y., 1944.
Bowlt J.E. David Burliuk, the father of Russian futurism // Canad.-Amer. slavic stuties. — Vancouver, 1986. — Vol. 20. — № 1/2.
+Казак; Русский Берлин; РП-1.

Т.В.Селезнева

БУ́РОВ Александр Павлович (14(26).I.1876, Могилев, Подольская губ. — 1967) — прозаик, драматург, журналист. По образованию инженер-технолог. Учился в херсонском реальном уч-ще. Окончил Харьковский технологич. ин-т. Писал под псевд. А.Бурд-Восходов. Печатался с 1902. В эмиграции жил сначала в Берлине, затем — в Париже и Амстердаме. Издал кн.: «Под небом Германии» (Берлин, 1931), «Была земля» (Берлин, 1932; Париж, 1937), «Земля в алмазах» (Берлин, 1934; Париж, 1937), «Еще одна баррикада. Роман для отцов» (Берлин, 1936), «Певец заруб. печали» (Париж, 1938), «Господи... Твоя Россия, жизнь окаянная» (Париж, 1938). Печатался в журн. «Числа». В 1934 получил премию на лит. конкурсе журн. «ИР» за рассказ «Сын гренадера». «В нем чувствовался «бытовик», немного напоминавший *Шмелева*, но с большой дозой юмора. Им было издано несколько книг... о которых одобрительно отзывались и старшие писатели (*Бунин*) и критика (*Адамович*), — так характеризовал *Г.Струве* творчество Б. — После войны Буров стал выпускать в Голландии странные книги (одна из них называлась «Тяжко без Сталинградовой России...»), в которых были и плохие стихи, и не менее плохая «патриотическая» публицистика, и злобные выпады против чуть ли не всех политических деятелей эмиграции, и самореклама. Книги эти очень смахивали на графоманию. В 1955 году Б. выпустил большой роман «Бурелом» — о недавнем прошлом России. Роман этот тоже производит впечатление графоманства» (Струве. — С. 307-308). После войны Б. издал кн.: «Тяжко мне, тяжко без сталинградовой России. В трех балладах. Плач вопиющего в пустыне; читается как роман» (Лейден, 1947), «Москва далекая. Россия — книга золотая» (в стихотв. форме) (Голландия, 1950). «Расчудесные люди русские» (Париж, 1949?), «В царстве теней: театр. обозр. в 6-ти действиях в прозе» (Париж, 1950), «Русь бессмертная» (Париж, 1951), «Мемуары неизв. солдата» (1955), «Бурелом. Ром.-летопись поколения последних императоров» (Париж, 1955-57. — Т. 1-3). Архив Б.: РГАЛИ. Ф. 2274.

Лит.: Орехов М. Рец.: «Под небом Германии» // Числа. — 1931. — № 5.
Адамович Г. Рец.: «Была земля» // Числа. — 1933. — № 7/8. Подпись: Г.А.
Адамович Г. Рец.: «Земля в алмазах» // Числа. — 1934. — № 10.
Бем А. Рец.: «Земля в алмазах» // Меч. — 1934. — № 13/14.
Резникова Н. Рец.: «Господи... Твоя Россия» // Рубеж. — 1938. — № 32.
Шумихин С. Бунин и Буров // Общая газ. — 1995. — 26 окт.

В.П.Нечаев

В

ВАЛЕНТИ́НОВ Николай (наст. имя и фам. Вольский Николай Владиславович, 7(19).V.1879, Моршанск — 26.VIII.1964, Париж) — философ, публицист, мемуарист, обществ. деятель. Род. в помещичьей семье. Отец — уездный предводитель дворянства, мать, урожденная Рымарева, также из богатой помещичьей семьи. Детство провел в имении родителей «Подъем». В 1896 закончил в Моршанске реальное уч-ще, поступил в Петербурге в Горный ин-т, откуда перевелся в Технологич. ин-т, продолжил учебу в Киевском политехнич. ин-те, в 1897-98 начал заниматься рев. деятельностью, сблизился с социал-демократами. Был арестован и сослан в Уфу, где прожил до 1900, работая в ж.-д. мастерских, снова арестован за участие в демонстрации и этапирован в Бутырскую тюрьму. После освобождения вернулся в Киев, в 1902-03, сотрудничал в киев. газетах. Затем опять арестован за рев. деятельность, выпущен и через неск. дней бежал в Швейцарию, где в течение неск. мес. стал одним из близких к В.И.Ленину людей. Однако спустя нек-рое время их дружеские и доверительные отношения перешли к полному разрыву. Во время нелегального возвращения В. остановился в Киеве, где на конспиративной квартире познакомился с *Б.Савинковым*. Восп. об этой встрече увидели свет уже после смерти автора: «Савинков знал наизусть множество стихов, их читал превосходно, с благородной простотой, без той невыносимой неприятной манерности и театральности, с которой почему-то принято произносить стихи» («Встреча с Б.В.Савинковым» // НЖ. — 1966. — № 85. — С. 267). В. жил в Харькове, затем в Москве до 1908. Публиковался в левой моск. газ. «Веч. почта», в 1905 вместе с П.П.Масловым был ред. легальной с.-д. «Московской газеты». В 1906-07 также работал в ред. журн. левого направления «Наше дело» и «Дело жизни». Во время пребывания в Москве В. коротко сошелся с *А.Белым*, что впоследствии, как и знакомство с В.И.Лениным, послужило основой для его мемуаров. С 1908 по 1911 В. живет в Киеве, работает в газ. «Киевская мысль». В 1908 выходят две его кн. «Филос. построение марксизма» (М.) и «Э.Мах и марксизм» (М.). Филос. работы В. вызвали яростную отповедь В.И.Ленина, в том числе в кн. «Материализм и эмпириокритицизм». В 1911 В. снова возвращается в Москву и становится активным сотр. газ. «Рус. слово», издаваемой И.Д. Сытиным. В 1914-16 работал над кн. «Россия и рус. культура», где выступил против славянофильских теорий об «особом пути» России. Рукоп. была почти закончена, когда ею случайно растопила печь пожилая женщина, остановившаяся в доме у В. В 1917 В. работал в моск. газ. «Власть народа», тогда же издал кн. «Революция и аграрная программа социалистов-революционеров» (М.). В 1922-28 работал зам. гл. ред. печатного органа ВСНХ «Торгово-промышленной газеты». В 1928 выехал для лечения в Германию и, получив визу во Францию, где жила его сестра, прибыл в Париж. В 1930 перешел на положение эмигранта. Печатался В. в «СЗ», «Новой России», «ПН», «РЗ». Статьи В., выходившие под псевд. Е.Юрьевский, были посв. анализу экономич. положения СССР и бесперспективности курса внутр. политики Сталина. После войны В. продолжал публиц. деятельность, но в его работе все большее место стали занимать восп., особенно о Ленине. В 1953 в Нью-Йорке увидела свет кн. В. «Встречи с Лениным». В ней он увлекательно рассказывал о самых разл. качествах Ленина, пытаясь понять, как и почему тот эмигрант, с к-рым он провел неск. мес. в Женеве, стал «вождем мирового пролетариата». В 1956 «НЖ» печатает эссе В. «Встречи с Андреем Белым» (№ 45-47, 49). В предисл. ред. сообщала, что под этим назв. они собираются опубл. неск. гл. из неизд., но уже написанной кн. В. «Два года с символистами». Толчком к написанию восп., к-рые В. начал еще до войны, стал выход мемуаров Белого «Начало века» (М.-Л., 1933). В. передает монологи писателя, историю его беспрерывных филос. и психологич. эволюций. Осо-

бый интерес представляют свидет-ва В. о первонач. замыслах ром. «Петербург». «Символике «лжепророка» Достоевского, изгнанию революционных «бесов» из тела России, ее исцеления духом «синодального православия... Белый намеревался противопоставить другую «символику», другую перспективу: грядущий революционный взрыв, победу не «лимонадной», а «настоящей» революции, торжество в ней не «клопов» вроде Шатова, а людей типа Верховенского-Нечаева, людей «кремневых», пахнущих «огнем и серою» (НЖ. — 1956. — № 47. — С. 141-142). Однако, несмотря на успех «Встреч с Андреем Белым», гл. ред. «НЖ» М.М.Карпович, решительно отклонил гл. о Блоке из рукоп. «Два года с символистами». Не взяли ее и в газ. «НРС» — слишком кощунственным показалось изображение великого поэта.

В 1965 в «НЖ» напечатаны восп. В. о *М.Горьком*: «Лозунг «Стать Европой» я слышал от Горького в течение 1914-1915 гг. множество раз. Это был его постоянный рефрен... И когда ему приходилось кому-нибудь пояснять, что значит быть Европой, он неизменно отвечал: быть не рабами, а людьми свободными, уметь работать, быть культурным и знать. Слово «знать», «просвещать» не сходило с его уст. («Встречи с Максимом Горьким» // НЖ. — 1965. — № 78. — С. 124). Стремлением к просветительству объясняет В. и возвращение Горького в СССР: «Его ни на минуту не оставляла дорогая ему мысль как-то влиять на культурно-просветительное дело в стране» (там же. — С. 130). После смерти В. в 1969 в Станфорде увидела свет его кн. «Два года с символистами» с предисл. *Г.Струве*. Во вступ. заметке самого В. отмечалось: «Мои отношения с московскими символистами сложились и развернулись в особой плоскости, и именно по этой причине я о символистах могу сказать неведомое другим, даже близко их знавшим...» (с. 4). Наряду с расширенными восп. о Белом и гл. о Блоке в кн. также был включен большой материал, посвященный Эллису (Л.Кобылинскому).

В 1972 в Париже вышла новая кн. В. «Малознакомый Ленин», в 1991 в Бенсоне (США) — кн. В. «Наследники Ленина», куда вошла также переписка В. с Б.И.Николаевским и Н.И.Седовой-Троцкой.

Изд.: Трагедия Г.В.Плеханова // НЖ. — 1948. — № 20.
Новая экон. политика и кризис партии после смерти Ленина. — Stanford, 1971; М., 1991.
Недорисованный портрет. — М., 1993.
Брюсов и Эллис // Восп. о Серебряном веке. — М., 1993.

Лит.: Шуб Д.Н. По поводу письма «Историка» и ст. Валентинова о предках Ленина // НЖ. — 1961. — № 63.
Анин Д. Н.В.Валентинов о Ленине // НЖ. — 1973. — № 112.
Одесский М. «Пламенные революционеры» — блеск и нищета // ЛО. — 1994. — № 7/8.
+РФН; РФР.

В.В.Леонидов

ВАРША́ВСКИЙ Владимир Сергеевич (1906 — 22.II.1977) — писатель, мемуарист, лит. критик. Выходец из разночинной интеллигенции. Отец — присяжный поверенный и журналист. В 1918 семья переехала в Крым, затем в Чехословакию. В Праге В. закончил гимназию и юрид. ф-т Карлова ун-та. В 1926 уехал в Париж, где поступил в Сорбонну и в течение неск. лет изучал лит-ру. Первый рассказ В. «Шум шагов Франсуа Вильона» опубл. в журн. «Воля России» (1929. — № 7), уделявшем много внимания молодым прозаикам и поэтам. Это своего рода пролог ко всему последующему творчеству писателя как выразителя мировоззрения т.н. «незамеченного поколения», детей рус. эмиграции «первой волны», большинство из к-рых род. в первом десятилетии века. Россия для них была отзвуком жизни их родителей. У них не было выбора, как у представителей старшего поколения; их изгнание было предрешенным. Тема рассказа — страх одиночества. В ст. «О прозе «младших» эмигрантских писателей» (СЗ. — 1936. — № 61) В. писал о лит-ре своего поколения как о «чахлой, растущей без воздуха, нерасцветающей прозе, и тем не менее, может быть, ближе «относящейся к делу», больше открывающей бесконечно печальный опыт эмигрантской жизни — одиночество, чем все еще прекрасное, но как бы доре. люци-

онное творчество «старших писателей», уходящее корнями в то время, когда душа русского мира не была еще так глубоко и трагически расколота на две противоположные, кажущиеся непримиримыми тенденции» (с. 410).

В 1939 В. вступил в ряды франц. армии и участвовал в Сопротивлении, объединившем эмигр. молодежь, часто враждовавших до войны группировок — от журн. «Новый град» (Париж, 1931-39), тяготевшего к идеям христ. социализма, до монархистов-демократов, объединявшихся вокруг журн. «Рус. временник» (Париж, 1937-39). В. был в нем. плену, освобожден войсками союзников. В предисл. к кн. «Родословная большевизма» (Париж, 1982) А.Шмеман писал: «Варшавский встал на защиту России путем раскрытия подлинной родословной большевизма. И сделал он это с тем мужеством, с которым в июле 1940 г., он, рядовой разгромленной французской армии, почти в одиночку, на протяжении нескольких дней, в обреченной крепости сдерживал мощный натиск немцев» (с. Ш). Кн. «Семь лет» (Париж, 1950) раскрывает переживания автора, участника второй мировой войны. Из мертвых глаз молодого солдата «на меня глянул недоуменный ужас, охвативший его сознание, когда он понял, что умирает и что для него никогда не придет освобождение от власти чужих безжалостных людей, погубивших его, хотя они знали, как важна была для него жизнь» (с. 194).

В 1950 В. переселился в США. Здесь вышла в свет его программная кн. «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956; М., 1992). Это «опыт рассуждения о судьбе эмигрантских сыновей», особенно тех из них, «кто при более благоприятных условиях смогли бы стать продолжателями «ордена русской интеллигенции» (с. 16). «Они еще помнят Россию и на чужбине чувствуют себя изгнанниками. В этом их отличие от последующих эмигрантских поколений. Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этом их отличие от поколений старших. Зато есть в их судьбе сходство с судьбою всех «лишних людей» русского прошлого, всех «потерянных» поколений Европы и Америки» (с. 17). *Ю.Терапиано* пишет: «Несмотря на разницу между миросозерцанием «отцов» и «детей», порой — даже идейную вражду, разделявшую прежние и новые поколения на два непримиримых лагеря, их идеология в своей внутренней сути, как утверждает Варшавский, являлась все-таки проявлением той же самой русской души, души русской молодежи, в основном стремившейся к такому же, как прежде, бескорыстному, жертвенному служению во имя идеала и блага своего народа и всего человечества» (Терапиано. — С. 294). *Г.Газданов* в ст. «О молодой эмигрантской лит-ре» охарактеризовал судьбу «детей»: «Только чудо могло спасти это поколение; и чуда — еще раз — не произошло. Живя в одичавшей Европе, в отчаянных материальных условиях, не имея взможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв после долголетних испытаний всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно ни поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует, — оно было обречено» (СЗ. — 1936. — № 60. — С. 408).

В. в людях своего поколения отмечал героич. черты, их способность претворять слова в дело, жертвовать своей жизнью, если это окажется необходимым. Шестая глава кн. — как бы мемориал «незамеченного поколения». В. приводит список погибших в Сопротивлении молодых людей. Среди них расстрелянные, геройски встретившие смерть *Борис Вильде*, Анатолий Левицкий, священник о.Дмитрий Клепинин, княгиня В.А.Оболенская и мн. др. «незамеченные» герои.

В кн. «Ожидание» (Париж, 1972) переработаны и собраны в последоват. порядке публикации В. в разл. эмигр. журн. за последние 20 лет. Лирич. герой автора Владимир Гуськов говорит: «Я был уверен, мир имеет доброе значение. Только с годами подсказываемые разумом сомнения разрушили мое первоначальное безотчетное в этом убеждение. Но, оглядываясь теперь на мою жизнь, я вижу, что мое сознание, моя воля, моя душа, всегда стремились это убеждение восстановить» (с. 6).

Последняя незаверш. кн. В. «Родословная большевизма». В ней — рассуждения писателя о судьбе России, ее истории, опасения за ее будущее. «Истоки советского империализма нужно искать не в русской истории и не в особом мессианизме русского народа, а в марксистском эсхатологическом мире мировой революции» (с. 14). «При чтении перестаешь различать, где

Маркс, где Энгельс, где Ленин. Образы трех угодников сливаются. Тот же ход мыслей, тот же строй чувств, тот же стиль, то педантически наукообразный, то площадной, та же бешеная ярость в полемике, то же неколебимое убеждение, что прогресс не может совершаться без насилия и кровавых человеческих жертв и что, как бы ужасны ни были эти жертвы, на них нужно идти» (с. 18).

Изд.: Неск. рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. — 1930/31. — № 4.
О «герое» эмигр. молодой лит-ры // Числа. — 1932. — № 6.
О Поплавском и Набокове // Опыты. — 1955. — № 4.

Лит.: Зеньковский В.В. По поводу кн. В.С.Варшавского «Незамеченное поколение» // ВРСХД. — 1956. — № 42.
Карпович М.М. Рец.: «Незамеченное поколение» // Опыты. — 1956. — № 6.
Оболенский С.С. Рец.: «Незамеченное поколение» // В. — 1956. — № 51.
Иваск Ю. Рец.: «Ожидание» // НЖ. — 1972. — № 109.
Фотиев К.В. Рец.: «Ожидание» // Грани. — 1972. — № 86.
Фотиев К.В. В.С.Варшавский // НЖ. — 1978. — № 131.
Шмеман А. Ожидание: Памяти В.С.Варшавского // Континент. — 1978. — № 16.
+Казак; Струве; Терапиано.

Е.А.Цурганова

ВАСИЛЕ́ВСКИЙ Илья Маркович (псевд. Не-Буква, 28.XII.1882 (9.I.1883, Полтава — 14.IV.1938) — фельетонист, издатель, критик. Брат литератора Л.М.Василевского. Окончил г-зию в Полтаве. В 1905-07 печатал фельетоны в петерб. сатир. журн. «Аксиома», «Булат», «Застрельщик» и др. В 1907-11 руководил либеральной газ. «Свободные мысли». В 1908-09 издавал журн. «Образование». В 1910 в Петербурге вышла его кн. «Житейское кабаре. Юмор. рассказы», в 1911 там же увидел свет новый сб. рассказов В. «Нервные люди». В 1915-17 В. редактировал в Петрограде «Журн. журналов».

В 1920 В., оказавшись в Одессе, на одном пароходе вместе с *Дон-Аминадо*, эмигрировал в Константинополь. В. сопровождала молодая жена Л.Е.Белозерская, ставшая впоследствии супругой М.А.Булгакова. Годы жизни, проведенные ею и В. за границей, нашли отражение в ее «Воспоминаниях» (М., 1989). В Константинополе В. начал изд. газ. «Константинопольское эхо», но быстро разорился и переехал в Париж. Там он возобновил изд. «Свободных мыслей» (1920, 20 сент. — 1921), где авторами выступали *А.Куприн*, *Н.Тэффи*, *А.Аверченко* и др. После встречи с Ю.В.Ключниковым В. принял предложение участвовать в работе берлин. газ. «Накануне». Этот поворот для мн. был удивителен, т.к. В. до этого времени отличала непримиримость по отношению к новой власти в России. Так, в ст., посв. памяти А.Блока, он писал: «Он был наш», — будут уверять большевики, ссылаясь на отд. строфы в поэмах «Двенадцать» и «Скифы». «Нет, он не был Ваш. Он был умучен Вами», — четко и ясно свидетельствует каждая строфа последних, посмертных стихов поэта» (ПН. — 1921. — 13 авг.).

В Берлине, куда В. переехал в кон. 1921, он печатался в «Накануне». 29 окт. 1922 в «Лит. прил.» к «Накануне» появилась ст. В. «Тартарен из Таганрога (О двенадцати новых книгах г.*Ильи Эренбурга*)», показавшаяся многим, в том числе *А.Белому* и *В.Ходасевичу*, совершенно недопустимой по тону (Рус. Берлин. — С. 47). В 1922 в Берлине увидели свет брошюры В.: «Лит. силуэты», «Граф Витте и его мемуары» и «Николая II». Брошюра «Лит. силуэты» посв. полемике с монархизмом *И.Наживина* и «сменовеховством» Н.Устрялова. Одна глава посв. памяти *Л.Андреева*: «Красоте творчества служил «за милую душу» всю жизнь большой русский писатель, так одиноко умерший в глухой деревушке Финляндии» (с. 33). В. выступил на защиту оставшихся в России литераторов: «Как бы плохо, для многих даже мучительно ни было наше эмигрантское житье, и материально, и морально, мы все бесконечно счастливее, чем они, оставшиеся мученики» (с. 5). При этом он решительно возразил призыву Устрялова к сотрудничеству с большевиками. В кн. о Витте В. противопоставил «професионала»-сановника остальной царской камарилье, а в работе о Нико-

лае II вынес безоговорочный приговор последнему царю: «Двадцать два года упорной, неослабной, ни на минуту не прерывающейся работы понадобились ему на то, чтобы в насквозь монархической, темной, неграмотной стране не только расшатать и ослабить, но и с корнем, как удаляют шупальцами испорченный и болезненный зуб, вырвать вон исконную и мистическую любовь к царю, веру в него» (с. 5), 2-е изд. «Николая II увидело свет в Петрограде в 1923. Похвально отозвался об этой работе В. критик в рец. под псевд. A.S.: «Книга Василевского принадлежит к той категории книг, по прочтении которых невольно начинаешь искать на обложке надпись: «Революцией Российской рекомендовано для прочтения всем, всем, всем»... С большой объективностью он заносит в свою скромную, в простенькой желтой обложке, книжку, факт за фактом, искусно их нанизывая один на другой, мастерски вырисовывая картину разлагающей атмосферы двора последнего самодержца» (Накануне. — 1923. — 26 июля).

В 1923 в Берлине увидела свет кн. В. «В будуаре: Дамская лит-ра до и после революции». Он продолжал писать резкие статьи против эмиграции: «Почему русская эмиграция так странно похожа на германскую марку? И та, и другая катятся одинаково, с какой-то, я бы сказал, — сладострастной, махозистской и самоиздевательской быстротой» (Накануне. — 1923. — 21 июля). В кон. июля 1923, по свидет-ву Л.Е.Белозерской-Булгаковой, вместе с *А.Толстым* на пароходе «Шлезиен» В. возвращается в Петроград, где не прекращает интенсивной лит. работы. В 1923 в изд-ве «Петроград» выходит его кн. «Белые мемуары» (Пг.; М.). «Белая кость — вот главное, что отличает авторов всех этих белых мемуаров. Белая кость и голубая кровь — вот та общая психологическая черта, которая роднит меж собой и наименее похожих друг на друга авторов белых мемуаров» (с. 3). Отрицательно оценив восп. И.Наживина, А.Деникина, *П.Краснова*, он также отверг творчество др. изв. писателей: «Эмигрантские писатели — *Ив.Бунин*, *Д.Мережковский*, *А.И.Куприн* молчат. Они поражены тяжелой болезнью-бесплодием, и это не кажется случайным, а вполне естественным и закономерным. Любовь несет творчество, но ненависть и злоба бесплодны» (с. 66). «Книжка написана с неприятной хлесткостью и, вероятно, рекомендована Политпросветом для советских библиотек», — таков был отзыв о «Белых мемуарах» (Воля России. — 1924. — № 4. — С. 98). В 1923-24 изд. в двух томах очерк В. «Романовы. Портреты и характеристики» (Пг.; М.), где он не оставил камня на камне от царей: начиная с Михаила Федоровича и заканчивая Павлом I. В 1924 в берлин. изд-ве «Накануне» появилась брошюра В. «Ген. Деникин и его мемуары», написанная в том же духе.

В 1925 в Ленинграде В. издал новую отповедь мемуарам эмиграции — «Что они пишут? (Мемуары бывших людей)». В ней он злобно обрушился на видных писателей зарубежья: «С тех пор как Ив.Бунин «занялся политикой» и в качестве неумеренно правого озлобился на Россию и все существующее в ней, — судьба покарала его, как и многих иных, оказавшихся рядом с ним, творческим бесплодием. Долгие годы так и не удается создать ничего нового ни Ив.Бунина, ни А.Куприну, ни Д.С.Мережковскому и т.д., и т.д. Место творчества заняла политика, плохая, бессильная, беспомощная» (с. 48).

В. в 1929-35 заведовал ред. журн. «Изобретатель», публиковал брошюры и статьи по вопросам изобретательства под псевд. И.Полтавский. В 1937 репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Лит.: Бахрах А. Рец.: «В будуаре» // Дни. — 1923. — 22 февр.
Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Рус. сатирич. лит-ра нач. XX в. — М., 1977.
+РП-1.

В.В.Леонидов

ВЕЙДЛЕ Владимир Васильевич (1(13).III.1895, Петербург — 5.VIII.1979, Париж) — критик, историк иск-ва, публицист. Усыновлен обрусевшей нем. семьей предпринимателя Вильгельма Вейдле, окончил реальное отд. петерб. Реформаторского уч-ща. Выпускник (1916) ист.-филол. ф-та Петерб. ун-та; учился у Д.В.Айналова, И.М.Гревса. Юношей бывал в артистич. кабаре «Бродячая собака». Первая лит. рец. в журн. «Совр. Запад». В 1918 В. стал приват-доцентом. В 1918-21

В. проф. Пермского ун-та, нек-рое время провел в Томске. В апр. 1921 В. впервые после 1918 приезжает в Петроград, но окончат. перебирается туда в кон. июля — нач. авг. С осени 1921 по весну 1924 В. преподает историю ср-век. иск-ва в ун-те и Ин-те истории иск-в. Осенью 1922 ездил в Берлин. Эмигрировал в июле 1924, в окт. прибыл в Париж, где прожил до конца жизни. В 1928 В. женился на Людмиле Викторовне Барановской. Кон. 1920-х — 1930-е семья В. провела в бедности: «Она была и организованная, и плановая» (*Берберова*. — Т. 1. — С. 329). Материальное положение В. исправилось только после второй мировой войны, когда он начал сотрудничать в Мюнхене с радиостанциями, вещавшими на СССР.

С 1925 В. преподаватель, в 1932-52 проф. христ. иск-ва в парижском Богословском ин-те. В 1930-е интересовался экуменизмом; сотрудничал с *Ф.Степуном* и *Г.Федотовым* в «Новом граде». Пришел к церкви под влиянием о.*С.Булгакова*. Как вспоминал В. («Слово памяти о.Сергия»): «Я в нем любил его самого, вне всяких определений, и вместе с тем, я любил что-то, что как бы сияло мне сквозь него... что не больно любить: излучение добра» (Правосл. мысль. — Париж, 1951. — № 8. — С. 16). Печатался в «ПН», «СЗ», «В» (где иногда подписывался псевд. «Н.Дашков»), «Числах», «Встречах» и др. Вместе со своим товарищем по Богословскому ин-ту *К.Мочульским* В. — сотруд. отд. критики газ., а затем журн. «Звено». С окт. 1929 В. активный участник рус.-франц. лит. об-ва, в к-рое наряду с франц. писателями входили философы католич. ориентации: Г.Марсель, Ж.Маритен и др. 18 июля 1930 В. выступил с сообщением на вечере, посв. символизму (участвовали Н.Берберова, *И.Голенищев-Кутузов*, П.Фор, Р.Лалу, С.Фюмэ и др.). В 1930-е В. начинает печататься на франц. яз.; бывает в доме *Н.Бердяева* в Кламаре, где встречались представители рус. и франц. интеллигенции. В. участвовал во франц. коллоквиумах в Понтиньи, к-рые были заметным явлением интеллектуальной жизни Европы, писал ст. о рус. лит-ре на франц. яз. Уже после второй мировой войны В. получил Риварольевскую лит. пр. и стал кавалером «Ордена лит. заслуг», получив эту награду из рук мин. культуры А.Мальро.

В кон. 1920-х В. держался в стороне от большинства полит. групп. В 1930-е сблизился с участниками альм. «Круг» и вместе с др. писателями «незамеченного поколения» часто бывал на вечерах по понедельникам на квартире *И.Фондаминского* (авеню де Версай, 130); отчасти разделял взгляды христиан-западников. После второй мировой войны печатался в «НЖ», «РМ», «НРС», «Мостах», «ВРСХД»; в 1950-е в публицистике В. наметились славянофильские тенденции. Характеризуя творчество В., *Н.Полторацкий* считал возможным отнести его к категории эмигр. «любомудров».

На формирование творч. почерка В. наложили отпечаток близкие отношения с поэтом *В.Ходасевичем*, с к-рым его познакомил в марте 1922 в Петрограде Ю.Н.Верховский: «С 1925 года до его смерти я постоянно виделся с ним в Париже... Лучшего друга у меня не было...» («Ходасевич издали-вблизи» // Вейдле В. О поэтах и поэзии. — Париж, 1973. — С. 47). В. принадлежит кн. «Поэзия Ходасевича» (Париж, 1928) — первое монографич. исследование о поэте, опубл. тиражом в 100 экз. (впервые: СЗ. — 1928. — № 34; РЛ. — 1989. — № 2). В. видит Ходасевича (к-рый в письмах Н.Берберовой называет В. «Вейдличкой») одним из самых больших «рус. поэтов нашего времени» и одновременно «мастером русской прозы»: «В стихотворстве своем Ходасевич защитился от символизма Пушкиным, а также... интимностью тона, простотой реквизита и отказом от превыспренного словаря» (Там же. — С. 45). В ст. о поэзии В. защищал Ходасевича от нападок *Д.Святополк-Мирского*, *Г.Иванова*. В 1969 и 1970 навещал Н.Берберову в Принстоне.

В. — критик-эрудит, начитанный в новейшей лит-ре, печатавшийся на четырех европ. яз., тонко разбиравшийся в иск-ве Запада (эссе о Пуссене, англ. живописи XIX в., христ. иск-ве Испании, итал. культуре), лично знакомый с П.Клоделем, П.Валери, Ш.дю Босом, Т.С.Элиотом, Э.Курциусом, Э.Ауэрбахом, Х.Зедльмайром. По мнению *Г.Струве*, В. явился «самым ценным приобретением зарубежной литературной критики после 1925 г.» (Струве. — С. 372).

В. непримирим к сов. власти как идеологич. и к СССР как географич. понятию:

«И точно также, пять ли букв или четыре наклеить на живую плоть, это значит не имя ей дать, это значит украсть у ней имя. Нет, Россия не то самое, что зовется СССР. Так зовется лишь мундир, или тюрьма России» («Безымянная страна». — Париж, 1968. — С. 7). Для В. рус. начало связано с Петербургом и его всемирно-ист. смыслом: петерб. Россия завершила единство Европы, подвела итог развитию Запада из одного «южного» корня. Культурным следствием этого стало рождение в России гибкого лит. языка и стихосложения, а также появление Г.Державина — первого рус. поэта общеевроп. масштаба. Чем больше Россия знакомилась с Западом, рассуждает В. в кн. «Задача России» (Нью-Йорк, 1956), тем она становилась самобытнее, — не европеизировалась, а проявляла заложенный еще в ее византийско-киевско-московский фундамент смысл. Корень рус. своеобразия — гуманизм, смысл к-рого в лит-ре раскрыт Пушкиным и Достоевским и основан на милосердии, вытекающем из христ. понимания греха, из духовного понимания красоты страдания. В. солидарен с В.В.Розановым, что европ. гуманизм под влиянием Руссо и протестантизма проникся идеей «лжесострадательности» (основанной на рассудочной утопич. мысли о соц. уничтожении страдания), к-рая может быть преодолена в обращении Запада к еще не оцененному им богатству рос. духовности. Большевики, прервав греко-христ. преемственность, заставили Россию обратиться к Европе «своею азиатской рожей». Задача рос. будущего, в к-рое В. не переставал верить, определяется тем, что Россия должна заново осознать себя и Россией и Европой, «стать Европой и Россией. Это будет для всех русских, где бы они ни жили, где бы ни умерли они, возвращением на родину» («Безымянная страна». — С. 29). Концепция лит-ры рус. зарубежья изложена В. в ст. «Традиционное и новое в рус. лит-ре XX в.», где им проводится идея о неправомерности деления рус. лит-ры на эмигрантскую и неэмигр. по терр. признаку: «Не было двух литератур, была одна русская литература двадцатого столетия» (Полторацкий. — С. 13). Развивая идеи В.Ходасевича, а также мысли А.Н.Бенуа о «европеизме» и «провинциализме», В. видит в единой рус. лит-ре не столько конфликт между «русским» и «советским», сколько между «традиционным» и «новым». Символом косности в культуре как XIX, так и в XX в. выступает, в оценке В., «самодовольно-захолустное шестидесятничество», к-рое и на Западе и в СССР самовыражению художника противопоставляет «обличительство» и «направленство».

Как поэту и лит. критику В. наиб. близки поэты-«петербуржцы» (эссе «Петербургская поэтика», 1968; «О стиходеланьи», 1960, 1970), творчество к-рых в нач. 10-х привело ко «второму цветенью» символизма, характеризовалось классич. «простотой», преобладанием предметного значения слов над их обобщающим смыслом (Гумилев, Мандельштам, Ахматова и др.). Осн. статьи В. о поэзии собраны в кн. «О поэтах и поэзии» (эссе об А.Блоке, В.Брюсове, А.Ахматовой, Б.Пастернаке, *М.Цветаевой* и др.). Вместе с Г.П.Струве, Б.А.Филипповым, В.М.Сечкаревым В. принимал участие в многотомных изд. О.Э.Мандельштама, Н.С.Гумилева. Поэзию второго поколения эмиграции В. ценил не очень высоко. Известен его резкий отзыв о И.Елагине (Фесенко Т. Сорок шесть лет дружбы с Иваном Елагиным. — Париж, 1991. — С. 65-71). Среди прозаиков рус. зарубежья В. выделял *М.Алданова*, романы к-рого сравнивал с произв. Р.Мартен дю Гара, О.Хаксли (рец. на «Бегство» // СЗ. — 1932. — № 48), а также *И.Бунина* и *В.Набокова*. По мнению В., высшее достижение Бунина — ром. «Жизнь Арсеньева», в к-ром осуществлено слияние поэзии и прозы, а лирич. начало выражено сильнее, чем в стихах («На смерть Бунина» // Опыты. — Нью-Йорк, 1954. — № 3). Среди критиков В. ценил *Г.Адамовича*, К.Мочульского, *Ю.Иваска*.

Одна из гл. тем творчества В. — судьбы христ. иск-ва. Лучшее из написанного им в этом жанре — культурологич. иссл. «Умирание иск-ва: Размышления о судьбе лит. и худож. творчества» (Париж, 1937; СПб., 1996), вначале изд. на франц. яз.: «Les abeilles d'Aristée» (Пчелы Аристея. — Париж, 1936; 2-е перераб. изд.: 1954). Всякое иск-во, считает В., обусловлено верой в бытие творимого. «Живые лица» в высоком иск-ве — это не «типы», «собирательные гомункулы», не «техника», а постепенное проявление иррационально явившегося художнику образа. Замена «лица» на «тип» в культуре XIX-XX вв. превращает ром. в социологич. трактат, отвлеченность метода к-

рого делает его более удаленным от реальности, чем самую условную елизаветинскую трагедию. Как только онтологич. очевидность иск-ва ослабевает, человек начинает изображаться «не таким, как он есть, а лишь таким, как он является рассказчику». «Улисс» Джойса — крайнее проявление подмены духовного реализма «сознанием»: хитрое склеивание распавшихся атомов (или «композиция») преобладает над сложным иррациональным единством образа. Замена видения самосозерцанием — показатель нарушения равновесия между «поэзией» и «правдой» (в гетевском смысле). Стремление к «чистому иск-ву» отрицает органич. целостность худож. произв. (всегда предшеств. его частям), приводит к молчанию, т.к. творч. внимание направлено не на результат, а на самый состав творч. акта, что является знаком гордого безразличия к миру и нарциссич. «идолопоклонства». Происходит подавление творчества личностью художника, что рождает самоубийственное чувство покинутости в чуждой для автора «косности» мира. Совр. художник — Гамлет, актер в трагедии, ключ к пониманию к-рой утрачен. Общий пафос кн. был поддержан Ходасевичем, к-рый еще в эссе «Кризис в поэзии» (1934) высоко отозвался о ст. В. «Чистая поэзия» (СЗ. — 1933. — № 53): «Верен и прогноз Вейдле, прямо заявляющего, что европейская, в том числе русская, литература обречена гибели, если в ней, как во всей европейской культуре, не воссияет вновь свет религиозного возрождения» (Ходасевич В. Колеблемый треножник. — М., 1991. — С. 596). Отстаиванию «звукосмысла» в полемике с тезисом структурализма о том, что иск-во не только не дает информацию о фактах, но и не имеет отношения к смыслу, посвящена кн. «Эмбриология поэзии: Введение в фоносемантику поэтической речи» (Париж, 1980). Нелюбовь к формализму передалась В. от Ходасевича, к-рый в эссе «Язык Ленина» (1924) подверг едкой критике «незаинтересованное изучение» ленинского стиля, предпринятое в журн. ЛЕФ (1924. — № 1) *В.Шкловским*, Б.Эйхенбаумом и др.

Архив В. в Бахметевском фонде Колумбийского ун-та (Нью-Йорк).

Изд.: Мериме, Гоголь, Пушкин // В. — 1931. — 20 авг.
Пушкин и Европа // СЗ. — 1937. — № 63.
О поэзии Тютчева // ВРСХД. — 1951. — № 3.
Три предсмертья: Стендаль, Гейне, Бодлер // НЖ. — 1952. — № 28.
Вечерний день: Отклики и очерки на зап. темы. — Нью-Йорк, 1952.
О религ. корне рус. иск-ва // НЖ. — 1953. — № 33, 35.
Les icones byzantines et russes. — Milan, 1962.
Рим. — Париж, 1967.
Зимнее солнце: Из ранних восп. — Вашингтон, 1976.
Георгий Иванов // Континент. — 1977. — № 1.
Ст. о рус. поэзии и культуре // ВЛ. — 1990. — № 7.
Критич. заметки // ВЛ. — 1992. — № 1.
О тех, кого уже нет: Восп. Мысли о лит-ре / Публ. Поляка Г. // НЖ. — 1993. — № 192/193.
Россия. Революция. Религия / Публ. Доронченкова И.А. // РЛ. — 1996. — № 1.

Лит.: Фельзен Ю. Умирание иск-ва // Круг. — 1937. — Кн. 2.
Зайцев Б. Рец.: «Похвала Венеции» // РМ. — 1966. — 4 авг.
Гуль Р. Рец.: «Безымянная страна» // НЖ. — 1969. — № 96.
Иваск Ю. Рец.: «О поэтах и поэзии» // НЖ. — 1973. — № 112.
Шмеман А. Памяти В.В.Вейдле // ВРСХД. — 1979. — № 129.
Иваск Ю. В.В.Вейдле // НЖ. — 1979. — № 136.

В.М.Толмачев

ВЕЛИЧКÓВСКИЙ Анатолий Евгеньевич (1(14).XII.1901, Варшава — 2.I.1981, Париж) — поэт, прозаик. Детство провел в Елизаветграде, в семье отца, преподавателя юнкерского уч-ща. В 1918 вступил в Добровольч. армию. Оказавшись в Польше, был управляющим имением у польской графини. Затем переехал во Францию, где работал на металлург. заводе, ночным шофером. Во время войны перебрался в Париж. Первая публ. стихов В. состоялась в антологии поэзии рус. зарубежья «Эстафета» (Париж, 1948). С тех пор стихи В. печатались в «В», «НЖ», «РМ». Первый поэтич. сб. В. «Лицом к лицу» увидел свет в парижском изд-ве «Рифма» в 1952. В стихах

В. картины природы чередовались с грустными настроениями автора: «Я люблю, когда в окошке вьются / Хлопья снега — чем они белей, / Больше чем и чем быстрей несутся, / На душе тем чище и светлей. / Что мне в них? Быть может, не из тучи, / Но из рая белый этот рой? / Нет, они на языке могучем / Русской крови говорят со мной» (с. 40). Высоко отозвался об этом сб. *Ю.Иваск* (Опыты. — 1953. — Кн. 1. — С. 198-199).

Кроме стих. В. публиковал и рассказы — миниатюры с восп. о России, уделяя много внимания природе и сельской жизни. В 1972 в Париже увидел свет его ром.-сатира «Богатый» — протест против наступления техники и цивилизации, гимн патриарх. деревенской жизни в гармонии с окружающим миром. В 1974 в Париже был издан новый сб. стихов В. «С бору по сосенке», содержащий те же темы и настроения. «От большой дороги века вдалеке» — этими словами хочется говорить о только что вышедшем сборнике Анатолия Величковского «С бору по сосенке». Величковскому нет дела до современности, до ее, все иссушающего дыхания. Он еще живет в. вечно прекрасном мире «пожелтевших кленов», звезд, цветов, зверей... «Чужое время» — эти слова были бы лучшим названием для стихов, родившихся и просиявших именно наперекор «чужому времени», — так откликнулась на этот сб. *Е.Таубер* (НЖ. — 1975. — № 119. — С. 299). «Не думаю, что название новой книги «С бору по сосенке» выбрано поэтом удачно. В ней как раз нет никакого эклектизма, нахватанного отовсюду. Наоборот, поэзия А.Величковского по напеву своему, по сюжетам и по настроению предстает перед читателем в виде цельной, композиционной, стройной. Он прежде всего лирик. Природа, личные его переживания, ассоциации и воспоминания, люди, животные — все согрето у него нежным лиризмом», — писал *Ю.Терапиано.* (Терапиано. — С. 275). В кон. книги В. поместил факсимиле автографов двух своих стих. с отзывом *И.А.Бунина*: «Мой дорогой поэт, тут, во всех стихотворениях, много хорошего, настоящего. Дай Бог здоровья и пристальной (а не «тяп-ляп») работы. Сердечно жму Вашу руку. Ив. Бунин. 11/3 1949».

В 1979 увидела свет третья кн. стихов В. «О постороннем». Четвертого сб. поэт уже не дождался. Он вышел в Париже в 1981 после смерти поэта под назв. «Нерукотворный свет». В предисл. Ю.Иваск писал: «Высокая поэзия. Какое здесь слышится царственное провозглашение, какое торжественное свидетельство истины, открывшейся поэту. Это лирическое чудо» (с. 6). «До самого последнего времени я знал Анатолия Величковского, как поэта тютчевской линии, как противника всепожирающего прогресса, как человека, причастного мирам иным, неверующего, но плачущего сердцем о своем неверии», — вспоминал *В.Перелешин* (НЖ. — 1981. — № 144. — С. 140).

Изд.: Баллада // В. — 1956. — № 15.
Булонский лес // НЖ. — 1957. — № 50.
Сон // НЖ. — 1965. — № 81.
Мечта // НЖ. — 1969. — № 96.

Лит.: Галицкий Н. Рец.: «Богатый» // Современник. — 1974. — № 26/27.

В.В.Леонидов

ВЕ́НУС Георгий Давыдович (1898, Петербург — 8.VI.1939, Сызрань) — поэт и прозаик. Отец — рабочий-ткач. Умер, когда Георгию было четыре года. В. учился в нем. реальном уч-ще Екатериненшуле в Петербурге. В 1915 поступил в Павловское пехотное уч-ще, откуда через восемь мес., приняв присягу, вышел прапорщиком. С 1915 — на фронте. Дважды ранен. Награжден Георгиевским крестом. После окт. 1917 вернулся в Петроград. Вскоре перебрался на юг. Вступил в ряды Дроздовского добровольч. офицерского полка. Снова ранен и в окт. 1920 вместе с госпиталем эвакуирован в Константинополь. С нач. 1922 В. живет в Берлине, работает в рекламном бюро. Примкнул к движению «сменовеховцев». Печатался в газ. «Накануне» и «Дни». Сотрудничал в журн. «Сполохи». Входил в лит. группу «4+1», в к-рой были *Б.Сосинский*, *А.Присманова*, *В.Андреев*, С.Либерман. В 1925 в Берлине издан сб. его стихов «Полустанок». Участник сб. «Мост на ветру» (Берлин, 1924). В 1925 В. подал в сов. посольство заявление о возвращении на родину. Весной 1925 он вернулся и поселился в Ленинграде. На мат-ле Белого движения

был написан ром. «Война и люди — Семнадцать месяцев с дроздовцами» и издан в 1926. Константинопольский период эмиграции послужил В. материалом для мн. его рассказов: «Самоубийство попугая» (Л., 1927); «Стальной шлем: Ром.» (М.; Л., 1927); «Папа Пуффель» (М.; Л., 1927) и др. В янв. 1935 В. был арестован и приговорен к административной ссылке на пять лет. Место ссылки Иргиз (Приаралье) было заменено на город Куйбышев. Работал бакенщиком в деревне Красная Глинка под Куйбышевым, продолжал писать. Весной 1938 снова был арестован и помещен в Сызранскую гор. тюрьму, где и скончался

Изд.: Зяблики в латах: Ром. — М.; Л., 1928; Л., 1991.
Последняя ночь Петра Герике: Рассказы. Л., 1929.
В пути. — Л., 1930.
Огни Беркширии: Рассказы. — М., 1930.
Хмельной верблюд: Роман. — Л., 1930.
Притоки с Запада: Очерки. — Л., 1932.
Молочные воды. — Л., 1933.
Дело к весне: Рассказы. — Куйбышев, 1937.

Лит.: Лурье В. Рец. «Полустанок» // Дни. — 1925. — 5 апр.
Третьяков В. Рец.: «Полустанок» // Сегодня. — 1925. — 29 авг.
Литвин Е.Ю. Последняя одиссея Г.Венуса // Ново-Басманная 19. — 1990. — М., 1990.

В.П.Нечаев

ВЕРТИ́НСКИЙ Александр Николаевич (9(21).II.1889, Киев — 21.V.1957, Ленинград, похоронен в Москве на Новодевичьем кладб.) — поэт, композитор, артист эстрады и кино, создатель т-ра одного актера. Отец — адвокат, мать Евгения Степановна из дворянского рода Сколацких. В раннем возрасте осиротел в результате семейной трагедии, провел безрадостное детство в семье тетки М.С.Сколацкой. Девяти лет был определен в подготовит. класс 1-й киевской г-зии, со второго класса переведен к 4-ю киевскую г-зию, где проучился три года. К этому времени относится нач. увлечения поэзией и т-ром. Выступал на любит. сцене, был статистом в киевском Соловцовском т-ре.

В 1912 дебютировал в журн. «Киевская неделя» рассказом «Моя невеста». Приобретает популярность в кругу лит.-театр. богемы.

В кон. 1900-х переехал из Киева в Москву. Причислял себя к футуристам, был знаком с *И.Северяниным*, В.Маяковским. Подвизался на первой рус. кинофабрике А.А.Ханжонкова, затем снимался у И.Н.Ермольева («Король без венца», «От рабства к воле», «На грани трех проклятий»). Дружил с И.Мозжухиным и Верой Холодной, к-рой в 1916 посвятил песенки «Маленький креольчик», «Лиловый негр», «За кулисами», «Ваши пальцы пахнут ладаном». В 1911-12 выступал в т-ре миниатюр М.Арцыбушевой с пародиями на входившее в моду танго: «Танго — танец для богов», «Фурлана», «Теплый грех». В сент. 1913 держал конкурсные испытания в Моск. худож. т-р, но не был принят. В первую мировую войну служил братом милосердия в 68-м санитарном поезде Всерос. союза городов, пел под гитару, снискал прозвище «Брат Пьеро». В кон. 1915 поезд был расформирован, В. после легкого ранения демобилизовался. Выступал в моск. кабаре «Жар-птица», затем в Петровском т-ре М.Н.Нининой-Петипа. Всерос. известность получил как исполнитель «печальных песенок», или «ариеток Пьеро» (1915-17), как он называл свои сценически обработ., положенные на муз. произв.: «Минуточка», «Jamais» («Попугай Флобер»), «Аллилуйя», «Панихида хрустальная», «Бал Господен», «Кокаинеточка» (текст совм. с В.Агатовым), «Пей, моя девочка...» и др. От изящной зарисовки события, мига, движения души В. выводил к острым проблемам бытийности, жизни и смерти. Из как бы невзначай замеченных и опоэтизированных мелочей вырастает мир страданий и радостей маленького человека, изначально обреченного, но умеющего любить, сострадать. Стих. В. сюжетны, рассказывают о конкретном событии, вовлекая в процесс сопереживания. «Да, мое искусство было отражением эпохи. Я был микрофоном ее. Я каким-то чутьем отгадывал самое главное, то, что у всех на уме... — объяснял В. причины своей популярности. — Я был с «ними». С теми, кому больно, кому тяжело, кто любит родину и тоскует по ней. Я был с массой. С толпой» («Дорогой длинною...» — М., 1990. — С. 165). В силу этой особенной «массовости», романтич. иллюзорности мира, созданного В. — диковин-

ные цветы и растения, экзотич. страны, загадочные женщины — его личность и творчество мифологизировались. Возник своеобр. «феномен» В., о к-ром писали *Ф.Степун*, *Вс.Н.Иванов*, Ю.Олеша, Я.Смеляков, А.Галич («За кулисами». — М., 1991. — С. 199, 248, 233). Поэт и артист формировался в контексте иск-ва Серебряного века, одной из особенностей к-рого являлась связь зрит. и звучащего ряда, единства слова, музыки, пластики. Отсюда знаменитый «жест» В., его «поющие руки» (слова В.Качалова: «Дорогой длинною...» — С. 555). В. испытал влияние *К.Бальмонта*, А.Блока, Ф.Сологуба и др. Мастер центонной поэзии.

17 февр. и 27 окт. 1917 в Москве с успехом прошли бенефисы В. в Петровском т-ре Нининой-Петипа. После окт. переворота, в связи с гибелью в уличных боях и похоронах на моск. Братском кладб. юнкеров, В. пишет и исполняет свое первое гражд. произв. «То, что я должен сказать» (известно под назв. «Юнкера», или «На смерть юнкеров») о трагедии братоубийств. войны и бессмысл. гибели молодых людей. В связи с появлением в репертуаре В. песни «То, что я должен сказать» он был вызван в ЧК, что и послужило причиной его отъезда на юг. С 1918 он концертировал на терр., контролируемой Белой армией: Харьков, Киев, Ростов, Екатеринослав, Одесса, Ялта, Туапсе, Севастополь. Песня о «юнкерах» или «мальчиках», как ее еще называли, получила широкую известность и стала любимой песней белого офицерства, послужив поводом знакомства и дружбы В. с ген. Я.А.Слащевым-Крымским (прототипом ген.Хлудова в «Беге» М.Булгакова).

14 нояб. 1920 В. с остатками Белой армии отбыл из Севастополя в Константинополь на пароходе «Вел. кн. Александр Михайлович». В мемуарах В. пишет, что на этом пароходе покидал Севастополь главнокомандующий Добровольч. армии П.Н.Врангель («Дорогой длинною...» — С. 122). В Константинополе В. пел в кабаре «Черная роза» и загородном саду «Стелла». Прожив год в Константинополе, он получил паспорт на имя греч. гражданина Александра Вертидиса и отправился в рум. порт Констанца, а оттуда в Бессарабию; с большим успехом выступал в Кишиневе и Бендерах. Тогда род. его первая эмигр. песня «В степи молдаванской», проникнутая тоской по «российской горькой земле». Популярность песни была столь велика, что рум. администрация заподозрила В. в пропаганде большевизма. В. был заключен в тюрьму и после разбирательства выслан без права жительства в Бессарабии. Он уезжает в Польшу и завоевывает успех у польской публики, дружит с польскими актерами, с литераторами А.Слонимским и Ю.Тувимом. В 1922 обратился с просьбой о возвращении на родину, но получил отказ. 1923 проводит в турне по стране (Варшава, Лодзь, Краков, Познань, Данциг, Белосток, Пинск). Был выслан из Польши как «персона нон-грата» в связи с приездом рум. короля. С 1923 по 1927 жил в Германии, где подписал контракт с польским об-вом «Сирена». Ездил с концертами по местам сосредоточения русских — Дрезден, Данциг, Мюнхен, Кенигсберг. Заключил контракт на песни с концерном «Карл Линдштрем» (для фирм «Одеон» и «Парлофон»). В Польше и Германии были написаны «Баллада о седой госпоже», «Я вами восхищен...», «Злые духи», «В синем и далеком океане» («Лиловый аббат»), «Пани Ирена».

Париж. период (1927-34) наиб. творчески плодотворен и материально благополучен в жизни В.-эмигранта. К этому времени «рус. Пьеро» обретает славу европ. маэстро. Он поет в концертных залах и фешенебельных ресторанах, выезжает с гастролями в Англию, Италию, Испанию, Скандинавию, страны Балтии, пишет стихи, превращая их в песни: «Сумасшедший шарманщик», «Песенка о моей жене», «Мадам, уже падают листья...», «Полукровка» (1930), «Танго «Магнолия» (1931), «Палестинское танго» (1933), «Личная песенка», «Желтый ангел» (1934). В его творчестве нарастают трагич. мотивы. Гл. темой становится тоска по России: «Рождество в стране моей родной...» (1934), «Чужие города» (denied переpаб. стих. *Раисы Блох*). Им исполняются песни на слова рус. поэтов «Три пажа», «О всех усталых» *Н.Тэффи*, «Классические розы» И.Северянина, «Темнеет дорога приморского сада» А.Ахматовой, «Над розовым морем...», *Г.Иванова* и др., вызывающие чувство тоски по родине. Выступая интерпретатором чужих текстов, он сохраняет то «чувство меры», к-рое почитал одним из гл. принципов иск-ва («Дорогой длинною...» — С. 53). Его называют «бардом ностальгии», концерты посещаются широкими слоями

рус. эмиграции (*Гуль*. — Т. 2. — С. 127). В Париже В. общается гл. обр. с артистич. миром (Н.Плевицкая, С.Лифарь, И.Мозжухин, Ф.Шаляпин, А.Павлова, Т.Карсавина, Ю.Морфесси), держится в стороне от эмигр. союзов и распрей. Вновь обращается в сов. посольство с прошением о возвращении и вновь получает отказ.

Гротескная ирония и самоирония, лаконизм и афористичность позволяют В. создать особый жанр психолог. портрета-миниатюры: «Испано-Сюиза» (1928), «Рафинированная женщина» (1933), «Парижанка» (1934), «Гуд-бай» (1935). Выступает он и в жанре политич. сатиры: «Лимитрофы» (1927). Осенью 1934 В. уезжает в Америку в поисках новой рус. аудитории и в надежде попробовать себя в Голливуде. В Нью-Йорке и Сан-Франциско с большим успехом прошли его концерты. В окт. 1935 В. из Сан-Франциско отбыл в Шанхай. Об этом последнем периоде эмигр. жизни он пишет: «В Китае я застрял надолго... Близость Советской границы рождала в сердце смутные и неясные надежды» («Дорогой длинною...» — С. 268). Первые годы жизни в Китае В. сопутствовал успех и благополучие. Рус. колония встретила с восторгом бывшего моск. Пьеро. Старшее поколение еще помнило его по России. В Китае репертуар «барда ностальгии» пополняется произв. «Танц-Герл» (1937) и «Бар-девочка» (1938) о судьбе эмигранток, вынужденных служить в ночных кабаках. Получает развитие и любовная лирика: «Прощальный ужин» (1939), «Без женщин» (1940). В 1937 в изд-ве «Глобус» выходит кн. В. «Песни и стихи. 1916-1937». Расширяется диапазон худож. деятельности В.: он играет в рус. опереточной труппе, занимается поэтич. творчеством, начинает работать над мемуарами, выступает одним из учредителей лит.-худож. кабаре «Гардения», но терпит банкротство.

В Китае В., ранее сторонившийся политич. жизни эмиграции, открыто заявляет свою просов. ориентацию: вступает в Шанхайский клуб граждан СССР и становится одним из его активных деятелей. Включив в свои программы песню «О нас и о родине» (1935), В. ставит себя в оппозицию наиб. консервативной части эмиграции, что приводило к бойкоту его концертов.

В годы Великой Отечеств. войны активно публикуется в газ. «Новая жизнь» (Шанхай), призывавшей эмиграцию поддерживать Сов. Союз. В 1942-43 выступает на радиостанции «Голос Родины» с чтением стихов, отрывков из восп. Исполняет песни «Чужие города», «Куст ракитовый». «Сказание о граде Китеже». 26 мая 1942 состоялось венчание В. с Лидией Владимировной Циргава, дочерью служащего Кит.-Вост. ж.д., сов. подданного. 7 марта 1943 обращается к Сов. правительству с очередным прошением о возвращении на родину и осенью того же года прибывает с семьей в Сов. Союз. Обосновавшись в Москве, он с успехом концертирует, ездит по стране. В его репертуар входят песни, созданные до и во время эмиграции и последнего, сов. периода — «Доченьки». «Ворчливая песенка», «Перед ликом родины», «Отчизна», «Я всегда был за тех, кому горше и хуже...». Работает над киносценарием из жизни эмиграции «Дым без Отечества», продолжает трудиться над кн. мемуаров «Дорогой длинною...»; снимается в фильмах «Заговор обреченных», «Анна на шее», «Пламя гнева».

Изд.: Степь молдаванская: Текст к нотам. — Париж, 1930.
Ракель Меллер: Текст к нотам. — Париж, 1930.
Песенка о моей жене: Текст к нотам. — Париж, 1930.
Песенки. — 3-е изд. — Харбин, 1930.
Песни и стихи 1916-1937 гг. — Париж, 1938.
Песни и стихи 1916-1937 гг. — Вашингтон, 1962.
Из песен А.Вертинского. — Стокгольм, 1980.
Записки рус. Пьеро. — Нью-Йорк, 1982.
Songs and poems, 1916-1937. — 3 ed. — San Francisco, 1986.

Лит.: Пильский П. Роман с театром. — Рига, 1929.
Иофьев М. Профили искусства. — М., 1965.
Бабенко В. Артист Александр Вертинский: Материалы к биографии. Размышления. — Свердловск, 1988.
Рудницкий К. Александр Вертинский // Театр. — 1988. — № 2.
Савченко Б. Александр Вертинский. — М., 1989.
Ильина Н. Мои встречи с Вертинским // Ильина Н. Дороги и судьбы. — М., 1991.

Бабенко В.Г. Арлекин и Пьеро. Н.Евреинов. А.Вертинский. — Екатеринбург, 1992.
Масловский В. Четыре жизни: Александр Вертинский и массовая культура // ЛО. — 1992. — № 7/9.
Коваленко С.А. Феномен А.Вертинского // Рос. лит-ведч. журн. — 1993. — № 2.
+Бахрах; Гуль; РП-1.

С.А.Коваленко

ВЕТЛУ́ГИН А. (настоящее имя Рындзюн Владимир Ильич. 24.II(8.III).1897, Ростов-на-Дону — ок. 1950, США) — писатель, журналист, поэт. Род. в семье ростовского врача Ильи Галилевича Рындзюна. В 1914 после окончания с золотой медалью ростовской г-зии поступил на мед. ф-т Моск. ун-та, на к-ром проучился до марта 1918. В апр.-июле 1918 сотрудничал в газ. «Жизнь». После закрытия газеты уехал в Харьков, жил в Крыму, в авг. 1918 поехал на Дон. Жил в Екатеринославе, Харькове, Киеве, откуда и уехал в Берлин. Затем — Мюнхен и Вена.

Вернулся в Киев, где попытался издать сб. стихов. Снова Харьков и — Ростов-на-Дону. Здесь с февр. 1919 вместе с писателями *А.М.Дроздовым* и С.А.Кречетовым (Соколовым) работал в газ. «Жизнь», где печатал стихи и фельетоны под псевд. Д.Денисов. 21 дек. 1919 пешком уходит из Ростова и пробирается через Армавир в Туапсе и дальше в Батум, где занимался торговлей. Из Батума эвакуировался с англичанами сначала в Константинополь, а затем, с помощью *А.И.Куприна*, в окт. 1920 приезжает в Марсель и, наконец, в Париж. Печатается в газ. «Руль», «Общее дело». В 1921 в Париже под псевд. А.Ветлугин издает свою первую кн. «Авантюристы гражданской войны». В своей рец. *И.Бунин* писал: «Ветлугин — дитя своего времени. Ужасную молодость дал Бог тем, что росли, мужали, и остались живы за последние годы. Какую противоестественную выдумку, какое разочарование во всем, какое неприятное спокойствие приобрели они! Сколь много они видели, и сколько грязи, крови. И как ожесточились. И нынешний Ветлугин смотрит на мир ледяными глазами, и всем говорит: «Все вы, черт знает что, и все идите к черту!». Недостаток это? Большое несчастье, болезнь? Что будет с Ветлугиным? Изживет он свою болезнь или нет? Ведь нужно, необходимо, чтобы хоть иногда, невзначай, и на ледяные глаза навертывались слезы» (Общее дело. — 1921. — 27 июля).

В Париже в 1922 изд-вом «Франко-рус. печать» выпущена его кн. «Третья Россия». *А.Ященко* после выхода этой кн. писал: «У него необычайно острые глаза на всякие мерзости жизни. Живо и «хлестко» написана эта книга и всяким прочтется она с интересом. Для будущих историков она, пожалуй, останется любопытным документом наших дней... В книге Ветлугина постоянно чувствуется дарование автора, и он, несомненно, талантливый писатель» (Новая рус. книга. — 1922. — № 3. — С. 6-7).

Приехав в Берлин 15 янв. 1922, В. запродает свой ром. «Записки мерзавца. Моменты жизни Юрия Быстрицкого» изд-ву «Рус. творчество», и в апр. ром. был издан. *Р.Гуль* отмечал: «Прежде всего о художественном методе. Ветлугин взял наиболее банальный. Вся книга — «случайно найденные» записки. Но и этого он не выдержал. «Найденности» записок не ощущаешь. Везде — Ветлугин. Воображаемый же автор — «герой» романа — лицо безглагольное, неживое» (Новая рус. книга. — 1922. — № 10. — С. 13-14). В 1922 «Рус. универсальное изд-во» выпустило его ром. «Лицо, пожелавшее остаться неизвестным». Творчество В. не осталось незамеченным и «критиками-марксистами». Вяч. Полонский писал о ром.: «Это произведение любопытно как человеческий документ. Ведь ни для кого не секрет, что Юрий Быстрицкий жив, здоров и умирать не намерен, продолжая свою разностороннюю деятельность по ту сторону рубежа и если Ветлугин уверяет, будто «Записки» написаны покойником Быстрицким, то делает это с целью ослабить, смягчить обнаженное бесстыдство этой «обворованной, прокуренной, заплеванной» души... Но за ней остается значение попытки весьма сведущего человека нарисовать картину душевного разложения целого слоя «зеленой молодежи», которую старые деятели «того берега» склонны считать продолжателями своего обреченного дела» (Полонский Вяч. Уходящая Русь. — М., 1924. — С. 100, 102). В. становится популярным автором, и до кон. 1922 изд-во «Рус. творчество» в Берлине выпускает три его кн.: «Распорядители игры. Герои и во-

ображаемые портреты», «Последыши» и «Образы расплавленной Москвы». В Берлине произошла встреча Ветлугина с С.Есениным и А.Дункан, с к-рыми он отправляется в поездку по Америке в качестве секр., после чего происходит неожиданный поворот в судьбе писателя. Вот что он писал в письме к Есенину: «Ты ушел в Москву («творчество»). Я еду в ненавистную тебе Америку». (ВЛ. — 1977. — № 6. — С. 234-235). Уехал в 1923 в США, где работал журналистом, писал киносценарии. Архив В.: ЦГИА Москвы. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962.

Лит.: Иванов Ф. Рец.: «Авантюристы гражд. войны» // Рус. кн. — 1921. — № 6.
Вольский А. Рец.: «Распорядители игры» // Накануне. — 1922. — 17 июня.
Василевский И. Рец.: «Записки мерзавца» // Накануне. Лит. прилож. — 1922. — 27 авг.
Потапенко Н. Рец.: «Третья Россия» // Сполохи. — 1922. — № 9.

В.П.Нечаев

ВИ́ЛЬДЕ Борис Владимирович (псевд. Борис Дикой) (8(21).VII.1903, Славянка, Петербургская губ. — 23.II.1942, Мон-Валерьен, Франция) — поэт, критик, журналист, филолог, этнограф. Род. в семье ж.-д. служащего Владимира Иосифовича Вильде, правосл. по вероисповеданию и Марии Васильевны Вильде (Голубевой). В 1913 отец В. умер от нервной болезни. Семья переехала к деду в дер. Ястребино. На плечи матери В. легла забота о семействе, к-рое жило очень скромно. Во время гражд. войны мать с детьми уезжает в Эстонию, сначала в Йыхви, потом в Тарту. В 1920-26 В. учился в тартуской рус. г-зии, мемор. доска на стене к-рой повествует о подвиге Б.Вильде, участника франц. Сопротивления. В гимназич. годы им было создано несколько поэм; сохранилась лишь одна — «Евгений Букашин», шутливая пародия на «Евгения Онегина» А.С.Пушкина.

В.Варшавский в кн. «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956. — С. 332) вспоминал об одной фразе, как бы случайно оброненной В.: «Я всегда живу так, как если бы завтра должен был умереть». Глубина этого филос. высказывания осталась непонятой «рус. Монпарнасом», молодыми писателями и поэтами эмиграции. *Г.Адамович* писал после войны в «Рус. сборнике» (Париж, 1946) о В.: «Замечательный человек... искатель приключений гумилевского романтического склада: мечты о походе в Индию или об охоте на белого носорога» (цит. по кн.: Варшавский В. — С. 330). С двенадцати лет он уже давал уроки учащимся подготовительных классов. В 1926 В. — студент физико-матем. ф-та Тартуского ун-та, но через полгода тяжелое матер. положение, необходимость зарабатывать на жизнь не позволила продолжить обучение в ун-те. В конце лета 1930 В. уезжает в Германию, по к-рой странствует в течение двух лет, работая журналистом, выступая под именем Ивана Ястребинского с лекциями о рус. культуре, служит библиотекарем в одном из замков Южной Германии. С 4 января 1932 В. — в Париже.

Личность В. предстает противоречивой, неоднозначной. Человек имел поэтич. талант, но оставил мало стихов, решив в 1937 к поэзии больше не обращаться: «Даже если у меня нашлось, что сказать, — зачем мне это? Я не честолюбив и славы не ищу!» («Дневник» // Europe. — 1946. — N 3. — P. 6). Однако в тюрьме перед смертью В. возвращается к лирике. Он участник парижск. лит. объединения «Кочевье» и журн. «Числа». В берлин. периодике в 1930 публикует детективную пов. «Возобновленная тоска», действие к-рой происходило в сов. России, где «бывшие» искали свои фамильные драгоценности и реликвии; переводит с эст. своего однофамильца Эдуарда Вильде.

Эссе В. «Стефан Георге», напечатанное в 1934 в сб. «Встречи» (№ 1), посвящено своеобразию символист. мировосприятия этого нем. поэта, эсхатологич. мотивам в его творчестве. Темы одиночества, тоски, выбора были основополагающими в небольшом поэтич. наследии В., для него авторитетами в поэзии были Бодлер, Верлен, Валери. В. писал стихи на рус. и франц. яз., участвовал в работе лит.-худож. объединения «Круг», одним из организаторов к-рого был *И.Фондаминский*.

В 1939-40 В. служил во франц. армии, участвовал в войне с Германией. Оккупацию Франции, своей второй родины, он воспринял как личную трагедию. В. был гл. организатором подпольной газ. «Resis-

tance» (Paris, 1940. — 15.XII.1941), писал передовые ст., призывавшие к действию. Назв. газ. стало символом борьбы франц. народа.

В. был человеком удивительного обаяния, громадной силы воли. Преданный провокатором, он был арестован 25 марта 1941 и принял смерть мужественно, отказавшись от черной повязки на глазах. В вестибюле Музея человека на площади Трокадеро в Париже висят мраморные доски, посв. В. и Анатолию Левицкому. О В. написано по-франц.: «Борис Вильде (1908-1942), русский, принявший французское гражданство. Окончил историко-филологический факультет Сорбонны и Этнографический институт, работал при европейском отделе Музея человека. Мобилизован в 1939-1941 гг. Во время оккупации был судим по делу «Резистанс» и расстрелян на Мон-Валерьен 23 февраля 1942 г. Генерал де Голль наградил его медалью Сопротивления, согласно следующему приказу: «Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления с 1940 г. Будучи арестован гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей пример храбрости и самоотречения» (Костиков В. Не будем проклинать изгнание... — М., 1990. — С. 283-4). Письма В. из тюрьмы к жене И.Лот-Вильде полны нежности, любви, насыщены филос.-лирич. размышлениями.

Изд.: Трое в одной могиле // Рус. магазин. — Берлин, 1930. — № 1.

Лит.: Райт-Ковалева Р. Человек из музея Человека (Повесть о Борисе Вильде). — М., 1982.

Круус Р. Борис Вильде // Радуга. — Таллин, 1989. — № 6.

+Бахрах.

С.А.Головенченко

ВИШНЯ́К Марк Вениаминович (21.XII.1882 (2.I.1883), Москва — VIII.1975, Нью-Йорк) — полит. деятель, публицист, мемуарист. Отец — купец 1-й гильдии. Окончил 1-ю моск. г-зию и юрид. ф-т Моск. ун-та. Был оставлен при ун-те государствоведом Ф.Ф.Кокошкиным для подготовки к проф. званию, однако увлекся политикой. 9-е янв. 1905 побудило В. стать в лагерь революции. Кантианец по своим взглядам, он, с нек-рыми оговорками, примкнул к партии эсеров и оставался в ней всю жизнь. Был не раз арестован, бежал от преследования властей, знал эмиграцию (еще до 1917). Февр. революцию принял безоговорочно. Сотрудничал в эсеровских газ. — «Труд» (М., 1917-18), «Дело народа» (М., 1917-19). Был представителем партии эсеров в Особом совещании по выработке закона о выборах в Учредит. Собр. и его секр. В эмиграции он пишет кн. «Всерос. Учредит. Собр.» (Париж, 1932), являющуюся первоисточником для изучения разогнанного большевиками учреждения. Окт. революцию В. отверг категорически, будучи непримиримым врагом большевизма. Когда Учредит. Собрание было распущено, В. подписал обращение к народу и избирателям с объяснением, почему это «кадетское» учреждение прекратило работу. В кн. «Дань прошлому» (Нью-Йорк, 1954) нашла отражение жизнь В. в России, начиная с детства.

С апр. 1919 В. в Париже, в эмиграции, куда путь был достаточно сложным (через Киев, где был арестован как чл. Бюро Земств и городов и просидел 16 недель в тюрьме, через Одессу и Севастополь, через Пирей и Марсель). В Париже он занимался наукой и публицистикой. Избран в состав рус. юрид. ф-та при франц. Ин-те славяноведения; был среди основателей Франко-Рус. ин-та; руководил семинаром по рус. гос-ву и праву. В 1932 по приглашению Академии междунар. права в Гааге прочитал курс лекций об «апатридах» (лицах, лишенных отечества, не имеющих гражданства). Живя в Париже, В. опубл. кн. «Черный год: Публицистич. очерки» (1922), «Два пути: (Февраль и октябрь)» (1931), и биографии: «Леон Блюм» (1937) и «Доктор Вейцман» (1939). Жанры «биографии» и «портретного очерка» («силуэта») особенно ему удавались. В 1932 на франц. яз. в Париже вышла биогр. кн. «Lenin». В рец. на нее *В.Ходасевич* писал: «Те количественно скудные и качественно бледные черты, которые можно извлечь из имеющихся материалов, собраны М.В.Вишняком с величайшей тщательностью и использованы очень умело... Похвалы заслуживает и та объективность, которую М.В.Виш-

няк проявляет по отношению к своему герою, бывшему при жизни и оставшемуся после смерти его политическим врагом» (СЗ. — 1933. — № 52. — С. 468).

В кн. «Современные записки»: Восп. редактора» (Bloomington, 1957; СПб.; Дюссельдорф, 1993) автор дал подробный отчет о своем гл. деле в парижск. эмиграции. Он был одним из основателей ред. и секр. «СЗ», «мозговым центром» ред.; дал в кн. характеристики основателей, журнала (особо выделив *И.Фондаминского*). Кн. В. представляет интерес как собрание портретных очерков; здесь и *Ф.Степун* — зав. лит.-худож. отделом «СЗ», и обессмертившие это издание авторы — *И.Бунин*, В.Ходасевич, *Д.Мережковский*, *З.Гиппиус*, *А.Ремизов*, *И.Шмелев*, *М.Осоргин*, *Б.Зайцев*, *В.Набоков*, *М.Цветаева* и др. В. воссоздал «силуэты» полит. сотрудников (Э.Нольде, О.О.Грузенберг, А.А.Кизеветтер, *Г.Федотов*), очертил характеры своих оппонентов, левых эсеров — Г. Ландау, *П.Струве*, *С.П.Постникова*, Б.М.Чернова, а также публицистов В.М.Маклакова, П.Н.Милюкова). Он сделал попытку объяснить внутриред. трения и разногласия, а также свой выход из «СЗ» и участие в качестве секр. в «РЗ» (1937-39). Как ред. В. «старался держаться средней линии: избегал чрезмерной терпимости Фондаминского и излишнего... ригоризма *В.Руднева*». Поступавшие рукоп. он считал «своим правом и долгом редактировать, но лишь в случае крайней необходимости — грамматической, стилистической, политической» («Современные записки». — С. 193). Особая сторона его деятельности — пост. рубрика «На родине» (или «На родине и на чужбине»). Ее мат-лы представляют собой историю гражд. войны.

Период работы в «СЗ» нашел отражение и в мемуарной кн. «Годы эмиграции 1919-1969: Париж—Нью-Йорк (Восп.)» (Stanford, 1970).

За неск. дней до занятия немцами Парижа В. покинул город, а затем и Францию. По спец. визе он оказался в Нью-Йорке (окт. 1940). Здесь он стал сотр. «НЖ», где опубл. ст.: «На родине — на чужбине» (1943. — № 5), «Совр. зап.»: (Отчет-восп.)» (1948. — № 20), «Мемуарист, историк, политик, человек в «Восп.» П.Н.Милюкова» (1956. — № 44). С кон. 1943 до нач. 1946 В. состоял преподавателем рус. яз. в Корнеллском и Колорадском ун-тах. С июля 1946 он — консультант по рус. вопросам в еженед. «Тайм». Осн. линия В. — полная непримиримость к большевизму — как «антикультуре, антисвободе, антиправу» (*Гуль Р.* Памяти ушедших: М.В.Вишняк // НЖ. — 1977. — № 126. — С. 275).

Изд.: Двадцать лет спустя // РЗ. — 1937. — № 1.

Лит.: Письма В.Ф.Ходасевича М.Вишняку // НЖ. — 1944. — № 7.

Пархомовский П. По др. сторону баррикад или кто создал «Совр. записки» // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1.

Дэвис Д. Переписка ред. журн. «Совр. записки» // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.

+Берберова; Гуль; Полторацкий; Рус. Берлин; Струве.

А.А.Ревякина

ВОЕВО́ДИН Александр Александрович (1888, с.Анновка, Александровский уезд, Екатеринославская губ. — 1944?, Германия) — прозаик. Окончил г-зию в Екатеринославле. Поступил на ист.-филол. ф-т Харьковского ун-та. Проучившись год, перевелся на юрид., а еще через год — в Моск. ун-т. В 1909-14 жил в Москве, учился живописи в мастерской С.Жуковского, потом — у К.Юона и И.Дудина. Участник выставки «Свободное творчество». В 1914 отправился на Кавказ, где его и застала первая мировая война. В. поступил добровольно в тифлисское военное уч-ще, к-рое окончил в кон. 1915. Через неск. дней он был в Сарыкамыше. Участник гражд. войны. Эмигрировал в 1920 в Тунис, где работал с неграми и арабами на виноградных полях. В Тунисе (Бизерта) в 1922 издавал на машинке лит. журн. «Жили-были», где печатал свои произв. Осенью 1922 приехал в Прагу. В том же году в журн. «Студенч. годы» (№ 3-4) был опубл. рассказ «Лихорадка». Печатался в журн. «Звено», «Своими путями», «Путь казачества» (Прага) и др. Был зав. канцелярией Рус. свободного ун-та в Праге, секр. Союза рус. писателей и журналистов в Чехословацкой республике,

ред. «Справочного листка» при Рус. свободном ун-те, одним из ред. журн. «Студенч. годы» и «Своими путями». В 1934 получил премию на лит. конкурсе Союза рус. писателей и журналистов в Югославии. Печатался на чеш. яз. (в 1935 в газ. «Лидове новины» опубл. его дет. сказки под назв. «Лягушонок Квак»). В 1944 арестован гестапо и погиб в конц. лагере.

Изд.: Путь прямой // Студенч. годы. — 1926. — № 26.

В.П.Нечаев

ВО́ЛКОВА Мария Вячеславовна (2(15).X.1903, Западная Сибирь — 7.II.1983, Оттерсвейер, ФРГ) — поэтесса. Род. в потомств. казачьей семье. Отец — командир 7-го Сибирского казачьего полка, мать — из казачьего рода Толстовых. Много путешествовала вместе с отцом. Как писала в автобиогр.: «Детство, отрочество и юность прошли у подножья Тянь-Шаня» (Содружество. — Вашингтон, 1966. — С. 515). В 1921 в Омске вышла замуж за казачьего офицера, сына лютеранского пастора А.Эйхдельбергера. О судьбе В. так отзывался атаман *П.Н.Краснов*: «Дочь сибирского казака и уральской казачки... Страшный, неистово лютый, подлинно ледяной поход через всю Сибирь, до Байкала. В нем — ужасная смерть горячо любимого отца, героя колчаковского похода, ...потеря дочери-первенца. А потом — изгнание, чужбина, бедность, сознание своей неприкаянности» («Вернуться в Россию — стихами...» — М., 1995. — С. 614). В эмиграции В. жила сначала в Литве, в местечке Волковисе, затем в Вост. Пруссии, в городке Гейдебрух. Писала стихи, посв. казачьей жизни и размышлениям над прожитым. Публиковалась в казачьих изд. В 1936 в Харбине увидела свет ее кн. стихов «Песни Родине» с теплым предисл. П.Краснова. В 1944, в Париже, в изд-ве «Кружка казаков-литераторов» вышла вторая кн. В. «Стихи».

На стиль поэтессы большое влияние оказал Гумилев: «Память жестока и все припрячет, / Верный смысл поможет отыскать / В том, что понимали мы иначе / Или не хотели понимать. / Память разгадает все загадки / И, над ними насмеявшись зло, / Боль как нож вонзит до рукоятки, / Чтобы сердце кровью изошло» («Стихотворения». — Мюнхен, 1991. — С. 17).

После войны В. с семьей жила в Германии, сначала в голштинском городке Гемлингштедте, затем — в Оттерсвейере, недалеко от Баден-Бадена. «Жить пришлось на отшибе все время, в глухих уголках, в условиях, не благоприятствовавших литературной работе», — писала она (Содружество. — С. 515). Печатала стихи в журн. «В», «Современник», «НЖ», газ. «РМ». Ее произв. вошли также в состав подготовленной *Ю.Терапиано* антологии поэзии рус. зарубежья «Муза диаспоры» (Франкфурт-на-М., 1960).

Лит.: Добрингер Э., Штайн Б. Предисл. // Волкова М. Стихотворения. — Мюнхен, 1991.

В.В.Леонидов

ВОЛКО́НСКИЙ Сергей Михаилович, князь (4(16).V.1860, имение Фаль под Ревелем, Эстляндская губ. — 25.X.1937, Ричмонд, шт. Виргиния, США) — театр. деятель, критик, прозаик, историк культуры, мемуарист. Окончил в Петербурге 4-ю (Ларинскую) г-зию (1880) и ист.-филол. ф-т ун-та (1884). В. выступал как эссеист, пишущий по проблемам культуры и иск-ва (кн. филос. диалогов «Разговоры». СПб., 1912), прозаик (первый лит. опыт — рассказ 1894 «Старый медальон»), историк лит-ры («Очерки рус. истории и рус. лит-ры». СПб., 1896-97, представляющие собой цикл лекций, прочитанных в городах Америки), знаток и теоретик т-ра, создатель оригин. системы подготовки актеров, оппонент К.Станиславского и один из зачинателей новой специальности — театроведения. В 1896 получил звание камергера, в 1899-1901 занимал должность дир. имп. театров.

Революцию сначала принял и активно включился в работу по созданию нового, пролет. т-ра: преподавал в разл. театр. кружках и студиях, вошел в состав дирекции Большого т-ра. Однако неоднократные аресты, гибель части архива его деда, декабриста С.Г.Волконского, и столкновения с нарождающейся сов. бюрократией вынудили В. в 1921 покинуть родину. Свой

выбор В. остановил на Париже. Много сделавший для сохранения наследия декабристов (создание в начале 1880-х «Музея декабриста» в имении Павловка, публикации совм. с Б.Модзалевским «Архива декабриста С.Г.Волконского» (Пг., 1918. — Т. 1. — Ч. 1), В. опубл. семейное бытописание «О декабристах. По семейным восп.» (Париж, 1921), а впоследствии не раз выступал со ст. и докладами, посв. истории декабристского движения. Кн. встретила в печати и отрицат. отклики: С.Мельгунов обвинил автора в субъективности оценок и ненаучности подхода в опоре на свидет-ва семейных легенд, а не объективных фактов (СЗ. — 1925. — № 23). В эмиграции была опубл. и кн. мемуаров В. «Мои восп.» (Берлин, 1923-24. — Т. 1-2; М., 1992), текст к-рых еще в Москве переписывала для В. *М.Цветаева*. Восп. охватывают период с нач. 1860-х до вынужденного отъезда В. за рубеж и включают в себя не только хронику жизни и творч. деятельности автора, но и портретную галерею людей, с к-рыми ему приходилось встречаться, вплоть до чл. царской семьи.

Дружба с Цветаевой — отдельная страница жизни В. Знакомство, завязавшееся в 1920 в Вахтанговской студии, вскоре переросло в верную дружбу, не прерывавшуюся до самой смерти князя. «Это моя лучшая дружба за жизнь, умнейший, обаятельнейший, стариннейший, страннейший и — гениальнейший человек на свете», — писала Цветаева (письмо Л.Е.Чириковой от 4 апр. 1923). В. она посвятила свой цикл «Ученик» (1921); рец. Цветаевой «Кедр» на кн. мемуаров «Родина» (2-й том «Моих восп.») превратилась в «апологию» — вдохновенное лирич. эссе о близком человеке (сб. «Записки наблюдателя». — Прага, 1924. — № 1). В. посвятил Цветаевой кн. филос. очерков «Быт и бытие. Из прошлого, настоящего, вечного» (Берлин, 1924), лейтмотивом к-рой стала тема единства преходящего и вечного в человеч. жизни. Кн. по-разному была воспринята критикой. *М.Осоргин*, не одобряя некую пристрастность автора к «быту» по отношению к «бытию», а также отсутствие в кн. четкой композиции, замечает: «Автор дарит нас литературно-изящнейшей книгой — sit venia verbis — с позволения сказать — неполноценного житейского пессимизма и неуглубленных философических causeries» (СЗ. — 1924. — № 20. — С. 425).

В 20-е В. выступал в роли театр. критика, печатался в журн. «Звено», «Перезвоны», «СЗ», «Числа», газ. «ПН» и др.; много путешествовал по Европе. В кон. 20-х прочитал ряд лекций о рус. писателях — Пушкине, Тургеневе, Грибоедове. В 1925 в Берлине вышел его документ. ром.-хроника, посв. событиям 1905-18 «Последний день». Однако, по мнению Б.Каменецкого (*Ю.Айхенвальда*), «его книга — история, его книга — хроника, но она вовсе не роман. Скорее, это — третий том прекрасных «Моих воспоминаний» (Руль. — 1925. — 21 янв.). Критик также обратил внимание, что все герои романа, с их умом и изящным остроумием, скорее только лишь alter ego писателя: особенно примечателен некий Сергей Михайлович Конинский, ведущий в «Последнем дне» долгие дискуссии с К.Станиславским по проблемам сценич. иск-ва.

В. написал неск. небольших произв., созданных на материале театр. жизни: «любовный треугольник», возникший за кулисами любительского т-ра, стал содержанием рассказа «Занавеска» (Перезвоны. — 1929. — № 29(2)); на вечере М.Цветаевой 25 мая 1926 В. читал свой рассказ «Репетиция и представление». В «СЗ» (1926.- № 29) опубл. его беллетризованные восп. о детстве «Васильевский остров». Особое место в творчестве В. занимают работы, посв. рус. яз.; ст. «О рус. языке» (СЗ. — 1923. — № 15), вошедшая затем в сб. «В защиту рус. языка» (Берлин, 1928; выпущен совм. с А.М.Волконским, братом В.), открыла собой ряд очерков В., в к-рых поднимается проблема чистоты родного языка, его омертвения, искажения и засорения иноязычными словами в эмигр. среде («О языке» // Звено. — 1926. — № 198; «Вопросы языка». // Звено. — 1927. — № 6; «Пушкин или Чехов?» // Числа. — 1930-1931. — № 4 и др.).

В нач. 30-х В. стал дир. рус. консерватории в Париже. В апр. 1931 пошатнувшееся здоровье заставляет его уехать на Ривьеру. Поправившись, В. перебрался в США, где и провел свои последние дни.

Лит.: Алданов М. Рец.: «Мои восп.» // СЗ. — 1923. — № 17.
Ежов А. (Шульгина Е.Г.) Рец.: «Последний день» // Студенч. годы. — 1923. — № 10/11.

Седых А. Рец.: «О декабристах» // ПН. — 1924. — 11 дек.
Волковыский Н. Рец.: «Последний день» // Дни. — 1925. — 12 апр.
Никулин Л. Рец.: «Последний день» // Париж. вест. — 1925. — 25 июля.
Некрологи // ПН. — 1937. — 28 окт., 1 нояб., 18 дек. (Ю.Сазонова), ИР. — 1937. — № 47.
Грановская Л.М. Эссеистика С.Волконского // Рус. речь. — 1992. — № 2.
+РП-1.

М.Г.Павловец

ВОРОБЬЁВ Николай (наст. имя — Николай Николаевич Богаевский 8(21).XI.1908, Петербург — 3.VII.1989, Монтерей, Калифорния) — поэт, историк, художник. Род. в военно-казачьей (донской) семье; был кадетом Донского имп. Александра Третьего кадетского корпуса в Петербурге, в 1920 эвакуировался в Египет, позднее жил в Турции и Югославии, где завершил образование. В архиве парижск. поэта Кирилла Померанцева (1907-1991) до недавнего времени хранилась тетрадь стих. В. (тогда еще — Богаевского), написанных в 20-е; публ. же поэта тех лет неизвестны. Во время войны поэт оказался в Германии, вступил в Казачью дивизию, воевавшую в Югославии против титовских партизан. В 1945 оказался на Западе, в 1950 переехал в США, был проф. в Ин-те иностр. яз. в Монтерее (Калифорния); в 1973 вышел в отставку и полностью отдал себя лит. труду. Для творчества В. характерно тяготение к эпич. форме; в нач. 50-х им создана поэма «Болванный бунт», посв. эпизоду из истории прикаспийск. казачества петровских времен, когда солдаты взбунтовались против ношения париков, надеваемых на ночь на дерев. болванки (отсюда назв.); поэма увидела свет в России лишь в 1992 в Ростове-на-Дону как прил. к поэме «Кондратий Булавин». Эту поэму — гл. произв. своей жизни, — В. писал с 1955 по 1965; вышла она в свет в 1965 в изд-ве Б.В.Чарковского (Монтерей, Калифорния); содержит ок. пяти с пол. тыс. строк, написана преим. пятистопным хореем с использованием огромного количества специфически «казачьих» слов-реалий, что затрудняет чтение ее неказаком. В двенадцати главах поэмы В. повествует о драматич. событиях подавленного бунта Кондратия Булавина в 1708. В собственно «казачьей» лит-ре XX в. поэма В. остается одним из наиб. ярких эпич. произв. Обложку к первому изд. поэмы В. нарисовал сам; немногие сохранившиеся рис. дают представление о нем как об одаренном графике; б.ч. архива поэта-художника погибла во время лесного пожара еще при его жизни.

Заметная прижизн. публ. В. — два «Индейских сказа» (сб. «Содружество». — Вашингтон, 1966). В автобиогр., опубл. в этом сб., сообщается, что с 1951 года он руководил рус. казачьим хором в Монтерее. Литераторы, близко знакомые с В. (*Б.Зайцев*, *Ю.Терапиано*, *И.Одоевцева*, *Н.Евсеев* и др.), знавшие подробности жизни и подлинную фамилию поэта, охотно поддерживали «миф незнания» его биографии.

После «Булавина» В. издал два сб. лирич. стих. — «Стихи о разном» (Pebble Beach, Calif., 1969) и «О человечках с другой планеты» (Pebble Beach, Calif., 1972); место изд. обеих книг Пеббл Бич, курортное местечко близ Монтерея, где и по сей день живет вдова поэта, Марина Николаевна Воробьева, много сделавшая для сохранения архива своего мужа и популяризации его творчества. «Индейские сказы» (всего их шесть) опубл. порознь («Содружество», «Стихи о разном» и в альм. «Рубеж». Владивосток. — 1992. — № 1 (863); они представляют собой попытку переложить рус. дольниками подлинные легенды индейцев долины Йосемити, записанные в 1930-х амер. ученым Фрэнком Латта. В последней кн. В. («О человечках с другой планеты») выделяется поэма-цикл «Гул окаянный», посв. рус. поэтам Серебряного века — *М.Цветаевой*, В.Брюсову, О.Мандельштаму.

Лирич. произв. В. отличает отточенность поэтич. формы, но и нек-рая затянутость, что более всего сказалось в разработке специфически казачьих, но не ист., а совр. тем. Произв. В. постоянно переизд. на Дону. Наряду с произв. др. казаков-эмигрантов — *Н.Туроверова*, Н.Евсеева, *М.Волковой*, *А.Ачаира*, *А.Перфильева* — они вошли в золотой фонд «казачьей» лит-ры.

Е.В.Витковский

ВЫШЕСЛА́ВЦЕВ Борис Петрович (3(15).X.1877, Москва — 10.X.1954, Женева) — философ, публицист, лит. критик. Род. в семье присяжного поверенного, учился в 3-й моск. г-зии, в 1895 поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та, к-рый в 1899 закончил с отличием, после чего занялся адвокатской практикой. Через своего ун-тского товарища В.А.Савальского (впоследствии проф. Варшавск. ун-та) В. в 1902 вошел в кружок, формировавшийся вокруг П.И.Новгородцева. После сдачи магистерского экзамена В. был направлен в двухгодичную командировку в Германию. Учился в Марбурге, участвуя в семинарах П.Наторпа и Г.Когена. Он не стал неокантианцем, хотя влияние нем. философии весьма заметно в его трудах. В Германии В. общался с молодыми учеными, чьи имена впоследствии приобрели известность: Н.Гартманом, В.Татаркевичем, В.Э.Сеземаном, Н.Н.Алексеевым, на мл. сестре к-рого был женат. Вскоре после возвращения в Россию В. в качестве приват-доцента начал читать в Моск. ун-те курс политич. учений, к-рый до него читал П.И.Новгородцев, выбывший из числа проф. как подписавший Выборгское воззвание (1906). Кроме того, В. читал лекции в Моск. Коммерч. ин-те, в Нар. ун-те Шанявского, где его курс по истории филос. пользовался большим успехом. В предвоен. годы В. был известен как «один из самых блестящих дискуссионных ораторов среди моск. философов» (*Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. — Лондон, 1990. — Т. 1. — С. 261). В 1914 В. защитил и опубл. магистерскую дис. «Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии» (М., 1914). О своих впечатлениях от защиты, длившейся четыре часа, рассказал впоследствии *Б.К.Зайцев* (Зайцев Б. Моск. ун-т в моей жизни // РМ. — 1955. — 25 янв.). В янв. 1917 В. был избран экстраординарным проф. юрид. ф-та (утверждение не состоялось из-за начавшейся революции).

В 1922 В. вместе с большой группой ученых был выслан за границу, где его филос. дарование достигло подлинного расцвета. Вместе с тем на Западе произошла экзистенциальная переориентация творч. устремлений В. Н.Н.Алексеев так передает слова, сказанные ему В. при их первой встрече за границей: «Философия должна быть теперь не изложением мало доступных для людей теоретических проблем, но учительницей жизни» (Алексеев Н.Н. В бурные годы: Наш академич. мир // НЖ. — 1958. — № 54. — С. 149). До 1924 В. жил в Берлине, где читал лекции в осн. здесь Религ.-Филос. академии, а после переезда акад. в Париж был приглашен на должность ред. в изд-во ИМКА-Пресс. В 1925 В. вместе с *Н.А.Бердяевым* (с к-рым сблизился еще в Москве, участвуя в работе Акад. духовной культуры) основал журн. «Путь». В 20-30-е он нередко разъезжал с лекционными турне по разным странам, где имелись крупные колонии рус. эмигрантов. В 1931 в Париже вышел в свет осн. филос. труд В. — «Этика преображенного Эроса: Проблемы Закона и Благодати». — Т. 1. Предполагался второй том кн., но он не был издан и, по-видимому, не был даже написан. В этом иссл., продолжающем, а в какой-то степени и возрождающем традиции древнерус. религ.-нравств. любомудрия, берущие нач. от «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона (не упомянутого в «Этике преображенного Эроса»), В. создал свой синтез религии и совр. науч. философии. Осн. тезис кн. можно сформулировать так: подлинная сублимация возможна лишь при наличии Абсолюта. Поэтому системы, в к-рых Абсолют отрицается (таковы, по мысли В., фрейдизм и марксизм), заменяют сублимацию «профанацией» (термин В.), т.е. не телесно-физич. возвышают до духовного, а, наоборот, духовное низводят до низшего материального или физиологич. уровня. В «Этике преображенного Эроса» отразилось тогдашнее увлечение В. идеями психоаналитич. школы К.Юнга, с к-рым он был лично знаком. В 30-е В. вместе с Э.К.Метнером принимал участие в пер. на рус. яз. и изд. в Швейцарии трудов К.Юнга (письма В. к Э.К.Метнеру по этому поводу хранятся в ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 23). В эти же годы В. преподавал нравств. богословие в Богословском ин-те Париже. В 1935 он принял участие в богосл. дискуссии по поводу софиологии о.*С.Булгакова*, закончившейся тем, что В. «в состоянии крайнего возбуждения... до крови избил М.Ковалевского» (*Лосский Н.О.* Восп. — München, 1968. — С. 269).

Во время второй мировой войны В. переехал в Германию, где принимал участие в разл. антикоммунистич. сб-ках. После войны сблизился с Нац.-Трудовым союзом

(НТС), итогом чего стала кн. В. «Философская нищета марксизма», выпущенная в 1952 изд-вом «Посев» (Франкфурт-на-М.; 1-е изд. под псевд.: Б.Петров; 2-е изд. — 1957; 3-е изд. — 1971). После войны В. переселился в Женеву, где плодотворно работал до кон. жизни. В 1953 в Нью-Йорке вышло наиб. значит. иссл. В., посв. проблемам социальной философии, — «Кризис индустр. культуры», где дана острая критика и марксизма, и капитализма. Посм. издана одна из самых проникновенных его кн. «Вечное в рус. философии» (Нью-Йорк, 1955). Умер В. от туберкулеза. Последние его слова были: «Возвращаюсь к истокам бытия... Все понял... Как это просто» (Алексеев Н.Н. Цит. соч. — С. 160-161).

Лит. наследие В. невелико по объему. Современники, знавшие В., отмечают в его натуре черты эпикуреизма и большее желание блистать в лекционных залах и беседах, чем упорно трудиться над новыми произв. Тем не менее, все написанное В. значительно по своему содержанию. «По тонкости его мысли, по богатству ее оттенков Вышеславцева можно назвать Рахманиновым русской философии. Без его яркой фигуры созвездие мыслителей религиозно-философского Ренессанса было бы неполным» (Левицкий С. Б.П.Вышеславцев // Грани. — 1965. — № 57. — С. 175).

Особое место в лит. наследии В. занимают ст. и брошюры, посв. творчеству рус. писателей и поэтов. В этом смысле «рус. платоник» В. вполне традиционен: он не делает принцип. различия между худож. и филос. творчеством. На осн. вопрос полемики неославянофилов и неозападников о том, должна ли быть рус. философия национальной, В. дает свой ответ: «Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. В этом смысле не существует никакой специально русской философии. Но существует русский способ их переживания и обсуждения. Разные нации замечают и ценят различные мысли и чувства в том богатстве содержания, которое дается каждым великим философом. В этом смысле существует русский Платон, русский Плотин, русский Декарт, русский Паскаль, русский Кант. Национализм в философии невозможен, как и в науке; но возможен преимущественный интерес к различным традициям мысли у различных наций» («Вечное в рус. философии». — С. 7). Интерес В. к творчеству Ф.М.Достоевского и А.С.Пушкина обусловлен именно этой его филос. установкой. Поэзия Пушкина, по его мнению, есть «поэзия свободы». У Достоевского, выразителя «рус. стихии», В. пытается найти объяснение причин постигшей Россию катастрофы, а у Пушкина — светлые пророчества относительно будущего. Вывод, к к-рому приходит В., на первый взгляд парадоксален: спасти Россию может лишь трезвый практицизм и реализм, порожденный рус. стихией («Рус. стихия у Достоевского». — Берлин, 1923, — С. 53).

Изд.: Значение сердца в религии // Путь. — 1925. — № 1.
Наука о чудесах // Путь. — 1926. — № 5.
Вера, неверие, фанатизм. — Париж, 1928.
Кришнамурти: (Завершение теософии) // Путь. — 1928. — № 14.
Лев Толстой // Рус. земля: Альманах. — Париж, 1928.
Христианство и социальный вопрос. — Париж, 1929; 2-е изд. — Париж, 1962.
Сердце в христ. и инд. мистике. — Париж, 1929; переизд.: ВФ. — 1990. — № 4.
Достоевский о любви и бессмертии // СЗ. — 1932. — № 50 (перепеч. в кн.: О Достоевском: Творчество Достоевского в рус. мысли 1881-1931 годов: Сб. ст. — М., 1990).
Мои дни с Коровиным // НЖ. — 1955. — № 40.
Соч. / Сост. Сапов В. — М., 1996.

Лит.: Алексеев Н.Н. Б.П.Вышеславцев — Архив Б.П.Вышеславцева // ВРСХД. — 1954. — № 35.
Зеньковский В.В. Б.П.Вышеславцев как философ // НЖ. — 1955. — № 40.
Крестинский Б. Вышеславцев и его критики // Грани. — 1956. — № 32.
Рус. религ.-филос. мысль XX в. — Питтсбург, 1975.
Гаврюшин Н.К. Б.П.Вышеславцев и его «философия сердца» // ВФ. — 1990. — № 4.
+Зеньковский; Лосский; РФН; РФР.

В.В.Сапов

Г

ГАЗДА́НОВ Гайто (Георгий) Иванович (23.XI (6.XII).1903, Петербург — 5.XII. 1971, Мюнхен. Похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа, Париж) — прозаик, лит. критик. По национальности осетин. Писал только на рус. яз. Отец — Иван Сергеевич (Бапп) Газданов окончил Лесной ин-т, лесничий, мать — Вера Николаевна Абациева. С семьей Г. жил в Петербурге, в Сибири, Белоруссии, на Украине, в Твери, Смоленске. Ему не было шести лет, когда умерли две его сестры, в 1911 — отец. Учился год в полтавском кадетском корпусе, затем в харьковск. г-зии. В 1919 после седьмого класса вступил в Добровольч. армию Врангеля. Прослужив год солдатом на бронепоезде, с остатками Белой армии эвакуировался из Крыма в Галлиполи, затем перебрался в Константинополь, где неожиданно встретил двоюродную сестру — балерину Аврору Газданову, уехавшую из России до революции. Ее помощь позволила ему в 1922 поступить в рус. г-зию, в апр. 1922 переместившуюся из Стамбула в Болгарию — в г.Шумен. Зимой 1923, пройдя курс 8-го класса и получив аттестат о ср. образовании, Г. переехал в Париж, где в течение пяти лет был портовым грузчиком, слесарем на автозаводе, мыл паровозы, преподавал рус. яз. французам и франц. яз., к-рым владел в совершенстве, — русским; зимой 1925-26 не мог найти работу и жил как клошар, ночуя на улице. С 1928 по 1952 работал ночным таксистом. В кон. 20-х-нач.30-х поступил в Сорбонну, четыре года учился на ист.-филол. ф-те, занимаясь историей лит-ры, социологией и экономич. учениями. Весной 1932 под влиянием *М.Осоргина* Г. вступил в рус. масонскую ложу «Сев. звезда», в 1961 стал ее Мастером (*Берберова Н.* Люди и ложи: Рус. масоны XX столетия // ВЛ. — 1990. — № 4. — С. 175).

Писать начал в Константинополе. Первый рассказ — «Гостиница грядущего» — опубл. в пражском журн. «Своими путями» в 1926, № 12/13. С 1927 печатался в журн. «Воля России», «СЗ», «РЗ», «Числа», «Встречи», «Опыты», «НЖ», альманах «Орион», «Мосты». Активно участвовал в лит. объединении «Кочевье», возникшем в 1928 в Париже по инициативе *М.Слонима*; с успехом читал там свою прозу, доклады о Розанове, *А.Ремизове*, *И.Бунине*, В.Маяковском. Г. начал с рассказов о гражд. войне, обративших на себя внимание сочетанием иронии и лирики, парадоксами, остротой слога и мужественностью тона. Известность принесла ему публ. ром. «Вечер у Клэр» (Париж, 1930; М., 1990), высоко оцененного Буниным и ведущими критиками рус. зарубежья. Г. послал ром. *М.Горькому* и получил одобрит. отзыв (ИМЛИ. Архив А.М.Горького, КГ-П 52-12-32, ПГ-рл 10 — 1-2; КГ-НП/а-7-51).

За сорок пять лет творч. жизни Г. опубл. 9 ром., 37 рассказов, неск. десятков лит.-критич. эссе и рец. До войны кроме «Вечера у Клэр» вышли ром.: «История одного путешествия» (СЗ. — 1935. — № 58-59; отд. изд.: Париж, 1938), «Ночная дорога» (СЗ. — 1939. — № 69; 1940. — № 70; отд. изд.: Нью-Йорк, 1952), «Полет» (РЗ. — 1939. — № 18-21; полн. изд.: The Hague, 1992). О Г. заговорили как о самом талантливом, наряду с *В.Набоковым*, молодом рус. писателе. Г. — автор эссе «О молодой эмигр. лит-ре» (СЗ. — 1936. — № 60), в к-ром критически отозвался о творч. возможностях и перспективах молодого поколения рус. эмигрантов: «Живя в одичавшей Европе, в отчаянных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв после долголетних испытаний всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно ни поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует, — оно было обречено» (там же. — С. 408). Эссе вызвало возражения в эмигр. критике.

М.Осоргин приводил в качестве образца творчество В.Сирина (В.Набокова) и самого Г. (ПН. — 1936. — 19 марта, 10 авг.). В этот период сказалась накопившаяся у Г. усталость от жизни в чужой стране, боль разлуки с матерью: она жила во Владикавказе, преподавала в педагогич. ин-те, он переписывался с нею в 20-30-е и узнал о ее тяжелой болезни (она умерла в 1939). У него возникло желание вернуться на родину, и 20 июня 1935 он обратился к Горькому с просьбой помочь ему в этом, тот обещал (ИМЛИ, АГ.ПГ-РЛ-10-1-1), но в 1936 умер.

Еще до войны Г. подписал «декларацию о верности» Франции. Война застала его в Париже. Вместе с женой, Фаиной Дмитриевной Ламзаки, происходившей из семьи одесских греков (Г. женился в 1936), они укрывали на своей квартире евреев и помогали им, в частности, критику М.Слониму, перебраться на неоккупиров. часть Франции. В 1942 Г. с женой вступили в ряды движения Сопротивления — в действовавшую во Франции партизанскую бригаду, образов. сов. пленными. Г. издавал подпольные информац. бюллетени, жена была связной. Об этом периоде он написал документ. кн. «Je m'engage à défendre» (Париж, 1946; «На франц. земле» // Согласие. — М., 1995. — № 30).

После войны опубликовал в «НЖ» ром. «Призрак Александра Вольфа» (1947. — № 16-17; 1948. — № 18), «Возвращение Будды» (1949. — № 22; 1950. — № 23); «Пилигримы» (1953. — № 33-35; 1954. — № 36); «Пробуждение» (1965. — № 78-81; 1966. — № 82); «Эвелина и ее друзья» (1969. — № 94-97; 1970. — № 98-101; 1971. — № 102-105). Последний ром. «Переворот» не окончен, опубл. посм. (НЖ. — 1972. — № 107-109). Бросить работу таксиста Г. смог лишь после выхода ром. «Призрак Александра Вольфа», переведенного на англ., франц., итал., исп., и «Возвращение Будды» (пер. на англ.). В 1953-71 — Г. пост. сотр. амер. «Радио Свобода» (Мюнхен), в 1959-1967 — корр. «Свободы» в Париже, в 1967-1971 возглавлял рус. службу на радио.

Проза Г., как правило, автобиографична. Писатель построил свой первый ром. «Вечер у Клэр» на приеме «потока сознания» — на исповеди героя, ищущего в утрач. прошлом то, что привело к настоящему. Стабильный, многолетний уклад жизни — основа рус. классич. лит-ры — рухнул, водоворот смуты — революция, гражд. война — подхватил и понес шестнадцатилетнего героя; мир в его восприятии текуч и фрагментарен. Повод для его восп. о гимназич. времени о гражд. войне, о службе на бронепоезде — встреча уже в эмиграции, в Париже с француженкой Клэр, его первой любовью еще из тех, прежних времен. Г. сразу выступил как блестящий стилист, мастер полулирического, полуиронич. повествования, создающий особое эмоц. напряжение, заставляющий читателя ценить каждое слово. «У Г. недюжинные литературные и изобразительные способности, он один из самых ярких писателей, выдвинувшихся в эмиграции», — писал М.Слоним (Воля России. — 1930. — № 5-6. — С. 456).

В ром. «История одного путешествия» сделана попытка создать картину идеальной жизни рус. человека на чужбине, не лишенную элементов утопичности. *Г.Адамович* отметил способность Г. сочетать «банально-искусственное» с редким даром «писать и описывать», «находить слова будто светящиеся или пахнущие, то сухие, то влажные, в каком-то бесшумном, эластическом сцеплении друг за другом следующие...» (ПН. — 1937. — 7 окт.).

«Ночные дороги» — одна из лучших кн. Г. В ней сквозь призму восприятия ночного таксиста из разрозн. эпизодов возникает картина жизни Парижа, рус. эмигрантов, проституток, клошаров. Обнаженное, без прикрас, без иллюзий изображение жизни сочетается с сочувствием в отношении к людям и присущим Г. тонким морализмом. Примечат. особенность этого ром. Г.: у всех персонажей имеются прототипы в реальной жизни, заменены лишь имена.

В числе лучших кн. Г. и психологич. полудетектив — любовная драма «Призрак Александра Вольфа», построенный на напряж. фабуле: герой всю жизнь мучается из-за убийства, на самом деле не совершенного им; в итоге он встречает свою мнимую жертву и все-таки убивает ее — срабатывает жестокий закон неизбежности судьбы. В ром. «Пробуждение» герой — среднестатистич. француз, по профессии бухгалтер; Г. со свойств. рус. писателю вниманием к «маленькому человеку» раскрывает его неординарность, уникальность, его тонкую душевную орг-цию. Очевидна вера автора в

доброе начало человека и возможность хороших концовок в жизни. По Г., сущность человека часто не видна окружающим и не всегда ясна ему самому, нужна экстремальная ситуация, чтобы обнажить скрытое («Пробуждение», рассказы «Судьба Саломеи», «Панихида», «Ошибка», «Нищий», «Письма Иванова», «Счастье» и др.). Г. писал в осн. о рус. эмигрантах, но и в произв. о французах («Пробуждение», «Нищий» и др.), как заметил критик Я.Н.Горбов, он склонен к «пересаживанию» рус. души во франц. тело, его персонажи «заболевают» проклятыми рус. вопросами о смысле жизни своей и других людей (В. — 1962. — № 129).

Мир прозы Г. отчасти напоминает В.Набокова прекрасным рус. языком, склонностью к авантюрным, детективным поворотам сюжета, загадочными героинями. Один из первых зап. биографов Г. — амер. славист венгерск. происхождения Ласло Диенеш в 1976 прочитал в Нью-Йорке доклад «Гайто Газданов — превосходный соперник Набокова». У Г. нет столь оригинально-увлекательной игры приемов, столь блистат., но холодного эгоизма, столь, по выражению Г.Адамовича, «безошибочно рассчитанной механики», как у Набокова, но его мир теплее и лиричнее. Л.Ржевский назвал его прозу медитативной, она полна «мыслей-рефлексов», идущих иной раз цепочкой. «Цепочка эта была отчасти западно-литературной природы, но внутренний лиризм целого был неоспоримо русский, и традиционно русским... был некий парадоксализм бытия, спроектированный на собственно эмигрантскую литературу» (Грани. — 1990. — № 157. — С. 122-128). Глубоко лирич. произв. — ром. «Эвелина и ее друзья», герои к-рого верны дружбе ун-тских лет и находят счастье в любви.

Г. продолжил традиции рус. классики, прежде всего А.П.Чехова и И.А.Бунина, и внес в нее особый, неск. отчужденный, остраненный, ироничный взгляд на реальность; писатель ощущает «необыкновенную хрупкость жизни», «ледяное дыхание и постоянное присутствие смерти», но это придает особую чувственную выразительность его прозе, сообщает ощущение ценности каждого мига жизни. Г. присуще ничем не замутненное, ясное понимание абсолютных ценностей бытия и того, что «каждая человеческая жизнь содержит в себе, в своей временной и случайной оболочке, какую-то огромную вселенную» («Призрак Александра Вольфа». — М., 1991. — С. 233).

Изд.: Лит.-критич. ст. // ВЛ. — 1993. — Вып. 3.
Собр. соч.: В 3 т. — М., 1996. — Т. 1-3.

Лит.: Оцуп Н. Рец.: «Вечер у Клэр» // Числа. — 1930. — № 1.
Осоргин М. Рец.: «Вечер у Клэр» // ПН. — 1930. — 6 февр.
Варшавский О. О прозе «младших» эмигр. писателей // СЗ. — 1936. — № 61.
Савельев С. Рец.: «История одного путешествия» // СЗ. — 1939. — Т. 68.
Адамович Г. Памяти Газданова // НРС. — 1971. — 11 дек.
Слоним М. Гайто Газданов // НРС. — 1971. — 19 дек.
Ржевский Л. Памяти Г.И.Газданова // НЖ. — 1972. — № 106.
Терапиано Ю. Гайто Газданов // РМ. — 1972. — 27 янв.
Вейдле В. «Новая проза» Газданова // НРС. — 1977. — 30 янв.
Иваск Ю. Две книги о Газданове // РМ. — 1983. — 28 апр.
Бзаров Р. О Гайто Газданове. — Хадарцева А. К вопросу о судьбе лит. наследия Гайто Газданова // Лит. Осетия. — Орджоникидзе, 1988. — № 71.
Красавченко Т.Н. Гайто Газданов: Философия жизни // Рос. лит-ведч. журн. — 1993. — № 2.
Г.Газданов — человек, писатель. критик // ЛО. — 1994. — № 9/10.
Мзоков А. Гайто Газданов в России: 1988-94 // Библиогр. — 1995. — № 3.
Dienes L. Russian literature in exile: The life a. work of Gajto Gazdanov. — München, 1982; по-рус.: Диенеш Л. Г.Газданов: Жизнь и творчество. — Владикавказ, 1995.
Dienes L. Bibliographie des oeuvres de Gaito Gazdanov. — P., 1982.
+Казак; Струве; Шаховская.

Т.Н.Красавченко

ГА́ЛИЧ Юрий Иванович (наст. фамилия Гончаренко, 1877 — 12.XII.1940, Рига) — прозаик и поэт. Печататься начал в журн. «Стрекоза». В 1907 в Петербурге выпустил кн. стихов «Вечерние огни» под собств.

фам. Был офицером Ген. штаба, нач. штаба кавалерийского дивизиона, корпуса и командиром драгун. полка. При Врем. правительстве получил чин генерала. Во время гражд. войны служил в Киеве и Одессе, затем — в Константинополе. Судьба забросила Г. во Владивосток и, совершив кругосветное путешествие, он в 1923 поселился в Риге. Печатался в журн. «Перезвоны», «Рус. обозр.», «Наш огонек», «ИР», «Мир», «Искры». Активно сотрудничал в газ. «Сегодня», где публиковал рассказы, очерки, восп., стихи. Печатался также под псевд. «Граф Онучкин», Ю.Г., Юргали. 12 дек. 1940 после вызова в НКВД покончил жизнь самоубийством. Похоронен на Рус. кладб. в Риге.

Г. издал кн. «Брачный остров» (Рига, 1926), «Императорские фазаны: Рассказы» (Рига, 1926), «Золотые корабли: Скитания» (Рига, 1927), «Орхидея: Тропич. рифмы» (Рига, 1927), «Китайские тени: Ром.» (Рига, 1927), «Остров жасминов: Ром.» (Рига, 1928), «Легкая кавалерия: Рассказы». (Рига, 1928), «Звериада: Зап. Черкесова. Ром.» (Рига, 1931), «Роман Царевича: Приморская пов.» (Рига, 1931), «Гусарские сказки» (Рига, 1933), «Синие кирасиры» (Рига, 1936).

Изд.: Смерть Духонина. К шестилетию кончины. Из дневника очевидца // Сегодня. — 1923. — № 267.
Встречи Нового года у Сувориных // Сегодня. — 1926. — № 4.
Юнкер Пушкин.Встреча с внуком поэта // Сегодня. — 1937. — № 45.

Лит.: Айхенвальд Ю. Рец.: «Императорские фазаны» // Руль. — 1926. — 22 сент.
Харитон Б. Рец.: «Императорские фазаны» // Сегодня. — 1926. — 18 сент.
Сирин В. Рец.: «Орхидея» // Руль. — 1927. — 31 авг.
Харитон Б. Рец.: «Орхидея // Сегодня. — 1927. — 22 янв.
Харитон Б. Рец.: «Китайские тени» // Сегодня. — 1927. — 22 окт.
Пильский П. Рец.: «Легкая кавалерия»// Сегодня. — 1928. — 26 мая.
Пильский П. «Синие кирасиры» // Сегодня. — 1936. — 7 сент.
Энгельгардт Б. Юрий Галич. Критич. очерк // Для Вас. — 1937. — № 29.

В.П.Нечаев

ГА́РДНЕР Вадим Данилович (18(30).VI.1880, Марко-Вилле, близ Выборга — 20.V.1956, Хельсинки) — поэт. Род. в семье американца Даниэля Томаса Гарднера и писательницы, деятельницы феминист. движения Екатерины Ивановны Дыховой (1846-1933). Окончил петерб. 7-ю г-зию, учился на юрид. ф-те Петерб. ун-та. За участие в беспорядках 1905 исключен из ун-та и 2 мес. провел в тюрьме, выпущен как амер. гражданин и закончил юрид. курс в 1909 в Юрьевском ун-те (Тарту). В 1908 опубл. его первая кн. «Стихотворения. Сб. I» (СПб.), написанная под влиянием символистов. А.Блок отметил, что произв. Г. хотя и «интереснее других», но «не обещают ничего» (Блок А. Собр. соч. — Л., 1962. — Т. 5. — С. 648). В 1913 Г. становится участником «Цеха поэтов», а его вторую кн. «От жизни к жизни», опубл. в Москве в 1912, перед изданием одобрили *Вяч.Иванов* и М.А.Кузмин. Сочувственно встретил этот сб. Н.С.Гумилев. В 1916 Г. подал заявление о принятии рос. подданства и был направлен в Англию, в Комитет по снабжению союзников оружием. В 1917 в Лондоне познакомился с Н.С.Гумилевым и вместе с ним на воен. транспорте через Мурманск вернулся в Россию. Впоследствии этому путешествию Г. посвятил поэму на англ. яз. (опубл. в кн.: N.Gumilev. 1886-1986. — Berkeley, 1987).

В 1921 Г. бежал в Финляндию, где у его матери было имение в Майясюколя. В 1922 в «Новой рус. книге» (№ 2) появилось сообщение, что поэт Гарднер ищет издателя для новых сб. стихов, в том числе «больших лирических полифоний» «Под далекими звездами» и «Мерцание во мгле и мгла среди сияний» (С. 35). В 1929 в Париже увидел свет сб. стихов Г. «Под далекими звездами». Стиль поэта, возвышенный, иногда нарочито архаизирован: «Молю я, о земле печальник, / Топи последний снег дорог, / Богатырей родоначальник, / Сварожич, золотой Даждьбог» («У Финского залива». — Хельсинки, 1990. — С. 81). «Здесь не место мне жить средь проклятой / Повседневщины жесткой и злой... / Я, мистическим солнцем объятый, / Изнываю в темнице мирской» (там же. — С. 85). Стихи Г. явственно продолжали традицию поэзии символизма. Резко отрицательно, с насмешкой откликнулся на «Под далекими звездами» рецензент под псевд. «Н.Ст.»: «О книжке стихов Вадима Гарднера только потому хочет-

ся упомянуть, что она пробуждает горестные мысли... Пишет он обо всем, и фокусные стихи, и простые. В иных все слова на букву «М», в других имеется четвертая «архилохейская строфа»: есть сонеты, есть глоссы, триолеты, сафические строфы, «обратно обезглавленные сонеты». Есть и просто патриотические стихи, они для публики полегче... А между тем, как было бы просто: бросить это напрасное занятие-писание стихов...» (ПН. — 1929. — 9 мая).

В 1936 одно стих. Г. было включено в антологию поэзии рус. эмиграции «Якорь» (Берлин). В 1939 из-за начавшейся сов.-фин. войны Г. переехал в Гельсингфорс, где и прожил до конца дней. Кн. стихов Г. «У Финского залива» вышла в 1990 усилиями Т.Пахмусс, написавшей в предисл. «О поэзии В.Гарднера»: «Главная сила его поэзии заключается в яркости и порывистости потока образов, стремительности внутреннего движения и религиозного экстаза... Простота и прозрачность манеры выражения гармонируют с торжественным эллиническим или церковным тоном» (с. 11).

Изд.: Избр. стихотворения. — СПб., 1995. Стихотворения // Новое ЛО. — 1996. — № 18.

Лит.: Бараш М. Из лит. наследия В.Гарднера // РМ. — 1987. — 5 июня.
+ РП-1.

В.В.Леонидов

ГИ́НГЕР Александр Самсонович (1897 — 26.VIII.1965, Париж) — поэт. Судьба эмигранта навсегда связала Г. с Парижем, куда он приехал в 1921. В нач. творч. пути Г. — участник «Палаты поэтов», одного из первых лит. объединений рус. зарубежья, чл. к-рого были также *Б.Божнев*, Г.Евангулов, *Д.Кнут*. Под маркой «Палаты поэтов» вышла первая кн. стихов Г. «Свора верных» (Париж, 1922). В этой кн. (несмотря на заметное порой влияние Н.Гумилева) и в вышедшей в 1925 в Париже второй кн. стихов «Преданность» Г. заявил о себе как талантливый художник, обладающий своеобр., запоминающимся поэтич. почерком. Оригинальность Г., проявлявшуюся во всем — от внешности до стихов — отмечали мн. современники поэта. «Он был ни на кого не похож ни в чем, начиная с манеры говорить и кончая манерой одеваться. Его неожиданнные, срывающиеся интонации и четкое разделение фраз в разговоре, фонетич. подъемы и провалы в чтении стихов — так никто не говорил и не читал, кроме Гингера. И никто не одевался, как он... Его лицо, резко некрасивое, нельзя было не запомнить. Его стихи — в этом тоже нельзя было ошибиться — было невозможно приписать кому-нибудь другому» (*Газданов Г.* Памяти Александра Гингера // НЖ. — 1966. — № 82. — С. 126).

Своеобразие поэтич. манеры Г. привлекало внимание и в то же время часто вызывало резкое неприятие критики (*Струве*. — С. 162-163). В первой пол. 20-х, когда значит. часть лит. рус. зарубежья была охвачена пафосом сохранения традиций, когда именно с этой ориентацией переосмыслялся опыт акмеизма, символизма, — Г. с первых же шагов в поэзии продемонстрировал самостоятельность творч. позиции, «искусно сочетая романтизм с умеренной левизной» (*Терапиано*. — С. 228). Стихи Г. часто раздражали читателя и критиков намеренным «косноязычием», неуклюжестью, тяжеловесностью поэтич. речи: «Эстафетный бег являет взорам / Зрелище, которому найти/ Невозможно равного; с которым / Муза, не тебе ли по пути?» («Факел» // Гингер А. Сердце. — Париж, 1965. — С. 50). Нередко подчеркнутая затрудненность, «изломанность» синтаксиса поэтич. языка Г. определяла тональность, весь эстетич. строй его стих., порождая мысль о «юродствовании» автора (Струве. — С. 162), о сознат. его желании эпатировать читателя: «Ибо прелесть женская извечно / Змия у ужасного в плену» («Чувство» // Гингер А. Преданность: Вторая кн. стихов. — Париж, 1925). Одной из неизм. особенностей стиля Г., проявившейся уже с первых его сб-ков, было тяготение к архаич. лексике, порою насыщавшей стих.: «Просительной не простираю длани, / Покорно полузакрываю вежды. / Ведь гордость нищих — избегать надежды, / И сила немощных — не знать желаний» // Гингер А. Свора верных. — Париж, 1922. — С. 7). Критики не раз восставали против языковых экспериментов Г., в частности, против его пристрастия к архаизмам. Известна резкая полемика между Г. и *С.К.Маковским* по поводу

гингеровского архаизма «материний» (стих. «Просительной не простираю длани...»), когда поэта поддержал *Г.Адамович*, напомнивший, что этот эпитет в значении «материнский» встречается у старых поэтов — например, у К.Батюшкова. Даже критики, высоко оценивавшие талант Г., часто не принимали именно те черты его поэзии, к-рые составляли ее эстетич. своеобразие. «К чему эти архаизмы, к чему навязчивая литературность стихов, подчас граничащая с той же манерностью?.. — замечал Г.Адамович. — Какие крепкие стихи, как умело, ладно, ловко они сработаны! Но если бы попроще, поразговорнее, посерее, побледнее были бы слова, — разве не убедительнее был бы их взлет, все то вообще, что в них рвется к небу... к преодолению смерти?» (Адамович Г. Об Александре Гингере // Мосты. — 1966. — № 12. — С. 268). Эта реплика свидетельствовала не столько об уязвимых моментах в творчестве Г., сколько об эстетич. взглядах самого критика, оказавших немалое воздействие на развитие поэзии первой «волны», — и о самостоятельности творч. позиции Г. по отношению к «парижской ноте». Тонкий знаток и страстный ревнитель рус. яз. — что признавали и поклонники его, и оппоненты, — человек, прекрасно знавший рус. и франц. поэзию, — в собств. творчестве Г. был внутренне свободен от каких-либо влияний и поэтич. норм. «Когда он сам начинал писать, это было так, как если бы никто до него никогда не сочинял рифмованных строк» (Газданов Г. Памяти Александра Гингера. — С. 127). Уходя от «красивости», гладкости, создавая впечатление нарочитой вымученности стиха, «выламывая» фразу, своевольно поворачивая слово (здесь была и творч. опора на яз. опыт рус. футуризма), Г. вдруг обнажал неожиданный и единственно верный для него оттенок смысла, создавал емкий и полный духовного простора образ: «Стихотворительное одержанье, / Язык богов, гармония комет! / Бессонный клин, сознательное ржанье / Моих разлук, моих плачевных смет...» («Мания преследования» // Гингер А. Жалоба и торжество: Третья кн. стихов. — Париж, 1939. — С. 17).

В поэзии Г. живет романтич. мотив преодоления трагизма жизни, земных страданий, одиночества человека на земле. Возможность этого преодоления открывается поэту во многом — в готовности радоваться каждому новому дню как «неожиданному чуду», в жертвенности, очищающей души и соединяющей их (стих. «Сестра», «Угол», «Имя»). Не случайно связующая роль иск-ва оказывается для Г. главной в его поэтич. размышлениях о творчестве. И тогда возникает у Г. образ Музы, передающей из поколения в поколение эстафету огня человеч. души («Факел»), тогда рождается (в одном из лучших стих. Г. «Весть») мысль о поэзии, несущей весть дальним и ближним, живым и ушедшим: «Средь ночи добровольно пленной / при поощреньи щедрой тьмы / мы пишем письма всей вселенной, / живым и мертвым пишем мы» («Сердце». — С. 55).

Ощущению трагизма человеч. судьбы в поэзии Г. противостоит глубоко свойств. ему вера в непрерываемость и бесконечность мира, чувство живой связи с «этим непрекращающимся пантеистическим движением». Сам поэт именно этим объяснял причины своего обращения в буддизм (Газданов Г. Памяти Александра Гингера. — С. 128; согласно завещанию, Г. был похоронен по буддийскому ритуалу). Видимо, поэтому так характерен для его поэзии образ солнца — вечного и неиссякаемого «родника тепла и света»: «Отец мой солнце, я с тобой сегодня / Лицом к лицу — / К тебе влекусь любовней и свободней / Чем сын к отцу» («Жалоба и торжество». — С. 8). Высшей же опорой человеку на его земном пути, где «растет уединенье», где «встает гора греха, труда, стыда», — оказывается торжество «веры старинной», прозрение в небесах пространств духовных, признание высшей силы, способной «руку горя властно отвратить». К этой мысли Г. обращается постоянно, на этом пути им созданы такие значит. стих., как «Что ж ты, сердце; дрожишь, полукровка?..», «Сердце», «Доверие».

С кон. 20-х Г. почти исчез из лит. жизни Парижа, редко печатал свои стихи. Ю.Терапиано высказывает догадку, что Г. в эти годы «сознательно отошел в сторону» (Терапиано. — С. 229), чтобы уступить дорогу своей жене, поэту *Анне Присмановой*. Четыре года герман. оккупации Г. прожил в Париже, рискуя жизнью каждый день. «Его приходили арестовывать четыре раза — и каждый раз совершенно случайно

его не было дома» (Газданов Г. Памяти Александра Гингера. — С. 129). В 1946 Г. и его жена получили сов. паспорта, но остались в Париже.

После войны появились еще две кн. стихов Г. — «Весть» (Париж, 1957) и «Сердце: Стихи 1917-1964» (Париж, 1965). «Он был подлинным, прирожденным поэтом, — писал Г.Адамович. — В его стихах есть та же прямота, несговорчивость, духовная требовательность, которые были в нем как в человеке. Есть в них, — и это, пожалуй, самое важное, — неуклонный духовный подъем...» (Адамович Г. Об Александре Гингере. — С. 267-268). Современники отдавали должное незаурядности личности и творчества Г. «Была в нем прямота, была естественная непоколебимая лояльность в дружбе, какая-то душевная опрятность... — вспоминал Г.Адамович. — Г. был умен в мельчайших своих наблюдениях, а наблюдал он людей и жизнь усердно, и при обманчивой рессеянности безошибочно схватывал на лету то, что ускользало от других» (там же. — С. 266-267). Г. стал прототипом гл. героя ром. *Б.Поплавского* «Аполлон Безобразов». Ю.Терапиано, принадлежавший к тому же поэтич. поколению, писал: «Умная, своеобразная, местами трудная поэзия Александра Гингера в будущем дойдет, вероятно, не только до литературоведов, но и до всех любителей поэзии. Его «эстафета» будет передана по назначению, а это — самое главное для каждого поэта» (Терапиано Ю. — С. 231).

Лит.: Осокин С. (Андреев В.) Рец.: «Жалоба и торжество» // РЗ. — 1939. — № 18.
Трубецкой Ю. Рец.: «Весть» // НЖ. — 1957. — № 50.
Рудинский В. Рец.: «Весть» // В. — 1957. — № 66.
Татищев Н. Солнце и сердце: О стихах А.Гингера // В. — 1965. — № 168;
Терапиано Ю. Памяти А.Гингера // РМ. — 1965. — 11 сент.
Бахрах А. // РМ. — 1979. — 12 июля.
Померанцев К. А.С.Гингер. Сквозь смерть // РМ. — 1985. — 29 нояб.
Чагин А. «Насквозь мужественный мир» А.Гингера // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1995. — Т. 4.
+Бахрах; Казак; Полторацкий; Струве; Терапиано.

А.И.Чагин

ГИ́ППИУС Зинаида Николаевна (8(20).XI.1869, Белев, Тульская губ. — 9.IX.1945, Париж) — поэт, прозаик, мемуарист, лит. критик (псевд. Антон Крайний). Отец из нем. семьи, проживавшей с XVI в. в России; мать — дочь екатеринбургского полицеймейстера. Из-за болезни легких Г. не получила систематич. образования, жила с матерью (отец умер в 1881) в Ялте и на Кавказе. В Боржоме познакомилась с *Д.Мережковским*. 8 янв. 1889 обвенчалась и уехала с ним в Петербург («Дневник любовных историй» // В. — 1969. — № 211-212). Этот духовный и творч. союз продолжался 52 года и описан в неоконч. книге Г. «Дмитрий Мережковский» (Париж, 1951), над к-рой она работала последние годы.

Первые стихи Г., написанные под влиянием С.Я.Надсона, появились в «Сев. вест.» (1888. — № 12). Позднее Г. говорила: «Стихи я всегда писала редко и мало, — только тогда, когда не могла не писать» («Автобиогр. заметка» // Рус. лит. XX в. — М., 1914. — Т. 1. — С. 176). Лит. известность пришла с ее стихами, появившимися в «Сев. вест.» в 1895 (№ 3, 12) и определившими ее место среди символистов. В 1904 и 1910 вышли две кн. «Собр. стихов» (М.). В 1899-1901 в «Мире иск-ва» печатаются ее лит.-критич. статьи. В 1901-03 вместе с Мережковским и В.В.Розановым организовала Религ.-Филос. собрания в Петербурге, была одним из ред. журн. «Новый путь» (1903-1904), где печатались протоколы этих собраний. Квартира Мережковских в доме Мурузи (Литейный, 24) стала местом встреч петербург. символистов и религ. философов. Критич. ст. Г. печатались в «Весах» (1906-1908), «Рус. мысли» (1910-1914) и др. журн. С 1906 по 1914 Мережковские жили за границей, в Париже, наезжая временами в Россию.

Г. — автор сб. рассказов «Новые люди» (СПб., 1896), «Зеркала» (СПб., 1898), «Третья книга рассказов» (СПб., 1902), «Алый меч» (СПб., 1906), «Черное по белому» (СПб., 1908), «Лунные муравьи» (М., 1912); романов «Чертова кукла» (М., 1911), «Роман-царевич» (М., 1913); пьес «Маков цвет» (СПб., 1908, совместно с Мережковским и *Д.Философовым*), «Зеленое кольцо» (Пг., 1916), в к-рых переплетаются идеи символизма, ницшеанства, религ. философии.

Особый интерес Г. проявила к жанру дневников и мемуаров. В 1908 под псевд. Антон Крайний вышла ее кн. очерков «Лит. дневник» (СПб.). Из дневников, к-рые Г. вела в течение полувека, наиб. известностью пользуются «Петербургские дневники», изд. первонач. под назв. «Синяя книга» (Белград, 1929) и дважды переизд. с предисл. *Н.Берберовой* (Нью-Йорк, 1982, 1990). Записи охватывают период от нач. мировой войны до 24 дек. 1919, когда Мережковские, их друг Д.Философов и секр. *В.Злобин*, ставший мемуаристом, покинули Петроград с командировкой в Гомель для чтения лекций в красноармейских частях; в янв. 1920 перешли польскую границу и остановились в Минске.

Г. не была захвачена шовинистич. энтузиазмом первых лет мировой войны. В докладе, прочит. в Религ.-Филос. об-ве в нояб. 1914, она утверждала, что война является осквернением человечества. Со временем Г. пришла к мысли, что только «честная революция» может по-настоящему покончить с войной. Подобно др. символистам, она видела в революции великое духовное потрясение, призв. очистить человека и создать Свободную Россию. Она надеялась, что революция раскрепостит людей и их религ. сознание, к-рое подавлялось самодержавием и церковью. Революция представлялась ей ходом «разрушительных» и «созидательных» сил, издревле дремавших в недрах России.

«Петербургские дневники» писались, по признанию Г., «около решетки Таврического Дворца», где заседала Гос. Дума и один день — 5 янв. 1918 — Учредит. собрание. Мережковские жили напротив Таврич. дворца на Сергиевской, 83. Дневник 1917 года рисует картину сползания страны в бездну безумия. Из окна своей квартиры Мережковские «следили за событиями по минутам». К ним приходили «ист. личности», особенно часто видные руководители эсеров и кадетов. Временное правительство воспринималось Мережковскими и их друзьями как свое и близкое, с нек-рыми они были лично связаны (А.Ф.Керенский, *Б.В.Савинков*). Восторженно приняв Февр. революция, Г. одна из первых (как и В.Розанов, *И.Бунин*, *А.Ремизов*) увидела антидемократич. и антинац. сущность большевист. переворота окт. 1917, наступление «власти тьмы». «Главные вожаки большевизма, — писала она в «Синей книге» (с. 142), — к России никакого отношения не имеют и о ней меньше всего заботятся. Они ее не знают, — откуда? В громадном большинстве не русские, а русские — давние эмигранты». «О, какие противные, черные, страшные и стыдные дни!» — восклицает Г. и пишет 9 нояб. 1917 стихи о судьбе рус. интеллигенции в годы революции: «Лежим, заплеваны и связаны, / По всем углам. / Плевки матросские размазаны/ У нас по лбам» («Последние стихи». — Пб., 1918; М., 1991. — С. 22).

Переворот 25 окт. произвел на всю интеллигенцию, за редчайшими исключениями, тягчайшее впечатление: «Расстрелянная Москва покорилась большевикам. Столицы взяты вражескими — и варварскими — войсками. Бежать некуда. Родины нет» («Синяя книга». — С. 230). Она порывает с А.Блоком и В.Брюсовым, сотрудничавшими с новыми властями, к-рые были для Г. воплощением «царства Дьявола». Дневники с нояб. 1917 до июня 1919 Г. считала утерянными; они хранились в Отд. рукоп. ГПБ в Петербурге (ф. 481) и теперь опубликованы. В «Черной книжке», входящей в «Петербургские дневники», Г. стала летописцем жизни тех, кто после окт. переворота оказался в родной стране на положении эмигрантов. Со временем эта «внутренняя» эмиграция Мережковских превратилась в действительную. Г. запечатлела в «Черной книжке» массовые расстрелы интеллигенции, дворян, офицеров в Петрограде. Мережковские надеялись на свержение власти большевистского террора. Узнав о поражении Колчака в Сибири и Деникина на юге, они решили бежать из Петрограда. Исследовательница жизни и творчества Г. проф. Иллинойсского ун-та (США) Т.Пахмусс пишет в связи с этим: «Их роль в культурной жизни столицы и влияние на прогрессивную часть столичной интеллигенции были исчерпаны. Не желая приспосабливаться к большевистскому режиму, они решили искать в Европе ту свободу, которая была попрана на родине» (Cahiers du monde russe et soviétique. — P., 1979. — T. 20. — N 2. — P. 227).

В Минске Мережковские читали лекции для рус. эмигрантов, писали полит. ст. в газ. «Минский курьер». В февр. 1920 они переехали в Варшаву, где занялись активной полит. деятельностью. Жизнь снова на-

полнилась для них смыслом существования, борьбой за свободу России. Г. стала ред. лит. отдела в газ. «Свобода». Из Парижа приехал Б.Савинков, чтобы вместе продолжить борьбу против большевизма. Г. и Савинкова связывала долголетняя дружба, она редактировала его ром. «Конь бледный», привезла его в Россию и напечатала в журн. «Рус. мысль». История взаимоотношений Г. — Философов — Савинков рассказана в дневнике Г. «Коричневая тетрадь» (В. — 1970. — № 221), являющимся эпилогом трех ранних дневников: «Дневник любовных историй», «О Бывшем» (В. — 1970. — № 217-220) и «Варшавский дневник» (В. — 1969. — № 213-216). Темы и мотивы в них постоянно переплетаются, образуя прихотливый узор гиппиусовской прозы.

В Варшаве Г. быстро разочаровалась в газ. «Свобода», где ее, как она говорила, лишили какой бы то ни было свободы. Тогда она стала помогать Мережковскому в написании работы о правителе Польши Ю.Пилсудском, в к-ром они видели избранника Божьего для служения человечеству и для избавления мира от «безнравственного большевизма». В Польше Г. видела страну «потенциальной всеобщности», к-рая может положить конец вражде разъединенных наций: преодолев долголетнюю взаимную ненависть, Польша и Россия перед лицом общей опасности большевизма должны создать союз братских народов. Г. требовала от польского правительства признать, что Польша воюет не против рус. народа и России, а против большевизма. В июле 1920 после заявления правительства Пилсудского о том, что Польша борется не против России, а против большевиков Г., Мережковский и Философов написали воззвание к рус. эмиграции и к русским в России по поводу союза с Польшей. Однако когда в окт. 1920 Польша подписала перемирие с Россией, Г. стала критически относиться к Пилсудскому, правительство к-рого официально объявило, что рус. людям в Польше воспрещается критиковать власть большевиков под угрозой высылки из страны. Убедившись, что «Русскому делу» в Варшаве положен конец, Мережковские 20 окт. 1920 выехали в Париж, остановившись по дороге в Висбадене.

Крушение судьбы и творчества писателя, обреч. на жизнь вне России — пост. тема поздней Г. В эмиграции она оставалась верна эстетич. и метафизич. системе мышления, сложившейся у нее в предрев. годы в результате участия в Религ.-Филос. собр. и в Религ.-Филос. об-ве. Эта система полагалась на идеях свободы, верности и любви, вознесенной до Христа. Обосновавшись в Париже, где у них с дорев. времен сохранилась квартира, Мережковские установили и возобновили знакомство с *К.Бальмонтом*, *Н.Минским*, *И.Буниным*, *И.Шмелевым*, *А.Куприным*, *Н.Бердяевым*, *С.Франком*, *Л.Шестовым*, А.В.Карташевым, пред. Религ.-Филос. об-ва. Во время поездок в Италию возобновились встречи и дискуссии с *Вяч. Ивановым*. «Постоянный друг и единомышленник» *Ю.Терапиано*, как его называла Г., писал, что она поражала всех своей «единственностью», пронзительно-острым умом, сознанием (и даже культом) своей исключительности, эгоцентризмом и нарочитой, подчеркнутой манерой высказываться наперекор общепринятым суждениям и очень злыми репликами. «Изломанная декадентка, поэт с блестяще-отточенной формой, но холодный, сухой, лишенный подлинного волнения и творческого самозабвения», — так определяли Гиппиус» (Терапиано. — С. 34).

В эмиграции Г. переиздает написанное в России (сб. рассказов «Небесные слова». — Париж, 1921). В 1922 в Берлине выходит сб. «Стихи: Дневник 1911-1921», а в Мюнхене — кн. четырех авторов (Мережковский, Г., Философов и Злобин) «Царство Антихриста», где впервые опубл. две части «Петербургского дневника» («Черная книжка» и «Серый блокнот») с вступ. ст. Г. «История моего дневника». В 1925 в Праге вышел двухтомник мемуаров Г. «Живые лица», в к-ром воссозданы лит. портреты А.Блока, В.Брюсова, А.Вырубовой, В.Розанова, Ф.Сологуба и др. *В.Ходасевич* высоко оценил худож. мастерство этих мемуаров, но опроверг слухи, приведенные Г., в частности, о *Горьком* и Розанове. Ответное письмо Ходасевичу Г. закончила словами: «Вы больше любите Горького, я — больше Розанова». («Письма к Берберовой и Ходасевичу». — Ann Arbor, 1978. — С. 41). *И.Одоевцева* выделяла мемуары Г.: «Проза Гиппиус не очень хороша. Она — поэт, она — критик. Но прозаик слабый. Исключение — «Живые лица» (Одоевцева. — С. 266).

В 1926 Мережковские решили организовать лит. и филос. об-во «Зеленая лампа», президентом к-рого стал *Г.Иванов*, а секр. — В.Злобин. Об-во сыграло видную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции и соединило лучших представителей рус. заруб. интеллигенции. Это было закрытое об-во, к-рое должно было стать «инкубатором идей» и все члены к-рого были бы в согласии относительно важнейших вопросов. Первое заседание «Зеленой лампы» состоялось 5 февр. 1927 в здании Рус. торгово-промышл. союза в Париже. Во вступ. слове В.Ходасевич напомнил о собр. «Зеленой лампы» в нач. XIX в., в к-рых принимал участие юный Пушкин. Для Г. зеленый цвет ассоциировался с верой в религию, в Россию, в высокие идеалы человечества. Стенографич. отчеты первых пяти собраний напечатаны в журн. «Новый корабль», осн. Г. в Париже (ред. В.Злобин, Ю.Терапиано, Л.Энгельгардт). В своем докладе «Рус. лит. в изгнании», прочитанном на втором заседании «Зеленой лампы», Г. говорила об особой миссии рус. лит-ры в изгнании — необходимости учиться истинной свободе слова. Она предлагала отказаться от узости, от партийности и мн. прежних «заветов». Гл. темой рус. заруб. лит-ры она считала правду изгнанничества и удивлялась, как могло случиться, что после десяти лет, в к-рые рушилось полмира и все погибло для эмигрантов, люди продолжают писать в Париже так же и о том же, что и раньше. В этом она видела известную ущербность эмигр. лит-ры. Сопоставляя эту лит-ру с советской, она предлагала конкретный ист. подход к данным двум явлениям: «Ведь когда мы просто литературу советскую критикуем, мы делаем не умное и, главное, не милосердное дело. Это все равно, как идти в концерт судить о пианисте: он играет, а сзади у него человек с наганом и громко делает указания: «Левым пальцем теперь! А вот теперь в это место ткни!» Хороши бы мы были, если б после этого стали обсуждать, талантлив музыкант или бездарен!» (Новый корабль. — 1927. — № 1. — С. 36). Этот образ «человека с наганом» воспринимался Г. достаточно широко — как «приказ собственной воли» («становясь на горло собственной песне», по выражению Маяковского). Такое понимание восходит к ст. Г. «Как пишутся стихи» (созданной в том же году, что и изв. ст. Маяковского с аналогичным назв.), в к-рой утверждается преемственность культурной традиции рус. зарубежья (Звено. — 1926. — № 159).

В сент. 1928 Мережковские приняли участие в Первом съезде рус. писателей-эмигрантов, организов. югославским правительством в Белграде. При Сербской академии наук была создана издат. комиссия, начавшая выпускать «Рус. б-ку», в к-рой вышла «Синяя книга» Г.

Тема свободы и вопрос, возможно ли подлинное худож. творчество в отрыве от родной почвы, оставались гл. для Г. на протяжении всех лет существования «Зеленой лампы», прекратившей свои собр. с нач. второй мировой войны. Еще при обсуждении своего первого доклада в «Зеленой лампе» она с горечью говорила: «Некогда хозяин земли русской, Петр, посылал молодых недорослей в Европу, на людей посмотреть, поучиться «наукам». А что если и нас какой-то Хозяин послал туда же, тоже поучиться, — между прочим и науке мало нам знакомой — Свободе?» (Новый корабль. — 1927. — № 2. — С. 41). Этой теме Г. посвятила статью «Опыт свободы», где говорила о свободе слова в эмиграции и в прежней России, о мере свободы и значении этого понятия: «Пусть не говорят мне, что в России, мол, никогда не было свободы слова, а какой высоты достигла наша литература! Нужно ли в сотый раз повторять, что дело не в абсолютной свободе (абсолюта вообще и нигде не может быть, ибо все относительно); мы говорим о той мере свободы, при которой возможна постоянная борьба за ее расширение. Довоенная Россия такой мере во все времена отвечала... Но признаем: общая свобода в России прогрессировала медленно, и понятие ее медленно входило в душу русского человека. Он — не писатель только, а вообще русский человек — не успел еще ей как следует выучиться, когда всякую школу захлопнули» (Лит. смотр: Свободный сб. — Париж, 1939. — С. 9-10).

С годами Г. изменялась, но внутренне оставалась той же, «не изменяла», как выражалась сама. Младшее лит. поколение, начавшее писать в эмиграции, пост. посетители «воскресений» у Мережковских и собр. «Зеленой лампы», застали Г. уже другой — обращенной к вечной теме «Сияний», как называлась книга ее стихов, вы-

шедшая в Париже в 1938. В ней было много горечи и разочарования, она стремилась понять новый мир и нового человека, чем этот человек жив, во что верит и что в нем истинно. Однако в чем-то главном этот новый мир от нее ускользал. В поэзии и в жизни сердца у Г. преобладало рациональное начало. Даже в Бога она верила умом, хотела верить в бессмертие души, но ей не было дано тех интуитивных прозрений, к-рые знал Блок. «Очарования», «прелести», «душевной теплоты», как отмечали современники, в ней не было. «Но в ней есть порой холодный блеск взлетающей с земли ввысь ракеты — ракеты, обреченной неминуемо разбиться о какое-нибудь небесное тело, не будучи в состоянии вернуться назад и рассказать нам о том, что там происходит. И еще — много горя, боли, одиночества» (Терапиано Ю. — С. 36-37).

В июне 1940 за десять дней до оккупации немцами Парижа Мережковские переехали в Биарриц на юг Франции. Отношение Г. к фашист. Германии неоднозначно. Для нее был неприемлем любой вид деспотизма, а чтобы сокрушить большевизм она готова была на союз хоть с дьяволом. Несмотря на страстное желание видеть Россию свободной, Г. никогда не сотрудничала с гитлеровцами. Близко знавший ее Ю.Терапиано подчеркивает, что она «всегда была подлинной русской патриоткой, глубоко любящей свою родину» (Pachmuss T. D.S.Merezhkovsky in exile. — N.Y., 1990. — P. 24).

Изд.: Стих. и поэмы. — Мюнхен, 1972. — Т. 1-2.
Пьесы. — Мюнхен, 1972.
Живые лица. — Л., 1991; Тбилиси, 1991. — Кн. 1-2.
Петербургские дневники, 1914-1919. — М.; Нью-Йорк, 1991.
Стихотворения. — Живые лица /Вступ. ст. Богомолова Н.А. — М., 1991.
Соч.: Стих. Проза / Вступ. ст. Азадовского К.М., Лаврова А.В. — Л., 1991.
«Люди и нелюди»: Из публицистики З.Н.Гиппиус первых послеокт. месяцев // ЛО. — 1992. — № 1.
«Черные тетради» / Подгот. текста Павловой М.М. // Звенья. — М.; СПб., 1992. — Вып. 2.
Воображаемое / Публ. Павловой М. // Звезда. — 1994. — № 12.
Опыт свободы / Сост. Королевой Н.В. — М., 1996.
Тихое пламя. — М., 1996.
Серое с красным (Дневник 1940-41) / Публ. Снытко Н.В. // Встречи с прошлым. — М., 1996. — Вып. 8.

Лит.: Седых А. У З.Н.Гиппиус // Звено. — 1925. — 30 марта.
Ходасевич В. Рец.: «Живые лица» // СЗ. — 1925. — № 25.
Вишняк М. Гиппиус в письмах // НЖ. — 1954. — № 37.
Тэффи Н. Зинаида Гиппиус // В. — 1955. — № 43.
Есенин С. Дама с лорнетом // Есенин С. Собр. соч. — М., 1962. — Т. 5.
Злобин В.А. Тяжелая душа. — Вашингтон, 1970.
Святополк-Мирский Д.П. Зинаида Гиппиус (1928) // РЛ. — 1990. — № 4.
Савельев С.Н. Жанна д'Арк рус. религ. мысли. — М., 1992.
Захаров А.Н. О поэтич. мире З.Гиппиус // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 5/6.
Pachmuss T. Z.Hippius: An intellectual profile. — Carbondale, 1971.
Pachmuss T. Intellect and ideas in action: Sel. correspondence of Z.Hippius. — München, 1972. — Текст англ., рус., фр.
Barda A. Bibliographie des oeuvres de Z.Hippius. — P., 1975.
+Адамович; Берберова; Казак; Одоевцева; Полторацкий; РЛЗ-1; РП-1; Соколов; Струве; Терапиано.

А.Н.Николюкин

ГОЛЕНИ́ЩЕВ-КУТУ́ЗОВ Илья Николаевич (12(25).IV.1904, с.Наталино, Саратовская губ. — 26.IV.1969, Москва) — филолог, поэт, критик, род. в семье военного. В нач. 1920 был увезен родителями из Крыма, где после тяжелой контузии и ранения отца на рус.-герм. фронте жила семья, в Болгарию, а затем в Югославию. Окончил в Белграде рус.-сербск. г-зию и в 1925 филос. ф-т Белградск. ун-та. Преподавал в г-зиях г.Никшича (Черногория), Дубровника (Хорватия) и Белграда. В 1929 получил стипендию Мин-ва просвещения Франции и уехал в Париж, где в 1933 закончил аспирантуру в Сорбонне и защитил

докт. дис. о франко-итал. лит. связях в эпоху позднего ср-вековья и раннего Возрождения (на мат-ле трехъяз. рукоп. «Декамерона» Боккаччо из архивохранилищ Франции, Бельгии и Англии) (L'histoire de Griseldis en France au XIV-e et au XV siècle. — P., 1933). Основательная текстологич., филол. и филос. подготовка, приобретенная в школе франц. медиевистики у Анри Оветта, Марио Рока, Шарля Самарана и Этьена Жильсона, помогла Г.-К. в последующих иссл. сочетать тщательность проработки деталей с глубиной и масштабностью охвата материала. Неизд. моральномистич. соч. «О добродетелях и таинстве брака» писателя XIV в. Филиппа де Мезьера Г.-К. посвятил кн. «Etude sur «Le livre de la vertu du sacrement de mariage...» de Ph. de Meziere». — Belgrade, 1937. В 1934 Г.-К. был избран приват-доцентом каф. романск. филол. Белградск. ун-та, где читал курсы по истории старофранц. лит-ры и яз. и издал учебник романск. текстологии («Тумаченье старо-франц. текстова». — Београд, 1936. — Т. 1-2). В 1937 принял участие в юбилейном «Белградском Пушкинском сб.» (ст. «Роза в поэзии Пушкина»), а в 1941 — в сб. трудов Ин-та им.Н.П.Кондакова (вып. 2) «Заметки к «Слову о полку Игореве», где поместил иссл. «Слово о полку Игореве и рукописи Задонщины». Г.-К. принимал участие в подг. третьего междунар. конгресса славистов, к-рый должен был проходить в Белграде в 1939, но из-за начавшейся войны не состоялся. В мат-лах конгресса — рефераты четырех подготовленных Г.-К. докладов: о проблемах совр. славянск. лит-р, эпосе мусульманск. областей Югославии, сравнительной лингвистике.

После оккупации Югославии Г.-К. входит в состав одной из групп подпольного антифашистск. «Нар. фронта». В кон. 1941 он вместе с тридцатью проф.-антифашистами Белградск. ун-та, среди к-рых и акад. А.Белич, был взят заложником и брошен в концлагерь Баница. По выходе из лагеря Г.-К. увольняют с гос. службы как политич. неблагонадежного. В 1944 он становится офицером Югосл. нар.-освободит. армии, участвует в боях за Белград. После освобождения Белграда назначен воен. комиссаром «Рус. дома» (б. рус. посольства и Дома рус. культуры). В Белграде Г.-К. знакомится с А.Твардовским и Б.Слуцким.

В 1946 Г.-К. был принят в сов. подданство и с 1947 начал публиковаться в СССР (преим. в журн. «Славяне»). В 1949 он получил приглашение в Моск. ун-т от В.В.Виноградова и уже собирался уезжать, когда был арестован югославск. тайной полицией. Разрыв Тито со Сталиным отозвался внутри Югославии репрессиями против всех подозреваемых в симпатиях к Сов. Союзу. Г.-К. был осужден на четыре года каторжных работ (1949-53). Лишенный бумаги и пера, он мысленно сочинял в тюрьме в Сремских Митровацах кн. по теории рус. стиха; две ее гл. «Словораздел в рус. поэзии» и «Александрийский стих в России XVIII в.» опубл. в Москве в 1959 (Вопр. языкознания. — № 4) и 1966 (сб. «Рус.-европ. лит. связи»). В культуру Югославии Г.-К. вошел как знаток и популяризатор западноевроп. и славянск. лит-р XX в., рус. и укр. лит-р, исследователь югославск. фольклора. Его особенно интересовали проблемы культурных и лит. взаимосвязей России и юж. славян.

В 1954 Г.-К. выехал из Югославии и получил профессуру в Будапештск. ун-те на каф. рус. яз., читал лекции по югославск. лит-ре и истории славистики в венгерск. Ин-те славистики. Результатом его венгерск. штудий явились ст. «Славяноведение в Венгрии» (Изв. ОЛЯ. — 1957. — Вып. 6) и гл. о венгерск. лит-ре эпохи Возрождения в «Истории всемирной лит-ры» (М., 1985. — Т. 3).

В июле 1955 Г.-К. вернулся на родину. Работал в Ин-те мировой лит-ры АН СССР, в 1956-58 в Моск. ун-те читал курсы по истории франц. лит-ры XX в., был чл. редкол. «Лит. памятников», Совета по проблемам истории мировой культуры АН, Итал. нац. Дантовского к-та и Междунар. ассоциации итал. яз. и лит-ры. Несмотря на тяжелую болезнь, продолжал работать до последних дней над своими разделами для «Истории всемирной лит-ры» (им написано 19 глав по истории англ., итал., исп., польск., сербохорватск. и чешск. лит-р).

Первые поэтич. публ. Г.-К. датируются 1924, когда в белградск. сб. «Гамаюн» появились его юношеск. стихи, а в сербск. журн. «Мисао» — ст. «Гумилев и акмеизм». Впоследствии стихи его печатались в газ. «В» и «Россия и славянство», в «СЗ» (1929-35) и «РЗ» (1934), в выборгск. «Журнале содружества», в сб. Союза молодых

поэтов (Париж, 1930-1936. — Сб. 1-6), «Перекресток» (Париж, 1930. — Сб. 1-2), «Якорь» (Берлин, 1936), а также в белградск. альм. «Лит. среда» (1935) и др. Подборка стихов была напечатана в сб. «В краях чужих» (Берлин; М., 1962). Единственный сб. стихов Г.-К. «Память» был издан в Париже с предисл. *Вяч. Иванова* в 1935. С Вяч. Ивановым, благословившим его юношеск. опыты, Г.-К. связывала многолетняя дружба. Их переписка 1928-39 опубл. в сб. «Europa orientalis» (Roma, 1989. — Т. 8) и в журн. «Октябрь» (1993. — № 3). *В.Ходасевич* (В. — 1935. — 28 марта) характеризовал стихи Г.-К. как поэзию мысли; Вяч.Иванов отмечал ее мелодич. богатство. Г.-К. был одним из лидеров в объединениях молодых писателей и поэтов, выступал в дискуссиях на собр. «Зеленой лампы», «Кочевья», на совм. заседаниях рус. и франц. литераторов, принимал участие в работе антропософ. кружка («школы Штейнера») и масонских бдениях. По возвращению в Югославию Г.-К. организует содружество молодых рус. писателей «Лит. среда».

Если в эмиграции он переводил преим. совр. югославск. лириков, то в Москве вышли его пер. Данте, Кардуччи, поэтов Далмации, польск. поэта Я.Кохановского, лат. поэтов Возрождения Лобковица и Паннония, совр. итал. поэтов, эпич. песен юж. славян и др. Кн. «Ср-вековая латинская лит-ра Италии» (М., 1972) представляет собой введение в ср-век. историю западноевроп. лит-р. В сер. «Лит. памятники» Г.-К. изд. два тома соч. Данте: «Божеств. комедия» (М., 1967) и «Малые произв.» (М., 1968). Г.-К. — автор фундамент. труда «Творчество Данте и мировая культура» (М., 1971), биографии «Данте» в сер. «Жизнь замечат. людей» (М., 1968). История славянск. лит-р трех столетий (XIV-XVI) изучена им в трудах «Итал. Возрождение и славянские лит-ры XV-XVI вв». (М., 1963) и «Гуманизм у вост. славян (Украина и Белоруссия)» (М., 1963). Полевые иссл. югославск. фольклора, начатые Г.-К. в кон. 20-х, продолженные в нач. 30-х совм. с гарвардск. ученым Мильманом Пэри, были завершены в ст. «Косовская легенда» (Изв. ОЛЯ. — 1964. — Вып. 3) и в антологии «Эпос сербского народа» (М.. 1963), а также в иссл. «Эпос народов Югославии», изд. посм. в составе его кн. «Славянские лит-ры» (М., 1973; рец.: Гаспаров М., Сигрист А. // ВЛ. — 1974. — № 10). Эта кн. с предисл. Д.С.Лихачева объединила последние работы Г.-К. о предренессансных процессах в культуре юж. славян до тур. завоевания и о сербск., македонск., болг. лит-рах конца XV-XVI в., а также работы из разл. сб. и антологий. «Романские лит-ры» (М., 1975) — последняя из четырех посм. изд. кн. Г.-К. (рец.: Михайлов А.Д., Урнов Д.М. // ВЛ. — 1976. — № 5), в к-рой опубликована «Библ. печатных работ И.Н.Голенищева-Кутузова по романо-герм. филологии и сравнит. лит-ведению».

Изд.: Владимир Соловьев и его югославянские друзья. // ВРХД. — 1990. — № 160.
Роза в поэзии Пушкина // Рус. словесность. — 1994. — № 1.
Николай Гумилев. // Рус. словесность. — 1994. — № 4.

Лит.: Мандельштам Ю. Легенда о Гризельде <Дис. Г.-К.> // В. — 1933. — 16 марта.
Жирмунский В.М. Памяти И.Н.Голенищева-Кутузова // Изв. ОЛЯ. — 1969. — Вып. 5.
Лихачев Д.С. И.Н.Голенищев-Кутузов (К 40-летию научн. деятельности) // РЛ. — 1969. — № 4.
Голенищева-Кутузова И.В. Голенищев-Кутузов как славист // Wiener slavistisches Jahrbuch. — 1970. — Bd 16.
Голенищев-Кутузов И.Н. // Голенищева-Кутузова И.В. История ит. лит-ры. Ук. работ, изд. в СССР на рус. яз. 1917-1975. — М., 1977. — Т. 1-2.
Конрад Н.И. О кн. И.Г.-К. «Итал. Возрождение и славянские лит-ры XV-XVI вв.» // Конрад Н.И. Избр. тр. — М., 1978.
Голенищева-Кутузова И. «Я больше не в силах скрыться от страшного зова России» (К 90-летию со дня рождения И.Н.Голенищева-Кутузова) // Рос. литведч. журн. — 1994. — № 4.
Kopecký M. K nedožitým sedmdesátinám I.N.Goleniščeva-Kutuzova // Sbornik praci filosof. fakultu Brněnske university. Rada literárněvědna. — 1974.
Shishkin A. Vjačeslav Ivanov ed i giovani poeti dell'emigrazione russa. Corrispodenza con I.N.Goleniščev-Kutuzov // Cultura e memoria. Atti del terzo Simposio internationale dedicato a Vjačeslav Ivanov. — Firenze, 1988.

И.В.Голенищева-Кутузова

ГОЛОВИНА́ Алла Сергеевна (15(28).VII.1909, с. Николаевка, Киевская губ. — 2.VI.1987, Брюссель) — поэт и прозаик, урожд. баронесса Штейгер. Ее дед, швейцарец, переселился в Россию в нач. XIX в. и занимал высокий пост в Управлении торгового флота. Барон Штейгер, отец Г., род. в Швейцарии, но рос и получил образование в России, к-рую в 1920 покинул, выехав с семьей через Одессу в Турцию. Затем семья переехала в Чехословакию, где Г. и ее брат, будущий поэт *А.Штейгер*, окончили рус. г-зию в Моравской Тршебове, где Г. начала писать стихи и познакомилась с *М.Цветаевой*, навещавшей свою дочь в г-зии. Дружеские и эпистолярные контакты будущей поэтессы с Цветаевой длились до отъезда последней в сов.Россию. После г-зии Г. поступила в Пражский ун-т (1928-31), приняла участие в содружестве «Скит поэтов», к-рым руководил проф. *А.Л.Бем*. Печататься начала в 1928 в «В». В 1929 вышла замуж за скульптора и художника Александра Сергеевича Головина и в 1935 переехала с ним в Париж, где познакомилась с писателями, посещавшими лит. кафе «Купол»: *И.Буниным*, *В.Ходасевичем*, *Г.Ивановым*, *И.Одоевцевой*, *Г.Адамовичем*, *Б.Поплавским*, *Д.Мережковским*, *З.Гиппиус*, *В.Набоковым* и *Р.Гулем*. Г. настойчиво отговаривала Цветаеву от возвращения в СССР. Цветаева намеревалась оставить Г. весь свой архив, но стесненные жилищные условия не позволили Г. разместить его у себя.

В нач. второй мировой войны семья Штейгеров уехала в Швейцарию (за ними по наследству сохранилось швейцарское подданство); Г. и ее брат, владевшие рус., франц. и нем. яз., получили работу в воен. цензуре. От первого брака у Г. сын Сергей Головин — писатель и переводчик, живущий в Швейцарии. В 1951 вторым браком Г. вышла замуж за бельгийца Филиппа Жиллеса де Пелиши, с 1955 и до кон. жизни жила в Бельгии. В этот период Г. писала рассказы.

Первая кн. Г. — поэтич. сб. «Лебединая карусель» (Берлин, 1935). Вторая кн. стихов «Городской ангел» (Брюссель, 1989; предисл. Е.Эткинда) и третья — «Ночные птицы» (Брюссель, 1990) вышли посм. Стихи Г. опубл. в журн. «Воля России», в «РЗ», «НЖ», в сб. «Скит поэтов» (Прага), в газ. «Руль», «В». Тепло отзывался о ее стихах В.Ходасевич, ценя ее тонкие поэтич. находки («Вилла «Надежда»». — М., 1992. — С. 357-8). Примечат. доказательством искренней симпатии И.Бунина является шутливая его надпись на кн. своих рассказов, подаренных Г.: «Дорогая Алла! Как мне не везет с Вами! Когда я был молодой, Вы были девчонка, когда Вы стали очаровательной женщиной, я стал старым хрычом!» (16 авг. 1953. — Домашний архив Ф.Жиллеса де Пелиши в Брюсселе).

В поэтич. наследии Г. ярко выражен мотив трагедии эмигр. рус. судьбы и ностальгии. Поэтесса своеобразно осмысляет гл. ист. события, перевернувшие судьбу России в 1917 — утерю и новое обретение правосл. веры, убийство царской семьи. Тонко отражено в стихах Г. и чувство неразрывной связи с родной землей, одновременно — здоровое, не подверженное эмигр. обиде чувство патриотизма, особенно яркое в годы второй мировой войны. В стих. «Сумасшедший дом. Аккуратный парк» героиня сходит с ума от предчувствия гибели царского наследника: «Я дофина увидеть скорей хочу / О, поймите, я слушаю голоса / Каждый день по три, по четыре часа». Так обращается она к мифич. врачу-психиатру. «И скукою врач отвечает ей: / — Был расстрелян в Сибири дофин Алексей. / А историю вашей дикой страны / Вы и здесь забывать никогда не должны» («Вилла «Надежда»». — С. 30). Тяжелое чувство вины, к-рое способен взять на себя только наст. поэт, одновременно неразрешимость вопроса «кто виноват?» звучит в стих. «Сыну»: «Питерсбурх, Петербург, Петроград, Ленинград... / Это Летний крыловский сияющий сад. / Почему же он вечно в крови и снегу? / Я не знаю, Сережа, и знать не могу» (там же. — С. 29). Мучительно звучит в стихах Г. тема единой крови и разъединенности духа и веры в одном народе на фоне страшного преступления: «Стоял Алексей, / Петроградской белой ночи бледней. / Ликовал почему-то советский народ / И уже собирался в какой-то поход. / Эмигрантская дева жива не жива...» (там же. — С. 30). Преодолевая острое чувство своей непохожести на этот «советский народ», Г. приезжает в сов. Россию: «В столице Москве, впервые / Крещу эмигрантский лоб... / Ну, здравствуй, ну, здравствуй... / На улице русская речь, / Что от какой-то латыни / Мы сумели сберечь» (там же. — С. 31).

Критики, анализирующие поэзию Г., отмечают заметное влияние Цветаевой и Ахматовой на ее творчество. По мнению Е.Эткинда, она ближе всего к акмеистам. Однако это лишь один из фрагментов общего культурно-историч. влияния эпохи: здесь и Цветаева с ее тяжелой надрывностью, и акмеистич. лексико-интонационная легкая тень Ахматовой, и определивший во мн. настроение ее стих. символистский цвет Блока. Но есть и еще более глубокие корни поэтич. почерка Г. — это ее любимая Малороссия, Украина, к-рую она никогда не забывала в своем долгом эмигр. пути: «Киевским крестиком, киевским швом... / Красный петух на дому неживом. / Черною ниткой пожарище шью. / Желтой — подсолнухи в синем раю... / Здравствуй — кургану. Здравствуй — тебе.../ Здравствуй, дорога на Богуслав. / Кто оказался, все-таки прав?» («Ночные птицы». — С. 152). Отзвук малороссийской интонации в ее рус. речи, прошедшей школу Гоголя, Сковороды, Шевченко и Леси Украинки — вот тот неожиданный куст, с к-рого срывает прекрасные, ни на что не похожие, горькие цветы и плоды поэтесса. Гл. герой ее стих. — вечно сопутствующий, но такой разный Ангел. Ангел светлый и темный. Ангел святой и грешный. Ангел крылатый и бескрылый. Несмотря на разнообр. палитру и множество неожид. оттенков, в худож. почерке Г. отчетливо и ясно проступает правосл. и праздничный, скорбящий и смиренный, праведно-воинственный взгляд на мир, на судьбу свою и своей страны. Поэтому преобладает у Г. ангел спасения: «В православной церкви над тобой / Плачет ангел серо-голубой / Над твоей несчастною судьбой» («Вилла "Надежда"». — С. 138). А над всем происходящим и происшедшим у нее всегда — «Недреманное око», о к-ром пишет она в стих. «Одесские взрывы (1918 года)»: «Тогда в Александровском парке / Нас няни готовили к смерти... /Мы выжили... Рассосалось / Над нами страшилище чада... /Вверху недреманное око» (там же. — С. 129). Это же стойкое правосл. отношение к миру звучит и в ее прозе. В рассказе «Вилла «Надежда»» в образе маленького рус. героя, к-рый умирает на чужбине, Г. отражает гл. черту нац. характера — редкую особенность всечеловеческого, большого, лишенного эгоизма мечтания о братстве. Мечтания, разбившегося об острый рев. угол российской истории. В «Автобиогр. заметках» Г. писала: «Не хватает, как воздуха, литературных контактов, но мой интерес ко всему, что касается русской литературы и русских судеб, велик и неистребим» («Городской ангел». — С. 126).

Изд.: Россия в заруб. мире // Лит. Россия. — 1990. — 22 июня.

Из переписки И.А. и В.Н.Буниных с А.Головиной (1942-1953) / Публ. Фоменко А.В. // И.А.Бунин и рус. лит-ра XX в. — М., 1995.

Лит.: Пахмусс Т. Двойственное видение мира в поэзии А.Головиной // ЗРАГ. — 1991. — Т. 26.

Л.Г.Баранова

ГОЛОХВА́СТОВ Георгий Владимирович (1882, Ревель — 15.VI.1963, Нью-Йорк) — поэт, переводчик. Учился в Пажеском корпусе. Служил в гв. егерском полку. В янв. 1917 в чине полк. был командирован за границу. В Россию после революции решил не возвращаться. В 1920 приехал в Нью-Йорк. Писать стихи начал в России, печататься — в США. В 1924 Г., В.Ильяшенко, Д.Магула и Е.Христиани издали в Нью-Йорке первый коллективный сб. русско-амер. поэтов «Из Америки» (на титульном листе — 1925). В нем 59 стих. Г., в том числе более двадцати септетов, которые Г. называл полусонетами. Первым ввел в рус. поэзию эту твердую форму (изв. в Европе с нач. XVII в.) В.Ильяшенко. Полусонеты писали и др. рус. поэты в США. Но никто не увлекался септетами в такой степени и не писал их в таком количестве, как Г. В своих стих. в сб. «Из Америки» Г. близок традиции, сложившейся во второй пол. XIX в. Участники сб. отождествляли эту традицию с им. Тютчева, Фета, А.К.Толстого, Полонского, Случевского и Вл.Соловьева. Поэзия первой четв. XX в. на творчестве Г. вообще не оставила отпечатка. Автор предисл. к сб. «Из Америки» А.Назаров увидел в стихах Г. гл. обр. «чувство покорности судьбе и обаянье безропотного фатализма».

В 1931 в Париже была издана кн. «Полусонеты» Г., включившая триста семистиший (написанных в 1920-30) и среди них — венок септетов с магистралом и несколько «сюит» — небольших поэм, состоя-

щих из полусонетов. Испытавший влияние Ронсара, Парни, Бодлера «и ясность пушкинского дара», Г. довел эту не утвердившуюся в поэзии твердую форму до совершенства. Образы в стихах Г. настолько едины эстетически, что представляют собой целостную систему. Ни один из его тропов не нарушает стройности той архаизов. реалистич. эстетики, к-рая представляется Г. как бы некоей данностью, узаконенной благородной традицией. Философия слова у Г. парадоксальна: при дисциплине стиха, культе четкости, экономии средств, тщат. отделке встречаются в изобилии издавна знакомые, «изношенные» словосочетания. Отсюда оттенок риторичности при всей искренности чувств и самостоятельной мысли. Композиция его стих. логична, рациональна и следует часто встречающимся схемам. Круг тем в «Полусонетах» широк, но и традиционен: судьба, вера в мечту, обреченность человека на сизифов труд, любовь, дыханье вечности в природе, «гимны радостям земли», стихи о стихах, психологич. источник к-рых — момент внутренней ясности и «напев сердечного затишья». Не обособленно, но именно в связи с этой тематикой проявляется мотив реинкарнации, перешедшей и в следующую кн. Г.

Г. был избран пред. нью-йоркского рус. Об-ва иск-в и лит-ры, а в 1937 вице-пред. амер. Пушкинского к-та. Жил он в Лоукест Вэлли, на Лонг Айленде, близ Нью-Йорка. Служил в неск. частных компаниях. В 1938 в Нью-Йорке тиражом 300 экз. издано гл. произв. Г. — посв. его ближайшему другу и единомышленнику В.Ильяшенко эпич. поэма в 8000 стихов «Гибель Атлантиды» (илл. подписное изд.). Г. работал над своим философско-эзотерич. эпосом четыре года — с конца 1931 по нояб. 1935. До изв. степени сказалось следование европ. образцам эпич. жанра, что отмечал знавший Г. лично лит-вед Б.Л.Бразоль (1855-1963), автор предисл. к «Полусонетам». Метрич. схема произв. Г. — весьма редкостная. Стих состоит из двух ямбич. и двух амфибрахич. стоп, с четкой цезурой между ними и звучанием напоминает диптих Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...». Ориентация на поэта, столь чтимого в кругу В.Ильяшенко (исследователя творчества Фета), не случайна. Параллели с фетовским творчеством заметны и в др. кн. Г. Ямбо-амфибрахий в «Гибели Атлантиды» местами прерван вставными гимнами, заклинаниями, хорами. Мастер многократной рифмы, Г. варьирует тип рифмовки и характер строфы. Стройность архитектоники, живописность сцен, чеканность слога — все это дополняет впечатление значимости и монументальности. Мн. детали почерпнуты из платонова диалога «Тимей». Однако источники Г. многочисленны и отчасти совпадают с упомянутыми *Д.Мережковским* в его «Тайне Запада. Атлантида — Европа», выход в свет к-рой совпал с нач. работы над «Гибелью Атлантиды». Однако первое приближение к будущей поэме видим у Г. уже в его «Полусонетах». Гл. особенность «Гибели Атлантиды» состоит в том, что написана она поэтом-визионером. По контрасту с мистич. мировоззрением Г. его худож. мышление окрашено в тона рационализма. Вместе с тем Г. «кладет в основание всех своих построений принцип пола... его метафизическую неслиянность» (Б.Бразоль). В поэме принцип пола возведен в онтологич. категорию. Аллюзии — мифологич., филос., теософские, астрологич., антропологич., историч., литер. — весьма многочисленны. Встречаются образы и идеи, восходящие к Ницше, Шопенгауэру, Вл.Соловьеву, Тютчеву («древний хаос», разбуженный верховным жрецом Атлантиды), местами к Евангелию от Иоанна, апокрифам, каббале, трактатам по магии, «Тайной доктрине» Блаватской, а также к буддизму и — еще чаще — к упанишадам и веданте.

В 1944 ред. нью-йоркской газ. «Р.С.Т.» («Рцы слово твердо») Б.А.Завалишин издал кн. Г. «Четыре стихотворения» (все написаны в 1930-е); одно из них — пер. «Ворона» Эдгара По (впервые опубликован в «Р.С.Т.» в 1938). В той же маленькой кн. помещено превосходно построенное шуточное стих. на заданную рифму, а также виртуозное пространное «Полуоправдание» — послание критику, напавшему на термин «полусонет»: «Полупрозрачно мне был дан в укоре строгом / Полуневежды чин... Смиряюсь — я не горд... / Но все ж, хоть Пушкин был и будет полубогом, / Не страшен мне ничуть его полу-милорд...»). В 1944 вышла кн. Г. «Жизнь и сны» (на титуле — Нью-Йорк, 1943), с исполненным Н.Фешиным портретом автора. Сб. был задуман как итоговый и включил стих., написанные в течение двадцати пяти лет. Лучшие стих. в кн. — на тему первозданности природы и о панте-

истич. состояниях сознания. Тогда же появилась в «НЖ» (1944. — № 9) поэма Г. «Святая могила» с подзагол. «Старо-Крымская легенда». Написанная пушкинским четырехстопным ямбом, поэма Г. представляет собой мастерскую имитацию романтич. вост. «повестей» нач. XIX в. Свободный от земных соблазнов старый хаджи влюбляется в юную Раймэ, но вдруг узнав, что отвечавшая взаимностью красавица уже влюблена в другого, уходит в горы и умирает с молитвой Аллаху на устах.

Г. был участником «Кружка рус. поэтов в Америке» и выпущенного кружком в 1949 сб. «Четырнадцать» (назв. по числу участников). В большой подборке стих. Г. находим в основном ранее публиковавшиеся стихи. Г. был занят тогда работой над пер. «Слова о полку Игореве». В 1950 ред. «НЖ» выпустила пер. «Слова» отд. изд. В 1953 в нью-йоркском изд-ве им.Чехова вышел в пер. Г. ром. Р.Рихтера «Дебри». Нек-рые произв. Г. остались неизд.: поэма «Лицо Нарцисса», состоящая из 80 сонетов, и пер. «Науки любви» Овидия.

Лит.: Бразоль Б. Речи. — Нью-Йорк, 1943. — Т. 1.

Вадим Крейд
(США)

ГОМОЛИ́ЦКИЙ Лев (Леон) Николаевич (27.VIII(9.IX).1903, Петербург — 22.XII.1988, Лодзь) — поэт, критик, прозаик, эссеист, художник-график. До 1916 жил в Петербурге, затем вместе с родителями переехал в имение князей Острогских на Волыни, терр. к-рой отошла к Польше. В 1921 в Варшаве вышла первая кн. его стихов «Миниатюры». В 1931-44 жил в Варшаве. Вышли его поэтич. кн. «Дуновение» (Варшава, 1932), «Дом» (Варшава, 1933), «Варшава: Поэма» (Варшава, 1934), «Эмигрантская поэма» (Таллин, 1936), «Цветник» (Таллин, 1936), «Ода смерти: Баллада» (Варшава, 1937), «Притчи» (Варшава, 1938). Опубл. кн. «Об основах рус. культуры: Достоевский и Толстой» (Прешов, 1928) и кн. «Арион: О новой заруб. поэзии» (Париж, 1939). В 1931 получил первую премию на конкурсе Союза рус. писателей и журналистов в Польше за рассказ «Ночные встречи» (газ. «Молва»). Организатор изд-ва «Священная лира» в Варшаве.

В оформлении Г. изданы кн. стихов *Э.Чегринцевой*, *Ю.Иваска*, *А.Кондратьева*, Г.Клингера и самого Г. Был секр. Союза рус. писателей и журналистов в Варшаве. Один из инициаторов сбора мат-лов для «Словаря рус. заруб. писателей» *В.Ф.Булгакова*. Составитель «Сб-ка рус. поэтов в Польше» (Варшава, 1930). Член лит. объединения «Скит поэтов» в Праге. Один из учредителей вместе с Е.С.Вебер-Хирьяковой и *Д.В.Философовым* лит. кружка «Домик в Коломне» (1934-36). В собр. кружка принимали участие и польские писатели. Сотрудничал в журн. «Сполохи», «Содружество», «Меч», в газ. «За свободу!», «Молва». Участник антологии «Якорь» (1936), сб. «Новь» (1936). С 1945 жил в Лодзи, в польских изд. популяризировал рус. лит-ру. С 1953 печатался на польск. яз. (сб-ки стихов, прозы и критики). В 1976-78 в Лодзи вышло его Собр. соч. в 3-х тт.

А.Л.Бем в своем разборе книг, выпущенных изд-вом «Свящ. лира», писал: «За Л.Гомолицким подлинно поэтическое дарование. Он, едва ли не один из наиболее вжившихся в русскую поэтическую традицию, в себе остро переживает болезненный кризис всей русской поэзии. И как это часто в таких случаях бывает, этот кризис превращается в личный творческий кризис поэта. Ему одному не под силу сорвать поэзию с наезженных гладких рельс символистического эпигонства, и поэтому он самого себя калечит, чтобы только не походить на большинство. Он интересен тем, что в своих творческих усилиях исходит из цельного построения задач и путей русской поэзии, опираясь на вдумчивое изучение и поэтическое освоение ее прошлого. Совершенно ясно, что архаизация, отличающая его от других поэтов эмиграции, для него не самоцель, а только путь для тематического углубления поэзии, для возвращения ей права откликаться на вопросы о судьбах человека и мира. Философская струя его творчества не подлежит сомнению» (Меч. — 1938. — № 23. — 12 июня).

Изд.: Автобиогр. // Сб. рус. поэтов в Польше. — Варшава, 1930. — № 1.
Несколько слов по поводу «Беладонны» Гронского // Новь. — 1934. — № 8.
Лит.: Адамович Г. Рец.: «Дом» // ПН. — 1934. — 8 февр.

Цетлин М. Рец.: «Дом» // СЗ. — 1934. — № 55.
Пильский П. Рец.: «Виденье всадника. Поэма» // Сегодня. — 1935. — 28 февр.
Пильский П. Рец.: «Ода к смерти» // Сегодня. — 1937. — 31 марта.

В.П.Нечаев

ГО́РЛИН Михаил Генрихович (11(24).VI.1909, Петербург — 1943, концлагерь, Германия) — поэт, лит-вед. Род. в семье коммерсанта. В 1919 родители выехали в Англию, потом в Берлин. С детства проявлял большой интерес к лит-ре, особенно увлекался нем. романтиками и рус. классикой XIX в. Возглавлял «Кружок поэтов» в Берлине, в к-рый входили *С.Прегель*, Ю.Джанумов, В.Франк, приходил *В.Набоков*, а также *В.Корвин-Пиотровский*. В кружке Г. познакомился с *Р.Блох*, своей будущей женой, поэтессой и историком ср-вековья. Стихи на нем. яз. печатал под псевд. А.Мираев. Г. учился в Берлин. ун-те у проф. Макса Фасмера и в 1933 подготовил и защитил дис. «N.V.Gogol und E.Th.Hoffman» (Berlin, 1933). Ее высоко оценил *В.Вейдле*: «Превосходная работа молодого русского историка литературы М.Г.Горлина заново рассматривает вот уже сто лет существующий вопрос о влиянии Гофмана на Гоголя... Горлин очень хорошо показал, как Гоголь уничтожил во второй редакции «Портрета» не совсем органические черты, имеющиеся в первой, и как постепенно отходит от Гофмана — возвращается к самому себе» (СЗ. — 1934. — № 54. — С. 464). Впоследствии Г. продолжал свои иссл. творчества Гоголя «Он даже пытался реконструировать задуманную Гоголем комедию «Владимир третьей степени», работая над этим с той тщательностью, с какой музейные реставраторы стараются собрать воедино уцелевшие черепки какой-нибудь античной вазы», — писал *А.Бахрах* (НЖ. — 1993. — № 190/191. — С. 353). Г. печатался в трех сб. берлинск. поэтов: «Новоселье» (1931), «Роща» (1932) и «Невод» (1933), изданных в Берлине.

В 1933 Г. вместе с женой бежит из Германии во Францию. Здесь при содействии известного слависта А.Мазона он становится секр. Славянского ин-та при Сорбонне, публикует заметки и рец. на историко-лит. темы. В 1936 в берлин. изд-ве «Петрополис» вышла единственная прижизн. кн. стихов Г. «Путешествия». Поэт в этом сб. пытается найти новые формы, используя белый стих. Чувствуется увлечение Г. романтиками, поэт описывает сказочные, неземные города и страны. «Вот он, светлый город у ровного синего моря, / Светлый, как те марципановые из детских ночей. / Дзенькают колокольчики на белолобых башнях» (с. 13). *М.Цетлин* писал об этой кн.: «Небольшая книжка стихов молодого историка литературы, автора интересной работы о Гофмане. Она напоминает о предмете его занятий... Стихи М.Горлина — веселая лирическая игра и нельзя отрицать, что многое в них остроумно и ярко... Удачных стихотворений в книге больше, чем неудачных» (СЗ. — 1936. — № 52. — С. 440). В 1935 Г. зарегистрировал свой брак с Раисой Блох, в 1936 у них род. дочь. Парижск. период жизни Г. был согрет дружеским отношением *В.Ходасевича*, к-рый сходился далеко не со всеми. Ходасевич посвятил ему и Р.Блох шуточные стих. «Куплеты» и «Блоха и Горлинка» (Ходасевич В. Стихотворения. — Л., 1989. — С. 265-266).

Г. арестовали как еврея в 1943. Сначала он находился в лагере Питивье возле Орлеана, а потом был этапирован в концлагерь на терр. Германии, где и погиб.

Изд.: Поэзия гибели // Встречи. — 1934. — № 6.
Неразгаданные стихи Пушкина о Мицкевиче // Новоселье. — 1945. — № 21.
Блох Р., Горлин М. Избр. стих. — Париж, 1959.
Etudes littéraires et historiques par Michel Gorlin et Raissa Bloch-Gorlina. — P., 1957.

Лит.: Ходасевич В. Рец.: «Путешествия» // В. — 1937. — 9 янв.
Терапиано Ю. Рец.: «Etudes littéraires et historiques par Michel Gorlin et Raissa Bloch-Gorlina...» // Опыты. — 1958. — № 9.
Каннак Е. Памяти ушедших // Каннак Е. Верность. Воспоминания, рассказы. очерки. — Париж, 1992.
Вейдле В. О тех, кого уже нет // НЖ. — 1994. — № 192/193.

В.В.Леонидов

ГО́РНЫЙ Сергей (наст. имя Оцуп Александр-Марк Авдеевич) (28.VII.(9.VIII) 1882, Остров, Псковская губ. — 1949, Мадрид) — поэт, прозаик. Старший брат поэтов *Николая Оцупа* и Георгия Оцупа, писавшего под псевд. *Г.Раевский*. Провел детство в Царском Селе, окончил с зол. медалью Николаевскую царскосельскую г-зию и в 1908 — Горный ин-т в СПб., что и дало его псевд. В 1906 в СПб. вышла его первая кн. «В октябре: (Этюд. Рассказы из жизни рабочих)», к-рая была арестована и уничтожена, но экз. ее сохранился в РНБ. Большое влияние на Г. оказали *С.Черный*, *А.Аверченко* и др. авторы «Сатирикона», где Г. начал печататься. Стихи и пародии Г. опубл. в петерб. журн. «Русь», «Свобода и жизнь», «Сегодня», «Сказки», «Серый волк». Нек-рые его сатирич. стихи вошли в кн. Авеля (Л.Василевского) «Незлобивые пародии» (М., 1908). Остроумные произв. Г. приобрели популярность. В 1912 в 880-м номере «Дешевой б-ки «Сатирикона» появилась кн. Г. «По-новому (и др. юмористич. рассказы)». В 1914 в СПб. вышли кн. «Почти без улыбки. Парадоксы. Силуэты» и «Узоры по стеклу». Там же в 1917 увидел свет сб. его сатирич. рассказов «Ржавчина духа». Г. принимал активное участие в обществ. жизни, состоял гласным Новомоск. земства, принимал участие в Гос. совещании 1917.

В 1917 Г. работал в екатеринослав. газ. «Приднепровский край», в 1918 переехал в Киев, откуда бежал в Одессу. Весной 1919 служил на черноморском флоте в составе подразделений Деникина. При отступлении в Екатеринославе получил штыковое ранение и попал в плен к махновцам, но с помощью англичан был эвакуирован на Кипр, где и провел полтора года. Все пережитое не могло не отразиться на его творчестве. Мастера сатиры и пародии сменил прозаик, вспоминавший страшное время революции и гражд. войны и пристально вглядывавшийся во все приметы прошлой жизни в России. «Раньше был пересмешником и пародистом... Потом прошло. Задумался. И сквозь смех явилась (сперва не сразу, такими тихими вечеровыми струями, как воздух потеплевший) тихость, пристальная дума... Налетело. Пришли. Ударили штыком. Глубоко заглядывая в глаза, наклонилась смерть. И вся та прежняя жизнь ушла. Навеки» («Автобиогр.» // Калифорнийский альм. — Сан-Франциско, 1934. — С. 98).

В 1922 Г. переехал в Берлин. В том же году вышла его первая кн. в изгнании, в берлин. изд-ве «Мысль»: «Янтарный Кипр. Рассказы», посв. впечатлениям от жизни на этом о-ве. Высоко оценил эту кн. *П.Пильский*: «Здесь, в своих кипрских наблюдениях, Сергей Горный лирик. На всем, что он видит, слышит, чувствует — отсветы грусти... «Янтарый Кипр» — не только беллетристические записи, но и невольное исповедывание целого поколения» (Сегодня. — 1922. — 24 сент.). В 1922 Г. издал в Берлине кн. «Пугачев или Петр? Душа народа. Психологические этюды». В этой маленькой брошюре он выдвинул яростное обвинение интеллигенции, допустившей гибель России. «Вот этот творящий погромы мужик, вот эти, засевшие в советских недрах интеллигенты, вот эти, примазавшиеся к ним... чиновники, сделавшиеся социалистами и социалистиками — разве все это не наши знакомые? Разве это не Платоны Каратаевы, не Пьеры Безуховы, не Верховенские, не Смердяковы? Все они же. Безумная толпа Каратаевых с мечтою о золотом царстве, со взыскующей тоской или о царской, пропавшей грамоте или о «селянской» земле и воле. Интеллигенты, оторванные от жизни, ушибленные о Гегеля, Михайловского или Маркса с Каутским» (с. 27). Довольно иронично встретил эту кн. *Р.Гуль*: «Нового в смысле содержания он не дает ничего... В стиле автора — обилие эпитетов. Но напрасно он думает, что это придает большую образность его прозе» (Новая рус. кн. — 1922. — № 9. — С. 19). Совсем по-другому оценил кн. критик, писавший под псевд. В.Е.Т. «Горный подходит к... элементу трагедии — русской интеллигенции. Весь ужас свершившегося, всю тяжесть вины перед Родиной и народом он возлагает на ее плечи... Мало ответить книжно, нужно всем сердцем своим познать истину. И маленькая книжка Горного этому помогает» (Руль. — 1922. — 24 сент.).

Г. включился в лит. жизнь рус. Берлина, сотрудничал в журн. «Свободные мысли» и «Т-р и жизнь». В 1922 он вошел в лит. объединение «Веретено», но вскоре с 12 его чл., среди к-рых были *И.Бунин*, *И.Лукаш*, Сирин (*В.Набоков*), покинул «Веретено» из-за симпатии организатора объединения *А.Дроздова* к *А.Толстому* и к

газ. сов. направленности «Накануне». Публиковался в рижск. газ. «Сегодня».

В 1925 в мюнхенском изд-ве «Милавида» вышла кн. Г. «Санкт-Петербург. Видения» с теплым предисл. И.Лукаша, к-рый писал: «Это маленький Санкт-Петербург из шкатулки детства, когда мы были гимназистами, гонялись по льду, летали на зеленых санках через Неву к Сенату... Этот маленький Санкт-Петербург — сказка о том, что уже было и что будет когда-то снова» (с. 6). Эта кн. поразительна по тщательности описания подробностей и деталей впечатлений детства о жизни в бывшей столице Рос. империи. «Горный любит «свой» Петербург нежной и интимной любовью. Для него дорог каждый переулок, каждая улица и каждый угол близок и мил ему. И от этой любви чувство грусти ложится густой тенью на всю его книгу», — писал в рец. Б.Николаевский (Перезвоны. — 1926. — № 17. — С. 522). Менее восторжен был в своем отзыве критик, печатавшийся под псевд. Н.: «История с шарами, с пасхальными яйцами, водопой лошадей — все это изложено превосходно, с воскрешающей живостью, но нагроможденные одна на другую, эти подробности несколько утомляют, и из детских клочков воспоминаний все же не сложился образ Санкт-Петербурга» (ПН. — 1926. — 18 февр.). Как всегда, когда речь заходила о творчестве Г., высокую оценку этой кн. дал П.Пильский. «На этот город разные взирали разно и различно ощущали его таинственную душу. И только никто до сих пор никогда не окутывал его такой нежностью, как Сергей Горный» (Сегодня. — 1926. — 24 янв.).

В 1927 в Берлине увидел свет сб. рассказов Г. «Всякое бывало», к-рый выпустило изд-во «Арзамас» Писатель продолжил прежнюю линию своего творчества, вглядываясь глазами героев в детали жизни и быта невозвратных лет, проведенных в России. Интересную оценку этой кн. и писат. дару Г. дал *К.Зайцев*. «Сергей Горный — своеобразный писатель. Основное его свойство то, что он, в сущности, совершеннейший дилетант, т.е. человек без подлинной писательской школы... Он ничего не может выдумать... Его подлинная сила: это способность воспроизводить конкретно пережитое. Он воскрешает прошлое в его бытовой уютности с осязательностью, иногда почти чудодейственной... В этом Сергей Горный — но только в этом — настоящий писатель!» (Россия. — 1927. — 22 окт.).

Не прошел незамеченным в эмигр. критике и сб. рассказов Г. «Ранней весной», выпущенный берлин. изд-вом «Парабола» в 1932. В нем Г. вспоминает о днях войны, голода и революции. Осн. внимание автора направлено на попытку воссоздания мира детства своих героев. «Сергей Горный останавливается только на воспоминании о том, что в детстве было что-то хорошее. Он не хочет идти дальше. Это только напоминание, а не призыв... Здесь автор пользуется силой этой обязательности для каждого человека быть тронутым, когда ему рассказывают о детстве», — так отреагировал на кн. *В.Варшавский* (Числа. — 1932. — № 7/8. — С. 265-266). *Ю.Мандельштам* оставил гораздо более хвалебный отзыв. «Бережно и любовно описывает автор все особенности детской жизни, сохраненные памятью... К мелочам он проявляет явное пристрастие... «Ранней весной» останавливает внимание читателя не эпизодической своей стороной, менее для Горного существенной, а основным для него ощущением не столь далекого, но уже безвозвратного прошлого» (В. — 1932. — 6 окт.). В это же время Г. начал публиковаться в «Числах», а в 1934 при его ближайшем участии в Сан-Франциско был издан лит-ведч. «Калифорнийский альм.», включавший автобиогр. мн. писателей зарубежья и их размышления о критике и лит. процессе рус. рассеяния. В 1937 в Берлине изд-вом «Петрополис» была издана кн. Г. «Только о вещах» — доведенное почти до гротеска, но выдержанное в настроении грустной ностальгии восп. о предметах быта в России. Восторженно встретил эту кн. А.Руманов: «Странная, тревожащая, увлекательная книга... Вещи — воспоминания у него живут, он любит их и оживляет своим горячим чувством... Нет фабулы, нет действия, одни вещи, вещи, вещи... Он горячо любит свой мир и своей любовью все оживляет, все примиряет, все оправдывает и всех утешает. И зовет к Творцу-Утешителю» (ИР. — 1937. — № 16. — С. 7). Архив Г. в РГАЛИ (ф. 2277).

Лит.: Л.Л. Сергей Горный // В. — 1931. — 15 июня.

Пильский П. Сергей Горный. К 20-летию его первой книги // Сегодня. — 1931. — 24 июня.

Пильский П. Рец.: «Ранней весной» // Сегодня. — 1932. — 10 окт.
Борзов Н. Сергей Горный // Калифорнийский альм. — Сан-Франциско, 1934.
Лукаш И. Рец.: «Только о вещах» // В. — 1937. — 10 апр.
Струве Г. Об одном берлинском лит. кружке // НРС. — 1981. — 4 окт.
+РП-1.

В.В.Леонидов

ГО́РЬКИЙ Максим (псевд. Алексея Максимовича Пешкова, 16(28).III.1868, Нижний Новгород — 18.VI.1936, Горки, под Москвой; урна с прахом захоронена в Кремлевской стене) — прозаик, драматург, публицист, обществ. деятель. Начал печататься в 1892 (рассказ «Макар Чудра»), в 1898-99 вышел двухтомник Г. «Очерки и рассказы» (СПб.), ставший лит. событием. Сначала Г. воспринял народнич. идеи, а затем рус. марксизм. С 1905 тесно связан с рев. социал-демократией; как участник рев. событий вынужден эмигрировать (1906-13). В 1910-е определяется своеобразие социал-демократизма Г.: он сближается с неортодоксальными рус. марксистами — «богдановцами», видя в философии коллективизма, идее пролетарской культуры важные стороны «социализма как целостного миропонимания» (Неизв. Горький — М., 1994. — Вып. 3. — С. 26). Ценностные начала для Г. в канун Октября ориентированы на идеи социал-демократии, единства прогрес. сил, но не рев. ломки и взрыва. Это обусловило неприятие им окт. переворота. Г.-социалист выступает в 1917-18 страстным оппонентом большевизма с его опорой на рев. насилие и террор, призывает «взяться за работу всестороннего развития культуры» (Новая жизнь. — 1917. — 18 апр.). Цикл ст. и очерков «Несвоевременные мысли», опубл. в «Новой жизни» (18 апр. 1917 — 11 июня 1918; в июле газ. закрыта распоряжением большевист. правительства), содержит резкие отзывы о «вождях Смольного», «возбуждающих несбыточные, неосуществимые в условиях действительности надежды и инстинкты темной массы», — оно «относится к русскому рабочему, как к хворосту: оно зажигает хворост для того, чтоб попробовать — не загорится ли от русского костра общеевропейская революция» (Новая жизнь. — 1917. — 23 дек.; 1918. — 5 янв.). В 1918-21, расходясь с большевиками в оценке роли интеллигенции в революции, Г. активно сотрудничал с сов. властью в привлечении старой интеллигенции на ее сторону. Деятельность Г., однако, часто вызывала недоверие у представителей высшей сов. власти, особенно когда он защищал людей, подвергшихся репрессиям. По распоряжению Г.Е.Зиновьева (комиссара Сев. обл.) перлюстрировалась переписка Г., в 1920 в квартире писателя в Петрограде (Кронверкский просп., 23, кв. 7) был произведен обыск, после чего он выехал в Москву, чтобы требовать у Ленина прекращения травли. Когда возможности сотрудничества с большевистским правительством оказались исчерпанными, писатель покинул Россию. 16 окт. 1921 выехал из Петрограда в Гельсингфорс, спустя две недели в Берлин. В письмах осени и зимы 1921, взволнованных и мрачных, он писал, что больше с большевиками дела иметь не может и в Россию не вернется. Гл. причиной отъезда за границу была не болезнь, как объяснял он позднее, а резко обострившееся непонимание между ним и представителями высшей власти — Зиновьевым , Каменевым. Г. не получал и поддержки Ленина в своих многочисл. ходатайствах о невинно арестованных. Летом 1921 ЧК затеяло провокационное таганцевское дело, по к-рому было расстреляно без суда и следствия 63 человека, среди них изв. деятели науки и иск-ва (Н.С.Гумилев). Г. ходатайствовал по этому делу, лично обратившись к Ленину (Неизв. Горький. — С. 38-39). Как вспоминал *В.Ф.Ходасевич*, «Горький делал неслыханные усилия, чтобы спасти привлеченных по делу, но его авторитет в Москве был уже равен почти нулю... Слухи о том, что его обвиняют в бездействии, доходили до Горького. Обычно он мало, даже слишком мало считался с общественным мнением... но на этот раз переживал напраслину очень тяжело... Между тем, на него надвигалась еще беда, еще одно поражение — может быть, самое тяжелое из всех, понесенных им в Кремле» (Ходасевич В. Горький // СЗ. — 1940. — № 70; Восп. о Горьком. — М., 1989. — С. 34). Этой бедой стала расправа Кремля над Всерос. к-том помощи голодающим. Он был создан, когда перед реальной угрозой наступления голода

правительство решило обратиться за помощью к заруб. странам. Усилиями Г. к-т объединил видных деятелей старой интеллигенции. В короткий срок к-т привлек средства кооператоров по всей России, установил связи с заграницей. Однако работа его через месяц была приостановлена: почти все члены к-та, кроме Г. и В.Н.Фигнер, были арестованы. В знак протеста писатель заявил о своем выходе из к-та, ставшего официально-правительственным. Ходасевич, близко наблюдавший Г. в это время, писал: «Его стыду и досаде не было границ. Встретив Каменева в кремлевской столовой, он сказал ему со слезами: — Вы сделали меня провокатором. Этого со мной еще не случалось» (там же. — С. 35). Скорый отъезд за границу стал необходимым, т.к. писатель с горечью чувствовал свою ненужность и бессилие.

Первонач. Г. связывал сроки своего пребывания за границей с лечением и намеревался, как об этом упомянуто в письме к Ленину от 8.X.1921, вернуться в конце марта (см.: В.И.Ленин и А.М.Горький. — М., 1969. — С. 215). Однако происходящее в сов. России явно и все глубже отторгало его от возможности возвращения. В письмах кон. 1921 и затем 1922 он заявляет о том, что не вернется на родину. Тем не менее эмигр. бытие писателя было по сути отличным от того «внутреннего эмигрирования», по определению *Ф.А.Степуна*, к-рое стало «печальной судьбой не обывательского бездушия, а настоящих творческих душ» (Лит-ра рус. зарубежья. Антология. — М., 1990. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 300). Для Г. оказались невозможными встречи с теми почти друзьями в прошлом, как, например, *И.Бунин*, кто действительно был убежден в «безумии коммунистического творчества» (там же. — С. 299). С 4 дек. 1921 до 3 апр. 1922 Г. лечился в Шварцвальде (в санатории курорта Санкт-Блазиен), с начала апр. и до кон. мая жил в Берлине, в кон. мая или нач. июня переехал в санаторий Герингсдорфа; с 25 сент. лечился в Саарове, в июне 1923 переселился в местечко Гюнтерсталь, ок. Фрейбурга, откуда в нояб. выехал в Берлин, а затем в Прагу. Прибыв туда 27 нояб., Г. 6 дек. направляется на курорт Мариенбад, где лечится до нач. апр. 1924. В начале апр. через Прагу и Вену писатель направляется в Италию. Остановившись на две недели в Неаполе, Г. 23 апр. перебирается в Сорренто (близ Неаполя), где живет почти все время, до 20 мая 1928, когда впервые едет в Сов. Союз.

Эволюция Г. от неприятия большевист. режима к его оправданию была вполне закономерна, к ней привели не только внешние толчки (материально жизнь писателя питалась теми щедрыми актами, к-рые весьма расчетливо предприняло сов. правительство, организовав издание его соч. сначала за рубежом — в Берлине, в изд-ве «Книга», а затем в Госиздате), но и сами основы его мировосприятия: понимание творчества как преобразования природы, писателя как человека-творца. Поверив в большевиков как строителей нового — пусть и идущих жестокими путями насилия, принуждения, он связал себя с их «станом». Вместе с тем, когда Г. узнал о составл. Н.К.Крупской списке книг, подлежащих изъятию из б-к (Инструкция о пересмотре книжного состава б-к к изъятию контррев. и антихудож. лит-ры. — М., 1923), в к-ром находились классики рус. и мировой словесности, Г. хотел выйти из сов. подданства (*Берберова Н*. Железная женщина // Дружба народов. — 1989. — № 10. — С. 173). Существ. сдвиги за период 20-х произошли и в позиции писателя по отношению к интеллигенции: если в нач. рев. лет он признавал значит. роль интеллигенции в процессе развития рус. культуры и подготовке революции, с чем связана его самоотверженная позиция защиты интеллигентов от репрессий, то в кон. 20-х он беспощаден к рус. эмиграции: о «старых гуманистах» пишет с презрением и злобой, задетый неприятием своих воззрений со стороны эмиграции, ее выступлениями против себя.

О серьезности и эмоц. резкости оппозиции Г. Советам в сер. 1922 свидетельствовал В.Ходасевич в восп., этим объясняя даже нежелание Г. участвовать в сменовеховском процессе — печататься в газ. «Накануне»: «По отношению к советскому правительству он оказался настроен еще менее сочувственно, чем я. Подробно расспрашивая о петербугских писателях, преимущественно о молодежи, чуть ли не по поводу каждого прибавлял: «Эх, хорошо бы его сюда вызволить!». В сент. (1922), когда Каменев и Зиновьев разгромили лит. орг-ции Москвы и Петербурга и устроили знаменитую высылку писателей за границу, он сказал, что, конечно, высланным здесь будет

лучше, но Каменева и Зиновьева ругал последними словами. И вдруг прибавил, что было бы хорошо, если бы я написал об этом, попутно упомянув о провокации Зиновьева в Кронштадтской истории. На мой удивленный вопрос — где же написать? — от ответил: «Да хотя бы в «Голосе России». Бездарная газета, но порядочная»... Так, под прямым воздействием Горького, началось мое, сперва тайное, под псевдонимом, участие в эмигрантской печати» (Ходасевич В. Восп. о Горьком. — С. 35-36). Изд. планы и начинания писателя в годы его зарубежья определялись стремлением сохранить независимую позицию, не теряя при этом связей с сов. прессой. Однако в осуществлении этой цели были драматич. моменты. В 1922, после введения в России общей цензуры и закрытия частных изд-в, Г. поддержал идею орг-ции свободного журн., издаваемого за границей и распространяемого в сов. России — в то время правительство допускало ввоз печатной продукции из-за рубежа. Так состоялся журн. «Беседа» (Берлин, 1923-25. — № 1-7), где Г. печатал свои новые произ. «Отшельник», «Из дневника», «Люди наедине сами с собой», «Рассказ о безответной любви», «Карамора». Но сов. цензура в лице «Международной книги» (учреждения в Берлине, ведавшего книготорговлей) не допускала журн. в Россию, несмотря на отчаянные хлопоты Г. Тогда он написал в Москву, что не будет сотрудничать в сов. изд., пока «Беседу» не пропустят в России. Г. снял это запрещение только для очерка, посв. смерти Ленина. Г. передавались сообщения о допущении журн. в мае и июне 1924, но они оказались ложными: сов. правительство последовательно вело политику удушения как свободной прессы, так и частного книгоизд-ва.

В нач. 1924 в Ленинграде предпринимается еще одна попытка создания независимого журн. («Рус. современник»), возглавляемого А.Н.Тихоновым. Г. поддержал его: в нем с цензурн. сокр. напечатан очерк о Ленине, появляются только что созд. очерки и рассказы: «О С.А.Толстой», «Испытатели», «Смешное», «Садовник», «Законник», «А.А.Блок», «Анекдот» — позднее объединенные (в числе др. произв.) в кн. «Заметки из дневника. Восп.» (Берлин, 1924). Но и этот журн. скоро был прекращен цензурой (вышло 4 кн.). Тем не менее участие Г. и в том, и в др. — принципиально важно, оно отвечало его лит. программе периода 1921-24. Г. отстаивал невмешательство в политику как гарантию «общечеловеческого», «общезначимого» в иск-ве. Таково гл. положение его ст. «Призвание писателя и рус. лит-ра нашего времени», написанной в 1923 для публикации в Англии, но появившейся в кон. 1924 в венгерск. прессе (впервые на рус. яз. в кн.: Горький и его эпоха: Иссл. и мат-лы. — М., 1989. — Вып. 2. — С. 3-15). Отношение Г. к европ. лит-ре, его взгляды на совр. культуру в целом занимают большое место в переписке с Р.Ролланом, А.Франсом, Г.Уэллсом. Бурное обсуждение и в Сов. Союзе, и в рус. эмиграции вызвала брошюра «О рус. крестьянстве» (Берлин, 1922), В ней, как и в ст. «The intelligentsia and revolution» (Manchester guardian commercial. — 1922. — № 4. — Прилож.; на рус. яз.: Интеллигенция и революция // Правда. — 1991. — 25 февр.), Г. высказал свое понимание рус. революции, ее неизбежности, трагизма. Антикрестьянство Г., сложность его воззрений на рус. нац. характер нашли публицистически яркое выражение в брошюре.

Самое острое политич. выступление Г. периода зарубежья — протест в открытых письмах А.И.Рыкову и А.Франсу 1 июля 1922 против процесса над эсерами: вынесение им смертного приговора писатель называет политич. преступлением, предупреждая о моральной блокаде России (Русский Берлин. — С. 345). Здесь узнается пафос «Несвоевр. мыслей». В янв. 1922 в письме Е.П.Пешковой Г. сообщал: «Пишу книгу «Среди интеллигенции», часть ее — о В.Г.Короленко». В 1922 Г. работал над пов. о своей юности, позднее озаглавл. «Мои унты» (Берлин, 1923), и примыкающими к ней рассказами — «Сторож». «Время Короленко», «О вреде философии», «О первой любви», к-рые должны были продолжить худож. автобиографию писателя. Произв., переходным от первого периода зарубежья ко второму, когда стала определяться неизбежность возвращения Г. на родину, причем уже не как «блудного сына», явился очерк «В.И.Ленин» (1924), вызванный смертью вождя и переработ. позднее «по совету» Н.К.Крупской.

В окт. 1924 закончен ром. «Дело Артамоновых», а в марте 1925 начата работа

над «Жизнью Клима Самгина». Писатель, надеясь скоро завершить «хронику» сорока лет рус. жизни, был вполне готов вернуться на родину. Одно из свидетельств тому — ст. «Десять лет» (1927), где Г. из своего «прекрасного далека» воспевал десятилетие соц. преображения жизни, зная о нем только из прессы и по рассказам гостей из России, принимая желаемое за реальное. Положит. и даже восхищенные отзывы при чтении первого тома «Жизни Клима Самгина», вышедшего в 1927, касались пластич. выразительности ист. картин (Ходынки, Нижегор. ярмарки). Здесь в высшей степени проявились свойства таланта Г. — богатство жизн. наблюдений, колоссальная память художника-реалиста, мастерство психологич. анализа, однако настораживал отпечаток негативного отношения к интеллигенции, проступающий в изображении гл. героя.

Весной 1928 Г. начал поездки в СССР. 17 мая 1933 переехал в Сов.Союз окончательно. Работал над ром. «Жизнь Клима Самгина» (1925-36. — Ч. 1-4; незаконч.) опубл. пьесы «Егор Булычев и др.» (Берлин, 1932), «Достигаев и др.» (М., 1933), «Васса Железнова» (М., 1936; 2-я ред.), а также очерки, лит. портреты, критич. ст., участвовал в создании новых журн., оргции Союза писателей. Современники, в частности, Р.Роллан, отмечали невысказанную Г. неудовлетворенность своей обширной лит.-обществ. деятельностью и творчеством, скованными общими условиями несвободы.

Изд.: Полн собр. соч.: Худож. произв.: В 25 т. — М., 1968-1976.
Письма М.Горького к В.Ф.Ходасевичу // НЖ. — 1952. — № 29-31.
Три письма Горького (Ремизову А.) // Грани. — 1955. — № 25.
Летопись жизни и творчества Г.: В 4-х вып. — М., 1958-1960. — Вып. 3. 1917-1929. — М., 1959.
Архив А.М.Горького. — М., 1960-1966. — Т. 8. Переписка А.М.Горького с зарубеж. литераторами. — М., 1960; Т. 9. А.М.Горький. Письма к Е.П.Пешковой, 1906-1932. — М., 1966; Т. 10. М.Горький и сов. печать: В 2-х кн. — М., 1964-1965; Т. 11. Переписка А.М.Горького с И.А.Груздевым. — М., 1966.
Горький и сов. писатели: Неизд. переписка // ЛН. — 1963. — Т. 70.
М.Горький и Ф.А.Степун. Переписка // De visu. — 1993. — № 3.

Лит.: Дюшен Б. М.Горький и рус. крестьянство // Накануне. Лит. прилож. — 1922. — 1 окт.
Белый А. К юбилею Максима Горького // Новая рус. кн. — 1922. — № 8.
Ященко А.С. Горький о рус. народе // Новая рус. кн. — 1922. — № 8.
Степун Ф.А. Рец.: «Мои ун-ты» // СЗ. — 1923. — № 17.
Лутохин Д.А. Рец.: «Зап. из дневника: Восп.» // Воля России. — 1924. — № 6/7.
Кускова Е.Д. Обескрыленный сокол: (К 35-летию работы М.Горького // СЗ. — 1928. — № 36.
Груздев И. Совр. Запад о Горьком: Мат-лы к вопр. об оценке Горького в иностр. лит. — Л., 1930.
Даманская А. Горький и «Всемирная лит-ра» // ПН. — 1936. — 25 июня.
Замятин Е.И. М.Горький // Замятин Е.И. Лица. — Нью-Йорк, 1955; переизд.: Избр. произв.: В 2-х т. — М., 1990. — Т. 2.
Аронсон Г. Максим Горький в эмиграции // Аронсон Г. Россия в эпоху революции: Ист. этюды и мат-лы. — Нью-Йорк, 1966.
Берберова Н. Железная женщина. — М., 1991.
Уайл И. Максим Горький: Взгляд из Америки. — М., 1993.
Примочкина Н. Писатель и власть: М.Горький в лит. движении 20-х годов. — М., 1996.
+Анненков; Берберова; Бунин; РП-1; Русский Берлин; Ходасевич.

И.А.Ревякина

ГОРЯ́НСКИЙ Валентин Иванович (наст. фам. Иванов; 24.III(5.IV)1887, Петербург — 4.VI.1949, Париж) — поэт, драматург, сатирик. Внебрачный сын художника Э.А.Сулиман-Грудзинского. Мать А.А.Александрова-Гурьева, вологодская мещанка; крестный отец — писатель И.Л.Леонтьев-Щеглов, в доме к-рого прошло детство Г. В 1901-02 учился во 2-й петерб. г-зии, затем в агрономич. школе, к-рую не закончил. Юность Г.

прошла в обстановке крайней бедности: давал частные уроки, жил на случайные заработки. Стихи писал с 6 лет. Первая публ. в журн. «Рус. паломник» (1903. — № 19). С 1906 был пост. сотр. петерб. газ. «Слово» (первое стих., подписанное псевд. Горянский — 1906, 19 нояб.). Г. печатался также в журн. «Солнце России», «Аргус», «Всемирная панорама», «Нива», «Пробуждение», «Златоцвет» и др. Осн. мотив ранних произв. — романтика рев. подвига и поиски правды, проповедь «малых дел» и «маленьких» людей.

С 1913 Г. стал одним из поэтич. лидеров в сатирич. еженед. «Сатирикон» (с 1914 — «Новый Сатирикон»), где систематически печатал цикл сатир «Мещанские скорби» и бытовые юморески. Выступая под маской простака, он высмеивал обыват. мирок с его горестями и радостями в «лиро-сатирах», окрашенных иронич. усмешкой. В 1913-14 Г. жил в Москве, добровольцем ушел на фронт, откуда вернулся убежденным пацифистом («Извещение о том, что было» // Летопись. — 1917. — № 5-6). Поселившись вновь в Петербурге, Г. сближается с демокр. лит. кругами, знакомится с *М.Горьким*, В.Маяковским, С.Есениным, Н.Клюевым. В «Новом Сатириконе» печатает сатиры, разоблачающие власть банкира и «адище» города, предвосхищая тематику сатириконских «гимнов» Маяковского. Меняется поэтика Г.: от лирич. пейзажных зарисовок и «деревенских» стих. он переходит к социальной сатире. В 1915 вышел первый сб. Г. «Крылом по земле», составл. из лирич. стих. о городе и его мещанских предместиях.

Во второй кн. Г. «Мои дураки» (Пг., 1916) объединены сатирич. миниатюры, опубл. в «Новом Сатириконе». Н.Константинов писал о ней: «Стыдно г.Горянскому так не уважать данного ему Богом дарования, так разменивать его на уличную вульгарную дешевку» (Журнал журналов. — 1916. — № 6. — С. 5). В предрев. годы Г. все чаще обращается к свободному стиху, сохраняя, впрочем, классич. четверостишие и правильную рифму. Формальные поиски сближают его с футуристами (гл. обр. с Маяковским). Надвигающаяся революция пугает поэта, заставляя мечтать об участии «скворца, наделенного застрахованной от огня скворешней». Идеал Г. — кристально чистый «город зеленых крыш», куда запрещено входить политикам и героям.

Свержение самодержавия Г. восторженно приветствовал (стих. «26 февраля» в альм. «Революция в Петрограде». — Пг., 1917). Окт. революцию не принял. С 28 сент. 1917 в Троицком т-ре Петрограда шла его одноактная пьеса «Поэт и пролетарий», где гл. роль играла «картонная фигура символического «пролетария», грозящая задавить поэзию» (Театр и искусство. — 1917. — № 41. — С. 710).

В кон. июля 1918 Г. с семьей уехал в Одессу, где сотрудничал в газ. «Одесские новости», а в 1920 на корабле «Габсбург» эмигрировал в Константинополь. А.И.Елина, вдова писателя, вспоминала: «Неотвратимая судьба щедро вместила все: бедственное детство, опыты худож. преодолений, эпохи войн и революций, тридцатилетнее странствие в «пустыне», могилу сына среди кипарисов античного кладбища Принцевых островов, горестный холм в Загребе, где осталась мать...» (Архив В.Горянского. Москва). Первые эмигр. впечатления Г. отразились в поэме «Вехи огненные» (Зарницы. — Константинополь, 1921. — № 17).

С 1922 по 1926 Г. жил в Хорватии, работал в журн. «Младость», издал. неск. кн. сказок и дет. рассказов в изд-ве «Вернича». На сербохорватск. яз. вышли юмористич. ром. «Необычайные приключения Боба» (1926; на рус. яз. в 1927 в Париже) и кн. «Приключения под абрикосом» (1926). В рижск. журн. «Юный читатель» и хорватск. «Младость» в 1926 печатались сказки «Волшебные башмачки», «Перепутанные души», «Непрошенные гости», «Сказка о добром короле, волшебнице и каруселях». Полные веселой выдумки и сказочной фантастики, это были произв. для взрослых и для детей. Развивая жанр сказки, столь характерный для лит-ры рус. зарубежья («Солдатские сказки» *Саши Черного*, сказки *А.Ремизова*, *Б.Зайцева* и др.), Г. выступает в роли доброго волшебника, пытающегося озарить эмигр. будни светом вымысла.

С 1926 Г. поселился в Париже, сотрудничал в газ. «ПН», но после ссоры с П.Милюковым ушел в «В», где систематически печатал маленькие фельетоны в стихах и прозе. Это были зарисовки эмигр. жизни, лирич. миниатюры, обращения к собратьям-писателям, но чаще всего — сатира на

злобу дня. В них остроумно и метко высмеивались как сов. политич. и обществ. деятели, так и «братишки-эмигранты». В 1930-х мишенью Г. часто был Сталин и его ближайшее окружение («Мироеду Сталину», «Сталинский волосок». «Тов. Сталину», «Подохни сам!» и др.). Поэт предсказывал близкое падение сталинского режима, опутавшего страну сетью ежовщины («Время близится»). Злая ирония сочетается в этих фельетонах с гневом и болью, превращая их в политич. памфлеты. Не менее часто Г. пользуется жанром басни, прежде ему не свойственным («Орел и Лисица», «Лягушка и комары», «Волк и Медведь», «Басня о Прыще» и др.).

В 1931 Г. сотрудничал в парижск. «Сатириконе», где опубл. цикл пародийных «Рассказов господина Тощенко». Скрывшись за лиро-сатирич. маской «маленького» человека, он повествует о жизни рос. эмиграции и остроумно пародирует сказ Зощенко. Его герои тоже являются носителями определ. типа сознания, их колоритные образы создаются с помощью нар. этимологии, просторечия улицы, нарушения синтаксич. конструкций. В газ. «В» в 1936-40 печатал циклы стихов: «Неопалимая Купина», «В той стране, которой нет» и «Эмигрантский быт». Разбросанные по разл. периодич. изд. 1927-40, они до сих пор не собраны. Это стихи об эмиграции и старой России, к-рую автор видит в туманной дымке петерб. зорь и закатов, в вихрях ледяного ветра, развеявшего мечты рос. интеллигенции. Обозревая крестный путь эмиграции, поэт пытается ответить на вопрос: «Кем же, кем, проклятый начат круг сомнений и разлук?». Цикл «В той стране, которой нет» воскрешает милую сердцу поэта страну прошлого — «кондовую» Русь с ее прочным мещанским бытом. Г. заклинает: «Да будет снова все, что было!». Герой этой кн. — Хозяин и его вещи. Обыват. мир не вызывает более иронич. осуждения Г. Он любовно живописует предметы дом. обихода: крутобокий самовар, кованый сундук. узорную скатерть. Понимая, что рос. быт ушел безвозвратно, он создает идиллию мещанского счастья в вымышл. стране. Герои кн. «Эмигрантский быт» — ничем не примечательные рос. обыватели Марья Иванна и Иван Иваныч, живущие в эмиграции трудно и голодно. Эти стих., как и эмигр. рассказы Г., окрашены нотами ностальгии. В его творчестве 1930-х все больше места занимают сказки и фантастич. рассказы, развивающие традиции Гофмана («Чудесные похождения сверчка Цитрилли», «Таинственная потеря падишаха», «Кот Фру-Фру и прекрасная лунатичка», «Цыплята мадам Лили», «Искусств. лошадь» и др.). Маска простака, свойств. дорев. Г., сменяется маской «злодея» — Жана Мизантропа.

Гротеск — характерная черта творчества Г. последнего десятилетия жизни. По мотивам гоголевского «Ревизора» в 1936-40 он написал комедию «Лабардан» (В. — 1959. — № 94-95). Замысел ее раскрывается в словах Настоящего Ревизора, озабоченного тем, чтобы «обследовать эмиграцию и определить достойных возвращения на родину». В число достойных не попадают ни «первая особа эмиграции» Сквозник-Дмухановский, ни журналисты Добчинский и Бобчинский, представляющие газ. «ПН» и «В», ни Шпекин, Ляпкин-Тяпкин и Хлопов, продающие секреты эмиграции. В финале комедии Г. устраивает «баню» ненасытным пожирателям «лабардана», «возмужавшим в мерзости». Драматич. поэма Г. «Танцовщик и разбойники» (Мир танца. — 1996. — № 1) написана в 1943 в дни оккупации немцами Парижа. Прообразом гл. героя послужил солист Парижской оперы, балетмейстер и теоретик т-ра С.Лифарь. В поэме развивается мысль о роли чистого иск-ва в обыденной человеч. жизни, о несовместимости правды вымысла и правды действительности. Рассуждения Г. о природе романтизма, реализма и натурализма переводят поэму в жанр филос. трактата. В этот период в его творчестве все большую роль играют религ. мотивы, что отразилось в поэме «Смерть ангелов» и сб. «Обращенная Харита» (не опубликованы).

В годы второй мировой войны Г. пережил неск. трагедий: расстрел сыновей, один из к-рых чудом остался жив, собств. слепоту. Он записал: «Полная слепота и безвыходное восьмилетнее сидение на одном стуле в великой печали и ужасном одиночестве, в голоде и холоде, когда мир был отделен от меня глухой стеной» (Архив В.Горянского). В 1944 удачная операция вернула ему зрение, однако колорит его поздних произв. мрачен. Свою земную судьбу он изображает как путь во тьме и

грехе. Поэт томится «мукой грозной — сверженьем совести моей» («Искушение»), он сетует на несоответствие сил «великих зла и сил добра ничтожных». В эмиграции он чувствовал себя одиноким: ему не могли простить ни желчных стихов о П.Милюкове и *Дон Аминадо* (В. — 1938. — 18 и 25 февр.), ни эпизодич. участия в «Парижском вест.» — единств. рус. газ., издаваемой в Париже при немцах. Пути на родину были отрезаны после цикла сатир о Сталине.

Итоговые произв. Г. — октавы «Невская симфония» (написана в 1948; В. — 1956. — № 54, 55) и ром. в стихах «Парфандр и Глафира» (написан в 1949; Париж, 1956) опубл. после его смерти. В первом из них воскресает дорев. Петербург, увековеч. в прозрачном и чистом пушкинском стихе. Называя город «обителью» своей души, поэт верит, что невская живительная струя поможет ему «обмыть сердечное бесчестье». «Невская симфония» оканчивается славословием великому граду Петра и призывом к его грядущему обновлению. В ром. «Парфандр и Глафира», тоже написанном классич. пушкинским стихом, Г. повествует о безответной любви «философа мыльных пузырей» Парфандра к прекрасной вдовушке купца Глафире. Как и история рос. либеральной интеллигенции, стремившейся дать счастье России, история этой любви кончается трагически: Глафира оказывается в объятиях затянутого в черную кожу брандмейстера Гросса, напоминающего большевист. комиссара. Он безжалостно разрушает уютный прочный дом своей возлюбленной, в пламени пожара погибает устоявшийся мещанский мир. Поток иносказаний в ром. многозначен. Трагикомич. фигура Парфандра выступает то в роли Фауста, то романтич. Пьеро, то смешного «раба безрассудной химеры». Лирич. отступления свидетельствуют о близости самого поэта и его «лиро-сатирич.» героя.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2674; ОР ИРЛИ. Ф.770; Париж (в семье сына А.И.Иванова), Москва (архив Л.А.Евстигнеевой).

Изд.: Поэты «Сатирикона». — М.; Л., 1966. Рассказы господина Тощенко // ВЛ. — 1995. — № 6.

Лит.: Поэт рус. контрреволюции // Новое слово. — Берлин, 1941. — 12 окт. Без подписи.

Евстигнеева Л. Журн. «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. — М., 1968.

Спиридонова (Евстигнеева) Л. Рус. сатирич. лит-ра нач. XX в. — М., 1977.

+РП-1.

Л.А.Спиридонова

ГО́ФМАН Модест Людвигович (16(28).VI.1887, Петербург — 6.III.1959, Париж) — поэт, историк лит-ры, пушкинист. После окончания 1-го кадетского корпуса (1905) читал лекции по истории рус. лит-ры на учит. с.-х. курсах Барташевича; окончил Петерб. ун-т (1910). Увлекался символизмом, поддерживал дружеские отношения с А.Блоком. С.Городецким, *А.Ремизовым*, сблизился с *Вяч. Ивановым* и был завсегдатаем его «сред» на «башне» (о чем впоследствии рассказал в очерке «Петербургские восп.» // НЖ. — 1955. — № 43). Выступил со сб. стихов «Кольцо. Тихие песни скорби» (СПб., 1907) и «Гимны и оды» (СПб., 1910), а также под его ред. вышла «Книга о рус. поэтах последнего десятилетия» (СПб.; М., 1907). Г. всецело посвящает себя изучению пушкинского периода лит-ры. Редактирует в 1914-15 Полн. собр. соч. Е.А.Баратынского (Пг.). С 1920 Г. — сотр. Пушкинского дома Рос. Акад. наук; по его поручению выехал в 1922 в Париж. Цель науч. командировки была связана с передачей фондов музея А.Ф.Онегина в Россию, а также с приобретением иных пушкинских реликвий. «Полномочный представитель» Акад. наук «с очень большими трудностями добрался до Парижа в сентябре 1922 года» («Существует ли неизд. дневник Пушкина?» // НЖ. — 1955. — № 43. — С. 256). Однако сов. власть не выделила Акад. наук необходимых средств, и частично «пушкинские сокровища» были потеряны для России, оказавшись в амер. частных коллекциях. В марте 1923 в Париж к Г. выехала жена с детьми; в связи с тем, что возвращение Г. сильно затянулось, «советчики» лишили его, по восп. ученого, «всех чинов, орденов и званий, запретили в печати упоминать мое имя, отняли у моей жены мою казен-

ную академическую квартиру, всячески поносили меня», так что приходилось часто читать «длиннейшие цитаты и перепечатки из моих работ, но никогда не встречать своего имени» (там же. — С. 262).

К 1925 Г. окончательно перешел на эмигр. положение, и тем не менее считал себя «морально обязанным» помочь Акад. наук России, различая «русскую науку и советское правительство: советская власть одно и преходяща, а Академия Наук (как бы она ни называлась) и наука — другое и непреходящее» (там же. — С. 263). Благодаря посредничеству Г. музей Онегина оказался в Пушкинском доме при минимальных затратах. Дубликаты кн. из б-ки Онегина Г. передал Ин-ту вост. яз. в Париже. В благодарность за это франц. посол в России помог вывезти собств. б-ку Г., насчитывавшую «около шести тысяч томов, в том числе многие первые издания XVIII и начала XIX века и большую пушкиниану» (там же. — С. 263). Эта книжная коллекция также была передана Г. в дар Ин-ту вост. яз. Сорбонны, где Г. читал курс лекций по рус. лит-ре.

Специализацией для Г. всегда оставалась пушкинистика. В 1928 в Париже вышла кн. «Пушкин. Психология творчества» — вторая кн. о Пушкине: первая была издана в Петрограде в 1922 («Пушкин. Первая глава науки о Пушкине»). Гл. приоритетом для Г. было установление канонич. авт. текста; его отношение к правке Пушкиным рукописей и основанное на скрупулезной текстологии последующее истолкование произв. поэта нередко становилось предметом полемики в науч. среде (Томашевский Б. Изд. стихотв. текстов // ЛН. — 1934. — Т. 16-18). В 20-е Г. занимается разл. аспектами жизни и творчества Пушкина — разбирает его неосуществл. замыслы («Клеопатра» и «Египетские ночи» // СЗ. — 1922. — № 13), комментирует «Неизд. рукоп. Пушкина из тр. Пушкинского Дома при Рос. Акад. наук» (Окно. — 1924. — № 3), обращается к страницам биографии поэта («Еще о смерти Пушкина» // На чужой стороне. — 1925. — № 11). В Изд-ве Гржебина выходят снабженные научн. аппаратом подготовленные Г. соч. Г.Р.Державина (Берлин, 1922) и Е.А.Баратынского (Берлин, 1923). Интересы Г. не ограничивались только Пушкиным — его работы посвящены Карамзину, Жуковскому, И.Киреевскому и С.Шевыреву, Тютчеву и Лермонтову, Тургеневу и Достоевскому. Печатался в газ. «Руль». 100-летие со дня гибели Пушкина, широко отмечавшееся как в России, так и в эмиграции, подчиняет себе лит-ведч. штудии Г.

В Париже в 1937 были изданы С.Лифарем подготовленные Г. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.» (1935), «Египетские ночи» (1935), «Письма Пушкина к Н.Н.Гончаровой» (2-е юбил. изд. (1936), «Евгений Онегин» (1937), а также кн. Г. «Пушкин — Дон Жуан» (Париж, 1935). Пушкинской комиссией, в к-рую входил и Г., был выпущен доп. том «Соч.» Пушкина. В юбилейном номере журн. «ИР» (1937) Г. опубл. ст. «Новый автограф Пушкина» и «Дуэль и смерть Пушкина», а также отчет о юбилейной выставке в Париже.

В фигуре Г. — рус. ученого с нем. кровью, чья молодость прошла среди деятелей Серебряного века рус. лит-ры, а зрелые годы были поглощены иссл. ее Золотого века, — эмиграция как бы обрела необходимую связь с рус. культурой, рус. словом и словесностью. В послевоен. время Г. печатался в «НЖ», «Гранях» и гл. об. в «В», где наряду с небольшими заметками и сообщениями помещает и крупные историко-лит. работы («Жизнь и творчество Ф.М.Достоевского» // Грани. — 1956. — № 29; «Драма Пушкина» // В. — 1957. — № 62, 69, 72; «Проблема сумасшествия в творчестве Пушкина» // НЖ. — 1957. — № 51; «Рус. лит-ра в эмиграции» // В. — 1957. — № 70). Научн. работы, а также подготовленные Г. публ. и изд. рецензировались в эмигр. печати. в частности Г.Розинским, В.Родзевичем, *П.Бицилли*, Н.Кульманом.

Лит.: Айхенвальд Ю. Рец.: «Пушкинский музей А.Ф.Онегина в Париже» // Сегодня. — 1927. — 9 апр.

Айхенвальд Ю. Рец.: «Пушкин. Психология творчества» // Руль. — 1928. — 20 июня.

Дашков Н. (Вейдле В.) Рец.: «Пушкин. Психология творчества» // В. — 1928. — 2 авг.

Горская А.А. (Гривцова) М.Л.Гофман — пушкиновед // В. — 1963. — № 140.

+РП-2.

Т.В.Марченко

ГРЕБЕНЩИКО́В Георгий Дмитриевич (псевд.: Сибиряк; 23.III(4.IV).1882. ранее ошибочно считалось 24.IV (6.V).1883, с.Николаевский Рудник, Томская губ. — 11.I.1964, Лейкленд, шт. Флорида, США) — прозаик, драматург, публицист, переводчик. Из семьи бедного сиб. горнорабочего. Начал учиться в местной школе, но не закончил: не в чем было ходить в школу. Мать — Елена Петровна, казачка из Убинского форпоста на Иртыше. Первые дет. стихи стал сочинять в девятилетнем возрасте прямо на пашне. Самообразование Г. продолжил в Семипалатинске, куда был послан с обозом и где тайно от отца нашел место ученика у мастера по изготовлению штемпелей. Затем работал в аптеке, в гор. больнице, письмоводителем у мирового судьи П.Е.Цвилинского, к-рого называет своим первым учителем жизни и первым воспитателем. Г. записывал жизн. ситуации тысяч людей с их горестями и докуками. Как-то один прокурор, увлекшись чтением составленного Г. следств. дела, воскликнул: «Послушайте, да это же роман, ваш письмоводитель — беллетрист!» В 1902 Г. — пом. нотариуса в Семипалатинске, в 1905 — солдат, но в боевых действиях не участвовал. В 1906 стал частным поверенным для неподсудных Окружному суду судебных дел в Семипалатинске и в свободное время писал. Начал печататься в 1906. В 1907 в Петербурге в «Биржевых вед.» публиковал очерки о Сибири. В 1908 написал пьесу «Сын народа», поставил в т-ре Усть-Каменогорска, затем в Семипалатинске и в Омске, стал ред. газ. «Омское слово», привлек к участию в газ. Г.Н.Потанина, по совету к-рого в 1909 поступил в Томский ун-т. Будучи ред. ун-тского журн. «Молодая Сибирь», участвовал в орг-ции журн. «Сиб. новь» (1910). В 1910-11 предпринял экспедиции по Алтаю, собрал этногр. мат-л, опубл. науч. труд «Река Уба и убинские люди» (Барнаул. — Б.г.). В 1912-13 — гл. ред. газ. «Жизнь Алтая» (Барнаул), где вел также лит. отд. В том же году журн. «Современник» печатает первую пов. Г. «В полях». В кон. 1913 в Петербурге Г. выпустил сб. рассказов «В просторах Сибири», а в 1914 — второй том той же кн. В 1915 добровольцем ушел на фронт. Как командир санитарного обоза спец. Сиб. транспорта для передовых позиций воевал в Карпатах, с наступлением революции заведовал санитарной частью 11-й армии. В петрогр. изд-ве «Огни» вышли его кн. «Змей Горыныч» (1916) и «Степь да небо» (1917). Г. вместе с остатками армии уходит в Крым, где остается до кон. 1920. В Одессе вышли кн. «Волчья жизнь» (1918), пов. «Любава» (1919). В нояб. 1920 покинул Крым и через Константинополь и Египет приехал в Париж. В журн. «СЗ» (1921-22. — № 5-10) опубл. гл. ром. Г. «Чураевы». В Париже он знакомится с Н.К.Рерихом, к-рый принял живейшее участие в судьбе писателя. Они разработали совм. планы по культурному строительству в Сибири и на Алтае. В Париже вышло Собр. соч. Г. в 6-ти т. (1922-1923), рассказы для детей «В нек-ром царстве» (1921), рассказы о кон. войны «Путь человеческий» (1922). Переехав в 1924, по совету Рериха, в США, Г. включился в работу друзей Музея Н.К.Рериха в Нью-Йорке, участвовал в орг-ции изд-ва «Алатас» (Белый камень), сначала в Нью-Йорке, затем в Саутбери, шт. Коннектикут, где был опубл. его ром. «Былина о Микуле Буяновиче» (1924). В США Г., читая курс лекций под общим назв. «Сибирь — Америка», организовал Об-во друзей Сибири, опубл. публицистич. ст. и мат-лы, направ. на сближение культурных и торг. интересов двух народов. В 1925-26 в Нью-Йорке выходят первые три тома (из двенадцати задуманных) эпопеи «Чураевы». *Н.Рубакин* сообщил Г., что К-т интеллект. кооперации при Лиге Наций в Швейцарии признал эти кн. выдающимися трудами и включил их в список рекомендуемой лит-ры. При жизни Г. всего вышло семь томов эпопеи: т. 1 — «Братья»; т. 2 — «Спуск в долину»; т. 3 — «Веление земли»; т. 4 — «Трубный глас» (1927); т. 5 — «Сто племен с единым» (1927); т. 6 — «Океан багряный» (1937); т. 7 — «Лобзание змия» (1952). Готовился в 1952 т. 8 — «Пляска во пламени», но из-за болезни писателя издан не был. Остальные книги: т. 9 — «В рабстве у раба последнего»; т. 10 — «Суд Божий»; т. 11 — «Идите львами»; т. 12 — «Построение храма» — вероятнее всего, существовали только в планах и черновых набросках. В 1925 Г. поселился в шт. Коннектикут на реке Помпераг, где заложил рус. скит, к-рый по плану, разработ. совм. с Рерихом, должен был превратиться в деревню-сад Чураевку — трудовой и культурный центр. Совм. с изд-вом «Алатас» Чураевка должна была

стать прообразом будущего культурного центра в горах Алтая. Как говорил сам Г., «с интеллигенческой проблемой «что делать?» должно быть покончено», «чтобы многое, что будет давать миру в книге «Алатас», как-то претворялось бы в жизнь и слово превращалось бы в дело» (Архив Г.). Свои идеи о Чураевке Г. изложил в кн. «Гонец; Письма с Помперага. (Первая помощь человеку)» (Southbury, 1928). В изд-ве «Алатас» вышли кн. Г.: «Купава: (Ром. одного художника)» (Southbury, 1936), «Радонега: Сказание о св. Сергии» (Southbury, 1938); «Златоглав: Стихи» (Southbury, 1939). Преподавал в колледже в Лейкленде. Печатался в журн. «Зарница», «Перезвоны», «Жар-птица», «Грани», «Вольная Сибирь», «Родная старина», «НЖ», «Новоселье», «Лит. современник». В автобиографии Г. писал: «Я всегда чувствовал себя не подготовленным к такой ответственной роли, как роли писателя. Да и сейчас нахожу, что произошло какое-то большое недоразумение: не по притворству говорю, что писателем себя и теперь стыжусь считать. Но писал и хотел бы писать дальше с единственной и главной целью — разрушить пагубный пессимизм российской литературы, которая, по моему глубокому убеждению, накликала на нашу общую судьбу множество совершенно ненужных несчастий. Это дерзость, но иногда мне кажется, что должно быть совестно многим образованным людям, не видящим того много прекрасного, что видим мы, необразованные и простые люди». Архив Г. в 1991-92 перевезен из США в Барнаул.

Изд.: Автобиогр. (Заруб. писатели о самих себе) // В. — 1957. — № 70.

Лит.: Правдухин В. Чураевы. // Сиб. огни. — 1922. — № 5.

Береговой Ф. «Родник в пустыне»: Путь человеческий // Сиб. огни. — 1923. — № 5.

Слоним М. «Родник в пустыне» // Воля России. — 1923. — № 3.

Скиталец. Автор «Чураевых»: К 20-летию писат. деятельности Гребенщикова // Рус. слово. — 1926. — 4 апр. — Подпись: С-ц.

Якушев И. Г.Д.Гребенщиков: (По поводу двадцатилетия лит. деятельности) // Славянская кн. — Прага, 1926. — № 3.

Жернакова-Николаева А. Баян Сибири // В. — 1956. — № 52.

Маевский В.А. Г.Д.Гребенщиков: К пятидесятилетию лит. деятельности // В. — 1956. — № 58.

Балакшин П.П. Шаман в лаковых ботинках: Г.Д.Гребенщиков // Современник. — 1976. — № 30/31.

+Казак; РП-2.

А.А.Макаров

ГРИГО́РЬЕВ Борис Дмитриевич (11(23).VI.1886, Москва — 8.II.1939, Каньсюр-Мер, Франция) — живописец, график, прозаик, поэт. Мать, урожд. Линденберг, шведка, приехала из Америки подростком. Отец, Дмитрий Васильевич, служил управляющим Рыбинским отд. Волжско-Камского банка. Детство прошло на Волге. По окончании рыбинской г-зии поступил в 1904 в моск. Строгановское худож.-промышл. уч-ще в мастерскую Д.Щербиновского. В 1907 после женитьбы на соученице Елизавете фон Браше переехал в Петербург и продолжил образование в Акад. художеств у Д.Кардовского и А.Киселева. Г. пользовался поддержкой коллекционера и этнографа А.Бурцева, для изданий к-рого выполнил в 1910-12 более ста илл. на темы народной жизни. Тогда же Г. сблизился с художниками и поэтами футуристич. направления *Д.Бурлюком*, Н.Кульбиным, В.Каменским, В.Маяковским, В.Хлебниковым. Оформил первую кн. Каменского «Землянка», нарисовал три портрета Хлебникова, к-рый подолгу останавливался в доме Г.; участвовал в выставке «Импрессионисты» (1909), в лит. вечерах кабаре «Бродячая собака»; сотрудничал в журн. «Сатирикон» и «Нов. Сатирикон». Первая персональная выставка Г. состоялась в 1913 после возвращения из поездки в Париж. Лит. дебют предшествовал художественному — ром. «Юные лучи» (СПб., 1912, под псевд. Борис Гри). В центре повествования любовные и творч. метания молодого художника Георгия Бурева, наделенного чертами автора; в др. персонажах угадываются его современники. Г. признавался, что с первой книги мечтал явиться «не как художник, а как писатель» (Письмо *Е.Замятину* 23 июля 1924. — ИМЛИ. Ф. 47). Со своими стихами Г. выступал 12 мая 1916 в «Привале комедиантов», один из залов к-

рого расписывал. В 1916-18 он создал цикл рис. и картин под назв. «Расея», к-рый был показан на выставке «Мира иск-ва». В 1918 в Петрограде Г. выпустил оригинальную по замыслу книгу «Расея», включавшую, помимо упомянутого цикла, философско-эстетич. эссе «Линия», восп. «Учитель» и стихотв. эпиграф-посвящение «Ее пасынкам», адресованный рус. художникам. «Эту лыковую Русь и я и вы носите в себе; оттого так и волнуют полотна Бориса Григорьева, что через них глядишь в темную глубь себя, где на дне не изжитая, глухая, спит эта лыковая тоска, эта морщина древней земли», — писал *А.Н.Толстой* в берлин. издании этой кн.

Осенью 1919 Г. с женой и шестилетним сыном Кириллом эмигрировал через Финляндию в Берлин. Здесь была издана кн.: «Расея» на нем. (1921) и на рус. яз. (1922), «Intimité» (1921), отразившая «поэзию изящной интимности, легкой грации, грации даже в самой крайней бесстыдности эротического экстаза» (В.Воинов // «Intimité». — Пг., 1918. — С. 75). Ст. и репродукции Г. появлялись в журн. «Жар-птица», «Жизнь» (Берлин, 1920). В кон. 1920 он переехал в Париж, где стал вместе с А.Шервашидзе и А.Яковлевым организатором заруб. об-ва «Мир иск-ва» (1921-27). Созданная им серия портретов артистов МХТ, гастролировавших во Франции, рис. и полотна «Лики России» стали основой одноим. книги на франц. (Париж, 1923) и англ. (Лондон, 1924) яз. Важнейшим произв. заруб. периода Г. считал картину «Лики мира. 1920-1931», в к-рой объединил изображения знаменитых людей эпохи и рус. крестьян, бретонцев, марсельских моряков. Эта «могучая вещь», по выражению автора, не встретила понимания, а написанная им книга «Visages du monde», раскрывавшая мироощущение художника, не нашла издателя, что послужило для него причиной тяжелых переживаний. В это время Г., с 1926 поселившийся на юге Франции, на вилле «Бориселла» близ Канн, завершил большую поэму «Расея» (в отрывках печаталась в рус. газ. Америки «Рус. голос», «Новый мир»). Подзаголовок поэмы «Сатира пасынка» раскрывал противоречивый взгляд Г. на судьбу России и собств. душевный разлад: «Я пою тебе, твой пасынок, твой рубль, песню старую, беду твою увидя...» Многолетняя дружба связывала Г. с рус. писателями, в переписке с к-рыми проявились лит. дарование художника, его беспокойная, ранимая душа. «Кто сейчас еще думает? — спрашивал он Е.Замятина. — Только мы, русские, и то нас немного. Замятин — да, А.Толстой — тоже. Может быть, Есенин, да, да, конечно и он...» (ИМЛИ. Ф. 47). Г. принадлежат своеобр. картины-портреты *М.Горького*, С.Есенина, Н.Клюева, *А.Ремизова*, *Н.Евреинова* и др. Лит. пристрастия Г. отразились в книжных илл., среди к-рых наряду с «Детским островом» *Саши Черного*, «Первой любовью» Тургенева выделялся цикл графич. работ по ром. Достоевского «Братья Карамазовы». Г. много путешествовал, неоднократно бывал в США, Лат. Америке. В 1928 основал Акад. изобразит. иск-ва в Чили, в 1931 открыл худож. школу на своей вилле. Г. преподавал в Рус. Академии Т.Сухотиной-Толстой, а в 1935 стал деканом Школы прикладных иск-в в Нью-Йорке. Умер от рака желудка в своей мастерской на вилле «Бориселла». Здесь сохраняется дом-музей Г.; в 1978 проходила выставка «Памяти Бориса Григорьева». Первая выставка художника в России состоялась в 1989 в Пскове.

Изд.: Boui Boui au bord de la mer. — Берлин, 1924. На рус., нем., франц. яз.

Лит.: Татаринов В. Борис Григорьев // Жар-птица. — 1922. — № 9.
Бенуа А. Творчество Бориса Григорьева // ПН. — 1939. — 18 февр.
Бурлюк Д. Следы на песке // Color and rhyme. — Нью-Йорк, 1951. — № 23.
Субботин С. Б.Григорьев как литератор // Борис Григорьев и худож. культура нач. XX в. — Псков, 1991.
Сапогов В. Василий Каменский в ром. Б.Григорьева «Юные лучи» // Рус. поэзия: год 1918. — Даугавпилс, 1992.
Терехина В. Трансформация образа // Человек. — 1994. — № 5.
Галеева Т. Борис Григорьев. — М., 1995.

В.Н.Терехина

ГРО́НСКИЙ Николай Павлович (11(24).VII.1909, Териоки — 21.XI.1934, Париж) — поэт. Род. в семье специалиста по истории права П.П.Гронского (1883-1937) — одного из ведущих сотр. газ.

«ПН». Детство провел в Петербурге, выезжая летом вместе с родителями на дачу в Тверскую губ. Оказался во Франции, когда ему было 11 лет. В Париже поступил в рус. школу, к-рую окончил весной 1927, стал студентом юрид. ф-та Парижского ун-та. Получив диплом бакалавра, поступил на филол. ф-т и в 1932 окончил его. В янв. 1933 поступил на 3-й курс ф-та философии и лит-ры Брюссельского ун-та. В кон. 1933 и в нач. 1934 готовил под руководством проф. Ж.Легра работу о Державине. 21 ноября 1934 Г. погиб в результате несчастного случая в париж. метро. Огромную роль в его жизни сыграла дружба с *Мариной Цветаевой*. Он приезжал к ней из Парижа в Медон; она передавала через него мат-лы в «ПН». Совместные прогулки, беседы о поэзии оказали большое влияние на молодого поэта. «Вы еще не окупаете в себе зримость, даете ее как есть. Оттого Ваши стихи поверхностны. Ваши стихи моложе Вас. Дорасти до самого себя и перерасти — вот ход поэта», — писала она ему 21 сент. 1928 (Цветаева М. Собр. соч. — М., 1995. — Т. 7. — С. 204).

Г. не стремился к публ. своих стихов и очень много занимался самообразованием (историей рус. стихосложения, религии, философии). Поэт увлекался альпинизмом и каждое лето, начиная с 1929, проводил в горах. Слава Г. как поэта началась уже после смерти. При жизни он увидел в печати лишь три своих стих.

9 дек. 1934 в «ПН» появилась поэма Г. «Белладонна» с теплым предисл. *Г.Адамовича*. Поэма, посв. восхождению на хребет горной цепи Белладонна в Альпах, произвела большое впечатление на современников. Уже сам язык, в мн. напоминавший Державина, был необычен для эмигр. поэзии. «Там луч луны читает руны, / Там горный дух трубит в рога. / Во всей подсолнечной, подлунной / Чту область ту, где облака, / Ветра, луга, снега, туманы, / Твердыни скал, державы вод, / Просторы и пространства, страны / И горизонт, и небосвод...» Восторженно оценил поэму *А.Бем*: «Торжественно-тяжеловатый язык державинской поэзии, на которой Н.Гронский, очевидно, воспитал свою Музу, обновленный цветаевским столкновением словосмыслов, и все это проникнутое сдержанным героизмом, идущим от Гумилева — вот поэтическая родословная Н.Гронского» («О Н.П.Гронском и его поэме «Белладонна» // Меч. — 1935. — 10 февр.). Бем также обвинил «законодателей вкусов» парижской поэзии в том, что талант Г. был им чужд и поэтому не замечен.

Не могла пройти мимо поэмы Г. и М.Цветаева. Она готовила статью о Г. для «ПН», но ее не взяли, и это послужило причиной разрыва поэтессы с газ. В результате ст. «Поэт-альпинист» появилась на сербо-хорватском яз. в белградском журн. «Руски архив» (1935. — № 32/33). Цветаева сказала, что такой уровень поэзии Г. оказался для нее неожиданным: «О Гронском же по прочтении поэмы, хочется сказать: он не пишет как Державин, он дышит как Державин, тем же воздухом и на ту же глубину вздоха» (Цветаева М. Собр. соч. — Т. 5. — С. 440). «Не буду скрывать — Гронского я выкормила. Я печатаюсь двадцать пять лет, а такое говорю впервые: И впервые радуюсь, ибо узнала в другом — себя» (там же. — С. 457).

В 1936 в париж. изд-ве «Парабола» вышла отпечатанная в Берлине кн. Г. «Стихи и поэмы». В нее, кроме «Белладонны», вошли мн. стих., поэмы «Авиатор», «Миноносец», «Михаил Черниговский и Александр Невский», а также драма «Сцены из жизни Спинозы» (переизд.: Новая юность. — 1996. -- № 18). Кн. показала, какого яркого и мощного дарования лишилась рус. поэзия. Снова подтвердила свою необыкновенно высокую оценку его поэзии М.Цветаева: «Мне кажется, что спор о том, может ли быть. эмигрантская молодая литература или не может быть, на этот раз сам собой разрешен в недавно вышедшей книге молодого покойного поэта Н.П.Гронского» («О кн. Н.П.Гронского «Стихи и поэмы» // СЗ. — 1936. — № 61. — С. 464). С большой статьей «Два поэта», посв. творчеству ушедших к тому времени из жизни *Б.Поплавского* и Г. выступил *В.Ходасевич*, решительно отдавая предпочтение поэзии Г. Отметив глубокое влияние на нее Державина и Цветаевой, Ходасевич писал: «...То, что еще не успело сказаться до конца в поэзии Гронского, но в ней уже чувствуется — твердое, неколебимое желание навсегда остаться в поэзии, в творчестве, которое для поэта всегда есть реальное из реальностей... Его сознательная учеба, как выразились бы в советской России, его систематическая историко-литературная

работа, наконец — его уже почти мастерское владение русским языком, замечательное и трогательное в юноше, который покинул Россию одиннадцати лет отроду» (В. — 1936. — 30 апр.). Намного менее восторжен был Г.Адамович. Выразив сожаление, что имя покойного поэта используется в непримиримой лит. борьбе против «парижской школы», критик, тем не менее, добавил: «Очень многое в творчестве безвременно погибшего поэта представляется мне спорным. Бесспорна только его принципиальная, вызывающе подчеркнутая «необщность», его постоянное желание плыть против течения... У него была, по-видимому, острая потребность обновления — и соединял он в своих стихах державинскую манеру с манерой Марины Цветаевой не случайно... Но стиля он не нашел, и даже больше — он не приблизился к нему ни на шаг, не уловил, не почувствовал самых расплывчатых очертаний его. Лирика его всегда серьезна, значительна, но, собственно говоря, не как поэзия, которой она еще не стала, а как свидетельство о юном, душевно одаренном и сильном человеке» (ПН. — 1936. — 4 июня). Напротив, снова очень высоко отозвался о книге Г. А.Бем: «В моем ощущении — это настоящее событие в нашей литературной жизни. Я боялся, что Н.Гронский-писатель одной книги... К счастью... опасения мои не подтвердились» (Меч. — 1936. — 22 нояб.).

Лит.: Морковин В. «Крылатая и безрукая» (М.Цветаева и Н.П.Гронский) // М.Цветаева. Труды 1-го междунар. симпозиума. — Лозанна. 30.VI — I.VII.1982. — Берн, 1991.

Саакянц А. Оползающая глыба. М. Цветаева и Н.Гронский // Мир России. — 1993. — № 1.

В.В.Леонидов

ГУЛЬ Роман Борисович (1(13).VIII.1896, Киев — 30.VI.1986, Нью-Йорк) — прозаик, мемуарист, сценарист, издатель. Потомок обрусевших шведов по отцу и старинного дворянского рода по матери, сын присяжного поверенного, богатого помещика. Детство и юность Г. прошли в Пензе в поместье отца, к-рого Г. рано потерял. В 1914 поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та. Через два года был мобилизован. Окончил моск. офицерскую школу весной 1917, был отправлен на фронт первой мировой войны, где его застала Окт. революция. Г. возвратился к матери в Пензу. В бесчинствах толпы на улицах города увидел угрозу, к-рую нес России большевист. переворот. «Из народных недр вырвалась ранее невидимая и незнаемая страсть всеразрушения, всеистребления и дикой ненависти к закону, порядку, праву, покою, обычаю... Это был именно тот всенародный бунт, о к-ром Пушкин писал «бессмысленный и беспощадный». Мы в нем, в этом омерзительном бунте — жили» («Я унес Россию» // НЖ. — 1973. — № 131. — С 17).

Считая, что власть должна перейти к Всерос. Учредит. собр., Г. вместе с братом Сергеем вступил в Добровольч. армию, участвовал в «Ледяном походе» ген. Л.Г.Корнилова, был легко ранен. Поселился в Киеве, но был вновь мобилизован в армию гетмана Скоропадского. После захвата Киева Петлюрой Г. оказался военнопленным. Вместе с др. военнопленными офицерами, к-рым стремит. наступление Красной армии на Киев грозило расстрелом, в начале янв. 1919 был вывезен нем. воен. командованием в Германию, где жил в лагере для «перемещенных лиц». К формировавшимся в лагере офицерским частям в помощь Белой армии Г. присоединиться отказался: «Я почувствовал, что убить русского человека мне трудно» (там же. — С.26).В 1920 Г. переехал из лагеря в Берлин.

В 1933 недолгий срок Г. был узником фашистской тюрьмы, 3 сент. 1933 эмигрировал в Париж. В 1936-37 работал в Лондоне как киносценарист. В 1937 выпустил кн. «Ораниенбург: Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере» (Париж). Во время фашист. оккупации Парижа переехал на юг Франции в «свободную» зону (Лот-э-Гаронн), работал крестьянином-испольщиком. В 1945 Г. вернулся в Париж. Организовав группу «Российское нар. движение», начал издавать газ. «Нар. правда» (1948, Париж; 1952, Нью-Йорк) с целью помощи соотечественникам, оказавшимся после второй мировой войны на Западе. В 1950 Г. переехал в Нью-Йорк.

Эмигр. судьба стала сознат. выбором для Г.: «В моей скитальческой жизни я всегда чувствовал облегчающее душу удовлетворе-

ние, что живу именно вне России. Почему? Да потому, что родина без свободы для меня не родина, а свобода без родины хоть и очень тяжела, но все-таки остается свободой» («Конь рыжий» — Нью-Йорк, 1952. — С. 262). Гл. темы творчества Г. определились достаточно рано: гражд. война, родина и свобода, жизнь эмиграции.

Г. прожил за рубежом 68 лет, не утратив духовных связей с Россией. «Хотим мы этого или не хотим... мы ведь работаем, пишем, сочиняем только для нее, для России, даже когда писатель от этого публично отрекается» («Одвуконь: Сов. и эмигрантская лит.» — Нью-Йорк, 1973. — С. 170). Лит. имя Г. принес ром. «Ледяной поход: (С Корниловым)» (Берлин, 1921), замеченный в эмигр. среде и в сов. России, заслуживший похвалу *М.Горького*. По свидет. З.И.Гржебина, кн. заинтересовался В.И.Ленин (НЖ. — 1978. — № 132. — С. 46). «Ледяной поход» прозвучал как протест против гражд. войны с ее развращающей жестокостью братоубийства. Эту тему Г. развил в кн. «Белые по черному: Очерки гражд. войны» (Л.; М., 1928) и в «худож. автобиографии» «Конь рыжий». Об этой кн. *И.Бунин* писал автору: «Все еще вспоминаю порой Ваш роман — столько в нем совершенно прекрасных страниц», укоряя при этом Г. «за вздохи о «братоубийственной войне» («Конь рыжий». — С. 5).

Собств. опыт Г. и рассказы др. эмигрантов стали основой его кн. «Жизнь на фукса» (М.; Л., 1927), «В рассеянии сущие» (Берлин, 1927). Смолоду попав в круговорот «совр. истории» — первая мировая и гражд. войны, эмиграция, нем. фашизм — Г. проявлял интерес к ярким. ист. личностям. Был корр. ленингр. газет (1927-28). В 1929 в Берлине вышел его ром. «Генерал БО» (в последующих изд. «Азеф»), гл. действ. лицами к-рого были провокатор Азеф и террорист *Б.Савинков*. Переведенный на мн. иностр. яз., включая япон., ром. привлек внимание А.Мальро («Азеф». — М., 1991. — С. 6). Ром. «Скиф» (Берлин, 1931; в нью-йоркском изд. 1974 под загл. «Бакунин»), центр. фигурами к-рого были теоретик анархизма М.Бакунин и царь Николай I, автор назвал «исторической хроникой».

В нач. 1930-х Г. работал над серией портретов сов. полководцев, анализируя свойства характеров и обстоятельства, к-рые вынесли его персонажей на руководящие посты в Красной армии, помогли увлечь крестьянскую Россию и разгромить белых генералов. В 1932 в Берлине вышла кн. «Тухачевский: Красный маршал» — один из лучших психологич. этюдов Г. В 1933 он издал кр. «Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский» (Берлин; переизд.: М., 1990). Рус. анархизм и рус. терроризм интересовали Г. как средства борьбы за власть. Портреты тех, кто использовал террор как орудие власти. он создал в кн. «Дзержинский, Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода» (Париж, 1936). «В этой книге я решил дать историю коммунистического террора, начиная с 1918 года» («Моя биография» // НЖ. — 1986. — № 164. — С. 26). Цель террора Г. видел в уничтожении свободомыслия, а следовательно, той почвы, на к-рой могла существовать рус. культура. «В СССР у населения навеки разрушена память о прошлой России, отняты ее традиции, отняты мысль, слово, и духовно советское население омертвело: мертвые молчат, и живые молчат, как мертвые» («Я унес Россию» // НЖ. — 1982. — № 147. — С. 69). По убеждению Г., эмиграция, насчитывающая множество прославл. имен писателей, философов, художников, музыкантов, стала хранительницей рос. культурных традиций и значительно обогатила европ. культуру. В 1978 Г. начал публиковать в «НЖ» трехтомный труд «Я унес Россию: Апология эмиграции», вышедший в нью-йоркском изд-ве «Мост» (Т. 1. «Россия в Германии», 1984; Т. 2. «Россия во Франции», 1984; Т. 3. «Россия в Америке», 1989). В каждой из частей трилогии Г. дает пестрый и увлекат. сплав явлений, составлявших жизнь рус. эмиграции в Европе и в США, характеризует существовавшие в то время обществ. и филос. течения и объединения (масонство, сменовеховство, евразийство и др.), включает в повествование лит. портреты выдающихся деятелей культуры, к-рых лично знал. Подчеркивая, что его зап. носят субъективный характер, Г. писал: «Но хочу, чтобы моя книга все-таки была неким справочником по истории Зарубежной России». («Я унес Россию» // НЖ. — 1978. — № 133. — С. 43). Прозаик, поэт, филолог Б.А.Филиппов (Филистинский) назвал трилогию Г. «огромной и ценнейшей» работой: «Это

поистине героическая идея: написать историю русской эмиграции, миллионов людей, выбравших свободу... Язык Романа Гуля, лишенный всяких выкрутас и фокусов, — на редкость превосходный и подлинно русский язык (Филиппов Б. Гуль-прозаик // НЖ. — 1986. — № 162. — С. 102).

Критич. работы Г. вошли в сб. «Одвуконь: Сов. и эмигрантская лит.» (Нью-Йорк, 1973) и «Одвуконь 2: Статьи» (Нью-Йорк, 1982). Он объясняет загл. по Словарю В.Даля: в дальний путь ездили одвуконь, т.е. взяв запасную лошадь. На долю эмигр. лит-ры, считал Г., выпала подобная роль «запасного коня». «Но когда-нибудь настанет день — и непременно настанет — когда вся полувековая халтура «инженеров человеческих душ» отомрет, а творчество советских писателей, кто, несмотря ни на что, оставался духовно свободным, сольется с творчеством русских свободных писателей-эмигрантов. И тогда русской литературе не нужно будет ехать одвуконь» («Одвуконь». — С. 3). Для Г. творчество писателя — это его философия жизни, претворенная в худож. образы, к-рым Г. давал проникновенное толкование. Б. Пастернак, прочитав ст. Г. о ром. «Доктор Живаго» («Победа Пастернака» // НЖ. — 1958. — № 55), просил передать ее автору, что «она превосходит своей красотой и глубиной все, на что я надеялся и что заслужил» (Пастернак Б. Письма к Жаклин де Пруайяр // Новый мир. — 1992. — № 1. — С. 180). В ст. «Цветаева и ее проза» (НЖ. — 1954. — № 137), написанной в связи с изд. в Нью-Йорке в 1953 кн. М.Цветаевой «Проза», Г. замечает: «Преувеличенность, баснословность рисунка — законные черты в изобразительном даре Цветаевой. Они естественно рождены как из ее общего мироощущения, так и из исповедания ею некой заповеди мифотворчества. А так как искусство и жизнь у Цветаевой неразрывно слиты (она знала только «правду всего существа»), то и мифотворчество становилось не только лит. приемом, но и приемом видения мира» («Одвуконь». — С. 38). Г. рассматривал рус. лит-ру в русле мирового лит. процесса. В ст. «Георгий Иванов» Г. утверждал, что экзистенциализм *Г.Иванова* «много старше сен-жерменского экзистенциализма Сартра... И «двойное зрение» Георгия Иванова, конечно, уходит корнями не в почву сен-жерменской оранжереи, а в граниты имперского Петербурга» («Одвуконь». — С. 65).

Все ценностные критерии Г.-критик находил в традициях рус. классич. лит-ры, видя в ней залог возрождения России, провозвестниками к-рого для него были Ахматова и Солженицын. По поводу «Реквиема» Ахматовой он писал: «В приложении к Анне Ахматовой эпитет большого русского поэта (и в наши дни единственного большого) совершенно естественен» («Одвуконь». — С. 267). В Солженицыне Г. видел «исключительное явлéние»: «Россия Солженицына это больше, чем государство, чем страна, нет, это некая русскость, разлитая в мире, в ее лучшем и духовном чувствовании» («Одвуконь». — С. 32). Г. высоко ценил романы В.Дудинцева (НЖ. — 1957. — № 48; 1960. — № 59), поэзию Б.Окуджавы (НЖ. — 1965. — № 80).

Изд. деятельность Г. начал в Берлине в 1920 в журн. «Жизнь», затем в «Новой рус. книге» (1922-23). С 1952 Г. — сотр. «НЖ», с 1959 — гл. редактор. Свою задачу издателя Г. видел в том, чтобы «НЖ» был своего рода «магнитофонной лентой», на к-рой записаны для будущего голоса рус. писателей, выдающихся мыслителей, ученых, религ. деятелей. Посм. в «НЖ» была опубл. «Моя биография» Г. (1986. — № 164).

Изд.: Прогулки хама с Пушкиным // НЖ. — 1976. — № 124; Кубань. — Краснодар, 1989. — № 6.
Ледяной поход. — Деникин А.И. Поход и смерть ген. Корнилова. — Будберг А. Дневник, 1918-1919 годы / Предисл. Горелова П. — М., 1990.
Дзержинский: (Нач. террора). — М., 1991.

Лит.: Иванов Г. Рец.: «Конь рыжий» // НЖ. — 1953. — № 34.
Магеровский В.Л., Пирожкова В., Филиппов Б. Памяти Романа Борисовича Гуля // НЖ. — 1986. — № 164.
Мартынов И. Последняя книга патриарха рус. зарубежья // НЖ. — 1990. — № 180.
Глэд Дж. Роман Гуль // Глэд Дж. Беседы в изгнании. — М., 1991.
+Казак; Полторацкий; РЛЗ-2; Струве.

Е.С.Померанцева

ГУ́СЕВ-ОРЕНБУ́РГСКИЙ (наст. фамилия: Гусев) Сергей Иванович (23.IX(5.X).1867, Оренбург — 1.VI.1963, Нью-Йорк) — прозаик, публицист. Род. в семье казака-торговца. Окончил Уфимскую духовную семинарию. В 1893-98 сельский учитель, затем священник в глухом мордов. селе. В 1898 отказался от сана церковнослужителя, чтобы посвятить себя лит-ре. Работал в «Киевской газ.» (1900-02). Первый рассказ опубл. в «Оренбургском листке» 8 мая 1899. Выступил как бытописатель родного края — оренбургских степей и предгорий Урала, его обитателей — рус. казачества, крестьян, духовенства. В раннем творчестве Г.-О. близок к Г.Успенскому, В.Слепцову. Под воздействием произв. рев. демократов стал изображать соц. расслоение деревни, стихийные бунты. В 1900-е Г.-О. сблизился с *М.Горьким*, сотрудничал в сб. «Знание». В пов. «Страна отцов» (1904) обрисовал нарастание рев. движения в деревне и городе. Восторженными стихами писатель приветствовал революцию 1905. В послед. годы Г.-О. создал «В глухом уезде» (СПб., 1912), утопию «Золотой сон» (Пг., 1915). В 1903-13 изд-во «Знание» выпустило собр. рассказов Г.-О. в 4-х т. В изд-ве «Жизнь и знание» вышло его «Полн. собр. соч.» в 16-ти т. (Пг., 1913-18).

Отношение к рев. событиям 1917 и гражд. войне Г.-О. выразил в кн. «За свободу: Пов. в стихах» (Казань, 1919). Умонастроение писателя послерев. лет характеризуют две маленькие кн. — «Рабочий» (Пг., 1918) и «Бессмертный Прохорыч» (Чита, 1921). В первой из них писатель противопоставляет честь, достоинство и доброту рабочего бесчеловечной морали работодателя и торгаша. Вторая представляет собой сатиру на «рев. изменения» в жизни. В сер. 1921 через Д.Восток — Читу и Благовещенск Г.-О. выехал в Харбин, оттуда эмигрировал в США. Обосновался в Нью-Йорке, где в 1924-25 под его ред. выходил журн. «Жизнь». Г.-О. свидетельствовал: «В течение трех лет я скитался по пределам России в вихрях гражданской войны, жил на Украине, при немцах, Скоропадском, голодал и холодал год в Москве, ездил по польскому фронту, передвигался по Украине с деникинской армией, пережил ее расцвет и развал, пережил погромы, обстрелы Киева и Ростова, жил в Крыму после Врангеля и снова в Москве незадолго до перехода к новой экономической политике» (Новая рус. кн. — 1922. — № 7. — С. 34). О творч. планах и замыслах писатель сообщал: «Пишу книгу «Сказки революции», из которой уже написаны «Бессмертный Прохорыч» и «Жниво бури», заканчивается «Вольная деревня» и «Роте фане»... Издан отдельной брошюрой «Облик Москвы», задумал книгу «Мои скитания», написал пьесу из современной московской жизни» (там же). Об обстоятельствах, связанных с эмиграцией, Г.-О. писал: «За отсутствием всякой возможности применить объективно свой литературный труд в России, с горечью в сердце вынужден был уехать за ее пределы» (там же). В письмах из Нью-Йорка М.Горькому писатель сообщал о своих переживаниях и невзгодах, физич. и нравств. муках, выражал горькое сожаление о разлуке с родиной. Он ходатайствовал о возврате в свою страну, но разрешения не получил. В годы эмиграции Г.-О. печатал рассказы в повременных изд., переиздавал ранее написанные произв. Лит.-худож. альм. «Рус. деревня» (Берлин, 1924) опубл. рассказы Г.-О. «Сельский священник» и «Бездождие». Науч.-популяр. журн. «Зарница» (Нью-Йорк, 1925. — № 2) напечатал «В миру человек (Отрывок из романа)», в к-ром обрисованы конфликты рев. лет. Сюжет рассказа — поездка чиновника из правительства Керенского в уезд для разбирательства тяжбы крестьян с помещиками. Из ранее издававшихся произв. Г.-О. вышла кн. «В глухом уезде и др. рассказы» (Нью-Йорк, 1952), привлекшая внимание этногр. характером сюжетов об оренбургском казачестве, бродячих церковниках в сел. глуши. Вышедшая новым изд. в Москве пов. «Страна отцов» (1923) была опубл. в Нью-Йорке в пер. на англ. яз. (The land of fathers. — 1924) и переизд. в Лондоне (1925). В 1928 писатель выпустил в Нью-Йорке на англ. яз. ром. «Страна детей» (The land of children), в к-ром показал, как отражались рев. события на судьбах рус. интеллигенции. Видение писателем порев. России нашло отражение в его кн. «Горящая тьма: Совр. рассказы» (Нью-Йорк, 1926). Автор выступает как бытописатель новой реальности, как юморист и сатирик, включая рассказы

о грабежах и поджогах помещичьих имений (цикл «Мужики»). Цикл «Эрэсэфэсэр» состоит из сатирич. рассказов. В их числе — «Облик Москвы», серия зарисовок о жизни в рос. столице в 1919-21. Действительность в изображении Г.-О. мрачна. «Народ из веревок ботинки плетет», «из галок жаркое приготавливает» («Год 1919»). Жизнь — «это сны наяву, порожденные голодом» («1920»). «Москва агонирует вместе с Россией» («1921»). Юмор и сатира представлены в кн. рассказами «Сов. дьякон», «Сов. барышня». 5 нояб. 1930 в Берлине состоялся авт. лит. вечер Г.-О. Традиц. для писателя мотивы и новые сюжеты характеризуют сб. «Святая Русь: Эмигр. рассказы» (Нью-Йорк, 1957). Автобиогр. кн. Г.-О. «В поисках пути: Ритмич. размышления» вышла в Нью-Йорке (1955).

Изд.: Багровая книга: Погромы 1919-1920 гг. на Украине. — Харбин, 1922.
Мое кредо: Письмо к своим // Рус. голос. — Харбин, 1922. — 30 авг.
Рассказы. — М., 1938.
Пов. и рассказы. — М., 1958.

Лит.: Долматовская И.А. Жизнь и творчество Гусева-Оренбургского. — М., 1967.
+ РП-2.

Е.Ф.Трущенко

Д

ДАМА́НСКАЯ Августа Филипповна (28.VII(9.VIII).1877, с.Попелюха, Подольская губ. — 27.I.1959, Русский дом в Кормей-ан-Паризис, под Парижем) — писательница, переводчица, лит. критик. Образование получила в одесской жен. г-зии и на Высших жен. курсах в Петербурге. Училась в Петерб. консерватории по классу фортепиано. В печати выступила в газ. «Петерб. жизнь» в 1900; под псевд. А.Филиппов печатала свои пер. польск. и франц. поэтов и прозу. Первый очерк Д. «В Америку» появился в «Рус. богатстве» (1903. — № 12). Печаталась в журн. «Мир Божий», «Рус. мысль», «Образование», «Новое слово», «Аполлон», «Совр. мир», «Солнце России». В первую мировую войну посылала статьи из Цюриха в петрогр. газ. «Биржевые вед.» и была ее лондонским корр. В 1917 сотрудничала в эсеровском «Деле народа». Мн. свои публ. подписывала псевд. Арсений Мерич. Объездила почти всю Зап. Европу от Италии до Скандинавии, что нашло отражение в ее путевых очерках, рассказах и пов., изображающих жизнь русских за границей. В России отд. изд. вышли ее сб-ки рассказов: «Рассказы» (М., 1908), «Где-то там» (Пг., 1918) и «Стеклянная стена» (Пг., 1918; 2-е изд.: Берлин, 1921; рец.: *М.Алданов* // Новости лит-ры. — 1922. — № 1; *А.Дроздов* // Рус. кн. — 1921. — № 9; Ф.Иванов // Сполохи. — 1921. — № 2; З.Ж. // За свободу! — 1921. — 5 нояб.). Свободно владея мн. яз., она знакомила рус. читателя с новинками франц., нем., итал., англ., польск. лит-ры. Д. первой в России стала переводить соч. Ромена Роллана и открыла для рус. читателей романиста Б.Келлермана. Ей принадлежат пер. произв. Г.Гауптмана, А.Шницлера, Г.Уэллса, Поля Адана, Октава Мирбо, А.Беннета и др. Как переводчица была привлечена к работе в изд-ве «Всемирная лит-ра». Дружеские отношения связывали Д. с чл. редколлегии «Всемирной лит-ры» *Е.Замятиным* («Встречи с Е.И.Замятиным» // Сегодня. — 1937. — 28 марта), к-рому она позже посвятила свою пов. «Вода не идет» (Берлин, 1922), изображающую быт пансиона «Дория» мадам Ранье (рец. М.Алданова в «Новостях лит-ры». — 1922. — № 1).

Захват большевиками власти в окт. 1917 Д. восприняла как угрозу культуре. В 1920 получив в Петрогр. ун-те командировку в Псков для чтения лекций на летних курсах для нар. учителей, Д. нелегально перешла эстонскую границу (см. ее очерки в 1920 в ревельской газ. «Народное дело» — «Этапы» — 14 окт.; «В вагоне: Петроград-Псков» — 26 окт.). Обосновавшись в Ревеле, Д. выступала в Ревеле и Юрьеве с лекциями о положении в сов. России и опубл. неск. ст. в «Нар. деле» («Издатель и писатель в сов. России» — 1920. — 11 окт.). и в праж. газ. «Воля России». В результате составилась первая кн. Д. в эмиграции «Карточные домики сов. строительства» (Берлин, 1921; рец. *А.Ященко* в «Голосе России», 1921. — 12 апр.). После Ревеля Д. нек-рое время прожила в Берлине, а затем окончательно поселилась в Париже. Признав, что публицистика не ее призвание, вернулась к беллетристике, переводам, рец. Вышли ее путевые очерки «По следам Гейне» (Воля России. — 1921. — 10 июля и 14 авг.), «В Буживали», о доме, где жил И.С.Тургенев (Дни. — 1924. — 9 нояб.). Совм. с З.Журавской перевела «Фламандские легенды» Шарля де Костера (Берлин, 1923). В эмиграции Д. печаталась в журн. «Сполохи», «Жар-птица», «Перезвоны», «Новоселье», в альм. «Грани», в газ. «Голос России», «Руль», «Рупор» (Харбин). С 1920 началось ее сотрудничество с рижской газ. «Сегодня», с 1923 она — пост. сотр. «ПН». Много печаталась Д. в «НРС».

Эмигр. критика обошла вниманием ром. Д. «Вихоревы гнезда» (Берлин, 1923; отрывок в газ.«Дни» 8 апр. 1923), но тепло отозвалась о ее сб. рассказов «Жены» (Париж, 1929) о скитающихся по свету в поисках пристанища рус. женщинах-беженках. *Г.Адамович* писал, что включенные в кн. рассказы напомнили ему «моментальную фотографию», записную книжку «внимательного и умного наблюдателя». «Область

Даманской, — продолжал Г.Адамович, — «маленькая жизнь», а не великие страсти и великие преступления. В этой маленькой жизни они видят самое значительное — душу человека» (ИР. — 1929. — № 36. — С. 8). См. также его рец. в «ПН» 5 сент. 1929 и отзывы о «Женах» *П.Пильского* (Сегодня, 1929, 25 авг.) и В.Сирина (*Набоков*) (Руль. — 1929. — 25 сент.). Двадцать восемь путевых очерков по Гарцу, Провансу, Жиронде и Пиренеям составили содержание кн. «Радость тихая: Путевые заметки» (Париж, 1929). «Описание пейзажей и городов, — говорил о ее путевых очерках *М.Цетлин*, — перемешано в них с историческими воспоминаниями, с лирическими отступлениями и картинками провинциальной жизни» (СЗ. — 1930. — № 41. — С. 526). В 1929 во Флоренции шла пьеса Д. «Дом номер 18». В послевоен. годы Д. писала рассказы, посв. движению Сопротивления. В ее последнем ром. «Миранда» (Нью-Йорк, 1953) действие происходит до, во время и после второй мировой войны. Ром. написан в традициях классич. реализма, его герой — рус. эмигрант Белопольцев принадлежит к старому аристократич. роду. Содержание «Миранды» — любовь Белопольцева к его двум женам — красавице итальянке и еврейке.

Эмигр. критика приравнивала переводч. работу Д. к подвигу. Общий объем ее переводов составил пятьдесят четыре тома. «Совокупность трудов А.Ф.Даманской как переводчицы столь внушительна, что едва поддается обозрению: тут дело целой жизни», — констатировал А.Левинсон (ПН. — 1927. — 17 февр.).

Изд.: «Дом иск-в» в Петрограде // Воля России. — 1921. — 16 янв.
Жорж Занд и Шопен: За кулисами любви. // Сегодня. — 1926. — 19 сент.
Толстой в зеркале мира // Воля России. — 1928. — № 8/9.
Дневник Жюля Ренара // Воля России. — 1929. — № 10/11.
Горький и «Всемирная лит-ра» // ПН. — 1936. — 25 апр.
Лже-Нерон: Новый ром. Л.Фейхтвангера // Гун бао. — Харбин, 1937. — 11 авг.
Памяти Горького: К пятилетней годовщине его смерти // НРС. — 1941. — 15 июня.
На экране моей памяти / Публ. Демидовой О.Р. // Лица. — М.; СПб., 1996. — Т. 7; НЖ.— 1996. — № 198-204.
Лит.: Демидов И. А.Ф.Даманская: 25-летие лит. деятельности // ПН. — 1931. — 22 окт.
Зайцев Б. А.Ф.Даманская: К 25-летию лит. деятельности // В. — 1931. — 12 окт.
Хохлов Е. Кончина А.Ф.Даманской // Рус. новости. — Париж, 1959. — 5 февр.
Кожевникова О. Памяти друга // Рус. новости. — 1959. — 5 февр.

В.Н.Чуваков

ДИ́КСОН Владимир Вальтерович (Васильевич) (16(28).III.1900, Сормов, Нижегородская губ. — 17.XII.1929, Нейи-сюр-Сен, Франция) — поэт, прозаик. Род. в семье амер. инженера-строителя, приехавшего в Россию в 1895 работать на заводах Сормова и в 1898 женившегося на Людмиле Ивановне Биджевской. В 1900 семья переехала в Подольск, где отец Д. работал в компании «Зингер». Д. с детства свободно владел франц. яз. В июле 1917 окончил подольское реальное уч-ще и уехал в Америку. В февр. 1918 поступил в Массачусетский технолог. ин-т на курс инженеров-механиков, к-рый закончил в 1921. Одновременно в Офицерском подготовит. корпусе проходил военную службу. Однако его воен. карьера так и не состоялась, и в 1921 Д. поступил в Гарвардский ун-т (окончил в июне 1922 со степенью магистра). Работал в компании «Зингер» в США; с 1923 сотр. парижского отд. этой компании.

В Париже Д. пишет стихи, занимается переводами рус. поэтов на англ. яз. У него складываются доверит. отношения с кн. *Д.Шаховским* и *А.Ремизовым*. В 1924 в Париже выходит первая кн. стихов Д. «Ступени», осн. темами к-рой были Россия и вера. «Верю в родины тайную силу / И храню молчаливый завет: / Без нее мне и сердце уныло, / Без нее мне и радости нет./ Дни мне кажутся черными, злыми, / И в суровом уныньи моем / Все мне слышится чудное имя, / Словно древний, священный псалом» (с. 7). Личность Д. привлекала современников: «Мне хочется говорить о свете — о дарах света, когда я думаю и вспоминаю В.Диксона. Все, что есть от Бога прекрасного, дано ему было», — вспоминал А.М.Ремизов. (Диксон В. Стихи и проза. — Париж, 1930. — С. 5). В 1926 стихи Д.

были опубликованы в первой кн. журн. «Благонамеренный», издававшегося Д.А.Шаховским.

В 1927 в созданном Д. париж. изд-ве «Вол» увидела свет вторая кн. его стихов «Листья». Здесь же появилось неск. его рассказов, посв. зарисовкам рус. жизни. Не слишком высоко оценил этот сб. *В.Набоков*: «Ни один стих не заставляет улыбнуться от удовольствия, ни один не вызывает холодка восхищения. Погрешностей особых нет, но нет и прелести. Поэт жалуется, негодует, грустит, скучает, обращается к Богу — и в памяти у читателя не остается ничего. Зато совсем хороши три маленьких рассказа в том же сборнике. Прекрасный язык, образная простота» (Руль. — 1927. — 31 авг.). В этой кн. Д. также преобладали религ. мотивы.

В 1930 стараниями А.М.Ремизова вышла посмертная кн. Д. «Стихи и проза», где опубл. рассказы и стихи Д., а также его записи бретонских легенд, к-рыми Д. увлекался в последние годы. «Между этим, бретонским, и нашим, русским, есть какая-то тайная связь. Эта связь идет не во времени и не в крови — а как-то под временем и в духе. Особенно эта связь сильна — в понимании святости; в понимании жизненности веры» (с. 219). Посмертная кн. Д. вызвала отклики в прессе. «От претенциозности первой книги у Диксона не осталось и следа — чем дальше, тем несомненно проще и углубленнее становилось его творчество... Это русский американец, родившийся и выросший в России и лишь после революции попавший в Америку, остро чувствовал и любил свою вторую Русь, «Русь васильковую...» — писал *Г.Струве* (Россия и славянство. — 1931. — 28 марта). Высоко оценил творчество Д. и *Б. Сосинский*, особо отметив его прозу: «Нам кажется, что проза В.Диксона вызывает даже больший интерес, чем его стихи... Тут мы встречаемся с совершенно новой в русской литературе манерой письма. В.Диксон попытался с точностью фонографа записать цепь случайных размышлений, проходящих в уме человека, пребывающего в одиночестве, с самим собою — и эффект получился разительный» (Воля России. — 1930. — № 11/12. — С. 1087).

Изд.: О любви к России // Воля России. — 1926. — № 11.
Бретонские святые // ВРСХД. — 1927. — № 8.
Кристик (Бретонская легенда) // Воля России. — 1927. — № 10.
«Верю в родины тайную силу» // Наше наследие. — 1991. — № 4.
Описание обстановки // Новая юность. — 1996. — № 17.

Лит.: Адамович Г. Рец.: «Листья» // Звено. — 1927. — 12 июня.
Бобринский П. Рец.: «Листья» // В. — 1927. — 8 авг.
Терапиано Ю. Рец.: «Листья» // Новый корабль. — 1927. — № 2.
Ремизов А. Памяти Вл.Диксона // ПН. — 1929. — 22 дек.
Бобринский П. Рец.: «Стихи и проза» // В. — 1930. — 25 дек.
Сосинский Б. Рец.: «Стихи и проза» // Числа. — 1930. — № 4

В.В.Леонидов

ДИОНЕО (наст. имя и фамилия Исаак Владимирович (Вульфович) Шкловский; 8(20).IV.1864, Елизаветград, Херсон. губ. — 28.II.1935, Лондон) — публицист, критик, прозаик, переводчик. Дядя писателя *В.Шкловского*. Род. в многодетной евр. семье. Учился в елизаветград. г-зии и одес. реальном уч-ще. Первые лит. опыты — стихи и заметки в одес. сатирич. журн. «Пчелка» и «Маяк» относятся к 1882. В 1886, будучи студентом Харьк. ун-та, за причастность к народовольч. кружку был арестован и выслан на 5 лет в Среднеколымск Якут. обл. под гласн. надзор. После ссылки, из-за запрещения жить в столицах и ун-т. городах, жил в провинции, сотрудничая в разл. изд-ях. С лета 1896 стал лондонским корр. «Рус. вед.», сменив на этом посту П.Л.Лаврова. В то же время (1897-1918) по просьбе Н.К.Михайловского становится лондонским корр. и «Рус. богатства», в каждом номере к-рого публикуются его «Письма из Англии». Не одно поколение рус. интеллигенции воспитывалось на его работах, причисляя Д. к «яркому созвездию созидателей русского независимого общественного мнения» (*Осоргин М.* // ПН. — 1935. — 5 марта). В Лондоне Д. сближается с рус. эмигрантами-революцио-

нерами (см. его ст. «Старая лондонская эмиграция» // Голос минувшего. — 1926. — № 4); в 1911-16 поддерживал связи с эсерами. В дорев. годы вышли «Очерки совр. Англии» (СПб., 1903), «Англ. силуэты» (СПб., 1905), «На темы о свободе» (СПб., 1908. — Ч. 1-2), «Рефлексы действительности. Лит. характеристики» (М., 1910), «Меняющаяся Англия» (М., 1914-15. — Ч. 1-2) и др. Осенью 1905, поверив в развитие рев. событий, Д. приезжает на короткое время в Россию. Несмотря на многочисл. «свободы», Д. ужаснула «дикость, жестокость и некультурность» России. Больше Д. в Россию не вернулся, хотя фактически эмигрантом стал после закрытия летом 1918 тех журн. и газ., корр. к-рых он был.

По своим политич. убеждениям Д. всегда был «левым», но никогда радикалом. Рев. критика нередко упрекала его в том, что он погряз в общекультурных темах, «не углублялся в разработку проблем социализма» (Петрищев А. // ПН. — 1935. — 3 марта). На примере развитой англ. демократии Д. учил рос. публику самим понятиям свободы, уважения к личности. Скептически относясь к монархии как полит. строю и к династии Романовых в частности («Романовы — династия, никогда не державшая данного слова» // Рус. богатство. — 1917. — № 6-7. — С. 191), Д. принял Февр. революцию как величайшее событие, «которое научит человека строить свою жизнь на началах свободы и справедливости» (там же. — с. 260). После окт. переворота начался трагич. этап в истории России: «Мы лишились всех культурных ценностей. Исчезли элементарные представления о свободе и справедливости. Мы потеряли так много, что многим здесь кажется, будто историческая роль России кончена...» (Рус. богатство. — 1918. — № 4/6. — С. 221). После 1918 Д. становится активным чл. об-ва «Народоправство» (Голос минувшего. — 1926. — № 2) — об-во издавало на англ. яз. журн. и устраивало доклады на рус. и англ. яз.; чл. Комитета Освобождения России, по словам Милюкова, Д. становится «неумолимым и непримиримым» борцом против большевизма (ПН. — 1932. — 2 апр.). И хотя Д. не отказался от культурно-просветит. направления своей деятельности, большая часть его публицистики посвящена разоблачению новой рос. власти, к-рая для него — лишь насилие и развал.

После 1917 круг читателей Д. переместился за пределы России. Д. сотрудничает во мн. периодич. изд., особенно прибалтийских — «Сегодня», «Народная мысль» и др. Д. пишет для нью-йоркского «Утра» и парижских «ПН», «Общего дела», «Рус. дела» и вашингтонской «Еврейской трибуны», для тель-авивских газет. Активно публикуется в «Голосе минувшего», «СЗ», «На чужой стороне», «Воле России»; сотрудничает с изд-вами «Геликон», «Пламя», «Свободная Россия», «Рус. универсальное изд-во» и др.

В 1920 в Париже выходит ром. Д. «Кровавые зори» — из жизни рус. эмиграции в Англии. Ром. носит автобиогр. документ. характер. Д. в беллетристич. форме возвращается к гл. для себя теме — насилие и свобода, осн. на уважении к чужой личности. Описывая борьбу рус. эмиграции с захватившими в России власть «ивановцами», Д. все же выражает надежду, что солнце поборет тьму. Сам он определяет гл. цель романа как «образ вечного стремления к иллюзии» (Народн. мысль. — Рига, 1925. — 1 янв.). Автобиогр. и документ. черты свойственны также ром. Д. «Когда боги ушли» (М.; Берлин, 1923). Здесь и Восток (герой живет в арабской деревушке), и Лондон, детство в России, на Украине, эмиграция. Боги, приходя на землю, приносят свет, красоту, науки, но люди не умеют правильно распорядиться этими богатствами. И как только землю заливает кровь и освещают пожары войн, боги уходят. Они возвращаются, когда верх берет разум, но это происходит все реже. Критика, отмечая блеск, образованность и яркость Д.-публициста, не увидела этих качеств в Д.-беллетристе. По ее мнению, кн. не выиграла оттого, что стала романом, лучше бы это был сб. статей и очерков о разном, «о чем г.Дионео пишет всегда с неподражаемым мастерством» (Арсений Мерич [*Даманская А.*] // Дни. — 1923. — 11 февр.).

В 1917 в Харбине вышла кн. Д. «Свобода печати», в 1919 (Лондон) — «Англия за пять лет (1914-1919)», а в 1920 (Париж) — «Англия 1914-1919. За пять лет» — «сжатый обзор кровавого пятилетия». В издании рус. К-та Освобождения вышла кн. «Russia under the Bolsheviks» (Лондон, 1919), в к-рой автор делает попытку защитить честь России от большевистского позора. Преимущества «хорового», а не классо-

вого начала в стр-ве демокр. об-ва (в противовес адской системе большевиков) показаны в кн. «Новые стадии «хорового начала» в Англии» (Лондон, 1920). В Париже (1920-21) выходит кн. Д. «Ирландские очерки», а в Стокгольме (1921) — «Пестрая книга: Двенадцать портретных характеристик» (Ч. 1-2). Последняя составлена из ст. в «Рус. богатстве» и представляет собой характеристики разл. деятелей как политики, так и культуры (Парнелл, Кропоткин, Сервантес, Шекспир и др.). Кн. была высоко оценена критикой: «Чего бы ни коснулся Дионео — он всюду находит борьбу за идеал, за гуманные цели, всюду выдвигает прекрасные рыцарские фигуры» (Мельникова-Папоушкова Н. // Воля России. — 1921. — 11 авг.).

Размышления о природе свободы, прогресса, счастья, к-рые не зависят от «декретирования самого идеального строя» и не достигаются «загоном пулеметами людей в земной рай», составили содержание кн. «Первый устой» (Лондон, 1921). Неуважение к отдельной личности, безнравств. насилие во имя будущих поколений приводят к еще более жестокой деспотии. Д. показывает, что революция не только не избавила народ от ужасов прежнего правления, «но и прибавила такое, чего народ и представить не мог». «Свобода несовместима с господством человека над человеком или класса над классом» (с. 39). На примере Англии Д. показывает путь, ведущий, по его мнению, к свободе и демократии. В 1924 (Прага) выходит кн. Д. «Англия после войны», к-рая «насыщена фактами и цифрами, написана общедоступно и увлекательно» (Лутохин Д. // Воля России. — 1924. — № 3. — С. 94). Д. принадлежал «к числу тех немногих писателей, которые корреспонденциями сумели создать себе крупное литературное имя» («Рус. ведомости», 1863-1913. — М., 1913. — С. 62).

Архив Д. в РГАЛИ. Ф.1390.
+РП-2.

О.Е.Блинкина

ДОН-АМИНА́ДО, Аминад Петрович, (наст. имя и фамилия: Аминодав Пейсахович Шполянский; 25.IV(7.V). 1888, Елизаветград — 14.XI.1957, Париж) — прозаик, поэт и сатирик. Родился в купеческой семье, в 1906 окончил елизаветградскую г-зию, поступил на юрид. ф-т ун-та в Одессе, окончил юридич. ф-т ун-та Св. Владимира (Киев) . С 1910 жил в Москве. Дебютировал как автор злободневных фельетонов и обозр., печатавшихся в «Одесской газ.» и «Раннем утре» в 1913-14. С 1914 сотр. популярного сатирич. еженед. «Новый Сатирикон». Первая кн. стихов «Песни войны» (М., 1914) и пьеса «Весна семнадцатого года» (М., 1917) не принесли автору успеха. В годы первой мировой войны Д.-А. печатался в моск. газ. «Веч. новости» (под псевд. Гидальго), «Новь», «Утро России», «Раннее утро», и др. изд. Февр. революцию встретил восторженно (стих. «Первая радость». — РГАЛИ. Ф. 90. Оп. 1. № 57), Окт. не принял. Жил в Киеве, 20 янв. 1920 из Одессы на корабле «Дюмон д'Юрвиль» уехал в Константинополь, оттуда через Марсель в Париж. Вспоминая минуты отъезда, писал: «Все молчали. И те, кто оставался внизу, на шумной суетливой набережной. И те, кто стоял наверху, на обгоревшей пароходной палубе. Каждый думал про свое, а горький смысл был один для всех: «Здесь обрывается Россия над морем Черным и глухим» («Поезд на третьем пути». — Нью-Йорк, 1954. — С. 248; переизд.: М., 1991).

В эмиграции открылись новые грани таланта Д.-А. Характерная для его раннего творчества тема «маленького человека», неприятие пошлости и бездуховности, критика рос. мещанства окрашиваются чувством горечи и пессимизма. Назвав. Д.-А. «совершенно замечательным поэтом», *М.Цветаева* писала ему: «Вся Ваша поэзия — самосуд эмиграции над самой собой» (Новый мир. — 1969. — № 4. — С. 213). «Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию» (там же. — С. 212). Сб. стихов и прозы «Дым без отечества» (Париж, 1921), «Наша маленькая жизнь» (Париж, 1927; М., 1994), «Накинув плащ: Лирич. сатиры» (Париж, 1928) продолжают классич. традицию рус. юмора с его состраданием к «маленькому человеку». Однако эта тема трансформируется применительно к эмигр. зарубежью. «Дым без отечества» щиплет глаза, туманит сознание его героя, злой скепсис разочаровавшегося в революции либер. интеллигента превращается в мировую вселенскую скорбь. Прежний мир хрустнул и раскололся, «как маленький

орех», поэтому герой сатиры Д.-А., близкий самому автору, не верит ни в народ, ни в высокое иск-во. Цикл стихов о Париже назван «Бескрылые дни» (сб. «Наша маленькая жизнь»); поэт рассказывает об испивших последнюю каплю, о стоящих на самом краю. «Маленькая жизнь» рус. колонии во Франции раскрывается как бесконечная цепь унижений и страданий. Мотив ностальгии отчетливо звучит в кн. «Накинув плащ». *И.Бунин* писал: «Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах), и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту — художественному, а не только газетному, злободневному» (СЗ. — 1927. — № 33. — С. 523).

С годами желчная интонация первых эмигр. сб-ков Д.-А. сменяется более мягкой. Он призывает к бодрости и стойкости, «отблеск сновидений» прежней жизни тем ярче в его стихах, чем темнее ночь. «История есть мельница богов», — убеждает поэт, советуя соплеменникам «не шляться с мордой освежеванного кролика» («Дым без отечества». — С. 85) и перестать заниматься способами «спасения Руси». Д.-А. сотрудничал в берлинских и парижских изд.: в 1920-21 ред. дет. журн. «Зеленая палочка» (Париж), печатался в париж. журн. «ИР», «Свободные мысли», «СЗ», «Сполохи», пост. сотр. газ. «ПН». *Д.П.Святополк-Мирский* заметил, что «самый главный из прославившихся уже в эмиграции писателей, самый любимый, истинный властитель дум зарубежной Руси — Дон-Аминадо. Благодаря Дон-Аминадо мы можем сказать про Париж: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», пахнет Крещатиком и Ланжероновской, так как живы здесь «Последние новости», достойный наследник «Киевской мысли» и «Южного Края». Конечно, Дон-Аминадо ближе социологически и политически к *Алданову*, чем к генералу *Краснову*, но он стоит выше партийных и классовых перегородок и объединяет все зарубежье на одной, всем приемлемой платформе всеобщего и равного обывательства» (Евразия. — 1929. — № 7. — 5 янв. — С. 6). Будучи постоянным фельетонистом «ПН», Д.-А. из номера в номер печатал остроумные фельетоны, высмеивающие сов. вождей (Сталина, Троцкого, Бухарина, Рыкова и др.), издевался над ложью большевист. пропаганды. Иной тональностью отличаются лукаво добродушные или лиро-сатирич. картинки из жизни рус. эмиграции. *А.Седых* писал: «В стихах Дон-Аминадо был лиричен. Его проза напоминала удары рапиры» (Седых. — С. 81). Положит. идеал Д.-А., как у мн. сатириков и юмористов зарубежья, проявляется не только в рус., но и в дет. теме («Рассказ про мальчика Данилку, серую котомку и еще что-то». — Берлин, 1922), цикл рассказов о «денационализированном мальчике» Коле Сыроежкине и др. Устами своего героя, близкого самому автору, он выражает мечту о прочном укладе жизни, о простом домашнем уюте. В рец. на кн. «Накинув плащ», *Г.Адамович* проницательно заметил: «Тоска об «уюте» в русской душе есть сейчас кончик той линии, на другом конце которой сияют и последняя гармония, и торжество мировой справедливости, и прочие прекрасные вещи» (ПН. — 1928. — 25 окт.).

В 1930-х Д.-А. становится крупнейшим сатириком рус. зарубежья, возглавив после умершего *А.Т.Аверченко* возобновленный в 1931 М.Корнфельдом в Париже журн. «Сатирикон» (см. «Поезд на третьем пути». — Нью-Йорк, 1954. — С. 339-340). Свою прозу в этом журн. он подписывал псевд. К.Страшноватенко. Журн. просуществовал ок. года: «Друзья говорили — денег нехватило, враги говорили — юмор был, а юмористов как кот наплакал» (там же. — С. 339). Вышедшая в 1935 книга Д.-А. «Нескучный сад» (Париж) содержала наряду с поэтич. произв. циклы афоризмов под общим загл. «Новый Козьма Прутков» («Похвала глупости», «Рос. крестословицы», «Любовь к ближнему», «Философия каждого дня» и др.). «Новый Козьма Прутков» блистательно остроумен и зол. Он подвергает сомнению все моральные ценности: любовь к ближнему, дружбу, доброту, справедливость. Его характерный прием — выворачивание наизнанку расхожего житейского правила из кодекса мещанской морали. Ему не чужд также сатирич. парадокс, иронич. каламбур. Лит. предшественником автора является не только простоватый тугодум Козьма Прутков, но и блестящий Оскар Уайльд. Его «общие места наизнанку» и иронически лукавые «перевертыши» часто воскресают в афоризмах Д.-А. Творчество Д.-А. было замечено на родине: перепечатывая его произв., журн. «За рубежом» в ред. ст. писал: «Дон-Аминадо является одним из наиболее даровитых уцелев-

ших в эмиграции поэтов. В стихотворениях этого белого барда отражаются настроения безысходного отчаяния гибнущих остатков российской белоэмигрантской буржуазии и дворянства» (За рубежом. — 1934. — № 6. — С. 10). По словам *М.Горького*, Д.-А. — человек «неглупый, зоркий и даже способный чувствовать свое и окружающих негодяйство — негодность для жизни» (Архив А.М.Горького. — М., 1965. — Т. 10. — Кн. 2. — С. 239). Безапелляционная резкость этих отзывов основывалась на тех произв. Д.-А., в к-рых ощутимо чувство гибельного тупика рос. эмиграции. Характерно название восп. Д.-А. «Поезд на третьем пути». Повествование о жизн. пути автора, характеристика лит.-худож. жизни России и рус. зарубежья даны сквозь призму мироощущения эмигранта: «Бури. Дерзанья. Тревоги. Смысла искать — не найти. Чувство железной дороги... Поезд на третьем пути» (там же. — С. 351). В последние годы жизни приходит горестное понимание, что «цена изгнания есть страшная цена» (там же. — С. 246). Д.-А. обращает взор к дорев. России, размышляет о судьбах страны и своего поколения. Эти раздумья отражены в сб. «В те баснословные года» (Париж, 1951), к-рый предваряет эпиграф из Тютчева: «Я знал ее еще тогда / В те баснословные года». Наряду с лирич. зарисовками рос. провинции, быта столичной богемы и картинами париж. жизни в него вошли также новые «Афоризмы Козьмы Пруткова». В отличие от афоризмов 1930-х они более философичны: исчезли злободневные намеки на Гитлера и Сталина, появились общечеловеч. мотивы и ностальгич. ноты.

Оценивая значение творчества Д.-А., Седых писал: «Дон-Аминадо был сатириком, достойным наследником Козьмы Пруткова, а по-настоящему он хотел быть только поэтом, писать об уездной сирени и соловьях, о золотых локонах Тани в легкой зимней пороше» (Седых А. — С. 80). Сатирик, действительно, был в Д.-А. сильнее юмориста, но и за тем и за другим скрывался тонкий и грустный лирик. После второй мировой войны он почти не печатался, жил под Парижем в маленьком городке Иер, почему называл себя «иеромонахом». По свидет. А.Седых, еженед. фельетоны он заменял письмами в Америку, к-рые были столь же остроумны (см. Седых А. — С. 78).

Несомненной заслугой Д.-А. является не только его сатира, продолжающая классич. традицию рус. лит-ры, но и пропаганда этой традиции в Европе: антология рус. юмора «Смех в степи» — «Le rire dans la steppe» (Р., 1927; совместно с М.Декобра). На франц. яз. вышла кн. Д.-А. «Pointes de feu» (Р., 1939). Архив Д.-А. передан в 1966 его вдовой Н.М.Шполянской в РГАЛИ (ф. 2257).

Изд.: Парадоксы жизни: Стих., восп., афоризмы. — М., 1991.
Наша маленькая жизнь. — М., 1994.

Лит.: Бунин И. Рец.: «Дым без отечества» // Общее дело. — 1921. — 27 июня.
Дроздов А. Рец.: «Дым без отечества» // Рус. кн. — Берлин, 1921. — № 6.
Цетлин М. Рец.: «Наша маленькая жизнь» // ПН. — 1927. — 14 июля.
Цетлин М. Рец.: «Накинув плащ» // СЗ. — 1928. — № 37.
Крайний А. [Гиппиус З.] Рец.: «Нескучный сад» // СЗ. — 1935. — № 58.
Зуров Л. Дон-Аминадо // НЖ. — 1968. — № 90; переизд.: Поэзия. — М., 1991. — № 59.
Спиридонова-Евстигнеева Л.А. Рус. сатирич. лит-ра нач. XX в. — М., 1977.
+Бахрах; Казак; Одоевцева; РП-2; Седых; Струве; Шаховская.

Л.А.Спиридонова

ДРОЗДО́В Александр Михайлович (24.X (5.XI).1896, Ярославль — 6.XI.1963, Москва) — публицист, прозаик. Окончил ярославскую г-зию, поступил в Петерб. ун-т, когда, как он сам писал в автобиогр., «гремела уже война» (Новая рус. книга. — 1922. — № 3. — С. 42). Печатался с 1914. Во время гражд. войны был в Одессе, потом в Крыму. В составе Добровольч. армии служил в Отделе пропаганды при Особом совещании Главнокомандующего Добровольч. армии (Осваге). После Крыма — Ростов-на-Дону, агитпоезд в Царицыне, далее — Новороссийск и эвакуация в Константинополь (1920). Потом 3 мес. жил в Париже и в 1921 перебрался в Берлин, где вскоре стал заметной фигурой в лит. кругах.

В 1921 во 2-м т. «Архива Рус. революции» появились восп. Д. «Интеллигенция

на Дону». Там, наряду с яркими картинами им пережитого, высказан своего рода приговор интеллигенции: «Перед угрозой большевизма были сданы все старые интеллигентские позиции: интеллигенция отказалась от оппозиции правительству, от инициативы, даже от свободы — она милитаризировалась и в угол зрения своего поставила шпагу» (с. 46). В Берлине Д. писал о России: «Три года красного режима не только не вызвали из недр народных ни единого писательского голоса, но задушили все голоса, звучавшие в литературе до сих пор» (Руль. — 1921. — 27 марта). В 1921 в изд-ве Ольги Дьяковой (Берлин) вышла первая кн. рассказов Д. «Счастье в заплатах». В берлинском изд-ве «Мысль» в 1921 последовали еще два сб.: «Чертополох» и «Подарок Богу». Рассказы Д., написанные сочно, яростно, привлекли внимание критики. Особый интерес вызвал «Подарок Богу», где выделялся рассказ «ЧЕ-КА», посв. трагедии женщины, вынужденной отдать себя матросу-конвоиру, чтобы спасти мужа. Д. в осн. писал о трагедии революции и гражд. войны. «Автор если не ранит, то царапает несомненно. Почти все рассказы, написаны с силой и ярко, читаются с интересом и запоминаются», — так отреагировал на выход «Подарка Богу» критик, писавший под псевд. Ю.Г.(Ю.Григорков) (Новая рус. жизнь. — 1921. — 2 нояб.). Высоко оценил эту кн. и *И.М.Василевский* (Не-Буква): «Эту книгу хочется считать первой и говорить о ней вдохновенно и радостно, как о нарождении нового писателя в замученной, временно оскудевшей русской литературе» (ПН. — 1921. — 12 июля). Но были и другие отзывы: «Состояние сумасшедшей истерики ни в коей степени не способствует ...большому, настоящему искусству... У Дроздова, находящегося в подобном состоянии, очень много слов о России... Своим истерическим голосом он кричит об этом в каждой строке», — с такой рецензией выступил литератор, избравший псевдоним А.В. (Общее дело. — 1921. — 25 июля). Изд-во «Мысль» продолжало публиковать Д. и в 1921 увидела свет его пов. «Распятие». Речь в ней шла о трагедии семьи, в к-рой сын спасает старика отца, вступившего в заговор против сов. власти и потом гибнет от руки собств. сына-эсера. Надо сказать, что такое нагромождение сюжетных линий весьма характерно для творчества Д. «Портят прежде всего публицистические отступления, нарушающие стройность и цельность художественного настроения. В общем, повесть следует приветствовать, как попытку подняться над хаосом гражданской войны», — считал С.Лобковский (Время. — 1921. — 11 апр.).

В кон. 1921 Д. начал изд. журн. «Сполохи». «Не принадлежа ни к какой партийной группировке и задаваясь иными целями, мы отодвигаем в сторону вопросы активной политики... Наша прямая задача: послужить русской культуре и литературе из неласкового и невольного далека» (Сполохи. — 1921. — № 1. — С. 27). В 1922 в берлин. изд-вах опубликованы очерки Д. «Человек с чемоданом» и рассказы для детей «Мой дед». Особый резонанс последовал после опубликования в 1922 в изд-ве «О.Кирхнер» ром. «Девственница». События его разворачиваются в маленьком губернском городке среди обывателей, смятых эпохой. Как всегда у Д. присутствуют детективно-мелодраматич. сюжеты (один из героев отравил свою жену), но в целом роман представляет попытку дать образ революции, девственницы, ворвавшейся в мирную жизнь. «Новая попытка Дроздова дать роман Революции... не может быть названа исчерпывающей... Роман написан крепким, свойственным автору языком: облик Революции как бы пронизан религиозностью», — считал *А.Бахрах* (Струги. — Берлин, 1923. — Кн. 1. — С. 202). Также положителен был отзыв Н.Петровской: «А.Дроздов — один из немногих, приемлющих революцию всю до конца, не пугаясь звериного оскала... Он отвращается от прошлого искренне, отряхает прах его от ног и платит по старым счетам душой и искусством. — В этом его очарование как писателя и нового человека» (Накануне. Лит. прилож. — 1923. — 18 марта). В 1922 в изд-ве «Рус. творчество» вышел сб. рассказов Д. «Езуитушка». «И все же даже в неудачных и неряшливых рассказах А.Дроздова сверкнет здесь-там искорка подлинного чувства, прозвучит верный звук, а затем опять десятки страниц небрежной и отчасти самоуверенной скорописи. Бесспорная талантливость заслоняется безвкусицей и ничего не говорящими словами», — полагала *А.Даманская* (Дни. — 1922. — 26 нояб.). «Нет у Дроздова еще и вообще мастерства. У него не было ни спокойствия, ни времени выра-

ботать его. Он не овладел еще речью действующих лиц и потому постоянно срывается со стиля... Но все это — и неумеренность и ошибки стиля — грехи молодости. Они пройдут. Но за ними чувствуется художественный талант», — считал *А.Ященко* (Рус. книга. — 1921. — № 9. — С. 9). С похвалой отозвался о творчестве, о книгах Д. и *М.Слоним* в своем обзоре лит-ры рус. зарубежья (Рус. зарубежная книга. — Прага, 1924. — Ч. 1. — С. 107). Среди «интересных потенций» лит-ры эмиграции обозначил Д. и *А.Белый* (Беседа. — 1923. — № 1. — С. 228). В 1923 издан ром. Д. «Антонов огонь» (Берлин).

Д. продолжал и активную организаторскую деятельность. Им было создано лит. объединение «Веретено», начат вып. альм. «Веретено» и журн. «Веретеныш». Однако все более обозначавшиеся сов. симпатии Д. привели к расколу созданного им лит. объединения. Из него вышли 12 писателей, в том числе *И.Бунин*, *В.Набоков*, *С.Горный*. Д. стал выступать в сочувствующей сов. России газ. «Накануне» с яростными обвинениями против эмиграции. Особый протест вызвала ст. Д. против газ. «Руль»: «Мне хочется сказать, что оппозиция рулевого толка — пустая оппозиция ради оппозиции, исконная, интеллигентская наша болезнь... Она вскормлена злобой за поражение» (Накануне. — 1923. — 15 марта).

Такой резкий переход Д. на противоположные полит. позиции смутил многих. Гл. ред. «Новой рус. книги» А.Ященко, опубликовавший много рецензий Д., писал: «А.Дроздов — писатель «эмиграции», возненавидевший ее, выпустил в Берлине ряд книг... с художественным дарованием, но вследствие своей чрезмерной склонности к патетичности и риторике — линия *Леонида Андреева* — часто неприятный. Очень неточный в художественных деталях, торопливый и сплошь и рядом однообразный» (Новая рус. книга. — 1922. — № 11/12. — С. 4). В дек. 1923 писатель возвратился в Москву. Уже после его отъезда в Берлине увидели свет в 1924 еще две книги Д. — сб. рассказов «Тупая борозда» и «На второй день». В 1928 в Риге вышла кн. Д. «Маруся Золотые очи», куда вошел одноим. ром., а также пов. «Антоша, человек Божий» и неск. рассказов. «Маруся Золотые очи» была посв. жизни проститутки в послерев. России. Теплое предисл. к кн. написал *Ю.Айхенвальд*: «Прежде всего большое удовлетворение дает самый язык — такой свежий и сильный, полный живой изобразительности, изобилующий сравнениями, которые столь же необычны, сколько и ярки» (с. 7).

В СССР Д. много издавался, в том числе опубл. в Харькове антиэмигр. ром. «Лохмотья» (1928). Работал в ред. моск. журналов.

Изд.: Птица, которая бессмертна // Рус. книга. — 1921. — № 2. О лит-ре рус. эмиграции.

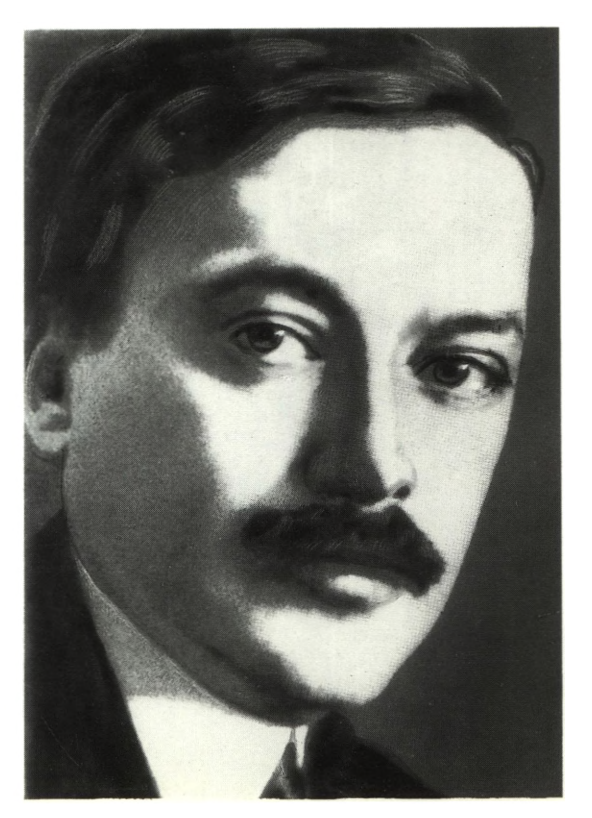
Лит.: Струве Г. Об одном берлинском лит. кружке // НРС. — 1981. — 4 окт.
+Рус.Берлин.

В.В.Леонидов

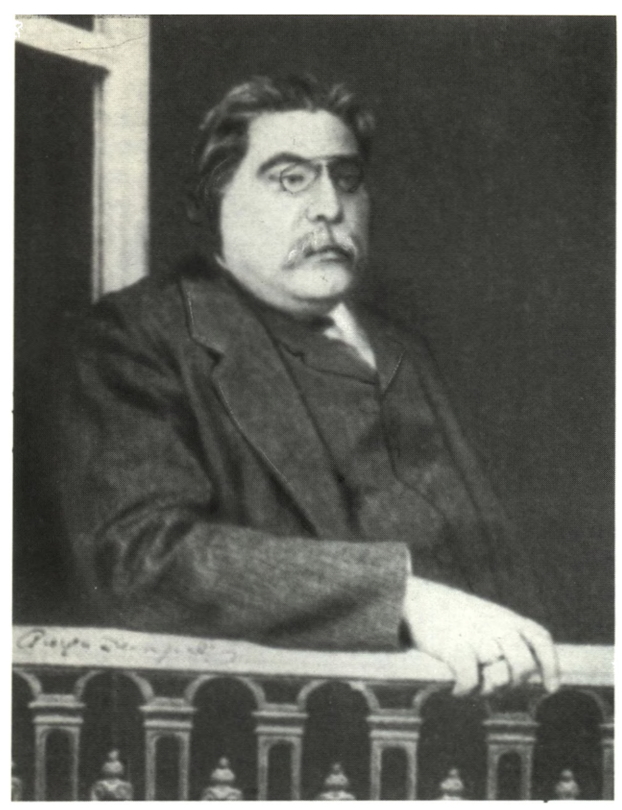
А.Т.Аверченко

Г.В.Адамович

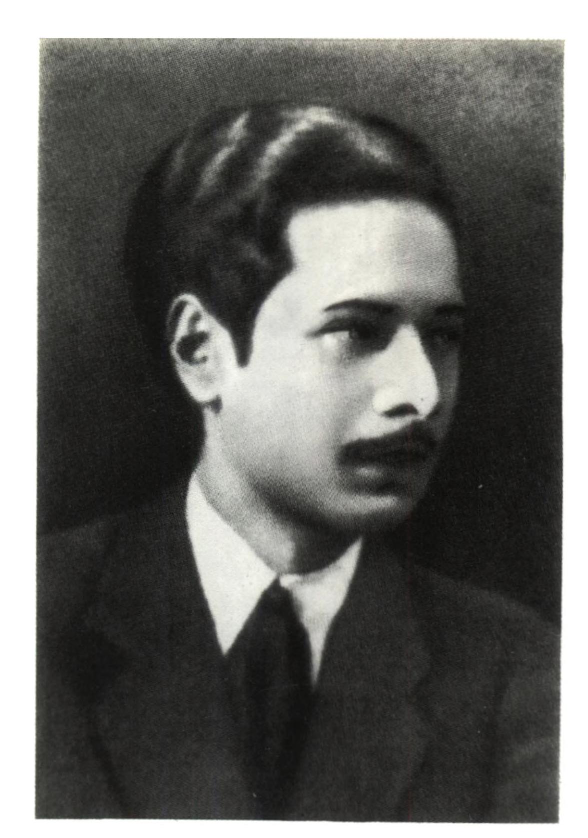
Ю.И.Айхенвальд



М.А.Алданов

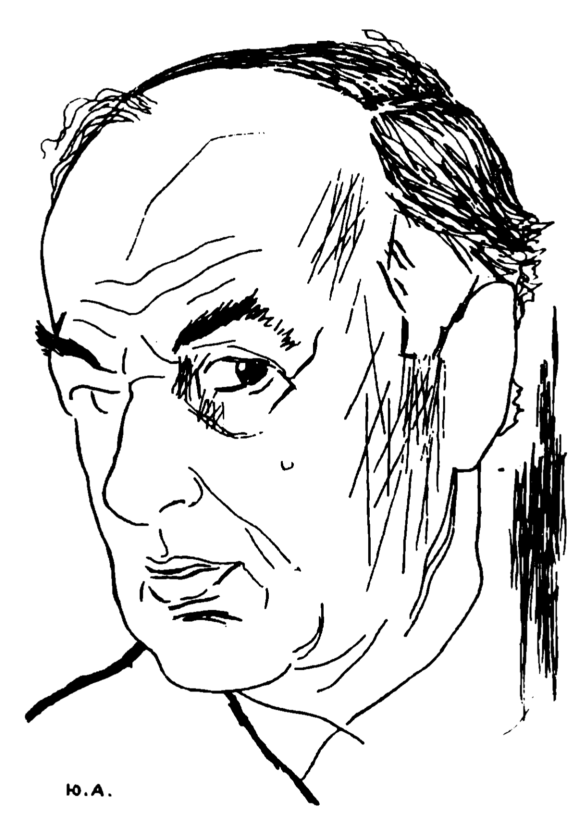


А.В.Амфитеатров

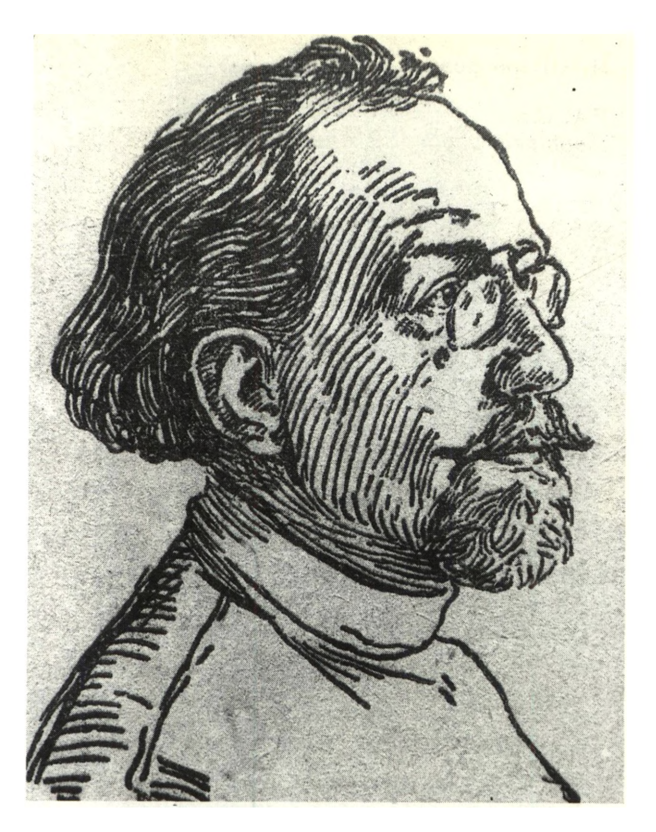


В.Л.Андреев

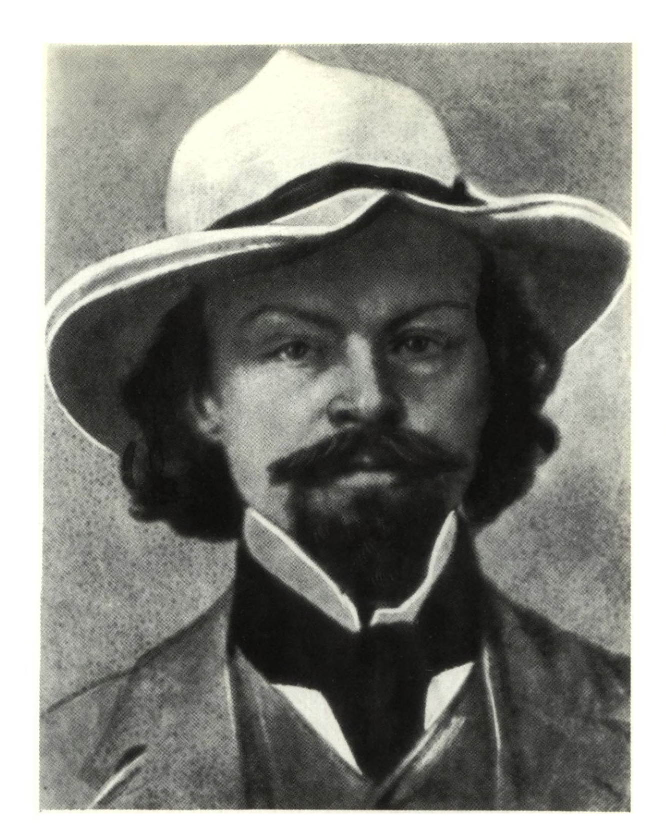
Л.Н.Андреев



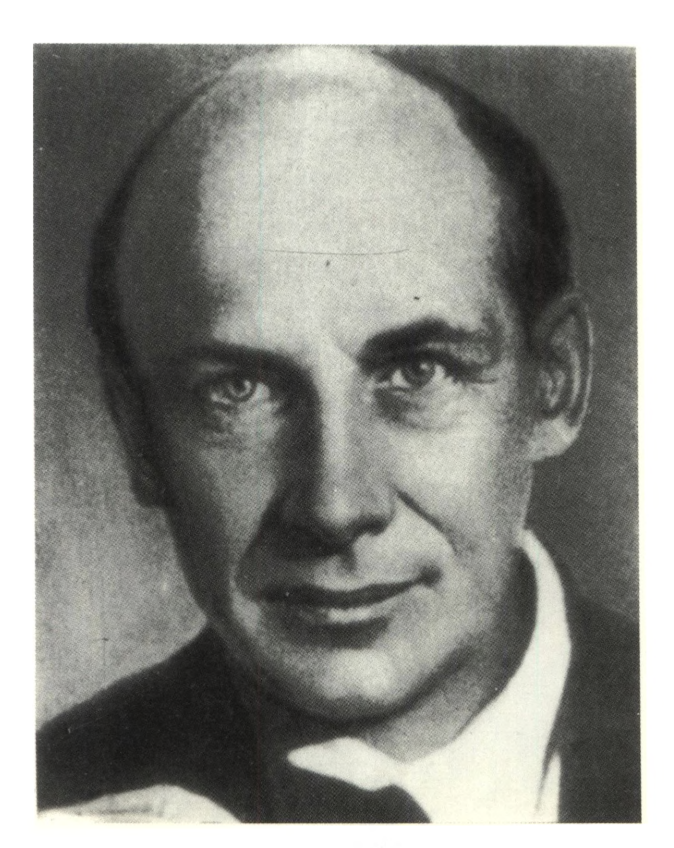
Ю.П.Анненков. *Автопортрет*



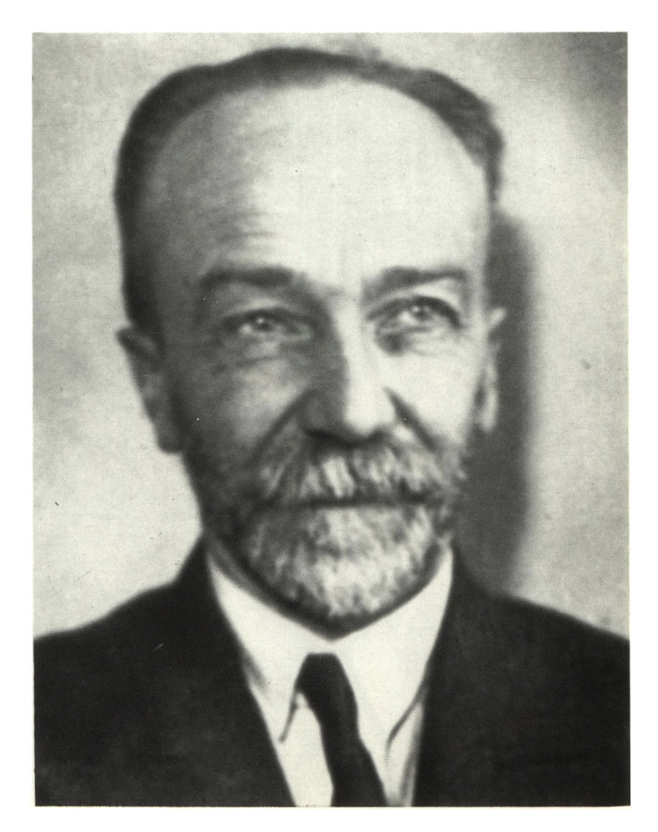
М.П.Арцыбашев



К.Д.Бальмонт



А.Белый

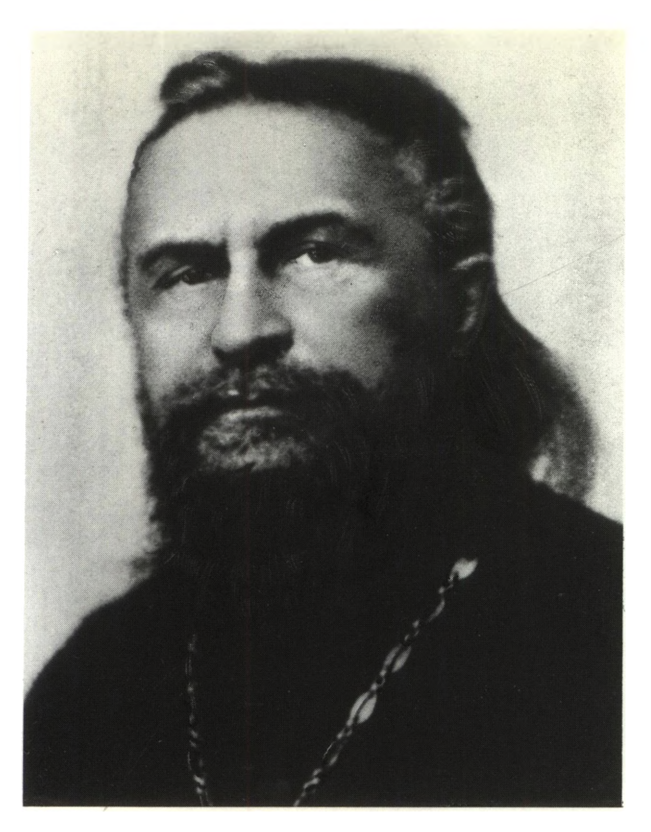


А.Л.Бем

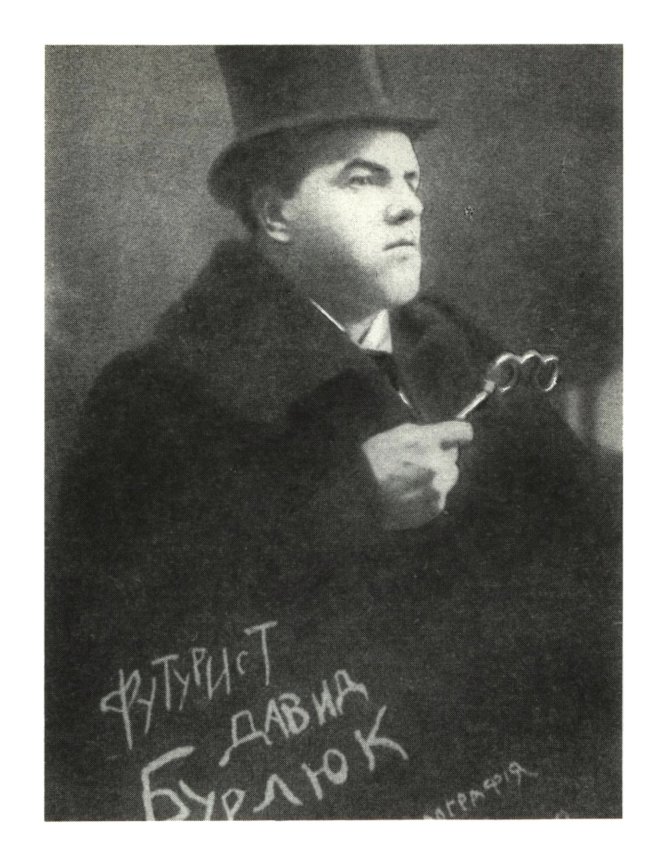
Н.Н.Берберова

Р.Н.Блох
Портрет работы Нины Бродской

Н.А.Бердяев



С.Н.Булгаков



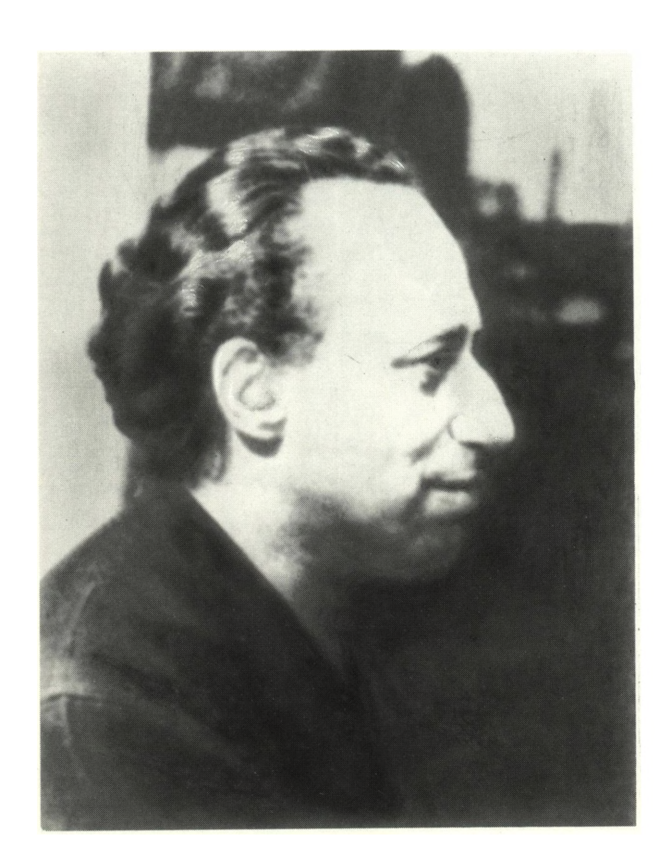
Д.Д.Бурлюк

А.Н.Вертинский

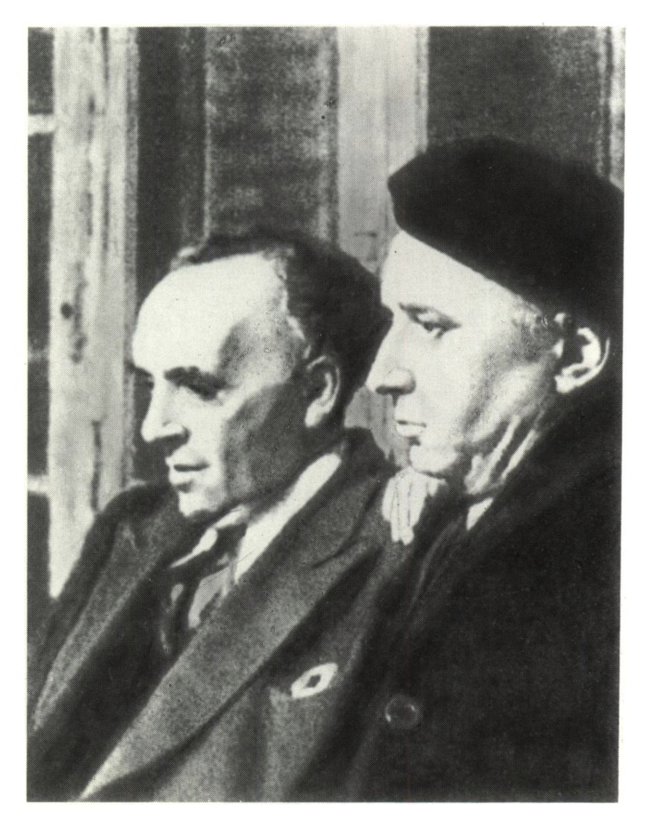
М.В.Волкова

С.М.Волконский

Б.П.Вышеславцев

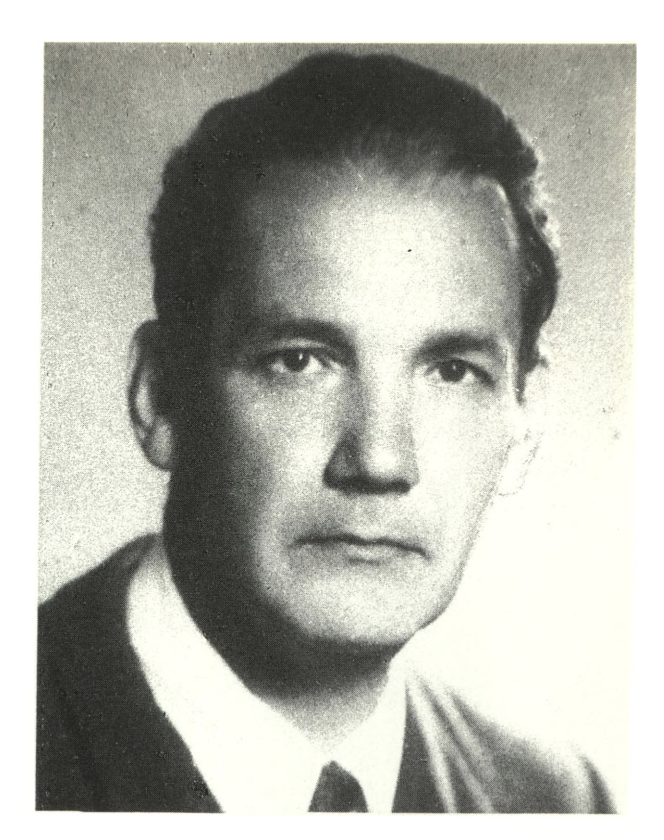


А.С.Гингер



А.С.Гингер и Г.А.Раевский

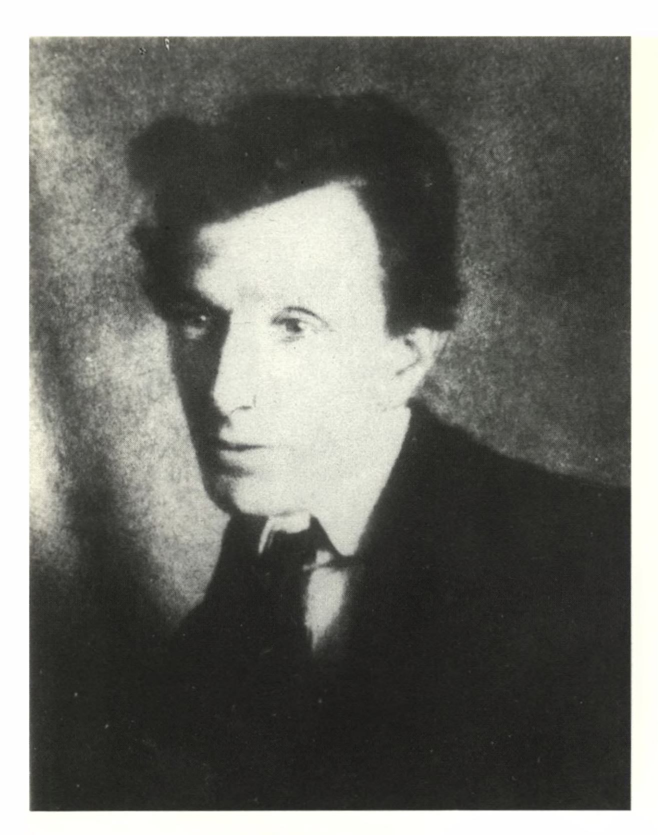
З.Н.Гиппиус



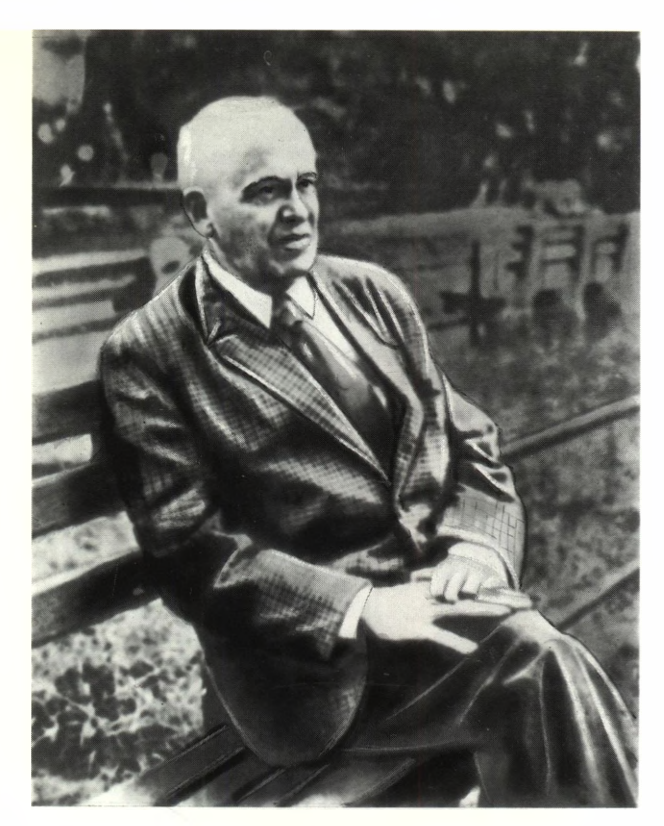
И.Н.Голенищев-Кутузов

А.С.Головина

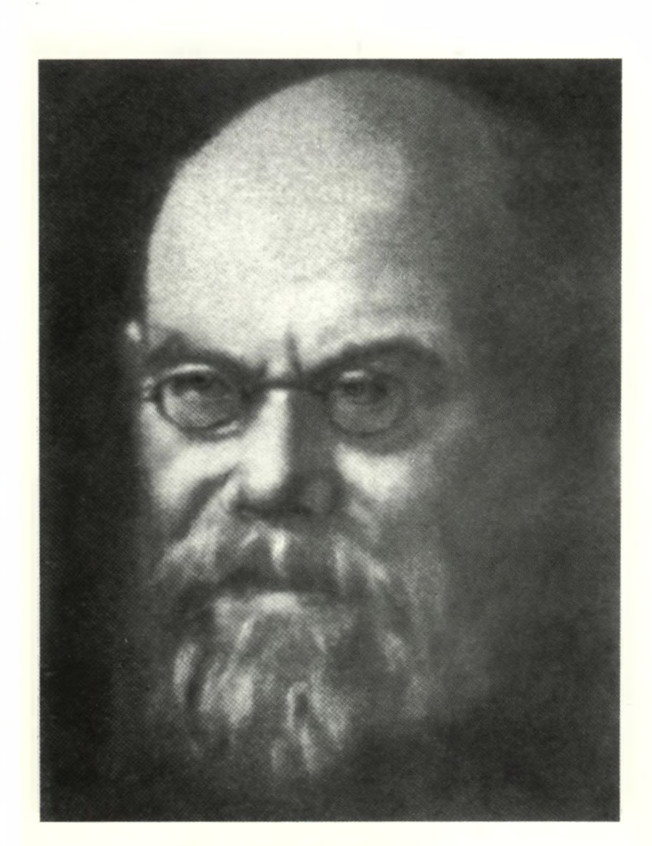
С.Горный



В.И.Горянский



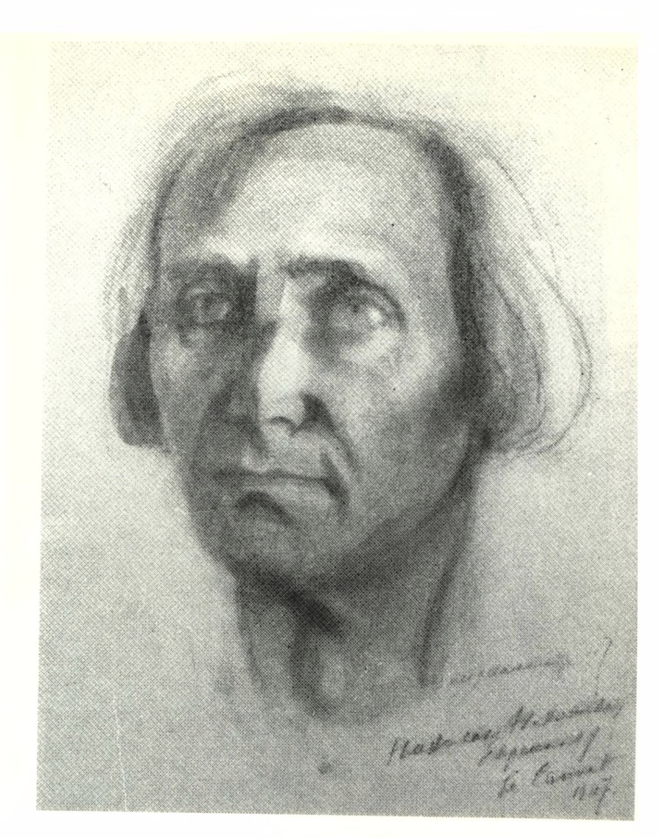
Р.Б.Гуль



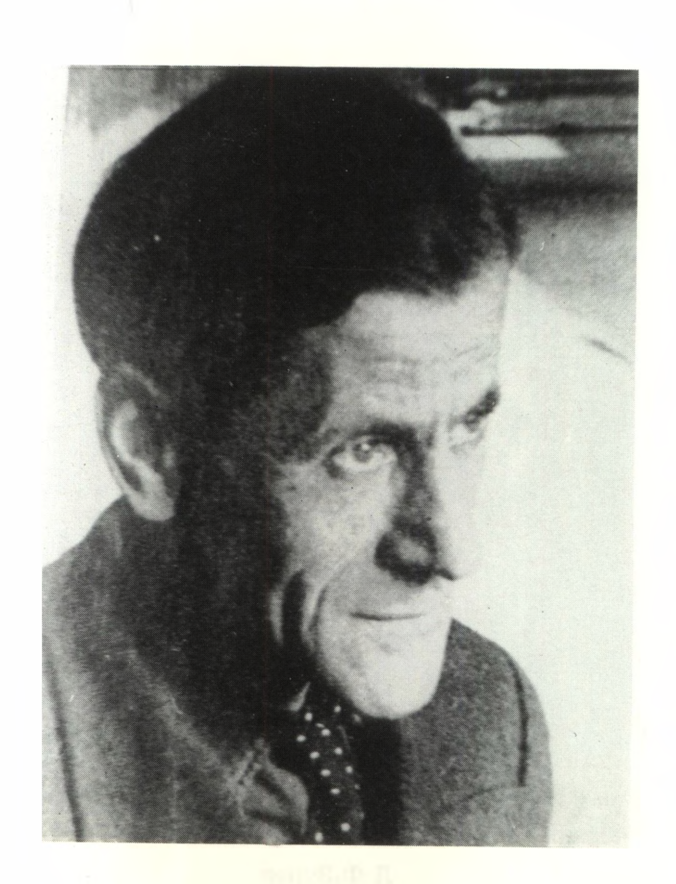
Дионео (И.В.Шкловский)

Дон Аминадо (А.П.Шполянский)

Н.Н.Евреинов

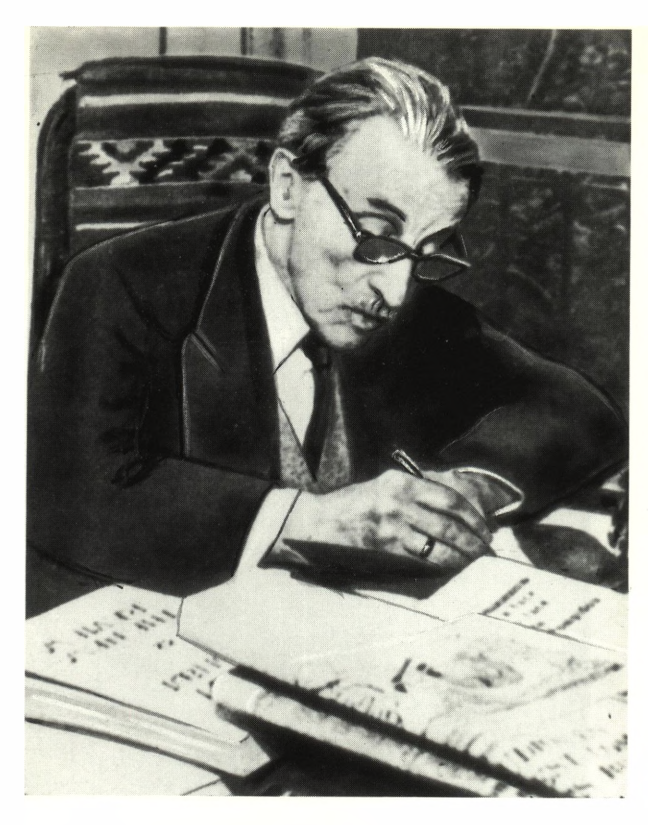


Б.А.Евреинов

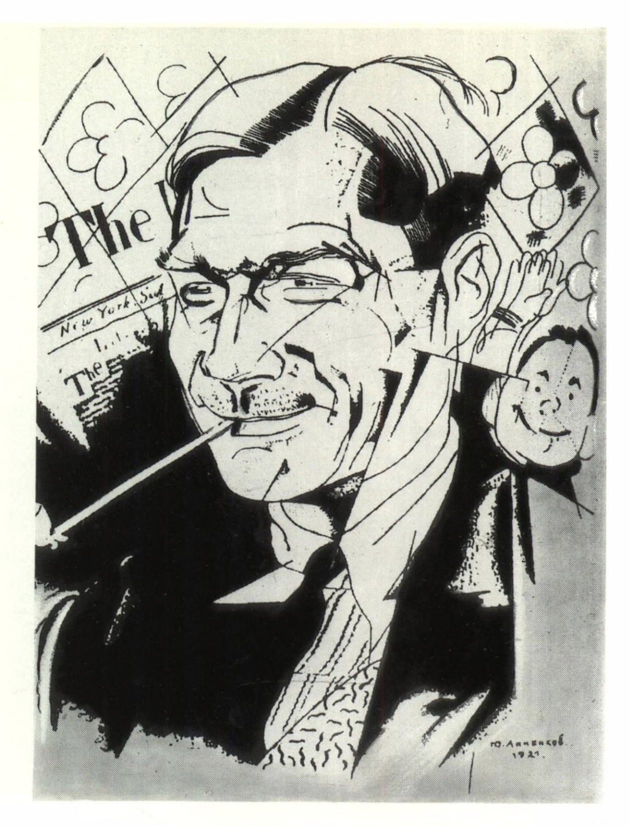


В.Н.Емельянов

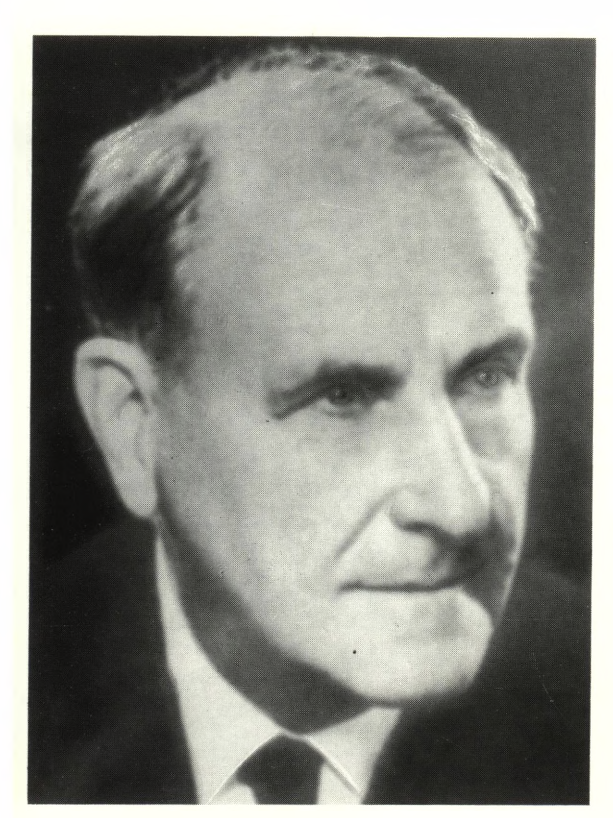
В.Я.Ерошенко
Портрет работы Р.Рудольфа



Б.К.Зайцев

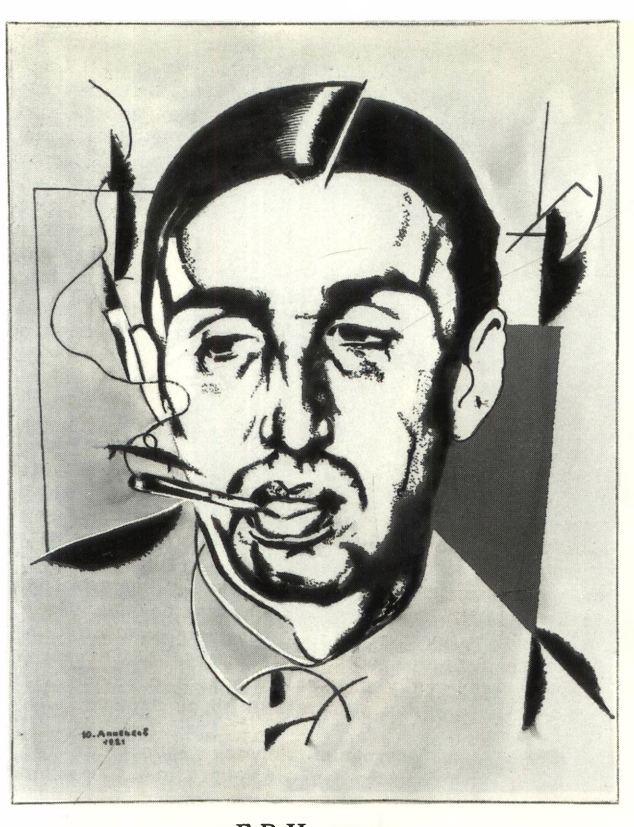


Е.И.Замятин
Рис. Ю.Анненкова

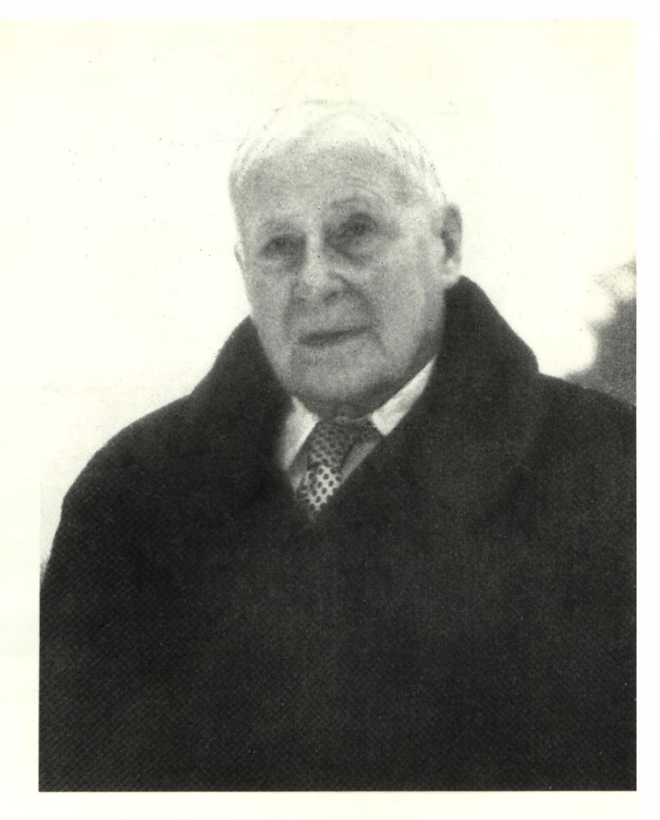


Н.М.Зернов

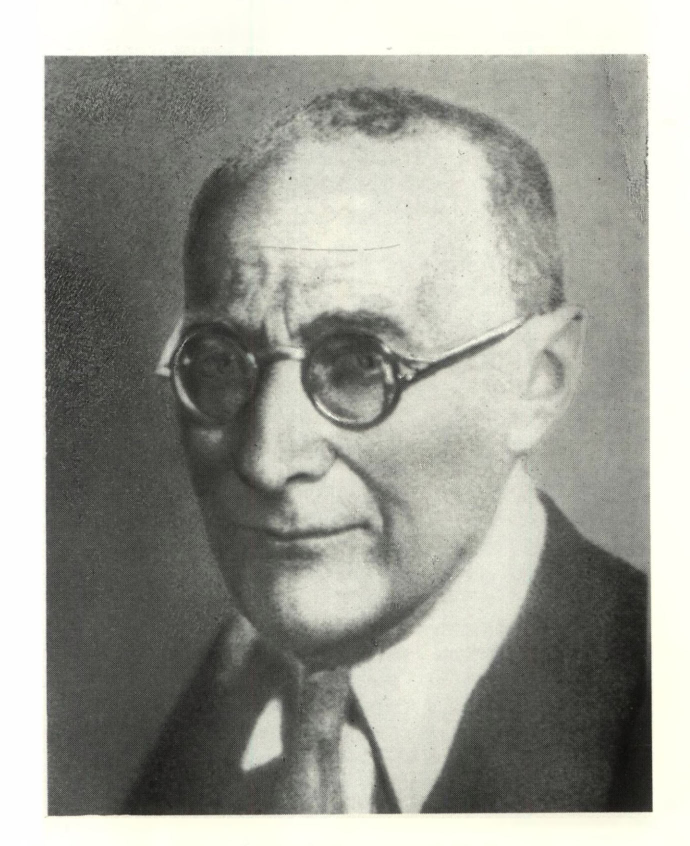
Л.Ф.Зуров



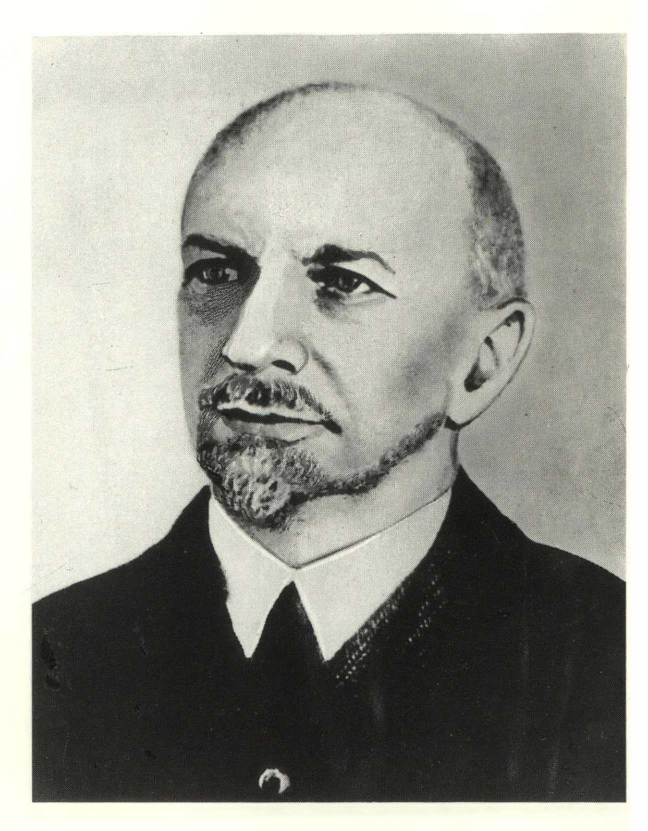
Г.В.Иванов
Рис. Ю.Анненкова



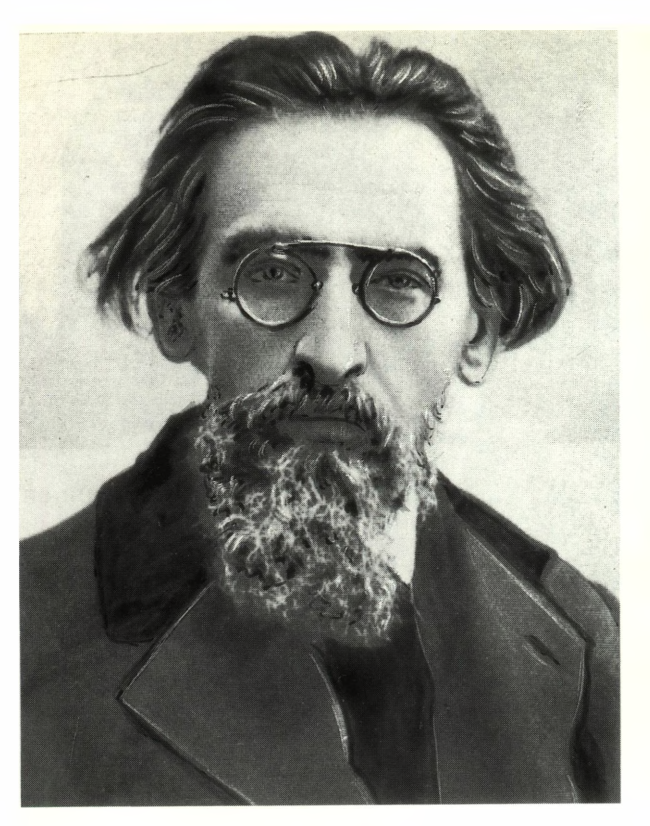
Ю.П.Иваск



В.Н.Ильин

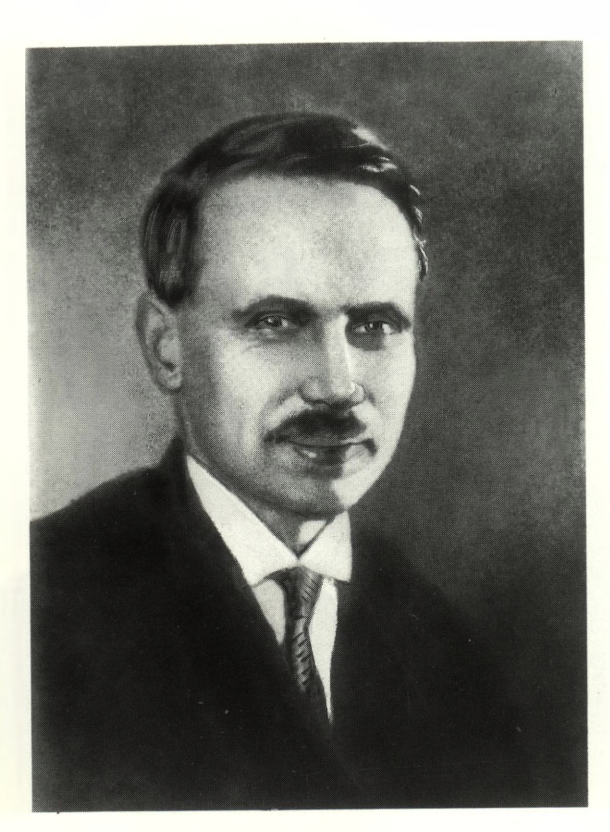


И.А.Ильин



Л.П.Карсавин

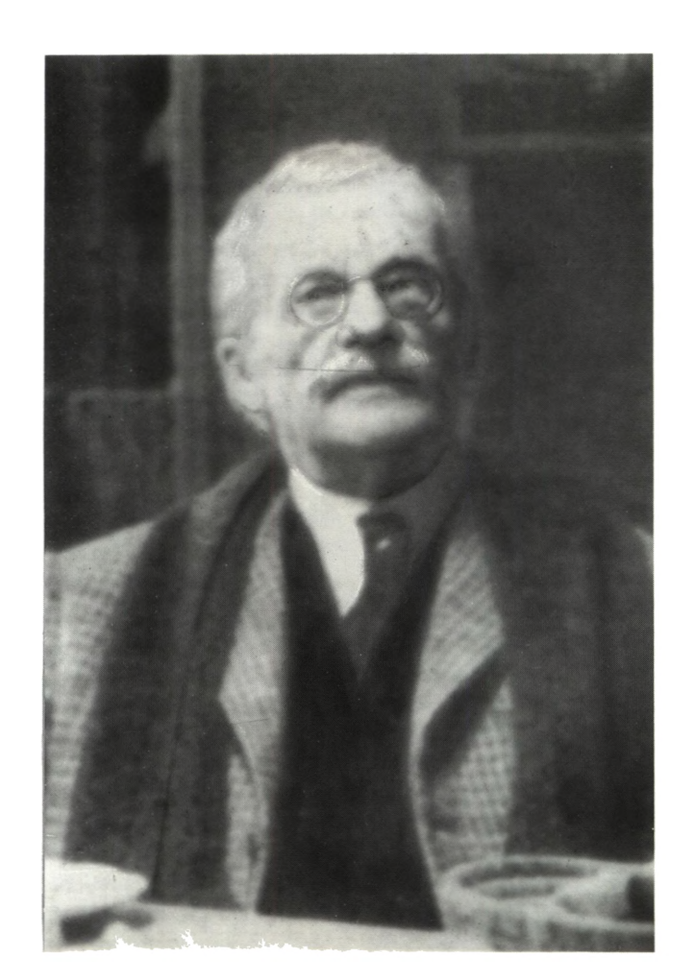
И.Н.Кнорринг



П.Е.Ковалевский

В.Л.Корвин-Пиотровский

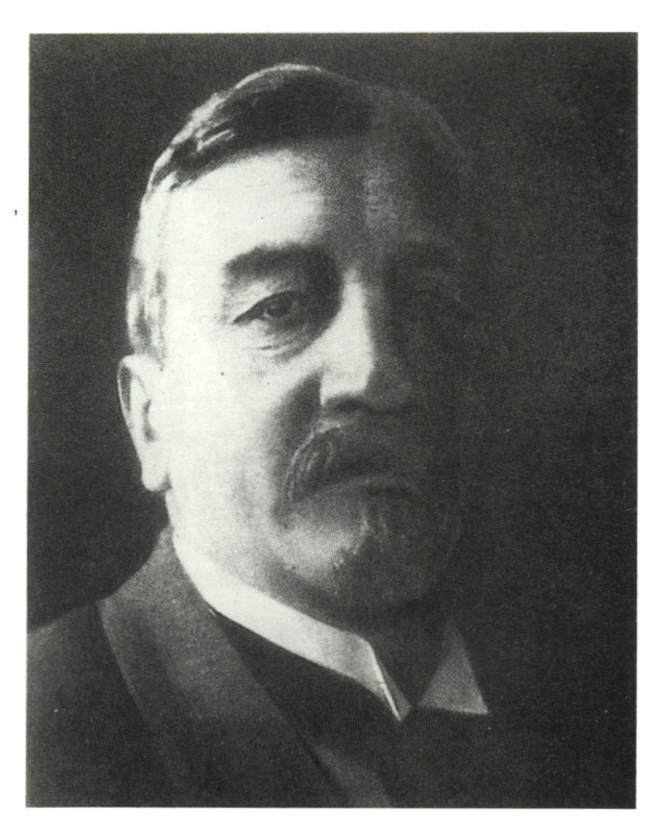
П.Н.Краснов



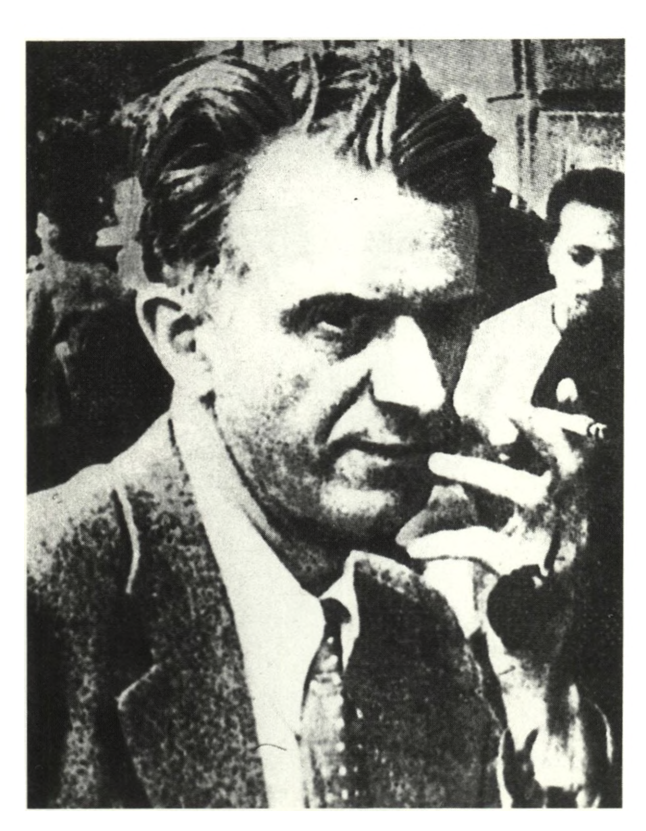
В.П.Крымов

Г.Н.Кузнецова

Е.Ю.Кузьмина-Караваева
(мать Мария)

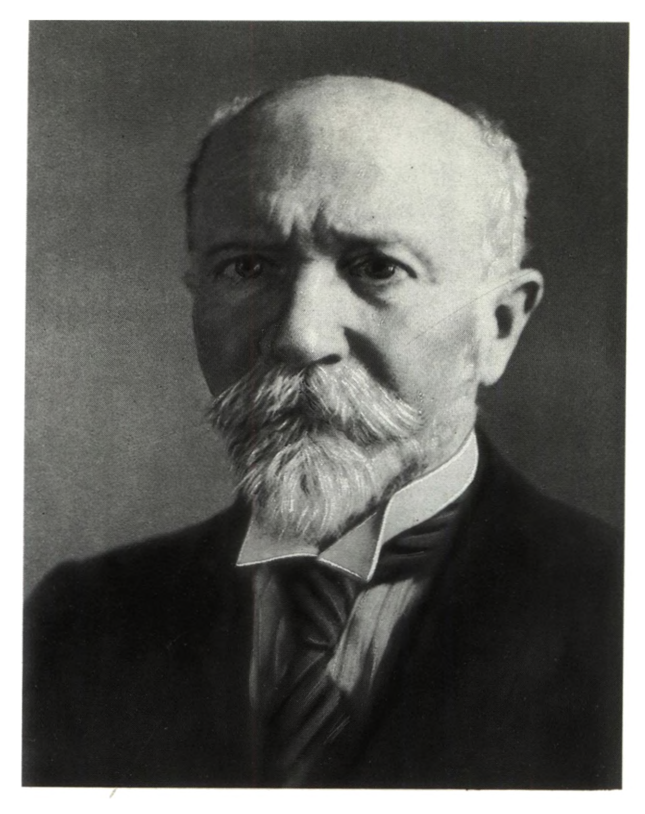


А.И.Куприн

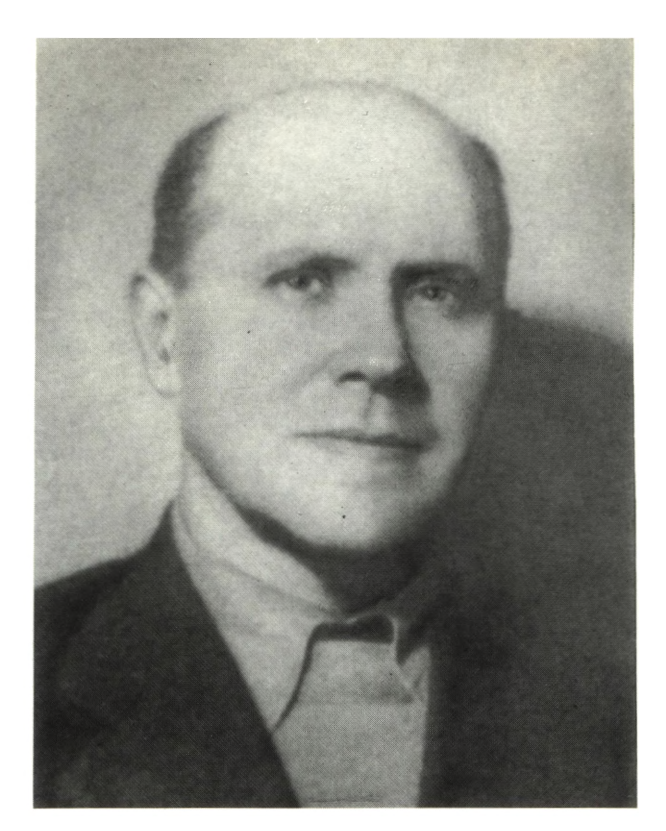


А.П.Ладинский

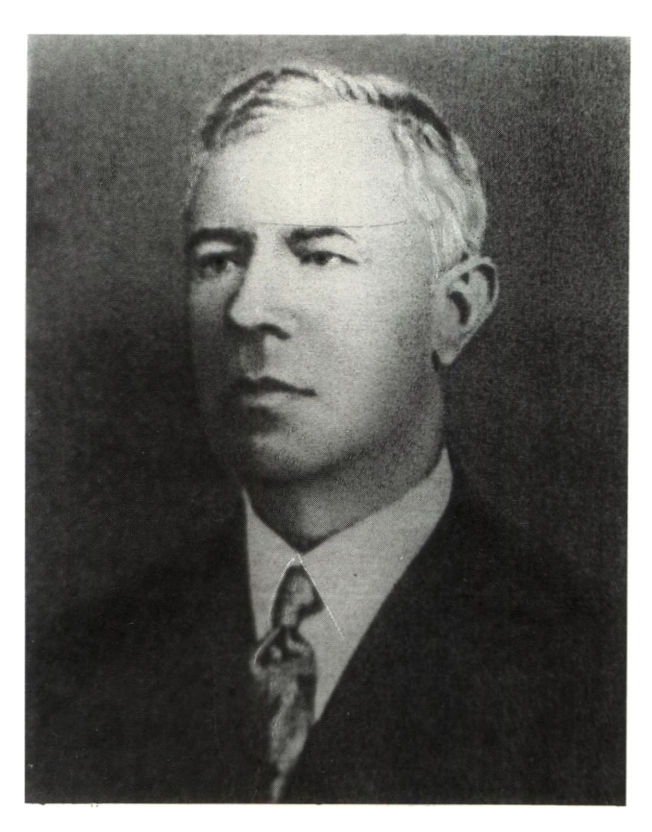
Лоло (Л.Г.Мунштейн)



Н.О.Лосский

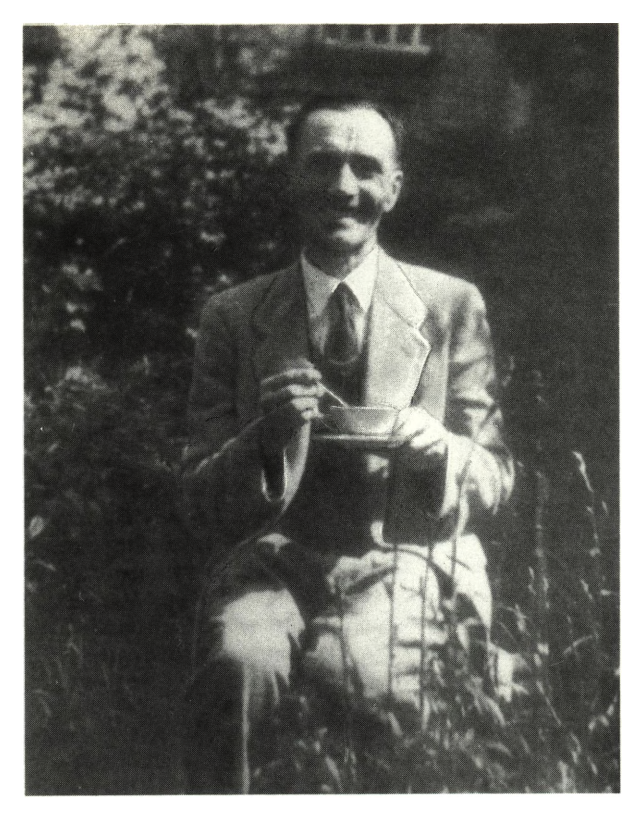


И.С.Лукаш



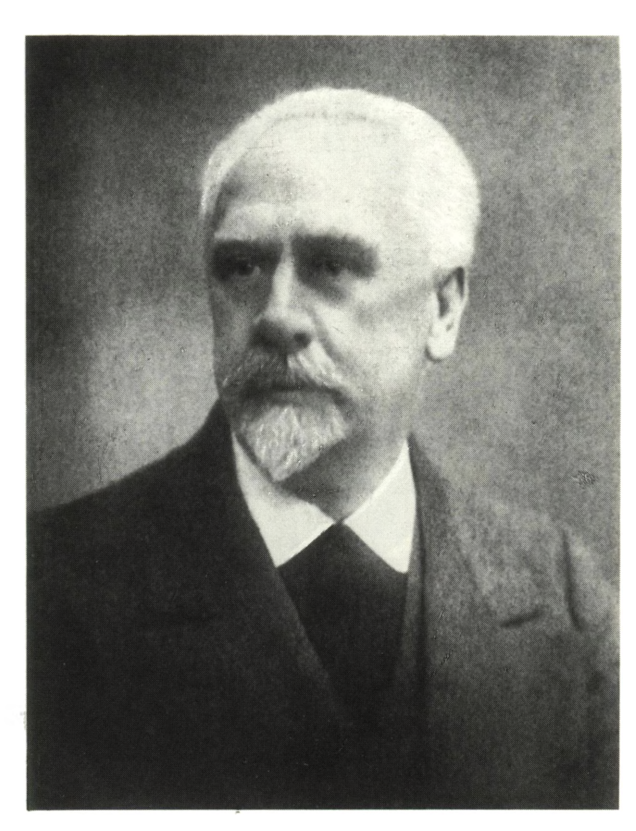
Е.А.Ляцкий

С.К.Маковский

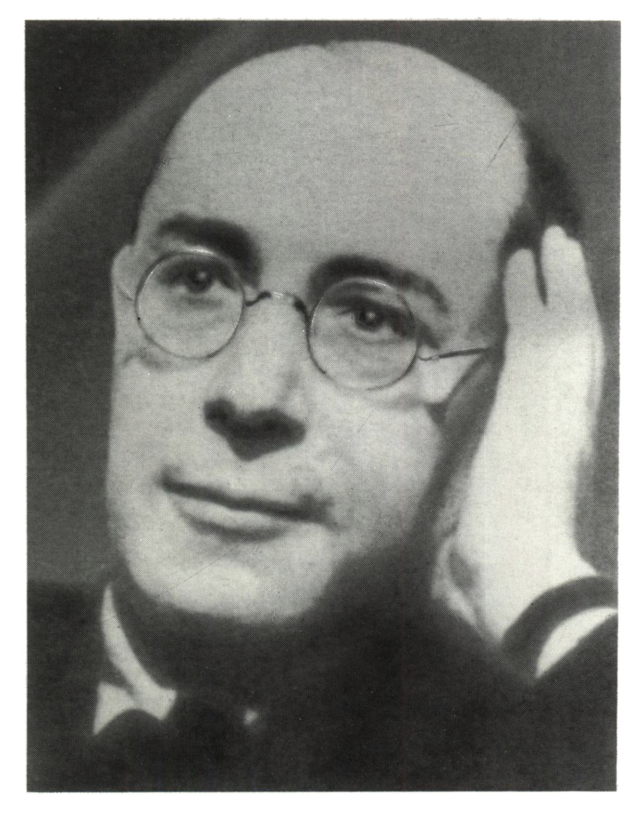


В.А.Мамченко

Д.С.Мережковский

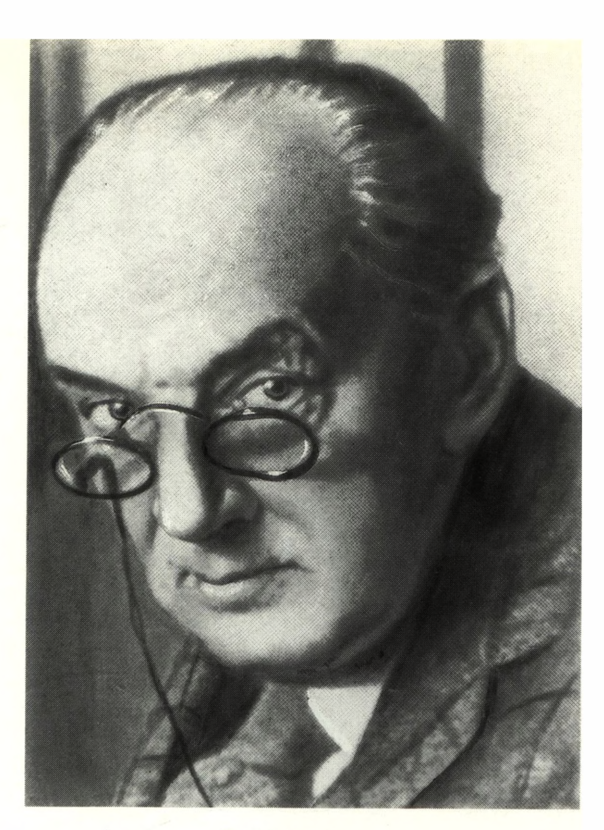


С.Р.Минцлов

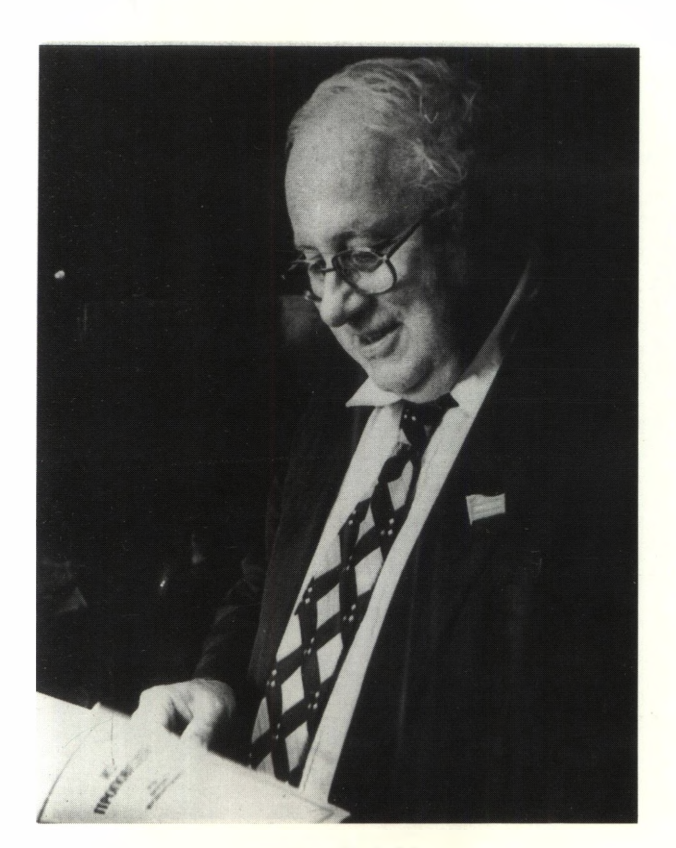


К.В.Мочульский

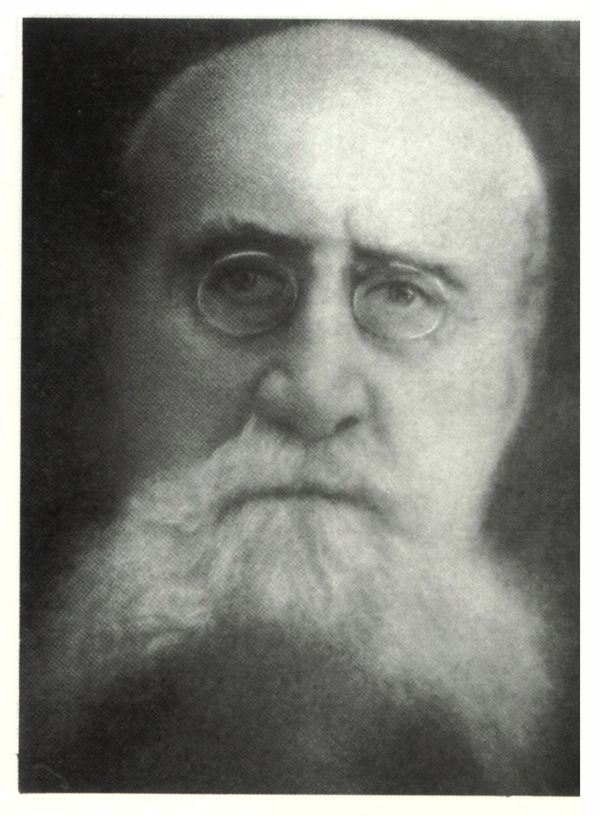
П.П.Муратов



В.В.Набоков



А.Р.Небольсин



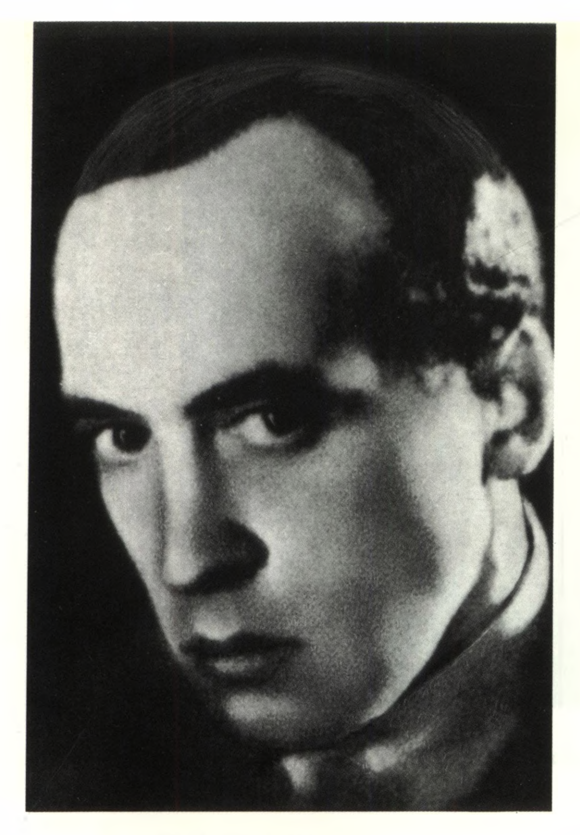
В.И.Немирович-Данченко

А.И.Несмелов

Ю.П.Одарченко

И.В.Одоевцева

М.А.Осоргин

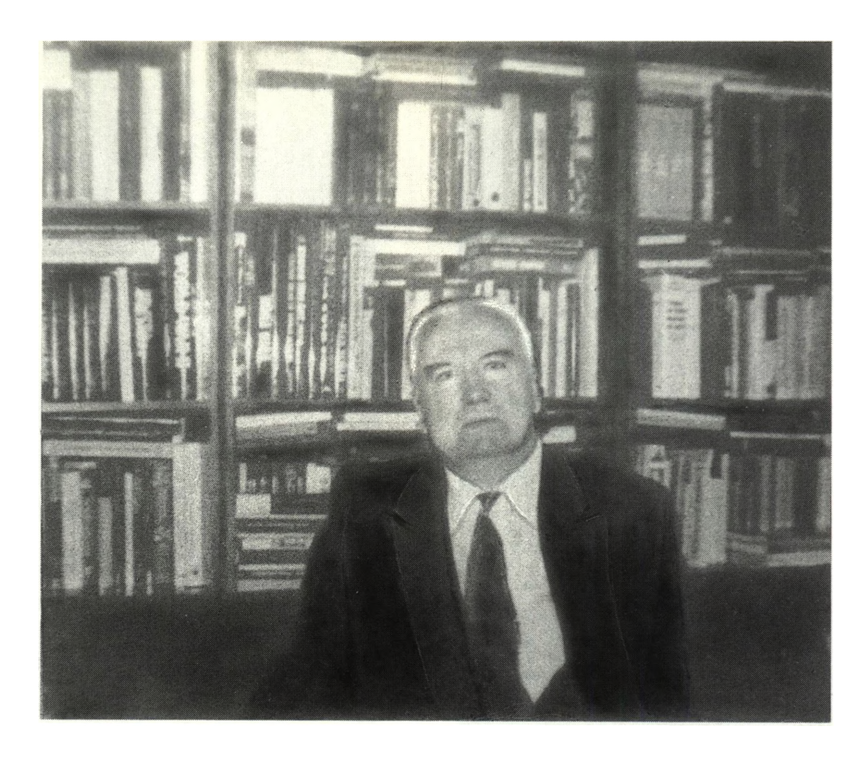


Н.А.Оцуп

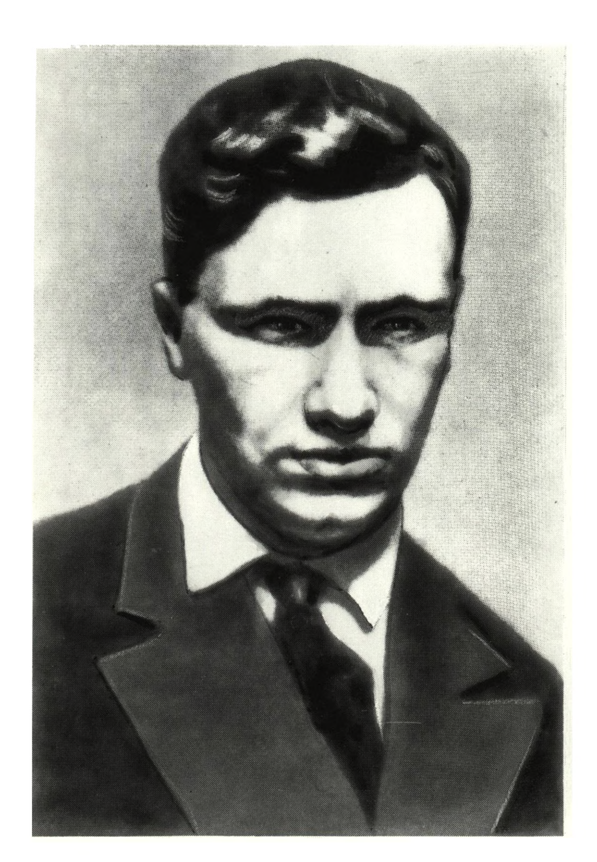
Жозефина Л.Пастернак

В.Ф.Перелешин

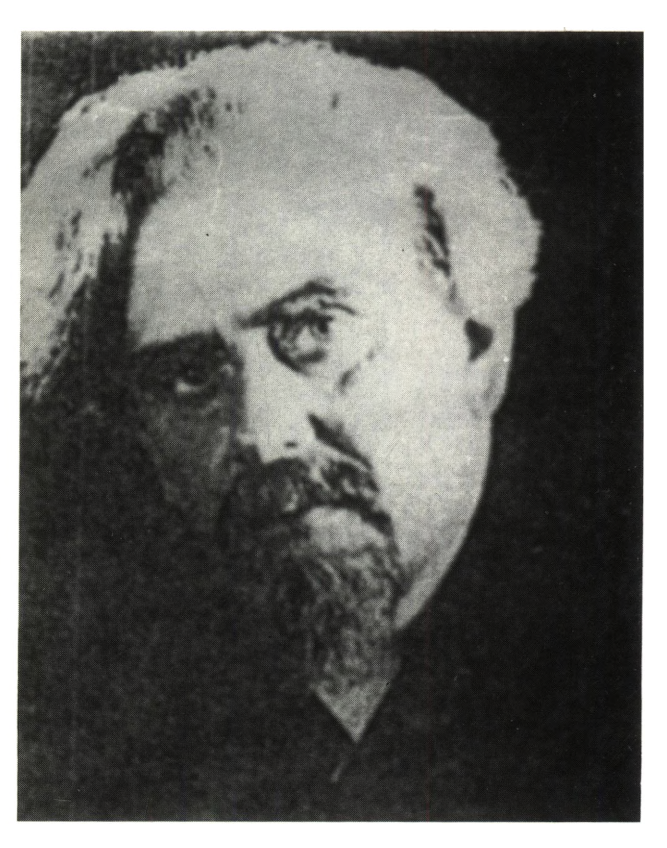
А.М.Перфильев



Н.П.Полторацкий



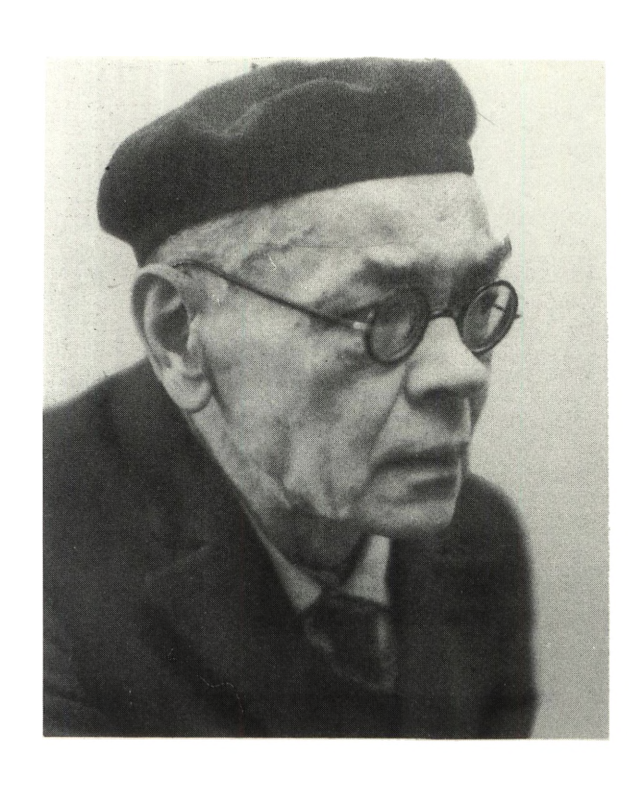
Б.Ю.Поплавский



С.П.Постников

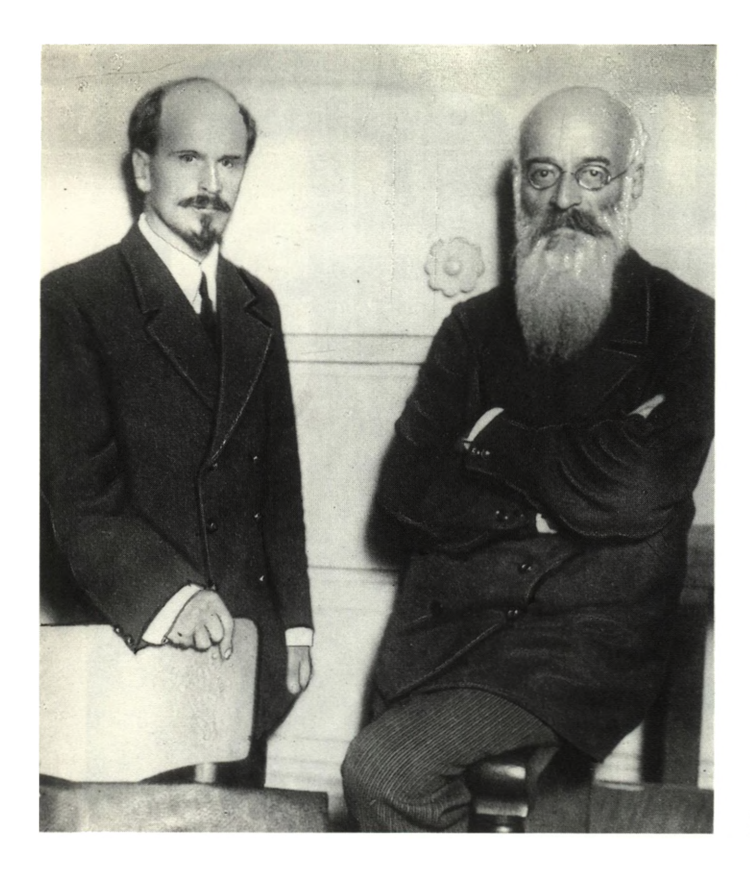
П.П.Потемкин

А.С.Присманова

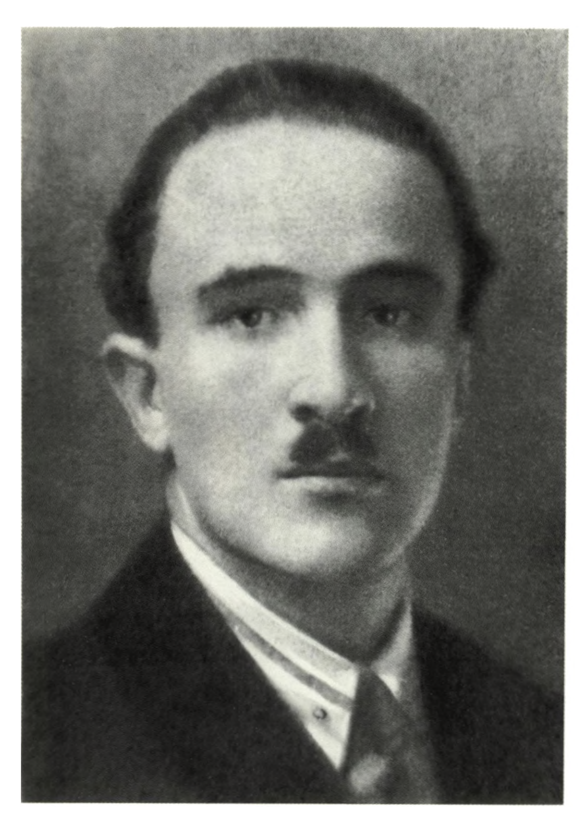


А.М.Ремизов

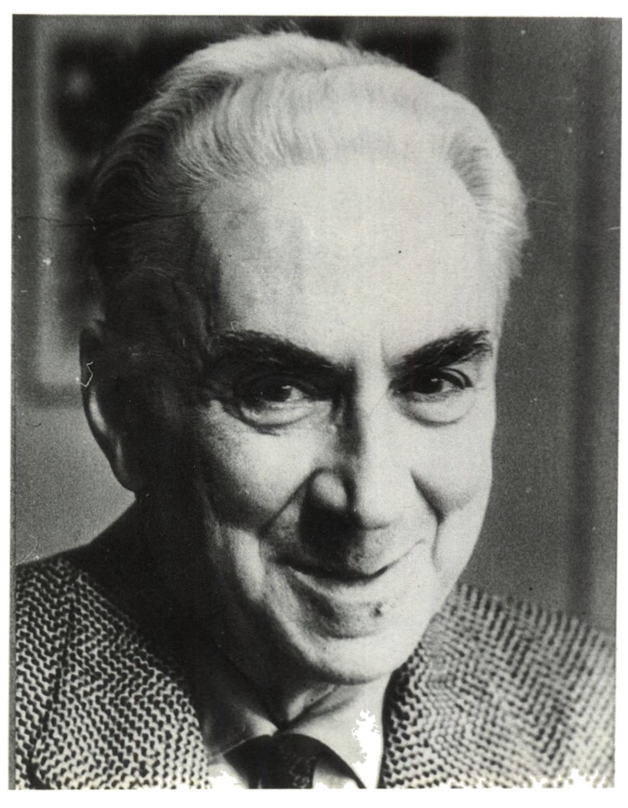
Н.Я.Рощин



В.В.Руднев (слева) и О.С.Минор

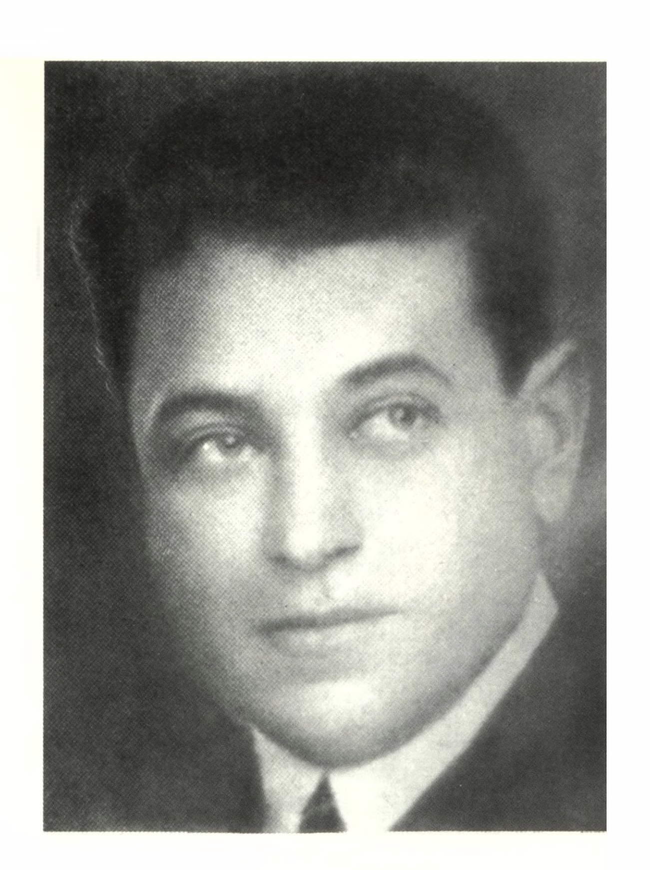


И.И.Савин



О.Г.Савич

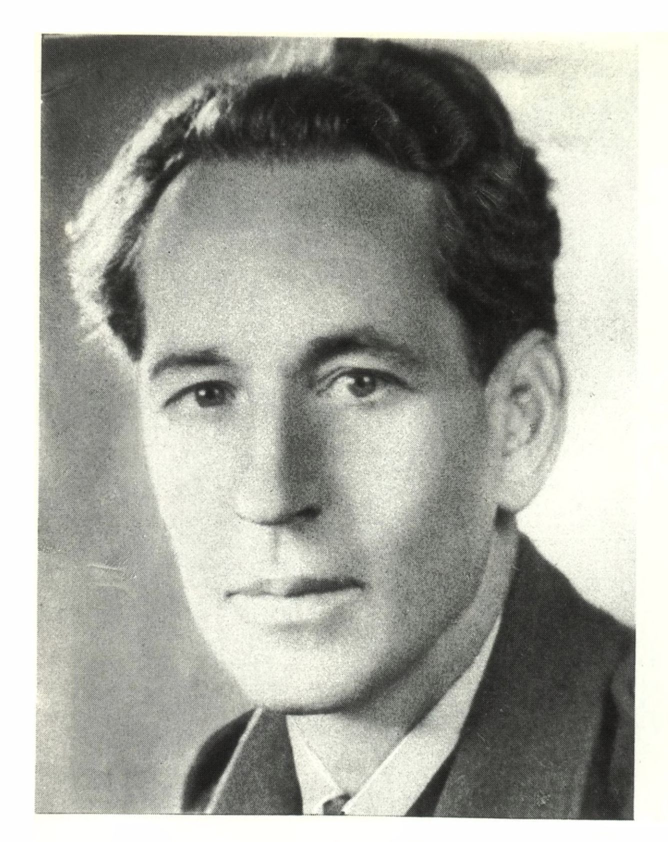
И.Северянин
Портрет Л.Голубева-Багрянородного



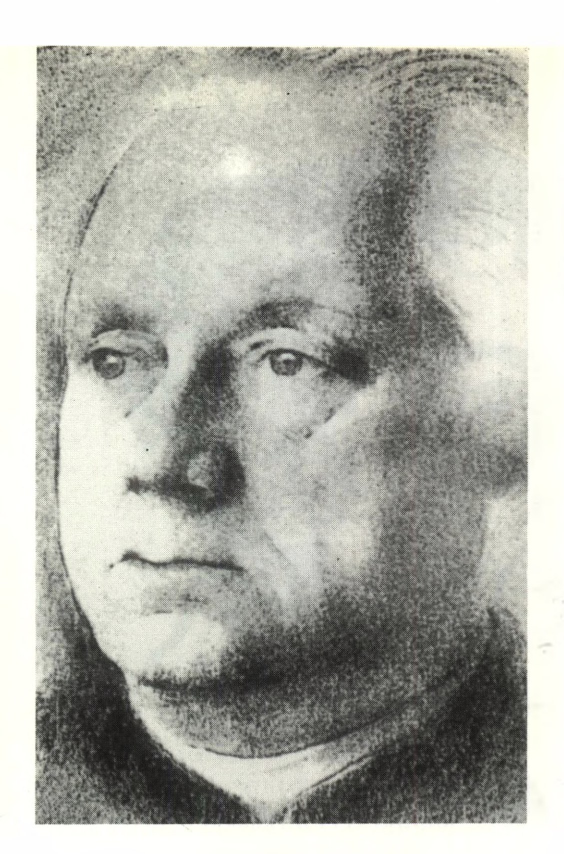
А.Седых

М.Л.Слоним

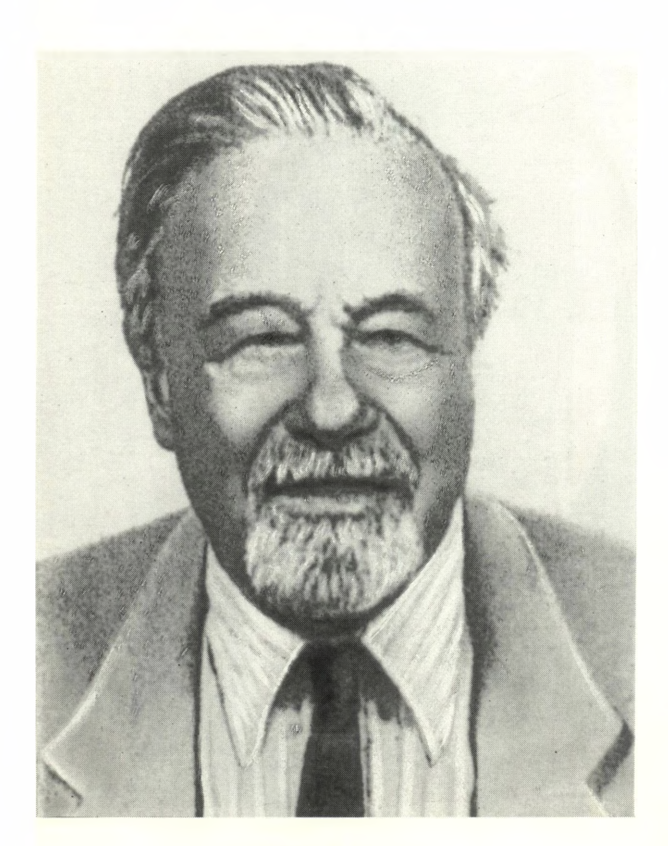
В.А.Смоленский



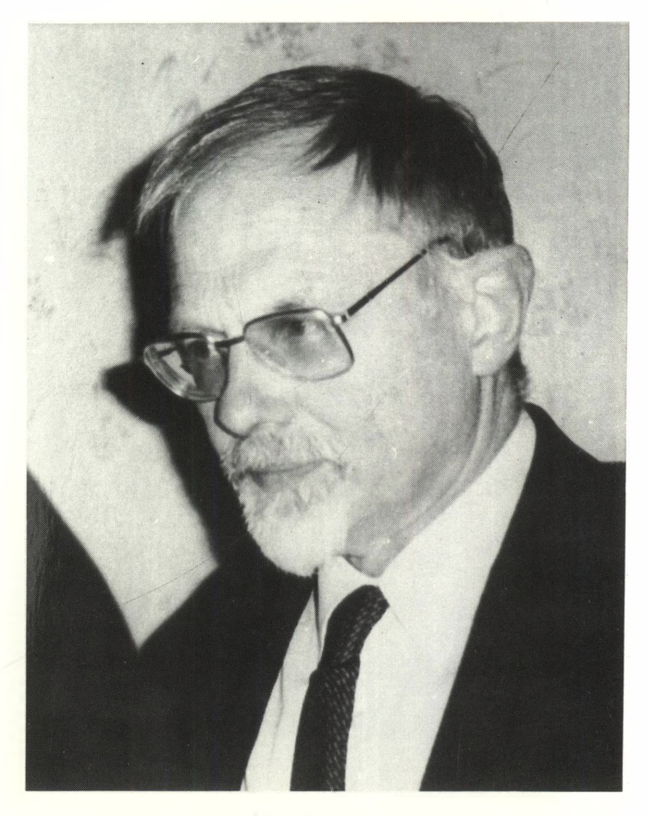
Б.Б.Сосинский



Ф.А.Степун



Г.П.Струве



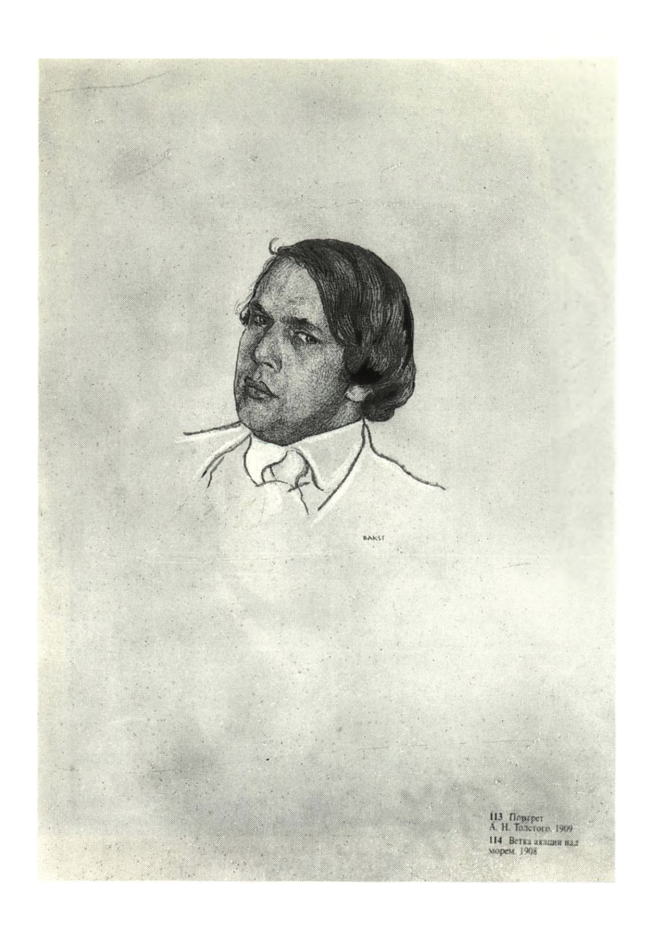
Н.А.Струве

П.Б.Струве

М.В.Талов

Ю.К.Терапиано

А.Л.Толстая

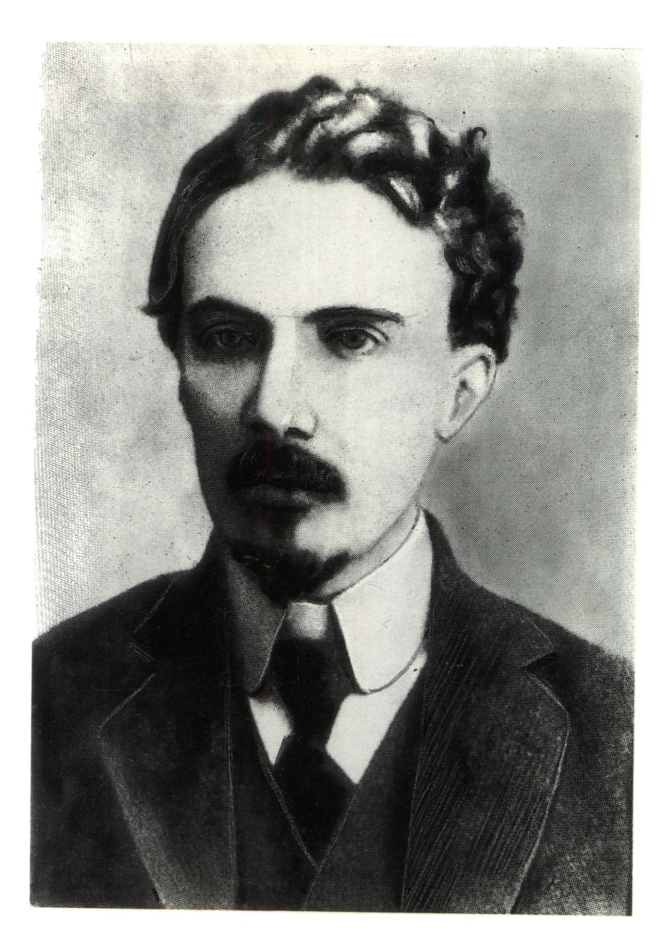


А.Н.Толстой
Портрет работы Л.Бакста

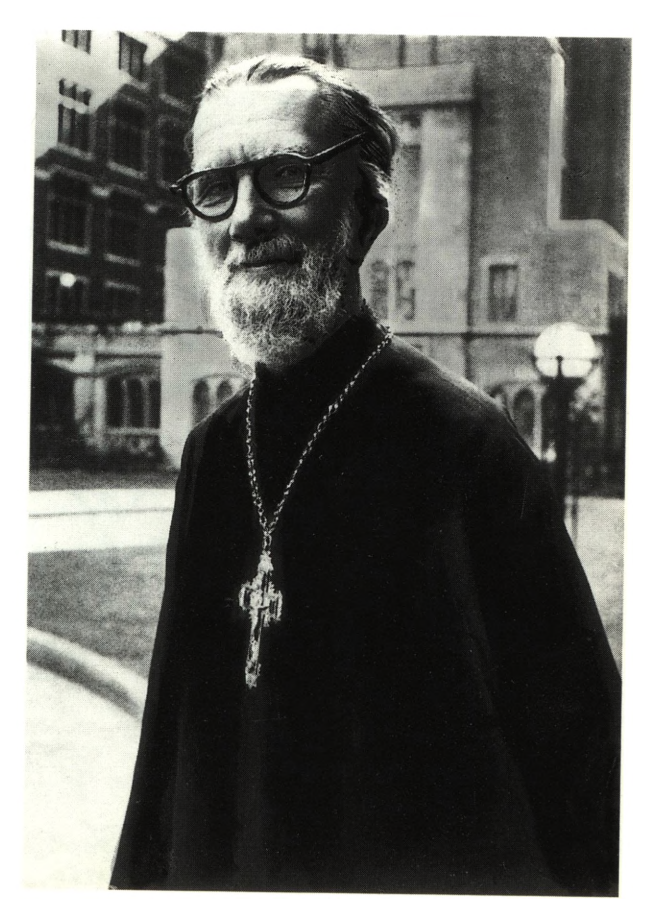
Н.С.Трубецкой

Н.Н.Туроверов
Портрет работы А.Гефтера

Н.А.Тэффи

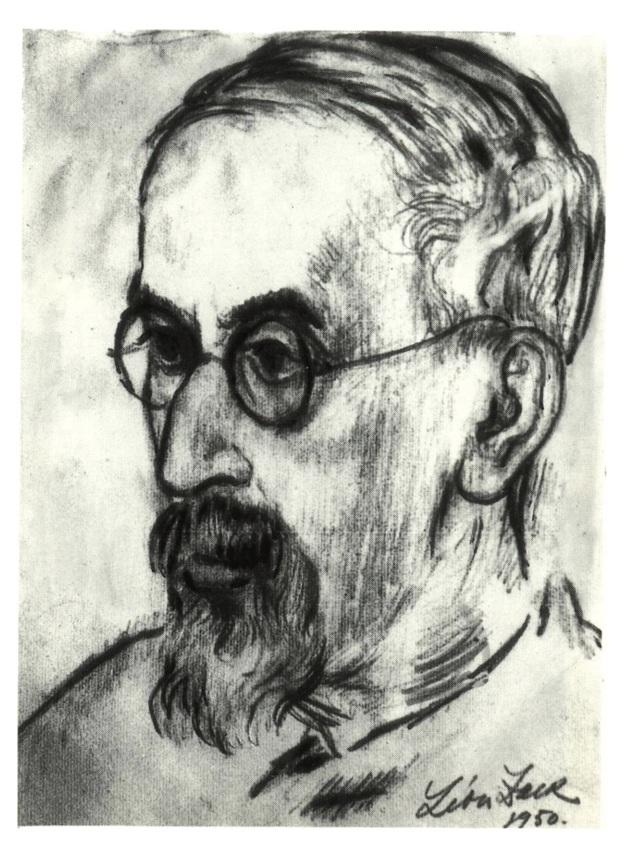


Г.П.Федотов

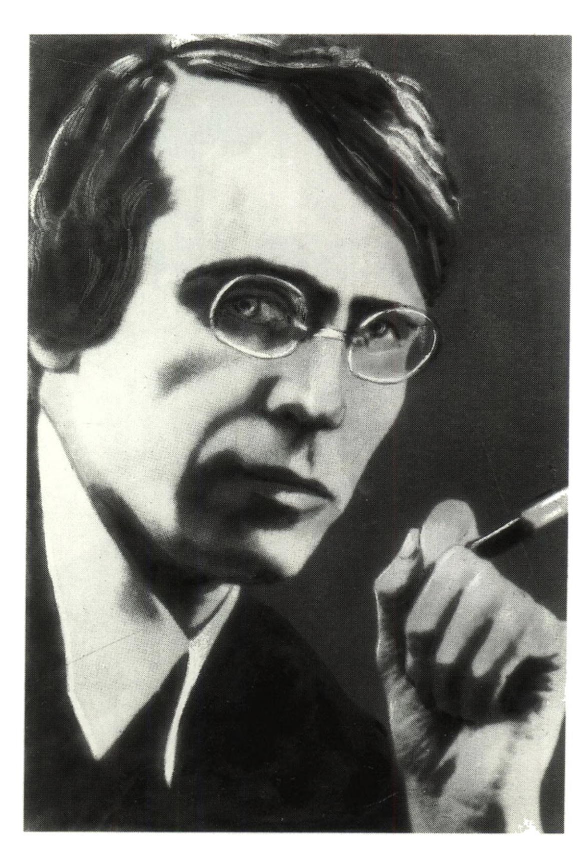


Г.В.Флоровский

И.И.Фондаминский



С.Л.Франк
Рис. Льва Зака



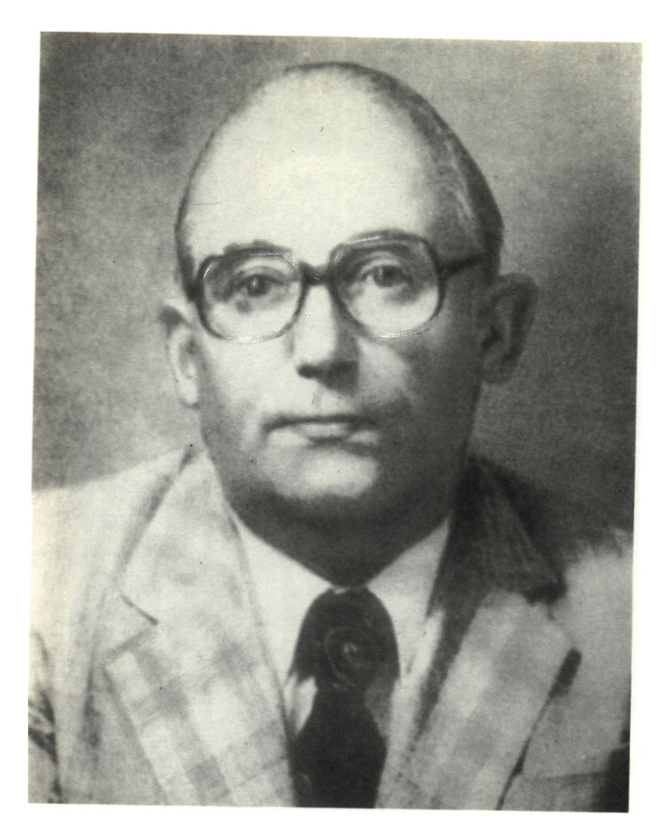
В.Ф.Ходасевич

М.И.Цветаева

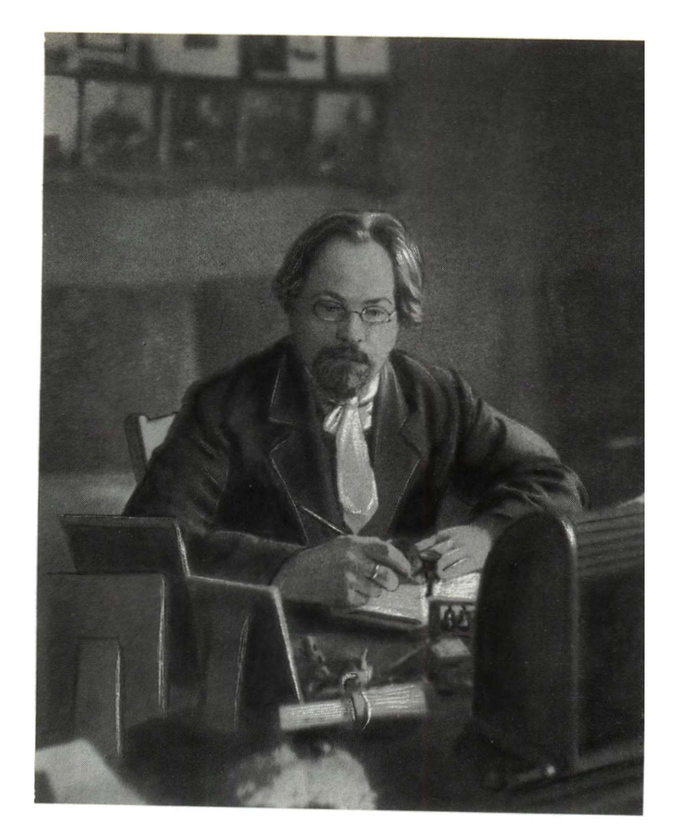
Э.К.Чегринцева

Л.Д.Червинская

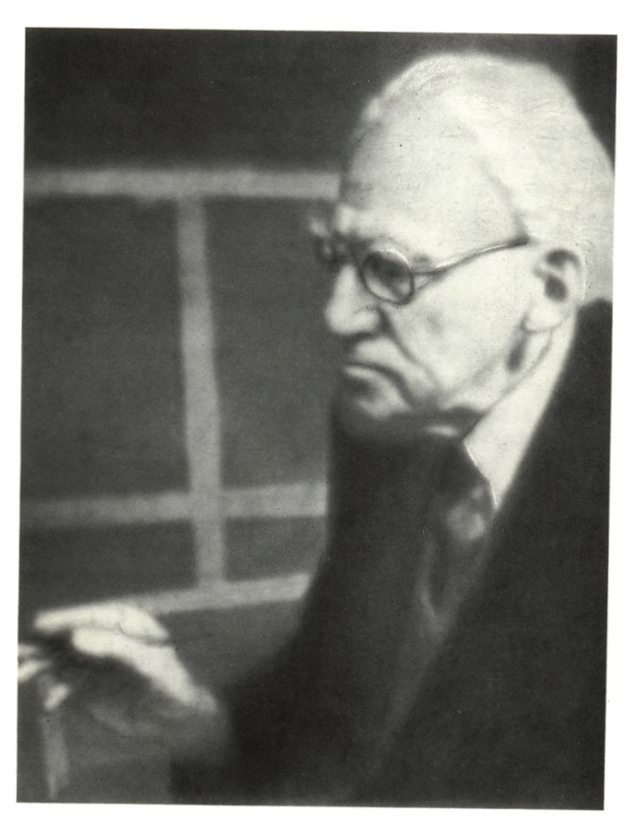
Саша Черный



И.В.Чиннов

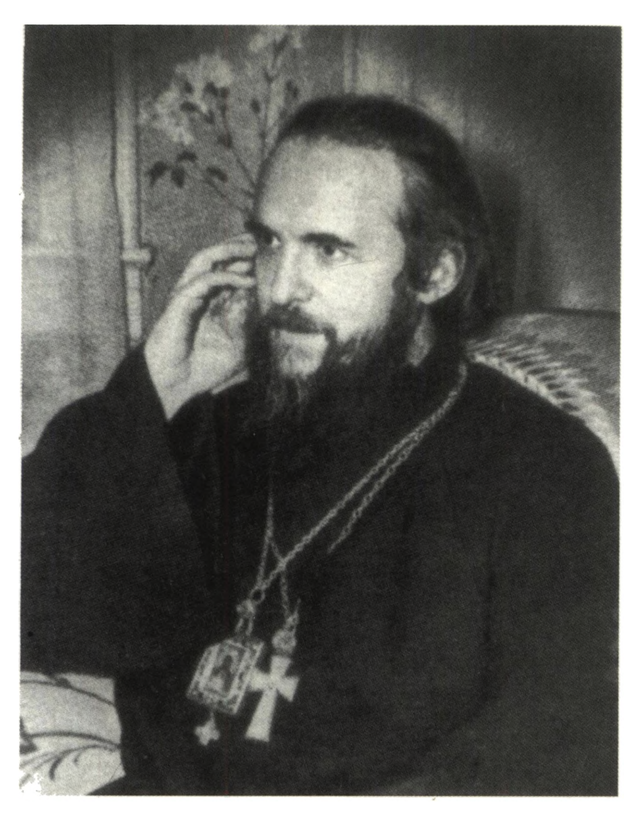


Е.Н.Чириков

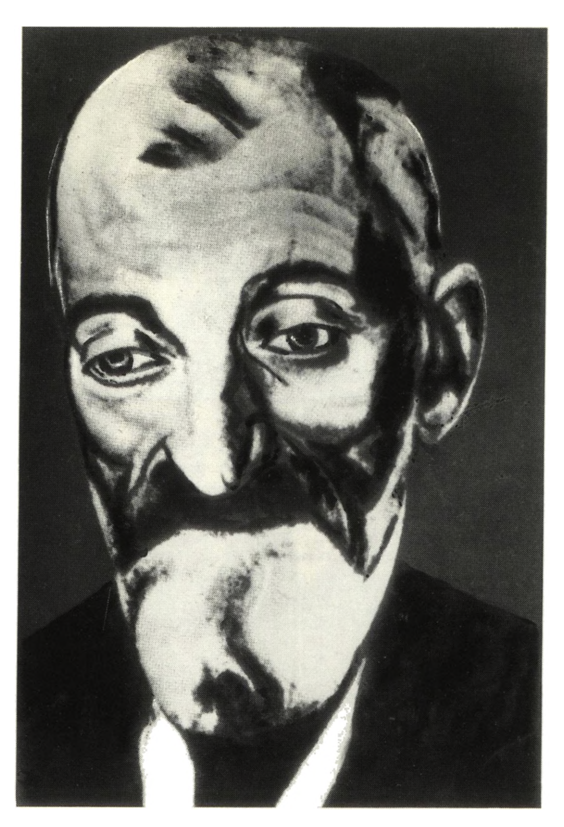


С.И.Шаршун

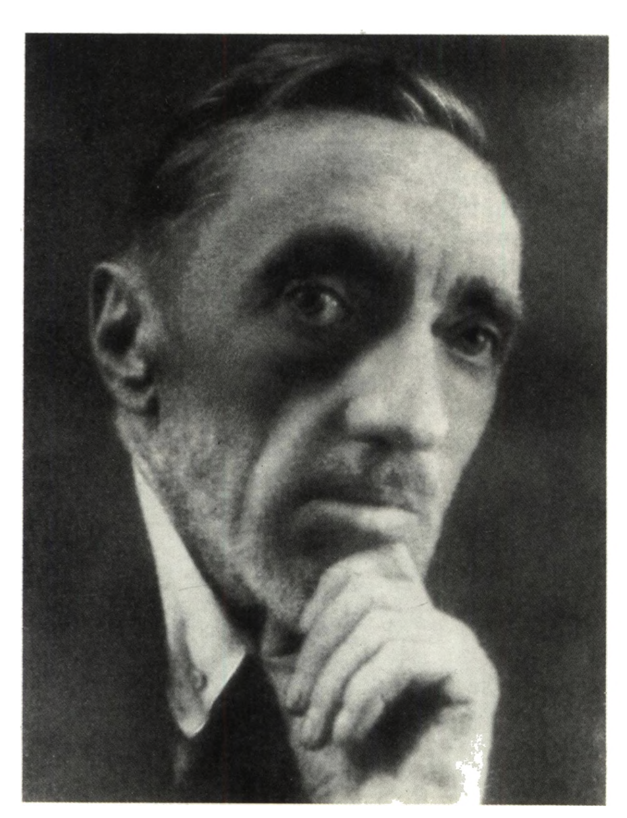
З.А.Шаховская



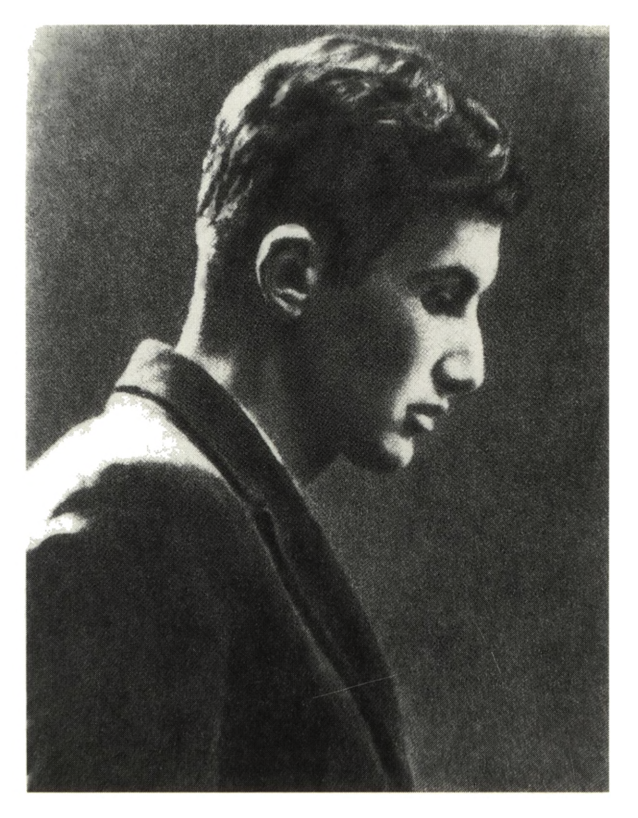
Д.А.Шаховской



Л.И.Шестов
Портрет работы Б.Григорьева



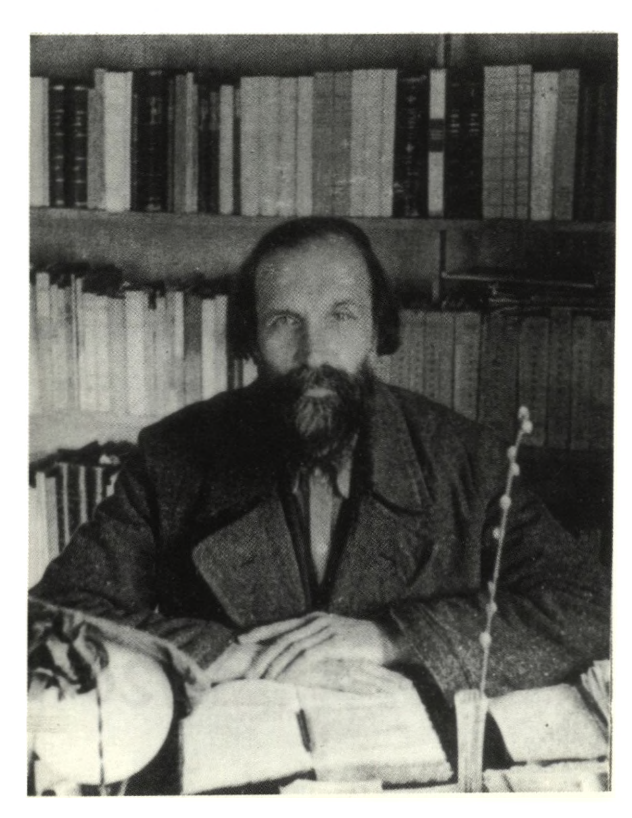
И.С.Шмелев



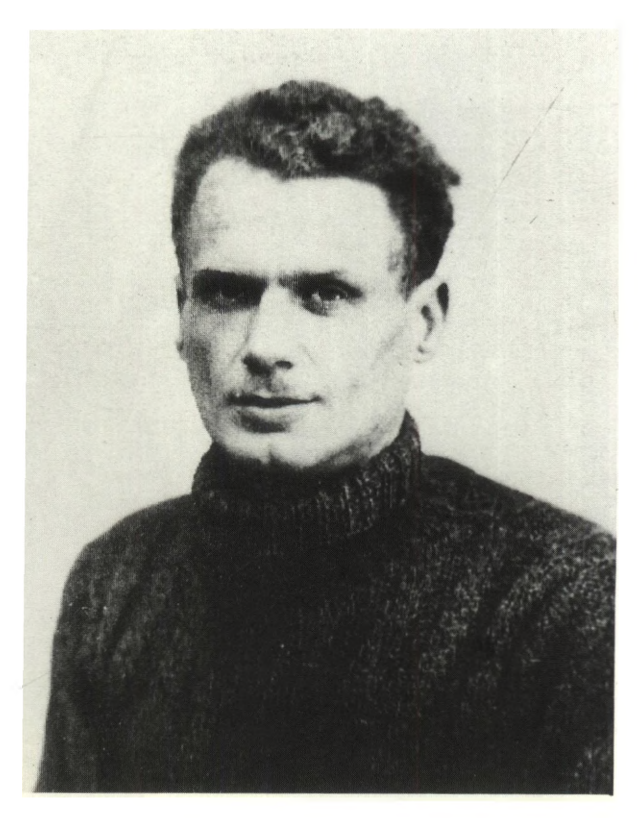
А.С.Штейгер

И.Г.Эренбург

С.С.Юшкевич



Б.В.Яковенко



В.С.Яновский

Е

ЕВРЕ́ИНОВ Борис Алексеевич (21.X (2.XI).1888, с.Борщен, Суджанский уезд, Курская губ. — 29.X.1933, Прага) — поэт, прозаик, историк. Род. в дворянской семье. В 1907 окончил 3-ю г-зию в Петербурге и поступил на ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та. Весной 1911 поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии кирасирский Ее Величества полк. Осенью 1912 произведен в прапорщики и уволен в запас армейской кавалерии. В 1913 получил диплом первой степени Петерб. ун-та. В том же году избран мировым судьей 4-го участка Льговского судебно-мирового округа и эту должность занимал до 1917. С июня 1918 по февр. 1919 состоял в должности секр. Ученого к-та при Мин-ве исповеданий в Киеве. С 1919 служил в рядах Добровольч. армии (корнет 17 гусарского Черниговского полка). В февр. 1920 ранен под Ростовом и эвакуирован в Салоники. После госпиталя, покинув Грецию, перебрался в Югославию, затем в Польшу. Здесь с дек. 1920 по апр. 1921 Е. служил нач. канцелярии управления интернированных рус. войск, был пред. культурно-просветит. комиссии и управляющим делами Рус. к-та в Варшаве, а затем — управделами и чл. правления Рус. попечительного к-та в Польше. Участник кружка «Таверна поэтов» в Варшаве. Свои стихи печатал в варшавском сб. «Шестеро» (1923), «Антология рус. поэзии в Польше» (Варшава, 1937), а также в газ. «За свободу!» и «В». Подготовленный им сб. стихов за 1917-1923 «Черное пламя» так и не был издан. «Его стихи и по форме и по содержанию порой прекрасны... Но, Боже, сколько в этих стихах угрюмости, тяжелого», — писал *С.К.Маковский* (Зап. Рус. ист. об-ва в Праге. — Прага; Нарва, 1937. — Кн. 3. — С. 305). Весной 1923 поселяется в Праге. Зачислен в чл. Рус. учебной коллегии. В 1927 успешно выдержал магистерские испытания при Рус. академич. группе в Чехословакии. В 1928 получил звание приват-доцента по каф. рус. истории. Преподавал на Рус. юрид. ф-те в Праге. В 1926-27 был ред. еженед. «Родное слово» (Варшава). Его рассказы и путевые очерки печатались в «Звене», «ПН», «Руле» и др. «В поэзии он прикоснулся к какой-то тайне, его мучавшей, заглянул глубже, чем ему на это давало право его творческое проникновение, — так характеризовал *А.Бем* творчество Е. — В прозе он остался в жизни, в ее верхнем, поддающемся сознанию, слое. Он здесь был в своей стихии — острого наблюдателя и тонкого рассказчика. И поэтому его рассказы отчетливы по замыслу, исполнению и форме. Нужно искренне пожалеть, что в условиях эмигрантской жизни он не мог должным образом развернуть эту сторону своей деятельности... В своих рассказах Б.А. старался осмыслить тяжелую российскую драму, понять психологию отдельных участников. И даже в самом зверином проявлении человека искал он другого объяснения» (Бем А.Л. Б.А.Евреинов — писатель // Зап. Рус. ист. об-ва в Праге. Прага; Нарва, 1937. — Кн. 3. — С. 309). Рец. Е. печатались в сб. «Крестьянская Россия», газ. «За свободу!», «Призыв» (Белград, 1926), «Виленское утро». Он был чл. Славянского ин-та в Праге, секр. Рус. ист. об-ва и Рус. академич. группы, чл. совета и ученой комиссии Рус. заграничного ист. архива. Е. автор более 50 научных работ на ист. темы.

Изд.: Последние судороги деникинского фронта. Страницы из восп. // На чужой стороне. — 1925. — № 10.

К.А.Кавелин // За свободу! — 1925. — 7 окт.

Пятеро казненных // Призыв. — Белград, 1926. — № 4.

И.Т.Посошков // Родное слово. — Варшава, 1926. — № 9.

Лит.: Астров Н. Памяти Б.А.Евреинова // ПН. — 1933. — 5 нояб.

Пушкарев С.Г. Б.А.Евреинов. Биогр. очерк // Зап. Рус. ист. об-ва в Праге. — Прага; Нарва, 1937. — Кн. 3.

В.П.Нечаев

ЕВРЕ́ИНОВ Николай Николаевич (13(25).II.1879, Москва — 7.IX.1953, Париж; похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа) — драматург, теоретик и историк т-ра, театр. реж. Отец — инженер путей сообщения, мать Валентина Петровна Гранмезон из обрусевшего франц. рода. Учился в г-зии в Пскове и Москве, в 1901 окончил петерб. уч-ще правоведения. Лит. деятельность Е. началась в 1905 с постановки одноактной драмы «Степик и Манюрочка» в Александринском т-ре (СПб.). В 1905-07 Е. сотрудничал как драматург в Новом т-ре Л.Б.Яворской, Малом т-ре А.С.Суворина. Пьесы этого периода («Война», «Фундамент счастья», «Красивый деспот» и др.) собраны автором в первом томе «Драм. соч.» (СПб., 1908) и определены Е. как «литературно-драматические». В 1907-08 (а затем по возобновлении в 1911-12) Е. совм. с Н.В.Дризеном создал Старинный т-р как театр «художественно-реконструктивного метода», воссоздающий зрелища прошедших эпох, участвуя в его деятельности как худож. руководитель, реж., драматург. В сезон 1908-09 Е. — реж. в т-ре В.Ф.Комиссаржевской. После ухода из этого т-ра Е. открыл вместе с Ф.Ф.Комиссаржевским «Веселый т-р для пожилых людей» (просуществовал меньше сезона). С окт. 1910 по приглашению А.Р.Кугеля стал худож. руководителем т-ра «Кривое зеркало». До 1916 Е. работал в театре как драматург, реж., комп., худ. Пьесы «кривозеркального» пародийно-гротескового репертуара опубл. Е. в «Драматич. соч.» (Пг., 1923. — Т. 3). Как теоретик театр. иск-ва в 1910-е Е. выдвинул идеи «тотальной театральности», «театрализации жизни», «театра для себя», «теорию монодрамы», изложив свои взгляды в кн. «Театр для себя» (СПб., 1915-1917. — Ч. 1-3), «Театр как таковой: (Обоснование театральности в смысле положительного начала сценического иск-ва в жизни)» (СПб., 1912), «Pro scena sua. Режиссура. Лицедеи. Последние проблемы театра» (Пг, 1915), «Театр. инвенции» (М., 1922), «Театр у животных: О смысле театральности с биологич. точки зрения» (Л.; М., 1924). «Театрально-драматургические пьесы», иллюстрирующие теоретич. театр. построения Е., утверждающие приоритет т-ра над лит-рой, были собраны во втором томе «Драм. соч.» (СПб., 1914).

С нояб. 1917 по осень 1920 Е. скитался по югу России. По возвращении в Петроград поставил в нояб. 1920 массовое действо «Взятие Зимнего дворца», возглавляя группу из десяти петрогр. реж. В нояб. 1920 совм. с К.Марджановым и Н.Петровым открыл т-р «Вольная комедия». Зимой 1921 в «Вольной комедии» состоялась премьера одной из важнейших пьес Е. 20-х — «Самое главное» (Пг., 1921), открывающей трилогию «Двойной театр», в к-рую вошли также пьесы «Корабль праведных» (Пг., 1924) и «Театр вечной войны» (Париж, 1928). В сезон 1921-22 вышло десять кн. Е., среди к-рых — работы по истории и теории т-ра, монографии о художниках. Весной 1921 Е. отправил письмо наркому просвещения А.В.Луначарскому с просьбой о возможности заниматься научно-исследоват. работой в обл. т-ра. А.Луначарский предлагал поставить в Москве первомайское массовое действо, от чего Е. отказался. Осенью того же года Е. отправил письмо В.Э.Мейерхольду, возглавлявшему ТЕО Наркомпроса, о своем намерении уехать за границу, если ему не предоставят условий для работы. В.Э.Мейерхольд предложил Е. принять руководство т-ром РСФСР-2 (Москва), но и этот пост им принят не был. В кон. 1923 Е. совершил двухмес. поездку в Берлин и Париж, выступая там с лекциями. В Париже принял предложение реж. Ж.Копо (поставившего в своем т-ре «Старая голубятня» пьесу Е. «Самое главное») работать у него в качестве реж. по «методу художественной реконструкции». В 1924 Е. избран чл. париж. об-ва драматургов и композиторов. В 1925 пьеса «Самое главное» шла в Варшаве, Праге, Кракове, Берлине, Риме (реж. Л.Пиранделло).

30 янв. 1925 Е. выехал в Варшаву как реж. т-ра «Кривое зеркало» на время гастрольной поездки. Конфликт с администрацией вынудил его уехать в Прагу, оттуда — в Париж. В янв. 1926 направился в Нью-Йорк по приглашению Гилд-Театра, ставившего «Самое главное»; там консультировал пост. своей пьесы «Корабль праведных» (Ирвинг Плейс Арт Театер). По свидет-ву жены А.А.Кашиной-Евреиновой, Е. предполагал возвратиться в Россию, считая поездку в Европу и США временной и деловой, однако в янв. 1927 вернулся в Париж, чтобы остаться там навсегда. В первые париж. сезоны Е. работал в т-ре «Летучая

мышь» (гл. реж. Н.Балиев), ставил пьесы «Гиньоль», «Марионетки», «Разбойник и роза», «Лестница жизни» и др. В 1929 с открытием Рус. частной оперы М.Кузнецовой работал над спектаклями «Царь Салтан» (декорации И.Билибина), «Снегурочка» (декорации *К.Коровина*). Е. ставил спектакли в т-ре «Старая голубятня». В 1930-е работал как киносценарист (сценарии по ром. Э.Золя «Плодородие», 1929; «Бедный гений», 1939), как балетный либреттист: «Морской загар» (Париж, 1937), «В Бессарабии» (Брюссель, 1938), «Шота Руставели» (Монте-Карло, 1946).

В 1934 Е. создал в Париже т-р «Бродячие комедианты» (вместе с Е.Рощиной-Инсаровой, В.Костровой, М.Разумным). Е. — зав. худож. частью и гл. руководитель т-ра, программа к-рого определялась как нечто среднее между т-ром миниатюр «Кривое зеркало» и худож.-артистич. кабаре «Бродячая собака». В 1934 Е. начал работу над театр.-филос. ром. и кн. «Иск-во как сверхмастерство». Работа над рукоп. продолжалась четыре года, была завершена в 1937 (не опубл., хранится в РГАЛИ, ф. 982 под назв. «Откровение иск-ва»). В 1935 Е. работал как реж.-реконструктивист в студенч. т-ре Сорбонны «Теофильен». Участвовал в орг-ции в Париже театр. предприятия «Объединенные рус. артисты», где в 1935 состоялась пост. его пьесы «Самое главное». В 1935 Е. работал как оперный и театр. реж. в Пражском нац. т-ре. В 1930-1940-е им написаны пьесы «Чему нет имени, или Бедной девочке снилось» (Париж, 1963), «Шаги Немезиды, или Я другой такой страны не знаю» (В. — 1955. — № 44-46; отд. изд.: Париж, 1956), одноактные пьесы «Загорелся кошкин дом», «Партбилет коммуниста», «Чего еще не было» (написаны в сезон 1942-43). Пьеса «Шаги Немезиды» посв. событиям в России с участием ист. лиц — Ленина, Сталина, Троцкого, Бухарина, Вышинского и др. В 1938-39 в Париже открылся Рус. т-р, в к-ром Е. участвовал как драматич. реж. Т-р возобновил деятельность в окт. 1943, Е. стал его гл. реж. и в течение неск. сезонов ставил спектакли по рус. классике XIX в. В 1945 он сделал неск. передач на париж. радио о выдающихся деятелях рус. культуры: первая посв. самому Е., последующие — современникам, с к-рыми он был знаком: *А.Толстому*, М.Зощенко, *М.Горькому*, К.Станиславскому, А.Таирову, Н.Римскому-Корсакову, М.Фокину.

В 1946-47 на франц. яз. вышли кн. Е. по истории рус. театра: «Le théâtre en Russie Soviétique» (P., 1946); «Historie du théâtre russe» (P., 1947). Рус. пер. кн. Е. «История рус. т-ра» вышел в Нью-Йорке в 1955. Е. также написал пьесу «Огонек в окошке» (1950), пародию «Граждане второго сорта» (1950), памфлет «Нас было четверо»: (О театре под сов. ферулой)» (В. — 1952. — № 21-23), кн. «Памятник мимолетному: (Из ист. эмигр. т-ра в Париже)» (Париж, 1953). Последние театр. работы Е. — оперные спектакли в Париж. консерватории в 1952.

Изд.: Присхождение драмы: Первобытная трагедия и роль козла в истории ее возникновения. Фольклористич. очерк. — Пг., 1921.
Оригинал о портретистах: (К проблеме субъективного в иск-ве). — М., 1922.
Первобытная драма германцев: Из праистории т-ра германо-скандинавских народов. — Пг., 1922.
Азазел и Дионис: О происхождении сцены в связи с зачатками драмы у семитов. — Пг., 1924.

Лит.: Кашина-Евреинова А.А. Н.Н.Евреинов в мировом т-ре XX века. — Париж, 1964.
Белов Е.Н. О судьбе лит. наследства Н.Н.Евреинова // Сов. арх. — 1991. — № 4.
Бабенко В.Г. Арлекин и Пьеро. Н.Евреинов. А.Вертинский. — Екатеринбург, 1992.
Philippe M Presentation de N.Evreinoff. — P., 1954.
Golub S. Evreinov: The theatre of paradox a. transformation. — Ann Arbor (Mich.), 1984.
+Анненков; Казак; РП-2.

О.Н.Купцова

ЕВСЕ́ЕВ Николай Николаевич (1891, Борисоглебск — 6.II.1974, Ганьи, ок. Парижа) — поэт. Род. в казачьей семье. Детство и юность провел в Воронежской и Тамбовской губ. «Был страстным охотником и моими друзьями были рыбаки, охотники, пастухи и пчеловоды», — вспоминал он

впоследствии в краткой автобиогр. (Содружество. — Вашингтон, 1966. — С. 522). В Борисоглебске окончил г-зию с зол. медалью, Моск. ун-т в 1914. С нач. первой мировой войны поступил в Михайловское артиллерийское уч-ще, после окончания к-рого был направлен на фронт, воевал также и на гражданской. В 1920 с остатками Белой армии эвакуировался в Турцию, был на Балканах и в первой пол. 20-х перебрался в Париж. Активно участвовал в казачьих объединениях, был одним из организаторов «Кружка казаков-литераторов». В 1939 в «Казачьем альм.» опубл. стихи Е. В 1947 стих. «Иноходец был резвый, горячий...» опубл. в альм. «Орион». Стихи Е. появляются на страницах журн. «В», «Современник», «НЖ», «Грани». Особенно часто Е. печатался в газ. «РМ». Е. был исполнителем своих произв. «Вечера стихов Николая Евсеева, которые он из года в год устраивал в Париже, неизменно собирали переполненный зал и пользовались большим успехом», — вспоминал *Ю.Терапиано* (Терапиано. — С. 263).

В 1963 в Париже вышла первая большая кн. стихов Е. «Дикое поле», состоящая из четырех разделов: «Поля», «Степь», «Счастье» и «Жизнь». В рец. Я.Горбов писал: «О «Полях» и о «Степи» пишет теперь, в Париже, так, точно уверенный в себе, он продолжает шагать по Донской Области; или скакать на лошади; или говорить со станичниками; или, склонившись над дедовскими могилами, вдыхать запах полыни; чувствовать азиатский ветер; слушать чибисов...» (В. — 1963. — № 143. — С. 147). Стихи Е., простые по языку и размеру, ясно и четко рисовали картины ушедшей жизни в России. «Часто снится простор без границы / И терны, и полынь, и чебрец, / Пастухов загорелые лица / И в разброде отара овец» («Дикое поле». — С. 102). Большое место в кн. занимают стих. на ист. темы: «Ермак», «Дикое поле», «Кондрат Булавин».

В 1965 в Париже увидела свет новая кн. стихов Е. «Крылатый шум». В ней больше, чем в первой кн., звучит ностальгия. Е. продолжал писать в той же манере, ясной, простой, доверительной. Снова он возвращается памятью к юности в России: «Забыть ли осени бодрящий воздух, / Трав побуревших с ветром разговор / И небо темное в высоких звездах, / Курень саманный и степной простор» (с. 117).

Последние годы жизни поэт провел в «Рус. доме» в Ганьи. Там он сблизился с Ю.Терапиано и *И.Одоевцевой*. Поэт много работал над новой, третьей кн. стихов «Последняя книга», но завершить ее не успел.

Изд.: Россия // В. — 1949. — № 6.
На чужбине // В. — 1950. — № 11.
Ответ Набокову // В. — 1953. — № 25.
Стихи // Грани. — 1960. — № 47.

В.В.Леонидов

ЕЛЁНЕВ Николай Артемьевич (1894, станица Лозовая-Павловка, Екатеринославская губ. — 1967) — иск-вовед, прозаик. Семья Е. вскоре после его рождения переселилась в Ялту, где Е. окончил Александровскую г-зию. В 1913 он поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. Нач. войны встретило его путешествующим за границей, при переезде из Граца в Вену. В Черновцах он был, как рус. подданный, арестован и помещен в тюрьму, но через Румынию Е. удалось пробраться в Одессу. Из ун-та ушел в 1915 на фронт, служил на флоте. Осенью 1917 в Симферополе перешел в пехотный полк, где командовал ротой. С нач. 1919 — в Добровольч. армии. В конце нояб. 1920 эвакуирован в Константинополь на пароходе «Князь Георгий». В Константинополе в 1920-21 работал секр. Комиссии по орг-ции бесплатных столовых Объединенного к-та Рос. Красного Креста и Земгора. Мать Е. оставалась в сов. России, где скончалась в 1931.

Из Турции Е. осенью 1921 переехал в Чехословакию (в одном вагоне с С.Я.Эфроном, к-рый был потом его соседом в общежитии рус. студентов «Свободарня»). Поступил на Рус. юрид. ф-т в Праге и окончил его в 1925. Был чл. Пражского Союза рус. писателей, принимал участие во всех обществ. начинаниях рус. эмигрантов, был чл. правления «Рус. Очага» в Праге, к-рым руководила графиня С.В.Панина. Творч. интересы Е. лежали преим. в обл. изучения истории изобразит. иск-в, скульптуры, архитектуры. В 1933 был избран д. чл. Рус. ист. об-ва. Устраивал в Чехословакии выставки рус. художников, в частности, две выставки *Б.Д.Григорьева* в 1926 и в 1932. В

1931-35 жил во Франции. Во 2-й пол. 1930-х как иск-вовед привлекался для экспертизы картин, закупавшихся пражскими музеями. Печатался в журн.: «Центр. Европа», «Своими путями», «Мир и иск-во». «Воля России», «Благонамеренный», «Научные тр. Рус. нар. ун-та в Праге», «РМ», «Зап. наблюдателя», «Воля России», «Le Monde et l'art slave»; газ.: «За свободу!», «Неделя», «Россия», «Россия и славянство», «В», «Observer», «Svetozar» и др. Отд. изд. вышла изящно изданная монография «Путешествие вел. кн. Екатерины Павловны в Богемию в 1813» (Прага, 1936), с обложкой работы Н.В.Зарецкого. Из его монографии «Карлов мост в Праге» опубл. только одна гл. в «Научных тр. Рус. народного ун-та в Праге» (1931. — Кн. 4). Восп. «Горестные тени» (1938-39) — о встречах с Николаем II в Ялте и Кронштадте («Несчастный человек»), о том, как Е. скрывался в Симферополе в янв. 1918 после победы большевист. восстания («Проклятые дни») — остались в рукописи. Нек-рые произв. Е. опубл. только в пер. на чеш. или словац. яз. (сказка для детей «Белая башня» (1931), рассказ «Мнение возницы Коначека» (1935) о Моцарте в Праге). В рассказах Е. отразилось восхищение сказочной красотой Константинополя и Праги. Влюбленный в Прагу, в ее музеи и архивы, Е. наполнял свои рассказы тонкой стилизацией, опытом иск-воведа и коллекционера. После прочтения рассказа «Веер» (В. — 1926. — 17 сент.), посв. антикварной находке, со стилизацией переписки 1820-х, художник Б.Д.Григорьев писал Е.: «Очень тонкая вещица. Построен первоклассно, слова такие ясные, теплые, верные. И что-то в Вас еще мне понравилось — серьезность, вкус, такой вкус и такая мера, какие бывают только у людей редких, обреченных. Я давно не встречал подобного. ...я не ошибусь, если предскажу Вам будущее. Самое главное в Вас, это то, что я (очень искушенный) сразу в Вас поверил. Теперь всегда и всюду буду Вас искать» (РГАЛИ. Ф. 2275. Оп. 1. Ед. хр. 35).

Особое место в лит. наследии Е. занимают его восп. о *М.Цветаевой* («Кем была Марина Цветаева?») // Грани. — 1958. — № 39), к-рые содержат немало точных наблюдений, хотя ни дружба, ни тесное знакомство Е. и Цветаеву никогда не связывали. Е. наблюдает Цветаеву с т.з. эстета, достаточно отчужденно, — но в зоркости взгляда и умении делать выводы ему отказать нельзя. При участии *В.Булгакова* и С.В.Жуковского Е. работал над составлением «Словаря рус. художников». О подг. и изд. Словаря был заключен договор между «Рус. Очагом» в Праге и Союзом деятелей рус. иск-ва во Франции. Из-за разногласий, возникших между авторами и возглавлявшей «Рус. Очаг» С.В.Паниной, Словарь издан не был; отд. подготовит. мат-лы, среди к-рых переписка Е. с художниками и автобиогр., написанные для Словаря А.Н.Бенуа, А.С.Головиным, Б.Д.Григорьевым, Л.Е.Чириковой-Шнитниковой и др., сохранились в его архиве в РГАЛИ (ф. 2275).

В составе фонда Е. в РГАЛИ хранится составленная им подробная библ. своих работ за 1922-32 (РГАЛИ. Ф. 2275. Оп. 1. Ед. хр. 79).

Изд.: Рус. беженцы // Перезвоны. — 1926. — № 21.
Angelus Dei // Ковчег. — Нью-Йорк, 1942. — Вып. 2.
Две сказки: Предводитель собачества. Под Млечным путем // Грани. — 1958. — № 39.

Лит.: Тарасова Н. [Биография] // Грани. — 1959. — № 44.
«Россия была мне мачехой...» (Из писем Б.Григорьева к Е. 1926-32) / Публ. Шумихина С.В. // Независимая газ. — 1996. — 13 сент.

С.В.Шумихин

ЕМЕЛЬЯ́НОВ Виктор Николаевич (26.VII (7.VIII).1899, Екатеринбург — 9.VIII.1963, Париж) — прозаик. Учился в Таврическом ун-те в Симферополе, но окончить его не успел. Служил радистом на Черноморском флоте, в 1920 покинул Россию. Два года провел в Болгарии, потом переехал во Францию. В Париже был разнорабочим. В 1923-34 трудился на автомобильном заводе, в 1934-37 — был безработным и именно в это время писал свою пов. «Свидание Джима». Большое значение для Е. имел положит. отзыв *Г.Адамовича*, к-рый прочитал рукопись и рекомендовал ее к изд. В 1937 пов. была частично опубл. в первом вып. альм.

«Круг» под назв. «Люль». В ней в качестве гл. героя выступала собака Джим, рассказывавшая о безответной любви своего хозяина и о своей собств. страсти к борзой по кличке «Люль». Первые отзывы Е. не слишком обрадовали: «Недоумение вызывает то, что герои повести иногда прекращают разговоры и подымают лай, а то и просто громко грызутся. Оказывается, это — собаки, хотя автор с таким же успехом мог бы их выдать и за тараканов, гусениц, слонов или верблюдов», — писал *П.М.Бицилли* в своей рец. на «Круг» (СЗ. — 1936. — № 62. — С. 446). Е. к этому времени уже был достаточно известен в лит. мире рус. Парижа, хотя, по свидетельству *В.Яновского*, выступал он на лит. собраниях и диспутах крайне редко. В 1937 Е. устроился на химич. завод, где вредное производство впоследствии подорвало его здоровье. В 1938 «Свидание Джима» вышло отд. книгой в париж. изд-ве «Дом книги». Необыкновенно лестной была рец. Г.В.Адамовича: «Новое имя в нашей эмигрантской литературе — В.Емельянов. Имя, которое должно было бы в ней запомниться и удержаться. Если бы даже Емельянов ничего больше не написал, его «Свидание Джима» вещь настолько своеобразная, что ее одной достаточно для признания автора истинным художником» (ПН. — 1939. — 26 янв.).

Совершенно иной была реакция *В.Вейдле*: «Книга В.Емельянова оставляет двойственное впечатление: душевной привлекательности и литературной беспомощности... Автор пишет просто, гладко, неискусно, но и безыскусственно. Рассказ им ведется с обезоруживающим простодушием, которое, в конце концов, не всякому доступно. ...Хочет он Емельянов, в сущности, только одного: поведать нам о том, какие трогательные бывают на свете чувства из тех, что мы называем нежной любовью, грустью, безутешностью, смирением перед неизбежным концом. По правде сказать, о существовании их мы подозревали и раньше, и автор... просто напомнил нам о них, и сделал это милым, задушевным образом. Мы его поблагодарим. Но искусство — жестокая вещь, и для искусства этого мало...» (СЗ. — 1939. — № 68. — С. 479).

Однако эта простая милая сказка, герой которой — сеттер Джим, рассказывает, как его хозяин умер от безответной любви, а возлюбленная узнала об этом лишь после смерти и взяла к себе Джима, приобрела большую популярность. «Книга эта обратила на себя внимание критики, и читали ее, — до войны, во время войны и после войны, — все, кому это было доступно, все, кому удавалось ее достать. Можно только пожалеть, что, обусловленный ограниченными возможностями зарубежного русского книжного рынка, тираж был невелик» (Горбов Я. Лит. заметки // В. — 1963. — № 144. — С. 143). Х.Попов писал о Емельянове: «Он сумел дать человеческую книгу, написать прекрасные страницы, нежные и грустные, мимо которых трудно пройти равнодушно, и еще труднее забыть их. Его собаки с «очеловеченными чувствами» прелестны. ...Особенно привлекает в Емельянове отсутствие каких бы то ни было литературных влияний — в начинающем писателе это верный залог того, что он писатель настоящий». (РЗ. — 1939. — № 16. — С. 200). После войны Е. продолжал работать, и в 1959 вышла его неоконч. пов. «Рейс» (Грани. — № 41). В 1964 «Свидание Джима» было переизд. в Париже.

Лит.: Пильский П. Рец. «Свидание Джима» // Сегодня. — 1939. — 31 янв.

Тарасова Н. Джим и его хозяин // Грани. — 1956. — № 32.

В.В.Леонидов

ЕРОШЕ́НКО Василий Яковлевич (31.XII.1889 (12.I.1890), с.Обуховка, Старооскольский уезд, Курская губ. — 23.XII.1952, с.Обуховка, Белгородская обл.) — писатель, журналист, учитель слепых (тифлопедагог), языковед (знал 15 языков), фольклорист, этнограф. Отец — Яков Васильевич — мелкий торговец; мать — Евдокия Васильевна — крестьянка. В 4 года, после перенесенной кори, Е. ослеп. С 1899 по 1907 обучался в моск. школе слепых детей. В это время начал писать рассказы. Весной 1908 был принят по конкурсу в моск. оркестр слепых.

Овладев эсперанто, Е. с помощью европ. эсперантистов в 1912 уехал в Лондон, где поступил в Королевский колледж слепых. В Лондоне встречался с П.А.Кропоткиным. В 1914 Е. — вольнослушатель Токийской школы слепых. В Японии познакомился с драматургом Акита Удзяку. Изучил японю.

яз. Первый «Рассказ бумажного фонарика» был напечатан в янв. 1916 в токийск. журн. «Кибо» и рассказ «Дождь идет» в журн. «Васэда Бунгаку» (Токио, 1916. — № 1). Р.С.Белоусов в очерке «Рус. писатель В.Ерошенко — друг Лу Синя» (Проблемы Д.Востока. — 1975. — № 2) дал обзор ст. Е. периода 1916-20, посвященных творчеству *Л.Андреева* («Андреев и его пьесы», «Андреев и его символич. драмы») и др. литведч. вопросам («Женские образы в совр. рус. лит-ре»). Во время поездок по Японии Е. выступал с лекциями по рус. лит-ре и фольклору. Странствуя по Сиаму (Таиланду), Бирме, Индии (1916-19), Е. помимо просветит. деятельности собирал фольклор, послуживший основой его «Рассказов Байтала. Популярных индийских сказаний», «Бирманской легенды» (журн. «Сенэн Курабу». — Токио, 1920-21).

Узнав о революции в России, в нояб. 1917 Е. делает попытку вернуться на родину через Индию, где был задержан и арестован англ. властями вместе с др. русскими за выступления в поддержку новой России. В июне 1919 Е. снова в Японии. Ун-т Васэда пригласил его преподавать рус. лит-ру, на что сразу последовал запрет. В 1921 был создан япон. коммунистич. журн. «Танэмаку хито». В первом номере в числе сотрудников, наряду с А.Франсом, А.Барбюсом — «русский слепой поэт В.Ерошенко». В это время Е. участвует в политич. митингах и демонстрациях, за что был признан «большевистским агентом и опасным человеком» и выслан из Японии. Участие Е. в япон. револ. и лит. движении нач. 20-х определило осн. особенности его творчества. В аллегорич. сказке «Цветок Справедливости» (журн. «Танемаку хито». — Токио, 1922. — Февр.). Е. описал «Страну Великого Принца», имея в виду сов. Россию: «А вскоре, словно кровь, заалело небо на Востоке. Вставало солнце. Брызнули его первые горячие лучи на широкое поле и все увидели, что там — впервые на земле — расцвел чудесный цветок Справедливости» («Сердце орла». — Белгород, 1962. — С. 73). В 1921 в Токио вышел первый сб. произв. Е. на япон. яз. — «Песни предутренней зари», а затем второй сб. — «Последний вздох» (Токио, 1922). Сост. их был Акита Удзяку. В 1924 Фукуока Сэйити выпустил третий сб. незрячего писателя на япон. яз. — «Ради человечества» (Токио). Осенью 1921, после еще одной неудачной попытки вернуться в Россию, Е. оказался в Китае, где ок. года прожил в семье Лу Синя, переводившего его произв. с япон. яз. на кит. яз. («Сказки». — Шанхай, 1922). Изучив кит. яз., стал проф. Пекинского ун-та, где преподавал рус. лит-ру и эсперанто.

В 1923 сбылась мечта Е. о возвращении в Россию. Побывав в родном селе Обуховка, он уехал в Москву. С апр. 1924 преподавал в Коммунистич. ун-те трудящихся Востока. После этнографич. экспедиции на Север в 1929 появились его очерки «Встречи на Чукотке» и «Филипп Онкудимов» (журн. «Жизнь слепых». — 1930. — № 7,8). С 1930 по 1932 Е. преподавал в Понетаевской профтехшколе слепых Нижегородской обл. С 1932 по 1934 — корректор Моск. типогр. рельефного шрифта и ред. альм. слепых литераторов. В это время Е. выступает как публицист в журн. «В ногу со зрячими» («За что борются слепые за рубежом». — 1931. — № 1; «Под дубиной миллиардеров». — 1932. — № 3). Организовав в г.Кушка (Туркмения) первый детдом слепых, с 1934 по 1945 Е. преподавал в нем и был его директором. В 1938 в журн. «Жизнь слепых» вышел его автобиогр. очерк о жизни незрячих детей («Счастливое детство». — № 19). В 1946 работал в Загорской муз. школе для инвалидов Великой Отечеств. войны, потом в течение двух лет — в моск. школе, где когда-то учился сам. В 1949 работал в Ташкенте в веч. школе для взрослых слепых. Летом 1952 тяжело больным возвратился в Обуховку, где скончался.

Лит. наследие Е., представленное сказками, легендами, рассказами, очерками, пьесами, стих., публицистич. статьями, преим. романтич. направленности, изд. на рус., япон., кит. яз., эсперанто, опубл. в его кн. «Избранное» (М.. 1977).

Изд.: «Стон одинокой души». — Шанхай, 1923 (эсперанто).

Полное собр. соч.: В 3 т. — Токио. 1959. — Т. 1-3 (на япон. яз.).

Лит.: Белоусов Р.С. Судьба писателя // Вост. альм. — 1962. — № 5.

Харьковский А.С. Человек, увидевший мир. — М., 1978.

Осыков Б.И. Музыкант, путешественник, поэт, педагог. — Белгород, 1989.

И.В.Сотникова

З

ЗАВА́ДСКИЙ Сергей Владиславович (18.II (2.III).1871, Казань — 2.VII.1935, Прага) — лит-вед, переводчик, правовед. Свою родословную З. вел от польск. дворянского рода Рогаля-Завадских. Отец, Владислав Ромулович Завадский — активный деятель эпохи судебной реформы. Учился в 1-й саратовской, 3-й харьковской и 5-й моск. г-зиях, поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та. В 1897-1906 занимал посты тов. прокурора в Москве и Петербурге, прокурора псковского окружного суда. С 1906 — чл. Петерб. судебной палаты, после чего занимал должность тов. обер-прокурора уголовного и гражд. кассационного деп. Сената и пред. деп. петерб. судебной палаты. 19 янв. 1917 был назначен сенатором гражд. кассационного деп. Читал лекции по гражд. праву в Александровском лицее. Печатался в журн. «Вест. гражд. права», «Журн. Мин-ва юстиции» и др. *М.Горький* предложил З. напечатать его пер. трагедии Софокла «Царь Эдип» в издаваемом им журн. «Летопись», но З. отказался. После февр. 1917 Керенский по рекомендации Горького назначил З. тов. пред. Верховной следств. комиссии по расследованию преступных деяний представителей старого режима. Вскоре З. вышел из состава комиссии и покинул Петроград. С мая 1918 он — тов. мин. юстиции и чл. последнего состава укр. правительства при гетмане П.П.Скоропадском. С осени 1919 — тов. пред. особой комиссии при Главнокомандующем вооружен. силами Юга России по расследованию злодеяний большевиков.

С нач. 1921 в эмиграции: сначала — Польша, а с мая 1922 — в Праге. На Рус. юрид. ф-те читал курс гражд. права. Был первым пред. Объединения рус. юристов. В 1923-24 — пред. Союза рус. писателей и журналистов в Чехословакии; позже избран почетным чл. Союза. С 1924 З. — пред. Комиссии по улучшению быта рус. писателей и журналистов. В 1926 изд-во «Пламя» (Прага) выпустило первый и единств. сб. Союза рус. писателей в Чехословакии «Ковчег» под ред. *В.Булгакова*, З. и *М.Цветаевой*. С 1925 состоял тов. пред., а с 1929 по март 1932 — пред. Рус. академич. группы, а также чл. правления Союза рус. академич. орг-ций и с 1930 — тов. пред. Союза. Принимал участие в работе общеэмигр. Первого съезда рус. писателей и журналистов в Белграде (сент. 1928), тогда же в составе рус. делегации — в работе съезда Междунар. лит.-худож. союза. Похоронен на Ольшанском кладб. в Праге.

А.Л.Бем писал: «Несравненным мастером слова был покойный Сергей Владиславович Завадский. Он не только мастерски владел словом, но и совершенно исключительным чутьем учитывал то, что в современной науке о языке именуют «функцией слова», то есть уже применять слово сообразно обстановке и назначению» (Новь. — Таллин, 1935. — Сб. 8. — С. 135).

В заруб. период им опубл. работы: «Рус. человек в рус. слове» (Крестьянская Россия. — Прага, 1923. — Т. 5-6), «Заветы Пушкина» (Зодчие рус. культуры. — Прага, 1926), «К познанию личности Толстого» (Рус. нар. ун-т в Праге. Научные тр. — 1929. — Т. 2), «Новое определение драмы в свете романов Достоевского» // О Достоевском. Сб. статей — 1 / Под ред. Бема А.Л. — Прага, 1929), «Тургенев как человек и писатель» (Труды V съезда Рус. академич. орг-ций за рубежом в Софии 14-21 сент. 1930. — София, 1932. — Ч. 1) и др.

Архив З.: Центр. научн. б-ка Союза театр. деятелей. Фонд С.В.Завадского.

Изд.: О рос. и рус. многоединстве // Культура. — 1994. — 11 июня.

Лит.: Чебышев Н. С.В.Завадский // В. — 1935. — 4 июля.

Фаринич А. На похоронах С.В.Завадского // Наш путь. — Ужгород, 1935. — 9 июля.

Манухин И. Памяти С.В.Завадского // ПН. — 1935. — 10 июля.

В.П.Нечаев

ЗА́ЙЦЕВ Борис Константинович (29.I(10.II).1881, Орел — 26.I.1972, Париж) — прозаик, мемуарист. переводчик. Отец З. — Константин Николаевич (из семьи отставного полковника николаевских времен, проживщего в Сенгилеевском у. Симбирской губ.) — горный инж., в 1882-94 управляющий рудной конторой на заводах Мальцева в Калужской губ., с 1898 — дир. моск. завода Ю.П.Гужона; мать — Татьяна Васильевна Рыбалкина. Детство З. прошло в селе Усты Жиздринского у. Калужской губ. В Калуге учился в г-зии (1892-1894), здесь же окончил реальн. уч-ще (1898). В 1898 поступил в Моск. имп. технич. уч-ще, но первокурсником был отчислен за участие в студенч. беспорядках. В 1899 принят в петерб. Горный ин-т. В 1902 перевелся на юрид. ф-т Моск. ун-та, где числился в студентах до нач. 1907, но курса не окончил. Дебютировал 15 июля 1901 рассказом-эскизом «В дороге» в моск. газ. «Курьер». *Л.Андреев* ввел З. в кружок моск. неореалистов «Среда», группировавшийся вокруг Н.Д.Телешова. Кумир молодого З. — А.П.Чехов. Стиль его ранних рассказов — сочетание натуралистич. модерна с лирич. преклонением перед тайной мироздания, навеянным чтением пантеистически воспринятого Вл.Соловьева («Соловьев нашей юности» // РМ. — 1953. — 27 февр.), а также влиянием *И.Бунина*, с к-рым З. познакомился в 1902. Период ученичества — открытие Данте, интерес к поискам современников (*К.Бальмонт*, *А.Белый*, Ф.Сологуб), частые, начиная с 1902, поездки в горячо любимую Италию — был подытожен переводческой работой. С 1904 по совету Бальмонта З. начал пер. «Искушение св. Антония» (опубл. в 16-ом сб. «Знания» в 1907), затем «Простое сердце» (опубл. в 12-й кн. «Шиповника» в 1910) Г.Флобера, а также «Ватека» У.Бекфорда (М., 1913).

В первой кн. З. — «Рассказы» (СПб., 1906) — отразился спектр юнош. увлечений (от натуралистич. бытописательства до импрессионистич. «песен настроений»). В рец. «Тварное» *З.Гиппиус* особо выделила «тургеневское» начало: «Читая Зайцева — грустишь, но ждешь... Язык простой и круглый... действительно живописный, иногда яркий. Так видел бы природу современный Тургенев... Тургенев без романтизма... и... без тенденции» (Антон Крайний. Литературный дневник (1899-1907). — СПб., 1908. — С. 386, 383). Сочетание «натурализма» и «символизма» у З. зафиксировал А.Белый, увидев в своем моск. знакомом сторонника «ползучего натурализма», или «символизма третьей волны». В 1904 Г.Чулков ввел З. в петерб. журн. «Вопросы жизни». С 1907 З. ред. лит.-худож. альманаха изд-ва «Шиповник». В нояб. 1902 З. познакомился с Верой Алексеевной Смирновой (1878-1965), дочерью А.В.Орешникова, хранителя коллекции Ист. музея; 2 апр. 1912 обвенчался с ней.

З. — автор кн. «Рассказы» (СПб., 1909), «Рассказы» (СПб., 1911), «Усадьба Ланиных» (М., 1914), к-рые наряду с первой кн. рассказов составили т. 1-3 («Тихие зори», «Полковник Розов», «Сны») собр. соч., начавшего выходить с 1916 в моск. «Книгоизд-ве писателей»; «Земная печаль» (М., 1916). Единств. дорев. ром. З. — «Дальний край» (М., 1915), в к-ром ценность любви двух молодых людей и обращение к вере бежавшего в Италию рус. террориста ставились выше рев. заветов 1905 года, что вызвало неприязнь левого крыла критики. Нач. войны провел в именьице отца Притыкино в Каширском у. Тульской губ., где работал над пов., вошедшими в кн. «Путники» (М.,1919). Включенную в нее пов. «Голубая звезда» З. считал своим лучшим дорев. произв.

Летом 1916 З. был мобилизован, поступил в моск. Александровское воен. уч-ще, выпустил брошюру «Беседа о войне» (М., 1917). З. трагически пережил гибель 27 февр. 1917 в Петрограде в первый день революции племянника Ю.Буйневича, офицера Измайловского гвард. полка, посвятил ему стих. в прозе «Призраки». В марте 1917 произведен в офицеры, но в боях не участвовал. Большевист. переворот встретил в Притыкино, в окт. им написан рассказ «Люди Божие». 19 янв. 1919 скончался отец З. В ночь на 1 окт. был арестован и по обвинению в контррев. заговоре расстрелян пасынок З., почти мальчик (Алексей Смирнов). В этот год, по признанию З., один из самых страшных в его жизни, его поддерживала лишь работа над переводом ритмизов. прозой дантовского «Ада» (Париж, 1961), начатым по совету *П.Муратова* в 1913. 10 дек. 1917 в однодневной газ. Клуба моск. писателей «Слову — свобода» в заявлении «Гнет душит свободное слово», а также открытом письме А.Луна-

чарскому (журн. «Народоправство». — 1917. — дек. — № 17) заявил. о неприятии большевизма.

В апр. 1918 З. принял участие в основании «самодельной гуманитарной студии» «Studio Italiano». В 1921 *М.Осоргин* устроил З. в «Книжную лавку писателей» на Б.Никитской, 24, где он вместе с А.Белым, *В.Ходасевичем*, *Н.Бердяевым*, А.С.Яковлевым и др. занимался букинистич. торговлей. В 1921 З. избирается пред. моск. отд. Всерос. союза писателей; 21 июля входит в Всерос. комитет помощи голодающим (ПОМГОЛ). 26 авг. арестован, но вскоре выпущен. Весной 1922 заболел сыпным тифом. Впечатления послерев. лет переданы З. в рассказах «Душа» (1921), «Улица Св.Николая» (1922), «Белый свет» (1922) и др., к-рые вошли в кн. «Улица Св. Николая: Рассказы, 1918-1922» (Берлин, 1923). При участии Ю.Балтрушайтиса, Л.Каменева (с к-рым учился на юрид. ф-те ун-та) и А.Луначарского («Давнее: Луначарский. Каменев» // НЖ. — № 61) получил визу на выезд в Германию для поправки здоровья; о въездной визе хлопотал в Берлине *А.С.Ященко*. 8 июня 1922 З. выехал (последний адрес З. — Москва, Кривоарбатский пер., 4) в Берлин с женой и дочерью Наталией.

Эмиграция была для З. гарантией свободы творчества: «Живя вне Родины, я могу вольно писать о том, что люблю в ней — о своеобразном складе русской жизни... русских святых, монастырях, о замечательных писателях России» (Шиляева А. Борис Зайцев и его беллетризованные биографии. — Нью-Йорк, 1971. — С. 50). До кон. жизни З. не шел ни на какие компромиссы с коммунистич. властью, в результате чего в 1944-48 расстроились его отношения с И.Буниным из-за контактов Бунина с сов. послом во Франции А.Е.Богомоловым, а также в связи с выходом Бунина в нояб. 1947 из Союза рус. писателей и журналистов (с 1945 З. — пред. Союза) в знак протеста против исключения из него тех, кто получил сов. паспорта. «Победа СССР в 1945 году была для Зайцева не русской победой, т.к. не могла послужить возрождению России и освобождению ее народа, и всякое заигрывание или кокетничанье с советскими властями было для него неприемлемо» (*Шаховская*. — С. 267). Ранее неприятие З. большевизма и присущего для него богоборчества коснулось оценки творчества А.А.Блока и *М.Горького* (СЗ, — 1925. — № 25); (В. — 1932. — 15 и 30 окт.), отказа в 1930-е во встрече своему другу, «сов. графу» *А.Толстому*, к-рый в нач. 20-х в Берлине «еще краснел перед старыми друзьями» («Мои современники». — Лондон, 1988. — С. 105). Вместе с тем беды рев. лет и отъезд на Запад не озлобили З. Как правосл. человек он смирялся с Божьим промыслом и признавал свою личную ответственность за трагедию России. Правосл. мировидение позволило З. в эмиграции по-новому открыть для себя духовный фундамент рус. культуры, а также распознать, на что указал поэт *Ю.Терапиано*, «русскую всемирность тех дореволюционных лет, когда наши... писатели умели ощущать весь мир своей родиной» (Терапиано. — С. 285). З. духовно окормлялся у о. Г.Спасского, митрополита Евлогия (Георгиевского), архимандрита Киприана (Керна). После второй мировой войны высказался против переподчинения франц. экзархата рус. правосл. церкви (находившейся в ведении Вселенского Патриарха) моск. Патриархии. З. полагал, что Россия — там, где Христос, и потому с особым волнением побывал в апр.-мае 1927 на Афоне («Письма к родным с Афона» / Публ. Зайцевой-Соллогуб Н., Клементьева А. // ВРХД. — 1992. — № 164) и июле-сент. 1935 в Финляндии на Валааме («Валаам». — Таллин, 1936). Кн. очерков — «Афон» (Париж, 1928), посв. митрополиту Евлогию.

В июле-авг. 1922 З. с семьей жил в местечке Мисдрой близ Штеттина, с сент. — в Берлине. В марте 1923 был избран вице-пред. (пред. И.В.Гессен) «Союза рус. писателей и журналистов»; сотрудничал в берлин. газ. «Дни», пражск. журн. «Воля России». Лето 1923 семья З. провела в приморском поселке Прероу-Остзеебад вместе с Бердяевыми, В.Ходасевичем и *Н.Берберовой*, семьей *С.Франка*, П.Муратовым. В 1922-23 З.И.Гржебин «в виде поч. исключения» выпустил в Берлине 7-томное собр. З., где впервые была опубл. кн. лирич. очерков «Италия». 9 сент.1923 З. наряду с др. рус. писателями и философами выехал в Италию для чтения лекций в римском «Ин-те Вост. Европы» по приглашению итал. слависта Э. Ло Гатто. В нач. янв. 1924 З. прибыл в Париж, где прожил до своей кончины. Часто бывал в лит. салонах Фондамин-

ских и Цетлиных, являлся поч. чл. лит.-филос. об-ва «Зеленая лампа», печатался в журн. «СЗ», а также работал в газ. «ПН», но из-за финансовых разногласий перешел осенью 1927 в более консервативное «В». Как праздник эмиграции был отмечен 12 дек. 1926 25-летний юбилей творч. деятельности З. (его речь опубл. в «ПН» за 14 дек. 1926). Участвовал в конгрессе рус. ученых и писателей-эмигрантов в Белграде и 30 сент. 1928 получил из рук высоко чтимого им короля Югославии Александра I орд. св. Саввы 2-й степени.

Летом 1925 З. побывал на юге Франции в имении друга, проф. В.Б.Ельяшевича, где в окрестностях аббатства Торонэ завершил беллетризов. житие «Преподобный Сергий Радонежский» (Париж, 1925), работал над агиографич. рассказом «Алексей Божий человек» (СЗ. — 1925. — № 26) и очерком о А.Блоке. На обратном пути из Прованса в Париж в нач. сент. впервые побывал у Буниных на вилле «Бельведер» в Грасе.

Этапным произв. стал для З. ром. «Золотой узор» (СЗ. — 1923-25. — № 15-19, 22-24; отд. изд.: Прага, 1926; М., 1992), начатый в Берлине. Эта написанная от первого лица история жизни молодой женщины от ее детства на рубеже столетий до отъезда с мужем в эмиграцию распадается на две части; первая посв. дорев. эпохе и аморфна, вторая полна трагич. лиризма. Контраст между двумя частями способствовал особой экспрессивности последних глав об «окаянных днях» 1917-1922.

С окт. 1925 З. — ред. (из Парижа) рижского журн. «Перезвоны». В мае в 1926 поселился на улице Клод Лоррен, 11 — в доме, к-рый описан в единств. романе З. о повседневной жизни эмиграции — «Дом в Пасси» (Берлин, 1935). 20 июля 1927 — смерть матери в Москве, памяти к-рой посв. кн. рассказов «Странное путешествие» (Париж, 1927). В пов. «Анна» (СЗ. — 1928. — № 36-37; 1929. — № 38; отд. изд.: Париж, 1929) описывается гибель в России молодой сельской женщины. Хотя *Г.П.Струве* считал эту жестокую по правдивости пов. лучшим эмигр. произв. З., в целом для его поздней лирич. манеры она не характерна, что косвенно признавалось самим писателем («О себе» // В. — 1957. — № 70). Начиная с окт. 1929 З. участвовал в вечерах рус.-франц. об-ва. Среди биогр. соч. З. — «Жизнь Тургенева» (Париж, 1932), «Жуковский» (Париж, 1951), «Чехов» (Нью-Йорк, 1954), эссе «Жизнь с Гоголем» (СЗ. — 1935. — № 59), «Тютчев — жизнь и судьба. (К 75-летию кончины)» (В. — 1949. — № 1). Общий замысел З. в биогр. соч. — показать как путь художника, так и отражение в его «жизни сердца» христ. раздумий о преодолении смерти. Намерение увидеть в Тургеневе и Чехове писателей «подземно религиозных» определяется представлением З. о духовной целостности рус. культуры. В 1941 З. вернулся к своему пер. «Ада», пережил бомбардировки Бианкура (пригорода Парижа, где нек-рое время жил). 10 дек. 1941 присутствовал на похоронах *Д.Мережковского*, в дек. 1942 — Бальмонта. Весной 1949 путешествовал по Италии (встреча с *Вяч. И.Ивановым*). Сотрудничал в журн. «Грани», «ВРСХД», «Мосты», «НЖ»; один из ред. газ. «РМ». 2 февр. 1957 жену З. разбил паралич, и в теч. восьми лет З. самоотверженно ухаживал за ней. 11 февр. 1960 скончался духовник З., архимандрит Киприан (Керн). В 1971 прошло торжеств. празднование 90-летнего юбилея З., «последнего лебедя Серебряного века» (Терапиано. — С. 284). Многочисл. автобиогр. и мемуарные публ. 1920-70-х составили кн. «Москва» (Париж, 1939), «Далекое» (Вашингтон, 1965; М., 1991), а также посм. изд. «Мои современники» (Лондон, 1988), где даются импрессионистич. портреты А.Чехова, А.Блока, А.Белого, К.Бальмонта, Вяч.Иванова, Н.Бердяева, М.Горького, Д.Мережковского, М.Осоргина, *Ю.Айхенвальда*, *И.Шмелева*, П.Муратова, *А.Ремизова*, *М.Алданова* и др.

В 1965 З. опубл. один из лучших своих рассказов «Река времен» (НЖ. — № 78), прототип архимандрита Андроника в к-ром — о.Киприан Керн. В 1969 З. пишет открытое письмо в поддержку А.И.Солженицына (ВРХСД. — № 94). Скончался З. в кругу семьи своей дочери (рю Фремикур, 11), отпет в соборе св.Александра Невского, погребен 2 февр. 1972 на рус. кладб. в Сент-Женевьев-де-Буа.

Итоговое произв. З. — посв. жене тетралогия «Путешествие Глеба»: «Заря» (ром. начат в июне 1934 в Грасе, окончен в 1936 в Париже; изд.: Берлин, 1937), «Тишина» (сент. 1938 — июнь 1939; изд.: Париж, 1948), «Юность» (1940-1944, изд.: Париж, 1950), «Древо жизни» (Нью-Йорк, 1953).

Соответствующая вехам жизни автора тетралогия доведена до сер. 30-х; Элли (В.Зайцева) появляется в третьем ром. Жанр тетралогии — элегич. и автобиогр. роман, состоящий из нежестко связанных между собой глав. Тема — становление художника, готовящегося к открытию своего «града Китежа», ушедшей навсегда России, в изгнании. Эмоц. стержень повествования о Глебе (к-рый учится восприятию жизни у древних рус. святых, князей-страстотерпцев Бориса и Глеба) составляет христ. устремленность к вечности. Этому настроению «воздушных путей» соответствует разряженность почерка, достигаемая за счет мастерского владения эпитетами, сугубо индивидуальными инверсиями. Лиризм «Путешествия Глеба» работает на общий образ — описание того, как в жизни творчески настроенного человека обнажалось и крепло крайне важное, что творч. настрою не только не противоречило, но и бросало на него благодатный отсвет. Взросление Глеба — мальчика в Прошино, юноши в Москве, мужа в Италии и Франции в 20-30-х, по замыслу З. перекликается с евангельск. притчей о росте древа веры из «зерна горчичного».

Изд.: Рафаэль: Кн. рассказов. — М.; Берлин, 1922.
Грех. — Рига, 1927.
Избр. рассказы: 1904-1927. — Белград, 1929.
В пути. — Париж, 1951.
Река времен. — Нью-Йорк, 1968.
Пов. о Вере: (Письма В.Н.Буниной к В.А.Зайцевой) // Мосты. — 1968. — № 13/14.
Другая Вера: (Письма В.А.Зайцевой к В.Н.Буниной) // НЖ. — 1968. — № 92; 1969. — № 95,96; 1970. — № 98, 99.
Письма Б.Зайцева к И. и В.Буниным / Публ. Грин М. // НЖ. — 1980. — № 139, 140; 1981. — № 143; 1982. — № 146, 149; 1983. — № 150.
Разговоры с Б.К.Зайцевым // НЖ. — 1983. — № 150.
Голубая звезда: Пов. и рассказы. Из восп. / Сост. Романенко А. — М., 1989.
Белый свет / Сост. Михайлова О. — М., 1990.
Дальний край: Ром. Повести и рассказы / Сост. Прокопова Т.Ф. — М., 1990.
Соч.: Т. 1-3 / Сост. Воропаевой Е. и Тархова А. — М., 1993.
Очерк Б.К.Зайцева «Максим Горький (К юбилею)» / Публ. Толмачева В.М. // Рос. лит-ведч. журн. — 1993. — № 2.
Странник / Сост. Клементьева А.К. — СПб., 1995.
Дни / Сост. Клементьева А.К. — М.; Париж, 1995.

Лит.: Осоргин М. Этюды о писателях. Б.К.Зайцев // Новая рус. кн. — 1923. — № 3/4.
Муратов П. Рец.: «Италия» // СЗ. — 1923. — № 15.
Седых А. У Б.К.Зайцева // Звено. — 1925. — 27 апр.
Осоргин М. О Борисе Зайцеве // ПН. — 1926. — 9 дек.
Оцуп Н. Рец.: «Анна» // СЗ. — 1928. — № 37.
Федотов Г. Рец.: «Афон» // СЗ. — 1930. — № 41.
Цетлин М. Рец.: «Дом в Пасси» // СЗ. — 1935. — № 59.
Мочульский К. Рец.: «Путешествие Глеба» // СЗ. — 1937. — № 64.
Бицилли П. Рец.: «Путешествие Глеба» // РЗ. — 1938. — № 5.
Яновский В. Рец.: «Москва» // РЗ. — 1939. — № 16.
Киприан, архимандрит. Б.К.Зайцев // В. — 1951. — № 17.
Зеньковский В., прот. Религ. темы в творчестве Б.К.Зайцева // ВРСХД. — 1952. — № 1.
Вейдле В.В. Рус. писатель: (К восьмидесятилетию Б.К.Зайцева) // ВРСХД.- 1961. — № 60.
Степун Ф. Б.К.Зайцеву — к его восьмидесятилетию // Мосты. — 1961. — № 7.
Шиляева А.С. Жизнен. и творч. путь Б.К.Зайцева // ЗРАГ. — 1970. — Т. 4.
Иваск Ю. «Река времен» Борис Зайцева // РМ. — 1971. — 18 февр.
Воропаева Е. Борис Зайцев о Гоголе // Лит. учеба. — 1988. — № 3.
Толмачев В.М. От жизни к житию: логика писат. судьбы Б. Зайцева // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.
Guerra R. Bibliographie des oeuvres de Boris Zaitsev. — P., 1982.
+Адамович; Амфитеатров; Бахрах; Берберова; Казак; Михайлов; Одоевцева; РП-2; Полторацкий; Струве; Терапиано; Шаховская.

В.М.Толмачев

ЗА́ЙЦЕВ Кирилл Иосифович, игумен Константин, архимандрит Константин (28.III(9.IV).1887 — 26.XI.1975, Джорданвилл) — критик, богослов. Окончил эконом. отд. Петерб. политехнич. ин-та и юрид. ф-т Петерб. ун-та. В нач. 20-х эмигрировал в Чехословакию, занимал должность приват-доцента в Пражском ун-те. Жена — София Зайцева, писательница, опубл. три кн.: «Детскими глазами на мир: Пов. из жизни петерб. барышни» (Харбин, 1937), «У порога в мир» (Шанхай, 1947) и «Путь через мир» (Шанхай, 1948). Первая из них вызвала доброжелат. отклик *Ю.Мандельштама* (СЗ. — 1938. — № 67).

В эмиграции З. выступал как критик и эссеист. В «Студенч. годах» (1923. — № 7) в рец. на первую кн. альм. «Веретено» дал оценку произв. *С.Горного*, *И.Лукаша*, *А.Дроздова*, *И.Бунина* и др.; в «РМ» опубл. ст. «Грех писателя *Чирикова*» (1927. — № 1) и «Пушкин как учитель жизни» (1932. — № 34). В этих очерках заметен интерес З. к религиозно-этич. проблематике лит-ры, к проблеме одухотворенной повседневности; в последнем из них, говоря о жизнеутверждающей религиозности пушкинского творчества, критик высказывает свою заветную мысль: «Пушкин есть художественно отверженный и нравственно утвержденный русский быт» (с. 41). С дек. 1928 по 1934 З. — гл. ред. еженед. газ. «Россия и славянство» (в 1927-28 выходившей под назв. «Россия»), сменив *П.Струве*, продолжавшего, однако, участвовать в выпуске издания. Принимал участие в заседаниях париж. кружка «Франко-рус. лит. собеседования».

Наиб. известным лит. трудом З. стала его кн. «И.А.Бунин. Жизнь и творчество» (Берлин, 1934), — первая в то время монография, посв. творчеству писателя, недавно получившего Нобел. пр. Однако критика неоднозначно восприняла эту работу: *Г.Адамович* посчитал ее неконкретной и чрезмерно эмоциональной, отметив, что в кн. «нет фактов, нет имен, нет ни малейшей попытки дать «панораму времени». По мнению критика, З. поспешил с публикацией еще не «созревшей» книги (ПН. — 1934. — 18 окт.). Оценка этой работы Ю.Мандельштамом была более мягкой: с его т.з., недостатком кн. стала попытка объяснения творчества Бунина через биографию писателя, а также то, что З. «разбил все его произведения на несколько тематических (и даже, вернее, сюжетных) групп: путешествия, деревенский быт, любовь и т.д. Деление это настолько условно, что сам З. принужден говорить о некоторых рассказах Бунина по поводу двух разных «групп» (В. — 1934. — 18 окт.).

В 1936 З. перебрался в Харбин, где занял должность проф. полит. экономии (1936-38). Как и прежде, он активно занимался просветит. деятельностью: написал вступ. очерк «Смерть Пушкина» к вышедшим в 1937 в Харбине «Избр. произв.» поэта; в юбилейный сб. «Россия и Пушкин» (Харбин, 1937) были включены две работы З.: «Религ. проблема Пушкина» и «Пушкин и музыка». В этом же году в Харбине вышла его кн. «Толстой как явление религиозное», в к-рой З полемизирует с учением великого писателя, отмечая, что «Толстой есть подмена церковной веры для русского интеллигента» (с. 13). В 1941 З. редактировал три опубл. в Харбине сб. «Шедевры рус. поэзии», «Шедевры лит. критики» и «Рус. история в рус. поэзии» (т. 1). В 1937-38 в Харбине вышло два тома его пособия к лекциям «Основы этики», включившего в себя анализ этих систем античной Греции и Рима, мировоззрения христ. Средневековья, а также мыслителей от Макиавелли до Маркса. Опубл. кн. «Святой Серафим Саровский и пути России» (Ладомирово, 1939) и «Мат-лы к изучению Святой Руси» (Ладомирово, 1940).

В 1945 З. принял священство (Пекин, Шанхай). В 1949 в Джорданвилле пострижен в монахи, в 1954 получил сан архимандрита. Публиковался как игумен Константин, затем — архимандрит Константин. Среди его работ по богословию и истории церкви наиб. значительны кн. «Православная церковь в сов. России» (Шанхай, 1947), «Памяти последнего царя» (Шанхай, 1948), «Киевская Русь» (Шанхай, 1949), а также два тома «Лекций по истории рус. словесности» (Джорданвилл, 1958-60).

Лит.: Резникова Н. Рец.: «И.А.Бунин» // Рубеж. — 1934. — № 37.

Голицын В. Рукописи не горят // Новое время. — 1995. — № 32.

М.Г.Павловец

ЗАМЯ́ТИН Евгений Иванович (20.I(1.II.).1884, Лебедянь, Тамбовская губ. — 10.III.1937, Париж) — прозаик. Род. в семье священника. Мать — Мария Александровна Платонова — обладала муз. дарованием. В доме постоянно ютились странники и паломники, чьи колоритные рассказы навсегда запали в душу писателя и чья неподдельная речь отразилась в его произв. После окончания воронежской г-зии (1902) З. поступил на креблестроит. ф-т Петерб. политехнич. ин-та. Во время студенч. практики совершил длит. путешествия как внутри России, так и за ее пределами. Летом 1905 он участвовал в плавании Одесса — Александрия. По возвращении в Одессу был свидетелем восстания на броненосце «Потемкин», о чем позже рассказал в очерке «Три дня» (Ежемес. журн. — 1914. — № 2). Придерживаясь в те годы рев. взглядов, З. с 1903 активный участник полит. демонстраций в Петербурге. С весны 1905 член РСДРП. Революцию 1905 встретил восторженно. В письме (1906) Людмиле Николаевне Усовой (с 1917 жена писателя) признавался: «Революция так хорошо встряхнула меня. Чувствовалось, что есть что-то сильное, огромное, гордое, как смерч, поднимающий голову к небу, ради чего стоило жить. Да ведь это почти счастье!» (ГПБ. Ф. 292. Оп. 2. Ед. хр. 25).

Арестован в дек. 1905; весной 1906 хлопотами матери освобожден из тюрьмы. Пробыв недолго в Лебедяни, летом того же года нелегально вернулся в Петербург, затем перебрался в Гельсингфорс, где оказался свидетелем Свеаборгского восстания (июль 1906). После этого снова Петербург, нелегальное положение, учеба в Политехнич. ин-те, к-рый окончил в 1908. Получив специальность морского инженера, З. был оставлен при каф. корабельной архитектуры для науч. работы. С 1911 преподавал в том же ин-те.

Лит. дебют З. — рассказ «Один» (Образование. — 1903. — № 11). Публиковал спец. ст. в журн. «Теплоход» (СПб.). В 1911 в Лахте (под Петербургом) З. пишет пов. «Уездное» (Заветы. — СПб., 1913. — № 5). За пов. «На куличках» (там же. — 1914. — № 3) был предан суду. Решением Петербург. окружного суда выслан на Север, в Кемь. В 1914-15 публикует в «Ежемес. журн.», «Рус. мысли» и в «Современнике» рассказы и рец., поддерживает связь с «заветинцами» — М.Пришвиным, *А.Ремизовым* и др. В марте 1916 уехал в Англию работать на судоверфях в Глазго, Нью-Касле и Сандерленде, где под его руководством построен один из самых крупных рус. ледоколов «Св. Александр Невский» и где З. написал пов. «Островитяне» (Скифы. — 1918. — Сб. 2) — тонкую сатиру на англ. быт.

В сент. 1917 З. вернулся в Россию, вошел в коллегию экспертов «Всемирной лит-ры», ред. соч. Г.Уэллса, Дж.Лондона, стал одним из руководителей изд-в «Алконост» и «Эпоха», выпустил с группой писателей альм. «Дом Иск-в», журн. «Рус. современник» и «Совр. Запад». В 1920 оказал влияние на лит. группу «Серапионовы братья», опубл. рассказ «Пещера» (Зап. мечтателя. — СПб., 1922. — № 5) и написал ром. «Мы», в к-рых гротескно изображены картины переживаний периода воен. коммунизма и связанные с этим представления о будущем.

В 1921 изд-во Гржебина в Берлине предложило З. издать собр. соч. в 4-х т. За рубеж были посланы старые и новые произв. писателя, в том числе ром. «Мы», предназначавшийся для четвертого тома. Разорившийся издатель успел выпустить лишь один, третий том, куда вошли пов. и рассказы. Ром. «Мы» без согласия автора был переведен на англ. яз. и издан в Нью-Йорке в 1924. В России усилия З. издать ром. оказались безуспешными: сов. цензоры увидели в нем плохо прикрытую издевку над коммунистич. строем.

Между тем узкий круг литераторов в Петербурге и Москве уже ознакомился с рукоп. ром. О нем заговорили резко отрицательно (Я. Браун в «Сиб. огнях», 1923. — № 5/6; А. Воронский в «Красной нови», 1921. — № 1). По-другому оценил «Мы» Ю.Тынянов: «...сам стиль Замятина вел его к фантастике. И естественно, что фантастика Замятина ведет его к сатирической утопии: в утопических «Мы» — все замкнуто, расчислено, взвешено, линейно. Вещи приподняты на строго вычисленную высоту. Кристаллический аккуратный мир, обведенный зеленой стеной, обведенные серыми линиями юниф (uniform) люди и сломанные кристаллики их речей — это реализация замятинского орнамента, замятинских «боковых» слов. Инерция стиля вызвала фантастику. Поэтому она убедительна до физиологического ощущения... «Мы» —

это удача». (Рус. современник. — 1924. — № 1. — С. 297-98). 17 авг. 1922 З. арестован (более месяца в тюрьме ГПУ, Петроград).

В 1927 изд-во «Круг» выпустило кн. З. «Нечестивые рассказы». В 1929 изд-во «Федерация» опубл. его Собр. соч. в 4 т. С 1927 журн. «Воля России» начал печатать без согласия автора главы ром. «Мы». В СССР последовали резкие обвинения по адресу писателя. Ром. вышел отд. изд. на чеш. (1927) и франц. (1929) яз. Сложная обстановка вынудила З. просить о временном выезде за границу. При содействии *М.Горького* такое разрешение было дано. В нояб. 1931 на Рижском вокзале в Москве его провожали Вс. В. Иванов и М.А.Булгаков. После недолгой остановки в Риге З. перебрался в Берлин, с февр. 1932 — в Париж, где он был связан с узким кругом друзей (А.Ремизов, *Ю.Анненков*, *Б.Григорьев*). В беседе с журналистом Фредериком Лефевром, представлявшим «Nouvelles littéraires», З. в мае 1932 сказал: «Однажды на Кавказе мне рассказали персидскую басню о петухе, у которого была дурная привычка петь на час раньше других: хозяин петуха попадал из-за этого в такие неудобные положения, что в конце концов отрубил своему петуху голову. Роман «Мы» оказался персидским петухом: этот вопрос и в такой форме поднимать было еще слишком рано, и поэтому после напечатания романа (в переводах на разные языки) советская критика очень даже рубила мне голову. Но, очевидно, я построен крепко — голова у меня, как видите, до сих пор на плечах» (Поколение. — Воронеж, 1989. — № 1. — С. 18).

З. пишет ром. «Бич Божий» (Париж, 1938; предисл. *М.Слонима*), посв. владыке Великой Скифии — Аттиле. Еще в 1927 трагедия «Атилла» (НЖ. — 1950. — № 24) была представлена Большому драм. т-ру в Ленинграде, доведена до премьеры и снята с пост. губреперткомом. Последовало судебное разбирательство, окончившееся для писателя безуспешно (ОР ИМЛИ). В это время и начал вырисовываться для З. контур ром. «Бич Божий». Автор считал, что на протяжении истории человечества есть параллельные, одинаково звучащие эпохи. Такой параллелью нашей эпохи является эпоха «переселения народов» величайших войн, столкновения зап., уже стареющей культуры с волной свежих, варварских народностей. Он пожелал устроить некую перекличку времен и свой ром. об Аттиле мыслил как произв., должное вызвать живой интерес у совр. читателя. Ром. «Бич Божий» остался не закончен (написана лишь первая часть). З. создал в 1932 два кинематографич. сценария: «На дне» по пьесе М.Горького и «Анна Каренина» по роману Л.Толстого. Реж. фильма «На дне» Жан Ренуар умело реализовал замятинские переработки пьесы, и лента пользовалась успехом.

В Париже З. не считал себя эмигрантом, жил с сов. паспортом, встречался с наезжавшими писателями: Б.Пастернаком, К.Фединым, *И.Эренбургом*, *А.Толстым* и др. Принимал участие в антифашист. конгрессе защиты культуры (1935) в составе сов. делегации. Умер З. от грудной жабы. Хоронили его 12 марта на кладб. Тие в пригороде Парижа, где находила себе вечный приют рус. беднота. На похоронах присутствовали М.Слоним, *Р.Гуль*, *Г.Газданов* и *М.Цветаева*. Шел дождь, не было церк. отпевания и даже никаких слов. Гроб опустили прямо в воду, залившую могилу. Цветаева о похоронах вспоминала: «Было ужасно, растравительно бедно — и людьми и цветами — богато только глиной и ветрами — четырьмя встречными» (НЖ. — 1967. — № 89. — С. 104).

Изд.: Мы. — Нью-Йорк, 1952; М., 1990.
Лица. — Нью-Йорк, 1955.
Пов. и рассказы / Предисл. Слонима М. — Мюнхен, 1963.
Соч. — Мюнхен, 1982-86. — Т. 1-4.
Пов. Рассказы / Предисл. Михайлова О. — Воронеж, 1986.
Соч. / Послесл. Чудаковой М. — М., 1988.
Из переписки М.А.Булгакова с Е.И.Замятиным и Л.Н.Замятиной, (1928-1936) // РЛ. — 1989. — № 4.
Избр. произв. / Вступ. ст. Келдыша В.А. — М., 1989.
Избр. произв. / Вступ. ст. Михайлова О. — М., 1990. — Т. 1-2.

Лит.: Мальмстад Дж., Флейшман Л. Из биографии Замятина: (По новым материалам) // Stanford Slavic studies. — 1987. — Vol. 1.
Библиогр. произв. Е.И.Замятина / Сост. Стрижев А.Н. // Сов. библиогр. — 1989. — № 3.
Давыдова Т.Т. Евгений Замятин. — М., 1991.

Галушкин А.Ю. К истории ареста и несостоявшейся высылки Е.И.Замятина в 1922-1923 гг. // De visu. — 1992. — № 0 (нулевой номер).
Шерон Дж. К судьбе зарубежн. архива Е.И.Замятина // De visu. — 1994. — № 3/4.
Shane A.M. The life and works of Evgenij Zamjatin. — Berkeley, 1968.
Goldt R. Der Entropiesatz als poetilogische Chiffer. — Mainz, 1955.
+Анненков; Берберова; Казак; РП-2; Шаховская.

А.Н.Стрижев

ЗЕНЗИ́НОВ Владимир Михайлович (XI.1880, Москва — 29.XI.1953, Нью-Йорк) — публицист, прозаик, обществ. деятель. Родители — потомств. сибиряки, родом из Нерчинска. Отец — владелец комиссионного дела по торговле с Сибирью и моск. агент Добровольного флота. После окончания в 1899 моск. г-зии З. четыре года проучился в ун-тах Берлина и Гейдельберга. Там же сложился кружок «молодых эсеров», где вместе с З. были А.Гоц, *И.Фондаминский*, Н.Д.Авксентьев. В янв. 1904 вернулся в Москву уже членом партии эсеров. Накануне 9 янв. 1905 был арестован и сослан в Архангельскую губ., откуда бежал в Женеву. После манифеста 1905 едет в Петербург и вступает в Боевую орг-цию эсеров. Под руководством *Б.Савинкова* и Азефа З. разработал план покушения на двух офицеров Семеновского полка. В 1906 арестован и сослан в Якутск, откуда бежал в Охотск, затем на япон. рыбачьей шхуне добрался до Японии и на пароходе в 1907 доехал до Европы. Затем — возвращение в Россию, арест и ссылка на побережье Ледовитого океана, в устье реки Индигирки. Во время пребывания в этих местах З. начал складываться как писатель и ученый. Природа этого сурового края, быт и обычаи местного населения послужили основой для мн. кн. З. Участвовал в экспедиции Мин-ва путей сообщения по иссл. рек Ленского бассейна. «Во всем облике Зензинова была необычайная привлекательность. Выше среднего роста, с волнистыми русыми волосами, небольшой бородкой, в очках с золотой оправой, из-под которых приветливо и внимательно глядели умные глаза. Всем своим видом он производил впечатление скорее профессора, чем рядового революционера», — описывал З. один из участников экспедиции Н.Калашников (НЖ. — 1954. — № 36. — С. 300). Результатом науч. иссл. З. явился выход кн. «Старинные люди у холодного океана» (М,, 1914) и «Очерки торговли на севере Якутской области» (М., 1916).

По окончании ссылки в 1915 З. вернулся в Москву. В Петрограде стал свидетелем и участником событий 1917. Был избран чл. Учредит. собр. Летом 1918 сумел выбраться из Москвы на Волгу, вошел в Ком. чл. Учредит. собр. в Самаре. Вошел в состав Врем. Всерос. правительства — «Директории», ставившей задачей свержение сов. власти и аннулирование Брестского мира. 18 нояб. 1918 вице-адмирал Колчак выслал чл. Директории, в том числе и З., в Китай. В янв. 1919 З. через Америку прибыл в Париж. В том же году в Париже вышло две кн. З.: сб. док-тов «Гос. переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г.» и восп. «Из жизни революционера». На эти мемуары довольно едко откликнулся *М.Алданов*: «В.М.Зензинов — филолог по образованию... Если русский террор дал большее число случаев самовзрывания, чем вся мировая война, то это, быть может, объясняется тем, что бомбы у нас готовят филологи» (ПН. — 1920. — 26 дек.). В 1920 вместе с Керенским З. начинает издавать газ. «За Россию», а в 1 и 2 номерах «СЗ» печатается кн. З. «Рус. устье. (Из дневника ссыльного)», посв. местам последней ссылки З. на Индигирке и в устье Лены. В 1921 эта пов. вышла в Берлине. По свидетву *М.Вишняка*, *И.Бунин* оставил на титульном листе этого изд. надпись: «Прочитал с большим удовольствием. Благодарю, обнимаю. Ив. Бунин!» (НЖ. — 1954. — № 36. — С. 291). З. живет в Берлине, в Праге, в Париже, печатается в журн. и газ. «Воля России», «Голос России», «Дни», «Новая Россия». В Праге был одним из руководителей эмигр-ции «Земгор» (Союз городов). В 1922 в «СЗ» (№ 12) выходит пов. З. «Нена» о его любимой собаке, бывшей вместе с ним в ссылке. Эта теплая, лирич. проза понравилась многим в эмигр. кругах, хотя, казалось бы, только что окончившаяся гражд. война и продолжающееся бегство из России не располагало к такому чтению.

В 1925 «Нена. Повесть о собаке» вышла в Берлине отд. изд. «Удивительная, прекрасно написанная, проникнутая красивым и чистым чувством, она бесспорно и надолго останется в русской литературе образчиком способности русского автора к постижению духовного мира животных. «Сны Чанга» Бунина и «Нена» Зензинова — два прекрасных памятника лучшему другу человека», — писал в своей рец. *М.Осоргин* (ПН. — 1925. — 30 июля). «Спокойный рассказ этот о собаке Севера достоин занять место рядом с такими шедеврами литературы, как «Каштанка» и «Муму», — отмечал критик под псевд. Сирано (Время. — Берлин, 1925. — 20 июля). В 1927 в Париже вышла кн. З. «Железный скрежет. Из американских впечатлений» о далеко не радужном восприятии Соед. Штатов.

В 1928 в «СЗ» (№ 35) опубл. ст. З. «Беспризорные», вышедшая в 1929 в изд-ве «СЗ» отд. кн., посв. положению бездомных детей в СССР. Работа была переведена на неск. яз. В 1932 в Париже увидел свет франц. пер. англ. кн. З. «The road to oblivion» (N.Y., 1931) о севере России. Высоко оценила эту кн. *Е.Бакунина*: «Несмотря на невероятные, подчас превышающие силы человеческие трудности, какие приходилось преодолевать автору за четыре года ссылки — он страстно любит жизнь, эстетически ее воспринимает и заставляет человека увидеть красоту Севера» (Числа. — 1933. — № 7/8. — С. 271). В 1939 с нач. войны З. уехал в Финляндию, где стал собирать письма родных к красноармейцам во время сов.-фин. войны. В 1940 З. переехал в Нью-Йорк.

З. принял активное участие в создании «НЖ». В США он начал работу над мемуарами. В Нью-Йорке З. вместе с М.В.Вишняком и Н.Д.Авксентьевым сосредоточился на изд. эсеровского журн. «За свободу». В 1945 вышла кн. З. «Встреча с Россией: Как и чем живут в Сов. Союзе. Письма в Красную армию, 1939-1940», составл. им на основе мат-лов, собр. в Финляндии. Как свидетельствует М.Вишняк, необыкновенно высоко ценил этот труд *В.Набоков*. «Я прочел книгу от доски до доски и оценил огромный труд и огромную любовь, которые Вы вложили в ее составление. Мрачна, и скудна, и нетерпимо несчастна Россия, отражаемая в этих патетических каракулях... Я считаю, что эта книга — самое ценное из всего, что появилось о России за эти 25 презренных лет», — писал Набоков З. (НЖ. — 1954. — № 36. — С. 293).

В 1953, незадолго до кончины, в нью-йоркском изд-ве им.Чехова вышла кн. восп. З. «Пережитое», где он описывал свою жизнь до 1908. Он не отрекался от своих убеждений и не изменил своим взглядам. Как писал об этой кн. М.А.Алданов: «В Зензинове пропал романист — говорю это не в первый раз... Эта книга драгоценна для истории русской революционной интеллигенции. Я не думаю, чтобы, оглядываясь на свое прошлое, ее автор считал в ней ошибкой основное. Бесполезно, да и нелегко попрекать человека ссылкой на то, к чему это основное привело Россию» (НЖ. — 1953. — № 35. — С. 312). После смерти З. С.П.Мельгунов писал: «Человек совершенно исключительной гражданской жертвенности, ставивший всегда на первый план свое общественное служение, живший для других и о себе забывавший, до известной степени он сам погасил в себе прирожденное, далеко не заурядное художественное дарование как писателя» (В. — 1953. — № 30. — С .200).

Изд.: Встречи с Л.Н.Толстым // Новоселье. — 1942. — № 7.

Иван Алексеевич Бунин // НЖ. — 1942. — № 3.

В.Л.Бурцев // НЖ. — 1943. — № 4.

В.В.Леонидов

ЗЕНЬКÓВСКИЙ Василий Васильевич (4(16).VII.1881, Проскуров, ныне — Хмельницкий — 5.VIII. 1962, Париж) — историк рус. мысли и лит-ры., философ, богослов. Род. в семье учителя. Окончил ун-т Св. Владимира (Киев), где обучался на естественно-матем. и ист.-филол. ф-тах. С 1905 участвовал в работе Религ.-Филос. об-ва в Киеве (в 1911 стал его пред.). В 1913-14 учился в Австрии, Германии и Италии. С 1915 проф. ун-та в Киеве. В 1918 мин. вероисповеданий в пр-ве гетмана П.П.Скоропадского, член Украинск. Правосл. собора (1919). С 1919 в эмиграции. В 1920-23 проф. философии Белградск. ун-та, в 1923-26 дир. Рус. пед. ин-та в Праге. В 1926-62 проф. Рус. Богословск. ин-та в Париже. С

1923 по 1927 возглавлял Пед. бюро по делам рус. заруб. школы и был ред. журн. «Вопросы религ. воспитания и образования» (Париж, 1927-28). С 1923 по 1926 пред. Рус. студенч. христ. движения. В 1942 принял священство. Много сил З. отдавал ознакомлению детей эмигрантов с рус. культурой. написал уч. пособия и науч. работы по педагогике: «Проблемы воспитания в свете христ. антропологии» (Париж, 1934), «Рус. педагогика XX в.» (Париж, 1960).

Известность получили работы З. по психологии «Проблема психич. причинности» (Киев, 1914) и «Психология детства» (Лейпциг, 1924; пер. на сербск. и польск. яз.), филос. и богосл. труды «Das Bild vom Menschen in der Ostkirche» (Stuttgart, 1951), «Апологетика» (Париж, 1957; М., 1992), «Основы христ. философии» (Франкфурт-на-М., 1960-64. — Т. 1-2; М., 1992). Наиб. известность принесла ему серия трудов по истории рус. мысли, к-рую он начал изучать с 1910. В 1929 в сербск. журн. «Nova Europa» печатались очерки З. «Критика европ. культуры у рус. мыслителей», впоследствии переработ. в кн. «Рус. мыслители и Европа: Критика европ. культуры у рус. мыслителей» (Париж, 1955; на англ. яз. Лондон, 1953), где в популярной форме излагались идеи рус. философов и писателей Н.Гоголя, Л.Толстого, К.Леонтьева, В.Соловьева, *Н.Бердяева*, В.Розанова. Когда З. опубл. свою фундамент. двухтомную «Историю рус. философии» (Париж, 1948-50; 2-е изд. — Париж, 1989; Л., 1991), она сразу же была переведена на франц. и англ. яз. (1953) и стала самым популярным руководством в Зап. Европе и США по изучению истории рус. филос. мысли. Здесь З. рассматривает произв. рус. писателей как характернейшие и глубокие проявления духа нац. философии. К ее вершинам З. относил филос. ром. В.Ф.Одоевского «Рус. ночи», творчество Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, В.В.Розанова.

В 1961 в Париже вышла монография З. «Н.В.Гоголь» (переизд.: Гиппиус В.В. Гоголь. — Зеньковский В.В. Н.В.Гоголь. — СПб, 1994), работа над к-рой, по признанию автора, растянулась более чем на 40 лет. Написанный еще до революции текст остался в России и пропал. Из него З. успел напечатать в России только небольшую часть в журн. «Христ. мысль» (Киев, 1916-17). Дар Гоголя З. причислял к «пророческим, таинственным страницам русского духа» («Н.В.Гоголь». — С. 32), все еще недостаточно осмысл. и усвоенным в России. Гл. в творчестве писателя было «религиозное преобразование культуры» — дело далеко им не завершенное, но ставшее темой не только рус., но и «общехристианской». Значение Гоголя видится в том, что он осуществил «прививку этой темы» для всей рус. лит., к-рая «дала богатый плод у Толстого, Достоевского, в русском символизме» (там же). З. выступил против принижения самостоятельности и оригинальности рус. культуры. Он не исключал плодотворного влияния на нее традиций зап. культуры сначала в лит-ре, затем в философии и иск-ве. «Историческая и духовная неотрываемость наша от Запада» («Рус. мыслители и Европа». — С. 273) вовсе не выводит Россию на некую периферию зап. культуры. Своеобразие рус. культуры, по З., обнаруживается прежде всего в ее связи с православием и с общими условиями рус. жизни. Соглашаясь в целом с изв. формулой Достоевского: «У нас, русских, две родины: Россия и Западная Европа» (там же. — С. 14). З. подчеркивает, что магистр. линию рус. культуры составляет не цепь заимствований, а преемств. развитие собств. импульсов, сложившихся в русле православия. Их влияние временами затухало, но в кон. концов возобновлялось с прежней интенсивностью. Вдохновляясь духовными исканиями, общими для всех христ. народов, и следуя за Европой по пути «секуляризма», Россия, по его мнению, никогда не отрывалась от правосл. традиции, и в этом ему видится специфика «русского секуляризма» в отличие от зап., решавшего осн. духовные проблемы вне и помимо христианства и церкви. Именно так развивалась в его представлении рус. культура в XVIII-XX вв. З. принадлежат ст. о Пушкине (ВРСХД. — 1937. — № 1/2; 1949. — № 3), о Лермонтове (там же. — 1960. — № 57), о Гоголе (там же. — 1959. — № 53; НЖ. — 1959. — № 58), о Тургеневе (НЖ. — 1958. — № 52), о Л.Толстом (ВРСХД. — 1935. — № 12; 1960. — № 56, 58/59; НЖ. — 1960. — № 61), о Достоевском (Путь. — 1933. — № 37), о Чехове (ВРСХД. — 1959. — № 55), о Вл. Соловьеве (НЖ. — 1956. — № 47), о *Б.Зайцеве* (ВРСХД. — 1952. — № 1).

Изд.: Православие и культура: Сб. религ.-филос. ст. / Ред. — Берлин, 1923.

Дети эмиграции: Сб. ст. / Ред. — Прага, 1925.
Рус. земля: Альм. для юношества / Ред. Черный А.М., Зеньковский В.В. — Париж, 1928.
Н.И.Пирогов, как мыслитель. — Petseris, 1939.
Сб. памяти С.Л.Франка / Ред. — Мюнхен, 1954.
Aus der Geschichte der ästhetischen Ideen in Russland im 19. und 20. Jahrhundert. — 's Gravenhage, 1958.
Филос. мотивы в рус. поэзии (Пушкин. — Ф.И.Тютчев. — А.К.Толстой) // ВРСХД. — 1959. — № 52, 54, 55; 1961. — № 61.
Мои встречи с выдающимися людьми // ЗРАГ. — 1994-96. — Т. 24-26.

Лит.: Некрологи: ВРСХД. — 1962. — № 66/67; НЖ. — 1962. — № 70.
+РФН; РФР.

М.А.Маслин

ЗЁРНОВ Николай Михайлович (9(21).X.1898, Москва — 25.VIII.1980, Оксфорд) — философ, богослов, литератор, историк рус. религ. Возрождения XX в. Род. в семье врача и обществ. деятеля М.С.Зернова. Мать — урожд. С.А.Кеслер, педагог, обществ. деятельница. Воспитывался в традициях православия и рус. культуры. Зимой семья жила в Москве, летом и осенью в Ессентуках (где отец в 1890 основал Вспомогат. об-во «Санаторий») и в имении «Сандаш» в Сочи. В Москве и на Кавказе в их доме собирались писатели, артисты, духовенство. В 1917 З. с золотой медалью закончил моск. г-зию Л.И.Поливанова и поступил на мед. ф-т Моск. ун-та.

В марте 1921 семья Зерновых, к-рую революция застала на Кавказе, покинула Россию: Константинополь, далее Сербия, где З. поступил на богословский ф-т Белградского ун-та. Один из организаторов Белградского правосл. кружка, в заседаниях к-рого принимали участие проф. *В.Зеньковский*, *Д.Философов*, епископ Вениамин, в 1925 З. перебирается в Париж с целью укрепить и расширить работу студенч. религ. кружков. С 1925 по 1932 — секр. Рус. христ. студенч. движения. В 1925-29 З. — первый ред. журн. «ВРСХД». Осенью 1927 о.*С.Булгаков* обвенчал З. с Милицей Владимировной Лавровой, изучавшей в Париже медицину, активной участницей Студенч. христ. движения, ставшей сподвижницей и помощницей З. во всех его начинаниях.

В 1930 З. зачислен для соискания докт. степени в Оксфордский ун-т. С 23 июня 1932 — д-р философии. В 1934 З. с женой переезжает в Англию по приглашению Фонда Англо-Правосл. содружества помощи рус. церкви. С 1934 по 1947 — секр. и вице-пред. Англо-Правосл. содружества им. Сергия Радонежского и св. мученика Албания. С 1947 по 1966 преподавал в Оксфордском ун-те, будучи Сполдингским лектором по вост.-правосл. культуре. С 1966 — д-р богословия. Принимал участие в богосл. конференциях и съездах.

В годы второй мировой войны З. ездил по Англии с лекциями. Впечатления о поездках опубл. в журн. «Соборность» (1945. — № 33; 1946. — № 34). Его кн. «Moscow the third Rome» (L., 1937); «The church of Eastern Christians» (N.Y., 1942); «Three Russians prophets (Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev» (L., 1944; на рус. яз.: «Три рус. пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев». — М., 1995); «The Russians and their church» (N.Y., 1945) в связи с возросшим в годы войны интересом к России выдержали неск. изд. За годы жизни в Оксфорде им написаны кн.: «Вселенская церковь и рус. православие» (Париж, 1952); «The Christian East» (Delhi, 1956); «Orthodox encounter» (L., 1961); «Eastern Christendom» (L., 1961); «The Russian religious Renaissance of the XX century» (N.Y., 1963; рус. пер. «Рус. религ. Возрождение XX в.» — Париж, 1974, 1991). Принят в чл. Королевского об-ва лит-ры в Лондоне. В 1959 З. и его жена создали в Оксфорде Дом св. Григория и св. Макрины, ставший религ. экуменич. центром. В 1953-54 З. — принципал Католиканского колледжа в Траванкоре (Индия), проф. богословия в амер. ун-тах в Дрю (Нью-Джерси), Айове, Дьюке (Сев. Каролина). Совм. с М.В.Зерновой написаны очерки «Путешествие вокруг света» (1965), вошедшие в кн. «За рубежом».

Вкладом З. в летопись судеб рус. эмиграции является трилогия «На переломе: (Три поколения одной моск. семьи) (Семейная хроника Зерновых, 1812-1921)» (Париж, 1970); «За рубежом: Белград —

Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых) (1921-1972)» (Париж, 1973); «Закатные годы: Эпилог хроники семьи Зерновых» (Париж, 1981), где собраны восп. восьми членов семьи Зерновых. Задумывая трилогию, З. видел ее задачу в определении роли эмиграции в истории России: «Я задаю себе вопрос, каково было значение этого массового исхода русских со своей родины и каковы были положительные и отрицательные последствия их многолетнего, часто многострадального, странствия по миру» («Закатные годы». — С. 15). «Закатные годы» дописывались М.В.Зерновой уже после смерти З. В структуре трилогии звучат восемь голосов, представлено восемь взглядов на одно ист. событие, общее постигается через индивидуальное. Восп. о жизни в Москве, в Сербии, Англии, Париже воссоздают ист. панораму бытия «одной моск. семьи». В воззрениях З. исключит. значение отводится ценности индивид. человеч. жизни, причастности к всеобщности, или соборности. В этом контексте он рассматривал роль рус. православия, религ. иск-ва и культуры для Запада и Америки. «Книга «За рубежом» ограничивается воспоминаниями и размышлениями членов лишь одного семейства, покинувших родину в начале революции. Однако переживания и убеждения Зерновых характерны для многих др. изгнанников, и потому хроника отражает настроения, выходящие за пределы семейного круга» («За рубежом». — С. 558).

З. писал о непонимании зап. философами его идей: «Моя попытка раскрыть религиозно-демонический характер ленинизма окончилась неудачей. Православные богословы находились под влиянием западного рационализма начала века и были глухи к голосу русских религиозных философов» (там же. — С. 245). «Революция, — пишет З., — резко изменила мое отношение к Западу. Я стал смотреть на него, как на обреченный мир, отравленный безверием, эгоизмом и жаждой наживы. Я, как и многие другие эмигранты, считал Францию и особенно Англию предателями союзной с ними России, не поддержавшими Белых Армий, оставшихся верными Антанте» (там же. — С. 36). Хроника З. исполнена веры, что «советским властям не удастся заключить всех русских людей в послушный коллектив и оторвать их от истоков нашей христианской культуры» (там же. — С. 558).

Изд.: Библиогр. рус. заруб. богословов, церк. историков, социологов и лит-ведов // На темы русские и общие: Сб. ст. — Нью-Йорк, 1965.

Рус. писат. эмиграции: Биогр. сведения и библиография их книг по богословию, религ. философии, истории Церкви и правосл. культуре, 1921-1972. — Бостон, 1973.

Лит.: Андреев Н. О семейной хронике Зерновых // НЖ. — 1973. — № 111.

Андреев Н.Е. Некролог // НЖ. — 1980. — № 140.

Красавченко Т.Н. Вновь о России, к-рую мы потеряли: Семья Зерновых // Социальные и гуманитарные науки. Заруб. лит-ра. — 1994. — № 1.

С.А.Коваленко

ЗЛО́БИН Владимир Ананьевич (VII.1894, Петербург — 9.XII.1967, Париж) — поэт, прозаик, публицист, критик. Отец был купцом. З. окончил г-зию, учился в Петерб. ун-те. Лит-рой начал заниматься в студенч. годы. Вместе с Л.М.Рейснер был ред. журн. «Богема» (Пг., 1915), «Рудин» (Пг., 1915). Участвовал в студенч. «Кружке поэтов», восп. о к-ром сохранились в «Дневнике в стихах» *Н.Оцупа*: «Петербург... Студенческий кружок. Злобин и прекрасная Лариса...» (Оцуп Н.А. Океан времени. — СПб., 1993. — С. 285). Формированию З. — поэта способствовало его сближение с Мережковскими. Знакомство их состоялось благодаря Н.А.Оцупу в 1916. *З.Гиппиус* учила его в России и за границей работать над формой стиха: помогла избавиться от пристрастия к «глухим рифменным окончаниям»», научила добиваться эвфонии, искать «простые, сильные и ясные слова» (Pachmuss T. Zinaida Hippius: An intellectual profile. — Carbondale, 1971. — P. 214-246). В 1918 З. участвовал в работе поэтич. кружка «Арзамас», к-рый выпустил сб. «Арион» (Пг., 1918) с шестью стих. З. В рец. на сб. Н.Гумилев критиковал З. за «неврастеническую расплывчатость», увидев в молодом поэте черты эпигона символистов (Гумилев Н.С. Письма о рус. поэзии. — М., 1990. — С. 207). При сов. власти З. бедствовал. В

восп. об этом периоде он говорил с иронией, называя себя «голодающим буржуем» (В. — 1959. — № 86. — С. 139).

Не окончив ун-та, З. вместе с Мережковскими покинул Петербург в дек. 1919. После кратковременного пребывания в Варшаве окончательно обосновался в Париже. Жил в квартире Мережковских, став секр., а после смерти обоих — хранителем архива четы писателей. Поэтич. произв. З. в первые годы эмиграции появлялись в печати редко. Причина, вероятно, была в сильной занятости лит. делами Мережковских. Как вспоминала Г.Геррелл, подруга З.Гиппиус: «Что делали бы Зина и Дмитрий без Злобина, я не могу представить. В период, когда они переживали трудности, он исполнял помимо секретарской работы роль единственной служанки» (Pachmuss T. — P. 399). В эмиграции З. выступил в жанре разоблачит. публицистики со ст. «Тайна большевиков» в сб. «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1922). Здесь традиц. для эмигр. печати обращение к б. союзникам России по войне содержит не только призыв о помощи, но и показывает, что большевизм, а не интервенция является силой, к-рая вмешивается в «самые внутренние, самые русские дела». З. рассматривал события революции с неск. т.з.: лит. (через Достоевского психол. (опираясь на соц.-психол. работы Г.Лебона), филос.-метафизич. (основываясь на произв. *Д.Мережковского*).

Стихи З. многочисленны, но до сих пор не собраны и не переизданы; они рассеяны по эмигр. журн. «СЗ», «Звено», «Новый корабль», «В», «НЖ». Три стих. были включены в антологию рус. заруб. поэзии «Якорь» (Берлин, 1936). Свои стихи он называл «тихими напевами», в к-рых стремился отразить свое безучастное отношение к внешн. миру. Лучшие его вещи напоминают «стихи-молитвы» З.Гиппиус. Одно из первых стихотворений, опубл. после долгого молчания, резко отличается от общей массы — «Старухи» (СЗ. — 1925. — № 24. — С. 171) — шутливо-иронич. отповедь злым языкам, создавшим молодому поэту репутацию геронтофила: будто бы он «для дев — огорченье, утешенье для старух». Свое положение около З.Гиппиус он описал, остроумно используя лит. аналогию с «Пиковой дамой» А.С.Пушкина: легкомысленным красавицам лирич. герой предпочитает мудрую хранительницу заветной Тайны. В жизни и в поэзии З. замкнут, его стихи отличаются «обращенностью к самому себе» (черта, отмеченная Н.Гумилевым), печальной философичностью. Таковы стих. «Не в безмятежности незнанья...» (СЗ. — 1926. — № 27), «О, если б душа не узнала...» (СЗ. — 1933. — № 53), «Только о правде...» (там же).

В 1920-30-е З. печатался в осн. в изд. «для молодых»: «Новый дом», «Встречи», «Числа», к-рые возглавляли молодые писатели *Ю.Терапиано*, *Г.Адамович*, Н.Оцуп. С «СЗ» его отношения испортились. Он считал, что это — «единственный русский журнал на всем свете», и должен «собирать русскую культуру», а вместо этого его руководство «обезличивает свободу» (цит. по: Терапиано Ю. Встречи. — Нью-Йорк, 1953. — С. 60). Идея создания своего журн. совпала с идеей создания лит.-филос. об-ва «Зеленая лампа», где З. был назначен секр. Нек-рые мемуаристы (Ю.Терапиано, *И.Одоевцева*) обращали внимание только на «сервилистскую» роль З., сравнивали его со «слабым лучом» «Зеленой лампы». Однако поэт был активным ее участником: читал доклады, выступал в дискуссиях, редактировал и печатал стенограммы собр. в журн. «Новый корабль» (1927-28). Как секр. З. настаивал на том, чтобы в «Зеленую лампу» входили только избранные. «Хозяева» салона отстояли противоположную точку зрения, выступая за открытый характер об-ва (см. письмо З.Гиппиус *В.Мамченко* от 5 янв. 1937 в кн.: Pachmuss T. — P. 241). Собр. просуществовали до нем. оккупации Парижа. Национал-социалистов З. предпочитал большевикам, к-рых могла, по его мнению, стереть с лица земли только герм. армия в союзе с рус. нац. воен. формированиями («Д.С.Мережковский и его борьба с большевизмом» // В. — 1956. — № 53). После прихода немцев З. вместе с Мережковскими переехал в Биарриц. Они остались без средств к существованию.

В разгар войны положение З. и овдовевшей З.Гиппиус еще более ухудшилось. Желая исправить бедств. положение дел, З. получил аванс за еще не написанную кн. о Д.Мережковском. Несмотря на нежелание Гиппиус, З. настоял на том, чтобы она начала писать восп. В 1951 он издал неоконч. текст в «YMCA-Press»; в том же году опубл. свою первую кн. стихов «После ее смерти» в париж. изд-ве «Рифма».

Ю.Иваск в рец. указал на необычный для рус. лит-ры феномен: «Создается впечатление, что появился новый поэт, уже давно печатавшийся, но еще никем не узнанный» (Опыты. — 1953. — № 1. — С. 197). Критик причислил З. к «петербургской поэтич. школе». Осн. тональность кн. — веселость духа, «преодолевающая уныние (греховное)». Для Ю.Иваска З. — мастер, к-рый что-то «существенно изменил в стихах петербургской школы: слова, ритмы — знакомы, но интонация — другая». Лучшее из всего, написанного о Мережковских, — стих. «Свидание», считал Ю.Иваск.

Стих. 1950-60-х регулярно появлялись в журн. «В», «НЖ» и чем-то напоминали маленькие циклы. Внутр. единство в поэзии З. возникает благодаря наличию сквозных мотивов. Страннические мотивы звучат в стих. «Освобождение», «Проклят отчий дом...», «Ничьим не будет он рабом...» (НЖ. — 1952. — № 28). У З. эти мотивы отличаются ощущением молодости, силы. Странничество вызывает не обычные чувства утраты, печали, а яркое переживание совбоды в разных ее проявлениях: свободы от гнета, от власти родной земли и даже от любви.

Устойчивый интерес проявляет поэт к мистич. теме — встрече с мертвыми («Возвращение», «Сон» // НЖ. — 1953. — № 33). Верность символист. традициям сохраняется в стих. «Стрела» (там же), в филос. размышлениях на эсхатологич. темы («Дленье» // НЖ. — 1954. — № 37; «Полынь», «Сквозняк» // НЖ. — 1955. — № 41). Часто встречающийся у З. образ «беспощадного, жестокого двойника» предстает в поздней лирике как вестник близкой смерти. Мрачные мотивы варьируются в цикле «Из черновой тетради» (1964-67), где поэт пытается запечатлеть не только своего двойника. но и показывает два лика своей Музы. «Злая, несдержанная на язык» Муза-двойник символизирует темную сторону души поэта («Самозванка» // НЖ. — 1961. — № 63). Проблемы двойственности души и иск-ва у З. преодолеваются внутр. стремлением к духовной цельности («Душа и тело», «Язык» // НЖ. — 1961. — № 63). Стихи последних лет напоминают исповедь; покаянное настроение проявляется редко, но ярко: личное богоборчество, греховность поэт объяснял своим «нравом воинствующим». Технич. мастерство в поздних стихах заметно возросло, З. избавился от невнятной интонации, к-рая была в его ранней поэзии; ритмич. организация стиха стала более четкой, очертания образов — яснее.

С лит.-критич. работами З. в довоен. период выступал редко. Те, что выходили, отличались оригинальностью, желанием идти против общего мнения. Эти качества проявились в ст. о евразийцах и их журн. «Версты» (Новый дом. — 1926. — № 1), в хвалебной рец. на роман *Г.Иванова* «Распад атома» (Лит. смотр. — Париж, 1939). Как критик он восхищался Антоном Крайним (З.Гиппиус) и Д.Мережковским, отмечая у них недостающее ему качество — «беспощадность к посредственности» («Поэт нашего времени» // В. — 1957. — № 70. — С. 82). З. писал в осн. о тех, кто был ему внутренне близок. «Стихи «как таковые», отдельно от человека, их пишущего, меня мало интересуют», — признавался он в ст. о *В.Смоленском* (там же. — С. 81). На этом принципе единства психол. и лит. анализа построена ст. о поэзии *С.Маковского* (В. — 1958. — № 79).

С № 80 журн. «В» З. регулярно печатал свои ст. на лит., театр., полит. темы под рубрикой «Лит. дневник». З. существенно расширил круг своих тем: он писал о проблемах «подсоветских» писателей, провел сравнит. оценку постановок «Бесов» Достоевского в Париже и в СССР. Иногда З. возвращался к ранее поставл. проблемам в связи с новыми веяниями в культурной жизни Запада («Лолита» и «Распад атома» // В. — 1959. — № 85). Спец. раздел «Лит. дневника» — цикл ст. под назв. «Памяти З.Н.Гиппиус», к-рый явился основой для готовящейся к печати кн. о творчестве писательницы, к-рую З. начал писать в сер. 1950-х и публиковал частями в «НЖ» и «В». «Тяжелая душа» вышла после смерти автора в Вашингтоне в 1970. «Тема моей книги, — писал в предисл. З. — сама Гиппиус, ее «тяжелая душа» и с какой она находилась в непрерывной борьбе». Наиб. яркий образец прозы З. — рассказ «Лариса» (В. — 1957. — № 63), осн. на восп. о своем увлечении Л.М.Рейснер.

Лит.: Вега М. Двуликая муза. О стихах Вл.Злобина // В. — 1958. — № 76.
Нарциссов Б. Рец.: «Тяжелая душа» // НЖ. — 1972. — № 107.
+Казак; Струве; Терапиано.

О.В.Сергеев

ЗУ́РОВ Леонид Федорович (1902, Остров, Псковская губ. — 10.IX.1971, Париж) — прозаик. Юношей З. «по зову совести» (его собств. выражение) пошел добровольцем в Сев.-Зап. армию ген. Юденича, был ранен, а после «похода на Петроград» в кон. 1919 интернирован в Эстонии, где перенес сыпной тиф. В нач. 20-х переехал в Чехословакию, затем в Латвию, где поменял неск. профессий — работал маляром, служил в Рижском порту. На первые произв. З. — сб. «Кадет» (Рига, 1928) и пов. «Отчина» (Рига, 1928) — обратил внимание *И.Бунин*, давший высокую оценку творч. возможностям молодого писателя: «...очень, очень много хорошего, а местами прямо прекрасно... У Вас же основа настоящая. Кое-где портит дело излишество подробностей, излишняя живописность, не везде чист и прост язык... Да все это, Бог даст, пропадет, если только Вы будете (и можете) работать» (Письма И.А.Бунина к Л.Ф.Зурову // НЖ. — 1971. — № 105. — С. 225). По настоянию Бунина З. в нояб. 1929 переехал из Риги во Францию, в Грас, где стал своим человеком в семье Буниных — был личным секр. Бунина (именно он первым сообщил писателю весть о присуждении ему Нобелевской пр.), способствовал публ. произв. из творч. наследия писателя (в т.ч. рассказов в «НЖ»). В предвоен. годы З. — пред. Союза молодых писателей в Париже.

Г.Струве относит З. к т.н. «бунинской школе»: З. присуща признаваемая большинством критиков «бунинская» цепкость в описании деталей, сила чувственного восприятия мира, органич. ощущение жизненной плоти, цвета и запаха вещей. Для его худож. письма характерно широкое, обобщенное изображение движения ист. времени, чувство большого ист. пространства. Эту особенность его творчества подмечает и Струве: «Изображая войну и революцию, он изображал стихийное движение людских масс, а не только потревоженных революцией особей» (Струве. — С. 305). Во всех произв. З., даже самых «камерных», описывающих глубоко личностные, преим. любовные коллизии, ощутим ветер истории, «страшно и радостно» бушующий над «дикой как море российской равниной». З. — историограф великой ист. драмы, ощущающий суровую диалектику соц. катаклизмов. И если в его ранних рассказах из сб. «Кадет» («Плевок», «Студент Вова») еще ощутим налет сентиментальности в изображении юных идеалистов, отдающих свои жизни в борьбе с большевиками, то в ром. «Древний путь» (Париж, 1934; переизд.: Север.—Петрозаводск, 1992. — № 6), рисующем кровавые события революции в псковской деревне, в пов. «Поле» (Париж, 1938) все герои связаны единой цепью жестокости и милосердия, любви, ненависти и раскаяния.

Долгие годы З. работал над ром. «Зимний дворец», оставшимся незаконченным (отрывки в альм.: Встреча. — Париж, 1945. — № 1-2; НЖ. — 1949. — № 39-41). Рисуя картины распада и безумия, воспринимая революцию и гражд. войну как «гадкие годы», когда «народ совесть потерял», З. восклицает: «Ну как же тебя не любить, родная земля, за которую пролиты обильные крови. Как же жить без тебя!» (Встреча. — Париж, 1945. — № 1. — С. 23). Попытка выстроить панораму «страшных лет России», предпринятая З., опиравшимся на духовные ценности почвенничества, дала нек-рым критикам (Андреев Н. Некролог // НЖ. — 1971. — № 105) основания видеть в нем предшественника А.И.Солженицына. В повести «Отчина» З. перекладывает на яз. совр. прозы древние былины, предания, летописные сказания, апокрифы и легенды, повествуя о невзгодах, к-рые претерпела его родная Псковщина в прошлом «от приходу литовских и ливонских людей», о древних церквах и монастырях, неугасимой в народе жажде прекрасного, воплощенной в иконах и фресках, о нравств. чистоте религ. подвижников. Рус. старина привлекала З. не только как писателя, но и как этнографа и археолога. В 1935, 1937, 1938 он предпринял (по поручению париж. Музея Человека и мин-ва просвещения Франции) науч. экспедиции в рус. районы Прибалтики, в 1935 участвовал в реставрации Никольской церкви в Псково-Печерском монастыре. В сб. «Марьянка» (Париж, 1958), содержащем 20 рассказов, З., по мнению Я.Горбова, «без малейших повествовательных хитростей, без всякой попытки удивить, без желанья подчеркнуть уменье или привлечь каким-нибудь новым приемом внимание, зовет читателя последовать за ним по множеству русских тропинок, дорожек и дорог. Сколько образов, сколько смирения, доброты, боли, слов и молитв подметил, идя по русским дорогам,

Зуров!» (В. — 1962. — № 129. — С. 145). Рассказы З. опубл. в журн. «СЗ», «Перезвоны», «НЖ», в альм. «Круг» (Берлин), «Белое дело» (Берлин).

Изд.: Астория // Рус. сб. — Париж, 1946. — № 1.
Восп. // НЖ. — 1962. — № 69.

Лит.: Бицилли П.М. Рец.: «Древний путь» // СЗ. — 1934. — № 54.
Адамович Г. Рец.: «Поле» // ПН. — 1938. — 24 марта.
Варшавский В.С. Рец.: «Поле» // СЗ. — 1938. — № 66.
Мандельштам Ю.В. Рец.: «Поле» // Круг. — 1938. — № 3.
Унковский В.Н. Рец.: «Марьянка» // В. — 1958. — № 84.
Андреев Н. «Отчина» и ее автор // НЖ. — 1971. — № 105; ЛН. — 1973. — Т. 84. — Кн. 2.

+Амфитеатров; Соколов; Струве; Шаховская.

А.В.Дранов

И

ИВА́НОВ Всеволод Никанорович (7(19).IX.1888, Волковыск, Гродненская губ. — 9.XII.1971, Хабаровск) — прозаик, поэт, историк, философ. Род. в семье уездного учителя рисунка и живописи. В 1897 семья Ивановых переехала в Кострому, где он получил среднее образование. В 1906 И. поступил на ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та. Проходил стажировку в Германии — слушал лекции в Гейдельбергском ун-те и в ун-те во Фрайбурге. Печататься начал в 1909. В 1912 И. поступил на службу в армию и был зачислен в 18-й пехотный полк в Тамбове. Получив офицерское звание, И. возвращается в Петербург с целью заняться науч. деятельностью. С нач. первой мировой войны мобилизован. Вскоре И. демобилизовался и начал работать в Пермском отд. Петерб. ун-та преподавателем каф. философии права. По занятии Перми белой Сиб. армией в кон. 1918 вновь был мобилизован и назначен на работу в газ. «Сибирские стрелки». С этого времени начинается период скитаний, к-рые привели его в Владивосток (1920), а затем в 1922 через Корею — в Китай. И. сотрудничал в рус. газ. и журн. Харбина («Свет», «Рус. слово») и Шанхая («Понедельник» и др.). В Харбине был гл. ред. рус. изд. газ. «Гунбао»; уехав в Шанхай и получив сов. гражданство в 1931, работал в шанхайском отд. ТАСС. Сочетание лит. и ист. пластов характерно для всего творчества И. Это просматривается и в его кн. «Крах белого Приморья. Из записок журналиста» (Тяньцзин, 1927), написанной по свежим следам ист. событий. «Здесь любопытна определенная точка зрения на только что прошедшие события», — писал *Н.Кнорринг* (ПН. — 1927. — 26 мая).

Одна из наиб. значит. работ И. заруб. периода «Мы. Культурно-ист. основы рос. государственности» (Харбин, 1926), принадлежит к жанру филос.-ист. публицистики. И. проявляет себя евразийцем с весьма крайними («азийскими») взглядами. Кн. привлекла внимание на Западе и вызвала рецензию *П.Бицилли* в «СЗ» (1926. — № 29). К жанру ист.-биогр. прозы относится кн. И. «Рерих — художник, мыслитель» (Рига, 1937; М., 1991). В ней И. размышляет над нравств. исканиями известного художника, выражает преклонение перед мудростью иск-ва этого человека. Но в ней — также и тоска по Родине рус. скитальца. Интересный для историка материал содержится в «Восп.» И., отд. страницы которых частично появились в печати («Из неопубликованного». — Л., 1991). Хроника событий на Д.Востоке — в ДВР и в полосе отчуждения КВЖД 20-х написана участником и свидетелем этих событий.

В 20-е И. публиковал в харбинской периодике свои публицистические очерки, к-рые вошли в его кн. «Огни в тумане: Думы о рус. опыте» (Харбин, 1932; М., 1991). В них портреты полит. деятелей того времени, раздумья об ист. путях России, о рус. интеллигенции. Лит. стиль очерков отличается стремлением к эффектной риторике. Критик М.Щербаков писал: «...нас больше интересует эта умная книжка с художественной стороны, ибо даже в области публицистики Вс. Иванову удается в большинстве статей оставаться прирожденным художником слова по образности и сочности своего письма, и удачно избегать примелькавшегося шаблонно-штампованного газетного жаргона». (Врата. — Шанхай, 1934. — Кн. 1. — С. 199). Писатель продолжал работать над начатой им еще в период войны серией рассказов с гл. героем Касьяновым («Первый бой» // Понедельник. — Шанхай, 1931. — № 2). С фигурой этого рус. офицера, кадрового командира, втянутого после бегства в Китай в местную междоусобицу, читатель познакомится позже — в пов. И. «Дочь маршала», вышедшей в Хабаровске в 1973. В Харбине И. издал «1905 г: Роман молодой души» (1929) и «Повесть об Антонии Римлянине» (1932; Л., 1991), где был использован сюжет памятника новгородской житийной лит-ры XIV в. Стихи И. начал писать и

публиковать, еще находясь в Омске и Владивостоке (в газ. «Вперед», «Рус. край»; отд. изд.: «Поэма еды», Владивосток. 1921). Этот «шутливый гимн еде» вышел в Харбине в 1928. «Не вся поэма сплошь звучит одинаково хорошо, но отдельные строфы ее милы, остроумны, проникнуты культурными воспоминаниями», — писал *Ю.Айхенвальд* (Руль. — 1928. — 9 мая). В 1926 в Харбине вышла «Беженская поэма» И. и «Сонеты» — в Токио (1922) и Харбине (1930). *А.Несмелов* дал высокую оценку сонетам И. Разбирая сонеты ист. содержания (в т.ч. сонет «Екатерина»), он писал: «То, чем мы наслаждаемся в романах *Алданова*, как видит читатель, много раньше дано в стихах нашего дальневосточного поэта: в 14 строчках сонета передан весь аромат эпохи, все ее своеобразие. Как же назвать такую манеру писания стихов? Опять повторяю и настаиваю: исторический реализм в поэзии» (Понедельник. — Шанхай, 1930, — № 1. — С. 105).

В февр. 1945 И. вернулся в СССР, обратился к удававшемуся ему жанру хроник и, по мнению критиков, занял заметное место в отечественной ист. романистике. К числу наиб. известных ист. произв. И. принадлежит его кн. «Черные люди» (М., 1963), повести «Императрица Фике» (М., 1968), «Александр Пушкин и его время» (Хабаровск, 1970).

Изд.: В гражд. войне (Из зап. омского журналиста). — Харбин, 1921.
Ленин: Биография. — Харбин, 1928.
Дело человека: Опыт философии культуры. — Харбин, 1933.
Императрица Фике. — Дочь маршала: Ист. повести. — М., 1992.

Лит.: Струве Г. Рец: «Поэма еды» // Россия и славянство. — 1928. — 22 дек.
Осоргин М. Рец.: «1905 год» // ПН. — 1929. — 12 сент.
Адамович Г. Рец.: «Огни в тумане» // ПН. — 1932. — 28 янв.
Резникова Н. Рец.: «Повесть об Антонии Римлянине» // Рубеж. — 1935. — № 2.
Якимова С. Из России — с Россией // Д.Восток. — 1992. — № 7.
Якимова С.И. Прозаич. жанры в творчестве Вс.Н.Иванова 20-30-х гг. // Размышления о жанре. — М., 1992.

Е.П.Таскина

ИВА́НОВ Вячеслав Иванович (16(28).II.1866, Москва — 16.VII.1949, Рим) — поэт, мыслитель, филолог, переводчик.

Ниже публикуется статья В.Н.Ильина «Вячеслав Иванов» из «Нового журнала». — 1972. — № 107. — С. 78-86.

Вячеслав Иванович Иванов, которого *Л.И.Шестов* недаром прозвал «великолепным», намекая на красу Флоренции Лоренцо Великолепного, — несомненно, краса и великолепие русского ренессанса и русской классической филологии, славистики и литературоведения, гениальный друг гениальных двух ученых и мыслителей — Фаддея Францевича Зелинского, профессора С.-Петербургского университета, и о. Павла Флоренского, профессора Московской Духовной академии и Московского университета. Это, можно сказать, целый «Пир», сияющее духовное солнце: тут и досократики, тут Сократ с Платоном, тут пифагорейцы, неопифагорейцы и неоплатоники, тут и дивное духовное солнце Достоевского в окружении меньших светил.

Вячеслав Иванов прежде всего один из величайших русских поэтов по культуре и по бесподобному мастерству и звучанию стиха и его инструментовке, автор несравненного сборника «Cor ardens» (1911), которым, кажется, нельзя вдоволь начитаться. Но сверх того он блестящий филолог, классик, совершенно свободно говоривший и писавший по-латыни и по-древнегречески, не говоря уже о том, что он был знаток античной культуры и превосходный славист, не знавший себе равного. Но еще не все: Вячеслав Иванов был поистине великий мыслитель, писавший несравненные метафизические исследования и украсивший соответствующую литературу многими томами работ, где глубина и новизна мысли и проникновения в суть дела услаждают читателя потоком еще неизведанных духовных наслаждений, ибо тут что ни строка, то откровение, новая мысль, новые перспективы, а главное — изложенные на бесподобном русском языке, на каком еще, кажется, никто не писал. Можно удивляться только тому, что проф. *В.В.Зеньковский* в своей «Истории русской философии» не только не уделил ни одной строки этому гениальному человеку, но даже просто не упомянул о нем. Случай, увы, не редкий в летописях истории русской культуры. Но с тем большим благоговением и сознанием

исполненного долга мы здесь воздаем по заслугам великому мастеру, ученому и мистику-мыслителю.

В.И.Иванов увидел свои дни в первопрестольной столице России Москве и был типичным сыном московской утонченнейшей культуры. Окончив гимназию и университет (в Москве) и сначала учась на историко-филологическом факультете у известного проф. П.Виноградова (впоследствии проф. Оксфордского университета), он впоследствии перешел в Берлинский университет к знаменитому проф. Моммзену, под руководством которого блестяще и до последних глубин изучил классическую филологию и древнюю историю. Докторская диссертация была им написана по-латыни (De societatibus vectigalina populi Romani) — об обществах откупщиков, в древнем Риме. Труд этот произвел весьма благоприятное и сильное впечатление своей эрудицией, культурой и великолепным *классическим* латинским языком, на котором он был написан. Даже сухость темы лишь оттенила благородство стиля и высокую дисциплину умственного труда.

Однако, подобного рода тем В.И.Иванов больше уже не касался — иные темы, иные духовные установки и измерения религиозно метафизического и религиозно философского типа на основе художественной их обработки овладели всем существом великого маэстро. Сюда, конечно, надо отнести истолкование этой тематики и ее глубинные, взятые в специфически эротическом смысле, так сказать, выноса за скобку мужески-женской любви и общности вкусов и установок, но еще и богословско-метафизических и философских манер вникания в сущность вещей. Перед Влад. Соловьевым Вяч. Иванов не только преклонялся (как одно время перед ним преклонялся Константин Леонтьев), но готов был считать великого русского философа-метафизика и поэта святым и праведником. Эту оценку гениального ученика следует, во всяком случае, принять во внимание, ибо тут с Вяч. Ивановым готов сходиться и В.В.Розанов, несмотря на ссоры и временные расхождения.

Гете и Фридрих Ницше были те из западных гениев, влияние которых Вяч. Иванов испытал, по-видимому, в наибольшей степени. Ярко выраженное поэтическое дарование символического типа сделало его одно время вершиной русского символизма. Это — знаменитый в свое время сборник стихов под заглавием «Кормчие звезды» (1903). Кстати сказать, в нем было действительно нечто звездно-символическое или, если угодно, астрологическое и даже роковое. Так же, как и у Фридриха Ницше, его любимой историософской и культурно-исторической темой было сопоставление Аполлона и Диониса, причем главной темой его был древний фракийский бог Дионис, где сочетаются эллинизм и славянизм. Его первым шедевром в этом направлении, сразу составившим ему имя и сделавшим эту тему модной — в известном смысле навсегда, как и «Рождение трагедии из духа музыки» Фр. Ницше, — была гениальная и блестящая книга «Эллинская религия страдающего бога» (1904). С этих пор синтез языческого дионисизма и христианской религии Креста стал неизбежным (то, о чем в свое время мечтал Бетховен, обдумывая свою Десятую симфонию, так и оставшуюся нереализованной).

В скорости Вячеслав Иванов стал, и в известном смысле остается, центральным солнцем русского символизма и передовой поэтики со включением эллино-римских мотивов в изобилии. Посещение «сред» Вяч. Иванова, собиравших на его «башне», как не без основания была прозвана его квартира в Петербурге, превратилось в своего рода культурническое и литературно-символическое и поэтическое паломничество. Это было настоящее половодье, весенний, воистину дионисический разлив новорожденной РУССКОЙ ЭЛИТЫ, в сущности созданной или, если угодно, порожденной из духовных недр этого удивительного, незабвенного человека. По своему духовному типу, по манере писать, говорить и преподавать к нему как будто бы ближе всех подходил Иннокентий Анненский, такой же, как и Вячеслав Иванов, превосходный классик-филолог. Вяч. Иванов и был профессором эллинистики, эллинских древностей и греческой литературы на Высших женских курсах, хотя сравнительно короткое время (1910-1912).

После заграничного путешествия (1912-13) Вяч. Иванов поселяется окончательно в Москве, где его и застает революция, которой он сочувствовать не мог. Подобно Иннокентию Анненскому, переведшему Эврипида, Вяч. Иванов перевел превосходными стихами трагедии Эсхила. Вообще, сравни-

тельный, параллельный анализ творческой и переводческой деятельности Иннокентия Анненского и Вячеслава Иванова напрашивается сам собою. С 1920 по 1924 Вяч. Иванов был профессором классической филологии во вновь основанном университете в Баку. Там же ему удалось опубликовать одну из своих лучших книг: «Дионис и прадионисийство» (1923). В 1924 начинается страннический, изганнический период жизни, как и для огромного большинства русской элиты. Как и следовало ожидать, местом своей новой родины он избрал Италию, куда переселяется в 1924.

В 1931 появился французский перевод знаменитой диалогической книги «Переписка из двух углов» (1921), где было напечатано его открытое письмо к Du Bos, где он объясняет свой переход в римско-католическое вероисповедание, совершившийся при весьма торжественной обстановке в 1926 в соборе Св. Петра в Риме. Профессорствовал по кафедре литературоведения в Павии (1926-1934), а потом был до конца жизни профессором в Pontificium Collegium Russicum, где преподавал также и автор этих строк.

Приходится удивляться, что такого превосходного классика-эллиниста не сделали ученым «тузом» именно по классической филологии. Автор этих строк догадывается, почему это случилось, но предпочитает о своей догадке умолчать, ибо «ходить бывает скользко — по камешкам иным».

Однако Вячеслав Иванов не только не скользит ни по каким камням, но еще, при первом случае, вовсе отделяется от земли в восторгах религиозно-эротического экстаза и летит все выше и выше, открывая себе такие горизонты, которых еще никто не открывал. Его товарищем по полету был отец Павел Флоренский, которого духовное дерзание тоже не знало ни пределов, ни удержу. Недаром один из гениальных своих очерков, полный историко-филологических ухищрений и грандиозной античной эрудиции, он посвятил Вяч. Иванову.

Для того, чтобы хорошо разобраться в каждом из этих столь родственных друг другу авторов и с пользой для метафизико-мистического познания горнего мира провести их сравнительный анализ, необходимо усвоить себе одну терминологическую деталь, которая, впрочем, не деталь, но нечто первостепенной важности, без чего и психоанализ религии Карла Юнга не мог бы состояться. Эта терминологическая деталь есть различие и, порой, противостояние «anima» (душа) и «animus» (дух). Для Вяч. Иванова «душа» означает пассивно-женственную сторону, а термин «дух» — действенно-активную сторону человеческой личности как образа и подобия Божия. Но вместе с тем, это как два заряда колоссального напряжения: один положительный электрический, другой — отрицательный электрический, готовые ежемгновенно произвести яркую молнию — одновременно животворящую и смертоносную, источник которой — божественный эрос, производящий «динамитные взрывы» (по выражению *Н.А.Бердяева*, толкующего эрос Достоевского), и произвести то «землетрясение души» (по выражению Генриха Гейне), без которого не только нет и быть не может творчества, но нет и быть не может жизни, в настоящем смысле этого слова.

Это и есть великая тема взаимоотношения экстаза и религии, тема, которой всю жизнь горел Вячеслав Иванов. По этому поводу великий мыслитель-поэт возвышенно любомудрствует: «Если дистанция между Богом и человеком остается после этого грозового соприкосновения неумаленной, то их взаимоотношение становится после этого качественно чем-то иным, чем-то, что древние италики называли словом 'религия' (что, собственно, означает связь, соединение, даже вновь восстановление когда-то существовавшей, потом порванной связи)».

С каким-то умилительным внутренним жаром говорит по этому поводу Вяч. Иванов: «Религия становится более интимной, когда человек научается говорить 'Ты' тому, присутствие чего он ощутил в собственной груди — будь то как внезапное посещение, будь то как постоянное пребывание, которое его древний предок со священным трепетом почитал в Царе и провидце».

Совершенно особое случается с тем человеком, который одержим этим экстазом (его можно еще назвать «трансом», согласно проф. *Б.П.Вышеславцеву*, который здесь видел исток и причину «трансцензуса»), исхода в совершенно иные миры. Сюда же относится несомненно и то «божественное безумие» о котором говорит Платон — воистину божественный.

С удивительной энергией и великим углублением в сущность темы говорит тут Вяч. Иванов. В этом пункте (и в ряде других) Вяч. Иванов подкрепляет себя Анри Бремоном. Находит он мощную опору и в уже цитированном Карле Юнге.

При своеобразии сожительства «духа» и «души», и о всех его неровностях и кризисах, которые, оставляя в стороне соответствующие намеки в мистической литературе, подслушали и разгласили не только поэты, как Поль Клодель (впервые рассказавший притчу о «душе» и «духе»), но и ученые, как К.Юнг, — вряд ли удивит допущение, что экстатические состояния, предполагающие повышенную восприимчивость, надо рассматривать, как действие женского начала нашего духовно-душевного существа. Ведь и в оргиастических культах элементы экстаза представлены главным образом женщиной. «В такие мгновения, — говорит Вяч. Иванов, — anima, по-видимому, убегает от опеки мужского 'я', а последнее погружается в некоторого рода самозабвение. Тогда она блуждает, подобно Психее-сказке; она похожа и на Менаду, в диком безумии призывающую Диониса».

Здесь Вяч. Иванов сближает античные мифы с библейскими сказаниями во внутренне весьма правдоподобном синтезе. «Как Ева восстает из тела Адама во время его сна, так подлинная жизнь anima пробуждается, лишь когда заглох огонь очага наших целесообразно и рассудительно действующих регулирующих и сдерживающих душевных сил». Далее нечто весьма важное: «Развивающееся в ней тогда сомнамбулическое влечение решительно берет верх над сознательной частью нашего существа и вызывает параличи или летаргию animus'а, и тем она начинает уже совсем походить на бешеных мужеубийц мифа. Ибо если в большинстве мифологии нельзя не подметить отражение обрядов, то это еще в большей мере относится к психологии, обосновывающей миф».

Кажется, еще ни разу не было среди мыслителей о религии и ее философии такого, который бы подошел с такой глубиной и серьезностью к основному морфологическому и литургическому ядру религии, как Вячеслав Иванов. И действительно, если, как нами было уже давно показано, религия есть триединство мифа, догмата и культа, то миф и культ являются действенной иконографией религии (ее активная иконография), а догмат — ее философией и метафизикой. Вячеслав Иванов как раз вскрыл глубинным анализом своим идеологический или идеократический момент в связи мифа и литургически обрядового, мистериального действа неорелигии, как акта, реализующего догмат, и обратно — догмат, как реализующий мифо-иконологическую действенность или действительность. Насколько можно сделать это человеку — гению Вячеслава Иванова при содействии его необычайного литературно-поэтического дара удалось прозреть в существо религии, хотя это не значит, что в ней не осталось вовсе тайных, неосвещенных углов. Как раз наоборот! И мы твердо убеждены в том, что дальнейшие анализы творчества Вяч. Иванова — как художественные, так и философско-метафизические, историософские и культурно-исторические — готовят читателю не один, а много сюрпризов, духовных драгоценностей, еще не усвоенных, но которые остается лишь усвоить, освоить и подвергнуть дальнейшей углубленной и пристальной разработке.

В лице Вячеслава Иванова русская метафизическая поэзия дала наследника Пушкину и Тютчеву с их красотой осенних чар полновесного злато-багряного увядания. Но также в лице «Копье Афины» русская культура стала наследницей греко-римских классиков. Вот чем сверкает «Копье Афины» в руках Вячеслава Иванова:

«Ошибочно думают о новых исканиях в области художественного творчества те, которые объединяют их в понятии малого искусства, изначала и по существу рассчитанного на постижение немногих, в противоположность искусству большому, обращенному к толпе. Как между отдельными стадиями эпохи этих исканий и отдельными ее представителями, так и в самом понятии малого искусства необходимы точные различения. Большого, всенародного искусства нет для современного человека, — быть может, потому, что нет самого современного человека, как сущего, то есть достигшего некоторого статистического типа бытия; есть тип динамический, потенциальный и текучий, всецело принадлежащий потоку возникновения, генезиса, становления. Между тем большое, или всенародное, искусство нам было доселе известно только как отражение народного бытия в смысле

статического момента в процессе эволюции, — как творческое истолкование уже созданного, как творчество вторичное. В нем художник — не зачинатель, а завершитель; орган непосредственного народного самосознания, он не имеет иной задачи, кроме раскрытия самоутверждения народного, когда это самоутверждение, в определенном цикле развития, уже закончилось и доколе оно еще не разложилось». — «Потому эпохи истинного большого искусства, при высоком уровне народной культуры так редки и так кратковечны; зато монументальное бессмертие обеспечено его произведениям, часто вне прямой зависимости от гения отцов их. Ибо когда заговорит музыка соборной души, не скоро замирают его отзвуки в соборной душе изменившихся поколений; да и самый язык соборной души всегда существенно один, как голоса стихий — гул горного обвала, рев водопада или набат морского прибоя». — «Статистический и соборный характер этих эпох делает их по преимуществу эпохами стиля, который обычно напечатлевается на памятниках вполне самостоятельного и в себе завершенного зодчества и определяет в сфере повседневной жизни единство форм художества домашнего, чему примером может служить искусство древнейшей утвари и античных ваз строгого образца».

Этими «бронзольвами» самого великого мастера Вячеслава Ивановича Иванова заканчиваем мы здесь наш скромный очерк о нем.

Владимир Ильин

Изд.: Dostojevskij. — Tübingen, 1932.
Римские сонеты // СЗ. — 1936. — № 62.
Свет вечерний. — Оксфорд, 1962.
Собр. соч. — Брюссель, 1971-87. — Т. 1-4.
Доклад «Евангельский смысл слова «земля»; Письма; Автобиография (1926) // Ежегод. Рукоп. отд. Пушкинского дома на 1991 г. — СПб., 1994
Родное и вселенское / Сост. Толмачев В.М. — М., 1994.
Стих.; Поэмы; Трагедия / Сост. Помирчего Р.Е. — СПб., 1995. — Т. 1-2.
Лит.: Белый А. Сирин ученого варварства. — Берлин, 1922.
Маковский С. Портреты современников. — Нью-Йорк, 1955.
Горький М. Вяч. И.Иванов // Архив Горького. — М., 1957. — Т. 6.
Раннит А. О Вяч.Иванове и его «Свете вечернем» //НЖ. — 1964. — № 77.
Иванова Л. Восп.: Кн. об отце. — Париж, 1990.
Вяч. Иванов: Материалы и публ. // Новое ЛО. — 1994. — № 10 (спец. вып.).
Альтман М.С. Разговоры с Вяч.Ивановым. — СПб., 1995.
Il Convegno. — 1933. — N 8-12. (спец. вып., посв. И.).
Tshöpl C. Vjač. Ivanov. — München, 1968.
Guenter J. von. Ein Leben im Ostwind. — München, 1969.
Malcovati F. Vjač. Ivanov: Estetica e filosovia. — Firenze, 1983.
Vyacheslav Ivanov: Poet, critic a. philosopher / Ed. by Jackobson R.L., Nelson L. jr. — New Haven, 1986.
Cultura e memoria: Atti del 3° del Simposio Intern. dedicato a V.Ivanov. — Milano, 1988. — Vol. 1-2.
Davidson P. The poetic imagination of V.Ivanov: A Rus. symbolist's perception of Dante. — Cambridge, 1989.
Un maître de sagesse au XXe siècle: V.Ivanov et son temps. — Paris, 1994.
Davidson P. V.Ivanov: A referance guide. — N.Y., 1996.
+Адамович; Зайцев; Казак; Лосский; Полторацкий; РП-2; РФН, РФР; Струве; Шаховская.

ИВА́НОВ Георгий Владимирович (29.X(10.XI).1894, Студенки, Ковенская губ. — 26.VIII.1958, Йер-ле-Пальмье, Франция) — поэт, прозаик, критик. мемуарист. Род. в дворянской семье (о детстве И. см.: *Одоевцева И.* — С. 165-181). Потомств. военный, учился во 2-м петерб. кадетском корпусе (не окончил). В журн. корпуса «Кадет-михайловец» (1910-11. — № 7) поместил стих. «Гром». Первая «взрослая» публ. И. — в журн. «Все новости лит-ры, иск-ва, т-ра, техники и промышленности» (1910. — № 1, 2, 4). В кон. 1911 вышла первая кн. И. «Отплытье на о.Цитеру» с подзаголовком: «Поэзы. Книга первая». Назв. связано с картиной А.Ватто «Отплытие с острова Цитера». В 1912 И. сблизился с Н.Гумилевым; однако, будучи его учеником, И. не стал акмеистом, как принято считать, а был всего лишь одним из чл. «Цеха поэтов». В 1914 в изд-ве «Гиперборей», выпускавшем произв. чл. «Цеха *поэ-*

тов», вышел сб. «Горница». С авг. 1914 писал для журн. «Аполлон» критич. обзоры воен. поэзии, а в 1915 в изд-ве «Лукоморье» выпустил собств. сб. «воен.» стихов — «Памятник славы», самую неудачную свою книгу. В 1916 в изд. «Альциона» вышел его сб. «Вереск» (2-е изд.: Берлин; Пб.; М., 1923), в наиб. степени ориентиров. на каноны акмеизма. В том же году вместе с *Г.Адамовичем* возглавил второй «Цех поэтов». С 1918 по предложению Гумилева сделал ряд переводов для изд-ва «Всемирная лит-ра» («Орлеанская девственница» Вольтера, совм. с Гумилевым и Адамовичем, «Кристабель» Кольриджа, Байрона, франц. поэтов). Вместе с Гумилевым, М.Л.Лозинским и *Н.Оцупом* осенью 1920 открыл третий «Цех поэтов», опубл. стихи в трех альм. «Цеха» (Пг., 1921-22, перепечатаны, с прибавлением четвертого альм. в Берлине в 1923-24) и цеховом литографиров. журн. «Новый Гиперборей». В 1920-21 был секр. Петрогр. отд. Союза поэтов. В 1921 женился на И.Одоевцевой, разойдясь с первой женой, актрисой и танцовщицей Габриэль Эводовной Тернизьен. В том же году вышел сб. «Сады» (2-е изд.: Берлин, 1923). Наряду с традиц. темами (живопись, картины Петербурга, стилизов. Восток), в сб. появляются стих. о любви, посв. Одоевцевой, а также «народные» стилизации. В то же время в кн. были заметны и новые интонации. Попытка представить «Сады» как важнейший этап на пути к наиб. совершенным стихам предпринята Л.Алленом (Иванов Г. «Сады» и «Розы». — СПб., 1993). В 1922 вышел сб. «Лампада» (переизд. в Берлине в 1923), включавший как стихи из прежних книг, так и новые. После смерти Гумилева выпустил со своим вступл. его посмертный сб. «Стихотворения» (Пг., 1922).

В 1922 «для составления репертуара государственных театров» уехал в Берлин. Осенью 1923 перебрался в Париж, периодически проводя время в Риге, где жил отец И.Одоевцевой. В 20-е — 30-е активно печатался в «ПН», «Звене», «Днях», «Сегодня», «СЗ», «ИР», «Числах» (где был пост. автором), в многочисл. более мелких журн. и сб-ках. В сер. 1920-х лит. репутация И. меняется. Облик благополучного и беспечного поэта замещается образом острого и отчасти даже провокационного полемиста, автора резких выпадов по адресу мн. литераторов (в том числе *И.Северянина*, *В.Набокова*, *В.Ходасевича*). «Помню полемику, хотя и не имел возможности следить за ней вблизи, которую вызывало каждое его выступление» (Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией. — М., 1992. — С. 113). В 1928 в париж. изд-ве «Родник» вышла его кн. «Петербургские зимы», включавшая в себя очерки, ранее печатавшиеся в газ. «Звено» и «ПН» (2-е перераб. изд.: Нью-Йорк, 1952). Восп. изобилуют неточностями, анахронизмами и изложением недостоверных фактов. Сам автор не воспринимал книгу как документ. мемуары. По восп. *Н.Берберовой*, «он объявил мне, что в его «Петербургских зимах» семьдесят пять процентов выдумки и двадцать пять — правды» (Берберова — Т. 2. — С. 547). Однако присутствие в очерках персонажей, назв. именами реальных людей, вызвало многочисл. негативные отклики у современников. Так, А.Ахматова, вообще резко критически настроенная по отношению к И., писала: «Все, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах «Петербургские зимы» Георгий Иванов ...мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Все годится и все приемлется с благодарностью невзыскательными потребителями» (Ахматова А. Соч. — М., 1990. — Т. 2. — С. 217; др. ее высказывания по этому поводу см.: Мандельштам Н. Вторая книга. — М., 1990. — С. 121; Чуковский К. Дневник 1930-1969. — М., 1995. — С. 168 и др.). Сходным было мнение *М.Цветаевой*: «Если хочешь писать быль, знай ее, если хочешь писать пасквиль — меняй имена или жди сто лет. Не померли же мы все на самом деле!» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1994. — Т. 4. — С. 158). Отчасти такое отношение вызывалось человеч. обликом И.: «Георгий Иванов, человек, интимно связанный со всякого рода бытовой мерзостью, но по-своему умница... Георгия Иванова, несмотря на его нравственное уродство, я считал самым умным человеком на Монпарнасе ... человек беспринципный, лишенный основных органов, которыми дурное и хорошее распознаются» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. — СПб., 1993. — С. 19, 119). Вместе с тем на долгие годы «Петербургские зимы» стали источником сведений для истории рус. лит-ры за рубежом, что в пос-

ледние годы заострило проблему вычленения их фактического субстрата.

В 1929-31 И. печатал незаверш. ром. «Третий Рим» (СЗ. — 1929. — № 39-40; Числа. — 1930. — № 2/3) с авантюрным сюжетом, написанный с оглядкой на Достоевского. За нек-рыми персонажами угадываются реальные прототипы (Г.Распутин, М.Кузмин, Н.Клюев и др.). Явно не удавшийся как целостное произв. (и, скорее всего, именно поэтому оставшийся незаконченным), ром. в то же время служил школой прозаич. языка, вобравшего мн. характерные черты новой поэзии И., и тем самым прокладывал путь к вершинному достижению ивановской прозы — «Распаду атома».

В 1931 в Париже вышел один из лучших сб. И. «Розы», включивший стихи только эмигр. периода. «До «Роз» Г.Иванов был тонким мастером, изысканным стихотворцем, писавшим «прелестные», «очаровательные» стихи. В «Розах» он стал поэтом» (*Мочульский К.* // СЗ. — 1931. — № 46. — С. 502); «Стихи Георгия Иванова любят за «легкое дыхание», за прелесть, очарование, музыку... вспомним «Розы» — самую лучшую книгу во всей вообще русской поэзии тридцатых годов» (*Терапиано Ю.* О поэзии Георгия Иванова // Лит. современник. — Мюнхен, 1954. — С. 241). Поэтика «Роз» была продолжена в стихах 30-х, по б.ч. собранных в первом разделе кн. «Отплытие на остров Цитеру: Избр. стихи 1916-1936» (Берлин: Петрополис, 1937). Для этих стихов была характерна особая, «черная музыка» (это определение дано И. поэзии Блока, однако в еще большей степени оно относится к его собств. творчеству), своим звучанием позволяющая преодолеть трагич. несовершенство мира. В «Розах» исчезла изысканность и манерность первых сб. И., музыка потеснила живопись, фонетич. ряд — визуальный; в сб. звучит тема прикрытых глаз, последнего взгляда, так же как и тема «заходящегося сердца». И в «Розах», и в «Отплытии» муза И. словно начала «слепнуть», взамен приобретая слух и мысль. Темы двух сб. 1930-х являются переходным звеном на пути к экзистенциальным поискам предсмертных стихов И. Критики того времени почти в одинаковых выражениях оценивали как первую, так и вторую книги: «Художник утерял ключ к единству мира, он стоит перед рассыпающейся храминой, размышляя о смысле (или бессмыслии) жизни и смерти» (*Струве Г.* Заметки о стихах // Россия и славянство. — 1931. — 17 окт.); «Мир вступил в какой-то новый ... отвратительный «Эон», в котором человеку ... нет места. Это жизнеощущение — источник всей поэзии Г.Иванова» (*Бицилли П.* // СЗ. — 1937. — № 64. — С. 458). Пристальный интерес вызывало также стремление И. создавать в своих стихах подобие «центона», насыщать текст прямыми цитатами, ритмико-интонационными уподоблениями, ассоциациями с творчеством др. поэтов, как широко известных, так и почти забытых. Не случайно И. общепризнан как один из наиб. ярких «русских цитатных поэтов». Но эта особенность его творчества заставляла задумываться: «...не оказывается ли вся поэзия Иванова конгломератом заимствований? Удается ли Иванову образовать самого себя?» (Ходасевич В. Колеблемый треножник. — М., 1991. — С. 607). Сам Ходасевич отвечал на этот вопрос амбивалентно: с одной стороны, «Иванов заимствует невольно, стремясь восполнить неполноту, недоразвитость своей собственной личности», а с другой — «обрабатывая материал, однажды уже обработанный, он нередко имеет возможность сгладить слишком грубые следы резца ... Все, что написано Ивановым под влиянием Гиппиус, — определенно лучше, несравненно изящнее, чем сама Гиппиус» (там же). По внутр. настрою И. близок поэтам «парижской ноты» (см.: Трубецкой Ю. О совр. поэзии // Лит. современник. — 1954. — С. 199). Поэтич. сб. 1930-х принесли И. признание, «грустное и бедное, и в то же время почетное и возвышенное место первого поэта российской эмиграции» (*Гуль Р.* Одвуконь. — Нью-Йорк, 1973. — С. 64). В 1938 в Париже в «Доме книги» тиражом в 200 экз. вышла вторая и лучшая прозаич. кн. И. «Распад атома» — роман об энтропии души, пытающейся спастись от страшного потока, именуемого жизнью. Автор сознательно не различает гадкое и прекрасное, а любая порнографич. сцена несет глубокую символич. нагрузку, является попыткой сказать о бьющейся в разорванном на части «мировом уродстве» душе. Оценки книги в критике были полярно противоположны, что прежде всего было вызвано «порнографичностью», намеренной эпатажностью нек-рых описаний. Очень высоко оценили ее *Д.Мережковский*

и *З.Гиппиус*: «Герой Иванова продолжает открывать «известное» и действительно открывает его по-новому ... описание таких «мгновений», несмотря на беспримерную грубость слов, — в сущности «невинны», менее всего «соблазнительны»... за ними — человеческие поиски божественной правды, попытки вырваться из данной мировой реальности. ... пригладить ее, причесать, подстричь — невозможно: это значило бы ее уничтожить ... завтрашний живой человек скажет: не все книги, написанные в эмиграции, обратились в прах; вот одна, замечательная, она остается и останется» (Гиппиус З. Черты любви // Круг. — 1938. — Кн. 3. — С. 140, 146, 148-149). Гораздо более скептичен был Вл.Ходасевич, понимавший эстетич. своеобразие этой вещи, видевший в ней за шокировавшими многих описаниями глубокую поэтичность: «Новая книга Георгия Иванова вообще гораздо ближе к его стихам, нежели может показаться с первого взгляда. ... Построена она на характернейших стихотворно-декламационных приемах, с обильными повторами, рефренами, единоначатиями и т.д. ... эта небольшая вещь ... представляет собою ... лирическую поэму в прозе» (Ходасевич В. Колеблемый треножник. — С. 609), точно определявший замысел поэта («...краткая история героя заключается в том, что глаза его вдруг раскрываются на бесчисленные проявления «мирового уродства», отменяющего все духовные ценности и делающего жизнь невозможной»), но считавший, что в самом конкретном претворении этого замысла в жизнь есть определенная порочность: «...как бы не взяли в Москве да не перепечатали бы всю книжечку полностью, как она есть, — с небольшим предисловием на тему о том, как распадается и гниет эмиграция от тоски по «красивой жизни» и по нетрудовому доходу ... Эту опасность Георгий Иванов создал тем, что своего очень мелкого героя попытался выдвинуть в выразители очень больших тем...» (там же. — С. 610). Принципиально новая для рус. лит-ры своего времени, кн. И. на долгое время была подвергнута остракизму со стороны лит. критиков и лит-ведов (Струве. — С. 316-318) и лишь в 1970-е осознана как предвестие мн. черт совр. лит-ры; но к этому времени она сама уже перестала восприниматься как новаторское произв. и ее перепечатки в России в нач. 1990-х (впервые — ЛО. — 1991. — № 2. Послесл. И.Прохоровой) сенсации не произвели.

Во время войны И. вместе с Одоевцевой находились в Биаррице, где у них был небольшой собств. дом, разрушенный бомбардировкой англ. авиации, после чего они оказались в очень тяжелом материальном положении. После войны вернулись в Париж (с 1946 жили в гостинице «Англетер» в Латинском квартале), в 1953 (по др. сведениям — в 1955) перебрались в дом престарелых в Йер-ле-Пальмье недалеко от Ниццы. Южный климат был противопоказан И., однако найти иное место пребывания не удавалось. О послевоен. жизни И. вспоминала Н.Берберова: «В эти годы писал свои лучшие стихи, сделав из личной судьбы (нищеты, болезней, алкоголя) нечто вроде мифа саморазрушения, где, перешагнув через наши обычные границы добра и зла, ... он далеко оставил за собой всех действительно живших «проклятых поэтов» и всех вымышленных литературных «пропащих людей» ... в 1948-1949 годах Иванов производил впечатление почти безумца, потому что, разговаривая с ним, собеседник ... чувствовал, что в нем что-то неладно» (Берберова. — Т. 2. — С. 547-548). Последние годы жизни И. был стеснен в средствах и тяжело болел, особенно мучительными были предсмертные месяцы. «Руки и ноги Иванова были сплошь исколоты иглой, по одеялу и подушке бегали тараканы, комната неделями не убиралась (не по вине администрации), от вида посторонних с больным делались приступы то бешенства, то депрессии» (Берберова. — Т. 2. — С. 558).

В эти годы И. печатался в альм. «Орион», «Лит. современник», журн. «Возрождение», «Опыты», особенно часто — в «НЖ», покровительством ред. к-рого Р.Гуля он пользовался. В периодике была напечатана б.ч. стихов, составивших сб. «Портрет без сходства» (Париж: Рифма, 1950) и предсмертный «1943-1958. Стихи» (Нью-Йорк: изд. «Нового журн.», 1958), куда вошел в неск. измененной ред. и «Портрет без сходства». В лучших стихах этих кн. (о неудачных см.: Роднянская И. Возвращенные поэты // ЛО. — 1987. — № 10) поэт отказывается от музыкального начала, позволявшего ему волевым усилием преодолевать «скуку мирового безобразья», и решительно переходит в мир иных, сугубо экзистенциальных ценностей, обозначающий

крайний предел возможностей для существования человека на земле. По точному определению *В.Вейдле*, «ничего к этому не прибавишь. Никуда в отчаянии дальше не пойдешь; но и к поэзии этой — как поэзии — прибавить нечего. Тут она снова. Как неотразимо! Как пронзительно! Гибель поэта неразрывна с его торжеством» (Континент. — 1977. — № 11. — С. 368-369).

Изд.: Собр. стих. / Под ред. Сечкарева В., Далтон М. — Вюрцбург, 1975.
Переписка через океан Г.Иванова и Р.Гуля // НЖ. — 1980. — № 140.
Несобранное / Под ред. Крейда В. — Орэндж, Конн., 1987.
Стихотворения. — Третий Рим. — Петербургские зимы. — Китайские тени / Послесл. Богомолова Н.А. — М., 1989.
Мемуары и рассказы / Предисл. Крейда В. — М., 1992.
Собр. соч.: В 3 т. / Сост. Витковский Е.В., Крейд В.П. — М., 1994. — Т. 1-3.
Ivanov G., Odojevceva I. Briefe an V.Markov. — Köln, 1994.

Лит.: Пильский П. Петербург перед кончиной // Сегодня. — 1928. — 28 авг.
Адамович Г. Поэзия в эмиграции // Опыты. — 1955. — № 4.
Гуль Р. Георгий Иванов // НЖ. — 1955. — № 42.
Богомолов Н.А. Талант двойного зрения // ВЛ. — 1989. — № 2.
Богомолов Н.А. Г.Иванов и Вл.Ходасевич // РЛ. — 1990. — № 3.
Аксенова А. Метафизика анекдота, или Семантика лжи // ЛО. — 1994. — № 11/12.
Тименчик Р.Д. Г.Иванов как объект и субъект // Новое ЛО. — 1995. — № 16.
Agushi I. The poetry of G.Ivanov // Harvard Slavic studies. — 1970. — Vol. 5.
+Анненков; Казак; Одоевцева; РП-2; Струве; Терапиано.

А.А.Аксенова

ИВАСК Юрий Павлович (30.VIII(12.IX).1907, Москва — 13.II.1986, Амхерст, штат Массачусетс, США) — поэт, критик, историк лит-ры, философ-эссеист. Отец И. — фабрикант эст.-нем. происхождения, мать — из старинного моск. купеч. рода. В 1920 семья И. переселилась в Эстонию, там он закончил рус. г-зию в Таллине, с 1932 — юрид. ф-т Тартуского ун-та. С 1929 начал публ. стихов и лит.-критич. ст. (иногда под псевд.: Б.Афанасьевский, Г.Иссако, А.Б.) «В вас ведь двое — стихолюб и архивист», — сказала *М.И.Цветаева* молодому И., к-рому всегда был свойствен дар просветительства (Бобышев Д. Слово об Иваске // НЖ. — 1986. — № 163. — С. 282). Первый сб. стихов И. «Сев. берег» (1938) вышел в Варшаве. В 1944 И. ушел вслед за отступавшими немцами в Германию, находился в лагере для перемещ. лиц, работал пом. санитара. В 1946-49 изучал славистику и философию в Гамбурге. В 1949 переехал в США, где в 1954 в Гарвардском ун-те за работу «Вяземский как лит. критик» получил ученую степень д-ра слав. филологии. Преподавал в Канзасском, Вашингтонском, Вандербилтском ун-тах, в 1969 получил звание проф. и каф. рус. лит-ры в Массачусетском ун-те (Амхерст), в 1977 вышел в отставку. Автор сб. стихов: «Царская осень: 2-я кн. стихов» (Париж, 1953); «Хвала» (Вашингтон, 1967); «Золушка» (Нью-Йорк, 1970); «2 х 2 = 4: Стихи, 1926-1939» (Нью-Йорк, 1982); «Завоевание Мексики: Сказ раешника» (Холиок (Мас.), 1984); «Пов. о стихах» (Нью-Йорк, 1984); «Я — мещанин» (Холиок (Мас.), 1986). Составитель антологии рус. поэзии за рубежом «На Западе» (Нью-Йорк, 1953). Печатался в журн. «В», «Опыты», «СЗ», «Современник», «НЖ», «Грани», «ВРСХД», газ. «НРС», «Рус. слово», альм. «Мосты», «Воздушные пути» и др. Подготовил изд. соч. *Г.Федотова* (1952), В.В.Розанова (1956), написал ст. о *Бунине*, Цветаевой, Мандельштаме, кн. «Константин Леонтьев (1831-1891): Жизнь и творчество» (В. — 1961. — № 118; 1962. — № 121, 124-131; 1963. — № 133-140; 1964. — №146-151; отд. изд.: Берн, 1974; перепеч. в кн.: К.Н.Леонтьев: Pro et contra. — СПб., 1995. — Т.2), во время работы над к-рой совершил поездку на Афон. Наиб. значит. и изв. его поэтич. произв. — «Играющий человек» (Homo ludens) // В. — 1973. — № 240-242; отд. изд.: Париж; Нью-Йорк, 1988). В России с 1979 в самиздате распространялся его сб. «Поэмы и стих. (1933-78)». Узнав об этом, И. в июле 1984 совершил туристич. поездку в Москву и Ленинград.

В молодости И. сотрудничал в журн. *Н.А.Бердяева* «Путь». Бердяев подвел его к увлечению Я.Беме. Но своим духовным отцом И. считал Г.П.Федотова, к-рому обязан христ. апологией культуры и постижением мира и творчества в антиномиях. В первом же сб. И. «Сев. берег», как отмечал *П.М.Бицилли* (СЗ. — 1938. — № 66), очевидно, что ранняя поэзия И. с ее филос. направленностью, гамлетовскими вопросами о смысле жизни и смерти, чувством таинств. сродства между формою слова и его смыслом восходит преим. к Баратынскому. Уже тогда наметилась склонность И. к словесной магии.

Критики (В.Блинов и др.) считают, что уверенный, неповторимый голос И. обрел в житейски закатные годы, начиная со сб. «Хвала», в к-ром воплотилось религиозно прочувствов. восприятие жизни, открывающее в земных страданиях действительность надвременного миропорядка. Именно тогда определяются и совершенствуются свойств. И. ясность мысли, метафоричность, парадоксальность, непредсказуемость, барочность. И. любил Л. де Гонгору-и-Арготе, англ. поэтов-метафизиков XVII в., поэзию Державина, Анненского, Цветаевой, Аполлинера. Важное духовное переживание для него — знакомство с др-мекс. религией, начавшееся в 1956 и углубленное шестью послед. поездками в Мексику, поразившую его контрастом культуры и нищеты.

И., ценившего контрасты, дисгармонию, называли «необарочным поэтом»; о.Александр Шмеман писал о его «личном стиле рококо», когда почти каждая фраза — законч. мысль, свободная внутри целого (ВРСХД. — 1986. — №147). Сам И. считал себя «маньеристом». В программном для себя «Письме о маньеризме: (Манифесте необарочной поэзии)» (Мосты. — 1970. — № 15) он утверждал: «Исчерпывающего определения нет... Некоторые признаки маньеризма. Это игривость, резвость, бравада, акробатика, поза, экивок, иногда — извращенность, декадентство... не исключает искренности, порывов, верований. Еще двусмысленность, формализм — обнажение приемов, экспериментализм... Каждый художник — играющий человек..., но маньерист — в большей степени, чем все артисты» (там же. — С. 172). Среди разных типов маньеристов И. наиболее близок блаженный (юродивый) и испытатель (акробат). Жанровые признаки гл. произв. И. — автобиогр. поэмы, цикла стих. или фрагментов стихотв. ром. «Играющий человек» — нечетки. Сам И. определил его жанр как «гимн благодарения». Назв. навеяно одноим. кн. голланд. культуролога Йохана Хейзинги «Homo ludens» (1938), для к-рого играющий человек — это художник. Источник культуры и труда — игра, в к-рой наиб. естественно раскрывается человеч. сущность. Игра, будучи творчеством, предполагает ответственность: это триединство проходит через всю жизнь И. В поэме, представляющей собою цикл лирич. септетов, дано автобиогр. изложение этапов жизн. пути поэта в хронологич. порядке в сочетании с размышлениями об осн. вопросах бытия. Среди поэтич. источников этой, построенной на эпизодах поэмы, наряду с рус. поэзией и мекс. исквом, — англ. метафизич. поэзия. Для поэмы характерны словесная игра (от рус. яз. XVIII в. до обэриутов), биогр. и лит. аллюзии (отчасти разъясняемые в примеч.), ассоциации, диссонансы, ощущение эстетич. развлечения, причуды воображения, наслаждение природой, жизнью, движением, энергия жизнеутверждения. Осн. темы — играющий человек, живущий вне времени и пространства, а также тема рая — одновременно на земле и на небе. Играющий человек стремится приблизить к раю человечество, пребывающее в аду. Вариант происхождения зла, по И., в том, что Бог создал мир из ничего, не спросив его согласия, и вот тьма, бездна мстит человеку. Худ. не в силах избавить человечество от зла, но «он может открыть двери в рай» (Пахмусс Т. Об авторе «Homo ludens» // Иваск Ю. Играющий человек: Поэма. — Париж; Нью-Йорк, 1988. — С. 7). Поэма предельно насыщена лит. реминисценциями, перекличкой с др. поэтами, стихами, посв. И.Бродскому, Д.Бобышеву, *В.Вейдле*, о.Александру Шмеману, *Г.Адамовичу*, *И.Чинному*, *В.Перелешину*, Э.Райсу, памяти *Вяч.Иванова*. Поэта вдохновляют произв. иск-ва, размышления об истории и культуре, впечатления о собств. переживаниях, в их числе детство в Москве, дружба с поэтом К.Гершельманом (1899-1951) в Таллине, подсказавшим тему рая, встречи с Г.Федотовым, *Д.Мережковским*, *З.Гиппиус*, М.Цветаевой, *Г.Ивановым*, *В.Набоковым*. Стремительно внутр. движение поэмы. Эпич. пове-

ствование и филос. лирика — ее перемежающиеся планы, а глубинный фон, как и всего творчества И., — тема революции, периодически выходящая на первый план. «Пели.../ Пили.../ Пули.../ Пали...» — так в лаконичном стих. формулирует И. историю Добровольч. движения и Белой гвардии. «Чисто, точно и страшно» (Д.Бобышев. — С. 286).

И. — автор незаконч. ром. (иногда наз. пов.) «Если бы не было революции» (РМ. — 1980. — 11 дек.; 1981. — 22, 29 янв.; 12, 19 марта) — ист.-фантастич. произв., построенное на допущении вероятности смерти Николая II еще цесаревичем; имп. становится его брат Георгий Александрович, к-рому удается предотвратить обе революции и привести страну к процветанию. И. — автор написанных в эссеистской манере очерков о рус. поэзии — «Похвала Российской поэзии» — с XI в. до Державина (Мосты. — 1960. — № 5) и от Жуковского, Батюшкова — до символистов (НЖ. — 1983. — № 150; 1984. — № 154, 156; 1985. — № 158, 159. 161; 1986. — № 162, 165). В 1983 стих. И. «Приветствие православного» (в польск. журн.: Культура. — Париж) произвело глубокое впечатление на папу Иоанна Павла II, пригласившего И. на аудиенцию (Перелешин В. Юрий Иваск // НЖ. — 1986. — № 163. — С. 292).

Изд.: О послевоен. эмигр. поэзии // НЖ. — 1950. — № 23.
Поэты двадцатого века // НЖ. — 1968. — № 98.
Дитя Европы // Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 3 т. — N.Y., 1969. — Т. 3.
Цветаева — Маяковский — Пастернак // НЖ. — 1969. — № 95.
Бунин // НЖ. — 1970. — № 99.
Разговоры с Адамовичем (1958-1971) // НЖ. — 1979. — № 134.
Стихотворения // Человек. — М., 1992. — № 4.

Лит.: Евдокимов В. Маньеризм и трагизм «играющего человека» // ВРСХД — 1978. — № 127.
Блинов В. Памяти Ю.П.Иваска // НЖ. — 1986. — № 163.
Памяти Р.Плетнева и Ю.Иваска // ВРСХД. — 1986. — № 2.
Глэд Дж. Юрий Иваск // Глэд Дж. Беседы в изгнании. — М., 1991.
+Казак; Полторацкий.

Т.Н.Красавченко

ИЛЬИ́Н Владимир Николаевич (16(28).VIII.1891, родовое имение Владовка, Киевская губ. — 23.X.1974, Париж) — философ, богослов, критик, музыковед и композитор. После г-зии в Слуцке (1908) поступил в ун-т Св. Владимира (Киев), где окончил физико-матем. (1913), ист.-филол. и филос. ф-ты (1917). Учился также в Киевской консерватории по классу композиции. В 1918 И. — приват-доцент ун-та в Киеве, преподает философию до 1919.

В 1919 переезжает в Константинополь, где читает лекции по философии в уч. заведениях. Благодаря помощи Амер. византийского об-ва в 1923 переезжает в Берлин, где преподает логику, психологию, латинский яз. В 1925 приезжает в Париж и становится чл. коллегии только что открытого Богословск. ин-та. Как чл. Париж. группы евразийцев выступает на съездах евразийцев с докладами, публикует ст. в евразийских изд. «Евразийский временник», «Евразийская хроника» и др. В среде евразийцев был отмечен его доклад «Евразийство и мораль» (5 февр. 1928 на собр. Париж. группы). И. вступает в полемику с противниками евразийства и пишет ст. «О евразийском патриотизме» (Евраз. хроника. — 1927. — № 8), «Об идейной близости евразийцев к большевикам» (Евраз. хроника. — 1928. — № 10), где спорит с *Н.Бердяевым*, настаивая на идейной самостоятельности евразийства и его полной независимости от большевист. России. С появлением в евразийстве левого течения И. становится противником «кламарского» (левого) уклона и совм. с Н.Н.Алексеевым и П.Н.Савицким выпускает изд. «О газете «Евразия». Газ. «Евразия» не есть евразийский орган» (Париж, 1929). С 1925 начинают выходить его труды по богословию. Кн. «Преподобный Серафим Саровский» (Париж, 1925; М., 1996) была отмечена *Н.Лосским* (Путь. — 1926. — № 2). В кн. «Запечатанный Гроб. Пасха нетления» (Париж, 1926) и «Всенощное бдение» (Париж, 1927) автором разбирается состав и символика Всенощного бдения, краткая история Страстной и Пасхальной седмиц, их первооснова.

По апологетике И. было написано немало трудов. Отд. изд. вышли: «Материализм и материя» (Париж, 1928), «Загадка жизни и происхождение живых существ» (Париж, 1929), «Шесть дней творения» (Париж, 1930).

После войны продолжилась связь с РСХД, где он выступал с лекциями. И. проявил себя также и как композитор, написав множество романсов, опер, симфонии. В «ВРСХД» публиковались его ст. о Моцарте, Шумане, Чайковском, Скрябине, Прокофьеве, Стравинском и др.

Религ.-филос. мотивам в рус. лит-ре посв. кн. И. «Арфа Царя Давида» (Брюссель, 1960). В журн. «В», с к-рым постоянно сотрудничал И., опубл. его ст. о Пушкине, Лермонтове, *Бунине*, Чехове, *Мережковском*, *А.Белом*, Брюсове, Пастернаке и др. писателях. Его работы, опубл. в этом журн.: «Адский холод Гоголя» (1962. — № 131), «Мертвые Души» Гоголя и проблема греха» (1962. — № 132), «Бегство Толстого» (1963. — № 138), «Оккультизм Тургенева» (1963. — № 134, 135), «Аполлон и Дионис в творчестве Пушкина» (1968. — № 200) принесли И. известность как лит. критику. К.Померанцев вспоминал лекцию о Тютчеве, на к-рую он пришел вместе с *Г.Ивановым*: «Я, конечно, даже кратко не могу воспроизвести лекции Ильина, помню лишь заключение Жоржа — «ничего подобного по глубине» о Тютчеве он не слышал» (Померанцев К. Сквозь смерть. — Лондон, 1986. — С. 100). Не вышли подготовл. к печати кн. И. «История рус. философии» и «Ср-вековая философия». Подытоживая творч. путь И., К.Померанцев писал: «Мне думается, что Ильин не удался. Гениально, но не удался. Он был воистину гениальной неудачей» (Померанцев К. — С. 103). Одна из лучших ст. об И. принадлежит ректору Богословского ин-та и пред. РСХД во Франции Алексею Князеву (Некролог. — ВРСХД. — 1975. — № 114).

Изд.: Религия революции и гибель культуры. — Париж, 1987; М., 1994.
Литургия последнего свершения / Вступ. ст. Поздняковой Н. // Человек. — 1994. — № 3.
+РФР.

М.А.Васильева

ИЛЬИ́Н Иван Александрович (28.III(9.IV). 1883, Москва — 21.XII.1954, Цюрих) — религ. мыслитель, ученый-правовед, культуролог, публицист, лит. критик. Род. в дворянской семье. Закончив 1-ю моск. г-зию с золотой медалью, он в 1901 поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та, где изучал право под руководством философов-правоведов П.И.Новгородцева и кн. *Е.Н.Трубецкого*. По окончании курса в 1906 оставлен при ун-те для подготовки к проф. званию. За время науч. командировки с 1910 по 1912 посещает Германию, Францию, Италию, расширяя и углубляя свои филос. познания. По возвращении в Россию в 1912 преподавал на юрид. ф-те Моск. ун-та и в др. учеб. заведениях Москвы. Первая печатная работа «Понятие права и силы: Опыт методол. анализа» (М., 1910). В 1918 И. защитил магистерскую дис. на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (М., 1918. — Т. 1-2), за к-рую ему присвоены две степени: магистра и д-ра гос. наук. В 1921 избран пред. Моск. психологич. об-ва. С 1918 подвергался преследованиям со стороны ЧК, после шестого ареста в сент. 1922 выслан из России.

С февр. 1923 по июль 1934 занимал должность проф. в Рус. науч. ин-те в Берлине, где читал на рус. и нем. яз. лекции об основах правосознания, о религии и церкви, рус. культуре и лит-ре. С лекциями на эти темы выступал в Швейцарии, Франции, Австрии, Югославии, Латвии и Эстонии. В эти же годы публиковал ст. в эмигр. газ. и журн.: «В», «Рус. инвалид», «Новый путь», «Россия». С 1927 по 1930 ред.-изд. журн. «Рус. колокол: Журн. волевой идеи» (Берлин; вышло 9 номеров), в к-ром опубл. 40 статей. Цель журн., по словам И., — служение самобытной и великой России, укрепление рус. самосознания, духовное обновление и религ. очищение России (Рус. колокол. — 1927. — № 1. — С. 2-3).

Будучи идеологом Белого движения, И. участвовал в деятельности Рус. Обще-Воинского Союза (РОВС), а также в работе Рус. секции Междунар. лиги, созданной для борьбы с III Интернационалом. В 1934 И. лишается каф. за отказ следовать в своей науч. и преподават. деятельности директивам национал-социалистов. В течение неск. лет подвергался преследования нацистов, к-рые конфисковали его печатные работы и запретили ему публичные выступления. В июле 1938 переехал из Германии в Швейцарию, где с помощью С.В.Рахманинова обосновался в пригороде Цюриха. Здесь сотрудничал с Рус. христ. трудовым движением, читал лекции в нар. ун-тах. Глубо-

кий знаток нем. классич. философии, И. не замыкался в отвлеченных умозрит. абстракциях — гл. филос. задачей он считал иссл. проблем духа и духовности, порождаемой собств. опытом философа, открывающим «человеку сущность Божества» («Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». — Т. 1. — с. 10).

Убежденный монархист, И. доказывал в своих работах («О монархии и республике». — Нью-Йорк, 1979) преимущество и целесообразность монархич. гос. устройства, подчеркивая при этом уникальность Рос. империи, в к-рой на протяжении веков мирно сосуществовали сотни этнич. и расовых групп. И. подчеркивал, что представление о гос. строе как о чем-то отвлеченном, выдуманном и произвольно изменяемом, что можно заимствовать или брать с чужого плеча, есть свидет-во явной полит. слепоты: «Нелепо навязывать всем народам одну и ту же штампованную государственную форму... Нет ничего опаснее и нелепее, как навязывать народу такую государственную форму, которая не соответствует его правосознанию (например, вводить монархию в Швейцарии, республику в России, референдум в Персии, аристократическую диктатуру в Соединенных Штатах и т.д.)» («О монархии и республике» // ВФ. — 1991. — № 4. — С. 128-129). В России возможны или единовластие, или хаос: «К республиканскому строю Россия не способна. Или еще точнее: бытие России требует единовластия — или религиозно и национально укрепленного единовластия чести, верности и служения, т.е. монархии; или же единовластия безбожного, бессовестного, бесчестного, и притом антинационального и интернационального, т.е. тирании» («Почему сокрушился в России монархич. строй?» // Новый мир. — 1991. — № 10. — С. 218-219). В кн. «О монархии и республике» И. противопоставляет руссоистской идее равенства людей свою концепцию монархич. правосознания, согласно к-рой «люди и перед лицом Божиим и от природы разнокачественны, разноценны и потому естественно должны быть не равны в своих правах» (ВФ. — 1991. — № 4. — С. 145). Безудержный республиканско-демократич. эгалитаризм неизбежно ведет к несправедливости, ибо справедливо, чтобы «беременные женщины имели известные привилегии; чтобы преступники и душевно больные люди были лишены права голоса; чтобы государственные должности давались талантливым, умным и честным людям» (там же. — С. 146).

Эту антируссоистскую идею естеств. неравенства И. развивает и в кн. «Das verschollene Herz: Ein Buch stiller Betrachtungen» (Bern, 1943); переизд.: «Поющее сердце: Книга тихих созерцаний» (Мюнхен, 1958), в к-рой он пишет: «Кто отложит предрассудки и беспристрастно посмотрит на жизнь, тот скоро убедится, что люди неравны от природы, неравны по своей силе и способности, неравны и по своему социальному положению; и что справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми; напротив, она требует неравенства для неравных, но такого неравенства, которое соответствовало бы действительному неравенству людей» (Наш современник. — 1991. — № 6. — С. 168).

В кн. «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925) И. полемизировал с теорией Л.Толстого о непротивлении злу насилием, подчеркивая, что слабость ее в абсолютизации, универсализации применительно не к отд. конкретной жизн. ситуации, но ко всем ситуациям сразу. И. не отрицает, что любовь, добро, терпение могут быть действ. формой противостояния злу. Однако бывают в жизни ситуации, когда в борьбе со злом необходимо прибегать к принуждению и насилию, ибо в противном случае непротивление будет безнравственным, оно становится пособником зла. В своей кн. И. сформулировал четкие и недвусмысл. условия, при к-рых применение силы в борьбе со злом не только оправдано, но и необходимо. К числу этих условий И. относит определение зла по совершаемым им внешним действиям, искреннюю любовь к добру, волевое отношение к жизни, принятие на себя ответственности за свое решение и деяние, последующее пожизн. нравств.-религ. очищение, а также ясное осознание того, что в конкретных обстоятельствах бессильны иные ненасильств. средства противостояния злу: любовь, самосовершенствование, духовное воспитание и др. Вокруг кн. И. возникла полемика, в к-рой приняли участие видные деятели рус. зарубежья: *Н.Бердяев* (Путь. — 1926. — № 4), *П.Струве* (В. — 1925. — 25 июня), *В.Зеньковский* (СЗ. — 1926. — № 29), *Ф.Степун* (СЗ. — 1926. — № 29), *Ю.Айхенвальд*

(Сегодня. — 1926. — 25 февр.), Б.Суворин (Рус. газ. — 1925. — 10 июня), *З.Гиппиус* (ПН. — 1926. — 25 февр.).

Сов. коммунизм, замечает И., имеет европ. происхождение: «Он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное правление. В мире встал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения». Рус. революционеры, не понимавшие ничего в России, не видевшие ее нац. задач, «решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они, как голодные дети, объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева» («Рус. революция была катастрофой» // Ильин И.А. Наши задачи. — М., 1992. — Т. 2. — С. 108).

Кризис, переживаемый Россией в XX в., как и кризис совр. культуры в целом, по мнению И., есть кризис духовный. В основе его — оскудение религиозности, утрата духовно-религ. отношения к жизни, порождаемая распространением материалистич. и атеистич. доктрин. Отсюда и бездуховное совр. иск-во, лишь по недоразумению называемое иск-вом, отсюда и безбожный социализм, который «бесконечно страшнее и вреднее безбожного капитализма». («Основы христ. культуры» // Славяне. — М., 1992. — Спец. вып. — С. 26).

Причину безверия и маловерия, утраты религиозности зап. народами И. видит в том, что они «приняли от римской церкви неверный религиозный акт, начинающийся с воли и завершающийся рассудочной мыслью, и, приняв его, пренебрегли сердцем и утратили его созерцание» («Поющее сердце» // Наш современник. — 1991. — № 6. — С. 166). Поэтому все попытки заимствовать у католиков их «волевую и умственную культуру», пропитанную духом иудаизма, безнадежны: «Их культура выросла исторически из преобладания воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка во всей его практической трезвости над совестью, власти и принуждения над свободою» («О рус. национализме: Что сулит миру расчленение России». — Новосибирск, 1991. — С. 102). Дух истинного христианства (православия), по И., есть дух совершенствования, как личностного, так и всеобщего. В этом смысле православие всегда считало и считает просветление и преображение мира своим прямым заданием. В кн. «Религ. смысл философии» (Париж, 1924) и «Путь духовного обновления» (Белград, 1935) И. подчеркивает, что создавать истинно религ. культуру возможно лишь при условии искреннего и добровольного обращения к Богу и осмысления сущности Божьего дела на земле. А сердца человеческие чаще всего обращаются к Богу в процессе страданий и разочарований. Вот отчего многие ныне «склонны думать, что именно Россия, опередившая в страданиях и разочарованиях другие народы, сможет первой вступить на этот путь» (Славяне. — 1992. — Спец. вып. — С. 29). Вслед за Достоевским И. настаивает на благотворном, очистит. характере личного страдания, пробуждающего дух человека, его творч. воображение, устремленность к совершенствованию и преображению жизни: «Искусство одухотворять страдание есть одно из высших. Страдание есть не проклятие, а благословение; в нем скрыт некий духовный заряд, зачаток новых постижений и достижений...» («Поющее сердце» // Наш современник. — 1991. — № 7. — С. 168-169). В кн. «Основы христ. культуры» (Женева, 1937) И. связывает процесс грядущего духовного возрождения с задачей созидания совр. христ. культуры, христ. науки, христ. иск-ва, христ. правосознания и воспитания.

Немаловажное место в наследии И. занимают работы, посв. рус. лит-ре («*Мережковский* — художник» (лекция в Берлине 29 июня 1934, опубл. *Н.Полторацким* в 1972). В кн. «О тьме и просветлении» (Мюнхен, 1959) И. анализирует с точки зрения духовных ценностей православия творчество трех классиков XX в. — *И.Бунина*, *А.Ремизова* и *И.Шмелева*, к-рых объединяет, по его словам, «единство предмета и единство национального опыта», порождаемого эпохой «восставшей тьмы и разливающейся скорби» («О тьме и просветлении: Кн. худож. критики. Бунин. Ремизов, Шмелев». — М., 1991. — С. 197). Отмечая «художественную зоркость и художественную честность» Бунина и называя его писателем «внешнего опыта», И. подчеркивает

его безрелигиозность, поразит. знание тьмы, неверие в свет и Божеств. радость: «То, что он называет «богом», есть начало страшное, темное и стихийное. Символ его творчества есть страстный и скорбный демон, жаждущий наслаждения и не знающий путей к Богу» (там же. — С. 198). Ремизов для И. — писатель, чья склонность к «художественному юродству» осуществлялась в мире фантазии, словотворчества и мифотворчества. Гл. темы его книг — «общая обреченность, братство, сострадание и вина всех за всех» (там же. — С.99). Для героев Ремизова в отличие от бунинских персонажей характерна «не чувственная страсть души», а сострадат. любовь как выражение «женственного начала, безвольной жалобы, покорности, терпения и жалости»: «Смысл его творчества есть трепещущий и рыдающий праведник» (там же. — С. 198). Высший тип подлинно нац. православного художника воплощает Шмелев, бытописатель «Святой Руси» и ее народа, «простого и душевно открытого, благодушного и уветливого, прошедшего с молитвой и верой великий и претрудный путь исторических страданий и осмыслившего свою земную жизнь как служение Богу и Христу» (там же. — С. 184). Шмелев, по И., как и Достоевский, — это ясновидец человеч. страдания, ведущего к Богу: «Шмелев познал тьму... И через мрак он по-новому увидел свет и стал искать путей к нему, добиваясь той мудрости, которая осмысливает земной путь человека как «путь небесный» (там же. — С. 199).

В ст. «Когда же возродится великая рус. поэзия?» (1956) И. связывает это чаемое событие с духовно-религ. возрождением России, с процессом «прикровенного, тайного возвращения к вере и молитве». Вся великая рус. поэзия прошлого была «порождением истинного чувства, восторга, одушевления, вдохновения, света и огня — именно того, что мы называем сердцем и от чего душа человека начинает петь» («Наши задачи». — Т. 2. — С. 245). С процессом «изживания великого сердечного созерцания» начинается измельчание содержания поэзии, ее «сентиментализация», беспредметное и туманное фантазирование.

Значителен вклад И. и в раскрытие сущности рус. идеи. Отвергая тривиальные пропагандист. обвинения рус. народа в шовинизме, И. подчеркивает химеричность крайнего национализма, стремящегося «подмять под себя все народы», и пагубность интернационал-демократизма, пытающегося «растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности»: «Крайний национализм сходится с крайним интернационализмом — нерусского происхождения, как, впрочем, и весь нигилизм нехристианского происхождения» (там же. — Т. 1. — С. 281). Решить задачу духовного возрождения России не способно поколение «безответственных шкурников и безответственных честолюбцев», лишенных духовных сил и качеств, необходимых для творч. созидания (там же. — Т. 2. — С. 261). Эту задачу могут решить лишь «свободные умы, зоркие люди и новые религиозно укорененные творческие идеи» («О рус. национализме». — С. 6). Незаверш. труды И. после его смерти подготовили к печати его вдова Наталья Николаевна Ильина и проф. Н.П.Полторацкий.

Изд.: Родина и мы. — Белград, 1925.
Яд большевизма. — Женева, 1931.
О России: Три речи. 1926-1933. — София, 1934.
Основы художества: О совершенном в иск-ве. — Рига, 1937.
Пророч. призвание Пушкина. — Рига, 1937.
Основы борьбы за нац. Россию. — Нарва, 1938.
Аксиомы религ. опыта. — Париж, 1953. — Т. 1-2.
О сущности правосознания. — Мюнхен, 1956.
Наши задачи. — Париж, 1956. — Т. 1-2.
Путь к очевидности. — Мюнхен, 1957; М., 1993.
Рус. писатели, лит-ра и художество. — Вашингтон, 1973.
О России. — М., 1991.
Творч. идея нашего будущего: Об основах духовного характера. — Новосиб., 1991.
О грядущей России: Избр. ст. / Под ред. Полторацкого Н.П. — М.; Нью-Йорк, 1993.
Одинокий художник. — М., 1993.
Собр. соч.: В 10 т. / Сост. Лисицы Ю.Т. — М., 1993-1996. — Т. 1-6.
Для русских: Избранное. — Смоленск, 1995.
Основы гос. устройства. Проект Основного Закона России. — М., 1996.

Ich schaue ins Leben: Ein Buch der Besinnung. — B, 1939.
Blick in die Ferne: Ein Buch der Einsichten u. der Hoffnungen. — Zürich, 1945.

Лит.: Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. — Tenafly (N.Y.), 1989.
Паламарчук П. Иван Ильин — критик // Моск. вестн. — 1990. — № 1.
Лисица Ю.Т. И.А.Ильин как правовед и гос-вовед // ВФ. — 1991. — № 5.
Белов В. Из пепла // Наш современник. — 1991. — № 4.
Пивоваров Ю.С. Может ли спасти Россию самодержавная монархия? (О чем думается после прочтения кн. Ив.Ильина «О монархии и республике») // ВФ. — 1991. — № 6.
+Зеньковский; Лосский; Полторацкий; РФН; РФР.

Ю.И.Сохряков

ИОАНН САН-ФРАНЦИССКИЙ — см. **ШАХОВСКОЙ Д.А.**

ИРЕ́ЦКИЙ (Гликман) Виктор Яковлевич (1(13).XI.1882, Харьков — 16.XI.1936, Берлин) — прозаик, журналист. Род. в семье врача. В 1901 окончил реальное уч-ще в Белостоке и поступил на агроном. отд. Киевского политехн. ин-та, откуда вскоре был отчислен за участие в студенч. беспорядках. Впоследствии посещал курсы юрид. ф-та. Петерб. ун-та. Выступал с рец. на произв. зап-европ. лит-ры в газ. «Речь». Стал публиковать рассказы и в 1910 получил Гоголевскую пр. Первый сб. рассказов «Суета» (Пг., 1915).

После Февр. революции И. работал по исследованию истории царской власти в открывшихся архивах; в 1917 в Петрограде опубликовал брошюры «Охранка (Страница русской истории)» и «Романовы (Сколько они нам стоили)». И. был одним из активных участников К-та Дома литераторов в Петрограде, заведовал его б-кой. В 1921 в Петрограде увидела свет кн. стилизаций И. на темы зап-европ. старины «Гравюры».

Осенью 1922 выслан из РСФСР и начал лит. деятельность в Берлине. Редактировал остановившийся после отъезда *А.Дроздова* журн. «Сполохи», стал заметной фигурой в лит. кругах Берлина, был близок к *В.В.Набокову* и *Ю.А.Айхенвальду*. В 1925 в Лейпциге издан ром. И. «Похитители огня» с подзаголовком «Роман из сов. жизни», вызвавший оживленную реакцию в прессе; незадолго до этого увидела свет в кон. 1924 в берлин. изд-ве «Обелиск» трагикомедия «Мышеловка» — фантастич. история об открытии ученым секрета добывания золота из водорода, передаче его правительству и гибели ученого из-за интриг вокруг «желтого дьявола». «Едва ли эта трагикомедия рассчитана для постановки на сцене. Читается она легко, но высказанные в ней идеи не блещут новизной, если не видеть в пьесе памфлета на современные российские порядки», — писал критик, выступавший под псевд. Г.Л. (Звено. — 1924. — 7 апр.). Однако «Мышеловка» во многом стала прологом к «Похитителям огня», где действие разворачивается в застенках ЧК, ведущей расследование по взрыву в лаборатории проф. Беляева. Этот проф. по заданию новой власти создавал средства для упрощения психики людей. В целом положительно оценил эту кн. Ю.Айхенвальд: «Идейный материал романа недостаточно претворен у г.Ирецкого в живые, убедительные образы, но это — лишь соринки... В общем, «Похитители огня» — роман умный и незаурядный» (Сегодня. — 1925. — 30 окт.). Полит. значимость романа оценила и *А.Даманская*: «Центр тяжести этой книги... в острой, волнующей современности» (Дни. — 1925. — 8 нояб.). Литератор, избравший псев. «Д.Ж.», также отметил актуальность книги: «Роман В.Ирецкого вводит читателя в среду нынешних властителей России, укрепляющих и расширяющих всякими мерами «завоевания революции»... Конструкция романа несколько хаотична, но читается он легко» (За свободу! Лит. прилож. — 1925. — 8 нояб.). В 1928 в Берлине увидел свет новый ром. И. «Наследники» — довольно необычная для рус. эмигр. лит-ры попытка создания большой семейной хроники из зарубежной жизни — датской семьи Ларсенов. Ром. «являет собой ценную и очень значительную семейную хронику наподобие «Буд-

денброков» Томаса Манна... Над пустою беллетристикой поднимается это серьезным звуком звучащее произведение. Оно заставляет думать. Оно обладает не только художественным, но и нравственным свойством», — считал Ю.Айхенвальд (Руль. — 1928. — 8 авг.).

В 1930 в берлинском изд-ве «Петрополис» опубл. ром. И. «Холодный уголь». Это — большое реалистич. полотно жизни нач. XX в., гл. героем к-рого был зем. врач., ставший деп. Гос. Думы. В ром. проводится мысль о злом влиянии на него столичной жизни. Другим героем произв. был еврей Даин, выпустивший кн. «Нисхождение морали» и покончивший с собой. «В сущности, вся книга Ирецкого показывает разнообразные формы мести, исходящей от жизни, мести, будто естественно выращиваемой человеческим общежитием... Роман ведется живо, читается без напряжения, быстро заинтересовывает», — писал *П.Пильский* (Сегодня. — 1930. — 7 апр.). Более сдержан был в своем отзыве *С.Горный*: «Задуманы отдельные петербургские портреты превосходно — задуманы и выполнены... Но когда эти «портреты» начинают двигаться — им не веришь. Панорамы не получилось. Крепкой слитности в романе нет» (Руль. — 1930. — 8 янв.).

В 1931 в Риге увидела свет пов. И. «Прибежище» — рассказ о мытарствах матери и дочери в голодном Петрограде и их дружбе с матросом, погибшим впоследствии во время Кронштадтского восстания; в том же году в берлин. изд-ве «Парабола» появился ром. И. «Пленник». Здесь И. вновь проявил неожиданные стороны своей лит. фантазии. Герой этой книги, скептик и реалист беллетрист Краевский, внезапно решает писать красиво, писать о жизни, к-рой на самом деле нет. Однако постепенно сама жизнь начинает вмешиваться в размеренное существование писателя и как бы мстить ему за ложь на бумаге. С большой ст., посвященной «Пленнику», выступил *В.Ходасевич*: «В «Пленнике» стилистическое целомудрие приводит Ирецкого, пожалуй, к излишней сдержанности, а сдержанность к жесткости... Весь роман вообще отлично продуман и вычислен в отношении архитектурном. Все части его хорошо взвешены. Этой взвешенности, продуманности соответствует и самый пафос романа: это гораздо более пафос мысли, нежели чувства» (В. — 1931. — 15 окт.).

В 1936 вышла кн. И. «Коварство и любовь» в берлин. «Петрополисе», а в 1937, там же, уже после смерти И. от туберкулеза, кн. рассказов «Она (Россия)».

Архив И.: РГАЛИ. Ф. 2227.

Лит.: Айхенвальд Ю. Рец.: «Похитители огня» // Руль. — 1925. — 28 окт.

Пильский П. Рец.: «Наследники» // Сегодня. — 1928. — 23 сент.

В.В.Леонидов

К

КАЛЛИ́НИКОВ Иосиф Федорович (1(13).I.1890, с. Мелеч, Орловская губ. — 4.V.1934, Теплице, Чехословакия) — прозаик, поэт. Род. в семье почтового служащего. Окончил Александровскую г-зию в Орле в 1906, в 1910 — реальное уч-ще. С детства у К. был интерес к религии, к быту и нравам духовенства. В 1911-16 учился на экон. отд. Петерб. политехнич. ун-та. Участвовал в этнографич. фольк. экспедициях. Его очерки, посв. увиденному, стали появляться в газ. и журн. с 1914. Для К. характерно влияние прозы Лескова и филос. заметок Розанова. Много внимания он уделял осмыслению эротики в религ.-филос. плане.

В 1915 в Орле вышли два сб. стихов К. «Крылатые песни» и «Песни войны». В 1916 поступил юнкером в Павловское военное уч-ще; в том же году познакомился с *М.Горьким*, благосклонно к нему отнесшимся. Служил в армии, в 1917-19 в Орле заведывал городским статистич. бюро. В 1919 стал участником Белого движения. Психически заболел. В 1920 эвакуировался из Новороссийска в Египет, в 1922 переехал в Софию, где открыл книжный магазин. Затем была Прага, нужда, работа корректором, разносчиком.

В 1922 в журн. «Воля России» появились мрачные, апокалиптич. стихи К. «Земля», в 1925 — в 4 и 5 номерах «Воли России» — пов. «Опустошение», рассказ о влюбленной паре, прошедшей через гражданскую войну и не сумевшей сберечь любовь. В том же году на страницах «Беседы» (№ 6/7) увидела свет пов. «Баба-змея» — легенда, во мн. навеянная стилем Лескова и *Е.Замятина*, завершающаяся жестокой картиной разгрома крестьянами господской усадьбы. В 1926 в Берлин. изд-ве «Петрополис» увидел свет ром. К. «Бобры», посв. истории жизни сельского священника, его борьбе со своими «плотскими» страстями. В кон. ром. гл. герой кончает с собой, не желая снимать сан по требованию большевиков. Резко негативную реакцию вызвало это произв. у *Г.Адамовича*: «Книга написана тяжелым языком, поддельно-мощным и кокетливо-народным... От такой «славянщины», признаться, мутит, и никакими другими достоинствами автор стиля своего не искупает» (ПН. — 1930. — 1 июня).

При содействии Горького в 1925-26 в Москве и Ленинграде была опубликована многотомная эпопея К. «Мощи» — описание монастырской жизни с неизменными для К. сценами физич. любви.

В 1929 под назв. «Монахи и женщины» был издан в Берлине 1-й том ром. «Мощи» и 2-й том, озаглавленный «Звезда Вифлеемская». В 1930 вышел 3-й том — «Пещь огненная». Впоследствии ром. «Мощи» был переведен на ряд европ. яз.

В 1931 на чеш. яз. в пер. Милоша Ванека в Праге была издана кн. К. «Lev Tolstoy. Tragedie sexualni», где на основе изучения дневников и писем Толстого сделана попытка психоаналитич. иссл. духовного мира великого писателя. Откликаясь на выход этой работы, чеш. критик Б.Матезиус писал: «Это странная книга: ни роман, ни наука. Но при этом так интересно и сжато написанная, что в ней больше воздуха и темпа, и одновременно больше цитат и фактов, чем во многих романах и многих научных биографиях» (Цит. по: Кострица В. Неизв. письма И.Ф.Каллиникова // Рус., укр. и белорус. эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. — Прага, 1995. — Т. 2. — С. 929).

В эмиграции его порой считали слишком «красным», так он не столь яростно выражал антипатию к СССР. С этим, очевидно, был связан и отказ Пражского нац. т-ра поставить его пьесу «Монастырские женщины».

В 1990 дочь К. передала архив отца в Орловский гос. музей И.С.Тургенева.

+РП-2.

В.В.Леонидов

КАМЕ́НСКИЙ Анатолий Павлович (17(29).XI.1876, Астрахань — 1.XII.1941, Ухтижемлаг, Коми АССР) — прозаик, публицист, киносценарист. Род. в семье чиновника. В 1895 окончил г-зию в Астрахани. С 1895 по 1897 учился в СПб. ин-те инженеров путей сообщения, в 1897 поступил на юрид. ф-т Петерб., ун-та, к-рый окончил в 1902. Работал в Мин-ве финансов в 1903-09. Печататься начал с кон. 90-х. Его рассказы легко читались, были занимательны. Постепенно в произв. К. стал преобладать мрачный взгляд на окружающее, его первый сб. «Степные голоса» (СПб., 1903) был явным подражанием Чехову своими картинами жизни провинц. интеллигенции. В дальнейшем творчество К. стало приобретать все более скандальный характер, его рассказы, появлявшиеся на страницах петерб. газ. и журн., вызывали критику за «бульварный» стиль и увлечение описаниями физической любви. Особенно бурный резонанс вызвал рассказ «Леда». В 1908-10 вышло три тома рассказов К. В том же 1908 в журн. «Образование» увидел свет ром. «Люди». С 1913 началась успешная карьера К. как киносценариста. Он написал 30 сценариев, в том числе и по мотивам произв. *А.Толстого* и *А.Куприна*.

В 1918 К., спасаясь от рев. событий, уезжает в Киев, в 1919 живет в Одессе, потом в Бердянске, откуда перебирается в Севастополь, где организует т-р «Коломбина». Там он поставил свою «Леду» и пьесу «Черная месса» — историю о зловещих кознях сатанистов во Франции. Однако появление на сцене «Коломбины» пьесы А.Шницлера «Хоровод» было признано «порнографией». К. угрожала высылка за пределы Крыма, но, по личному распоряжению Врангеля, ссылка ограничилась лишь запретом пребывания на терр. Севастополя (Рус. Берлин. — С. 309). Недолгое время К. пробыл в Ялте, откуда эвакуировался в Константинополь, а в нач. 20-х — в Берлин.

В Берлине «урожайным» для К. стал 1923, когда там в изд-ве «И.Благов» подряд вышли «Леда», «Мебель. Белая ночь», «Мой гарем: Рассказы о любви», «Студенч. любовь», «Черная месса». В том же году в берлинском изд-ве «О.Кирхнер» увидел свет сб. «Жизнь во сне; Парадоксальные рассказы». По сравнению с петерб. периодом в стиле К. мало что изменилось, тем более, что ряд из этих произв. был уже опубликован до эмиграции. С резкой рецензией выступил *И.Василевский* (Не-Буква). «Если бы Анатолий Каменский был писателем бездарным — о нем не стоило говорить... Но Анатолий Каменский — писатель талантливый, с хорошо отточенным пером...» Василевский обвинил К., что тот идет на поводу настроений читающей публики, ждущей от него скандальных страниц и тем губит свой талант. «Все эротические сцены выходят у него плохо, совсем плохо, дешево, убого» (Накануне. Лит. прилож. — 1923. — 22 июля).

В 1924 К. вернулся в Москву, писал пьесы «Гибель Пушкина», потом «Технология любви», посв. судебному процессу над насильниками, был близок к Д.Бедному. В 1930 вернулся в Берлин. 18 мая 1930 в газ. «Руль» появилось интервью К. «Моя пятилетка», где он рассказал об испытаниях в СССР: «Вот жизнь писателя: она протекает под неимоверным давлением «социального заказа». Обратно я вернусь, когда ценность личности будет признана». В этом же выступлении К. рассказал о звонке Сталина М.А.Булгакову.

В ст. «Демьян Бедный и бедный Некрасов (Странички сов. лит-ведения)» К. рассказал о подделке в идеологич. целях поэмы Н.А.Некрасова «Светочи». «Если Пушкин был большевиком, Некрасову сам Бог велел, да еще с благословения современного Некрасова-Демьяна» (Руль. — 1930. — 4 июня). Правда, впоследствии появилось свидетельство С.А.Рейсера, где говорилось, что сам К. также был причастен к этой подделке (Рейсер С.А. Основы текстологии. — Л., 1978. — С. 109-110).

К. жил в Париже, но, несмотря на все заявления во время второго приезда, в 1935 вернулся в СССР. В 1937 репрессирован, умер в заключении.

Изд.: Петербургский человек. Повести и рассказы. (1905-1915). — М., 1936.
+РП-2.

В.В.Леонидов

КАРАТЕ́ЕВ Михаил Дмитриевич (5(18).1904, Фрайберг, Германия — 24.X.1978, Монтевидео) — ист. романист, очеркист, эссеист. Род. в богатой духовными традициями дворянской семье. По матери —

прямой потомок В.А.Жуковского; по отцу — в родстве с братьями Киреевскими. Отец, Дмитрий Васильевич, энциклопедически образованный человек, имел пять дипломов, в том числе по геологии и минералогии и преподавал философию в Гейдельбергском ун-те. В 1914 К. поступил в Полтавский кадетский корпус и, не закончив его, принял участие в Белом движении. После падения в 1920 Южнорус. правительства вместе с Добровольческой армией эвакуируется сначала в Константинополь, а затем в Белград, где продолжает обучение в Петровском-Полтавском кадетском корпусе. Он «окончил корпус первым и притом на круглые 12 баллов, что при строгости оценок в военно-учебных заведениях было большой редкостью. После этого он также блестяще закончил Сергиевское артиллерийское училище, эвакуированное в Болгарию, с производством в офицеры по конной артиллерии, а позже получил высшее образование в Бельгии, которое дало ему диплом инженера-химика, а два года спустя, после защиты диссертации, — степень доктора химических наук» (Юзефович А.М. Предисл. // Каратеев М. Возвращение. — Париж, 1967. — С. 4). В 20-е он переменил ряд тяжелых профессий, в том числе и на горных выработках, заболел туберкулезом. Впечатления этой поры легли в основу его очерков «Белогвардейцы на Балканах» в газ. «Русский в Аргентине» (1937). Получив диплом инженера-химика и степень д-ра, К. отправился в Парагвай. В 1938 в г.Лима (Перу) К. встречает отца, к-рый занимает должность ректора в столичном ун-те Сан-Маркоса. Он остается работать у него, выказывая незаурядные способности на поприще химика. Одновременно в газ. «Русский в Аргентине» К. публикует серию очерков: «Парагвайская надежда» (1937-38) о рус. колонистах в Парагвае, «На рудниках Боливии» (1939) и «Россия в Уругвае» (1940; история русских колонистов-сектантов в этой стране). Позднее была написана документальная эпопея о приключениях группы рус. офицеров в лесах Парагвая «По следам конквистадоров» в газ. «НРС» (1971).

В 1944 К. переезжает в Уругвай в местечко Сан-Хавиер и, не оставляя своей профессии химика, занимается изучением рус. истории и прежде всего XIV в. — освобождения Руси от монголо-татарского ига. Он приступает к написанию ист. эпопеи в пяти книгах «Русь и Орда», сделав одной из гл. сюжетных линий судьбу своих предков, древнего рус. рода князей Карачевских, восходящего вплоть до св. Михаила Черниговского. В первом романе «Ярлык великого хана: Из эпохи 14 в.» (Буэнос-Айрес, 1958; 1974; М., 1992) повествуется о жестоких междоусобицах рус. князей в пору татарского ига, жертвой к-рых стал молодой кн. Василий Карачевский. В последовавших за ним романах «Карач-Мурза: (Тверь против Москвы)» (Буэнос-Айрес, 1962; М., 1992) и «Богатыри проснулись: Из эпохи борьбы за свержение татарского ига над Русью» (Буэнос-Айрес, 1963; М., 1992) К. раздвинул ист. горизонты повествования в изображении Руси и Орды XIV в. Из-под его пера вышли произведения уже о судьбе не одного рода или удельного княжества, но России. Заключают эпопею романы «Железный хромец: Из эпохи завоеваний Тимура, кон. 14 — нач. 15 в.» (Париж, 1967; М., 1992) и «Возвращение: Из эпохи борьбы Польско-Литовского гос-ва с Тевтонским Орденом, нач. 15 века» (Париж, 1967; М., 1992).

«Подлинная любовь обладает неумирающей памятью сердца, — писал, откликаясь на завершающий цикл роман «Возвращение» поэт и критик Н.В.Станюкович. — «Записки охотника», стихи Тютчева, книги *Алданова* писались за границей, и тут, среди нас, вырос дар Михаила Дмитриевича Каратеева, эпопее которого суждено стать, в освободившейся России, источником знаний и, главное, живого понимания и любви к нашему прошлому» (В. — 1968. — № 196. — С. 120).

Изд.: Из нашего прошлого: Ист. очерки. — Буэнос-Айрес, 1968.
Арабески истории: Ист. очерки. — Буэнос-Айрес, 1971.

Лит.: Дувинг Л. Ожившая старина // Грани. — 1965. — № 57.
III-ой М. Рец.: «Карач-Мурза» // В. — 1962. — № 132.
Станюкович Н.В. Рец.: «Арабески истории» // В. — 1971. — № 275. Подпись: Н.В.С.
+ Михайлов.

О.Н.Михайлов

КАРСА́ВИН Лев Платонович (1(13).XII.1882, Петербург — 20.VII.1952, концлагерь Абезь, Коми АССР) — историк-медиевист, философ, богослов, публицист, поэт. Род. в семье изв. танцовщика и балетмейстера Мариинского т-ра П.К.Карсавина; младшая сестра — знаменитая балерина Тамара Карсавина. Первые стихи К. — в «Лит.-худож. сб.» (СПб., 1903). Закончил Петерб. ун-т в 1906 по ист. отд., оставлен для подготовки к проф. званию. Под руководством И.М.Гревса занимался иссл. зап. ср-век. культуры в ее религ. аспектах. Две гл. темы его работы — история францисканского движения и еретич. сект вальденсов и катаров. В 1910-12 работает по этим темам в Италии и во Франции и в 1912 выпускает посв. им капитальный труд «Очерки религ. жизни в Италии XII-XIII вв.» (СПб.). В Петербурге К. преподает ист. дисциплины в ун-те на Высших жен. (Бестужевских) курсах и в др. уч. заведениях. Выдвигает и разрабатывает собств. метод в медиевистике. Эта работа опережала время: подход К., ставивший задачи целостной реконструкции психологии, внутр. мира, образа жизни и поведения человека Ср-вековья, вводивший новые понятия и идеи, был близок позднейшей франц. школе «Анналов» и развитому ею направлению «историческая антропология» — одному из самых влият. и важных в совр. культурологии. Данный этап работы К. представлен во второй его крупной кн. «Основы ср-век. религиозности в XII-XIII вв., преим. в Италии» (Пг., 1915).

Годы мировой войны и революции — переходный период творчества К.; темы его иссл. непрерывно эволюционируют от истории к филос. и богосл. проблематике, затрагивая, в качестве промежуточного этапа, вопросы теории, методологии и философии истории. Философия К. зарождается, т.о., из его медиевистики, а также из размышлений о природе истории и историч. науки. Первая религ.-филос. работа К. «Saligia» (СПб., 1919) — небольшое соч. в жанре духовной беседы, где разбирается ср-век. классификация смертных грехов. Мн. др. темы ср-век. мистики и схоластики также воспринимаются его философией; значит. влияние на нее оказывают Бернар Клервоский, Гуго и Ришар де Сен-Викторские, Франциск Ассизский, Иоанн Скот Эриугена. В 1922 в Петербурге в свет выходит филос. кн. К. «Noctes Petropolitanae» («Петербургские ночи»), посв. метафизике любви, отражающая становление метафизики К. и драматич. события его личной жизни. Она написана в свободной неакадемич. манере, в традициях романтич. прозы, как лирико-филос. монологи автора, разделенные на девять «ночей» и обращаемые к Любви и возлюбленной. Наряду с лирич. и экзистенц. мотивами, с изрядным влиянием ср-век. мистики любви, здесь уже выдвигаются идеи самостоят. философии К. и намечаются контуры его будущей системы.

Формирование этой системы совпало с резкими переменами в биографии К. Он не был политич. противником власти большевиков, ибо как историк считал, что все противостоявшие им силы доказали неспособность справиться с хаосом и распадом в стране. Однако К. был решит. идейным, духовным противником большевизма. Не занимаясь политич. деятельностью, он всегда был непокорен и свободолюбив, не скрывал и своих христ. убеждений. В первые годы после революции он читает проповеди в петрогр. храмах, становится проф. Богословского ин-та. Независимая, нередко вызывающая позиция К. увеличивает его известность и авторитет в кругах небольшевистской общественности; в течение неск. месяцев в 1922 он является выборным ректором Петрогр. ун-та. Неудивительно, что в пробольшевист. печати его труды (в особенности, «Noctes Petropolitanae») подвергаются грубым нападкам (Юрлов А [Бобров С.] Кафедральная эротика // Красная новь. — 1922. — № 7; Ваганян В. Ученый мракобес // Под знаменем марксизма. — 1922. — № 3), и летом 1922 он оказывается в числе ученых и деятелей культуры, ставших объектами изв. операции по высылке за рубеж, к-рую провело ГПУ по инициативе Ленина.

16 авг. 1922 ГПУ арестовывает К. и 15 нояб. вместе с др. высылаемыми петербуржцами он покидает родину на нем. пароходе «Пруссия», оказываясь, т.о., не эмигрантом, но изгнанником. Отношение к акту эмиграции у К. всегда было отрицательным, он полагал должным и неизменно стремился быть в России, невзирая на существующий в ней режим. Первый период его изгнания проходит в Берлине. К. активно участвует в религ., академич., обществ. жизни. Все берлинские годы (1922-26) он является проф. Рус. научного ин-та, принимает участие в деятельности руководимой

Н.Бердяевым Религ.-Филос. академии, выступает с докладами и лекциями на ист., филос. и совр. темы, руководит религ.-филос. кружком молодежи. В этот же преиод у него окончательно складывается и его собств. философия. Работая чрезвычайно интенсивно, К. выпускает в свет, помимо ст. и брошюр, ряд важных кн., отчасти написанных еще в России: «Философия истории» (1923), «Джордано Бруно» (1923), «О началах» (1925). Все они опубл. берлин. изд-вом «Обелиск», руководитель к-рого А.С.Каган ранее в Петрограде был издателем «Noctes Petropolitanae».

Философия К. находится в русле метафизики всеединства, начало к-рому в России было положено Вл.С.Соловьевым. Это — гл. направление, развивавшееся философами Рус. религ.-филос. ренессанса, к к-рому вслед за метафизикой Соловьева принадлежат филос. системы П.Флоренского, *С.Булгакова*, Е.Трубецкого, *С.Франка*, *Н.Лосского*. Философия К. оказалась наиб. поздней, замыкающей в этом ряду. В разработке центр. принципа всеединства К., как и С.Франк, во мн. опирается на Николая Кузанского; однако, в отличие от Франка, он строит сложную иерархич. конструкцию всеединства как иерархии множества «моментов» разл. порядков. пронизанной горизонт. и вертикальными связями. Эта конструкция весьма эффективно используется им при анализе ист. и социального бытия. Принцип всеединства ставится у К. в неразрывную связь с др. онтологич. принципом — триединством. Подобно ряду учений в истории философии, от Плотина до Гегеля, К. создает свою онтологию как описание бытийной динамики. осн. на троичном принципе становления и развития. Всеединство же подчиняется этому динамич. принципу и в него интегрируется. По К., всеединство есть «остановка и покой» триединства, к-рое в своей полноте и совершенстве отождествляется с Богом как Пресвятой Троицей, а также с бытием личности. Несовершенным отражением триединства и личности служит всякая становящаяся цельность в здешнем бытии, субъект развития: индивид и его психика, нация, церковь, совокупное человечество. К. раскрывает три стадии триединства как «первоединство — саморазъединение — самовоссоединение», где центральная из стадий означает небытие, смерть. Учение о смерти (включающее богосл. концепцию смерти Бога), любви и жертве составляет один из гл. специфич. аспектов системы К. и получает окончат. форму в последних из опубл. им филос. трудов: «О личности» (Каунас, 1929) и «Поэме о смерти» (Каунас, 1931).

С 1925 начинается сближение К. с евразийским движением, к к-рому он ранее относился критически. Под влиянием П.П.Сувчинского, одного из руководителей движения (позднее — мужа средней из трех его дочерей), К. 20 июля 1926 переезжает из Берлина в Париж и, поселившись в Кламаре, вскоре становится теоретиком париж., левого крыла евразийцев, к-рое постепенно заняло пробольшевист. позиции. С нояб. 1928 по май 1929 К. поместил в газ. «Евразия» (Париж) 21 ст., защищая просов. концепции евразийцев. Мн. ст. вышли и в др. изд. евразийцев, а брошюра «Церковь, личность и гос-во» (Париж, 1927) рассматривалась как часть теоретич. платформы движения, с к-рым К. с 1929 прекращает сотрудничество. Однако изв. близость к евразийству в соц. философии и теории гос-ва сохраняется в его работах 30-х.

Получив в 1927 приглашение Каунасского ун-та, К. в след. году переезжает в Литву и становится во гл. каф. всеобщей истории. С тех пор он работает преим. в рамках литовск. культуры, читает на литовск. яз. многочисл. курсы и по-литовски же пишет большинство трудов. Изучив яз. в совершенстве, К. существенно содействует его развитию, выработке филос. терминологии и научного стиля. Его гл. работа 30-х — фундамент. курс «История европ. культуры», где с единых позиций представлена история социальная и духовная, динамика событий, филос. учения, религ. жизнь. Пять томов этого курса (в 6 кн.) вышли в свет в Каунасе в 1931-37; рукопись 6-го т. была изъята при аресте К. и ныне утрачена. Вокруг К. сложился кружок изв. философов, примыкающих к традиции рус. религ. мысли; еженед. собр. кружка, куда, кроме К., входили В.Э.Сеземан, В.Шилкарский и С.Шалкаускас, проходят в течение мн. лет в Каунасе и затем в Вильнюсе. Неизм. тяга К. к России при-

водит, вопреки давлению окружения и семьи, к отказу уехать на Запад. В 1940 он вместе с ун-том переезжает в Вильнюс, где и проводит годы войны, не вступая в сотрудничество с нем. властью, содействуя спасению евреев из вильнюс. гетто.

В послевоен. годы К. подвергается репрессиям. Он пробует возобновить контакты с рос. учеными, совершает поездки в Ленинград и Москву, однако найти работу в России ему не удается. В Вильнюсе К. увольняют из ун-та в 1946. В 1944-49 он — дир. Вильнюс. худож. музея, преподает в Худож. ин-те, где ему дозволяют читать лишь такие курсы, как история костюма. К. продолжает филос. работу. В эти годы им написаны и по-русски, и по-литовски соч., посв. философии времени и истории (их сохранившиеся рукописи до сих пор не опубл.). Как и в Петрограде после революции, поведение К. смело до безрассудства, он отказывается участвовать в выборах, публично делает антисталинские заявления. 9 июля 1949 его арестовывают. На следствии в Вильнюсе разбираются, в осн., его старые евразийские связи; 20 апр. 1950 К. объявляют приговор — 10 лет строгого режима, и в дек. этапируют в воркутинские лагеря.

Этот период жизни К. известен по недавно опубликов. запискам его лагерного ученика и последователя А.А.Ванеева. В инвалидном лагере Абезь, болея туберкулезом, он продолжает творч. работу, создав ок. 10 небольших религ.-филос. соч., в числе к-рых — произв. филос. поэзии: венок сонетов, сочиненный без бумаги в тюрьме, и крупный цикл терцин. Вокруг К. образуется кружок заключенных, обсуждаются темы иск-ва, философии. религии; К. приобретает славу духовного учителя. До последних дней его жизнь в лагере — непрерывная самоотдача. Медленно умирая, он не оставляет занятий с учениками, ведет духовные беседы со всеми ищущими. В лагерной судьбе К. в значит. мере воплотилась его философия, ключевая идея к-рой — принятие жертвенной кончины.

Стержневое нач. личности, религ. и жертвенное, сочеталось у К. с нач. художественным. Будучи с рождения связан с худож.-артистич. средой, он был одарен чувством стиля, эстетич. чутьем и вкусом. В иск-ве живописи он был специалистом и знатоком, преподавал в этой обл. Всю жизнь К. писал стихи (однако почти не публиковал) в своей философии и публицистике свободно применял разнообразн. жанры: диалог, проповедь, лирич. исповедь и др. Ему принадлежат две ст. о Достоевском («Федор Павлович Карамазов как идеолог любви» // Начала. — Пб., 1921. — № 1; переизд. в сб.: О Достоевском, 1881-1931. — М., 1990 и «Достоевский и католичество» // Ф.М.Достоевский: Ст. и материалы. — Пг., 1922).

Изд.: Религ.-филос. соч. — М., 1992. — Т. 1.
Соч. / Вступ. ст. Хоружего С.С. — М., 1993.
Философия истории. — СПб., 1993.
Малые соч. / Сост. Хоружий С.С. — СПб., 1994.

Лит.: Платонов Ан. Рец.: «Noctes Petropolitanae» // Воронежск. коммуна. — 1922. — 9 авг.; то же в кн.: Творчество А.Платонова. — СПб., 1995.
Степун Ф. Рец.: «Диалоги» // СЗ. — 1923. — № 15.
Бахтин Н.М. Рец.: «О началах» // Звено. — 1926. — № 155; переизд. в сб.: М.М.Бахтин и филос. культура XX в. — СПб., 1991. — Вып. 1. — Ч. 2.
Карташев А.В. Л.П.Карсавин // ВРСХД. — 1960. — № 58/59.
Л.П.Карсавин (1882-1952): К двадцатилетию со дня смерти // ВРСХД. — 1972. — № 104/105 (Библиогр., хронограф, лагерные произв.).
Хоружий С.С. Карсавин и де Местр // ВФ. — 1989. — № 3.
Ванеев А.А. Два года в Абези: В память о Л.П.Карсавине // Минувшее. — Париж, 1988; М., 1992. — № 6.
Клементьев А., Клементьева С. М.И.Цветаева и семья Карсавиных // ВРХД. — 1992. — № 165.
Кулешов В.И. Неожиданная встреча с Л.П.Карсавиным // ВФ. — 1993. — № 5.
Лосский Н.О. Рец.: «О личности» // ВРХД. — 1993. — № 166.
Л.П.Карсавин: Библ. произв. / Сост. Клементьев А.К.; Предисл. Струве Н.А. — Париж, 1994.
+Зеньковский; Лосский; РП-2; Рус. Берлин; РФН; РФР.

С.С.Хоружий

КНО́РРИНГ Ирина Николаевна (21.IV. (4.V).1906, с. Елшанка, Самарская губ. — 23. I.1943, Париж) — поэтесса. Происходила из дворянской семьи, ранние годы провела в небольшом родовом имении, затем в Харькове — месте службы отца, педагога-историка *Н.Н.Кнорринга*. Учеба в г-зии была прервана, когда она вместе с семьей покинула Харьков в 1920. С этого времени началась неустроенная беженская жизнь, кончилось систематич. образование: в течение неск. мес. К. побывала в г-зиях Туапсе, Симферополя, Севастополя, пока семья не очутилась в 1920 в Тунисе, в Бизерте, где и были сданы экзамены при Морском корпусе. В 1925 семья переехала в Париж, где К. прожила до самой смерти. В Париже К. продолжала учебу во Франко-рус. ин-те, вошла в круг рус. творч. поэтич. молодежи. В 1928 вышла замуж за поэта Ю.Бек-*Софиева*.

Писать стихи К. начала с восьми лет. Неизгладимое впечатление на девочку произвели годы «страшных лет» — гражд. войны, скитаний, бездомности семьи. По свидет-ву отца К., «стихи складывались в ее голове как-то целиком, она просто записывала их, сразу набело, обычно без всяких помарок» (Предисл. к сб. К. «После всего». — Париж, 1949). Сама К. писала в 1924: «Я не умею говорить слова, / Звучащие одними лишь словами, / Я говорю мгновенными стихами, / Когда во сне пылает голова...» Ее стихи — это своеобразн. дневник значит. событий жизни, к-рые с удивит. точностью воссоздают все то, что было «собственным». И закономерно, что осн. темами поэзии К. стали: Россия, беженские скитания, интимные, личные переживания. Творч. почерк К. отличается яркой эмоциональностью, ясностью образной системы и простотой языка. Стихи К. показывают трагичность истории рус. рассеяния, рассказывают об эмигрантах, к-рые думали о России, жили ею и в годы второй мировой войны сражались в рядах франц. Сопротивления. В 1924 в Сфаят-Бизерте К. с тоской пишет: «Забывать нас стали там, в России, / После стольких безрассудных лет. / Даже письма вовсе не такие. / Даже теплоты в них больше нет». В 1933 в Париже К. создала цикл их трех стих. «О России», в одном из к-рых с присущей ей искренностью говорит: «Россия! Печальное слово, / Потерянное навсегда / В скитаньях напрасно-суровых, / В пустых и ненужных годах. / Туда — никогда не поеду, / А жить без нее не могу. / И снова настойчивым бредом / Сверлит в разъяренном мозгу: / Зачем меня девочкой глупой / От страшной, родимой земли, / От голода, тюрем и трупов / В двадцатом году увезли!». В 1924 К. создает в Бизерте «Балладу о двадцатом годе» (опубл. в сб. «Стихи о себе». — Париж, 1931), яркую картину того, что пришлось испытать мн. из тех, кто оказался вне России: беженские обозы, уход кораблей, переполненных рус. эмигрантами, бессмысленность и гибельность совершавшегося. Лирич. стихи К. щемяще-грустные, горькие, стремительные, в них звучат ноты тоски, страданий: в 1927 поэтесса заболела тяжелой формой диабета, долго и упорно боролась с недугом, часто лежала в госпитале, но силы слабели, слова «усталость» и «больше не могу», как и тема смерти, все чаще и чаще возникают в ее стихах.

В годы второй мировой войны в творчестве К. появляется новая тема, прорываясь лишь в неск. стих. — тема борьбы с врагом, тема Сопротивления, борющегося за свободу Парижа. Тяжело больная поэтесса так пишет об этом в янв. 1941: «Войной навек проведена черта, / Что было прежде — то не повторится. / Как изменились будничные лица! / И все — не то. И жизнь — совсем не та». В нек-рых ее строках звучат интонации Блока, *К.Бальмонта*, апокалиптич. мотивы символистов. Стих. К. высоко ценили *В.Ходасевич*, *Н.Оцуп*, *Г.Струве*. Ахматова писала: «По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть. не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи» (Ахматова А.А. Соч. — М., 1987. — Т. 2. — С. 217). Стихи К. печатались во многих эмигр. периодич. изд. Как свидетельствует *В.С.Яновский*, «эмигрантская периодическая печать в целом относилась к стихам с сугубой нежностью. От рижского «Сегодня» до «Нового русского слова» в Нью-Йорке, повсюду тщательно набирали стихи Кнорринг, *Червинской*, *Штейгера*» (Яновский В.С. Поля

Елисейские. — СПб, 1993. — С. 165). В 1931 в Париже вышел первый небольшой сб. стих. К. «Стихи о себе», в 1939 в Париже публикуется второй сб. «Окна на север. Вторая книга стихов», в 1949 отец К. издал в Париже третий сб. «После всего. Третья книга стихов (посмертная)». На родине К. первые публ. стих. появились в 1962 в журн. «Простор» (Алма-Ата. — № 6), а затем в 1965 в алма-атинском альм. «День поэзии». В 1967 в Алма-Ате издан сб. К. «Новые стихи», куда вошли в осн. стихи о России.

Похоронена К. на Рус. кладб. в Сент-Женевьев-де-Буа (Париж) в символич. могиле погибшего на Колыме М.О.Бек-Софиева, родственника мужа К.

Изд.: После всего. Стихи 1920-1942 гг. — Алма-Ата, 1993.

Стихи // Новая юность. — 1996. — № 16.

Лит.: Оцуп Н. Рец.: «Стихи о себе» // Числа. — 1931. — № 5.

Ходасевич В. Рец.: «Стихи о себе» // В. — 1931. — 25 июня.

Струве Г. Рец.: «Стихи о себе» // Россия и славянство. — 1932. — 5 марта.

Цетлин М. Рец.: «Стихи о себе» // СЗ. — 1932. — № 49.

+Казак; Струве.

Г.В.Карпюк

КНО́РРИНГ Николай Николаевич (1880, с. Елшанка, Самарская губ. — 22.IX.1967, Алма-Ата) — историк, критик. Отец поэтессы *Ирины Кнорринг*. Окончил симбирскую г-зию и ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. Служил в Харькове дир. г-зии, пред. Пед. отдела ист.-филол. об-ва при Харьковском ун-те. В 1915-16 ред. научно-пед. журн. «Наука и школа». С 1920 в эмиграции: сначала — Бизерта (Тунис), а с 1925 — Париж. Работал в Народном ун-те в Париже, в отд. библ. и муз. критики газ. «ПН». Печатался в журн. «Звено», «Былое» и др. Автор ст. «Толстой о цыганской музыке» (Звено. — 1926. — № 165), «В.Г.Короленко — редактор» (Звено. — 1926. — № 200), «Розанов и «Новое время» (Звено. — 1927. — № 6), «Эмиграция и книга» (Встречи. — 1932. — № 4) и др. В 1935 в Париже вышла его кн. «Сфаят. Очерк из жизни Морского корпуса в Африке», в 1939-40 — «Генерал М.Д.Скобелев. Ист. этюд», ч. 1 и 2 (М., 1992 в сб.: «Белый генерал»). В 1955 К. вернулся в Россию, жил в Алма-Ате. При его активном содействии был издан сб. стихов Ирины Кнорринг. В журн. «Простор» (1993. — № 12) опубл. его «Книга о моей дочери».

Изд.: К истории реакционных настроений нач. XIX в. По неизд. письмам Карамзина // На чужой стороне. — 1925. — № 13.

В.О.Ключевский в его первые моск. годы // Голос минувшего на чужой стороне. — 1926. — № 2.

П.И.Чайковский о стихотв. иск-ве // ПН. — 1928. — 16 нояб.

Лит.: Осоргин М. Рец.: «Сфаят» //СЗ. — 1936. — № 61.

Нечаев Вяч. Незаслуженно забытые // Культура. — 1993. — 21 авг.

В.П.Нечаев

КНУТ Довид (наст. имя и фам. Давид Миронович Фиксман) (1900, Оргеев, Бессарабия — 14.II.1955, Тель-Авив) — поэт, прозаик. Род. в семье небогатого торговца, с детства работал у отца в бакалейной лавке. В 1914-18 сотрудничал в периодич. печати Кишинева, в 1918 ред. кишиневск. журн. «Молодая мысль». В 1920 К. покинул Бессарабию и уехал с младшими сестрами и братьями во Францию. Изучал химию в Кане, жил в Париже. В эмиграции, зарабатывая на жизнь, К., по его собственным словам, «переменил уйму самых разнообразных профессий» (*Шаховская*. — С. 166): служил на сахарном заводе, позднее вместе с родными держал дешевый ресторан в Лат. квартале в Париже. В 1927 с ним случилось, как он говорил, «счастливое происшествие» (*Терапиано*. — С. 224): К. попал под колеса автомобиля, результатом чего была тяжелая черепная травма, месяц в больнице — и большая денежная компенсация, давшая ему возможность открыть ателье для модной тогда ручной раскраски материй. Позднее был рассыльным велосипедистом в нем. фирме.

Вскоре после приезда во Францию К. начал принимать деят. участие в лит. жизни рус. Парижа. Его псевд. стала фамилия матери. В нач. 20-х вместе с *А.Гингером*, *Б.Божневым*, *Б.Поплавским* и др. молодыми поэтами он становится чл. поэтич. групп «Гатарапак» и «Через», одним из основателей «Палаты Поэтов» — лит. объединения, созданного в 1922 в Париже. В 1925 К. вступил в «Союз молодых поэтов и писателей», объединивший в себе лит. силы младшего поколения «первой волны» рус. эмиграции. Вместе с *Н.Берберовой*, Ю.Терапиано и В.Фохтом он основал журн. «Новый дом», просуществовавший с 1926 по 1927 (вышло три номера).

К. был активным участником лит. дискуссий, отстаивая творч. возможности младшего поколения поэтов, лит-ры рус. зарубежья в целом. Позиция его в лит. спорах часто бывала весьма радикальной. Широкую известность получили (став предметом горячих откликов в эмигр. критике) сказанные им на заседании «Зеленой лампы» (1927) слова о том, что «близко время, когда всем будет ясно, что столица русской литературы не Москва, а Париж» (Терапиано — С. 71).

Уже первый сб. стихов К. «Моих тысячелетий» (Париж, 1925), назв. по кон. последней строки первого стих. «Блаженный груз моих тысячелетий», обратил на себя внимание «не только свежестью и талантливостью, но и неповторимой личной интонацией и своеобразием сюжета» (Терапиано. — С. 223). В кн. прозвучал, как писал *Г.Федотов*, «голос тысячелетий, голос библейского Израиля» (*Струве*. — С. 343). Осознавая себя наследником древней истории евр. народа, поэт выразил это ощущение самим тоном своей поэзии, обращением к библ. теме, к библ. высокой риторике и простоте эротики. «Груз тысячелетий» как бы «осел» на поэтич. строках первого сб. К., определяя его «ветхозаветные» ритмы, интонацию, синтаксис стиха. Осознание трагич. загадки человеч. бытия естественно соединялось у молодого поэта с религ. чувством, воплощаясь — и здесь, и в послед. сб. — поэтич. обращениях к Творцу, в стремлении найти у него ответы на важнейшие вопросы жизни: «А мой Нерадивый Фонарщик, / Зачем Ты меня возжег? / Поставил распахнутым настежь / На ветру четырех дорог?..» Отсюда — и убежденность в жертв. миссии поэта на земле, вера в то, что он пришел в мир, чтобы гореть, «как Божья свеча».

Первый сб. стихов К. был замечен поэтами и критиками. Критик Е.А.Зноско-Боровский в обзоре творчества париж. поэтов (Воля России. — 1926. — № 1) особо выделил среди публ. молодых поэтов рус. Парижа первую кн. стихов К., «исполненную счастливых частностей и заключающую ряд чудесных вещей», и предрек автору счастливую поэтич. судьбу. «Союз молодых поэтов» устроил в мае 1925 торжеств. вечер по случаю выхода в свет сб. «Моих тысячелетий», участвовавший в нем *В.Ходасевич* с похвалой отозвался о стихах К. и пригласил его вместе с нек-рыми др. участниками «Союза» бывать у себя. В 1926 возникла ориентирующаяся на творч. позиции Ходасевича поэтич. группа «Перекресток», куда вошли К., Ю.Терапиано, *В.Смоленский*, *Г.Раевский*, *Ю.Мандельштам* и др. поэты, исповедовавшие неоклассицизм, стремившиеся к отточенности поэтич. формы. К этому времени К. становится одним из признанных поэтов младшего поколения, его стих. печатаются в «СЗ», «Воле России», «ПН», «Звене», «Числах».

В 1928 в Париже (где изданы все поэтич. сб-ки К.) вышла «Вторая книга стихов», где К., развивая прежние мотивы своей поэзии, стремится передать радость бытия, любовь и волю к жизни. Жизнь ему «любовница и мать», он не верит в смерть: «Я не умру. И разве может быть, / Чтоб — без меня — в ликующем пространстве / Земля чертила огненную нить / Бессмысленного, радостного странствия». Как и в первой кн., чувство радости жизни неотделимо здесь от пафоса религ. приятия мира: «Благодарю Тебя за все: за хлеб, / За пыль и жар моей дороги скудной... / За то, что тело бедное и грубое / Ты посолил веселою душой» (стих. «Благодарность»). Порою в стих. «Второй книги» непосредственность лирич. переживания подменяется риторикой, порою автору изменяет языковое чутье. Эту неровность сб. отмечали критики, по-разному оценившие его: *М.Цетлин* высоко отозвался о таланте К., увидев в нем «одно из наиболее подлинных дарований среди поэтов, начавших печататься в последние годы» (СЗ. — 1928. — № 35. — С. 537); *М.Слоним* в своем весьма суровом отзыве о новой кн. поэта заметил в ней

прежде всего «отсутствие вкуса, неразборчивость, ...некультурность стиха» (Воля России. — 1928. — № 7. — С. 73).

В дальнейшем были опубл. поэтич. кн. К.: «Парижские ночи» (1932) и «Насущная любовь» (1938). В 1949 вышел сб. «Избр. стихи», включающий 87 стих. разных периодов. В сб. 30-х нашли отражение и дальнейшее развитие традиц. мотивы поэзии К. (разгадка тайны бытия, радость земной жизни, единство с Богом и с людьми, нац. истоки). Лучшим из этих сб. Ю.Терапиано считал «Париж. ночи», приводя в своей рец. сказанные об этой кн. слова *Г.Адамовича*: «Один из самых чистых, честных и глубоких сборников, появившихся за время эмиграции» (СЗ. — 1933. — № 51. — С. 456). Библ. тема здесь уходит, поэзия К. становится более земной, поэт обретает в этой кн. сосредоточенность и зрелость чувства, приходит к более острому осознанию трагизма бытия: «Отойди от меня, человек. Не пытайся помочь. / Надо мною густеет бесплодная тяжкая ночь». Один из истоков каждодневной, обыденной, «прошедшей незаметно для газет» человеч. катастрофы поэт видит теперь в преодолении разобщенности между людьми, в попытках расколоть стену людской отчужденности, найти живой отклик в др. душе: «Я эти торопливые слова / Бросаю в мир — бутылкою — в стихии / Бездонного людского равнодушья, / Бросаю, как бутылку в океан, / Безмолвный крик, закупоренный крепко, / О гибели моей, моей и вашей» (с. 42). Особую известность получило стих. «Я помню тусклый кишиневский вечер...», где поэт, описывая картину евр. похорон, с необычайной силой использовал выразит. возможности белого стиха. Это было «одно из лучших стихотворений, написанных эмигрантскими молодыми поэтами» (Терапиано. — С. 225).

В последнем, предвоен. сб. К. «Насущная любовь» с новой силой дала знать о себе тема любви и сострадания, призыв к милосердию перед лицом человеч. трагедии, в ощущении «надвигающихся страшных событий» (Струве. — С. 344). Эта близкая молодым поэтам зарубежья потребность в любви как в хлебе насущном (отсюда и название сб.) особенно явно выражена в одном из лучших стих. сб. «Нищета»: «Мы разучились плакать и кричать, / Мы полюбили гибнущих и падших». Порою в стих. сб. обнаруживается присущий К. «грех» риторики, но в большинстве стих. очевидно внимание к поэтич. форме, ощущение себя в традиции (в стих. «Страна», напр., оживают ритмы, интонации «Последней любви» Тютчева).

Во время войны К. и его вторая жена Ариадна Александровна, дочь композитора Скрябина, приняли деят. участие в движении Сопротивления. В 1944 Ариадна Александровна была арестована и расстреляна гестаповцами на месте; в Тулузе, где она была убита, ей поставлен памятник. К. удалось бежать в Швейцарию. В 1949 он переехал в Израиль, где писал стихи на рус. яз., к-рый, по словам Ю.Терапиано, оставался для него «языком его поэзии» (Терапиано. — С. 226). Стихи его стали переводиться на иврит. Цикл стихов «Прародина» включен в кн. «Избр. стихи» и посв. первой поездке К. в Палестину в 1937 (об этом же К. писал и в прозаич. «Альбоме путешественника» // РЗ. — 1938. — № 5 и 7). В периодич. печати Израиля (в пер. на иврит) К. опубл. ст. о лит. жизни рус. Парижа в 20-30-е.

Все, знавшие К., вспоминают о нем с теплотой как о живом и умном собеседнике, человеке чистом и добром, далеком от лит. интриг и непримиримом к пошлости и жестокости. В лучших стих. К. живут «ответственность и серьезность, мужественная сила и особая... сердечная теплота, соединенные с большим поэтич. дарованием» (Ю.Терапиано. Рец.: «Парижские ночи» // СЗ. — 1933. — № 51. — С. 457).

Изд.: Сатир: Стихи. — Париж, 1929.

Лит.: Сосинский Б.Б. Рец.: «Моих тысячелетий» // Своими путями. — 1926. — № 12/13. Подпись: Б.С.
Терапиано Ю. Рец.: «Вторая кн. стихов» // Нов. корабль. — 1928. — № 3.
Цетлин М. Рец.: «Вторая кн. стихов» // СЗ. — 1928. — № 35.
Бицилли П. Рец.: «Парижские ночи» // Числа. — 1932. — № 6.
Ходасевич В. Рец.: «Парижские ночи» // В. — 1932. — 31 марта.
Бицилли П. Рец.: «Насущная любовь» // СЗ. — 1938. — № 67.
Берберова Н. Рец.: «Насущная любовь» // РЗ. — 1938. — № 11.
Терапиано Ю. Рец.: «Насущная любовь» // Круг. — 1938. — Кн. 3.

Терапиано Ю. Рец.: Памяти Довида Кнута // Опыты. — 1955. — № 5.
Шапиро Г. Десять писем Д.Кнута // Cahiers du monde russe et soviétique. — 1986. — Vol. 27. — № 2.
Цигельман Я. «Здравствуйте, Довид Кнут!» // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Т. 1.
Хазан В. Довид Кнут в Палестине и Израиле // Там же. — 1995. — Т. 4.
Hinrich J.P. Verbannen Muse. — Leiden, 1990.
+Бахрах; Берберова; Казак; Рус. Берлин; Струве; Терапиано; Шаховская.

А.И.Чагин

КОБЯ́КОВ Дмитрий Юрьевич (8(21).VII.1902, Москва — 1977, Барнаул) — поэт. Отец — театр. деятель и сотр. газ. «Рус. слово». Мать — актриса. Учился в 6-й г-зии в Тифлисе. В 1917 записался в санитарный отряд Зем. союза и был отправлен на Кавказский фронт. В качестве делегата от санитаров участвовал в Первом к-те солдатских депутатов. Вместе с 261-м Ахульгинским полком вернулся в Тифлис. Принимал участие в солдатском журн. «Игла». Записался в Союз поэтов, возглавляемый С.М.Городецким. В 1918 попытался пробраться в Москву, но задержался в Киеве, где познакомился с журналистом Львом Войтоловским. Переехал в Одессу, где выступал с лекциями в Первом нар. киноун-те. Затем последовали Екатеринослав — Крым — Югославия. Учился на мед. ф-те в Любляне. В 1922 переехал в Белград, где редактировал лит.-худож. журн. «Медуза» (1923). За публ. поэмы А.Блока «Двенадцать» на сербском яз. журн. был закрыт правительством. Через Марибор ушел в Вену, а оттуда — в Прагу, где учился на Рус. юрид. ф-те. С 1924 — в Париже. Окончив веч. курсы Нар. ун-та, получил специальность электрика, работал на ж.-д. в фотомастерской. Издавал и редактировал в Париже сатирич. журн. «Ухват» (1926. — № 1-6). Руководил издвом «Птицелов». Участник первых трех «Сб-ков стихов» (Париж, 1923-34). Чл. Союза рус. писателей и журналистов во Франции. Выпустил кн.: «Осколки: Вторая кн. стихов» (1921), «Керамика: Тринадцать вещей 24-го года» (Париж, 1925), «Горечь: Третья кн. стихов» (Париж, 1927), «Вешняк: Ритмич. цикл» (Париж, 1926), «Чаша: Стихи» (Париж, 1936). В «Руле» 11 мая 1927 появился отзыв *В.Набокова* о стихах Кобякова: «Несмотря, однако, на эту тягу к искалеченной рифме и к модной неуклюжести стиха, ничуть не лучшей, по своему существу, текучести-певучести бесчисленных маленьких Апухтиных прежних лет, — несмотря на манерную томность выражений и на пастернаковское влияние, Кобякову не удается вконец вытравить поэзию из своих стихов». (Набоков В. Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе. Интервью. Рецензии. — М., 1989. — С. 346-347). В 1939 К. записался добровольцем в армию, но из-за глухоты его освободили от службы. Уехал на работу в Германию, жил во Франкфурте-на-Майне. В 1941 вернулся в Париж, где до кон. войны работал в цинкографии. После 1945 вступил во Франц. компартию и записался в Союз сов. патриотов. Печатался в газ. «Сов. патриот», редактировал париж. сатирич. журн. «Честный слон» (1945) и лит. журн. «Новая земля» (1946). Работал в отд. репродукций Франц. ист. архива. Получив в 1948 сов. паспорт, только в 1957 вместе с семьей переехал в ГДР, а оттуда — в Барнаул. Автор кн. «Бессмертный дар: Пов. о словах» (3-е изд.: Барнаул, 1973).

Лит.: Зноско-Боровский Е. Рец.: «Керамика» // Воля России. — 1926. — № 1.

В.П.Нечаев

КОВАЛЁВСКИЙ Петр Евграфович (16(29).XII.1901, Петербург — 4.V.1978, Париж) — библиограф, историк лит-ры и культуры. Род. в семье деятеля нар. просвещения Е.П.Ковалевского. В 1920 из Крыма эмигрировал в Константинополь, затем во Францию. В окт. 1920 поступил на ист.-филол. ф-т Париж. ун-та, окончил его в июле 1922 и был оставлен на каф. рус. яз. и словесности. В 1921 митроп. Евлогий приблизил его к себе для устройства штата архиерейских служб. 30 янв. 1926 защитил докт. дис. по своей кн. «Н.С.Лесков — непризнанный бытописатель рус.

жизни» (Париж, 1925). Рецензируя этот труд, критик П.Сергеич писал: «Сочинение П.Ковалевского предлагает читателям не отвлеченные рассуждения кабинетного труженика, какими легко могли оказаться и часто бывают биографические исследования. Отдаленный от Родины, молодой писатель видимо живо связан с ней своим существом. Из-за начинающего ученого проглядывает уже будущий общественный деятель. Нельзя не приветствовать заслуженный успех его первой работы» (СЗ. — 1926. — № 29. — С. 482). Преподавал рус. язык и лит-ру в лицеях, в Богословском ин-те, в Рус. науч. ин-те в Париже. В 1933 К. издал кн. «Les destinées de la littérature russe» (Paris), с 1939 по 1949 выпустил пять изд. кн. «Историч. путь России» (Париж). Его труды — это прежде всего собрание ист. и библиогр. фактов. Публиковался в эмигр. газ. и журн.

К. был видной фигурой в кругах рус. эмиграции. «С ранней молодости П.Е., с необыкновенным мужеством преодолевая физические немощи — у него был туберкулез позвоночника, — неустанно занимался церковной, научной и общественной работой. Кажется, не найдешь ни одного доброго начинания русской эмиграции с начала 20-х годов, в котором бы покойный не принимал участия» (*Шаховская З.* Некролог // РМ. — 1978. — 14 мая).

Однако гл. делом К. стала подг. всеобъемлющей работы, посв. достижениям рус. эмиграции в науке и культуре; «Исторический путь России», а также «Курс русской истории» (Париж, 1948). В 1951 он издал в Париже брошюру «La dispersion russe à travers le monde et son rôle culturel».

В 1945 Д.П.Рябушинским создано Об-во охранения рус. культурных ценностей. В 1960 организована комиссия по сбору матлов для «Золотой книги» рус. зарубежья, пред. к-рой был Д.П.Рябушинский, ген. секр. — К. В 1962 основан К-т по изд. этой книги, во гл. к-рого, после смерти Рябушинского и обострившейся болезни К., встал кн. *Н.Трубецкой*. Все это служило делу собирания разл. мат-лов по истории рус. эмиграции. К. был душой этой работы. В 1960 он в Мюнхене издал кн. «Наши достижения: Роль русской эмиграции в мировой науке». С 1968, неск. оправившись от мучит. болезни, К. сменил на посту руководителя Об-ва охранения рус. культурных ценностей С.М.Лифаря.

В предисл. к своего рода малой энциклопедии эмигр. жизни, кн. «Зарубежная Россия: История и культурно-просветит. работа рус. зарубежья за полвека (1920-1970)» (Париж, 1971). К. писал, говоря о цели своего труда: «Сохранить для будущих поколений «Историю зарубежной России и ее культурной и просветительной самодеятельности»... Дать будущим историкам данные о всем, что написано и напечатано о русском зарубежье и о местах, где хранятся материалы о жизни и творчестве русских вне России» (с. 7). Кн. «Заруб. Россия» вызвала большой резонанс. В предисл. ко второму доп. ее изд. (1973) К. отмечал: «Книга «Зарубежная Россия», вышедшая в сентябре 1971, нашла широкий и благоприятный отклик по всему русскому рассеянию, но были и подчас критические заметки, написанные в осудительном и резком тоне. Самое ценное для автора было то, что многие деятели зарубежья, из которых почти половина умерло за этот год, успели прислать дополнения и исправления... Критики забывали, что для полного перечня понадобилось бы не 300 страниц, а во много раз больше, что автор в течение многих лет собирал данные и что большинство заинтересованных лиц никак не откликнулись и не прислали о себе сведений, что автор работал один» («Заруб. Россия». Доп. выпуск. — Париж, 1973. — С. 7).

Изд.: Правосл. святыни во Франции: 14 очерков // Церк. вест. — Париж, 1927-1929.

Критика ист. и лит. явлений. — Париж, 1936.

Род Ковалевских. — Париж, 1951.

Русские ученые за рубежом... за 35 лет. — Париж, 1955.

Культурные достижения и отечественная жизнь в эпоху Иоанна Грозного. — Париж, 1969.

Histoire de la Russie et de l'USSR. — Paris, 1970.

Лит.: Некролог // РМ. — 1978. — 19 окт.

Пашуто В.Т. Рус. историки-эмигранты в Европе. — М., 1992.

З.С.Бочарова,
В.В.Леонидов

КО́ЛОСОВА Марианна Ивановна (в замужестве — Покровская, наст. имя — Римма, псевд. — «Марианна»; 13(26).V.1903, Алтай — 6.X.1964, Сантьяго, Чили) — поэтесса. О ранних годах ее жизни достоверных данных нет; во время гражд. войны она пережила короткий и бурный роман с В.В.Куйбышевым, к к-рому в поздние годы бывали обращены ее стихи и к-рого она называла «Мой маленький проклятый военком» (Рубеж. — 1929. — № 35). Дата переезда в Харбин (по-видимому, из Приморья) не установлена. Первое достоверное свидет-во включения К. в культурную жизнь рус. зарубежья — ее сб. «Армия песен» (Харбин, 1928). В нем, как и во всех последующих, К. предстает как поэт одной-единств. темы: ненависти к поработителям России, притом не только к большевикам, но и к японцам («Добей меня!» // Рубеж. — 1932. — № 47). Последующие сб-ки «Господи, спаси Россию!» (Харбин, 1932), «Не покорюсь!» (Харбин, 1932), «На звон мечей» (Харбин, 1934), «Медный гул» (Шанхай, 1937) ничего не меняют в тематике стихов, это — сотни произв., направл. против большевиков за торжество грядущей, нац. России. Ее панегирич. стихи «Рус. фашисту» обращены к мужу, А.Н.Покровскому, связавшему свою судьбу с «фаш. партией» К.Родзаевского. За пределами авторских сб-ков К. остались сотни стих., часто подписанных псевд. «Елена Инсарова» и впрямую с гражданств. темой не связанных; обнаруживаемые в периодике стихи К., как правило, отсутствуют в ее сб. — единожды опубликованное она не считала нужным переиздавать.

Творчество К. высоко ценили гл. поэты рус. Харбина — *А.Несмелов*, *А.Ачаир*, *В.Перелешин*, «возвращенец» Н.Щеголев, однако за пределами Китая ее имя было неизвестно, ни в одну антологию поэзии рус. зарубежья стих. ее не включались. Печатали К. в Харбине в 1928-35, а после переезда в 1935 в Шанхай — в шанхайском журн. «Парус»; однако эмигр. гонорары прокормить супругов не могли; осн. источником существования для Покровских стала б-ка в неск. тыс. тт., кн. из к-рой за небольшую плату разносила К. по домам рус. эмигрантов; это кормило Покровских даже тогда, когда в 50-е они оказались в столице Чили: рус. колония не превышала 300 человек, но б-ка Покровских как источник рус. книг была там единственной. Современники К., неизменно отмечая ее большое дарование, часто корили ее за «полит. ошибки», за попытку противопоставить большевизму — антибольшевизм, не меняя методов борьбы. Поэтич. кредо К. — «сестра моя — ненависть» — раздражало лит. критиков, притом не одних лишь эстетов, но К. губил чрезмерный темперамент, по накалу сопоставимый разве что с цветаевским «Лебединым станом», хотя масштаб ее дарования был более скромен. С той же страстностью, с какой четверть века отрицала она все советское, в кон. второй мировой войны, при виде побед Красной Армии, К. впала в «советизанство» и приняла сов. подданство. Однако после ждановского погрома 1946, после оскорбления боготворимой Анны Ахматовой, К. «с треском» (как пишет В.Перелешин в кн. «Два полустанка» (Амстердам, 1987) — С. 114) через газ. отказалась от сов. паспорта, потеряв при этом возможность печататься в рус. изданиях Шанхая, откровенно просоветских.

Творчество К. после 1946 неизвестно, хотя свидетели подтверждают, что писала она до последних дней жизни. В Сантьяго сохранилась значит. часть б-ки Покровских, однако местонахождение ее архива не выяснено. Есть основания предполагать, что А.Н.Покровский, переживший жену на 15 лет и поставивший памятник на ее могиле, передал архив в ун-тскую б-ку.

Изд.: Сестра моя — ненависть: Стихи // Рубеж. — 1995. — № 2.

Лит.: Муравьев В. Рец.: «Господи, спаси Россию!» // Рубеж. — 1933. — № 40.
Резникова Н. Рец.: «На звон мечей» // Рубеж. — 1934. — № 35.
Ачаир А. «Марианна» // Чураевка. — Харбин, 1935. — № 6.
Скопиченко О. О героике прошлых дней: Памяти поэтессы Марианны Колосовой // Рус. жизнь. — Сан-Франциско, 1989. — 12 апр.
Медведенко А. «Такая судьба...» // Сов. культура. — 1990. — 18 авг.

Е.В.Витковский

КОНДРА́ТЬЕВ Александр Алексеевич (11(23).V.1876, Петербург — 26.V.1967, г.Наяк, штат Нью-Йорк) — поэт, прозаик, переводчик. Первая поэтич. публ. К. датируется 1899, в 1902 он окончил юрид. ф-т

Петерб. ун-та. Дорев. публ. К. весьма многочисленны: поэтич. сб. «Стихотворения» (СПб., 1905); «Стихи: Кн. 2-я. Черная Венера» (СПб., 1909); мифологические ром. «Сатиресса» (М., 1907) и сб-ки рассказов «Белый козел» (СПб., 1908), «Улыбка Ашеры» (СПб., 1911). Осенью 1918 К. поселился в Дорогобуже Волынской губ.; терр. в 1920 отошла к Польше, и поэт оказался в эмиграции. «Я за границу никогда не выезжал и не виноват, что само отечество от меня эмигрировало», — писал он в 1919 (ЛН. — Т. 92. — Кн. 1. — С. 552). Он печатался в газ. «Волынское слово» (Ровно), «Молва» (Варшава), в альм. «Священная лира» (Варшава, 1937) и др. Историю того, как стихи К. были предложены в первую заруб. антологию поэзии рус. эмиграции «Якорь», см. в переписке ее сост. *Г.Адамовича* и М.Л.Кантора (НЖ. — 1972. — № 107). На письме Адамовича против абзаца о Кондратьеве М.Л.Кантор красным карандашом написал: «ВОН!». В 1930 в Берлине в изд-ве «Медный всадник» вышел «демонологический роман» К. «На берегах Ярыни». В 1936 в Ровно увидела свет гл. поэтич. работа К.: сб. «Славянские боги», объединивший 69 сонетов (70-й не вместился, но был обнаружен В.Крейдом в бумагах писателя и впервые опубл. в антологии «Ковчег». — М., 1991). Это попытка реконструкции дохрист. славянской мифологии, притом часто образы трактуются вразрез с установившейся традицией (напр. «Вий», по К., — отнюдь не гоголевское чудовище, а дух одного из степных ветров). Б.ч. сонетов датируется в рукоп. 1920-ми.

Внимание к личности К. было ненадолго, но громко привлечено по вине *Г.Иванова*: в № 2 журн. «Числа» (1930) он опубл. грубую ст. «К юбилею *В.Ф.Ходасевича*: Привет читателя», подписав ее наугад «А.Кондратьев». К., только что выпустивший «На берегах Ярыни», прислал в ред. письмо, после чего ред. «Чисел» пришлось вести с ним длит. переписку с извинениями. Миф «около Кондратьева» — это якобы выпущенная им в Варшаве в 1937 в изд-ве «Священная лира» кн. «Вертоград небесный»: в действительности такая кн. никогда в свет не выходила.

В конце 1939 после вступления в Польшу фашистских и сов. войск уже немолодой К. пешком ушел в Ровно, а потом на Запад. Последовали годы скитаний по Европе — Австрии, Германии, Югославии; конец войны застал его в лагере для военнопленных в Триесте. В 1957, живя в Швейцарии, получил разрешение на въезд в США; последние годы жизни он провел на «Толстовской ферме», полностью отойдя от лит-ры.

Неск. поздних стих. К. опубл. *Г.Струве* в Париже в газ. «РМ» (29 мая 1969). В.Крейд разыскал в США небольшой архив, оставшийся от К., реконструировал по нему третью кн. стих. (оригин. и переводных), к-рую поэт готовил к печати. Этот посм. сб. стих. «Закат» вышел в 1990 в США (Орэндж); в него вошли преим. стих., написанные в первое двадцатилетие XX в.; значит. часть поздних стих. опубл. В.Крейдом в эмигр. и рос. периодике, как и неизв. пов. К. «Сны» (НЖ. — 1990. — № 179; отд. изд.: СПб., 1993), к-рую он пытался довести до окончат. ред. в 1953-54, а также опубл. в «НЖ» (№ 181/182) письма К. к Амфитеатровым и др. мат-лы.

Лит.: Татаринов В. Рец.: «На берегах Ярыни» // Руль. — 1930. — 12 февр.
Пильский П. Рец.: «Славянские боги» // Сегодня. — 1936. — 5 нояб.
Струве Г.П. Александр Кондратьев по неизд. письмам // Istituto universitario orientale. Annali Sezione slava. — Napoli, 1969. — Vol. 12.
Топоров В. Неомифологизм в рус. лит-ре XX в.: Ром. А.А.Кондратьева «На берегах Ярыни». — Trento, 1990.

Е.В.Витковский

КО́РВИН-ПИОТРО́ВСКИЙ Владимир Львович (1891, Белая Церковь — 2.IV.1966, Лос-Анджелес) — поэт, драматург. Из дворян. В шутливой форме любил подчеркнуть древность своей фамилии. Во время войны 1914 — артиллерийский офицер, в гражд. войну сражался на стороне белых. Об этом периоде своей жизни оставил свидет-во, что «чрезвычайно неумело был расстрелян красными партизанами» (Содружество. — Вашингтон, 1966. — С.527). С 1920 — в эмиграции. В Берлине работал таксистом, публиковался под фамилией П. во мн. рус. газ. и журн. Руководил отделом поэзии в журн. «Сполохи» (ноябрь 1921 — июль

1923), там же печатал и собств. стихи. Вместе с *Г.Струве*, В.Сириным (*Набоковым), И.Лукашем, С.Горным* и др. входил в лит. кружок при журн. «Веретено». Кроме сб. драматич. поэм «Беатриче» (Берлин, 1929), берлин. поэтич. сб. К.-П. впоследствии не вызывали у него «ничего кроме досады» (Содружество. — С. 527). О кн. «Беатриче» лестно отзывался В.Набоков. Однако несовершенное начало — кн. «Полынь и звезды» (Берлин, 1923) — было замечено видным критиком эмиграции *К.Мочульским*. Он почувствовал не только то, что яз. поэта «тяжеловат и старомоден», но уловил в стихах К.-П. и нечто более существенное: «Скорбь о родине, ширясь, заливает всю землю: вся она в предельном отчаянии жаждет чуда... Все вопросы ставятся прямо, резко, настойчиво... немного по-детски, но в этическом пафосе поэта ни одной фальшивой ноты» (Звено. — 1923. — 2 апр.). Г.Струве отмечал влияние Есенина и имажинизма на ранние стихи К.-П. Впоследствии К.-П. переработал нек-рые ранние стих.

В 1939 К.-П. перебрался из Берлина в Париж. Как активный участник Движения сопротивления попадает в гестаповскую тюрьму в Монлюке возле Лиона, где проводит 10 мес. и чудом остается жив: по собств. свидет-ву поэта: «Во время нем. оккупации Парижа удостоился смертного приговора и симпатии своих товарищей по тюрьме» (Содружество. — С. 527). После войны зарабатывал на жизнь раскрашиванием шелковых платков. Входил вместе с *А.Гингером* и *А.Присмановой* в группу «Формисты», противостоящую «парижской ноте» *Г.Адамовича*. Тем не менее нек-рое влияние последней заметно в первом послевоен. сб. стихов К.-П. «Воздушный змей» (Париж, 1950), в к-рый вошли стихи 1937-49, в том числе сочиненные в гестаповской тюрьме; их К.-П. восстановил по памяти после освобождения. Этот сб. и следующий — «Поражение» (Париж, 1960), куда вошли стихи о России и автобиогр. поэмы, были сразу замечены критикой. Г.Адамович нашел в произв. К.-П. «редкое по нынешним временам сознание того, что новизна вовсе не должна сразу бросаться в глаза». Речь шла о подлинности этой поэзии, о гл. ее качестве: «честности с собой». И только двойное тире — знак, обильно используемый поэтом, вызвало легкий упрек критика (НРС. — 1960. — 10 апр.). С 1953 К.-П. становится пост. сотр. «НЖ». Последние годы жизни проводит в Лос-Анджелесе. «Калифорнийские стихи», вершина лирики К.-П., полн. напечатаны после смерти поэта, в двухтомнике избр. произв. «Поздний гость» (Вашингтон, 1968-69, ред. Т.Фесенко), в к-рый, наряду с лирикой, вошли поэмы, драматич. произв., а также восп. о поэте и критич. отклики на его кн.

Мн. критики отмечали, что поэт все время находится как бы между двух миров. К.-П. и сам пытался иногда объяснить свою странную оптику: «Двойной мир — это не только литературный прием, я всею душой ощущаю его: стою одной ногой тут, а другой — там. Они оба для меня раздельно-слиты, но враждебны — когда-нибудь я могу разорваться наподобие Игоря...» («Поздний гость». — Т. 2. — С. 267). Этот «второй» мир обретал то черты Др. Руси («Игоревы полки», «Плач Ярославны»), чему способствовало детство, проведенное на берегу легендарной реки Рось; то, к кон. 30-х, уже полный дурных предчувствий образ вдовы: «Под вдовьим покрывалом черным / Она — как слабая трава, / Лишь локон с торжеством упорным / Хранит забытые права. / Лишь ветерок легко вздыхает / На хрупком трауре плеча, / И вся она благоухает / Как погребальная свеча...» («Стихи о вдове»). После камеры смертников противостояние двух миров приобретает крайнее напряжение. В тюремных стихах («Решеткой сдавлено окно...»), мучимый жаждой свободы, он оживляет воображаемую ладью, и «мир иной» преодолевает мир вещественный, душное пространство застенка: «Но, рабством длительным наскуча, / Я углем на стене тайком / Рисую море, лес и тучу, / Ладью на берегу морском.../ Морской лазурью воздух тронут, / Кипит веселая корма. / И в белой пене тонут, тонут / Окно, решетка и тюрьма» («Поздний гость». — Т. 1. — С. 91).

В «Калифорнийских стихах» чувство «двойного бытия» обострилось до мистически-восторженного переживания скорой гибели. Б.ч. стих. последних лет пронизана единым ощущением: просветленная ночь, бессонница (где чувство тревоги сливается с ожиданием чуда), нервный ритм внутри классич. пушкинского ямба: «Бессонница и задыханье, — / Тебе курить запрещено, — / Последней ночи трепыханье / Срезает

молнией окно...» («Поздний гость». — Т. 1. — С. 198). В сбивчивой, часто задыхающейся речи поэта (здесь сказалась и его болезнь — аневризма аорты) болью отзывается это смысловое зияние, иногда — болью тягостной («Слепая лошадь»), иногда — болью отрадной, пронизанной мистикой последнего мгновения, «таинственным задыханьем». В целом путь К.-П. — это раскрытие новых возможностей традиц. стихосложения. При сознат. ограничении в метрике (большинство произв. написано классич. четырехстопным ямбом) и в тематике, путем варьирования пост. мотивов, ему удалось прийти к подлинности и точности изображения лирич. переживания.

К.-П. — автор кн. для детей «Светлый домик» (Берлин, 1922), «Погремушки» (Берлин, 1922), «Веселые безделухи» (Берлин, 1924) и «Волшебная лошадка» (Берлин, 1925).

Изд.: Примеры господина аббата. — Берлин, 1922.
Святогор-скит: Поэмы. — Берлин, 1923.
Каменная любовь: Стихи. — Берлин, 1925.
Атлантида под водою. — Берлин, 1928.

Лит.: Бахрах А. Рец.: «Святогор-скит» // Дни. — 1923. — 29 июля.
Ренников А. Рец.: «Полынь и звезды» // Нов. время. — 1923. — 22 апр. Подпись: Антар.
Сирин В. Рец.: «Беатриче» // Россия и славянство. — 1930. — 11 окт.
Иваск Ю. Рец.: «Воздушный змей» // НЖ. — 1951. — № 25.
Вильчковский К. О поэзии В.Корвин-Пиотровского // В. — 1956. — № 53.
Гуль Р. В.Л.Корвин-Пиотровский // НЖ. — 1966. — № 83.
Офросимов Ю. Памяти поэта (Корвин-Пиотровский) // НЖ. — 1966. — № 84.
Нарциссов Б. Рец.: «Поздний гость» // НЖ. — 1972. — № 107.
Блинов В. Поэтич. реальность Вл.Корвин-Пиотровского // НЖ. — 1980. — № 138.
Витковский Е. Те же... и Корвин-Пиотровский // Совр. драматургия. — 1990. — № 2.
Федякин С. «Таинственное задыханье»: Дважды расстрелянный поэт В.Корвин-Пиотровский // Независимая газ.- 1993. — 4 сент.
+Казак; Струве; Терапиано.

С.Р.Федякин

КОРÓВИН Константин Алексеевич (23.XI(5.XII).1861, Москва — 11.IX.1939, Париж) — художник, писатель. Происходил из семьи старообрядцев. Родители увлекались живописью и музыкой. В 1875 вслед за старшим братом Сергеем поступил в Моск. уч-ще живописи, ваяния и зодчества на архитектурное отделение, но через год перешел на живописное, где занимался у А.К.Саврасова и В.Д.Поленова. Вместе с И.Левитаном был вынужден покинуть Училище в 1886 вследствие эстетических разногласий; вернулся туда в 1901 как преподаватель. Среди его учеников были П.Кузнецов, Н.Сапунов, М.Сарьян, Р.Фальк. В 1885 К. познакомился с С.И.Мамонтовым, стал чл. созданного меценатом худож.-артистич. кружка, оформлял спектакли его частной оперы, в которых дебютировал Ф.И.Шаляпин. Декорации К. к операм «Снегурочка», «Садко», «Князь Игорь» создали ему славу ведущего театрального художника. В 1900 К. был приглашен на имп. сцену, где оформил свыше ста постановок. К. связывала дружба с известными писателями, артистами, прежде всего с Ф.Шаляпиным. «Чудесно умел рассказывать Шаляпин, — замечал А.Бенуа, — но из этих двух я все же предпочитал Коровина. У Коровина быль и небылица сплетались в чудесную неразрывную ткань» (ПН. — 1939. — 23 сент.). Около 60 интервью, бесед, восп., записанных со слов К., было опубликовано в дорев. прессе. Начиная с 1888 К. часто бывал за границей, в Испании, Италии, Франции, путешествовал по России, что отразилось в живописи, а позже — в цикле очерков. После Февр. революции К. вместе с В.Маяковским был избран представителем художников Москвы в Союзе деятелей искусств. Позже, живя в деревне, задумал кн. воспоминаний.

В 1923 К. выехал за границу для устройства выставки и лечения жены и сына Алексея. Поселился в Париже, испытывал большие трудности в связи с болезнью близких, отсутствием интереса к его живописи, театральным работам. Начал систематически заниматься лит. трудом в 1929. Отвечая на анкету «Как вы стали писателем?», К. признавался, что в тоске по родине припоминал ее дивную природу, людей русских, друзей, «чудаков, добрых и так себе — со всячинкой»: «И они ожили в моем воображении и мне захотелось расска-

зать о них» (ИР. — 1934. — № 50). Первым появился очерк «Из моих встреч с А.П.Чеховым» (Россия и славянство. — 1929. — 13 июля). Затем были опубликованы восп. о Врубеле, Серове, Левитане, автобиогр. произв. («Случай с Аполлоном»), рассказы о деревенской жизни («Семен-каторжник», «Дом честной»), об охоте и рыбалке («Человек со змеей», «Вечер весны»). В путевых и нравоописательных очерках «Крыша мира», «Московская канитель», «Московские чудаки» проявилась острая наблюдательность и красочность К.-художника слова. По заказу коллекционера С.Дорожинского К. написал в 1935 мемуары «Моя жизнь» («Константин Коровин вспоминает...» — М., 1971; М., 1990). Свыше 360 очерков и рассказов К. напечатал за десять лет, более всего в газ. «В». В ее изд-ве вышла книга К. «Шаляпин. Встречи и совместная жизнь» (Париж, 1939; Париж, 1980; М., 1993). Она принадлежит к лучшим страницам, посвященным певцу. Часть лит. наследия К. не собрана или утрачена, но основное, чем дорожил он, возвращено читателям. «Трем предметам глубокой искренней своей любви Коровин оставался верен всю жизнь, — писал Сергей Щербатов, — а именно — России, искусству и природе» (Щербатов С. Художник в ушедшей России. — Нью-Йорк, 1955. — С. 269). К. похоронен на кладбище Бийанкур.

Изд.: Краски России: Очерки, восп., рассказы. — Л., 1986.
Мой Феб. — М., 1990.

Лит.: Мандельштам Ю. (Некролог) // В. — 1939. — 15 сент.
Константин Коровин: Жизнь и творчество. Письма, док-ты, восп. — М., 1963.
Зильберштейн И., Самков А. О Константине Коровине-писателе // Константин Коровин вспоминает... — М., 1971; М., 1990.

В.Н.Терехина

КРАНДИЕ́ВСКАЯ-ТОЛСТА́Я Наталья Васильевна (21.I(2.II.).1888, Москва — 17.IX.1963, Ленинград) — поэтесса. Дочь моск. изд. В.А.Крандиевского и писательницы А.Р.Крандиевской. Получила дом. образование, затем училась в моск. г-зии. Дет. и юнош. годы К. прошли в доме друга семьи С.А.Скирмунта, в к-ром часто бывали мн. писатели (*М.Горький*, *Л.Андреев*, *И.Бунин*). В 1901 К.опубл. неск. стих. в журн. «Муравей». Ее первые поэтич. опыты поддержал Бунин, талантливостью к-рых он был восхищен (Бунин.— С. 205). На протяжении 1907-13 К. печаталась в журн. «Образование», «Журн. для всех», «Рус. мысль», «Маски», «Народная весть», газ. «Утро России». В 1913 в Москве вышел первый сб. «Стихотворения», в к-ром проявились наиб. характерные черты поэзии К. — поэтич. изображение жен. души, филос. интонации, зачастую переходящие в сферу бытовых, конкретных деталей и реалий. Критика отмечала в стихах К. влияние поэзии А.Блока.

С 1915 по 1935 К. — жена *А.Толстого*. Ее образ, по многочисл. свидет-вам современников, запечатлен в его трилогии «Хождение по мукам». Стихи К. он часто использовал в своих произв. в качестве эпиграфов.

В июле 1918 К. с семьей выехала из Москвы в Одессу (где вышел второй сб. «Стихотворения», 1919), а затем весной 1919 через Константинополь во Францию, где Толстые прожили 2 года. В 1921-23 К. с семьей жила в Берлине. В авг. 1923 вернулась в СССР. В Берлине был издан сб. лирики К. «От лукавого: Третья книга стихов» (Берлин, 1922). В рец. на кн. Н.И.Петровская отмечала «зоркую интуицию и безупречный вкус поэтессы» (Накануне. Лит. прил. — Берлин, 1922. — 3 дек.). Часто встречавшийся с К. в эмиграции *Дон-Аминадо* писал в своих мемуарах о стихах К. как о «целомудренно-пронзительных, обнаженно-правдивых» (Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. — М., 1991. — С. 246). В эмигр. период были опубл. и стихи К. для детей — «Гришкины путешествия. Африка. Веселые приключения» (Берлин, 1923), «Книжка про веселое житьишко» (Берлин, 1923), «Сказка про Нику, Джека и Феофана» (Берлин, 1923). По возвращении в СССР была издана ее кн. «Звериная почта» (Л., 1925). В поэтич. творчестве К. была пауза, продолжавшаяся до разрыва с А.Н.Толстым (1935). В стихах, написанных в послед. десятилетия (посмертные сб. «Вечерний свет». — Л., 1972; «Дорога». — Л., 1985; «Грозовые весны». — СПб., 1992) от-

ражена творч. эволюция К., проявившаяся в совершенствовании стиха и слога, истинности и глубине чувства, сопричастности к общенар. бедствиям и трагедиям (цикл о блокадном Ленинграде «В осаде»). 12 нояб. 1943 в моск. клубе писателей состоялся творч. вечер К., на к-ром С.Я.Маршак сказал: «Литературный путь Наталии Васильевны Крандиевской интересен и сложен. Она начала свою поэтическую работу очень рано и очень счастливо... Я помню, как она выступала на петербургских литературных вечерах. Ее стихи волновали и трогали слушателей, а среди этих слушателей были Блок и Сологуб, и другие поэты — замечательные мастера и требовательные критики» (Чернов А. Утаенный подвиг Натальи Крандиевской // Крандиевская Н. Грозовые весны. — СПб., 1992. — С. 7). В кон. 1950-х К. была написана кн. «Вспоминания» (Л., 1977).

Архивы: РГАЛИ. Ф. 341; РНБ. Ф. 163; ИРЛИ. Ф. 62.

Лит.: Толстой Д.А. Начало жизни // Нева. — 1971. — № 1.
Крандиевский Ф.Ф. Рассказ об одном путешествии // Звезда. — 1981. — № 1.
Крандиевский Ф.Ф. По дорожкам детскосельских парков // Звезда. — 1984. — № 3.
Толстая М.А. Тихая музыка памяти // Нева. — 1987. — № 7-8.
Письма А.Н.Толстого к К.-Т. // Минувшее / Публ. и коммент. Грекова В. — М., 1991. — Т. 3.
+РП-3; Струве.

А.П.Руднев

КРАСНО́В Петр Николаевич (10 (22).VII.1869, Петербург — 17.I.1947, Москва) — генерал от кавалерии, полит. деятель, прозаик, историч. романист. Принадлежал к знаменитой казачьей фамилии, богатой воен. традициями (герой войны 1812 ген.-майор И.К.Краснов 1-й, ген.-лейтенант Войска Донского и воен. писатель И.И.Краснов). Отец — ген.-лейтенант Войска Донского и исследователь истории казачества Николай Иванович Краснов (1833-1900) был удостоен золотой медали Имп. С.-Петерб. академии наук за труд «Терские казаки». Он был и известным. в свое время ист. писателем («Казак Иван Богатый», «Тяжкий грех Булавина» и др.).

В 1880 К. поступил в 1-ю петерб. г-зию, откуда перевелся в 5-й класс Александровского кадет. корпуса. Окончив 1-е воен. Павловское уч-ще (1888), произведен в хорунжие, а после года занятий в Академии Ген. штаба поступил в Кавалерийскую школу. Более чем двадцатилетняя служба в лейб.-гв. Атаманском полку совмещается у К. с путешествиями исследоват. характера (в 1897-98 в Абиссинию, в качестве нач. конвоя рос. Имп. миссии к негусу Менелику, описанное в кн. очерков «Казаки в Абиссинии» (СПб., 1900); в 1901 на Д.Восток для изучения быта Маньчжурии, Китая, Японии и Индии) и командировками воен. журналиста (в качестве корр. газ. «Рус. инвалид» в 1902 на курские маневры; в 1904 как корр. той же газ. на т-р войны с Японией). 3 янв. 1905 имп. Николай II заносит в дневник: «Приняли атаманца Краснова, который приехал из Маньчжурии; он рассказывал много интересного о войне. В «Русском Инвалиде» он пишет статьи о ней» (Дневник императора Николая II, 1890-1906. — М., 1991. — С. 207-208). Впечатления пережитого дали мат-л для кн. «Год войны». — Т. 1-2 (СПб., 1905-11). В 1910 К. произведен в полковники и назначен командиром 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка, трехлетнее командование к-рым стало «сплошным военным праздником и славой его сибирских казаков» (Белая Россия: Альбом. — Нью-Йорк, 1937. — № 1. — С. 70). В 1913 К. получил под начало 10-й Донской генерала Луковкина казачий полк, с к-рым встретил кампанию 1914. Через три мес. за отвагу и отличие в боях К. присваивается звание ген.-майора. Командуя 2-й Сводно-казачьей дивизией, К. отличился во время Брусиловского прорыва на Юго-Зап. фронте (с 22 мая по кон. июля 1916). В 1917 произведен в ген.-лейтенанты и получил в командование 3-й Конный корпус (в составе армии ген. Крымова), сосредоточенный в окрестностях Петрограда. После окт. переворота, преодолев брезгливое отношение к личности А.Ф.Керенского, К. вместе с ним начал борьбу с сов. властью: «Не к Керенскому иду я, а к Родине, к великой России, от которой отречься не могу» («На внутреннем фронте» // Архив рус. рев. — Берлин,

1921. — Т. 1. — С. 129). Однако ввиду малочисленности войск и их разложения большевист. агитаторами был вынужден пойти на перемирие, к-рое коммунисты вероломно нарушили, окружив в Гатчине казачьи части. Сам К. «под честное слово» главкома сов. войск и наркома по морским делам П.Е.Дыбенко был отправлен в Смольный и бежал из-под ареста. Приговоренный заочно к смертной казни, К. по поддельным док-там пробирается в Новочеркасск, и в мае 1918 «Круг спасения Дона» избирает его атаманом Войска Донского. С этого момента и до кон. своих дней К. в борьбе с большевиками делает ставку на Германию, войска к-рой заняли Украину и подошли к Донецкой обл. Под руководством К. казачьи формирования вытесняют красных с Дона, занимают Царицын и часть Воронежской губ. Однако Нояб. революция 1918 в Германии повлекла за собой прекращение нем. помощи и как следствие — ряд тяжелых поражений К. Покинув юг России, он участвует волонтером в неудачном наступлении Сев.-Зап. армии Н.Н.Юденича на Петроград (1919), а затем выезжает в Германию. В течение мн. лет К. участвует в политич. жизни эмиграции, являясь чл. Верховного монархич. совета.

С нач. войны гитлеровской Германии и СССР К. формирует казачьи части и принимает участие в воен. действиях против Красной армии, отказываясь, однако, в дальнейшем сотрудничать с соединениями ген. А.А.Власова. Он возглавляет Гл. управление казачьих войск вермахта. Капитуляция Германии в 1945 застала К. в центре казачьих соревнований в г.Триесте (Сев. Италия). Все они были предательски выданы англичанами большевикам. Как отмечал А.И.Солженицын, «передача эта носила коварный характер в духе традиционной английской дипломатии» (Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. — Париж, 1987. — Т. 1/2 — С. 254). Атаман К. вместе со своим сыном ген. С.Н.Красновым и внучатым племянником старшим лейтенантом Н.Н.Красновым разделили участь десятков тыс. казаков. Сам К. после длит. следствия был повешен в Лефортовской тюрьме. Перед кончиной, на свидании с внучатым племянником он сказал: «Что бы ни случилось — не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ виновники всеобщих страданий... Недостаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать» (Краснов Н.Н. Незабываемое: (1945-1956). — Сан-Франциско, 1957. — С. 139).

К. начал писать с 12 лет. Его первые очерки появились в 1891 в «Рус. инвалиде», а потом в «Петерб. газ.», «Биржевых вед.», «Петерб. листке», «Ниве», «Военном сб.» и др. Гл. их тема — жизнь казачества, его боевое прошлое. Первые кн. К. документальны: «На озере» (СПб., 1895), «Донцы» (СПб., 1896), «Ваграм» (СПб., 1898), «Атаманская памятка» (СПб., 1900), «Суворов» (СПб., 1900), «Борьба с Китаем» (СПб., 1901), «По Азии: Очерки Маньчжурии, Д.Востока, Китая, Японии и Индии» (СПб., 1903). Незаурядный писат. дар К. наиб. ярко раскрылся в эмиграции. Особый успех выпал на долю 4-х томного ром. «От Двуглавого Орла к красному знамени, 1894-1921» (Берлин, 1921-1922; М., 1996), к-рый, по свидет-ву *Г.П.Струве*, «был в течение многих лет самой ходкой книгой на зарубежном рынке» (Струве. — С. 125). Он выдержал три изд. и был переведен на 12 яз. В ром. отразились гл. события царствования Николая II и первых порев. лет, свидетелем и активным участником к-рых оказался автор: будни армии и жизнь петерб. света, рус.-япон. война, герм. кампания 1914-18, февр. и окт. перевороты, разложение армии, красный террор. Критика, несмотря на читат. успех, не баловала вниманием произв. К., отмечая, впрочем, что он «умел и мог прекрасно писать, но только о том, что он знал» (*Гуль Р.* Я унес Россию. — Нью-Йорк, 1984. — Т. 1. — С. 131). Еще определеннее высказался *Г.Адамович*, сопоставляя «От Двуглавого Орла к красному знамени» с шолоховским «Тихим Доном»: К. «во всех отношениях Шолохову уступает. Но характер и дух его писаний — шолоховский. Притом таланта у него отрицать нельзя: первый том «Двуглавого Орла и красного знамени» написан с такой широтой и непринужденностью, какая и не снилась многим нашим заправским беллетристам. Дальше все портится...» (ПН. — 1933. — 24 авг.).

С 1921 по 1944 К. опубл. более 40 книг Среди них неск. автобиогр. документ. соч. о революции — «На внутр. фронте»; о пограничном гарнизоне, куда входил 10-й Донской казачий полк — «Накануне войны» (Париж, 1937); о командовании 1-м Сиб.

полком на кит. границе, в Туркестане — «На рубеже Китая» (Париж, 1939), о жизни и быте юнкеров Павловского воен. уч-ща — «Павлоны» (Париж, 1943). По-прежнему атамана привлекает тема казачества — «Казачья самостийность» (Берлин, 1921), но на первый план выдвигается уже худож. повествование. Обращает на себя внимание тематич. и жанровое разнообразие прозы К. Здесь и трехтомная эпопея о рус. интеллигенции 10-20-х и рев. «соблазне» — «Largo» (Париж, 1930), «Выпашь» (Париж, 1931), «Подвиг» (Париж, 1932), и ряд приключенч. пов. для юношества — «Мантык, охотник на львов» (Париж, 1928), «Амазонка пустыни» (Берлин, 1922), «Белая свитка» (Берлин, 1928), «С Ермаком в Сибирь» (Париж, 1930) и др. К. пишет фантастич. ром. о будущем большевист. России «За чертополохом» (Берлин, 1922), а также ром. «Опавшие листья» (Мюнхен, 1923; М., 1996), «Понять — простить» (Берлин, 1924), впрочем, не имевшие успеха. Особое место в его творчестве занимает тема истории России, чему посв. два романа о рус. государынях — «Цесаревна. 1709-1762» (о Елизавете Петровне) (Париж, 1933) и «Екатерина Великая» (Париж. 1935; М., 1994), а также ром. «Цареубийцы» (1 марта 1881 г.)» (Париж, 1938; М., 1995), «Единая-неделимая» (Берлин, 1925).

С большим патриотич. чувством и худож. тактом изображена Елизавета Петровна и роман цесаревны с простым малороссийским певчим А.Г.Разумовским. Эта сюжетная линия неотделима от анализа судьбы дела Петра Великого. Гл. любовью Екатерины II была и оставалась Россия. К. писал: «Я даю только одну сторону Екатерины Великой — ее роман. Роман, где героем Катерина Алексеевна, а героиней — Россия...» («Екатерина Великая» — С. 3). Россия — подлинная героиня и др. ром. К. — «Цареубийцы». Собственно, о «цареубийцах» — неистовых народовольцах, устроивших настоящую охоту на Александра II в твердой убежденности, что с его гибелью народ получит вожделенную свободу, а с ней и счастье, — автор вспоминает в сер. книги. В центре ром. — жизнь петерб. света, три поколения военной семьи Разгильдяевых, рус. армия и война 1877-78 с превосходным портретом «белого генерала» М.Д.Скобелева. Разочарование в пустой и бесчеловечной великосветской жизни приводит «тургеневскую» девушку Веру Ишимскую в стан террористов-революционеров, а кн. Болотнева толкает к полн. безверию, чаадаевскому скепсису и отрицанию России. Но пройдя через все искусы, они обретают себя. Болотнев — в слиянии с солдатской массой, в буднях войны, в подвиге. Ишимская, после разочарования в революционерах и помыслах о самоубийстве — в свете Евангелия, в тихом постриге. Их судьбы, их пересекающиеся, как бы ищущие друг друга и наконец разошедшиеся навсегда души позволяют К. создать ром. о решающем в истории страны периоде накануне бездны 1917. В худож. отношении ист. романы К. далеко превосходят его полит. беллетристику, не исключая и эпопеи «От Двуглавого Орла к красному знамени», с ее элементами «соцреализма наоборот» — схематизмом в изображении характеров и авторской тенденциозностью. Они обнаруживают в К.-художнике новые грани: в описании движений души героев, тонких пейзажах, великолепных ист. подробностях. *И.А.Бунин* записал в дневнике 28 июля 1940: «Читаю роман Краснова «С нами Бог». Не ожидал, что он так способен, так много знает и так занятен» (Устами Буниных. — Франкфурт-на-М., 1981. — Т. 3. — С. 55). К. — единств. во всей отечеств. лит-ре фигура, в к-рой выдающийся военачальник, решавший в годы смуты и гражд. войны судьбу России, соединился с крупным писателем.

Лит.: Куприн А. Рец.: «От Двуглавого Орла к красному знамени» // Общее дело. — 1921. — 9 мая.

Кадашев В. Рец.: «За чертополохом» // Руль. — 1922. — 14 мая.

Пильский П. Рец.: «Амазонка пустыни» // Сегодня. — 1922. — 11 авг.

Слоним М. Рец.: «Опавшие листья: // Дни. — 1923. — 27 мая. — Подпись: М.С.

Амфитеатров А. Рец.: «Душа армии» // В. — 1928. — 21 февр.

Попов К. «Война и мир» Л.Н.Толстого и «От Двуглавого Орла к красному знамени» П.Н.Краснова. — Париж, 1934.

Поляков И.А. Краснов — Власов. — Нью-Йорк, 1961.

Брежнев А. Певец войска Донского // Кн. обозр. — 1991. — 5 апр.

Полушин В. Поэт и рыцарь Тихого Дона // Колумна. — Кишинев, 1991. — № 3.
Вагемас Э. Постбольшевистская Россия: Утопич. ром. П.Н. Краснова // Театр. — 1992. — № 8.
Ланин Б.А. Утопия, кровью умытая (П.Краснов. За чертополохом) // Родина. — 1992. — № 3.
Сухих И. Генерал Краснов: пером и шашкой // Нева. — 1994. — № 3.
+Амфитеатров; Михайлов; РП-3; Струве.

О.Н.Михайлов

КРО́ТКОВА Христина Павловна (13(26).I.1904, Самара — 1965, Москва) — поэтесса, критик и журналист. Отец — Павел Васильевич, сын небогатого помещика Пензенской губ., как политический находился под надзором. Мать Ксения Александровна работала учительницей. С 1909 Кротковы жили в Москве, летние месяцы в Тарусе. Воспитание и образование К. началось в «Доме свободного ребенка», затем — в школе О.В.Берви и продолжалось в г-зиях, где она стала писать стихи. После окт. 1917 семья перебралась на Украину. С нач. 1922 Кротковы в эмиграции, в Праге, где К. поступила учиться в Политехникум, посещала заседания лит. кружка «Скит поэтов», руководимого *А.Бемом.* В 1924 вышла замуж за Иосифа Франкфурта, к-рый тоже бывал на собр. «Скита». С 1926 К. печатается как под своей фам., так и под фам. мужа, а также под псевд. Ирманцева в журн. «Перезвоны», «Своими путями», «Воля России», «СЗ», «РЗ», в сб. «Скит». С нач. 30-х живет во Франции, в 1937 в Канаде у родителей. Занимается в Торонтской консерватории. С 1939 поселяется в Нью-Йорке, где работает в рус. ред. радио «Голос Америки», печатается в газ. «НРС». После 1945 К. работает переводчиком в рус. ред. ООН, печатается в журн. «Новоселье», «НЖ», в антологиях «Эстафета» (1948) и «На Западе» (1953). В мае 1951 в Париже была напечатана кн. ее стихов «Белым по черному». В 1964 впервые посетила Сов. Союз. Во время своей второй поездки по стране скончалась в Москве, где и похоронена.

«Есть неподкупная суровость в стихах Кротковой. — писал *Юрий Иваск.* — Отсюда — резкость тона, отсутствие сладкозвучия. И именно в этом своеобразие ее поэзии. Особенно выразительны у нее стяженные размеры, ритмы с перебоями: «Кто я? — Упорный, настойчивый дух, / Весь этот мир созидающий сызнова. / Мысль и вниманье, зренье и слух, / Неукротимый, чужой, непризнанный». Может быть, в этих строках ее художественное исповедание. Здесь раскрывается также символ заголовка «Белым по черному». Белое — это дух; а черное — мир, как материал, сырье (дерево, камень, руда)... Нелегко установить поэтич. традицию Кротковой. Но есть у ней сродство с *Цветаевой* и дальше — с Каролиной Павловой, сказавшей, что — «поэзия мое святое ремесло» (НЖ. — 1951. — № 31. — С. 335). Архив К.: Центр. науч. б-ка Союза театр. деятелей РФ. Фонд Кротковой Х.П.

В.П.Нечаев

КРЫ́МОВ Владимир Пименович (7(19).VII.1878, Динабург, Витебская губ. — 6.II.1968, Шату, пригород Парижа) — писатель, журналист, путешественник. Выходец из бедной староверч. семьи прибалтийских купцов. Учился в Петровско-Разумовской земледельч. и лесной академии (с 1894 Моск. сел.-хоз. ин-т). Будучи студентом, печатал в моск. газ. ст. и заметки. Занимался лесным промыслом. В 1909 как представитель акционерного об-ва совершил поездку в Юж.Америку, о чем опубл. очерки в петерб. изд. Позднее как журналист совершил поездку в Центр. Америку, посетил Панаму в период строительства Панамского канала. В 1914 появилась его кн. о путешествии по США, Вест-Индии «В стране любви и землетрясений» (СПб.). В 1909 К. издал под псевд. Н.Н.Тавридин первую беллетристич. кн. — сб. психологич. этюдов «Здесь» (Харьков), к-рая была конфискована. В 1912 вышла его кн. «О рулетке Монте-Карло, Юж. Америке, гастрономии, модах и прочем» (СПб.), в к-рую вошли печатавшиеся в газ. фельетоны, путевые заметки и очерки о Юж. Америке, Сев. Европе, рассказы («Как меня прогнал Толстой» и др.). С 1910 К. жил в Петербурге, сотрудничал с А.С.Сувориным по изданию газ. «Новое время» в качестве коммерч. дир. В

1913 предпринял выпуск илл. журн. «Столица и усадьба» (СПб., 1914-1917), что позволило ему установить контакты с изв. людьми, вплоть до чл. царской семьи. Кн. заметок о путешествии по Средиземноморью и событиях переломного для России времени «Чтобы жизнь не была так печальна» вышла в 1917 (Пг.). Все труды К. издавал на собств. средства. По его свидет-ву, в 1914-16 он написал кн. «То, что нельзя печатать». Рукоп. ее была изъята во время обыска перед его выездом из Петрограда в 1917. В ней К. писал об ужасах войны, бедах России, к-рой правили Распутин и банки.

В апр. 1917 К. с женой выехал сиб. экспрессом из Петрограда на восток, в кругосветное путешествие. С тех пор он более двух лет странствовал по странам и континентам, позднее описав это путешествие в кн. «Богомолы в коробочке» (Берлин, 1921). В заключит. ее части К. изложил впечатления об увиденном мире, его контрастах, о красоте стран, о пропасти между бедными и богатыми, о роскоши и об ужасающей участи трудового люда, о революции и переменах в России. Гл. смысл ист. изменений под воздействием мировой войны и рус. революции он видел в том, что мир стал представляться под иным углом зрения. К. писал: «Мои мозги действительно очистились от шелухи» (с. 4). Он высказывался за изменение социальных условий, улучшение жизни трудящихся, выражал стремление к мировому братству людей, веру в прогресс своей отчизны, в стр-во России новой, просвещенной. С этим убеждением связана символика назв. кн.: богомолы в коробочке — это люди, замкнувшиеся в себе; «жалкое человечество» (с. 212). По восп. его современника (К.Померанцева), в 1917 «почти миллионером» К. приехал в США. В 1921, находясь уже в Берлине, издавал газ. «Голос России». Проживая в Германии и участвуя в германо-сов. торговле, К. стал обладателем большого состояния. В Берлине он издал очерк «Город-сфинкс» (1922) — о Лондоне (где он провел три года), городе «самом большом в мире и самом мрачном», об образе жизни его горожан. В 1923 в Берлине вышло доп. изд. его кн. о кругосветном путешествии под назв. «Радость бытия». В 1927 в кн. «Монте-Карло» К. передал впечатления о своих поездках в Монако — о знаменитом казино, рулетке, игроках. В 1930 вышла его кн. «Люди в паутине» о «последнем большом путешествии», к-рое К. совершил в 1919: Канада, Алжир, Италия, Египет, Иерусалим, Индия, Сингапур, Филиппины, Гонконг, Китай, Япония, Гавайи.

В 1925 в Ленинграде была издана кн. К. «Сегодня. Лондон. Берлин. Париж», содержащая описание его путешествий. Из беллетристич. произв. К. в Берлине вышли «Странные рассказы» (1921) — о причудах и забавах миллиардера, «которому все надоело». В 1926 вышел первый ром. К. «Бог и деньги», в к-ром обрисованы картины рос. действительности «на рев. изломе» — события на Волге, в Башкирии, в Зауралье.

Гл. место в беллетристике К. занял роман-тетралогия «За миллионами»: «Сидорово учение» (Берлин, 1933), «Хорошо жили в Петербурге» (Берлин, 1933; др. заглавие — «Миллион»), «Дьяволенок под столом» (Берлин, 1933), «Фуга» (Париж. 1935), выходивший с вариантами в Берлине и Париже (4 изд.). В тетралогии, как и предшествующем ей ром. «Бог и деньги» (Берлин, 1926), просматривается автобиогр. основа. В предисл. к ром. «Бог и деньги» К. писал: «Я рос и работал полжизни в той среде, в тех стремлениях и идеалах, среди тех людей, для которых высшим достижением было накопление богатства, деньги, миллионы. В том романе, который я сейчас пишу, — хронике из предреволюционной жизни русской буржуазии... я стремлюсь изобразить переживания человека, который полжизни думал... что в осуществлении задуманной карьеры вся цель жизни, важно только быстрое движение вверх, по ступенькам социальной лестницы; обгоняя толпу, он уперся в стену, озираясь растерянно на пройденный путь, вдруг понял, что цель была ничтожна, только мираж» (с. 1). В предисл. К. писал, что роман «Бог и деньги» ему разонравился, он переделал его, дав общее название «За миллионами» («Сидорово учение». — С. 8).

Изданию тетралогии предшествовала публ. кн. «Детство Аристархова» (гл. из ром.) (Берлин, 1924). В форме дневниковых записей гл. действ. лица раскрывались черты его характера, биография — путь от провинц. мещанской семьи до обладания миллионами. Революция отняла у него и богатство, и положение. Он не поддался, однако, озлоблению и жажде мести. В пер-

вой кн. «Сидорово учение» этот персонаж при содействии опытного покровителя проходит школу накопления богатства правдами и неправдами. Во второй кн. «Хорошо жили в Петербуге» герой проявляет все свои деловые способности, предпринимает изд. столичной газ. ради завоевания престижа в высоких сферах об-ва, в союзе с банкиром становится крупным бирж. дельцом. Революция обрывает эту деятельность. Он оказывается перед дилеммой: принять революцию или бежать. В третьей кн. «Дьяволенок под столом» герой предстает в той же роли биржевика в Лондоне и Нью-Йорке. Но сознание его становится иным: он задумывается над чудовищной ролью биржи, «поразительного механизма совр. строя, выкачивающего деньги из карманов работающих, создающих подлинные ценности». «Биржа творит миллионы, обирает человечество в пользу немногих» (с. 209), свергает королей и правительства, направляет мировую историю. Герой в финале оказывается на распутье, пытаясь порвать с этим миром. В предисл. к третьей кн. К. подчеркивал, что он видел гл. цель ром. в поисках жизн. оптимизма.

В 1933 с приходом фашизма в Германии К. переселился во Францию, в фешенебельный пригород Парижа Шату. В Париже вышли написанный им на эмигр. материале ром. «Фуга», приключенч. романы «Похождения графа Азара» (1938) и «Сенсация графа Азара» (1940), фантастич. ром. «В царстве дураков» (1939), ром. из жизни староверов «Фенька» (1945), кн. «Дрозофилы и мы» (1947). В творч. наследии писателя два сб., составленных по записным книжкам: «Обрывки мысли» (Берлин, 1938) и «Из кладовой писателя» (Париж, 1951). Второй из них составлялся, по словам автора, из записей и заметок за много лет о встречах с Г.Уэллсом в Петербурге в 1912, *А.Толстым*, о В.В.Розанове, и др. Ром. из области парапсихологии «Анатас» печатался в альм. «Мосты» (1960. — № 5).

Последнее из крупных произв. К. — ром. «Завещание Мурова» (Нью-Йорк, 1960), к-рый создавался почти ослепшим писателем, в условиях трагич. переживаний во время нем. оккупации Парижа. В Буэнос-Айресе вышла кн. К. «Голоса горной пещеры» (1960). Семь его книг было изд. в Лондоне в пер. на англ. яз. В рижском изд. ром. «Миллион» (1936) приведены отзывы англ. прессы о творчестве писателя. По-разному оценивала произв. К. рус. эмигр. критика. По свидет-ву К.Померанцева, *Г.Адамович* считал кн. К. «ниже всякого уровня». Сам Померанцев признавал, что в романах «Сидорово учение» и «Фенька» К. «талантливо рисует характеры и быт русских староверов» (РМ. — 1985. — 23 мая). Писатель сумел, пишет Н.Клименко, «заглянуть во все изгибы, углы, извилины души своего героя и талантливо показал его образ» (В. — 1961. — № 110. — С. 121).

Изд.: А.Н.Толстой без ретуши // Мосты. — 1961. — № 7.

Лит.: Айхенвальд Ю. Рец.: «Бог и деньги» // Руль. — 1926. — 3 нояб.
Мандельштам Ю. Рец.: «Фуга» // В. - 1935. — 17 янв.
Пильский П. Рец.: «Похождения графа Азара» // Сегодня. — 1938. — 8 окт.
Эффи. О кн. Вл.Крымова «Кладовая писателя»: Мысли и впечатления // В. — 1956. — № 60.
+РП-3.

Е.Ф.Трущенко

КУЗНЕЦÓВА Галина Николаевна (27.XI(10.XII). 1900, Киев — 8.II.1976, Мюнхен) — поэт, прозаик, мемуарист. Окончив киевск. жен. г-зию, в 1918 К. вышла замуж за офицера Белой армии Д.М.Петрова, вместе с к-рым в 1920 эмигрировала из России: сначала — в Константинополь, затем — в Чехословакию. Первые лит. опыты К. относятся ко времени ее учебы во Франц. ин-те в Праге, с 1922 она начинает публиковать в разл. периодич. изд. свои стихи и рассказы. Уже после переезда в 1924 в Париж, где муж устраивается работать таксистом, К. знакомится с *И.Буниным*; эта встреча круто изменила жизнь обоих: знакомство стремительно переросло в пылкую взаимную привязанность. «Их роман получил широкую огласку... Бунин убедил Веру Николаевну [Муромцеву-Бунину] в том, что между ним и Галиной ничего, кроме отношений учителя и ученицы, нет. Вера Николаевна, как это ни кажется невероятным, поверила... Поверила оттого, что хотела верить», — читаем в одном из опубл. писем *И.В.Одоевцевой*. В мае 1927, оставив мужа,

К. поселяется в грасском доме Буниных. К. удивительно хорошо входит в роль ученицы и приемной дочери знаменитого писателя, сохраняя при этом достаточно толерантные отношения с его женой, В.Н.Муромцевой-Буниной.

Близость к Бунину (вместе с ним она провела, с нек-рыми перерывами, около пятнадцати лет) определяет творч. лицо К., равно как и ее место в истории рус. лит-ры XX в. «Бунинская школа», пройденная К. в Грасе, по-настоящему сформировала ее и как прозаика, и как поэта. И свидет-ва мемуаристов, и записки самой К. говорят о том, что Бунин неустанно заботился о ее творч. воспитании, настойчиво прививал молодой писательнице навыки систематич. лит. труда, старался углубить ее эстетич. вкус, обострить поэтич. зоркость и чуткость к красоте мира, усилить внимание к выразит. детали. Бунин не только правил нек-рые соч. своей ученицы, оберегая от неизбежных для новичка срывов и ошибок, не только раскрывал ей секреты писат. мастерства, но и делился с К. своими новыми замыслами, знакомя с рукописью «Жизни Арсеньева» — ром., создававшимся буквально на глазах у К. и произведшим на нее сильное впечатление: «После того, как Иван Алексеевич вчера прочел мне несколько глав из романа, который он пишет, я потеряла смелость. Писать какой-либо роман рядом с ним — претенциозно и страшно. И все-таки мне хочется писать» («Грасский дневник». — Вашингтон, 1967. — С. 15). Первая кн. К. — сб. рассказов «Утро» (Париж, 1930). Рассказы, из к-рых составлен сб., б.ч. представляют собой образцы бесфабульной лирич. прозы, изобилующей длинными пейзажными описаниями и элегич. авторскими медитациями, порой отмеченными явной «литературностью» («В путь», «Золотой рог») и налетом «дамской» сентиментальности («Олесь», «Кунак»). Несмотря на нек-рые достоинства «легкого и спокойного стиля» — «поэтичность, мягкость, теплоту красок, какую-то приятную мелодичность» (*Червинская Л.* // Числа. — 1930. — № 2/3. — С. 352), рассказы К., за редким исключением, оставляют впечатление старат. ученич. штудий, откровенно вторичных по отношению к своим лит. образцам. Неудивительно, что один из рецензентов, назвав эти рассказы «трогательными подражаниями бунинским описаниям», заявил о творч. незрелости их автора: «В книге Кузнецовой есть наивная сдержанность тем, кокетливая женственность расплывчатых замыслов, невозмутимость тона повествования. Но этих сомнительных достоинств мало для читателя... Галина Кузнецова пока может быть совершенной только в вариациях на знакомую тему — о небе, о воде, о горах. Ни построение рассказов, ни гибкость диалога, ни способность показать в движении человеческую душу и живые лица героев, ни сложное искусство избежать провалов в повествовании и придать устойчивость и оправданность форме рассказа — не дались еще автору» (Андреев Н.Е. // Воля России. — 1930. — № 5/6. — С. 543). Ему вторила Л.Червинская, в своем отзыве писавшая об «Утре» как о сб. приятных, но «бледных и безжизненных» рассказов, лишенных худож. глубины и своеобразия. На мрачном фоне отрицат. рецензий выделялся благожелат. отзыв *Г.Адамовича* (СЗ. — 1930. — № 42), особенно высоко оценившего рассказ «Последняя повесть» — бесспорно, лучшую вещь сб., в к-рой нежная и грустная лиричность автора, мягко обволакивающая описываемые события — гражд. войну, беженство, бессмысленные мытарства молодой офицерской семьи в доживающем свои последние дни «белом» Крыму, — дорастает до полноценного поэтич. осмысления вечных законов человеч. бытия.

Ром. «Пролог» (Париж, 1933) оказался более зрелым и худож. значимым произв. К. Ром. — «фиктивные воспоминания», как метко определил его жанр. своеобразие *П.Бицилли* (СЗ. — 1933. — № 53), по форме близок бунинской «Жизни Арсеньева», хотя в целом писательнице удалось избежать ученич. зависимости и найти свою манеру повествования. Любовное воссоздание трудноуловимого единства жизни, преодоление и духовное преображение силою человеч. памяти безликого течения повседн. действительности, обретение осмысл. цельности индивид. сознания — эти «прустианские» темы прозвучали в ром. неожиданно оригинально и интересно, поскольку были гармонично растворены в безудержной стихии животворящего, жизнеутверждающего жен. начала, не замутненного дряблой рефлексией и рассудочностью, проникнутого светлым чувством любви и благостного доверия к миру.

О творч. зрелости К. свидетельствует и ее лирич. сб. «Оливковый сад: Стихи 1923-1929» (Париж, 1937); вошедшие в него стих. — в осн. исполненные меланхолич. грусти пейзажные зарисовки Прованса и юга Франции — выдержаны в строгой неоклассич. «бунинской» манере; для них характерны предельная точность и строгость в употреблении слов, в подборе рифм, использование конкр. детали, стремление (порой в ущерб музыкальности) к передаче чувственной пластичности образа. Своей спокойной серьезностью и естественностью в выражении чувств и настроений, «своим внутренним благородством» (*В.Ходасевич*) лирика К. произвела благоприятное впечатление на критиков — даже на строгого и разборчивого В.Ф.Ходасевича (В. — 1938. — 10 июня). Общее мнение об «Оливковом саде» выразил *М.Цетлин*: «Стихам Галины Кузнецовой, которым так подходят их несколько заглушенные, незвонкие рифмы, порой не хватает подъема, «широкого дыхания», но зато нет и ошибок вкуса, отсутствия чувства меры. И если совершенством можно назвать внутреннюю гармоничность, соответствие средств выражения и содержания — то в этом смысле стихи Галины Кузнецовой часто к нему приближаются» (СЗ. — 1937. — № 65. — С. 430-431).

К этому времени в личной жизни К., в ее отношении к И.А.Бунину происходят значит. изменения. Нервная обстановка, царившая в семействе Буниных (особенно после появления там *Л.Зурова*), зыбкий статус «удочеренной любовницы», наконец, с трудом преодолимое притяжение мощного бунинского таланта, уже неприятно ущемляющее творч. самолюбие писательницы, — все это тяготило К. и вызывало постеп. охлаждение к былому кумиру. Встреча же в 1933 с оперной и эстрадной певицей Маргаритой Степун, сестрой *Ф.Степуна*, оказалась роковой для близости молодой писательницы и Бунина. Хотя «барышни», как в шутку называли ставших неразлучными К. и «Марго» Степун, подолгу гостили в бунинском «Бельведере», прежние отношения были потеряны навсегда. В 1942 К. окончательно покидает Бунина: вместе с М.Степун она живет сначала на маленькой вилле в Каннах, затем — в Германии, в семье Ф.А.Степуна. После войны, в 1949, К. переезжает в США; работает там в издат. отделе ООН и сотрудничает в нью-йоркской газ. «НРС». В 1962 вернулась из США в Европу (в Мюнхен).

В послевоен. годы ее стихи и рассказы появляются в разл. журн. и сб. Особое место занимает «Грасский дневник», впервые частично опубл. в «НЖ» (1963. — № 74; 1964. — № 76) и альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1963. — № 3; 1965. — № 4). Осн. на записях, к-рые К. вела во время своего пребывания в семействе Буниных, «Дневник» подробно повествует о грасской жизни писателя. Кн. К. интересна не только своим ярким портретом великого рус. художника слова, но и уникальной передачей его устных рассказов, критич. замечаний в адрес лит. современников, суждений о лит-ре и иск-ве. Помимо Бунина и его ближайшего окружения (В.Н.Муромцева-Бунина, Л.Ф.Зуров, *Н.Я.Рощин*), «Грасский дневник» рассказывает о мн. деятелях лит-ры и иск-ва рус. зарубежья (*М.А.Алданов, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Б.К.Зайцев, Н.Н.Берберова*, В.Ф.Ходасевич, С.В.Рахманинов, Ф.А.Степун, *И.И.Фондаминский* и др.) и поэтому по праву считается ценным док-том, достоверно воссоздающим атмосферу париж. эмиграции.

Изд.: Письма Г.Н.Кузнецовой Н.П.Смирнову // Рос. лит-ведч. журн. — 1993. — № 2.

Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост. Бабореко А.К. — М., 1995.

Лит.: Адамович Г. Рец.: «Утро» // ИР. — 1930. — № 11.

Зайцев К. Рец.: «Утро» // Россия и славянство. — 1930. — 15 февр.

Пильский П. Рец.: «Утро» // Сегодня. — 1930. — 10 марта.

Раевский Г. Рец.: «Утро» // В. — 1930. — 17 апр.

Адамович Г. Рец.: «Пролог» // ПН. — 1933. — 8 мая.

Ходасевич В. Рец.: «Пролог» // В. — 1933. — 6 июля.

Пильский П. Рец.: «Оливковый сад» // Сегодня. — 1937. — 17 дек.

Устами Буниных / Ред. Грин М. — Франкфурт-на-М., 1977-82. — Т. 2, 3.

Pachmuss T. Five women poets in early Russian emigré literature // ЗРАГ. — 1985. — № 18.

+Казак; Одоевцева; Соколов; Струве.

Н.Г.Мельников

КУЗЬМИНА́-КАРАВА́ЕВА (мать Мария) Елизавета Юрьевна (8(20).XII.1891, Рига — 31.III.1945, концентрационный лагерь Равенсбрюк) — поэт, философ, публицист, общественно-религ. деятель. Отец — Ю.Д.Пиленко — переехал в 1895 с семьей в Анапу, неподалеку от к-рой располагалось его имение. Дет. впечатления, наблюдения за археологич. раскопками курганов отразились в стихах первой кн. К.-К. «Скифские черепки» (СПб., 1912). Лирич. герой стих. сб. одновременно является и участником далекого прошлого, и совр. наблюдателем. Так происходит соединение двух временных аспектов в развитии поэтич. темы. Назначение отца дир. Никитского ботанич. сада заставило семью в 1905 переехать в Ялту. После неожид. смерти отца в 1906 уехала с матерью — С.Б.Пиленко (1862-1962) — в Петербург, где, закончив частную г-зию, поступила на филос. отд. Бестужевских курсов. В 1910 вышла замуж за Д.В.Кузьмина-Караваева (1886-1959), юриста по образованию, с.-д., ставшего позднее в эмиграции католич. священником; он был близок к петерб. лит. среде, в к-рую и ввел свою молодую жену, увлеченную поэзией. К.-К. испытала воздействие акмеистов, входила в «Цех поэтов», дружила с А.Ахматовой, С.Городецким и др.; посещала заседания знаменитой «башни» *Вяч. Иванова;* гостила в Коктебеле у М.Волошина. Длит. время находилась под сильным влиянием поэзии и личности А.Блока; переписка с поэтом длилась мн. годы после его стихотв. обращения к ней: «Когда вы стоите на моем пути, / Такая живая, такая красивая...». К 15-й годовщине со дня смерти Блока К.-К. написала и опубликовала ст. «Встречи с Блоком» (СЗ. — 1936. — № 62. — С. 211-228; перепечатка: Уч. зап. Тартус. ун-та. — 1968. — Вып. 209. — С. 265-275). К.-К. была первой женщиной, заочно изучавшей богословие в Петерб. духовной акад. Ранние стихи, написанные гл. обр. в 1913-14, составили сб. «Руфь» (Пг., 1916).

Как чл. партии эсеров К.-К. после Февр. революции 1917 была гор. головой Анапы. Об этом эпизоде своей жизни она вспоминала позднее в ст. «Как я была гор. головой» (Воля России. — 1925. — № 4/5. — Подпись: Ю.Д.). В 1919 вместе со вторым мужем, Д.Е.Скобцовым-Кондратьевым (1894-1968) (его фам. она подписывала впоследствии нек-рые свои работы), казачьим деятелем, писателем, эмигрировала из России через Константинополь и Белград.

С 1923 жила в Париже. Под псевд. Юрий Данилов ею опубл. автобиогр. ром. о годах революции и гражд. войны «Равнина русская (Хроника наших дней)» (СЗ. — 1924. — № 19-20) и пов. «Клим Семенович Барынькин» (Воля России. — 1925. — № 7-10). В изд-ве «ИМКА-Пресс» вышли два ее сб. житий святых «Жатва духа», 1927; Томск, 1994). Изображ. ею подвижники уходят из пустыни, чтобы служить спасению душ др. людей. Восемь житий написаны на тему беспредельной любви к человеку. «Вольная нищета и вольное унижение — формы любви, придающие ей особый характер нисхождения (богословски: кеносис)», — писал в своей рец. *Г.П.Федотов* (СЗ. — 1928. — № 35. — С. 554-555), принимавший позднее активное участие в обществ. начинаниях матери Марии. Самым парадоксальным является принятие на себя чужого греха («Иоанникий Великий», «Единодушные братья»). Отмечая принцип отбора, руководивший автором, не включившим ни одной мученич. и ни одной аскетич. легенды, к-рые преобладают в Четьи-Минеях, Г.Федотов утверждал, что «Жатва духа» «бросает луч света» в таинств. обл. «связей древне-русской религиозной души с «безбожными» течениями русской интеллигенции» (с. 555). Это же изд-во привлекло К.-К. к работе над серией коротких монографий, посв. рус. религ. мыслителям, и в 1929 вышли в Париже ее небольшие кн. «Достоевский и современность», «Миросозерцание Вл.Соловьева», «А.Хомяков». К.-К. сотрудничала в журн. «СЗ», «РЗ», «Воля России», «Путь», «Новый град», газ. «Дни» и «ПН». С 1930 была назначена разъездным секр. РСХД. Она ведет миссионерскую и просветит. деятельность среди рус. эмигрантов в разных городах Франции. Эти ее впечатления отразились в ст. «Рус. география Франции» (ПН. — 1932. — 25 июня).

В 1932, после церк. развода с Д.Е.Скобцовым, К.-К. стала монахиней, приняв при постриге, к-рый совершил гл. Рус. Правосл. церкви за рубежом митр. Евлогий (1866-1946), имя Мария (в честь св. Марии Египетской). С тех пор она выступала в печати под им. «монахиня Мария», «мать Мария». В стих. «Ввели босого и в рубахе...» она писала: «В рубаху белую одета...

/ О, внутренний мой человек, / Сейчас еще Елизавета, / А завтра буду — имя рек». В 1937 в Берлине вышел сб. «Стихи» за подписью «Монахиня Мария» (репринт: М., 1994). Эта единств. эмигр. кн. стих., подготовл. самой К.-К., является религ. поэзией. *М.О.Цетлин*, отмечая, что К.-К. знает жизнь «подлинную, страдающее эмигрантское дно», и эта жизнь кажется ей «воронкой в ад», а иногда и «прямо адом», видел в ее поэзии «свидетельство о чем-то большом и подлинном, комментарий к религиозному труду и подвигу» (СЗ. — 1938. — № 66. — С. 450). Сохранились свидет-ва о том, что К.-К. никогда не отделывала своих стихов, дававшихся ей легко. И хотя у нее был лит. опыт и большая поэтич. культура, не все в ее кн., раздел. на две части: «О жизни» и «О смерти», равноценно. Тот же критик заметил, что стихи о смерти (кроме проникнутых сильным чувством стихов о смерти дочери, уехавшей в Москву и умершей от сыпного тифа в июне 1936) холоднее и дидактичнее стихов о жизни, в к-рых звучит тема Иова, упреки Богу за дурно созданный мир: «Убери меня с Твоей земли, / С этой пьяной, нищей и бездарной...» (так начинается стихотворение). *Г.Адамович* полагал, что монахиня Мария имеет основания поучать, потому что идет к людям с помощью; «она должна поучать и призывать, иначе изменила бы себе. Она говорит не от своего имени», ибо «нашла цель. Для нее уже невозможно быть всегда и во всем с теми, кто предоставлен сам себе и кто в творчестве ищет какого бы то ни было выхода из жизненной тьмы» (ПН. — 1937. — 17 июня). В творчестве К.-К. иногда ощущается близость с поэзией «парижской ноты», с ее апокалиптич. настроениями, агностицизмом («Не то, что мир во зле лежит, не так...»). Через всю кн. проходит мысль о собств. ничтожестве и собств. вине. В ряде стих. намечается тема беса, «приставленного» к человеку.

Свое монаш. призвание К.-К. видела в деят. любви к ближним, прежде всего — в помощи бедным. Как свидетельствовал хорошо знавший ее *К.В.Мочульский*, она говорила о том, что путь к Богу лежит только через любовь к человеку, и на Страшном суде спросят: «накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме. И только это спросят» (Третий час. — Нью-Йорк, 1946. — № 1. — С. 71). Социальная деятельность матери Марии распространялась на мн. города Франции. Она находит свой путь служения людям, оставшись работать в миру и спускаясь на самое дно эмигр. жизни. В сер. 30-х она основала в Париже небольшой центр социальной помощи, братство «Правосл. Дело», к-рый стал местом встречи мн. писателей и философов. Еще в 20-е К.-К. была секр. Религ.-филос. акад., созд. *Н.Бердяевым*, с к-рым ее связывали друж. отношения, а поступив вольнослушательницей в Правосл. Богословский Ин-т, сблизилась с *С.Булгаковым*, ставшим ее духовным отцом. В числе основателей «Правосл. Дела» были митр. Евлогий, Н.Бердяев, о.С.Булгаков, К.Мочульский и др. С целью распространения идей объединения, расширения практич. деятельности используется журн. «Новый град», выходят сб-ки статей «Правосл. Дело», на страницах к-рых выступают мать Мария, Бердяев, Федотов, Мочульский и др. Деят. участие К.-К. принимала в собр. об-ва «Круг», осн. в 1935 *И.Фондаминским*-Бунаковым, где обсуждались религ.-филос., социально-политич. и лит. вопросы, нашедшие отражение и на страницах одноим. альм., выходившего в 1936-38, где в № 1 за 1937 была напечатана ее ст. «Мистика человекообщения».

Монашество К.-К. было отречением от своего «я», самопожертвованием, самоотдачей. Она выбрала своеобр. путь — монашество в миру, и шла в мир, сочетая иночество и материнство. Ею были организованы общежития с дешевой столовой, для к-рой она сама доставала продукты и готовила, санаторий для туберкул. больных. На ул.Лурмель в Париже ею была оборудована церковь, в устройство к-рой К.-К. вложила все свои худож.-декоративные, живописные и рукодельные способности: ею выполнены роспись стен и стекол, вышиты гладью панно. «Приняв монашество, мать Мария не захотела уединиться в созерцательной жизни, отмежеваться от «мира». Напротив, с удвоенной энергией она стала бороться с горем и злом в мире, не щадя себя, забывая о себе, отдавая себя до конца делу помощи ближнему. В этом она чувствовала свою особую дорогу, крест, данный ей»; недаром «образ «огня», «пламени» постоянно встречается в стихах матери Марии», — писал *Ю.К.Терапиано* (Терапиано Ю. Встречи. — Нью-Йорк, 1953. — С. 145-146). В нач. ми-

ровой войны в 1939 «Правосл. Дело» основало швейную мастерскую, исполнявшую заказы для франц. армии и дававшую этим заработок женам и матерям мобилизованных рус. происхождения. После оккупации Парижа сотни евреев обращались к матери Марии за помощью и убежищем. Им выдавали свидет-ва о принадлежности к правосл. приходу на ул.Лурмель, док-ты, их укрывали, отправляли в провинцию. Во время массового евр. погрома 1942, когда тысячи евреев, вкл. детей, были загнаны на стадион (велодром д'Ивер), К.-К. пробралась туда и спасла неск. детей. Отчетливо понимая весь ужас фашизма, в своей неизд. ст. «Размышления о судьбах Европы и Азии» (1941) она писала, что во главе избр. «расы господ стоит безумец, параноик, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смирительной рубашке, в пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенной» (Гаккель С. Мать Мария. — М., 1993. — С. 158-159). 9 февр. 1943 К.-К. была арестована за укрывательство евреев и отправлена в концлагерь Равенсбрюк. Помощь ближнему, жизнь для других продолжают оставаться нормой ее поведения и там. Мать Мария погибла в газовой камере.

В 1947 под им. матери Марии в Париже вышел посм. сб. «Стих., поэмы, мистерии: Восп. об аресте и лагере в Равенсбрюке», изд. ее быв. мужем Д.Е.Скобцовым; там опубл. две поэмы («Похвала труду» и «Духов день», 1942) и две мистерии в стихах («Анна», 1939 и «Солдаты», 1942). Мистерия «Анна» в творчестве и миросозерцании К.-К. имеет программный характер. Здесь она описывает свое решение жить монахиней не в монастыре, но исполнить служение в миру. В мистерии дается своеобр. апология образа жизни матери Марии, полагает С.Гаккель. Из любви к людям Анна «приняла на себя бремя зла. Этой же любовью она его победоносно упразднила», ибо «любви и самопожертвования ад не вмещает» (Гаккель С. — С. 69). В мистерии «Солдаты» действие происходит во время войны в арестном помещении при нем. комендатуре. Преследование фашистами франц. евреев и коммунистов рассматривается как попрание осн. принципов и религ. законов жизни. Несомненную биогр. ценность представляют восп. об аресте и тюремном и лагерном свидании с матерью, С.Б.Пиленко, к-рая приводит прощальные слова К.-К.: «Мое состояние — это то, что у меня полная покорность к страданию, и это то, что должно со мною быть и что, если я умру, в этом я вижу благословение свыше. Самое тяжелое и о чем я жалею, что я оставила свою престарелую мать одну» («Стих., поэмы, мистерии». — С. 152). С Богом не страшны ни грядущая смерть, ни мучения — этот мотив пронизывает и лирику К.-К.

«Об-вом друзей Матери Марии» и С.Б.Пиленко в 1949 в Париже был издан второй сб. К.-К. «Стихи». Автор вступ. ст. *Г..Раевский*, друживший с матерью Марией в последние годы ее жизни, пишет, что в ее стихах ощущается «полнота жизненной ответственности за все сказанное (и сделанное)», ибо подлинное творчество всегда искренне, и тем самым «оно является прямым свидетельством о человеке. Такою искренностью (в первичном, огненном значении слова) отмечено все, что написано матерью Марией. Стихи ее (как и все ее деяния) — «вулканического» происхождения, при чтении к-рых чувствуется порою как бы некий жар «неостывшей лавы» (с. 13). В изд. входит интермедия «Семь чаш», написанная в годы перед арестом. Перед войной мать Мария посещала рус. безработных Парижа, оказывая им помощь. Под впечатлением личного опыта также написана и интермедия «Израиль», входящая в «Семь чаш».

Изд.: «Убери меня с Твоей земли»: Стихи // Нов. мир. — 1990. — № 5.
Восп., статьи, очерки. — Париж, 1991.
Избр. — М., 1991.
«Наше время еще не разгадано...»: Стихи. Воспом. Письма. — Томск, 1996.

Лит.: Пильский П. Рец.: «Стихи». // Сегодня. — 1937. — 23 нояб.
Мочульский К. Мать Мария // Встреча. — Париж, 1945. — № 2.
Манухина Т.И. Монахиня Мария (К 10-летию со дня кончины) // НЖ. — 1955. — № 41.
Зандер В. Мать Мария: К десятилетию со дня смерти // ВРХД. — 1954. — № 36.
Бердяев Н.А. Памяти монахини Марии (Скобцовой) // Там же. — 1965. — № 78.
Микулина Е.Н. Мать Мария: Ром. — М., 1983; 2-е изд., доп. М., 1988.
Плюханов Б. Мать Мария (Скобцова) // Блоковский сб. — Тарту, 1989. — Вып. 9.

Шустов А.Н. Свидет-ва современника о матери Марии // ВРХД. — 1992. — № 166.
Восхождение: О жизни и творчестве Е.Ю.Кузьминой-Караваевой / Сост. Куприянова Д.В. — Тверь, 1994.
+Бахрах; Казак; Михайлов; РП-3; Струве.

Т.Г.Петрова

КУПРИ́Н Александр Иванович (26.VIII (7.IX). 1870, Наровчат, Пензенская губ. — 25.VIII.1938, Гатчина, похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде) — прозаик. Отец, дворянин, служил уездным письмоводителем, умер, когда сыну шел второй год. Мать, из рода татарских князей Куланчаковых, после смерти мужа жила в моск. Вдовьем доме, с 1873 по 1877 вместе с сыном. К. закончил Кадетский корпус (1888), затем Имп. Александровское юнкерское уч-ще (1890). Четыре года служил в 46-м Днепровском пехотном полку на Украине, после чего вышел в отставку. Сменил множество занятий, освоил десятки профессий, пока не избрал лит. поприще. Впервые опубл. рассказ «Последний дебют» в «Рус. сатирич. листке» 3 дек. 1889. С сер. 90-х стал пост. автором (часто за подписью В.Теплов, А.Поспелов, Алеко и др.) газ. «Киевское слово», «Киевлянин», «Жизнь и искусство», печатался в журн. «Рус. богатство», «Новый мир». Работал в ред. «Журнала для всех» (1901), затем «Мира Божьего», (1902-3). Первые сб. прозы — «Киевские типы» (Киев, 1896), «Миниатюры» (Киев, 1897), «Рассказы» (СПб., 1903). С 1906 по 1917 последовало пять собраний его соч. в разных изд-вах и мн. однотомников избр. прозы. К художнику пришла всерос. слава.

Первую мировую войну К. принял с надеждой на разгром нем. милитаризма и устойчивый мир для Европы. В нояб. 1914 был призван в армию, до мая 1915 командовал пехотной ротой из резервных частей в Гельсингфорсе, демобилизован по болезни.

Февр. рев. К. встретил сочувственно, сблизился с эсерами, редактировал (весна — лето 1917) их газ. «Свободная Россия», где писал о подвижничестве «декабристов, петрашевцев, народовольцев» (1917. — 17 мая). Окт. революция была воспринята им как стихия всеобщего разрушения и вражды («Эра». — 1918. — № 4). К., тем не менее, участвовал в культурных мероприятиях: читал лекции в Петрогр. школе журнализма, сотрудничал в книгоизд-ве «Всемирная лит-ра», расценивая при этом текущие дни как гибель России. «Кажется, никогда этого и не было: ни славной армии, ни чудесных солдат, ни офицеров-героев, ни милой, беспечной, уютной, доброй русской жизни», — печально заканчивается рассказ «Сашка и Яшка» (1918) об отважном лейтенанте-летчике. В «Гусенице» (1918) «делу веселому» (так иронично обозначена «теперешняя революция») противопоставлены давние упования на свободу: «Сколько радости было, надежд». В ст. «Ленин» (Общее дело. — 1921. — 21 февр.; переизд.: Слово. — 1991. — № 3) К. рассказал о своей неудавшейся попытке издавать нар. газ. «Земля».

Осенью 1919 в Гатчину, где постоянно жил К., вошли войска ген. Н.Н.Юденича, главнокомандующего Сев.-Зап. армией. В окт. 1919 К. стал ред. его штабной газ. «Приневский край» (Нарва), где выразил свое резко-отрицат. отношение к большевикам. В ст. «Еда» он писал: «Если победят большевики, то голодными вы останетесь всегда, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь... Потому что свои опыты коммунизма они по рецепту самого ихнего пророка Маркса могут производить только над голодным, потерявшим разум, силу и волю скотом, кормя его одними посулами» (Приневский край. — 1919. — 24(11) окт.). При отступлении Юденича уехал вместе с ним, недолго пробыл в Эстонии, потом устроился в Гельсингфорсе, где сотрудничал в эмигр. газ. «Новая рус. жизнь», выпустил сб. «Звезда Соломона» (Гельсингфорс, 1920), куда были включены изд. еще в России рассказы. С июля 1920 поселился в Париже, в 1921 редактировал газ. «Отечество» (Париж), помещал в газ. «Общее дело», «В.» фельетоны против большевизма, но высмеивал и сторонников новой интервенции в Россию. Острее, мучительнее, чем многие, К. переживал отрыв от отчей земли, рус. яз. В 1923 он писал: «Боль и тоска по родине не проходит, не притерпливается, а все чаще, глубже» (Рус. новости. — Париж, 1946. — 26 янв.).

О своем прощании с Россией К. рассказал в автобиогр. повести «Купол св. Исаа-

кия Далматского» (Рига, 1928, предисл. *П.Пильского*). В основе сюжета — вступление в Гатчину частей Сев.-Зап. армии и ее отступление. Но временные границы расширены восп. о событиях 1914-18, раздумьями периода создания повести. Анализ фактов, док-тов, поведения людей К. сочетает с погружением в душевное состояние, свое и своих близких, в переломный момент их жизни. «Обостренную любовь и жалость к родине» вызвала трагедия страны. Разрушения устрашали: кровавый террор чекистов, бесчинства «новых властей», «предсмертная летаргия» голодного населения, классовая ненависть — «нелепая борьба пролетариата», «жалкие, изможденные» красноармейцы, не ведающие, «во имя чего их гнали на бойню». Свержение большевист. режима было встречено ликованием: «Свобода! Какое чудесное и влекущее слово». Символом свободной России и стал дошедший издалека до Гатчины солнечный блеск купола св.Исаакия. Радостный подъем сменился горькими размышлениями о причинах отступления Юденича и чувством признательности писателя борцам с большевиками: «Я только склоняю почтительно голову перед героями всех добровольческих армий» (Нева. — 1992. — № 1. — С. 236).

В очерках о Франции «Юг благословенный» («Новые пов. и рассказы». — Париж, 1927), «Париж домашний» (В. — 1927. — окт.-дек.) К. передал восприятие этой прекрасной страны сопоставлением ее пейзажей, городов, тружеников с Россией, оттенив «болезненные признаки ностальгии». К. сказал в 1926: «Писать о России по зрительной памяти я не могу. Когда-то я жил тем, о чем писал» (Красная газ. — Веч. вып. — 1926. — 5 янв.). Мешали бытовые трудности. *М.Алданов* вспоминал: «Жилось ему за границей не сладко, хуже, чем большинству из нас» (ПН. — 1937. — 2 июля). Во Франции К. выпустил два сб. ранее опубл. на родине произв.: «Суламифь» (Париж, 1921), «Рассказы для детей» (Париж, 1921). Из прозы периода эмиграции были составлены 8 кн., изд. с 1927 по 1934 в Париже, Риге, Белграде. В 1928 участвовал в съезде писателей-славян в Белграде. Соч. К. переводились на франц. и др. яз.

В рассказах 20-30-х ясно слышна печально-недоумевающая интонация. Самые радостные картины венчаются грустным раздумьем: «Да вот пришла эта война проклятущая, а потом эти колхозы и другая неразбериха», исчезли «грамотные лесничие, и охота русская, и хозяйство русское», «все, как помелом, смело» («Вальдшнепы», 1933). Горечь вызывают не одни рос. события — вся действительность XX в. В «Царском писаре» (1919) указана причина: «утопленность жизни», «удесятеренная» «всеобщей нервностью». «Однорукий комендант» (1923) усугубляет ту же мысль прославлением героич. прошлого. Его выразителем оказались реальные доблестные ген. И.Н.Скобелев, его внук Д.М.Скобелев. В минувшем находит автор людей, рожденных «раз в тысячу лет, по особому заказу природы» («Блондель», 1933).

Своеобр. ретроспектива — гл. принцип построения малых форм прозы. К. обращается к фактам истории, хотя не без учета более поздних фантазий о них («Однорукий комендант»), «оживляет» образы выдающихся спортсменов, цирк. артистов, матадоров («Лимонная корка», 1920; «Пунцовая кровь», 1926; «Блондель»), о ком написаны мемуары и сложены устные легенды. Нередко помогает «пережить упоительную сказку», в ней обретя пример подлинной мудрости или красоты («Кисмет», 1923; «Синяя звезда», 1927; «Геро, Леандр и пастух», 1929), либо среди обычных фигур открывает обладателя неодолимой (иногда грозной) власти над ними («Система», 1932; «Гемма», 1932; «Ночная фиалка», 1933). Широко порой развернуто авторское размышление во имя «вечного, прекрасного, животворящего, доброго солнца» на небе и в душе человеческой («Золотой петух», 1923; «Мыс Гурон», 1929). Влечение к загадкам былых свершений в атмосфере томит. настоящего придает большую подвижность повествованию, эмоцион. и красочную контрастность тексту, весомость обобщениям. Последние далеко не однозначны. Среди серьезных немало шуточных или ироничных (всех оттенков) мотивов: «Тень Наполеона», 1928; «Бредень», 1933; «Царев гость из Наровчата», 1933.

В эмиграции К. написал три ром., оригин. по творческому поиску. Первым появилось «Колесо времени» (В. — 1929. — февр.-май; отд. изд. в одноим. сб. Белград, 1930). Кроме романтизиров. образов Олеси, Суламифи, у писателя не было героинь, обладающих духовной гармонией. Мария в «Колесе времени» — реальная современни-

ца автора, наделена этим редким и естеств. для нее даром. К. интересуют не отношения разных людей, а истоки их несовместимости. Мария внутренне свободна: не боится ничьей власти и следует естеств. душевным влечениям. Любовь для нее наслаждение, она чужда расчета, «проста, невинна и свежа», потому и открывает мир заново. По той же причине Мария не способна к компромиссу с собой: увидев растущее равнодушие «Мишики», она покидает его навсегда. Михаил, напротив, боязлив при встрече с удивит. женщиной, затем мстит ей за «выдуманное уничижение», вместе с тем мучится ревностью к ее прошлому. Он сам убивает «таинственный дар любви». К. проникает в диссонансы общечеловеч. психологии (независимость — собственнические наклонности, богатство переживаний — пресыщенность плотскими наслаждениями), объясняя их врожденными чертами. Разумность жизн. уклада дает Марии спокойную веру в себя и одновременно лишает ее вольной, играющей силы, к-рая «бродит в молодой расе» Михаила. Однако им владеют «неистовая вспыльчивость» (татарская кровь) и «русское ковырянье в своей и чужой душе». Возможное счастье рушится. Но Михаил (в форме его исповеди ведется повествование) так казнится былой близорукостью, что становится ясно его внутр. преображение.

Из поздних соч. К. совсем исчезает событийный «ускоритель» действия. Автор как бы вглядывается в мельчайшие детали изображаемой картины. «Неторопливость» возрастает в произв. рус. темы. Ром. «Юнкера» (В. — 1928. — янв., февр., апр., май, авг.; 1930. — февр., июль, сент., окт.; 1932. — окт.; отд. изд.: Париж, 1933) был задуман как продолжение пов. «На переломе» («Кадеты», 1900) и написан еще в России, но эта рукоп. не сохранилась. Писатель любовно прощается со своей молодостью, дорогими подробностями родной атмосферы. Изменяется эмоц. настрой изложения. Критич. пафос «Кадетов» явно вытеснен благодарным чувством, вызванным «строгим и мягким, семейным, дружеским военным воспитанием». Все, некогда окружавшие юнкера Алешу Александрова, — от нач. уч-ща до фельдфебелей и товарищей — оставили у него теплое воспоминание. Особым светом пронизана сцена встречи государя Александра III. Памятью сердца возвращены из прошлого люди, события, переживания. Ром. стал худож. доктом жизни воен. уч-ща и гораздо шире — моск. учащейся молодежи кон. XIX в. Освещено и сокровенное внутр. бытия гл. героя: пробуждение мужественности, смена полудетской влюбленности в жен. красоту первым серьезным чувством, проявление самостоятельности. Любой эпизод, ценный сам по себе, волнует Алешу стремительностью душевных метаморфоз.

«Жанета: Принцесса четырех улиц» (СЗ. — 1932. — № 50; 1933. — № 53; отд. изд. в одноим. сб.: Париж, 1934) переносит читателя к др. полюсу человеч. существования, где нет ни радости, ни молодости, ни счастливого общения с родств. средой. И образы прошлого, к-рые воскрешает в себе проф. Симонов, — самого мрачного свойства. В ром. — мучит., полунищенский быт лишенного родины русского на чердачной париж. мансарде. Страшная правда о «принудительной эмиграции» развернута во всем ее трагизме. Однако в судьбу героя вложен более горестный смысл. Обездоленность выселенного из России проф. оборачивается одиночеством талантливого, честного и гордого, независимого в убеждениях человека в «кособоком, разрозненном» мире. Бесконечная череда утрат отъединила старика от людей (символичное имя дает он своему коту — Пятница), привела к болезн. раздвоению. «Святая, широкая душа» вынуждена защищать себя от скучного внутр. голоса, доносящего расхожие мораль и советы. Духовные запросы Симонова на редкость богаты и напряженны. В нем мастерски раскрыта взрывчатость давно, казалось бы, устоявшейся личности. Источник один — неутоленная жажда живой жизни. Ее сила и заключена в «принцессе четырех улиц», маленькой, грязной девочке, полной острого любопытства к окружающим, не замеченным никем тайнам, естественно слившейся с «молодым темпом» Парижа. Встреча с Жанетой — солнечный луч в одиноком существовании Симонова, которое все-таки не прерывается с отъездом ребенка.

Романы К. 20-30-х подсказаны его чуткостью к сложной содержательности привычных дней. В них ищут счастливых поворотных событий (Михаил — «Колесо времени»), а они несут мудрое понимание

вечного в сиюминутном. Герой «Юнкеров» по своему нежному возрасту ощутил это интуитивно, Симонов осмыслил глубоко.

Осознание многозначности явлений сыграло, видимо, свою роль в решении К. вернуться на родину. Еще в сер. 20-х он взглянул на свое положение с неожиданной стороны: «Скрылись мы от дождя огненного, жизнь свою спасая» (Красная газ. — 1926. — 6 янв.). К тоске по отчему дому прибавилось ощущение вины (хотя отношение к Советам не изменилось), позже, с нач. тяжелой болезни предельно усилилась мечта увидеть родной край. Возвращению К. помог акад. И.Я.Билибин. 31 мая 1937 писатель приехал в Москву. В «Известиях» (1937. — 18 июня) опубл. «Отрывки восп.» о встречах с *Горьким*, в «Комсомольской правде» (1937. — 11 окт.) — эссе «Москва родная», где К. поделился радостными впечатлениями о городе, «разноголосом ребячьем хоре» детей, отдыхавших в подмоск. Голицыно (здесь летом 1937 К. жил на даче), планами экранизации своих произв. Обстоятельства возвращения К. на родину освещены в сообщении А.В.Храбровицкого «А.И.Куприн в 1937 г.» (Минувшее. — М., 1991. — № 5).

Изд.: Собр. соч. — М.; Берлин. — 1921-1925. — Т. 1-12.
Храбрые беглецы: Рассказы для юных читателей. — Париж, 1927.
Елань. — Белград, 1929.
Собр. соч. — М., 1970-1973. — Т. 1-9.

Лит.: Григорков Ю. А.И.Куприн (К 50-летию со дня рождения). — Гельсингфорс, 1920.
Алданов М. Рец.: «Новые пов. и рассказы» // СЗ. — 1927. — № 32.
Раевский Г. Рец.: «Купол св.Исаакия Далматского» // В. — 1928. — 23 февр.
Пильский П. А.И.Куприн: Сорокалетие лит. деятельности // Числа. — 1930. — № 2/3.
Браславский А. Рец.: «Юнкера» // Числа. — 1933. — № 7-8.
Бунин И. Перечитывая Куприна // СЗ. — 1938. — № 67.
Врангель Л. Восп. об А.И.Куприне // НЖ. — 1963. — № 71.
Дынник А. А.И.Куприн: Очерк жизни и творчества. — East Lansing, 1969.
Куприна К.А. Куприн — мой отец. — М., 1971.
Михайлов О. Куприн. — М., 1981.
«Всероссийский гатчинский житель». Биобибл. указ. лит. — Гатчина, 1990.
Хеллман Б. А.Куприн против сов. власти // Рос. лит-вед. журн. — 1994. — № 4.
+Адамович; Амфитеатров; Берберова; Бунин; Казак; Михайлов; Полторацкий; РП-3; Седых; Соколов; Струве.

Л.А.Смирнова

КУРДЮ́МОВ М. (наст. имя Мария Александровна Каллаш, урожд. Новикова; 18(30).XII.1885, Тверская губ. — 1954, Париж) — философ, лит-вед. До 1917 работала в Москве журналистом (псевд. Гаррис). В нач. 20-х эмигрировала во Францию.

В 1927 в парижск. изд-ве YMCA-Press выпускает кн. «Риму или Христу?» под псевд. М.Курдюмов, в 1928 — «Кому нужна церк. смута?» (Париж). В 1929 К. издает кн. «О Розанове» (Париж), полную филос. размышлений. К. считает, что Розанов соответствовал своему времени только хронологически, отсюда извечное одиночество и парадоксальная устойчивость гения. Розанову, в понимании К., была свойственна исключит. откровенность филос. размышлений о религии. Его своеобр. отступничество от Христа, обращение к Ветхому завету как к культу размножения и изобилия, размышления о смерти и возрождении, преодоление своего христоборчества — это трудный религ. путь к Христу. «И вся богоборческая или христоборческая жизнь Розанова с ее страстными метаниями, порывами, протестами — есть изумительная и глубочайшая в своей сокровенности история человека, ищущего Бога и стяжающего Его через все преграды мира, через все захватывающее мистическое прельщение миром» (с. 39).

С 1929 К. становится пост. автором органа рус. религ. мысли журн. «Путь». Осн. тема ст. и книг К. — судьба Рус. Правосл. Церкви на родине и судьба православия в рус. зарубежье, церковь и большевизм, церк. раскол кон. 20-х — нач. 30-х. В ст. «В Фаворском свете» (Путь. — 1929. —

№ 17) К. прослеживает историю православия и приходит к выводу, что христианство в Моск. Руси придерживалось скорее внешней, обрядовой стороны, не затрагивая самого существа веры. Раздумывая над будущим христианства в сов. России в условиях насаждения атеизма, К. заключает, что именно после трагич. событий христианство ожидает большое подвижническое будущее, возрождение и полное освобождение от налета устаревшего офиц. благочестия. К этой же теме К. обращается в ст. «Православие и большевизм» (Путь. — 1930. — № 22). То, что церковь не пала вслед за самодержавием, дает К. повод вернуться к выводу, что религ. сознание сможет преодолеть большевизм, что православие ждет истинное возрождение: «После долгих веков Россия увидала и поняла, может быть, впервые, что Церковь от Бога, а не от государства получает истинное бытие» (с. 85). В 1931 К. публикует ст. «О христ. максимализме» (Путь. — № 29), продолжая серию очерков и ст. о судьбе православия в рев. России. Максимализм К. считает свойством рус. натуры, этим объясняет размах рус. революции. Разрушит. максимализму рус. церковь противопоставила максимализм терпения и любви. К. становится защитником патриархии, к-рую многие в эмиграции обвинили в соглашательстве. Для философа первостепенным был вопрос верности Христу. Полагая, что рус. церковь осталась с мытарями, со смирением претерпела жестокость новой власти, считала, что осуждать это смирение в условиях безопасного зарубежья — «значит уйти от России, отказаться от ее судьбы и эмигрировать до конца» (с. 66). Ст. К. послужила предметом полемики в журн. «Путь». Со ст. «Неудачная защита» выступил *Г.Федотов* (Путь. — 1931. — № 29), где обвинил К. в «религ. национализме» (с. 69), а отождествление правосл. церкви с личностью митр. Сергия считал типично римско-католич. ходом мысли. Федотов полагал, что дорожить сохранением культа, добиваться беспрекословного подчинения и видимости единства невозможно, когда с самого высокого церк. места оправдываются террор и безвинные убийства. Будучи представителем тех эмигр. кругов, к-рые остались верны Рус. Православной Церкви во главе с митр. Сергием, К. в своем «Ответном письме Г.П.Федотову» (Путь. — 1931. — № 31) потребовала и далее полн. беспрекословного канонич. подчинения патриархии.

В ст. «Церковь и мир» (Путь. — 1939. — № 59) К. писала: «До глубин рус. эмигр. сознания будто не доходит совершающееся в мире. До сих пор это сознание продолжает оставаться контуженным русской революцией» (с. 17). В понимании К. вместо того, чтобы прийти к действенному, творч. исполненному любви христианству, эмиграция ушла в политич. борьбу, в церк. раскол, продиктованные страхом перед прошлыми и будущими катастрофами. Осн. мысль публ. К. — необходимость церк. единства эмиграции и России, несовместимость полит. амбиций с понятиями вечного и духовного порядка — с верой и религией. В 1939 К. выпустила в Париже кн. «Рим и Правосл. Церковь», в своих положениях перекликающуюся с более ранней кн. «Риму или Христу?» В основу кн. легла полемика с католич. священнослужителями д'Эрбиньи и Олавом Леруа, к-рые рассматривали Россию как страну католич. будущего. К. категорически и страстно выступила против таких предположений.

В 1934 в Париже вышла кн. К. о Чехове: «Сердце смятенное». За 20 лет до появления кн. *Б.К.Зайцева* «Чехов», К. говорила о религиозности в подсознании рус. классика. Размышления о Чехове соединяют в себе филос. мысль и лит-ведение. Это отметил *И.Бунин*: «Но все же я неправильно писал о его пьесах. Прав Курдюмов, когда говорит, что «главное невидимо действующее лицо в чеховских пьесах, как и во многих других его произведениях — беспощадно уходящее время» (Бунин И. О Чехове. — Нью-Йорк, 1955. — С. 120). Высокую оценку кн. получила и в рец. П.Иванова (Путь. — 1935. — № 46). К. считала, что Чехова в дорев. России не дочитали и не поняли до конца, не увидели в нем философа большого масштаба, предсказавшего неизбежность трагич. будущего России. Чехов подметил в человеке своей эпохи прекрасные, но и губит. черты: неудовлетворенность нынешним днем и покорность судьбе, отвлеченность мышления, чисто рус. философствование на досуге и прозябание, сознание своего маловерия и

невозможность его деят. преодоления. К. считала, что дорев. эпоха была больна атеизмом, и в своем мировоззрении писатель соответствовал атеистич. взглядам эпохи, а в творчестве выразил осн. стихию рус. души — богоискательство.

Одной из последних работ К. стала кн. «Дни примирения» (Париж, 1946), посв. церк. жизни России и эмиграции.

Изд.: Церковь и новая Россия. — Париж, 1933.

Лит.: Пильский П. Рец.: «О Розанове» // Сегодня. — 1929. — 14 сент.

М.А.Васильева

КУ́СИКОВ (наст. фамилия Кусикян) Александр Борисович (17(29).IX.1896, Армавир — 20.VII.1970, Париж) — поэт. Первый поэтич. сб. К. — «Зеркало Аллаха» (М., 1918). Начинающий поэт не сразу нашел свою тему, в его сб. «Сумерки» (М., 1919) заметно влияние поэтики эгофутуризма. Одним из первых указал, что К. «поет с чужого голоса», но при этом разглядел его талант *К.Д.Бальмонт*: «Ты с детства знал орлов паренье / И долгий говор журавлей, / Так не меняй предназначенья — / Будь верен родине своей!» (Кусиков А., Бальмонт К., Случановский А. Жемчужный коврик. — М., 1921. — С. 5). Весной 1919 К. вступает в кружок «Лит. звено» (совместно с Есениным, знакомство с к-рым относится к 1918), а в апр. того же года — в лит. объединение «Дворец иск-в». В 1921 в Москве К. вместе с Есениным выпустил поэт. сб. «Звездный бык». Есенин в первой публикации посвятил К. стих. «Душа грустит о небесах» (1919) и цикл «Москва кабацкая». С 19 окт. по 17 нояб. 1920 находился в тюрьме ЧК.

В нач. 1922 при содействии Луначарского К. выехал в Ревель, оттуда в Берлин по командировке Наркомпроса. С 1925 жил в Париже. Стихи и письма, к-рые он присылал, дышали тоской по России. В письме из Ревеля литератору Н.Ашукину К. писал 4 февраля: «Можешь передавать всем и везде, даже не можешь, а должен: я никогда, нигде, ни в какое время не представлял, что, уехав из России, я должен буду так мучиться, так тосковать по ней, по единственной, по святой в своих страданиях и радостях. И если я до сих пор, любя ее больше всего, более себя и своих стихов, называл любимой мачехой, то здесь, теперь я убедился, что она мне самая родная, родимая мать моя... Берегите ее и ждите меня, роднейшего иноверца. Только Россия и песни ее» (РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 308). Неоднократно К. собирался вернуться в Россию. Он признавался в письме С.Буданцеву из Парижа (11 мая 1925): «Если бы ты только знал, сколько... тысяч раз я собирался к отъезду и столько же раз разбирался... Страшит меня ,одно, страшит и мучит, не забывают ли меня и не забыли ли уже в России. Это одна из больших моих трагедий» (РГАЛИ. Ф. 2268. Оп. 1. Ед. хр. 118). О близости К. к Есенину во время пребывания последнего за рубежом известно из мн. источников. Мемуаристы, однако, считали эти отношения искусственными (негативное отношение к К. в восп. *М.Горького*, *Н.Крандиевской-Толстой*, И.Соколова-Микитова и др.). Уничижительная характеристика К. приведена Горьким в его «Записках из дневника» (Горький М. ПСС. — Т. 5. Варианты. — М., 1977. — С. 662). Одни из немногих сочувственных рассказов о лит. вечерах Есенина в Берлине, когда рядом с ним неизменно находился Кусиков, даны *Р.Гулем* (Жизнь на фукса. — М.;Л., 1927) и Евг.Лундбергом (Записки писателя (1920-1924). — Л., 1930. — Т. 2).

За границей К. вел большую лит.-организационную работу, он основал в Париже общество «Друзей России», членами к-рого стали мн. франц. писатели. «Будем приглашать, — делится Кусиков своими планами с М.Ройзманом (март 1924), — и из России, т.е. русских литераторов. При «обществе» будет еженедельный журнал на французском языке. Русских будем переводить. Работа интересная...» (РГАЛИ. Ф. 2809. Оп. 1. Ед. хр. 127).

К. обогатил поэтич. систему мн. яркими образами пронзительной лирической силы, выразительно звукописными. Более 20 его стих. положены на музыку проф. Моск. консерватории С.Н.Василенко, композиторами А.Р. и В.Р.Бакалейниковыми (список произв. поэта, положенных на му-

зыку, см. в кн.: Кусиков А. Зеркало Аллаха. Стихи. — М., 1918). К. — автор популярного романса «Бубенцы» («Слышен звон бубенцов издалека...») на муз. его шурина В.Р.Бакалейникова (1885-1953; с 1927 жил в США). С нач. 30-х К. отошел от лит-ры.

Изд.: В никуда: Вторая кн. строк. — М., 1920; 3-е изд.: Берлин, 1922.
Джульфикар: Неизбежная поэма. — М., 1921.
Аль-Баррак: Поэмы. — Берлин, 1922; 2-е изд.: Берлин, 1923.
Птица безымянная: Избр. стихи. 1917-1921. — Берлин, 1922.

Лит.: В.Ш. Рец.: «Птица безымянная» // Накануне. — 1922. — 9 авг.
Вольский А. Рец.: «В никуда» // Накануне. — 1922. — 23 июня.
Потапенко Н. Рец.: «Аль-Баррак» // Сполохи. — 1922. — № 7.
<Эренбург И.> Рец.: «Аль-Баррак» // Нов. рус. кн. — 1922. — № 1.
Бахрах А. Рец.: «Аль-Баррак» // Дни. — 1923. — 15 апр.
Петровская Н. Рец.: «Аль-Баррак» // Накануне. Лит. неделя. — 1923. — 25 февр.
Савченко Т. «Я ушел, чтоб снова возвратиться...»: А.Кусиков // Дон. — 1990. — № 7.
Арест братьев Кусиковых и С.А.Есенина 19 окт. 1920 г. (Документы следств. дела) // С.А.Есенин: Материалы к биографии. — М., 1993.

Т.К.Савченко

Л

ЛАДИ́НСКИЙ Антонин Петрович (19(31).I.1896, с. Общее Поле, Псковская губ. — 4.VI.1961, Москва) — поэт и прозаик. Окончил псковскую г-зию. Поступил учиться на юрид. ф-т Петерб. ун-та, но был призван в армию в связи с мировой войной. Получил чин прапорщика. Во время гражд. войны воевал у белых, был тяжело ранен в ногу. После эвакуации армии Врангеля в 1920, перед тем как перебраться в Париж, жил в Египте. Печатать стихи в эмигр. журн. начал с 1926. Как вспоминала *Н.Н.Берберова*: «Когда я в первый раз услышала его стихи, они поразили меня новизной, зрелостью, звучаниями, оригинальностью образной цепи и ритмов» (Берберова. — Т. 1. — С. 321).

Л. принадлежал к поэтам рус. Монпарнаса, арбитрами худож. вкуса к-рых были *Г.Адамович* и *Г.Иванов*. Первая кн. стихов — «Черное и голубое» (Париж, 1931). Смысл ее назв. раскрывается в четверостишии: «Только земля, земное, / Черная, дорогая мать, / Научила любить голубое, / И за небесное умирать». Л. — поэт-постакмеист. Его эстетика, яз. стиха и ритмы продолжают традиции петерб. «Цеха поэтов». «Тяжесть» предметного точного слова напоминает порой О.Мандельштама (периода «Камня» и «Tristia»), а стилизов. стихи — «Адмирал», «Щелкунчик», «Корабль», «Готич. зима» — близки поэзии молодого Г.Иванова. О себе Л. говорит: «И я пою на путеводной лире, / Дорожные перебирая сны...» Такими снами о России можно считать — «Детство», «Стихи о Московии», «Архангельск». Оригинальны «Аргонавты»; в этом сравнительно большом стих. др-греч. миф «перекроен» — не без горькой иронии — на рус. лад. Отплытие (к чужим землям), отлет (души в эфир) — гл. мотив книги.

В том же 1931 выходит вторая кн. стихов Л. «Сев. сердце» (Берлин), утвердив имя поэта в лит-ре рус. зарубежья. Л. не питал иллюзий относительно благополучия европ. жизни после первой мировой войны. В сб. «Стихи о Европе» (Париж, 1937) он провидел огненный развал старого материка, предчувствовал еще одну страшную утрату. В 30-е Л. работал в газ. «ПН». С осени 1935 он участник лит. и религ.-филос. собр. «Круг», проходивших каждый второй понедельник месяца на квартире *И.Фондаминского* на Авеню де Версай, 130. Участники собр. выпускали одноим. альм., где печатались стихи Л.

Обретя свой голос с первой кн., Л. как поэт мало менялся. Только прежний холод одиночества сменила тема земной любви (сб. «Пять чувств». — Париж, 1938). Она варьируется в стихах: «Где теперь эти тонкие смуглые руки», «Зима на сердце у поэта», «Жестокая мудрость природы», «Может быть, ты живешь в этом доме», «Шум платья...» С ростом всемирного прогресса («Новая Америка») Л. предсказывает ненужность поэта в индустриализиров. об-ве (стих. «Роман»). В триптихе «Александр» выделяется своим сарказмом второе стих. («Жизнь — ты разбитое корыто») о старом, беззубом льве — символе былой, царств. мощи. Поэзия Л., как отмечал *В.Вейдле*, «вызывает образ широко распахнутого окна, открытого всем шумам, запахам и краскам мира» (СЗ. — 1939. — № 68. — С. 470). Одновременно со стихами Л. пишет прозу. Выходят его историч. романы «XV легион» (Париж; Таллин, 1937), «Голубь над Понтом» (Таллин, 1938) и сб. путевых очерков «Путешествие в Палестину» (София, 1937).

После победы союзников над фашист. Германией Л. в 1946 принял сов. гражданство и занял активную просов. позицию. Пытался привлечь *И.Бунина* к сотрудничеству в газ. «Рус. патриот», но тот ответил отказом. В бунинском письме от 8 февр. 1945 есть следующие слова: «...я уже давно потерял всякую охоту к какой бы то ни было политике... Вы говорите: «Поддержите нас». Но ведь это есть поддержка газеты, органа политически боевого, участие в известной политической деятельности... я

очень люблю вас и как поэта, и как прозаика (с великим удовольствием читал, между прочим, про Анну Ярославну), люблю и как человека, рад был бы сделать вам угодное, но эту вашу просьбу вынужден отклонить...» (ЛН. — М., 1973. — Т. 84. — Кн. 1. — С. 688-689). «Анна Ярославна и ее мир» напечатана в журн. «Новоселье» (1950. — № 42/44).

Пятую (и последнюю) кн. стихов «Роза и чума» Л. выпустил в Париже в 1950. В ней — повторы прежних тем и уже знакомый читателям облик поэта в романтич. голубом плаще. Он подводит итог. «И пусть мы игру проиграли / И даже умолкнем навек, / Но в битве имеет значенье / Не гибель, не раны, не страх, / А то лишь, за что мы в волненьи / С оружием гибли в руках». После запрета «Союза сов. патриотов» Л. выслали из Франции (5 сент. 1950), и он жил в Дрездене (ГДР). В марте 1955 Л. вернулся в СССР, где стихи его не издавались. Известность принесли ему ром. о становлении др-рус. гос-ва: «Когда пал Херсонес...» (М., 1959; прежде — «Голубь над Понтом»), «Анна Ярославна — королева Франции» (М., 1961). Меньшим успехом пользовался ром. Л. из жизни Рим. империи «В дни Каракаллы» (М., 1961; переработка ром. — «XV легион»). Посм. был выпущен в свет его ром. «Последний путь Владимира Мономаха» (М., 1966). Проза Л. неоднократно издавались в послед. десятилетия.

Изд.: Ист. романы / Послесл. Ковалева И. — М., 1984.
Лит.: Варшавский В. Рец.: «Черное и голубое» // Нов. газ. — 1931. — 1 марта.
Мочульский К. Рец.: «Черное и голубое» // Числа. — 1931. — № 5.
Сирин В. Рец.: «Черное и голубое» // Руль. — 1931. — 28 янв.
Цетлин М. Рец.: «Черное и голубое» // СЗ. — 1931. — № 45.
Голенищев-Кутузов И. Рец.: «Сев. сердце» // СЗ. — 1932. — № 50.
Мандельштам Ю. Рец.: «Путешествие в Палестину» // В. — 1937. — 15 мая.
Федотов Г. Рец.: «XV легион» // СЗ. — 1937. — № 63.
Цетлин М. Рец.: «Стихи о Европе» // СЗ. — 1937. — № 65.
Вейдле В. Рец.: «Голубь над Понтом» // СЗ. — 1939. — № 69.
Иваск Ю. Рец.: «Роза и чума» // НЖ. — 1951. — № 25.
Немировский А. Путь в историю // ЛО. — 1986. — № 8.
+ Бахрах; Казак; Струве; Терапиано.

М.А.Шаповалов

ЛАДЫ́ЖЕНСКИЙ Владимир Николаевич (8(20).III.1859, с. Секретарка, Сердобский уезд, Саратовская губ. — 19.I.1932, Ницца) — прозаик, поэт, обществ. деятель. Дворянин, сын подпоручика, получил дом. образование, с 1870 по 1875 посещал уч-ще правоведения. После смерти отца вынужден был вернуться в имение; два года проработал учителем в им самим созд. сел. жен. школе.

В течение неск. десятилетий был гласным Пензенского земства, руководил земскими пед. курсами и состоял пред. об-ва нар. учителей. В нач. 80-х печатается в журн. «Дет. чтение», посещает петерб. кружок лит. молодежи, собиравшейся на квартире А.Н.Плещеева. Здесь происходит знакомство с А.П.Чеховым, перешедшее затем в многолетнюю дружбу. Первый сб. «На пашне» (М., 1893) включил в себя короткие рассказы и сказки для детей в духе рассказов Н.Д.Ушинского и позднего Толстого. В лирике же Ладыженский остался приверженцем «традиционного» для конца века направления, варьируя в сб. «Стихотворения» (М., 1896) темы и мотивы, разработанные А.Апухтиным, С.Надсоном и их подражателями.

С революцией пытается сначала сотрудничать, в 1918 возглавляет Об-во просвещения в Москве, однако в 1919 покидает Россию. Живет во Франции под Бордо, затем поселяется в Медоне, неподалеку от Парижа. Занимается пед. деятельностью. Участвует в сб. «Колос: Рус. писатели рус. юношеству» (Париж, 1928), изд. Общежитием для рус. мальчиков в Жавиле, где Л. работал. Публикуется в журн. «СЗ», газ. «В» и «Веч. время», один из постоянных авторов рижского журн. «Перезвоны». Напечатанные здесь произв. составили впоследствии единственный эмигр. сб. рассказов Л. «За рубежом» (Белград, 1930). Сюда вошли также его восп. о встречах с А.Н.Плещеевым, Н.С.Лесковым, драматургом С.А.Най-

деновым и ред. журн. «Рус. мысль» В.М.Лавровым. В журн. «Перезвоны» Л. публикует неск. небольших заметок о сб. *И.Бунина* «Митина любовь» (1926. — № 13) и «Солнечный удар» (1927. — № 36) и ром. *М.Алданова* «Чертов мост» (1926. — № 18). В этом же журн. (1927. — № 29) он печатает ст. «*Е.Н.Чириков*: К 40-летнему юбилею лит. деятельности», посв. писателю, с к-рым его связывала многолетняя дружба.

Лит.: Зайцев Б. Старый барин (о Ладыженском) // В. — 1932. — 30 янв.
Куприн А. В.Н.Ладыженский // В. — 1932. — 31 янв.
Храбровицкий А. Памяти Ладыженского // Рус. новости. — Париж. — 1962. — 3 июня.
+ РП-3.

М.Г.Павловец

ЛАЗАРЕ́ВСКИЙ Борис Александрович (26.III(7.IV).1871, Полтава — 24.IX.1936, Париж) — прозаик. Род. в семье историка Украины А.М.Лазаревского. В 1872 поступил на юрид. ф-т Новороссийского ун-та (Одесса), перешел на юрид. ф-т ун-та. Св.Владимира (Киев), к-рый закончил в 1897. Служил в судебных органах. Дебютировал рассказом «Последняя услуга» (Киевлянин, 1894. — 19-20 дек.). Плодовитый писатель с неярким дарованием; выпускает сб. рассказов «Забытые люди» (Одесса, 1899), «Пов. и рассказы» (М., 1903. — Т. 1). На его произв. явственен отпечаток чеховской манеры и мироощущения. В 1906 выходит в отставку и целиком посвящает себя писательству: появляются его сб. «Повести и рассказы» (М., 1906. — Т. 2), «Рассказы» (СПб., 1908), «Девушки» (СПб., 1910), «Семья» (СПб., 1910). Вышедшее в 1911-14 «Собр. соч.» (СПб., т. 1-7; 2-е изд. СПб., 1911-1915) встретило уничижит. отзывы: писатель воспринимался как малозначит. беллетрист, к тому же переживший свое время. До 1918 вышло еще 8 томов его соч. С авг. 1916 служит делопроизводителем управления, занимавшегося ускоренной подготовкой офицеров флота в условиях военного времени.

Революцию воспринял крайне негативно. В 1918 «при гетмане» живет в Киеве, затем — в Ростове-на-Дону, в 1919 уезжает в Тифлис, где печатает рассказы, очерки и восп. в местной прессе. В 1920 нек-рое время служил контролером на франц. пароходе (Батум-Марсель), затем уехал в Константинополь. Здесь выходят в свет 16-й (пов. «Вдова капитана». — 1920) и 17-й (пов. «Мое сердце». — 1921) тома собр. соч. В 1921 писатель перебирается в Берлин: в изд-ве О.Дьяковой он выпускает три тома рассказов («Душа женщины», «Mademoiselle Мари» и «Обреченные»), в изд-ве «Север» выходит сб. «Темная ночь. Рассказы 1919-1922» (Берлин, 1923). Эти кн. вызывают негативную реакцию со стороны критики: показательна здесь оценка последнего сборника *И.Василевским* [Не-Буква] (Накануне. Лит. прилож. — 1923. — 10 июня). Отмечая, что прозе Л. присуща «детальная, — болезненная, если хотите, — автобиографичность» (с. 7), он резюмирует: «Воистину, «нет повести печальнее на свете...», чем повесть об этом писателе, одном из многих, отошедших от России, и от этого заблудившихся, так жалостно, так очевидно и беспомощно» (с. 8). В 1921 в Париже, куда Л. вскоре переезжает, публикуется его сб. «Птицы ночные» (рец.: Григорков Ю. // Новая рус. жизнь. — Гельсингфорс, 1921. — 25 дек.). Л. пишет «непритязательные рассказы из быта русской эмиграции во Франции» (*Струве*. — С. 125); в 1928 выпускает два прозаич. сб. «Голос Родины. Новые рассказы» (Париж) и «Грех Парижа» (Рига). Эти кн. вызывают более мягкую оценку критики: говоря о первой из них, Н.Елшанский (Дни. — 1928. — 8 янв.) пишет, что «маленькие, талантливые рассказы» (с. 4) Л., проникнутые ностальгией и чувством одиночества, отличает живость и лаконичность. «Надо признаться, что форма мелких рассказов ему очень удается», — замечает критик. Г.Струве дает в целом положит. отзыв о сб. «Грех Парижа» и обращает внимание на характерную для прозы Л. коллизию: столкновение трагического с обыденной жизнью, вмешательство случая, рока в судьбу ничем не примечательных людей (Россия и славянство. — 1929. — 12 янв.). В 1930 в Белграде выходит последний сб. рассказов писателя «Лиза».

Свои рассказы, вошедшие в сб-ки, Л. публиковал в журн. «Студенч. годы», «ИР». «Мир и иск-во», газ. «Общее дело». В «Сту-

денч. годах» он выступает как критик, рецензируя «Жизнь и гибель Николая Курбова» *И.Эренбурга* (1923. — № 8), а в «Мире и искусстве» публикует ст., посв. *А.Куприну* (1930. — № 10). В последние годы жизни Л. тяготел к кругам укр. нац. эмиграции (неск. произв. он написал на укр. яз.). Всю жизнь Л. вел дневники; после его смерти осталось ок. 60 объемных томов, ставших своеобр. хроникой жизни этого писателя и его встреч со мн. видными людьми как до, так и послерев. времени.

Лит.: Алексеев Г.В. Лазаревский // Сполохи. — 1922. — № 9; то же: Алексеев Г.В. Живые встречи. — Берлин, 1923.
Ладыженский В. Б.Лазаревский // Вечернее время. — Париж, 1924. — 20 дек. Подпись В.Л.
Венус Г. Рец.: «Темная ночь» // Накануне. Лит. неделя. — 1924. — 6 янв.
Айхенвальд Ю. Рец.: «Грех Парижа» // Руль. — 1928. — 10 окт.
Пильский П. Рец.: «Грех Парижа» // Сегодня. — 1928. — 29 сент.
Пильский П. Рец.: «Лиза» // Сегодня. — 1930. — 2 дек.
+ РП-3.

М.Г.Павловец

ЛА́ХМАН Гизелла Сигизмундовна (1895, Киев — 28.X.1969, Нью-Йорк) — поэтесса, переводчица. Детство в родит. усадьбе на Украине — один из часто встречающихся мотивов в сб. Л. Счастливые дни детства и юности определили светлую тональность ее поэзии. Образование получила в Киеве. В возрасте 24 лет эмигрировала в Германию. Жила в Берлине, когда здесь существовала большая рус. писательская колония. Однако лит. жизнь рус. Берлина осталась для нее сферой посторонней. «Пробы пера» Л. не поднимались выше любит. уровня, и, сознавая это, она надолго оставила поэзию. В 1920-е переехала на пост. жительство в Швейцарию. Начавшаяся вторая мировая война заставила Л. решиться на новую эмиграцию. Осенью 1940 Л. приезжает в Лиссабон и оттуда на пароходе — в США. С 1941 до 1950 жила в Нью-Йорке. В 1943 неожиданно для самой себя снова начинает писать стихи. Лит. дебют Л. состоялся в «НРС» в 1944. Живя в Нью-Йорке, она сближается с участниками «Кружка рус. поэтов в Америке», в к-рый входит, в частности, поэт и переводчик А.Биск, знавший в 1906 Н.Гумилева и печатавшийся в его журн. «Сириус». При естеств. склонности Л. к акмеистич. поэтике встреча с Биском оказалась для нее значит. событием. В 1949 Л. вместе с Е.Антоновой, Е.Марковой, К.Славиной, Т.Тимашевой, З.Троцкой и др. помещает стихи в альм. «Четырнадцать», назв. так по числу участников. В 1950 Л. получила работу в Биб-ке конгресса и переехала в Вашингтон. В 1950-60-е ее стихи и пер. печатаются в «Мостах», «НЖ», «НРС» и др. эмигр. периодич. изд. В 1966 неск. ее стих. были напечатаны в антологии «Содружество».

Два поэтич. сб. Л. «Пленные слова» (Нью-Йорк, 1952) и «Зеркала. Вторая кн. стихов» (Вашингтон, 1965) включают сто стих. и неск. пер. из Эмили Дикинсон, Роберта Фроста и Эдны Сент-Винсент Миллэ. В наследии Л. преобладают лирич. миниатюры, написанные обычно трехстопными размерами с преим. простым ритмич. рисунком. Как и творчество мн. эмигр. поэтов, лирика Л. проявилась в русле акмеистич. поэтики. В ее стихах встречаются прямые аллюзии, ведущие к поэзии Н.Гумилева. С ранним творчеством А.Ахматовой ее сближают нек-рые разговорные интонации и часто встречающийся образ обиходной вещи, напоминающей о былой романтич. встрече. Комната и наполняющие ее предметы становятся опорой лирич. памяти. Ее стихи о природе проникнуты любовными реминисценциями. Темы и мотивы стих. Л. связаны с кругом личных чувств: ожидание встречи, разлука, рождение первенца, грусть, сожаление, дети, жертвенная любовь. Реже встречаются религ. мотивы, восп. о родной земле, размышления о поэзии. Стихам Л. чужды как филос. углубленность, так и чувство трагизма или безысходности. В светлой тональности говорится и об одиночестве и о близящейся смерти.

Критика отмечала, что уже первый сб. Л. оказался зрелой кн. Дм.Кленовский увидел в «Пленных словах» легкость и естественность, «гармоничный бег стихотворных строк» и непринужденность композиции (НЖ. — 1953. — № 32. — С. 319-320). *Г.Струве* писал о «Пленных словах» как о кн., производящей в целом приятное впечатление, но подчеркнул избыток «сырого

материала эмоций» (Струве. — С. 370). Р.Бруннер, оценивая оба сб. Л., отозвался о них как о кн., отличающихся задушевным тоном, четкостью формы и свежестью впечатлений. Тот же критик сближает характер лиризма у Л. и у Ахматовой, однако исключает подражательность и говорит о «счастливом совпадении» (Современник. — 1968. — № 17/18. — С. 154-155). Критик Я.Горбов гл. особенность творч. манеры Л. видел в том, что ее стихи «всегда овеяны доброжелательностью и добротой» (В. — 1970. — № 218. — С. 142).

Изд.: [Автобиогр. заметка] // Содружество. Из совр. поэзии рус. зарубежья. — Вашингтон, 1966.

Лит.: Источник. Антология рус. духовной лирики / Сост. Крейд В. — Чикаго, 1989.

Вадим Крейд (США)

ЛЕБЕДЕВ Вячеслав Михайлович (28.IX.1896, Воронеж — 6.VI.1969, Прага) — поэт, прозаик, переводчик, критик. Род. в семье врача. Окончил воронежскую г-зию и, вероятно, в 1915 приехал в Петербург продолжать свое образование. В его записной кн. рядом со стихами, перемежающимися матем. формулами, появляются имена Ф.Достоевского, В.Розанова, Ф.Ницше, историка лит-ры А.Пыпина.

В начале 1920 покинул Россию. Поручиком Белой армии Л., получив ранение (к-рое сделало его пожизненно инвалидом), эвакуировался из Крыма в Константинополь. Прожив полгода в Болгарии, Сербии, в Белграде, он перебрался в Вену, а оттуда в 1922 переехал в Прагу, где жил до кон. своей жизни. В 1932 Л. окончил пражск. Высшее технич. уч-ще, но диплом инженера-строителя не облегчил рус. эмигранту трудностей в поисках работы. Во время войны он был арестован гестапо, но после допросов его выпустили.

Стихи начал писать с 1913, увлекался символистами как рус. (*К.Бальмонт*, В.Брюсов), так и франц. (П.Верлен, Э.Верхарн). Уже в первых стихотв. набросках рядом с духовными мотивами появляются и городские, навеянные образами Петербурга. Первое выступление в печати — в 1913 в газ. «Дон» (Воронеж), а за границей — стих. «Изгнание» в газ. «Россия» (София) 17 окт. 1920. Вступлением в лит-ру стала публ. неск. стих. в журн. «РМ» (1923. — № 3-5. — С. 108-109). Л. предстал в них поэтом прозрачной духовной лирики, в к-рой образы религ. символики занимают центр. место. В кон. 1922 Л. начал посещать пражск. лит. объединение «Скит» (первоначально «Скит поэтов») и вскоре стал его активным членом. Он участвовал почти во всех вечерах «Скита», к-рые устраивались каждый год на протяжении двух десятилетий. В трех сб., выпущенных объединением, опубл. его стихи (Скит I. — Прага, 1933; Скит II. — Прага, 1934; Скит IV. — Прага, 1937). Л. бывал частым гостем лит. кружка рус. писателей «Далиборка», в журн. «Воля России», где устраивались «лит. чаи». В 1928 он стал чл. Союза рус. писателей и журналистов в Чехословакии. В 20-е Л. печатался в эмигр. периодике («Студенческие годы», «Воля России», «СЗ», «Журнал Содружества», в газ. «Россия и славянство», «В», «Руль» и др.), а также в антологиях (Якорь. — Берлин, 1936; Вечера под зеленой лампой. — Берлин, 1923?). Критики заговорили о нем как об одном из своеобразнейших молодых поэтов Праги, поэзия к-рого отмечена внутр. зрелостью.

В произв. Л. 20-х отразились размышления поэта о судьбах своего поколения, прошедшего через революцию и Белое движение, пережившего Перекоп и крымскую эвакуацию. Это и воплощенный в форму сбивчивого лихорадочного рассказа вполне конкретный воен. эпизод, к-рый сохранила память, и попытка самоосознания себя в ист. событии через эпич. форму. «Кавалерийская баллада» (Студенческие годы. — 1925. — № 2) — произв. конкретной, почти кинематографич. образности. Истоки его отточенной ритмики лежат в блоковской поэме («Двенадцать»), цветаевской мелодике. Классич. ямбы «Поэмы временных лет» (Воля России. — 1928. — № 5) развертывают цепь ист. событий, к-рые вовлекли в свой водоворот автора, прошедшего вместе со своим поколением путь от Петербурга до Праги через Крым и Константинополь. «Земля иная приняла / То, что своя не захотела — / Два переломанных крыла / И высь запомнившее тело. / Так, совершив

сквозь глубь времен / Шестисотлетнюю дорогу, / Был Византии возвращен / Двуглавый герб Палеологов...» (С. 34). Произв. Л. было напечатано в номере вместе с поэмой *А.Эйснера* «Конница». *М. Слоним* в ст. «Россия и Европа. По поводу двух поэм», написанной в виде послесл., рассматривал «Поэму временных лет» совсем в ином аспекте. Противопоставленные «скифство» Эйснера и «западничество» Л. дали М.Слониму повод для размышлений о судьбах России в контексте взаимоотношений с Европой.

Первый и единств. поэтич. сб. Л. «Звездный крен» (Прага, 1929) вышел в сер. изд. «Скита» под номером первым. Образный лейтмотив сб., выраженный и в назв., — «Звездный крен» земного корабля-дома связал стих. кн. в единое тематич. и поэтич. целое, что позволило критике уподобить его «симфонич. поэме» (*Струве Г.* Заметки о стихах: Вячеслав Лебедев // Россия и славянство. — 1929. — 24 авг.). В сб., как и во всем поэтич. наследии Л., на передний план выступает тема эмигр. скитальчества. Особенно прозрачна она в стих. «Вечернее возвращение», «На дальнем пути». Ее модификацией затем выступает в более широком плане тема скитания души. Например, в стих. «Выход из круга»: «И падая на камни, обомлев, / Не о тебе душа в припадке страждет. / Не о земном, но об иной земле / Святой восторг неутолимой жажды!» (с. 20). Г.Струве особенно выделил в поэтич. мироощущении Л. мотивы земные («дымный хлеб», «утлый сосуд» счастья, «дар скупой» — жизнь) и внеземные («звезды», «крылья», «море»), воплощающие «внеземные странствия души». «Жизнь — боль, но вместе с тем и чудо: вот краткая формула этого мироощущения». Менее удачными счел критик попытки выйти за пределы чисто лирич. стихии в стих., в к-рых отразился хаос совр. жизни. М.Слоним, к-рый постоянно откликался на произв. лит. молодежи в журн. «Воля России», напротив, считал очень типичной для Л. попытку «опоэтизирования совр. быта и среднего человека» (Воля России. — 1929. — № 10-11. — С. 112). По его мнению, «Лебедев пытается дать очень своеобразную лирику «нашего века». Вещи и впечатления современного человека постоянно присутствуют в его поэзии и придают ей особый отпечаток» (там же).

Начиная с 1929 Л. постоянно на протяжении 10 лет переводил на рус. яз. чешск. классич. и совр. поэзию для журн. «Центральная Европа» (Прага, 1927-38). Наиб. интерес переводчика был сосредоточен на совр. авторах, особенно были близки Л. Я.Сейферт, В.Незвал, Й.Гора, Ф.Галас. В этом журн. Л. печатал также рец. на сб. чешск. поэтов. В 1937 в Праге вышла антология его пер. стих. чешск. поэтов «Стихи о смерти Масарика». Занимался Л. и пер. с рус. яз. на чешск. Перевод стих. *И.Бунина* отличался высоким мастерством (Slovanský přehled. — 1936. — № 26). Неск. рассказов Л. были переведены на чешск. яз и опубл. в чешск. периодике. Переводч. деятельность Л., его увлечение совр. чешск. поэзией оказали влияние на его собств. поэтич. почерк. В его поэзии появились такие формальные элементы, как быстрая смена планов, причудливые ассоциации, размытые логич. переходы. В лирику 30-х все больше вторгалась современность. «Как жаль, что в Европе нет небоскребов, / Чтобы моя душа / Могла развеваться, как флаг созиданья / На самой верхней конструкции» («Выше небоскребов» // Скит I. — С. 7). Несколько лит.-критич. ст. Л. о рус. лит-ре влились в русло лит. полемик между Прагой и Парижем («Поэзия и современность» // Воля России. — 1931. — № 3-4).

В 40-е Л. печатал свои произв. вне Чехословакии (Ковчег 2. Сб. рус. заруб. лит-ры. — Нью-Йорк, 1942). После войны, не имея возможности печататься ни в Чехословакии, ни в СССР, опубл. свои стих. в США (антология «На Западе». — Нью-Йорк, 1953; НЖ. — 1959. — № 56; 1960. — № 62 под псевд. В.Ляпин) и в Зап. Германии (Мосты.-1961. — № 6). Однако он вынужден был прекратить публ. из-за возможного конфликта с офиц. органами ЧССР. Л.-прозаик не достигает худож. уровня Л.-поэта. Мн. из его наследия осталось неопубл.

Изд.: "Как легко мне молчится..." // Нов. юность. — 1996. — № 17.

Лит.: Струве Г. Заметки о стихах. Париж. и пражские «молодые» // Россия и славянство. — 1929. — 22 июня.

Слоним М. О молодых поэтах // Воля России. — 1930. — № 4.

Белошевская Л. Лит. деятельность рус. эмиграции в Чехословакии // Рос. литведч. журн. — 1994. — № 4.

Белошевская Л. Пражский «Скит» // Науч. иссл. по русистике... — Прага, 1996. — № 1.

Л.Н.Белошевская (Чехия)

ЛЕВИ́ЦКИЙ Сергей Александрович (15(28).III.1908, Либава — 24.IX.1983, Вашингтон) — философ, писатель, публицист и лит-вед. Род. в семье офицера Рос. флота. Его отец Александр Павлович был капитаном 1-го ранга, дед — адмиралом. В 1913 семья Л. переехала в Ревель. В Карловом ун-те в Праге, Л. учился под руководством *Н.О.Лосского*. Первые его научные ст. были написаны по-чешски. В 1941 Л. получил степень д-ра философии Карлова ун-та за дис. «Свобода и познание». В том же году отец Л., оставшийся в сов. Эстонии, был арестован, перевезен в Ленинград и расстрелян за нескрываемые монархич. убеждения. Мать и брат Л. были депортированы из Таллина в Киров, где мать Л. вскоре умерла. В годы второй мировой войны Л. вступил в ряды НТС — организации рос. солидарности, к-рая в оккупиров. немцами Европе работала в подполье. После войны Л. в числе перемещенных лиц оказался в Германии, где в 1947 в изд-ве «Посев» вышел его первый большой труд «Основы органического мировоззрения» (Лимбург/Лан), явившийся «полноценным введением в философию солидаризма, больше того, своего рода методологическим наставлением к органическому образу мышления» (Редлих Р.Н. Последний или первый? // Посев. — 1993. — № 6. — С. 87). В 1950 Л. с семьей (женой Марией Николаевной и двумя детьми) переселился в США, где сначала зарабатывал на жизнь преподаванием рус. яз. и где ему пришлось даже «поработать и на физической работе, низко оплачиваемой» (Самарин В. Рус. философ: (К 75-летию С.А.Левицкого) // Единение. — 1983. — 26 авг.). В 1955 радиостанция «Свобода» объявила конкурс на лучший труд, опровергающий и разоблачающий марксизм, в к-ром приняли участие более 200 ученых из разных стран мира. Л. получил по результатам конкурса особый приз, и след. 10 лет работал ред. этой радиостанции. В эти же годы он становится пост. сотрудником «НЖ», «НРС», журн. «Мосты» (в журн. «Грани» Л. начал печататься еще до переезда в США). В 1958 в Германии в изд-ве «Посев» (Франкфурт-на-М.) вышла лучшая книга Л. «Трагедия свободы» (перепеч. в 1984), предисл. к к-рой написал Н.О.Лосский, оценивший Л. как «достойного преемника той линии философии, начало которой положил Владимир Соловьев». Кн. состоит из теоретич. введения «Проблема свободы воли», трех частей: «Гносеология свободы», «Онтология свободы», «Патология свободы» и «Социально-историч. приложения», где осн. проблемы свободы, рассмотренные в кн., иллюстрируются на примерах из новейшей истории. В свободе Л. усматривает «шанс и риск творческого пути человечества». Особый интерес представляют те гл. кн., к-рые посвящены проблемам творчества и творч. воображения. Здесь Л. опирается на идеи, высказанные еще А.С.Пушкиным (определение «вдохновения») и развитые затем В.С.Соловьевым и *Вяч.Ивановым*: «Специфика воображения заключается в том, что оно направлено не на «ставшее» бытие (как память) и не на «становящееся» (как чувственное восприятие, направленное на предметный мир), а на потенции бытия, — на мир «сущего». Оно направлено не на вещи, а на образы вещей. И... воображение этих образов есть уже начало их воплощения в бытии, по крайней мере, в моем бытии» («Трагедия свободы». — С. 149).

С 1965 по 1974 Л. преподавал рус. лит-ру и философию в ун-те Джорджтауна. По выходе на пенсию он много и плодотворно работал над историей рус. филос. и обществ. мысли. В творч. наследии Л. органически сочетаются лучшие черты отечеств. философии и лит-ры; неслучайно его любимым писателем был Ф.М.Достоевский. Друзья и знакомые отмечали чисто человеч. обаяние Л., характеризовали его как глубоко религ. человека, никогда не впадавшего в соблазн неверия, свидетельствовали о его глубоких познаниях в области рус. и мировой философии, отмечали искреннюю любовь Л. к муз. и поэзии. Умер Л. в одной из клиник Вашингтона и похоронен на кладб. Рок Крик.

Большое место в наследии Л. занимает анализ творчества рус. писателей. Одна из самых обширных гл. в «Очерках по истории рус. филос. и обществ. мысли» (Франк-

фурт-на-М., 1968) посв. Ф.М.Достоевскому, в к-ром Л. усматривает «залог оправдания и возрождения русской культуры» (с. 129). Гл. проблема Достоевского есть и гл. проблема рус. философии: вопрос о добре и зле. «В этом отношении, — считает Л., — гений Достоевского, умевшего, как никто, видеть силы зла в мире, может принести большую духовную пользу современному миру. Ибо Достоевский призывает нас к духовному подвигу катарсиса через объективацию и изживание зла» (с. 129-130). В ст. «Владимир Соловьев и Достоевский» Л. пишет: «Именно Достоевский и Соловьев явились посмертными вдохновителями русского ренессанса» (НЖ. — 1955. — № 41. — С. 209). «Их объединяла прежде всего общность христианского миропонимания в период, когда большинство русской интеллигенции переживало увлечение материализмом и атеизмом» (там же. — С. 205). Ставя вопрос об «отражении Соловьева в творчестве Достоевского», Л., вслед за С.И.Гессеном, отмечает, что «основная идея «Братьев Карамазовых» и соловьевской «Критики отвлеченных начал», в сущности, одна и та же: «церковь как общественный идеал» и критика основных соблазнов на пути осуществления этого идеала» (там же. — С. 203). Значит. интерес представляет ст. Л. «Толстой и Шопенгауэр». Между обоими, считает Л., была изв. «конгениальность» (НЖ. — 1969. — № 50. — С. 203), что сказывается на отношениях Толстого и Шопенгауэра к смерти, половой любви, проповеди аскетизма и стремлении к нирване. Однако, по мнению Л., следует говорить не о влиянии Шопенгауэра на рус. писателя, а о «частичном отражении Шопенгауэра в творчестве Толстого» (там же. — С. 213).

Из писателей XX в. внимание Л. особенно привлекали *А.Белый* и Б.Л.Пастернак. Творчеству первого Л. посвятил ст. «Гениальный неудачник», в к-рой рассматривает его как «наиболее спорную и сумбурную фигуру русской литературы XX в.» (Грани. — 1965. — № 59. — С. 143). Считая «Петербург» «самым лучшим и наиб. художественно выразительным из произведений Белого» (там же. — С. 159), Л. вместе с тем отмечает, что большинство страниц, написанных Белым на филос. темы, «представляют собой поток недовыношенных и недорожденных мыслей» (там же. — С. 164). Тем не менее, считает Л., «его творчество и его жизненный путь долго будут еще являться предметом изучения для историков, литераторов, философов. А.Белый — незабываем. Если его трудно любить, то нельзя не ценить и не помнить его» (там же. — С. 167). В ст. «Свобода и бессмертие» роман Б.Л.Пастернака «Доктор Живаго» Л. расценивает как «один из самых волнующих художественно-моральных документов нашей эпохи» (Мосты. — 1959. — № 2. — С. 225). «Путь Пастернака, — по словам Л., — от поэта, словесного виртуоза, от чистого искусства — к искусству религиозному» (там же. — С. 229). А «весь путь романа — от почти символических похорон матери Живаго, через страстотерпства души, к порогу Голгофы — путь религиозно-символический» (там же. — С. 236).

В архиве Л., хранящемся у его вдовы Марии Николаевны Левицкой в Вашингтоне, имеется неопубл. ром. «Прошлое, которого не было», а также письма Н.О.Лосского.

Изд.: Душа и маска большевизма // Scientific monthly. — N.Y., 1951. — Sept.

Соч. / Отв. ред. Сапов В. — М., 1995-96. — Т. 1-2.

Лит.: Редлих Р.Н. С.А.Левицкий — философ-солидарист. — Франкфурт-на-М., 1972.

Киселев А., прот. Памяти старого друга // Рус. возрождение. — 1983. — № 21.

Некролог // The Washington post. — 1983. — Sept. 25.

Сапов В.В. «Единственный мост»: (С.Левицкий и философия рус. солидаризма) // Социол. исследования. — 1991. — № 4.

+ Лосский; РФН; РФР.

В.В.Сапов

ЛОЛО́ (LOLO) (наст. имя и фамилия: Леонид Григорьевич Мунштейн; 31.XII.1866 (12.I.1867), Екатеринослав — 6.VIII.1947, Ницца; даты жизни взяты из официального свидет-ва о смерти; по др. источникам Л.Г.Мунштейн родился 14.III.1868) — поэт-фельетонист, драматург, переводчик, издатель, театр. деятель. С 1911 чл. Об-ва дея-

телей периодич. печати и лит-ры. Муж драматич. актрисы и театр. рецензента Веры Николаевны Ильинской (по сцене Ильнарской; 8.X.1880, Кострома — 28.I.1946, Ницца). Окончил киевск. г-зию (1880) и юрид. ф-т ун-та Св.Владимира (Киев) (1891). В 1892 был вольнослушателем историко-филол. ф-та Моск. ун-та. Печататься начал студентом в 1886 в киевск газ. «Заря». На протяжении лит. деятельности пользовался, кроме Lolo, и др. псевд.: Джовани Вентура, Л.Московский и др. С нач. 1890-х по приезде в Москву — ближайший сотрудник газ. «Новости дня». Опубл. в ней св. тысячи фельетонов в стихах под общим загл. «Страничка из письма». Это своеобр. летопись жизни, в к-рой особое внимание уделялось лит-ре, театру и иск-ву. Изобретательность Л. (шаржи, эпиграммы, пародии, экспромты, диалоги в стихах, миниатюры для т-ров кабаре) казалась неистощимой. Его любимым поэтом был А.С.Пушкин, к-рому посв. кн. «Онегин наших дней: Ром.-фельетон в стихах» (М., 1896). На сцене моск. театра Корша была поставлена пьеса Л. «Опечатка. Пустячок в 1 д.» (1900). За ней последовала написанная совм. с Н.Никольским пьеса-фельетон «Святое искусство. Сцены из жизни совр. столицы» (М., 1901), содержанием к-рой стало изв. публике банкротство С.И.Мамонтова. Успех имела пьеса Л. «Вечный праздник» (СПб., 1903) — наброски курортной жизни Кисловодска. В сент. 1918 в Москве в «Эрмитаже» была поставлена муз. комедия Л. и *Тэффи* «Екатерина II» на муз. Ж.Оффенбаха. В 1905-06 Л. — сотр. сатирич. журн. «Сигнал», «Стрелы», «Заклепка», «Гром», «Зарницы» и др.

В 1908 Л. и театр. критик Э.М.Бескин изд. в Москве илл. еженед. «Рампа». С № 12 в «Рампе» Л. начинает печатать «Словарь сценич. деятелей» — эпиграммы на актеров, драматургов, антрепренеров. По замыслу автора, это должен был быть пародийно-юмористич. вариант энциклопедии, посв. т-ру. В связи с возникшими между Л. и Э.М.Бескиным разногласиями журн. «Рампа» в 1909 разделился на два независимых журн.: «Рампа и актер», ред.-изд. к-рого стал Бескин, и журн. «Рампа и жизнь» (М., 1909-18), ставший одним из самых популярных рус. театр. изданий. Февр. революцию 1917 Л. приветствовал стихами «Освободителям!» (Рампа и жизнь. — 1917. — № 12). Но дальнейшее развитие событий в России его настораживало. В окт. 1917 он перепечатывает свое старое стих. «Мы свободны! Жизнь прекрасна!..» и, добавив к нему новый, иронич. вариант, снабжает общим заголовком «История повторяется» (Рампа и жизнь. — 1917. — № 43). В написанном Л. продолжении баллады А.К.Толстого «Поток-богатырь» проводятся пессимистич. параллели между «веснами» при Николае II, А.Ф.Керенском и В.И.Ленине (Рампа и жизнь. — 1918. — № 16). В стихах Л. усиливается враждебность к большевикам, к новой власти и согласившейся сотрудничать с ней интеллигенции. В окт. 1918 изд. журн. «Рампа и жизнь» прекратилось. Последний раз как автор Л. публикуется в № 26-30 (вышел в авг. 1918). В стих. «У райских врат. Подражание Пушкину» Л. жалуется, что на ул. Москвы, будучи принят за «буржуа», был ограблен и раздет.

В кон. 1918 Л. эмигрировал. В 1923-25 в Германии и Италии руководил т-ром «Маски», но об этом периоде его жизни сведений почти нет. Л. печатается во мн. эмигр. газ.: «ПН», «Утро», «Рус. газета», «Рус. время», «В», «Руль», часто выступает со стихами-фельетонами в рижск. газ. «Сегодня», в кишиневск. «Наша речь». Стихи Л. перепечатываются эмигр. газ. «Рижский курьер», «Виленское утро», «Эхо» (Ковно), харбинск. «Рус. слово» и «Заря» и др. Он сотрудничает в журн. «Театр и жизнь», в «ИР». В 1931 в Париже возобновляет вместе с М.Г.Корнфельдом сатирич. и юмористич. журн. «Сатирикон». Стихотв. фельетоны на политич. темы он снабжает общими заголовками «Письма, на которые не отвечают». Л. повторяется, эксплуатирует старые приемы и средства периода его работы в дорев. периодике. Но постепенно он находит новые темы. Стихам на полит. сюжеты, в к-рых Л. нападает на «Триэсерию» и ее правителей, противостоит его лирич. дневник интеллигента-эмигранта, томящегося по утраченной родине. Так возникает тематич. рубрика «Братья-писатели: Клочки из эмигрантского дневника» («Братья-писатели, беженцы-странники...» // Сегодня. — 1926. — 27 июня). Тяготясь одиночеством, Л. пишет лирич. стих. «Две души» о несостоявшейся дружбе между *Л.Андреевым* и А.Блоком («Заблудившись, точно дети в сказке...» // ПН. —

1922. — 15 февр.; новая ред.: Сегодня. — 1926. — 15 авг.). В эмиграции Л. решает продолжить свой «Словарь», включив в него эпиграммы как на литераторов-эмигрантов, так и на сов. писателей — «Братья-писатели. Карманный словарь» (Сегодня. — 1926. — 28 нояб., 12, 23 и 29 дек.; 1927. — 16, 30 янв., 13 февр., 22 июня). К «Словарю» примыкает воображаемая анкета «Когда мы вернемся в Россию». В число отвечающих на нее Л. включил и себя (Рус. слово. — 1926. — 19 дек.). За рубежом Л. смог выпустить только две кн.: «О черте лысом и о всех его присных: Конец красной сказки» (Париж, 1922) и «Пыль Москвы: Лирика и сатира» (Париж, 1931). Лейтмотив второй кн. о горестных странствиях эмигранта — «Пыль Москвы на ленте старой шляпы / Я как символ, свято берегу...» Пристанищем Л. стала Ницца. Однако курортный приморск. город на юге Франции (Ницце он посвятил мн. стихов) внутренне был ему чужд. «У Лоло собиралось часто оживленное общество, — вспоминает Т.Смирнова-Макшеева о жизни четы Мунштейнов в Ницце. — Мелькали в окнах мужские и женские силуэты, вечером их квартирка приветливо светила в темноту; в дверях всегда торчал снаружи ключ: «Милости просим!»... Лоло неизменно интересовался поэтами, литераторами, терпеливо выслушивал их произведения, слегка, но метко и не задевая самолюбия, критиковал, давал ценные указания. Приблизительно в 1926-28 гг. он организовал в Ницце Литературный кружок; это начинание увяло, «не успев расцвесть», как большинство наших эмигрантских начинаний... Лоло нередко сочинял экспромты на своих знакомых, — они были всегда очень меткие, живые. Его «крылатые словечки» облетали всю нашу Колонию. В Ницце ставили на сцене скетчи, пьесы и частушки Лоло, я неизменно принимала в них участие. Его бурно вызывали как автора. Лоло упирался, его за кулисами толкала в спину «Вася», тащили на сцену друзья. Он выходил как-то неловко, боком, ближе к кулисам, застенчиво кланялся и исчезал. Лоло был очень застенчивый, скромный и непрактичный, заметна была его непригодность к современной жизни. Все тяготы несла Вася, т.е. Вера Николаевна... Нередко приходилось бедной Вере Николаевне, тайком от мужа (чтоб не волновался), продавать свои вещицы, спасенные из России; последней жертвой на алтарь этого «ро́змаха» была ее любимая бриллиантовая брошь. Несколько лет до смерти Лоло-Мунштейны жили благодаря помощи близких и за счет посылок из Америки» (Цит. по рукоп., полученной от гл. Рус. архива в г.Лидсе (Великобритания) Ричарда Дэвиса). Смерть Л. в эмигр. кругах осталась почти незамеченной. Появившиеся в эмигр. прессе юбилейные ст. рассказывали обычно о раннем, доэмигр. периоде творчества Л. В связи с сорокалетием лит. деятельности *П.Пильский* отмечал: «Особенным достоинством искрящихся злободневностью легких стихов Лоло была редкая в этой области черта — лиричность, окутанная нежной дымкой грусти... Самая большая его смелость заключается в том, что он не боялся изящества». Пильский приводит устный отзыв В.Я.Брюсова о стихах Л.: «Лоло я читаю часто. Меня всегда заинтересовывают его рифмы. Писать каждый день и давать нешаблонные стихи, это — трудное дело...» (Сегодня. — 1930. — 2 нояб.).

Изд.: Автобиография // Гримасы кисти и пера: Сб. рус. юмористов / Собрано Гадалиным В.; Предисл. Пильского П. — Рига, <до 1929>.

Клочки из автобиографии // Сегодня. — 1937. — 13 марта.

Лит.: Волжанин О.А. У Л.Г.Мунштейна-Lolo в Ницце // Сегодня. — 1930. — 20 июля.

Алданов М. Рец.: «Пыль Москвы» // ИР. — 1931. — № 16.

Тэффи Н.А. 70-летие Л.Г.Мунштейна // Сегодня. — 1937. — 23 янв.

Е.Х. Юбилей Л.Г.Мунштейна (Лоло) // НРС. — 1937. — 12 апр.

В.Н.Чуваков

ЛО́ССКИЙ Николай Онуфриевич (24.XI (6.XII) 1870, Кресловка, Витебская губ. — 24.I.1965, Париж, похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа) — философ, лит. критик. В 1887 исключен из витебской г-зии за «пропаганду социализма и атеизма». В 1888-89 студент филос. ф-та ун-та в Берне (Швейцария), затем служил в колониальной армии в Алжире. Нелегально вернув-

шись в Россию, в 1890 закончил бухгалтерские курсы в Петербурге и 8-й класс г-зии. В 1891 поступил на естественно-научн. отд. физико-матем. ф-та Петерб. ун-та. В 1903 магистр философии (дис. «Осн. учения психологии с точки зрения волюнтаризма»), в 1907 д-р философии (дис. «Обоснование интуитивизма»). В качестве проф. Л. преподавал философию в Петерб. ун-те и на Высших жен. курсах (Бестужевских). Крупнейший представитель интуитивизма и персонализма в России.

В 1921 лишен каф. за христ. мировоззрение, а в 1922 выслан из России как не принявший марксист. идеологии. До 1942 жил в Праге, был проф. Рус. ун-та, затем до 1945 преподавал философию в Братиславе. В 1945 переехал в Париж, в 1946 — к младшему сыну Андрею в США. В 1947-50 проф. философии в Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке, затем с сыном переехал в Лос-Анджелес. Последние годы жил в Париже.

Л. оставил богатое филос. наследие, переведенное на мн. яз. Среди его кн. эмигр. периода: «Логика» (Берлин, 1923), «Свобода воли» (Париж, 1927), «Основы интуиции» (Берлин, 1927), «Материя и жизнь» (Берлин, 1923), «Типы мировоззрения» (Париж, 1931), «Ценность и бытие» (Париж, 1931), «Условия абсолютного добра: (Основы этики)» (Париж, 1949; М., 1991), «Чувственная, интеллектуальная и мистич. интуиция» (Париж, 1938), «Бог и мировое зло: Основы теодицеи» (Прага, 1941), «History of Russian philosophy» (N.Y., 1951), «Достоевский и его христианское миропонимание» (Нью-Йорк, 1953), «Характер русского народа» (Франкфурт-на-М., 1957; М., 1990), «Учение о.С.Булгакова о всеединстве» (South Canaan, Pa, U S A, 1960), «Воспоминания» (Мюнхен, 1968).

В гносеологии Л. явился основателем нового в философии учения — интуитивизма. Один из наиб. глубоких интерпретаторов его философии *С.Левицкий* определяет осн. мысль гносеологии Л. как утверждение, что сознание носит, по своей исконной природе, открытый, а не закрытый характер, что оно подобно не психич. вместилищу, в к-рое предмет должен «попасть», неизбежно субъективно преломившись в нем, а, скорее, средоточию лучей, освещающих те или иные отрезки бытия. Л. чужд филос. импрессионизм мн. совр. философов, но ему чужд и догматизм старой школы. Учение Л. и особенно его интуитивизм оказало влияние на *С.Л.Франка*, А.Ф.Лосева.

В кн. о Достоевском (первое изд. на словацком яз.: «Dostojevskij a jeho krest'ansky svetonahl'ad». — Bratislava, 1946) дана духовная биография писателя, прослежено его отношение к христианству и социализму, к России и рус. народу, охарактеризовано этич. наследие Достоевского. Одна из последних ст. Л., опубл. в России — «О природе сатанинской (по Достоевскому)» (Ф.М.Достоевский. Ст. и мат-лы. / Под ред. А.С.Долинина. — Пб., 1922; позднее ст. в качестве шестой гл. вошла в кн. Л. «Условия абсолютного добра»), предопределила направление филос. интерпретации творчества Достоевского. С.А.Левицкий, отмечая в своем предисл. к кн. Л. о Достоевском, что «почти все крупнейшие русские философы как бы считали своим долгом писать книги о Достоевском», подчеркивает, что в отличие от большинства современников, обращавшихся к Достоевскому в нач. своего творч. пути, «Лосский занялся Достоевским значительно позже того, как он написал свои основоположные философские труды». Проблематика Достоевского постоянно находилась в центре филос. исканий и раздумий Л. В своей этике Л. утверждал абсолютность нравств. ответственности, однако предостерегал против «фанатизма нравственности», убивающего любовь к человеку. В 1954 в Париже вышел рус. перевод наиболее изв. кн. Л. «История рус. философии» (переизд.: М., 1991; оригин. текст кн. на рус. яз. впервые издан в России: М., 1993), вызвавший критич. отклики в сов. печати, особенно в журн. «ВФ». Однако еще в 1934 Л. в брошюре «Диалектический материализм в СССР» (Париж) показал, по словам С.А.Левицкого, что «диамат искусственно балансирует между механическим материализмом и идеализмом. Самое совмещение материализма и диалектики представляет собой внутреннее противоречие, ибо материализм и подлинная диалектика — вещи несовместимые... Лосский хорошо показывает, что при наличии свободы мысли диалектический материализм развился бы в новую систему идеализма. В своем же казенном виде эта теория не выдерживает пробного камня философской критики» («Бог и мировое зло». — М., 1994. — С. 408-409).

Этич. характер рус. философии как ее определяющая черта прослежена и в работах Л. о Л.Толстом. Первая ст. «Нравств. личность Толстого» появилась к первой годовщине смерти писателя (Логос. — 1911. — Кн. 1). Л. не написал специальный кн. о Толстом, подобного труду о Достоевском, но редкая из его кн. обходится без упоминания имени Толстого. Решительно не соглашаясь с Толстым в его «огрубляющей» трактовке христианства, с его кн. «Критика догматического богословия», где Толстой «пытается изобразить православное богословие как гнездо противоречий и неумных жалких компромиссов», Л. продолжает: «Гений всегда, однако, остается гением. Само огрубление мира, производимое Толстым, выходит за пределы того, что способен совершить обыкновенный человек, и приобретает титанический характер. Сила покаяния, чуткость ко всяким видам социальной несправедливости и жажда побороть их у него безмерны... Как бы ни были тяжки заблуждения Толстого в его учении о государстве, праве, нации, религии и т.п., одна заслуга несомненно принадлежит ему: есть одна положительная социальная идея, особенно соответствующая духу русского народа, которую он с могучею силою несет в мир и внедряет в умы представителей западноевропейской культуры, это — идея бытовой демократии. Западная Европа выработала утонченные формулы политической демократии, но бытовая демократия, основанная на непосредственной симпатии человека к человеку, возможна только в той стране, где есть Платоны Каратаевы, капитаны Тушины, Пьеры Безуховы» (СЗ. — 1928. — № 37. — С. 240-241). По мнению заруб. критики, только после трудов Л. и *В.Зеньковского* развитие рус. философии и прежде всего рус. религ. философии получило объективное историч. освещение.

Особенно богата в лит-ведч. отношении кн. Л. «Характер рус. народа», в к-рой рассыпано мн. чрезвычайно тонких и глубоких характеристик творчества рус. писателей и поэтов, начиная с А.С.Пушкина и кончая Г.И.Успенским. Сама рус. лит-ра служит Л. в этой кн. эмпирич. базой его этно-социологич. исследования. Тот факт, что в XIX в. Россия породила трех несомненных худож. гениев (Пушкина, Толстого и Достоевского), Л. расценивает как определ. гарантию великого будущего рус. народа.

К числу науч. заслуг Л. следует отнести также его пер. «Критики чистого разума» И.Канта (СПб., 1907; 2-е изд.: Кант И. Собр. соч. — М., 1964. — Т. 3).

Изд.: В защиту Владимира Соловьева // НЖ. — 1953. — № 33.
Зло и добро в произв. Толстого // ВРСХД. — 1956. — № 40.
«Война и мир» Толстого и «Доктор Живаго» Пастернака // НЖ. — 1960. — № 61.
Восп.: Жизнь и филос. путь // ВФ. — 1991. — № 10-12.
Учение о перевоплощении: Интуитивизм. — М., 1992.

Лит.: Зеньковский В.В. Н.О.Лосский // ВРСХД. — 1961. — № 60.
Ильин В.Н. Н.О.Лосский и философ. интуитивизма // ВРСХД. — 1965. — № 77.
Левицкий С.А. Восп. о Лосском // НЖ. — 1977. — № 126; переизд. в кн.: Лосский Н.О. Бог и мировое зло. — М., 1994.
Lossky B., N. Bibliographie des œuvres de N. Lossky. — P., 1978.
+ Рус. Берлин; РФН; РФР.

В.В.Сапов

ЛУКА́Ш Иван Созонтович (30.III (11.IV). 1892, Петербург — 15.V.1940, Медон, Франция) — прозаик, журналист. Род. в семье отставного ефрейтора лейб-гвардии Финляндского полка, ветерана рус.-турец. войны 1877-78. Детство прошло в Акад. художеств, где отец Л. служил швейцаром и натурщиком. Духовный облик и круг интересов будущего писателя во мн. определило пост. соприкосновение с живописью, архитектурой классицизма, общение с художниками и скульпторами. Л. увлекался т-ром, лит-рой, закончил в 1916 юрид. ф-т Петерб. ун-та. В 1910 при поддержке *И.Северянина* вышла из печати его первая кн. стих. в прозе «Цветы ядовитые». В 1912 участвовал в газ. эгофутуристов «Петербургский глашатай». Писал очерки в газ. «Речь», «Совр. слово». Приветствуя Февр. революцию 1917, посвятил ее героям серию брошюр, изд. в Пг.: «Волынцы», «Преображенцы», «Павловцы», «Ночь на 28 февраля в Зимнем дворце», «Восстание в Павловском полку», «Восста-

ние в Волынском полку». В окт. 1917 в результате гибели хрупкой демокр. государственности у Л. произошел перелом мировоззрения. В 1918-20 участвует в Добровольч. армии как старший унтер-офицер из вольноопределяющихся. До эвакуации Крыма сотрудничал в газ. «Юг России» и «Голос Таврии». Затем следуют Константинополь, Галлиполи, Тырново, София, Вена, Прага, Берлин, Рига, Париж. Эпизоды гражд. войны отразились в пов. Л. «Смерть» (РМ. — 1922. — № 6/7), о воинах Белой армии написана кн. «Голое поле» (София, 1922; переизд.: Кубань. — 1990. — № 11). В Болгарии Л. печатался в газ. «Свободная речь», в Германии в газ. «Руль», журн. «РМ» (перенесенном из Софии в Прагу, а затем в Берлин), вступает в содружество писателей «Веретено», поддерживает друж. отношения с *В.Набоковым*, в соавторстве с к-рым было написано неск. скетчей для рус. кабаре и либретто пантомимы «Агасфер». В Берлине вышли небольшой сб. рассказов о прошлом рос. столицы «Черт на гауптвахте» (1922), назв. Л. «петербургскими историями»; мистерия «Дьявол» (1923), ром. «Бел-Цвет» (1923), пов. «Дом усопших» (1922), определенная Л. как поэма, где рассказывается о предсмертных часах сов. граждан, умирающих от чахотки в крымском санатории и с ненавистью раскрывающих друг перед другом свою душу, и, наконец, ист. повесть «Граф Калиостро: Пов. о филос. камне, госпоже из дорожного сундука, великих розенкрейцерах, волшебном золоте, моск. бакалавре и о прочих славных и чудесных приключениях, бывших в Санкт-Петербурге в 1782 году» (1925; М., 1991). Пов. о знаменитом авантюристе, чародее и мистике XVIII в. написана с большой долей иронии и гротескным мастерством.

Переехав в 1925 в Ригу, Л. сотрудничает в газ. «Слово» и «Сегодня», пишет рассказы, в к-рых петерб. истории соседствуют с гротескно-фантастич. сюжетами из жизни старой Риги («Невероятные приключения Мюнхгаузена в Риге», «Гомункулус», «Часы Людовика»), большинство из них, первоначально напечат. в журн. «Перезвоны», впоследствии вошли в сб. рассказов «Сны Петра» (Белград, 1931). В 1928 Л. переезжает в Париж и становится сотр. газ. «В». На ее страницах он регулярно печатает очерки, отзывы о выставках, рец., статьи, рассказы, отрывки из ром. Он рассуждает об ист. значении Москвы, остававшейся всегда «живой основой» всего рус. бытия: «Москва, так сказать, горн России и ее материнское лоно, в которых выплавлялись и рождались российские формы империи. Без Москвы не могло бы быть Петербурга. Гениальный разум, голова Петра, — на мощном московском теле, — вот образ живой России, какой она шла из глубины веков» («Путешествие в Петербург: со старинной полки» // В. — 1929. — 18 июня). Л. пишет ст. о М.Лермонтове (В. — 1939. — 24 нояб.), творчестве Н.Лескова (В. — 1930. — 16 мая), *А.Куприна* (В. — 1930. — 7 сент.; 1932. — 20 окт.), *Б.Зайцева* (В. — 1929. — 19 дек.), о молодых эмигр. поэтах («Заметки на полях: О лит. движении» // В. — 1930. — 21 авг.). В ст. «*Мережковский*: По поводу его книги «Наполеон» (В. — 1929. — 28 марта) Л. размышляет о том, что истинное художество «всегда, вольно или невольно, ищет разгадки и понимания духа бытия», в своих образах открывая его тайны и божеств. смысл. Поэтому образ художества — «только путь к откровению Бога в мире. Иными словами, истинное художество — всегда богопознание и боговыражение» (с. 3). С сер. 20-х в творчестве писателя начинается новый, религ. период, связ. с обращением к истории России с целью понять истоки произошедшей трагедии, найти выход, а, следовательно, и веру в грядущую Россию. «Петрова империя была дар, к которому Россия не была готова... Эта тема захватила сейчас Лукаша», — утверждал Н.Мишеев (В. — 1929. — 3 окт.). Констатируя наметившийся поворот в сторону более строгой художественности письма, в своем обзоре эмигр. лит-ры за 1928 *В.Ходасевич* отметил сб. рассказов Л. «Дворцовые гренадеры» (Париж, 1928) (В. — 1929. — 14 янв.). Любовь к родной истории, к героич. и многострадальному прошлому, духовному наследию отечества помогли Л. найти свою тему и своеобр. тональность повествования. Доказательством этому стал ром. «Пожар Москвы» (1930), перевед. на англ. яз. и замеченный критикой. Ром. охватывает драматич. периоды рус. истории от царствования Павла I до восстания декабристов. Отмечая необъятность замысла произв., *К.И.Зайцев* писал, что на кн. лежит печать «интуитивного прозрения в судьбы России», «перед нами произв. русской литературы, увлекающее и

волнующее», заставляющее думать и чувствовать, ибо «любовь к России, боль за Россию, неотвязная, глубокая, настойчивая мысль и забота о России трепещет в этой книге, придает ей силу» (Россия и славянство. — 1930. — 24 мая). В.Ходасевич, отметив несомненное дарование Л. и любовь к России и к рус. лит-ре, обратил внимание на ясный яз., точность и выпуклость описаний, кажущуюся телесность героев (В. — 1930. — 17 апр.). В результате простыми средствами автору «удается создать иллюзию широкого коллективного действия, и он достигает своей главной цели: в его книге действуют не герои, не личности, но народные массы»; «сталкиваются не личные воли, но исторические силы», однако же столкновениям этим «умеет он придать ту меру реализма, без которой нет художества» (там же).

Одним из самых удачных произв. Л. был признан критикой ром. «Бедная любовь Мусоргского» (Париж, 1940; М., 1992), пер. на франц. яз. Эта вещь была восторженно встречена Леоном Доде. Необычное по жанру произв. представляет собой сплав историч. документа — мистики с лирич. биографией. Поэт и лит. критик *И.Голенищев-Кутузов* в рец. на кн. Л. «Сны Петра» назвал Л. одним «из одареннейших писателей нашей зарубежной литературы», у к-рого есть свой стиль, своя манера, и, что самое гл., «он создает свой мир — легенду о Российской Империи», к-рая «обладает мистической силой оживлять русские сердца в пустынях сорокалетнего странствования» (В. — 1932. — 23 июня). Б.К.Зайцев столь же высоко оценил явление Л. в лит-ре рус. зарубежья как писателя, несущего «в облике и писании своем широкое, теплое и доброе дыхание России. Сын настоящей российской литературы, вольной и бедной, вышедшей из самых высоких источников русского духа — в изгнании независимо и непримиримо держит он свой путь» (В. — 1940. — 10 мая).

Изд.: Вьюга. — Париж, 1936.
Ветер Карпат. — Париж, 1938.
Портреты / Предисл. и публ. Богословского А. // Человек. — М., 1992. — Вып. 2.
Князь Пожарский: Этюд / Вступ. Богословского А. // Волга. — Саратов, 1993. — № 7.
Москва, страна отцов / Предисл. Богословского А.Н. // Москва. — 1994. — № 4.
Со старинной полки / Сост. Богословского А.Н. — Париж; М., 1995.
Лит.: Мочульский К. Рец.: «Дьявол» // Звено. — 1923. — 26 февр.
Татаринов В. Рец.: «Черт на гауптвахте» // Руль. — 1923. — 11 марта.
[Айхенвальд Ю.] Рец.: «Бел-Цвет» // Сегодня. — 1924. — 26 янв. — Подпись: Б.Каменецкий.
Цетлин М. Рец.: «Пожар Москвы» // СЗ. — 1931. — № 45.
Ходасевич В. Рец.: «Вьюга» // В. — 1936. — 18 июня.
Некролог: Тыркова А. // В. — 1940. — 24 мая.
+ РП-3; Струве.

Т.Г.Петрова

ЛЫ́ЖИН Павел Петрович (22.II(5.III).1896, Петербург — IX.1969, Париж) — поэт, прозаик, переводчик. Род. в семье адвоката, главы Петерб. городской думы (в 1910-х). Окончил г-зию и поступил в Михайловское артиллерийское уч-ще. В первую мировую войну воевал на Сев.-зап. фронте. Получил отравление ядовитым газом, что в дальнейшем сказалось на его здоровье. В 1917 жил с родителями в имении под Териоками. Эта терр. с 1918 вошла в состав Финляндии. В 1922 вместе с братом Юрием уехал в Прагу, где окончил Рус. юрид. ф-т, владел нем. и франц. яз. В Праге работал преподавателем рус. яз. в Школе языков и франц. яз в Ин-те Эрнесто Дени. Писал стихи, рассказы, юморески, переводил. Посещал собр. кружка «Далиборка» и лит. объединения «Скит поэтов», где читал свои произв. Печатался в газ. «Россия и славянство». В 1947 издал на мимеографе кн. своих переводов франц. поэтов «Перепевы» (Прага). Во время третьей поездки во Францию (после смерти жены) не вернулся в Чехословакию. С 1964 жил в Париже у брата, к-рый работал в фильмографич. бюро. Мн. его стихи ходили в списках в среде праж. эмиграции, напр. стих. «Нумизматика», посв. В.В.Розанову (с которым Л. встречался) или стих. «Квадран», посв. памяти С.М.Волконского. Похоронен на кладб. в Сент-Женевьев-де-Буа.

Архив Л.: Центр. научная б-ка Союза театр. деятелей РФ. Фонд Лыжина П.П.

В.П.Нечаев

ЛЯ́ЦКИЙ Евгений Александрович (3(15).III.1868, Минск — 7.VII.1942, Прага) — этнограф, историк лит-ры, издатель. В 1889 окончил минск. г-зию, в 1893 — историко-филол. ф-т Моск. ун-та. В конце 1880-х начал печататься как поэт. Первые науч. тр. появились в кон. 1890-х и представляли собой иссл. белорус. этнографии и фольклора. Как критик и историк лит-ры Л. выступал в печатных органах, занимавших диаметрально противоположные позиции. Писал о *М.Горьком*, В.Вересаеве, *Л.Андрееве*, А.Чехове и др. Последнего из названных Л. жестко критиковал, не находя у него наст. таланта (см. об этом: Измайлов А. Чехов, 1860-1904. — М., 1916), однако в эмиграции он изменил свое мнение. Находясь в родств. связях с А.Н.Пыпиным, Л. стал одним из наследников пыпинского архива, благодаря чему опубл. трехтомную переписку Н.Г.Чернышевского с родными (Чернышевский в Сибири. — СПб., 1912-1913), неск. ст. о писателе, а также трехтомное собр. писем Белинского (СПб., 1914). Будучи последователем культурно-ист. школы, Л. придавал большое значение фактам биографии писателя, бытовой среде, лит. влияниям, что нашло отражение в его первой монографии: «И.А.Гончаров: Критич. очерк» (СПб., 1904). Автобиогр. сведения о Л. и перечень его дорев. работ вошли в «Словарь членов об-ва любителей рос. словесности при Моск. ун-те» (М., 1911). После 1917 эмигрировал и обосновался в Праге, где стал проф. Карлова ун-та. Позднее был избран поч. д-ром Белградского ун-та. В 1937 — пред. Пушкинского юбилейного к-та в Праге. Сохраняя преимуществ. интерес к рус. классике, печатался на рус., чешск., серб., нем. яз., сотрудничал в итал., швед., франц., фин. журн. и газ. Руководил изд-вами «Северные огни» в Стокгольме и «Пламя» в Праге. В 1920 в Стокгольме подготовил к публ. произв. Грибоедова («Горе от ума»), Лермонтова («Герой нашего времени»), басни Крылова, а также переиздал ранее вышедшие в России «Былины: Старинки богатырские», «Стихи духовные: Словеса золотые», «Сказки: Утехи досужие». В том же году он переиздал свою первую монографию о Гончарове под загл.: «Гончаров: Жизнь, личность, творчество: Критико-биогр. очерки» (Стокгольм). Работу над творчеством Гончарова Л. продолжил, пользуясь, как и ранее, биогр. методом: кн. «Гончаров в кругосветном плавании: Критико-биогр. очерк» (Прага, 1922); «Ром. и жизнь: Развитие творческой личности И.А.Гончарова. Жизнь и быт. 1812-1857» (Прага, 1925). Один из критиков утверждал, что «этот биографический подход является в то же время методом психологии исследователя и раскрывает перед нами те интимные переживания творца «Фрегата Паллады», которые приближают критика к проникновению в тайну художественного творчества» (Воля России. — 1923. — № 10. — С. 95-96). В биогр. методе таится риск приписать черты лит. героев самому создателю произв. Л., отдавая себе в этом отчет, применил в кн. своеобр. методологич. прием. Критик А.Кизеветтер писал: «Он вскрывает в том или ином лит. типе Гончарова черточки, не вяжущиеся с общим построением данного типа, и полагает, что такие черточки вплелись в литературное изображение именно потому, что в этих случаях к литературному замыслу искусственно был подбавлен автобиографический элемент» (СЗ. — 1925. — № 24. — С. 443-444). Развитие худож. творчества Гончарова исследуется в кн. Л. в контексте духовной жизни эпохи и в связи с личными, внутренними переживаниями писателя.

Л. читал лекции в «Кружке культурного объединения студентов в Праге». Журн. «Воля России» выделил его лекцию о Н.Г.Чернышевском, где автор доказывал, что во второй пол. 50-х «великий просветитель» создал идеологию истинного отношения к народу: «Полагая, что роль интеллигенции, главным образом, просветительская, Чернышевский стоял на той точке зрения, что при создании нормальных условий политического существования народ сам определит формы своего земледельческого и экономического развития» (Воля России. — 1922. — № 9. — С. 24). В ст. «Художественная стихия в творчестве Ф.Достоевского» Л. излагает свои соображения о яз. Достоевского как орудии его худож. работы, тогда как образы его ром. использовались для доказательства тех или иных филос. или обществ. положений. В обл. обществ.-политич., писал он в этой ст., «Достоевским защищали консерватизм основ русского политического и общественного строя. Достоевским разрушали догматизм патриархальных суеверий и плесень

сонного прозябания души. Достоевским, с одинаковым диалектическим искусством, доказывали бытие и небытие Бога...» (Воля России. — 1922. — № 4. — С. 41-49). В эмиграции Л. написал неск. ст. о Толстом, опубл. ром. «Тундра: Ром. из беженской жизни» (Прага, 1925), где писал, что самое важное в эмиграции — общая боль за Россию: «Не за ту Россию, что была велика и обильна, а за Россию иную, ту, что рождала в тайных помышлениях и молитвах красоту высокого подвига. Красота эта творит духовную личность, спасает душу и роднит живой связью кроткую ясность терпения с пламенной верой в грядущее пробуждение от тяжелого сна» («Тундра». — С. 7).

Л. участвовал в сб., подготовл. Рус. ин-том в Праге к 1-му конгрессу филологов-славистов (Прага, 6-13 окт. 1929). В «Пушкинском сб.» (Прага, 1929) опубл. его ст. «Пушкин — повествователь в «Истории Пугачевского бунта». Совместно с Й.Гораком Л. ред. сб. «L.N.Tolstoj» (Praha, 1929); здесь опубл. его ст. «Толстой и природа». В кн. «Слово о полку Игореве: Пов. о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах рус. земли: (Очерк из истории др-рус. лит-ры. Композиция, стиль)» (Прага, 1934) Л. стремился согласовать разл. взгляды на авторство памятника. По его мнению, один составитель, пользуясь текстами разных авторов, проявил исключит. дар композиц. творчества, соединив песнь о походе, плене и возвращении Игоря (составл. в два приема кем-либо из новгород-северских дружинников) и др. песнь (пришедшую из Киева и величавшую киевского великого князя Святослава как охранителя всей рус. земли). Кн. Л., считал Н.Кульман, «скорее роман, многие страницы которого читаются с большим интересом, чем убеждающее научное исследование» (СЗ. — 1934. — № 56. — С. 435). Л. принадлежит стихотв. пер. «Слова о полку Игореве» (Прага, 1943). Перечень работ Л. содержится в кн. «Мат-лы для библиографии рус. науч. трудов за рубежом». — Белград, 1931, 1941. — Вып. 1 (1920-1930); Вып. 2 (1930-1940).

Изд.: История рус. языка. — Прага, 1928.

Лит.: Кадашев В. Рец.: «Тундра» // В. — 1925. — 16 нояб.

Грэг Э. Рец.: «Тундра» // Перезвоны. — 1926. — № 16.

Недзельский Е. Рец.: «Тундра» // Своими путями. — 1926. — № 10/11.

Кульман Н. Рец.: «Слово о полку Игореве»: Очерк из истории др-рус. лит-ры // СЗ. — 1934. — № 56.

Мякотин В. Рец.: Новый труд о др-рус. поэзии // ПН. — 1934. — 26 апр.

Бельговский К. К 70-летию проф. Ляцкого // Сегодня. — 1938. — 7 марта.

+ РП-3.

А.А.Ревякина

М

МАКО́ВСКИЙ Сергей Константинович (15(27).VIII.1877, Петербург — 13.V.1962, Париж) — поэт, иск-вовед, лит. критик, издатель. Отец — Константин Егорович Маковский (1839-1915), рус. портретист, ист. живописец, оказал большое влияние на становление худож. вкусов сына. С 1898 М. печатает ст. по вопросам иск-ва. В 1905 выпустил «Собр. стихов» (СПб.). В 1906-08 читал курс лекций по всеобщей истории иск-ва в «Об-ве поощрения художников». Три кн. М. под загл. «Страницы худож. критики» (СПб., 1906, 1909, 1913) предвещали новую эпоху в рус. эстетике; в них впервые открывались новые пути творчества: импрессионизм (Сезанн, Ренуар, Моне, Мане), абстракционизм (Кандинский), кубизм (Пикассо). С 1908 по 1914 М. занимался устройством выставок, пропагандой рус. живописи в Петербурге (1908, 1912), в Брюсселе и Париже (1910), в Лейпциге (1914). Он стал одним из учредителей «Об-ва защиты памятников иск-ва и старины» (под пред. вел. кн. Николая Михайловича), а также одним из основателей и ред. журн. «Старые годы» (1907-17), «Рус. икона» (1913). Осн. его заслугой явилась орг-ция и редактирование журн. «Аполлон» (1909-17).

М. эмигрировал после 1918 через Крым (в 1918 печатался в ялтинских газ.). В 1920 жил в Праге, с 1925 — в Париже. Опубл. «Силуэты рус. художников» (Прага, 1922), «Последние итоги живописи» (Берлин, 1922), «Графика М.В.Добужинского» (Берлин, 1922), «Нар. иск-во Подкарпатской Руси» (Прага, 1925; на рус., чеш. и франц. яз.). Под ред. М. вышел сб. «Артисты Моск. худож. т-ра за рубежом» (Прага, 1922). При содействии «Чешской графич. унии» в Праге готовился к печати под ред. М. капитальный труд «Рус. живопись» (в 4-х т.). Полит. события в Чехословакии (март 1939) помешали осуществлению этого начинания. В 1926-32 М. был чл. редакции (секр., руководил лит.-худож. отделом) газ. «В», а в 1939-44 — пред. «Объединения рус. писателей» в Париже; ред. сб. «Встреча» (1945. — № 1, 2), создававшихся чл. этого «Объединения». В 1949-59 редактировал сб. рус. поэтов, выходившие в париж. изд-ве «Рифма», к-рое М. тогда возглавлял. Был деят. сотр. нью-йоркских журн. «НЖ», «Опыты» и газ. «НРС», альм. «Мосты» (Мюнхен), журн. «Грани» (Франкфурт-на-М.), париж. газ. «РМ» и др.

В эмиграции было опубл. восемь кн. стихов М. «Вечер» (Париж, 1941), «Somnium breve» (Париж, 1948), «Год в усадьбе» (Париж, 1949), «Круг и тень» (Париж, 1951), «На пути земном» (Париж, 1953), «В лесу» (Мюнхен, 1956), «Еще страница» (Париж, 1959), «Requiem» (Париж, 1963). *Ю.Терапиано* отмечал, что М. принадлежит к поэтам, к-рые развиваются медленно и находят полн. выражение своей темы уже в зрелые годы. Рецензируя сб. «На пути земном», он наметил эволюцию «поэтич. линии» М.: от первонач. обращенности преим. к внешнему миру (поэма «Нагарэль» из кн. «Год в усадьбе») «к основам жизни, любви и бессмертия». Стихи, характерные в этом отношении, появились в сб. «Круг и тень», а в кн. «На пути земном» мотивы эти усилились («Сестры», «Тени», «Туда, где все пути сошлись», «Бывает перед бурей в океане»). Особенно показательно стих. «Весной», проникнутое одновременно земным, солнечным светом и предчувствием инобытия — так тема природы сливается с темой души. Общий тон стихов в кн. «На пути земном» более мрачный, чем в предыдущей. «Особняком стоит символическое стих. «Лот» о борьбе со стихией — моряка с морем, человека со смертью» (Опыты. — 1953. — № 2. — С. 194-195). В цикле стихов «Рим» поэт размышляет о судьбе человека, о судьбе человечества и мира; эти стихи («Сад Корсики», «San Pietro», «Тиволи», «Via Appia») отличаются описательно-изобразит. мастерством — качеством, мало свойственным рус. поэзии зарубежья. *Ю.Иваск*, рецензируя сб. «Еще

страница», обратил внимание на родственность поэзии М. позднему Тютчеву, также воспевавшему Лазурный берег и Ниццу. Нек-рые «тяжелые архаизмы» М. («гранитодымная порфира», «золотоблещущая колесница») имеют «тютчевское происхождение». В целом стихи М. были чужды экспериментаторству XX в.; по словам Ю.Иваска, поэт предпочитал «испытанную старину, великую традицию», вставляя в новую оправу «чуть потускневшие жемчужины, которые прежние мастера выловили на дне морском». При этом М. тяготел к «сугубому уединению». М. «трезво-мудро и с великой благодарностью принимает жизнь — особенно в ее средиземноморском «аспекте», — заключал свои обобщения Ю.Иваск (Опыты. — 1958. — № 7. — С. 92-93). В рец. на кн. «Requiem» Я.Н.Горбов объяснял «почти магическое значение» образов «леса», «лесного уединения» тем, что М. долго пробыл за рубежом: в образах «леса» сгустилась тоска по родине, по рус. лесу (В. — 1963. — № 139). Сокрушаясь о том, что «рухнула Российская земля в бесправья хаос первобытный», М. находил гармонию, примирение с жизнью в лесном «утишье». В стих. «Requiem», открывающем одноим. сб., М. прощался и со своими современниками. Наст. памятником парнасским друзьям стали две кн. восп. составленные из ст., выходивших ранее в периодич. изд.: В «Портретах современников» (Нью-Йорк, 1955) М. показал личности и творч. своеобразие Вл.Соловьева, А.Добролюбова, Ф.Шаляпина, С.Дягилева, И.Анненского, *Вяч.Иванова*, М.Волошина, О.Мандельштама, А.Бенуа и др. Все это, как отмечал Дм.Кленовский, «полотна, одухотворенные индивидуальностью создавшего их художника» (Опыты. — 1955. — № 5. — С. 100-102). Наиб. удачен портрет О.Мандельштама. М. считал его «аполлоновцем» в полн. мере, т.е. художником чистой воды, «без уклонов в сторону от эстетической созерцательности». Рассматривая поэзию Мандельштама, М. дал определение символизма и акмеизма, наметил свою концепцию их связи.

Вышедшая в год смерти М. кн. «На Парнасе «Серебряного века» (Мюнхен, 1962) явилась как бы его духовным завещанием; это и самая интересная, и самая сложная работа М. Она открывается ст. «Религ. филос. собрания (1901-1902)», где автор пишет: «Жутко представить себе сейчас, до чего беспощадно расправилась история с намечавшимся в России ренессансом духовной культуры: прошло каких-нибудь 10 лет после манифеста 1905 г., и большевизм все традиционное вырвал с корнем, русская религиозная идея была загнана в подполье, откуда изредка только услышишь слабый ее голос» (с. 25). Центр. место на Парнасе Серебряного века М. отводил И.Анненскому. О творчестве своих современников М. пишет так, замечал *Г.Мейер*, что «ни на одно мгновение нельзя забыть имперского величия Петербурга. И есть в этой магии нечто непостижимое для того, кто хорошо сознает двуликость Серебряного века, возродившего в России искусство, глубину и красоту'слова и одновременно затаившего в себе угрозу всероссийского распада. Ведь в том-то и значение Иннокентия Анненского... что первый именно он, крепче кого бы то ни было связанный с прошлым России, предсказал всем своим творчеством трагическую судьбу нашего отечества: «Царь змеи раздавить не сумел, / И прижатая стала наш идол». О змее, Петром Великим не раздавленной, говорит С.К.Маковский в кратком, прекрасном послесловии...» (Мейер Г. Сергей Маковский и Серебряный век: (К годовщине со дня смерти С.К.Маковского) // Грани. — 1963. — № 54. — С. 212). В кн. много ценных биогр. данных, относящихся к описанным лицам (*З.Гиппиус*, А.Блок, И.Коневский, Н.Гумилев, В.Комаровский, кн. *С.Волконский*, М.Добужинский, А.Трубников и др.); выпадают из общего круга суждения о Блоке: М. выступает в очерке о поэте как «адвокат дьявола», т.е. старается отметить все плохое или менее удавшееся в стихах Блока, к-рого он называл поэтом безвольным и безответственным. Вместе с тем М. считал Блока наиб. характерным для XX в., отразившим в стихах шаткость, жуткую неустойчивость предрев. лет; и как человек, и как поэт, он стал жертвой рус. революции, «бессмысленной и беспощадной». Незадолго до смерти М. закончил работу о Н.Гумилеве, к-рая сначала появилась на франц., затем на рус. яз. («Николай Гумилев по личным восп.» // НЖ. — 1964. — № 77).

М. похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа (см.: Шулепова Э.А. Рус. некрополь под Парижем. — М., 1993. — С. 96).

Архив М.: РГАЛИ. Ф. 2512.

Лит.: Иваск Ю. Рец.: «Круг и тень» // НЖ. — 1951. — № 25.
Иваск Ю. Рец.: «На пути земном» // НЖ. — 1953. — № 35.
Добужинский М.В. Рец.: «Портреты современников» // НЖ. — 1956. — № 44.
Анненков Ю. Сергей Константинович Маковский // В. — 1962. — № 126.
Шаховская З. Рец.: «На Парнасе «Серебряного века» // В. — 1962. — № 126.
+Анненков; Бахрах; Казак; РП-3; Струве; Терапиано.

А.А.Ревякина

МА́МЧЕНКО Виктор Андреевич (1901, Николаев — XII.1982, Шель, Париж) — поэт. В 1920 корабельным матросом М. покидает Россию и через Тунис, задержавшись там на три года, перебирается во Францию. В Тунисе М. публикует в журн. «Черная линия» свои первые стихи, выдержанные в эксперимент. квазифутуристской манере; работает грузчиком и осваивает пригодившуюся ему впоследствии специальность строит. рабочего. Переехав в Париж, М. поступает на филол. ф-т Сорбонны, занимается самообразованием (за недостатком средств учебу в ун-те пришлось бросить), зарабатывая на жизнь уроками рус. яз. и малярным ремеслом. В лит. мире рус. Парижа М. освоился довольно быстро, заведя знакомства не только среди лит. молодежи — вместе с *Ю.Терапиано*, *Д.Кнутом* и *А.Ладинским* был одним из организаторов Союза молодых поэтов и писателей, — но и среди старшего поколения (*Л.Шестов*, *Н.Бердяев*, *А.Ремизов*). Став завсегдатаем «Зеленой лампы», М. особенно тесно сблизился с *Д.Мережковским* и *З.Гиппиус*, к-рая одно время довольно пренебрежительно отзывалась о поэзии М. (письмо Гиппиус к *Н.Берберовой* 6 окт. 1927 // Гиппиус З. Письма к Берберовой и *Ходасевичу*. — Ann Arbor, 1978. — С. 17), а позднее «называла его своим «другом № 1» и посвятила ему поэму «Последний круг» (Померанцев К. Сквозь смерть: Воспоминания. — Лондон, 1986. — С. 63).

Стихи М. печатались в различных эмигр. изд.: («Числа», «Журнал содружества», «Меч», «Круг»), до войны у него вышел только один лирич. сб. «Тяжелые птицы» (Париж, 1936), в к-рый был включен неоднородный поэтич. материал: от псевдоромантич. поэмы «С голубой высоты» до стих., проникнутых мистич. мироощущением и насыщенных — в духе нем. экспрессионистов — мрачной апокалиптич. символикой («Летит земля куда-то прочь во сне», «Шумно то, что смерти по плечу», «И будет день тяжелый и святой»). В своей первой кн. М. выступил как сложившийся поэт, нашедший свои темы, неповторимую авторскую манеру, далекую от поэтич. канонов, господствовавших на рус. Монпарнасе.

Творч. устремления М. были во мн. близки установкам символизма. М. подчинял свою лирику грандиозным «сверхзадачам»: поиску трансцендентных сущностных начал жизни, постижению той истинной сверхчувств. реальности, к-рая мистически прозревается поэтом сквозь усл. ткань видимой действительности. Высокому пафосу мистич. прозрения сокровенных тайн бытия, ожиданию божеств. преображения «липкой пустоты» повседневности соответствовала и фактура стиха; отказавшись от классич. ясного синтаксиса, от традиц. предметно-логич. принципа словосочетания, поэт делал гл. упор на максимальное выявление символич., ассоциативных возможностей слова, на эвфонич. и музыкально-ритмич. выразительность стиха, на эмоц. окраску всего композиц. целого. «Перекрученный», изломанный инверсиями синтаксис, лишенная логич. костяка композиция, слово, отрешенное от каких-либо примет конкретной вещественной реальности, необычные смысловые сочетания — эти характерные особенности поэтики М., объективно направл. на разрушение коммуникативной функции поэтич. языка, не могли не привести к чрезмерной смысловой затемненности, «герметичности», зачастую — к беспомощно-косснояз. невнятности стих. поэта. На это еще в 1926 указывал Ю.К.Терапиано, одним из первых заговоривший о своеобр. поэзии М.: «Мамченко, в погоне за своей мыслью, за своим пониманием, совершенно не считается со слушателем: увлеченный ясностью для себя, он не задумываясь опускает промежуточное звено между точкой отправления своей формулы и точкой прибытия»

(Терапиано Ю. Парижские молодые поэты // Своими путями. — 1926. — № 12/13. — С. 46). С теми же замечаниями подошли к «заумной» лирике М. и рецензенты «Тяжелых птиц»: «Книга может взволновать, но книгу эту невозможно понять, она похожа на какое-то трагическое мычание, и если гумилевское определение поэзии как «высокого косноязычия» хотелось бы к кому-нибудь отнести, то для стихов Мамченко оно как будто и создано». Эта иронично-насмешливая реплика *Г.Адамовича* (ПН. — 1936. — 13 февр.) по сути была созвучна более доброжелат. отзыву З.Гиппиус, тоже не удержавшейся от иронии: «Книга называется «Тяжелые птицы», и более подходящего образа нельзя выдумать. В стихах (и в стихотворце) — крылья, это несомненно, а тяжесть слишком велика — «птиц» она не поднимает» (СЗ. — 1936. — № 61. — С. 466). О кн. М. сочувственно отозвался *К.Мочульский*: «Логический смысл его стихов часто неясен и труден, но если почувствовать, что бьется, дышит и волнуется под этим смыслом, тогда открывается иная, внутренняя логика этой поэзии, ее напряженная бунтующая жизнь, ее цельность и предельная искренность» (Круг. — 1936. — Кн. 1. — С. 179). З.Гиппиус, сетуя на «зашифрованность и непроницаемую «монадность» худож. мира «Тяжелых птиц», отмечала поэтич. одаренность М. и подчеркивала весомость и подлинность того духовного опыта, с к-рым он делился в своих «неуклюжих» стихах: «Эта книга — о внутреннем мире, притом о самом в нем важном, и важном не только для данного человека, — важном вообще, важном для других... Мамченко говорит о своем непонятном — непонятно. Но оно «с большой буквы», и если он не находит для него ни верных форм, ни нужных слов и звуков, остается с ним в бесчеловечном «наедине», — подождем искать причины в его словесном «немастерстве» (СЗ. — 1936. — № 61. — С. 467).

Худож. своеобразие послевоен. поэзии М. определяется мучит. раздвоением поэта между крайностями герметичной, умозрит. поэзии и стремлением к исповедальной открытости, к безыскусно-правдивому отражению сложной и трагич. красоты мира и человека. Во втором лирич. сб. М., вышедшем под характерным названием «Звезды в аду» (Париж, 1946), преобладают темы человеч. одиночества, духовного кризиса, вызванного сомнением в осмысленности и совершенстве божеств. порядка бытия. Лучшие вещи сб. («Над землею черный холод», «Стихает день в мерцаньи паутин», «Цветы отцветают. Не надо иллюзий», «Идешь сквозь бред, идешь в дурную вечность») тематически и эмоционально близкие «парижской ноте», раскрывают разорванность внутр. мира лирич. героя, в к-ром разгорается борьба между верой и безверием, безысходным отчаянием и «ломкой надеждой» на спасение. В «Звездах», так же, как и в последующих кн. М. — «В потоке света» (Париж, 1949), «Земля и лира» (Париж, 1951), «Певчий час» (Париж, 1957) — видны попытки упростить хаотичную усложненность стихотв. формы, ощутимо стремление преодолеть смысловую зашифрованность. Однако, несмотря на большую прозрачность и более строгую формальную отделку, «зрелая» лирика М. все так же эзотерична и далека от «прекрасной ясности» — преодолеть бессилие своего «высокого косноязычия» поэт так и не смог. Стихи М., перенасыщенные плеоназмами и оксюморонами, полные смысловых недоговоренностей и умолчаний, обескураживали даже самых доброжелат. рецензентов: «Его мир настолько «монаден», что проникнуть в него почти не удается, хотя поэт вовсе не закрывает дверь и сам, видимо, искренне хочет общения... Красиво и знакомо звучащие строфы оказываются состоящими из несвязанных строк, строфы повисают в воздухе в самых казалось бы важных местах, поставленные вопросы не получают ответов, интонация не поддерживает смысла, а в сочетании слов открывается целая палитра смысловых неточностей» (Марков В. // Опыты. — 1958. — Кн. 9. — С. 97-98). Поздняя лирика М., ставшая более очеловеченной и приближенной к реальности, но и менее оригин., говорит об угасании его поэтич. дара. Две последних кн. поэта — «Воспитание сердца» (Париж, 1964) и «Сон в холодном доме» (Париж, 1975) — отличаются мелодраматизмом и поверхностной антивоен. риторикой в духе сов. стихотв. публицистики.

Старость поэта, скромно жившего все послевоен. годы в собств. домике в Медоне, пригороде Парижа, была омрачена тяжелой болезнью: в 1967 «с ним случился удар, он лишился дара речи, не мог ходить, и в таком состоянии, оставаясь со свежей головой, прожил еще пятнадцать лет» (Померанцев К. Сквозь смерть. — С. 61).

Лит.: Бахрах А. Серое и коричневое // Орион. — Париж, 1947.
Померанцев К. Памяти ушедших: В.А.Мамченко // РМ. — 1983. — 3 февр.
+ Струве; Терапиано.

Н.Г.Мельников

МАНДЕЛЬШТА́М Юрий Владимирович (25.IX(8.X).1908, Москва — 18.X.1943, Яворжно, Польша, в нем. концлагере) — поэт и лит. критик. Род. в состоят. еврейск. семье (в 1935, в связи с женитьбой на дочери И.Ф.Стравинского, принял православие). В 1920 покинул Россию и обосновался во Франции. Благосостояние родителей позволило М. получить образование: окончив в 1925 рус. г-зию в Париже, он поступил на филол. ф-т Сорбонны; овладел франц., нем. и англ. яз. — «еще будучи в гимназии прочел в подлинниках классиков на этих языках» (*Терапиано Ю.* Встречи. — Нью-Йорк, 1953. — С. 122).

По окончании ун-та М., отказавшись от открывавшейся перед ним науч. карьеры, посвящает себя лит. творчеству. В 1929 его стихи появляются в сб., изданном Союзом молодых поэтов и писателей. О первой кн. стихов «Остров» (Париж, 1930) критика писала: «В ней есть подлинная лиричность, настоящее поэтическое дыхание» (*Струве Г.* Заметки о стихах // Россия и славянство. — 1930. — 2 авг.). М. посещает «воскресенья» *Мережковских*, заседания «Зеленой лампы» и «Круга», выступает на лит. вечерах «Союза молодых поэтов», принимает участие в деятельности «Перекрестка» — одного из самых изв. лит. объединений «незамеченного поколения» рус. эмиграции. Вместе с Ю.Терапиано М. вел «Перекресточную тетрадь», куда записывались всевозможные курьезы из жизни рус. Монпарнаса и наиболее потешные графоманские «перлы», а также шуточные коллективные стих., пародии и эпиграммы, посв. представителям «старой» и «молодой» эмигр. лит-ры. Одна из часто упоминаемых мемуаристами пародий — «Арион рус. поэзии» — была посв. *В.Ходасевичу*. Испытав, как и мн. «перекресточники», воздействие эстетико-лит. идей Ходасевича, М. был связан с ним и совместной работой в «В», где он вел обзор текущей иностр. лит-ры, знакомя рус. зарубежье с кн. Селина, Кокто, Валери, Мориака, Ремарка, Кафки, Цвейга, Уэллса и др. М. исходил в своих критич. штудиях из объективной эстетико-духовной ценности конкретного лит. произв. и не боялся высоко оценить малоизв. автора (как в случае с Ф.Кафкой) или предъявить суровый иск лит. знаменитости, будь то прославленный англ. фантаст — «...несчастье Уэллса в том, что богатство воображения не соответствует его внутреннему опыту» (В. — 1938. — 5 авг.) — или нашумевший нем. беллетрист: «... имя Ремарка всегда будет связано с воспоминанием о первом его произведении — до тех пор, однако, пока не забудется и сама эта книга [«На Западном фронте без перемен»] и ее автор. Что это случится — можно предсказать без колебаний...» (В. — 1938. — 12 авг.).

В обл. критики М. также плодотворно сотрудничал и с др. изданиями — не только эмигрантскими («Числа», «Круг», «Новь». — Таллин, 1932-35; «Меч». — Варшава, 1934-39), но и с франц. В журн. «La revue de France», под ред. М.Прево, М. поместил ст. о новой рус. поэзии и об изв. рус. писателях: *А.Белом*, *И.Бунине*, *Л.Шестове* и др. В 1938, в Шанхае, у М. вышел сб. критич. этюдов «Искатели», где были собраны эссе о Данте, Паскале, Гете, Свифте, Моцарте, Бетховене, Бальзаке. Кн. предшествовал выход лирич. сб. «Верность» (Париж, 1932) и «Третий час» (Берлин, 1935). В них, как и в «Острове», М., любивший подчеркивать свою формальную «правизну», проявил себя как поэт неоакмеистич. выучки, стремящийся — даже при передаче любовных волнений или мучит. душевной тревоги — к предельной точности и ясности стиха, к ритмич. и композиц. четкости. М. долгое время увлекался парнассцами — «В мучительном Леконт-де-Лиле / Душа, запутавшись, живет» («По рубрикам, под нуме-

рами...») — и следовал их гл. принципу: поэт не должен позволять чувствам овладеть им. Не случайно тема человеч. закрытости, «непрозрачности» затрагивается во мн. стих. поэта («В папиросном дыму, за столами...», «Слова, не сказанные вслух...» и др.). Стих. М. отличает нарочитая сухость, эмоц. сдержанность, скупость образов. Отсюда единодушно признаваемая всеми критиками однотонность и бесцветность его лирики, бедность размеров и ритмов. За М. вполне справедливо закрепилась репутация мастеровитого, строгого к себе поэта, ограничившего себя, однако, тематически и эмоционально. Как о поэте неширокого диапазона писал о М. один из первых его рецензентов Л.Кельберин: «Недостаток стихов Мандельштама в слишком еще «обыкновенных» ощущениях. Они могут ... нравиться, но не могут ... заинтересовать, тем более — взволновать. Они, как хорошо исполненные этюды, но мы вправе ожидать от автора и более значительных по внутреннему чувству произведений» (Л.К. [Л.Кельберин]. Рец.: «Остров» // Числа. — 1930. — № 2/3. — С. 254). Невысоко оценивал стихи М. и *Г.В.Адамович*: «В них нет прорывающейся сквозь словесную оболочку страсти, которая задела бы нас. Поэт смотрит в себя, для себя, а не для того, чтобы увидеть в себе (или сквозь себя) весь мир. Литературный опыт только оттеняет отсутствие другого опыта, по меньшей мере столь же важного — жизненного и духовного» (ПН. — 1935. — 20 июня).

Со временем М. охладел к парнассцам — его лирика становится все более созвучной «парижской ноте» эмигр. поэзии; стихи приобретают музыкальность, выразительность, их «лирический герой» стремится с предельной простотой и обнаженностью говорить о сокровенном внутр. измерении своего «я», об интимно важных для него «последних», «самых главных» вопросах человеч. бытия. «В «Третьем часе» и особенно в последних стихах, написанных Мандельштамом во время войны и изданных уже после его гибели («Годы: Стихи, 1937-1941». — Париж, 1950), «прорывается новое начало» (Терапиано Ю. — Встречи. — С. 125). Желание вырваться «за грани жизни зыбкой», стремление уйти в некую высшую реальность, «туда, где радость, тишина и свет», наряду с чувством духовного изнеможения и тягостного одиночества, горьким осознанием своей ненужности, своей обреченности в «этом» мире, — одухотворяет позднюю лирику поэта: «День ото дня все меньше знаю / Как жить и для кого любить. / Как будто что-то забываю, / Что все равно нельзя забыть: / Вот утром равнодушно встану / С притихшей болью и тоской — / Лечить запекшуюся рану, / И ждать, и призывать покой» («День ото дня все меньше знаю...»).

В стих. «Встаешь в тоске неисцелимой...», «Пронзительность со мною распрощалась...», «Слова и люди безразличны...», «Стихи о счастье», «О чем ты плачешь, сердце? Гибнет слава...» и др. напряженная лиричность М. оказалась способной выразить «пронзительность, бессмысленность, усталость» горького эмигр. существования, то «пресловутое послевоенное беспокойство, ощущение трещины в мире, неблагополучия в нем, ...делающего бессмысленным любое «положительное» стремление» (В. — 1938. — 10 июня), о к-ром так проникновенно писал М. в своих эссе.

Жизнь М. трагически оборвалась во время войны, «оборвалась раньше, чем он успел окончательно найти себя» (Терапиано Ю. — Встречи. — С. 125). После разгрома Франции М., оказавшись на оккупиров. немцами терр., был обречен на гибель из-за своего евр. происхождения. Случайно арестованный полицией — «преступление» его состояло в том, что он отлучился из своей квартиры после 8 часов веч., — в марте 1942 М. был отправлен в лагерь Компень, где имел еще возможность общаться с некрыми своими товарищами по эмиграции: *И.Фондаминским*, Матерью Марией (*Е.Кузьминой-Караваевой*). Проведя 17 месяцев в разл. лагерях, погиб.

Изд.: Собр. стих. — Гаага, 1990.

Лит.: Пильский П. Рец.: «Остров» // Сегодня. — 1930. — 11 июня.
Ходасевич В. Рец.: «Верность» // В. — 1932. — 25 февр.
Ходасевич В. Рец.: «Третий час» // В. — 1935. — 26 сент.
Ходасевич В. Рец.: «Искатели» // В. — 1938. — 23 сент.
Иваск Ю. Рец.: «Годы (1937-1942)» // НЖ. — 1951. — № 27.
+ Казак, Струве.

Н.Г.Мельников

МАРИЯ, мать — см. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА.

МЕ́ЙЕР Георгий Андреевич (7(19).II.1894, Симбирская губ. — 7.II.1966, Дьеп, Франция) — публицист, философ, лит-вед. Род. в семье потомка ливонского рыцаря Мейера фон Зегевольта, перешедшего на службу в Россию при Иване Грозном, и внучки писателя С.Т.Аксакова. Вся семья отличалась глубокой религиозностью. Дет. годы М. провел в Самарской губ. в аксаковском имении его матери. Любимые с детства поэты М. — А.С.Пушкин, А.А.Фет и Е.А.Баратынский, ставший его «вечным спутником». Обладая отличным тенором, М. в Москве брал уроки пения у Т.Каргановой. По окончании реального уч-ща М. поступил на филол. ф-т Моск. ун-та, но через год оставил его, т.к. не хотел оставаться в этом «рассаднике революции». Поступил вольноопределяющимся в гусарск. полк, а затем перешел в пехотный полк Св. Александра Невского, с к-рым прошел всю мировую войну. После Февр. революции М. отказался принести присягу Врем. правительству и одним из первых записался в Белую армию. Участвовал в «Ледовом походе». Гражд. войну М. провел в Белой армии при ген. Карповиче. В 1920 вместе с Белой армией эвакуировался в Константинополь, где пробыл до 1923, зарабатывая на жизнь преподаванием рус. яз. и докладами о рус. поэзии для эмигрантов.

В 1923 М. вместе с женой переехал во Францию (визу для них выхлопотал *К.Бальмонт*) и нек-рое время сотрудничал в газ. «Родная земля». После закрытия газ. в 1928 работал таксистом. В 1925-40 был сотр. газ. «В». В нач. 1950-х М. неофициально возглавлял журн. «В», но возникшие идеологич. разногласия с др. сотр. журн. побудили его выйти из ред. После долгого молчания, в 1959 М. начинает печататься в журн. «Грани», в к-ром помимо ст. появляются главы его кн. о Достоевском. В том же году М. переехал в деревню ок. Парижа, где продолжил работу над кн. Однако смертельная болезнь не дала ему возможности закончить начатый труд. М. скончался в госпитале и похоронен на кладбище в Медоне.

Лит. наследие М. насчитывает неск. десятков лит.-критич., публицистич. и филос. ст. и две кн., изд.: посм. В кн. «Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения» (Франкфурт-на-М., 1967) (гл. в кн.: Рус. эмигранты о Достоевском. — СПб., 1994) рассматриваются все гл. персонажи и сюжетные линии ром. Он исходит из предпосылки, что «проникнутое мыслью художественное творение — живой духовный организм — через любую его деталь постигается в целом» (с. 18). Согласно концепции М., ход и замысел романа Достоевского обусловлен тем, что Раскольников не «зарубает» старуху-процентщицу, а проламывает ей череп обухом топора, «когда топор с размаху опускался на голову старухи, его лезвие глядело Раскольникову прямо в глаза» (с. 18). Все остальные персонажи ром. — ипостаси или воплощения разл. сторон духовной сущности Раскольникова. Заключит. главу кн. и предисл. к ней, где М. намеревался объяснить нек-рые приемы своего анализа и объяснить читателям мысль о «метафизике встреч», он написать не успел.

Вторая кн. М. — «У истоков революции» (Франкфурт-на-М., 1971) состоит из ст., написанных в разные годы. Наиболее интересны — «Достоевский и всерос. катастрофа» (В. — 1954. — № 33), где М. анализирует публицистику Достоевского и ее соотношение с худож. творчеством писателя; «Дедушка рус. революции», в к-рой автор дает сокрушит. критику мировоззрения П.Н.Милюкова и в его лице всех «русско-европейских марксо-демократов, верующих в идею прогресса пуще, чем темный мужик верует в Господа Бога» (с. 105). В небольшом «Отрывке», к-рым заканчивается кн., М. формирует свое понимание «народа» и «нации» и высказывает негативное отношение к славянофильству: «народ» — понятие биологич., это совокупность всего населения данной терр., этнографич. масса, не имеющая качеств. характеристик. Напротив, «нация» состоит из личностей, и «чем больше индивидуумов похищает нация у народной гущи, одухотворяя их в процессе похищения, превращая каждого из них из индивида в человеческую личность, тем крепче в данной стране национальный слой, тем послушнее усмиренная, взнузданная народная толща» (с. 252). Такое понимание нации в XIX в. было свойственно, по мнению М., только К.Леонтьеву и, до нек-рой степени, П.Я.Чаадаеву. Лишь один Ле-

онтьев, последователем к-рого считает себя М., постигал до глубины сущность имперской идеи, создавшей Россию. Славянофильство же, напротив, «опиралось на бытовое исповедничество, но где быт, там начинается застой бытия, там снижается и ущемляется все истинно духовное» (с. 253).

Изд.: Баратынский и Достоевский // В. — 1950. — № 9.
Жало и дух: Место Тютчева в метафизике рос. лит-ры // В. — 1954. — № 32.
Трудный путь (К столетию со дня смерти Гоголя) // В. — 1952. — № 19.
Фатализм Лермонтова // В. — 1955. — № 37.
Большевики о Кольцове и Щедрине // В. — 1955. — № 38.
Федька каторжный // В. — 1955. — № 39.
Недруги Лермонтова // В. — 1955. — № 40.
Борис Зайцев о Чехове // В. — 1955. — № 42-44.
Случевский // В. — 1955. — № 48.
Баратынский и Пушкин // В. — 1956. — № 54.
На грани сна и бдения // В. — 1957. — № 61, 62.
Хождение по мукам // Грани. — 1960. — № 47, 48.
Фаталист. К 150-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова // Грани. — 1965. — № 57.
+ РФР.

В.В.Сапов

МЕРЕЖКО́ВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (2(14).VIII.1865, Петербург — 9.XII.1941, Париж) — поэт, прозаик, драматург, религ. философ, лит. критик. Отец из укр. дворянск. рода, чиновник придворной конторы, дослужился до чина д.тайного сов. Мать — дочь управляющего канцелярией петерб. обер-полицеймейстера. В г-зии начал писать стихи, прослушав к-рые Достоевский, когда в 1880 отец отвез к нему сына, сказал: «Слабо, плохо, никуда не годится. Чтобы хорошо писать, — страдать надо, страдать!» («Автобиогр. заметка» // Полн. собр. соч. — М., 1914. — Т. 24. — С. 111).

Первое стих. М. «Нарцисс» появилось в сб. «Отклик» (СПб., 1881). В 1884-88 студент историко-филол. ф-та Петерб. ун-та. Летом 1888 в Боржоме познакомился с *З.Гиппиус*, 8 янв. 1889 обвенчался в Тифлисе и вернулся с ней в СПб. В предисл. к восп. «Дмитрий Мережковский» она писала: «Мы прожили с Д.С.Мережковским 52 года, не разлучаясь, со дня нашей свадьбы в Тифлисе, ни разу, ни на один день».

В 1888 в СПб. вышла первая кн. М. «Стихотворения (1883-1887)», в 1892 — «Символы (Песни и поэмы)», в 1893 — первая лит.-критич. кн. «О причинах упадка и о новых течениях совр. лит-ры», в к-рой обосновывается теория рус. символизма. В 1897 появился сб. ст. М. «Вечные спутники: Портреты из всемирной лит-ры» (о Марке Аврелии, Кальдероне, Сервантесе, Монтене, Флобере, Ибсене, Достоевском, Гончарове, Пушкине и др.). В 1895 в «Сев. вестн.» печатается первая часть трилогии «Христос и Антихрист» — ром. «Отверженный» (в дальнейшем назв. «Смерть богов: Юлиан Отступник»), в 1900 в журн. «Мир Божий» — вторая часть «Воскресшие боги: Леонардо да-Винчи», в 1904 в журн. «Новый путь» — третья часть «Петр и Алексей», получившая и отд. изд.: название «Антихрист» (СПб., 1905; все три части переизд. Берлин, 1922). В 1900-02 журн. «Мир иск-ва» печатает крупнейшую критич. работу М. «Толстой и Достоевский» (отд. изд.: СПб., 1901-02; М., 1995).

М. — один из создателей Религ.-Филос. собр. (1901-03), отчеты к-рого печатались в журн. «Новый путь» (1903-04), одним из ред. был М. В 1907 начались заседания Религ.-Филос. об-ва, в к-рых принимал участие М. Он переводит Эсхила, Софокла, Еврипида, Лонга, итал. новеллы эпохи Возрождения. В 1906 вышли два его иссл.: «Гоголь и чорт» (М.), «Грядущий Хам» (СПб.) — о грядущей революции.

25 февр. 1906 М. и Гиппиус уехали в Париж, где прожили до 1914, временами наезжая в Россию. В 1907 в Париже на франц. яз. вышел сб. ст. М., Гиппиус и *Д.В.Философова* «Le Tsar et la Révolution», в СПб. сб. «В тихом омуте» (1908), «Не мир, но меч: К будущей критике христианства» (1908), «М.Ю.Лермонтов: Поэт сверхчеловечества» (1909). В 1910 появилось его «Собр. стихов, 1883-1910» (СПб.) и сб. ст. «Больная Россия» (СПб.). В 1911-13 вышло первое «Полн. собр. соч.» в 17 т. Наиб. полн. собр. соч. дорев. периода в 24 т. (М., 1914), после к-рого М. опубликовал до эмиграции еще неск. кн. в Пг.: «Было и будет: Дневник, 1910-1914» (1915), «Две тайны

рус. поэзии: Некрасов и Тютчев» (1915), «Невоенный дневник: 1914-1916» (1917). Вышла вторая трилогия М. «Царство зла», посв. судьбам России: драма для чтения «Павел I» (СПб., 1908), «Александр I» (Рус. мысль, 1911-12; отд. изд.: СПб.; М., 1913; Берлин, 1925; М., 1990) и «14 декабря» (Пб., 1918; Париж, 1921).

В конце дек. 1919 М. с женой, Д.Философовым и секретарем *В.Злобиным* эмигрировали сначала в Минск и Варшаву, а 20 окт. 1920 выехали в Париж, где у М. была собств. квартира. 16 дек. 1920 он прочитал в Париже первую лекцию «Большевизм, Европа и Россия», в к-рой рассмотрел тройную ложь большевиков: «мир, хлеб, свобода» — война, голод, рабство. В 1922 в Мюнхене вышла кн. четырех авторов (М., Гиппиус, Философов и Злобин) «Царство Антихриста» — программное выступление в печати после бегства из «Совдепии», полное живых впечатлений от двух лет жизни в большевист. Петрограде (на нем. яз. в 1921).

В 1926 М. и Гиппиус организовали в Париже лит. и филос. об-во «Зеленая лампа», президентом к-рого стал *Г.Иванов*. Стенографич. отчеты (первое заседание 5 февр. 1927) печатались в париж. журн. «Новый корабль» (1927). В эмиграции М. создал ист. и филос. ром. «Рождение богов: Тутанкамон на Крите» (СЗ. — 1924. — № 21, 22; отд. изд.: Прага, 1925), «Мессия» (СЗ. — 1926-27. — № 27-32; отд. изд.: Париж, 1928). Центр. трудом этого времени стала кн. «Иисус Неизвестный» (Белград, 1932-34; М., 1996), завершившая трилогию о путях спасения человечества: «Тайна трех: Египет и Вавилон» (Прага, 1925); «Тайна Запада: Атлантида-Европа» (Белград, 1930; М., 1992). Цифра «три» играла исключит. роль в философии истории и культуры М. Он часто группировал свои произв. в трилогии или придавал им трехчастный характер. В ром. М. ощущается воздействие религ.-филос. концепций В.Соловьева и В.Розанова, а также стремление осмыслить катаклизмы XX в. в свете духовно-нравств. истории человечества.

Г.Адамович писал, что М. «думал о Евангелии всю жизнь и шел к «Иисусу Неизвестному» через все свои прежние построения и увлечения, издалека глядя в него, как в завершение и цель» (Адамович. — С. 50). Вместе с тем он говорил об исходящем от всего соч. «холодке» и объяснял это отвлеченностью и «внежизненностью», как самыми характерными чертами М. *Б.Вышеславцев* определил это соч., переведенное на неск. иностр. яз., как «не литературу, не догматическое богословие, не религиозно-философское рассуждение, а интуитивное постижение скрытого смысла, разгадывание таинственного «символа» веры, чтение метафизического шифра, разгадывание евангельских притч» (СЗ. — 1934. — Т. 55. — С. 431). Рассматривая жанровые особенности др. части трилогии («Тайна Запада: Атлантида-Европа»), *Б.Поплавский* назвал ее опытом «непрерывного интеллектуального экстаза», «сплошным экстатическим монологом» (Числа. — 1930. — № 4. — С. 162).

М. давно был известен как мастер жанра биогр. ром. В годы эмиграции он создал еще две кн. этого рода: «Наполеон» (Белград, 1929; М., 1993) и «Данте» (Брюссель, 1939; отрывки в «РЗ». — 1937. — № 2; 1938. — № 3). В сент. 1928 М. принял участие в Первом съезде рус. писателей-эмигрантов, организов. югославским пр-вом в Белграде. При Сербской акад. наук была создана издат. комиссия, выпускавшая «Рус. б-ку», первым номером в к-рой вышел «Наполеон» (отрывки в журн. «Новый корабль». — 1927. — № 2 и СЗ. — 1928. — № 34, 35). Идеи кн. о Наполеоне входят в концепцию «Третьего Завета», проповедовавшейся М. с петерб. времен. Судьба мира, согласно этим идеям, высказанным еще в XII в. итал. монахом Иоахимом Флорским, проходит через три осн. этапа: Бога-Отца, Творца Ветхого Завета, когда жизнь определяется законом (господин и раб); период Сына Божьего Христа (отец и дитя), длящийся и поныне; в грядущем откроется «Третий Завет» — Царство Духа, когда жизнь будет проходить в полной любви и интимности. Наполеон для М. — «последнее воплощение бога солнца, Аполлона». Атлантида и Апокалипсис — это конец первого человечества и конец «Второго Завета». Наполеон — «человек из Атлантиды» и «апокалипсический Всадник» одновременно. Он послан в мир, говорит М., чтобы сказать людям: «Может быть, скоро конец». Филос. смысл романа, его «метаисторическое значение» (*М.Цетлин*) определяется обращенностью к настоящему, к тому, что переживала Россия в ту пору. Кн. писалась с неизбывной думой о рус. революции, о катастрофе 1917, после

к-рой «бесы революции» установили в стране красный террор. М. говорил о своих ист. произв.: «Большинство считает, что я исторический романист; и это глубоко неправильно; в прошлом я ищу будущее... Настоящее кажется мне иногда чужбиною. Родина моя — прошлое и будущее» (*Седых А.* У Д.С.Мережковского // Звено. — 1925. — 16 марта).

Среди религ.-филос. соч. М., написанных в годы эмиграции, выделяются три небольших исследования: «Павел. Августин» (Берлин, 1936), «Франциск Ассизский» (Берлин, 1938; М., 1995) и «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (Берлин, 1938) под общим загл. «Лица святых от Иисуса к нам». Отмечая, что подход М. к фигуре Франциска Ассизского не реально-ист., а ист.-филос., *П.Бицилли* утверждал: «Цель автора — указать место св. Франциска не в истории Европы, а в «вечной», «идеальной» истории» (РЗ. — 1938. — № 11. — С. 199).

Посмертно на франц. яз. в Париже издана трилогия М. «Реформаторы», оконченная незадолго до второй мировой войны: «Luther» (1941); «Calvin» (1942); «Pascal» (1941). На рус. яз. трилогия вышла в Нью-Йорке в 1991. Незадолго до смерти М. завершил свою последнюю трилогию об «испанских тайнах»: «Испанские мистики: Св. Тереза Иисуса» (В. — 1959. — № 92, 93), «Св. Иоанн Креста» (НЖ. — 1961. — № 64, 65; 1962 — № 69) и «Маленькая Тереза» (Ann Arbor, 1984). Отд. изд. трилогии: Брюссель, 1988.

Характеризуя значение М. для рус. лит-ры, Г.Адамович писал: «Влияние Мережковского, при всей его внешней значимости, осталось внутренне ограниченным. Его мало любили, мало кто за всю его долгую жизнь был и близок к нему. Было признание, но не было порыва, влечения, даже доверия, — в высоком, конечно, отнюдь не житейском смысле этого понятия. Мережковский — писатель одинокий» (Адамович. — С. 47). Еще резче оценивает М. в своей лекции в берлин. Рус. науч. ин-те 29 июня 1934 *И.Ильин*: «Психология, психика, целостный организм души совсем не интересует Мережковского: он художник внешних декораций и нисколько не художник души. Душа героя есть для него мешок, в который он наваливает, насыпает все, что ему, Мережковскому, в данный момент нужно и удобно. Пусть читатель сам переваривает все, как знает... Замечательно, что читателю никогда не удается полюбить героев Мережковского — Мережковский не вчувствуется в своих героев, не вчувствует в них и своих читателей; не любя, показывает нелюбимое и не вызывает к нелюбимому никакой любви» (*Полторацкий.* — С. 186-187). О том же еще в 1915 писал В.В.Розанов, близко знавший М. и оставивший восп. о нем в неопубл. кн. «Мимолетное»: «...мне кажется иногда (часто), что Мережковского нет... Что это — тень около другого... Вернее — тень другого, отбрасываемая на читателя... О, как страшно ничего не любить, ничего не ненавидеть, все знать, много читать, постоянно читать и, наконец, к последнему несчастию, — вечно писать, т.е. вечно записывать свою пустоту и увековечивать то, что для всякого есть достаточное горе, если даже и сознается только в себе. От этого Мережковский вечно грустен» (Розанов В.В. Мимолетное. — М., 1994. — С. 133).).

М. был противником всех форм тоталитаризма. Его философия духовной свободы как основы Царства Божия на земле («Третьего Завета») делала для него невозможным сотрудничество с большевизмом или с нацизмом. Он надеялся на взаимное уничтожение этих двух зол. В радиоречи, произнесенной после нападения Гитлера на СССР, М. остался верен себе и повторил то же, что писал с 1920 о большевизме как абсолютном зле и необходимости Крестного похода против большевизма, к чему он в свое время призывал Пилсудского и папу римского. «Большевизм никогда не изменит своей природы, как многоугольник никогда не станет кругом, хотя можно увеличить до бесконечности число его сторон... Основная причина этой неизменности большевизма заключается в том, что он никогда не был национальным, это всегда было интернациональное явление; с первого дня его возникновения Россия, подобно любой стране, была и остается для большевизма средством для достижения конечной цели — захвата мирового владычества» («Большевизм и человечество» // Независимая газ. — 1993. — 23 июня). Не случайно Гиппиус свою кн. «Дмитрий Мережковский» (Париж, 1951) закончила словами, что М. и она «были и в начале, и в конце, и всегда «за интервенцию».

Писатель верил, что духовное начало, культура и разум, планомерно уничтожавшиеся большевиками, возвратятся в Россию. Он был убежден, что именно повергнутая в кровь Россия духовно возродится и начнет «спасение мира», к-рое др. народы завершат. Этого ему не могли простить. После освобождения Парижа от немцев на квартиру Мережковских явилось неск. вооруженных людей. Но М. в живых уже не было, и «мстители» ретировались (Злобин В. Д.С.Мережковский и его борьба с большевизмом // В. — 1956. — № 53. — С. 108).

Изд.: Избр. статьи. — Мюнхен, 1972.
Эстетика и критика. М., 1994. — Т. 1.
Собр. соч. — М., 1996. — Т. 1-

Лит.: Цетлин М. О новом ром. Мережковского «14 декабря» // СЗ. — 1921. — № 5.
Бахтин Н. Мережковский и история // Звено. — 1926. — 24 янв., № 156.
Демидов И. Рец.: «Тайна трех: Египет и Вавилон» // СЗ. — 1926. — № 28.
Злобин В. О «Тайне трех» Д.Мережковского // Новый дом. — 1926. — № 1.
Цетлин М. Рец.: «Наполеон» // СЗ. — 1929. — № 40.
Алданов М. Рец.: «Тайна Запада. Атлантида-Европа» // СЗ. — 1931. — № 46.
Терапиано Ю. Рец.: «Иисус Неизвестный» // Числа. — 1933. — № 9.
Мандельштам Ю. Рец.: «Лица Святых». Т. 1. «Павел» // Круг. — 1937. — № 2.
Терапиано Ю. Рец.: «Павел и Августин» // СЗ. — 1937. — № 65.
Мочульский К. Рец.: «Франциск Ассизский» // СЗ. — 1938. — № 67.
Некрологи: Алданов М. // НЖ. — 1942. — № 2. Подпись: М.А.; Цетлин М. // Новоселье. — 1942. — № 2.
Ильин В. Памяти Д.С.Мережковского // В. — 1965. — № 168.
Чижевский Дм. Рец.: «Избр. статьи» // НЖ. — 1973. — № 111.
Bedford C.H. The Seeker: D.S.Merezhkovsky. — Lawrence (Kansas), 1975.
Pachmuss T. D.S.Merezhkovsky in exile: The master of the genre of biographie romancée. — N.Y., 1990.
+ Адамович; Амфитеатров; Бахрах; Зеньковский; Казак; Лосский; Михайлов; Одоевцева; Полторацкий; РЛЗ-2; РФН; РФР; Соколов; Струве; Терапиано.

А.Н.Николюкин

МИ́НСКИЙ (наст. фамилия: Виленкин) Николай Максимович (15(27).I.1855, с. Глубокое, Виленская губ. — 2.VII.1937, Париж) — поэт, философ, публицист, переводчик. В 1875 окончил курс минской г-зии с золотой медалью. В 1879 окончил юрид. ф-т Петерб. ун-та со степенью кандидата прав и в дальнейшем сочетал юрид. деятельность с творчеством. Подолгу жил за границей; окончательно эмигрировал в 1914. Начал печататься как поэт в 1876 (неск. стих. в «Журн. рус. романов и путешествий»); с 1877 стал ведущим поэтом журн. «Вест. Европы». До 1880-х лит. деятельность М. шла «под флагом гражданственности» (Венгеров С.А. Н.Минский // Рус. лит-ра XX в. 1890-1910. — М., 1914. — Т 1. — С. 358). Особую популярность снискала поэма «Белые ночи» (1879), высоко оцененная *К.Бальмонтом*, Ф.Сологубом и др. М. участвовал в пропаганде народнич. идей: опубл. поэму «Последняя исповедь» (нелегальная газ. «Народная воля». — 1879. — № 1), был одним из авторов сб. «Отклик» (СПб., 1881), сотрудничал в журн. «Устои» (СПб., 1881-1882). В 1883 цензурой был сожжен тираж его сб. «Стихотворения», но в 1887 сб. вышел и переиздавался (репринт. — Мюнхен, 1977). В 1907 появилось его полн. собр. стих. (СПб., т. 1-4). Явной неожиданностью для читателя был выход фельетона «Старинный спор», написанного М. совместно с И.Ясинским (газ. «Заря». — Киев, 1884. — 24 июля); авторы фельетона провозглашали себя сторонниками чистого иск-ва, независимого от политики и злобы дня. Вспоминая об этом времени в эмиграции, М. писал, что после цензурной расправы («министр Д.Толстой кричал и топал на меня ногами») он «впал в ересь» и в поэме «Холодные слова» «всенародно отрекся от «чувствительных и теплых слов» любви к людям, поднял мятежное знамя индивидуализма, самообожествления, эстетизма, написал книгу «При свете совести», явно богоискательскую...» (Минский Н. О себе // Новая рус. кн. — 1922. — № 8. — С. 40). Вместе с *Д.Мережковским* и В.Розановым М. был инициатором Религ.-Филос. собраний (СПб., 1901-03), и вместе они являлись идейными вдохновителями и фактич. редакторами журн. «Новый путь» (СПб., 1903-1904), однако это не означало их филос. единомыслия. М. в кн. «При свете совести: Мысли и мечты о цели жизни»

(СПб., 1890) обосновывал «религию небытия» — оригин. филос. учение о «меонизме» (от греч. «meon» — несуществующее), вобравшее в себя народнич. настроения (темы «совести», «жертвы»), идеи Ф.Ницше и вост. мистики. Опубликовав трактат «Религия будущего: Философские разговоры» (СПб., 1905), М. утвердил за собой «печальное титло отца рус. декаданса», по определению С.Венгерова. (В эмиграции М. говорил об этом с гордостью, напоминая, что его кн. были направлены против учения Л.Толстого). По прошествии мн. лет, уже в эмиграции, М. оставался верен своему учению, признаваясь, что для него «одиночество меонистических переживаний было величайшим, быть может, единственным счастьем жизни» (Новая рус. кн. — 1922. — № 8. — С. 41). В связи с публ. в газ. «Новая жизнь» ст. *М.Горького* и Ленина, М. как ред. издания был привлечен к суду по обвинению в призыве к «ниспровержению существующего строя», арестован, эмигрировал за границу. До 1913 жил в Париже, где написал пьесы: «Железный призрак» (1909), «Малый соблазн» (1912), «Хаос» (1912). Вернулся ненадолго в Россию. Первая мировая война застала его снова на пути в Париж, и это обусловило его окончат. эмиграцию в 1914.

В течение пяти послеокт. лет М. читал лекции «о союзе между умственным и физическим трудом против всякого партийного властолюбия», публиковал ст. во франц. прессе. Те же лекции, прочитанные (по-исп.) в Мадриде, были признаны правительством слишком вольнодумными, за что их автор был отозван в Париж. В 1922 М. в Берлине (куда переехал жить) прочитал лекцию о власти труда и затем изложил свои мысли в «Манифесте интеллигентных работников», к-рый появился в сб. «Совр. проблемы» (Париж, 1922. — С. 135-182). В программной части манифеста он, в частности, писал: «Умственные труженики, во всех областях творческого труда, объединяются не в политическую партию, а в самовластный класс, который вместе с самовластным классом ручного труда берет в свои руки всю власть по производству и распределению. Оба класса исходят из принципа, что власть — одна из функций труда, а не объект самостоятельной профессии...» (там же. — С. 184). Поэтому лозунгом интеллигентных работников М. объявлял слова: «Вся власть двуединому труду!» (там же. — С. 187). Как и в дорев. время М. был обеспокоен судьбой личности, но всего более — личности творческой. Это проявилось и в манифесте, где он провозгласил: «Начало общественности труд видит не в коллективе, а в личности», и где он много говорил о «потенциале творчества». Однако особое значение эта проблема приобрела в его кн. «От Данте к Блоку», в к-рой М. рассматривал творчество писателей «лишь как моменты в огромной вековой проблеме личности» («От Данте к Блоку». — Берлин, 1922. — С. 5). В том же году он вновь опубл. пьесу «Хаос» (Берлин), отразившую события революции 1905. По словам М., «революция русская была радостным пробуждением от кошмара войны»; и сколько раз он «в молодых стихах взывал к гению разрушения, который должен был смести с лица земли нашу поверхностную культурную ложь и жестокость, и в вулканическом перевороте вынести на поверхность новые, свежие, нетронутые, творческие пласты». Но отчего же революция вместе с радостью торжества отозвалась в сердце и прежним знакомым страхом за судьбу культуры? Еще задолго до выступления большевиков, в первые мартовские дни, М. с тревогой почувствовал, что «смертельная опасность грозит у нас творческому духу, интеллекту, хранителям интеллекта, мозгу народному, рабочей интеллигенции...» (Минский Н. О себе // Новая рус. кн. — 1922. — № 8. — С. 41).

«Много жизней пришлось пережить за свою жизнь и каждая рождала новые песни», — так М. определил сам себя в предисл. к отд. изд.: стих. «Из мрака к свету» (Берлин, 1922). В отзыве на эту кн. утверждалось: «Чувствуя в глубине души роковые сплетения жизни, любви и смерти — поэт все же искренно и с сердечной простотой отдается переживаниям»; М. «любит жизнь, любит любовь, и ни налет «холодных слов», ни тусклый блеск разочарования не заслонит его воли к жизни, к охватыванию души вселенной» (Новая рус. кн. — 1923. — № 1. — С. 23-24).

«Меонистические» идеи владели худож. сознанием М. и в эмиграции — об этом свидетельствует филос. драма «Кого ищешь?» (Берлин, 1922); автор определил ее жанр как «мистерию», сущность к-рой столкновение, борьба двух основ — плоти и духа. «Идея мистерии, глубокое ее внутреннее со-

держание, вся та неуловимая игра полутонов и намеков говорит о другом — о вечной, сияющей в веках победе духа, о торжестве мысли, временно находящей себе приют в человеческой плоти», — писал Ю.Офросимов (Новая рус. кн. — 1922. — № 9. — С. 18-19). Мистич. увлечения М. разделяла его жена поэтесса Людмила Вилькина (1873-1920), что сказалось в ее кн. «Мистерия о конце мира» (Берлин, 1923; 1961) со вступ. ст. М. В пер. М. и Л.Вилькиной вышло полн. собр. соч. М.Метерлинка (Пг., 1915).

В нач. 20-х М. жил в Берлине, где стал пред. образовавшегося в 1921 «Дома иск-в» — лит. орг-ции по типу петроград. Дома литераторов; собрания проходили в берлинск. кафе, где свободно встречались эмигранты и сов. писатели (*А.Ремизов*, *В.Ходасевич* и В.Маяковский, Б.Пильняк). В 1922 вышло два «Бюллетеня Дома иск-в в Берлине» (редкол.: Н.Минский, А.Ремизов, С.Сумский). Из Берлина М. переехал в Лондон, где был сотр. сов. посольства. В 1927-37 жил в Париже. На протяжении всего творч. пути занимался переводами: перевел «Илиаду» Гомера (1896, 1935), произв. П.Верлена, П.Б.Шелли, Дж.Байрона, Г.Флобера («Саламбо», 1914), Аристофана («Лизистрата», 1922).

Изд.: Короленко и Гоголь // Грани. — 1923. — № 2.

Лит.: Петровская Н. Рец.: «Из мрака к свету» // Накануне. Лит. прилож. — 1923. — 11 февр.

Мильтон Е. Восп. о поэте Н.М.Минском // НЖ. — 1968. — № 91.

Pyman A. Minsky: A preliminary study of the man in his generation // Scottish slavonic rev. — Glasgow, 1983. — № 2.

+ Казак; Лосский; РФР.

А.А.Ревякина

МИ́НЦЛОВ Сергей Рудольфович (1(13).I.1870, Рязань — 18.XII.1936, Рига) — прозаик, библиограф, библиофил. Учился в Нижегор. кадетском корпусе, в 1891 закончил моск. Александровское уч-ще. Род. в семье с устойчивыми культурными традициями: отец был видным юристом, дед Рудольф Иванович Минцлов — историком и библиографом, знатоком старопечатной кн., основавшим «Кабинет Фауста» в Имп. Публичной б-ке в Петербурге.

М. служил в Уфимской, Рязанской, Новгородской губ. в качестве статистика, работника земств, занимался археологией, историей, участвовал в работе местных археографич. комиссий. С начала 900-х — журналист; пишет пов. и ром. на ист. темы. С кон. 90-х предпринимает ряд самостоят. археографич. экспедиций, объехав уездную Россию в целях собирания старых и редких кн. и рукописей. В результате была составлена уникальная б-ка, гл. ч. к-рой представляли мемуаристика, эпистолярия, кн. по генеалогии, дипломатике и др. ист. дисциплинам. На этой основе им был создан 5-томный библ. труд «Обзор записок, дневников, восп., писем и путешествий, относящихся к истории России» (Новгород, 1911-12). Др. область библиофильских пристрастий М. — рус. книги, запрещенные и уничтоженные цензурой, к-рые зафиксированы в первом его каталоге «Редчайшие книги, напечатанные в России на рус. яз.» (СПб., 1904). Итоги его библиофильских и библиогр. изысканий подведены в тр. «Книгохранилище С.Р.Минцлова» (СПб., 1913). Перу М. принадлежит более двух десятков ист. романов, пов., рассказов и пьес. Популярны были его добротные, написанные на основе солидного ист. мат-ла романы «В лесах Литвы» (о борьбе прибалтийских народов с крестоносцами), «На заре XVII в.» (из эпохи «смутного времени» на Руси) и др. В 1910 вышел 1-й том его Собр. соч., но изд.: на этом оборвалось.

В годы первой мировой войны М. служит разъездным воен. корр.; 1917 застает его в Трапезунде, где он редактировал военную газ. В Петроград М. вернулся в кон. 1917, жил в осн. в своем имении под Выборгом (на терр. отделившейся Финляндии). В сер. 1918 уехал в Сербию, где жил в городе Земуне, возглавляя рус. г-зию (о его мытарствах этого времени см. «Трапезондская эпопея. Дневник». — Берлин, 1925). В 1922 переезжает в Ригу, в к-рой живет до кон. своих дней. В эмигр. годы М. написано и издано свыше 30 кн. — ром. («Похождения археологов». — Рига, [1930]; «Под шум дубов». — Берлин, 1924; «Сны земли». — Берлин, 1925; «Гусарский монастырь». — София, 1925 и др.), сб. рассказов («Святые озера». — Рига, 1927; «Свистопуп». — Рига, 1930 и др.). Интерес

представляют его дневники и восп., в к-рых отражена жизнь дорев. Петербурга и уездной России конца XIX — начала XX в. («Дебри жизни: Дневник. 1910-1915 гг. (Урал. Новгород. Малороссия)». — Берлин, 1925; Уфа, 1992), «Далекие дни: Восп. 1870-1910 годах. Дневник». — Рига, 1931).

Самым значит. произв. М. этой поры следует признать ром. «За мертвыми душами», изд.: в Берлине в 1925 (первая часть в «СЗ» в 1921-23; переизд.: М., 1991 с предисл. А.В.Блюма). *П.Пильский*, биограф М., назвал кн. «почти классической», в эмигр. прессе появились рец., высоко оценившие этот ром. (*Ю.И.Айхенвальд* в берлин. газ. «Руль», 1925, 11 марта под псевд. Б.Каменецкий). С юмором и знанием поместной жизни изображает М. угасающие «дворянские гнезда» нач. XX в., выводит на сцену колоритнейшие типы владельцев обветшавших усадеб. В ром. можно найти гоголевские реминисценции (не случайно и название его), узнать бессмертные гоголевские типы. Своеобразие этого произв. М. в том, что пошлость и бездуховность его персонажей проявляется в особом историко-культурном и нравств. контексте — через отношение их к ценностям культуры, старинным кн. и рукописям. В эмигр. годы М. становится историком и летописцем темы, особенно ему близкой, — трагич. судьбы помещичьих и иных б-к, разоренных и уничтоженных в годы гражд. войны и революции. Во «Временнике Об-ва друзей рус. книги в Париже» им опубл. «Синодик погибших частных книгохранилищ» (Париж, 1925. — Вып. 1; отрывки: Новая юность. — 1996. — № 19/20). Сумев вывезти свою драгоценную б-ку, М. в 1925 вынужден был с ней расстаться: кн. были поодиночке распроданы лейпцигской антикварной фирмой (Пильский П. Памяти одного книгохранилища // Дни. — 1925. — 5 февр.).

Лит.: Пильский П.М. С.Р.Минцлов: Критико-биогр. очерк // Минцлов С.Р. Мистич. вечера: Зап. Об-ва любителей осенней непогоды. — Рига, 1930.

Блюм А.В., Мартынов И.Ф. С.Р.Минцлов и его библиофильская пов. // Альм. библиофила. — М., 1975. — Вып. 2.

С.Р.Минцлов: Библиогр. / Сост. Кулаева Л.М. // Библиография. — 1992. — № 5/6. + Казак.

А.В.Блюм

МИРСКИЙ Дмитрий Петрович (Святополк-Мирский) (15(27).VIII.1890, с. Гиёвка, Харьковская губ. — 6.VI.1939, Магадан; 1946? 1952?) — лит. критик, публицист. Князь, род к-рого восходит к Святополку Окаянному (IX-X вв.), сын мин. внутр. дел (1904-05) Петра Даниловича Святополка-Мирского (1857-1914). Учился в 1 петерб. г-зии, где сотрудничал в журн. «Звенья», изд. группой гимназистов; с 1908 — на ф-т восточных яз. (специальность — кит. яз.) Петерб. ун-та. Лит. взгляды и вкусы формировались в «Об-ве свободной эстетики» при петерб. лит.-худ. журн. «Аполлон» (1909-1917). В 1911 издал кн. «Стих.: 1906-1910» (СПб.), в к-рой явно влияние символизма. Ее заметил Н.Гумилев и охарактеризовал как изящный, построенный «на плавной смене отточенных и полнозвучных строф» сб., но с зауженным горизонтом, с отказом от острых переживаний и волнующих образов, как будто автор «боится признать себя поэтом...» (Гумилев Н.С. Письма о рус. поэзии. — М., 1990. — С. 116-117). Действенная рекомендательность критики Гумилева особенно очевидна в сравнении с поразительно скудой, по мнению М., на конкретные указания ранней критикой Брюсова. Бросив ун-т, М. поступил в 4 гвардейский полк в Царском Селе, стал кадровым офицером. В 1913 вернулся в ун-т, изучал классич. филологию на ист.-филол. ф-те. Летом 1914 мобилизован, послан на Зап. фронт, в 1916 ранен, после выздоровления вернулся в свой полк в Царском Селе и вскоре за либер. взгляды переведен на Кавказ. В 1918 демобилизовался, вернулся в Гиёвку, осенью получил диплом харьковского ист.-филол. ф-та. В 1919-20 — офицер армии Деникина. Летом 1920 эмигрировал в Афины, присоединившись к своей семье. В окт. 1922 (при содействии русиста Мориса Бэринга) приехал в Великобританию, где до 1932 преподавал в Лондон. ун-те, читал курс рус. лит-ры в Королевском колледже и Школе слав. исследований.

Лит. карьера М. в Англии, где до войны жило мало иностранцев, была на редкость удачной. Он получил признание в лондон. лит. кругах, печатался в журн. «Criterion», издававшемся Т.С.Элиотом, опубл. две кн.; «Contemporary Russian literature» (L., 1926) и «A history of Russian literature» (L., 1927), до сих пор переиздающиеся и перевед. на др. яз., неск. антологий рус.

поэзии. Самым значит. направлением 1900-10-х считал символизм, называя этот период «золотым веком эстетики и экономики» (Версты. — 1926. — № 1. — С. 144). С символизмом он связывал все живое и талантливое в рус. лит-ре; истоки рус. сов. прозы (1917-1924) прослеживал в творчестве *А.Ремизова, А.Белого, Е.Замятина.* Важную роль в формировании лит.-критич. взглядов М. сыграли поэзия и критика Т.С.Элиота, к-рого М. называл крупнейшим из совр. поэтов. Элиот подвел его к пониманию «трудной» поэзии модернизма. Влияние теории традиции Элиота очевидно в кн.: «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Париж, 1924), в к-рой он представляет лит-ру как нечто устойчивое, вневременное, выстраивая единый ряд от Ломоносова до Пастернака в пространств. перспективе — как достояние современности. Наблюдая зарождение «формального метода в литературоведении» («новая критика») на Западе, он развивал его элементы в своих работах. Как и рус. формалисты (Эйхенбаум, Тынянов), он выявлял значение «второстепенных» поэтов — Н.М.Языкова, В.К.Кюхельбекера, К.К.Павловой, Н.П.Огарева, В.Г.Бенедиктова, К.К.Случевского.

В 20-е он вел «двойную жизнь»: казалось бы вполне прижившегося в Англии специалиста по «рус. теме» и одновременно, благодаря частым поездкам в Париж, активного, особенно после 1925, участника рус. эмигр. лит. жизни, где он знал «всех», но особенно дружил с «красавицей тринадцатого года», мандельштамовской «соломинкой» С.Н.Андрониковой и П.П. и В.А.Сувчинскими, к-рые познакомили его в 1925 с *М.Цветаевой.* По восп. С.Н.Андрониковой, он влюбился в Цветаеву, стал яростным защитником ее поэзии, рассматривая ее творчество и само по себе (в 1926 написал о ней в четырех рус. и одном англ. журн., а также в своей «Истории рус. лит-ры»), и в контексте рус. модернизма — в связи с поэзией Блока, Маяковского, Пастернака. С 1924 он печатался в журн.: «СЗ», «Звено», «Воля России», «Благонамеренный», в 1928-29 — сотр. еженед. «Евразия», один из его основателей и гл.ред.

М. писал о развитии таланта Цветаевой. Парируя критику *Г.Адамовича, Ю.Айхенвальда, З.Гиппиус,* обвинявших Цветаеву в заумности и хаотичности, М. заметил в 1926: «Все непонятно для тех, кто не имеет времени понять. Иск-во — создание новых ценностей... Никто не упрекает Эйнштейна за трудность теории относительности... Я допускаю, что многими Пастернак и Цветаева не сразу воспринимаются, но ведь надо сделать усилие и для того, чтобы попасть из дому в Британский музей...» Морально и материально М. поддерживал Цветаеву в ее очень трудные парижские годы — вплоть до 1931. Цветаева считала М. умным, но говорила, что он — «дефективный, как все князья» (Лосская В. Марина Цветаева в жизни. — М., 1992. — С. 148-149).

Позднее амер. критик Эдмунд Уилсон даст М. титул «товарищ князь»: М. переживает сложную, гибельную для него метаморфозу от юнош. идеализма к евразийству (1922), затем к ортодокс. «марксизму-ленинизму». В 1926 он горел желанием бросить вызов «эмигр. синедриону», что и сделал на первом же вечере, к-рый провела 5 апр. 1926 жаждавшая заявить о себе группа «Версты»: М. — «гвоздь программы» — прочел вызвавший негодование многих доклад «Тема смерти в предрев. лит-ре» (Версты. — 1927. — № 2).

К июлю 1926 вышел первый номер журн. «Версты», на обложке к-рого стояло: «издается под редакцией кн. Д.П.Святополка-Мирского, П.П.Сувчинского и С.Я.Эфрона — при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и *Льва Шестова*». Если рассматривать евразийство как выбор «третьей позиции» в полит. спектре рус. эмиграции, то именно таковой была платформа «Верст», сформулированная лишь в третьем, последнем номере. М. постарался вызвать на себя огонь оппонентов.

14 авг. 1926 З.Гиппиус в «ПН» («О "Верстах" и о прочем») не решилась открыто назвать Москву идеологич. и финансовым хозяином «Верст», но намеки ее были недвусмысленны: М. — гл. «обманщик», грубой лестью заманивший в свои сети Ремизова и Цветаеву, а его гл. «грязное дело» — разложение рус. эмиграции изнутри. *Ходасевич* в «СЗ» (1926. — № 29), писал, что «главный дирижер и хозяин «Верст» М. «хорошо усвоил самые дурные литературные приемы... большевистской и большевизанской печати».

В 1932 М., бывший деникинец, нач. штаба дивизии, получил сов. паспорт и уехал в СССР. Такая привилегия предостав-

лялась отнюдь не всем желающим эмигрантам, ее надо было заслужить. Еще в 20-е М. начал читать Маркса и Ленина. В янв. 1928 посетил *Горького* в Сорренто. В 1931 вступил в Коммунистич. партию Великобритании, опубликовал апологетич. кн. о Ленине (Lenin. — L., 1931), а также «Russia: A social history» (L., 1931). Свое превращение он объяснял знакомством с сов. действительностью, ее великими экономич. достижениями, ярким светом ленинского научного мышления. Сов. Россия — из Лондона и Парижа — казалась ему страной, «наиболее серьезно занимающейся строительством новой цивилизации». Горький содействовал возвращению М. на родину, где он активно включился в лит. жизнь, участвовал в создании горьковской серии «История фабрик и заводов», популяризировал англ. лит-ру. С 1932 по 1937 он напечатал в «Лит. газете», «Лит. учебе», «Лит. критике», «Звезде» и др. изданиях около ста статей и рецензий. В 1934 принят в Союз писателей. Его участие в лит. процессе 30-х весьма значительно. Он опубл. ст. о Т.С.Элиоте (Красная новь. — 1933. — № 3), о Джойсе (Год Шестнадцатый: Альм. первый. — М., 1933), «Об Улиссе» (Лит. современник. — 1935. — № 5), предисл. к соч. Т.Смоллета, П.Б.Шелли, О.Хаксли и др., составил первую на рус. яз. «Антологию новой англ. поэзии» (Л., 1937), вышедшую уже без имени составителя, написал ст. о Н.Заболоцком, Э.Багрицком, П.Васильеве. Его критика была эрудирована, остра, парадоксальна, но он становился типично сов. лит-ведом, не преминувшим отдать неизбежную для марксист. критики дань вульгарной социологии.

В кн. «Интеллидженциа» (М., 1934) М. характеризовал новые явления англ. лит-ры XX в., наступление «красных тридцатых», резкое полевение англ. писателей. Арестован в 1937. Бывший зек вспоминал встречу с ним в пересыльном лагере «Вторая речка» — в неск. километрах от Владивостока — там раз в неделю в своем бараке он читал лекции по истории рус. лит-ры (Блинер Б.И. Князь Святополк-Мирский погиб под Владивостоком // Известия. — 1992. — 25 дек.). Утверждают, что он работал в лагерной котельной на Колыме, но и здесь, верный себе, писал работу по теории стихосложения. Считалось, что он умер в 1939 на Колыме, но появились сведения, что в 1945-46 он был жив, работал вахтером на автобазе в пос. Атка — 208 км от Магадана. Потом его угнали на прииски (Поляновский Эд. Поэты и палачи // Известия. — 1993. — 19 сент.). В восп. А.Ванеева говорится, что М. работал при столовой в Коми в 1951-52 (Минувшее. — М., 1992. — № 6. — С. 145-146). В.Перхин, ссылаясь на восп. Ю.Г.Оксмана, считает годом смерти 1939.

Изд.: Чем объяснить прошлое и чего ждать от нашего будущего? — Париж, 1926.
Лит.-критич. статьи / Сост. Андронов М.В., Крамов И.Н.; Вступ. ст. Полякова М.Я. — М., 1973.
Статьи о лит-ре / Вступ. ст. Анастасьева Н.А. — М., 1987.
Лит.-критич. статьи / Вступ. ст. Перхина В.В. // РЛ. — 1990. — № 4.
Одиннадцать писем (1920-37) и автобиография (1936) / Публ. Перхина В.В. // РЛ. — 1996. — № 1.
A history of Russian literature: Comprising a history of Rus.lit.a. contemparary Rus. lit., 1881-1925. — N.Y., 1949 (рус. пер. Лондон, 1992).
Uncollected writings on Russian literature. — Berkeley, 1989.

Лит.: Гиппиус В.В. Проблема Пушкина (По поводу ст. Д.Мирского...) // Временник Пушкинской комиссии. — М.; Л., 1936. — Т. 1.
Эйснер А. Перечитывая сегодня // ВЛ. — 1980. — № 5.
Казнина О. Д.Мирский. Несобр. статьи по рус. лит. // ВЛ. — 1990. — № 1.
Лавров В.А. «Духовный озорник»: К портрету кн. Д.П.Святополка-Мирского // РЛ. — 1994. — № 4.
Lavroukhine N., Tchertkov L. D.S.Mirsky: Profil critique et bibliogr. — P., 1980.
Lavroukhine N. Maurice Baring and D.S.Mirsky: A lit. relationship // Slavonic a. East Europ. rev. — L., 1984. — Vol. 62.

Т.Н.Красавченко

МОЧУ́ЛЬСКИЙ Константин Васильевич (28.I(9.II).1892, Одесса — 21.III.1948, Камбо, Франция) — историк лит-ры, лит. критик, эссеист. Род. в семье проф. рус. словесности Новорос. ун-та в Одессе. В 1910 М. окончил курс 2-й одесской г-зии и по-

ступил на филол. ф-т Петерб. ун-та на романо-герм. отд. В 1914 по окончании курса был оставлен при ун-те. Сотрудничал в журн. «Сев. записки» и «Любовь к трем апельсинам». В 1918 назначен приват-доцентом в Саратовский ун-т, но в связи с полит. событиями переехал в Одессу, где вел лит. отдел в газ. «Одесский листок». В 1919 эмигрировал. С 1920 М. читал лекции в Софийском ун-те. Сотрудничал в журн. «РМ», где он поместил первые ст. о совр. лит-ре. В 1922 перебрался в Париж, публиковался в газ. «ПН», с 1923 — пост. сотр. еженед. (позже — ежемес.) «Звено» (входил в состав ред. коллегии). С 1923 по 1928 в «Звене» появляется б.ч. его ст., рец., эссе, фельетонов (в т.ч. подписанные инициалами «К.В.» и «К.М.» или псевд. «Театрал», «Иксион» и «CAVE»). Под псевд. К.Версилов публикует неск. рассказов. С 1924 по 1941 — проф. Сорбонны (рус. отд.), с 1934 по 1947 — проф. Богословск. ин-та. На рубеже 20-30-х происходит духовный перелом в жизни М. «Ни точный момент, ни обстоятельства этого перелома никто с определенностью установить не может... Некогда усердный посетитель рус. лит. кружков, он перестает показываться в монпарнасских кафе, где они собирались. Зато его можно встретить на собр. Религиозно-Философской академии, основанной *Н.Бердяевым*» («Александр Блок». — Париж, 1948. — С. 8). М. готовился к монашеству, но под влиянием знакомства, с матерью Марией (*Е.Кузьмина-Караваева*) остался в миру. С 1935 — один из руководителей христианско-демокр. орг-ции «Правосл. дело», где занимал должность товарища пред. (пред. — мать Мария). После закрытия «Звена», с 1929 публиковался в «ПН», позже — в «Новой газ.», сотрудничал в журн. и альм. «СЗ», «Благонамеренный», «Числа», «Путь», «Вестник», «Новый град», «Круг». Во время войны чудом избежал ареста (см. его письмо к Е.А.Извольской. — «Письма писателей» // НЖ. — 1969. — № 95), был потрясен гибелью товарищей по «Правосл. делу» — матери Марии, о. Дм.Клепинина и др. С 1946, в связи с обострением туберкулеза, перешел на санаторный режим, жил сначала в Фонтенбло, после переехал в Камбо, в Пиренеях. В 1947 М. на короткое время возвратился в Париж, жил за городом в Нуази-ле-Гран. Но рецидив болезни, принявший угрожающую форму, вынудил вернуться в Камбо. Последние месяцы, по свидет-ву друзей, испытывал тяжкие страдания и, в то же время, религ. просветление.

Первая большая тема М. — неоклассицизм в рус. поэзии. С 1921 по 1932 им написано около 20 статей и рец. (у М. граница между этими жанрами размыта, его рец. часто представляли собою маленькие аналитич. статьи), к-рые касались поэтики этого направления. Первой в этом ряду следует назвать аналитич. ст. «Поэтич. творчество А.Ахматовой» (РМ. — 1921. — № 3/4; перепеч.: ЛО. — 1989. — № 5), по характеру близкую к работам рус. формалистов. М. важно было подчеркнуть, что акмеисты и поэты сходного направления были объединены не только борьбой с символич. традицией, но новым, противоположным символистскому, принципом словесного творчества: «Вместо туманного многословия символистов — сжатая точность новой школы, вместо темной торжественности — ясная простота, вместо абстракции мифотворчества — конкретные слова почти разговорной речи» (РМ. — 1921. — № 3/4. — С. 185). В рец. на кн. *К.Бальмонта* «Сонеты солнца, меда и луны» (РМ. — 1921. — № 10/12) М. формулирует деструктивные особенности символист. поэтики, к-рые привели к кризису все направление: преобладание в словаре общих и абстрактных понятий, их всеобъемность, бесформенность и туманность, произвольность эпитетов.

Вместе с тем сам М. в своих работах тяготеет ко все большей сжатости, аналитич. сторона уходит в подтекст, исследователь прибегает к языку образов, приближая свою критику к эссеистике. Важнейшую роль в его выводах играет лит. вкус. По мнению М., попытки формалистов и близких им исследователей во имя объективности выводов отказаться от вкусовых оценок, ограничившись только анализом текста, неожиданно оборачиваются ложными выводами.

М. все больше занимает творчество отд. поэтов. Проникновение в их творч. мир оказалось настолько полным, что М. пишет неск. стих. пародий — на В.Брюсова, К.Бальмонта, Н.Гумилева, М.Кузмина, А.Ахматову и О.Мандельштама (Звено. — 1923. — № 1 и 2). И если в работе «О классицизме в совр. рус. поэзии» (СЗ. — 1922. — № 11) имена «неоклассиков» стоят в одном ряду, то в ст. «О тяжести и легкости

(творчество О.Мандельштама и М.Кузмина)» (Звено. — 1923. — № 42) лирика «неоклассика» Мандельштама и лирика «неоклассика» Кузмина видятся М. как разл. поэтич. космосы. Теоретич. итог занятий неоклассицизмом М. подведен в ст. «О лит. критике»: критик-систематик приносит личность художника в жертву своим синтетич. построениям. «Из живых лиц он компонует какие-то семейные портреты: говоря о личностях, подробно описывает их общечеловеч. свойства. Следовало бы, наоборот: условиться говорить только о частном, личном и случайном: обходиться без понятий финальности и эволюции, а особенно без «отражений эпохи»...» (Звено. — 1923. — № 41. — С. 2).

Позже М. все больше обращается к эволюц. процессам в новой рус. и франц. прозе. С одной стороны, М. интересует движение к разговорному языку в прозе, с другой — вытеснение классич. ром. ром.-биографией. Нач. этого интереса обнаруживается еще в 1922 («Серапионовы братья» // ПН. — 1922. — 29 июня). Наиб. заметные ст. в этом направлении — «О творчестве *А.Ремизова*» (Звено. — 1923. — № 46; перепеч.: Рус. речь. — 1992. — № 5), «Наследие М.Пруста» (Звено. — 1926. — № 156), «Новая проза» (Звено. — 1926. — № 201; перепеч.: Независимая газ. — 1993. — 17 июля), «Кризис воображения» (Звено. — 1927. — № 2; перепеч.: Независимая газ. — 1993. — 11 авг.), «Последнее свидание» *И.А.Бунина*» (Звено. — 1927. — № 223; перепеч.: Независимая газ. — 1993. — 9 нояб.); «Заметки о Розанове» (Звено. — 1928. — № 4; перепеч.: Рус. речь. — 1992. — № 5), обзоры «Новое во франц. лит-ре» и мн. рец. на кн. Ремизова в «Звене», а также рец. в «СЗ» на кн. Ремизова «Оля» (СЗ. — 1928. — № 34); «Образ Николая Чудотворца», «Моск. любимые легенды», «По карнизам» (СЗ. — 1932. — № 48). Вместе с тем М. привлекает задача создания творч. портрета отдельного художника: «Рус. поэтессы» (Звено. — 1923. — № 5-7); «*В.Ходасевич*» (Звено. — 1923. — № 18); «Поэтика Гумилева» (Звено. — 1923. — № 20); «Россия в стихах» (Звено. — 1923. — № 24, 25, 27); «*Б.К.Зайцев*» (Звено. — 1926. — № 202); «О *Шмелеве*» (Звено. — 1927. — № 225); «Андрэ Жид» (Звено. — 1927. — № 1); «Н.А.Некрасов» (Звено. — 1928. — № 1; перепеч.: Независимая газ. — 1993. — 25 мая); «Ф.К.Сологуб» (Звено. — 1928. — № 2; перепеч.: Азазель. — М., 1992. — № 1); «О.Э.Мандельштам» (Встреча. — 1945. — № 2, перепеч.: Воспоминания о Серебряном веке. — М., 1993).

В 30-е после духовного перелома и поворота к православию, М. реже публикует ст. на лит. темы, обращается к религ.-филос. проблематике («Борьба с адом» // ВРСХД. — 1935. — № 12; 1936. — № 2; 1972. — № 103; «Кризис означает суд» // Новый град. — 1935. — № 10), а темы его монографий («Духовный путь Гоголя» — Париж, 1934; «Владимир Соловьев: Жизнь и учение». — Париж, 1936; «Достоевский: Жизнь и творчество». — Париж, 1947) и проблемы, в них поставленные, свидетельствуют о том, что теперь исследователя интересует в первую очередь лит. эволюция писателя, определяемая духовными исканиями. В создании этих монографий, к-рые получили высокую оценку *П.Бицилли*, *В.Зеньковского*, *Н.Лосского*, сказался его пристальный интерес к духовным исканиям рус. классиков, продиктов. и собств. поворотом к православию. Наиб. точно обозначил суть подхода М. к биографии своих героев П.М.Бицилли в рец. на «Духовный путь Гоголя»: «Человек познается не в том, что он есть, а в том, чем он хочет быть, или вернее: человек, в своей внутренней сущности, есть то, чем он хочет быть» (Путь. — 1934. — № 45. — С. 77). Вместе с тем в работах М. соединились его опыт в создании творч. портретов писателей и его прежний интерес к эволюции лит. стилей. Так, при анализе стиля Достоевского он пишет: «За много лет до Пруста, Джойса, символистов и экспрессионистов Достоевский разбивает условность логической литературной речи и пытается воспроизвести поток мыслей и образов в их непосредственном ассоциативном движении» («Достоевский. Жизнь и творчество». — С. 451).

В послевоен. годы М. особенно интенсивно работает над монографич. трилогией о рус. символистах, с особ. вниманием изучая их мистич. опыт (Блок, Белый, Брюсов). Все три кн. вышли в свет уже после смерти автора. В работах М. обнаруживается сочетание талантов «историка литературы и вместе с тем философа» (Лосский Н.О. Рец.: «Достоевский. Жизнь и творчество» // НЖ. — 1949. — № 22. — С. 291).

Изд.: Великие рус. писатели XIX в. — Париж, 1939.

Александр Добролюбов // НЖ. — 1953. — № 32.

Андрей Белый. — Париж, 1955.

Валерий Брюсов. — Париж, 1962.

Гоголь, Соловьев, Достоевский / Сост. Толмачев В.М. — М., 1995.

Лит.: Вышеславцев Б.П. Рец.: «Духовный путь Гоголя» // СЗ. — 1934. — № 56.

Зеньковский В.В. — Рец.: «Владимир Соловьев: Жизнь и учение» // Путь. — 1936/37. — № 52.

Некрологи: Адамович Г. // Рус. новости. — 1948. — 16 апр.; Терапиано Ю. // НРС. — 1948. — 9 мая.

Чижевский Д.И. Рец.: «Андрей Белый» // НЖ. — 1955. — № 42.

Кантор М.Л. Рец.: «Андрей Белый» // Опыты. — 1956. — № 7.

Горбов Я.Н. Рец.: «Валерий Брюсов» // В. — 1963. — № 134.

Ильин В.Н. Рец.: «Валерий Брюсов» // ВРСХД. — 1965. — № 77.

Паламарчук П. О К.Мочульском и его книге «Духовный путь Гоголя» // ВЛ. — 1989. — № 11.

Федякин С.Р. К.В.Мочульский о неоклассицизме в рус. поэзии // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.

С.Р.Федякин

МУРА́ТОВ Павел Павлович (март 1881, Бобров, Воронежская губ. — 5.II.1950, Уотерфорд, Ирландия) — писатель, иск-вовед, переводчик, издатель. Отец М. — воен. врач, к-рому принадлежало имение Подгорье в С.-Петерб. губ. Учился в кадетском корпусе. В 1903 оконч. петерб. Ин-т путей сообщения и переехал в Москву, поселившись на квартире брата у Никитских ворот. Активно участвовал в культурной жизни Москвы, посещал «среды» В.Брюсова, дружил с *Б.Зайцевым*, *В.Ходасевичем*, Б.Грифцовым, А.Койранским. Служил пом. библиотекаря б-ки Моск. ун-та, пом. хранителя (с 1906), а затем хранителем (до авг. 1914) отд. изящных иск-в и классич. древностей Румянцевского музея. С 1911 женат на Екатерине Сергеевне Грифцовой (урожд. Урениус) (первая жена — Евгения Владимировна). В 1905-06 путешествовал по Англии («Письма из Лондона» // Весы. — 1906. — № 2. — С. 47-51) и Франции, выпустил брош. «Борьба за избират. права Англии» (М., 1906), увлекся прерафаэлитами, а также живописью постимпрессионизма (Сезанна). С 1906 М. регулярно печатается как худож. критик в «Зорях», «Перевале», «Утре России», «Рус. вед.», «Старых годах», «Золотом руне», «Аполлоне» и др. М. высоко ценил своего близкого друга, Н.П.Ульянова, ученика В.Серова («Николай Павлович Ульянов». — М., 1925, в соавторстве с Б.А.Грифцовым), а также В.Э.Борисова-Мусатова и Н.П.Крымова, одного из лучших, по его оценке, рус. пейзажистов 1910-х. В 1908 М. приехал в Италию и жил здесь около года. Написал серию ст. о кватроченто, Боттичелли, Понтормо, Пиранези (в частности, «Очерки итал. живописи в Моск. Румянцевском музее; II: Кватроченто» // Старые годы. — 1910. — окт.). Кн. очерков «Образы Италии» (М., 1911-12. — Т. 1-2; М., 1993-94. — Т. 1-3) посв. B.K.Z. (Б.К.Зайцеву), принесла автору широкое признание. Это работа не систематизатора и гида, а писателя, пробующего возможности некоего промежуточн. жанра, вольно, на манер рус. бейлизма, смешивающего «набеги» в историю иск-ва с жизнеописаниями легендарных личностей. «Новеллы итальянского Возрождения, собранные и переведенные П.Муратовым» (М., 1912. — Т. 1-2) — кн., над к-рой М. работал во время очередной поездки в Италию, где он находился с 29 нояб. 1911 по авг. 1912 в творч. командировке от Румянцевского музея. Позже последовали изд.: Ж. де Нерваля (Сильвия. Октавия. Изида. Аврелия. — М., 1912; пер. Е.С.Урениус под ред. П.Муратова), П.Мериме (Избранные рассказы. — М., 1913; пер. Е.С.Урениус), У.Патера (Воображаемые портреты. Ребенок в доме. — 2-е испр. изд.; пер. П.Муратова. — М., 1916). В 1913 М. и Б.Зайцевым был задуман комментиров. пер. «Божеств. комедии» Данте, но этому начинанию помешала война.

Итогом довоенного творчества М. стало изд.: журн. «София» (1914. — № 1-6), задуманного для пропаганды рус. иконописи и в противовес намечавшемуся к выходу в том же янв. 1914 двухмесячнику *С.Маковского* «Рус. икона».

Перед войной М. жил в Москве. В мае-июле 1914 он предпринимает поездку во

Францию и снова в Италию; в Париже по поручению К.Ф.Некрасова, намеревавшегося открыть в Ярославле худож. галерею, покупает франц. живопись, произв. кит. прикладн. иск-ва, япон. гравюры; из Венеции морским путем возвращается в Россию. Сразу же призывается в действ. армию, служит офицером в гаубичной батарее на австр. фронте, затем переводится на Кавказ; с весны 1915 отвечал за воздушную оборону Севастополя, воен. комендантом к-рого был его брат. В Севастополе М. в свободное время занимался переводами (Бернсон Б. Флорентийские живописцы / Пер. и предисл. П.Муратова. — М., 1923) и стилизов. прозой, первые опыты из к-рой печатались в 1915-17 в «Рус. вед.», вошли в кн. «Герои и героини» (М., 1918) и характеризовались автором как «беллетристическо-фантастическое изображение... «кавалеров и дам», никогда не существовавших...» (Из истории сотрудничества П.П.Муратова с изд.: К.Ф.Некрасова / Вступ. ст. и коммент. Вагановой И.В. // Лица. — М.; СПб., 1993. — Вып. 3. — С. 260).

Окт. переворот застал М. на воен. службе в Севастополе. Событий 1917 М. не принял: «О России нынешней и газетах думаю холодно. Слава Богу, что хоть успела спастись Европа-то. Создание на протяжении 50 лет новых великих империй (как Римская)... считаю делом возможным» (там же. — С. 265). В марте 1918 М. приезжает в Москву, где его на Всерос. кооперативном съезде вместе с И.Э.Грабарем, Н.И.Романовым, *А.В.Чаяновым*, А.М.Эфросом избирают в президиум К-та по охране художеств. и науч. сокровищ России, просуществовавшего до нач. 1919. М. публиковался в 1918 в печ. органах антибольшевист. направленности: моск. газ. «Понедельник «Нар. слова» и «Понедельник» (раздел «Жизнь-лит.-иск-во»), журн. «Народоправство». Подчеркивая неприятие царившей вокруг жестокости и в противовес проофициально настроенному «Дворцу иск-в», в апр. 1918 основал «Studio Italiano» — подобие гуманитарной академии, чл. к-рой состояли Б.Зайцев, А.Дживелегов, Б.Грифцов, И.Новиков, *М.Осоргин* и др., и где 7 мая 1921 А.Блок читал стихи об Италии. После авг. (1918) постановления большевиков о закрытии частных периодич. изд.: М., чтобы материально поддержать себя, вместе с В.Ходасевичем и М.Осоргиным учреждает кн. лавку (Леонтьевский пер., 16), к-рая к нач. 1921 переехала на Б.Никитскую, 24. Там работали Б.Грифцов, Б.Зайцев, М.Линд, Е.Янтарев, Ф.Яковлев. В авг. 1921 М. вошел в состав ПОМГОЛ'а, был арестован ВЧК, находился во внутр. тюрьме на Лубянке, но был выпущен. В Москве этих лет написан сб. «Магические рассказы» (М., 1922) и ром. «Эгерия» (Берлин, 1922; оформление — В.Фаворского), повествующий о приключениях авантюриста в Италии XVIII в. Одновременно с прозой М. пробует себя в драматургии: комедия «Кофейня» (М., 1922). М. порев. поры выведен в лице Георгия Александровича Георгиевского в романе Б.Зайцева «Золотой узор» (1926). В нач. 1922 М. как зав. секцией центр. музеев «Отдела по делам музеев и охраны памятников иск-ва и старины» Наркомпроса вместе с семьей выехал в заграничную командировку, откуда не вернулся.

До осени 1923 М. жил в Германии. Долгое время не хотел переходить на положение эмигранта: под впечатлением отъезда в Россию 23 окт. 1923 *А.Белого*, к-рого провожал на вокзале, чуть было не вернулся на родину. Летом 1923 М. жил в курортном местечке Прероу вместе с москвичами (державшимися в Берлине дружно) — Зайцевыми, Бердяевыми, Осоргиными, Ходасевичем; находился под очарованием *Н.Берберовой*, к-рой посвятил рассказ «Шехеразада» («Три рассказа» // СЗ. — 1924. — № 20). В 1922 стал одним из основателей еженедельно собиравшегося «Клуба писателей», где весной выступил с докладом. Сотрудничал в «Рус. научном ин-те» (пред. В.И.Ясинский). М. печатался в пражском еженед. «Воля России», берлин. журн. «Беседа», «РМ» и др. В Берлине выходит ром. «Эгерия», в рец. на к-рый *М.Алданов* (СЗ. — 1922. — № 15) высоко оценил иск-во муратовской стилизации «в духе» А. де Ренье. Событием стал выпуск в изд. З.И.Гржебина (1924) окончат. ред. «Образов Италии», доп. третьим томом. С группой писателей в нач. осени 1923 при участии итал. слависта Э.Ло Гатто М. был приглашен в Италию, поселился в Риме, где с семьей жил ок. Пьяцца дель Пополо до 1927. На его квартире бывали *Вяч. Ива-*

нов (встретившийся там 19 и 20 апр. 1925 с Ходасевичем), худ. Г.И.Шилтьян, художник и архитектор А.Я.Белобородов, итал. интеллигенция (Дж. де Кирико, А.Спаини и др.). В Италии М. подготовил к печати том о др-рус. иск-ве (Mouratov P. L'Ancienne peinture russe. — Rome, 1925), увлекся творчеством Беато Анджелико (Muratoff P. Frate Angelico. — Rome, 1929). М. бывал в Сорренто у *Горького*. В 1927 перебрался в Париж. К этому времени относится завершение его драматургич. опытов в жанре по-экспрессионистски усл. трагикомедии: «Приключения Дафниса и Хлои» (СЗ. — 1926. — № 28), «Мавритания» (СЗ. — 1927. — № 33). Отзыв *Г.Иванова* на «Дафниса и Хлою» был уничтожающим: «...эстетизм 1910 года в 1927 — неуместен...» (ПН. — 1927. — 15 дек.). Крайне раздражен авторским чтением «легкомысленной» пьесы на вилле «Иль Сорито» был и Горький. С лета 1927 М. — сотрудник газ. «В.». М. вел в газ., где работали близкие ему Зайцев и Ходасевич, рубрику «Каждый день», иногда полит. статьи не подписывал, но противники легко узнавали их по яростному неприятию леворадикального опыта. Вследствие этого после 10 марта 1931 прекратились регулярные писат. обеды «без дам» с участием М., Алданова, Зайцева, Ходасевича, *И.Бунина* (высоко ценившего М. как публициста), Осоргина из-за конфликта между Ходасевичем и Осоргиным, с одной стороны, и Муратовым с Алдановым и *М.Цетлиным*, с др. Эти влиятельные в «СЗ» писатели обвиняли М. в том, что он стал «реакционером» и назвал «хищными зверями» рус. социалистов и в том числе «бабушку рус. революции» Е.Брешко-Брешковскую, портрет к-рой висел на стене в ред. «СЗ». Позиция М. встретила полное понимание Зайцевых: «Бывает у нас Патя, страшно свой» (Зайцев Б. Другая Вера // Зайцев Б. Золотой узор. — М., 1991. — С. 391). Пытаясь определить политич. позицию М., *Г.Струве* называет его антиподом кн. *Д.Святополка-Мирского* (Струве. — С. 69).

Спектр интересов М. в эмиграции разнообразен: он публикует кн. о готич. скульптуре (Muratoff P. La sculpture gothique. — Paris; Rome, 1931), в 1926 начал печатать в «Воле России» серию ст. «Очерки трех литератур» (1926. — № 2, 4), но на свет появились лишь два очерка — о драматургии Л.Пиранделло и ром. Ж.Жироду. В культурологич. цикле эссе («Антиискусство» // СЗ. — 1924. — № 19; «Искусство и народ» // СЗ. — 1924. — № 22; «Кинематограф» // СЗ. — 1925. — № 26) гл. темой М. становится возможность преодоления кризиса культуры. Новую духовную ситуацию М. называет «пост-Европой» и оценивает ее в плане конфликта между «человеком органическим» и «человеком механическим», иск-вом и «антииск-вом». Корень кризиса культуры — в утрате иск-вом чувства «пейзажа» как связующего звена между «рукой» художника и его интеллектом. Критицизм новейших форм худож. самовыражения (экспрессионизм, сюрреализм, театр Мейерхольда) не в состоянии соответствовать душе «народного человека», приведенного в состояние варварства индустриализмом XIX в. Специализация иск-ва — следствие триумфа науки («тирана естества»), к-рая форсирует силы природы, добывая энергии и скорости, делающие нереальными параметры данного человеку в физич. ощущениях мира. Уничтожение пластич. («статического») образа, или «выпадение из пейзажа», привело к торжеству в иск-ве механич. форм знания, к-рые интересны профессионально, но не способны внушать эстетич. наслаждение. Перестройка культуры на механич. лад убивает в творце «народное» — ремесленнич. начало, притупляет эмоциональность. Оценивая перспективу развития иск-ва, М. не пессимистичен: параллельно с эмоц. следствиями индустриализма («антиискусством») существуют, пусть и в искаженном виде, пласты культуры, к-рые способны привести к возрождению органич. форм творчества. Кинематограф, детективы общедоступны и, несмотря на частую тривиальность, являются вопреки всему способом удовлетворения стихийной эстетич. потребности народа. Прорыв от «варварства» к «досугу» и «субботству» длителен, но служит показателем эстетич. надежды и «демофилии» не как политико-демагогич., а творч. фактора. М. склонен видеть в массовой культуре проявление тяги к морализму и «порядку», а также протест против автоматизма и «хаоса» цивилизации, к-рые суггестируются элитарным иск-вом.

В сер. 1930-х М. постепенно отошел от журналистики, предпринял путешествие в Японию и США, начал работу по истории русско-герм. войны 1914. С началом второй мировой войны перебрался в Англию. Жил в уединении, с париж. друзьями не переписывался. Незадолго до смерти поселился в ирландск. имении своих знакомых, выпустил в соавторстве с дублинск. коллекционером икон и журналистом У.Алленом последнюю кн.: Allen W.E.D., Muratoff P. The Russian campaigns of 1944-1945. — N.Y., 1946. Кончина М. осталась в эмиграции незамеченной. Одним из немногих на нее сразу же откликнулся о.Киприан (Керн) («Образы Италии» П.Муратова (Вместо некролога) // В. — 1951. — № 15).

Лит.: [Айхенвальд Ю.] Рец.: «Образы Италии» // Руль. — 1924. — 19 нояб. Подпись: Б.Каменецкий.

Зайцев Б. Рец.: «Образы Италии» // СЗ. — 1924. — № 22.

Осоргин М. Рец.: «Образы Италии» // ПН. — 1924. — 4 нояб.

Ходасевич В. Рец.: «Магич. рассказы» // В. — 1928. — 15 марта.

Зайцев Б. Новые книги Муратова // В. — 1931. — 30 мая.

Рицци Д. П.Муратов о совр. иск-ве // Рус. авангард в кругу европ. культур. — М., 1994.

+ Бахрах; Берберова; Зайцев; Казак; РФН; РФР; Струве.

В.М.Толмачев

Н

НАБО́КОВ Владимир Владимирович (10(22).IV.1899, Петербург — 2.VII.1977, Монтрё, Швейцария; псевд. — Владимир Сирин до 1940, Василий Шишков — в поэтич. мистификациях) — прозаик, поэт, драматург, лит. критик, переводчик. Старший сын Елены Ивановны Рукавишниковой (из рода сибирских золотопромышленников) и Владимира Дмитриевича Набокова, потомка старинного татарск. княжеского рода (ведущего свое происхождение от обрусевшего татарского кн. Набока Мурзы, XIV в.), одного из лидеров партии кадетов, управляющего делами Врем. правительства, погибшего в марте 1922 в Берлине от пули рус. монархиста. Н. — западник, наследник традиций рус. либерализма по убеждению и по семейной традиции (в обиходе его семьи — склонность ко всему англ.). В 1911-16 учился в Тенишевском уч-ще. Печатал стихи в журн. уч-ща «Юная мысль», входил в его редколлегию. В июле 1916 опубл. стих. «Лунная гроза» в журн. «Вестн. Европы», в окт. — сб. «Стихи» (Пг.). В 1917 — стих. «Зимняя ночь» в журн. «Рус. мысль» (№ 3/4). В 1918 с А.Балашовым издал альм. «Два пути: Стихи» (Пг.).

После пребывания в Крыму, сначала в Гаспре, затем в Ялте, где он печатал стихи в газ. «Ялтинский голос» (1918. — 8, 15 сент., 13 окт.), в марте 1919 из Севастополя на греч. судне «Надежда» со всей семьей покинул Россию, два мес. провел в Греции, летом 1919 приехал в Лондон. Осенью 1919 поступил в Кембриджский ун-т — в Тринити-Колледж, где изучал рус. и франц. лит-ру. В 1923, окончив Кембридж с отличием, переехал в Берлин. В 1925 женился на Вере Евсеевне Слоним, дочери юриста и предпринимателя-лесоторговца. В 1934 род. их сын Дмитрий. В Берлине, как и позднее в Париже, куда они перебрались в 1937, зарабатывал на жизнь уроками англ., франц. яз., тенниса, переводами. В письмах (1933-39) *З.Шаховской* постоянно жаловался на непреодолимую бедность (Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. — М., 1991. — С. 28). В 1921-31 под псевд. В.Сирин печатал стихи, эссе, статьи, рец. в берлин. газ. «Руль». В 1923 в Берлине опубл. две кн. стихов: «Горний путь» и «Гроздь». В 1926 в изд-ве «Слово» вышел его первый ром. «Машенька» под псевд. В.Сирин (пер. на нем. 1928; на англ. 1970 — М.Гленни и автора с его предисл. на англ.). За десятилетие с небольшим опубл. ром.: «Король, дама, валет» (Берлин, 1928; пер. на нем. 1928, на англ. — Дм.Набокова с автором, 1968), «Защита Лужина» (СЗ. — 1929, 1930. — № 40-42; отд. изд.: Берлин, 1930; на франц., швед., англ. яз., переизд. рус. текста: Париж, 1967 с автор. предисл. на рус. яз.); «Возвращение Чорба. Рассказы и стихи» (Берлин, 1930, переизд.: Анн Арбор, 1976 — без стихов); «Соглядатай» (СЗ. — 1930. — № 44; одноим. сб. рассказов: Париж, 1938; пер. на англ. Дм.Набокова с автором и его предисл. на англ. яз. 1965); «Подвиг» (СЗ. — 1931, 1932. — № 45-48; отд. изд.: Париж, 1932; англ. пер. Дм.Набокова с автором, предисл. автора на англ. 1971); «Камера обскура» (СЗ. — 1932-33. — № 49-52; отд. изд.: Париж; Берлин, 1933; пер. на англ. 1936; пер. на франц., чеш., швед. яз.; пер. автора на англ.); «Отчаяние» (СЗ. — 1934. — № 54-56; отд. изд.: Берлин, 1936, пер. на англ. автора 1937; второй пер. на англ. с изм. и предисл. автора в 1966); «Приглашение на казнь» (СЗ. — 1935-36. — № 58-60; отд. изд.: Париж, 1938; пер. на англ. Дм.Набокова с автором, предисл. автора на англ. 1959); ром. «Дар» (СЗ. — без IV гл. о Чернышевском, 1937-38. — № 63-67; отд. полн. изд.: — Нью-Йорк, 1952; пер. на англ. М.Скэммела с автором, предисл. автора на англ. яз. 1963; переизд. по-русски: Анн Арбор, 1975). В 1938 закончен первый ром. на англ. яз. «The real life of Sebastian Knight», опубл. после переезда в США в 1941 в Норфолке (Коннектикут). В последнем номере

«СЗ» (1940. — № 70) напечатано нач. ром. «Solus Rex», оставшегося незаконченным.

В Берлине Н. выступил как драматург, автор пьес «Скитальцы» (лит. альм. «Грани». — 1923. — Кн. 2), «Человек из СССР» (поставлена в Берлине Ю.Офросимовым, одно представление, первый акт в газ. «Руль», 1927. — № 1; полностью в пер. на англ. Дм.Набоковым в сб.: The man from the USSR. — N.Y., 1984), «Событие» (РЗ. — 1938. — № 4), поставлена в Париже и Праге в 1938; в Варшаве, Белграде, Нью-Йорке — в 1941; пер. на англ. Дм.Набокова в сб. «The man from the USSR», «Истребление тиранов» (РЗ. — 1938. — № 8/9; пер. на англ. автора и Дм.Набокова в 1975), «Изобретение Вальса» (РЗ. — 1938. — № 11), пер. на англ. Дм.Набокова, 1966, пост. на рус. в Оксфордском ун-те (1968) и Хартфордской постановочной группой, Нью-Хейвен, Коннектикут (1969), на англ.: Истсайдский театр, Сент-Пол, Миннесота (1968). Среди пер., сделанных Н. в Берлине, — «Николка Персик» («Кола Брюньон») Р.Роллана (1922), стихи Р.Брука, Ронсара, О'Салливана, Верлена, Сюпервьеля, Теннисона, Йейтса, Байрона, Китса, Бодлера, Шекспира, Мюссе, Рембо, Гете, опубл. в газ. «Руль», «ПН», в альм. «Грани», «Родник», в сб. «Горний путь»; «Аня в стране чудес» — пер. «Алисы в стране чудес» Л.Кэрролла (Берлин, 1923).

После публ. рец. на ром. *И.В.Одоевцевой* «Изольда» 30 окт. 1929 в газ. «Руль» началась (согласно одной из версий) многолетняя вражда Н. с *Г.Ивановым* (мужем Одоевцевой). В «Числах» помещена оскорбит. рец. Г.Иванова на кн. Н. В рассказе Н. «Уста к устам» высмеяны корыстные издатели (*Г.Адамович*, Г.Иванов). Н. — автор эпиграммы (1939?): «Такого нет мошенника второго / во всей семье журнальных шулеров» / Кого ты так? — «Иванова, Петрова / Не все ль равно...» — «Постой, а кто ж Петров?»

Рус. романы и сб. рассказов Н. (за исключением пьес, опубл. отдельно) воспроизведены репринтным способом амер. изд-вом «Ардис» (Анн Арбор, 1974-1984), составив с пер. книг Н. своего рода первое собр. его соч.

В мае 1940, спасаясь от фашистской оккупации, Н. с семьей эмигрировал из Франции, из Сен-Назера — на пароходе «Шамплен» — в США. 1941-48 — преподаватель рус. яз. и лит-ры в Уэлслейском колледже (штат Массачусетс). 1942-48 — сотр. (специалист по лепидоптерии) Музея сравнит. зоологии в Гарвардском ун-те. В 1945 получил амер. гражданство, в 1948-58 — проф. Корнеллского ун-та, 1951-52 — читает курс лекций в Гарвардском ун-те. С 1940 печатался под своим им. Получил известность как энтомолог, открывший новые виды бабочек. В амер. период опубл. кн. «Bend sinister» (N.Y., 1947), «Nine stories» (N.Y., 1947), рассказы, восп. в амер. журналах. Автор трех вариантов автобиографии «Conclusive evidence» (N.Y., 1951), восп. на англ. яз., переизд. в Лондоне под назв. «Speak, memory» (N.Y., 1951), затем в авторском пер. с изменениями в Нью-Йорке под загл. «Другие берега» (1954). На рус. в 1952 вышел сб. «Стих. 1929-1951» (Париж); сб. «Стихи», готовившийся автором, издан с его примеч. лишь в 1979 (Анн Арбор) с предисл. В.Набоковой. В 1953 Н. получил пр. фонда Гуггенхейма и Амер. Акад. иск-в и словесности.

Н. перевел на англ. яз.: в 1941 — неск. стих. *В.Ходасевича*, к-рый был его другом и, возможно, послужил прототипом образа Кончеева в «Даре»; «Моцарта и Сальери» Пушкина (вместе с Эд.Уилсоном), в 1944 — стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, в 1958 — «Героя нашего времени» Лермонтова (совм. с Дм.Набоковым). Н. — теоретик перевода, автор «Заметок переводчика» (НЖ. — 1957. — № 49; Опыты. — 1957. — № 8).

В 1955 на англ. яз. в Париже опубл. ром. «Lolita», неск. раз переизд. там же в 1958-61; в США впервые — в 1958, авторский пер. по-рус. — 1967. В 1956 — «Весна в Фиальте и др. рассказы» (сб. довоен. рассказов) в Нью-Йорке. В 1957 — «Pnin» (N.Y.), по-рус. в пер. Г.Барабтарло при участии В.Набоковой (Анн Арбор, 1983); в 1958 — «Nabokov's dozen», сб. из тринадцати рассказов и в 1959 «Poems» (N.Y.). Благодаря успеху «Лолиты» он смог оставить преподават. работу и в 1960 переехал в Швейцарию, в Монтрё (по совету англ. писателя и актера Питера Устинова), поселившись в отеле «Палас»; неподалеку, в Женеве жила его сестра Елена Владимировна (см.: «Переписка с сестрой». — Анн Арбор, 1985) и сын Дмитрий, ставший оперным певцом в Италии. В «швейцарский период» Н. опубл. англ. пер. «Слова о полку Игореве» и комм. к нему (Нью-Йорк, 1960), киносценарий «Лолита» (1961),

(фильм, поставл. реж. Ст.Кубриком в 1962, Н. назвал по-своему первоклассным, но далеким от авт. замысла), ром. «Pale fire» (N.Y., 1962; рус. пер. В.Набоковой в 1983 — «Бледный огонь»), «Poems» (N.Y., 1962), пер. на англ. «Евгения Онегина» с комм. в 4-х т. (Нью-Йорк, 1964), переизд. с испр. (1975), новое переизд. с новыми испр. (1981; частичн. рус. пер.: Наше наследие. — 1989. — № 3). Пер. «Евгения Онегина» вызвал полемику в печати в 1965-66, особенно с Эд.Уилсоном, пытавшимся уличить Н. в неточностях. В. 1965 опубл. «Примечания к тюремным письмам В.Д.Набокова» (альм. «Воздушные пути». — Нью-Йорк. — № 4); в 1966 — «Nabokov's quartet» (сб. рассказов на англ.); в 1969 — эротич. ром. «Ada; or Ardor: A family chronicle», переизд. в 1970 в англ. изд-ве «Пингвин» с примеч. Вивиан Даркблоом (под именем к-рого скрывался Н.) (рус. пер. Киев; Кишинев, 1995); в 1971 — «Poems and problems» (на рус. и англ. яз.); в 1972 — роман «Transparent things» (рус. пер.: Новая юность. — 1996. — № 18), в 1973 — «A Russian beauty and other stories» — пер. Дм.Набоковым на англ. довоен. рус. рассказов, каждый предварен небольшим авт. предисл. на англ. яз.; сб. писем, интервью и ст. «Strong opinions»; в 1974 — роман «Look at the harlequins!» — вымышл. исповедь с примесью правды и сценарий «Лолита»; в 1976 — «Details of a sunset and other stories».

Н. умер от болезни легких. Кремирован 7 июля 1977 в Веве, погребен на кладб. в Клaренсе.

Основы совр. набоковедения были заложены рус. эмигр. критикой, обратившей внимание на Сирина после выхода «Машеньки», героиня к-рой была воспринята как символ России. Далее интерес к нему возрастал: «Ни один из писателей его поколения никогда не получал таких восторженных откликов со стороны старших собратьев» (Шаховская. — С. 26). *Бунин* в 1930 отозвался о Н. как о первом, кто «осмелился выступить в русской литературе» с новыми формами иск-ва, за что «надо быть благодарными ему» (*Кузнецова Г.* Грасский дневник. — Вашингтон, 1967. — С. 184). По словам *Г.Струве*, Н. никогда не находился во власти своих тем, но своевольно и напряженно ими играл, причудливо и прихотливо выворачивая свои сюжеты (Россия и славянство. — 1930. — 17 мая). *Е.Замятин* увидел в Н. самое значит. приобретение эмигр. лит-ры. Одобрительны отзывы *М.Алданова*, *Г.Газданова*. Один из самых ранних и верных ценителей Н. — В.Ходасевич. О Сирине писали во всех эмигр. изд., одобряя его «изобразительную силу», дар «внешнего выражения», изобретательность, формально-стилистич. и психологич. находки, меткость, зоркость взгляда, остроту сюжета, умение показать неожиданный разрез обычного, «мириады живописнейших мелочей»; физиологич. жизненность, сочность, красочность описаний. В умении «чувственного восприятия мира мало найдешь равных ему не только в русской, но и вообще в совр. лит-ре», — писал критик М.Кантор (Встречи. — 1934. — Март), а в игре с языком «Сирин, — по словам *П.Бицилли*, — идет так далеко, как, кажется, никто до него» (СЗ. — 1939. — № 68. — С. 475). Но в целом отношение рус. эмигр. критики к Н. двойственно: «Слишком уж явная «литература для литературы», по мнению самого враждебного ему критика — Г.Иванова (Числа. — 1930. — № 1. — С. 234). «Очень талантливо, но неизвестно, для чего...», — так формулировал *В.Варшавский* свое отношение к Н. (Числа. — 1933. — № 7/8. — С. 267). Эмигр. критика, воспитанная на гуманистич. традициях рус. классич. лит-ры, лишь смутно сознавала, что перед ней — новая лит-ра со своим отношением к человеку и миру. Неудивительно, что один из лейтмотивов критики — Н. все равно, о чем писать, лишь бы прясть словесную ткань, его проза — самоцель. Тот же Бунин сказал о нем: «Чудовище, но какой писатель» (Шаховская. — С. 76).

Н. сравнивали с Прустом, Кафкой, нем. экспрессионистами, Жироду, Селином, отдавая предпочтение иностр. образцам, в подражании к-рым его упрекали. В.Варшавский на примере Н. доказывал, что на смену «вымирающей, неприспособившейся расе» серьезных рус. писателей, «последних из могикан», вроде Бунина, приходит «раса более мелкая, но более гибкая и живучая», успешно овладевшая искусством писать легко и ни о чем, за стилистическими красотами кроется плоская пустота...» (Числа. — 1933. — № 7/8. — С. 266-67). Произв. Н. воспринимали и как онтологич. клевету: «обезображены не отдельные черты» человека, а его «глубочайшее естество...»

(*Зайцев К.* // Россия и славянство. — 1930. — 15 окт.). Признание получила теория «героев-манекенов»: писатель показывает механистичность, автоматизм, обездушенность, пошлость совр. людей (*Цетлин М.* // СЗ. — 1928. — № 37. — С. 536-38), т.о. оправдывалась жесткость автора и возникла возможность символич. прочтения: персонажи — символы, худож. реальность — модель. Но в целом критики считали Н. «странным писателем», сущность к-рого загадочна. Наиб. близкое совр. зап. лит. теориям толкование творчества Н. дал В.Ходасевич, полагавший, что его гл. тема — механизм творчества, его цель — «показать, как живут и работают приемы» (В. — 1937. — 13 февр.; также: Ходасевич В. Лит. ст. и воспоминания. — Нью-Йорк, 1954. — С. 250). Он писал о двоемирии Н.: о существовании в его творчестве воображаемой и реальной действительности, причем первая — более ощутима. После пер. ст. Ходасевича на англ. (Triquarterly. — 1970. — № 17) толкование книг Н. как аллегорий вошло в обиход зап. лит-ведения. О двоемирии писали и сторонники интерпретации произв. Н. как аллегорий (Г.Струве, П.Бицилли), видя цель писателя в обнажении, «восстановлении» подлинной действительности, прикрываемой повседневностью. По Бицилли, произв. Н. — вариации на тему «жизнь есть сон». Задача героя, писателя и читателя — «пробудиться» для реального мира и наст. жизни (СЗ. — 1936. — № 61; СЗ. — 1939. — № 68).

В центре ром. Н. — конфликт между судьбой и героем, пытающимся, обычно безуспешно, противостоять ей, переиграть ее («Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Подвиг», «Лолита», «Ада» и др.), гл. в прозе Н. — «представление о человеческой жизни как невольной, подчиненной... внеположной враждебной силе» (Дарк О. Загадка Сирина // ВЛ. — 1990. — № 3. — С. 257). Вместе с тем критики признают, что в творчестве Н. с небывалой силой выражено мироощущение рус. эмигранта. В.Варшавский объяснял феномен Н. трагич. положением молодых эмигрантов, к-рые «даже идеально не находятся ни в каком обществе, отчужденные и от России, и от западноевропейской жизни» (СЗ. — 1936. — № 61. — С. 409-414). Н. занимает особое место в лит-ре, как и в обществ. жизни XX в. Он всегда был сам по себе, полит. темперамент отца был чужд ему, он чурался любых группировок, союзов, объединений; ему близок англ. индивидуализм, «человек как остров». Его обвиняли в равнодушии к реальной России. По свидет-ву З.Шаховской, лишь один раз он выступил в англ. печати с полит. заявлением в защиту В.Буковского. Тем не менее именно А.И.Солженицын в 1972 выдвинул Н. на Нобелевскую пр. Парадокс состоит в том, что, возможно, самый знаменитый ром. Н. — «Лолита» — о любви сорокалетнего мужчины к «нимфетке» — рано созревшей двенадцатилетней девочке, принесший писателю мировую известность, помешал присуждению ему этой награды.

Наилучший (наряду с мемуарами и интервью) источник, проясняющий этич. и эстетич. позицию Н., его отношение к лит-ре и, опосредованно, его творчество, — лекции, прочитанные им в колледже Уэллсли (штат Массачусетс) в 1941-48 и Корнеллском ун-те (Итака, штат Нью-Йорк) в 1948-58 о рус. и зап-европ. лит-ре, и в Гарвардском ун-те в 1951-52 о «Дон Кихоте» Сервантеса. Н. намеревался опубл. их, но не осуществил свой план, лишь в кн. «Nikolai Gogol» включил мат-л лекций о «Мертвых душах» и «Шинели». После его смерти рукописи лекций, заметки к ним были собраны и подготовлены к печати амер. текстологом Ф.Бауэрсом, издавшим три их тома (см. библ.).

Н. считают рус. писателем до 1940 — переезда в США и американским после того, как он начал писать на англ. яз. (он пробовал и на франц. яз. во Франции, но с меньшим успехом). Однако, по мнению англ. писателя Э.Берджесса, англ. яз. Н. слишком правилен, это не естественная кожа, в нем нет непосредственности (Burgess A. Pronounced Vla-deem-ear Nah-Boak-off // N.Y. times book rev. — 1967. — July 2). Как показывают его «амер. романы», прежде всего «Лолита», или его эссе «Филистеры и филистерство» (РЛЗ. — Вып. 1), вошедшее в «Лекции по рус. лит-ре», несмотря на все его реверансы в адрес приютившей его, давшей ему признание Америки, ее цивилизация, уклад жизни раздражали его, вызывая у него размышления о филистерстве, мещанстве, недаром он попытался ввести в англ. яз. русское слово «пошлость» (см. также спец. номер журн. «Звезда». — 1996. — № 11).

Изд.: Стихи. — Анн Арбор, 1979.

Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе, интервью, рец. / Сост. Долинин А.А., Тименчик Р.Д. — М., 1989.
Собр. соч.: В 4-х т. / Сост., вступ. ст. Ерофеева В. — М., 1990. — Т. 1-4; Т. 5, доп. — М., 1992.
The Nabokov — Wilson letters, 1940-1971 / Ed. by Karlinsky S. — N.Y., 1979.
Lectures on literature / Ed. by Bowers F. — N.Y., 1980.
Lectures on Russian literature / Ed. by Bowers F. — N.Y., 1983 (рус. пер.: М., 1996).
Lectures on Don Quixote / Ed. by Bowers F. — N.Y.; L., 1983.
Selected letters 1940-1977 / Ed. by Nabokov D., Briccoli M.J. — L., 1990.
Bend sinister: Романы. — СПб., 1993.

Лит.: Берберова Н. Набоков и его «Лолита» // НЖ. — 1959. — № 57.
Шаховская З. В поисках Набокова. — Париж, 1979.
Струве Г. Владимир Набоков // НЖ. — 1992. — № 186.
Носик Б. Мир и дар В.Набокова. — М., 1995.
Мулярчик А.С. Рус. романы В.Набокова // Рос. лит-ведч. журн. — 1996. — № 8.
Grayson J. Nabokov translated: A comparison of Nabokov's Russian and English prose. — Oxford, 1977.
Rydel Ch. A Nabokov Who's who. — L., 1986.
Juliar V. Vladimir Nabokov: A bibliogr. — N.Y.; L., 1986.
Boyd D. Vladimir Nabokov: The Russian years. — L., 1990.
Boyd B. Vladimir Nabokov: The American years. — L., 1992.
+ Адамович; Амфитеатров; Бахрах; Берберова; Казак; Михайлов; РЛЗ-1; Струве; Шаховская.

Т.Н.Красавченко

НАЖИ́ВИН Иван Федорович (25.VIII (6.IX).1874, Владимирская губ. — 5.IV.1940, Брюссель) — писатель. Выходец из крестьян. среды. «Я сын крестьянина Владимирской губернии, писатель, много лет стоявший на очень левых позициях», — писал Н. о себе («Записки о революции». — Вена, 1921. — С. 5). «Родным гнездом» Н. называл дер. Буланово в Суздальском крае («Моя исповедь». — М., 1912. — С. 8). Первые сб. рассказов и очерков Н. — «Родные картинки» (М., 1900), «Убогая Русь» (М., 1901), «Пред рассветом» (М., 1902) и др. Н. был близко знаком с Л.Н.Толстым, вел с ним переписку, испытал его идейное влияние. Считался писателем-народником и толстовцем. «Главный герой мой — русский народ», — заявлял Н. («Записки о революции». — С. 5). В годы революции 1905 его взгляды и идейные позиции претерпели изменения. «Я левый, ставший после первого опыта, после революции 1905 г. — умеренным», — признавал Н. («Что же нам делать? (Извлечения из записок)». — Ростов-н-Д. 1919. — С. 6). В ходе рев. событий, считал он, началось великое нравств. падение рус. народа. Свое отношение к событиям в России Н. отразил в романе «Мэне...Тэкэл...Фарес...» (М., 1907). Н. опубл. кн. о Л.Н.Толстом — рассказ «Дедушка Толстой» (М., 1911), «Из жизни Л.Н.Толстого» (М., 1911), использовал свои беседы с ним. В 1911-17 Н. предпринял изд.: «Собр. соч.» (М. — Т. 1-7).

Отношение к рев. событиям 1917 Н. отразил в «Записках о революции». Он рассматривал революцию как банкротство левых деятелей, крушение иллюзий. Революция, на его взгляд, была насквозь безграмотна, дьявольски жестока. Отношение к ней у него «стало ненавистным». «Спасаясь от голода и крови, — писал Н., — я бежал с детьми на Черноморье — на борьбу с хамом, пошел за Россию, за монархию» (Новая рус. кн. — 1922. — № 5. — С. 42). В 1918-19 участвовал в Белом движении, публиковал пропагандист. брошюры. В 1920 эвакуировался из Новороссийска в Болгарию, жил в Австрии, Югославии (Новый Сад), Германии, с 1924 — в Бельгии.

В первые годы эмиграции Н. издал кн. «Накануне: (Из моих записок)» (Вена, 1923), «Среди потухших маяков: Из зап. беженца» (Берлин, 1922). В первую из них вошли записи и размышления о событиях в период между 1910 и началом Февр. революции. «Среди потухших маяков» отражает умонастроение и переживания автора в эмиграции. Название кн. символизировало утрату всех иллюзий и надежд. Потухшими маяками стали надежды на спасит. Запад, так же как и на возвращение в Россию прежних властителей. «Главный трагизм нашего положения, — писал Н., — мы не

знаем, что делать, куда идти?» (с. 219). Кн. «Среди потухших маяков» вызывала отклик сов. критики. В.П.Полонский в журн. «Печать и революция» (1923. — № 2) заметил, что ее назв. отражало положение писателя в эмиграции — блуждание во мраке. Осознав эту реальность, Н. стал размышлять о возвращении в Россию. «Самая заветная теперь мечта моя — это... глухая дыра, где можно спрятаться вдали от всего... о маленьком домике на родных «Пантюках», откуда открываются... такие русские дали» («Среди потухших маяков». — С. 231).

В публицистике 1930-х Н. осуждал промонархист. движение в среде эмиграции, издал кн. «Нац. слава и нац. позор: О Николае II» (Брюссель, 1933), в к-рой писал о последнем царе как о позоре для России. Он опубл. памфлет о лидере сил, претендовавших на реставрацию своей власти в России: «Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову» (Брюссель, 1930), назвав претензии Милюкова «старческим слабоумием» (с. 4). К публицистике примыкает роман Н. «Неглубокоуважаемые», изданный в Тяньцзине (1935). Его заглавие характеризует отношение автора к эмигр. кругам, в к-рые входят и видные писатели. Кн. можно понимать как реакцию писателя на проявление к нему недоброжелательности, резко негативные отзывы критики на его произв. «Я знаю эмиграцию... это душное болото, мертвечина ее поражает», — характеризовал он свое окружение («Глупость или измена?» — С. 2). Понимая свою безысходность в эмиграции, в 1926 Н. через сов. консула в Париже ходатайствовал о предоставлении ему возможности возвратиться на родину. В 1934 он с той же просьбой обращался к И.В.Сталину (текст обращения он ввел в роман «Неглубокоуважаемые»). Ходатайство не было удовлетворено.

Наряду с документ. прозой, Н. издал большое число беллетристич. произв. — пов. «Четверть века спустя» (Берлин, 1922), рассказы для детей «В деревне» (Берлин, 1922), сб. рассказов «Перед катастрофой» (Мюнхен, 1922). Из кн. первых лет эмиграции наиб. внимание, наряду с «Записками о революции», привлекала кн. пов. «Во мгле грядущего» (Вена, 1921). Кн. открывает пов. «Искушение в пустыне» — антиутопия о коммунистич. колонии на уединенном острове в океане. Автор пародирует идею создания коммунистич. об-ва: на о-в доставляются из лондонской тюрьмы коммунисты разл. стран и национальностей, им предоставляется полная свобода деятельности под эгидой междунар. комиссии. Но общее дело не сложилось: возник раскол, начался саботаж, преследования «врагов коммуны», расстрелы «за контррев. образ мышления». В результате — полный развал хозяйств. жизни. «Духа коммунизма не оказалось», спасительной стала идея перехода «к более совершенной и справедливой форме экономической жизни» на основе частной собственности (с. 57). В критич. заметке о кн. «Во мгле грядущего» Ф.Иванов, прокомментировав идеологич. содержание повестей, заметил, что об их художественности «говорить не приходится». Иск-во не мирится с политической пропагандой (Новая рус. книга. — 1922. — № 3. — С. 12).

В годы эмиграции Н. продолжил выпуск «Собр. соч.», начатое в Москве. Тома выходили разрозненно в Париже (1927-30), Тяньцзине (1931-38), в Новом Саде, Риге, Брюсселе. 49-й том («Софисты: роман-хроника из жизни Греции V века до Р.Х.») вышел в Тяньцзине в 1935. Кн. «Фатум: Беженский роман» (Париж, 1926) — о судьбе высокообразованного интеллигента, гвардейского офицера и талантливого художника. В эмиграции он бедствует, служит лакеем на морских судах. Мужественно перенося испытания и опасности на яхте «Фатум», он находит благополучие и счастье в Америке. «Прорва: Беженский ром.» вышел в Риге (1928). «Молодежь» (Тяньцзин, 1938) — ром. о молодом поколении эмигрантов в Бельгии, студентах ун-та, их невзгодах и драмах жизни. Н. писал ром. на разл. темы: о современности, историч., филос.-религ., кн. приключений и фантастики. Современности посв. ром. «Большевичка» (Б.м., 1931). К революции 1917 подводят события, описываемые в ром. «Мужики» (Тяньцзин, 1937-38. — Т. 1-3). В Париже печатались «Перун: Лесной роман» (1927), ист. ром. «Казаки» (1928). Был издан ром. «Во дни Пушкина» в 3-х кн. (1930). В нем предстают образы декабристов, выдающихся деятелей лит-ры. На темы отеч. истории Н. создал ром. «Кремль: Хроника XVI века» (Новый Сад, 1931) — повествование о ср-век. Руси, возвышении Москвы. В романе «Распутин» в

3-х т. (Лейпциг, 1923-24) Н. облек в беллетристич. форму известные ист. события и имена. Ром. был издан на нем., англ., чешск. и болг. яз. Критики отмечали, что это произв. вызывало интерес читателей описываемыми в нем событиями, однако художеств. уровень его оценивался невысоко. В Риге издан ром. «Иудей» (1933) из жизни Рима I века. Его персонажи — Нерон, евангельские апостолы, историк Иосиф Флавий. В составе «Собр. соч.» ист. ром. «Глаголят стяги...» (Новый Сад, 1929; М., 1995), о Др. Руси времен кн. Владимира, «Бес, творящий мечту» (Париж, 1929) — о временах Батыя. Историко-религ. теме посв. ром. «Евангелие от Фомы» (Тяньцзин, 1935). По мотивам своих встреч и бесед с Л.Н.Толстым Н. выпустил кн. «Неопалимая купина: Душа Толстого» (Тяньцзин, 1936). В прил. к ром. «Лилии Антиноя» (Брюссель, 1933) помещены мат-лы биографии писателя, перечень перевед. кн. Н. на др. яз.

Изд.: Собр. соч.: В 3 т. — М., 1995. — Т. 1-3.

Лит.: Григорков Ю. Рец.: «Во мгле грядущего» // Новая рус. жизнь. — 1921. — 10 нояб.

Иванович С. Рец.: «Зап. о революции» // СЗ. — 1921. — № 7. — Подпись: Ст.И.

Василевский И. Рец.: «Среди потухших маяков» // Накануне, — 1922. — 4 авг. — Подпись: И.В.

Куденис В. Иван Наживин в Бельгии // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.

Е.Ф.Трущенко

НАРЦИ́ССОВ Борис Анатольевич (VIII.1906, близ Саратова — 27.XI.1982, Вашингтон) — поэт, прозаик. Род. в семье сел. врача, учился в школе в Ямбурге (ныне Кингисепп близ эст. границы); во время гражд. войны оказался в Эстонии, в 1924 окончил г-зию в Тарту; там же поступил в ун-т и окончил его в 1930, специализировался в области химии. Учась в ун-те, занимался в «Цехе поэтов», к-рый возглавлял Борис Правдин, однако публ. Н. даже в местной рус. прессе носили случайный характер. В 1941 выехал из Эстонии в Тюбинген, после окончания войны нек-рое время пробыл в лагере для «перемещенных лиц», с 1951 жил в Австралии, работая по осн. специальности. В 1953 навсегда перебрался в США, где работал в разл. ун-тах вплоть до выхода на пенсию в 1972. Занятия точными науками и прежде всего химией оставили значит. след в творчестве Н. В США и Зап. Европе он публиковался в «НРС», «Гранях», а в 1970-е и в «НЖ». В печати Н. выступал преим. как поэт, критик (ст. о *В.Корвин-Пиотровском*, *В.Злобине*, *Р.Гуле*, *Е.Таубер*, *В.Андрееве* и др.), а также как переводчик поэзии с англ., франц., эст. яз.

Первый поэтич. сб. Н. «Стихи» (Нью-Йорк, 1958), как и последующие (до 1978), критикой были встречены сдержанно. Характерные для Н. картины «нижнего мира» — леших, упырей, разл. «взбулдыбуев», «кокодрилов», «южасов» перемежаются с образами истории (древний Египет, Рим, Гавайи), экзотич. природой Австралии. Н. оставил неповторимые в истории рус. поэзии образы этой страны в стихах «Timeless land», «Эвкалипты», «Как попадают в Бризбен». Большое место в поэзии Н. занимают образы Эстонии, где он жил до тридцати пяти лет. Второй сб. Н. «Голоса» вышел во Франкфурте-на-М. в 1961; третий «Память» — в Вашингтоне в 1965, четвертый «Подъем» — в Лувене (Бельгия) в 1969, пятый «Шахматы» — в Вашингтоне в 1974. В Вашингтоне же в 1978 увидел свет сб. Н. «Звездная птица», где, предваренные 14 новыми стих., были переизд. все прежние сб. Н., при этом в обратной последовательности, от «Шахмат» 1974-го к «Стихам» 1958-го. В этот сб. вошли ст. А.Цветикова и Б.Филиппова о творчестве Н. Посм. в 1983 в Вашингтоне вышел сб. Н. «Письмо самому себе» (со ст. В.Синкевич «Памяти поэта»), включивший стих. последних лет, в том числе автобиогр. поэму «Двойники», и научно-фантастич. рассказы, созданные, видимо, под влиянием франц. писателя начала века Мориса Ренара.

Н. — один из немногих новаторов в области поэтич. содержания среди рус. эмигрантов первой волны, испытавший влияние не инояз., а рус. лит-ры, рус. мифоэпоса, опосредованного не столько через сказки Афанасьева, сколько через творчество *А.Ремизова*. Единств. параллелью творчества Н. можно считать стихи *Ю.Одарченко*. Характерно, что оба поэта решились заявить о себе лишь в послевоен. время и, возможно, в силу того, что оба были обеспечены материально, могли позволить себе

решать, где им печататься, а где — нет. Пронизанные жуткими «драконограммами» (выражение самого Н.), его стихи не укладываются ни в какие рамки эмигр. поэзии. Его творчество изолировано и замкнуто само на себя. В жизни же Н. был вполне жизнерадостен, общителен, очень любил свою «цветочную» фамилию и специально разводил цветы.

Значение Н. как поэта может быть оценено лишь теперь, когда на исходе XX в. стало ясно, сколь небогата оказалась в сов. время «сказочная» традиция рус. поэзии и в СССР, и в эмиграции. Н. умело использует стилизацию («Из монастырской хроники» в сб. «Память»): «Как некий живописец восхоте / Глумитися над старцем-чудотворцем, / Отай списа подобие иконы / И в дар святому старцу принесе». Здесь Н. близок *И.А.Бунину*, использовавшему подобный прием в «Святом Прокопии». Близость к бунинской поэтике у Н. проявляется в привычке ставить точку посреди строки, в назывных предложениях, повествоват. стиле, «зрительности» образов. Б.Филиппов отмечает влияние на Н. поэзии Блока: «упор на... звучащее, мелодическое слово», чуткость «уха псалмопевца-ведуна». Друг Н., поэт-эмигрант второй волны И.Елагин оставил яркую зарисовку образов Н. в поэме «Память» (сб. «Тяжелые звезды». — Анн Арбор, 1986): «И мне, Борис, поможет жить твой стих. / Кикимор, свещеглазников твоих, / Твоих уродцев необыкновенных / Парад не прекращается!» Н. старался создать свою собственную космогонию, в к-рой даже ночной небосклон имеет фам. — «Мигуев-Звездухин», в запертом чердаке мальчик много лет кричит одно и то же слово «Южас!» — и все это пронизано образами, заимствованными из осн. профессии Н., химии: «В металлах есть призраки: эрбий и гербий. / Тебе приношу их — луна на ущербе!» (сб. «Звездная птица». — С. 3). Следует отметить также проходящее через все его творчество следование Эдгару По, «хотя для англо-саксов он давно уже стал стихотворцем дурного тона», — пишет *Ю.Иваск* в своем эссе о Нарциссове (НЖ. — 1986. — № 162. — С. 124-125). Архив Н. хранится у его вдовы Лидии Александровны Нарциссовой.

Лит.: Цветиков А. К драконограммам Мигулева-Звездухина // Современник. — 1976. — № 30-31.

Пахмусс Т. Борис Нарциссов // НЖ. — 1982. — № 148.

Некрологи: Анстей О. // НЖ. — 1983. — № 151; Фесенко Т. // НЖ. — 1983. — № 151; Филиппов Б. // НРС. — 1983. — 13 марта.

Е.В.Витковский

НЕБОЛЬСИ́Н Аркадий Ростиславович (21.X.1932, вилла Рибопьер, Монтрё, Швейцария). Отец Ростислав Аркадьевич — инженер, сын контр-адмирала Небольсина, героя рус.-япон. войны, принявшего в Кронштадте мученич. смерть от рук провокаторов, проникших в среду восставших матросов Балтийского флота в первые дни Февр. революции 1917. Мать Екатерина Лаврентьевна Пущина — правнучка знаменитого декабриста, была в родстве с Апраксиными, Нарышкиными, Набоковыми. В 1917 родители покинули Россию. Их вилла Рибопьер в течение многих лет была центром собраний и хлебосольным убежищем для рус. эмигрантов и их иностр. друзей. До нач. второй мировой войны Н. вместе с семьей жил в Париже, потом в Лондоне и в Португалии. В 1937 семья переехала в США и обосновалась в пригороде Нью-Йорка Си Клиф, где в 1944 получила амер. гражданство. В Си Клифе усилиями неск. семей рус. эмигрантов была построена и освящена церковь Казанской Божией Матери. Н. учился в амер. школах, в муз. школе Зилоти, позднее в школе при церкви в Си Клифе, настоятелем к-рой был о.Василий Мусин-Пушкин (впоследствии Н. выпустил кн. «Из проповедей о.В.Мусина-Пушкина». — Нью-Йорк, 1963; М., 1993).

В 1945-52 Н. участвовал в семинарах фонда помощи Сергиевского париж. подворья в Нью-Йорке, организов. Г.И.Новицким. Это был решающий период в духовном становлении Н. Он постоянно находился в творч. общении с Е.В.Спекторским, *Г.П.Федотовым*, *Н.О.Лосским*, о.*Г.Флоровским*, *Ю.П.Иваском*, епископом Иоанном (*Шаховским*), *Н.С.Арсеньевым*, Н.С.Тимашевым, о.А.Шмеманом, *В.С.Варшавским*, о.Александром Киселевым, *Р.Б.Гулем*.

В 1950 начинает учиться в ун-те — сначала в Гарварде (до 1952), где слушает лекции М.М.Карповича, *Д.И.Чижевского*,

Р.О.Якобсона, *В.В.Набокова*, занимается греч. яз., а с 1952 в Оксфорде изучает англ. историю, постоянно встречается с учеными, философами, историками, писателями: Д.Оболенским, К.С.Льюисом, *Н.Зерновым*, И.Берлиным и др. В Англии у Н. возникает интерес к истории архитектуры, он связывает свое творчество с вопросами экологии культуры, с борьбой за охрану природных, архитектурных ансамблей, памятников старины. Получив диплом бакалавра в Оксфорде, Н. еще год (1955) посещал лекции о.А.Шмемана и проф. С.Верховского в Св. Владимирской академии (близ Нью-Йорка), изучал греч. яз. в Колумбийском ун-те. В 1956-58 Н. проходит воен. службу в армии США.

Н. преподавал в разл. ун-тах США: в шт. Индиана в 1965, в Колумбийском (1956-67), в Иельском (1967-70), в Нью-Йоркском (1970-71), в 1971-77 — в Питтсбургском ун-тах. В 1979-86 Н. вел преподавание в Св. Сергиевской г-зии Нью-Йорка.

С 1966 Н. становится пост. автором «НЖ», с 1970 чл. корпорации «НЖ». Среди многочисл. ст. и рец. в «НЖ» следует выделить эссе Н. «Поэзия пошлости» (НЖ. — 1970. — № 101; доп. публикация в журн. «Человек». — 1993. — № 3). Это центр. фрагмент дис. «Пошлость», после защиты к-рой в Колумбийском ун-те (янв. 1971) Н. становится д-ром философии по сравнит. лит-ведению. Н. связывает пошлость с новыми проявлениями зла в истории, ворвавшимся в мир вместе с революциями кон. XVIII в., с промышленной революцией в Европе и Америке, с утратой религ. стержня христ., греко-римской культуры. В сб. «Рус. религ.-филос. мысль XX в.» под ред. *Н.Полторацкого* (Питтсбург, 1975) Н. напечатал ст. о *Б.Вышеславцеве* и его кн. «Этика преображенного эроса». Он выделяет ключевую идею философа, противопоставлявшего ветхозаветной морали новозаветную благодатную этику преображающей духовной сублимации, раскрытую в «Пире» Платона, в посланиях апостола Павла к римлянам, в творениях отцов Церкви.

В 1970-72 Н. — секр. «The third hour» — религ.-филос. журн., осн. в 1946 Е.А.Извольской при участии *Н.Бердяева* и адвоката Г.Небольсина. В журн. печатались эмигранты из России А.Лурье, *В.Яновский*, Ю.Иваск, А.Ф.Керенский и архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской), а также европ. писатели и философы: Дени де Ружмон, Ж.Грин, Ж.Маритен и др.). Собр. сотр. журн. часто проходили на квартире Н. в Нью-Йорке. Летом 1970 вместе с проф. Ю.П.Иваском (о значении этой встречи для своего духовного самоопределения Н. рассказал позднее в журн. «Человек», 1992. — № 4) он осуществлял проект Массачусетск. ун-та по собиранию биогр. мат-лов о поэтах и писателях рус. эмиграции в Париже. В коллекции, собранной Н. и Ю.Иваском на магнитных лентах, сохранились записи восп. *Б.Зайцева*, *Г.Адамовича*, кн. С.С.Оболенского, *И.Одоевцевой*, *В.Вейдле*, Э.М.Райса, *З.Шаховской*, С.Малевского-Малевича, К.Д.Померанцева, *Ю.Терапиано* и др. (Собр. записей хранится в б-ке Массачусетск. ун-та).

После 1978 Н. оставляет преподавание, чтобы посвятить себя обществ. деятельности: экологии культуры и спасению гибнущих архитектурных памятников в Европе и России, где он впервые побывал в 1972. В 1979 Н., по совету акад. Д.С.Лихачева, создает в США «Амер. об-во по охране рус. памятников культуры», объединившее деятелей рус. культуры в эмиграции, озабоченных судьбой памятников архитектуры в России. В наст. время руководимое Н. об-во приобрело офиц. статус в Москве и готовится расширить свою деятельность в России.

Изд.: О деятельности Американского об-ва по охране рус. памятников культуры // НЖ. — 1990. — № 181.

Парадоксы Эммануила Райса // Человек. — 1994. — № 6.

О серебре (Вопросы философии реставрации). — М., 1995.

Лит.: Белых Г. Миссия в России Аркадия Небольсина // Эхо Гулага. — 1993. — № 4.

А.Н.Богословский

НЕЛИ́ДОВА-ФИВЕ́ЙСКАЯ Лидия Яковлевна (1894-1978, Москва) — поэтесса, балерина. Род., как писала в автобиогр., «в пути, в Голодной степи Туркестана, по дороге из Самарканда в Ташкент». Училась в Мариинской г-зии в Томске. В 1913-20 выступала как балерина на сценах т-ров Каза-

ни, Одессы, Тифлиса, Риги, Владивостока и др. Сценич. псевд. Нелидова был взят по фам. отчима. В 1917 вышла замуж за дирижера, пианиста, композитора, теоретика музыки и педагога Михаила Михайловича Фивейского (1880-1956), в то время дирижера Моск. оперы Сергиевского нар. дома. В 1920 Фивейские из Владивостока, где они жили, уехали по приглашению в Шанхай. Вместе с труппой Рус. оперы отправились в гастрольную поездку по городам Китая, Японии, Канады, Мексики и США. Начиная с 1925 Н.-Ф. печаталась в журн. «Зарница», сб. «Вольная Сибирь» (Прага, 1926-30), журн. «Москва» (Чикаго, 1929) и др. В 1927 оставила сцену. В том же году в Нью-Йорке вышел в свет первый ее сб. стихов «Подснежники». Затем были изданы: поэма о А.С.Пушкине — «Невольник чести» (Чикаго, 1933), поэма о старце Федоре Кузьмиче — «Жертва вечерняя» (Чикаго, 1934), сб. стихов «С чужих берегов» (Нью-Йорк, 1939) и ром. «Право на жизнь» (Нью-Йорк, 1943). Поэтесса *Христина Кроткова* отмечала: «В прочитанных стихах я нашла несколько, к сожалению, не выдержанных стихов, а отдельных выражений, явно свидетельствующих, что у поэтессы есть глаза, которыми она почему-то избегает пользоваться. Целые страницы подряд представляют своеобразную смесь Надсона и цыганских романсов, прикрашенных, как последним достижением, изысканностью *Северянина*... Почему Нелидова выбрала свою теперешнюю дорогу, не обратив должного внимания на то лучшее, что в ней есть, объяснить может только она сама» (Кроткова Х. О стихах Лидии Нелидовой-Фивейской // НРС. — 1941. — 20 апр.). В 1956 после смерти мужа Н.-Ф. возвращается на родину и поселяется в Харькове. Продолжает заниматься лит. работой. Ее восп. «В плену небоскребов» не изданы до наст. времени. С 1961 жила в Москве, в Доме ветеранов сцены им.А.А.Яблочкиной. Похоронена на Николо-Архангельском кладб.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2449; Центр. научн. б-ка Союза театр. деятелей. Фонд Л.Нелидовой-Фивейской.

Изд.: Десять встреч с Шаляпиным в Америке // Новая заря. — Нью-Йорк, 1955. — 17 февр.; то же: Новая Сибирь. — Иркутск, 1957. — Кн. 36.

Из восп. о С.В.Рахманинове // Восп. о Рахманинове. — 2-е изд.: — М., 1962. — Т. 2.

Из восп. о Шаляпине // Сов. музыка. — 1964. — № 10.

В.П.Нечаев

НЕМИРО́ВИЧ-ДА́НЧЕНКО Василий Иванович (23.XII.1844(4.I.1845), Тифлис — 18.IX.1936, Прага) — прозаик, поэт, публицист, брат Вл.И.Немировича-Данченко. Род. в семье офицера; мальчику надолго запомнилась походная жизнь, природа, что нашло отражение в произв. о кавказской войне. Учился в Александровском кадетск. корпусе (1854-63), где начал писать стихи. Примкнул к кружку любителей лит-ры вокруг Софьи Мей, издававшей журн. «Модный магазин», в к-ром он опубликовал неск. стих. (1865. — № 6). Некрасов помог напечатать пять стих. Н.-Д. в «Отеч. зап.» (1871. — № 11). С 80-х годов семейство Н.-Д. превратило свое имение в селе Нескучном Екатеринославской губ. в культурный центр. Н.-Д. много разъезжал по России. В путевых очерках он рассказал о встречах с людьми, памятниках культуры, своеобразии природы: «У океана. Жизнь на крайнем севере» (СПб., 1875), «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (СПб., 1875) — эту работу высоко оценил И.С.Тургенев (Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма: В 13 т. — М.; Л., 1965. — Т. 10. — С. 311), «Святые горы (очерки и впечатления)» (СПб., 1880; Донецк, 1990), «Великая река (картины из жизни и природы на Волге)» (СПб., 1902), «Кама и Урал» (очерки и впечатления) (СПб., 1890). Н.-Д. многократно выезжал за пределы России, о чем свидетельствуют кн. очерков о Германии, Голландии, Испании, Малой Азии и Африке. Мат-лы очерков о заруб. странах использованы в ром. «Контрабандисты» (Киев, 1892), «Великий старик» (СПб., 1898) и др.

Писатель зарекомендовал себя как воен. корр. с 1876, запечатлевший события серб.-турец., рус.-турец. (1877-78), рус.-япон. войн, Балканской войны 1912 и первой мировой войны. Он находился в Болгарии до заключения мира, участвовал в боях на Шипке, под Плевной, в зимнем переходе

через Балканы; за храбрость награжден солдатскими Георгиевскими крестами IV и III степени, орд. Анны с мечами. Впечатления воен. времени позволили Н.-Д. написать худож. биографию героя войны генерала М.Д.Скобелева — «Скобелев. Личные восп. и впечатления» (СПб., 1882; М., 1993), ром. «Гроза» (СПб., 1879), «Плевна и Шипка» (СПб., 1881), «Вперед!» (СПб., 1883), «Сторожевые огни» (СПб., 1911), а также «Летом и зимой на Шипке. 1877-1878 (из восп. воен. корр.)» (СПб., 1890) и др. В ром., пов., рассказах Н.-Д. писал о разл. сторонах жизни России: о банковских воротилах — «Цари биржи (Каиново племя в наши дни)» (СПб., 1886); о монастырском быте — «Монах» (СПб., 1889), о разбогатевшем наследнике — «Сластеновские миллионы» (М., 1893), о мире театра — «Кулисы» (СПб., 1886), о рус. глухомани — «Волчья сыть» (СПб., 1879; Берлин, 1923). В кн. для детей старшего возраста писатель воплотил свое понимание интересов читателя-подростка («Скромные подвиги». — СПб.; М., 1890; «История брошенного мальчика». — СПб., 1900). Н.-Д. — автор сб. «Стихотворения» (СПб., 1882).

Большевист. переворот Н.-Д. не принял и в 1921 эмигрировал. Прожил год в Берлине. С кон. 1922 жил в Праге, избран почетным чл. Улемской беседы. В Чехии переведены мн. его ром. и книги путешествий. Творч. наследие Н.-Д. периода эмиграции сравнительно невелико. Ром. «Вольная душа (Из восп. художника)» (Берлин, 1923) предстает в виде зап. художника о прожитой жизни. В центре повествования — история молодой женщины из интеллигентной семьи, ставшей революционеркой. За ее плечами хождение в народ, аресты, тюрьма, ссылка. Ей помог бежать каторжанин, свободолюбивая душа, борец за правду, своим обликом напоминающий былинного героя, к-рого она полюбила и вышла за него замуж. В эмиграции она стала известной художницей и встречалась с художником, автором записок.

Разнообразна тематика и тональность малой прозы Н.-Д. В рассказах 20-х много печальных интонаций: трудна жизнь рус. эмигрантов в Испании, безысходна судьба сироты, бывшей гимназистки, попавшей к старику-развратнику («Папочка с улицы. — В чужой клетке. Повести». — Берлин, 1922). Писатель обыгрывает в рассказах ист. факты, житейские детали: «Их было пять. Из мартиролога веронского восстания» (сб. «Бедная Инес и др. рассказы». — Берлин, 1923), «Анархист — монархист». «Гениальный болтун» (сб. «Две ночи перед казнью и др. рассказы». — Берлин, 1922). В рассказах звучит и тема сильных духом людей («Бодрые, смелые, сильные: Пов., очерки и рассказы. Из летописей освободит. движения». — Нью-Йорк, б.г.), с большой теплотой сказано о людях, делающих добрые дела, помогающих другим, прежде всего детям («Бобков и его сироты. Пов.». — Берлин, 1923). «Край золотого заката. Очерки таинств. Магреба» (Берлин, 1923) — путевой очерк в 3 т. («Африканские Афины», «В царстве солнца» и «Львиные ночи») о поездке в Марокко; он содержит описание достопримечательностей (музеи, мечети, памятники культуры, архитектуры), животного и растит. мира, деталей быта и нравов, в него вкраплены сказки, зарисовки с натуры — портреты и характеристики мн. людей, разных по своей социальной и нац. принадлежности. Н.-Д. работал и над мемуарной прозой, приводил в порядок свой обширный архив, написал восп. об А.П.Чехове (в сб. «На кладбищах: Восп.». — Ревель, 1921). В восп. о М.Н.Германовой прослежен творч. путь талантливой актрисы МХТ («М.Н.Германова. 1904-24». — Прага, 1924). Н.-Д., оценив своеобразие ее актерского мастерства, отметил гастроли группы актеров МХТ с Германовой в Европе в 20-е.

Н.-Д. — путешественник, воин, автор около 250 кн. В 1928 выступил на I съезде рус. писателей в Белграде и принял из рук югослав. короля Александра орд. Св. Саввы 1-й степени за особые заслуги в развитии лит-ры и иск-ва.

Изд.: Новое собр. соч.: В 50 кн. — Пг., 1916.

За океаном в вольные степи: Встреча со старым товарищем. — Берлин, 1922.

Рыцарь гор: Ром. для детей ст. возраста. — Берлин, 1922.

Веселые оболтусы. — Берлин, 1927.

Пленница гарема. — Рига, [193-].

Она: ром. моего друга. — Париж, 1938.

Собр. соч.: В 3 т. — М., 1996.

Лит.: Резникова Н. Рец.: «Пленница гарема» // Рубеж. — 1935. — № 8.

90-летие старейшего рус. писателя В.И.Немировича-Данченко // ПН. — 1935. — 6 янв.; В. — 1935. — 6 янв.
Венок незабвенному старшине, дорогому Василию Ивановичу Немировичу-Данченко союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. — Прага, 1936.
Сапронова Н.Т. Вас.Ив.Немирович-Данченко: Годы эмиграции // Вопр. истории славян. — Воронеж, 1996. — Вып. 11.

А.Ф.Головенченко

НЕСМЁЛОВ Арсений Иванович (наст. фамилия Митропольский) (8(20).VI.1889, Москва — сент.? 1945, временная пересыльная тюрьма в Гродекове, СССР, близ кит. границы) — поэт, прозаик, журналист. Происходил из семьи литератора И.Митропольского, стат. советника. Учился в моск. Втором кадетском корпусе, позднее — в нижегор. Аракчеевском корпусе, к-рый окончил в 1908. Первые публ. относятся к 1911-12 (журн. «Нива»); после нач. первой мировой войны отправлен на фронт в составе Одиннадцатого гренадерского Фанагорийского полка, на Волыни был ранен, после ранения командовал полицейской ротой при штабе 25 корпуса. Из стихов и воен. очерков составлена первая кн.: Митропольский А. Военные странички. — М., 1915. В нач. апр. 1917 в чине подпоручика возвратился в Москву, откуда уехал в Омск, где присоединился к частям Колчаковской армии. Воюя против красных, отступал вместе с армией к востоку, ранней весной 1920 попал во Владивосток, бывший тогда столицей Дальневост. республики, т.е. гос-ва, находившегося вне коммунистич. режима. По версии самого поэта, именно тогда, публикуя в газ. «Голос Родины» 4 марта 1920 стих. «Соперники» (позднее под назв. «Интервенты» вошло в сб. «Полустанок». — Харбин, 1938), он поставил под ним подпись: Арсений Несмелов, взяв лит. псевд. в память о друге-офицере, павшем в боях под Тюменью. О владивостокском периоде жизни Н. известно из его собств. неопубл. (архив пражск. журн. «Вольная Сибирь») мемуаров «О себе и о Владивостоке». После занятия Владивостока японцами Н. был редактором япон. газ. на рус. яз. «Владиво-Ниппо». Н. сблизился с кругом поэтов Приморья, в к-рый входили Н.Асеев, С.Третьяков, В.Март (Матвеев) и др. В 1921 во Владивостоке выходит первый сб. «Стихи», сост. из ранних, подражат. стих., что дало повод *Г.Струве* писать о несмеловском стиле как о смеси Маяковского с *Северяниным* (Струве. — С. 173); стихи же собственно «приморского» периода Н., т.е. написанные с весны 1920 по лето 1924, частью попали в более поздние его сб., частью разысканы по периодике и архивам — и дают представление о поэте как о вполне сложившемся мастере, чьими учителями были его же ровесники, раньше него вступившие в лит-ру — Пастернак, *М.Цветаева*, отчасти Маяковский. В 1922 отд. изд.: во Владивостоке выходит поэма Н. «Тихвин»; на этом период «приморской эмиграции» для него можно считать оконченным, ибо 25 окт. 1922 войска Уборевича вошли во Владивосток и Дальневост. республика перестала существовать; на короткое время Н. оказался «сов. поэтом», хотя возможностей для публикаций и журналистской деятельности в СССР для него не было: новая власть припомнила ему редактирование «Владиво-Ниппо»; однако, пользуясь псевд. и немалым импровизац. даром, Н. все же печатал стихи «на заказ» — посв. памяти Ленина, революции 1905 года и т.д.; еженедельно, как бывший белый офицер, поручик колчаковской армии Н. ходил «отмечаться» в комендатуру. 11 июля 1924, не выкупив из типографии большую часть своего нового, уже зрелого поэтич. сб. «Уступы», Н. нелегально перешел кит. границу и пешком добрался до КВЖД, поселился в Харбине, из к-рого почти не выезжал до кон. жизни.

На первый сб. Н. отзывы сохранились лишь «приморские», на «Уступы» теплой рец. откликнулся в журн. «Сиб. огни» Вивиан Итин (1924. — № 4); 9 июня того же года в письме к жене Б.Пастернак коротко охарактеризовал эту кн., присланную ему Н. в Москву накануне бегства в Китай: «Хорошие стихи».

Во Владивостоке Н. мог печататься в частных типографиях, в Харбине же в 1925-27 оказался ред. сов. газ. «Дальневост. трибуна»; выписал к себе из Владивостока жену, Е.И.Худяковскую (1894-1988) и дочь Наталию. С 1927 — момента закрытия «Дальневост. трибуны», Н. перешел на положение «свободного художни-

ка», печатался в начавшем выходить осенью того же года в Харбине еженед. «Рубеж» и в газ. «Рупор» (последняя некрое время редактировалась Н., и письма его в Европу написаны на бланках этой газ.), а также в др. харбинских рус. изд.; публикуется в обоих номерах вышедшего в 1930-31 в Шанхае журн. «Понедельник» (некоего аналога париж. «Чисел»). Его печатают парижск. «СЗ» (1929. — № 39), пражск. «Воля России» (1928. — № 7) и «Вольная Сибирь» (1929 и 1930. № 7 и 8/9), чикагск. журн. «Москва» (1929, июль), а также выходивший в Новосибирске журн. «Сиб. огни» (1927-29; сотрудничество прервалось после сов.-кит. конфликта 1929). Н. переписывается с М.Цветаевой, о чем есть свидет-ва в его же письмах к И.А.Якушеву (ред. «Вольной Сибири») и к *И.Голенищеву-Кутузову*; из писем следует, что Цветаева, высказав одобрение посланной ей рукописи поэмы «Через океан», намеревалась ее отредактировать, а Н. хотел Цветаевой эту поэму посвятить; письма Цветаевой пропали вместе со всем архивом Н. в 1945, а письма Н. к ней не обнаружены.

В 1929 в Харбине вышел поэтич. сб. Н. «Кровавый отблеск», к-рому предпослан эпиграф: «От дней войны, от дней свободы — Кровавый отблеск в лицах есть»; видимо, Н. привел цитату по памяти, ибо у Блока в стих. «Рожденные в года глухие...» стоит не «отблеск», а «отсвет». С Блоком связан и важнейший из лит-ведч. опытов Н.: в 1941 в Харбине вышла кн. А.Блока «Избр. стих.», составленная и снабженная предисл. Н. Сб. был довольно быстро распродан, притом частично в Европе, и даже дал прибыль: «Я в барыше», — писал поэт А.И.Якушеву, что было весьма редким явлением в эмиграции (ГАРФ). В 1931 в Харбине вышел поэтич. сб. поэта «Без России», на этот раз целиком составленный из новых произв. (в «Кровавом отблеске» семь стих. было взято из владивостокских кн.); публ. совпала с оккупацией Маньчжурии японцами, поэтому в Европе кн. осталась почти неизвестна (см. отзыв И.Н.Голенищева-Кутузова в «В». — 1932. — 8 сент.). В новой кн. Н. предстает уже сложившимся мастером, поэтич. ориентиры к-рого можно проследить по тем поэтам, к-рых он выносит в эпиграфы: Пастернак и Цветаева. Для молодого поколения харбинск. поэтов-россиян Н. был «мэтром», но формально ни к каким объединениям не примыкал, лишь в 1940-е, когда лит. гонорары стали вовсе ничтожны, он взялся руководить лит. кружком. В дек. 1931 в шанхайск. журн. «Понедельник» опубликована его поэма «Через океан», вышедшая в 1934 отд. изд.: (Шанхай).

Провозглашение японцами независимости «Маньчжурской империи» (1935, Маньчжу-Го), в пределах к-рой оказался Харбин, еще больше оторвало поэта от внехарбинской лит. жизни. Однако вновь, как некогда во Владивостоке и тоже при япон. оккупации, поэт использовал свой огромный импровизац. дар: он придумал новый псевд. «Николай Дозоров», к-рым стал подписывать произв. прояпон. и профашист. ориентации; впрочем, не надо забывать, что маньчжурский «фашизм» К.Родзаевского не имел почти ничего общего с фашизмом в Германии, он скорей напоминал «итал. вариант» и руководствовался лозунгом «Хоть с чертом, но против большевиков». Под псевд. «Николай Дозоров» вышло две книги: сб. стих. «Только такие!» (Шанхай, 1936, предисл. К.Родзаевского) и поэма «Георгий Семена» (Берн, 1936 — место изд., видимо, обозначено фиктивное). В стихах «Дозорова» почти намеренно используются штампы социалистич. реализма; это, по сути дела, др. поэт, нежели Н.; в 40-е псевд. перепутываются, и то, что принадлежало раньше Н., иной раз подписывается «Дозоров» (поэма «Восстание» в сб. «Второй прибой» (Харбин, 1942), в 1923 частично опубл. под псевд. «Несмелов»).

В 1936 в Шанхае вышла единст. прижизн. кн. прозы Н. «Рассказы о войне», в к-рой собраны нек-рые из новелл, объединенных темой гражд. войны в России. Проза Н. собрана и изучена крайне фрагментарно. В 1938 в Харбине вышел сб. стих. «Полустанок», посв. Харбину как рус. городу; в тот же сб. включены и нек-рые стихи владивостокского периода. В 1939 в Харбине появилась отд. изд.: поэма «Протопопица», написанная по мотивам «Жития» протопопа Аввакума; работая над поэмой, Н. на нек-рое время «перешел в старую веру» и жил среди харбинских старообрядцев. В 1942 вышел последний прижизн. сб. Н. «Белая Флотилия» (Харбин). Им был подготовлен к печати еще один сб., но в кон. второй мировой войны от изд.: отказался сам поэт; сотни стих. Н., опубл.

при его жизни в периодике, ни в один его сб. не вошли и отчасти собраны лишь в моск. изд.: 1990.

Последней прижизн. публ. Н. был, очевидно, рассказ, помещенный в прояпон. журн. «Луч Азии», вышедшем в свет 15 авг. 1945 — за неск. часов до вступления сов. войск в Харбин. 23 авг. вместе с др. деятелями культуры и журналистики Н. был арестован и вывезен в СССР. Арестованных поначалу разместили в Гродекове, в школе, переоборудов. под пересыльную тюрьму; там, еще до начала следствия, Н. умер, по всей видимости, от инсульта: клинич. картину его кончины восстановил по памяти находившийся с ним в одной камере И.Н.Пасынков (Октябрь. — 1988. — № 11; Дон. — 1989. — № 10; наиб. полный текст — предисл. к моск. изданию Н. 1990; он же воспроизведен в кн. А.Лаврина «Хроники Харона». — М., 1993). Поскольку в дек. 1945 весь этап был отправлен из Гродекова в Сибирь, время смерти поэта может быть определено как осень 1945.

До второй пол. 1980-х интерес к творчеству Н. носил спонтанный характер: в 1967, в изд.: к 50-летию сов. власти в Хабаровске «Антологии поэзии Д. Востока» было помещено пять стих. Н. (из них три — в сокращ.), что, впрочем, не только не привело к «реабилитации» поэта, а вызвало скандал со стороны партийных органов. В 1973 № 110 «НЖ» опубл. с послесл. *В.Перелешина* ранее неизв. поэма Н. «Прощеный бес» — по копии автографа, хранившегося в Краснодаре у поэтессы Л.Хаиндровой (1910-1986). Единств. антология эмигр, поэзии, вышедшая за рубежом, в к-рую включены стихи Н. — «Якорь» (Берлин, 1936).

Изд.: Избр. проза. — Орэндж (США), 1987.
«Без Москвы, без России» / Сост. Витковский Е., Ревоненко А.; Предисл. Витковского Е. — М., 1990.
Без России. Собр. стих. / Предисл. Штейна Э. — Орэндж, 1990. — Т. 1 (репринтное воспроизв. всех поэтич. сб. автора 1915-1942).
Неизвестный Несмелов: Восп., письма, стихи / Комм. Витковского Е., Колосова А. // Рубеж. — 1995. — № 2.

Лит.: Асеев Н. Полузадушенный талант // Дальневосточная трибуна. — 1921, б/н.
Слоним М. О молодых поэтах // Воля России. — 1930. — № 4.
Терапиано Ю. Рец.: «Без России» // Числа. — 1933. — № 7/8.
Адамович Г. Рец.: «Через океан» // ПН. — 1935. — 20 июня.
Пильский П. Рец.: «Полустанок», «Протопопица» // Сегодня. — 1940. — 24 янв.
Крузенштерн-Петерец Ю. «Чураевский питомник» // В. — 1968. — № 204.
Перелешин В. Об Арсении Несмелове // Ново-Басманная 19. — М., 1990.
Можаев Б. В этот день // Новый мир. — 1991. — № 4.
Витковский Е. Еще одна страница // Рубеж. — Владивосток, 1992. — № 1 (863).
Иванов Ю. Близость к человеку: Худож. проза Арсения Несмелова // Д. Восток. — 1992. — № 1.
Hinrichs J.H. Verbannte Muse. — München, 1992.
+ Струве.

Е.В.Витковский

НО́ВГОРОД-СЕ́ВЕРСКИЙ Иван Иванович (наст. имя Ян Пляшкевич) (13(25).XI.1893, Алексеевск-на-Амуре — 10.VII.1969, Ванв, близ Парижа) — поэт, прозаик. Детство провел на Амуре, жил в Мариинске Томской губ., учился в Омском механико-технич. уч-ще, окончил воен. школу в Иркутстке. Далекие предки Н.-С. были переселенцами из Новгород-Северского, с этим связан его псевд. В молодости Н.-С. исходил и изъездил весь сибирский край от Арктики до Алтая и Приморья на верховой лошади, почтовых упряжках и на лыжах по личным интересам и по делам Переселенч. управления. Увиденное и пережитое явилось предметом его стих. Он «впитал в себя всю поэзию Севера России», — писал *П.Ковалевский* (РМ. — 1969. — 14 авг.). Н.-С. участвовал в первой мировой войне в качестве офицера, был контужен, что сказалось на всей его послед. жизни. В годы гражд. войны служил в Добровольч. армии. Врангелем был произведен в полковники. В 1920 через Константинополь эмигрировал в Болгарию, оттуда — в Париж. Был студентом Сергиевского богословск. ин-та в Париже (1926-27). Женился на племяннице *И.Шмелева* Ю.А.Кутыриной.

Писать стихи начал в 1913. В Константинополе вышла первая его кн. «Как растут кресты» (1921). В Париже напечатаны циклы стих. о сиб. севере — «Заполярье» (1939), «Тундра» (1939), «Чум» (1939), «Аргышъ» (1939) (на языке эвенков — караван собачьих упряжек), «Шаманы» (1940), «Айсберги» (1942) и др., запечатлевшие картины царства ледяных пустынь.

И.Шмелев сопроводил сб. «Заполярье» вступ. ст., в к-рой писал: «Я прочитал и увидел, унылая тундра открыла чуткой душе поэта редкую красоту... В этих книжках нет слова «Россия». Но ее чувствуешь в безмерности снеговой пустыни». В стихах Н.-С. «не только пейзаж, картинки жизни тунгусов-эвенков, в них — духовная углубленность и чувство благоговения, богатство внутреннего видения». «Поэзия его светлая, бодрая» (Шмелев И. Певец ледяной пустыни // «Заполярье». — Париж, 1939. — С. 3). По назв. стих. и отраженной в них реальности нетрудно представить маршруты путешествий Н.-С.: «К океану», «Край земли», «На Таймырском полуострове», «Арктика» («Я давно скитаюсь в океанах»), «Медвежьи острова», «Индигирка». По тональности стих. угадывается светлая устремленность автора, его неугасимый задор: «Далек и радостен мой путь / В пустыне звонкой и морозной» («На ночевку»). О себе поэт говорит: «Я первый следопыт родных снегов, / Я капитан Майн-Рид полярных прерий» («Среди айсбергов»).

В отзывах современников отмечалось мастерство Н.-С. в обрисовке картин природы, умение опоэтизировать суровый и угрюмый пейзаж («Сплошные льды и яростные штормы». — «Арктика»), запечатлеть мгновения: «Я лечу свободной птицей / Снег над тундрой серебрится» («В снежном царстве»). Многообразны темы его стих.: «Полярные сумерки», «В пургу», «Сполохи», «По волчьему следу», «Песня шаманов», «Полярный пастух». В них узнаются черты быта, характера и обычаи хозяев снежного края: «В тунгусском чуме одиноком / Я отдохнуть порой непрочь... / Со мной хозяева тунгусы / Разделят ужин и покой» («Полярный ночлег»); «У камелька сидит старушка с детворой / ...И льются ручейком седые сказки» («Вечерний чум»). Широки просторы поэзии Н.-С. В цикле «Тайга» (1940) — стихи о Приморье: «Тайга шумит», «Жень-шень», «Дерсу Узала». Цикл «Пески поют» уводит за пределы Сибири — в Монголию, Ср. Азию, Тибет — «Караван», «Дюны», «Самарканд»: «Верблюд — живой корабль пустыни / От дюны к дюне держит путь» («Аральское море»); «В песках сыпучих и в горах / Живу как дома, не горюю» («Песни поют»). Цикл «Ковыль да поле» поэтизирует путешествие по Алтаю: «Курганы», «В мареве», «Катунь-Белуха».

В 1949 Н.-С. издал в Париже цикл стих. «Самоцветы» — о драгоценных камнях: «Изумруд», «Александрит», «Агат», «Сапфир»... К тайнам каждого из камней поэт находит поэтич. ключ: «В топазном блеске гамма света»; «Аквамарин» — «застывшая волна... Но грань его огня полна»; «Жемчуг черный — жемчуг ночи / Томной страсти, мутных снов» («Черный жемчуг»). Воспев земные просторы, поэт устремил взор к небесам, к планетам, в глубины мироздания (цикл «К созвездиям»), создав род филос.-космич. лирики. Поэту видится божеств. творение — «там, в бесконечности вселенной... где места нет для смерти тленной» (стих. «Там, в бесконечности»). «Венера», «Лунный мир», «Созвездие Ориона» — темы стих. этого цикла. Поэзия Н.-С. проникнута религ. мотивами: циклы «Пророки. Из кн. «Библ. напевы» (Париж, б.г.), «Песнь песней» (Париж, б.г.). Поэт сочинял молитвы. Во вступ. заметке к циклу «Аве Мария» (Париж, 1958) *М.Гофман* отмечал поэтичность его восприятия мира.

Н.-С. печатал свои стихи в журн. «В», публиковал рассказы, сказки. В «Гранях» были напечатаны его «Сибирские сказки» (1956. — № 31); в журн. «В». — «Таежные рассказы» (1962. — № 126; 1965. — № 168; 1967. — № 187; 1968. — № 197). Кн. «Сказки Михеича. Сказки сибирские: Легенды о Божьей Матери» издана в Мюнхене (1960), а также в Париже Рус. ин-том (1961). Кн. стихов «Степные огни» вышла в Мюнхене в 1964. Я.Горбов писал о его кн. сказок и легенд: «В них отразилась самобытная оригинальность автора-сибиряка и таежника», его манера вести рассказ «под народную речь». Объектом его сказок стали «одухотворенные и неодухотворенные обитатели тайги, рек, тундры, гор, озер, то, что он видел и перечувствовал. Он их любит и делит с ними радости и невзгоды» (В. — 1961. — № 114. — С. 140). О.Можайская в рец. на сиб. сказки отмечала мягкий юмор автора, эпич. тон повествования, при-

верженность нар. яз., «погруженность всем существом в народную стихию» (РМ. — 1969. — 11 сент.). *Ю.Терапиано* сделал акцент на любви Н.-С. к родному краю, его природе и на отношении к населяющим его народностям. Уроженец Сибири, «он с детства научился чувствовать природу этого сурового, но чрезвычайно величественного края и нашел свой особый язык, чтобы говорить о нем». Он отличался неувядаемой свежестью души, с большой любовью говорил о цветах, о травах, о птицах и о зверях. «О, степь моя — зеленая отчизна», — в этом одном стихе он сумел раскрыть богатые качества своей души» (Терапиано Ю. Памяти И.И.Новгород-Северского // РМ. — 1969. — 30 окт.).

Изд.: Чудны лики Твои, Пресвятая. — Париж, 1958.

Матерь Божья Державная. — Париж, 1966.

Моя Сибирь. — Париж, 1973.

Лит.: Кутырина Ю. — Иван Новгород-Северский (Некролог) // В. — 1969. — № 23. Подпись: Ю.А.К.
+ Казак.

Е.Ф.Трущенко

О

ОДА́РЧЕНКО Юрий Павлович (1903 — 25.VIII.1960, Париж) — поэт, прозаик. Детство провел на Украине, после эмиграции жил в Париже. Был владельцем небольшого ателье, работал худ. по тканям, его рис. ценились за оригинальность, вкус и мастерство. О. дружил с поэтом *В.Смоленским*, но сторонился лит. кругов. В 30-х «Юрий Одарченко категорически отказался участвовать в каких бы то ни было поэтич. объединениях и не захотел ни с кем познакомиться» (*Терапиано Ю.* Юрий Одарченко // РМ. — 1975. — 10 июля). Согласно В.Бетаки, О. был изгоем в среде рус. Монпарнаса — и в довоен., и в послевоен. годы. Среди живых еще поэтов «парижской ноты» говорить о нем «было как-то страшновато и почти неприлично» (Бетаки В. Корень зла // Одарченко Ю. Стихи и проза. — Париж, 1983. — С. 233).

После войны — ред. вместе с В.Смоленским и Анат.Шайкевичем альм. «Орион» (февр. 1947), в к-ром приняли участие *И.Бунин*, *Б.Зайцев*, *А.Ремизов*, *Г.Иванов* и др. В эти же годы начинает публиковаться в «НЖ» (стихи) и в «В» (проза). В 1949 выпускает первую и единств. кн. стихов «Денек» (Париж), к-рая сразу обратила на себя внимание. По словам Г.Иванова, «стихи Ю.Одарченко — смелые и оригинальные, ни на кого не похожие, поразили и удивили: неизвестно откуда вдруг появился новый самобытный поэт» (В. — 1950. — № 10. — С. 180). Среди др. откликов интересна аналитич. рец. *Ю.Иваска* (Опыты. — 1953. — № 1).

Сведения о жизни О. крайне скудны. По немногочисл. восп. друзей и знакомых О. предстает как оригинальная личность, для характеристики к-рой важны не столько внешние обстоятельства жизни, сколько манера поведения и странные привычки: никогда не снимаемый берет (О. стеснялся своей лысины), ненависть к зеркалам, импровизиров. истории фантастико-анекдотич. характера, в к-рых утверждалось умение О. видеть незримый мир «элементалов», «низших духовных существ» (Померанцев К. Ю.П.Одарченко и его мир // Одарченко Ю. Стихи и проза. — С. 1). Об интересе О. к загадочным явлениям психич. жизни говорит и его проза, в частности рассказ «Ночное свидание» (1956), где ничего не подозревающего автора навещает уже умерший друг (в к-ром можно опознать В.Смоленского). Причины смерти О. неизв. (он был найден возле плиты, с резиновой газовой трубкой во рту, после чего прожил в больнице всего два-три дня), но, вероятно, их следует искать в постоянной душевной неустроенности и в вечно испытываемом одиночестве, от к-рого О. не спасала ни семейная жизнь (он был женат дважды), ни общение с друзьями.

Помимо стихов, перу О. принадлежат неск. прозаич. опытов, б.ч. к-рых представляет собой отд. гл. и отрывки из незаконч. автобиогр. пов. «Детские страхи». О. принадлежат также два эссе: «Истоки смеха» и «Дикий виноград». Наиб. полн. свод текстов О. вошел в сб., сост. В.Бетаки («Стихи и проза». — Париж, 1983), куда включены варианты и ранее не публиковавшиеся произв. Поэтич. «генеалогию» О. определить нелегко. Об этом говорит и свидет-во К.Померанцева: «Мне много приходилось встречаться с сов. поэтами от Твардовского до Слуцкого (перечислять всех не стану), и решительно все попросту балдели перед этими, ни на какие другие не похожими стихами, просили перечитывать по нескольку раз, записывали, считали их «новой страницей в русской поэзии»... (Померанцев К. — С. XI).

В творчестве О. есть много черт, роднящих его с обэриутами, напр., в строчках: «Подавайте самовар, / Клавдия Петровна! / Он блестит как медный шар, / От него струится пар, / В нем любви пылает жар... / Чай в двенадцать ровно!» («Стихи и проза». — С. 29), — заметно и тематич., и интонац. сходство с «Самоваром» Хармса. Но почти дет. стих. О. кончается внезапным ужасом, за к-рым угадывается встреча со смертью. Для поэзии О. характерны сюрреалистич. сюжеты, неожиданные детали, часто это

почти дет. стихи, но всегда граничащие с кошмаром: «Мальчик катит по дорожке / Легкое серсо. / В беленьких чулочках ножки, / Легкое серсо... / Мальчик смотрит, улыбаясь: / Ворон на суку, / А под ним висит, качаясь, / Кто-то на суку» (там же. — С. 6). Иногда за этим «слоем» можно различить след., более светлый. Как заметил Ю.Иваск: «По первому впечатлению — это какой-то странно-добродушный садизм, или сентиментальное смакование *ужасиков* (выражение *Андрея Белого*). Второе впечатление здесь — чувство раздавленности. И столько скрытой жалости. И какая это грусть. При этом критик чувствует и нечто иное: «Но слышится и музыка, вопреки всему — светлая музыка, которая никого не спасет и иногда только утешает» (Опыты. — 1953. — № 1. — С. 202).

Контраст дет. и страшного, страшного и смешного — отражает гл. мотив творчества О. Об этом говорят и само назв. незаконч. пов. «Детские страхи», и его эссе «Истоки смеха», в к-ром утверждается мысль, что «человек стал человеком, когда первый раз рассмеялся», что смех — это «реакция на страх», и в нем заключалось освобождение первобытного человека от власти инстинкта («Стихи и проза». — С. 206, 208). Возможно, мрачный юмор О. — это способ выйти за рамки жестокого бытия, поскольку сам земной мир — это замкнутое, с непреодолимыми границами пространство («...Решив края покинуть эти / Я расшибу о стенку лоб, / Поняв, что мир — закрытый гроб») (там же. — С. 27). При этом одним из несомненных источников его неожиданной поэзии следует назвать нар. сказки, а также дет. «страшилки» и дет. выдумки. Многие «странные» образы О. несомненно пришли из дет. восп., преображенные фантазией взрослого человека, «зарезанного цивилизацией без крови» (Блок о Г.Иванове). Так в одном из дет. разговоров в рассказе «Псел»: «...он говорит, что если натянуть ниточку, такую тонкую, что и глазом не видно, и если эта ниточка такая крепкая, что порваться не может, — то, вот он говорит, что если слон через нее пройдет, то ничего не заметит, хотя она его перережет» («Стихи и проза». — С. 112), — угадывается прообраз одного из самых известных стих. О. «Чистый сердцем»: «По канату слоник идет — / Хобот кверху, топорщатся уши. / По канату слоник вперед / Сквозь моря продвигается к суше. // Как такому тяжелому Бог / Позволяет ходить по канату? / Тумбы три вместо маленьких ног, / А четвертая кажется пятой. // Вдруг в пучину сияющих вод, / Оступившись, скользнет осторожный? / Продвигается слоник вперед, / Продолжая свой путь невозможный. / Если так, то подрежем канат, / Обманув справедливого Бога. / Бог почил, и архангелы спят... / «Ах, мой слоник!..» — туда и дорога! / Все на небе так сладостно спит. / А за слоника кто же осудит?! / Только сердце твердит и твердит, / Что второе пришествие будет».

По мнению В.Бетаки, поэзия О. — это попытка проникнуть в «корень зла», заключенный в человеке, уже после того, как Ш.Бодлером были показаны «цветы зла»: «Одарченко словно рисует нам трехслойную схему человеческой психологии: в глубинах глубин — вера, совесть, духовность. Выше — слой всего мерзкого. Это и есть подполье. А совсем наверху — тонкая кора благопристойности, приличия, короче, все, что отблескивает лицемерием, которое мы так тщимся выдать за свою сущность, словно мы однородны насквозь ...Одарченко видит себя без верхнего слоя» (В.Бетаки. — С. 238).

Эта безжалостная честность О. перед самим собой несет на себе и оттенок какой-то высшей надежды. Так в последних строчках процитиров. стих. («второе пришествие будет») за темой «Страшного суда» можно расслышать и тему «Божьего прощения». И сама композиция кн. «Денек», где в конце стоит стих., наиболее ценимое самим О. и утверждающее «Божественное обещанье бессмертия», говорит об этом грядущем просветлении.

Изд.: Из поэзии рус. зарубежья. Стихи Г.Иванова, В.Смоленского, Ю.Одарченко. // ЛО. — 1990. — № 7.

Лит.: Станюкович Н. Юрий Одарченко // В. — 1960. — № 105.

Померанцев К. Памяти поэта. Ю.Одарченко и его стихи // Мосты. — 1960. — № 5.

Одоевцева И. Об Одарченко // РМ. — 1984. — 8 нояб.

Померанцев К. Вспоминая Ю.П.Одарченко // РМ. — 1985. — 25 апр.

Одарченко-Лоеб С. Восп. об отце — живописце // Наше наследие. — 1995. — № 33.

+ Казак.

С.Р.Федякин

ОДО́ЕВЦЕВА Ирина Владимировна (Гейнике Ираида Густавовна) (15(27).VI.1895, Рига — 14.X.1990, Петербург) — поэт, прозаик, мемуарист. Дочь адвоката. Первое стих. О. опубл. в 1921 (Дом искусств. — № 2). Первый сб. стихов «Двор чудес» вышел в Петрограде в 1922. В том же году О., не имея намерения стать эмигранткой, выехала вслед за мужем *Г.Ивановым* за границу, поселившись сначала в Берлине, затем в Париже, где прошла б.ч. ее жизни. В 1987 О. вернулась в Россию.

О.-поэт начинала как ученица Н.Гумилева, со временем ученичество перешло в дружбу. Еще до появления стихов в печати О. привлекла к себе внимание в петерб. лит. среде чтением своих произв. на лит. вечерах. Ее «Балладу о толченом стекле» высоко оценили Г.Иванов, К.Чуковский (см.: ЛО. — 1991. — № 2). На чтение «Баллады...» 3 марта 1920 в Доме литераторов Л.Рейснер откликнулась через три дня фельетоном в «Красной газ.», обвинив автора в том, что красноармеец представлен как спекулянт и преступник, подмешавший в соль стекло. «Фельетон Ларисы Рейснер, несмотря на его намек на мою контрреволюционность или благодаря ему — как впоследствии и хвалебный отзыв Троцкого — принес мне известность не только в буржуазных, но и в большевистских кругах» («На берегах Невы». — М., 1989. — С. 95). Позднее О. писала: «Стихи тогда были нужны не меньше хлеба. Иначе как могли бы все эти усталые, голодные люди после изнурительного трудового дня найти в себе силу пройти пешком, иногда через весь Петербург, лишь для того, чтобы услышать и увидеть поэтов?» (там же. — С. 102).

Оказавшись в эмигр. среде, О. пережила глубокое разочарование, не найдя ни той напряженной петерб. духовной атмосферы, к-рая научила ее «не обращать внимания на голод», ни читат. аудитории, объединенной интересом к поэзии. «Стихов я почти не писала. Зачем? Раз они никому здесь не нужны... Стихи надо писать для современников, а не для проблематических потомков» («На берегах Сены». — М., 1989. — С. 228). В эмиграции О. издала неск. поэтич. сб., включавших как новые стихи, так и ранее написанные, нередко переработанные произв., имеющие двойную дату. В 1950 в Париже вышли сб. «Контрапункт», затем «Стихи, написанные во время болезни» (1952), «Десять лет» (1961), «Златая цепь» (1975). О. придавала большое значение составлению сб-ков, считая, что «книга в идеале должна быть настолько цельной, чтобы производить впечатление одного стихотворения» (НЖ. — 1963. — № 74. — С. 299). По свидетельству *Р.Гуля* (НЖ. — 1968. — № 92), О. не разрешила вашингтонскому изд-ву «Рус. книга» распространять сб. «Одиночество» (1965), поскольку издатели нарушили установл. ею порядок расположения стих. Нек-рые экз. сб. все же успели разойтись. Критики отмечали изменчивость творч. манеры О. Она отказывалась от найденных удачных приемов ради новых ритмич. и стилистич. открытий. «Поэтому в чем-то ее книга «Десять лет» так же далека от вышедшего всего лишь несколько лет назад «Контрапункта», как и от ее «Двора чудес», — писал *А.Бахрах* (Мосты. — 1961. — № 7. — С. 340). Стихи этого сб. отражают сновидческие состояния, трудно провести грань между сном и явью. «Отсюда и особенный язык «Десяти лет», не всегда следующий законам логики. Кажется, еще одно небольшое усилие и этот язык приблизится к «зауми», к тому условному языку, в к-ром смысл определяется звучанием. Отсюда и постоянные синкопы и перебои ритма, к-рые так теперь для Одоевцевой характерны и в которых она наглядно показывает свое техническое мастерство» (там же). При этом О. чутко ощущала грань, за к-рой формальная изощренность может оказаться губительной для поэзии. Вскоре после выхода сб. «Десять лет» в рец. на поэму Странника (*Дм.Шаховского*) «Упраздненный месяц» О. весьма критич. отозвалась об увлечении рус. поэтов-эмигрантов «антилогичными, абстрактными, часто доведенными до абсурда стихами», находя классич. ясность рецензируемой поэмы более соврем., чем «так называемая авангардистская поэзия» (Современник. — 1968. — № 17/18. — С. 133). Современность для О. как поэта была в том, чтобы ощущать, что весь мир и стало быть человеч. личность — «то ли чудо, то ли тайна», к-рые должно постичь. Это возможно только при вдумчивом внимании поэта к отражениям в нем самом окружающего мира («Жадными глазами / Гляжу, прищурясь, / На себя»).

В сер. 1920-х О. обращается к прозе. Один из первых ее рассказов «Падучая

звезда» был отмечен *И.Буниным*. Рассказы О. («Жасминный остров», «Елисейские поля», «Румынка», «Праздник» и др.) печатались в журн. «ИР», «Числа», «Новый дом». Их героинями были чаще всего рус. девушки, а иногда и девочки, отведавшие горечь эмигр. судьбы: «Такие подростки, — писал *Г.Адамович*, — на редкость удаются Одоевцевой, она изображает их с напускной небрежностью, за которой скрывается тонкое и уверенное мастерство» («Изольда» И.Одоевцевой // ИР. — 1929. — № 44. — С. 14). О. принадлежат четыре ром. Гл. персонажи первых двух — «Ангел Смерти» (Париж, 1927) и «Изольда» (Париж; Берлин, 1929) — во мн. напоминают героинь ее рассказов. *Ю.Айхенвальд*, анализируя ром. «Ангел Смерти», заметил: «Женщина о женском говорит здесь, и говорит умело, вызывая сочувствие не только к своим грешным героиням, но и к женской судьбе вообще» (Руль. — 1928. — 14 нояб.). Ром. о соперничестве в любви двух сестер «исполнен особого трагизма, к-рый незаметно, но тем настойчивее и как-то равномерно разливается по его сценам и ситуациям» (там же). *В.Вейдле* утверждал, что О. прокладывает свое направление в жен. лит-ре. Из рассказа о непосредств. восприятии жизни 14-летней девочкой возникает «неизвестное раньше начертание женского образа... В «Изольде», как и в «Ангеле Смерти», материя букв и слов забывается, как бы совсем исчезает, растворяясь в мире, увиденном писательницей. И в этом лучшее свидетельство художественного дарования Одоевцевой» (В.В. «Изольда» И.Одоевцевой // Числа. — 1930. — № 2/3. — С. 251). Отмечая, что фабула «Изольды» напоминает уголовный ром., Г.Адамович назвал это произв. «утонченно поэтическим», «атмосфера», «настроение» в нем имеют не меньшее значение, чем действие и поступки героев. «Прелестное и искалеченное существо», гимназистка Лиза, к-рая утром зубрит франц. глаголы, а вечером ездит по ресторанам, становится вместе с братом и др. подростками соучастницей убийства и ради общего избавления от кары открывает в квартире газ. «Вся эта трагическая и жалкая история написана как бы одним росчерком пера; без задержек или усилия, очень талантливо... В ней есть волшебство, как в снах или в сказках. Но какие страшные сны снятся Одоевцевой! Какая темная фантазия заменяет ей то «птичье щебетанье», которое слышалось в ее прежних вещах, особенно в стихах, острых, сухих и веселых» (Адамович Г. «Изольда» И.Одоевцевой // ИР. — 1929. — № 44. — С. 14). Мнение критиков о ром. «Изольда» не было однородным. Я.Горбов, не будучи в то время знаком с О., возил «Изольду» во время второй мировой войны в вещевом мешке, а В.Мирный считал «Изольду» слабее «Ангела Смерти», отдавая первое место ром. «Зеркало» (Брюссель, 1939). Он писал, что О. своим третьим ром. «выходит на первые места молодой эмигрантской литературы» (СЗ. — 1939. — № 69. — С. 390). Действие ром. происходит в среде франц. кинематографистов; автор нашел необычный композиц. ход. Читатель воспринимает события фрагментарно, только через их отражение в зеркале. «Подчас эти искусственные стеклянные улыбки, цвета и запахи даже удручают, но это сделано искусно, автор сам назвал свое произведение «зеркалом»: он именно этого хотел. И надо признать, то, что было задумано, выполнено отлично» (там же). Оба гл. героя ром. — молодая рус. женщина и франц. кинорежиссер — кончают самоубийством. «Мелодрама? Может быть. Но сделано это так, что к концу испытываешь подлинное волнение» (там же. — С. 391).

Во время оккупации гитлеровцами Парижа О. жила в Биаррице. После войны вернулась в Париж. Ею написаны по-франц. три пьесы. На франц. яз. в пер. автора в 1948 вышел ром. О. «Laisse toute espérance» («Оставь надежду навсегда») (1949 — на англ. яз., 1954 — на рус., Нью-Йорк). Ведущая тема ром., действие к-рого происходит в Сов. Союзе, — предательство, вынужденное и добровольное, трагедия личности в условиях сталинского режима. С.Юрасов, сам прошедший через ГУЛАГ, отметив нек-рые бытовые неточности, признавал, что О. удалось «заглянуть в самую суть событий, в душу советских людей и передать в них главное» (НЖ. — 1954. — № 39. — С. 287). «Это социально-психологический, проблемный роман, и бытовые детали для него совсем не важны» (там же. — С. 288-289).

Испытывая материальные затруднения, О. работала над сценариями, делала переводы. После смерти Г.Иванова (1958) занялась журналистикой, сотрудничала в газ.

«РМ». В нач. 60-х, по настоят. совету *Ю.Терапиано*, О. приступила к первой части своих восп. Во введении к кн. «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967; М., 1988) О. писала, что обращается к прошлому не для того, чтобы рассказать о себе, своих предках и родителях («все это никому не нужно») и даже не для того, чтобы «снова окунуться в те трагические, страшные и прекрасные, несмотря на все ужасы, первые пореволюционные годы» («На берегах Невы». — М., 1988. — С. 11), а ради того, чтобы сохранить в памяти своих поздних современников живые черты поэтов, к-рые вызывали ее любовь и восхищение: «Я одна из последних, видевшая и слышавшая их» (там же). Кн. охватывает период с 1919 по 1922 — от первой встречи с Н.Гумилевым и до ее отъезда за границу. Бытовые штрихи того времени присутствуют только как необходимый фон, на к-ром автор рисует портреты поэтов Серебряного века. Характер, натура каждого из них интересны О. в той мере, в какой они могут дать ключ к тайнам его творчества. О. пишет только о тех поэтах, к-рых лично знала. По ее признанию, она старалась относиться к ним критич., но, вспоминая лица Гумилева, Мандельштама, Блока, она видела их окруженными сиянием, «как лики святых на иконах» (там же. — С. 13). Из высказываний и поступков поэта, из отзывов о нем и отношения к нему окружающих складывался часто противоречивый, но запоминающийся образ. В мемуарах О. остается талантливым прозаиком, ее портреты динамичны. Иногда портрет дан несколькими мазками (*Ю.Анненков*, *Р.Блох*), иногда это — короткая, яркая зарисовка (встреча с А.Ахматовой), иногда портрет как бы разбросан по мн. страницам кн., «наращивается» по мере того, как читатель с ней знакомится (А.Блок, О.Мандельштам, Ф.Сологуб, М.Кузмин, *А.Ремизов*). Н.Гумилев — сквозная фигура всей кн., при этом О. писала: «В те годы настоящим властителем моих дум был не Гумилев, а Блок... Гумилева я слишком хорошо знала, со всеми его человеческими слабостями... Он казался мне не только высшим проявлением поэзии, но и самой поэзией, принявшей человеческий образ и подобие» (там же. — С. 164-165). По поводу кн. О. «На берегах Невы» *З.Шаховская* писала: «Воспоминания ее отличаются от всех др. воспоминаний своей молодостью, легкостью, беззлобностью» (В. — 1968. — № 169. — С. 117). На упреки в том, что она помнит и воссоздает только достойные черты и поступки своих персонажей, опускает все мелочное и нечистое, О. отвечала, что ее интересовало в этих людях гл. — их поэтич. дар. и то, как он проявлялся в их жизни. Р.Гуль назвал «На берегах Невы» «талантливой, увлекательной книгой». Он считал, что каждый исследователь поэзии 20-х должен будет обратиться к мемуарам О. и найдет в них меткие характеристики поэтов и неизв. ранее факты. Р.Гуль предсказывал, что эта кн. будет оценена не только в рус. зарубежье, но и в России «как последние страницы о последних поэтах Серебряного века» (НЖ. — 1968. — № 92. — С. 289).

В 1983 в Париже вышла вторая кн. мемуаров О. «На берегах Сены» (отрывки в 1968 в «Рус. мысли»). Тональность здесь иная: «О горьком жребии эмигрантских писателей вспоминать тяжело и больно. Это сплошной перечень имен преждевременно умерших, погибших в газовых камерах нацистов или кончивших свои дни в унизительной бедности, бедности, которой не удалось избежать даже нашему Нобелевскому лауреату Бунину» («На берегах Сены». — М., 1989. — С. 212). О. не стремится воссоздать атмосферу культурной жизни рус. эмиграции в Париже, трагич. фоном почти всех портретов писателей становятся их судьбы: «Главная тема эмигрантской поэзии — тоска по родине», — писала О. (НЖ. — 1964. — № 76. — С. 274). Во второй кн. восп. детали портретов писателей чаще всего не рассыпаны по тексту кн., а сосредоточены в одном месте, образуя своего рода «медальоны» (С.Есенин, *Н.Тэффи*, *И.Северянин*, *С.Шаршун*, *Б.Зайцев*, Ю.Терапиано, *Б.Поплавский*). Крупным планом даны Г.Иванов, Г.Адамович, И.Бунин и Я.Горбов, женой к-рого О. стала в 1978. Большое внимание О. уделила описанию «воскресений» *З.Гиппиус* и *Д.Мережковского* и собр. «Зеленая лампа», их влияния на интеллектуальную жизнь рус. лит. эмиграции в Париже. «Воскресенья» и «Зеленая лампа» «воспитали ряд молодых поэтов, научив их не только думать, но и ясно высказывать свои мысли» («На берегах Сены». — С. 47). В послесл. к кн. О., сожалея, что она не могла уделить должного внимания «молодым писателям», начав-

шим печататься в эмиграции, высказала намерение посвятить им следующую кн. восп. Вернувшись в Россию, О. дожила до выхода обеих кн. ее мемуаров (хотя и с купюрами) на родине. «Я всю жизнь писала свои книги с тайной надеждой, что когда-нибудь меня будут читать в моей стране» (ВЛ. — 1988. — № 12. — С. 111).

Лит.: Алданов М. Рец.: «Ангел Смерти» // ПН. — 1928. — 25 окт.
Пильский П. Рец.: «Ангел Смерти» // Сегодня. — 1928. — 8 нояб.
Пильский П. Рец.: «Изольда» // Сегодня. — 1929. — 10 нояб.
Сирин В. Рец.: «Изольда» // Руль. — 1929. — 30 окт.
Адамович Г. Рец.: «Зеркало» // ПН. — 1939. — 23 февр.
Газданов Г. Рец.: «Зеркало» // РЗ. — 1939. — 2 февр.
Сергиенко П. Рец.: «Десять лет: Стихи» // Современник. — 1975. — № 4.
Рубисова Е.Ф. — Рец.: «На берегах Невы» // Современник. — 1975. — № 17/18.
Гидони А.Г. «Сквозь звенья цепи золотой»: (Читая стихи И.Одоевцевой) // Современник. — 1975. — № 28/29.
Фабрициус Л.Е. Ирина Одоевцева в гостях у «Современника»: Интервью // Современник. — 1975. — № 33/34.
Лавров В. «Кончается мой сон туманный» // Подъем. — Воронеж, 1988. — № 1.
Арьев А. Все впечатленья бытия: Мемуарная проза Ирины Одоевцевой // Звезда. — 1988. — № 2.
Некрологи: Радашкевич А. // ЛО. — 1990. — № 11; Чиннов И. // НЖ. — 1991. — № 184; Померанцев К. // РМ. — 1991. — 11 янв.
Боброва Э.И. Ирина Одоевцева: Поэт, прозаик, мемуарист. — М., 1995.
+ Казак; Струве.

Е.С.Померанцева

ОСОРГИ́Н Михаил Андреевич (наст. фамилия Ильин; 7(19).X.1878, Пермь — 27.XI.1942. Шабри, Франция) — прозаик, эссеист, публицист. Из дворянской семьи; отец, А.Ф.Ильин — юрист. Окончил юрид. ф-т Моск. ун-та (1902). С 1895 сотрудничал в периодике. С 1904 в партии эсеров, примыкает к ее левому крылу — максималистов-террористов. В 1905 арестован, в 1907 через Финляндию уезжает за границу. 1908-13 — годы первой эмиграции, жизни в Италии, обозначенные активной журналистской деятельностью, публ. в либер. изд. («Вест. Европы», «Рус. вед.»), выпуском кн. «Очерки совр. Италии» (М., 1913).

В 1916 О. вернулся в Россию, приветствовал Февр. революцию; по отношению к сов. власти самоопределение О. произошло сразу, в окт. 1917 — ни признавать ее, ни сотрудничать с ней он не собирался. В 1918-21 О. организовал Кн. лавку писателей в Москве, был одним из организаторов Моск. отд. Всерос. Союза писателей («некоммунистического», по позднейшему уточнению *Б.Зайцева*) и Всерос. союза журналистов (в к-рых состоял с 1918 до отъезда из России). Будучи участником ПОМГОЛа и ред. издаваемого им бюллетеня «Помощь» в 1921 О. был арестован, сослан в Казань, а вскоре после возвращения в Москву, где он уже не мог продолжать общественно-лит. деятельность, О. оказался среди высланных в 1922 из России. До этого вынужденного изгнанничества у О. вышло неск. брошюр, а также три кн. беллетристики («Призраки». — М., 1917; «Сказки и несказки». — М., 1918; «Из маленького домика: Москва 1917-1919. Очерки». — Рига, 1921); сделанный О. пер. «Принцессы Турандот» Гоцци (М., 1923) был использован Е.Вахтанговым для его знаменитой постановки. После остановки в Берлине и двух поездок в Италию, О. обосновался в 1923 в Париже, печатаясь, гл. об., в «Днях» (прервав из-за разрыва с А.Ф.Керенским работу в этой газ. с 1925 по 1928), в «ПН»: выбор изд. был продиктован левыми убеждениями. Вместе с тем, если бы «ненавистник партий», «анархист» О. «хотел сотрудничать в газетах, его взгляды разделявших, то ему сотрудничать было бы негде» (*Алданов М*. Предисл. // Осоргин М. Письма о незначительном. 1940-1942. — Нью-Йорк, 1952. — С. XVI). Печатаясь много и легко чувствуя себя в разных жанрах, от фельетонов до серьезной лит. критики, О. тяготел к циклизации статей, печатавшихся иногда по многу месяцев и даже лет; со временем в них стал преобладать мемуарный оттенок (очерки из цикла «Встречи» появлялись в «ПН» в 1928-34). Современники отмечали «блеск его юмора», серьезность насмешки;

шутка его бывала едкой, когда задевала полит. противников или принимала вид добродушной насмешки — в восп. о «людях одной судьбы». О. любил менять речевые маски, со вкусом придумывая псевд., приуроченные обычно к темам публикаций. Сожалея о разобщенности эмигр. среды, об отсутствии сообщества единомышленников, постоянно действующего писат. союза, О. поддерживал молодых литераторов — *А.Ладинского*, *Ю.Анненкова* (Б.Темирязев), *Г.Газданова*.

На долю первого вышедшего за границей ром. О. «Сивцев Вражек» (Париж, 1928; М., 1990) выпал громадный читат. успех — он был дважды переиздан тогда на яз. оригинала, переведен на европ. языки, в 1930 получил пр. амер. клуба «Книга месяца». Первые гл. ром. появлялись в «СЗ» (1926. — № 27; 1927. — № 33; 1928. — № 34). На произошедшую с Россией катастрофу О. хотел бы взглянуть беспристрастно, с т.з. гуманизма, и потому его попытка осмысления рев. событий связана прежде всего с рус., моск. интеллигенцией. Отклики на ром. были ревниво-строги, от язвит. оценки *З.Гиппиус* до снисходительного отзыва Б.Зайцева (СЗ. — 1928. — № 36), к-рому ром. показался «сырым», с явным тяготением к толстовской традиции; наиб. же нарекание вызывали пантеистич. воззрения писателя. Однако важной для автора была идея нераздельности всего существующего на земле, через происходящие в мире природы процессы он давал символич. отражение человеч. катастрофы. Первая часть ром. посвящена жизни москвичей накануне и во время мировой войны, вторая — годам революции. О. стремился воссоздать образ жизни, мыслей и чувств представителей интеллигенции и офицерства, гл. обр. тех, кто не примкнул ни к одной из противоборств. сторон. Сознательно отказываясь от худож. исследования большевист. переворота и его участников, от вождей до рядовых, О. прибегает к метафорич. уподоблениям, черпая мат-л для них в мире окружающей человека фауны. Главы ром. напоминают самостоятельные новеллы, написанные сильными мазками, с четко вылепленными образами. Ром. «многолюден», и его сюжетно-композиц. целостность сохраняется благодаря стержневому образу Танюши, в к-ром сосредоточена вера автора в возрождающуюся Росию, в ее будущее, в ее неисчерпаемые силы.

«Пов. о сестре» (СЗ. — 1930. — № 42, 43; отд. изд. Париж, 1931) погружена, напротив, в мир «безвозвратного», в мир прошлой, ушедшей России — она навеяна памятью о семье самого О., этой памяти она и посвящена, что во мн. обусловило лиризм и субъективность тона. Родств. чеховским «сестрам» образ чистой и цельной героини приглушает безысходную ноту эмигр. тоски, придает повести теплоту и задушевность. Элемент поэтичности О. всегда привносил и в жанр рассказа, предпочитая мягкие, лиричные тона, неяркую акварельность. Автобиографичность сб. «Там, где был счастлив» (Париж, 1928) определяет настроение кн. и ее состав. Но если первую часть кн., посв. восп. о годах жизни в Италии, *Г.Адамович* назвал «стихотворениями в прозе», то о рассказах из второй части критик отзывался как о написанных с «меньшей остротой», увидев в них то, что «на условно-эмигрантском языке принято называть «березками» (СЗ. — 1929. — № 38. — С. 526-527). Однако О. признавался, что не боится излишней чувствительности; недаром современники видели его настоящую силу как прозаика в «нежном лиризме». Всепоглощающий лиризм перевешивает собственно эпич. начало и в сб. «Чудо на озере» (Париж, 1931) О. словно нехотя мирится с условностями повествования, проявляя несомненную склонность к субъективному философствованию. Предельный автобиографизм ложится в основу библиофильского изд. «Вещи человека» (Париж, 1929), посв. памяти родителей. Мудрая простота рассказов О., их безыскусный слог, способность автора говорить с читателем о самом заветном «от чистого сердца... и, главное, без ложного стыда» (*Мочульский К.* Рец.: «Чудо на озере» // СЗ. — 1931. — № 46. — С. 495) находили отклик у читателя: по статистич. данным, в 1932 О. был одним из самых читаемых авторов Тургеневской б-ки. Трудно отказать О. в даре комич. рассказчика. Особая соль его юмористич. произв. заключается не в забавном казусе, не в анекдотич. ситуации самой по себе, а в такой стилистике, когда заложенный в житейском факте комич. эффект получает выразительное словесное воплощение. В повествовании растворяется затаенная усмешка рассказчика, отличаю-

щегося изяществом, непринужденностью и удивит. чувством меры в дозировке серьезного и смешного. В наиб. степени это мастерство сказалось в «старинных рассказах», лишь небольшая часть к-рых составила сб. «Повесть о некоей девице» (Таллин, 1938).

Большинство прозаич. соч. О. малого жанра рассеяно в эмигр. периодике, в к-рой он выступал и в качестве критика. Обладая отменным лит. вкусом, О. умел уловить худож. мысль автора и особенности его яз. и поэтики.

В 30-е он выпустил три ром.: «Свидетель истории» (Париж, 1932), «Книга о концах» (Берлин, 1935) и «Вольный каменщик» (Париж, 1937; М., 1992)). Два первых составили дилогию о революционерах-террористах; в них О. попытался дать на автобиогр. материале худож. осмысление рев. умонастроений молодежи нач. века. Писателю приходилось задуматься не только над обреченностью террористич. борьбы, но и над ее безнравственностью. Безнадежность и тупиковость рев. движения, его неоправданность подтверждается и судьбами гибнущих персонажей ром. В «Книге о концах» О. подводит итог жертвенно-идеалистич. этапу революции, описанному в «Свидетеле истории», отмеч. чертами авантюрно-приключенч. романа и психологизмом. Стремление к познанию ист. правды воплотилось в образе отца Якова Кампинского, «свидетеля истории», свободного духом, чьи воззрения на жизнь обусловлены здравым смыслом нар. «срединной» России.

«Вольный каменщик» повествует о жизни ср. слоев эмиграции, связанной с таким аспектом биографии самого О., как масонство. «Осоргин был посвящен в масонство в 1914 г. в ложе Venti Settembre союза Великой ложи Италии. С российским дореволюционным политическим масонством он не был связан» (Авдеева О.Ю., Серков А.И. Воспитание души // Осоргин М. Вольный каменщик: Повесть. Рассказы. — М., 1992. — С. 8). 6 мая 1925 О. вошел в рус. ложу Сев. Звезда, подчиненную Великому Востоку Франции. В нач. 30-х в ложе усилились разногласия, О. последовательно выступал против открытой политизации масонских лож, а 17 нояб. 1932 создал собственную, независимую от франц. масонских организаций ложу Сев. Братья. В 1938 О. стал мастером ложи Сев. Звезда, но война прервала его реформаторскую деятельность по объединению рус. зарубеж. масонства. В «Вольном каменщике» образ рус. обывателя, увлеченного благородными идеалами всеобщего братства, противостоит прагматичному миру парижан, мещански-расчетливой среде цивилизов. европейцев. Но более всего пов. интересна формально-стилистич. изысканиями писателя, и гл. обр. — привнесением в эпич. повествование приемов кинематографа (калейдоскопичность, наезжающие планы, смена картин-эпизодов) и газ. жанра (мешанина фактов, огромные порции дробленой информации, сенсационность броских шапок).

Две мысли пронизывали все творчество О.: страстная любовь к природе, пристальное внимание к земле, всему на ней живущему, и привязанность к миру обыкновенных, незаметных вещей. Первая из них легла в основу очерков, появлявшихся в «ПН» за подписью «Обыватель» и составивших книгу лирич. очерков «Происшествия зеленого мира» (София, 1938), отличающуюся от многих соч. писателей-натуралистов своим глубоким драматизмом, проистекавшим из того, что на чужой земле автор превращался из «любовника природы» в «огородного чудака». Протест против назойливого и беспардонно опутавшей человека технотронной цивилизации в «Происшествиях зеленого мира» соединяется с не менее бессильным, но жгучим протестом против ничем не поправимого, ставшего судьбой изгнанничества.

Не менее привлекателен был для О. и мир ветхих вещиц, имеющих цену и преисполн. смысла только для их владельца. Мир вещей, их символика в лит-ре эмиграции приобретали особый смысл, и О., противопоставляя мудрость собирания катастрофе рус. рассеяния, сам составил богатейшую коллекцию рос. изданий. С ее приобретениями он знакомил читателя на страницах «ПН» в цикле «Записки старого книгоеда» (окт. 1928 — янв. 1934), в серии «старинных» рассказов, где фантазия О. смело домысливала разрозн. факты. Язык рассказов О., слегка архаизированный, сверкает позабытыми словами, играет ими, как самоцветами, отделывающими старину в драгоценную оправу. Пурист в отношении лит. яз., О. был блюстителем его точности, грамматич. правильности и горячим поклонником красочного выразит. письма. «У него был безошибочный слух на русский

язык» (*Вишняк М.* «Современные записки»: Воспоминания ред. — Bloomington (Ind.), 1957. — С. 193).

Работу над мемуарами О. начал незадолго до войны, успев опубл. «Детство» (РЗ. — 1938. — № 6, 7) и «Юность» (РЗ. — 1938. — № 10). Однако они принципиально немемуарны, в них отсутствуют фактич. подробности, портреты современников, а его кн. «Времена» (Париж, 1955; М., 1989) скорее можно было бы назвать романом души. Текст оказывается путеводителем не просто по автобиогр. писателя, а по вехам его душевного становления, столь важного для понимания личности писателя, принадлежавшего к сословию «просчитавшихся мечтателей», «русских интеллигентных чудаков» («Времена». — Париж, 1955. — С. 103-104). Бежав в 1940 вместе с женой из Парижа, О. обосновался в городке Шабри на юге Франции и, ведя обширную переписку, начал сотрудничество в «НРС» и работу сразу над неск. кн. Корреспонденции О. из воюющей Европы публиковались в «НРС» (1940-1942) под общим названием «Письма из Франции» и «Письма о незначительном». Однако общечеловеч. трагедия соединяется с давно нараставшим в душе О. пессимизмом, с признанием бессмысленности прежде горячо отстаиваемых идей. В кн. «В тихом местечке Франции» (Париж, 1946) вплетаются мотивы его др. книг, поверяются войной, но гл. для писателя жизн. ценности оказываются слишком хрупкими. Боль и гнев гуманиста О. были вызваны тем тупиком, в к-рый зашел мир в сер. XX в.

Скончавшийся в разгар войны на нейтральной, не оккупиров. гитлеровскими войсками территории Франции, писатель похоронен в городке Шабри, в деп. Индр, месте своего последнего изгнанничества.

В 1966 вдова О. Т.А.Бакунина-Осоргина передала архив О. (ф. 1664) в РГАЛИ (ЦГАЛИ. Путеводитель. — М., 1968. — Вып. 3. — С. 397).

Изд.: По поводу белой коробочки: Рассказы. — Париж, 1947.
Заметки старого книгоеда / Сост. Ласунский О.Г. — М., 1989.
Лит. размышления // ВЛ. — 1991. — № 11-12.
Восп.: Пов. о сестре / Вступ. ст. Ласунского О.Г. — Воронеж, 1992.
Мемуарная проза / Предисл. Ласунского О.Г. — Пермь, 1992.

Лит.: Цетлин М. Рец.: «Вещи человека». «Портрет матери». «Дневник отца» // СЗ. — 1929. — № 40.
Сазонова Ю. Рец.: «Пов. о сестре» // СЗ. — 1931. — № 45.
Адамович Г. Рец.: «Свидетель истории» // СЗ. — 1932. — № 50.
Яновский В. Рец.: «Свидетель истории» // Числа. — 1933. — № 7/8.
Гурвич Г.Д.Памяти друга // НЖ. — 1943. — № 4.
Забежинский Г. Жизнь и творчество М.А.Осоргина // НРС. — 1952. — 5 окт.
Сазонова Ю. Рец.: «Письма о незначительном» // НЖ. — 1954. — № 38.
Марченко Т.В. Осоргин // Лит. рус. зарубежья: 1920-1940. — М., 1993.
Сухих И. Писатель с филос. парохода // Нева. — 1993. — № 2.
Михаил Осоргин: Страницы жизни и творчества. Мат-лы науч. конф. — Пермь, 1994.
Barmache N., Fiene D.M., Ossorguine T. Bibliographie des oeuvres de Michel Ossorguine. — P., 1973.
Fiene D.M. M.A.Osorgin — the last mochican of Russian Intelligentsia: On the one-hundred anniversary of his birth // Rus. lit. triquart. journal — Ann Arbor, 1979. — № 16.
+ Зайцев; Казак; Струве; Шаховская.

Т.В.Марченко

ОЦУ́П Николай Авдеевич (23.X(4.XI).1894, Царское Село — 28.XII.1958, Париж) — поэт, критик, мемуарист. В 1913 окончил Царскосельский лицей, поступил на ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та, но в том же году уехал в Сорбонну, в Париж. «Я с отвращением учился в Ecole de droit и предпочитал слушать Бергсона» (Писатели о себе // Новая рус. кн. — 1922. — № 11/12. — С. 43). В нач. первой мировой войны О. возвратился в Россию, в Петерб. ун-т, но был мобилизован в армию, попал в запасной полк и «снова Петербург уже с красными флагами, ошалевшими броневиками, я тоже ошалел» (там же). Вскоре, отрезвев, понял, что нужно «заниматься своим делом» и начал сотрудничать

в изд-ве «Всемирная лит-ра». В 1920 «с Н.Гумилевым, *Г.Ивановым*, М.Лозинским основали Новый цех поэтов. *Г.Адамович* приехал позднее из Новоржева» (там же). В 1921 вышел первый сб. стих. О. «Град»(Пг.). В это время определилось его призвание: «Вероятно, поэзия — единственное священное дело на земле» (там же). В 1922 О. эмигрировал в Берлин. В 1923 «Град» был переиздан в Берлине; в 1926 там же появился поэтич. сб. «В дыму». *Г.Струве* в рец, на этот сб. отмечает: О. весь «под тяжестью недавних лет» — войны и революции. Эти «сумасшедшие года» оказали влияние на поэтику его ранних стихов «разорванных и расхлябанных. Я не хочу обвинять автора в этой внешней разорванности и расхлябанности: знаю их, если так можно выразиться, «непреднамеренную умышленность». Для многих, может быть, стихи О. в силу этих логич. разрывов покажутся непонятными» (РМ. — 1927. — № 1). Эта характеристика поэтики О. контрастирует с обликом самого поэта. «В этот ранний период эмигрантской жизни, — писал *А.Бахрах* об О., — он был человеком весьма компанейским и жизнерадостным. С явным налетом элегантности, внешней и внутренней; был он всегда очень аккуратен, чистенько выбрит, какой-то лощеный, может быть преувеличенно вежливый и своей корректностью выделяющийся в литературной, склонной к богемности среде». «У Оцупа, в противоположность всем его сверстникам и коллегам, неизменно возникало желание разрешать или хотя бы только обсуждать запутанные, «последние» метафизические вопросы» (Мосты. — 1962. — № 9. — С. 205-206).

Из Берлина О. переехал в Париж, где в 1928 отд. изд. вышла его поэма «Встреча». В кон. 1920-х в лит. кафе Монпарнаса, где собирались рус. писатели и поэты, постоянно раздавались сетования на то, что молодым трудно пробиться, т.к. единственный «толстый» журнал «СЗ» публиковал в осн. произв. маститых; так род. идея нового журн. «Числа» (1930-34, 10 номеров), ред. к-рого стал О. сначала вместе с Ирмой де Манциарли, а с № 5 один. Открывая первый номер «Чисел», О. обрисовал направление своего издания: «В сборнике не будет места политике, чтобы вопросы сегодняшней минуты не заслоняли других вопросов, менее актуальных, но не менее значительных... Литература в России всегда была проводником ко всем областям жизни. Вот почему и вот в каком смысле «Числа» задуманы как сборники по преимуществу литературные» (Числа. — 1930. — № 1. — С. 6). Эта позиция О. не была принята в кругах эмиграции, близких *Д.Мережковскому* и *З.Гиппиус*, к-рая под псевд. Антон Крайний выступила с критикой на страницах самих же «Чисел». Отвечая ей, О. писал, что требование от лит. журн. сиюминутных политич. откликов — это «большевизм наизнанку». «Числа», по замыслу их основателей, «не против политики, а против ее тирании. Сознаем ли мы, что политика — важное дело, особенно сейчас, особенно для русских? Да, сознаем. Но не хотим ее неограниченной власти над всеми другими интересами человека» (Числа. — 1930. — № 2/3. — С. 155). По признанию современников (Г.Адамович, *Ю.Иваск*, *П.М.Пильский*), десять кн. журн. «Числа» осуществились исключительно благодаря энергии О. «Числа» напомнили «о судьбе неприюченной и забытой литературной молодости, забитой в темный угол молчания, общего невнимания, равнодушия редакторов. Казалось, что это — обреченное поколение. Оно и стало бы обреченным, многие бы не увидели своих строк в печати: эти имена спасены «Числами», — («Современники». — Париж, 1961. — С. 121). А.Бахрах дает сходную оценку альманаху: «Без этих изящно изданных сборников не получило бы формы то поэтическое течение, которое условно назвали «парижской школой» (Бахрах. — С. 208). Мн. из авторов «Чисел» «добились литературного признания, в отдельных случаях очень значительного, и в этом огромная заслуга Оцупа» (там же).

В 1934 в записках «Из дневника» О. подверг сомнению идею, будто служить иск-ву надо «любой ценой». Он указывал, что «есть и другой подвиг — отказ от искусства навсегда или на время, если то, во имя чего отказался, — может быть названо жизнью или волей к жизни» (Числа. — 1934. — № 10. — С. 200). В 1939 О. издал в Париже ром. «Беатриче в аду». Образ Беатриче как воплощение женственности и высших нравств. идеалов часто возникал в поэзии О. Герой ром., преуспевающий художник, преображается, встретив женщину, в к-рой он видит совершенство. Он ос-

тавляет живопись, углубившись в познание своей необузданной, греховной натуры. Из любви к избраннице он идет на самоубийство, чтобы она не пожертвовала для него редким даром актрисы.

В нач. второй мировой войны О. записался добровольцем во франц. армию. Во время отпуска в Италии он был арестован как антифашист, провел более полутора лет в тюрьме, в 1941 бежал, был схвачен, отправлен в концлагерь, откуда в 1942 снова бежал, уводя с собой 28 военнопленных. В 1943 О. стал участником итал. Сопротивления. За ряд смелых операций получил после войны англ. и амер. воен. награды. В 1951 О. была присуждена уч. степень д-ра в Парижском ун-те за работу о Н.Гумилеве. Вплоть до своей кончины он — проф. Эколь Нормаль (Париж).

В 1950 О. опубл. «Дневник в стихах. 1935-50». Ю.Иваск писал: «Эта книга — памятник последнего полувека, и ее энциклопедичность оправдывается историзмом и эклектизмом эпохи. Поэтические срывы в такой большой книге стихов неизбежны. Но есть мастерство во многих ее десятистишиях — лэ (в русской поэзии строфа этого типа встречается очень редко») (НЖ. — 1951. — № 27. — С. 324). В 1958 О. в драме в стихах «Три царя» обратился к библ. образу царя Давида. В посм. изд. двухтомнике «Жизнь и смерть» (Париж, 1961) собраны мн. стихотв. О., ранее публиковавшиеся в журн. «Всегда и при всех обстоятельствах он оставался поэтом, притом поэтом возвышенного склада (в лучшем значении этого понятия)... Те затаенные иронические ноты, которые еще проскальзывали в его ранних стихах, постепенно им подавлялись, и на смену приходила, накатывалась, росла некая тревога, беспокойство за мир, за всех тех, кто окружал поэта» (Бахрах. — С. 206). Любовь к женщине и связанная с ней для О. темы России и спасения, духовности человека постоянно варьируются в его зрелой поэзии. Присутствует и мотив неизбежности смерти, к-рая, по мысли О., высвечивает все ценности жизни. «Но подлинная значимость Н.А.Оцупа сказывается в его отношении к свободе» (Ульянов Н.И. Николай Оцуп // НЖ. — 1961. — № 66. — С. 289). Причем речь идет не столько о гражд. свободе, ради к-рой О. покинул большевистскую Россию, но о свободе духовной, свободе творчества. Писатель обязан, считал О., избавляться от всех ложных «святынь», внедренных в его сознание политикой.

Прослеживая творч. путь О., Я.Горбов отмечал, что «с постепенностью, вес которой незаметно возрастает, он обращается все большей частью своего существа к миру духовному» (В. — 1961. — № 120. — С. 141). Это мнение перекликается с мнением Н.И.Ульянова, к-рый считал О. «одним из самых интересных лиц в умственной жизни русской эмиграции». Это замечание Ульянов дополнил более конкретным наблюдением: «Лицо многодумное, со следами былого жизненного опыта глянуло со страниц посмертного издания. Умудрило его и изгнанничество. Не в сереньком, беженском плане, а скорее в духе Данте» (Ульянов Н.И. — С. 288).

Опорой духовных поисков О. были рус. лит-ра и христианство. Обязанностью эмиграции он считал собирание не земли русской, а ее духовного имущества «вокруг знамени как прежде, как при Пушкине, всемирного, как при Толстом и Достоевском, религиозного». Мерилом всех духовных ценностей для О. был Пушкин. «Русская культура в расцвете. Ее праздник называется: Пушкин. Русская культура в опасности — ее призыв на помощь все тот же: имя Пушкина» («Современники». — С. 133). Мировосприятие Пушкина было для О. точкой отсчета в решении эстетич., филос. и даже полит. вопросов, к-рым О. вовсе не был чужд. Для эмиграции важнейшее значение имело толкование идеи патриотизма. О. писал, что испытание патриотизмом — «грубейшее из испытаний», его не выдерживают «фальшивые патриоты». «Одно дело — национализм Пушкина, насквозь пронизанный свободой и признающий во многом превосходство чужих народов, другое — национализм несвободный, с претензиями подчинить себе чужие культуры» (там же).

При всем уважении к иным культурам для самого О. «тот аромат, которым он с детства зачарован, живет только в русской словесности» (Ульянов Н.И. — С. 292). В кн. «Современники» собраны восп. О. о поэтах и писателях (И.Анненском, Н.Гумилеве, Ф.Сологубе, *А.Белом*, С.Есенине, К.Чуковском, *Е.Замятине*, *В.Шкловском*), а также статьи о Серебряном веке рус. поэзии, о Пролеткульте, «Серапионовых бра-

тьях», о «Климе Самгине» *М.Горького.* Вошедшие в кн. «Лит. очерки» (Париж, 1961) ст. «Тютчев», «Николай Гумилев», «Лицо Блока», «Сатана и Демон», «М.А.Шолохов», «Венец Пастернака», «Свобода творчества», «Гуманизм в СССР», «Апокалипсис», «Миф Владимира Маяковского» (последний очерк перепечатан: ЛО. — 1992. — № 3-4) объединены стремлением автора переосмыслить роль и значение творчества писателей и лит. явлений в свете тех вопросов, к-рые история ставит перед рус. литрой. «Смелость высказываний делает Н.А.Оцупа одним из борцов с призраками прошлого, заступающими нам путь. Если усилия эмиграции не окажутся напрасными, если им суждено когда-нибудь сделаться вкладом в дело национального возрождения, то Оцуп не будет забыт русской литературой. Он не должен быть забыт и по причине своей страстной любви к России» (Ульянов Н.И. — С. 292).

Будучи смолоду и оставаясь в течение мн. лет «паладином», «верным рыцарем» акмеизма (Бахрах), О. в последнее десятилетие своей жизни выделил в совр. ему литре новое направление, к-рое он назвал «персонализмом». Термин был позаимствован им у *Н.Бердяева,* хотя, подчеркивал О., речь идет не о филос., а чисто лит. явлении. «Персонализм — реакция на атеизм, на стадность. Это не эгоизм писатели, это защита его личного достоинства» («Лит. очерки». — С. 243). «Персонализм в моей идее пришел на смену сыгравшему свою роль акмеизму, если говорить о поэзии русской, в плане же европейском противопоставляет себя экзистенциализму во всех его оттенках» (там же. — С. 122). Обосновывая идею персонализма во мн. работах, О. наиб. полно изложил ее в ст. «Персонализм как явление литературы» (Грани. — 1956. — № 32; перепеч.: Социальные и гуманитарные науки. Заруб. лит-ра. Сер. Лит-ведение. — М., 1994. — № 1).

Изд.: Океан времени: Стих. Дневник в стихах. Ст. и восп. — СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Лит.: Ренников А. Рец.: «Град» // Новое время. — 1923. — 21 янв.
Бицилли П.М. Рец.: «В дыму» // СЗ. — 1927. — № 32.
Адамович Г. Рец.: «Встреча» // Звено. — 1928. — № 3.
Бицилли П.М. Рец.: «Встреча» // СЗ. — 1928. — № 35.
Терапиано Ю. Рец.: «Встреча» // Новый корабль. — 1928. — № 3.
Ходасевич В. Рец.: «Встреча» // В. — 1928. — 8 марта.
Бицилли П.М. Рец.: «Беатриче в аду» // РЗ. — 1939. — № 19.
Савельев С. (Шерман С.Г.) Рец.: «Беатриче в аду» // СЗ. — 1940. — № 70.
Можайская О.Н. Биография души. Николай Оцуп. «Жизнь и Смерть» // В. — 1965. — № 161.
Ильин В.Н. Памяти Н.Оцупа // В. — 1965. — № 161.

+ Казак; Одоевцева; Струве; Терапиано.

Е.С.Померанцева

П

ПАНТЕЛЕЙМО́НОВ Борис Григорьевич (1888? Сибирь — 17.IX.1950, Париж) — прозаик, публицист, ученый-химик; ученик и друг акад. А.Е.Чичибабина. В 1930-х был направлен в научную командировку на Бл. Восток, работал в Бейруте и Иерусалиме. В 1937 приехал в Париж, открыл научно-исслед. лабораторию; стал пред. неск. научно-технич. об-в. Как публицист П. выступил в 1945-46 в издававшейся в Париже газ. «Сов. патриот». Его ст., основанные на информации, почерпнутой из сов. прессы, посв. успехам Сов. Союза в восстановлении нар. хозяйства. В нач. 1946 П. пишет первые рассказы. С его произв. знакомятся *И.Бунин, А.Ремизов и Н.Тэффи*, к-рые оценили П. как зрелого писателя, со своим видением мира, собств. стилем и своей темой. В последние годы жизни крепкая дружба связывала П. с Тэффи и с Буниным. Тэффи в своих восп. писала: «Литература как-то ошеломила Пантелеймонова. Он ушел в нее с головой, забросил свою большую химическую лабораторию. За четыре года выпустил три книги и приготовил четвертую. И уже за день до смерти нацарапал еле понятными буквами начало нового рассказа. Литературный вкус у него был изумительный. Когда мы вместе жили в Русском Доме в Жуан-ле-Пен (там же был и Бунин), Пантелеймонов привез с собой несколько новых книг советских авторов, среди них талантливого Паустовского и «Василия Теркина» Твардовского. На полях этих книг Пантелеймонов делал пометки и подчеркивал понравившиеся ему места. Я указала Бунину на эти пометки. Как удивительно тонко отмечает он каждую талантливую строчку! — Да, да, — сказал Бунин. — Я уже обратил внимание. Он действительно замечательно тонко понимает» (Слово. — 1991. — № 12. — С. 60). В 1946 П. активно участвует в подготовке издания «Рус. сборника» (Париж). В первой и единств. кн. сб. помещена его новелла «Святый Владимир». В 1946 в журн. «Новоселье» (Нью-Йорк. — № 29/30) печатается рассказ П. «Родное»; в этом же журн. в 1947-50 опубл. рассказы, вошедшие затем в книги П.

В 1947 в Париже выходит первая кн. П. «Зеленый шум», куда вошли две новеллы из цикла «Приключения дяди Володи»: «Святый Владимир» и «На Муромке», а также цикл «Урман», посв. сибирской дорев. жизни, написанный в традициях рус. лит-ры XIX в.; повесть о рев. молодежи «Орлята»; неск. рассказов, проникнутых любовью к родной земле.

Рецензируя книгу «Звериный знак» (Париж, 1949) (сюда вошли еще шесть новелл о дяде Володе и первая часть биографич. пов. о Миклухо-Маклае «Маклаево братство»), В.Александрова отмечала особенности стиля П.: «...ритмика языка — подтянутая, упругая, подчеркнутая короткой, точной фразой, напоминающая узор *Евгения Замятина*... «Приключения дяди Володи»... пронизаны... светлой радостью найденного пути в далекое детство и в мир доброго чуда, которая кажется самой характерной чертой творчества Пантелеймонова» (НЖ. — 1949. — № 21. — С. 298-300). После выхода последней прижизненной кн. «Золотое число» (Париж, 1949) (куда вошли биогр. пов. «Менделеев», продолжение «Орлят» — «В Зыри белоглазой» и вторая часть «Маклаева братства») Тэффи подвела нек-рые итоги: «Критики всех направлений и всех настроений отметили его исключительными похвалами. Много было серьезных споров о его стиле, чрезвычайно своеобразном. Но все разногласия примирялись на одном общем мнении: талантлив необычайно... Он уже занял место в первых рядах не зарубежной, а нашей большой русской литературы» (Новоселье. — 1950. — № 42-44. — С. 224, 227).

В «Последнюю книгу» П., вышедшую в Нью-Йорке в 1952, вошли повести «Цыгане», «Деревня» и девять рассказов. В рец.

на сб. Вяч.Завалишин писал: «В творчестве Бориса Пантелеймонова слышны отголоски то Бунина, то Ремизова, то Мамина-Сибиряка, то Пришвина. Но это только отголоски. За всем тем — Пантелеймонов самостоятельный, оригинальный художник, со своим ощущением жизни. Своеобразие Пантелеймонова в его стиле... Прозрачность и ясность рисунка его рассказов, необычные художественные образы, это качества Пантелеймонова как писателя» (НЖ. — 1953. — № 33. — С. 317). В последний год своей жизни П. работал над второй частью пов. «Цыгане» (рукоп. в архиве автора статьи). Вариант одной из глав под назв. «Гэто-цыган» опубл. в журн. «Сельская молодежь» (1995. — № 11/12). П. был искренне верующим человеком и наделял своих героев светлой верой и добротой, свойственной и цыгану Гэто, и юному революционеру из «Орлят», и ссыльному Васину («Деревня»), и дяде Володе («русский «Пиквик», как окрестили его мн. критики). Один из рецензентов отмечал: «Во всей новейшей русской литературе не было столь увлекательного и столь христианского рассказа, считая со времени появления «Хозяина и Работника» Л.Н.Толстого и до наших дней, как «Беглый» Бориса Пантелеймонова» (архив автора статьи). Рассказ этот о беглом каторжнике, спасшем ценой собств. жизни поверившего в него человека, служит как бы квинтэссенцией убеждений и устремлений П., полагавшего, что именно доброта и вера спасут мир, что любой человек — добр, что добро порождает добро.

Изд.: Приключения дяди Володи / Сост. Никоненко Ст. — М., 1992.

Лит.: Тэффи. Рец.: «Зеленый шум» // Новоселье. — 1948. — № 37/38.
Бицилли П.М. Заметки о стиле Пантелеймонова // Новоселье. — 1949. — №39/41.
Арсеньев Вл. Рец.: «Последняя книга» // Грани. — 1953. — № 17.
Ремизов А. Стекольщик // Ремизов А. Мышкина дудочка. — Париж, 1953.
Агурский М. Сибиряк на Мертвом море // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1.
Трубилова Е.М. «Молодой писатель Б.П.» (Из нью-йоркского архива Тэффи) // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.

С.С.Никоненко

ПАРНÁХ Валентин Яковлевич (наст. фамилия Парнок; 27.VII(8.VIII).1891, Таганрог — 29.I.1951, Москва) — поэт, переводчик, танцор. Брат поэтессы Софии Парнок (1885-1933; см. КЛЭ. — Т. 5). Окончил таганрогскую г-зию и Петерб. ун-т. Эмигрировал во Францию. В эмиграции издал кн. стихов «La quai» (Набережная. — Париж, 1919; илл. М.Ларионова); «Самум» (Париж, 1919; илл. Н.Гончаровой); «Словодвиг» (Париж, 1920; илл. Н.Гончаровой и М.Ларионова); «Мотдинамо» (Париж, 1920; илл. Н.Гончаровой. На франц. и рус. яз.); «Карабкается акробат» (Париж, 1922; илл. Н.Гончаровой, Л.Гудиашвили и с портретом автора работы П.Пикассо). Участник лит. кружка «Палата поэтов». Печатался в журн. «Воля России». С 1923 — в Москве. В 1925 издал «Вступление к танцам. Избр. стихи». Как танцор принимал участие в постановках В.Э.Мейерхольда. В 1926-31 во франц. прессе опубл. ст. о танце и музыке и кн. «Histoire de la danse» (P., 1932). Перевел на рус. яз. произв. Ф.Гарсиа Лорки, Агриппы д'Обинье, В.Гюго, Ж.Нерваля, А.Барбюса и др. Его очерки об Испании печались в «Известиях» и «Огоньке».

Архив П.: РГАЛИ. Ф. 2251.

Лит.: Слоним М. Рец.: «Карабкается акробат» // Сполохи. — 1922. — № 4.
Баташев А. Египетский поворот: Заметки о В.Парнахе / Театр. — 1991. — № 10.
+ Рус. Берлин.

В.П.Нечаев

ПАСТЕРНÁК Жозефина Леонидовна (18.II (2.III).1900, Москва — 16.II.1993, Оксфорд) — поэт, философ, литератор, переводчик (лит.псев. — Анна Ней). Старшая сестра Б.Л.Пастернака. Род. в семье художника Л.О.Пастернака (1862-1945). Мать — пианистка и музыкальный педагог Розалия Исидоровна (в девичестве — Кауфман, 1867-1939). Училась в г-зии Мансбаха в Москве. Борис Пастернак выхлопотал через Осипа Брика, работавшего в ЧК, разрешение на выезд сестры в Германию для продолжения образования. В июне 1921 П. через Латвию покинула Россию. Жила в Берлине. В 1924 вышла замуж за своего троюродного брата Фридриха (Федора) Кар-

ловича Пастернака (1880-1976), к-рый был в те годы преуспевающим банкиром. Вскоре молодые переехали в Мюнхен, где в 1929 П. окончила филос. ф-т Мюнхенского ун-та, в 1931 подготовила докт. дис. «Acoustic intermittence phenomena» («Феномен акустической периодичности»). Встретилась с братом в июне 1935, когда он проездом в Париж (для участия в Междунар. конгрессе писателей в защиту культуры), остановился на неск. часов в Берлине. П. с мужем специально приехали из Мюнхена и ждали Бориса в берлин. квартире своих родителей. Яркие подробности короткой встречи с братом в Берлине, в течение к-рой Борис рассказал о замысле нового романа «Доктор Живаго», живой портрет мятущегося и страдающего брата — все это П. описала в очерке «Patior» в «The London Magazine» (1964. — Vol. 4. — № 6). Латинское слово «patior», по замыслу П., должно было передать «страдающую сущность» и пастернаковского бытия, и его творчества. В 1975 П. включила фрагменты очерка «Patior» в кн. воспоминаний о семье «Die Familie. — La famille. — The Family Pasternak: Erinnerungen, Berichte, memoires, rapports, reminiscences, reports», изданную в Женеве. В Германии у Жозефины и Федерика Пастернаков родились дочь Елена (1927) и сын Карл (Чарлз, 1930).

Писать стихи П. начала с 1927; к 1934 их было уже более ста. Первым, кто оценил ее поэтич. талант, был Борис Пастернак. Ознакомившись с нек-рыми из стих. сестры, 27 нояб. 1934 он писал ей: «Для меня все это было поразительно. Я ждал большого беспорядка, душевной незрелости, обобщенной, никого не касающейся прозы, беспомощности вкуса... Такой тени ты на себя не бросила. Наоборот. Я в совершенном удивленье от этой стороны дела. Уверенность прикосновения к теме, естественность спокойно исчерпывающего ее оборота, движенье в том промежутке между напряженностью и прозрачностью, в каком только и можно сказать так, как это хотел, — все это я у тебя встретил в степени, редкой даже у сложившихся художников. Если частью своей искусство всегда свидетельствует об авторе, то с его свидетельством о тебе тебя можно поздравить. Облик очень серьезной, очень благородной жизни встает за сказанным; как хорошо я тебя не знаю, как ни думал, что знаю, такою я тебя еще не знал». (Пастернак Евг. «Вечность — на порогах смут»: Памяти Жозефины Леонидовны Пастернак // РМ. — 1993. — 5 марта). Первые стихи П. были опубл. в ее сб. «Координаты» (Берлин, 1938) под псевд. Анна Ней. *Г.Адамович* в 1939 в своих «Лит. заметках», регулярно печатающихся в париж. газ. «ПН», дал высокую оценку стихам П. Он писал: «У Анни Ней в «Координатах» несомненно наличие темы, придающей всем стихам единство, слитность и внутреннюю стройность. Если некоторые интонации и напоминают Ахматову, то это общий женский грех в поэзии и обвинять в нем пришлось бы не только Ней... Надо, впрочем, сказать, что Анни Ней переняла лучшее, что есть у Ахматовой: ее сурово-женственный, по Чуковскому «монашеский» склад стиха...» (ПН. — 1939. — 31 авг.).

Со временем жизнь в нацистской Германии становилась небезопасной. В 1938 родители П. переехали в Лондон, к младшей сестре Лидии. Вслед за ними вынуждена была покинуть Германию и семья П., муж к-рой, как австр. подданный, был интернирован. Семья П. жила поначалу в Лондоне. После смерти матери они переехали в пригород Оксфорда, где прошли последние 50 лет жизни П. После смерти Л.О.Пастернака вместе с сестрой Лидией П. участвовала в организации посмертных выставок отца в Англии, Германии, США и России, издании выставочных каталогов, а также собрании дневниковых записей отца, их редакции и издании в России и в Англии. Последние годы жизни П. писала также филос. работы и подготовила большую рукопись монографии, посв. критике детерминизма «Indefinability. A study in epistemology» (не опубл.).

Лит.: Josephine Pasternak (Obituaries) // The Times. — 1993. — Feb. 18.

Т.И.Ульянкина

ПАСТЕРНА́К-СЛЕ́ЙТЕР Лидия Леонидовна (9(22).III.1902, Москва — 4.V.1989, Оксфорд) — биохимик, поэт, прозаик, переводчик и популяризатор на Западе произв. Бориса Пастернака, младшая сестра поэта. Род. в семье художника Л.О.Пастернака, пианистки и музыкального педагога Розалии Исидоровны (в девиче-

стве — Кауфман). Осенью 1921 вместе с родителями выехала в Германию. Окончила химич. ф-т Берлин. ун-та (1926). Доктор наук, биохимик, работала в одной лаборатории с рус. генетиком Н.В.Тимофеевым-Ресовским в Ин-те биологии кайзера Вильгельма в Берлине, а с 1935 в Лондонском ун-те, в лаборатории своего будущего мужа, генетика и психиатра Элиота Слейтера. Они поженились в 1936, и это событие изменило жизнь всей семьи Пастернаков, к-рые перебрались в 1938 в Англию. После развода в 1950-х она осталась жить в Оксфорде, в доме своей свекрови. В годы второй мировой войны П.-С. отдала много сил помощи беженцам из Европы (в т.ч. и евреям), оказавшимся в Великобритании. П.-С. стала зарабатывать лит. деятельностью, переводами, выступлениями. Первые сб. ее стихов: «Before sunrise. Poems» (L, 1971), «Sunrise. Poems» (L, 1971), «Вспышки магния» (Оксфорд, 1974), куда вошли ее юношеские стихи, созданные еще в России, а также стихи, написанные после отъезда за границу и переезда в Англию (1935), и переводы с нем. яз. Р.М.Рильке, Г.Гессе. О жизни в Лондоне она пишет: «Солнце! Как тебя благодарить! / Ветер, облака, — какое счастье!.. / Мне так страшно, мне так грустно жить / В городе, где круглый год — ненастье. / Где весной, и летом, и зимой — / Все ноябрь, уныло неизбежный; / Где приходишь в дом, а не домой, / Где и труд, и отдых — безнадежны» («Вспышки магния». — С. 39). Особую известность П.-С. принесли переводы и издания на англ. яз. стихов и прозы Б.Пастернака: Poems/Foreword by Hugh MacDiarmid. — Fairwarp, Sussex, 1958; Last summer (Povest)/Transl. Reavey G.; introd. by Slater L. — L., 1960; Pasternak fifty poems / Chosen, transl. with an introd. by Pasternak-Slater L. — L.; N.Y., 1963; Eighteen contemporary Russian poems. — Youlgrave; Bakewell, 1973. Она организовывала вечера рус. поэзии в Оксфорде, Лондоне, Германии, США, где читала собственные пер. стихов Б.Пастернака, А.Ахматовой, А.Вознесенского, Б.Ахмадулиной, Е.Евтушенко и др. После смерти Б.Пастернака П.-С. стала поверенной в делах его англ. изданий. В специальном издании, посв. семье Пастернаков (Die Familie — La famille. — The Family Pasternak: Erinnerungen, Berichte, memoires, rapports, reminiscences, reports. — Genève, 1975). П.-С. опубликовала ст. о творчестве брата и заметки для его биографии. В 1984 П.-С. подготовила новый сб. поэм Б.Пастернака: Poems of Boris Pasternak / Chosen and transl. by Lydia Pasternak. — L., 1984.

Лит.: Lydia Pasternak Slater. Poet, translator and sister of Boris (Obituaries) // The Times. — 1989. — May 6.

Т.И.Ульянкина

ПЕРЕЛЁШИН Валерий Францевич (наст. фамилия — Салатко-Петрище) (7(20).VII.1913, Иркутск — 7.XI.1992, Рио-де-Жанейро) — поэт, переводчик, критик. Происходил из старинного польско-белорус. рода. В 30-е пользовался псевд. Валерий Александрович Перелешин, используя имя отчима. Печататься начал в «Странице юного читателя» (сокр. «Юнчит»), выходившей как прил. к харбинск. газ. «Рупор», в номере от 11 февр. 1928 под псевд. Ренэ. Псевд. «Перелешин» придумали для поэта совместно его мать, журналистка Е.А.Сентянина (ок. 1890-1980) и ред. харбинск. еженед. «Рубеж» М.С.Рокотов (Бибинов): начиная с первой публикации в «Рубеже» (11 июня 1932) поэт пользовался как псевд. почти исключительно сочетанием «Валерий Перелешин» (а также А.Каюрин, Б.Стрельцов).

Детство П. прошло в Иркутске, Петербурге, Чите, откуда он вместе с младшим братом был вывезен в Харбин, где в 1934-36 учился на юрид. ф-те ун-та; был оставлен для преподавания на ф-те и защиты дис., но в 1936 япон. власти ф-т закрыли. Поскольку специальностью поэта было кит. гражд. право, он изучил кит. яз., став почти единств. среди писателей рус. Китая, кто по-настоящему вошел в соприкосновение с культурой этой страны. В Европе П. впервые «всерьез» напечатался в антологии *Г.Адамовича* и М.Кантора «Якорь» (Берлин, 1936); об этой публ. см. письмо М.Кантора Г.Адамовичу (НЖ. — 1972. — № 107); весь раздел «дальневосточных поэтов» в «Якоре» составлял сам П., состоявший с М.Кантором в переписке. Первый сб. стих. П. «В пути» издан в Харбине в 1937. Это был сб. сложившегося в акмеистич. традициях поэта; для дальнейшей творческой судьбы П. важно опубл. в первой же

кн. стих. «К Люсьену Летинуа» (франц. поэт, оставшийся в лит-ре тем, что был одним из последних возлюбленных Верлена) — там впервые затрагивалась тщательно «табуированная» тема однополой любви, ставшая в творчестве поэта гл. на склоне лет. Сознавая свою «ненормальность», «нежелательность» в об-ве тех лет, в 1938 П. принял монашество под им. Германа; на его втором сб. стих. «Добрый улей» (Харбин, 1939) помимо осн. псевд. обозначено также «Монах Герман». В Харбине вышли третья кн. стих. «Звезда над морем» (1941) и четвертая — «Жертва» (1944), а также пер. с англ. поэмы С.Т.Колриджа «Сказание старого морехода» (1940).

Осенью 1939 П. переезжает в Пекин, в Рос. духовную миссию, возглавлявшуюся тогда архиеп. Пекинским Виктором (Святиным), в Пекине он преподает в нач. школе при Миссии, работает библиотекарем, изучает синологию. Однако отсутствие рус. культурной среды в Пекине вынудило его в нояб. 1943 переселиться в Шанхай; там жили почти все участники харбинск. лит. объединений «Чураевка», «Молодая Чураевка», «Цех поэтов»: с его приездом рус. лит. жизнь в Шанхае заметно ожила. Нек-рое время поэт еще ходил в монашеской рясе, но позже стал сотрудничать как переводчик с кит. яз. в ТАССе, взял сов. паспорт и в 1945 от монашества отказался. В эти годы им был подготовлен к печати пятый сб. стих «Южный дом», увидевший свет лишь в 1968 в Мюнхене; также П. занялся пер. лирики др-кит. поэтов. П. играл ведущую роль в создании сб. «Остров» (Шанхай, 1946), где рус. поэты сгруппировали стихи, написанные на заданные самим себе темы. П. предпринял в 1950 неудачную попытку переезда в США, откуда его выслали за «создание китайской коммунистич. партии» без права когда бы то ни было въезжать в страну. П. вернулся в Китай и через Тяньцзин и Гонконг уехал в 1952 в Бразилию, в Рио-де-Жанейро, где и прожил до кон. своих дней, изредка посещая Европу и США (запрет на посещение страны лично для него был отменен Генри Киссинджером). До 1957 он продолжал писать стихи, а потом на десять лет «замолчал»: от этого периода остались лишь немногие стихи на англ., а позже и на португ. яз. С 1958 П. стал гражданином Бразилии, почти всю жизнь существовал на случайные заработки от преподават. работы до службы в ювелирном магазине.

В 1967 П. «вернула в лит-ру» давняя приятельница по харбинск. и шанхайск. лит. жизни поэтесса, журналистка и новеллистка Ю.В.Крузенштерн-Петерец, также нек-рое время жившая в Бразилии, но позже переехавшая в Калифорнию. С лета 1967 стихи П. стали появляться в нью-йоркском «НРС», в июльск. номере 1967 журн. «В» напечатал его венок сонетов «Крестный путь», годом позже был издан пятый сб. стих.; П. стал пост. автором журн. «НЖ», «Континент», «РМ», «Рус. жизнь», «Современник», «Грани». Во Франкфурте-на-М., в типографии изд-ва «Посев» выходят его шестая кн. стих. «Качель» (1971), чисто религ. по тематике, седьмая — «Заповедник» (1972), восьмая — «С горы Нево» (1975); там же в 1976 печатается его девятая кн. стих. «Ариэль», включающая 153 сонета и венок сонетов «Звено», в заключит. сонете к-рого, как и в первом, читается акростих «Женя Витковский». Эта кн. родилась из переписки с моск. литератором Е.В.Витковским в 1971-75, снабжена предисл. *Ю.П.Иваска*. Десятая кн. стих. «Три родины» вышла в Париже в 1987; в нее вошли стих. из ранних кн. и новые, посв. Бразилии (этот раздел озаглавлен «Третьей и последней»). Немногим позже вышла одиннадцатая кн. «Из глубины воззвахъ» (Холиок, США, 1987) — целиком посв. религ. теме и содержащая мн. стих. из прежних кн. В том же году и там же выходит двенадцатый сб. «Двое — и снова один?», в 1988 тринадцатая — «Вдогонку»; обе кн. содержат новые стих., в осн. посв. утехам однополой любви. В 1989 в Гааге, в изд.: «Лексенхофф» в сер. «Рус. эмигр. лит-ра в двадцатом веке: Иссл. и тексты» вышла кн. П. «Рус. поэт в гостях у Китая», где были переизд.: все стих. первых пяти сб., расположенные в хронологич. порядке (1932-52). В 1987 в Амстердаме на рус. яз. и с англ. предисл. Яна-Паула Хинрихса вышла кн. воспоминаний П. о лит. жизни рус. Харбина и Шанхая в 30-40-х «Два полустанка», вызвавшая критику в эмигр. кругах за субъективность оценок. Однако эта кн. — наиб. ценное, что написано в мемуарной форме на эти темы; первая пол. ее переизд.: в Москве (Лит. учеба. — 1989. — № 6).

В кон. жизни П. много писал на португ. яз., издал сб. «Nos odres velhos» (Rio de Janeiro, 1983), второй сб. «Охотник за тенями» остался в рукоп. В соавт. с Умберто Пассос Маркесом перевел на португ. яз. и издал «Александрийские песни» М.Кузмина (1984). П. интересен как переводчик заруб. поэзии на рус. яз. Во Франкфуртена-М. им изд.: первая антология бразильск. поэзии на рус. яз. «Южный крест» (1978), «Стихи на веере» (1970) — антология кит. классич. поэзии, поэма старейшего из кит. классиков Цюй Юаня «Ли Сао» (1975); первый на рус. яз. поэтич. пер. поэмы-трактата Лао Цзы «Дао дэ дзин», законченный в 1971, не находил издателя и увидел свет лишь в Москве, в журн. «Проблемы Д. Востока» (1990. — № 3; отд. изд.: М., 1994). Мн. пер. П. с кит., португ., франц., исп. и лат. не изданы.

Стихи П. при его жизни переводились на европ. яз., а в Нидерландах выходили отд. кн.; почти весь свой архив П. при жизни передал Музею-б-ке Лейденского ун-та; часть ныне находится в Москве. С 1988 П. стал печататься в СССР: в «Огоньке», «Новом мире» и др. Последними его прижизн. публ. стали подборки пер. из бразил. и др-кит. лирики (Иностр. лит-ра. — 1992. — № 8-9 и альм. «Рубеж». — 1992. — № 1 — продолжение во Владивостоке некогда закрытого в Харбине журн.). О творчестве П. в разное время много и серьезно писали *Г.Струве*, Ю.Иваск, А.Раннит, В.Террас, С.Карлинский. Особняком в творчестве П. стоит большая «Поэма без предмета», гл. к-рой печатались в канадск. журн. «Современник» (1977-1980, первые шесть песен), отд. изд.: вышло в Холиоке (США) в 1989; этот написанный онегинск. строфой поэтич. вариант его мемуаров вызвал еще больше нареканий в неточностях и субъективных оценках, чем прозаич. восп. С нач. 70-х П. создал неск. сотен сонетов, что выдвинуло его в первый ряд мастеров жанра. За П. укрепилось звание «лучшего рус. поэта Южного полушария».

Лит.: Резникова Н. Рец.: «В пути» // Рубеж. — 1937. — № 46.
Адамович Г. Рец.: «В пути» // ПН. — 1938. — 24 февр.
Несмелов А. Стихи одной темы («Добрый улей») // Заря. — Харбин, 1939. — 1 окт.
Юльский Б. Рец.: «Звезда над морем» // Луч Азии. — Харбин, 1941. — № 89.
Карлинский С. Поэзия дальневост. эмиграции и «Южный дом» В.Перелешина // НРС. — 1969. — 9 февр.
Раннит А. Рец.: «Южный дом», «Качель» // НЖ. — 1972. — № 107.
Раннит А. Валерий Перелешин после «Качели» // Russ. lang. j. — East Lansing, 1978. — № 113.
Синкевич В. Валерий Перелешин (Некролог) // Встречи. — Филадельфия, 1993.
Ариель (Е.Витковский). «В день кончины моей»: Памяти Валерия Перелешина // НЖ. — 1993. — № 190/191.
Hinrichs J.P. Dichter met drie vaderlanden / Valerij Perelesin: brieven en documenten/ Catalogus van een tentoonstelling gehouden in de Universiteitsbibliotheek van 6 met tot 12 junu 1986. — Leiden, 1986.
+ Казак.

Е.В.Витковский

ПЕРФИ́ЛЬЕВ Александр Михайлович (20.IX(2.X).1895, Чита — 26.II.1973, Мюнхен) — поэт, прозаик, фельетонист. Происходил из старинного казачьего рода, был приписан к сиб. станице Бокукун; учился во Втором кадетском корпусе, однако учение было прервано: вместе с отцом, ген. Михаилом Аполлоновичем отправился в экспедицию, возглавляемую путешественником П.К.Козловым (1863-1935), в Монголию и кит. провинцию Сычуань; во время этой экспедиции был открыт мертвый город Хара-Хото. Возвратившись в 1909 в Россию, П. окончил Оренбург. казачье уч-ще, вышел в Первый Нерчинский полк. С первых же дней мировой войны на фронте, неск. раз был контужен и ранен. За участие в боях в Вост. Пруссии награжден Георгиевским оружием, позднее — Георгиевским крестом. В 1918 в Петрограде умерла жена и маленькая дочь П. Он, офицер царской армии (есаул), был арестован и провел около года в одиночном заключении, затем бежал в Белую армию на юг, вновь женился, с большим трудом «оптировал» (доказал право) на латв. гражданство и уехал в Ригу (1921). В Латвии П. развелся. С 1925 до 1940, когда состоялся формальный развод, женой П. была поэтесса и прозаик *Ирина Сабурова* (их сын Олег умер в 1960 от последствий ранения на фронте). Первое время

П. добывал средства к существованию «казачьей профессией» — занимался объездкой скаковых лошадей.

Начал печататься в 1915. Используя незаурядный импровизационный талант, П. легко перешел в Риге на журналистск. работу, сначала в газ. «Рижский курьер», затем в газ. «Рус. слово» и «Сегодня», в журн. «Огонек», «Новая нива», «Для Вас». Гонорары в Риге были низкими, П. вынужден был писать много. Он печатался под псевд. Шерри-Бренди, Александр Ли, под к-рым в Риге был издан его первый поэтич. сб.: «Стихи 1924-25» (1926). Под своей фам. П. выпустил в Риге второй и третий сб. стих. — «Листопад» (1929) и «Ветер с Севера» (1937). П. работал также для эстрады. И.Сабурова в предисл. к посм. изд.: стих. П. (1976) пишет, что рус. текст всех песен, вышедших в изд-ве Оскара Строка, написан П. (несмотря на то, что на них значится «Музыка и слова Оскара Строка»), в том числе пользовавшаяся невероятной популярностью песня «О, эти черные глаза». П. считал такое занятие «халтурой», делаемой исключительно ради заработка (очень небольшого, кстати), и поэтому упоминание его как автора текстов — ниже своего достоинства. Слова Сабуровой подтверждаются расписками О.Д.Строка, хранящимися в архиве Сабуровой и П.

Во время сов. оккупации Латвии в 1940-41 П. скрывался, служил ночным сторожем; во время нем. оккупации редактировал газ. на рус. яз. В 1944 уехал в Берлин, где связался с ген. *П.Красновым*, и вновь надел казачью форму (стих. «Братьям-калмыкам», 1950). Конец войны застал П. в Праге, откуда он бежал — буквально изпод расстрела — сперва в Мюльдорф, позднее в Мюнхен, где провел оставшиеся годы жизни. После войны вышла единств. прозаич. кн. П. «Когда горит снег» (Мюнхен, 1947), в к-рую вошло 13 рассказов. В годы «холодной войны» П. сотрудничал на радиостанции «Свобода», печатался в журн. «Петрушка», «Новый Сатирикон», выходившем в Мюнхене в 1950-53 и представлявшем собою «антисоветский Крокодил»; поэтич. фельетоны П., чаще всего под псевд. Шерри-Бренди, относятся к тому немногому, что имеет ценность среди произв. П. на страницах «Нового Сатирикона».

В послевоен. годы, учитывая возможные неоднозначные толкования его биографии, П. не участвовал активно в лит. жизни рус. эмиграции. Единств. заметная его прижизн. публикация — подборка стих. в альм. «Содружество» (Вашингтон, 1966), к к-рой он приложил автобиографию. Стихи П. продолжал писать до конца своих дней. Его «лирическая производительность» составляла от 10 до 20 стих. (часто сонетов) в год, но он почти ничего не печатал, хотя и переделывал стихи до бесконечности (ср. текст стих. «Лишь вчера похоронили Блока» в «Содружестве» и в посмертном изд.: «Стихи» («Точка»). Под мн. стих. П. стоит характерная приписка «Ночь. Тоска. Одиночество».

После смерти П. Сабурова бережно собрала его работы и ротаторным способом, тиражом 50 экз. издала «Лит. наследие А.М.Перфильева (Александра Ли)» (Мюнхен, 1973), к-рое почти целиком был раздарено и разослано по зап. б-кам. В 1976 в Мюнхене вышло типограф. изд.: «Стихов» П., включившее три его довоенных сб., а также разделы «Стих. за сороковые годы», «Стихи пятидесятых годов», «Стихи шестидесятых-семидесятых годов», «Песни и романсы». изд.: не попало в торговую сеть рус. магазинов зарубежья.

Довоенные сб. раскрывают П. как поэта провинциального, «лимитрофного», поэтому не удивительно отсутствие серьезного интереса к нему в «столицах» рус. эмиграции. В стих. 1940-1970-х П. предстает как зрелый мастер с выраженным индивид. стилем, его трудно причислить к к.-л. школе. Как и др. выходец из Латвии, *И.Чиннов*, П. резко сменил творч. манеру, его стих жёсток, пластичен, самобытен.

Изд.: Благоуханный цвет / Предисл. Витковского Е. // Рос. газ. — 1992. — 1 мая.

Е.В.Витковский

ПЕСКÓВ Георгий (Дейша-Сионицкая Елена Альбертовна) (1885—22.XII.1977, под Парижем) — писательница. Тщательно скрывала все обстоятельства, связанные со своей личной жизнью. В 1924 вместе с мужем Адрианом Дейша эмигрировала во Францию. В 1925-29 появились ее рассказы на страницах «СЗ» и «Звена». П. получила премию журн. «Звено». В 1930

вышел сб. ее рассказов «Памяти твоей». «Когда неск. лет назад стали появляться первые рассказы Георгия Пескова, читатель мог обратить сразу внимание на несомненный и своеобразный талант автора. А когда выяснилось, что Георгий Песков — псевдоним писательницы, то это еще более усилило интерес к новому автору: в рассказах его не только не было ничего специфически женского, но, наоборот, бросался в глаза общий мужской лад стиля», — писал в рец. Н.Кульман (Россия и славянство. — 1930. — 26 апр.).

Рассказы П. поражали лаконичностью стиля и производили сильное впечатление. В эмигр. среде, по к-рой прокатилось «красное колесо» революции и гражд. войны, это было сделать не просто. *Саша Черный* отмечал в рец. на «Памяти твоей»: «Первый очерк, рассказ о том, как расстреляли русского священника, так глубок и сдержанно прост, что вновь и вновь со всей остротой переживаешь вместе с автором... «Минута молчания» — вот то душевное движение, которым хочется назвать впечатление от этого очерка... В общем содержание сборника значительно, автор — уверенный в себе художник — у него свои глаза и слова. Язык Георгия Пескова благородно сдержан и прост» (ПН. — 1930. — 13 марта). Менее восторженно оценил сб. *Ф.Степун*, хотя и он признавал несомненный талант П.: «Среди относительно молодых эмигрантских писателей найдутся дарования формально более сильные, по манере письма более новые и острые, но у Георгия Пескова есть одно преимущество. В его рассказах никогда не чувствуется задания интересно разработать пришедший в голову или попавшийся под руку литературный сюжет» (СЗ. — 1930. — № 42. — С. 531). Степун отметил сильное влияние Достоевского, своеобразное «раздвоение» в творчестве П. «Один полюс — подлинная реальность нездешнего мира: вера, чудо, душа человека, любовь. Другой: наваждение, суеверие, случай, психопатология, преступление» (там же).

В рассказах П. реальный мир тесно сплетен с нереальным, мертвые обращаются с живыми, и все это под пером автора воспринимается как данность, как нечто имевшее место в действительности. В рассказе «Памяти твоей», давшем название и всему первому сб. П., в семью приходит ее глава — расстрелянный накануне священник. Он разговаривает с сыном, от имени к-рого ведется рассказ, и просит его помолиться за мучителей тоже. «Тяжело мне, — говорится в последних строках рассказа, — а просьбы твоей последней исполнить не могу. Ты любви научил, а они — ненависти. И что сильнее — не знаю» (СЗ. — 1928. — № 34; цит. по: Новая юность. — 1994. — № 4. — С.53). В новелле «Кум» (СЗ. — 1929. — № 38) рассказывается о несчастной судьбе солдатки, муж к-рой пропал на германской войне. Рассказ начинается с описания сна накануне свадьбы, в к-ром невесте видятся какие-то страшные лица и события. Впоследствии к ней является незнакомый солдат, предвещающий скорое появление мужа, а уж трудно понять — призрак он или реальность. Вернувшийся муж вскоре умирает, как и сын героини. Вся эта история наполнена таинственностью и действиями потусторонних сил. Заметно влияние Гоголя. Еще более присутствие Гоголя и Гофмана ощущается в пов. П. «Злая вечность» (СЗ. — 1932. — № 48, 49; Новая юность. — 1995. — № 8/12). Действие происходит в некоем нем. городе. Герой, рус. князь, влюбляется в куклу, выставленную в витрине антикварного магазина. Далее он знакомится с библиотекарем, к-рый оказывается чуть ли не посланцем дьявола и предлагает князю совершить самоубийство, чтобы обрести бессмертие. За князем начинается настоящая охота сил зла. События повести обрываются, а в конце рассказывается о некоей рукописи на выставке, из к-рой взято все описываемое. Страшная рус. действительность стоит за мистикой рассказов П.

П. публиковала рассказы в журн. «ИР», «Перезвоны», газ. «ПН». Ее вторая кн. рассказов «В рассеянии сущие» вышла в Париже в 1959. Последняя, уже посм. публикация П. «Мы и они» (отрывок из кн. «Разговор с собой») состоялась в журн. «Эхо» (Париж. — 1978. — № 1). В примеч. к этой публикации говорилось, что рукоп. кн. «Разговор с собой» распространялась в самиздате. «Мы и они» написаны от лица сов. человека, усомнившегося в правильности соц. образа жизни.

Лит.: Пильский П. Рец.: «Памяти твоей» // Сегодня. — 1930. — 11 марта.
+ Казак; Струве.

В.В.Леонидов

ПИ́ЛЬСКИЙ Петр Моисеевич (16(28).I.1879, Орел — 21.XII.1941, Рига) — критик, публицист, беллетрист. Биогр. сведения крайне скудны. Начал печататься с нач. 1890-х в качестве лит. критика. С 1902 по 1904 сотрудничал в журн. «Мир Божий», «Журнал для всех», в моск. газ. «Курьер», «Нар. вест.», «Бирж. вед.» и др. Сам П. отмечал, что «это была эпоха острых исканий смысла жизни и, естественно, смысла смерти», называл этот период своего творчества временем «юношеской ломки», отмечая, что в такие годы «каждый писатель — немного беллетрист» (предисл. к «Рассказам». — СПб., 1907. — С. 3). Рассказы и зарисовки этого периода собраны в сб. «Рассказы» (СПб., 1907), состоящий из двенадцати порой бессюжетных бытовых зарисовок-миниатюр, написанных в духе импрессионизма. Сам автор оценивал свои миниатюры как некий вторичный, неглавный продукт своего творчества: «Наблюдая самого себя, я, почти всегда писавший исключительно о литературе, ставший автором рассказов на короткое время... немного беллетрист» (там же. — С. 5).

П. опубл. кн. «Проблема пола, половые авторы и половой вопрос» (СПб., 1909), представляющую собой попытку лит.-критич. анализа эротич. темы в рус. лит-ре рубежа веков. Опираясь на поздненароднич. традиции в идейной оценке этого явления (в частности, на взгляды Н.К.Михайловского), автор дает резко критич. оценку темы эротики в произв. *Л.Андреева*, *М.Арцыбашева*, А.Вербицкой, Л.Зиновьевой-Аннибал, М.Кузмина и др. Сб. «Критические статьи» (СПб., 1910) составлен из эссе о творчестве Л.Андреева, В.Брюсова, *Н.Минского*, *З.Гиппиус*, Ф.Сологуба, Д.Писарева, *А.Куприна*, М.Арцыбашева, В.Буренина, Е.Соловьева, М.Меньшикова.

В 1914 П. был призван в армию и отправлен на фронт, вернулся с войны в кон. 1916, был ранен осколком снаряда. По своим полит. взглядам П. со времен революции становится «непримиримым врагом планетарного опыта большевиков» (Куприн А. Петр Пильский. Тридцать лет лит. деятельности // Сегодня. — 1931. — 19 апр.). В нач. 1918 П. начинает сотрудничать в многочисл. антибольшевист. изд.: Одессы. Он пытался показать, что большевики, находящиеся у власти, в действительности страдают душевными заболеваниями, и предлагал поместить их в сумасшедший дом в изолиров. камеры в смирит. рубашках. За эти публ. был арестован и помещен в здание рев. трибунала. Затем попал в Бессарабию, откуда переехал в Таллин, а в 1926 в Ригу.

Заруб. период творчества П. связан с Прибалтикой. Здесь он выступил как энергичный публицист. Неск. лет П. сотрудничал в газ. «Последние новости» (Таллин), затем перешел в таллинскую «Нашу газету», позже активно сотрудничал в еженед. газ. «Сегодня», выходившей в Риге — одном из самых влият. эмигр. изд. Публ. П. этого периода посв. в осн. рус. иск-ву, театру, лит-ре. Его ст. носили резко выраженный эмоционально-страстный характер и были направлены на защиту рус. иск-ва от захлестнувшего тогда Прибалтику «малодержавного шовинизма». Публицистич. выступления П. пользовались большой популярностью в эмигр. среде.

В 1931 П. опубл. в Париже на франц. яз. фельетонный детективный ром. «Au service de la TcheKa», к-рый ранее вышел в авторском пер. на рус. яз. под псевд. П.Хрущов — «Тайна и кровь» (Рига, 1927) с предисл. А.И.Куприна. Ром. написан в детективно-приключенч. жанре, действие его развертывается в Петрограде, в основу сюжета положены подл. события борьбы подпольных орг-ций белых офицеров с агентами ЧК и др. коммунистич. учреждений. Среди персонажей ром. есть и реальные лица — Урицкий, Яковлев и др. Каждая гл. ром. может рассматриваться как законченная миниатюра с завершенным сюжетом. А.И.Куприн в предисл. отмечал: «В романе... множество лиц, мест и событий, прекрасно нарисованных, хорошо освещенных. Весь роман в энергичном движении, но движение слишком утороплено, — хочется порою его остановить или замедлить, или даже вернуть назад, чтобы лучше присмотреться» (С. 5). Напряженный сюжет порой вытесняет на второй план идейное содержание ром. — борьбу с коммунистич. диктатурой.

В Прибалтике П. опубл. более пятнадцати предисл. к рус. изд.: (не только эмигрантов), выходившим, в осн., в рижском эмигр. изд-ве «Лит-ра». Здесь П. выступил как доброжелат. критик. В предисл. к сб. рассказов А.Куприна «Купол св. Исаакия Далматского» (Рига, 1928) П. вспоминает о

своей первой встрече с писателем, тогда юнкером воен. уч-ща, принесшем ему в моск. редакцию на Арбате свой первый рассказ. В предисл. к рассказам М.Булгакова и М.Зощенко П. выступает как тонкий аналитик юмора и иронии этих писателей, за чем нередко таится трагедия их героев. Пародийность персонажей, по мысли П., выражается исключительно в яз.: а сами герои «отнюдь не пародийны... Это — настоящие живые люди, выращенные и обезличенные современной действительностью, условиями советских отношений, быта, нравов и порядков» («Мир Михаила Зощенка» // Зощенко М. О том, что было. — Рига, 1928. — С. 27).

В 1929 в Риге П. опубл. кн. «Роман с театром» с подзаг. «Газетные статьи об актерах». В ней собраны ранее публиковавшиеся в прессе очерки о деятелях сцены — Тамаре Карсавиной, Н.В.Плевицкой, В.Кравецкой, Айседоре Дункан, Е.М.Грановской, Мамонте Дальском, А.И.Сумбатове-Южине, В.Н.Давыдове, Н.Ф.Монахове, П.Н.Орлове, *А.Н.Вертинском*, А.Р.Кугеле, Ю.Беляеве. Кроме того в кн. содержатся обзоры театр. жизни в более широком плане. В кн. «Затуманившийся мир» (Рига, 1929) собраны очерки о Брюсове, Сологубе, В.Розанове, *С.Юшкевиче*, *П.Потемкине*, *Ю.Айхенвальде*, *А.Аверченко* и др. Загл. сб. показывает отношение автора к совр. ему сов. послерев. действительности, ее лидерам и адептам, затуманившим некогда ясный мир. В кн. высказывается непримиримое отношение П. к Маяковскому, романам Вербицкой, Михаилу Кольцову. Здесь же П. дает высокую оценку стилю («слогу») Ленина и его полемич. потенциалу, подчеркивая при этом свое резко отрицат. отношение к его полит. взглядам. В рец. на эту кн. *М.Алданов* высказал свое несогласие, назвав яз. Ленина «помесью немецкого с симбирским» (СЗ. — 1930. — № 42. — С. 541), отметив, что Ленин «создал шаблонный язык, а этот язык стал шаблонной модой, скучнейшим из штампов, образцом того, как не надо говорить по-русски, как не следует писать» (там же). *М.Осоргин* дал высокую оценку книги П., являющейся произв. «классного журналиста», несмотря на то, что «в его характеристиках, всегда метких, немало спорного: не всегда самое существенное получает наиболее яркую оценку, и порою сказывается газетная привычка считать «сегодняшнее» наиболее важным. Но эти мелочи нельзя не принять, как отличное увлечение, за которое не осудишь» (ПН. — 1930. — 16 янв.). По мнению *А.Амфитеатрова*, П. «один из тех, сравнительно немногих, кого в одурачивающей буре войн и революций ничуть не затронула надменная и в то же время жалкая «варваризация» века, дрогнувшего под диким напором «расходившейся, разгулявшейся силы поддонной». Пильский до мозга костей интеллигент, каждою каплею крови литератор» (Амфитеатров А. Рыцарь художеств. критики (К 30-летию лит. деятельности П.Пильского) // Сегодня. — 1931. — 19 апр.). А.Амфитеатров отмечает след. особенности творч. метода П. — лит. критика: «...начиная с уловления характерных для автора подробностей и, как-будто, мелочей, затем слагает из них, как из фиговых кусочков китайской головоломки, методическую цельность общего доказательства. Когда Пильский дает широкую характеристику писателя, вы видите, что она не с ветра взята, но критик досконально знает историю своего избранника: говорит с писателем не по капризному налету с кондачка, но внимательнейше следит за ходом его творчества уже давно, может быть с самых первых его шагов в литературу» (там же). П. вел лит.-худож. отдел в газ. «Сегодня». «Работа, которую делает в своей газете П.М.Пильский, — писал *И.Шмелев*, — есть поистине служба культуре русской... былой, и — нынешней, от этой «былой» — неотделимой» (Шмелев И. П.М.Пильский. К 30-летию лит. деятельности // Россия и славянство. — 1931. — 25 апр.).

В 1930 журн. «Числа» (1930. — № 2/3) опубл. анкету для писателей, состоящую из трех вопросов (Считаете ли Вы, что рус. лит-ра переживает в наст. время период упадка? В чем Вы видите признаки упадка? Каковы его причины?) Среди откликнувшихся был и П., к-рый считал, что правильнее говорить не об упадке лит-ры, что само по себе «звучит зловеще, как и другое слово — «расцвет» — кажется слишком пышным» (там же. — С. 320), а об упадке «писательских настроений», характерном как для сов., так и для заруб. авторов. У сов. писателей это проявляется, по мнению П., в усталости, душевном сни-

кании, во внутр. вялости, нервной взвинченности, как бы они «ни притворялись бодрыми и воинственными». Признаки этого явления у заруб. авторов П. видит в преобладании упаднич. тем, хотя «...если сравнить, здесь бодрости больше, чем там» (там же). В целом же П. считает, что «о литературном упадке не может быть и речи» (там же. — С. 321), и это не упадок и не поражающий расцвет». Напротив, наблюдается «волна литературного возбуждения, творческий подъем, жажда писательства» (там же).

Изд.: Истерзанный. К 100-летию рождения Лескова // СЗ. — 1931. — № 46.

Заочные лекции, писательство и журнализм, как писать ром., пов. и рассказы, журнализм. — Рига, 1936.

[Ст. и восп.] // Даугава. — 1993. — № 5, 6.

Лит.: Плещеев А. Рец.: «Роман с т-ром» // Сегодня. — 1929. — 20 дек.

Светлов В. Рец.: «Затуманившийся мир» // Сегодня. — 1929. — 28 апр.

Кадашев В.А. Пильский: К тридцатилетию лит. деятельности // Числа. — 1931. — № 5.

Саввич Н. Критик-художник: К 70-летию со дня рождения П.Пильского // Грани. — 1947. — № 3.

А.М.Шахмайкин

ПЛЕЩЕ́ЕВ Александр Алексеевич (7(19).X.1858, Петербург — 5.XII.1944, Париж) — прозаик, драматург, журналист, театр. критик, историк балета. Сын поэта А.Н.Плещеева. Был актером Малого театра в Москве и Александринского театра в Петербурге. Печатался с 1876. Сотрудничал в петерб. и моск. изд. «Петерб. листок», «Петерб. газета», «Биржевые вед.», «Новое время», «Столица и усадьба», «Моск. листок», «Суфлер» и др. Писал под псевд. Глебский А., Калиостро, Ложа бель-этаж, Муха, Полковник Скалозуб, Чичероне и др. В 1884-85 ред. журн. «Театральный мирок», в 1903-05 — газ. «Петерб. дневник театрала», в 1906-07 журн. «Невод» и в 1909 — газ. «Что нового». В 1908-09 был соредактором газ. «Биржевые вед.». Автор ок. тридцати пьес, лучшая среди них комедия «В своей роли» о жизни актеров. Пьесы П. ставились во мн. театрах, в том числе и на сцене Александринского театра. В 1896 в Петербурге увидела свет его книга «Наш балет». Его кн. «Что вспомнилось» издана в Петербурге в 1914. В 1919 П. эмигрировал. Сотрудничал в газ. «ПН», «В», «Россия», «Сегодня» и др. Почетный чл. Союза деятелей рус. иск-ва в Париже. За годы жизни в эмиграции им были написаны и изданы кн.: «Без ужасов: Юмористич. рассказы» (Рига, 1928, с предисл. *П.Пильского*); «Что вспомнилось: За 50 лет: Театральные восп.» (Париж, 1931); «Под сению кулис...» (Париж, 1936); «Сергей Лифарь. От старого к новому» (Париж, 1938); «Мое время» (Париж, 1939). *А.Куприн* писал о сб. рассказов «Без ужасов»: «Плещеев умело и остроумно перемешивает легкий прозрачный юмор с самой крошечной дозой тихой грусти. Он тщательно избегает описаний лиц и предметов, разве обронит изредка краткое, меткое словечко. Еще строже он к описаниям природы... Какое общее впечатление? Неглубоко — это так, но мило, весело и нежно. Порой, с удовольствием, беззаботно посмеешься, порою — незаметно вздохнешь, а глядь — книга уже проглочена» (В. — 1929. — 17 янв.). И о кн. П. «Что вспомнилось»: «Впечатление от нее самое приятное: добродушие, спокойствие, вежливость, искренность и отличный русский язык, без ломания и без надуманных выкрутасов, — язык, от которого уже начинаем отвыкать мы, живущие по обеим сторонам рубежа» (В. — 1931. — 14 мая).

Лит.: Светлов В. А.А.Плещеев: К предстоящему 50-летнему юбилею // Сегодня. — 1926. — № 165.

Пильский П. А.А.Плещеев: 60 лет лит. деятельности // Сегодня. — 1936. — № 327.

Словцов Р. Рец.: «Под сенью кулис...» // ПН. — 1936. — 17 дек.

Вельский Р. [Пильский П.] Рец.: «Мое время» // Сегодня. — 1939. — № 175.

С. Рец.: «Мое время» // ПН. — 1939. — 22 июня.

В.П.Нечаев

ПО́ЗНЕР Владимир Соломонович (5(18).I.1905, Париж — 19.II.1992, Париж) — поэт, беллетрист, критик, публицист, киносценарист, переводчик. Род. в семье журналиста, обществ. деятеля и историка рос. ев-

рейства Соломона Владимировича Познера (1880-1946). В нач. 1910-х П. приехал с родителями в Петербург, где поступил в г-зию Шидловской, затем перешел в Тенишевское уч-ще. Благодаря лит. связям отца П. с детства познакомился со мн. писателями — от *М.Горького* и *Л.Андреева* до Н.Гумилева и *А.Ремизова*. Начал свою лит. деятельность как поэт. В 1919 поступил в лит. студию при изд-ве «Всемирная лит-ра» (где служил отец), к-рая затем была преобразована в студию при Доме иск-в, занимался в семинаре Гумилева. Отец П. после расстрела Гумилева писал об этой студии: «В жестокой, звериной обстановке советского быта это был светлый оазис, где молодежь, не погрязшая в безделье и спекуляции, находила отклики на эстетические запросы» (ПН. — 1921. — 9 сент.).

В нач. 1921 П. стал чл. группы «Серапионовы братья», участвовал 1 февр. в ее первом учредит. собрании (впоследствии переводил произв. «серапионов» на франц. яз.).

В мае 1921 П. эмигрировал во Францию. Его лит. дебют в печати состоялся в Петрограде уже после отъезда, летом 1921: «Баллада о дезертире», опубл. во 2-й кн. «Альманаха Цеха поэтов». В Берлине П. снова опубл. «Балладу о дезертире» (Голос России. — 1922. — 12 марта) и посвятил ее памяти Н.Гумилева, слышавшего ее в исполнении автора на студийных занятиях. П. поступил в Сорбонну (окончил в 1924) и включился в лит. жизнь рус. эмиграции, встречался с приезжавшими в Париж Есениным и Маяковским (см. его беседы с Есениным: Дни. — 1926. — 24 янв. и с Маяковским: Le journal littéraire — P., 1924. — 29 novem., а также некролог Маяковского — La Nouvelle revue française. — 1930. — 1 juin).

П. стал чл. лит.-худож. кружка «Гатарапак», сотрудничал в изданиях Парижа и Берлина (СЗ. — 1922. — № 9; Эпопея. — 1923. — № 4; альм. «Цех поэтов». — 1923. — № 4; сб. «Из новых поэтов». — Берлин; М., 1923; Воля России. — 1926. — № 6/7, 8; 1929. — № 3; газ. «Звено»). В 1928 издал в Париже первый и единственный поэтич. сб. «Стихи на случай. 1925-28 гг.». В них П. отказался от сатирич. поэтики своих ранних стихов, отчасти навеянной «гимнами» Маяковского и балладной традицией Киплинга, и ориентировался, не без влияния *Ходасевича*, на классич. и постсимволистскую традицию. *Г.Адамович* отметил в своем отзыве, что в стихах П. «ничего не осталось от прежних озорных выкриков, от прежних трубных звуков и барабанного боя», но что «ценой отказа от былых увлечений он достиг одухотворенности» (СЗ. — 1929. — № 38. — С. 525). *В.Набоков* с характерной для него иронией писал о вторичности стихов П.: «Прилежный слух различит, как тютчевский «ветр», пробежав бурной зыбью по лире Блока и Анненского и последним своим дыханьем распушив крыло музе Ходасевича — ныне, уже бессильным отголоском, звучит в стихах некоторых современных молодых поэтов. Вот почему то, что хорошо в сборнике Познера, вызывает вместо удовольствия какое-то странное раздражение, словно в этой пэонистой бурновещественной поэзии знакомый нам «ветр» производится пропеллером в кинематографической мастерской» (Руль. — 1928. — 24 окт.). В отличие от Набокова Ходасевич, хотя и отметил длинную «родословную» молодого поэта, дал сочувств. оценку стихам П.: «У Познера есть дарование, есть мысли (которые он напрасно порой подменяет остроумием), есть желание быть точным в выборе слов, есть умение «строить» пьесу» (В. — 1928. — 26 июля). Сдержанно, но в целом одобрительно отозвался о стихах П. и Б.Пастернак в письме к нему от окт.-нояб. 1929: «Вам книжки не надо (и не приходится) стыдиться. Читать ее было приятно. Даже в невыгоднейших для поэзии расположеньях, в жанре, например, невыпуклой задумчивости с обезразличенным словарем (какова вся 1-я часть), вы с промежутками, от страницы к странице, нападаете на значащие строчки. Они — ваши союзницы. От них узнаешь, что и страницы вашей художественной несамостоятельности (умышленной, разумеется) — восходят к самостоятельно пережитому» (ЛН. — М., 1983. — Т. 93. — С. 726).

Вскоре П. отказался от стихов и участия в рус. лит. жизни и перешел на франц. яз. — выступал как прозаик, журналист и переводчик сов. писателей. В 1929 П. выпустил в Париже свою первую кн. на франц. яз. «Panorama de la littérature russe contemporaine», включающую главы о рус. литераторах от И.Анненского до пролет.

писателей и выдержавшую неск. изданий, а также составил «Anthologie de la prose russe contemporaine» (P., 1929) в собств. переводах. Кн. о совр. рус. лит-ре получила положительные отзывы. В.Ходасевич писал: «Во французской литературе она, несомненно, составит, как говорится, «вклад» — не потому только, что она единственный труд на данную тему, но и потому, что в ней есть самостоятельные достоинства» (В. — 1929. — 11 апр.). Высокую оценку этой работе дал также Пастернак в письме к П. от 23 мая 1929 (ЛН. — Т. 93. — С. 726).

Впоследствии П. занимался переводами сов. писателей, переписывался с И.Бабелем, М.Зощенко, В.Катаевым, Б.Пильняком, Н.Тихоновым, В.Кавериным, *В.Шкловским* и др. В своих произв., написанных на франц. яз., обращался к «русским» темам — выпустил кн. очерков об СССР («URSS». — P., 1932), документ. кн. о Льве Толстом («Tolstoi est mort». — P., 1935; на чеш. яз.: Прага, 1937), ром. о борьбе барона Унгерна с Красной армией («Le mors aux dents». — P., 1937), две книги восп. — о *Горьком* («Souvenirs sur Gorki». — P., 1957) и о др. писателях — А.Блоке, А.Ахматовой, Б.Пастернаке, И.Бабеле, В.Шкловском («Vlad Pozner se souvient». — P., 1989).

В 1932 П. стал чл. франц. компартии, сотрудничал с «Юманите», участвовал во второй мировой войне, во время оккупации Франции находился в США, после войны стал видным полит. деятелем, выступал против войны в Алжире, был ранен террористами-«оасовцами». В 1950-70-е выпустил неск. романов, посв. полит. противостояниям в предвоенное и послевоенное время во Франции, Алжире, США и Испании. В июне 1991 приезжал в Москву по приглашению Ин-та мировой лит-ры им. А.М.Горького.

Лит.: Руднев В.В. Рец.: «URSS» // СЗ. — 1932. — № 50.
Михайлов А. Книга восп. о Горьком // Иностр. лит-ра. — 1958. — № 1.
Зонина Л. Рец.: «До свидания, Париж!» // Новый мир. — 1965. — № 8.
Парнис А. ...Блок, Маяковский, Ходасевич и др. в париж. альбоме // Опыты. — Париж; СПб., 1994. — № 1.

А.Е.Парнис

ПОЛТОРА́ЦКИЙ Николай Петрович (16.II.1921, Константинополь — 14.X.1990, Ленинград) — философ, славист, публицист, историк рус. религ.-филос. и эстетич. мысли XX в.

Сын офицера Белой армии, родился в Турции, где находились в то время войсковые части ген. Врангеля. Вскоре родители П. переехали в Болгарию, где он жил до 1944. Его отец стал видным священнослужителем рус. Православной Церкви. П. учился в рус. софийской г-зии, затем в Софийском ун-те на славянск. ф-те. После войны П. с женой и малолетним сыном уехал во франц. Марокко, где оставался недолго. Затем переехал в Париж, поступил в Сорбонну и в 1954 защитил докт. дис. «*Бердяев* и Россия» у проф. Сорбонны Пьера Паскаля. Окончил Высшую школу филос. и теологии в г.Регенсбурге, где был сотр. газ. «Эхо», писал ст., анализируя положение рус. полит. эмигрантов. Его пригласили заведовать рус. ред. на «Радио Свобода». В 1955 П. с семьей переехал в США. Он был занят научно-исследоват. работой в обл. советологии, а потом перешел на преподават. работу. Девять лет П. возглавлял рус. программу в Мичиганском ун-те и восемь лет в Летнем Ин-те при Миддлберийском колледже в Вермонте, где был пом. дир. Ин-та. П. более двадцати лет преподавал в Питтсбургском ун-те и возглавлял там Отдел славянских яз. и лит-ры. П. пост. участник амер. и европ. конгрессов и конференций по россике, истории, философии и политике. Находясь в Мичиганском ун-те, П. создал там Архив проф. *И.Ильина*, став душеприказчиком и продолжателем его дела и идей.

Полит. ориентации П. можно определить как либерально-консервативные или консервативно-либеральные; его симпатии были на стороне *П.Струве*, архимандрита Константина (*Кирилл Зайцев*), Н.С.Тимашева, Н.А.Цурикова и особенно И.А.Ильина, учеником к-рого он был и кому он посвятил б.ч. своей творч. жизни и деятельности. П., как и его отец, был активным борцом с большевизмом, рус. патриотом, верившим в неминуемый крах коммунистич. системы. Вместе со своим отцом с 1942 по 1944 он находился в оккупиров. немцами р-нах России, где помогал рус. людям. Тяга к просвещению, попытка донести правду всем, живущим в России, была доминантой жизни П. Он приехал в Россию 9

окт. 1990 по приглашению филос. ф-та Ленинградск. ун-та, где 11 окт. выступил с блестящей двухчасовой лекцией и три часа отвечал на многочисл. вопросы аудитории. После лекции и подъема на галерею Исаакиевского собора он умер от сердечного приступа.

Одной из первых кн. П. стала его дис. «Бердяев и Россия: (Философия истории России у Н.А.Бердяева)» (Нью-Йорк, 1967). П. предлагает четырехступенчатое деление филос. эволюции Бердяева: периоды — социологический или психологический, исторический или космический, этический или персоналистический и эсхатологически-анархический («Бердяев и Россия». — С. 7-8). Критич. отношение П. к философии Бердяева развивает суждения по этому поводу трех церк. и трех светских мыслителей — о. Константина (Зайцева), прот. *Г.Флоровского*, прот. *В.Зеньковского*, *Л.Шестова*, *Н.Лосского* и *Г.Федотова*.

П. издал кн. «Россия и революция: Рус. религ.-филос. и национально-политич. мысль XX в.» (Tenafly, 1988), в к-рой, кроме иссл. о сб. «Вехи» и «Из глубины», находим эссе о Н.Бердяеве, *Ф.Степуне*, С.П.Мельгунове, Н.С.Тимашеве, П.Струве, Н.Цурикове и И.Ильине. Ранее он издал кн. «П.Б.Струве как политический мыслитель» (Лондон, 1981), «Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение» (Tenafly, 1989). Этому особенно любимому им философу П. посвятил иссл. «И.А.Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой» (Лондон, 1975), «Монархия и республика в восприятии И.А.Ильина» (Нью-Йорк, 1979). П. издал мн. работ И.Ильина (в том числе не публиковавшихся ранее): «Рус. писатели, лит-ра и художество» (Вашингтон, 1973), «О сопротивлении злу силою», 2-е изд.: (Лондон, 1975), «О монархии и республике» (Нью-Йорк, 1979), «О грядущей России» (Джорданвилл, 1991); в журн. «Рус. Возрождение» и «Вече» впервые опубл. лекции и рукоп. И.А.Ильина. Издал «Письма И.А.Ильина к П.Б.Струве» (ЗРАГ. — 1986. — № 19). Под ред. П. вышли два сб. ст. В первом — «Рус. лит. в эмиграции» (Питтсбург, 1972) содержатся ст. о *М.Алданове*, *И.Бунине*, *З.Гиппиус*, *Б.Зайцеве*, *Вяч.Иванове*, *Д.Мережковском*, *А.Куприне*, *Н.Тэффи*, *М.Цветаевой*, *И.Шмелеве*, при этом авторами выступают Б.Зайцев, *В.Вейдле*, *Ю.Иваск*, И.Ильин, *В.Ильин* и мн. др. рус. и иностр. авторы. Во втором сб. — «Рус. религ.-филос. мысль XX в.» (Питтсбург, 1975) — об *Н.Арсеньеве*, *С.Булгакове*, *Б.Вышеславцеве*, В.Зеньковском, *Л.Карсавине*, А.В.Карташеве, Н.Лосском, Д.Мережковском, З.Гиппиус, В.В.Розанове, Е.В.Сперанском, Ф.Степуне, С.Н. и Е.Н.Трубецких, Г.Федотове, П.А.Флоренском, С.Франке, причем авторами являются — В.Вейдле, А.Шмеман, Н.Зернов, *С.Левицкий*, Ю.Иваск, Б.Филиппов, Н.Арсеньев, Дж.Л.Клайн (США). Благодаря трудам П. создана своего рода энциклопедия рус. религ., филос. и эстетич. мысли, где можно найти существ. информацию и характеристику представителей рус. религ. Возрождения.

Изд.: Полит. жизнь США. — Регенсбург, 1947 (под псевд. Н.Петровский).
Философия эсхатологич. анархизма // В. — 1950. — № 9. (под псевд. Н.Петровский).
Рус. религ. философ / Предисл. Савкина И.А. // ВФ. — 1992. — № 2.

Лит.: Дынник А. Проф. Н.П.Полторацкий (1921-1990) // ЗРАГ. — 1990. — № 23.
Бутков В.Н. Проф. Н.П.Полторацкий // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 3.
+ РФН; РФР.

Ю.Т.Лисица

ПОЛЯКО́В-ЛИТО́ВЦЕВ (Поляков) Соломон Львович (1875—кон. 1945) — журналист, прозаик, драматург. Род. в ортодоксальной еврейской семье, до 17 лет не владел рус. яз. До революции был думским корр. газ. «Речь». После революции эмигрировал. В 1921 в Берлине вышла его драма «Лабиринт», созд. еще в 1910 в Петербурге. Пьеса была одобрительно встречена критикой, удостоилась премии им.А.Н.Островского, ее перевели на нем. яз.; 23 нояб. 1923 в Париже пьесу представила Труппа драматич. артистов (реж. Н.Дризен). Ист. роман П.-Л. «Саббатай-Цеви» (Берлин, 1923) повествует о евр. мессианском движении сер. XVII в.: действие происходит в Польше, России, Голландии и др. странах. Ром. также был пер. на нем. яз. Если Б.Каменецкий (*Ю.Айхенвальд*), сравнивая роман с драмой Ю.Жулавского

«Конец мессии», отдает предпочтение последней («нельзя сказать, что автор с этой большой темой совладал». // Руль. — 1923. — 17 июня), то для критика A.S. роман «ярче и сильнее» прочих произв. на данную тему (Накануне. — 1923. — 19 июня). П.-Л. печатался в газ. «Дни»; в «Жар-птице» (1921. — № 3) опубл. ст., посв. *И.Бунину*, выразив свое восхищение мастерством писателя. В 1926 совершил паломничество в Палестину, о чем 23 мая сделал доклад в сионистском кружке «Бней-Цион». Написанная в соавт. с *П.Потемкиным* драма «Дон Жуан — супруг Смерти» вошла в посмертное издание произв. последнего: Потемкин П. Избр. страницы. — Париж, 1928. Сатирич. пьеса построена на переосмыслении классич. сюжета в совр. для авторов ключе. П.-Л. вошел в Союз рус. писателей и журналистов; его имя среди авторов сб., посв. 70-летию П.Н.Милюкова (Париж, 1929). В 1932 посетил Австралию.

С нач. войны П.-Л. перебрался в США, где стал одним из сотр. журн. «Новоселье». Здесь он опубл. путевые заметки о посещении Австралии (1942. — № 3), а также свой пер. «Драки с Голиафом» Залмана Шнеура, автора, знакомого ему еще по Парижу: 40-летию его лит. деятельности П.-Л. посвятил один из своих очерков в «НЖ» (1943. — № 4). В Нью-Йорке в 1943 был переизд. ром. П.-Л. с новым назв. — «Мессия без народа», позже по кн. был снят фильм.

Лит.: Лучинин Л. Рец.: «Лабиринт» // Последние известия. — 1921. — 18 марта.
Третьяков В. Рец.: «Лабиринт» // Сегодня. — 1923. — 17 апр.
Мерич А. [Даманская А.] Рец.: «Саббатай-Цеви» // Сегодня. — 1923. — 22 июля.
Кроткова Х. Рец.: «Мессия без народа» // НЖ. — 1943. — № 5.
Седых А. Некролог // НЖ. — 1945. — № 11.

М.Г.Павловец

ПОПЛА́ВСКИЙ Борис Юлианович (24.V(6.VI).1903, Москва — 9.X.1935, Париж, похоронен на кладб. Иври, в 1948 гроб с останками перенесен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа) — поэт, прозаик.

Происходил из старинного польско-литовск.-укр. рода. Мать поэта — Софья Валентиновна Кохманская, из семьи, переселившейся в XVIII в. из Германии в Россию. Отец — Юлиан Игнатьевич учился в Моск. консерватории, один из учеников П.И.Чайковского. На формирование душевного и духовного мира П. влияние оказывала мать, состоявшая в отдаленном родстве с Е.П.Блаватской; она была убежденным адептом теософской доктрины. В доме Поплавских в Кривоколенном переулке собирался лит.-муз. кружок. В детстве П. вместе с матерью жил в Швейцарии и Италии, позднее образы Италии (Рима времен имп. Марка Аврелия и стоиков) и пейзажи Швейцарии появляются в стихах и прозе П. По восп. отца поэта (Новь. — Таллин, 1936. — № 8), первые стих. П. написал в 13-летнем возрасте из чувства соперничества с сестрой Натальей, богемной поэтессой, выпустившей сб. «Стихи зеленой дамы» (М., 1917). В 1917 П. начинает вести поэтич. дневник, в к-ром отражены настроения поэта после окт. переворота: «Хамовластие в России утвердилось навсегда. И спасет ее от смерти только власть Каледина» (Архив П. в Париже у вдовы Н.Д.Татищева).

В 1918 семья П. разделилась; П. вместе с отцом покидают Москву (мать с дочерью и старшим братом Всеволодом осталась в Москве) и до осени живут в Харькове, где и узнают о гибели Николая II и всей царской семьи в Екатеринбурге. Одно из первых стих. П. «Ода на смерть государя императора» написано в Харькове осенью 1918 (впервые в ежемес. «Северо-Восток». — Новосибирск, 1991. — № 2). В янв. 1919 в Ялте состоялся поэтич. дебют П.; здесь в Чеховском кружке он выступил с чтением стих.

В марте 1919 с отцом П. уезжает в Константинополь, но затем летом возвращается в Россию. В Ростове-на-Дону П. принимает участие в работе кружка «Никитинские субботники», близко сходится с поэтами Мих.Решеткиным и Георгием Штормом (1898-1978). Первое стих. П. напечатано в России, в альм. «Радио» в 1920 (Чертков Л. Дебют Бориса Поплавского // Континент. — 1986. — № 47).

С 1920 П. — в эмиграции, в Константинополе, увлекается творениями отцов церкви, ср-век. мистикой, теософией. По свидет-ву поэта и композитора Вл.Дукельско-

го, он вместе с П. в 1920 основал Константинопольский цех поэтов. Облик П. в Константинополе запечатлен также в стихах Дукельского (Памяти Поплавского // Перекрестки. — Филадельфия, 1979. — № 3) и в кн. *В.Варшавского* «Ожидание» (Париж, 1972). В 1921 вместе с отцом из Константинополя через Марсель прибывает в Париж, где слушает лекции Кришнамурти, вступает в теософское об-во. В 1922 П. в Берлине, где встречается с поэтами в «Доме иск-в», в т.ч. с Б.Пастернаком и *В.Шкловским*, к-рые его «обнадежили» (Письма П. к *Ю.Иваску* // Гнозис. — Нью-Йорк, 1979. — № 5/6). Эксцентричность П., ярко проявившуюся в сер. 20-х и в нач. 30-х в берлинский период, отметил *Р.Гуль* (НЖ. — 1983. — № 152. — С. 8-9). Осенью 1922 П. вернулся в Париж и в 1923 сблизился с группой рус. писателей и художников «Через». П. делает окончат. выбор: ставит крест на художнич. карьере и отдается поэзии и религ. философии, но, по собств. признанию, «долгое время был резким футуристом и нигде не печатался» (Письмо П. к Ю.Иваску 19 нояб. 1930 // Гнозис. — 1979. — № 5/6. — С. 207). В 1926 П. начинает работу над метафизич. ром. «Аполлон Безобразов», к-рую завершил в 1932. При жизни П. были изд. лишь отд. гл. ром. в журн. «Числа» (1930-1934. — № 2-3, 5, 10) и «Встречи» (1934. — № 6). Полный текст в «НЖ». — 1992. — № 187-189. Над вторым ром. «Домой с небес» П. работал вплоть до смерти, но отд. гл. увидели свет уже после смерти П. (Круг. — 1936-1938. — № 1-3). Отд. изд.: (вместе с «Аполлоном Безобразовым») — СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Первая публ. стих. П. (Воля России. — 1928. — № 2) привлекла внимание критики, но, по свидет-ву *Г.Адамовича*, уже раньше П. выступал с чтением стих и они ходили в списках в Париже. В 1928-31 стих. П. печатают журн. «Звено» (1928. — № 5), «Воля России» (1928. — № 7; 1929. — № 1, 3, 5-6, 10-11; 1930 — № 3, 9), «СЗ» (1929. — № 38, 40; 1930. — № 42, 44; 1931. — № 46), «Числа» (1930. — № 1, 4), альм. «Стихотворение» (Париж, 1928. — № 1, 2) и газ. «ПН».

«Лучшее открытие, которое можно сделать в «Воле России», — писал Георгий Адамович, — самый одаренный человек, самый сильный голос — бесспорно Борис Поплавский... У Поплавского есть глубокое родство с Блоком, прорывающееся сквозь чуждые Блоку приемы, сквозь другие влияния, уклонения, подражания, привязанности» (Звено. — 1928. — № 4. — С. 190-191). В отзыве на стихи П. в № 38 «СЗ» *В.Вейдле* указывал, что несмотря на отсутствие «совершенства, зрелости, полноты в его стихах... есть большое своеобразие, и это стихи поэта. Ранний Блок соединяется у Поплавского с влиянием некоторых французов, наконец воспринятых по настоящему, особенно влиянием Рембо» (В. — 1929. — 4 апр.). Столь же высоко оценил дарование П. и *К.Мочульский*, заметивший, что «Борис Поплавский — самый взрослый, самый законченный из «молодых поэтов». Его стихи — сложны и извилисты. Их неожиданные ходы, алогические сочетания и причудливые метафоры — не «легкая игра», а сознательный и тонкий расчет... Поэт строгий, равнодушный, насмешливый, одаренный редким чувством стиля и ощущением слова» (ПН. — 1929. — 13 июля).

Д.Святополк-Мирский признавал, что нек-рые из стихов П. «заставляют остановиться и с удивлением прислушаться к голосу настоящего и нового поэта. Интересно в Поплавском, однако, то, что он совершенно оторвался от русской поэтической тематики. Это первый эмигрантский писатель, живущий не воспоминаниями о России, а заграничной действительностью. Эволюция, неизбежная для всей эмиграции» (Евразия. — 1929. — № 7). В единств. прижизн. сб. стих. «Флаги» (Париж, 1931) П. включил стих. 1928-30 и неск. более ранних вещей 1923-27. Выход «Флагов» приветствовал даже скупой на похвалы и пользующийся непререкаемым авторитетом у париж. поэтов *Г.Иванов*, сравнивший «силу нездешней радости, которая распространяется от «Флагов»... с впечатлениями от симфоний *Белого* и даже от «Стихов о Прекрасной Даме» (Числа. — 1931. — № 57 — С. 233).

В отзыве на выход «Флагов» Г.Адамович, отмечая большие ожидания, связанные с явлением П., указывал, «что за последние пятнадцать лет никто из «начинающих» подобных ожиданий не вызывал». И все же, считает Адамович, «Флаги» полн. не оправдали всех ожиданий и «может быть, не в стихах суждено Борису Поплавскому окончательно высказаться» (ПН. — 1931. — 16 апр.). Единств. резко

критич. отзыв о «Флагах» принадлежит *В.Набокову*: «Поплавский дурной поэт, его стихи — нестерпимая смесь *Северянина*, *Вертинского* и Пастернака (худшего Пастернака), и все это приправлено каким-то ужасным провинциализмом» (Руль. — 1931. — 11 марта). Через двадцать лет Набоков пересмотрел отношение к поэзии П. и в кн. «Другие берега» говорил, что никогда не простит себе этой злобной рец., в к-рой нападал на него за погрешности в стихах.

Нек-рые стих. «Флагов» и в особенности мн. стих., вошедшие во второй сб. стих. «Снежный час», позволили критикам причислить П. наряду с Г.Адамовичем, *Л.Червинской* и *А.Штейгером* к «парижской ноте» рус. поэзии, для к-рой характерно тяготение к простоте без словесных изысков, с установкой, близкой лирич. дневнику, с принцип. отказом от формальной новизны футуристов, Пастернака или обэриутов в попытке передать размышления о «самом главном» — о вечной судьбе человека, о любви и смерти. Отзывы о сборнике «Флаги» и о трех изд.: посм. сб. стих. П. — «Снежный час» (Париж, 1936), «В венке из воска» (Париж, 1938) и «Дирижабль неизв. направления» (Париж, 1965) приведены в кн. «Борис Поплавский в оценках и восп. современников» (СПб.; Дюссельдорф, 1993).

П. активно участвовал в лит. жизни рус. Парижа: выступал на вечерах объединения «Кочевье», ред. журн. «Числа», кружка «Зеленая лампа», на «воскресеньях» *Д.С.Мережковского*. До наст. времени удалось восстановить только два доклада П. — о «Петербургских зимах» Г.Иванова в лит. объединении «Кочевье» 2 мая 1929 (РМ. — 1990. — 4 мая; публ. А.Н.Богословского) и доклад в «Зеленой лампе» — «О личном счастье в эмиграции» 31 мая 1934 (ВРСХД. — 1990. — № 1). О др. выступлениях П. узнаем лишь по кратким извещениям в париж. газ. «ПН» и «В».

Наиб. неразработанной частью творч. наследия П. остаются дневники поэта, сохраненные его другом и душеприказчиком и исследователем творчества Н.Д.Татищевым. Отрывки из дневников 1928-35 изданы друзьями поэта в 1938 в Париже («Из дневников, 1928-1935»). Более или менее систематически П. начинает вести дневник в эмиграции — в Константинополе (1921), затем в Париже, в Берлине (1922) и вновь в Париже. Дневники отражают филос. и религ. искания П., по собств. признанию, его «роман с Богом». Постоянно обращаясь к дневникам, перечитывая их, П. выделял нек-рые фрагменты и «утилизовал» — включал в ром., ст., эссе, отдавая предпочтение спонтанной записи, в к-рой видел проявление высшей духовной реальности. Дневники П. заинтересовали *Н.Бердяева* как документ совр. рус. молодой души в эмиграции (Бердяев Н. По поводу «Дневников» Б.Поплавского // СЗ. — 1939. — № 68). Г.Адамович выражал уверенность, что кн. дневников П. ждет своего часа и не сомневался, «что склонятся над ней когда-нибудь — по примеру Бердяева — с любопытством и даже волнением ученые исследователи, богословы, психологи» (Адамович. — С. 285).

П. умер при загадочных обстоятельствах, до наст. времени нет у исследователей твердой уверенности в причинах смерти поэта — несчастный случай или самоубийство.

Изд.: Собр. соч.: В 3 т. — Беркли, 1980-81.
Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма / Сост. Богословский А.Н. — М., 1996.
Покушение с негодными средствами /Сост. Гейро Р. — М., Дюссельдорф, 1997.

Лит.: Райс Э. О Борисе Поплавском // Грани. — 1979. — № 114.
Михайлов О. Поэт «потерянного поколения» // Волга. — 1989. — № 7.
Васильев И. Борис Поплавский. Дальняя скрипка // Октябрь. — 1989. — № 9.
Ратгауз М.Г. О Борисе Поплавском // Ново-Басманная, 19. — М., 1990.
Богословский А.Н. Интервью с Элен Менегальдо // Человек. — 1992. — № 5.
Богословский А.Н. Легенда Бориса Поплавского // РМ. — 1992. — 11 сент.-2 окт.
Аллен Л. Судьба поэта // Звезда. — 1993. — № 7.
Чагин А.И. Орфей рус. Монпарнаса (О поэзии Б.Поплавского // Рос. лит-ведч. журн. — 1996. — № 8-9.
Menegaldo H. L'univers imaginaire de B.Poplavski (1903-1935). — P., 1981. — T. 1-2 (дис.).

+ Адамович; Бахрах; Казак; Михайлов; Одоевцева; Струве; Терапиано.

А.Н.Богословский

ПО́СТНИКОВ Сергей Порфирьевич (1883, Архангельск — 1965, Прага, похоронен на Ольшанском кладб.) — библиограф, редактор, издатель, очеркист. Сын учителя. В 1912 П. основал в Петербурге журн. «Заветы» и до 1914 редактировал его и был секр. редакции. Активный чл. партии эсеров. В 1917 избран в Учредит. собрание. В 1917-18 в Петрограде редактирует газ. «Дело народа», одновременно и секр. ее редакции. В эти же годы П. — пред. лит. совета кооперативного изд-ва «Колос» (Петроград, Москва), к-рое выпускало кн. по философии, истории лит-ры и рев. движения, библиографии.

Преследования властей заставили П. нелегально эмигрировать. С 1921 он живет и работает в Праге. В 1920 в Праге было основано изд-во «Воля России». В 1921 в его состав вошел и П. До 1932 (год закрытия журн. «Воля России») П. был пост. сотрудником его лит.-критич. отдела. Его ст., рец., обзоры появлялись почти в каждом номере журн. Вдохновителями лит. собраний, получивших название «Вторники» «Воли России», были *М.Л.Слоним* и П. (вечера, посв. И.Бабелю, Л.Леонову, *М.Цветаевой* и др.).

С 1923 начинается активная деятельность П. как одного из основателей «Рус. заграничного ист. архива» (РЗИА) в Праге, члена его Ученой комиссии и зав. его б-кой. РЗИА был крупнейшим собранием документов, кн. и периодики рус. эмиграции «первой волны». Это дало возможность П. работать над своими библ. трудами. На базе РЗИА в Праге в 1923 был организован «Комитет рус. книги» при деятельном участии П. Результатом работы «Комитета» стала «Выставка рус. зарубежной книги» (Прага, 1924) и выход двухтомной библ. «Рус. зарубежная книга» (Прага: Пламя, 1924. — Ч. 1. — Библ. обзоры по отдельным областям знаний. Ч. 2 — Библ. указатель рус. зарубежной кн. с 1918 по июль 1924 под ред. и с предисл. П.), где впервые дана общая картина всей зарубежной рус. книжной продукции за указанные годы. В 1928 выходит кн. «Русские в Праге: 1918-1928» под ред. П. (Прага, 1928). В предисл. П. пишет: «Цель настоящей книги показать итоги русской эмигрантской работы в Праге за первые десять лет,.. дать картину того, в каких условиях жили русские люди, что сделали они, как для своего собственного устройства, так и в области культуры, науки и воспитания молодежи... как в чужой заграничной обстановке и в тяжелых условиях эмигрантской жизни не потерялись, но нашли в себе достаточно духа и энергии, чтобы работать во всех областях человеческой культуры» (с. 5). Кн. содержит справочные очерки о рус. общественных, научных и творческих организациях в Праге, о лит. кружках, изд-вах, б-ках. К работе над кн. П. привлек видных деятелей рус. эмиграции в Праге: М.М.Новикова, А.В.Флоровского, В.Г.Архангельского, С.И.Гессена, И.И.Лапшина и др.

В 1945 П. был арестован сов. властями и отправлен из Праги в Москву. Там Особым советом НКВД за принадлежность к партии эсеров и антисов. деятельность он был осужден на 5 лет. В 1950, отбыв наказание в лагере, П. как инвалид был отправлен на поселение в Никополь, где жила его сестра. С 1951 П. работал швейцаром в чайной. В 1955 он выхлопотал разрешение вернуться в Чехословакию, где продолжил библ. деятельность и выпустил кн. «Политика, идеология, быт и ученые труды рус. эмиграции: 1923-1957. Библ.» (Прага, 1957; переиздано: Нью-Йорк, 1993).

Изд.: О молодой эмигр. лит-ре // Воля России. — 1927. — № 5/6.

Страх перед Толстым: О борьбе с идеями Толстого в СССР под видом признания Толстого // Воля России. — 1928. — № 8/9.

Рус. заграничный ист. архив при Мин. ин. дел ЧР / Под ред. Постникова С.П. — Прага, 1931.

Библиография рус. революции и гражд. войны: (1917-1921). — Прага, 1938.

Лит.: Милославский П.П. Друзья рус. книги // Воля России. — 1925. — № 9/10.

Мельгунов С.П. Рец.: «Библиография рус. революции и гражд. войны» // СЗ. — 1938. — № 66.

В.А.Соколова

ПОТЁМКИН Петр Петрович (1886, Орел — 21.X.1926, Париж) — поэт, писатель-юморист, драматург, переводчик. Род. в семье чиновника, отец — близкий к лит. кругам человек, — занимал высокий пост на петерб. Службе сборов. Детство П. про-

шло в Риге, затем учился на историко-филол. ф-те Петерб. ун-та. Будучи студентом, напечатал первые стихи в сатирич. журн. «Сигнал» (1905. — № 2).

П. вспоминал: «Когда меня выгнали из гимназии, я решил сделаться писателем» (Комета. — СПб., 1906. — № 1. — С. 5). Остроумные миниатюры, басни, сказочки П. печатались также в журн. «Вололаз», «Рапира», «Маски», «Комета», «Еж» и др. сатирич. изд.: 1905-7, часто под псевд. Андрей Леонидов и Пикуб.

В 1906 П. сближается с символистами, становится завсегдатаем на лит. «воскресеньях» у Ф.Сологуба, знакомится с *Вяч.Ивановым*, Г.Чулковым, Н.Гумилевым. Он сотрудничает в модернист. изд.: («Остров», «Золотое руно» и др.), илл. прил. к газ. «Русь». Первый сб. стихов П. «Смешная любовь» (СПб., 1908) показал, что его автор далек от безоговорочного принятия символист. манифестов. В.Брюсов в рец. на этот сб. назвал кн. однодневкой, однако отметил, что П. «сразу сделался маленьким «мэтром», создателем своего стиля и чуть ли не своей школы» (Весы. — 1908. — № 3. — С. 78). Причудливый ритмич. рисунок стихов П., тонкая, едва уловимая пародия на А.Блока, М.Кузмина, Ф.Сологуба действительно принесли шумный успех молодому автору. *Саша Черный* вспоминал, что уже в первой кн. П. обнаружил «присущие его лире свойства: эластичную плавность стиха, изысканное мастерство сложного ритма, прерывистый перебой строк, четко отвечающий внутреннему волнению» («Избр. страницы». — Париж, 1928. — С. 5).

П. — певец буден, повседневности, мещанского быта. Его герои снижают возвыш. пафос символистской поэзии: блоковская Прекрасная Дама оказывается парикмахерской куклой, сказка оборачивается пошловатым фарсом. Гл. герой П. — город в его повседневной будничной суете. Сатиры, напечат. в «Сатириконе», составили второй сб. П. «Герань» (СПб., 1912), для к-рого характерно соединение лирически трогательного иораздо забавного.

Развитие П. шло от романтич. пародии и лирич. сатиры к бытовому юмору с психологич. подтекстом. Новая сторона его таланта раскрылась в изящных и тонких театр. миниатюрах, созданных для «Дома интермедий», «Бродячей собаки», «Летучей мыши» и др. камерных кабаре и театров 1910-х (неопубл.). Особенно плодотворным было его сотрудничество с «Кривым зеркалом», где играла его первая жена Е.Хованская. В те же годы П. выступал как дет. писатель в журн. «Галчонок» (СПб., 1911-13), как фельетонист газ. «День», театр. рецензент и прозаик в газ. «Рус. молва» и «Рус. слово», журн. «Солнце России», «Аргус», «Синий журнал». П. занимается пер. с нем. яз. (Шамиссо, Ведекинд и др.).

Окт. революцию П. не принял и в нояб. 1920 вместе со второй женой и маленькой дочерью эмигрировал: из Одессы уехал в Бессарабию, там переплыл на лодке Днестр, «представший Рубиконом» (стих. «Переход»). Из Румынии П. переехал в Чехословакию и жил в Праге до 1924. Он деятельно включился в обществ. и лит. жизнь эмиграции: был членом правления и казначеем Союза рус. писателей (см. письмо *В.Ф.Булгакову* 23 апр. 1925. — РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1, № 1008), в Праге организовал «устный альманах», в к-ром в 1922-23 выступали участники лит. кружков «Скит поэтов» (Прага) и «Таверна поэтов» (Варшава), продолжая работать над поэмой «На рассвете» (неоконч.). П. много занимался пер. чеш. поэтов в журн. «Воля России» (1924. — № 4, 12/13, 16/17), итогом чего явились «Антология чеш. поэзии» (Прага, 1925) и пер. поэмы И.Голенчека «Христос и пахарь» (Воля России. — 1923. — № 6-7).

В 1923 в Берлине вышла третья кн. стихов П. «Отцветшая герань: То, чего не будет», в к-рой собраны произв., опубл. в России накануне революции и созданные в Праге. Подзаг. кн. «То, чего не будет» свидетельствовал, что П. не питал никаких надежд на восстановление старого строя, поэтому милые его сердцу картины жизни рос. провинции или шумной столицы окрашены нотами горечи и тоски. Он смакует детали прошлого, любовно рассказывает о старом Петербурге или Москве, рисует колоритные фигуры их обитателей («Татарин», «Дуняша», «Вдова», «Молчальники» и др.). Оживая в предметно точных зарисовках П., они напоминают о навсегда потерянной России («Герань», «На лесах», «На колокольне Ивана Великого»). Новым смыслом наполнились стихи париж. цикла («Париж. зеркала», «Балаган», «Силомер», «Апашка»), написанные в 1913 для несостоявшейся кн.

стихов П. «Париж» (РГАЛИ. Ф. 1715. Оп. 1, № 1). Щемящее чувство одиночества, ощущение бесцельности жизни столь же характерны для них, как и для эмигр. произв. («Беженка», «Комета», «Переход»). В цикле «Двое» (Воля России. — 1922. — № 32) трагически завершается начатая в первых кн. П. тема «Он» и «Она».

Меняется характер смеха П.: из светлого и веселого он превращается в горький, порой даже саркастич. («Нет, не пустим Ильича», «Романтич. цветы» и др. стих., печатавшиеся в польск. и рум. газ. 1922 «За свободу!», «Бухарестские новости»). Особое место занимает цикл «Че-Ка», посв. памяти расстрелянного Н.С.Гумилева, с к-рым П. связывала многолетняя дружба. Семь стих. цикла воспроизводят обстановку камеры, фигуру караульного, его «удалую» песню перед расстрелом узников карцера, дележ «свежей добычи» (За свободу. — 1922. — 5 марта). В 1922-26 П. печатался также в газ. «Сегодня», «Рижский курьер», «Руль», «Дни» и др. Он мучительно тосковал по России, пытаясь забыться в легких театр. юморесках («Любовь по чинам», «Полотер» и др.), оставшихся неизд.; в восп. о В.Мейерхольде и т-ре «Дом интермедий» (ПН. — 1926. — 13 июня), пер. дет. кн. («Зеленая шляпа. Книжка-картинка для детей» Г.Франциуса. — Берлин, 1924). По отзывам современников, в его веселых юморесках «было очень острое чутье русского быта старого Петербурга, былой провинции» (ПН. — 1926. — 22 окт.). Рец. П. на кн. М.Кузмина, Ф.Сологуба, *М.Цветаевой*, *А.Белого*, *Г.Иванова*, опубл. в 1922 в «Воле России» и «Новостях литературы» (Берлин), отмечены тонким пониманием стиха, проникновением в творч. лабораторию поэтов.

В 1924 П. переехал в Париж и стал сотрудничать в газ. «ПН». Он по-прежнему много работал для т-ра: руководил совм. с *С.Л.Поляковым-Литовцевым* лит. отделом т-ра «Еврейское зеркало» (первое представление состоялось 8 янв. 1925), пытался возродить добрые традиции «Летучей мыши» и «Бродячей собаки» в париж. «Доме артиста», где шли скетчи «Факир», «Кафе-крем» и «Шашлычники». В 1924 совм. с С.Л.Поляковым-Литовцевым П. написал комедию «Дон Жуан — супруг смерти» («Избр. страницы». — Париж, 1928; предисл. А.Черного), к-рая с успехом шла в «Театре независимых» в Риме. Хорошо изв. сюжет звучал в ней довольно оригинально благодаря злободневным политич. намекам и совр. репризам. В последние годы жизни П. почти не писал стихов: присматриваясь к жизни рус. эмигрантов в Париже, он всюду искал знакомые ему фигуры людей из колоритной нар. толпы («Эйфелева башня», «Ярмарка в Париже», «Яр»). Но все чаще их заменяли картины чуждой жестокой жизни, от к-рой сжималось сердце («Татерзаль»). Размашистая лубочная стилизация, характерная для поэтич. манеры П., безвозвратно ушла в прошлое. Вспоминая, как П. устроил в Париже «поминки» по «Бродячей собаке», *Н.Оцуп* писал: «...грусть Потемкина на этом вечере была не элегической, а горькой, трагической. От былой его веселости не осталось и следа, он осунулся, вид имел угрюмый» (Оцуп Н. Современники. — Париж, 1961. — С. 115).

Последнее лето своей жизни П. провел в Италии: его увлек грандиозный замысел кинофильма «Казанова», в к-ром ему предложили сниматься. Съемки проходили в Венеции. В это время он работал над ром. из жизни шахматистов и писал оперетту по заказу итал. оперной комиссии. В сент. 1926, когда съемки «Казановы» были закончены, П. вернулся в Париж, где неподалеку от Венсенского леса только что купил новую квартиру. *Дон-Аминадо* вспоминает: «Петр Петрович развешал портреты милых, петербургские свои гравюры, старые ленты с театральных венков... и умер» (ПН. — 1926. — 23 окт.). Его похоронили на кладб. Пантен, а позже перевезли тело в пост. склеп Тургеневского об-ва на кладб. Пер-Лашез. *В.Горянский* писал в некрологе: «Потемкин — более петербургский поэт, чем, например, Блок. Живой, веселый, шумный, притуманенный мелким дождем и озаренный финским закатом Петербург без торжественного флера наигранной мистики имеет в Потемкине верного своего поэта» (В. — 1926. — 28 окт.) Париж. журн. «Жар-птица» вместо некролога опубл. рассказ П. «Автомат, или чудеса, случившиеся в старой Праге в 183... году», написанный за неск. дней до смерти. Отмечая капризную изысканность содержания и виртуозность музыкального стиха П., современники признавали за ним место «одного из самых тончайших мастеров

стиха» (там же). Дон-Аминадо заметил: «...был он настоящий поэт, очарованный странник, тихий и грустный бродяга, неприкаянный и несовременный, любивший мансарды да подвалы...» (ПН. — 1926. — 23 окт.). После смерти П. рус. парижскому шахматному кружку было присвоено его имя.

Изд.: Поэты «Сатирикона». — М.; Л., 1966.

Лит.: Бахрах А. Рец.: «Отцветшая герань: То, чего не будет» // Дни. — 1923. — 6 мая.

Некрологи: А.С.[Седых] // Сегодня. — 1926. — 27 окт.; Зайцев Б. // Дни. — 1926. — 23 окт.; Иванов Г. // Звено. — 1926. — 31 окт.; Кондратьев А. // За свободу! — 1926. — 14 нояб.; Миронов М. // ИР. — 1926. — № 44; Пильский П. // Сегодня. — 1926. — 30 окт.; Талин В.И. // ПН. — 1926. — 22 окт.; Шварцман Л. // ПН. — 1926. — 24 окт.

Черный А. Русский палисадник (О стихах П.Потемкина) // ПН. — 1926. — 25 нояб.

Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. — М., 1968.

Спиридонова (Евстигнеева) Л. Рус. сатирич. лит-ра нач. XX в. — М., 1977.

Л.А.Спиридонова

ПРÉГЕЛЬ София Юльевна (20.VIII (1.IX).1897, Одесса — 26.VII.1972, Париж) — поэтесса, мемуаристка. Род. в семье промышленника. Мать Роза Глазер — пианистка и певица. П. унаследовала возвышенные понятия о дружбе и любви, страсть к музыке, т-ру, языкам и лит-ре. Стихи и мемуары «Мое детство» (Париж, 1973. — Т. 1-3) наполнены чувством тоски и поэтизацией гармонии той жизни, детства и юношества, к-рая была прервана в 1917. По окончании г-зии поступает в театр. студию, одновременно в течение двух сезонов выступает в частном Одесском муз. театре. В 1917 зачислена в Петрогр. консерваторию по классу пения. Наступившие рев. перемены вынуждают семью выехать за рубеж. С 1922 П. в Берлине. Зная осн. европ. яз., она вступает в переписку со мн. рус. и европ. писателями (в ее архиве хранится обширная переписка с Томасом Манном).

В 1932 переезжает в Париж, где становится непременной участницей худож. объединений молодых поэтов, писателей и сотрудницей «СЗ», «Чисел» и др. журн. и альм. Выпустив до войны три кн. стихов: «Разговор с памятью» (Париж, 1935), «Солнечный произвол» (Париж, 1937), «Полдень» (Париж, 1939), она приобрела авторитет поэта, связанного с классич. наследием рус. лит-ры. Рецензенты ее кн. указывали на то, что «поэзия С.Прегель чрезвычайно широка по диапазону, поэтесса с одинаковой легкостью и убедительностью говорит обо всем — от воспоминаний детства и русской природы... до самых напряженных и трудных, трагических событий из эпохи революции и второй мировой войны» (*Терапиано*. — С. 194). Ей присуще проникновенное ощущение содержания дет. сознания, чувство буйной напряженности жизни, острота в постижении окружающего мира. Особое внимание поэтесса уделяет лирич. переживаниям, описаниям внутр. катастроф. «Не повторится громкий город южный, / Все отошло в немую ночь без сна / И кажется бездарной и ненужной / Навязанная кем-то новизна» («Последние стихи». — Париж, 1973. — С. 62).

Заняв с самого начала, не без помощи брата-физика в Нью-Йорке, обеспеченное положение в эмиграции и со временем утвердившись в нем, П. часто объединяла и мирила противоборствующие лит. стороны. *В.Яновский* вспоминает: «Софья Прегель была добрым человеком, помогла многим поэтам, и очень скоро если не ее литература, то общественная деятельность была принята парижанами без оговорок» (Яновский В. Поля Елисейские. — СПб., 1993. — С. 240).

После нем. оккупации Парижа П. переезжает к брату в Нью-Йорк, где вместе с *М.Слонимом* основывает в 1942 журн. «Новоселье», просуществовавший 8 лет. В этот период П. целиком отдала себя журн. как центру, объединявшему эмигр. рус. лит-ру. Любовь к лит-ре дала возможность П. привлечь в журн. широкий круг сотр. и авторов. Она дружила с представителями всех лит. поколений рус. эмиграций. «Благодаря «Новоселью» третье поколение так легко было принято и другими зарубежными органами... тогда как прежним «молодым» в начале эмиграции не так легко было добиться признания» (Терапиано. — С. 198). «Новоселье» не только объединило

значит. лит. силы, но и дало после переезда в 1948 журн. в Париж, начало изд-ву «Рифма».

Послевоен. творч. деятельность П. была связана с лит. жизнью Парижа, а после смерти в 1957 *И.Яссен* (Р.С.Чеквер), основательницы изд-ва «Рифма», П. выпускает еще три сб. стихов («Берега». — Париж, 1953; «Встреча». — Париж, 1958; «Весна в Париже». — Париж, 1966). Седьмой сб. «Последние стихи» и мемуары «Мое детство» были отредактированы ее друзьями М.Слонимом и *В.Андреевым* и вышли после кончины писательницы. В послевоен. период П. играла важную роль в умеренно левом крыле лит. лагеря (*А.Ладинский*, *В.Корвин-Пиотровский*, В.Андреев и др.). «Она неизменно принимала участие в вечерах и собраниях русской колонии, особенно если они были посвящены делу поддержки живущих или памяти ушедших писателей, часто на память цитируя стихи многих своих друзей» («Мое детство». — Т. 1. — С. 5). Ее творчество в это время посв. осмыслению пережитого и оценке второй мировой войны, оно проникнуто острым ощущением трагич. событий, растерянности человека перед мировыми катаклизмами. П. сумела найти яркие формы для выражения внутр. протеста и гнева по отношению к происходящему. «Только б жизнь не начать сначала, / Ту, что так нелегко прожита, / Я лечу, меня укачала / Пустота, пустота, пустота» («Последние стихи». — С. 43).

Архив поэтессы (в Б-ке ун-та штата Иллинойс, Урбана), собиравшийся в течение всей ее жизни, содержит ценные мат-ры по истории рус. и мировой культуры.

Лит.: Адамович Г. Рец.: «Разговор с памятью» // ПН. — 1935. — 20 июня.
Даманская А. Рец.: «Разговор с памятью» // Сегодня. — 1935. — 6 июля.
Ходасевич В. Рец.: «Разговор с памятью» // В. — 1935. — 25 июля.
Пильский П. Рец.: «Солнечный произвол» // Сегодня. — 1937. — 4 июля.
Цетлин М. Рец.: «Солнечный произвол» // СЗ. — 1937. — № 64.
Осокин С. [Андреев В.] Рец.: «Полдень» // РЗ. — 1939. — № 20-21.
Терапиано Ю. Рец.: «Встреча» // Опыты. — 1958. — № 9.
Трубецкой Ю. Рец.: «Встреча» // НЖ. — 1958. — № 55.
Рубисова Е. Рец.: «Весна в Париже» // Современник. — 1966. — № 13.
Померанцев К. С.Ю.Прегель // Померанцев К. Сквозь смерть: Восп. — Лондон, 1986.
+ Терапиано; Шаховская.

М.А.Айвазян

ПРИСМА́НОВА Анна Семеновна (25.VIII (6.IX).1892, Либава — 4.XI.1960, Париж) — поэт. В 1918 приехала в Петроград, в 1921 принята Н.Гумилевым в «Союз поэтов». В 1922 эмигрировала в Париж. Оказавшись в эмиграции, уже в Берлине принимала участие в деятельности рус. лит. объединений, печаталась в берлин. изд. Переехав в Париж, стала активной участницей лит. жизни рус. эмиграции, была среди тех, кто основал «Союз молодых поэтов и писателей», объединивший в себе молодые силы первой эмигр. «волны».

В поэзии П. всегда стояла особняком. Первые ее произв. обнаружили своеобразие таланта и творч. манеры автора, вызвали немало споров в лит. кругах рус. зарубежья. Первый ее сб. «Тень и тело» вышел в Париже в 1937, включив в себя стих. 1929-36. На фоне большинства произв. поэтов «парижской группы», ориентиров. на традиции акмеизма, неоклассицизма, стихи П. резко выделялись нарочитой «неуклюжестью» образов, связанной с неизмен. поиском нового, многозначного поэтич. слова. «Все, что ей дано высказать, она именно и хочет вложить в слово; слова у нее поэтому отяжелевшие, набухшие, совсем не нарядные, не уверенные в своем испытанном волшебстве слова, и любит она их за их узлы и бугры, а не за приятную стертость их поверхности». Это точное наблюдение, высказанное *В.Вейдле* в рец. на первый сборник П. (СЗ. — 1937. — № 63. — С. 408), говорило о важнейшей черте ее творч. почерка, о пост. стремлении к расширению возможностей поэтич. слова, «узлы» и «бугры» к-рого свидетельствовали о сложности воплощенного в нем внутр. мира. Отсюда же и подчеркнутый уход от «красивости», снижение образов, «их погружение в грубую прозу» (*Таубер Е.* Розы или рожь? // НЖ. — 1961. — № 64. — С. 153): «Проза в пол-

ночь стиху полагает нижайший поклон. Слезы служат ему, как сапожнику в деле колодка» («Разве помнит садовник, откинувший стекла к весне...»). Потому и не звучит музыка в поэтич. строке П., хотя о муз. в ее стих. сказано немало. Усложнение поэтич. образа как эстетич. принципа — эта черта поэзии П. открылась читателю уже в первом ее сб. Нередко это приводило к созданию затрудненного для восприятия многозначного образа, порою же — к насилию над ним, создавало комич. эффект, о чем не раз писали критики, вспоминая строки: «Неузнаваем лебедь на воде — он, как Бетховен, поднимает ухо» («Лебедь»). И все же за встречающимися в стих. П. словесными огрехами (о чем писал Вейдле), за невнятицей нек-рых образов, за «умышленным щеголянием гротеском, экстравагантностями, нарочито нелепыми словосочетаниями» (*Терапиано*. — С. 233) читателю открывался глубокий, трагич. мир одинокой человеч. души, устремленной к творчеству. Не случаен в поэзии П. образ души — «свечи, отдававшей по капле себя на съеденье молитве», т.е. творчеству («Разве помнит садовник...»). Это чувство одиночества, живущее в стих. П., было связано с возникающей у нее порою (и естеств. для ее поколения) темой скитальчества, эмигр. обреченности, оторванности от истоков: «Нас забыли, душа. Мы остались на том пароходе, грудь которого будет, конечно, разбита меж льдин» («Нас забыли, душа...»). Первый сб. П. остался в памяти читателей и критиков и одним из лучших ее произв. — стих., посв. памяти поэта *Б.Поплавского* («С ночных высот они не сводят глаз...»).

После войны в Париже вышли еще два поэтич. сб. П. — «Близнецы» (1946) и «Соль» (1949), а незадолго до ее смерти — поэма о Вере Фигнер «Вера» (1960). В сб. «Близнецы» важнейшие черты творчества П. получили дальнейшее развитие. Отчетливее, резче становится здесь гротесковая усложненность образов, обнаруживающих порою близость к опыту раннего Б.Пастернака. В стих. П. усилилось рацион. нач., нередко в них «все очень рассудочно, отлично слажено и очень (слишком!) ясно» (*Слоним М.* Парижские поэты // Новоселье. — 1946. — № 29-30. — С. 90). Порою рассудочность оборачивается у П. резонерством, сентенциями типа: «рост сердца начинается от муки, лишь слезы научают нас письму». В центре лирич. «сюжета» кн. — борьба двух начал, живущих в душе человеческой; два начала эти — «кость трезвости и кровь огня». Однако «кость явно преобладает у нее над кровью, не давая ей возможности отдаться жизни» (там же). Все отчетливее звучит в сб. мысль о собств. обреченности, об отделенности от жизни, о неспособности к деят. существованию («Брат и сестра», «Водолаз», «Поезд» и др.). И все же очевиден выход из замкнутого простанства одинокой души в реальный мир — прежде всего в произв., вдохновленных восп. о прошлом, в цикле «Песок», в стих. о детстве, о родном городе. Неизменна П. в своей непримиримости к любым поэтич. «красивостям» — в ее стих. «Обвинение» на скамье подсудимых «сидят высокие слова». Второй сб. говорил не только о сложности и неоднозначности, но и о последовательности худож. поиска П., и критики, высказывая ряд претензий, не могли не отметить и того, что «у нее плотный словесный материал, что образы ее даны в логической и поэтической последовательности, связаны в тугой узел» (там же). В сб. «Соль» также дала о себе знать естественность внутреннего творч. движения П. Более резкой, подчеркнутой становится знакомая по прежним сб-кам гротескность, усложненность образов. Вместе с тем в стих. последнего сб. явственнее звучит мотив выхода поэта к миру, преодоления разъединенности с ним, что усиливает лирич. основу произв., одухотворяя их живыми чувствами «боли, нежности, печали» (Таубер Е. — С. 157): «Углы летящих голубей давно уже умчались к югу. Осталось несколько людей, что медленно идут друг к другу».

В поэме (лирич. пов.) «Вера» избр. П. героиня, изв. революционерка, по складу характера и судьбе во мн. противоположна личности автора. П. обратилась к этому, неожиданному в ее поэзии сюжету как к еще одному пути творч. познания себя. «Фигнер, по существу, оказалась для Присмановой условностью» (*Бахрах А.* Памяти Анны Присмановой // Мосты. — 1961. — № 6. — С. 366). Она сама признавалась в этом, завершая поэму: «...Как ни пиши — герой мой для меня лишь средство ко вскрытию моей души».

В годы нем. оккупации П. и ее муж, поэт *А.Гингер* оставались в Париже. В послевоен. годы П. была одним из основателей (вместе с *В.Корвин-Пиотровским*) группы «Формистов».

Поэтич. творчество П. всегда было предметом споров среди читателей, поэтов, критиков. Когда же ее не стало, многие сошлись во мнении, что «когда какой-нибудь историк русской поэзии второй четверти XX столетия начнет изучать, что от литературы русского зарубежья должно остаться, он выделит и несколько стихотворных сборников Присмановой. И не только по качеству ее стиха, но и потому, что по своей тональности, по своей пронзающей искренности, по своей внутренней выстраданности, по всему тому, что можно было бы назвать ее «лица необщим выраженьем», она в русскую поэзию внесла что-то подлинно свое» (Бахрах А. Памяти Анны Присмановой. — С. 367-368).

Изд.: Собр. соч. — Гаага, 1990.

Лит.: Терапиано Ю. Парижские молодые поэты // Своими путями. — 1926. — № 12-13.
Адамович Г. Рец.: «Тень и тело» // ПН. — 1937. — 28 янв.
Пильский П. Рец.: «Тень и тело» // Сегодня. — 1937. — 27 февр.
Ходасевич В. Рец.: «Тень и тело» // В. — 1937. — 9 янв.
Бахрах А. Рец.: «Близнецы» // Орион. — Париж, 1947.
Бахрах А. Рец.: «Соль» // Новоселье. — 1950. — № 42/44.
Горская (Гривцова А.А.) Памяти Анны Присмановой // В. — 1960. — № 108.
+ Казак; Струве; Терапиано.

А.И.Чагин

Р

РАЕ́ВСКИЙ (наст. фамилия Оцуп) Георгий Авдеевич (29.XII.1897 (10.I.1898), Царское Село — 19.II.1963, Штутгарт) — поэт. Младший брат *Н.Оцупа* и *Сергея Горного*. Не видя возможности печататься под той же фамилией, что и брат, он придумал псевд. Он через всю жизнь пронес культ Пушкина и хранил верность традициям рус. классич. поэзии.

Будучи еще совсем молодым, Р. эмигрировал в Германию, где окончил ун-т. Он хорошо знал нем. лит-ру, и, как вспоминал *Ю.Терапиано*, «имел своего кумира — Гете. Он был первым (и единственным) гетеанцем среди парижских поэтов» (Терапиано. — С. 211). В нач. 20-х Р. переехал в Париж; сблизился с *В.Ходасевичем* и вошел в группу «Перекресток», где состояли *В.Смоленский, Д.Кнут, Ю.Мандельштам*.

Первая кн. его стихов «Строфы» вышла в Париже в 1928. Уже само назв. показывало приверженность автора строгим классич. нормам. Критики рус. зарубежья отмечали мастерство Р. и в то же время его явное подражание Пушкину и особенно Тютчеву. *Г.Струве* писал о Р.: «У него есть власть над стихом, чувство меры, редко изменяющий вкус. Но так велика его не только формальная, но и тематическая зависимость от Тютчева, что за отзвуками Тютчева порой неразличим поэтический голос самого Раевского» (Россия и славянство. — 1928. — 22 дек.). «Раевский, — отмечал В.Ходасевич, — обладает хорошей способностью усвоить и разобраться в поэтическом наследии своих учителей... Несмотря на то, что Раевский порой как бы копирует чужие стихи — все же слышится у него собственное поэтическое одушевление» (Ходасевич В. Молодые поэты // В. — 1928. — 26 июля). *Г.Адамович* был более строг в своих оценках: «Раевского еще прельщает внешний лоск и, правду сказать, он за ним главным образом и гонится. Его коротенькие стихотворения очень эффектны: энергичный, эластичный стих, видимость мудрости, пышные образы... И едва ли он догадывается, что лишь добросовестно копирует чужой стиль» (СЗ. — 1929. — № 38. — С. 524).

Р. постоянно публиковался в «СЗ», «Числах», альм. «Круг». Печатали стихи Р. и в лит. отделе газ. «В». Однако с выходом второй кн. стихов у Р. возникли трудности. Набранная в Германии, она не смогла выйти после прихода фашистов к власти. Принятое в изд-ве «СЗ» в Париже собр. стихов также не вышло в свет из-за нем. оккупации. Лишь в 1946 Р. смог взять в руки свою кн. «Новые стих.», вышедшую в Париже. В ней Р. верен прежним ориентирам классич. и ясного стихосложения: «Светает, первый отблеск гаснет / В легко бегущих облаках / Зари холодной и прекрасной / Как розоватых крыльев взмах» (с. 5). Терапиано писал: «Все живущее, в ощущении Раевского, имеет основное устремление — ввысь, к солнцу, к небу, — от земной скудости и суеты земных дел, и только в этом взлете-порыве находит оправдание своей малости, своей неизменности» (Терапиано. — С. 213). Пережитые годы войны и оккупации не могли не отразиться на тоне стихов поэта, но его всегда поддерживала вера. «Есть Бог! Не может быть, чтоб даром / Из пустоты, из ничего / Таким зияющим пожаром / Зажглось такое торжество» (с. 19). Р. продолжал публиковаться в «НЖ», альм. «Орион» и рус. газ. послевоен. Парижа.

В последней кн. стихов «Третья книга» (Париж, 1953), вышедшей в изд-ве *Ирины Яссен* «Рифма», читаем: «Тысячелетье — единый день / Душа моя — будь только слух и зренье! / Ты видишь: от горы большая тень / Легла на землю как благословенье» (с. 5). Так заканчивалось первое стих. этой кн. Его можно считать своего рода камертоном этого изд.:, в к-ром преобладают религ. стихи. Р. ищет гармонию и находит ее, любуясь величеств. картинами природы и находя утешение в вере. «Тебе на руки и на платье / Ложится предвечерний свет, / Как тихий отблеск благодати, / Как окончательный ответ» (с. 21).

Последнее время Р. жил в Орли, периодически заезжая в Париж и иногда в Германию, где в Штутгарте его и застала неожиданная смерть.

Лит.: Гофман М. Рец.: «Строфы» // Руль. — 1928. — 1 мая.
Слоним М. Лит. дневник («Строфы») // Воля России. — 1928. — № 7.
Терапиано Ю. Рец.: «Строфы» // Новый корабль. — 1928. — № 4.
Таубер Е.Л. О поэзии Г.Раевского // Грани. — 1954. — № 21.
Иваск Ю. Рец.: «Третья книга стихов» // Опыты. — 1955. — № 4.
+ Струве; Терапиано.

В.В.Леонидов

РАТГА́УЗ Даниил Максимович (25.I (6.II).1868, Харьков — 6.VI.1937, Прага) — поэт. Род. в нем. семье. Отец был дир. Международного банка. Окончил г-зию в Киеве. Там же поступил на юрид. ф-т ун-та Св.Владимира (Киев). После окончания работал присяжным поверенным. Начал печататься в 1887. В 1893 вышел сб. «Стихотворения» (Киев). Популярность Р. росла, чему он сам содействовал, рассылая письма Я.Полонскому, С.Венгерову, Н.Римскому-Корсакову, П.Чайковскому и др. с просьбой сочинить на его стихи музыку или поместить в антологию. В 1896 выходит сб. «Песни сердца» (М.); в 1900 — «Собр. стихотворений» (СПб.); в 1902 — «Песни любви и печали» (СПб.; М.); в 1904 — «Новые стихотворения» (М.), а в 1906 — трехтомное «Полн. собр. соч.» (СПб.; М.). Затем последовали издания «Избр. стихотворений» в Киеве в 1910 и в Пг. в 1915. В 1917 в Москве вышли «Мои песни». Жил он в Киеве, часто наезжал в Петербург, пока не переселился окончательно в Москву. Поэтич. среда его не принимала. Так, В.Брюсов назвал Р. «поэтом банальностей» и в своей рец. на собр. его соч. писал: «Здесь собраны примеры и образцы всех избитых, трафаретных выражений, всех истасканных эпитетов, всех пошлых сентенций — на любые рифмы и в любых размерах» (В.Брюсов. Далекие и близкие. — М., 1912. — С. 184). Однако напевность и мелодичность его стихов привлекали внимание композиторов: Чайковского, Кюи, Рахманинова, Аренского и др. писали романсы на его слова. В 1918 Р. переехал в Киев, где работал в отделе иностр. информации УКРОСТА. В 1921 эмигрировал вместе с семьей в Берлин, где жила сестра жены. В 1922 в Берлине вышли «Мои песни». С 1923 Р. обосновался в Праге. Печатался в газ. «Либавское рус. слово», «Сегодня», «Слово», «Двинский голос» и журн. «Для Вас» (Рига). Он много болел, а в последние годы был прикован к постели и мало писал, жил на пособия. В заявлении от 22 янв. 1924 в К-т по улучшению быта рус. писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии, Р. писал: «Страдая тяжкой формой склероза, имея при себе больную туберкулезом жену и 14-летнюю дочь, лишенный всяких средств и возможности прокормить себя и семью, дать дочери воспитание, утратив на долгое время работоспособность, прошу покорно оказать мне, старому русскому писателю, обреченному на гибель с женой и дочерью, помощь выдачей нам троим ежемесячной субсидии, могущей прокормить семью из трех человек при нынешних условиях жизни» (РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 152). В 1927 в Праге изд-вом «Чешская беллетристика» выпущен последний сб. его стих. «О жизни и смерти». Похоронен Р. на Ольшанском кладб. в Праге.

Архив: Центр. научн. б-ка СТД РФ. Фонд Ратгауза Д.М. и фонд Клименко-Ратгауз Т.Д.

Лит.: Офросимов Ю. Рец.: «Мои песни» // Новая рус. книга. — 1922. — № 2.
Бельговский К. У певца печальных песен // Для Вас. — 1935. — № 32.

В.П.Нечаев

РАТГА́УЗ Татьяна Данииловна (по первому мужу Асеева, по второму — Клименко; 29.VII.1909, Берлин — IV.1993, Рига) — поэтесса, актриса, дочь *Д.М.Ратгауза*. Детство прошло в Москве, затем — Киев, с 1921 — Берлин и с 1923 — Прага. Окончила англ. колледж в Праге. Первые стих. опубл. в журн. «Студенч. годы» в 1925. В том же году, 25 нояб., дебютировала на театр. подмостках пражского Виноградского нар. дома в роли Наташи в пьесе «На дне» *М.Горького*. Была ученицей драматич.

студии под руководством Л.С.Ильяшенко (Панкратовой-Камеровской), исполнительницы роли Незнакомки в пост. В.Мейерхольда. Посещала заседания лит. кружка «Далиборка», основателем к-рого был П.А.Кожевников. Кружок посещали *В.Амфитеатров-Кадашев*, Д.Крачковский, *С.Маковский*, Г.Рубанов, С.Савинов, *П.Лыжин*, *А.Эйснер*, *В.Лебедев*, *В.Федоров* и др. В 1927 принята в Союз рус. артистов в Чехословакии. В это же время стала посещать собрания лит. объединения «Скит поэтов», руководимого *А.Бемом*. Печатала (иногда под псевд. Татьяна Данилова) стихи и рассказы в газ. «Руль», «Меч», «В», «Слово», «Сегодня», «ПН», «Россия и славянство», в журн. «Для Вас», «РЗ», «СЗ» во всех четырех сб. «Скит», «Новь», в антологии «Якорь». С 1930 — чл. Союза рус. писателей и журналистов в Чехословакии.

А.Бем писал о ее стихах: «Ближе всего по склонности к непосредственной передаче «интимного» стоит к «парижанам» Татьяна Ратгауз. Но и здесь, может быть, именно в силу своей связи с пражской группой, она свое дает на фоне не внутренних переживаний или поэтических обобщений, а «через мир вещей». Она не оголяет мир, не берет его в какой-то последней, почти метафизической обобщенности, а ощущает его конкретно, во всей его сегодняшней вещной обстановке» (Бем А. О двух направлениях совр. поэзии // Меч. — 1935. — 13 янв.). В 1935 была приглашена в Рус. т-р драмы в Риге. В 1936 вместе с мужем артистом В.В.Клименко подала заявление о возвращении в Сов. Союз, но им было отказано. Ушла со сцены после 1946 и работала руководителем худож. самодеятельности, занималась переводами. В журн. «Даугава» (1978. — № 12; 1980. — № 6; 1982. — № 10; 1987. — № 8) напечатаны ее стихи. В 1987 в изд-ве «Лиесма» в Риге вышла кн. «Вся моя жизнь», куда вошли стих. разных лет и восп. об отце. Кн. вышла под фам. Клименко-Ратгауз.

В.П.Нечаев

РАФАЛО́ВИЧ Сергей Львович (17(29).VIII.1875 — 15.XI.1943, Париж) — поэт, драматург. Окончил ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та. Первая кн. «Стихотворения» (СПб., 1894). Вторую кн. «Poémes» издал на франц. яз. в Париже в 1900. За ней в Петербурге вышли: «Весенний ключ» (1901), «Светлые песни» (1905), «Зеркало души» (1914), «Стихотворения» (1913), «Стихотворения» (1916), «Триолеты» (Пг., 1916) и др. Автор сб. пьес «Театр. Пять пьес» (СПб., 1913). С 1909 постоянно жил в Париже и каждый год на неск. мес. приезжал в Россию. В гражд. войну жил на Кавказе: Цинандали, Баку, Батум, Тифлис. Редактировал с С.М.Городецким журн. «Орион» в Тифлисе. С 1922 поселился и до самой кончины жил в Париже (только в 1923 в Берлине). Сотрудничал в журн. «Жар-птица», «Студенч. годы», альм. «Москва» (Берлин) и др. Издал книги: «Горящий круг. Поэмы» (Берлин, 1923); «Семи церквам: Пять поэм» (Тифлис, 1919; Берлин, 1923); «Зга» [Стихи] (Берлин, 1923); «Марк Антоний: Трагедия» (Берлин, 1923), «Август: Стихотворения» (Берлин, 1924), «Симон Волхв: Поэма» (Тифлис, 1919; Париж, 1926); «Терпкие будни: Стихотворения» (Берлин, 1926). 19 янв. 1927 в газ. «Руль» появился отзыв *В.Набокова* (Сирина) о сб. «Терпкие будни» и «Симон Волхв»; «Недостатком творчества Сергея Рафаловича, — писал критик, — нужно признать и склонность к тем общим идеям, которые спокон веков встречаются в стихах, не становясь от этого ни более верными, ни менее ветхими. Сравнивать город с «разодетой проституткой», утверждать, что люди — это маски, что земля «тупо вертится», что любовь — «сладчайший и мучительный грех», все это — дешевый поэтический пессимизм и в смысле творческом — линия наименьшего сопротивления. Зато там и сям меж двух вялых строк встречается у Рафаловича подлинно прекрасный стих» (Набоков В. Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе. Интервью. Рецензии. — М., 1989. — С. 345).

Лит.: Бахрах А. Рец.: «Зга» // Дни. — 1923, 27 мая.

Зноско-Боровский Е. Рец.: «Август» // Воля России. — 1924. — № 16/17.

Мочульский К. Рец.: «Август» // Временник об-ва друзей рус. книги. — 1925. — № 1.

Мочульский К. Рец.: «Терпкие будни» // Звено. — 1927. — 30 янв.

Львов Л. Рец.: «Терпкие будни» // РМ. — 1927. — № 1.

В.П.Нечаев

РАФА́ЛЬСКИЙ Сергей Милич (19(31).VIII. 1896, с. Холонево, Волынская губ. — 13.XI.1981, Париж) — поэт, прозаик, политич. публицист. Род. в семье священника и в канун первой мировой войны окончил г-зию в г.Остроге (Польша). Поступил на юрид. ф-т Петерб. ун-та, весной 1917 перевелся в ун-т. Св.Владимира (Киев). Однако грозные события не дали продолжить учебу. В своих мемуарах, вышедших после смерти автора «Что было и чего не было» (Лондон, 1984), он описал страшные дни, пережитые им перед эмиграцией. «Почему наш народ так позволил исковеркать свою душу? Подобно тем христианам будущего,.. которые примут явление Антихриста за второе пришествие Христа, наш народ увидел Опоньское царство в Октябрьской контрреволюции... А когда понял, что обманулся, было уже поздно» (с. 45).

Р. участвовал в столкновении крестьян с красногвард. и бандитскими отрядами, воевал в составе армии ген. Врангеля, был интернирован в Польше, оказался там в лагере, откуда бежал и вернулся в родной Острог. Однако после заключения мира сов. России с Польшей Р. оказался на терр. польского гос-ва. Р. ненадолго примкнул к «Союзу защиты Родины и Свободы» *Б.Савинкова*, а в 1922 переехал в Чехословакию. Там стали появляться его первые публ. в журн. «Сполохи», «Своими путями», «Перезвоны». В этих стихах Р. присутствуют как традиц. ритмы, так и новаторские. Это видно на примере стих. «Сергею Есенину» (Своими путями. — 1926. — № 10-11) и поэмы «Планетарит» (Воля России. — 1925. — № 11). В Праге входил в «Скит поэтов», во главе к-рого стал *А.Л.Бем*. Р. публиковал полит. ст. в журн. «Студенч. годы», с восторгом принял НЭП и сохранял веру в переход сов. России к демокр. строю.

В 1922 в сб. «За чертой» (Прага), появилась ст. Р. «Класс творч. мысли». «Свой страшный разгром русская интеллигенция подготовила себе сама всеми своими поступками, всей своей жизнью, — писал Р. — Едва родившись, русский интеллигент знал, что «народ» — это все, а он — не «народ», а так, придаток вроде собачьей пятой ноги, которая при том еще чем-то страшно виновата и должна искупать эту свою вину... Интеллигенция — это не придаток, не только «соль земли» для красного словца.., а та самая соль, без которой никакой каши не сваришь». Р. утверждал, что на смену пролетариату должен прийти «класс мысли». «Место буржуазии должен занять класс мысли... Народ — это таран, который вводят в действие, когда хотят пробить китайскую стену изжившей себя власти» (с. 34).

С 1924 по 1927 Р. работал в пражском Ин-те изучении России. Во втором томе трудов этого ин-та Р. издал работу «Сельскохозяйственные коллективы в Советской России» (1924). В 1925 Р. зарегистрировал свой брак с Татьяной Унгерман. После свадьбы Р. уехал в Острог, не теряя надежды перебраться в СССР, но затем вернулся в Прагу, а оттуда переехал в Париж, где одно время работал в мастерской поэта *Д.Кнута*. Р. работал в журн. «Борьба», но покинул его из-за разногласий с гл. ред. Г.О.Беседовским. Печатался под псевд. Рафаил и Сергей Раганов.

Р. свободно экспериментировал в поэзии и отходил от классич. традиций стихосложения. Как писал в предисл. к посм. кн. Р. «За чертой» (Париж, 1983) Э.М.Райс: «Немного найдется в современной литературе поэтов, наделенных такой хищной точностью, такой хлесткой выразительностью... Стихосложение Рафальского не менее своеобразно. Он — первый в русской поэзии после Хлебникова мастер свободного стиха» (с. 9).

После второй мировой войны Р. возобновляет печатание стихов, в «Посеве» и «Гранях» появляются его поэмы, поражавшие современников своим необычным языком: «Годы слагаются в десятилетия... / Втискивая плоти скифские во фряжескую робу, / На отцов непохожие дети / Изображают Европу» («Повесть о Скифии» // Грани. — 1959. — № 43). В 1956 вышла пов. Р. «Искушение отца Афанасия» (В. — 1956. — № 59) о страшной судьбе священников в СССР. «Всем хорошо известно, — писал Р. в предисл., — что если в каком-нибудь закоулке... посадят в тюрьму журналиста, адвоката, иной какой либерально-квалифицированный элемент — вся свободная и сознательная общественность земного шара содрогнется от благородного негодования. Но если тут же рядом расстреливают пачками офицеров и священников — самые пылкие борцы за права человека продолжа-

ют доедать очередного омара, запивая его очередным вином» (с. 53-54).

Эпичность и постановка глобальных филос. проблем, свойств. поэзии Р., ярко проявлялись и в его прозе. Уже после смерти Р. в париж. изд-ве «Альбатрос», где впоследствии выходили и др. его кн., вышел сб. «Николин бор: Повести и рассказы» (1984). Здесь, наряду с переизд. «Искушения отца Афанасия», были представлены рассказ на еванг. темы «Во едину из суббот» и пов. «Николин Бор» — рассказ о жизни эмигранта, своего рода антиутопия, где по им. царя Николая Николиным бором названа Россия. А в 1987 увидел свет сб. ст. Р. «Их памяти», — собр. заметок на культурные и политич. темы, выходивших в «НРС», «Континенте» и «НЖ». В отличие от своей ранней ст. с обвинениями в адрес интеллигенции, в этом сб. Р. выступает в ее защиту. «Кто только не бросал камешков... в... огород русской интеллигенции. К стыду своему и нижеподписавшийся к этому, не слишком благородному делу ...и свою слабую руку приложил» (с. 7). В ст. «Вечной памяти» Р. защищает от нападок имя А.Ф.Керенского, присоединяется к обвинениям А.И.Солженицына в адрес зап. интеллектуалов за поддержку сов. режима («Страна одноногих людей»), но отстаивает свое понимание социализма как демокр. об-ва («Путь человека»). Весь сб. объединяет мысль о защите демокр. ценностей как от властей в СССР, их попирающих, так и от тех, кто считал саму демократию виновницей всего случившегося в России.

Р. сохранял веру в «социализм с человеческим лицом». К.Померанцев вспоминал о нем: «Это был один из самых замечательных людей, с кем мне доводилось встретиться. Он был широко ...образован. Крепко верил в «социализм с человеческим лицом», за это ненавидел Маркса... и считал марксизм насилием над человеком во всех областях его деятельности. До войны он три раза подавал прошение о возвращении в СССР, будучи уверенным, что там существует реальная возможность борьбы с коммунизмом. Ко всему этому добавлялся исключительный и в некотором смысле гениальный дар полемиста» (Померанцев К. Сквозь смерть: Восп. — Лондон, 1986. — С. 177). В «НРС» и «РМ» вел политич. полемику, выступал под псевд. Волынский и М.Сергеев.

Изд.: Поэма о романтике // Грани. — 1959. — № 37.

Последний вечер. Эпич. поэма // Грани. — 1966. — № 60.

Лит.: Блинов В. Созидательные антиномии С.Рафальского // НЖ. — 1985. — № 160. + Казак.

В.В.Леонидов

РÉМИЗОВ Алексей Михайлович (24.VI(6.VII).1877, Москва — 26.XI.1957, Париж) — прозаик. Происходил из моск. купеч. родов — Ремизовых и Найденовых, в к-рых быт срастался с религ. обрядом. Детство, прошедшее в «облаговестанной колоколами Москве», колодце «русскости», раннее приобщение к «ладу древних напевов» (знаменному пению, допетровской, старопечатной книге, нар. мифам о святых и божьих посланцах, в рус. земле просиявших) — все это предопределило и жизненное поведение, и коренные черты творчества Р. Рассказы дяди (по матери), историка купечества и фабриканта Н.А.Найденова (1834-1905), о старой Москве, пробудили интерес Р. к истории. Поэзия народа, нар. миф, слово для Р. — как бы старше, образнее истории, глубже поверхностных слоев сознания (тем более вульгарно политизированных). До кон. жизни, уже «в парижском далеке», Р. опирается на моск. впечатления, знаки и значения своего рождения (в Купальскую ночь), родовые предания, даже обряд своего крещения (в честь св. чудотворца XIV в. митр. Алексея).

В 1895-97 Р. — студент физико-матем. ф-та Моск. ун-та, в 1897 арестован за участие в студенч. беспорядках и провел 6 лет в тюрьмах и ссылках в Пензе, Вологде. К счастью для Ремизова и его жены Серафимы Павловны Довгелло (1876-1943), спутницы всей его жизни (вступили в брак 27 июня 1903 в Херсоне), встреченной им в ссылке в Усть-Сысольске в 1902, он, начинающий писатель, решил отвести от себя «славу» революционера, ибо времена нечаевщины были уже позади. И товарищи Ремизова по вологодской ссылке — среди них были А.Луначарский, *Н.Бердяев*, эсер *Б.Савинков*, его же подручный И.П.Каляев, историк и пушкинист П.Е.Щеголев, философ

А.А.Богданов — оказались снисходительны к нему, «декаденту», к-рый лишь внешне жил «под знаком революции», но имел в себе нечто, что для него «было выше революции: «Говорилось, что для революции я не гожусь, но и вреда от меня никакого», — заметил позднее Р. («На веч. заре». Переписка А.Ремизова с С.Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. — Roma, 1985. — Т. 4. — С. 154-155). Оценка С.П.Ремизовой-Довгелло, любимой ученицы «бабушки русской революции» Е.К.Брешко-Брешковской (даже приезжавшей в Вологду спасать несостоявшуюся террористку от влияния «декадента»), объясняет многое и в будущем мученическом, «юродском» лиризме Р.: «Почему я была революционеркой? Вот потому, что хотела я «мученического венца...» Я хотела идти по стопам тех мучеников, которых было много в России, я не хотела «торжества»... я хотела «скорби»... мне было стыдно, что другие страдают, а я — я хотела пострадать» (там же. — С. 156).

Первая публикация Р. под псевд. Н.Молдаванов — рассказ «Эпиталама (Плач девушки перед замужеством)» в моск. газ. «Курьер» 8 сент. 1902. Известность писателю принес автобиогр. ром. «Пруд» (журн. «Вопросы жизни», 1905; отд. изд.: 1908). Предрев. Россия воссоздана также в ром. «Часы» (СПб., 1908), пов. «Крестовые сестры» («Рассказы». — Екатерингоф, 1910. — Т. 1). «Неуемный бубен» (Альманах для всех. — СПб., 1910; отд. изд.: под загл. «Пов. о Иване Семеновиче Стратилатове: Неуемный бубен». — Берлин, 1922), «Пятая язва» (Берлин, 1922). В 1910-12 выходит Собр. соч. Р. в 8 т. (СПб.; репринт: Мюнхен, 1971).

Впечатление иррациональности, фантасмагоричности происходящего в «автобиогр. пространстве» Р. усиливается и тем, что ни у одного рус. писателя до революции и в эмиграции не было такого количества «снов», особой «сновидческой реальности», как у автора «Пруда», «Часов», «Пятой язвы», «Кукхи: Розановых писем» (Берлин, 1923), «Взвихренной Руси» (Париж, 1927; М., 1991), пов. «По карнизам» (Белград, 1929) и др. Сны стали средством преодоления мира как данности, его остранения, символич. сгущения и преувеличения, не теряя при этом — в лучших вещах Р. — строгой смысловой полноценности. Трагизм плачей «Слово о погибели Рус. земли» (Скифы. — СПб., 1918. — Сб. 2) и «Заповедное слово рус. народу» (Воля народа. Лит. прилож. — 1918. — № 1.) многократно усилен тем, что сам Р., как заметил А.А.Данилевский, особый, неканонический христианин: «В его мифе наряду с Христом — искупительным Агнцем едва ли не более значимым оказался Христос — невольный виновник гибели вифлеемских младенцев — Спаситель, вступивший в мир «через кровь» (Уч. зап. Тартуск. ун-та. — 1988. — № 822. — С. 149).

Не довольствуясь молениями и заклинаниями, часто деформирующими худож. ткань своим «глобализмом» (это заметно в таких драм. произв. Р., сочетающих мистерию и фольклор, как «Бесовское действо» (Пг., 1919), в стилизациях под плач или проповедь — «Звезда надзвездная» (Париж, 1928) — Р. предпринял еще в России (но продолжил и в эмиграции) свою реконструкцию христ. Олимпа в духе «нар. христианства», даже язычества. Вместо канонич. Троицы им представлена Троица более земная, народно-христ.: Христос, Богородица, Никола Мирликийский. Последний, герой его кн. апокрифов «Николины притчи и сказания» (Пг., 1917), легенд «Звенигорода окликанного» (Париж, 1924) и др. был гл. заступником Руси.

Вся духовно-религ., мистериальная фантастика Р., загл. страницей к-рой, безусловно, остается «Посолонь» (М., 1907), продолженная в «Лимонаре» (1907), «Пляшущем демоне» (Париж, 1949), в мн. пересказах легенд последних лет жизни («Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония», «О Петре и Февронии Муромских» и др.), была мучительнейшей попыткой (созвучной и усилиям И.Ф.Стравинского, автора «Весны священной», работам М.В.Нестерова, Б.М.Кустодиева) угадать способ действия неких высших заступников Руси, потенциал ее нравств. ресурсов, степень ее богооставленности и демонизации.

Многослойное, мучительно-противоречивое («прослойка тьмы, прослойка света») философско-худож. сознание Р., типичного чл. петерб. «ордена интеллигенции», его особая одержимость, стиль, весьма экспрессивный благодаря присутствию «пророчеств», «заклинаний», «вещаний» и «плачей», изощренной метафористики и неологизмов, возрождающих изначально образный мир слова, — все это породило крайне

субъективный взгляд писателя на события окт. 1917, гражд. войны. Писатель прожил в Петрограде самые страшные 1917-21.

Первые впечатления от лет пещеры и оледенения, от своего кратковременного нелепого ареста в 1919 (вместе с А.Блоком, *Е.Замятиным*), от всеобщего скатывания к «панельной своре» и редких вспышек «духа-утешителя» Р. изложил в кн. «Шумы города» (Ревель, 1921). Затем последовали «Ахру: Повесть петербургская» (Берлин; Пг.; М., 1922) и своеобр. монтаж, досочиненная переписка с В.В.Розановым («Кукха: Розановы письма»), кн. этюдов и зарисовок «Россия в письменах» (Берлин, 1922). В авг. 1921 в день смерти А.Блока Р. выехал из Петербурга и после остановки в Ревеле приехал в Берлин (дек. 1921), где сотрудничал в журн. «Рус. кн.» и «Новая рус. кн.». В 1923 переехал в Париж.

Ром.-хроника «Взвихренная Русь» — свидет-во поисков и рождения новой повествоват. манеры писателя, нашедшей свое продолжение в «парижском» ром. «Учитель музыки» (Париж, 1983), в кн. мемуаров «Встречи» (Париж, 1981) и в автобиогр. кн. «Иверень» (опубл. частично в 1986 в США в Беркли с послесл. О.Раевской-Хьюз). Суть новизны — не в крайней суггестивности многих описаний, самой ткани повествования, не в возросшей силе ремизовских «интенций», к-рые фактически конституируют целые объекты восприятия, порождают пропорции фигур, а энергию наблюдения сливают с сопереживанием, оценкой, мистификацией. Житейский и политизиров. мусор (очереди, застылый водопровод, налетчики, органчик Керенский с тремя мыслештампами — «смогу», «всемерно» и «нож в спину революции») действительно с трагич. простотой включаются в грандиозные надзвездные видения огненной России, сливаются с ист. фреской строительства Петербурга при Петре I.

Но в этом «письмовнике» с его ярким зрительно-акустич. видеорядом, тоской от выдворения культуры, ее «эсхатокола» (неологизм Р., образованный от «эсхатологии» и «протокола») утвердилось ремизовское «автобиогр. пространство» с целой свитой спутников, героев памяти писателя, с лабиринтом скитаний, свободой разбрасывания снов. Нек-рые писатели, невольно попадая в серьезно-игровую свиту Р., в орбиту его памяти, даже «запрещали» ему видеть себя во сне.

Как справедливо заметила одна из лучших заруб. исследовательниц творчества Р., издавшая после смерти писателя ром. «Учитель музыки», Антонелла Д'Амелия, этот автобиографизм, устранивший былую проблему «двоемирия», фатальную противоположность усилий «воплощения» и «развоплощения», жизнеподобия и мифологизации, рожден был в эмиграции угрозой потери родной истории, культуры, яз.: «С этой угрозой писатель борется всю жизнь, настойчиво обращаясь к прошлому России, используя необычную автобиографическую форму, в которой история собственной жизни непрерывно связывается с историей русской культуры и русского языка... Кинематографическим приемом монтажа коротких сцен Ремизов «снимает» необычайный фильм о жизни русской интеллигенции в изгнании, в котором его личный опыт приобретает надличный характер и символизирует опыт целого поколения» («Учитель музыки: Каторжная идиллия». — Париж, 1983. — С. 14; переизд.: Лепта. — 1992. — № 2-6).

В «автобиогр. пространстве» последних крупных повествований исчезает фигура автора-повествователя, заменяясь неск. легендарно-мифологич. лит. масками. Чаще всего это кочующий по Парижу, вечно бездомный и беззащитный, но обуреваемый грандиозными видениями, волей к спорам о Гоголе и Тургеневе, о снах и спонтанно возникающими порывами промыть «икону» — слово, обесцвеченное, беспамятное, — Александр Александрович Корнетов, учитель музыки, лукаво самоумаляющийся, «весело-огорченный», таинственный. Масками, силуэтами спутников — от В.Мейерхольда, С.Лифаря, Н.Бердяева, *Л.Шестова* до Б.Пильняка, М.Пришвина, В.Шишкова, Л.Леонова (все годы отвергающего как нечто ненужное себе, «обидное», сказовую культуру Р., — заполнены всякие «пристройки» (мемуарно-биогр. книги), вроде «Пляшущего демона», «Иверня», моск. хроники «Подстриженными глазами» (Париж, 1951).

Даже воспроизведя — по рассказам жены С.П.Довгелло-Ремизовой — ее биографич. пространство, ее детство в поместье на Украине, студенчество и недолгий поиск мученич. венца в рядах боевиков в ром. «В

поле блакитном» (Берлин, 1922), «Оля» (Париж, 1927) и «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952), Р. остался в рамках зрелищно-мифологизиров., гротесково-трагедийного использования биографии. А.Синявский отметил, что «в принципе маски Ремизова образуют бесконечный и не поддающийся точному анализу ряд... из-под одной маски просвечивает другая, за ней третья, четвертая, та возвращается к первой и т.д.» (Синтаксис. — 1985. — № 4. — С. 113). Свои маски обрели в интерпретации Р. даже фигуры «сновидцев» Гоголя, Тургенева, Достоевского в кн. «Огонь вещей: Сны и предсонье» (Париж, 1954) и их герои, ставшие вдруг частью метаморфозы Р., его наваждения, комбинации снов, филос.-словесной «плетенки». «Гоголь богатый: не одна, а две тройки — Ноздрев-Чичиков-Манилов и Коробочка-Плюшкин-Собакевич», — так сгруппирует Р. гоголевских персонажей, искренне не замечая, что это богатство Гоголя, конечно же, привнесено им самим, Р., что и «тройка-вихорь», «тройка-взблеск» (первая) и «хозяйственная тройка», строящая жизнь, созданы им же.

Отношение к слову, как предмету изображения, как к неузнанному или «потерянному бриллианту» (так определил В.В.Розанов талант Р.: «Кукха». — Нью-Йорк, 1978. — С. 49) породило не только множество неологизмов — скажем, чисто ремизовское определение мира Гоголя как «мира вийного», где бушуют «последние взвивы человеческой души», — но и желание возвратить кн. рукописность, оживить «голос» текста, фонетич. богатство. Он видел себя в порыве самоумаления, в сложном, разнонаправл. движении: «Завидна была воздушная проза Пушкина и игольчатая Лермонтова. Но Пушкин — ангел, а Лермонтов — демон, а я не ангел и не демон... Мне представлялось так: к Гоголю тропа — надо взять на себя великий подвиг; к Достоевскому — надо душу измаять; к Лескову — блоху подковать» (Рус. Берлин. — С. 181). Была у Р. и еще одна «тропа»: он был исключит. каллиграфом, превращал страницу в партитуру, любил заставки, заглавные киноварные буквы, росчерки и круженья букв, высоко ценил иероглиф, в к-ром осуществляются высшие потенции слова: линейная мелодия, пространств. структура, заклинат. жест. Рисунки Р. как графическое размышление высоко ценил П.Пикассо, нек-рые рус. художники (Н.В.Зарецкий).

«Эффект присутствия» Р. в рус. культуре XX в. велик и многообразен: о нем писали выдающиеся рус. философы (*И.Ильин*), критики и писатели (*Г.Адамович, З.Гиппиус, Р.Гуль, К.Мочульский, В.Набоков, М.Осоргин*), он занимал важное место в мироощущениях (и переписке) А.Блока, *А.Белого*, В.Розанова, *М.Горького*, Е.Замятина, М.Пришвина. Казавшийся затворником, иноком в миру, очарованным странником, утопич. мечтателем, Р. — необходимейшее звено в рус. культуре Серебряного века, вечно «промежуточный» и вечно новый.

Архив Р. хранится в ИРЛИ, РГАЛИ.

Изд.: Избр. / Сост., вступ. ст. Андреева Ю. — М., 1978.
Огонь вещей / Сост., вступ. ст. Чалмаева В. — М., 1989.
В розовом блеске / Сост., вступ. ст. Чалмаева В. — М., 1991.
Избр. / Сост., вступ. ст. Чалмаева В. — М., 1993.
Соч. В 2 кн. / Сост., предисл. Ужанкова А.Н. — М., 1993. — Т. 1-2.
Павлиньим пером. — СПб., 1994.

Лит.: Сосинский Б. Об Алексее Ремизове // Числа. — 1931. — № 5.
Ильин И.А. О тьме и просветлении: Кн. худож. критики. Бунин — Шмелев — Ремизов. — Мюнхен, 1959; М., 1991.
Кодрянская Н.В. Алексей Ремизов. — Париж, 1959.
Резникова Н.В. Огненная память. — Беркли, 1980.
Филиппов Б. Заметка об Алексее Ремизове // Рус. альм. — Париж, 1981.
Никитин В.П. «Кукушкино»: (Памяти А.М.Ремизова) // Ежегод. Рукоп. отд. Пушкинск. дома на 1990 г. — СПб., 1993.
Марков В. Неизв. писатель Ремизов // Марков В. О свободе в поэзии. — СПб., 1994.
А.Ремизов: Иссл. и мат-лы. — СПб., 1994.
Sinany H. Alexis Remizov: Bibliogr. — P., 1978.
+ Адамович; Амфитеатров; Анненков; Бахрах; Казак; Полторацкий; РЛЗ-1; Рус. Берлин; Седых; Соколов; Струве; Терапиано; Шаховская.

В.А.Чалмаев

РЕ́ННИКОВ (наст. фамилия: Селитренников) Андрей Митрофанович (1882, Кутаис — 23.XI.1957, Ницца) — прозаик, драматург, фельетонист. Детство прошло на Кавказе, семья Р. жила в Батуми. Мечтал стать музыкантом, играл на скрипке и занимался теорией муз. Учился в пансионе 1-й тифлисской классич. г-зии, в написанных им на склоне лет «Гимназич. восп.» (В. — 1955. — № 47; 1956. — № 49/50) названной «главным очагом русского образования на Кавказе» (№ 47. — С. 45); затем в Новороссийском ун-те (Одесса), где окончил физико-матем. и ист.-филол. ф-ты. Получив золотую медаль за соч. «Система философии В.Вундта» (опубл.: «Оправдание науки. Теория познания В.Вундта». — Сергиев Посад, 1907), был оставлен при ун-те на каф. философии. Готовился к проф. званию. Был сотр. и ред. отд. «Внутр. известия» в одной из крупнейших рус. газ. «Новое время», издаваемой А.С.Сувориным. Регулярно печатал в газ. фельетоны, рассказы, очерки. Отд. изд. вышли его сатирич. ром. «Тихая заводь» (СПб., 1914), «Сеятели вечного» (СПб., 1912), «Разденься, человек» (Пг., 1917); очерки «Самостийные украинцы» (СПб., 1915), кн. «Золото Рейна» (СПб., 1915), «В стране чудес: Правда о прибалт. немцах» (Пг., 1915), сб. рассказов «Спириты и др. юмористич. рассказы» (Одесса, 1910-11. — Т. 1-2) и «Лунная дорога» (Пг., 1916).

После Окт. революции 1917, к-рую Р. воспринял как катастрофу, вместе с группой нововременцев работал в Ростове при Добровольч. армии, ред. добровольч. газ. «Заря России». В марте 1920 эмигрировал из Новороссийска через Варну в Белград. Помогал М.А.Суворину, сыну А.С.Суворина, в организации и изд. газ. «Новое время» (1921-30) в Белграде. В своих восп. «Первые годы в эмиграции» (В. — 1957. — № 62-64) Р. описывает подг. к открытию газ., цель к-рой была поддерживать любовь к отечеству, создавать уверенность в том, что недолго продлится трагич. лихолетье и скоро пробьет желанный час возвращения. Этим идеалам Р. оставался верен на протяжении всей своей жизни, воплощая их в творчестве. В 1922 вышла пьеса из жизни рус. эмигрантов в Белграде «Тамо далеко». В 1925 в Софии были изданы пьеса «Галлиполи» о рус. добровольчестве и комедия «Беженцы всех стран», где «типичная эмигрантская семья оказывается Интернационалом в микрокосме, и когда члены ее съезжаются, происходит вавилонское столпотворение» (*Струве*. — С. 131). Итоговым стал сб. «Комедии» (Париж, 1931). Пьесы Р. пользовались успехом и ставились на рус. сцене в Сербии, Болгарии, Франции, Германии, Швейцарии, Финляндии, Китае, Маньчжурии. Пьеса «Борис и Глеб» увидела свет в 1934 в Харбине.

В Белграде вышли ром. Р. «Души живые» (1925), «Диктатор мира» (1925), «За тридевять земель» (1926). Это все «души живые» рус. эмиграции, с ее нелегкой судьбой. «Диктатор мира», где утопия соседствует с фантастикой, имеет подзаг. «Ром. будущего», действие происходит в 1950 сначала в Германской социалистич. республике, как и все развитые страны, строящей новое об-во (описанное в ром. сатирически), а затем в России, в к-рой уже восстановилась монархия. В ром. звучит тоска по оставл. родине. Разделяя убеждения автора, один из героев ром., проф. Корельский, говорит: «Просвещенный абсолютизм для нас, русских, конечно, самая лучшая форма, это показала история. Но я все же думаю, что эти мысли справедливы не только по отношению к России, а вообще ко всему человечеству» (с. 28). Вернувшиеся в Россию эмигранты в ром. Р. обрели, наконец, покой и вспоминают свое «беженское житье-бытье» весело и радостно, как свою молодость; они говорят о том, как голодали, холодали, испытывая при этом особую нежность к прошлому.

В 1926, после не увенчавшейся успехом попытки перевести газ. «Новое время» в Париж, туда переезжает Р. и становится пост. сотр. газ. «В», где регулярно выступает в рубрике «Маленький фельетон». В газ. печатаются рассказы Р., ст. и очерки о жизни, работе и отдыхе рус. эмигрантов, отрывки из нового произв. («Кикоро: Глава из романа «Жизнь играет» // В. — 1929. — 10 дек.; отд. изд.: Париж, 1930). Жизнь «играет» «в показанном нам автором кусочке жизни милого, умного, благородного Никанора Андреевича Корягина, в его серых, прозаических парижских

днях», — писал Н.Чебышев (В. — 1930. — 7 апр.). В 1929 в Париже появился сб. рассказов Р. о рус. беженцах «Незванные варяги». С мягким юмором показывает он, какую силу самосохранения, приспособляемость, житейскую сметку обнаружили рус. люди, пройдя исключит. школу труда, познания жизни и людей. Два рассказа «Рус. Интернационал» и «Будущие городничие» изображают рус. эмигрантов у себя на родине после свержения большевиков. Во втором рассказе новый губернатор показывает сапожнику, как шить сапоги, учит газетчика выкрикивать «ходкие» новости, дает технич. советы кондуктору трамвая, — во всем сказывается «заграничный опыт». «Ряд живых образцов проходит на страницах книги А.Ренникова, напоминая то, что нам пришлось видеть самим», — писал С.Ольденбург, отмечавший, что эта кн. «останется, как свидетельское показание о временах русского рассеяния» (Россия и славянство. — 1929. — 11 мая).

В 1937 в Париже вышел детективный ром. Р. «Зеленые дьяволы», а в 1952 роман «Кавказская рапсодия». До кон. жизни Р. продолжал сотрудничать с «В», где печатались его восп., фельетоны, статьи. В последние годы особенно проявилась характерная черта таланта Р. — умение находить темы в ближайшем обиходе («Психологич. этюды» // В. — 1955. — № 41, 43, 45, 46). Ст. «Могучий язык» (В. — 1955. — № 38) пронизана болью за судьбу рус. языка в эмиграции.

Изд.: Минувшие дни. — Нью-Йорк, 1954 (под фам. Селитренников А.).
Крейцерова соната // В. — 1955, — № 40.
Клюквенный квас // В. — 1956. — № 54.

Лит.: [Айхенвальд Ю.] Рец.: «Диктатор мира» // Руль. — 1925. — 14 янв. — Подпись: Б.Каменецкий.
Айхенвальд Ю. Рец.: «За тридевять земель» // Сегодня. — 1926. — 31 июля.
Чебышев Н. Рец.: «Незванные варяги» // В. — 1929. — 3 июня.
Чебышев Н. Рец.: «Зеленые дьяволы» // В. — 1936. — 12 дек. — Подпись: Энче.
Мейер Г. «Возрождение» и белая идея // В. — 1955. — № 44.
+ Струве.

Т.Г.Петрова

РО́ЩИН Николай Яковлевич (наст. фамилия: Федоров; 1896, Дорогобуж, Смоленская губ. — 26.X.1956, Москва) — прозаик, журналист. Из мещанского сословия. В 1915 окончил алферовскую учительскую семинарию. В 1916 окончил школу прапорщиков и был произведен в офицеры. Участвовал в военных действиях во время первой мировой войны. В февр. 1918 попал в нем. плен, в мае вернулся из плена и в июле вступил в армию Деникина. В 1919 был ранен и вместе с госпиталем эвакуирован в Югославию.

Первые попытки лит. деятельности относятся к 1916. Неск. фронтовых рассказов были помещены в петерб. журн. В Югославии поступил на филос. ф-т Загребского ун-та. Сотрудничал в хорватских газ. и журн. В 1924 переехал в Париж. Работал на вагоноремонтном заводе. В 1925 по приглашению *П.Струве* и *И.Бунина* вошел в состав лит. сотрудников газ. «В». С 1925 ежегодно по неск. месяцев живет на вилле «Бельведер» (Грас) в семье Буниных. «Капитан», «Глан», «Пэка», как шутливо называли Р. Бунины, был своим человеком в их семье. Бунин довольно критически относился к творчеству Р., постоянно давал ему професcион. советы, изредка хвалил. Во второй пол. 1940-х отношение Буниных к Р. постепенно охлаждается из-за разности их полит. позиций в отношении к СССР.

В эмигр. период творчества Р. (писавший также под псевд. Р.Днепров), выпустил в изд-ве «Возрождение» сб. рассказов «Горнее солнце» (1928), роман «Белая сирень» (1937) и кн. рассказов «Журавли» (Белград, 1931), «Ведьма» (Шанхай, 1939). Осн. темы, проходящие через все творчество писателя: острая тоска по оставленной родной земле, война, через горнило к-рой прошел автор, тема любви. Проза Р. в значительной степени автобиографична. Автор в своем творчестве нередко дает почти фотографич. изображение родного города — Дорогобужа, он легко узнаваем из его описаний. Это особенно наглядно выступает в ром. «Белая сирень», рассказах «Встреча», «Первая ягода», «На колокольне» (из сб. «Горнее солнца») и др. Его герой мучительно размышляет: «Россия, Родина... Как мать — одна во всем немыслимом огромном мире, и одна среди миллионов, внешне подобных ей, так ты одна... И как о матери не дано мне судить — хороша ли, плоха ли,

добра или зла, красива или уродлива, так сладостной слепотой неведения слеп я к тебе» («На колокольне». — С. 161).

Его военные впечатления наиб. полное отражение нашли в романе «Белая сирень». В изображении рус. армии, воен. быта заметна перекличка с «Поединком» *А.Куприна*. Герой ром. Сергей Полозов по душевному складу, по восприятию действительности сродни купринскому Ромашову. А солдат Баландин из «Белой сирени» как бы списан с купринского Хлебникова. *А.Амфитеатров* в рец. на роман писал: «Белая сирень» — война и мир правнуков и праправнуков «Войны и мира» Толстого». Критик отмечает «правдивость, искренность» письма Р., «необычайную чистоту, даже как бы целомудренность общего тона» (В. — 1937. — 3 сент.).

Рассказы и очерки Р. публиковались в газ. «В», «ПН», «Наша речь» (Кишинев), «Сегодня», «Руль», «Заря» (Шанхай); в журн. «СЗ», «ИР», «Мир и иск-во», «Новый дом», «Перезвоны» и др. Р. состоял в Союзе рус. писателей и журналистов, нередко устраивались его лит. вечера (27 мая 1927, 13 июня 1928, 6 июня 1929 и др.). Р. дважды в нач. 30-х обращался с просьбой о возвращении на родину и оба раза получил отказ.

В годы фашистской оккупации Франции Р. стал участником движения Сопротивления. Сотрудничал в газ. «Рус. патриот» (Париж, 1943-45), ведшей антифашистскую пропаганду, призывавшей поддерживать Сов. Союз в войне с гитлеровской Германией. В 1944 Р. — участник авг. восстания в Париже. О героич. днях франц. Сопротивления Р. поведал в «Парижском дневнике» (рукоп. в РГАЛИ. Ф. 2204). По подозрению в связях с франц. подпольной орг-цией неоднократно подвергался допросам в гестапо.

В дек. 1946 Р. вместе с 360 реэмигрантами возвратился в Сов. Союз. На родине Р. опубл. очерки и рассказы в журн. «Новый мир», «Огонек», «Смена», ст. о рус. церковном зодчестве — в «Журнале Моск. патриархии». Гл. и особенно дорогая ему рукоп. «Париж. дневник» получила резко негативную полит. оценку в офиц. лит. среде (см. стенограмму обсуждения на секции прозы в ССП: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 20. Ед. хр. 21).

Изд.: Черный лагерь // Новый мир. — 1947. — № 4.

Воспоминания о Бунине и Куприне / Вступ. ст. Голубевой Л. // ВЛ. — 1981. — № 6.

В рядах французского Сопротивления: («Парижский дневник» Н.Я.Рощина) / Публ. Коршуновой В.П. // Встречи с прошлым. — М., 1987. — Вып. 3.

Лит.: Айхенвальд Ю. Рец.: «Горнее солнце» // Руль. — 1928. — 19 сент.

Пильский П. Рец.: «Горнее солнце» // Сегодня. — 1928. — 3 окт.

Адамович Г. Рец.: «Горнее солнце» // ПН. — 1929. — 3 янв.

Чебышев Н. Рец.: «Журавли» // В. — 1931. — 26 марта.

Пильский П. Рец.: «Журавли» // Сегодня. — 1931. — 12 авг.

Чассинг Л. Рец.: «Журавли» // Мир и искусство. — Париж, 1931. — № 9.

Пильский П. Рец.: «Белая сирень» // Сегодня. — 1937. — 2 авг.

Резникова Н. Рец.: «Белая сирень» // Рубеж. — 1938. — № 7.

+ Струве.

Л.Г.Голубева

РУБА́КИН Александр Николаевич (1889 — 1979) — поэт, журналист, врач. Сын *Н.А.Рубакина*. Учился в Тенишевском уч-ще. После окончания поступил в Петербургский ун-т. В 1906 арестован за распространение рев. лит-ры. В эмиграции с 1907. С 1908 жил во Франции. С 1909 печатался в журн. «Рус. мысль», «Рус. богатство», «Новый журн. для всех» и др. В 1916-17 его очерки и рассказы с македонского и франц. фронтов публиковали моск. и петрогр. газ. В 1920 в Париже был издан сб. стих. «Город» с илл. Н.Гончаровой (2-е изд. в 1927). Рассказы на франц. яз. печатались в «Юманите» и «Кларте» в 1920-24. В 1925 приехал в Москву. С 1926 — представитель Бюро загран. информации Наркомздрава в Париже. В 1924-26 сотрудничал в газ. «Париж. вест.», издававшейся сов. посольством. Его очерки из Франции под псевд. Юниор публиковались в журн. «Красная нива», «Красная панорама», «Зритель», «Веч. Красная газ.». В 1934-36 очерки и рассказы Р. на франц. яз. печатала газ. «Монд». В 1935-39 Р. — чл. Ассоциации

антифашист. писателей в Париже. Его очерки и корр. из Франции выходили под псевд. Р.Пьервилль в журн. «Интернац. лит-ра». В 1939-43 находился в фашистском концлагере. В 1944 вернулся в Россию. Его «Франц. записи» печатались в журн. «Новый мир» (1945. — № 1 и 9), в 1947 — вышло отд. изд. (М.). Автор более двухсот научных работ на мед. темы (на рус., франц. и англ. яз.).

Изд.: Над рекою времени. — Восп.: М., 1966.

Лит.: Дроздов А. Рец.: «Город» // Рус. книга. — 1921. — № 2.

В.П.Нечаев

РУБА́КИН Николай Александрович (1(13).VII.1862, Ораниенбаум, Петерб. губ. — 23.XI.1946, Лозанна) — литератор-просветитель, публицист, книговед, библиограф, историк культуры. Отец Александр Иосифович и мать Лидия Терентьевна (в девичестве Тихонова) происходили из купеч. семей. В 1880 Р. поступил в Петерб. ун-т на естеств. отд. физико-матем. ф-та. В это же время он в ун-те прослушал курсы юрид. и ист.-филол. ф-тов. С отличием окончив ун-т, он не мог остаться работать в нем по причине «полит. неблагонадежности», т.к. во время учебы вступил в «Студенческую корпорацию» — легальную орг-цию с ярко выраженной либеральной направленностью, и в 1886 за хранение и распространение нелегальной лит-ры был арестован. После этого он находился под гласным надзором полиции. 23 апр. 1889 Р. венчался с Надеждой Ивановной Игнатьевой, но в 1902 они разошлись. В 1903 Р. венчался с Людмилой Александровной Коломейцевой, с к-рой прожил до конца своих дней.

Творч. деятельность начал с поэзии сатирич. характера (стих. «Ей» // Стрекоза. — 1879. — № 3), затем писал рассказы, ст. и очерки, подписывал их многочисл. псевд. Р. был одержим идеей ликвидировать неравенство людей в сфере образования, средством осуществления чего избрал книгу. В 1892 он создает серию научно-попул. работ по разл. отраслям науки.

В 1875 его мать, стремясь найти для себя поле обществ. деятельности, открыла в Ораниенбауме небольшую б-ку, сын стал ее первым помощником, а с 1892 руководителем б-ки. В дальнейшем он довел ее фонд до 115 тысяч единиц и, покидая Россию в 1907, передал б-ку безвозмездно петерб. «Лиге образования». Опыт своей работы над кн. и изучением читателя он обобщил во вводном очерке к указателю «Среди книг» (СПб., 1906; 2-е изд. доп. и переработ. — М., 1911-1915. — Т. 1-3), ставшем первым в России руководством по теории и практике библиотечного дела и библиографии.

В подготовке этого изд. принял участие Г.В.Плеханов, дав подстрочные замечания на нек-рые разделы 1-го и 2-го томов. Во 2-м т. этого изд. напечатана ст. В.И.Ленина «О большевизме», а в апр. номере большевист. журн. «Просвещение» за 1914 Лениным была напечатана рец. на 2-ой том 2-го изд. «Среди книг» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. — изд. 5-е. — Т. 25. — С. 111-114), в к-рой дана общая положит. оценка рецензируемой работы. Иной т.з. на эту кн. придерживался В.В.Розанов в кн. «Мимолетное: 1915 г.»: «В «Среди книг» Рубакина «первым номером» указываются книжки и брошюры анархического содержания, вторым номером — социал-революционные, третьим номером — социал-демократические и уже «последним» — презренные книжечки «националистического», «звериного», т.е. русского «направления». А «по Рубакину» составляются библиотечки и читальни по селам, по посадам, по фабрикам» (Розанов В.В. Мимолетное. — М., 1994. — С. 239).

В 1906 Р. поселился в Выборге, а осенью нелегально покинул пределы Рос. империи и перебрался в Швейцарию в Кларан. В 20-е он возобновил свои связи с Россией, с издвами и журн., Всесоюзной кн. палатой; завязал многочисл. связи с учеными и писателями Зап.Европы, переписывался с читателями, начал создание новой б-ки, к-рая в дальнейшем играла немаловажную роль для рус. зарубежной интеллигенции, находившейся в Швейцарии. Эта б-ка была тесно связана с б-кой РСДРП в Женеве.

В 1916 в Женевском пед. ин-те им.Ж.Ж.Руссо под руководством Р. была открыта секция библиопсихологии. Неск. лет спустя эта секция отделилась и превратилась в самостоят. ин-т библиологич. психологии. Первая значит. работа Р. в этой обл. — ст. «Психология книжного влияния» была

опубл. в № 1 петерб. журн. «Новая жизнь» за 1910. В 1922 в Париже вышел двухтомный труд «Introduction à la psychologie bibliologique». В 1928 мысли из этой новой обл. науки он изложил в труде «Психология читателя и книги», изд. в Москве (переизд.: М., 1977). Рассматривая библиопсихологию как отрасль совр. психологии, Р. дает этой науке такое определение: «Мы понимаем под библиопсихологией ту отрасль современной (бихевиористской) психологии, объектом которой является поведение работников во всех областях трудового процесса, который называется книжным делом и включает в себя все процессы создавания, распространения, циркуляции и утилизации всех ценностей печатного, рукописного и устного слова» («Психология читателя и книги». — М., 1977. — С. 41). Практич. цель библиопсихологии он видел в том, чтобы «указать верный и наиболее быстрый и успешный путь к экономизации времени, сил и средств для всех работников книжного дела и вообще умственного труда» (там же. — С. 45). Процесс чтения он рассматривает как реакцию организма человека на внешний раздражитель, книга, по Р., не передатчик, а «возбудитель переживаний у каждой индивидуальности и, следовательно, сколько у книги читателей, столько у нее и содержаний» (там же. — С. 83).

Осн. вопросом библиопсихологии Р. считал не столько изучение содержания кн., сколько изучение формы, яз., стиля, плана и логики произв., его композиции. Он доказал право на существование особой отрасли психологии — психологии читательства. Создав эту новую отрасль, Р. указал направление развития ее: 1) изучать книги (типы книг), 2) изучать читателей (типы читателей), 3) изучать самый процесс чтения, 4) изучать соотношение читат. типов с типами книг.

Первое изд. кн. получило широкий резонанс в библиотечно-библиографич., литведч. и журналистских кругах России. Наиб. несогласие рецензентов вызывало отрицание объективного содержания книг (Гуров П. // Красный Октябрь. — 1930. — № 2; Хлебцевич Е. // Сов. библ. — М., 1934. — Вып. 1; Шифман Л. Что такое рубакинщина // Красный библиотекарь. — М., 1932. — Т. 1). Затем научная мысль эту проблему и все творчество Р. обходила молчанием в течение неск. десятилетий. Интерес к нему возобновился в России в конце 50-х. В 1963 было опубл. описание его архива, находящегося в Отделе рукописей РГБ. С кон. 60-х к работам Р. обращаются не только библиотековеды и библиографы, но и представители др. отраслей знаний (Сорокин Ю. Библиопсихологич. теория Н.А.Рубакина и смежные науки // Книга: Иссл. и мат-лы. — М., 1968. — Сб. 17; Волькенштейн М. Стихи, как сложная информац. система // Наука и жизнь. — М., 1970. — № 1).

Р. вел активную переписку с Г.В.Плехановым, В.И.Вернадским, В.А.Карпинским, *А.М.Горьким*, В.Г.Короленко, Р.Ролланом, Ж.Ренаром и др. В 1938 он получил Нац. (Швейцария) премию на всемирном конкурсе Об-ва новой истории в Нью-Йорке за соч. на тему «Как могут народы мира осуществить всеобщее разоружение?»

Очень высоким был авторитет его знаменитой б-ки, насчитывающей 100000 экз., создававшейся на основе обязат. экз., присылаемого Книжной палатой из Москвы, приобретения книг, издаваемых рус. зарубежьем, подарками рус. и иностр. друзей, покупкой наиб. значимой лит-ры на иностр. яз. Многие завещали ей свои собр. книг (дочь А.И.Герцена, Густав Броше — участник Парижской коммуны и др.). Эту б-ку Р. завещал России, и она в 1948 была перевезена из Швейцарии в Москву и установлена отд. фондом в РГБ.

В 1948, согласно воле усопшего, урна с прахом Р. перевезена в Москву и погребена на Новодевичьем кладб.

Изд.: Библиологич. психология как теория и практика книжного дела. — Прага, 1921.

Письма к читателям о самообразовании. — Нью-Йорк, 1923.

Что такое библиологич. психология. — Л., 1924.

Трогательная история с перекрашенным пуделем: Из сказок о правде. — Буэнос-Айрес, 1925.

Как заниматься самообразованием / Сост., вступ. ст. Крук Т.К. — М., 1962.

Лит.: Фридман В.Э. и др. Труды Н.А. Рубакина // Зап. ОР ГБЛ. — М., 1963. — Вып. 26.

Разгон Л. Под шифром «РБ»: Кн. о Н.Рубакине. — М., 1966.

Мавричева К.Г. Н.А.Рубакин. — М., 1972.
Рубакин А.Н. Рубакин: (Лоцман книжного моря). — М., 1979.

А.М.Гуткина

РУ́ДНЕВ Вадим Викторович (5(17).I.1879 — 19.XI.1940, По, Франция) — полит. деятель, публицист, редактор. С 1900 учился на мед. ф-те Моск. ун-та. В 1902 сослан в Сибирь за участие в студенч. движении. С 1905 — эсер; в 1907 на 2-м съезде партии социал-революционеров (ПСР) кооптирован в ЦК. В 1905-07 не раз подвергался аресту, тюремному заключению, ссылке (на 4 года в Якутск. губ.). Вспоминая об этом времени в 1934 в ст. «Двадцать лет назад» (СЗ. — № 56), он говорил о «двойственном следе», к-рый оставила в его душе рев. деятельность. После ссылки Р. отправился в Швейцарию, где закончил начатое десятилетием ранее в Москве мед. образование. Объявление войны застало его в Базеле. Война 1914 обострила в Р. патриотич. чувства: он ощущал себя тогда чуждым эмигр. психологии, о чем не забыл упомянуть через 20 лет: «Мое место в час испытаний для моего народа там, в России, вместе с ним на предстоящем ему крестном пути» (СЗ. — № 56. — С. 378). Сдав докт. экзамены, Р. вернулся в Россию и поступил врачом на госпитальное судно, плававшее по Волге. Патриотизм и «оборончество» стали излюбленными темами Р. «Вместе с идеями образования широкого общественного фронта, эволюционного и реформистского социализма и положительной роли религиозного сознания — они составили тот комплекс идей, из которого Р. исходил и к которым постоянно возвращался в своей последующей общественной, политической и литературной деятельности» (*Вишняк М.В.* «Совр. зап.»: Восп. редактора — СПб.; Дюссельдорф, 1993. — С. 44). Он и после 1917 подчеркивал свою принадлежность и верность правосл. церкви.

В февр. дни 1917 «тов. Бабкин» (партийный псевд. Р.) возглавлял Комитет ПСР в Москве. Он поручил М.В.Вишняку создать газ. «Труд» и сам стал чл. ред. этого эсеровского изд.: После Февраля Р. выступил в поддержку Врем. правительства. 11 июня 1917 эсеры избрали его моск. гор. головой. В речи в Гор. думе он защищал политику А.Ф.Керенского. Для борьбы с большевиками Р. возглавил К-т общественной безопасности, пытаясь вместе с моск. Гор. думой мирно урегулировать положение в Москве. В окт. дни он возглавлял сопротивление захвату власти в Москве.

8 нояб. 1917 на экстренном заседании Гор. думы Р. сказал: «Совершившаяся авантюра только доказала России, что большевики не умеют вести творческой работы, а способны лишь к разрушению» (Дело народа. — М., 1917. — 8 нояб.). В нояб. — дек. Р. являлся чл. Учредит. собр., возглавляя в нем (как пред.бюро) фракцию эсеров. 8 янв. Гор. дума под руководством Р. приняла резолюцию, осуждавшую разгон Учредит. собр.: «Наступило царство ничем не ограниченного произвола и насилия» (Моск. листок. — 1918. — 11 янв.). Р. сотрудничал в «Союзе возрождения России», скрываясь от сов. власти. Затем переехал в Киев, откуда вместе с И.И.Бунаковым (партийный псев. эсера *И.Фондаминского*) был послан на Сев. Кавказ для связи с А.И.Деникиным. В нояб. 1918 вместе с П.П.Рябушинским, П.Н.Милюковым и др. участвовал в Яссах (Румыния) в совещании с послами Антанты.

5 апр. 1919 эмигрировал. Жил во Франции. В 1919 написал (вместе с О.С.Минором и И.Н.Коварским) письмо в ЦК ПСР, в к-ром осуждал все растущую в рядах эсеров «терпимость к Сов. власти» (Луначарский А.В. Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. — М., 1922. — С. 69). В 1920 Р. стал одним из пяти ред. созданного в Париже «толстого» журн. рус. эмиграции «СЗ», получившего финансовую поддержку со стороны пр-ва Чехословакии. Первонач. ядро ред. составили трое: М.В.Вишняк, А.И.Гуковский и Р., затем к ним присоединились И.И.Фондаминский и Н.Д.Авксентьев. Все они принадлежали к партии эсеров, знали друг друга по политич. борьбе с царским режимом, а потом с большевиками; все пятеро были членами Всерос. Учредит. собр. Львиную долю ред. труда выполняли М.Вишняк и И.Фондаминский. На третьем месте (по вкладу в работу журн.) был Р. Свои обязанности он выполнял безвозмездно (первонач. оплачивалась только работа Вишняка и Гуковского), но имел пост. доход, работая секр. ред. «Еврейская трибуна». Все время, оста-

вавшееся от службы в «Трибуне», а затем в Земско-городском к-те помощи рос. гражданам за границей, Р. уделял журн. Внимательно читал и правил поступавшие рукоп. и сам писал на разл. темы. Считая себя ответственным «общественно-политически» и «литературно», он полагал своим долгом следить за тем, что и в какой форме появляется в журн. Поэтому правка его была, быть может, излишне основательной (нек-рые авторы выражали недовольство). «Если Фондаминский, фактически отказываясь от редактирования рукописей, как бы перекладывал ответственность с себя на сотрудников, Руднев, наоборот, снимал с авторов долю их ответственности, обременяя ею самого себя» (Вишняк М.В. «Совр. зап.». — С. 193). Р. снискал репутацию «принципиального» и, тем самым, наименее терпимого из всех ред. Помимо прочего, на Р. лежала особая задача — добывание денег для журн. Он вел переписку со всеми, кто мог материально поддержать изд.: Р. мн. раз ездил в Прагу и всеми силами «вымогал», как он выражался, необходимые суммы, став своего рода «Иваном Калитой» «СЗ». Между тремя ведущими ред. постепенно накапливались расхождения. Бунаков ушел в «Новый град» (1931-39); однако позднее вернулся. В 1936 Вишняк отказался от содержания, к-рое получал от журн., и вместе с тем от ред. функций. Р. перенял их, сделавшись администратором, а затем и единоличным ред. «СЗ». Две последние кн. журн. — формально дело рук одного Р. Он развил неистовую энергию, борясь за продление существования «СЗ». Последняя, 70-я кн. журн. вышла в нач. 1940, а осенью Р. не стало.

Как публицист Р. проявил себя в ст., отразивших его позицию по отношению к «евразийству», а также в откликах на выход журн. «Утверждения» (1931-32), затем «Нового града». В рец. на сб. «Евразийство: Опыт систематич. изложения» (Париж; Берлин, 1926) Р. подчеркнул момент перерождения евразийского движения: чисто лит. течение, сосредоточенное на проблемах духовной культуры и историософии, стремится сделаться организованной политич. силой (СЗ. — 1927. — № 30). В письмах Р. к М.В.Вишняку раскрывается отношение Р. к эмиграции, к-рая в целом, полагал он, страдала от двух иллюзий, ставших «опиумом для эмиграции». Одни верили в свою «миссию» спасителей России (к таковым Р. относил и себя, и своих коллег), др. пытались «построить мост» обратно в сов. Россию. «Мостостроители, — замечает Р., — подобны людям, пытающимся выпрыгнуть с пятого этажа Лубянки» (Дэвис Д. Переписка ред. журн. «СЗ» // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4. — С. 29).

Лит.: Памяти В.В.Руднева // НЖ. — 1942. — № 1.

Пархомовский М. По др. сторону баррикад, или кто создавал «СЗ» // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1.

А.А.Ревякина

С

САБУ́РОВА Ирина Евгеньевна (Кутитонская, баронесса Розенберг) (19.III (2.IV).1907, Рига — 22.XI.1979, Мюнхен) — поэт, прозаик, мемуарист, историк балета. Первым мужем С. был поэт *А.М.Перфильев* (1895-1973), брак с к-рым расторгнут в 1940, вторым — барон фон Розенберг (ум. в сер. 1950-х), однако печаталась писательница под им. Сабуровой. В 20-30-е С. жила в Риге, публиковалась в местной периодике, уже тогда найдя основной жанр своего творчества — новеллу-сказку. Первый сб. рассказов С. «Тень синего марта» вышел в Риге в 1938, в него вошла пов. «Инна» и восемь новелл — все датированы 1934-38. Ранняя проза С. лежит в традициях конца XIX в. и известности ей не принесла. После занятия сов. войсками Латвии и до окончания войны С. скиталась по европ. городам; 1946 застал ее в лагере для «перемещ. лиц» под Мюнхеном. Хотя большинство жильцов этого «лагеря» составляли представители «второй волны» эмиграции, С. не только разделила с ними судьбу, но и оставила кн. беллетризов. мемуаров «О нас» (Мюнхен, 1972) — лучшее, быть может, описание судьбы послевоенных ди-пи, эмигрантов, их быта и страхов в послевоен. годы. Часть персонажей в кн. названа своими подлинными фамилиями — Иван Елагин (1918-1987); под им. Поэта выведен лит-вед, поэт, искусствовед и «вольный переводчик» «Центурий» Нострадамуса Вяч.Кл.Завалишин (1915-1995); под им. Демидовой в кн. присутствует сама С. Тогда же с помощью машинописи, а позже — линотипич. способом С. начинает самостоятельно набирать, брошюровать и продавать (чаще — менять на папиросы) свои новые кн.; так ею была выпущена «Дипилогическая азбука» (Мюнхен, 1946), оскорбившая чувства «второй эмиграции»; в переработ. виде повторенная в кн. «О нас».

Нек-рые кн. С. этого периода так и не разысканы; такова указанная в автобибл. С. кн. рассказов «Дама треф» (Мюнхен, 1946). В 1947 в Мюнхене вышел сб. новелл-казок С. «Королевство алых башен» — он принес ей известность как единств. в рус. зарубежье настоящей «сказочницы».

Большой ром. «Die Stadt der verlorenen Schiffe», повествующий о жизни рус. Риги в 20-30-е, вышел сперва в нем. пер. (Гейдельберг, 1950), позднее на исп. яз. (Барселона, б/г); лишь в 1963 эта кн. в Мюнхене была издана на рус. яз. («Корабли старого города»). Фантастич. пов. С. «После...» вышла в Мюнхене в 1961; эта небольшая кн. представляет собой единственную у С. пробу пера в жанре антиутопии; кн., вышедшая в разгар «холодной войны» и варьирующая один из «постатомных» вариантов истории, прошла на Западе незамеченной. В 1956 в Нью-Йорке издан альбом-монография С. «Бессмертный лебедь», посв. творчеству Анны Павловой, снабженный многочисл. фотографиями.

С. писала стихи всю жизнь, однако единств. сб. стих. «Разговор молча» выпустила в Мюнхене в 1956; последняя ее публикация имела место в 1979 в филадельф. альм. «Перекрестки», к-рый редактировала Валентина Синкевич, — стих. «Я спокойно складываю оружие». Сказки С. выходили отд. сб.: «Копилка времени» (Мюнхен, 1957), «Счастливое зеркало» (Мюнхен, 1966); кн. ее избр. сказок «Королевство» вышла в Мюнхене в 1976. Хорошо знавшая писательницу поэтесса второй волны эмиграции Ирина Николаевна Бушман вспоминает, что С. не принималась за новую работу, если не чувствовала в себе сил для ее полн. завершения (включая издание), поэтому в архиве С., хранящемся в Мюнхене у двух частных лиц раздельно, нет ничего, что можно было бы считать написанным «в стол», в расчете на посм. публикацию.

Лит.: Резникова Н. Рец.: «Тень синего марта» // Рубеж. — 1938. — № 12.
Горбов Я. Рец.: «Счастливое зеркало» // В. — 1966. — № 176.
Фесенко Т. Рец.: «Книга о песчинках» // Современник. — 1972. — № 24.
Боброва Э. Рец.: «Королевство» // Современник. — 1977. — № 33/34.

Пирожкова В.А. Памяти Ирины Сабуровой // Голос зарубежья. — Мюнхен, 1979. — № 15.
Синкевич В. Ирина Сабурова // Грани. — 1991. — № 160.

Е.В.Витковский

СА́ВИН (Саволайнен) Иван Иванович (29.VIII(10.IX).1899, Одесса — 12.VII.1927, Хельсинки) — поэт и прозаик. «Детство и юность провел в городе Зенькове Полтавской губ. Дед — Йохан Саволайнен, финский моряк, встретил в Елизаветграде рус. гречанку, женился на ней, остался жить в России», — свидетельствует вдова С. — Л.В.Савина-Сулимовская в предисл. к кн.: Савин И. Только одна жизнь (Нью-Йорк, 1988. — С. 6) — первом и единств. полн. сб. стихов и прозы С. Отец С. был нотариусом, мать — помещицей. Как замечает вдова, «вся семья Савина была сметена ураганом революционных событий и гражданской войны. Два старших брата, Михайловские артиллеристы, были расстреляны в Крыму. Им посв. повесть «7000 расстрелянных». Коля, пятнадцатилетний мальчик, служивший в Синих кирасирах, был убит в бою, Борис был зарублен под Каховкой красными» (там же. — С. 7).

В 1919 С. добровольцем вступил в армию ген. Деникина и служил в третьем сводном кавалерийском полку. Раненый и больной тифом, он был взят в плен в Крыму, в Джанкое, и чудом избежал расстрела красноармейцами (рассказ «Плен», 1922). Судьба героев рассказа — судьба целого поколения «бело-красных». В 1921 с помощью солдата-санитара С. сумел бежать и добрался до Петрограда, где встретился со своим отцом. Вместе с ним пережил холодную и голодную зиму, подобную той, в к-рую погибли от голода и лишений герои его рассказа «Трое». Имевшиеся у Савиных фин. документы позволили им вполне легально уехать в Хельсинки, где отец работал на сахарном заводе, а сын, после пребывания в санатории, где он лечился от ран, полученных в плену, устроился на том же заводе плотником. Вскоре отец уезжает в Париж, С. же остается в Хельсинки, женится на рус. девушке, родившейся и прожившей всю жизнь в Финляндии. С. не знал фин. яз., и, в основном, круг его общения ограничивается русскими. Здесь же впервые открывается его лит. дарование. «Пробыв только короткое время в Финляндии, Савин начинает писать фельетоны, воспоминания, стихи, и сразу же в свои 24 года завоевывает любовь и уважение всей русской колонии. Наша русская колония была небольшая, но очень теплая и интересная» (там же. — С.10). С. печатается в местной газ. «Рус. вести», его ст., стихи и прозу публикуют газ. и журн. — «Сегодня», «Руль», «Новое время» (Белград), «В» и «ИР» и др. В это же время С. организует «Кружок молодежи», проводит лит. вечера, посв. творчеству Блока, Ахматовой, Гумилева, Есенина, пишет и ставит свои пьесы «Там», «Молодость» (не опубл.). В 1928 Савины посетили Куоккалу, где познакомились с И.Репиным, с к-рым С. быстро и крепко подружился. Позже Репин напишет вдове поэта: «Я всегда мечтал, глядя на этого красавца малороссиянина, написать его портрет... Какая невознаградная потеря» (там же. — С. 11). Вероятно, вследствие ранений, полученных на фронте, С. страдал тяжелыми приступами депрессии, страха. Впрочем, по свидет-ву жены, «писал он всегда и полубольной и здоровый... Будучи здоровым, очень любил общество, играл на рояле, рисовал... Черновиков у Савина, можно сказать, совсем не было. Стихи он начинал писать на обертке финских сигарет, а потом садился за машинку, продолжая писать, почти ничего не исправляя» (там же. — С. 5, 11).

Творческое наследие С. невелико. После смерти С. весь его личный архив был передан отцом Рус. заграничному архиву в Праге. «Однолеток Лермонтова, он скончался на 28 году жизни... Его не знают широко. Жестокая судьба послала его в русскую жизнь в самые роковые годы лихолетья, в красную заваруху, которая снесла все устои нашей культуры; и надо сказать, что на его долю выпали все муки» (Деникина Кс. Иван Савин // НРС. — 1957. — 12 июля). Наиб. изв. поэтич. произв. С. — сб. стихов «Ладонка» (Белград, 1926, предисл. В.Х.Даватца). Второе изд.: было осуществлено Р.В.Полчаниновым в 1947 в Менхегофе (Германия) тиражом в 200 экз., третье, доп. (объем увеличился с 34 стих. до 78) вышло в 1958 в Нью-Йорке. Поэзии С. чужда выспренность, искусственность и напыщенность. С. пронес через всю свою ко-

роткую жизнь верность прежней России (стих. «России», 1924), Белой Идее («Оттого высоки наши плечи...», 1923; «Корнилову», 1924), до конца дней остался с глубокой верой в торжество справедливости и неизбежность кары отступников («Возмездие», 1923; «Огневыми цветами осыпали...», 1923). Он уповал на Суд Господен, призванный рассудить всех виновных и невиновных в трагедии революции и гражд. войны. «Какая «художественная поэзия» не примолкнет в смущении и испуге, заслышав рядом раздирающие душу стихотворные вопли Ивана Савина (как рано и прискорбно потеряли мы этого талантливого финно-русса, типического славочудина старой московской веры!) — надмогильные вопли брата над зверски расстрелянными братьями, над оскорбленными и униженными сестрами? Да, во всей русской поэзии нет более страшных, острее впивающихся в сердце стихов, чем нескладные, спотыкающиеся пять строф: «Михаилу и Павлу, братьям моим»; «Ты кровь их соберешь по капле, Мама», с заключительным молитвенным стоном — «Всех убиенных помяни, Россия!..» (*Амфитеатров А.В.* // Галлиполиец. — Париж, 1927. — Авг.). Поэзия С. — гражданская, а для этого жанра необходимо сочетать то, что актуально лишь в момент написания, с идеями вечными. Сила и убедительность строк С. — как стих., так и прозы — в том, что автор пишет о пережитом, лично увиденном и выстраданном. Таковы его стихи «Кто украл мою молодость...» (1925), «Я — Иван, не помнящий родства...» (1923), рассказы «Плен», «Правда о 7000 расстрелянных», «В мертвом доме» (1922), «Трое». С. даже мечтал составить спец. сб. прозы с характерным назв. «Книга былей». Неслучайно С. цитирует И.Анненского: «На тонкой паутинке колышется сердце человеческое. Качнешь сильнее — и нет его...» («Плен»). Сердце это для С. — ладонка, амулет священный, лишь Богу и России принадлежащий. Те рассказы его, что были опубл., отражают многогранность дарования автора — это рассказы-были о гражд. войне; внешне примыкающий к ним рассказ «Пароль» (НРС. — 1972. — 30 апр.) — притча о противоборстве добра и зла в святой день, о чувстве святого у русских, ибо лишь фабула его (случайное столкновение двух конных дозоров — белого и красного в день Рождества) — о борьбе белых и красных. Рассказы «Валаам — св. остров» и «Валаамские скиты» написаны после путешествия на острова (1926). Полны аллегорий его рассказы «Дроль» (Опыты. — 1953. — № 1; за внешне комичной фигурой простого рус. провинциала, горемыки и чудака, стоит символ России наивной, романтически чувствительной, но бесстрашной, верной, любящей и жертвенной) и «Лимонадная будка» (1926); бездомный рус. эмигрант, кончающий жизнь самоубийством, а может, кем-то убитый — еще один трагич. образ «лишнего» человека, но, в отличие от века девятнадцатого, «лишний» не от того, что себя не нашел, а от того, что все, в том числе и Родину, потерял. Романтичен и наивен рассказ-восп. о первой любви «Трилистник»; необычен по замыслу рассказ-обращение «Моему внуку» (1927), написанный поэтом, не имевшим детей, незадолго до смерти: «А жизнь одна. Сдуй на минуту архивную пыль сенатского решения или пудру Зизи и пойми: жизнь одна! Не двадцать, не миллион, а одна! Не комкай же ее, не проклинай, не рви!»

С. скончался от инфекции, полученной при неудачной операции аппендицита и похоронен на правосл. кладб. Хельсинки рядом с двумя др. поэтами рус. диаспоры в Финляндии — *Вадимом Гарднером* и *Верой Булич*. Вспоминая о С., *И.Бунин* писал: «После долгой и тяжкой болезни скончался в Гельсингфорсе молодой поэт и белый воин — Иван Савин... И вот еще раз вспомнил я его потрясающие слова, и холод жуткого восторга прошел по моей голове и глаза замутнились страшными и сладостными слезами: «Всех убиенных помяни, Россия, егда приидеши во царствие Твое». Этот священный, великий день, будет, будет и лик Белого Воина, будет и Богом и Россией сопричислен к лику святых, и среди тех образов, из коих этот лик складывается, образ Савина займет одно из самых высоких мест... То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу и в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности его стихов и их пафоса и, во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же строки — особенно» (Бунин И.А. Наш поэт // В. — 1927. — 4 авг.). Архив С.: РГАЛИ. Ф. 2276.

Изд.: Стихи // Грани. — 1939. — № 1.

Лит.: Айхенвальд Ю. — Рец.: «Ладонка» // Руль. — 1926. — 25 авг.
Белавина Н. Памяти Ивана Савина // НРС. — 1927. — 23 июля.
Бунин И. Памяти Ивана Савина // ПН. — 1932. — 15 июля.
Елагин И. Рец.: «Ладонка» // НРС. — 1959. — 15 февр.
Женук С. К пятидесятилетию со дня смерти поэта Ивана Савина // НРС. — 1977. — 13 июля.
Протопопов Н. Певец во стане рус. воинов // Наши вести. — Монтерей, 1977. — Июль-авг. — № 365.
Полчанинов Р. Мечта о свободной России // НРС. — 1987. — 12 июля.
Синкевич В. «Поэт белой мечты» — И.Савин // ЗРАГ. — 1994. — Т. 26.
Pachmuss T. A moving river of tears: Russia's experience in Finland. — N.Y., 1992.
+ Амфитеатров; Струве, Терапиано.

А.В.Лупырев

САВИНКОВ Борис Викторович (псевд. В.Ропшин; 19(31).I.1879, Харьков — 7.V.1925, Москва) — политич. деятель, публицист, прозаик, поэт. Род. в семье судьи. Учился в Петерб. ун-те. Образование прервал первый арест за с.-д. деятельность (янв. 1897, Варшава). Продолжал образование в Германии. В 1899 по возвращении в Петербург вновь арестован. В тюрьме начал лит. деятельность. Пишет небольшое произв. «Теням умерших» (Тверь, 1902). В 1899-1900 работал как с.-д. плехановского толка в группах «Социалист» и «Рабочее знамя», в связи с чем был арестован в третий раз в 1901. В нач. 1902 до вынесения приговора выслан адм. порядком в Вологду. Вскоре С. отходит от программы с.-д., в принципах террористич. борьбы склоняется к традициям «Нар. Воли». В 1903 бежит из ссылки в Женеву. Там весной 1903 после свидания с Е.К.Брешко-Брешковской примыкает к партии социалистов-революционеров (ПСР). В мае 1903 решает принять участие в терроре. Первому эсеровскому периоду своей деятельности С. посвящает кн. «Воспоминания террориста» (Харьков, 1926; Л., 1990). С 1904 С. неоднократно был чл. ЦК ПСР и окончательно эмигрировал в нач. 1911, поселившись сначала в Италии, потом во Франции. Эмиграции предшествовал период депрессии, потери веры в рев. дело, тревога за семью. Эти настроения отражены в письмах С., адресов. жене (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 419. Л. 40).

Лит. известность С. принесла кн. «Конь бледный» (Рус. мысль. — 1909. — № 1; отд. изд.:: СПб., 1909). Название кн. и псевд. В.Ропшин, под к-рым вышла кн., подобрала *З.Гиппиус*. В ром. «То, чего не было» (Заветы. — 1912. — № 1-8; 1913. — № 1-2, 4; отд. изд.:: М., 1914; 1992) С. изображает революцию 1905 и террор. Это ром. о трех братьях дворянах Болотовых, к-рые идут в террор и гибнут один за другим (в первой публ. подзаголовок «Три брата»). Первая мировая война застала С. на юге Франции. С удостоверением воен. корр. он следует за войсками. Его очерки, позже объединенные в кн. «Во Франции во время войны». — Ч. 1-2 (М., 1916-17), соответствуют по духу пропагандист. кампании, к-рую вела рус. печать.

В февр. 1917 С. вернулся на родину. Находился на крайнем правом фланге эсеров, группировавшемся вокруг газ. «Голос народа». По назначению А.Ф.Керенского С. последовательно занимал должности: комиссара 7-й армии, комиссара Юго-Зап. фронта, а с 26 июля — управляющего воен. минвом. В то время не все полит. деятели считали желательной борьбу с большевиками, С. составлял исключение. Не будучи проф. военным, он отошел от программных установок своей партии и вел борьбу с дезорганизацией армии. А.И.Деникин пишет о позиции и деятельности С. между двух революцией: «Савинков порвал с партией и с советами. Он поддержал резко и решительно мероприятия Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давление на Керенского... Вместе с тем, Савинков не шел до конца и с Корниловым» (Деникин А.И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. — М., 1991. — С. 10-11). В нач. сент. 1917 С. был уволен Керенским в отставку и заочно исключен из ПСР по обвинению в участии в корниловском восстании. В 1919 в Париже С. опубл. кн. «К делу Корнилова», где дал свою трактовку событий.

После прихода к власти большевиков С. активно боролся против них, поддерживая Добровольч. армию. Зимой 1917 выехал на Дон в расположение казачьих войск ген.

Каледина. Весной 1918 действовал с отрядом на верхней Волге и собирался открыть дорогу чехам в европ. Россию. В июле 1918, в день убийства герм. посла графа Мирбаха эсером Блюмкиным, С. поднимает восстание в Ярославле. Несмотря на жестокие меры подавления, восстание продлилось больше двух недель и было с трудом подавлено 21 июля. Помимо Ярославля С. поднимал восстания в Муроме и Рыбинске, действовал на сев.-вост. от Москвы в организов. им Нар. союзе защиты родины и свободы (НСЗРиС). Этот период деятельности описан С. в кн. «Борьба с большевиками» (Варшава, 1920), лейтмотивом к-рой является мысль о том, что трагедия революции и гражд. войны имеет для России очистительное значение. Россия после «смутного времени» станет сильнее, чем была при царе. Но для этого, по мысли С., нужны новые жертвы. После неудачи поднятых в центр. России восстаний С. скрывается в Казани, живет в Сибири, затем через Владивосток и Японию добирается до Парижа. Здесь в 1918-19 С. представлял интересы правительства адм. А.В.Колчака, возглавляя его бюро печати «Унион», добывал для Белых армий Сибири и Юга России оружие, снаряжение и обмундирование. Заседал в «Рус. политич. делегации». — своего рода эмигр. пр-ве, защищал интересы России при обсуждении Версальского договора.

Сов.-польск. война привела С. в Варшаву (янв. 1920). В это время С. был самой заметной рус. фигурой в Польше, пользовался доверием Ю.Пилсудского, поддерживал одно из рус. воен. формирований в Польше — Рус. нар. добровольч. армию (НДА) ген. С.Н.Булак-Булаховича. С., польск. пр-во и ген. П.Н.Врангель создавали третью рус. армию под командованием ген. Перемыкина. С. руководил Рус. политич. к-том в Варшаве и после неудачи Кронштадского восстания (март 1921) при поддержке польск. Генштаба начал формировать вооруж. отряды, к-рые засылались на сов. терр. Постепенно С. отходит от Белого движения и обращает гл. внимание на «зеленых» (анархически настроенные партизанские отряды, выступавшие как против белых, так и против красных). «Мысль моя была такова, — пишет С., — чтобы попытаться придать более или менее организованную форму зеленому движению, попытаться вызвать большое массовое крестьянское восстание, посылать в Россию людей именно с этими задачами» (Б.Савинков перед Военной коллегией Верховного Суда СССР: Полный отчет по стенограмме суда. — М., 1924. — С. 118).

В 1920 в Варшаве основал газ. «Свобода» (с 1921 — «За свободу!», в 1921-33 под ред. *Д.Философова*). Всю первую пол. 1921 С. печатал в ней полит. статьи. После окончания сов.-польск. войны (март 1921) НДА перешла в наступление на Мозырь. В этом походе, окончившемся неудачей, С. участвовал как доброволец конного полка. По возвращении в Варшаву С. вернулся к подпольной работе. Летом 1921 возродил НСЗРиС. 13-16 июня 1921 в Варшаве проходил съезд Союза, к-рый вынес решение о разрыве с Белым движением, о борьбе за «третью, новую Россию» с истинно рус. демокр. строем, беспартийными советами. После ноты сов. правительства правительству Польши 4 июля 1921, в к-рой требовалось ликвидировать на терр. Польши все антисов. орг-ции, С. вынужден был временно покинуть Варшаву. Он едет в Прагу для переговоров с правительством Чехословакии, затем в Париж, откуда осуществляет руководство деятельностью Союза. 26 окт. (уже после подписания представителями РСФСР и Польши протокола о высылке С. и др.) он без визы возвращается в Варшаву.

В 1923 в Париже выходит «Конь вороной», пов. в виде дневника полк. Юрия Николаевича (Жоржа). Судя по содержанию и дневниковым датам, первая ее часть относится к нояб. 1920, когда С. в составе НДА ходил на Мозырь. Вторая охватывает период с июля 1921 по март 1922, когда С. делал ставку на «зеленых». По своей тональности, по выражению отношения к жизни и людям (отчаяние, переходящее в крайнюю жестокость) пов. перекликается с «Конем бледным», что подчеркивается повторением мн. строк, евангельским загл. и эпиграфом, именем гл. героя. «Эта повесть, — пишет С., — не биография, но она и не измышление». Автор «описывал либо то, что пережил сам, либо то, что... рассказывали другие» (с. 11). Прототипом Жоржа, скорее всего, послужил соратник С. полк. С.Э.Павловский. У.Черчилль, лично знавший С., писал о нем в своей кн. «Великие современники» (1937) как о человеке, сочетавшем в себе мудрость гос. деятеля, каче-

ства полководца, отвагу героя и стойкость мученика.

В 1923-24 ГПУ проводила операцию «Синдикат-2», задуманную специально для завлечения С. на сов. терр. Была разработана легенда о новой контррев. орг-ции «либеральных демократов», якобы существующей в СССР. По замыслу, «ЛД» сумели объединить большое число единомышленников, но не хватало опытного полит. лидера. Им должен был стать С. В авг. 1924 С. нелегально перешел сов.-польск. границу и был немедленно арестован ГПУ в Минске. 27 авг. в Москве Воен. коллегия Верховного суда СССР начала слушание дела С., он был приговорен к высшей мере наказания. 29 авг. пост. ЦИК СССР высшая мера была заменена десятью годами лишения свободы. Последовавшая вслед за этим гласная капитуляция С. перед Советами отразилась в письмах из внутр. тюрьмы («Почему я признал Сов. власть» // Дело Бориса Савинкова. — М., 1924). С. призывал бывших соратников прекратить борьбу с рус. народом и рос. компартией, возрождающими, согласно его новому убеждению, «страну на путях новой экономической политики». Перейдя на сторону своих бывших врагов, С. помог им нанести ощутимый психологич. удар по антибольшевист. движению. В мае 1925 С. ходатайствовал об освобождении, после чего газ. сообщили о его самоубийстве. Согласно другой версии, — это было спланированное убийство сотрудниками ГПУ. Архив С.: РГАЛИ. Ф. 1557.

Изд.: Рассказы. — М., 1924.
Кн. стихов. Посм. изд. / Предисл. Гиппиус З. — Париж, 1931.
Избр. — Л., 1990.
Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924 // Минувшее. — М.; СПб., 1993. — Вып. 13.
Неизв. рукоп. Б.В.Савинкова / Публ. Леонидова В. // Знамя. — 1994. — № 5.

Лит.: Суд над Савинковым. — Л., 1924.
Николаевский Б. История одного предателя. — Нью-Йорк, 1980.
Алешковский П. Трагический и кощунственный балаган // Юность. — 1989. — № 3.
Давыдов Ю. Борис Савинков, он же В.Ропшин и др. // Огонек. — 1989. — № 30.
Жуков Д.А. Б.Савинков и В.Ропшин: Террорист и писатель // Наш современник. — 1990. — № 8-10.
Крылов Г. Загадка поэта-террориста // Поэзия. — М., 1990. — № 55.
Седельников В. Лит. архив Савинкова // Наше наследие. — 1990. — № 6.
Шенталинский В.А. Свой среди своих (Савинков на Лубянке) // Новый мир. — 1996. — № 7/8).
+ Казак.

Ю.С.Цурганов

СА́ВИЧ Овадий Герцович (5(17)VIII.1896, Варшава — 19.VII.1967, Москва) — поэт, прозаик, переводчик, журналист. Детство провел в Москве, вырос без отца (родители рано разошлись), воспитывался матерью, Анной Тимофеевной Савич. В 1915 поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та, через год ушел оттуда в студию при т-ре им.Комиссаржевской; до 1923 работал актером в моск. и разъездных т-рах. В 1915 в моск. альм. «Альфа» напечатана подборка стихов С.; в 1922 в № 1 и 2 альм. «Свиток» — его поэмы «Белые пустыни» и «Поэма сна и ночи»; стихи С. писал до старости. В 1923 — первая публ. прозы С. (новелла «Иностранец из 17-го №» в моск. альм. «Современники»); тогда же вышла его первая кн. — пов. «По холстяной земле» (Берлин) о быте передвижного т-ра в порев. годы, отразившая личный опыт автора и написанная не без влияния *Е.Замятина* (рец. В.Лурье. // Дни. — 1924. — 13 янв.).

В нач. 1920 матери С. удается эмигрировать в Германию, в 1924 С. с женой следует за ней. Живет сначала в Тюрингии, затем в Берлине, с 1929 — в Париже, пишет рассказы и повести. Жизн. опыт времен гражд. войны, жестокость и несправедливость старого и нового режимов, актерские кочевья отражены в сб. «Короткое замыкание» (М., 1927). Жизнь послевоенной Германии создает фон пов. и рассказов С., вошедших в сб. «Пловучий остров» (М., 1927, 1929) и «Синий шелк» (Рига, 1927).

В 1927 С. совм. с эмигр. поэтом *Вл.Корвин-Пиотровским* пишет фантастич. роман «Атлантида под водой» (Берлин, 1928), затем приступает к ром. «Воображаемый собеседник» (Л., 1928; Берлин, 1929; М., 1991), к-рому было суждено стать вершиной его прозы. Пробуждением тоски по яркой, осмысленной жизни герой может де-

литься только с «воображаемым собеседником». *М.Цетлин* в рец. на кн. писал: «Роман Савича задуман смело и разработан с большой внутренней логикой. В нем много правдивого, человечного, хорошего... Хочется отметить талантливую книгу и автора, не боящегося «подражать» Достоевскому и разрабатывать одну из основных тем русской литературы: тему верховной ценности личности, ее права все судить и ниспровергать» (СЗ. — 1930. — № 43. — С. 494-496). В. 1931 в берлин. изд-ве «Петрополис» вышла сост. С. совместно с *И.Эренбургом* антология высказываний рус. писателей о Франции «Мы и они»; ее запрещение в СССР оборвало работу над аналогичной антологией о Германии. В 1930-е С. испытывает кризис, его лит. продукция того времени — небольшие газ. очерки. Выходом из кризиса стала работа (по совету И.Эренбурга) корр. «Комсомольской правды», а затем ТАСС на фронтах гражд. войны в Испании. В 1936 жена С. едет в Москву к умирающей матери и не получает разрешения на возвращение за границу. В 1939 С. был вынужден вернуться в СССР, где получил широкую известность как переводчик испанояз. поэзии (Г.Мистраль, П.Неруда, Н.Гильен, Г.Беккер, А.Мачадо и др.) и автор кн. «Два года в Испании. 1937-1939», выдержавшей 4 изд.

Изд.: Поэты Испании и Латинской Америки. — М., 1966.
Письма из Испании / Публ. Фрезинского Б. // ЛО. — 1986. — № 7.
Записи разных лет / Публ. Фрезинского Б. // ВЛ. — 1988. — № 8.

Лит.: Эйснер А. Камарада Савич // Журналист. — 1968. — № 7.
Marinello Y. Ovid Savich // Bogemia. — Habana, 1967. — October, 22.
Zolameia Y. Ausencia del Amigo // El Tempo. — Bogota, 1967. — 22.VII.

Б.Я.Фрезинский

СВЯТОПО́ЛК-МИРСКИЙ — см. МИРСКИЙ Д.П.

СЕВЕРЯ́НИН Игорь (наст. фам. Лотарев Игорь Васильевич; 4(16).V.1887, Петербург — 20.XII.1941, Усть-Нарва, Эстония) — поэт, переводчик. Род. в семье Василия Петровича Лотарева, воен. инженера, из владимирских мещан. Мать — Наталья Степановна Шеншина — из старинного дворянского рода, одна из ветвей к-рого восходит к историку Н.М.Карамзину, чем С. был горд. Из-за неладов в семье отрочество и юность провел с отцом, вышедшим в отставку и уехавшим к родственникам в Череповецкий уезд Новгородской губ. В Череповце С. закончил четыре класса реального уч-ща, после чего отправился с отцом, занявшимся коммерцией, на Д.Восток, в Маньчжурию. Вскоре жизнь в чужих краях опостылела ему, и С., оставив отца, возвращается на родину и нек-рое время живет с матерью и ее родней в Гатчине. Печатается с нач. 900-х в газ. «Утро России» под псевд. Игорь Северянин. В 1904 в СПб. вышло неск. тоненьких малотиражных брошюр патриотич. стих.: «Гибель Рюрика», «Подвиг «Новика», «К крейсеру «Изумруд», «К предстоящему выходу порт-артурской эскадры»; в 1905 — «Бой при Чемульпо», «Взрыв «Енисея», «Захват «Решительного», «Конец Петропавловска» и др. Первый стихотв. сб. «Зарницы мысли» опубл. в 1908 (СПб.). В том же году сб. стихов «Сирень моей весны» (СПб.) открывался напутствием К.Фофанова: «Чудному новоявленному поэту Игорю Васильевичу Северянину-Шеншину-Лотареву». Фофанов и Мирра Лохвицкая были лит. кумирами юного С., оказав влияние на формирование его поэтич. индивидуальности. С 1911 С. возглавил течение эгофутуризма, объединившее молодых поэтов И.Игнатьева, Р.Ивнева, К.Олимпова. Через год эгофутуризм исчерпал свои возможности, С. примкнул к кубофутуристам. Всерос. славу принес ему сб. «Громокипящий кубок» (М., 1913), выдержавший за два года семь изданий. Силу лирич. дарования С. отмечали В.Брюсов, А.Блок, Н.Гумилев, *М.Горький*. Популярности С. содействовали его «поэзоконцерты» (особый и неповторимый вид мелодекламации), с к-рыми он гастролировал по городам и весям Рос. империи. Стихи, или «поэзы», С. отличались изысканностью и нарочитой претенциозностью, причудливо сочетали сентиментальность, гротеск, иронию и самоиронию, инкрустировались непривычными размерами и ритмами. Плелись «гирлянды триолетов», выстраивался «квадрат квадратов». Прекрасно чувствуя возможности языка, С. ввел неологизмы:

«взорлить», «бездарь», «окалошить», «оэкранить» и т.д. Целеустремленно и с успехом создавал имидж прославленного утонченного поэта — любимца женщин и баловня публики: «Я гений — Игорь Северянин...». С исключит. вниманием относился к изданию и библ. оформлению своих кн., вел сквозную нумерацию изд.:, именуя «томом» каждую книжечку стихов, вне зависимости от объема и состава.

Окт. революция застала С. в рыбачьем поселке Тойла, на сев.-вост. побережье Эстонии, где в 1913-14 снимали дачу Ф.Сологуб и А.Чеботаревская, у к-рых гостил С. и где он в пору своей всерос. славы присмотрел дом. С 1918 С. постоянно живет в Тойле вместе с матерью и гражд. женой Марией Васильевной Домбровской (Балкис Савская), наезжая в Петроград и Москву. В один из своих приездов, 14 (27) февр. 1918 на вечере «Избрание короля поэтов», проходившем в Политехнич. музее, одержал победу в соперничестве с Маяковским и был объявлен «Королем поэтов», к чему отнесся весьма серьезно, утверждая свою самоценность в роли живого классика. В 1921, после отделения Эстонии от России, принял эстонское гражданство. В беседе с полпредом сов. России на вопрос, является ли он эмигрантом, ответил: «Прежде всего я не эмигрант. И не беженец. Я просто дачник. С 1918 года» («Визит полпреда» // Вести дня. — Таллин, 1939. — 1 сент.). Осенью 1921 С. похоронил мать, 24 декабря 1921 обвенчался с жительницей Тойла эстонкой Фелиссой Круут, 1 авг. 1922 у них род. сын, получивший имя Вакх.

Женитьба на Фелиссе Круут, близкой к лит.-худож. кругам, способствовала вхождению С. в лит. жизнь Эстонии. 22 марта 1919 С. впервые выступил с чтением стихов в Таллине, 25 мая с успехом прошел его вечер в Тарту, 29 мая — в Таллине. Начался новый период лит. и концертной деятельности С. в странах Балтии, Скандинавии, Германии, Франции. Благодаря личной предприимчивости и установившимся связям он сумел осуществить неск. изд.: сб-ков стихов: «Вервэна: Поэзы 1918-1919» (Юрьев, 1920); «Менестрель: Новейшие поэзы» (Берлин, 1921; М., 1989); «Фея Eiole: Поэзы 1920-1921 гг.» (Берлин, 1922); «Миррэлия: Новые поэзы» (Берлин, 1922); «Соловей: Поэзы» (Берлин, 1923; М., 1990) и др. Объявив себя «вне политики», С. вел размеренную жизнь деревенского жителя, бродил с удочкой по берегу озера Ульясте, ловил форель в студеной речке Пюхайыги, совершал дальние походы в лес, снимал комнату у лесника. Меняется весь антураж его поэзии. Вместо королев и пажей, гризеток, львиц и девочек полусвета в его лирике произрастают образы, навеянные размеренной и неторопливой жизнью человека, нашедшего покой и умеренное счастье в слиянии с природой, в знакомстве и дружбе с обычными людьми, живущими в мире непритязат. забот и радостей. Эстония как утопич. Балто-Скандия и ее хранительница — царств. романтич. дева, некогда поэтизируемые петерб. заезжим снобом, вытесняются лирич. образом небольшой сев. страны, земной женщины, дарящей поэта своей любовью. Его пейзажи напоминают неяркие акварели, в к-рых угадываются реалии близлежащих мест, полюбившихся поэту. Однако при внешней созерцательности позиции, получившей отражение в лирике, С. ведет активную творческую жизнь: с помощью Фелиссы Круут начинает переводить эст. поэтов, сближается с кружком рус. литераторов в Тарту. В выпущенном ими альм. «Via sacra» (Тарту, 1922) С. публикует три маленькие сатирич. пьесы: «Вакханка из Кальяри. Одноактный миньонет в стихах», «Аэрофарс: Фарс в трех картинах в стихах» и «Плимутрок», высмеивающие нравы верхов эмигр. об-ва. Его стихи, проза, пер. печатаются в эст. рус. газ. «Свобода России» «Последние известия», «Вести дня», «Наша газета», «Старый нарвский листок», «Рус. вестник» и др.

Эмиграция открыла новый период в творчестве С., обозначив определенный «стилевой слом»: отход от иск-ва рус. авангарда в мир традиционалистской поэзии, характерной для стиховой культуры рус. зарубежья. Оказавшись вне России, С. отстаивает свое место в ее духовной жизни. В поисках самого себя пишет автобиогр. романы в стихах, растянутые и многословные, осмысляет прошлое, оставшееся «по ту сторону», расставляет необходимые акценты: «Роса оранжевого часа: Поэма детства в 3-х ч.» (Юрьев, 1925), «Падучая стремнина: Ром. в стихах» (Берлин, 1922), «Колокола собора чувств: Автобиогр. ром. в 3-х частях» (Юрьев; Тарту, 1925). Все три «ром.» проникнуты ностальгией по ушедшим дням. Лит.-биогр. фактами наиб. ин-

тересны «Падучая стремнина» и «Колокола собора чувств». Романтически настроенный поэт, «безвозрастный ребенок», «юродивый», «блаженный и пророк» повествует о своей «доэгофутуристической» юности в Гатчине, в кругу кузин, о первой любви к дочери мельника Злате. Автор отрекается от, как он утверждает, изначально чуждого ему «декаданса», заявляет свою приверженность традициям рус. классики, рассказывает о выездных «Олимпиадах футуристов», о путешествиях по городам Рос. империи с В.Хлебниковым, В.Маяковским, *Д.* и Н.*Бурлюками*, А.Лентуловым, Г.Якуловым.

Последний ром. в стихах С. «Рояль Леандра» (Бухарест, 1935) написан онегинской строфой, представляя, по замыслу автора, «сев. вариант» Онегина и Татьяны, где, однако, страсть к заезжему маэстро побеждает чувство супруж. долга. В этом весьма претенциозном произв. содержатся зарисовки лит.-худож. быта 1910-х. Не достигнув успеха в разработке крупных эпич. форм, С. пришел к новым худож. открытиям в лирике. Отъединенный от родины, он ощутил себя нац. рус. поэтом, наследником классич. традиций рус. лит-ры. Вершиной его эмигр. лирики стал сб. стихов «Классические розы» (Белград, 1931; М., 1990), вышедший в сер. «Рус. б-ка». «Неподражаемой России незаменимая земля» поэтизируется им в блоковской традиции. 17 авг. 1939 С. публикует в таллинской рус. газ. «Вести дня» стих. «Без нас» о судьбах России в эмиграции, своеобр. итог размышлений и переживаний: «И вот мы остались без родины / И вид наш и жалок и пуст, / Как будто бы белой смородины / Обглодан раскидистый куст...». В раздумьях о законах природы и мироздания, смысле человеческого бытия С. постигает высшую ценность в единении человека с родиной. В 1934 в Белграде вышел сб. стих. «Медальоны: Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» — сто один поэтич. портрет крупнейших деятелей рус. и зап. культуры.

Значительна роль С. в знакомстве рус. читателя с поэзией Эстонии. В 1928 им издана антология «Поэты Эстонии» с пер. из тридцати трех поэтов. Среди них — Генрих Виснапу, Иоханнес Барбарус, Алексис Раннит, Мария Ундер. Эст. исследователи отмечают воздействие С. на совр. ему эст. поэзию (Адамс В.Т. Игорь Северянин в Эстонии // Рус.-европ. лит. связи. — М.; Л., 1966). Переводил Елизавету Багряну и Юлиана Тувима, с к-рыми дружил.

В эмиграции С. продолжал свою концертную деятельность, столь способствовавшую в свое время его всерос. славе. В янв. 1921 выступает с поэзоконцертами в Риге, в 1922 — в Германии (5 нояб. принимает участие в вечере, организов. сов. полпредством с *А.Толстым* и В.Маяковским), в 1923 — в Финляндии, в 1924 в Латвии, Германии, Чехословакии. Осень и зиму 1930 вместе с женой провел в четырехмес. турне по Польше и Югославии; в февр. 1931 выступает в Париже. Лит. и концертная деятельность С. встречала разноречивые, но пост. отклики в критике рус. зарубежья. «Не Миррэлия», а будуар, отделанный «ренессансно»; в нем описывается действие мировой важности: «Примадонна пришпилила к лифу ветку Ирис». Поэт Игорь Северянин, куаферно-изысканный, по этому поводу написал томик «новых поэз», — иронизировал *А.Бахрах* (Дни. — 1922. — 22 нояб.). В заметке «Северянин в Париже» *Н.Оцуп* писал: «Не очень изменился автор «Громокипящего кубка» и в лучшей части своего таланта. Правда, вместо «Ананасов в шампанском» он воспевает сейчас сельскую природу и рыбную ловлю, вместо забав и соблазнов света воспевает семейную жизнь и свою жену. Но появление Северянина в Париже оказалось нужным именно потому, что в сущности он нисколько не изменился, т.е. не утратил своего непосредственного дарования» (Числа. — 1931. — № 5. — С. 264-265).

Годы жизни после разрыва с Фелиссой Круут (супруж. союз с к-рой длился около пятнадцати лет) отмечены творч. спадом. Он покидает Тойлу и живет вместе с последней подругой Верой Борисовной Коренди в Таллине, затем в деревне Саар-Кюла, в Нарва-Йыэсуу, в Пайде. Почти единств. источником жизни в этот период являлись субсидии из гос. фонда «Культурный капитал», выделенные эст. пр-вом. *П.Пильский* рассказал о своей последней встрече с С.: «Поэт, он теперь не хочет писать стихов. Они остаются у него в душе, их напевы звучат в его ушах, он носит их под сердцем, но не печатает: «Не для кого! Читатель стихов вымер. Я делаю моим стихам аборты» (Сегодня. — 1939. — 11 дек.). Подготовленные сб. стих. «Настройка лир» и «Литавры солнца» напечатаны не были. Посм. публ. С.

— «Из неизд. кн. стихов «Очароват. разочарования» (НЖ. — 1956. — № 44), «Утопич. эпопея» (НЖ. — 1966. — № 83). Значит. ч. наследия С. до сих пор не опубл.

С. приветствовал присоединение Эстонии к Сов. Союзу в 1940, уже больной предполагал переехать в Россию, вел переписку с поэтом Г.Шенгели. После нач. войны летом 1941 предпринял неудачную попытку выехать в Ленинград. Умер от сердечного приступа. Похоронен в Таллине на гл. аллее рус. кладб. На могиле доска из вазалемовского мрамора с надписью: «ПОЭТ ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН 16.V.1887 — 20.XII.1941. Как хороши, как свежи будут розы, Моей страной мне брошенные в гроб. И.С. Классические розы».

Изд.: Стихотворения. — Л., 1975.
Письма к А.Барановой / Публ. Крууса Р. и Янгфельдта Б.— Стокгольм, 1988.
Стих. и поэмы. 1918-1941. — М., 1990.
Соч.: Таллин, 1990.
Соч.: В 5 т. — СПб., 1995-6. — Т. 1-4.

Лит.: Гуль Р. Рец.: «Менестрель» // Сполохи. — 1921. — № 1.
Мочульский К. Рец.: «Менестрель» // РМ. — 1921. — № 8/9.
Слоним М. Рец.: «Менестрель» // Воля России. — 1921. — 23 июня.
Пильский П. Рец.: «Классич. розы» // Сегодня. — 1931. — 15 сент.
Тэффи. О поэте // В. — 1931. — 24 февр.
Адамович Г. Рец.: «Медальоны» // ПН. — 1934. — 29 марта.
Пильский П. Игорь Северянин: 35-летие лит. деятельности // Сегодня. — 1940. — № 31.
Круус Р. Новые данные о жизни и творчестве И.Северянина // Уч. зап. Тартус. ун-та. — 1986. — Вып. 683.
О Игоре Северянине. — Череповец, 1987.
Урбан А. Добрый ироник: К 100-летию со дня рождения И.Северянина // Звезда. — 1987. — № 5.
Игорю Северянину 100: Кат. кн. выст. / Сост. Старовойтова М.С. — Таллин, 1988.
Фигурнова О.С. Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библ. // De visu. — 1993. — № 2.
Городницкий Л. Игорь Северянин в Париже // РМ. — 1996. — 22-28 февр.
+ Казак; Одоевцева; Рус. Берлин; Струве.

С.А.Коваленко

СЕДЫ́Х Андрей (псевд. Якова Моисеевича Цвибака) (1(14).VIII.1902, Феодосия. — 8.I.1994, Нью-Йорк) — журналист, писатель, лит. критик. Окончил г-зию в Феодосии. В 1919 нанялся матросом на пароход, шедший через Ялту в Болгарию. Из Болгарии попал в Константинополь, где в течение шести мес. продавал на улицах рус. газ. В нояб. 1920 через Италию приехал во Францию, жил с приятелем в Париже. Мин. торговли царского правительства М.М.Федоров, занимавшийся делами рус. студентов, устроил С. в ун-т, в Школу политич. наук. По окончании ее в 1926 С. работает в газ. «ПН» и «Сегодня» парламентским корр., проведя в Палате деп. и ред. «ПН» двадцать лет жизни. С. писал не только парламентские отчеты, но и ст. о крупных судебных процессах в связи с похищениями А.П.Кутепова, Е.К.Миллера; публиковал также очерки и рассказы. «Милюков очень покровительственно относился ко мне, я ему очень благодарен за это. Я считал себя его учеником, он научил меня быть журналистом» (Глэд Дж. Беседы в изгнании. — М., 1991. — С. 51). По воскресным дням и понедельникам С. готовил первую страницу вместе со своим другом *М.Алдановым*. С. считает своим учителем также рус. журналиста А.А.Полякова, бывшего фактич. ред. «ПН», поскольку П.Н.Милюков следил гл. обр. за полит. линией газеты.

По настоянию *А.И.Куприна*, С. издал кн. «Париж ночью» (Париж, 1928; предисл. А.Куприна), где собрал очерки и рассказы о париж. улицах, притонах, проститутках. В 1930 в Париже вышла кн. С. «Там, где была Россия: Путевые очерки поездки в Латвию» о его поездке в авг.-окт. 1929. К кн. «Звездочеты с Босфора» (Нью-Йорк, 1948) предисл. написал *И.А.Бунин*. «Это хорошая книга, — говорил Бунин, — вы должны писать, из вас выработается хороший писатель, если вас не убьет журналист» (Глэд Дж. — С. 53).

В 1933 С. сопровождал И.Бунина в Стокгольм для участия в торжествах по поводу получения Нобелевской пр. «Позже при всякой встрече мы вспоминали сумасшедшие дни, последовавшие за присуждением премии. Я стал на время секретарем Бунина, принимая посетителей, отвечал на письма, давал за Бунина автографы на книгах, устраивал интервью. Приезжал я из дома в отель «Мажестик», где останавли-

вался Бунин, рано утром и оставался там до поздней ночи. К концу дня, выпроводив последнего посетителя, мы усаживались в кресла в полном изнеможении и молча смотрели друг на друга... Письма приходили буквально со всех концов мира» («Далекие, близкие». — Нью-Йорк, 1962. — С. 190; переизд.: М., 1995).

В 1941 С. бежал из Франции. В 1942 оказался в США без знания яз., но уже через три дня давал телеграммы последних новостей в газ. «НРС». С 1973 гл. ред. «НРС»: «Нет русской газеты в мире старее «Нового русского слова», и я очень горжусь, что я ее редактор и что мне в последние годы удалось поднять ее на большую высоту. Конечно, огромное дело создал мой предшественник М.Е.Вейнбаум, бывший редактором «НРС» около 50 лет», — вспоминал С. в беседах с Дж.Глэдом (там же. — С. 56). До последних дней С. регулярно писал для «НРС» по вторникам. В Нью-Йорке С. опубл. путевые очерки «Дорога через океан» (Нью-Йорк, 1942), «Сумасшедший шарманщик» (Нью-Йорк, 1951); «Замело тебя снегом, Россия» (Нью-Йорк, 1964), «Крымские рассказы» (Нью-Йорк, 1977). С. был обладателем солидного личного лит. архива, часть к-рого он передал в Йельский ун-т (около 100 писем И.Бунина, письма А.Куприна, М.Алданова, *Д.Мережковского*).

В кн. «Далекие, близкие» С. рассказал о своих встречах со знаменитыми рус. людьми. Здесь — восп. о Куприне, Волошине, О.Мандельштаме, Алданове, Рахманинове, *Бальмонте*, Милюкове, Глазунове, Бунине, Шаляпине и др. Интересны наблюдения С. об *А.Ремизове*, *К.Коровине* и др.

С. остро интересовал вопрос о роли рос. евр. интеллигенции в эмиграции. В ст. «Рус. евреи в эмигр. лит-ре» (сб. «Кн. о рус. еврействе, 1917-1967». — Нью-Йорк, 1968) он пишет о том, что на либеральном фланге рус. эмиграции была широко представлена евр. интеллигенция: адвокаты, книгоиздатели, обществ. и политич. деятели, ученые, писатели, журналисты. Из периодики, редактировавшейся евреями в годы войны и сразу после нее, С. называет «НЖ» (основатель *М.Цетлин*), париж. «РМ» (С.А.Водов), «Воздушные пути» (в числе основателей М.С.Цетлина, Р.Н.Гринберг). С нач. 1940-х в газ. «НРС» начали сотрудничать видные евреи-меньшевики и эсеры Б.Двинов, С.М.Шварц, Д.Ю.Далин, Р.А.Абрамович, С.М.Соловейчик, Д.Н.Шуб, *М.В.Вишняк*. «Эти же имена мы встречаем и на страницах «Нового журнала». Это — очень характерное явление для зарубежной печати, начиная с эпохи второй мировой войны: при довольно большом разнообразии печатных органов и их политических направлений, мы встречаем почти всюду одних и тех же сотрудников. Множество общих сотрудников можно найти у «Нового русского слова», «Русской мысли» в Париже, «Нового журнала» и «Социалистического вестника». Общий либеральный дух этих изданий определяет естественно и состав сотрудников» («Книга о рус. еврействе». — С. 444).

Изд.: Старый Париж. — Париж, 1925.
Монмартр. — Париж, 1927.
Там, где жили короли: Очерки об окрестностях Парижа. — Париж, 1930.
Люди за бортом. — Париж, 1933.
Только о людях. — Нью-Йорк, 1955.

Лит.: Алданов М. Рец.: «Монмартр» // Сегодня. — 1927. — 13 июня.
Кроль Ю. Рец.: «Париж ночью» // Звено. — 1928. — № 1.
Адамович Г. Рец.: «Люди за бортом» // ПН. — 1933. — 30 марта.
Пильский П. Рец.: «Люди за бортом» // Сегодня. — 1933. — 13 апр.
Цетлин М. Рец.: «Дорога через океан» // НЖ. — 1942. — № 3. Подпись: М.Ц.
Гуль Р.Б. Рец.: «Только о людях» // НЖ. — 1955. — № 41.
Иваск Ю. Рец.: «Только о людях» // Опыты. — 1955. — № 5. Подпись: Ю.И.
Завалишин В.К. Рец.: «Далекие и близкие» // НЖ. — 1962. — № 69.
Тэффи Н.А. Письма к Андрею Седых // Воздушные пути. — 1963. — № 3.
Гуль Р.Б. Рец.: «Замело тебя снегом, Россия» // НЖ. — 1964. — № 76.
Терапиано Ю.К. Рец.: «Замело тебя снегом, Россия» // Современник. — 1964. — № 10.
Терапиано Ю.К. Рец.: «Земля обетованная» // Современник. — 1967. — № 14/15.
Чернявский В. О далеких, близких А.Седых // Грани. — 1980. — № 115.
Штурман Д. Последние из могикан // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1994. — Т. 3.
Некролог // РМ. — 1994. — 13 янв.
+ Казак.

О.С.Цурганова

СЕМЁНОВ Борис Константинович (12(24).II.1894, Псков — 5.V.1942, Саратов, тюрьма) — поэт, публицист. Отец был владельцем мануфактурного магазина. Окончил псковское реальное уч-ще. В 1912 поступил на юрид. ф-т Петерб. ун-та. В 1914 ушел добровольцем на фронт. После окончания Владимирского военного уч-ща в апр. 1915 ему было присвоено звание прапорщика. В авг. того же года был ранен и попал в плен к немцам, в к-ром находился до кон. 1918. Вместе с группой рус. военнопленных был направлен через Сарны на Украину, в Киевскую губ. В нач. 1919 при отступлении немцев ушел с ними в Германию, где и был интернирован в лагерь Зальиведель, а весной вступил добровольцем в Сев.-Зап. армию Юденича в должности мл. офицера роты. Участвовал в боях под Витином и Красным Селом. После разгрома Юденича остался в Печорах, к-рые отошли к Эстонии по Тартускому договору 1920. Работал в мастерских учебных пособий, учительствовал в рус. школе. В 1924 выехал в Прагу, где поступил на Рус. юрид. ф-т и окончил его в 1927. В 1925 вступил в партию «Крестьянская Россия». Участник лит. объединения «Скит» в Праге. С 1925 стал печататься в журн. «Воля России», «Своими путями», «Годы», «Родное слово», «СЗ», газ. «Меч», сб. «Новь» и др. После окончания юрид. ф-та вернулся в Печоры и работал инструктором по внешкольному образованию при Союзе рус. просветительных и благотворительных обществ, а также преподавал в школах рус. яз. и лит-ру. Печатался в газ. «Знамя России», в эст. и чеш. изд. В 1931-32 выезжал в Прагу как делегат на съезд «Крестьянской партии». После присоединения Эстонии к Сов. Союзу в ночь с 20 на 21 июня 1940 был арестован и согласно распоряжению комиссара полит. полиции был препровожден в Центр. тюрьму Таллина, а затем направлен в ленинградскую внутреннюю тюрьму. Приговором военного трибунала Ленинградского военного округа от 11 февр. 1941 осужден к 15 годам лишения свободы. 20 июля 1941 был переведен в Саратовскую тюрьму и (по ежедневным сведениям г.Саратова за 12 июня 1942) умер в тюрьме. Посмертно реабилитирован.

Изд.: Интеллигенция и сов. власть // Своими путями. — 1925. — № 6/7.
Оборотень: Поэтич. мир рус. деревни // Новь. — 1934. — № 8.
Стихотворение // СЗ. — 1936. — № 61.
Стихотворения // Звезда. — 1993. — № 7.

В.П.Нечаев

СЕРГИЕ́ВСКИЙ Николай Николаевич (23.VI(5.VII).1875, Вильна — 1955? Нью-Йорк) — прозаик, издатель. Отец — Николай Александрович, попечитель Виленск. уч. округа, сенатор; мать — Елизавета Александровна, нач. и пред. совета Мариинской общины сестер милосердия «Красного Креста». Учился в виленск. 1-й г-зии, к-рую закончил в 1894. В седьмом классе написал первую пов. «Жизнь», напечатанную в «Виленском вест.» (1889. — 17 апр.) о жизни провинц. актрисы. Учился на юрид. ф-те Петерб. ун-та. На первом курсе написал пов. «Ната» (Наблюдатель. — 1898. — № 8; 1901. — № 1-2), где героиней также была актриса. В 1894 написал первую одноактную пьесу, отданную директору виленск. театра. Попасть на сцену с пьесой стало его мечтой, к-рая осуществилась спустя 12 лет в 1906. Под псевд. Н.Муратов он сочинил пьесу «Перелом» — драму о земельном вопросе, к-рая шла на сцене Малого театра на Фонтанке. Выпустил пьесы: «Мотыльки» (СПб., 1908), «Несется ввысь душа!» (СПб., 1912, вместе с А.Шульцем), «Туман» (СПб., 1913).

Выходят также кн. С.: «Антон Калюжный: Пов. из морской жизни» (СПб., 1911), «На заре жизни: Ист. ром.» (М., 1913), «На заре царства: Ист. ром.» (М., 1913) — произв. о Смутном времени и вступлении на престол первого царя из Дома Романовых — Михаила Федоровича, «Тайна старой мельницы» (СПб., 1914). В 1914-17 С. — сотр. в газ. «Виленский вест.», «Новое время», был ред.-издателем лит.-ист. журн. «Наша старина» (СПб.).

В кон. июня 1914 С. поехал в Лейпциг на всемирную междунар. выставку книжной промышленности, печатного дела и графич. иск-в. Тревожные слухи о возможности войны застали его в Швейцарии в маленьком местечке Рагаце, где он лечился. Во время поспешного возвращения через

Германию опоздал достичь границы Дании и был схвачен немцами в Ростоке, пробыл два с половиной мес. в плену. Вернулся в Петербург через Стокгольм в сер. нояб. («Записки пленника». — Пг., 1915).

В кон. апр. 1917 получает приглашение поехать в США в качестве представителя рус. печати. Большевистский переворот застал С. в Вашингтоне, где он находился с июля. Организовал «Первое рус. изд-во в Америке» (Нью-Йорк), к-рое принадлежало Л.Пасвольскому, М.Вильчуру и С. В 1918 выходит первый в Нью-Йорке сб. рассказов, очерков, стих. и рис. «Досуг», под ред. С.; там напечатан его рассказ «Кольцо». В 1942-45 под псевд. Н.Гиевский он печатает в журн. «Новоселье», «НЖ» свои рассказы: «Красные горки», «Зачем Пушкин ездил к Покрову», «Судьба», «Вечная странница», «Внимая ужасам войны». Издает по случаю 40-летия смерти вел. кн. и поэта К.Р. сб. его стихов «Жемчужины поэзии» (Нью-Йорк, 1955).

В эмиграции вышло две кн. С.: «Эти милые две буквы: Книга о К.Р. Восп., очерки, факты, мысли о жизни и творчестве» (Нью-Йорк, 1957) и «Гишпанская затея» (Нью-Йорк, 1941; 2-е изд., 1955) — ист. ром. из эпохи Александра I, охватывающий период с 1776 до 1867. В этом ром. о Рус. Америке показано, почему не удалась попытка учредить рус. царство в испан. Калифорнии. В кн. повествуется о трагич. любви камергера Резанова и юной калифорнийской красавицы испанки Кончи Аргуэлло.

Лит.: N. Рец.: «Гишпанская затея» // НЖ. — 1942. — № 1.

Л.В.Степаненко

СИРИН В. — см. **НАБОКОВ В.В.**

СКАЧКÓВ Михаил Наумович (1.XI (13.XI).1896, хутор Грачи Кепинской станицы, Усть-Медведицкий округ, область Войска Донского — 3.XI.1937, Ленинград) — критик, переводчик, славист, поэт. Род. в семье казака. В 1909 окончил церковно-приходскую школу. В 1912 был взят отцом во Владивосток. Работал «мальчиком» в ресторане, затем — счетоводом в литографии Транспортной конторы. В 1916 призван на лагерный сбор в Донскую обл., но через месяц освобожден от воинской службы, т.к. был призван на год раньше. В 1917 поступил в Дальневосточный ун-т. Служил в Транспортной конторе Франки, затем — в Амер. красном кресте. С 1922 стал заниматься лит. и публицист. деятельностью. Печатался в газ. «Красное знамя», «Молот», «Труд», «Дальневосточная трибуна». В авг. 1922 с группой студентов выехал из Владивостока в Европу. Жил сначала в Марселе, затем в Париже, а с осени 1922 поселился в Праге, где поступил на Рус. юрид. ф-т, впоследствии перевелся в Пражский ун-т. Входил в лит. кружок «Скит поэтов». В 1923 вошел в Союз студентов, был чл. его президиума и зам. председателя. Весной 1925 поступил на службу в Пражское торгпредство, где работал переводчиком и издавал торгпредовский журнал. Занимался в «Славянском семинаре» при ун-те (позже — Славянский ин-т). Чл. об-ва «Деветсил». В 1926 издал кн. стихов «Музыка моторов» (Прага). В 1926 вернулся в СССР. Поступил на работу технич. секретарем фабзавкома на фабрику им.В.В.Звонкова. С 1928 стал переводить с чеш., болг. и серб. яз. В 1930-31 — отв. секретарь Моск. горкома писателей. С 1931 сотрудничал в Большой сов. энц., в Лит. энц., журн. «Революция и культура», «Книга и революция», «Вест. иностр. лит-ры», «Интернациональная лит-ра», газ. «Вечерняя Москва», «Правда», работал в Междунар. объединении рев. писателей, чл. комиссии Центр. Европы МОРП. Делегат Второй конференции МОРП в Харькове (1930). Арестован 14 нояб. 1933 и постановлением заседания коллегии ОГПУ от 29 марта 1934 приговорен к расстрелу с заменой заключения в ИТУ сроком на 10 лет. 9 окт. 1937 без предъявления обвинений приговорен тройкой УНКВД Ленингр. обл. к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 3 нояб. 1937.

В.П.Нечаев

СКИТÁЛЕЦ (наст. фамилия Петров) Степан Гаврилович (28.X(9.XI).1869, с. Обшаровка, Самарская губ. — 25.VI.1941, Москва) — поэт, прозаик, публицист, мемуарист. Род. в семье б. крепостного столяра, гусляра. Учился в самарской учит. семина-

рии, откуда в 1887 был исключен за полит. неблагонадежность. Принимая участие в рев. деятельности, неоднократно подвергался тюремному заключению по полит. мотивам (в 1888, 1901, 1902, 1905). Последний раз в 1905 сидел в таганской тюрьме в Москве одновременно с *Л.Н.Андреевым*. Первые стих. С. опубл. в харьковск. газ. «Южный край» (1884), однако настоящая лит. деятельность С. началась в 1897 в «Самарской газ.», где на протяжении трех лет, как он признает в автобиогр., он под псевд. Скиталец писал еженедельно. большие стихотв. фельетоны под общим загл. «Самарские строфы» (РГАЛИ. Ф. 484. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 1). Знакомство в 1898 с *М.Горьким* во многом определило дальнейшую лит. судьбу С. — его творчество развивалось в осн. в русле горьковского направления. 12 дек. 1902 на вечере в моск. Благородном собрании С. выступил с чтением своего стих. «Гусляр», после чего газ. «Курьер», где оно было опубл. в неразрешенном цензурой полном виде, была приостановлена на 2 мес. В 1900-е С. — активный участник лит. кружка «Среда», собиравшегося у Н.Д.Телешова. В 1916-19 вышло собр. соч. С. в 8 т.

В нач. первой мировой войны С. санитаром отправился на фронт, результатом чего явилось неск. очерков и рассказов, в к-рых он выступил с осуждением войны — в отличие от мн. писателей, стоявших на позиции «войны по победного конца». К Февр. и Окт. революциям С. отнесся в духе тогдашней рев.-демокр. настроенной интеллигенции. 14 мая 1921 с группой писателей, направленной А.В.Луначарским для орг-ции сов. газ. на Д.Востоке, выехал во Владивосток. Он был командирован в Дальневост. республику для организации ЛИТО, для установления связи с местными лит. оргциями и, как говорилось в выданном Наркомпросом мандате, «для собирания образцов народного революционного творчества» (РГАЛИ. Ф. 484. Оп. 2. Ед. хр. 7). Но до Владивостока, занятого белогвардейцами, группе С. доехать не удалось, он остался в Чите, где организовал газ., выходившую до кон. 1921. В 1921 в Благовещенске был выпущен лит. альм. «Утес», в к-ром С. напечатал свой рассказ «Лаврентий Шибраев». В кон. дек. 1921 С. был командирован правительством Дальневост. республики для пост. его пьесы «Вольница» в Харбин, куда прибыл в янв. 1922. Пьеса была поставлена Харбинским драматич. т-ром, а также «Рабочим клубом». С этого времени С. и становится «невольным» эмигрантом, ибо таковым он никогда себя не считал. В 1924 в качестве корр. харбинской газ. «Рус. голос» С. побывал в Австралии — эту поездку он описал в ст. «Гибель Иокогамы: Впечатления очевидца» (СЗ. — 1924. — № 20; отд. изд.: Харбин, 1924). В Харбине С. перерабатывал свои прежние произв. — «Кандалы» (1904), «Этапы» (1907; М., 1937), работал над автобиогр. ром. «Дом Черновых» — гл. произв. С. периода эмиграции (опубл. впервые в СССР в 1935). В эти же годы С. написал восп. о встречах с Л.Н.Толстым, А.П.Чеховым, о В.Г.Короленко, Н.Н.Златовратском, М.Горьком, Л.Н.Андрееве, Ф.И.Шаляпине, Н.Г.Гарине-Михайловском, *М.П.Арцыбашеве*, лит. кружке «Среда» и др. Он публиковал рассказы, ст., фельетоны, в Харбине много печатался в газ. «Рус. голос» (очерки «Силуэты революции», 1922, март, май, июнь), «Герольд Харбина», «Новости жизни», «Трибуна», «Молва». 2 дек. 1927 в письме гл. ред. газ. «Рус. слово» С. заявил об уходе из газ. «ввиду расхождения моих взглядов с взглядами редакции по общественно-политическим вопросам» («Заметки о разрыве Скитальца с эмиграцией» // Рус. слово. — Харбин, 1927. — 2 дек.). С 1928 С. стал сотрудничать в сов. журн. «Красная новь», где появились его ст. о сов. лит-ре — о «Жизни Клима Самгина» М. Горького, о Маяковском, о Ф.Панферове и др. С этого времени он занял совершенно просов. позицию и высказывал желание вернуться в СССР. Однако уехать из Харбина было невозможно из-за конфликта на КВЖД (в 1929-1933 сов. подданным выезд был запрещен). Лишь 17 июня 1934 С. вернулся в Москву. Незадолго перед этим 24 апр. 1934 «Лит. газ.» опубл. письмо С., в к-ром он писал: «Ураганом событий надолго оторванный от моей страны, я сердцем, мыслью не отрывался от нее, взоры мои всегда были прикованы к ней».

В Москве он неоднократно встречался с М.Горьким и для 1-го съезда сов. писателей подготовил доклад «Эмигр. лит-ра», к-рый не был произнесен, а только опубл. в стенографич. отчете. В этом докладе С. с просов. т.з. писал об «обульваривании» лит-ры

эмиграции, о падении ее талантов, о «желтой прессе» Харбина.

Изд.: Леонид Андреев // Рус. голос. — Харбин, 1921. — 7, 12, 17, 19, 21 февр.
В.Г.Короленко // Рус. голос. — 1922. — 7 янв.
Современник Пушкина // Рус. голос. — 1922. — 4 июня.
О Шаляпине: (Встречи, разговоры, впечатления) // Рус. голос. — 1922. — 16, 21, 30 июля.
«Слово о Руси бездомной»: (Лит. вечер С.И.Гусева-Оренбургского) // Рус. голос. — 1922. — 18 окт.
Рыцарь «Незнакомки»: (Баллада). В память годовщины смерти А.А.Блока // Рус. голос. — 1922. — 31 окт.
Собр. соч.: В 4 т. — М., 1935-1937.

Лит.: Скиталец в Харбине // Рус. голос. — 1922. — 7 янв.
Вечер С.Г.Скитальца // Рус. голос. — 1922. — 26 янв.
Сазонова-Слонимская Ю. Рец.: «Гибель Иокогамы» // Звено. — 1924. — 29 сент.
Зауряд-буревестник // Рус. слово. — 1927. — 4 дек. Подпись: Параго.
Петров-Скиталец Е. Об отце // НЖ. — 1961. — № 63.
Королькова Л.К. Творч. путь Скитальца. — Томск, 1964.

В.Н.Чуваков,
А.П.Руднев

СЛО́НИМ Марк Львович (23.III.(4.IV).1894, Новгород-Северский — 8.IV. 1976, Болье-сюр-Мер близ Ниццы) — полит. деятель (быв. чл. Учредит. собрания), публицист, лит. критик, переводчик. Окончил г-зию в Одессе, Петерб. ун-т и Ин-т высших наук во Флоренции (историко-филол. ф-т). Покинул Россию в 1919, жил во Флоренции, Праге, Париже. В 1941 переехал в США, где преподавал рус. и европ. лит-ру в амер. колледжах.

В кн. «Рус. предтечи большевизма» (Берлин, 1922) С. утверждал, что корни большевист. идеологии «уходят далеко в глубь прошлого столетия, не только в учение Маркса, но и в доктрину славянофилов, в коммунистический анархизм Бакунина или социальный максимализм Герцена» (с. 6). С. доказывал неоспоримость парадоксального на первый взгляд явления: «Русские предтечи большевизма суть одновременно духовные отцы антибольшевистской идеологии» (с. 64). Автор кн.: «По золотой тропе: Чехословацкие впечатления» (Париж, 1928), «Портреты советских писателей» (Париж, 1933); опубл. пер. кн.: «Воспоминания» Казановы (Берлин, 1923 — Т. 1.), «Цивилизация и другие рассказы» Ж.Дюамеля (Прага, 1924).

Основной лит.-критич. тр. С. — двухтомная история рус. лит-ры. Первый том «The epic of Russian literature: From its origin through Tolstoy» (N.Y., 1950); второй — «Modern Russian literature: From Chekhov to the present» (N.Y., 1953), начинается с анализа народничества 1870-х и заканчивается обзором послевоен. сов. лит-ры. С. использует социально-ист., идеологич., психологич. и формально-эстетич. подходы, что существенно отличает труд С. от двухтомной истории рус. лит-ры *Д.Святополк-Мирского* «A history of Russian literature» (L., 1927). Х.Маклейн, автор рец. на кн. С., отмечает эклектизм иссл.: «Лозунг критических суждений везде — осторожность, трезвость, здравый смысл... У Слонима не чувствуется цельного критического взгляда» (НЖ. — 1953. — № 34. — С. 313). *В.Яновский* оценивает лит.-критич. деятельность и личность С. как «провинциальную и второклассную», гл. поприщем С. считает политику (Яновский В.С. Поля Елисейские. — СПб., 1993. — С. 220). В янв. 1921 С. принимал участие в съезде бывших членов разогнанного большевиками Учредит. собр., устроенном в Париже под руководством правых эсеров и левых кадетов. На съезде произошел раскол, в результате к-рого С. принял сторону левых эсеров, сблизился с меньшевиками. Впоследствии стал одним из крупных советологов.

В 1922 С. (вместе с В.И.Лебедевым, Е.А.Сталинским, В.В.Сухомлиным) возглавлял эсеровский по ориентации «толстый» ежемес. «Воля России» (1922-1932). По свидетельству *Н.Берберовой*, С. был масоном. В «Воле России» С. под своим им. и под псевд. Б.Аратов вел отделы: лит. дневник, лит. хроника, обзор журн.; был руководителем лит. объединения «Кочевье» (1928-38), к-рое опиралось на «Волю России» и собирало своих участников по чет-

вергам в кафе против вокзала Монпарнас. С. занимался тогда творчеством сов. писателей (Бабель, Олеша, Зощенко, Леонов, Катаев), руководил агентством «Европ. лит. бюро» в Париже, а также сотрудничал в журн. «Числа», газ. «Дни», «Огни», «Голос России». В.С.Яновский пишет, что С. кроме политики «находил время, чтобы заниматься искусством и, по-видимому, любил это трудное занятие. Причем не ограничивал себя предметами одной культуры. В самом деле, он знал толк и в французских школах, и в итальянских романах, и в американских новеллах: для русского интеллигента, успешно боровшегося с царским режимом, нет и не может быть мещанских ограничений» (Яновский В.С. Поля Елисейские. — С. 220-221).

В возобновившихся накануне второй мировой войны мировоззренч. расхождениях о допустимости и недопустимости иностр. интервенции в России и о сущности сов. власти С. был на либер. (керенско-милюковском) фланге, считая, что главное — сохранить «русскую территорию», большевизм же рано или поздно изживет себя сам. В годы войны С. стал одним из создателей «Рос. эмигр. оборонч. движения», в связи с делом к-рого С. сидел в лагере, созданном франц. полицией. В 1942 С. помогал *С.Прегель* выработать патриотич. направление нового лит. журн. «Новоселье», к-рый она издавала в Нью-Йорке, а затем в Париже.

В кн. С. «Три любви Достоевского» (Нью-Йорк, 1953; М.: Сов. писатель, 1991; М.: Наше наследие, 1991) целью было «проследить историю отношений великого писателя к женщинам и рассказать об его увлечениях и двух браках с возможной полнотой, без стыдливых умолчаний и обычного прихорашивания действительности» («Три любви Достоевского». — М.: Сов. писатель, 1991. — С. 4). С. выступает здесь не как «летописец, а как рассказчик и толкователь», в распоряжении к-рого были многочисл. документы, позволившие ему судить о роли пола и любви в жизни Достоевского и пролить свет на «тайны, провалы и безумия пола», раскрытые в произв. писателя.

В кн. «Soviet Russian literature: Writers and problems. 1917-1977» (N.Y., 1977) С. исследует влияние коммунистич. идеологии на лит-ру в период от Сталина до Хрущева. Круг имен писателей широк — от Блока, Мандельштама, Ахматовой до поэтов «новой волны», включая Евтушенко и Вознесенского. В кн. обсуждаются мн. теоретич. проблемы: метод соц. реализма, коммунистич. эстетика, ист. ром., влияние лит-ры самиздата и др. Портреты писателей даны в соотнесении с их полит. взглядами и характеристикой их творч. метода (И.Бабель рассматривается как романтик, *Е.Замятин* — ироничный диссидент, Б.Пильняк — символист, Л.Леонов — психологич. новеллист).

Лит.: Мельникова-Папоушкова Н. Рец.: «По золотой тропе» // Воля России. — 1929. — № 5-6.
Кельберин Л. Рец.: «Портреты сов. писателей» // Числа. — 1933. — № 9.
Ходасевич В. Рец.: «Портреты сов. писателей» // В. — 1933. — 25 мая.
Малевич О. Три жизни и три любви М.Слонима // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1994. — Т. 3.

Е.А.Цурганова

СМОЛЕ́НСКИЙ Владимир Алексеевич (24.VII(6.VIII).1901, Луганск, Екатеринославская губ. — 8.XI.1961, Париж) — поэт. Детство прошло в имении отца, полковника Алексея Смоленского. Именно этот дом впоследствии был воспет в стих. «Стансы» (1946): «Закрой глаза — в виденьи сонном / Восстанет твой погибший дом — / Четыре белые колонны / Над розами и над прудом. / И ласточек крыла косые / В небесный ударяют щит, / А за балконом вся Россия, / Как ямб торжественный звучит. / Давно был этот дом построен, / Давно уже разрушен он, / Но, как всегда, высок и строен / Отец выходит на балкон» («Собр. стих.». — Париж. — 1957. — С. 155). Отец был расстрелян в 1920, а сам С., после участия в Белом движении, оказался в эмиграции. Его второй Родиной стала Франция. Темой страшной юности пронизано много его стих.: «Ты отнял у меня мою страну, / Мою семью, мой дом, Мой легкий жребий, / Ты опалил огнем мою весну — / Мой детский сон о правде и о небе» («Собр. стих.». — С.118).

Эвакуировался из Крыма в 1920. Два года жил в Африке (Тунис), где начал писать стихи; потом переехал в Париж, два года работал на металлург. и автомоб. заво-

дах и лишь потом получил стипендию и окончил рус. г-зию, учился в Высшей коммерч. школе. *З.А.Шаховская*, хорошо знавшая С., вспоминала: «Русский Монпарнас только зачинался в 1925 году — и именно в этом году я познакомилась, наконец, с поэтом, который совершенно отвечал моему представлению о поэтах. Это было на морском балу. Кто-то из гардемаринов, меня на него пригласивших, представил мне красивого, с тонкими чертами, черноволосого молодого человека: «Владимир Смоленский». Смоленскому было тогда 25 лет, и задумчивое, и бледное его лицо, тембр голоса, весь его романтический облик меня восхитил» (Шаховская. — С. 141). С. быстро вошел в лит. об-во рус. Парижа, стал близок к группе «Перекресток» — объединению поэтов, «ориентировавшихся на *В.Ходасевича*, исповедовавших своего рода неоклассицизм» (*Струве*. — С. 330). Одно время С. был пред. Союза молодых поэтов и писателей. Первый сб. стихов С. «Закат» вышел в Париже в 1931 и включил всего 40 стих. «В последнее время все чаще появляются поэты, которых столь же приятно читать, как трудно о них писать... Мне кажется, что Вл.Смоленский принадлежит к их числу, то есть к числу тех, чьи стихи на тему об одиночестве, о «Ничего» — не уступка моде, а подлинная поэзия», — так отреагировал *П.Бицилли* на выход «Заката» (СЗ. — 1932. — № 49. — С. 450). Тепло встретил выход «Заката» *Г.Адамович*. «Стихи эти не из тех, которые чем-либо удивляют или сразу выделяются. Они скромны, сдержанны и, так сказать, «не бьют на эффект». Но в них много прелести: надо только в эти стихи вчитаться, по выражению Блока, «вслушаться». Правда, прелесть эта очень грустная» (Адамович Г.В. Литературная неделя // ИР. — 1932. — 6 февр. — С. 14). В изд-ве «СЗ» вышел второй сб. стихов С. «Наедине» (1938), на к-рый П.Бицилли тоже откликнулся рец. в «СЗ» (1938. — № 66). *Ю.Терапиано* отметил значимость поэзии С.: «Смоленский один из тех поэтов «эмигрантского периода», которые сразу привлекли к себе общее внимание, вызвали надежду, ожидание. Надо признать, Смоленский надежды оправдал. Его прирожденный лиризм, его индивидуальный голос выдвигает его на видное место среди современных поэтов; стихи Смоленского звучат, у него есть напряжение чувства, человечность» (Круг. — 1938. — Вып. 3. — С. 174). Строже был отзыв Г.Адамовича, к-рый так оценил стихи С.: «Школа Ходасевича заметна почти повсюду. Однако, научив Смоленского строить стихотворение, Ходасевич не мог научить его выбору слов, обращению с глаголами и прилагательными, короче — стилю» (ПН. — 1938. — 12 мая). Сам Ходасевич замечал: «Я очень люблю поэзию Смоленского, и если сейчас не высказываю особых похвал его новому сборнику, то лишь потому, что о стихах, вошедших в «Наедине», мне много раз приходилось писать, когда они появлялись в журналах, и на эти короткие, но частые отзывы я истратил весь свой запас комплиментов» (В. — 1938. — 8 июля).

Нем. оккупацию С. сначала пережил в Аррасе, где работал на часовом заводе, а затем, чуть не погибнув под колесами одного из последних отходивших поездов, вместе с толпами др. беженцев перебрался в Париж. Он вспоминал об этом: «Вернувшись в Париж... встретил я *И.Бунина*. В Бийянкуре горели склады бензина. С неба падали черные клочья сажи. «Уезжаю на юг, — сказал он мне. — А что же вы, поэт, будете делать? Куда уезжаете?» — «Некуда мне уезжать, Иван Алексеевич, — сказал я. — «Нет денег, да и нет желания. От смерти все равно не убежишь. Да есть ли смерть?» («Воспоминания» // В. — 1960. — № 98. — С. 112; то же: Новая Юность. — 1996. — № 16. — С. 81).

После войны С. печатался в «В», «НЖ», при его участии в 1947 в Париже вышел альм. «Орион». Наряду со стихами в «Орионе» был опубл. и его пер. со старофранц. яз. первой главы «Тристана и Изольды». В третий, последний прижизн. сб. С. «Собр. стих.» (Париж, 1957) полностью вошли тексты первых двух сб. и третья, так и не вышедшая отд. изд. кн. «Счастье». Уже само назв. показывает, что в творчестве поэта появились новые мотивы. «Найди слова — тебе поможет Бог / Вдохнуть в них душу — и услышишь пение, / Найди слова, чтоб эту жизнь ты смог / Преобразить хотя бы на мгновение» («Собр. стих.» — С. 157). С. подводит итог жизни и творчеству, в его стихах — ясность и гармония, он, по словам Т.Величковской, произносит «последние слова о предсмертной муке и о примирении с судьбой и Богом» (В. — 1963. — № 142. — С. 71).

Незадолго до смерти С. перенес операцию, лишившую его, одного из лучших чтецов рус. Парижа, возможности говорить. «Владимир Смоленский читал свои стихи... Большой салон полон до отказа. Опоздавшие устроились в коридорах, где было хорошо слышно. Постепенно наполнился и коридор. У Смоленского был звучный, красивый голос. Он декламировал особой манерой — нараспев, медленно. Русский Париж очень любил Смоленского. И в тот вечер его не отпускали, просили еще стихов. Поэт много читал. Ему без конца аплодировали» (там же. — С. 74).

После смерти С. стараниями его вдовы Таисии Смоленской в Париже в 1963 вышел посм. сб. «Стихи». С. ценили многие. Г.Струве писал: «Поэзия С. серьезна и значительна. Личную тему он выносит за рамки узко-личного и не боится высоких слов и приподнятого тона. При этом мастерство никогда не изменяет ему» (Струве. — С. 348). П.Бицилли отмечал: «Некоторые его стихотворения чрезвычайно напоминают *Г.Иванова*, но это как раз свидетельствует о наличии творческого дара: произведения учеников, копировальщиков никогда не бывают похожи на оригиналы; похожи в них бывают только отдельные части. В общем, поэзия Смоленского лишена ядовитой сладости поэзии Г.Иванова, она суше, чуть рассудочнее, сдержаннее» (СЗ. — 1932. — № 49. — С. 450). *В.Злобин* был еще более категоричен: «Смоленский может выдержать любую критику, потому что он поэт настоящий» (В. — 1957. — № 70. — С. 82). Восхищенно оценил С. и Ю.Терапиано (Рец.: «Собр. стих.» // Опыты. — 1958. — № 9).

С. был поэтом прежде всего трагич. мироощущения. Тема смерти, тема конца была у него постоянной. «Боже мой, от века каждый знает / Чем кончается земная страсть. — / Человек лишь для того взлетает / Чтоб вздохнуть, и крикнуть, и упасть («Собр. стих.». — С. 152). Он писал: «Ходасевич верил, что не только душу отдельного человека, но и душу России, ее поэзию, литературу, и, значит, ее судьбу может спасти только вера... Прав Ходасевич, говоря, что судьба русских писателей — гибнуть. Гибель подстерегает их и на чужбине, где мечтали они укрыться от гибели» («Мысли о Вл.Ходасевиче» // В. — 1955. — № 41. — С. 101). Это было естественно для человека его поколения, почти гимназистом вставшего под знамена Белого движения, покинувшего Крым на одном из последних пароходов, всю жизнь прожившего на чужбине, но сохранившего верность рус. поэзии.

Изд.: Мистика Александра Блока // В. — 1955. — № 32.
А лира все звучит // Предисл. Леонидова В. // Наше наследие. — 1991. — № 2.
Стихи / Предисл. Богословского А. // Человек. — 1993. — № 2.
Жизнь ушла, а лира все звучит: Стихи / Сост., предисл. Леонидова В. — М., 1994.

Лит.: Адамович Г. — Рец.: «Закат» // ПН. — 1932. — 21 янв.
Струве Г. — Рец.: «Закат» // Россия и славянство. — 1932. — 23 июля.
Ходасевич В. — Рец.: «Закат» // В. — 1932. — 7 янв.
Горская А. Памяти В.Смоленского // В. — 1961. — № 120.
Померанцев К. Памяти В.Смоленского // ВРСХД. — 1962. — № 65.
+ Казак; Струве; Терапиано; Шаховская.

В.В.Леонидов

СОЛОНЕ́ВИЧ Иван Лукьянович (14(26).XI.1891, с. Рудники, Пружанский у. Гродненская губ. — 24.IV.1953, Буэнос-Айрес) — обществ. деятель, публицист, прозаик. Сын чиновника, ставшего затем ред. «Гродненских губ. вед.». В 1916 окончил юрид. ф-т Петрогр. ун-та, работал обозревателем провинц. печати в газ. «Новое время». В гражд. войне — на стороне белых, принимал участие в работе антибольшевист. подполья. Крах Белого движения застал С. в Одессе. Тиф помешал ему эмигрировать с остатками армии. С. скрывал прошлое, сменил неск. профессий. Как спортсмен вошел в физкультурное движение, занял в нем видное положение. Сотрудничал в сов. газ., жил под Москвой, много разъезжал по стране, используя удостоверение профсоюзной газ. «Труд». В 1928-30 — товарищ пред. Всесоюзн. бюро физич. культуры в Москве. Опубл. кн. «Внекружковая работа по физкультуре в профсоюзах» (М.; Л., 1931).

В 1933 с младшим братом Борисом и сыном Юрием С. пытался нелегально перейти сов. границу. После задержания все трое отбывали наказание в лагерях Беломоро-Балтийского канала. В 1934 он повторяет побег уже из лагеря и благополучно переходит сов.-фин. границу. Эти события описаны в пов. «Побег» (Север. — Петрозаводск, 1992. — № 10). Издает также пов. «В деревне» (СЗ. — 1935. — № 58), к-рая является худож. «свидетельским показанием» жизни рус. крестьянства в период коллективизации. В 1935 после встречи в Париже с П.Милюковым С. начинает печататься в его газ. «ПН», где с 20 янв. 1935 по 22 марта 1936 опубл. 17 ст. под общим назв. «Россия в концлагере» (отд. изд.: София, 1936. — Т. 1-2). Они принесли С. известность благодаря богатому фактич. материалу, яркости и красочности описания лагерной жизни.

Летом 1936 С. переезжает в Софию, где приступает к изд. собств. газ. «Голос России» (первый номер вышел в июне 1936). В пост. рубрике «Жизнь в подсоветской России» печатались мат-лы о событиях в СССР, рассказы рус. беженцев, критич. обзоры сов. прессы. На страницах газ. увидели свет произв. Г.Шавельского, *В.Шульгина*, Б.Суворина и др. Газ. имела распространителей в 52 странах. В этот период С. выступает с докладами на эмигр. собраниях в Болгарии и Югославии.

В первые мес. жизни в Софии С. с уважением отзывался о лидерах рус. эмиграции, к-рые оказали ему поддержку на нач. этапе. Однако вскоре, исчерпав сов. темы и вплотную занявшись жизнью эмиграции, С. заявил о себе как об идейном противнике П.Милюкова и А.Гучкова, перешел к резкой критике РОВСа и др. орг-ций. В связи с переменой полит. курса «Голоса России» у генералов РОВСа возникло подозрение в провокац. деятельности С. Летом 1937 С. выехал из Софии во Францию. После похищения ген. Е.С.Миллера С. выступил в защиту подозреваемой в этом «Внутренней линии». Однако после того как было официально доказано, что похищение организовал один из лидеров «Внутренней линии» Н.В.Скоблин, С. публично отмежевался от нее.

3 февр. 1938 на С. совершено покушение. От взорванной бомбы в его софийской квартире погибла жена Тамара Владимировна и секр. редакции Н.П.Михайлов. В авг. 1938 С. переезжает в Германию, где получает разрешение на изд. печатного органа «Наша газ.», осн. пафос к-рой — надежда на то, что немцы помогут спасти Россию от коммунистов. С. пишет на имя Гитлера меморандум «Нашим друзьям», в к-ром обязуется принять на себя разработку Основных положений Белой идеи в применении к условиям послесов. России и с учетом итал. и герм. опыта. За время пребывания в Германии на жизнь С. было совершено шесть неудачных покушений. В 1941 «Нашу газету» закрывают, С. два месяца проводит в берлин. тюрьме, а затем до окончания войны живет под присмотром гестапо в провинции. После войны С. возвращается в Болгарию, где в 1948 основывает газ. «Наша страна». В том же году переезжает в Буэнос-Айрес, где продолжает издание газ. В 1949 издает кн. «Диктатура импотентов» (Буэнос-Айрес), в к-рой исследует теоретич. проблемы гос. устр-ва и утверждает, что «корень революции» в России — нарушение чисто рус. линии монархии, династич. преемственности, в чем обвиняет Петра I и дворянство.

Гл. труд С. «Нар. монархия» (Буэнос-Айрес, 1954; М., 1991), посв. анализу рос. ист. действительности. «Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, — не применимы для путей русской государственности, русской национальности, русской культуры» (с. 16). Протестуя против мифа о России как «тюрьме народов», С. подчеркивает уникальность Рос. империи, где на протяжении веков мирно сосуществовали сотни этнич. и расовых групп, ни одна из к-рых не была уничтожена, как это случилось с индейцами в США. Те, кто использует термин «империя» применительно к России в бранном смысле, не понимает существа дела, ибо в России отсутствовала эксплуатация и порабощение нац. меньшинств: «В отличие от Рима и Лондона, которые богатели за счет ограбления своих империй, центр русской государственности оказался беднее своих колоний» (с. 239). Рос. государственность развивалась органически, не зная ни инквизиции, ни рабства, ни религ. войн, в процессе непрерывного территориального и географич. расширения. При этом был найден «детски простой секрет» мирного сожительства на-

рода и племен под единой крышей — умение уживаться с людьми, к-рое С. называет психологич. доминантой рус. человека и к-рое Достоевский называл «всемирной отзывчивостью».

Значит. внимание в кн. «Нар. монархия» С. уделяет рус. классич. лит-ре, к-рую он называет «кривым зеркалом» (с. 156) и к-рая, по его мнению, не сумела отразить ни рус. почвы, ни рус. жизни. Психологию рус. человека характеризуют не художеств. вымыслы писателей, а реальные факты ист. жизни: «Не Обломовы, а Дежневы, не Плюшкины, а Минины, не Колупаевы, а Строгановы, не «непротивление злу», а Суворовы, не «анархические наклонности русского народа», а его глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт» (с. 22).

Вся нем. концепция завоевания Востока, утверждает С., целиком списана из произв. рус. писателей: «Основные идеи партайгеноссе Альфреда Розенберга почти буквально списаны с партийного товарища *Максима Горького*. Достоевский был обсосан до конца. Золотые россыпи толстовского непротивленчества разработаны до последней песчинки. А потом получилась форменная ерунда. «Унылые тараканьи странствования», которые мы называем русской историей (формулировка Горького) каким-то непонятным образом кончились в Берлине и на Эльбе... Каратаевы взялись за дубье, а Обломовы прошли три тысячи верст на Запад» (с. 157).

Рус. душу, поясняет далее С., никто не изучал по ее конкретным поступкам и деяниям. Ее изучали по «образам русской литературы» — по Онегиным, Обломовым, Маниловым, Рудиным. Не случайно в первые годы второй мировой войны немцы старательно переводили Зощенко: вот вам, посмотрите, какие наследники родились у лишних и босых людей!» Сатира Зощенко в этом смысле «есть не сатира, не карикатура и даже не совсем анекдот: это просто издевательство» (с. 159).

Рус. классика, по словам С., подарила миру ряд выразит. образов, среди к-рых «лишние» и «бедные» люди, «идиоты», «босяки», «подпольные парадоксалисты» и «кающиеся дворяне». Все это свидетельствует, что лит-ра отразила «много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон: ни военной мощи, ни наших организационных талантов, ни наших беспримерных в истории человечества воли, настойчивости и упорства — ничего этого наша литература не заметила вовсе» (с. 164-165). Из фактов рус. истории С. делает свой гл. обобщающий вывод: «Политической организацией русского народа, на его низах, было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было самодержавие». Это «исключительно и типично русское явление... это не диктатура аристократии под вывеской «просвещенного абсолютизма», это не диктатура капитала, сервируемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, — это диктатура совести, в данном случае православной совести» (с. 56). «Термин «соборная монархия» обозначает совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты: это была самая совершенная форма государственного устройства, какая только известна человеческой истории. И она не была утопией, она была фактом» (с. 105). С. объясняет превосходство монархии: «Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия — промышленники создадут плутократию, военные — милитаризм, духовные — клерикализм, а интеллигенция — любой «изм», какой только будет в книжной моде в данный исторический момент» (с. 374). Историко-филос. концепция С. стала основой идеологии созданного им же Народно-Монархического движения.

Изд.: Памир: Советские зарисовки. — София, 1937.

Памир — открыватели новых земель: Роман во дворце труда. — Буэнос-Айрес, 1953.

Великая фальшивка февраля // Москвитянин. — 1991. — Вып. 1.

Лит.: Чернавин Б. В союзе с Троцким. — Прага, 1937.

Дьяков И. Дело, которое больше нас: К 100-летию со дня рождения И.Л.Солоневича // Наш современник. — 1991. — № 11.

Котенко Н. Иван Солоневич ищет Россию // Москва. — 1993. — № 5.

+ РФР.

Ю.И.Сохряков,
Ю.С.Цурганов

СОСИ́НСКИЙ Бронислав (Владимир) Брониславович (8(21).VIII.1900, Луганск — 13.IX.1987, Москва; похоронен на Новоникольском кладб.) — прозаик, критик, мемуарист. Отец С., Бронислав Эдуардович, был инженером и часто менял место работы и жительства. Детство и юность С. прошли в Луганске, Петербурге, Боровичах Новгородской губ., Веневе Тульской губ. и Бердянске. В 1918 С. пошел в Белую армию, где служил в Елизаветградском гусарском полку в составе войск Деникина, а затем Врангеля. Был ранен и награжден орденом Николая Чудотворца. Уехал из Крыма раньше, чем основная эвакуация, вместе со сводным братом Борисом Семихатом в 1920. Прошел обычный для крымской белой эмиграции путь: Турция, Болгария, Берлин, Париж, куда прибыл в 1924. В Константинополе познакомился с *Вадимом Андреевым* и поэтом Даниилом Резниковым, дружба с к-рыми продолжалась большую часть жизни. Учился в Шуменской г-зии (Болгария), Софийском, Берлинском и Сорбоннском ун-тах. Работал забойщиком в константинопольских угольных шахтах, жестянщиком на заводе Рено, и др. тяжелых работах.

В Берлине С. вошел в лит. группу «Четыре плюс один» вместе с *А.Присмановой* и В.Андреевым. С. считал *А.Толстого* своим крестным отцом в лит-ре, т.к. он опубликовал его первый рассказ. Впоследствии рассказы С. печатались в «Воле России» («Махно». — 1927. — № 5/6), «Благонамеренном», «Звене», «Своими путями», «Числах». В Париже С. женился на дочери В.М.Чернова Ариадне. Работал наборщиком в типографии «Воли России». Дружил с *М.Цветаевой* и *А.Ремизовым*. В 1924 в Берлине вышел альм. «Мост на ветру. 4 + 1», где появились заметки С. «Улыбка на затылке». В 1939 С. пошел добровольцем на фронт в составе 4-го Маршевого полка иностранцев-добровольцев. Принимал участие в боевых действиях под началом кн. Н.Н.Оболенского во время нем. наступления, был ранен и взят в плен немцами. (Эти события описаны в неопубл. кн. «Битва за Францию» получившей высокую оценку К.Симонова. — Архив автора.) Три года провел в нем. лагере для военнопленных под Потсдамом. Награжден франц. военным крестом, а после войны сов. медалью «За боевые заслуги». В 1943 С. вернулся из плена во Францию и принял активное участие в движении Сопротивления против нем. оккупантов. Впоследствии С. опубликовал кн. об этих событиях «Герои Олерона» (Минск, 1965), в соавторстве с В.Андреевым и Л.Прокшей. В 1947 С. получил сов. паспорт, уехал в Нью-Йорк, где в 1947-1960 работал редактором стенографич. отчетов Генеральной ассамблеи, Совета безопасности и др. органов ООН. (Свои восп. о работе в ООН С. включил в неопубл. повесть с шутливым подзаголовком «Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит... ООН». — Архив автора.)

В 1955 С. с семьей впервые посетил Советский Союз. Во время этого и последующих приездов С. встречался с Б.Пастернаком, А.Ахматовой, К.Чуковским, В.Лидиным и др. В 1960 семья С. переехала на пост. жительство в Москву. С. печатается в сов. газ. и журн., выступает по радио и на лит. вечерах. Однако у С. возникали пост. трудности с цензурой, и мн. его произв. вышли в урезанном виде. В 1973 после смерти жены С. пишет «Рассказ о том, чего еще не было», увидевший свет лишь в 1991 (Книжное обозрение. — 8 февр; заметка Ю.Нагибина). Лишь малая часть того, что написал С., была напечатана. Архив С.: РГАЛИ. Ф. 2505.

Изд.: О читателе, критике и поэте // Воля России. — 1928. — № 2.
Рассказы о несуществующем // Воля России. — 1929. — № 27.
Срубленная ель // Новоселье. — 1947. — № 31/32.
Конурка: (Об А.Ремизове, А.Алехине, братьях Модильяни и др.) / Публ. Сосинского-Семихата С. // ВЛ. — 1991. — № 6.

Лит.: Саакянц А. Человек с открытым сердцем: К 95-летию со дня рожд. В.Сосинского // РМ. — 1995. — 1-28 июня.

С.Б.Сосинский

СОФИ́ЕВ (Бек-Софиев) Юрий Борисович (1899 — 22.V.1975, Алма-Ата) — поэт. Род. в потомств. воен. семье. Дед — изв. офицер Бек-Софиев, один из немногих рос. офицеров, исповедывавших ислам, кадровый артиллерист.

Гражд. войну С. провел в конно-артиллерийском дивизионе. Затем перебрался в Париж. «Рыжеватый блондин с кудрями, несколько похожий на древнего галла, он зимой, на рассвете, мыл стекла окон больших магазинов и контор... Обожал песню, стакан вина в кругу друзей и по-гусарски просто влюблялся...» (*Яновский В.* Поля Елисейские. — СПб., 1993. — С. 193). Участвовал в вечерах «Кочевья», «Зеленой лампы», «Перекрестка». Его романтич. стихи появлялись на страницах многих изданий русской эмиграции, «Юрий Софиев принадлежал с самого начала к так называемой «гумилевской школе» в эмиграции. Его привлекала ясность и конкретность акмеизма, четкость образов, продуманное отношение к эпитетам и отсутствие «потусторонних туманностей» и разговоров о «несказанном», которыми грешили символизм и нарождавшееся в то время в Париже «неоклассическое направление». По его собственному признанию, еще во время гражд. войны Ю.Софиев был большим поклонником Гумилева», — вспоминал *Ю.Терапиано* (Терапиано. — С. 249-250).

В 1928 женился на поэтессе *Ирине Кнорринг*. У них родился сын, но Ирина заболела тяжелой формой сахарного диабета. Однако С. не терял жизнеутверждающей манеры поведения. Он легко сходился с людьми и неоднократно избирался председ. Союза молодых поэтов и писателей в Париже, участвовал почти во всех сб., выходивших под эгидой этого Союза.

Постепенно в его стихах появляются и новые ноты: «По совести — так беспощадно жить / И все же ничему не научиться. / Мятутся дни, мелькают сны и лица / И памятью себя не закрепить» (СЗ. — 1932. — № 48. — С. 215). Его стих. *Г.Адамович* и М.Л.Кантор включают в первую антологию поэзии рус. зарубежья «Якорь» (Берлин, 1936). А в 1937 в Париже увидел свет первый и единственный сб. стихов С. «Годы и камни». «Большая часть стихотворений Юрия Софиева написаны на обычные эмигрантские темы — воспоминания о России, сливающиеся с памятью о ранней молодости, образы гражд. войны, но не ужасы ее, а чувства товарищества, юной дружбы... Стихи Софиева стремятся приблизиться к простоте и безыскусственности тихого разговора с другом», — писал в рец. *М.Цетлин* (СЗ. — 1937. — № 63. — С. 405). Ю.Терапиано, спустя много лет, отзывался о кн. «Годы и камни»: «Ю.Софиев в духе гумилевской школы, в хорошо сделанных и композиционно стройных стихах вспоминает гражданскую войну, новые страны, постепенно открывавшиеся ему в эмиграции» (Терапиано. — С. 250).

В 1942 в Нью-Йорке вышел альм. «Ковчег», где *Г.П.Федотов* писал о С.: «Он абсолютно не способен издать фальшивую ноту — не от мастерства, а от совестливости. Он пишет только о том, чем живет, и только так, как сам живет и видит. А видит он тяжелую трудовую жизнь изгнанника, скрашенную пейзажами чужой, но любимой французской земли, обрывки юношеских воспоминаний, любовь, дающую испить чашу горечи...» (с. 193).

После войны С. с восторгом принял победу СССР и принял решение вернуться. Но еще до его отъезда стихи С. появились в альм. «Орион». Их основным мотивом была печаль: «Без следа. Без надежды на отклик и встречу. / Только книги и вещи живое хранят. / Это рана — ее никогда не залечишь / — Беззащитная, голая совесть моя» (Орион. — Париж, 1947. — С. 33). В 1948 большая подборка стихов С. опубл. в Париже в антологии поэзии рус. зарубежья «Эстафета». Строфы, опубликованные там, вновь возвращали нас к прежним, «гумилевским» темам его творчества: «В Албании или в Тироле / Измучившись и сбившись с ноги / И в трудной, и в счастливой доле / Я слушал вещий зов дорог» (с. 131).

С. принял советский паспорт и вместе с первыми партиями репатриантов из Франции вернулся в СССР. Он поселился в Казахстане и работал художником в Зоологич. ин-те АН Казахской ССР. В 1967 при его участии в Алма-Ате вышел сб. стихов И.Кнорринг.

Изд.: Стихи // СЗ. — 1934. — № 56.
Стихотворения // РЗ. — 1937. — № 1.
Стихи // Новоселье. — 1942. — № 8.
Стихи // Рус. сб. — 1946. — № 1.

Лит.: Адамович Г. Рец.: «Годы и камни» // ПН. — 1937. — 11 марта.
Мандельштам Ю. Рец.: «Годы и камни» // В. — 1937. — 23 июля.

В.В.Леонидов

СТАВРО́В Перикл Ставрович (1895, Одесса — 1955, Париж) — поэт, переводчик. Род. в греч. семье, был близок к одесскому лит. кругу — Багрицкому, Катаеву, Олеше. В 1920 эмигрировал, жил в Болгарии, Югославии, затем перебрался в Париж. В Париже занимался переводами и принимал активное участие в лит. жизни, был близок к *Г.Адамовичу*. В поэзии его многие считали подражателем Анненскому. «Ставров находился под гипнозом поэзии Иннокентия Анненского, которого едва ли не считал величайшим русским поэтом. (Адамович рассказывает, как Ставров однажды удивился, когда ему сказали, что Анненского нельзя все же сравнивать с Тютчевым.) Впрочем, Ставров не склонен был до конца верить в спасительность «простоты» и защищал формальные эксперименты. Самому ему не хватало мастерства, равно как и воли освободиться от гипноза Анненского», — писал *Г.Струве* (с. 355-356).

Стихи С. публиковались почти во всех известных журн. и альм. рус. эмиграции во Франции: «СЗ», «РЗ», «Круг». Первый сб. стихов поэта «Без последствий» увидел свет в Париже в 1933. Довольно положительной была рец. на эту кн. Г.Адамовича. «О Ставрове мне хочется два слова сказать. Имя новое. В нашей печати, насколько мне известно, появляется впервые. Не знаю, большой ли это талант. Трудно об этом судить по одной скуповатой книжечке незнакомого, внутренне неясного, замкнутого в себе автора. Но знаю наверное, что некоторые его стихи — подлинная поэзия. В бедных и темных своих словесных одеждах, в косноязычии и путанице, в случайной безвкусице даже, они все-таки доходят до ума и сердца, как нечто творчески-напряженное и несомненное» (ПН. — 1933. — 25 мая). Также не совсем отрицательной была реакция *Л.Червинской*: «П.Ставров в своих неуклюжих, не всегда обоснованно-путанных стихах производит впечатление такого литературного отшельника, которого не коснулись ни лоск, ни болезнь этого поэтического «века». Тема его книги (есть в ней что-то основное, связанное неподдельным чувством) — внутреннее продолжает — или вернее «сохраняет» тему Анненского... Кажется все-таки, что поэзия «относится» к автору «Без последствий» не совсем так, как к большинству. Может быть и коснулась она его только случайно — острым и неудобным своим углом, но за этот «выступ» стоит ухватиться» (Числа. — 1933. — № 9. — С. 229-230). В этой кн. С. действительно много неясностей, намеков, в чем-то его стихи напоминали не только Анненского, но и Пастернака. Сам С. после выхода своей первой книги писал в рец. на «Второе рождение» Б.Пастернака: «Б.Пастернак — поэт, у которого все — в силе и остроте мироощущений. Поэт — «от себя в мир», а не «от мира к себе» (Числа. — 1934. — № 10. — С. 290).

След. сб. С. «Ночью» увидел свет в 1937 в париж. изд-ве «Объединение писателей и поэтов». В нем поэт продолжил свои прежние темы и мотивы. На сей раз рец. Адамовича была куда менее приятна для поэта: «П.Ставрову, автору сборника «Ночью», хочется сделать один упрек: его стихи неотчетливы, они напоминают пар, облака. Все в них клубится, сливается, и зыбкость очертаний выдает, если не безволие поэта, то что-то похожее на лень его» (ПН. — 1937. — 11 марта). Также не слишком приветливым оказался и отзыв *М.Цетлина*: «В стихах П.Ставрова есть несомненное лирическое чувство, не лишенная силы ритмичность. Это очень много и позволяет надеяться на его будущее. Но по большей части это чувство не находит себе адекватного выражения» (СЗ. — 1937. — № 63. — С. 406).

После войны С. сблизился с *Н.А.Бердяевым*, много раз бывал на знаменитых «воскресениях» у философа в Кламаре. «Какая-то особая, я бы сказал, веселая свобода и непринужденность царили на этих собраниях... Я вспоминаю разницу между этими воскресеньями в Кламаре и былыми литературными собраниями, тоже часто интересными, у Мережковских. Там надо было все время «гениальничать», парить на заоблачных высотах, до обывательской простоты разговор никогда не должен был снижаться», — вспоминал С. («Воскресенья в Кламаре» // Бердяев Н.А. Самопознание. — М., 1991. — С. 391).

В последние годы жизни С. часто печатался в газ. «НРС», публиковал стихи в журн. «Новоселье», «Грани». Его произв. вошли в поэтич. антологии поэзии рус. эмиграции «Эстафета» (Париж, 1948) и «На Западе» (Нью-Йорк, 1953).

Изд.: Памяти Эдуарда Багрицкого // Встречи. — 1934. — № 4.

Мадмуазель Бланш // Рус. сборник. — 1946. — № 1.
Скитания // Новоселье. — 1946. — № 29/30.
Американская дуэль // Новоселье. — 1948. — № 37/38.

Лит.: Пильский П. Рец.: «Ночью» // Сегодня. — 1937. — 20 апр.
Мандельштам Ю. Рец.: «Ночью» // В. — 1937. — 23 июля.

В.В.Леонидов

СТЕПУ́Н Федор Августович (6(18).II.1884, Москва — 23.II.1965, Мюнхен) — философ и писатель, лит. критик, теоретик т-ра и кино, один из организаторов культурной и религ.-обществ. жизни рус. зарубежья. Род. в семье литовско-прусского происхождения. Детство провел в Кондрово, где его отец был управляющим фабриками Кондровской бумагоделательной мануфактуры. В 1901 С. закончил реальное уч-ще Св.Михаила в Москве. Осознав, что «без философии жизни не осилить», в 1903 начал изучение философии в Гейдельбергском ун-те (под руководством В.Виндельбанда) и в 1910 завершил дис. по рус. историософии «Wladimir Solowiew» (Leipzig, 1910). С. стал одним из основателей междунар. журн. «Логос» (нем. изд.: в 1910-33, итал. в 1914, рус. — 1910-14 и один номер в 1925). В рус. печати С. впервые выступил в 1910 со ст. «От редакции» в первом номере рус. изд.: «Логоса» (написана совместно с С.И.Гессеном), «Трагедия творчества. Фр.Шлегель» (там же) и «Нем. романтизм и рус. славянофильство» (Рус. мысль. — 1910. — № 3). Этими выступлениями задавались осн. направления обществ.-культурной и творч. деятельности С.: просветит. работа по воспитанию мировоззренческой и филос. культуры рус. об-ва и углубление основ собственного миросозерцания, слагавшегося под воздействием нем. романтизма и метафизики «положительного всеединства» Вл.Соловьева. С. участвовал в заседаниях Религ.-Филос. об-ва им.Вл.Соловьева, в ведении теоретич. семинара по эстетике при изд-ве «Мусагет». В ст. «Жизнь и творчество» (Логос. — 1913. — № 3-4) С. осмысливает религ. природу творчества.

С 1914 С. находился в действ. армии. После случайно полученной тяжелой травмы ноги, находясь на излечении, пишет филос. ром. в письмах «Из писем прапорщика-артиллериста» и под псевд. Николай Лугин публикует его в «Сев. записках» (1916. — № 7, 8 и 9). Роман можно рассматривать как худож. воплощение его философии, излож. в «Жизни и творчестве». Февр. революция вовлекла С. в рев. движение. Он — делегат Всерос. совета рабочих и солдатских депутатов, ред. газ. полит. отд. Военного мин-ва Временного пр-ва «Инвалид» (переименованной по его инициативе в «Армию и флот свободной России»). На др. день после занятия Зимнего дворца большевиками он уезжает в Москву. Его участие в полит. жизни ограничилось заведованием культурно-филос. отделом в правоэсеровской газ. «Возрождение» (17 номеров в мае-июне 1918), выходившей после ее запрещения под назв. «Сын отечества». С. участвует в работе Вольной акад. духовной культуры, основанной *Н.Бердяевым* и др., в своих лекциях знакомит москвичей с кн. О.Шпенглера «Закат Европы», редактирует альм. «Шиповник», начинает писать ром. «Николай Переслегин».

С нояб. 1919 по окт. 1920 С. заведовал лит. частью Первого гос. показат. т-ра, а с 1920 вместе с *А.Белым* и Г.Г.Шпетом работал в теоретич. секции ТЕО Наркомпроса. В 1922 при участии С. в изд-ве «Берег» вышел сб. «Освальд Шпенглер и закат Европы», в к-ром он опубл. одноим. ст. Сб. вызвал резкую оценку В.И.Ленина (Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 198).

22 нояб. 1922 выслан в Германию. Пять лет жизни в сов. России выявили для С. глубинный смысл человеч. бытия: «Величайший вопрос, стоящий сейчас перед нами, — ...почувствует ли Россия, что оправдание кровавому безумию возможно только через обращение к Вечности, к Богу, или поверит учителям, соблазняющим ее мысль, что, за отсутствием Бога и Вечности, можно оправдаться и переходить к новым формам социального бытия, к коммунизму» («Мысли о России» // СЗ. — 1925. — № 23. — С. 354). Первые полгода в Берлине С. читал лекции в открытой 26 нояб. 1922 Религ.-Филос. акад., но после первого семестра оставил преподавание и к весне 1923 переехал во Фрейбург. Единственно реальной и возможной в условиях

эмиграции С. считал «работу по организации нашего национального самосознания», с чем он связывает свою лит.-критич., полемич. и лекционную деятельность. Будучи философом-профессионалом, он сознательно избирает лит.-публицистич. форму выражения своих идей, полагая, что «наше время требует сейчас идей-сил, а не только идей-истин» (Новый мир. — 1991. — № 6. — С. 238). С. живет гонорарами за лекции о России, читая их в Германии, Австрии, Чехословакии. В 1923 в Берлине выходят его первые кн. «Осн. проблемы т-ра» и «Жизнь и творчество». Обе кн. — сб., составленные из ст., ранее опубл. в рус. журналах.

В 1923 ред. журн. «СЗ» пригласила С. руководить худож. отд., где С. опубл. в 1923-25 филос. роман в письмах «Николай Переслегин» (отд. изд.: Париж, 1929). Ром. написан на автобиогр. мат-ле и раскрывает диалектику становления души его гл. героя в борьбе и взаимодействии между «бытом» и «бытием». Перегруженность ром. «философскими рассуждениями и мелочно-безжалостным самоанализом» (*Струве*. — С. 122) определили сдержанность его восприятия критикой. Цикл очерков «Мысли о России» (в 10 номерах «СЗ» за 1923-28; четыре очерка см. в «Новом мире», 1991, № 6), в к-рых С. закладывал основы «пореволюционного сознания», были встречены более внимательно. С., имевший опыт непосредственного знания сов. реальности, писал, что своей «рассекающей жестокостью» «большевики войдут в историю наследниками Великой Французской революции» («Бывшее и несбывшееся». — Лондон, 1990. — Т. 2. — С. 217; переизд.: М.; СПб., 1995). Вместе с тем для С. большевизм — это «почвенное и первичное явление» рус. духовности, укорененное в географич., историч. и религ. основах ее существования. Только падение нар. «духоверия», чему способствовала рус. интеллигенция и несчастные обстоятельства первой мировой войны, превратило «недифференцированную целостность народного сознания из явления прикровенной культуры в явление откровенного варварства» («Мысли о России» // СЗ. — 1927. — № 32. — С. 290). С. видел в революции не только «стихию русского безудержа», но и «болезнь», «грехопадение русской идеи», почему и призывал остаться с рус. народом подобно тому, как любящий сын остается у постели больной матери.

Пережитый опыт революции привел к изменению мировоззрения С.: «Нужна и возможна философия твердо и искренне верующих христиан, но невозможно и ненужно ни философское обоснование, ни философское истолкование христианства» («Бывшее и несбывшееся». — Т. 1. — С. 356). В рамках этих изменений С. уточняет методологию понимания обществ. и культурных явлений. Объективность видения действительности достигается только теми, кто в собств. духовном опыте обладает ею, кто подлинно верит в Иисуса Христа. Действительность предстает различно для тех, кто чувствует ее и свою собственную укорененность в Боге, и для тех, кто ограничивает свое видение «точками зрения», идеологемами, не охватывающими полноты бытия. От художника С. требует искренно, глубоко и лично усвоенного миросозерцания, утверждая, что «совесть не роскошь, а хлеб насущный, то есть не больше, не меньше, как орудие производства» писателя. Соответственно требованию и сам С. постигает худож. произв. «путем особого творческого сочувствия» его творцу. «Он умеет сочувствовать, умеет «осмыслить» и потому ему удается схватить целое, а не части (форму, стиль, настроение)» (*Иваск Ю*. Рец.: «Mystische Weltschau» // НЖ. — 1965. — № 79. — С. 290). Творчество *Б.Зайцева*, А.Блока, *Вяч.Иванова*, *И.Бунина* рассматривается С. в глубокой связи с филос. и социально-культурными основаниями, на к-рых оно вырастало.

В 1926 С. стал проф. социологии на культурно-научном отд. Дрезденского политехникума. С 1931 вместе с *И.Бунаковым-Фондаминским* и *Г.Федотовым* С. издавал журн. «Новый град» (по 1939 вышло 14 номеров), положив начало «новоградскому движению» в эмиграции как одной из форм выражения порев. сознания. Журн. возобновлял и развивал идеи социального христианства, начатые в России П.Я.Чаадаевым и В.С.Соловьевым. Гл. мысль журн. — о «сращении» в сознании и жизни трех основных идей — христ. идеи абсолютной истины, гуманистически-просветит. идеи политич. свободы и социалистич. идеи социально-экономич. справедливости. «Целостное сознание, к которому устремлено «новоградство», представляет собой религ.

апологию свободы», — заявляет С. и полагает воспитание целостного миросозерцания в процессе «социально-политического делания своей эпохи» необходимым условием существования «большого и подлинного искусства». С этих позиций он оценивает рус. лит-ру и иск-во кон. XIX — нач. XX в., к-рые были чем угодно, но только не разрывом с идеей целостного служения об-ву. Проповедуемые «Новым градом» идеи «христ. социализма» нашли отклик у части рус. эмиграции (Н.Бердяев, *С.Булгаков*, *Н.Лосский*, мать Мария (*Е.Кузьмина-Караваева*) и ее «Православное дело») и были созвучны нек-рым формам религ. социализма в Германии (Пауль Тиллих) и интеллектуально-обществ. движению во Франции (журнал «Esprit»).

С приходом к власти нацистов С. был отстранен от преподавания и лишен права выступлений (1937) за проповедь христианства и «жидофильства». Его кн. «Theater und Kino» (Berlin, 1932) была запрещена геббельсовским мин-вом пропаганды за «авангардистское понимание киноиск-ва». С. пишет восп., первые гл. к-рых печатаются в «СЗ» (1939. — № 69). Полностью они впервые вышли на нем. яз. в Мюнхене в 1947-50 под назв. «Vergangenes und Unvergängliches» (Bd 1-3) и в 1956 в Нью-Йорке в изд-ве им.Чехова на рус.яз. под назв. «Бывшее и несбывшееся» (2 т.). В кн. искусно сплетены и с большой худож. выразительностью изображены три плана бытия их гл. героя — лично-биогр., культурно-ист. и филос.-метафизич. «Мемуарам С. принадлежит видное место — и по яркости воссоздания тогдашнего быта и духовных исканий, и по меткости отдельных характеристик, и просто по богатству содержания» (Струве. — С. 123).

После окончания второй мировой войны, в течение к-рой С. занимал последовательно патриотич. позицию, он возвращается к преподават. деятельности в Зап. Германии на специально для него учрежденной каф. истории рус. культуры в Мюнхенском ун-те. Вновь начинают выходить его кн.: «Theater und Film» (München, 1953) в расширенном и доп. виде; «Der Bolschewismus und die christliche Existenz» (München, 1959), «Dostojewskij und Tolstoj» (München, 1961). В 1962 выходит сб. «Встречи» — ст. о рус. лит-ре, написанные в течение предшеств. сорока лет, о Достоевском, Толстом, Бунине, Зайцеве, Вяч.Иванове, А.Белом, Л.Леонове, живо закрепляющие память о духовном облике выдающихся писателей. Одна из гл. мыслей С. об иск-ве — понимание его как «прообраза и предвосхищения воскресения наших во времени умирающих событий жизни» («Иск-во и современность» // Опыты. — 1956. — № 6. — С. 30). С. публикуется в журн. «Опыты», «Грани», «Мосты», «НЖ», становится одним из основателей (1960) «Т-ва заруб. писателей». В 1964 в Мюнхене выходит его кн. «Mystische Weltschau» / (Fünf Gestalten der russischen Symbolismus» (о Вл.Соловьеве, Н.Бердяеве, Вяч.Иванове, А.Белом и А.Блоке), представляющая собой, по словам А.Штаммлера, заруб. исследователя творчества С., «не только самое глубокое, проникновенное толкование символизма, которое ныне существует на каком бы то ни было языке, но также подведение итогов богатейшей жизни и творчества самого Степуна» (Рус. религ.-филос. мысль XX в.: Сб. ст. / Под ред. Полторацкого Н.П. — Питтсбург, 1975. — С. 330).

20 февр. 1964 в Баварской акад. изящных иск-в прошло торжеств. чествование С. нем. и рус. заруб. общественностью, высоко оценившей его вклад в развитие рус. и европ. культуры.

Изд.: Лит.-критич. ст. [И.Бунин. — Вяч.Иванов. — А.Белый] // РЛ. — 1989. — № 3.

Встречи и размышления: Избр. ст. — Лондон, 1992.

Лит.: Эфрон С.Я. Рец.: «Из писем прапорщика артиллериста» // Своими путями. — 1925. — № 10-11. Подпись: С.Э.

Чижевский Д.И. Рец.: «Жизнь и творчество» // СЗ. — 1926. — № 28. Подпись: П.Прокофьев.

Адамович Г. Рец.: «Николай Переслегин» // ПН. — 1929. — 29 авг.

Вишняк М. О переосмысливании Ф.А.Степуна // СЗ. — 1929. — № 40.

Полторацкий Н.П. Философ-артист // В. — 1951. — № 6.

Иваск Ю. Рец.: «Бывшее и несбывшееся» // Опыты. — 1957. — № 7.

Иваск Ю. Рец.: «Встречи» // НЖ. — 1963. — № 74.

Зандер Л. О Ф.А.Степуне и нек-рых его книгах // Мосты. — 1963. — № 10.

Померанцев К. Рец.: «Встречи» // Мосты. — 1963. — № 10.

Чижевский Д. Речь о Степуне // НЖ. — 1964. — № 75.
Некрологи: НЖ. — 1964. — № 75; ВРСХД. — 1965. — № 77; Мосты. — 1965. — № 11.
Штаммлер А. Ф.А.Степун // НЖ. — 1966. — № 82.
Ермичев А.А. Степун-философ // Ступени. — СПб., 1991. — № 2.
+ РФН; РФР; Струве.

А.А.Ермичев

СТОЛИ́ЦА Любовь Никитична (урожд. Ершова; 29.VI(10.VII).1884, Москва — 12.II.1934, София) — поэтесса, драматург. Род. в семье ямщика моск. Рогожской слободы Ершова, что определило ее мировоззрение, основанное на преклонении перед рус. стариной и православием. Окончила моск. Елизаветинскую г-зию с золотой медалью в 1902. В 1905 училась на ист.-филол. отд. Моск. высших жен. курсов. Первые стихи были напечатаны в журн. «Золотое руно» в нояб. 1906. В 1908 увидела свет первая кн. стихов «Раиня» (М.). Много печаталась в газ. и журн. В 1912 в Москве вышел ее второй сб. «Лада. — Песенник». Отрицательно встретил его В.Я.Брюсов: «У нее нарумяненная Русь, с нарочито русскими словечками и с условно-славянской мифологией и с — увы! — тяжкими погрешностями против хорошего вкуса» (Брюсов В. Среди стихов. 1894-1924. — М., 1990. — С. 371). В 1915 также в Москве была издана третья поэтическая кн. С. «Русь», а в 1916 там же — роман в стихах «Елена Деева». В янв. 1917 в Камерном т-ре была поставлена пьеса С. «Голубой ковер», а в сезон 1917-18 — ряд ее миниатюр шел на сцене «Летучей мыши» («Зеркало девственниц», «Моск. невесты», «Красная горка» и др.). В 1918 бежала в Ростов-на-Дону, затем в Ялту.

Ее эмиграция началась в 1920 пребыванием в Салониках, а в 1921 она переехала в Софию. Публиковалась в журн. и газ. «РМ», «Россия и славянство», «Перезвоны» и др. Как писал о ней поэт и прозаик А.М.Федоров: «И человек она была благожелательный, добрый, отзывчивый и, что особенно интересно, похожий на свои произведения, очень русская, в каждом слове, в каждом движении, в улыбке и во взгляде. И религиозна была по-русски, по-простонародному, свято верила в русский народ и возрождение России» (Ковчег: Поэзия первой эмиграции. — М., 1991. — С. 491). В 1923 стихи С. были опубл. в берлин. альм. «Женская лирика» наряду с произв. *М.Цветаевой* и А.А.Ахматовой. В том же году, в берлин. изд-ве «Медный всадник» увидело свет второе издание ром. в стихах «Елена Деева», баллада о истории любви купеческой дочери, написанная в характерном для С. стиле: «Плыли розовые дымы / Из лазурного кадила / Мимо стен и башен мимо / Наверху толпа ходила. / А внизу — Замоскворечье, / Уж шумя по-басурмански / И звоня по-христиански / Как руно вилось овечье» (с. 121). Резко встретил «Елену Дееву» критик, выступавший под псевд. «К.В.» (*Мочульский*): «Чем больше «поэт» комкает слова, натягивает на четыре ударения резинку своих фраз — тем невнятнее они становятся. А содержание романа — очень эстетическое: ...особый дамский снобизм с наркотиками, демонизмом и гаремом для юношей» (Звено. — 1923. — 4 июня).

В эмиграции С. созданы поэмы и сказки на рус. мотивы. В журн. «Воля России» печатались ее рец. под псевд. «Столпник». В связи с выходом кн. О.Мандельштама «Шум времени» (Л., 1925) С. писала: «Талантливый и изысканный поэт дал в виде ряда прозаических миниатюр — клочки своих воспоминаний... «Тембр» О.Мандельштама его выделяет: местами автора можно заслушаться... Он и в прозе остается поэтом, сочетающим жизнь и музыку» (Воля России. — 1925. — № 5. — С. 215).

Нек-рые произв. С. для т-ра были поставлены на болг. подмостках: комедии «Два Али» и «Рогожские чаровницы». Поэтесса скоропостижно скончалась во время представления своей пьесы «Моск. невесты». В 1934 вышел посмертный сб. С. «Голос Незримого» в софийском изд-ве «Художник».

Изд.: Восп. — Стихи // Медный всадник. — Берлин, 1923.
Книги о Блоке // Воля России. — 1925. — № 11.

Лит.: Антар [Ренников А.] Рец.: «Елена Деева» // Новое время. — 1923. — 22 апр.

Акимова М.В., Дворникова Л.Я. «Дионисов чудный дар»: Мат-лы для биогр. Л.Н.Столицы //Лица. — М.; СПб., 1996. — № 7.

В.В.Леонидов

СТРА́ННИК (Иоанн, епископ Сан-Францисский) — см. **ШАХОВСКОЙ Д.А.**

СТРУ́ВЕ Глеб Петрович (19.IV (1.V).1898, Петербург — 4.VI.1985, Беркли, США) — историк лит-ры, лит. критик, переводчик, поэт. Окончил Выборгское коммерч. уч-ще в Петербурге (1916). Служил в артиллер. гвардии в Карпатах (1917), весной 1918 вступил в Добровольч. армию. В дек. 1918 с фальшивым паспортом выехал в Финляндию, оттуда с отцом *П.Струве* — в Англию. В 1919-21 учился в Оксфорде. Весной 1922 переселился в Берлин, участвовал в изд. журн. «РМ», выходившего под ред. П.Б.Струве. В 1927-28 входил в ред. еженед. «Россия», затем «Россия и славянство» (1928-32). С 1932 более десяти лет — преподаватель рус. лит-ры Лондонского ун-та (Высшая школа славистики). В годы второй мировой войны работал на Британском радио (1941-44). В газ. «В» С. вел «Дневник читателя», печатал отклики на текущие события, лит.-критич. ст. о лит. жизни в России и рус. зарубежье, рец. на выходившие книги. В числе его ранних лит.-критич. публ. — «Памяти А.Блока» (РМ. — 1921. — № 8-12), ст. «Творчество *Сирина*» (Россия и славянство. — 1930. — 17 мая). Кн. С. «Рус. европеец. Мат-лы для биографии и характеристики кн. П.Б.Козловского» (Сан-Франциско, 1950) — о современнике Пушкина, поэте и дипломате, его отношениях с Тургеневым, Чаадаевым, Жуковским.

В лондонский период и в послед. годы С. развивал активную деятельность по изд. и популяризации в странах Европы и Америки произв. рус. лит-ры XIX и XX вв. Выпустил сб. произв. *И.Бунина* на англ. яз. в двух изд. (The well of days. — L., 1933 и 1946), антологию рус. прозы и поэзии «От Пушкина до Набокова» (A century of Russian prose and verse: From Pushkin to Nabokov. — Berkeley, 1967). С. издал «A Belinski centenary bibliography. An annotated list of 1948 publ». / Comp. by Struve G. — L., 1949.

Особое внимание С. привлекала рус. поэзия Серебряного века, 20-30-х, творчество гонимых поэтов. В 1952 в Нью-Йорке под ред. С. вышла кн. «Неизд. Гумилев», куда вошли мат-лы, оставл. поэтом в Лондоне в 1918 — рукоп. пьесы «Отравленная туника», пов. «Веселые братья», неизд. стих. 1916-18. С. сопроводил кн. вступ. ст. «О лит. наследии Н.С.Гумилева». За этим последовали др. изд., осуществл. С. и Б.Филипповым: Собр. соч. О.Мандельштама (Нью-Йорк, 1955); трехтомник соч. Мандельштама (Вашингтон, 1964-67); Соч. Б.Пастернака: В 3-х т. — Анн Арбор, 1961; четырехтомное Собр. соч. Н.Гумилева (Вашингтон, 1962-68); Собр. соч. Ахматовой: В 3-х т. (Вашингтон; Париж, 1965-83); двухтомные Собр. соч. Н.Клюева (Мюнхен, 1969) и М.А.Волошина (Париж, 1982-84); кн. *М.Цветаевой* «Лебединый стан: Стихи 1917-1921» (Мюнхен, 1957); «Лебединый стан. Перекоп» (Париж, 1971); «Неизд. письма» (Париж, 1972); А.Ахматовой «Реквием» (Мюнхен, 1963; Нью-Йорк, 1969) и др.

Лит-ведч. деятельность С. складывалась в двух направлениях: иссл. процессов развития рус. сов. лит-ры и рус. лит-ры в эмиграции. На англ. яз. вышла его кн. «Soviet Russian literature» (L., 1935), в к-рой освещалось творчество сов. писателей 20-х — нач. 30-х. В последующем вышли доп. и пересмотр. изд. этого труда (под назв. «25 years of Soviet Russian literature»; переизд. в 1944). Дополнена «Эпилогом», в к-ром характеризовалась лит. жизнь за истекшие после первого изд. годы. В 1946 кн. была изд. в пер. на франц. яз. в Париже, третье изд. в 1951 в США — «Soviet Russian literature, 1917-1950» (Norman, 1951). Кн. была изд. также в пер. на нем. (1957, 1964, 1971) и итал. яз. Последнее, наиб. полн. изд. — «Russian literature under Lenin and Stalin, 1917-1953» (Norman, 1971). Во «Введениях» к первому англ., франц. и последующим изд. автор заявлял, что стремился рассматривать сов. лит-ру прежде всего с точки зрения ее художественности. Он находил в ней немало позитивного, раскрывал воздействие революции на лит-ру. «Революция поставила цель обновить полностью здание общества и создать новую социальную и эстетическую ценность», — говорится во «Введении» автора к франц. изд. Сов. лит-ра отражает беспокойную картину изменяющейся России после 1917, отмечал С. Она знала периоды расцвета и упадка, создала немало произв., достойных того, чтобы их переводили и читали за пределами России, «отличающиеся свежестью видения и оригинальностью формы» (романы Федина, Леонова). Творч. подъем в пер-

вое десятилетие сов. лит-ры С. отмечал и в ст. «Двойная жизнь рус. лит-ры» (Books abroad. — Norman, 1954. — № 4).

Вместе с тем С. не скрывал и своих негативных взглядов и суждений («Я осмеливаюсь говорить откровенно и критически, невзирая ни на социальные позиции сов. руководителей, ни на правила, навязываемые писателям и критикам» — франц. пер. 1946. — С. 7). С. проявлял непримиримость по отношению к «контролю коммунистической цензуры». Определяющим аспектом лит. процесса ему представлялись «усилия правительства коммунистов создать специфическую советскую литературу в соответствии с намеченным планом» (с. 16), оказывая давление на лит. В изд. 1971 период после 1946 С. назвал «наиболее бесплодным: «Мрак и темнота опустились на советское искусство и литературу» (с. 393). Это утверждение он связывал «с наибольшей приверженностью текущей партийной линии», «ждановизмом». Н.Рязановский, славист из Калифорнийского ун-та, в ст. памяти С. (ЗРАГ. — 1985. — Т. 18) писал, что ученый «был непримирим к советской системе», что переносилось им и на лит-ру. Этим прежде всего объяснялось резкое неприятие сов. лит-ведами и критиками деятельности С.

В 1946 С. был приглашен выступать с лекциями о рус. лит-ре в ун-тах США. В 1947-67 он — проф. каф. славянских яз. и лит-р Калифорнийского ун-та в Беркли. В США, как и в Лондоне, Берлине и Париже, С. интенсивно занимался изучением рус. лит-ры, складывавшейся в зарубежье, накапливал материал для ее истории, результатом чего явилась его кн. «Рус. лит-ра в изгнании: Опыт историч. обзора зарубеж. лит-ры» (Нью-Йорк, 1956; 2-е изд.: Париж, 1984). «Моей главной задачей было дать максимально объективную картину развития русской зарубежной литературы на общем фоне бытия эмиграции», — писал автор в предисл. (с. 6). Рассматривая лит-ру рус. эмиграции и противопоставив понятию «эмиграция» термин «русское зарубежье», «более отвечающий смыслу вещей», С. определил ее как «временно отведенный в сторону поток общерусской литературы», воды к-рого «будут содействовать обогащению общего русла» (с. 7). Кн. С. вызвала сдержанное отношение к ней критиков рус. зарубежья. М.Карпович писал: «Как первый опыт исторического обзора эмигрантской литературы книга заслуживает серьезного внимания». Он отметил трудности для историка лит-ры в создании такого труда, поскольку эмигр. лит-ра «пребывает в рассеянности». Критик отметил, что в кн. «много интересного и полезного, иногда — нового, а часто — основательно забытого». Вместе с тем он критически высказался о «хронологическом рассеянии творчества писателей» по разным гл. кн., разделении прозаиков и поэтов, а также о включении в историю лит-ры полит. течений — «сменовеховства» и «евразийства», журналистики и филос. прозы, отвергал «категорические» негативные суждения о творчестве *В.Набокова* (НЖ. — 1956. — № 46. — С. 251-254). *Ю.Иваск* отметил собственную интерпретацию темы автором кн.: «Он творит свою легенду о зарубежной литературе, но вместе с тем остается исследователем и «с большой объективностью передает чуждые и даже враждебные ему критические суждения» (Опыты. — 1956. — № 7. — С. 106). Более позитивны оценки кн. «Рус. лит-ра в изгнании» новейшей рус. критикой (Лаппо-Данилевский К.Ю. Глеб Струве — историк лит-ры // РЛ. — 1990. — № 1). В газ. «НРС» и разл. журн. С. продолжал печатать ст. и рец.; выпустил кн. «О четырех поэтах: Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам» (Лондон, 1981), в к-рой эти творч. личности предстают в трагич. свете и характеризуются как крупнейшие рус. поэты «той творчески богатой и разнообразной эпохи в истории русской культуры, которую принято обозначать как эпоху символизма» (с. 5). Гл. о Мандельштаме представляет собой «опыт биографии и критического комментария».

С. выпустил также кн. собств. стих. «Утлое жилье: Избр. стихи 1915-1949 гг.» (Вашингтон, 1965, 1978); переводил стих. Р.-М. Рильке. На рус. язык перевел (в соавт. с женой поэтессой Марией Кригер) «Скотский хутор» Дж.Оруэлла (Франкфурт-на-М., 1950).

Лит.: Завалишин В. Рец.: «Рус. лит-ра при Ленине и Сталине» // НЖ. — 1971. — № 104.
Иваск Ю., Филиппов Б. Памяти Г.П.Струве // НЖ. — 1985. — № 160.
Раевская-Хьюз О., Рязановский Н. Г.П.Струве (1898-1985) // ЗРАГ. — 1985. — № 18.
+ РЛЗ-2.

Е.Ф.Трущенко

СТРУВЕ Никита Алексеевич (16.II.1931, Булонь, пригород Парижа). Род. в рус. эмигр. семье, сочетавшей петерб. интеллектуальные традиции (отец — сын *П.Б.Струве*) с моск. радушием (мать — племянница моск. композитора Г.Л.Катуара). Образование получил во франц. школах и в Сорбонне. Большое значение имела встреча (благодаря брату) с Рус. студенч. христ. движением, открывшим возможность не только бытового, но и деятельного высокоинтеллектуального христианства (*В.Зеньковский, Г.Флоровский*, Л.Зандер, А.Шмеман). В 1951 стал сотр. «ВРСХД». В 1954 женился на Марии Александровне Ельчаниновой, дочери педагога, затем священника А.В.Ельчанинова (1881-1954), покинувшего Россию в 1921 и выпустившего в Париже в 1935 «Записи». По отбытии двухлетней воинской повинности С. назначен адъюнктом в Сорбонну по каф. славистики, возглавлявшейся Пьером Паскалем, где проработал 6 лет. В 1963 в Париже вышла его кн., посв. истории Церкви под сов. режимом «Les Chrétienes en URSS» (2-е изд.: 1964). Она переведена на пять яз. и вызвала во Франции волну обществ. протеста против хрущевских гонений на церковь. В 1965 переведен во вновь образовавшийся ун-т Париж X (Нантер), с 1979 — проф. В эти годы получает развитие изд. деятельность ИМКА-Пресс, в управлении к-рой С. состоит с 1956. Гл. событие в этой обл. — изд. «Архипелага ГУЛАГа» в дек. 1973, а затем встреча с А.И.Солженицыным и долголетнее с ним сотрудничество. В 1979 защитил докт. дис. об О.Э.Мандельштаме («Ossip Mandelstam: la voix, l'idée, le destin». — P., 1982; авт. пер. на рус. яз.: Лондон, 1988; 3-е изд.: Томск, 1992). В 1990 первая поездка в сов. Россию. В 1992 в Москве выходит сб. ст. «Православие и культура», составл. из ст. из «ВРХД». Основная установка автора: «Без религиозной культуры не продержаться ни русской культуре, ни русской государственности». С. — автор двухсот ст., сост. двуязычной антологии рус. поэзии XIX и XX вв. в двух частях: «Anthologie de la poésie russe du XIXe siècle». P., 1994; «Anthologie de la poésie russe: La Renaissance du XXe siècle». P., 1970, 1991, а также кн. о рус. эмиграции: «Soixante-dix ans d'émigration russe (1919-1989)». — P., 1996. С. — дир. изд-ва ИМКА-Пресс, пред. правления изд-ва «Рус. путь» (Москва), соучредитель Б-ки-фонда «Рус. Зарубежье» (Москва), пред. об-ва «Центр помощи» (Монжерон, Франция), гл. ред. журн. «ВРХД» и «Les Messager Orthodoxe».

Лит.: Лебедев А. Феномен рус. эмиграции // РМ. — 1996. — 17-23 окт.

В.М.

СТРУ́ВЕ Петр Бернгардович (26.I (7.II).1870, Пермь — 26.II.1944, Париж) — экономист, историк, философ, лит. критик, публицист, полит. деятель. Окончил юрид. ф-т Петерб. ун-та (1895), д-р полит. экономии и статистики. В 1917 избран чл. Рос. акад. наук, в 1920-е исключен из ее состава. Поч. д-р права Кембриджского ун-та.

В 1890-е был активным деятелем марксист. движения, теоретиком «легального марксизма» в России. В 1894 вышла первая кн. С. «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб.). В 1896 С. участвовал в Междунар. социалистич. конгрессе в Лондоне. В 1898 — участник I съезда РСДРП в Минске, автор «Манифеста Российской с.-д. партии». Ред. журн. «Новое слово» (СПб., 1894-97), «Начало» (СПб., 1899), «Жизнь» (СПб., 1897-1901), «Полярная звезда» (СПб., 1915-16). В 1905 в Киеве вышла кн. С. «Марксовская теория социального развития». Вместе с тем в 1900-е С. выступил против «ортодоксии» марксизма. Его полит. кредо стал, по его словам, «либеральный консерватизм». Отношение С. к трактовке экономич. теории Маркса охарактеризовал В.И.Ленин в работе «Экономич. содержание народничества и критика его в кн. г.Струве» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 1). О своих взаимоотношениях с Лениным С. писал в ст. «Мои встречи и столкновения с Лениным» (В. — 1950. — № 9, 10): «В лице Ульянова-Ленина и моем столкнулись две непримиримые концепции» (Новый мир. — 1991. — № 4. — С. 215). За участие в демонстрации в Петербурге у Казанского собора в 1901 был выслан в Тверскую губ., откуда эмигрировал в Германию. В Штутгарте, Берлине, а затем в Париже издавал журн. «Освобождение» (1902-5), участвовал в создании союза «Освобождение», а также в образовании Конституционно-демократич. партии

(кадетов), чл. ее ЦК. От кадетов избирался депутатом 2-й Гос. думы (1907). Участвовал в сб. «Вехи» (М., 1909), опубл. в нем ст. «Интеллигенция и революция». В своем сб. «Patriotica: Политика, культура, религия, социализм» (СПб., 1911) опубликовал ст. «К характеристике кризиса в совр. социализме», в к-рой писал «о глубоком внутреннем процессе разочарования... и разложения, совершающегося в социализме» (с. 36).

Окт. революцию 1917 С. воспринял негативно, видел в ней «крушение иллюзий», «подлинный лик революции, — писал он, — оказался совсем не тем, что в ней воображала себе русская интеллигенция... даже социалистическая». Она была «пугачевщиной во имя социализма» («Размышления о рус. революции». — София, 1921. — С. 31, 32). В 1918 С. через Финляндию и Скандинавию выехал в Англию, затем во Францию. В 1919 был снова в России, участвовал в деятельности Особого совещания при Деникине, состоял в правительстве Врангеля. В кон. 1920 эвакуировался в Константинополь. В начале 1920-х проживал в Праге, Берлине. С 1928 — в Белграде. Лето и осень 1938 провел в Лондоне. В 1942 после трехмес. заключения в нем. тюрьме («как друг Ленина») перебрался в оккупиров. Париж к сыну.

В годы эмиграции С. продолжал многостороннюю науч. и публицистич. деятельность. Его сподвижник *С.Франк* писал: «Пытаясь определить, прежде всего, сферу его научного творчества и научных интересов, нужно сказать, что она охватывала едва ли не все области «гуманитарных знаний» — политическую экономию и статистику, социологию, историю, историю права и государства, хозяйственную историю, историю культуры, правоведение, историю литературы, по крайней мере, 18-го и 19-го веков и, наконец, даже языкознание и философию» (Франк С. Биография П.Б.Струве // Струве П.Б. Дух и слово. — Париж, 1981. — С. 11). Итогом его исследоват. усилий в обл. экономики, истории и культуры явилась незаконч. «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности» (Париж, 1952).

В Белграде и Праге С. участвовал в работе Рус. науч. ин-та, выступал с докладами и лекциями в ун-тах, науч. об-вах. В 1935 в Белграде читал курс социологии на серб. яз. В 1927 в Сорбонне (Париж) выступил с лекциями «Экономич. развитие России в связи с ее общей культурой». На съезде рус. ученых в Праге (1926) и в Геогр. об-ве в Париже сделал доклад «Русская наука в истории русской культуры» (В. — 1926. — 29 окт.). В Софии в 1921-24 и 1927 С. продолжил издание лит.-полит. журн. «РМ», прерванное в 1918. В обращении от ред. определялась цель издания: «Осознать и осмыслить... обрушившиеся на нашу родину несчастья и катастрофы. Мы должны иметь смелость взглянуть в лицо действительности... не останавливаясь ни перед какой правдой, не страшась никаких выводов» (РМ. — 1921. — № 1. — С. 3). В этом ключе С. публиковал в журн. свои «Размышления о рус. революции», ист.-политич. заметки, ст. о культуре и лит-ре. Под рубрикой «Заметки писателя» появилась его ст. о Ф.М.Достоевском «Пророк русского духовного возрождения» (РМ. — 1921. — № 10-12), опубл. ст. «Двенадцать» Александра Блока» (РМ. — 1921. — № 1/2), «В.Г.Короленко» (РМ. — 1922. — № 1/2), некрологи Блока и Гумилева (РМ. — 1921. — № 10/12).

Под ред. С. выходила ежедневная газ. «В» (1925-27), еженед. «Россия» (1927-28), при ближайшем участии С. продолжалось изд. еженед. «Россия и славянство» (1928-1934). С. выступал прежде всего как публицист, в форме «Дневника политика» систематически печатал размышления о текущих событиях в России и мире. Преобладающими темами его полит. публицистики оставались отношения к революции и судьбам России, неприятие «коммунистического хозяйствования». «Русский опыт, — писал С., — с полной ясностью, ценою ужасных страданий... раскрыл живую трагедию социализма» («Размышления о русской революции: Фрагменты». — М., 1991. — С. 52). «Та борьба, которую мы ведем, наша политическая непримиримость по отношению к большевизму... есть наша обязанность как носителей культуры» («Заветы Пушкина» // Россия и славянство. — 1932. — 11 июня).

В числе опубликов. С. в эмиграции сб. «Статьи о Льве Толстом» (София, 1921), ст. «Лицо и гений Грибоедова», в к-рой он отметил, что писатель «возвысил сатиру и карикатуру до художества, преобразил обличение в искусство» (Россия и славянство. —

1929. — 20 февр.). На лит. страницах разл. еженед. опубликованы ст. «Памяти Ф.Сологуба» (Россия. — 1927. — 10 дек.); «Две речи о Достоевском: Достоевский — великий грешник. — Достоевский — путь к Пушкину» (Россия и славянство. — 1931. — 21 февр.); ст. «Тургенев» (к 50-летию его кончины) и «И.С.Тургенев, как политический мыслитель» (Россия и славянство. — 1933. — сент. и 1933 — окт.). Тургенев характеризуется в них как «бытописатель-реалист», своеобр. продолжатель Пушкина и Гоголя. Это «оригинальный и свободный ум, а потому и настоящий мыслитель». С. писал о Н.С.Лескове как о «мастере мистического анекдота», А.А.Фете, И.С.Аксакове и др. писателях XIX в. Из современников по зарубежью С. оставил свидет-ва о *Б.Зайцеве*, *И.Бунине*, *Ю.Айхенвальде* (Более полный перечень публ. С. приводится в библ. прилож. к его кн. «Социальная и экономич. история России...» — Париж, 1952).

В лит-ведч. наследии С. привлекает внимание цикл работ о Пушкине: «Почему иностранцы не знают и не ценят Пушкина» (В. — 1926. — 20 июня), «Пушкин и франц. романтики», «Шарль Нодье и Пушкин», «Радищев и Пушкин» (Россия. — 1927. — 17, 24 сент., 7 окт.). 10 февр. 1937, когда отмечалось столетие со дня гибели Пушкина, С. произнес речь о поэте на организов. югославским отделом Зарубежного Пушкинского к-та торжеств. собр. в Рус. доме в Белграде. Под загл. «Дух и слово Пушкина» (с прил. мат-лов к ист. толковому словарю языка поэта) она вошла в «Белградский пушкинский сборник» (Белград, 1937; переизд.: ВЛ. — 1989. — № 2). Публ. составляют этюды: «Слово и слова Пушкина», «Судьба и рост Пушкина как культурного явления», «Величие Пушкина» и др. Творчество Пушкина С. рассматривал в контексте европ. лит-р, в сопоставлении с творчеством Стендаля, Бальзака, Гете. В иссл. «Гете и Пушкин» С. отмечал психологич. и эстетич. близость Пушкина «романтическому великану» Гете. «Влияние Гете на конгениального ему великого русского поэта входит в общую историю взаимодействия между немецкой и русской духовной культурой и есть один из ее интереснейших и значительных эпизодов в области литературной» (Россия и славянство. — 1932. — 29 окт.). Пушкинский цикл составляет первую гл. в кн. С. «Дух и слово: Статьи о рус. и зап-европ. лит-ре» (Париж, 1981), в к-рой собраны наиболее значит. работы, публиковавшиеся в периодике.

Франц. и англ. лит-ры в критич. наследии С. представлены ст. «Жизнь Бодлера» (Россия. — 1927. — 17 дек.); «Об Александре Дюма-отце» (Россия. — 1928. — 17 марта); «К столетию Вальтер-Скотта. — Вальтер-Скотт в рус. критике: Спор о нем между Сенковским и Белинским» (Россия и славянство. — 1932. — 15 окт.); «Лукиан нашего времени: К 70-летию Бернарда Шоу» (там же. — 1932. — 29 июля). Результатом лингвистич. иссл. С. явились ст. «Рус. яз.» (В. — 1926. — 29 апр., 20 мая); «Революция и яз.» (Россия. — 1928. — 18 февр.). В.В.Розанов характеризовал С. как «трагическое, — не крупное, но трагическое лицо в нашей истории» (Розанов В.В. Мимолетное. 1915 // Начала. — 1992. — № 3. — С. 7).

Изд.: За свободу и величие России / Публ. Струве Н.А. // Новый мир. — 1991. — № 4.
Скорее за дело: Статьи / Предисл. Романенко А.Д. — М., 1991.
Статьи о рус. писателях // РЛ. — 1992. — № 3.

Лит.: П.Б.Струве: Библиография. 1894-1980 // Сов. библиография. — М., 1991. — № 6.
Потырников С.М. «Философ в политике»: (О П.Б.Струве) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. — 1991. — № 4.
Колеров М.А., Плотников С.П. Творч. путь П.Б.Струве: Мат-лы к творч. биографии // ВФ. — 1992. — № 12.
Выдающийся мыслитель «Серебряного века» // Вест. Рос. акад. наук. — 1992. — № 10.
Яковлева Т. П.Б.Струве и газ. «Возрождение» // Свой голос. — Иркутск, 1993. — № 1.
+ Зеньковский.

Е.Ф.Трущенко

СУРГУЧЁВ Илья Дмитриевич (15(27).II.1881, Ставрополь — 19.XI.1956, Божон, Париж) — прозаик, драматург. Происходил из семьи переселившегося в город крестьянина, мелкого коммерсанта. В 1907 окончил

ф-т вост. яз. Петерб. ун-та по специальности синология, но от науч. карьеры отказался, предпочтя лит. деятельность. Печататься начал в петерб. «Журн. для всех» (рассказ «Следствие». — 1906. — № 6). Переехав в 1907 после женитьбы в Ставрополь, публиковал свои произв. в провинц. газ. В 1909 дебютировал в «Вест. Европы» (№ 1) с рассказом о революционерке-террористке «Соседка». После первой рус. революции С. начинает сотрудничать с изд-вом «Знание», в 1910 выпустившим том рассказов писателя. К 1911 относится знакомство С. с *М.Горьким*, к к-рому он приезжал на Капри и нек-рое время гостил на его вилле. Отмечая «осудительное» мнение о Горьком в среде эмиграции, С. писал, что он «на стороне положительной» (В. — 1955. — № 40). Однако портрет Горького, нарисов. С. в очерке «Горький и дьявол» (В. — 1955. — № 46), не лишен сарказма (переизд.: Независимая газ. — 1993. — 26 марта).

Перед первой мировой войной С. обращается к драматургии. «Его, по свойству его дарования, тянул к себе театр, как в эмигрантскую пору сценарии для кинематографа, то есть внешние, выпуклые выявления жизни...» (Клименко Н. Памяти И.Д.Сургучева // В. — 1957. — № 61. — С. 136). Первая пьеса С. «Торговый дом» была напечатана в 1912 и поставлена на сцене Александринского т-ра в 1913 с М.Г.Савиной в одной из ролей. Ею была «рассказана» тема след. пьесы писателя «Осенние скрипки» (Берлин, 1914). Именно т-р принес С. известность, а потом и славу. И хотя *И.Тхоржевский* был склонен объяснять лавры драматурга невысоким уровнем дорев. репертуара, существовало и др. мнение о театрально-драматургич. деятельности С.: «Его пьесы игрались лучшими театрами. Перед первой мировой войной вся Россия знала его «Осенние скрипки». Его прочили в преемники Островского» (Мартыновский-Опишня И.Сургучев — человек и писатель // В. — 1956. — № 60. — С. 101). Страсть к т-ру, а потом и к кинематографу не отпускала С. всю жизнь: до революции он не только писал для сцены, но и работал в Александринском и Малом, а также в Моск. Худож. т-ре («Краткая заметка о себе» // В. — 1957. — № 70. — С. 31). В 1916 «Книгоизд-во писателей в Москве» издало первый и третий тома его соч.; четвертый том вышел в 1917. Критика отмечала в его творчестве бытовой натурализм, лиризм описаний, психологич. достоверность, но вместе с тем ее смущало отсутствие глубоких проблем, скудость изобразит. приемов, однообразие тона: «Автор нас... никуда не зовет» (Совр. мир. — 1917. — № 7-9).

Человек глубоко верующий, С. считал установившуюся в России после революции власть «бесовским наваждением» (В. — 1956. — № 60. — С. 102). В 1920 С. уезжает в Константинополь, вскоре перебирается в Прагу, но окончательно обосновывается в Париже. «Не перестал писать Сургучев и за границей, и язык его стал еще более сочным и богатым» (*Гофман М*. Рус. лит-ра в эмиграции // В. — 1957. — № 70. — С. 17). Он печатается в «Перезвонах», «Зарницах», «Жар-птице», «ИР», «РМ», «Лит. современнике», «СЗ»; сотрудничество с «В» — сначала газ., а потом журн. — С. продолжал до кон. жизни. В Париже в 1927 он выпустил кн. «Эмигр. рассказов», причем наиб. удачными следует признать психологич. этюды на семейно-бытовые темы. Рассказы С. по лит. достоинствам неравноценны, однако современники свидетельствуют, что С. был рассказчиком «от Бога». «Рассказчик он был изумительный, — утверждает хорошо его знавший мемуарист. — Любимыми темами его были воспоминания о сотрудничестве с Власом Дорошевичем, о том, как он редактировал в Крыму при Врангеле газету или как в Праге организовывал русский театр» (В. — 1956. — № 60. — С. 101). В очерках С. мемуарного характера эти любопытные эпизоды биографии писателя не отразились, исключая лишь восп. о дорев. театре, достоверные и яркие.

Пребывание в Константинополе дало мат-л для пьесы С. «Реки Вавилонские» (СЗ. — 1922. — № 11). Герои ее принадлежат к разл. слоям рос. об-ва; все они встречаются в эмигр. бараке в одном из лагерей поблизости от Константинополя. С. не судит и не казнит своих героев — и губернатор, и быв. филер, мечтающий о будущем устройстве земли как об огромном, все очищающем и утишающем монастыре, и быв. прокурор одинаково страдают, хотя по-разному переносят страдания и ищут разные причины гибели старой России. Избегая социальной мотивировки поведения и направленности монологов своих персонажей, С.

тяготеет к индивидуально-психологич. характеристикам: гибель в финале пьесы офицера Эргардта, так напоминающая эпизод гибели Тузенбаха в «Трех сестрах», объясняется причинами личного свойства — уход жены к другому, и лишь опосредованно — переживанием общенац. катастрофы. Наиб. сильными сценами «Рек Вавилонских» становятся проникнутое православно-патриотич. пафосом чтение монахом Киево-Печерской лавры, подхваченное эмигр. хором, «отрывка о русской земле» («О светло светлая...») и финал, отразивший бесприютность осиротевшей без родины рус. души и глубину воссылаемой ею к Господу молитвы. Отд. мотивы пьесы встречаются и в др. соч. С. эмигр. периода, в частности, в ром. «Ротонда» (Париж, 1928). В Праге С. прилагает усилия для создания рус. театр. труппы, в ее исполнении в 30-е годы шли «Осенние скрипки», а перед нач. войны спектакль был с успехом поставлен на чешск. яз. В Париже С. мог рассчитывать только на любит. эмигр. труппы. Увлеченный созданием сценариев для «синема», С., по собств. свидет-ву, «был связан с кинематографией Голливуда» (В. — 1957. — № 70. — С. 31). Он полагал, что именно в драматургич., т.е. рассчитанных также на реж.-актерское мастерство жанрах возможно достичь максимальной «рельефности, скульптурности, полной выразительности» (В. — 1959. — № 96. — С. 98).

Критик М.Гофман считает, что «здоровое» творчество С., «его подлинный юмор, наблюдательность и всепрощающая человеческая доброта разлиты во всех его книгах» (В. — 1957. — № 70. — С. 17). С. писал, «невзирая на старость, болезнь, некомфортабельные условия жизни» (Яконовский Е. De profundis // В. — 1956. — № 60. — С. 99). Издавался он мало — помимо «Эмигр. рассказов», отд. изд. вышло «Детство Императора Николая II» (Париж, 1953). Наиб. показат. и наиб. компетентным суждением о кн. стало свидет-во «одного из членов Императорской фамилии»: «Замечательно верно и хорошо, но ... чуть-чуть просто и даже грубовато. Но так, что отбросьте эту грубоватость, и книга пропадет, станет льстивой, угодливой» (В. — 1957. — № 61. — С. 136).

В эмиграции С. был известен прежде всего как автор ром. «Ротонда». Действие «Ротонды» происходит в Антверпене, Париже, Мадриде, ее герой — дирижер театра лилипутов и непризнанный композитор попадает в сложную, необыкновенную любовную историю. Но сюжет не исчерпывается этим. Автору удается воссоздать неповторимый колорит описываемых им уголков Европы, атмосферы нац. жизни. Ни ностальгич. тоски, ни сожалений, ни пессимизма или мрачных настроений в ром. С. нет — его интересы лежат в сфере человеч. чувств. Бытовой элемент оттесняется на задний план экзотикой и введением романтико-фантастич. черт. Хотя С. тяготел к изображению глубоко интимных переживаний, ему удавалось удержаться на грани, за к-рой остается пошлость, банальность и неестественность. В описаниях любви С. показывал себя «тонким эстетом, требовательным к себе художником, не допускающим фальшивых красок и ненужных слов» (В. — 1956. — № 60. — С. 100). Это относится и к одному из самых проникновенных произв. С. — пов. «Черная тетрадь» (В. — 1955. — № 37, 38), небольшой, взволнованно написанной истории счастливой любви с трагич. финалом. Панегирик родному Ставрополю, переходящий в эпитафию униженному и испоганенному большевиками городу, написан с тем подлинным волнением, с той свежестью восп. и теплотой, к-рых часто не хватало другим соч. С. «Необыкновенная ясность его изложения, уменье передать бесхитростными словами, не прибегая к надуманным «литературным приемам», правдивая простота изложения, — вот то, чем владел Сургучев, тайну чего он постиг, понимал. Обладал он и не всем доступной мудростью» (В. — 1956. — № 60. — С. 100). Это особенно сказалось в афоризмах С., собр. в «Записных книжках», сохранившихся у Н.Клименко и частично напечатанных им (В. — 1958. — № 84; 1959. — № 96). В послевоен. время С. был пост. сотр. лит. отдела «В», где напечатано большинство его соч. эмигр. периода, активно печатался в журн. «Грани». «Литературная и духовная связь с «новой эмиграцией» (В. — 1956. — № 60. — С. 99) отличала С., стоявшего несколько особняком в «первой» эмиграции. «Была это большая, богатая, многогранная натура» (В. — 1957. — № 72. — С. 139). Лит. предпочтения С. отдавал Л.Толстому и Лескову; «всей душой любил (так сказал) *И.С.Шмелева* за его глубокую человечность» (В. — 1957. — № 72. — С. 140).

Человек «насквозь» церковный, православный, «рус. националист», С. глубоко задумывался над идеями, положенными Шмелевым в основу его знаменитых произ.; об этом свидетельствуют и восп. современников. «Преждевременная смерть помешала ему не только осуществить, но и хоть приступить к осуществлению целого ряда задуманных вещей: большого романа... драмы... наконец, большого сценария (он любил этот род «литературно-скульптурного» творчества)» (В. — 1957. — № 72. — С. 139). Героями невоплощенных на бумаге произв. должны были стать «мужик-купец», «интеллигент из народа» — представители старой, дорев. России. Его последний незаконч. рассказ «Студенч. годы» появился в № 90 журн. «В» (1959). «Острейшая утонченность подмечаний» и «мужицкая грубостца» отличали творч. манеру С.: лейтмотивом его творчества, по признанию самого писателя, всегда были «горячие русские слова: любовь, жизнь, счастье» (В. — 1952. — № 96. — С. 101).

Изд.: М.Г.Савина: Из театральных воспоминаний // В. — 1955. — № 42.
Ночь // В. — 1958. — № 73-75, 77-79.
Губернатор: Повесть, рассказы. — М., 1987.

Лит.: Адамович Г. Рец.: «Эмигр. рассказы» // Звено. — 1927. — 22 мая.
Айхенвальд Ю. Рец.: «Эмигр. рассказы» // Руль. — 1927 — 18 мая.
Зайцев К. Рец.: «Эмигр. рассказы» // В. — 1927. — 5 мая.
Веритинов Н. Человек глубоких прозрений: К годовщине смерти И.Д.Сургучева // В. — 1957. — № 72.

Т.В.Марченко

Т

ТА́ЛОВ Марк Владимирович (2(14).III.1892, Одесса — 10.VI.1969, Москва) — поэт, переводчик. Род. в семье столяра. Отец не мог дать детям образования, но водил их в т-р, из года в год выписывал «Ниву». Т. с детства писал стихи. В 14 лет, не окончив гор. уч-ща, стал уличным газетчиком. В 1907 пришел со своими стихами в газ., к-рую издавали студенты Новороссийск. ун-та. Ред. С.В.Коханский стал его лит. наставником. В 1910 Т. познакомился с *П.Пильским*, к-рый регулярно публиковал стихи Т. в газ. Юга России, служил в газ. «Одесский листок». В марте 1913 в Одессу приехал Ф.Сологуб, Т. принес ему свою первую кн. стихов «Чаша вечерняя» (Одесса, 1912). Осенью 1913 Т. призвали на воен. службу. Получив пощечину от командира, он покинул часть, нелегально перешел границу и 7 дек. 1913 приехал в Париж без денег, без доктов, не зная яз., с рекомендат. письмом к ред. газ. «Париж. вест.» Е.Н.Дмитриеву. В сент. 1914 беспаспортных эмигрантов выслали в сел. местность. Т. отвезли в Турень, в дер. Ривьер, где он жил в крест. доме, работал на виноградниках, и вскоре свободно заговорил по-французски. Летом 1915 ушел послушником во францисканский монастырь в Шиноне. В сент. 1915 возвратился в Париж, работал в газ. «Наше слово», выступавшей против братоубийств. войны, что отвечало убеждениям Т.

В 1919 стал переводить стихи Ст.Малларме, что привело его к знакомству с Анри де Ренье и Рене Гилем. 1918-22 стихи Т. печатаются во франц. журн. (L'oeil, Les lettres parisiennes, Montparnasse, La vie des lettres, Le monde nouveau, Les humbles), в амер. журн. Gargoyle. Франц. поэты Ж.Гаске и П.Фор представили его в кафе «Клозри де лила», где по вторникам собирались литераторы и художники. Он бывает у *А.Куприна*, *Мережковских*, *К.Бальмонта*. В 1920 в Париже выходит кн. лирики, «Любовь и Голод», с илл. А.Симонта, О.Цадкина, Ф.Лебона, О. де Зарате, Ван-Рейса.

Т. выступает со своими стихами на вечерах, участвует в заседаниях «Об-ва друзей Верлена». Весной 1921 монпарнасские поэты и художники основали лит.-худож. кабаре, проводя по пятницам в маленьком кафе «Хамелеон» открытые вечера с чтением стихов, диспутами, аукционами, а в др. дни — конференции, посв. творчеству Верлена, Малларме, Бодлера, Рембо, Метерлинка, Аполлинера, рус. лит-ре. Т. был непременным участником этих встреч.

В том же «Хамелеоне» стал собираться кружок молодых рус. поэтов «Гатарапак» (назв. составлено из: *А.Гингер*, Талов, *В.Парнах*), а 7 авг. 1921 там же открылось рус. лит.-худож. кабаре «Палата поэтов», к-рое по примеру своих франц. собратьев учредили А.Гингер, Г.Евангулов, В.Парнах и Т.; вскоре к ним присоединился *С.Шаршун*. Критик Ж.Шюзвиль присутствовал на открытии: «Цель группы — это вновь собрать силы, рассеянные по свету в изгнании... Автор пронзительного сборника «Любовь и Голод» Марк Талов, Парнах, Гингер и др. поэты будут читать свои неопубликованные стихи, знакомиться с новостями поэтической жизни нынешней России. В эту группу входят также хорошо известные художники Судейкин, Гудиашвили и др. Музыкальные вечера организует бывший руководитель «Летучей мыши» Вермель. С ним будет соревноваться музыкальный критик знаменитого русского журнала «Аполлон» Левинсон. Короче, это объединение молодых русских художников, которое отныне в самом сердце Латинского квартала будет регулярно проводить свои заседания и которое заслуживает самого живого интереса» (Les homme du jour. — P., 1921. — 13.VIII).

Встречи проходили по воскресеньям, а потом по четвергам. В заседаниях участвовали *Б.Божнев*, *Дон-Аминадо*, *Б.Поплавский*, М.Струве, *В.Познер*, Е.А.Зноско-Боровский, др. поэты, художники, режиссеры, актеры, музыканты. Там читали доклады о творчестве А.Блока, Н.Гумилева, Н.Гоголя.

В 1922 в Париже выходит вторая кн. лирики Т. «Двойное бытие». Ж.Шюзвиль

писал: «Двойное бытие» — произведение подлинного поэта, к которому, признаюсь, чувствую живую симпатию. Его поэзия — это он сам, простодушно-сложный и отличающийся тем смиренномудрием — не перед людьми, — которое является приметой некоторых душ, для коих жизнь является неиссякаемым источником изумления. Талов обладает бессознательной иронией художников и богов: он творит свою жизнь, и это единственный способ ей не подвергаться» (Mercure de France. — 1922. — 15.VI.).

М.Слоним завершил обзор поэтич. сб.: «Вряд ли можно выделить из этого длинного списка два-три имени, заслуживающих внимания. Исключение, пожалуй, составляют несколько подражательные, но талантливые стихи М.В. Талова («Двойное бытие» и «Любовь и Голод» — Париж) и два сборника стихов *Вл.Сирина*» (Рус. заруб. книга. — Прага, 1924. — Ч. I. — С. 103).

Тоска по родине, не оставлявшая Т. с первых же дней эмиграции, доводила его до отчаяния. Только в 1922 ему удалось получить разрешение франц. властей на двухнед. поездку в Берлин, откуда надеялся попасть в Россию. В мае Т. приехал в Берлин, встретился с *И.Эренбургом*, познакомился с *М.Цветаевой*, *А.Белым* и *А.Ремизовым*, с к-рым раньше переписывался. По совету Ремизова Т. написал *М.Горькому*, и Т. отправили в Москву, включив в список военнопленных. Т. возвращался вместе с В.Парнахом. После карантина в Великих Луках Т. 7 авг. прибыл в Москву. На вечере, где Т. выступил со своими стихами, он познакомился с О.Мандельштамом.

5 сент. Т. уехал в Одессу, там выступал на лит.вечерах, печатал в газ. стихи и очерки, стал чл. «Одесского товарищества писателей», но с Багрицким и Бабелем у него отношения не сложились.

1 мая 1923 Т. возвратился в Москву, работал выпускающим в «Голосе текстилей», «Гудке» и др. моск. газ., продолжая начатое еще в Париже переложение на рус. яз. всех стих. Малларме, на что он затратил 17 лет. В 1927 принят во «Всерос. союз поэтов». В 1934 оставил службу и стал переводчиком поэзии. «По своим качествам эта работа стоит выше многих известных переводов, отличается не только большой добросовестностью, но и творческим живым проникновением в индивидуальность каждого переводимого произведения. Мы должны бы особенно ценить этот мало известный и затерянный в хрестоматиях труд человека, с увлечением и строгой авторской добросовестностью открывающий нам забытые и утерянные во времени страницы...» (Асеев Н.Н. Письмо в ССП. — 1943. — июнь. — Архив авторов). Им переведены стихи франц. поэтов (Шарль Орлеанский, К.Маро, П.Ронсар, Т. де Вио, Сент-Аман, Т.Л'Эрмит, А.Франс, П.Верлен, С.Малларме, Т.Корбьер, Ш.Вильдрак и др.); итал. поэтов (А.Тассони, Дж.Марино, В. да Филикая, У.Фосколо, Дж.Кардуччи и др.); исп. поэтов (К. де Кастильехо, Ф. де Эррера, Х. де Эспронседа, Р.Альберти и др.); англ. поэтов (А.Марвелл, Т.Чаттертон, Шелли, Байрон, Китс и др.); португальца Л.Камоэнса. Арс.Тарковский писал Т.: «Без Ваших лучших стихотворений читателю не обойтись, они принадлежат к особому роду русской поэзии (без украшений!) особенно трудному и, может быть, наиболее живучему» (1963. — дек. — Архив авторов).

Изд.: Малларме Ст. Собр. стих. / Пер. Талов М. — М., 1990.
Избр. стихи. — М., 1995.

Лит.: Л.В. Рец.: «Любовь и Голод» // Общее дело. — 1920. — 22 июля.
Не-Буква (Василевский И.) Рец.: «Беженская поэзия» // ПН. — 1921. — 26 авг.
Мочульский К. Рец.: «Любовь и голод» // РМ. — 1921. — № 8/9.
Husson P. M.-M.-L. Taloff // Montparnasse. — P., 1922. — № 15.

М.А. и Т.М.Таловы

ТА́УБЕР Екатерина Леонидовна (20.XI (3.XII).1903, Харьков — 6.XI.1987, Мужен, Франция) — поэт, прозаик, критик. Отец — юрист, доцент Харьковск. ун-та, позже — проф. Харьковск торг. ин-та. В 1920 Т. эмигрировала с родителями в Белград. Окончила франц. отд. Белград. ун-та. 4 года преподавала франц. яз. и лит-ру в сербск. школе. Вышла замуж за Константина Старова; переехав во Францию, поселилась на Ривьере. После второй мировой войны 16 лет преподавала рус. яз. в лицее Карно в Канне. В этот период сблизилась с

Б.Зайцевым, *И.Буниным*, Д.Кленовским. Последние годы жизни Т. прошли в г.Мужене.

Первые стихи Т. опубликовала в 1927. В 1933 участвовала в изд. антологии совр. югослав. поэзии, сделала для нее переводы. Первый сб. стих. «Одиночество» вышел в Берлине в 1935. *Г.Адамович* отметил влияние А.Ахматовой и, указав на достоинства стих. этого сб. — «изящество, грусть», «задумчивая сдержанность», назвал их «комнатными». Он писал: «У Екатерины Таубер есть дарование. Но... ей пока приходится верить «в кредит» (ПН. — 1935. — 20 июня). *В.Ходасевич* также увидел опасность для молодого поэта в замкнутости: «Ее стихи не только о себе, но еще слишком «для себя». При этом В.Ходасевич считал, что этим сб. Т. как поэт заявила о своем своеобразии. «Для Таубер каждый миг жизни — тема, потому что сама жизнь переживается ею поэтически, и это прекрасно отличает ее от весьма многих современных поэтов. Залог открытого пути к мастерству для Таубер — в ее непосредственной отзывчивости, в ее очень глубоком напряженном лиризме, в той искренности и живости, которыми так несомненно ее стихи отмечены» (В. — 1935. — 25 июля).

Если в сб. «Одиночество» преобладали мотивы печали, разлада с миром («От счастия стихов не пишут»), то в сб. «Под сенью оливы» (Париж, 1948) и «Плечо с плечом» (Париж, 1955) зазвучали более жизнеутверждающие ноты. Преодолев былую замкнутость, Т. откликается на события совр. жизни. Она пишет о тяжести разлуки с любимыми во время второй мировой войны, во мн. стих. звучит тема России. «В отличие от большинства поэтов «незамеченного поколения» Екатерина Таубер в лежащих перед нами стихах на судьбу свою не жалуется («И вот опять плечо с плечом, / И снова жизнь прекрасна в малом»)» (Забежинский Г. // НЖ. — 1955. — № 42. — С. 302). Истоки оптимизма Т. критик находит в ее вере в «благодать и благость Божию». Г.Забежинский улавливает перекличку между нек-рыми стих. Т. и Р.М.Рильке, указывая при этом на оригинальность ее поэзии. «Голос у Таубер подчас наивно-трогательный, подчас беспощадно-точный, но чаще всего серьезный, вдумчивый и в то же время верующий — мало похож на голоса других живущих во Франции поэтов» (там же).

В 1973 Т. опубл. сб. стих. «Нездешний дом» (Мюнхен), а в 1984 — сб. «Верность» (Париж), в к-ром она собрала все, что считала лучшим в своей поэзии. Выход последней кн. был замечен критикой. Т.Фесенко силу поэзии Т. увидела в ее умении передать восприятие «простого мира дремлющих вещей», «наполняя свои стихи бытовыми черточками, делающими их чрезвычайно живыми» (НЖ. — 1985. — № 158. — С. 304). Ю.Кублановский, напоминая о том, что поэзию Т. признавали такие взыскат. ценители, как В.Ходасевич, И.Бунин, *З.Гиппиус*, что ее лирику печатали ведущие журн. рус. зарубежья, указывает на значительность ее духовных корней. «Поэзия Таубер глубоко и органично пропитана православным духом. В отличие от уже привычной нам современной лирики она вовсе не имморальна. Ее стихия — смирение, а не бунт, не самоутверждение» (Грани. — 1984. — № 131. — С. 291). А.Радашкевич проводит параллели между поэзией Т. и поэтами-романтиками прошлого столетия — Ленау, Эйхендорфом, а также находит в ней отклики романсной муз. Рахманинова и Танеева. «Главным мотивом творчества Е.Таубер можно полагать мимолетность сущего. Ее-то поэт и стремится запечатлеть...» «Верность» внушает сегодняшнему читателю острую ностальгию по той «былой России» Екатерины Таубер, которую он своими глазами никогда не видел» (РМ. — 1985. — 4 апр.). Стих. Т. печатались во мн. журн. (СЗ, РЗ, В, Грани). В периодике Т. публиковала рассказы («Чужие», «Возвращение», «У порога» и др.). Трудные пути рус. эмигрантов в Париже — гл. тема прозы Т. Не смягчая суровых условий жизни своих героев, писательница оставляет читателю надежду на то, что где-то, пусть за пределами рассказа, их участь может измениться к лучшему. Носителем этой надежды чаще всего оказывается персонаж, пытающийся внести гармонию в отношения окружающих, примирить их с жизнью.

Как лит. критик Т. предпочитала жанр рец. или небольшой ст., также написанной в связи с появлением в печати нового произв. К их числу относятся три работы о Б.Зайцеве (Грани. — 1957. — № 33; НЖ. — 1962. — № 67; НЖ. — 1969. — № 94), ст. «Неукротимая совесть: (О поэзии А.Ах-

матовой)». «С 1917 г., — писала Т., — Ахматова становится не только певцом личного, но и совестью России» (Грани. — 1963. — № 53. — С. 82). В ст. «Матренин двор» А.Солженицына и «Живые мощи» И.Тургенева» параллельный анализ этих произв. послужил для Т. средством высказать ее убеждение в незыблемости осн. ценностей рус. духовной культуры. В образе Матрены она видела «вечную душу России» (Грани. — 1964. — № 55. — С. 231), а само появление рассказа Солженицына в условиях тоталитарного гос-ва расценила как «ответ изверившимся, не видящим за ужасом и безобразием подлинного, вечного, сияющего образа России» (там же. — С. 229).

Лит.: Пильский П. Кн. стихов Екатерины Таубер. — Сегодня. — 1935. — № 146.
Нарциссов Б. Рец.: «Нездешний дом» // НЖ. — 1973. — № 113.
Шиманская А.С. Рец.: «Нездешний дом» // Современник. — 1974. — № 26/27.

Е.С.Померанцева

ТЕРАПИА́НО Юрий Константинович (9(21).X.1892, Керчь — 3.VII.1980, Ганьи, Париж) — поэт, критик, историк религии. В 1911 окончил Александровскую г-зию в Керчи и поступил на юрид. ф-т ун-та Св.Владимира (Киев), к-рый окончил в 1916. Ко времени пребывания в ун-те относятся первые лит. опыты Т. Большое влияние на Т. оказал киевск. поэт Владимир Маккавейский (1893-1920): влияние носило скорее личностный, нежели творч. характер. Одним из важнейших событий в жизни Т. была поездка в Персию (1913), встречи с зороастрийцами. В 1916 Т. был призван в армию, в 1917 окончил воен. уч-ще и в звании прапорщика начал службу в Москве, был направлен на юго-зап. фронт; в 1919 вступил в Добровольч. армию. В Киеве Т. принимал активное участие в деятельности объединения «ХЛАМ» (художники, литераторы, артисты, музыканты), где познакомился с О.Мандельштамом. В 1919 под ред. В.Маккавейского в Киеве вышел альм. «Гермес», где были напечатаны стихи Т., а во второй части опубл. два этюда Т.: «1. Гермес; 2. Метемпсихозы Сатаны». Весной 1920 Т. жил в Феодосии, где познакомился с М.Волошиным; когда началась эвакуация Добровольч. армии, Волошин передал Т. свою поэму «Святой Серафим», законченную в кон. 1919. Позднее Т. опубл. ее (НЖ. — 1963. — № 72).

Два года Т. провел в Константинополе, в 1922 переехал в Париж. В 1925 был одним из организаторов «Союза молодых писателей и поэтов» и стал его пред. Тогда же *В.Ходасевич* привлек его к сотрудничеству в газ. «Дни»; Т. стал также сотр. «ПН». Первая кн. стих. «Лучший звук» вышла в 1926 (Мюнхен). В отзыве на нее *Г.Струве* писал: «Терапиано уже нашел себя... Слова его тяжелые, веские и — о тяжелом и важном» (РМ. — 1927. — № 1. — С. 113). В.Ходасевич, положительно оценивая творчество Т. и его первый сб., подчеркивал, что Т. — «начинающий» (Дни. — 1926. — 27 июля). Высоко оценила сб. *З.Гиппиус*: «У Терапиано есть склонность к излишней торжественности; но это не значит, что он не чует и прелести простоты... Он смотрит назад, присматривается к тайнам древности, он увлечен Востоком» (ПН. — 1926. — 22 июля). Последнее замечание относится, очевидно, не к одним лишь стихам сб. «Лучший звук»; мн. произв. Т., написанные в 20-е, в его сб. не вошли; лишь в 1948 в сб. «Эстафета» (Париж) был опубл. цикл стих. «Египет», датированный 1920-ми. Возможно, эти пластичные, под сильным влиянием Н.Гумилева созд. стихи уже не казались Т. в более поздние годы «своими». Попав под влияние «парижской ноты», он все больше отказывается от стихов вообще. По свидет-ву *Яновского* (Яновский В.С. Поля Елисейские. — СПб., 1993. — С. 26), Т. был не только теософом, но и масоном. Будучи старше большинства «молодых парижан» по возрасту, он стремился занять роль «мэтра». В.Яновский пишет: «Терапиано стремился обучить их мастерству стихосложения — на свой салтык. Тень мэтра, строителя стихов, Гумилева, Брюсова не давала покоя Терапиано, и это тем более досадно, что, не касаясь его поэтического дара, шармом или магией он никак не обладал» (там же. — С. 198). Еще одно свидет-во в «Поэме без предмета» *В.Перелешина*: «Там анемичные стишки / о счастьи, остром до тоски, / превознесут терапианы» (Современник. — 1977. — № 35; песнь 1, строфа XXV).

Т. печатался как критик, писал в осн. о поэзии; его ст. и восп. собраны в вышедшей посм. в Париже кн. «Лит. жизнь рус. Парижа за полвека (1924-1974). Эссе. восп., ст.» / Сост. Герра Р., Глезер А. — Париж; Нью-Йорк, 1987.

Христ. тон второго сб. «Бессонница» (Берлин, 1935) определил отношение к нему *К.Мочульского*: «Стихи Терапиано — об одиночестве души современного человека, о ее затерянности в страшном и темном мире, богооставленности и безысходной муке» (СЗ. — 1935. — № 58. — С. 476-477). Отзыв В.Ходасевича, напротив, был очень резким: «Стихи Терапиано... написаны «гладко». По технике стоят они на уровне даже довольно высоком. Но их несчастье в том, что эта техника нигде, ни в едином пункте не добыта самим Терапиано... Ошибок против вкуса и слуха у Терапиано, кажется, нет. Но это потому, что кто ничего не делает, тот не ошибается... Все это тем более досадно, что от природы он не лишен дарования (оно ощущается хотя бы в его несомненном умении повторять чужое)» (В. — 1935. — 18 июля). В 1938 в Париже увидел свет третий сб. Т. «На ветру», на к-рый весьма положительно откликнулась *Н.Берберова* (СЗ. — 1938. — № 67). С.Осокин (*В.Андреев*) оценил кн. невысоко, выделив лишь цикл «Франц. поэты» (РЗ. — 1938. — № 10. — С. 193). *Г.Федотов* в ст. «О парижской поэзии» отмечал: «Немного странно даже, что и *Вяч.Иванов* нашел себе последователя в торжественной религиозной мистике Ю.Терапиано, от испарений которого начинаешь томиться по свежему воздуху» (Ковчег. — Нью-Йорк, 1942. — С. 196).

С 1946 Т. печатается в осн. изд. рус. зарубежья, по б.ч. как критик и мемуарист. В 1946 вышла мистич. пов. Т. «Путешествие в неизвестный край» (Париж). Итогом его изучения вост. философии и религии стала кн. «Маздеизм. Совр. последователи Зороастра» (Париж, 1968; М., 1993). Сб. стихов Т. «Странствие земное» вышел в Париже в 1951. В нем преобладает влияние Анненского и Тютчева. Кн. восп. Т. — «Встречи» вышла в Нью-Йорке в 1953. Она посв. впечатлениям от общения с *К.Бальмонтом*, В.Ходасевичем, *Б.Поплавским*; в нее включены два протокола заседаний «Зеленой лампы» З.Гиппиус и *Д.Мережковского*; вторая часть кн. посвящена размышлениям Т. о франц. поэзии, об опыте Баратынского и тайнах поэтич. иск-ва. В частных письмах к ред. «Мостов» Г.Андрееву (Хомякову) Т. высказал свое лит. «кредо»: «Я всегда стараюсь в перспективе равняться на общерусский, а не на какой-то «эмигрантский» или «парижский» уровень. Мы пишем — вот уже свыше 40 лет, в свободных странах, думая о будущей России и в надежде, что современная свободная русская литература («русская», а не «эмигрантская») туда дойдет. Кое-кто дошел, как мы уже знаем» (Письмо 18 дек. 1962, хранится у Е.Витковского). Т. составлена антология поэзии рус. зарубежья «Муза диаспоры. Избр. стихи заруб. поэтов. 1920-1960» (Франкфурт-на-М., 1960), однако около половины ведущих эмигр. поэтов в ней не представлены.

В 1963 в Вашингтоне появилась кн. Т. «Избр. стихи», куда вошли переработ. стихи из прежних сб-ков. Восторженно встретил кн. *И.Одоевцева*: «В нашей современной поэзии вряд ли найдется такой ответственный за каждую мысль и каждое слово поэт» (НЖ. — 1964. — № 76. — С. 272). В 1965 в Вашингтоне вышел последний сб. ст. Т. — «Паруса», о к-ром также очень тепло отозвалась И.Одоевцева (НЖ. - 1966. — № 82). В сб. интересны прежде всего «мемуарные стихи» — о Киеве и о Крыме. Последние годы Т. провел в «Рус. доме» (Ганьи, под Парижем), продолжая печатать критич. ст. в «РМ».

Лит.: Адамович Г. Рец.: «Лучший звук» // Звено. — 1926. — 27 июня.
Пильский П. Рец.: «Бессонница» // Сегодня. — 1935. — 12 марта.
Адамович Г. Рец.: «На ветру» // ПН. — 1938. — 8 сент.
Ходасевич В. Рец.: «На ветру» // В. — 1938. — 25 нояб.
Гуль Р. Рец.: «Встречи» // НЖ. — 1953. — № 32.
Рубисова Е. Рец.: «Избр. стихи» // Современник. — 1964. — № 10.
Горбов Я. Рец.: «Избр. стихи» // В. — 1967. — № 186.
Некрологи: Иваск Ю. // НЖ. — 1981. — № 144; Одоевцева И. // РМ. — 1980. — 17 июля.
+ Казак; Одоевцева; Струве.

Е.В.Витковский, В.В.Леонидов

ТОЛСТА́Я Александра Львовна (18(30).VI.1884, усадьба Ясная Поляна, Тульская губ. — 26.IX.1979, Валли Коттедж, Рокланд Каунти, штат Нью-Йорк,) — мемуарист, публицист, обществ. деятель.

Т. — младшая дочь, последний, двенадцатый ребенок Л.Н.Толстого — получила дом. образование под руководством лучших педагогов; с десяти лет ее учили англ., нем., франц. яз., муз., рисованию. С 16 лет она стала работать для отца, переписывая на машинке его рукописи. К 19 годам сближение с отцом, к-рый уже не мог без нее обходиться, любил вместе с ней работать и гулять, подолгу беседовать, становится еще более полным. Т. создала амбулаторию в Ясной Поляне, лечила больных, преподавала в местной школе. В семейной драме Толстых Т. полностью приняла сторону отца. Лишь мн. годы спустя она пересмотрела свое отношение к матери, когда пришла к выводу, что в основе драмы лежала нервная болезнь Софьи Андреевны. Т. была единств. из близких, посв. в тайну «ухода», знала о местопребывании отца, по его просьбе сразу приехала к нему и оставалась с ним до конца. Первой кн. Т. стала работа под назв. «Об уходе и смерти Л.Н.Толстого» (Толстой: Памятники творчества и жизни. — М., 1923. — Вып. 4). По завещанию Л.Толстой оставил ей все права на свои произв. В 1911 Т. вместе с В.Г.Чертковым выпустила «Посм. худож. произв. Л.Н.Толстого» в 3-х т. В 1914 Т. пошла на курсы сестер милосердия, сдала экзамены, получила направление на фронт. Там она присутствовала на операциях, ухаживала за умирающими и больными сыпным тифом; организовывала школы-столовые для детей беженцев и летучие санитарные отряды. Т. была награждена тремя Георгиевскими медалями за личное мужество и верность милосердию. В дек. 1917 она вернулась в Ясную Поляну, чтобы отдать себя делу увековечения памяти отца. Т. создает и возглавляет «Об-во изучения и распространения творений Л.Н.Толстого» (позднее Кооперативное т-во) с целью подг. первого полн. соб. соч. Л.Толстого. В Румянцевском музее, где хранились рукоп. писателя, написанные до 1880, в неотапливаемом здании был приведен в порядок и систематизирован архив, мн. произв. подготовлены к печати. Все это было использовано в дальнейшем при работе над 90-томным Полн. собр. соч. Толстого, к-рое планировалось выпустить к 1928 — столетию со дня рождения писателя. Для осуществления этой задачи произошло объединение с группой В.Г.Черткова, занимавшейся подг. произв., написанных Л.Толстым после 1880.

В марте 1920 Т. была арестована по делу подпольной полит. орг-ции «Тактич. центр». И хотя в показаниях участников утверждалось, что она ничего не знала о содержании собр., к-рые происходили в ее моск. квартире (она разрешила собираться у себя своим знакомым по Земскому союзу), Т. в авг. 1920 была приговорена Верховным ревтрибуналом (пред. Н.Крыленко) к трем годам заключения в лагере принудит. работ, устроенном в моск. Новоспасском монастыре. Она отбывает срок вместе с уголовными до амнистии 1921.

После выхода на свободу Т. видит свою гл. задачу в сохранении Ясной Поляны и превращении ее в заповедник, в культурно-просветит. центр, проникнутый толстовск. идеалами. Несмотря на казалось бы непреодолимые трудности, она исполняет обязанности хранителя Ясной Поляны, а с 1925 — дир. музея Толстого в Москве; хлопочет, пытаясь облегчить участь арестов. друзей. Благодаря ей начинает действовать реставриров. Дом-музей, Опытно-показат. станция, школа-памятник, проводятся экскурсии и читаются лекции. Но усиливающееся гос. вмешательство, препятствия, создаваемые местными руководителями, ужесточение политизации и антирелиг. пропаганды в Ясной Поляне делают невозможным для Т. исполнение ее обязанностей. Она, прошедшая пять арестов и лагерь, не в состоянии была помочь ни раскулачиваемым и высылаемым крестьянам, ни репрессиров. представителям рус. интеллигенции. Она принимает приглашение своих япон. друзей выступить с чтением лекций об отце и, получив разрешение Наркомпроса, осенью 1929 вместе с подругой О.П.Христианович и ее дочерью покидает Россию.

Этот послерев. период своей жизни Т. описала в кн. «Проблески во тьме» (Беркли, 1965; М., 1991). В рец. Б. Бровцын выделил два плана кн.: «художественный, в котором проходят перед нами встреченные автором люди той эпохи, и план политический, в котором выступают уже тогда самые неприглядные и жестокие стороны большевистского режима» (НЖ. — 1966. —

№ 84. — С. 268). Рецензент отметил, что на повествовании Т. несомненно сказывается влияние Л.Толстого: везде она «старается найти проблески добра», «и в художественных описаниях, и в оценках эпохи со многих страниц книги передаются автором, иногда наверное подсознательно, мысли, настроения и взгляды отца» (там же).

Сначала в Японии, а затем (с 1931) в США Т. использует любую возможность пропаганды взглядов Л.Толстого. Она читает лекции о его жизни, «уходе», смерти, его произв. и миропонимании, пишет восп., ст., из к-рых потом слагаются книги. Согласно заповедям отца, Т. стремилась жить просто, ближе к природе, вдали от городов, на фермах, занимаясь тяжелым крест. трудом. Приезжавшая к ней *Н.Берберова*, вспоминая известную фотографию дочери и ее великого отца, свидетельствовала: «Что-то еще оставалось в ней от той, в пенсне на цепочке, толстоносой, перетянутой широким поясом с огромной пряжкой» (Берберова Н. Курсив мой. — Т. 2. — С. 579).

Зарубежный период жизни описан Т. в очерках «Волшебная страна Япония» (НРС. — 1974. — 30 июня-29 дек.) и «Первые шаги в Америке» (НРС. — 1975. — 5 янв.-1 июня), вошедших в итоговую кн. «Дочь» (Лондон, шт. Онтарио, 1979; М., 1992), объединившую также восп. о России. Постепенно Т. узнавала американцев, бывала в их семьях, знакомилась с их детьми. «Люди на Западе казались мне проще, сердечнее, чем на Востоке. Мне было с ними легко и свободно, и отношение ко мне, где бы я ни говорила, было прекрасное. Принимали сердечно, интересовались Россией, аудитории были всегда переполнены» (с. 435).

В апр. 1939 в жизни Т. начался новый этап, связ. с организацией Толстовского фонда, занимающегося всеми русскими, нуждавшимися в помощи. В первом собр. приняли участие Т., бывш. рус. посол Б.А.Бахметев, С.В.Рахманинов, Б.В.Сергиевский, гр. С.В.Панина, проф. М.А.Ростовцев. Н.Берберова, переехав из Франции в США, вспоминала: «Первым человеком, которого хотелось увидеть и узнать, была А.Л.Толстая. Она тогда стояла во главе учреждения, перевозившего за американский счет «перемещенных лиц» из Германии и других стран в США, устраивавшего их на работу — грамотных и неграмотных, академиков, грузчиков, изобретателей и судомоев» (Берберова Н. Курсив мой. — Т. 2. — С. 578). На купленной за символич. сумму ферме, недалеко от Нью-Йорка, в Рокланд Каунти, были построены интернат для престарелых, больница для хронических больных, дет. дом., церковь, б-ка. Филиалы были открыты в Зап. Европе, на Бл. Востоке, в Юж. Африке. Деятельность фонда, встречи с Т. отражены в восп. А.Опульского (Об Александре Львовне Толстой // НЖ. — 1980. — № 140), Е.Фокскрофт (Моя встреча с А.Л.Толстой // НЖ. — 1980. — № 138), *А.Седых* («Милая дочь и друг»: 90-летие Александры Львовны Толстой // НЖ. — 1974. — № 115). Слова, вынесенные в назв. ст., были сказаны Л.Н.Толстым в письме от 22 апр. 1910. А.Седых писал: «Говорили мы больше о жизни, о ее смысле, о вере в Бога и служении людям, — в этих словах ключ житейской философии Александры Львовны, которая всю жизнь старалась людям служить. И, прежде всего, служить своему отцу» (с. 7). В своей ст. «О радости смерти» (НЖ. — 1975. — № 121) Т. задает вопрос о том, кончается ли наша жизнь со смертью нашего телесного существования, и отвечает на него отрицательно: «Я верю, что душа бессмертна, что человек не умирает, а переходит в какую-то новую, неизвестную нам жизнь» (с. 270).

До 26 лет Т. жила жизнью отца и видела в этом гл. цель своего существования. «Потеряв отца, — признавалась она, — я не знала, чем жить. После его смерти зияющая пустота. Все пропало! Разрушена была в доме капитальная стена! Все развалилось, и негде, нечем было жить! И трудно было что-то создать...» (с. 271). Гл. работой ее жизни стала монография «Отец. Жизнь Льва Толстого» (Нью-Йорк, 1953. — Т. 1-2; М., 1989), в к-рой док-ты, письма, тексты писателя используются наряду с восп. и личными впечатлениями Т. Кн. имела большой успех и была переведена на мн. яз. В жанре мемуаристики Т. сотрудничала с «СЗ», «НЖ», «В». Пробуя себя в худож. творчестве, опубл. часть ром. «Предрассветный туман» (НЖ. — 1942. — № 1-3), гл. герой к-рого Дмитрий Ртищев — тип рус. изгнанника, чье существование полно трагизма. 6 лет Т. трудилась над «Историями мирового беженства», к-рые не собиралась печатать при жизни. Откликнувшись на смерть Т., президент США Дж.Картер писал: «С ее смертью мы потеряли одну из

последних человеческих связей с великим веком русской культуры» (НЖ. — 1979. — № 137. — С. 194).

Изд.: Из восп. // СЗ. — 1931. — № 45-47; 1932. — № 48-50; 1933. — № 51-52.
Отрывки из восп. // СЗ. — 1934. — № 56; 1935. — № 57, 59; 1936. — № 60, 62.
Лев Николаевич // В. — 1951. — № 16.
Отец всегда все понимал: Отрывки восп. // В. — 1960. — № 107.

Лит.: Багратион-Мухранский Т.К. Некролог // НЖ. — 1979. — № 137.
Кторова А. Любимая дочь и друг // ЛО. — 1994. — № 1/2.
Хечинов Ю. Крутые дороги А.Толстой. — М., 1995.

Т.Г.Петрова

ТОЛСТО́Й Алексей Николаевич (29.XII.1882 (10.I.1883), Николаевск, Самарская губ. — 23.II.1945, Москва) — прозаик, драматург, публицист. Происходил из старинной, но обедневшей дворянской семьи. По линии матери, дет. писательницы А.Л.Бостром, родственник декабристу Н.И.Тургеневу. Дет. годы провел в имении своего отчима, А.А.Бострома, на хуторе Сосновка Самарской губ. Окончил в 1901 сызранское реальное уч-ще, учился в петерб. Технологич. ин-те (1901-07), но оставил его, не закончив. Лит. деятельность начал как поэт. В 1907 вышла первая кн. стих. «Лирика» (СПб.). Кн. «Сорочьи сказки» (СПб., 1910), «За синими реками» (М., 1911) навеяны увлечением автора фольклором. В 1908 в «Ниве» (№ 21) опубл. первое прозаич. произв. — рассказ «Старая башня». В раннем творчестве Т. выступил продолжателем традиций рус. классич. лит-ры, что было отмечено критикой (*А.Амфитеатров*, К.Чуковский). Угасающие дворянские гнезда, представители совр. дворянства, дворянские чудаки прошлого под пером Т. представали в иронич., а иногда в анекдотич. освещении. Мн. ранние произв. Т. увидели свет в журн. «Аполлон». В 1911-12 в изд-ве «Шиповник» вышли «Пов. и рассказы графа А.Н.Толстого» в 2 т. В 1913-18 в «Книгоизд-ве писателей в Москве» тремя изд. вышли 10 т. собр. соч. В годы первой мировой войны Т. был на фронте в качестве корр. газ. «Рус. вед.», в февр. 1915 с группой писателей посетил Англию и англ. войска на Зап. фронте. В рассказах, очерках, ст. тех лет он показывал страдания простых людей на войне.

Февр. революцию Т. приветствовал как «канун вселенского мира» («Из записной книжки» // Народоправство. — М., 1917. — № 1). В марте-апр. 1917, живя в Москве, принимал участие вместе с В.Я.Брюсовым в реорганизации издат. учреждений, был «назначен комиссаром по регистрации печати» (*Крандиевская-Толстая Н.В.* Воспоминания. — Л., 1977. — С. 129). Окт. события встретил в Москве и отнесся к ним крайне враждебно. В июле 1918, когда в Москве начался голод, Т. с семьей выехал в Одессу, откуда весной 1919 на пароходе Добровольч. флота переехал в Константинополь. Об этом путешествии он писал *И.Бунину*: «Что было перетерплено — не рассказать. Спали мы с детьми в сыром трюме с тифозными и по нас ползали вши. Два месяца сидели на собачьем острову в Мраморном море» (Бунин И.А. Третий Толстой // Бунин И.А. Восп. — Париж, 1950. — С. 227). В июле 1919 Т. удалось переехать в Париж, где он, поселившись на улице Ренуар, начал работу над первой частью трилогии «Хождение по мукам» — ром. «Сестры» (первые гл. в журн. «Грядущая Россия». — 1920. — № 1-2; отд. изд.: Берлин, 1922). По возвращении в СССР Т. приспособил текст ром. «к большевистским требованиям» (2-я ред. — Л., 1925), сделав его первой частью трилогии «о потерянной и возвращенной родине» (Предисл. Т. к изд.: «Хождение по мукам». — М., 1943. — С. 5). Бунин писал, что «все «белые» герои и героини романа вполне разочаровались в своих прежних чувствах и поступках и стали заядлыми «красными» (Бунин И. Восп. — С. 209). А.Левинсон писал о ром. Т.: «Есть в этом необыкновенном произведении черты весьма редкие в нашем повествовательном искусстве: действенность, стремительность и внезапность романа приключений» (ПН. — 1922. — 31 янв.). Критик отмечал «живую красоту сказа, силу и своеобычность словесного изображения», подчеркивал, что «цельность романа в единстве дикции рассказчика, в языке, в ритме повествования, резвом, увлекательном, с волнующими перебоями». В 1920 в париж. журн. «Зеленая палочка» (№ 2-6)

опубл. одно из лучших произв. Т. — «Пов. о мн. превосходных вещах. Детство Никиты» (отд. изд.: Берлин, 1922). «Главное качество повести, — писал И.С.Соколов-Микитов, — прекрасная простота и большая любовность. Вся книга зеленая и пахучая, как после дождя луг» (Новая рус. книга. — 1922. — № 5. — С. 5). В Париже были написаны рассказ «Необыкновенное приключение Никиты Рощина» (Париж, 1921), восп. о Н.Гумилеве (ПН. — 1921. — 23 и 25 окт.; переиздано в сб. Т. «Нисхождение и преображение», Берлин, 1922).

Летом 1921, живя в Бордо, в имении, купленном эмигрантами, Т. решает покинуть Францию и в окт. 1921 переезжает в Берлин, договорившись о сотрудничестве в сменовеховской газ. «Накануне». В Берлине Т. близко общался с *М.Горьким, А.Белым, Е.Замятиным, А.Ремизовым,* Б.Пильняком, *В.Шкловским,* И.Соколовым-Микитовым. В качестве зав. «Лит. прил. «Накануне» Т. привлек к сотрудничеству М.Горького, К.Федина, М.Булгакова, С.Есенина. В берлин. период написан фантастич. ром. «Аэлита» (Берлин; М., 1923), в к-ром, по отзыву *Л.Карсавина,* «Толстой впервые сумел уловить облик нынешнего русского человека, за нелепицами современного русского быта и русского коммунизма, обнаружить столь знакомые всем нам и столь родные черты: и подлинный пафос, и идеализм, и «сумасшедшинку» (СЗ. — 1923. — № 16. — С. 422). «Роман о полете на Марс получился интересный, захватывающий», — писал *И.Василевский* (Накануне. — 1923. — 23 мая). В то же время рецензент заметил, что Т. «землю все-таки знает несравненно лучше, чем иные планеты, и подлинно хорошо в романе только то, что касается языка и земного». В Берлине написаны также «Рукопись, найденная в мусоре под кроватью» (Берлин, 1923), «Краткое жизнеописание блаженного Нифонта. Пов. смутного времени» (Берлин, 1922), ст. об А.Блоке «Падший ангел» (Накануне. Лит. прил.— 1922. — 13 авг.). В февр. 1922 Т. побывал в Риге. 6 февр. в клубе писателей состоялось публичное чтение Т. его пьесы «Любовь — кн. золотая», написанной в 1919 (Берлин; М., 1922), о чем сообщала газ. «Римский курьер» (1922. — 7 февр.). «Как драматический рассказ, — отмечалось в газ., — «Любовь — книга золотая» написана с тем толстовским мастерством, к которому мы привыкли и которое пьянит в Толстом как густой, настоявшийся хмель». В спектакле Рижского т-ра рус. драмы 15 февр. 1922 Т. выступил в качестве актера — им сыграна роль Желтухина в его дорев. пьесе «Касатка» (М., 1916).

В апр. 1922 Т. получил письмо из Парижа от быв. главы белогвардейского «Сев. правительства» Н.В.Чайковского, в к-ром тот по поручению бюро К-та помощи писателям-эмигрантам требовал у Т. объяснений по поводу его сотрудничества в газ. «Накануне», что означало разрыв с эмиграцией и даже открытый переход на сторону большевист. власти. 14 апр. 1922 газ. опубл. «Открытое письмо Чайковскому», в к-ром Т. писал, что «в существующем ныне большевистском правительстве газета «Накануне» видит ту реальную — единственную в реальном плане — власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей» (перепечатано: Известия. — 1922. — 25 апр.; Рус. идея: В кругу... рус. зарубежья. — М., 1994. — Т. 1. — С. 81). «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам, — писал Т. — В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед» (там же.). 24 апр. 1922 Т. получил еще одно письмо из Парижа, от П.Н.Милюкова, в к-ром последний уведомлял Т. о несовместимости его пребывания в париж. Союзе рус. литераторов и журналистов с сотрудничеством в «Накануне». В ответном письме Т. просил более не считать его чл. Союза (см.: Петелин В.В. Судьба художника. Жизнь, личность, творчество А.Н.Толстого. — М., 1982. — С. 227-228).

В кон. мая 1923 Т. в качестве представителя газ. «Накануне» выехал в Москву; 30 мая моск. писатели и театр. деятели устроили ему торжеств. прием — этот эпизод впоследствии был изображен в «Театральном ром.» М.А.Булгакова, где в образе Измаила Александровича Бондаревского легко угадывается Т. В летние мес. 1923 Т. принял решение вернуться в СССР, о чем сообщил в ст. «Неск. слов перед отъездом» (Накануне. — 1923. — 27 июля): «Я уезжаю с семьей на родину, навсегда... Я еду на радость? О, нет: России предстоят нелегкие

времена». 1 авг. 1923 Т. приехал в Петроград.

В творчестве Т. сов. периода тема эмиграции предстает с просов. позиций и обретает в значит. мере развлекательно-бульварные или же агитационно-карикатурные очертания: «Убийство Антуана Риво (Парижские олеографии)» (Л., 1924), «Черная пятница» (Л., 1924), «Похождения Невзорова, или Ибикус» (Л., 1924), «Гиперболоид инженера Гарина» (Красная новь. — 1925. — № 7-9; 1926 — № 4-9), ром. «Эмигранты» (Черное золото)» (Новый мир. — 1931. — № 1-12), в к-ром люди эмиграции изображены в виде жуликов, полит. авантюристов, уголовных преступников. В публиц. ст. Т. писал об эмиграции в обличит. духе («Парижские тени» // Веч. Москва. — 1935. — 26 авг.).

По возвращении в СССР Т. пережил травлю со стороны деятелей РАПП, объявлявших его контррев. писателем, «красным» графом. Однако в 30-е Т. стал второй фигурой после М.Горького, занимал видное обществ. положение, являясь деп. Верх. Совета (1937), акад. АН СССР (1939). Т. четыре раза присуждалась Сталинская пр. Т. создал пов. «Хлеб (Оборона Царицына)» (М., 1937), пьесу «Путь к победе» (М., 1939), в к-рых на первый план выступает фигура Сталина. Апология сталинизма очевидна также и в изображении опричнины в драматич. дилогии «Иван Грозный» (М., 1942). В годы второй мировой войны Т. выступал с многочисл. патриотич. статьям. Гл. произв. Т. сов. периода — продолжение трилогии «Хождение по мукам»: ром. «Восемнадцатый год» (М.; Л., 1929), «Хмурое утро» (Л., 1941); ром. «Петр Первый» (Л., 1930, 2-е ред.: Л., 1938), оставшийся незаверш.; сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (Л., 1936), сб. «Рассказы Ивана Сударева» (М., 1942). При жизни Т. вышли Собр. соч.: В 15 т. — Л., 1927-1931; Собр. соч.: В 15 т. — М., 1929-1930; Собр. соч.: В 8 т. — Л., 1934-1936. Посм. изд.: Полн. собр. соч.: В 15 т. — М., 1946-1953; Собр. соч.: В 10 т. — М., 1982-1986. Архив Т. в Отделе рукоп. ИМЛИ (ф. 43).

Изд.: Собр. соч.: В 2-х т. — Берлин; М., 1923. — Т. 1-2.

Лит.: Цетлин М. Некролог // НЖ. — 1945. — № 10.

Тэффи Н.А. Алексей Толстой // НРС. — 1948 — 7 нояб.

Крымов Вл. А.Н.Толстой без ретуши // Мосты. — 1961. — № 7.

Восп. об А.Н.Толстом. Сб. — М., 1982.

Толстая М.А. Тихая музыка памяти // Нева. — 1987. — № 7-8.

Переписка А.Н.Толстого: В 2-х т. — М., 1989.

+ Анненков; Бахрах; Берберова; Бунин; Гуль; Казак; Рус. Берлин; Соколов; Струве.

А.П.Руднев

ТРУБЕЦКО́Й Николай Сергеевич (16(28).IV.1890, Москва — 25.VI.1938, Вена) — лингвист, филолог, культуролог, этнограф, историософ. Род. в семье философа кн. С.Н.Трубецкого, первого выборного ректора Моск. ун-та. В «Этнографич. обозр.» (1905. — № 2-3) появилась первая публ. Т. В 1908 окончил 5 моск. г-зию и поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та, окончил в 1912. В 1913-14 Т. учился в Лейциг. ун-те. В 1915 Т. стал приват-доцентом Моск. ун-та. Летом 1917 с научными целями отправился на Кавказ. В марте 1918 попал в Баку, болел тифом. В 1919 преподавал в Ростовск. ун-те. Выехал в Константинополь в дек. 1919.

Преподават. и научную деятельность Т. возобновил в 1920 в Софии. Его кн. «Европа и человечество» (София, 1920) положила начало евразийству. Принимал участие в сб. «Исход к Востоку» (София, 1921), «На путях» (Берлин, 1922), «Россия и латинство» (Берлин, 1923), «Евразийских временниках» и «Евразийских хрониках», «Верстах». Гл. идея «Европы и человечества» — отвержение эгоцентризма и эксцентризма и утверждение, что все народы и культуры равноценны. Т. призывал признать, что «европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества», разоблачал логич. несостоятельность «лестницы эволюции», созданной европейцами. Согласно этой теории, на высшую ступеньку ставились романо-германцы и те народы, к-рые восприняли их культуру; на низшие — представители человеч. рода, имеющие наименьшее сходство с совр. романо-германцами. Т. пересмотрел и традиц.

представление о прогрессе как поступат. движении вперед и противопоставил трактовку прогресса как реализацию разнообразия возможностей, заложенных в разл. культурах. Он ввел новый принцип качеств. несоизмеримости культур, утверждая, что культура развивается, исходя из собств. начал. В работе «Вавилонская башня и смешение языков» (Евразийский временник. — 1923. — № 3) Т., отрицая возможность общечеловеч. культуры, трактовал саму культуру как ист. непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и совр. поколений данной социальной среды, имеющий целью удовлетворение матер. или духовных потребностей данного социального целого. Культура России не есть ни культура европ., ни одна из азиатских, ни сумма или механич. сочетание из элементов той и др. Это совершенно особая, специфич. культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим ист. значением, чем европ. или азиатские. Т. протестовал против замены национализма государствопоклонством. По его мнению, истинный национализм всегда обращен к нац. культуре, в отличие от ложного, обращенного либо к нац. государственности при безразличном отношении к культуре, либо к навязыванию своей культуры и государственности другим. Истинный национализм, трактуемый как самопознание, Т. считал безусловно положительным. «Ложный» национализм — это отождествление нац. самобытности с др. культурными формами, переставшими осуществлять живую связь культуры с психикой ее носителей. К кон. 20-х Т. почти перестал печататься в евразийских изд., отдававших слишком много места политике.

Последние 16 лет своей жизни Т. провел в Вене, центре мировой славистики, куда переехал в кон. 1922 из Софии и где вскоре встал во главе каф. слав. филологии Венского ун-та. За эти годы Т. подготовил и прочитал мн. курсов по слав. языкам и лит-рам, лекции о Достоевском, Пушкине, Гоголе. Являясь одним из создателей фонологии, большинство своих работ в кон. 1920-х и в 1930-х посвящал лингвистич. проблемам. Т. первым обратился к проблемам лингвистич. географии. Он был скуп на печатные публ., предпочитая живое общение с коллегами и студентами; посещал семинар Н.П.Кондакова (Прага), Пражский лингвистич. кружок, к-рый стараниями Т. сделался центром мировой филологии; в 1930 был избран чл. Венской академии, а в 1933 — почетным чл. Финно-угорского об-ва. Участвовал в орг-ции 1 Междунар. конгресса лингвистов в Гааге (1928) и 1 Международ. съезда славистов в Праге (1929). Его доклады были заслушаны на III (Рим, 1933), IV (Копенгаген, 1936) конгрессах лингвистов. В зимнем семестре 1925-26 и в весеннем семестре 1928 Т. прочитал курс лекций по др.-рус. лит-ре в Венском ун-те (опубл. посмертно: Vorlesungen über die altrussische Literatur. — Firenze, 1973; по-рус. в кн.: «История. Культура. Язык». — М., 1995). Он, «влезая в душу» др-рус. читателя, связывал лит. процесс с менталитетом ср-векового человека. Др-рус. лит-ру Т. рассматривал в рамках всей цивилизации, унаследованной от Византии и развившейся на рус. почве. Разрушая миф о примитивности и варварстве Др. Руси, ученый утверждал, что нельзя отождествлять дошедшие до нас сокровищницы рукописей с лит-рой в целом. С тех же методологич. позиций, делая собственно лит. анализ, Т. подходит к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина (Версты. — 1926. — № 1). Он отказывается от изучения этого лит. памятника с т.з. культурно-ист., рассматривая стиль, язык, манеру, приемы изложения. С новыми приемами исследования, классификацией, терминологией Т. подошел к рус. частушке, которую ставил в ряд с эпиграммой, мадригалом и альбомным стих., «искусств.» поэзии («О метрике частушки» // Версты. — 1927. — № 2).

Курс о Достоевском Т. прочел в 1931-32 и в 1935-36, пытаясь отойти от биографии автора и его идеологич. установок (Dostoevskij als Künstler. — The Hague, 1964; по-рус.: НЖ. — 1957. — 1965. — № 48, 60, 61, 71, 77, 78; «История. Культура. Язык». — М., 1995). 15 дек. 1935 Т. сделал сообщение «Лит. развитие Л.Толстого» в Рус. объединении в Вене. Творчество и успех Толстого, утверждал он, были куплены ценой протеста против всего общепризнанного, копания в своей душевной жизни (опубл. по-рус. в кн.: N.S.Trubetzkoy's letters and notes. — The Hague; P., 1975). В 1937 он опубл. в Белградском пушкинском сб. ст. «К вопросу о стихе «Песен зап. славян» Пушкина», в к-рой показал, что народный

рус. колорит замещал собою для Пушкина славянский колорит.

Посмертно в Праге вышли на нем. яз. «Grundzüge der Phonologie» (1939). Этот труд завоевал себе широкое признание как классический, проложивший новые пути в науке о языке. Он издавался на нем. 7 раз (1939-1977), франц. — 5 (1949-1976), рус. (1960, 1973), англ. (1969), япон. (1980), итал. (1971), исп. (1973), польск. (1970) яз.

Т. видел угрозу для всей культуры в активизации фашизма. После аншлюса Австрии гитлеровцы начали гонения на всю рус. эмиграцию. К Т. были особые претензии. В 1935 он опубл. ст. «О расизме» (Евразийские тетради. — Париж, 1935. — № 5), полную уважения к нац. своеобразию каждого народа. Тяжело больной ученый находился в больнице, когда гестапо устроило обыск в его кабинете дома и в ун-те. Значит. часть рукоп., в том числе и неоконч. «Опыт праистории славян. языков», при обыске была изъята, а в дальнейшем утеряна или уничтожена. Т. предполагал переезд в США, однако скончался в больнице.

В некрологе *Д.Чижевский* писал, что этот ученый создал свою школу. В области истории лит-ры он напечатал немного, и наиб. полно высказал свои взгляды по проблемам истории рус. стиха. Но устные выступления давали «с поразительной четкостью совершенно новое освещение известного материала,.. которое само собою подводило слушателя к целому ряду дальнейших обобщений». «Нельзя сомневаться в том, что с Трубецким историки языковедения будут начинать новый период» (СЗ. — 1939. — № 68).

Изд.: Наследие Чингисхана: Взгляд на рус. историю не с Запада, а с Востока. — Берлин, 1925.
К проблеме рус. самопознания. Собр. ст. — Париж, 1927.
Die russischen Dichter des 18. und 19. Jahrhunderts. — Graz, 1956.
Избр. труды по филологии. — М., 1987.

Лит.: Клейнер Ю.А. Н.С.Трубецкой: Биография и научные взгляды // Языкознание. — Вильнюс, 1985. — Т. 35(3).
Нерознак В.П. Слово о Н.С.Трубецком: К 100-летию со дня рождения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1990. — № 2.
Топоров В.Н. Н.С.Трубецкой — ученый, мыслитель, человек // Сов. славяноведение. — 1990. — № 6; 1991. — № 1.
Соболев А. Князь Н.С.Трубецкой и евразийство // Лит. учеба. — 1991. — № 6.
Н.С.Трубецкой и совр. филология / Ред. Толстой Н.И. — М., 1993.
Бочарова З.С. Николай Трубецкой // Утро России. — 1995. — 27 июля — 2 авг.
+ РФР.

З.С.Бочарова

ТУРИ́НЦЕВ Александр Александрович (15(27).IV.1896, Пушкино, Московск. губ. — 25.XII.1984, Париж) — поэт, критик. Род. в семье лесничего Удельного ведомства, уроженца Гродненской губ. Александра Александровича Туринцева. Мать — Анна Лукинична, урожд. Полякова. В 1914 окончил владимирскую г-зию. С 1919 жил в Варшаве. Участник лит. кружка «Таверна поэтов». В 1922 перебрался в Прагу, где в 1924 окончил Рус. юрид. ф-т (1924). Участник пражского кружка «Скит». Печатался в журн. «Воля России», «Своими путями», «Студенч. годы», «Записки наблюдателя», «Версты», в газ. «Дни», «ПН», «За свободу!» и др. Автор ст. «Поэзия современной России» (Своими путями. — 1925. — № 6/7). В кон. 20-х уехал в Париж, где в 1931 закончил Богословский ин-т и постепенно отошел от лит-ры. В 1939 женился на Татьяне Викторовне Милобендзской (1913-1950). В 1949 принял священство в Рус. правосл. патриаршей церкви. Был настоятелем рус. церкви в Париже. В 1970-е и 1980-е неоднократно приездал в Москву. Умер в чине протоиерея. Похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа.

Изд.: О рус. писателях в эмиграции // Своими путями. — 1926. — № 10/11.
О новой русской литературе // Годы. — Прага, 1926. — № 24.

В.П.Нечаев

ТУРОВЕ́РОВ Николай Николаевич (18(30).III.1899, станица Старочеркасская, область Войска Донского — 23.IX.1972, Париж) — поэт, коллекционер книг и гра-

вюр по истории казачества и рус. оружия, организатор выставок по воен. истории России. Род. в казачьей семье. Отец был юристом. Т. окончил реальное уч-ще, а затем поступил на службу в л.-гв. атаманский полк, где получил чин хорунжего. С 17 лет на войне. Первая мировая, потом гражд. война, и осенью 1920 Т. покинул Крым вместе с остатками Донского корпуса на одном из последних пароходов. Затем — Сербия, где Т. рубил лес и работал мукомолом, а в 1922 (?) с большим трудом перебрался в Париж. Стихи начал писать в юности, его однополчане, а затем эмигранты зачитывались строфами молодого казака, писавшего о донских степях, казачьей жизни и трагедии Белого дела. Во Франции Т. учился в Сорбонне, ночами грузил вагоны. В Париже начал свою деятельность по созданию казачьих и военно-ист. объединений и выставок.

Первый сб. стихов Т. «Путь» вышел в Париже в 1928. В нем простым и ясным языком рассказывалось о Доне, о «Добровольч. Голгофе», о гражд. войне и жизни казаков в эмиграции: «О милом крае, о родимом, / Звенела песня казака / И гнал, и рвал над белым Крымом / Морозный ветер облака» (с. 27). «Искрился лед отсветом блеска / Коротких вспышек батарей / И от Днепра до Геническа / Стояло зарево огней» (с. 41). Строки Т., посв. картинам родных мест, красочны и конкретны: «Темнее стал за речкой ельник. / Весь в серебре синеет сад, / И над селом зажег сочельник / Зеленый медленный закат» (с. 8). Стихи Т. приобрели большую популярность в казачьих и воен. кругах рус. эмиграции. Несмотря на явную тематич. и яз. отдаленность молодого поэта от поэтич. «Рус. Монпарнаса» и стиля «парижской ноты» и «Перекрестка», лит. критика отметила выход его первой кн. «Важно то, что у молодого поэта есть что сказать своего и что он находит часто свои образы, свои рифмы и свои темы. В «казачьих» стихах Туроверова приятно чувствуется укорененность в родной почве... Его строки написаны настоящим поэтом», — писал *Г.Струве* (Россия. — 1928. — 14 апр.). *Г.Адамович* также дал вполне лестный отзыв: «Это неплохие стихи. Мы даже решительно предпочтем их многим стихам более литературным... У Туроверова могут найтись читатели и поклонники, потому что в стихах своих он действительно что-то «выражает», а не придумывает слов для выдуманных мыслей и чувств» (Звено. — 1928. — № 5. — С. 281).

Т. был одним из инициаторов возобновления деятельности музея лейб-гвардии атаманского полка, вывезенного казаками из Петрограда, создания «Об-ва ревнителей рус. военной старины», кружка казаков-литераторов; он организовал в Париже выставки «Казаки», «Суворов», «1812 год». Большую роль в жизни поэта сыграли близкие отношения с зам. воен. атташе России во Фрации, изв. библиофилом, ген. Д.И.Ознобишиным. Одно время Т. был хранителем его б-ки в Аньере и описал ее («Книжное собрание Д.И.Ознобишина и его суворовский отдел» // Временник Об-ва друзей рус. кн. — Париж, 1938. — Вып. 4).

Второй сб. Т. «Стихи» вышел в Безансоне в 1937. В нем те же мотивы, но все больше слышится усталость и безнадежность: «И растет и ждет ли наша смена, / Чтобы вновь в февральскую пургу, / Дети шли в сугробах по колена / Умирать на розовом снегу» (с. 21). Эта кн. также привлекла к себе внимание. Снова Т. высоко оценил Адамович: «Его стихи полны точных и метких определений. Он не устает описывать свою суровую, «жестокую» юность с тусклoватым блеском погона на «хрупких плечах», но рассказы с размышлениями его никогда не сбиваются на исповедь. Стихи ясны и просты хорошей, неподдельной прямотой, лишенной нарочитого упрощения» (ПН. — 1937. — 28 окт.). Гораздо более строг был *В.Ходасевич*. Откликаясь на выход кн. Т. и сб. стихов Н.Снесаревой-Казаковой «Рыцари белого ордена» (Прага, 1937), он писал: «Их поэзия движима патриотизмом, отчетливо окрашенным в цвета белой армии. К сожалению, в чисто поэтическом смысле и тот, и другая идут слишком протоpенными путями. Стихи их добротны (у Туроверова — всегда, у Снесаревой-Казаковой с некоторыми промахами), но не обнаруживают самостоятельной работы» (В. — 1938. — 20 июня). Критически был настроен и *Ю.Мандельштам*. Говоря о хороших отзывах в прессе на выход этой кн. Т., он заметил: «Отмечалась, наконец, приверженность Туроверова к одной теме, одержимость ею: почти все его стихи — о России. Последнее обстоятельство, однако, не представляется мне достоинством Туроверова. Конечно, безграничная его любовь к

родине и та искренность, с которой она выражается, трогают и радуют. Но дело в том, что единство этих стихов не столько тематическое, сколько сюжетное — и поэтому граничит с однообразием. Вообще для меня сомнительно, что тема России — тема Туроверовская. Его талант, по-моему, не направлен, Туроверов работает как бы вслепую, делает не свое дело» (Журнал содружества. — 1938. — № 4. — С. 21). *Ю.Терапиано* отметил второй сб. Т. как кн. поэта «талантливого и несомненно одаренного» (Круг. — 1938. — № 3. — С. 175).

В 1939 в Безансоне выходит третий сб. Т. под тем же назв. «Стихи». Оценивая его, критик С.Осокин (*В.Андреев*) писал: «Если бы Туроверов, одаренный очень редкой в наши дни способностью свободно и легко писать стихи, — пишет, как на коньках катается, — был менее самоуверен и меньше выставлял напоказ свою казачью удаль...» (РЗ. — 1939. — № 17). В том же 1939 кружок казаков-литераторов выпустил в свет в Париже «Казачий альм.», где, наряду со стихами Т., была опубл. его большая ст. «Казаки в изображении рус. художников». В 1942 Т. сумел издать четвертую кн. «Стихи». Там выделяются строфы о гражд. войне, об исходе 1920: «Уходили мы из Крыма / Среди дыма и огня; / Я с кормы все время мимо / В своего стрелял коня» (с. 13). В то же время поэт обращается к эпич. мотивам, к истории, память о к-рой поможет пережить еще одну смуту. «Как в страшное время Батыя, / Опять породнимся с огнем, / Но, войско, тебе не впервые / Прощаться с родным куренем» (с. 17). В этой же кн. опубл. стихи из цикла «Африка», к-рый впоследствии, дополнив рядом новых произв., Т. назовет «Легион»: «Над полумесяцем сияла / Магометанская звезда / Ты этим вечером плясала, / Как не плясала никогда» (с. 54).

Войну Т. провел в составе Иностр. легиона. Вернувшись в Париж, поэт в 1945 издает небольшой брошюрой, с илл. П.Полякова, свою маленькую поэму «Сирко» — былинную легенду об атамане, чья отрубленная кисть веками была реликвией для казаков. В конце войны до Т. дошли сведения, что его родители погибли в сталинских лагерях.

После войны Т. работал в банке, публиковал стихи в «Гранях», «НЖ»; почти все они вошли в его пятую кн. «Стихи» (Париж, 1965). В нее включено и большинство стих. из предыдущих сб., а также мн. новых, где подводится итог прожитым годам: «Ты прожил жизнь чудесную. Уже / Пора домой, в родные степи, / Рожденному на рубеже / Великолепнейших столетий» (с. 203). Порой поэт думал о бесполезности всего сделанного: «У отцов свои преданья / У отцов свои грехи: / Недостроенные здания, / Непрочтенные стихи. / И ни в чем уже не каясь, / Лоб крестя иль не крестя, / Подрастает, озираясь, / Эмигрантское дитя» (с. 207). Т. умер в парижском госпитале Ларибуазьер. Похоронен на рус. кладб. Сент-Женевьев-де-Буа.

Изд.: Конец Суворова // НЖ. — 1960. — № 2.
Стихи // НЖ. — 1968. — № 91.
Стихи // В. — 1971. — № 230.
Стихи // РЛ. — 1989. — № 3.
Стихи // Казачий круг. — 1991. — № 1.
Стихи // Новая юность. — 1993. — № 3.
Стихи / Предисл. Леонидова В. — М., 1995.

Лит.: Станюкович Н. Николай Туроверов — баян казачества // В. — 1956. — № 60.
Терапиано Ю. Памяти Н.Н.Туроверова // РМ. — 1972. — 26 окт.

В.В.Леонидов

ТХОРЖЕ́ВСКИЙ Иван Иванович (1878, Ростов-на-Дону — 1951, Париж) — переводчик, лит-вед, поэт. Род. в семье с давними лит. традициями. Его отец Иван Феликсович (1843-1910) и мать Александра Александровна (1855-1933) — поэты-переводчики, нередко печатавшиеся под общим псевд. Иван-да-Марья. Дедом Т. по материнской линии был писатель А.И.Пальм (1823-1885).

В 1901 закончил Петерб. ун-т и был оставлен на каф. рус. гос. права для подготовки к проф. званию. В этом же году в Петербурге вышла его первая кн. пер. «Стихи философа» франц. философа Жана-Мари-Гюйо (1854-1888). Впоследствии именно филос. поэзия привлекала внимание Т. В 1901 он был приглашен на работу в канцелярию К-та министров и на мн. годы оказался «у самых верхов» рос. политики. Отрывки из его мемуаров, посв. гос. деятель-

ности, общению с Витте, Столыпиным и др. были опубл. С.С.Тхоржевским: «Последний Петербург. Из воспоминаний камергера» (Нева. — 1991. — № 4-10; 1992. — № 1). В 1906 в Петербурге Т. выпустил вторую кн. переводов «Tristia. Из новейшей франц. лирики», где им были представлены стих. Верлена, Метерлинка, Верхарна. В 1908 Т. совершил путешествие на Кавказ и там как пом. нач. переселенч. управления изучал возможности переселения в эти края рус. безземельного населения. В 1908 в пер. Т. вышла в Петербурге кн. стихов итал. поэта Дж.Леопарди «Песни и отрывки» и увидел свет первый сб. стихов самого Т. «Облака», оставшийся совершенно незамеченным. Энергия Т., совмещавшего гос. работу с трудом переводчика, была поразительной. В 1914 в Петербурге под ред. Т. был опубл. ист.-статистич. труд «Азиатская Россия», а в 1916 вышел второй сб. стихов Т. «Дань солнцу».

В 1920 Т. принимал участие в правительстве ген. Врангеля, а затем перебрался в Париж, где в 1925 вышла кн. его пер. первого лауреата Нобелевской пр. по лит-ре франц. поэта Сюлли Прюдома «Правда». В предисл. к ней Т. писал: «Несчастная для Родины война и, следом за ней, Коммуна. Сюлли-Прюдом пережил это так же, как и мы... Тогда кровавая буря пронеслась быстро. Но попасть в прежнюю душевную колею и тогда оказалось немыслимым» (с. 7). Этапом в жизни Т. стал выход в свет его пер. «Четверостиший» Омара Хайяма (Париж, 1928). Нек-рые претензии к этой кн. предъявил *В.Набоков*. Он отметил вторичность труда Т., сделанного на основе предыдущего пер. Хайяма, осуществленного англичанином Э.Фицджералдом (1809-1883). «Едва ли, однако, правильной является система русского переводчика Ивана Тхоржевского... Берясь за стихи Фиц-Джералда, он переводит, в сущности говоря, не персидского, а самобытнейшего английского поэта... Получилась, таким образом, сложнейшая комбинация скрещивающихся переводов... Если не обращать внимание на весь этот сумбур «источников», а просто читать эти робай'и как стихи хорошего русского поэта, то часто поражаешься их изяществу, точности определений» (Омар Хайям в пер. Ив. Тхоржевского // Набоков В. Рассказы. Приглашение на казнь. Эссе, интервью, рецензии. — М., 1989. — С. 363). Эта работа Т. имела, однако, большую популярность и была частично включена в кн. Хайяма «Рубаи» (М., 1961) и целиком в труд Г.Гулиа «Сказание об Омаре Хайяме» (М., 1975).

В 1930 в Париже вышла вторая кн. пер. Т. «Новые поэты Франции». Здесь впервые на рус. яз. опубл. стихи Пруста и Лотреамона. К предстоящему столетию со дня смерти Гете Т. перевел его «Зап.-восточный диван». «Мне хотелось... передать на русский язык именно живую, а не антикварную прелесть «Дивана», дать русскому читателю просто интересную до сих пор книгу, не загромождая ее чрезмерно примечаниями и комментариями; сохранить в переводе могучее и свободное дыхание подлинника», — писал Т. в предисл. (Гете. Диван. — Париж, 1931. — С. 6). Т. часто публиковал свои пер. в газ. «В», принимал активное участие в лит. и обществ. жизни рус. Парижа. «Слишком он был и жив, и остр, и жизнелюбив, горяч, непоседлив. Легко и быстро увлекался. Думаю, больше всего тянула его к себе сама жизнь — в ее формах прельстительных: любовь, искусство, даже азарт игры», — вспоминал *Б.Зайцев* (В. — 1951. — № 15. — С. 174).

В войну и оккупацию Т. с головой ушел в работу над кн. «Рус. лит-ра», к-рая вышла в 2-х т. в 1946 (Париж). «Получилась огромная, очень занятно написанная книга очерков по русской литературе, начиная от Нестора летописца и кончая живущими еще» (Зайцев Б.К. // Там же. — С. 175). «Рус. лит-ра» Т. получила резкую критику за субъективизм в оценке писателей. Яростным был отзыв *И.Бунина*. «Ивана Тхоржевского, доныне нам известного только в качестве многолетнего сотрудника газеты «Возрождение» по части плохих переводов разных иностранных поэтов», Бунин обвинил в полном отсутствии такта и вкуса. «А насколько он смел и развязен, как «критически пересматривает», категорически характеризует, венчает и развенчивает, казнит и милует писателей» (Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1967. — Т. 9. — С. 471, 473). Бунин заявил, что он защищал от оценок Т. не только себя, но и др. писателей. *Г.Струве* тоже был не слишком расположен к труду Т.: «Автор — не историк литературы, а любитель, и книга его не является «историей» в настоящем смысле слова. Для этого она слишком

субъективна и импрессионистична и слишком много в ней спорных и просто неверных суждений» (НЖ. — 1948. — № 18. — С. 342).

Благодаря энергии Т. был начат в 1949 выпуск журн. «В», и первые несколько тетрадей выходили с им. Т. в составе редколлегии. Но Т. заболел и принять участие в дальнейшей работе над журн. не смог. Уже после его смерти появилась рец. *Ф.Степуна*, где положительно оценивалась «Рус. лит-ра» Т. «Книга богата по содержанию, жива по языку и мысли, и читается с неослабным интересом» (В. — 1952. — № 20. — С. 171). Второе издание «Рус. лит-ры» вышло в 1950. Архив Т. хранится у его сына Георгия в Женеве.

Изд.: Полонский. К 50-летию со дня смерти // В. — 1949. — № 1.
Пушкинская речь Достоевского // В. — 1949. — № 3.
Художник-маловер: Тургенев // В. — 1958. — № 77.
Николай Васильевич Гоголь // В. — 1959. — № 87.

Лит.: Д.Оз. Рец.: «Омар Хайям. Четверостишия» // Звено. — 1928. — № 6.
[Терапиано Ю.] Рец.: «Омар Хайям. Четверостишия» // Новый корабль. — 1928. — № 4.
Расловлев М. Иван Иванович Тхоржевский и десятилетие тетрадей «Возрождение» // В. — 1959. — № 85.
Хижняк М. «Планета, равная солнцу» // Лит. учеба. — 1990. — № 6.
Ворожейкина З., Шахвердов А. Сотворение рус. рубаи: И.Тхоржевский — переводчик и интерпретатор Омара Хайама // ВЛ. — 1992. — Вып. 3.

В.В.Леонидов

ТЫРКО́ВА-ВИ́ЛЬЯМС Ариадна Владимировна (14(26).XI.1869, Петербург — 12.I.1962, Вашингтон) — прозаик, публицист, критик, обществ. деятель. Происходила из древнего новгородского рода. Отец — мировой судья. Большое влияние на формирование личности Т.-В. оказала ее мать, увлекавшаяся живописью. В 1881 Т.-В. исключена из г-зии за «худое влияние на учениц». Причиной стало участие ее брата Аркадия в деле цареубийства. Сдав экзамены за курс г-зии, Т.-В. поступила в 1888 на Высшие жен. курсы в Петербурге. В ноябре венчается с Альфредом Борманом, корабельным инженером из петерб. нем. купеч. семьи. Через семь лет они развелись.

Начала печататься в 1897 под псевд. А.Вергежский (Вергежа — родовое имение Тырковых на реке Волхов в Новгор. губ., где прошло детство Т.-В.). С 1904 публикуется под своей фам. Впервые арестована осенью 1903 за распространение в Финляндии журн. *П.Струве* «Освобождение». После суда — побег через Финляндию в Штутгарт, где в ред. «Освобождения» она познакомилась с молодым новозеландцем Гарольдом Вильямсом, корр. лондонск. «Таймс», ставшим в дальнейшем ее мужем. Прожив два года в Париже, Т.-В. после помилования в окт. 1905 вернулась в Петербург, где приняла участие в орг-ции партии кадетов и вошла в первый состав ее ЦК; до 1917 оставалась единств. женщиной в высшем органе этой партии. Т.-В. чл. I Гос. думы. Печатается в «Вестн. Европы», «Рус. мысли», «Ниве». Осенью 1911 вместе с Г.Вильямсом, получившим назначение корр. «Морнинг пост», уезжает в Константинополь. Вернувшись в Россию, Т.-В. занимает руководящее место в газ. «Рус. молва» (СПб., 1912-13).

Большевист. переворот встретила отрицательно. Разгон Учредит. собрания и убийство Кокошкина и Шингарева определили ее отъезд из России в марте 1918 вместе с Г.Вильямсом (через Мурманск как брит. подданных). По свидет-ву сына писательницы Аркадия Бормана (ее биографа), Т.-В. и ее муж видели в большевизме «мировое зло, угрозу для всего мира». Они считали, «что об этой опасности необходимо все время говорить и предостерегать, что с ней прежде всего необходимо справиться в России. Они были убеждены, что необходимо уговорить союзников в оказании активной помощи тем силам, которые борются против советского режима» (Борман А. А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и восп. сына. — Лувен; Вашингтон, 1964. — С. 157). В Лондоне Т.-В. благодаря связям мужа общается с видными полит. деятелями Великобритании. С осени 1918 она регулярно публикует мат-лы о России в амер. газ. «Christian Science Monitor» (Бостон). Весной 1919 в изд-ве Макмиллана вышла

документ. кн. Т.-В. «From liberty to Brest-Litovsk: The first year of Russian revolution» (L., 1919), явившаяся обвинит. актом рев. демократии, доведшей Россию до большевиков. В предисл. к кн. Т.-В. писала: «Социалисты сделали из моего отечества огромное опытное поле для своих догм и теорий. Я верю, что лучшие из них искренне хотели дать счастье трудящимся массам. Их побуждали к действиям догматические иллюзии интернационала... И по этим соображениям, как бы ни была горька правда о Русской Революции, я чувствовала, что у нас должно хватить мужества сказать правду» (Борман А. — С. 161). В янв.-февр. 1919 Т.-В. выступила одним из организаторов созд. в Лондоне К-та Освобождения России, в руководство к-рого вошли Т.-В., Г.Вильямс, П.Струве, П.Милюков и др.

Летом 1919 Т.-В. и ее муж, корр. газ. «Таймс», возвращаются в Россию, став свидетелями разгрома Белой армии на Юге. В 1920 они уезжают в Европу через Константинополь. С авг. 1921 Т.-В. редактирует журн. «Russian life» на средства рус. фондов, к-рыми располагал Совет послов в Париже. В Лондоне Т.-В. основала Об-во помощи рус. беженцам, пред. к-рого являлась более двадцати лет. Она организует платные лекции *Бунина*, Деникина, *о. Сергея Булгакова*, Карташева и др. Совм. с Г.Вильямсом пишет ром. «Hosts of darkness» (L., 1921). Рус. вариант ром. — «Василиса Премудрая» не был издан.

Т.-В. автор двухтомной биогр. Пушкина, над к-рой она работала с 1918. Первый том «Жизнь Пушкина» (Париж, 1929) охватывает период до возвращения поэта из юж. ссылки. Кн. вызвала положит. отклики. А.Никольский писал в белградск. «Новом времени»: «Солидный труд г-жи А.Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина» принадлежит к числу выдающихся по добросовестности исследований, любви к предмету и тщательности научной обработки... Это есть прекрасное художественное научное воскресение перед нами нашей национальной гордости, поэта и человека — Пушкина» (1929. — 19 июля). На кн. откликнулись В.П.Рябушинский, *Саша Черный*, *Борис Григорьев* и др. Работа над вторым томом была прервана смертью мужа 18 ноябр. 1928, и след. четыре года она пишет кн. о Гарольде Вильямсе «Cheerful giver: The life of H.Williams, by his wife» (L., 1935). «Главное написать две книги», — сообщала она сыну А.Борману 2 июня 1929 — т.е. второй том о Пушкине и кн. о Гарольде Васильевиче Вильямсе. Второй том монографии о Пушкине вышел в Париже в 1948. Печаталась в «В», «Руле», «Сегодня». С дек. 1939 Т.-В. живет с семьей сына в Медоне, в 1941 переезжает в Гренобль. В марте 1943 интернирована немцами как брит. подданная.

В первые годы войны Германии с Россией считает, что рус. эмиграция не должна поддерживать Гитлера, а после наступившего перелома в пользу СССР констатировала, что преступная политика Гитлера укрепила большевист. режим. В 1948 в ст. «По-Божески» Т.-В. писала, размышляя о будущем устройстве России: «В основу всей преобразовательной работы должно лечь возрождение и раскрепощение духовных народных сил. Исполнителей надо искать среди тех, кто хочет и умеет жить по-Божески. Я верю, что несмотря на все усилия большевиков дехристианизировать Россию, таких людей там много. Верю, что близится время» (Борман А. — С. 295-296). Т.-В. борется против выдачи депортиров. граждан сов. правительству. 6 июля 1946 обращается к *А.Толстой* за содействием в переправе беженцев и депортированных за океан: «Задача состоит в том, чтобы добиться для русских Д.П. внимательного к ним отношения» (Борман А. — С. 298). Ее усилиями в Париже был создан К-т помощи депортированным.

Последние одиннадцать лет жизни Т.-В. прожила с семьей сына в США — в Нью-Йорке, потом в Вашингтоне. С ее помощью в Нью-Йорке был создан Рос. полит. к-т — пред. Б.В.Сергиевский, вице-пред. А.Л.Толстая и Т.-В. Активно сотрудничает в «НРС», «РМ» и «В», мучительно размышляет об ист. судьбах России. В ст. «Далекие голоса (Россия и Европа)» (В. — 1954. — № 33) осуждает Чаадаева и Блока, «накликавших», как она считала, «черные силы на Россию»: «Сильная русская государственность воспитывалась и росла на основе православия. В нем исторические корни нашей народной жизни. Оттого народ наш имеет право считать себя членом большой европейской семьи, а поработивших его коммунистов надо отнести к не помнящим родства интернационалистам, у которых, как они сами говорят, нет отече-

ства. На сомнение — можно ли причислить Россию к Европе — ответ простой: конечно, можно, но к Европе не Карла Маркса, а Иисуса Христа» (Борман А. — С. 313). В эти годы выходят два тома восп. Т.-В. «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952) и «То, чего больше не будет: Из семейной хроники» (Париж, 1954). Третий том «Подъем и крушение. 1914-1918 гг.» печатался в «В» (1956. — № 51-57; 1957. — № 74; 1958. — № 82). Последняя кн., над к-рой работала Т.-В., посв. рус. фольклору. В 1958 в «В» была опубл. серия ст. под загл. «В мире чудесного» из этой неизд. кн. Познакомившись с Т.-В. уже в Америке, критик Б.Филиппов писал: «Красивая, спокойная, волевая, умная и все замечающая, с цепким взглядом и умом, она не сидела, а восседала в кресле, нет, лучше и сказать по-старинке: в креслах — но во всем облике ее не было ничего археологического, была непринужденная свобода, была воплощенная традиционность, роднящая наше время с временами Пушкина и Екатерины, Достоевского и начала века. Да она, Ариадна Владимировна, подростком знавала Достоевского — встречалась с ним. Встречалась с Гончаровым, — и была для нас каким-то живым соединительным звеном, живой и мертвой водой русской культурной традиции, соединяющей Достоевского с Заболоцким и Пастернаком, и нас, говорящих с нею и слушающих ее рассказы и воспоминания, с эпохой величайшего напряжения нашей культуры: с временем Достоевского и Толстого» («На путях к свободе». — С. 436).

Лит.: Бродский Б. Рец.: «Жизнь Пушкина» // Руль. — 1929. — 30 нояб.

Пильский П. Рец.: «Жизнь Пушкина» // Сегодня. — 1929. — 2 июня.

Раевский Г. Рец.: «Жизнь Пушкина» // В. — 1929. — 18 апр.

Письма И.А.Бунина к А.В.Тырковой-Вильямс // Минувшее. — М.; СПб., 1993. — Вып. 15.

С.А.Коваленко

ТЭ́ФФИ Надежда Александровна (урожд. Лохвицкая, в замужестве Бучинская; 27.IV(9.V).1872, Петербург — 6.X.1952, Париж) — прозаик, поэтесса, фельетонистка, драматург. Род. в родовитой дворянской семье, близкой лит. кругам. Прадед по отцу Кондратий Лохвицкий, живший во времена царствования Александра I, был автором мистич. стих. Мистич. мотивы преобладали в творчестве родной сестры Т. — поэтессы Мирры (Марии) Лохвицкой. Не чужда мистике была и сама Т., особенно в зрелый период творчества. В 1931 в газ. «В» печатался цикл «мистич.» рассказов Т., впоследствии вошедших в кн. «Ведьма» (Берлин, 1936). Отсюда ее ответ на вопрос анкеты: «Наследственность своего писательского дара я могу считать атавистической» (Первые лит. шаги. Автобиогр. совр. рус. писателей / Собрал Фидлер Ф.Ф. — М., 1911. — С. 203-205). Дед по отцовской линии, философ и литератор, был другом М.М.Сперанского. Отца, Александра Владимировича Лохвицкого (1830-1884) — проф. криминалистики, издателя и ред. «Судебного вестника», знали как блестящего оратора и остроумца, чьи шутки порой становились пословицами. Мать — француженка по происхождению — хорошо знала европ. лит-ру, любила поэзию. Никто из детей в доме Лохвицких не избежал увлечения стихотворством. Младшая сестра Елена, чей образ войдет во мн. автобиогр. произв. Т., была автором неск. пьес, шедших на сценах т-ров. В воен. кругах был известен брат Т. — ген. Н.А.Лохвицкий, командующий экспедиц. корпусом во Франции во время первой мировой войны. По одной из версий, именно брат подсказал Т. сюжет для ее знаменитой эмигр. новеллы-символа «Ке фер?» (13 мая 1921 в Париже состоялся диспут «Что делать?», открытый Т.), фраза из к-рой стала своеобр. паролем в среде рус. изгнанников.

Т. закончила петерб. г-зию. В рассказе «Чучело» (В. — 1931. — 11 янв.) Т. вспоминает, как в 16-17 лет она предприняла первую попытку напечататься, закончившуюся неудачей. Шутливое стих. «Песенка Маргариты» было тогда отвергнуто ред. юмористич. журн. «Осколки» Н.Лейкиным. Первым произв., подписанным девичьей фамилией «Н.Лохвицкая», стало стих. «Мне снился сон, безумный и прекрасный...» (Север. — 1901. — № 35). Наивные, незамысловатые строки, проникнутые тоской по «уходящей жизни», были из тех, что пишутся обычно в юности, и не привлекали внимания к молодому автору. К 1901

относится первое упоминание псевд. Т. Так была подписана стихотв. пародия «Покаянный день. Драматич. сцена в одном акте», опубл. в № 51 журн. «Т-р и иск-во». До сих пор сложно с уверенностью судить о происхождении псевд. Т. Сама она, большая любительница розыгрышей и мистификаций, представила читателю противоречивые объяснения. По одной версии, Т. впервые употребила псевд., когда предлагала к пост. свою пьесу «Жен. вопрос». Руководствуясь суеверным соображением «дуракам счастье», взяла имя «знакомого дурака» Стэффи (дом. прозвище Степана) и «из деликатности» отбросила первую букву (см. об этом рассказ «Псевдоним» // В. — 1931. — 20 дек.). Однако пьеса «Жен. вопрос» появилась в 1907, когда псевд. Т. был уже достаточно известен. По др. версии, невольно подсказанной Т. ее интервьюером, это имя было заимствовано ею у Киплинга, в сказках к-рого встречается одноим. персонаж (там же). Среди док-тов Т. в ее нью-йоркск. архиве хранится рукописное завещание на франц. яз., начинающееся со слов: «Я, нижеподписавшаяся Надежда Тэффи, вдова Дмитрия Тэффи...» Это еще один из многочисл. вариантов предлагаемых толкований псевд., малоизв. и, видимо, совсем не имеющий связи с реальностью, поскольку ко времени его появления Т. носила фам. мужа — Бучинская. Т. в автобиогр. произв. избегала упоминаний о личной жизни. Известно, что мужем ее был поляк Владислав Бучинский, к-рый после окончания юрид. ф-та служил судьей в Тихвине. В 1892 у них род. дочь Валерия, с к-рой впоследствии, в эмиграции, у Т. будут особенно близкие отношения. В 1900 после рождения второй дочери Елены Т. расходится с мужем. Детям («Вале и Гуле») посв. раздел «Далекое» в сб. Т. «Книга Июнь» (Берлин, 1931).

В 1903-14 в жанровой палитре Т. преобладают фельетоны — тонкие, меткие, в стихах и прозе, на самые разл. темы: от лит. до гражданственных и социальных. Их охотно публикуют «Русь», «Биржев. ведом.», «Рус. слово», «День», «Новости», театр. и лит. журн. Одна из басен Т. («Лелянов и канал»), привлекла внимание Николая II, к-рый отныне становится поклонником творчества Т. Среди почитателей ее таланта впоследствии будут Г.Распутин, Ленин и Керенский, Розанов и Коллонтай. Самые блистат. имена рус. культуры войдут в круг ее знакомых и друзей: *И.Бунин*, *А.Куприн*, *А.Аверченко*, Ф.Сологуб, *А.Ремизов*, *З.Гиппиус*, Н.Гумилев, *Д.Мережковский* и др. Т. с энтузиазмом поддалась рев. настроениям 1905. С окт. по дек. 1905 сотрудничает в газ. «Новая жизнь», в редколлегии к-рой состояли Ленин, *Горький*, Луначарский и др. Десять лет жизни Т. было отдано журн. «Сатирикон», открывшему новую эру в истории рус. юмора. С первого номера (апр. 1908), в к-ром был напечатан рассказ Т. «Из дневника заточенного генерала», и до запрещения реорганизованного (1913) «Нов. Сатирикона» в авг. 1918 Т. оставалась его пост. автором и несомненно способствовала всерос. славе журнала.

Первой кн. Т. стал сб. стих. «Семь огней» (СПб., 1910). В том же году вышли 2 т. «Юмористич. рассказов» Т., неоднократно позже переиздававшихся. Книги Т. следуют одна за др.: «И стало так» (СПб., 1912), «Карусель» (СПб., 1913), «Восемь миниатюр» (СПб., 1913), «Дым без огня» (Пг., 1914), «Миниатюры и монологи» (Пг., 1915), «Житье-бытье» и «Неживой зверь» (1916). Популярность Т. в дорев. России была огромной. Особое место в сб. «Неживой зверь» занимали пронзительные, необычайно точные психологич. рассказы о детях. О детях будет ею много сказано и в др. кн. — «Городок» (Париж, 1927), «Книга Июнь», «О нежности» (Париж, 1938), «Земная радуга» (Нью-Йорк, 1952). Дети и любовь — вот те две темы, к-рым Т. была верна всю свою жизнь.

Чем была эмиграция для Т., можно понять из ее эссе в одесском журн. «Грядущий день»: «Увиденная утром струйка крови у ворот комиссариата... перерезывает дорогу жизни навсегда. Перешагнуть через нее нельзя. Идти дальше нельзя. Можно повернуться и бежать» (1919. — № 1. — С. 32-34). В кон. 1918 Т. вместе с Аверченко уезжает на гастроли в Киев, оттуда двигается дальше на юг, затем — Константинополь и, наконец, Париж. (См. «Восп.». — Париж, 1931). Уезжая, Т. надеялась вскоре вернуться, но ей суждено было прожить оставшиеся 30 с лишним лет на чужбине. В 1922 Т. получает свой последний рос. паспорт. Надежды на возвращение остается все меньше: «Вянет душа — душа, обращенная на восток. Думаем только о том, что теперь

там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда...». «Боялись смерти большевистской — и умерли смертью здесь» («Ностальгия» // ПН. — 1920. — 16 мая). Чужестранную жизнь Т. называет в своих первых париж. рассказах «Загробной». В произв. Т. первых эмигр. лет заметна резкая перемена прежней интонации. Если раньше в ней превалировала легкая ирония, то в рассказах сб-ков «Рысь» (Берлин, 1923) и «Городок» звучат саркастич. тона, в к-рых позже проступают и сентиментально-пафосные мотивы. Но пессимистич. мироощущение было неорганично для светлого таланта Т. В конечном итоге в ее творчестве возобладала убежденность в радостных началах жизни.

В 30-е появляются наиб. яркие произв. Т: сб. рассказов «Книга Июнь», «Ведьма», «О нежности», «Зигзаг» (Париж, 1939), «Восп.» и «Авантюрный роман» (Париж, 1931). Усиливаются ноты мудрого, филос. отношения к жизни; рассказы-безделушки, написанные порой с единств. целью — рассмешить, вытесняются глубокими психол. произв. Религ. начало, сильное и в дорев. периоде жизни Т., в эмиграции приобретает выстраданное и осмысленное значение. Вместе с тем православие уживается в Т. с почти языч. отношением к жизни, детски-восторженным восприятием любой незначащей мелочи, чувством слиянности с природой, одушевлением неживого, предметного мира (кн. «Все о любви» — Париж, 1946). Значит. место в наследии Т. занимают трогат. рассказы о животных, идущие от традиции рус. нар. сказки, «очеловечивающей» зверя («Лесной ребенок», «Кошки», «Чудеса!», «Без слов» и др.). Даже подход к «нежити» (языч. персонажам, к-рые потом соберутся в ее кн. «Ведьма») окрашен у Т. теплым чувством. Под ее пером обретают душу не только звери и мифол. существа, но и предметы вещного мира. Рассказ «Тихий спутник» (сб. «Книга Июнь») посв. кусочку сургуча. В этом рассказе живут и др. предметы, ибо ей всегда было дано видеть «то, что в обычной жизни люди видеть не могут» («Тихий спутник»). Мемуарный жанр занимает все большее место в последний период творчества Т. Это и описание фантасмагорич. пути невольных беженцев, уносимых с родины безжалостным рев. ветром («Восп.»), и рассказы о тех ярких личностях, с к-рыми сводила ее судьба. (Г.Распутин, *К.Бальмонт*, И.Репин, *А.Толстой*, А.Аверченко, А.Куприн, Ф.Сологуб, З.Гиппиус, Д.Мережковский и др.). При жизни Т. эти портреты публиковались в газ. «Сегодня», «В», «НРС», «ПН». Т. предполагала собрать свои восп. под одной обложкой, назвав кн. «Моя летопись». «Хочу рассказать о них просто, как о живых людях, показать, какими я их видела, когда сплетались наши пути. Они все уже ушли, и ветер заметает снегом и пылью их земные следы. О творчестве каждого из них писали и будут еще писать, но просто, живыми людьми, не многие покажут. Я хочу рассказать о моих встречах с ними, об их характерах, причудах, дружбе и вражде». Кн. «Моя летопись» Т. отослала в нью-йоркск. изд-во им.Чехова. Рукоп. пролежала там довольно долго. 14 июля 1952 Т. пишет дочери Валерии: «Есть еще надежда на издание моей Летописи, которая осталась в Чеховском издательстве. Мне ее не вернули, значит, надежда есть. Я о ней не запрашиваю и веду себя тихо, затаив дыхание, как охотник, которого обнюхивает медведь» (Бахметевский архив. — Нью-Йорк. — Фонд Тэффи). Спустя 3 года после смерти Т. рукоп. вернули ее дочери. Отрывки из нее появились в журн. «В» (1955. — № 42, 43, 47; 1956. — № 49, 50). В наст. время «Моя летопись. Восп.» хранится в РГАЛИ (Ф. 1174).

Немалое место в произв. Т. отведено снам, забвению, грезам. В последней кн. «Земная радуга» есть автобиогр. рассказ «И времени не стало». Это словно взгляд Т. на весь пройденный ею путь. Здесь слышится мудрая терпимость к земному несовершенству, печаль от сознания невозможности изменить мир. Единственное, что под силу Т., по признанию, сделанному ею в стих. «Благословение Божьей десницы...», — «свечою малой озарить великую Божью тьму» (СЗ. — 1922. — № 10).

Изд.: Passiflora. [Стихи]. — Берлин, 1923.
Шамрам: Песни Востока. — Берлин, 1923.
Рассказы / Сост. Михайлов О. — М., 1971.
Ностальгия: Рассказы. Восп. — Л., 1989.
Все о любви: Рассказы. Пов. Ром. — М., 1991.
Демоническая женщина: Рассказы. — М., 1995.

Лит.: Пильский П. Тэффи // Сегодня. — 1928. — 1 янв.
Алексинский Г.А. Ее доброй и светлой памяти: Восп. о Тэффи // Грани. — 1952. — № 16.
Львов Л. Памяти Н.А.Тэффи // В. — 1952. — № 24.
Ставров П. Тэффи. Ко 2-ой годовщине со дня смерти // Лит. современник. — Мюнхен, 1954. — № 4.
Васютинская В. Надежда Александровна Тэффи: Из личных восп. // В. — 1962. — № 131.
Седых А. Н.А.Тэффи в письмах // Воздушные пути. — 1963. — № 3.
Одоевцева И. Встречи с Н.А.Тэффи // РМ. — 1968. — 21 нояб.
Терапиано Ю. Н.А.Тэффи // РМ. — 1968. — 21 нояб.
Зощенко М. Н.Тэффи // Ежегодник рукописн. отдела Пушкинского Дома, 1972. — Л., 1974.
Спиридонова Л.А. Рус. сатирич. лит-ра конца XIX — нач. XX в. — М., 1977.
Бахрах А. Тэффинька // РМ. — 1979. — 14 апр.
Трубилова Е. Тэффи (1872-1952) // Лит-ра рус. зарубежья. — М., 1993.
Haber E. Nadezhda Teffi // Russian literature triquaterly. — 1974. — № 9.
+ Адамович; Амфитеатров; Бахрах; Казак; Михайлов; Одоевцева; Седых; Соколов; Струве; Шаховская.

Е.М.Трубилова

У

УРВАНЦО́В Лев Николаевич (21.II (5.III).1865, Казань — 15.I.1929, Содау под Карлсбадом, Чехословакия; похоронен на Ольшанском кладбище в Праге) — драматург, прозаик, мемуарист, театр. рецензент. Окончил Казанский ун-т. На лит. поприще выступил в 1891 с рец. в местной печати. По переезде в Петербург стал писать пьесы для Т-ра лит.-худож. кружка. Его переписка с владельцем т-ра А.С.Сувориным хранится в РГАЛИ (Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4345). Автор ок. 60 пьес: «Вера Мирцева (Уголовное дело)» (1915), «Благодать» (1916), «Зверек (У белого камня)» (1916), инсценировки «Петербургских трущоб» (1917) Вс.Крестовского и др. Знание законов сцены, умение построить пьесу с занимат. сюжетом, динамикой действия принесли драматич. произв. У. признание. Прозаич. произв. У. до революции печатались в журн. «Рус. мысль», «Ист. вестн.», газ. «Жизнь», «Бирж. вед.» и др.; отд. изд. вышел сб. рассказов «Ночь» (СПб., 1902).

После революции У. в Петрограде заведовал театр. музеем Союза драматич. и муз. писателей. Политотдел 7 армии издал его инсценировку по М.Е.Салтыкову-Щедрину «Помпадуры и помпадурши» (Пг., 1920). Бежал из России в сент. 1921 через Финляндию в Берлин. Сразу же по приезде У. в Берлин там вышли переизд. романов, печатавшихся в дорев. периодике — «Со святыми упокой» (1921), «Пьяный мир» (1922), а также отд. изд. его пьес: «Вера Мирцева» (1922), «Зверек (У белого камня)» (1922). Утверждения эмигр. прессы о том, что его пьесы после бегства автора были запрещены в сов. России к постановке, архивными источниками не подтверждаются: в РГАЛИ хранится программа «Веры Мирцевой», пост. Семипалатинским т-ром в 1925 (Ф. 2620. Оп. 1. Ед. хр. 724); чл. Драмсоюза У., согласно мат-лам его личного дела, формально продолжал числиться до 1925 (РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 2. Ед. хр. 651). Пьесы У. были переведены на иностр. яз. и с успехом прошли не только в Германии и Франции (см. рец. на премьеру «Зверька» («Das Tierchen») в Берлине Н.М.Волковыского: Дни. — 1925. — 3 февр.), но и в Египте и Аргентине. «Урванцов не только знает — прекрасно чувствует сцену, умеет тонко сплести интригу, ввести милый сентимент и хороший комизм», — писал Ю.Офросимов (Руль. — 1925. — 4 февр.). Ром. «Завтра утром» (Берлин, 1923) о годах воен. коммунизма в Петрограде вышел в изд. С.А.Кречетова «Медный всадник». К.Треплев так высказался в просоветской «Накануне»: «Урванцов — канцелярист с претензиями, который все время пытается говорить «про непонятное», и потому «стиль» у этого писателя лакейски-писарский, как вирши Смердякова, «вопли Видоплясова»... Подобного вздора, такой базарной сплетни и неумной клеветы не напишет даже другой прославленный писатель земли эмигрантской — ген. *Краснов*... Писания Льва Урванцова однообразны, как жеваная бумага» (1923. — 8 сент.). Печатался У. в «Руле», «В», сб. «На чужой стороне» и др. Мемуары У. «Театр. восп.», ч. 1-2, печатались в сб. «Историк и современник» (Берлин, 1922. — № 2-3), а ч. 3 в сб. «На чужой стороне» (Берлин; Прага, 1925. — Т. 11).

По мере распадения рус. колонии в Берлине добывать средства на жизнь для У. становилось все труднее. Лит. заработок стал случайным и редким. В янв. 1926 он переехал в Чехословакию, где получал денежные ссуды от чеш. МИД через К-т по улучшению быта рус. писателей в Чехословакии. В 1927 произошло столкновение У. с *Е.Чириковым*, разбиравшееся в третейском суде (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 1205. Л. 3-5).

Изд.: Только одно. Рассказы. — Берлин, 1923.

С.В.Шумихин

Ф

ФЁДОРОВ Василий Георгиевич (4(16).X.1895, Херсон — 8.III.1959, Прага) — писатель, поэт, журналист. Отец — урядник земской управы Херсона. По окончании херсонской г-зии в 1915 поступил в Новороссийский ун-т (Одесса) на юрид. ф-т. В 1917 призван в армию и через два мес. отпущен по болезни. Печататься начал студентом первого курса; неск. его стих. были опубл. в херсонской газ. «Родной край». В 1919 сотрудничал в газ. «Утро» (Херсон).

В апр. 1921 Ф. перебрался в Бессарабию, к-рая тогда принадлежала Румынии. В пограничном городке Бендеры его арестовали и посадили в местную тюрьму, откуда вскоре перевели в кишиневскую. Здесь он написал фельетоны, стих., к-рые напечатала газ. «Неделя», изд. в Кишиневе. В тюрьме Ф. посетили поэт *П.Потемкин* и критик *П.Пильский*. Благодаря его хлопотам Ф. был освобожден, после чего напечатал неск. фельетонов в кишиневских газ., сотрудничал в газ. «Бессарабия». Осенью 1921 Ф. переехал в Бухарест, где устроился маляром в ж.-д. депо, поступил платным хористом в церк. хор, а также пел в укр. оперетте, исполнял роль Петра в комич. опере И.В.Лысенко «Наталка-Полтавка». Печатался в рус. газ. «Бухарест. новости», где опубл. его ст. о мемуарах атамана Н.И.Махно.

Летом 1922 Ф. перешел румыно-чеш. границу и оказался в Кошице, где его арестовали, но вскоре освободили. Осенью Ф. поступил на Рус. юрид. ф-т в Праге, к-рый оставил в янв. 1927.

Тяжелые условия жизни и туберкулез надолго оторвали Ф. от лит. жизни. Он был вынужден перебиваться случайными заработками и ссудой от К-та по улучшению быта рус. писателей в Чехословакии.

Ф. начал посещать лит. кружок «Далиборка», организаторами к-рого были *В.А.Амфитеатров-Кадашев*, П.А.Кожевников, Д.Н.Крачковский и *С.К.Маковский* (кружок существовал в Праге в 1924-33). В 1926 Ф. вошел в лит. объединение «Скит», руководимое *А.Л.Бемом*. В 1926 в № 3 пражского илл. лит.-публицист. и информацион. журн. «Годы» увидел свет рассказ Ф. «Роман с сапогами», а в № 9 варшавского еженед. «Родное слово» напечатан его рассказ «Чародейный плес»; в № 4 журн. «Воля России» за 1927 появляется рассказ «Кузькина Мать». Историк и библиограф *С.П.Постников* писал: «Одним ударом — своим рассказом «Кузькина Мать» — г. Федоров выдвинулся из толпы молодых писателей... Первый дебют Федорова на редкость удачный и позволяет говорить о нем как о сложившемся писателе» (Воля России. — 1927. — № 5/6. — С. 225). Писатели старшего поколения также приветствовали появление молодого таланта. *Вас.И.Немирович-Данченко* писал: «Прочитав несколько рассказов г.Федорова «Карьера Баталова», «Никудышный человек» и выслушав на вечере «Скита поэтов» его отрывки из повести «Деревяный мир», нахожу, что автор их обладает несомненным талантом беллетриста и юмориста. Грешно не дать ему развиться» (РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 195. Л. 2).

И.Каллиников в своей работе «Молодая лит. Прага» дал такую оценку творчеству Ф.: «Автор возвращается к жизни маленьких людей, к их мещанскому укладу, потревоженному революцией, от которой они, привыкшие к серым будням жизни, страдают и мучаются. Федоров хорошо знает язык и среду пригородных слобод, базарный жаргон Юга России и, скупо оттачивая каждую фразу, рисует нам ту жизнь, о которой мало известно в русской литературе» (РГАЛИ. Ф. 267. Оп. 2. Д. 41. Л. 55).

Ф. приняли в Союз рус. писателей и журналистов в Чехословацкой республике. В 1928 он участвовал от Чехословакии в работе Съезда рус. заруб. писателей, проходившего в Югославии.

В 1930 в Праге издан сб. рассказов Ф. «Суд Вареника». В него вошли рассказы, написанные в 1926-30. Критика положительно оценила первую кн. писателя. П.Пильский утверждал: «Этот молодой пи-

сатель верен и предан крепкой русской литературной традиции. Он лучшее доказательство ее неиссякаемости. Книга производит самое образное впечатление» (Сегодня. — 1933. — 22 апр.). Поэт Е.Недзельский писал: «Я не сомневаюсь, что будущие поколения будут оценивать талант Федорова как юмориста жесточайшей эпохи...» (Руль. — 1930. — 24 дек.).

В 1933 Ф. получил должность юриста магистрата в Ужгороде, куда переехал в 1932. В письме от 29 сент. 1932 к Вас.И.Немировичу-Данченко Ф. сообщал: «В последнее время мне было очень трудно жить в Праге, заработка не было никакого, и мы с женой изрядно голодали. Конечно, и в Ужгороде устроиться на какую-либо службу очень трудно, но здесь хоть есть какие-то надежды, а в Праге их вовсе не было» (РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 242).

Во второй кн. писателя «Прекрасная Эсмеральда» (Ужгород, 1933) воссоздано живое течение жизни эмиграции. В 1934 Ф. печатает в № 9/10 варшавского журн. «Меч» ст. «Бесшумный расстрел (Мысли об эмигр. лит-ре)», вызвавшую полемику с *Д.Мережковским* в том же журн. В 1938 в Ужгороде в изд-ве об-ва «Школьная помощь» увидела свет первая часть ром. Ф. «Канареечное счастье» (вторая часть не была изд., одна гл. вошла в переизд.: М., 1990; предисл. Нечаева В.). В этом романе, пожалуй, впервые с такими психологич. подробностями, с таким юмором изображена жизнь эмигрантов. Тональность повествования у Федорова лишена трагической напряженности. Под внешней примиренностью с судьбой скрывается неугасающее стремление к счастью героев романа — Наденьки и Кравцова. Высоко оценил роман *П.Бицилли* (СЗ. — 1938. — № 66). *В.Ходасевич* посвятил одну из своих последних ст. кн. Ф.: «Мне хочется приветствовать почин молодого писателя Василия Федорова, только что выпустившего первый том своего романа «Канареечное счастье» (Ходасевич В. Колеблемый треножник. — М., 1991. — С. 611-612).

В 1940 Ф. возвращается в Прагу и получает место чиновника. Оккупация Чехословакии Германией и начавшаяся вторая мировая война надолго отрывает его от писательского труда. Пять раз его арестовывали и посылали на принудит. работы.

С 1945 Федоров преподавал рус. язык на курсах и в кружках. С кон. 1949 он работал в системе внешней торговли переводчиком.

В 1951 в первых номерах париж. журн. «Лит. современник» появляются публ. двух его статей «Зеленые скиты» и «Марк Шагал». В 1956 Ф. вместе с *В.Лебедевым* начал сотрудничать в газ. «Наша жизнь», к-рая выпускалась Об-вом сов. граждан в Чехословакии. В третьем, ноябрьском номере газ. опубл. отрывок из нового ром. Ф. «Человек задумался». Похоронен на пражском рус. Ольшанском кладб. Архив Ф.: Центр. науч. б-ка Союза театр. деятелей РФ. Фонд Федорова В.Г.

Лит.: А-в Н. (Андреев Н). Рец.: «Суд Вареника» // Числа. — 1931. — № 5.
Эрн Н. «Прекрасная Эсмеральда» // ПН. — 1933. — 27 апр.
Адамович Г. Рец.: «Канареечное счастье» // ПН. — 1938. — 10 февр.
Пильский П. Рец.: «Канареечное счастье» // Сегодня. — 1938. — 29 янв.

В.П.Нечаев

ФЁДОРОВА Нина (Антонина Федоровна Подгоринова) (1895, Лохвица, Полтавская губ. — 1985, Окленд, США) — писательница. Детство провела в Верхнеудинске, возле озера Байкал; в Петербурге окончила ист.-филол. отд. Бестужевских жен. курсов. Вскоре после революции покинула Россию и уехала в Харбин. В 1923 вышла замуж за В.Рязановского, историка и культуролога. Ее двое сыновей, Николай и Александр, также стали историками. В 1936 семья переехала в Тяньцзин, в 1938 — в США, где Ф. почти до кон. жизни писала романы и преподавала в ун-те штата Орегон. Ее первый ром. «Семья» увидел свет в Бостоне в 1940 на англ. яз. Книга имела большой успех, получила премию амер. журн. «Atlantic monthly» и была переведена на неск. яз.; в 1952 в авт. переводе на рус. «Семья» вышла в нью-йоркском изд-ве им. Чехова (переизд.: М., 1992; предисл. Д.Урнова). Роман посвящен истории жизни семьи рус. эмигрантов в Тяньцзине, проблеме отцов и детей. В центре книги-образ Бабушки, являющейся воплощением лучших рус. тра-

диций, хранительницы домашнего очага. Ром. получил хорошую прессу в рус. эмигр. периодике: «Семья» Нины Федоровой — очень талантливая, волнующая книга... Экономия средств, красок, лиризма, как бы в соответствии с содержанием трудной, повседневной жизни героев, дает автору возможность художественно-просто разрешать сложные задачи, никогда не впадая в фальшивый тон», — писала З.Юрьева (НЖ. — 1953. — № 33. — С. 312). С восторгом отозвался о романе *В.Емельянов*: «Книга Н.Федоровой «Семья» не похожа ни на одну из книг, написанных о жизни эмигрантов. Место, которое она заняла, не было до нее занято никакой другой книгой... Н.Федоровой удалось по форме, внешне очень простой, языком иногда почти репортажа, дать то, что другим, куда более изощренным, не удается никак... Оказывается, существует — и об этом можно написать без надрыва, истерики и слащавости — человеческая отзывчивость, вера в добро, правду и милость Божью» (Опыты. — 1953. — № 2. — С. 196).

В 1958 во Франкфурте-на-М., в изд-ве «Посев» вышла в свет пов. Ф. «Дети». Рассказы и эссе Ф., посвященные англ. лит-ре, опубл. в «Новоселье», «В», «НЖ», «Гранях». В 1964-66 в Вашингтоне (Изд-во Виктора Камкина) увидела свет первая кн. ее трехтомной эпопеи «Жизнь». Ее героиня — дочь прачки Варя, с неимоверным трудом получившая образование и попавшая в рев. среду. Рецензент Я.Горбов писал: «Что Нина Федорова пишет рукой уверенной, что с образами, характерами и сочетаниями она обращается умело и властно, известно с давних пор... Едва прочтя первые главы, убеждаешься в том, что источник не оскудел, что течет он все так же сильно и так же ровно. Простым, выразительным и ясным остался язык, и так же он свободен от исхищрений, преувеличений, от какого бы то ни было желания удивить или испугать» (В. — 1964. — № 154. — С. 144).

В ром. показана губительность рев. террора. В прежней, «отстраненной» манере Ф. изображает жизнь большого провинц. города. «В романе Нины Федоровой, в особенности в третьей его, заключительной части... главные движущие побуждения социалистов... и революционеров в некотором смысле оголены, выявлены в ряде выпуклых, и порой страшных, зарисовок», — такова была еще одна оценка Я.Горбова (В. — 1967. — № 182. — С. 150). Одновременно с первым томом «Семьи» в 1964 в Бразилии — (Сан-Пауло) увидела свет ее кн. «Т-р для детей».

Лит.: Малоземова Е. Лит. путь Н.Федоровой // Рус. женщина в эмиграции. — Вашингтон, 1970.
Зубарева В. Добрый талант // НРС. — 1992. — 26 июня.

В.В.Леонидов

ФЕДО́ТОВ Георгий Петрович (1(13).X.1886, Саратов — 1.IX.1951, Бекон, шт. Нью-Джерси) — историк, культуролог, публицист. Род. в семье чиновника, добившегося личного дворянства. В пору учебы в г-зии (Воронеж) увлекся рус. публицистикой. Учась в Технологич. ин-те (Петербург, 1904-06), сблизился с социал-демократами. В Саратове (где жила его мать после смерти в 1904 отца) выступал на митингах, вел пропаганду в рабочих кружках. В 1906 арестован и выслан за границу. Изучал историю в Берлин. и Йенск. ун-тах (1906-08). По возвращении (1908) — на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та; испытал сильное влияние своего учителя И.М.Гревса. Из-за полит. преследований год провел в Италии; жил в Риге; вернувшись в Петербург (1914), сдал магистерск. экзамены. Тема дис. (не завершена) — «Святые епископы Меровингской эпохи». Позже опубл. неск. ст. о зап-европ. ср-вековье и брошюру «Абеляр» (Пг., 1924). Эти работы составили предпосылку для дальнейшей деятельности Ф. как историка рус. культуры и стимулировали его духовное самоопределение как правосл. христианина (воцерковление в первой пол. 1920-х). С 1914 — приват-доцент по каф. ср-век. истории Петерб. ун-та. Работал в Публичной б-ке. В 1919 женился на Е.Н.Нечаевой. С осени 1917 участвовал в религ.-филос. кружке А.А.Мейера, ядро к-рого в 1919 образовало братство «Христос и свобода». В журн. «Свободные голоса» (вышли 2 номера в 1918 под ред. Ф.) опубл. его первые историко-публиц. ст. на рус. темы. С 1920 Ф. — проф. по истории европ. ср-вековья в Саратовск. ун-те, к-рый был им оставлен в 1922 из-за нежелания приспосаб-

ливаться к офиц. идеологии. Ф. вернулся в Петроград, где работал переводчиком в частных изд-вах. В сент. 1925 эмигрировал, вызвав осуждение друзей-единомышленников (круг Мейера): через Берлин уехал во Францию. С 1926 — проф. Правосл. Богословского ин-та (потом Академии) в Париже (преподавание истории, агиологии, лат. яз.). Участник экуменич. движения и Рус. христианск. студенч. движения. Почти ежегодно посещал Англию. Дружески общался с *Н.Бердяевым*. В 1931 совм. с *И.Бунаковым-Фондаминским* и *Ф.Степуном* основал журн. «Новый град». Активно сотрудничал в журн. «Путь», «СЗ», «Версты» и др., позже — в «НЖ» и «За свободу!». В 1940 Ф. покинул оккупиров. немцами Париж и уехал на юг Франции. В янв. 1941 пароходом выехал из Марселя в Нью-Йорк. Работал при Йельском ун-те в Нью-Хейвене. С 1943 до кон. жизни — проф. истории Владимирской Богословской Акад. в Нью-Йорке.

Ведущая тема Ф. — различие путей России и Зап. Европы, к-рые взаимосвязаны, что не исключает особости и самобытности каждой: Россия — это «третий культурный материк между Европой и Азией» (Судьба и грехи России: В 2-х т. — СПб., 1992. — Т. 1. — С. 327. Далее отсылки к этому изд. даны в тексте с указанием т. и с.). Историю Ф. понимает как руководствующуюся прежде всего духовной сферой: она есть «мир человеческий — не природный и не Божественный — и в нем царит свобода» (2, 22). История культуры, утверждал Ф., «не исчерпывается борьбой; в столкновении противоположностей ткется какая-то новая, общая ткань жизни, покрывающая противников» («Новый град». — Нью-Йорк, 1952. — С. 333). Ф. проявлял пристальное внимание к накопленным Россией уникальным ценностям (в этом он предварил поздние труды *Н.Арсеньева*). Речь шла об укорененных в рус. быте «простоте и доброте, удивительной мягкости и легкости человеческих отношений» («Лицо России» // Свободные голоса. — 1918. — № 1). Ф. призывал своих современников «понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны» (там же). Этой «сверхзадаче» отвечают ист. иссл. Ф., относящиеся к кон. 20-х и к 30-м. Одно из них посв. митр. Филиппу, к-рый выступил в защиту веры, оскорбляемой Иваном Грозным («Святой Филипп, митр. Московский». — Париж, 1928; М., 1991, послесл. *Ю.Иваска*). В монографии «Святые Др. Руси» (Париж, 1931; М., 1990, предисл. Д.С.Лихачева, вступ. ст. А.Меня) говорится, что облик и идеал святых Др. Руси веками питали нар. жизнь («у их огня Русь зажигала свои лампадки»). Монография «Стихи духовные: Русская нар. вера по духовным стихам» (Париж, 1935; М., 1991, вступ. ст. Н.И.Толстого) посв. духовным стихам как яркому и полн. выражению стихий религ. души народа — верований, в своей основе православных, но таящих в себе и иные пласты (сектантство, язычество). Центр. тема историко-публицистич. ст. Ф. эмигр. периода — противоречия и кризисные явления многовековой истории России, приведшие к катастрофе нач. XX в. В ст. «О нац. покаянии» говорится об отречениях «власть имущих», об-ва, а в значит. мере и народа «от своего древнего идеала святости, временем максимальной явленности к-рой был XV в. (Новый Град. — 1933. — № 6. — С. 11). Ф. говорит о «мрачной тяжести» ист. призвания Москвы, в XVI в. насильственно взявшей верх над вечевым Новгородом («На поле Куликовом» // СЗ. — 1927. — № 32. — С. 432), подвергает критике «рус. мессианство» в гос.-полит.обл. как «лишенное этич. сознания» (2, 12), и ведет полемику с совр. ему евразийцами («Россия, Европа и мы» // Новый Град. — 1932. — № 2). Носительницей денационализирующего западничества, оцениваемого им негативно, Ф. считает дворянскую и разночинную интеллигенцию, тяготевшую к либеральным, а порой и рев. идеям («Революция идет» // СЗ. — 1929. — № 39). Отдавая дань уважения этич. одухотворенности рус. интеллигенции, Ф. вместе с тем, перекликаясь с *С.Булгаковым* как автором ст. «Героизм и подвижничество» (в «Вехах»), подвергает ее суровому суду за игнорирование нац.-культурных традиций. Гуманистами-интеллигентами, по его словам, в 1830-е был зажжен «костер сострадания и ненавидящей любви» («Социальный вопрос и свобода» // СЗ. — 1931. — № 47. — С. 422). Этой интеллигенции в ст. «Будет ли существовать Россия» Ф. противопоставил деятелей культуры «творческой, национальной», причастность к-рой называл почвенничеством (ВРХД. — 1929. — № 1/2. — С. 17).

Ист. прошлое, полагал Ф., оттиснутое вниз петровской реформой, тем не менее продолжает жить в XIX в. «в полной моральной силе и здоровье». Имеется в виду духовная энергия, таящаяся и обнаруживающаяся «в крестьянстве, купечестве и духовенстве, особенно сельском» («Россия Ключевского» // СЗ. — 1931. — № 50. — С. 356). По мысли Ф., петровские преобразования (при всех их необратимых «издержках») создали предпосылки для обогащения глубинно почвенных рус. начал: в XIX в. интенсивно упрочивался нац. быт и находили для себя более заметное место бытовая свобода и личная честь («Россия и свобода» // НЖ. — 1945. — № 10. — С. 201-202). Процессы, протекавшие в рус. жизни XIX в., полагал Ф., имеют будущее. В ряду нац.-культурных задач, по Ф., весьма значимо создание поистине нац. государственности: «В России внеклассовая государственность вовсе не утопия... Нужно... уважать гос-во, иметь вкус к власти» («Революция идет» //СЗ. — 1929. — № 39. — С. 331). При этом почвенничество Ф. не имело ничего общего с апологией нац. бытия. Он отмечает, что крепостное право, упрочившееся и перешедшее в рабство на протяжении XVIII в., породило чувство уязвленности и обиды («болезненно распухает инстинкт зависти»), но подчеркивает и неистребимость в нар. жизни ее религ.-нравств. оснований; о крестьянстве говорит как почве нац. жизни и средоточии устоев, усматривает в нем «морально крепкую Русь»; утверждает, что рус. народ, в к-ром «много самого подлинного аристократического достоинства», в глубине своей не принял крепостного права (там же. — С. 338-344). Ф. не идеализировал рус. прошлое, но и не рисовал его сплошь в черном свете.

Круг мыслей Ф. о рус. истории и культуре определил понимание им отеч. словесности XIX в. Отдавая дань внимания и уважения социально-критич. тенденциям в лит-ре, он сосредоточивался гл. обр. на жизнеутверждающем начале творчества рус. писателей. «Нац. чувство романтической эпохи», к-рое «открывало бытовую и худож. жизнь народа», по его словам, «было прекрасно и морально глубокой укорененностью в почве нар. жизни» (Новый град. — 1931. — № 1. — С. 25). В творчестве рус. писателей ему дороги свободолюбие и гос.-созидат. идеи (ст. о Пушкине «Певец империи и свободы» // СЗ. — 1937. — № 3), а также «картины мирного, прекрасного быта, амнистия человеку — вне героического напряжения и подвига, — человеку просто, к-рый хочет жить и хотя бы мечтать о счастье» («Пушкин и освобождение России» // Новая Россия. — 1937. — № 21. — С. 8). В ст. «Трагедия интеллигенции» (Версты. — 1926. — № 2) Ф. отмечает благую причастность «почве» С.Т.Аксакова, Мельникова-Печерского, Л.Толстого, Островского, Писемского, а также Лескова, ясно осознававшего значимость для России традиций допетровских эпох. Именно эти грани отеч. словесности привели ученого к выводу, что она составляет средоточие высочайших этич. ценностей, «самое глубокое и интимное из созданий нац. гения» («Россия и свобода». — С. 201), «совесть мира» (2, 327). Рус. лит-ра в своем осн. русле и почти во всех своих побегах, по словам Ф., «бесспорно принадлежит к христианскому наследию в уже дехристианизированной среде» («О нац. покаянии» // Новый град. — 1933. — № 6. — С. 4); в своем «нравственном горении» она явилась единств. христ. лит-рой нового времени («В защиту этики» // Путь. — 1939. — № 60. — С. 5). Направления иск-ва XX в., ныне именуемые модернистскими (начиная с импрессионизма и символизма), Ф. расценивал как свидет-во упадка духа и «скудости человека», утратившего любовь к миру («Борьба за иск-во» // Новый град. — 1935. — № 10. — С. 30). В присущем мн. новым художникам культе жестокости, сексуальности, машинной техники он усматривал симптом «распада духовной иерархии», превращающего иск-во в «один из самых сильных ядов разложения» («Четверодневный Лазарь» // Круг. — 1937. — № 1. — С. 140). Сохранение иск-ва и культуры на «путях жизни» Ф. видел в ориентации художника на творчество как на «боговдохновенное» дело («О св. духе в природе и культуре». // Путь. — 1932. — № 35. — С. 17). В этом контексте он высоко ценил Р.М.Рильке и *В.Ходасевича*, к-рому посвятил спец. статью: «Памяти Ходасевича» (Новая Россия. — 1939. — № 70). Ф. утверждал примат этики в иск-ве, отвергал эстетизм рус. декадентства; от декадентов отличал символистов, подчеркивая религ. нач. их творчества. Однако, высоко оценивая поэзию Блока, Ф. отмечал,

что «его талант... вспоен кровью погибающей личности» (1, 107). Убежденный, что христиане «должны стремиться... к постоянному и благому обновлению жизни» и не отвергая рев. преобразований в принципе, он вместе с тем полагал, что зло совр. рус. революции «превосходит то зло, против к-рого она направлена», что долг христианина — «умерять проснувшиеся страсти, напоминать о сострадании к врагам», что «мечом не преображают мир», но «освобождают от тиранов — и только» («Христианин в революции» // Новый град. — 1937. — № 12. — С. 75-76). Рев. практику XX в. Ф. отвергает как грубое попрание свободы. Истоки отвержения свободы видит в движении мировой истории: «Свобода пошатнулась в мире потому, что пошатнулась вера в истину и в разум как в орган ее познания» («Восстание масс и свобода» // Новая Россия. — 1937. — № 19. — С. 5). «Духовное искалеченье народа» в сов. эпоху связывает с насильств. «рационализацией рус. сознания» («Письма о русской культуре» // РЗ. — 1938. — № 3), начавшейся еще в 1860-е и порожденной «беспочвенностью рус. культурного слоя» (1, 215). Ф. считает сталинизм неотвратимым следствием революции и одновременно — контрреволюцией: «Удар наносит Сталин именно по традиции Ленина» («Сталинократия» // СЗ. — 1936. — № 60. — С. 377). Полит. режим 1930-х расценивает как фашистский: «Настоящее имя для строя СССР — национал-социализм» («Новый идол» // СЗ. — 1935. — № 57. — С. 400). Обращаясь к лит-ре сов. периода, Ф. утверждает, что в отличие от осн. массы рус. интеллигенции, «оттолкнувшей коммунизм», «большинство поэтов его приняли — из женственного преклонения перед силой, из жертвенного слияния с народом, из отвращения к старому гибнущему миру» («Правда побежденных» // СЗ. — 1933. — № 51. — С. 361). Отдавая дань уважения сов. прозе 1920-х (Пильняк, Леонов, Федин), он в то же время говорит о «брутализации» сов. иск-ва; отмечает, что «здесь злоба становится синонимом силы» (там же. — С. 380). Лит-ра 1930-х характеризуется как льстиво прославляющая режим Сталина («Сталинократия». — С. 386). Ф. полагал, что в совр. ему России «происходит огромное накопление культурных сил, лишь насильственно обреченных на молчание» («Новая Россия» // СЗ. — 1930. — № 41. — С. 309). Спасит. силы кроются в церкви, к-рая «одна устояла перед напором большевиков» (там же. — С. 305) и «не растратила живущих в ней потенций святости» (там же. — С. 307). Ф. считал, что православие, обновившись, явится источником «свободы для творч. созидания новой жизни» («Будет ли существовать Россия?» — С. 21). Черты лучшего будущего России Ф. нащупывал в ее настоящем: в исполненном глубочайшего трагизма послерев. опыте. Уверенный, что «нац. дорога одна» («Новая Россия» // СЗ. — 1930. — № 41. — С. 307), он возлагал надежды и на тех, кто остался в России, и на деятелей зарубежья, призванных историей не к полит. борьбе, а прежде всего к культурному творчеству — к тому, чтобы «стать голосом молчащих» в СССР («Зачем мы здесь?» // СЗ. — 1935. — № 58. — С. 440).

Изд.: И есть и будет. Размышления о России и революции. — Париж, 1932.
Социальное значение христианства. — Париж, 1933.
The Russian religious mind. — Cambridge (Mass.), 1946, 1966. — Vol. 1-2.
Христианин в революции: Сб. ст. — Париж, 1957.
Лицо России: Ст. 1918-30. — Париж, 1967.
Россия, Европа и мы. — Париж, 1973.
Россия и свобода: Сб. ст. — Нью-Йорк, 1981.
Тяжба о России: Ст. 1933-36. — Париж, 1982.
Защита России: Ст. 1936-40 из «Новой России». — Париж, 1988.
Ст. о культуре / Вступ. Бочарова С.Г. // ВЛ. — 1990. — № 2.
Собр. соч.: В 12 т. / Сост. Бычков С.С. — М., 1996. — Т. 1.

Лит.: Херасков Ив. Г.П.Федотов // В. — 1951. — № 18.
Карпович М. Некролог // НЖ. — 1951. — № 8.
Библ. трудов Г.П.Федотова, 1886-1951. — Париж, 1956.
Степун Ф.А. Г.П.Федотов // НЖ. — 1957. — № 49.
Иваск Ю. Г.П.Федотов // Рус. религ.-филос. мысль XX в.: Сб. ст. / Ред. Полторацкий Н. — Питтсбург, 1975.
Топоров В.Н. О рус. мыслителе Г.Федотове и его кн. «Святые Древней Руси». — Иваск Ю. Молчание (памяти Г.П.Федотова) // Наше наследие. — 1988. — № 4.

Галахтин М.Г. Особенности рус. святости в культурологии Г.П.Федотова // Философия в России XIX — нач. XX в. — М., 1991.
Смирнов Л. Империя культуры: О творчестве Г.П.Федотова // Наше наследие. — 1991. — № 3.
Алейников О.Ю. Г.П.Федотов и воронежские святые. — Разводова О.А. Россия в публицистике Г.П.Федотова. — Искржицкая И.Ю. Г.Федотов о Вергилии и судьбе рус. культуры // Воронежский край и зарубежье. — Воронеж, 1992.
Проскурин О. О Георгии Федотове, его толкователях и издателях // Опыты. — 1994. — № 1.
+ РФН; РФР.

И.В.Нестеров, В.Е.Хализев

ФЕ́ЛЬЗЕН Юрий (наст. имя Николай Бернардович Фрейденштейн; 10(22).X.1894, Петербург — 1943, концлагерь, Германия) — прозаик, критик. Род. в семье врача, учился в г-зии, окончил юрид. ф-т Петерб. ун-та (1916). В 1917 в Михайловском арт. уч-ще. В окт. 1918 переехал в Ригу, где пробыл до 1923. Затем короткое время жил в Берлине и в 1924 переехал в Париж, где и провел оставшуюся жизнь. Работал банковским служащим, пытался заниматься коммерч. операциями. Постепенно вошел в лит. мир рус. Парижа, постоянно бывал на «воскресеньях» в квартире *Мережковских*. К Ф. благоволила *З.Гиппиус*, давшая ему ласковое прозвище «Спаржинька». Ф. пользовался большим уважением в кругах рус. эмиграции за свою порядочность и честность. «Независимый, во многом упрямый, осведомленный, трезвый и честный даже в мелочах, когда требовали обстоятельства, — он умел отличнейшим образом отстаивать свое мнение» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. — СПб., 1993. — С. 35). «Из фельзеновского поколения не могу вспомнить человека, в применении к которому слово «честный» приобретало бы смысл более глубокий» (*Адамович Г.* Одиночество и свобода. — СПб., 1993. — С. 155).

В 1930 в изд-ве Я.Поволоцкого в Париже вышел ром. Ф. «Обман», стиль к-рого во мн. навеян М.Прустом. В этом произв. почти нет фабулы, лишь дневниковые записи, посв. кропотливому самоанализу собств. чувств. «Обман» встретил дружный протест критиков рус. зарубежья. «Эта вещь вымученная, написанная тяжелым неуклюжим языком... Повесть Фельзена не лишена интереса с точки зрения психопатологии любви, но литературно она знаменует неудачу, несмотря на... ее явную зависимость от Пруста», — писал *Г.Струве*. (Россия и славянство. — 1930. — 8 нояб.). Его поддержал критик, писавший под псевд. Д'Артаньян: «Подражание Прусту опасно. Даже вредно... Пристальная напряженность фельзеновского анализа лишь обнажает душевную плоскость, ничтожность переживаний его героев» (Норд-Ост. — Рига, 1931. — № 2. — С. 32). «Книга неудачна, но автор не умещается в своей книге. Книга остается неподвижной системой интересных заданий», — вторил им *Георгий Хохлов* (Воля России. — 1931. — № 1/2. — С. 198). Он же под псевд. А.Новик дал менее жесткую рецензию: «Повесть Юрия Фельзена скучна как беллетристика и интересна как литературный эксперимент» (СЗ. — 1931. — № 46. — С. 500). Но совершенно по-другому оценил кн. *П.Пильский*: «Книга — для немногих, эти немногие должны быть терпеливы: не напрасная жертва, она вознаградится... У Фельзена много данных для светлых предречений. Из них лучшие залоги — его даровитость и ум» (Числа. — 1930/31. — № 4. — С. 267). Относительно высоко принял «Обман» А.Савельев: «Ю.Фельзен, пожалуй, единственный из молодых беллетристов, для которых подражание Прусту не является искусственно напяленной и дурно пригнанной формой. Он уловил коечто не только от внешней структуры, но и от сокровенного духа прустовского повествования» (Руль. — 1931. — 4 февр.). Сам Ф. никогда не отрицал влияния Пруста и своей любви к нему. «Победа и очарование Пруста в том, что он говорит о задевающем, отыскивая для каждого данного положения или персонажа отчетливую «психологическую» линию и с упрямой, железной последовательностью ее проводит через длинные свои фразы», — писал он о Прусте («Пруст и Джойс» // Числа. — 1932. — № 6. — С. 216). Этот метод Ф. прежде всего пытался использовать сам.

В 1932 в изд-ве «Парабола» (Берлин) вышла вторая кн. Ф. «Счастье» — тот же монолог, только уже в форме не дневниковых записей, а письма к любимой женщине. Эту кн. высоко ценил *В.Ходасевич*. Он близко был знаком с Ф., в шуточном послании *Раисе Блох* и *Михаилу Горлину* даже описал сказочного магараджу, к-рый для улучшения сна читал на ночь Ф. (Ходасевич В. Стихотворения. — Л., 1989. — С. 267). Откликаясь на выход «Счастья», Ходасевич отметил: «В ряду молодых авторов, определяющих сегодняшний день нашей словесности (*Сирин*, *Смоленский*, *Берберова*, может быть — *Газданов*), мне думается, следует назвать также и Юрия Фельзена... Роман Фельзена бескрасочен. С тем большею пристальностью, доходящей до мелочности, до развертывания и рассматривания мельчайших деталей, изображен внутренний мир самого героя» (В. — 1933. — 12 янв.). *М.Цетлин* писал: «В то время как в редкой из советских книг не найдешь отголоска *Бунина* или *Ремизова*, в книге этого молодого эмигрантского автора ищешь влияние Пруста или Джойса... Ю.Фельзен талантлив, вдумчив, наблюдателен» (СЗ. — 1933. — № 51. — С. 461). *Ю.Терапиано* говорил о Ф.: «Действительно, манера его письма, его аналитические приемы носят на себе следы влияния Пруста. Но за всем этим более глубоко, более внутренне Фельзен представляется мне связанным именно с русскими истоками, а именно с лермонтовской прозой. Мотивы его интроспекции, смотрения в себя иные, чем у французского писателя: в главном — это русское влечение к сути вещей, вглубление в себя... Книга — одна из самых честных книг, написанных в эмиграции» (Числа. — 1933. — № 7-8. — С. 269).

Ф. публиковал заметки и рассказы почти в каждом номере «Чисел». В 1934 он был избран пред. «Союза молодых поэтов и писателей», где, по словам Терапиано, проявил себя как «принципиальный противник всякого спора и разъединения» (Терапиано. — С. 123). В 1935 в Париже, в изд-ве «Объединение поэтов и писателей» вышла пов. «Письма о Лермонтове» (отрывки в «Числах», 1930-33). Это — письма героя к покинувшей его женщине, благодаря к-рым он добивается ее возвращения. Ф. остался верен своему стилю. Г.Адамович противопоставил эту кн. легким развлекат. ром., заполнившим кн. рынок рус. эмиграции: «Книга глубоко серьезна и требует к себе серьезного отношения. Это — «последняя туча рассеянной бури», или — если угодно, дневник человека после кораблекрушения». Правда, Г.Адамович отметил и однотонность стиля Ф.: «Личный стиль Фельзена похож на стиль какого-то каталога отвлеченностей, напряженно-однообразный, без игры света и теней» (ПН. — 1936. — 16 янв.). Ходасевич оценил эту кн. так: «Скажу без обиняков, что она решительно подкупает прекрасными, редкими свойствами: некрикливой, мужественной прямотой и бесстрашной правдивостью. Это — чистая, хорошая книга» (В. — 1935. — 26 дек.).

Ф. принял активное участие в подготовке альм. «Круг», где публиковались его рассказы и заметки. В первом выпуске (1937) Ф. печатает эссе о *Б.Поплавском*. В сб. «Лит. смотр» (Париж, 1939) опубл. рассказ Ф. «Перемены» — монолог героя всех предыдущих кн. Ф. о взаимоотношениях с прежней героиней Лелей — и его ст. «Прописи» — мысли о долге писателя. «Писатель мало задумывается о «строе» (второстепенная, скучная деталь), он даже непрочь помечтать об утопическом равенстве, о национальном реванше, не предвидя, к чему это может привести. Лишь попав в большевистско-фашистскую ловушку, утратив право на творчество, он жалеет, как никто, о погубленной свободе и о законах, ее охранявших» (Лит. смотр. — Париж, 1939. — С. 144). Ф. особо отмечал долг писателя эмиграции и его ответственность. Крайне отрицательно оценив весь сб. «Литературный смотр», *В.Набоков* выделил лишь рассказ Ф.: «Отрывок Фельзена — единственное украшение сборника. Хотя, вообще говоря, этого автора можно кое в чем и упрекнуть (в том, например, что он тащит за собой читателя по всем тем осыпям, где авторская мысль сама прошла)... Это, конечно, настоящая литература, чистая и честная. Его же статья «Прописи» состоит из дельных, хотя и бледноватых мыслей о назначении писателя» (СЗ. — 1939. — № 70. — С. 284).

В 1943 Ф. пытался перейти швейц. границу, но был схвачен, как еврей депортирован в концлагерь, где и погиб.

Изд.: Франц. эмиграция и лит-ра // Новый корабль. — 1927. — № 1.

Автобиография // Калифорнийский альм. — Сан-Франциско, 1934.

Лит.: Пильский П. Рец.: «Счастье» // Сегодня. — 1936. — 13 янв.
Кельберин Л. Рец.: «Письма о Лермонтове» // Круг. — 1937. — № 1.
Леонидов В. «Трудный писатель» // ЛО. — 1996. — № 2.
+ Адамович; Казак; Струве.

В.В.Леонидов

ФИЛОСО́ФОВ Дмитрий Владимирович (26.III(7.IV).1872, Петербург — 4.VIII.1940, Отвоцк, Польша) — критик, публицист. Отец, Владимир Дмитриевич (1820-1894), был прокурором воен. суда, чл. Гос. совета (с 1881). Мать, Анна Павловна (урожд. Дягилева) (1837-1912), — обществ. деятельница, была в числе учредителей петерб. Высших (Бестужевских) курсов (1878). С 1882 Ф. учился в г-зии К.И.Мая, где его товарищами были А.Н.Бенуа, К.А.Сомов, В.Ф.Нувель. После окончания г-зии Ф., Бенуа и Нувель поступают на юрид. ф-т Петерб. ун-та. Туда поступает и С.П.Дягилев, двоюродный брат Ф. В центре интересов этого кружка стояли вопросы иск-ва. Окончив ун-т в 1895, Ф. был оставлен при каф. гос. права. В 1896 занимался в Гейдельбергском ун-те, но в 1898 Ф. прервал юрид. карьеру и поступил на службу в Публичную б-ку. С 1897 выступает в печати в журн. «Сев. вест.», «Образование», «Журн. мин-ва юстиции», «Трудовая помощь»; участвует в организации журн. «Мир иск-ва» (1899-1904). Ф. редактировал лит. отдел этого журн., выступал как публицист, лит. критик. В это же время Ф. знакомится с *Д.Мережковским* и *З.Гиппиус*. Начинается их многолетнее активное сотрудничество. Ф. был в числе инициаторов Религ.-Филос. собр., редактировал журн. «Новый путь» (1903-04) в последний год его изд. Состоял пред. Религ.-Филос. об-ва. Ф. вместе с Мережковскими в нач. 1906 уезжает в Париж, где совм. с ними опубл. кн. «Le Tsar et la revolution» (1907) и драму «Маков цвет» (1908). Вернувшись в июле 1908 в Россию, Ф. активно сотрудничает в газ. «Слово», после ее закрытия переходит в кадетск. газ. «Речь». С лит.-критич. и религ.-филос. ст. он выступает в журн. «Рус. мысль», «Моск. еженед.», газ. «Рус. слово». В 1909 в Петербурге вышел сб. ст. Ф. «Слова и жизнь: Лит. споры новейшего времени (1901-1908)», в к-рый вошла ст. «Конец *Горького*» (1907). Отметив два момента, к-рые «погубили» писателя («успех и наивный, непродуманный социализм»), Ф. высказал мысль о том, что «босяк» вообще, и в частности «босяк» Горького — «понятие отнюдь не только социальное». В Москве в 1912 вышли его сб. «Неугасимая лампада» и «Старое и новое: Сб. ст. по вопросам иск-ва и лит-ры».

Об отношении Ф. к войне и революции 1917 свидетельствует его Дневник (Звезда. — 1992. — № 1; публ. и предисл. Б.Колоницкого), говорящий о большом сходстве его настроений и оценки происходящего со взглядами и трактовкой событий Мережковскими. Окт. переворот производит тяжелейшее впечатление на Ф. Он хлопочет о возобновлении закрытой газ. «Речь», выходившей после очередного запрета под новыми загл. до авг. 1918. В окт. 1918 Ф. вновь поступает на службу в Публичную б-ку.

В конце дек. 1919 Ф., Мережковский, Гиппиус и *В.Злобин* эмигрируют из Петербурга через Бобруйск в Минск и далее в Варшаву. Их программным выступлением в печати стала кн. «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1922). Близкие отношения Ф. с Гиппиус и Мережковским закончились летом 1920 в Варшаве, когда он был привлечен *Б.Савинковым* к активной полит. работе, а Гиппиус и Мережковский после недолгого сотрудничества в газ. «Свобода» (Варшава, 1920; с нояб. 1921 по 1932 — «За свободу!») уехали в Париж. Ф. остро переживал разрыв, но для большинства лит. эмиграции Ф. оставался неизвестным.

Ф. становится тов. пред. (Савинкова) Рус. полит. (затем — эвакуационного) к-та, действовавшего в Варшаве в июле 1920 — окт. 1921 как ядро рус. антибольшевист. правительства. После высылки большинства чл. комитета (во гл. с Савинковым) из Польши в конце окт. 1921 Ф. стал руководителем (с 1921 по 1924) Варшавского отд. конспиративного «Нар. союза защиты родины и свободы» и руководителем газ. «За свободу!», оставаясь им до ее закрытия в 1932. Субсидии на издание газ. предоставлялись Ф. польск. правительств. учреждениями. Резкое сокращение субсидий в 1923

поставило газ. на грань банкротства, и ее существование поддерживалось Ф. путем непрерывных финансовых операций. Постоянный лейтмотив его писем к Савинкову, проживавшему в Париже — жалобы на нехватку денег: «Спасти нас может только чудо» (ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Ед. хр. 204). Пост. сотр. газ. в 1920-21 были Савинков, Гиппиус, Мережковский, Ф., А.А.Дикгоф-Деренталь, *А.Бем*, *В.Зеньковский*, Леон Козловский (будущий премьер-министр Польши), затем *М.Арцыбашев*, остававшийся ведущим публицистом газ. до конца своей жизни, и *А.Амфитеатров*. Фактич. ред. газ. — А.И.Гзовский (июль — дек. 1920), В.Д.Португалов (дек. 1920 — дек. 1923) и Ф. Полит. ориентацией газ. оставался антибольшевизм, установка на «активные методы борьбы», включая террор, а также неприязнь и к либеральной, и к монархич. эмиграции.

11 февр. 1921 на заседании Союза возрождения России Ф. сделал доклад о задачах рус. эмиграции, где отметил «отсутствие общей, единой воли, общей положительной, руководящей идеи» (Свобода. — 1921. — 13 февр.). Заметив, что период вооруженной борьбы окончился неудачей, Ф. предлагает не прекращать сопротивления, гл. внимание обращая на культурное воспитание рус. эмиграции и сохранение тесной связи с крестьянством как наиб. здоровой частью рус. народа. «Величие нации заключается не в территориальных расширениях, а в ценности, глубине и возвышенности ее культуры», — утверждал Ф. Задачи рус. эмиграции постоянно остаются в поле зрения Ф.-публициста. В ст. «Ориентации» (За свободу! — 1923. — 29 июля) он с удовлетворением констатирует общий вывод рус. эмиграции всех направлений о нецелесообразности новой интервенции.

После ареста Савинкова в СССР ред. «За свободу!» сначала считала сообщения информац. агенств о суде над своим руководителем чекистской провокацией. После получения 16 сент. 1924 доставленного с нарочным письма Савинкова из Внутр. тюрьмы ГПУ с предложением всей ред. признать борьбу с сов. властью бессмысленной и вернуться в Россию, 17 сент. была опубл. подборка материалов «Предатели», где Ф. отрекся от Савинкова, заверив, что газ. будет продолжать начатое дело. Газ. прекратила выход 5 апр. 1932 и была преобразована в ежедневную илл. газ. «Молва» (1932-34), к-рой также руководил Ф. Он опубл. «Проект лит. академии рус. зарубежья» (Молва. — 1933. — № 266). По мысли Ф., все заруб. писатели должны быть разделены на три возрастные группы. Старшие, создавшие себе лит. имя еще в России, должны были составить Академию в собств. смысле слова. «Кандидатами» в академики были бы писатели, дебют к-рых состоялся еще в России, но их «определение» произошло уже в эмиграции. Около них должна была группироваться молодежь. Однако этому проекту не суждено было осуществиться. С 1934 Ф. начал редактировать лит.-полит. журн. (потом газ.) «Меч» (Варшава, 1934-39), парижским ред. первонач. считался Мережковский. В 1929-35 Ф. становится поч. пред. «Лит. содружества» в Варшаве, сначала являвшегося Лит. секцией Союза рус. писателей и журналистов. Собр. содружества поначалу закрытые, потом публичные, посвящались авторским чтениям и рефератам на историко-лит. и историко-культурные темы. На собр. выступали Ф. и проезжавшие через Варшаву *К.Бальмонт* и *И.Северянин*. В 1934-36 Ф. руководит лит. кружком «Домик в Коломне» (Варшава). Выступая «под знаком Пушкина», кружок утверждал всемирность как осн. традицию рус. нац. культуры. В собр. принимали участие не только рус., но и польск. писатели.

Лит.: Гиппиус З. Дм. Мережковский. — Париж, 1951.

Злобин В. Тяжелая душа. — Вашингтон, 1970.

Дюррант Дж.С. По мат-лам архива Д.В.Философова // Лица: Биогр. альм. — М.; СПб., 1994. — № 5.

+ Струве.

Т.Г.Петрова

ФЛОРО́ВСКИЙ Георгий Васильевич (28.VIII(9.IX).1893, Елизаветград — 11.VIII.1979, Принстон, США) — богослов и религ. деятель, философ, историк культуры. Род. в семье потомств. священника, окончил одесскую г-зию в 1911 и историко-филол. отд. Новороссийского (Одесса) ун-та в 1916. В 1916-19 преподавал ист. и филос. дисциплины в Одессе, в янв. 1920 эмигрировал в

Болгарию и до кон. 1921 жил в Софии, не имея пост. работы. В этот период он становится одним из основателей евразийского движения, к-рое зародилось зимой 1920-21 в кружковых собеседованиях пяти молодых эмигрантов (Ф., *Н.С.Трубецкой*, П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, А.А.Ливен) и заявило о себе выходом сб. «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921). Из 10 ст. сб. Ф. принадлежали три, излагавшие наиб. общие историософские и филос. аспекты евразийской идеи. Однако его участие в евразийстве было недолгим; уже в авг. 1923 он отошел от движения, поскольку встретил в нем неприятие своих ортодоксально-христ. позиций в религ.-филос., историч. и социальных вопросах и сам, в свою очередь, отвергал уже наметившийся уклон Движения к политиканству, с усилением чего Ф. все негативнее относится к евразийству, что и выразил в ст. «Евразийский соблазн» с глубоким критич. анализом течения (СЗ. — 1928. — № 34). Ф. разоблачает постоянно сквозящий в рус. идейной истории уклон к абсолютизации народной стихии как таковой, как этнич. и органич. данности, и утверждает понимание нац. истории как духовного творчества, сущность и цель к-рого — христ. просвещение и преображение органич. стихии.

В 1922-26 Ф. жил в Праге, где преподавал на Рус. юрид. ф-те и в др. уч. заведениях; в 1923 защитил дис. на тему «Историч. философия Герцена». Темы его творчества в этот период — философия, рус. история, культура, лит-ра; он выпускает работы о Достоевском, Тютчеве, Гершензоне («Достоевский и Европа». — София, 1922; «Молодость Вл.Соловьева» // Путь. — 1928. — № 9; «Искания молодого Герцена» // СЗ. — 1929. — № 39, 40; «Тютчев и Вл.Соловьев» // Путь. — 1933. — № 41). В сент. 1926, получив приглашение Правосл. Богословского ин-та им. преп. Сергия Радонежского, он переезжает в Париж, чтобы занять там каф. патрологии. Не оставляя тем философии и культуры, Ф. начинает активную работу в обл. правосл. богословия и патристики («Жил ли Христос? Ист. свидет-ва о Христе». — Варшава; Париж, 1929); часть его лекцион. курсов выходит в свет в нач. 30-х, составив кн. «Восточные Отцы IV в.» (Париж, 1931) и «Византийские Отцы V-VIII вв.» (Париж, 1933; М., 1992). Они знаменуют собой новый уровень и этап рус. богословской и патристич. науки; здесь впервые намечена концепция неопатристич. синтеза. Это — центр. концепция зрелой мысли Ф., усиленно выдвигавшийся им тезис, согласно к-рому вся религ. культурная жизнь в православии и в России имеет своим духовным истоком наследие греч. отцов церкви или христ. (воцерковленный) эллинизм; и залог ее плодотворности, защита от неверных путей — в пост. возобновлении живой связи с этим истоком.

Идея неопатристич. синтеза лежит в основе «Путей рус. богословия» (Париж, 1937, 1983) — труда, к-рый подвел итоги штудий Ф. на темы рус. религ. сознания и стал образцом нового подхода в теологии рос. культуры. Кн. гораздо шире своего назв., и сам автор определил ее как «опыт ист. синтеза». Синтез «Путей» вобрал в себя все стороны культуры и жизни нации, как-либо связанные с верою и религией: это и история рус. школы и просвещения, религ. споров и ересей; и анализ феноменов интеллигенции, народничества, нигилизма, декадентства; и курс рус. философии от ее истоков до рев. обрыва, до творчества Флоренского и *Бердяева*; и, наконец, целая серия этюдов о рус. лит-ре — о Гоголе, Достоевском («Религиозные темы Достоевского» // Россия и славянство. — 1931. — 21 февр.), Толстом («У истоков» // СЗ. — 1936. — № 61), Розанове, *Мережковском*, Блоке, *А.Белом*. Метод автора отличает сочетание тонкого, проницат. психологизма, внутр. вживания — и в то же время строгой, часто скептич. оценки, исходящей из церковно-догматич. и патристич. норм. Эти сурово-осудительные оценки вызывали возражения современников и позднейших авторов (так, по замечанию Бердяева, лучшим заглавием для кн. было бы «Беспутья рус. богословия». — Путь. — 1937. — № 53), однако по цельности и широте охвата, по глубине постановки и решения общих типологич. и мифол. проблем применительно к рос. конкретности кн. остается не только не превзойденной, но и единств. в своем роде.

Др. темами творчества и преподавания Ф. в 30-е служили экклесиология, разл. ветви богословия, греч. яз. и палеография, нем. романтизм и идеализм. Этой широте творчества отвечала широта его обществ. и

религ. позиции. Обладая строгой твердостью духовных оценок, приняв духовный сан в 1932, он, вместе с тем, никогда не принадлежал ни к каким группам и партиям, не участвовал в полит. и церк. раздорах. Будучи противником софиологич. учения *о.Сергия Булгакова*, он, тем не менее, не принял участия в острой полемике вокруг этого учения; назначенный митрополитом Евлогием в 1935 чл. богосл. комиссии по разбору софиологии, он в своем отзыве признает ее богословски ошибочным, однако не еретич. учением. Далеко и принципиально расходясь с Бердяевым в религ. воззрениях, он в то же время имел с ним глубокое филос. общение и активно участвовал в его инициативах — Религ.-Филос. академии (работа к-рой, после Москвы и Берлина, с 1924 продолжалась в Париже), журн. «Путь», межконфессиональных собеседованиях с католич. и протестантскими мыслителями в 1926-28 и католич. — в 30-х. С кон. 20-х начинаются активные контакты Ф. с англиканской церковью. Вместе с о.С.Булгаковым он организует совм. съезды и встречи, участвует в учреждении двустороннего Содружества св. Албания и преп. Сергия Радонежского; с сер. 30-х регулярно читает курсы лекций в Оксфорде.

Будучи застигнут войной в Швейцарии, Ф. провел воен. годы в осн. в Югославии, а 1945 в Праге, откуда вернулся в Париж. В послевоен. период развертывается его деятельность в экуменич. движении, начавшаяся еще в 30-е. Он участвует во встречах и дискуссиях, читает во мн. странах курсы о православии для зап. христиан, на Учредит. ассамблее Всемирного совета церквей (Амстердам, 1948) избирается чл. исполнит. к-та. В своих трудах этих лет он развивает на базе идеи неопатристич. синтеза обширное учение о Церкви (однако не оставляет и лит. тем, публикуя ст. о Гончарове и о религ. поисках в рус. лит-ре). В междунар. христ. кругах устанавливается его репутация как крупнейшего правосл. богослова и авторитета по правосл. вероучению. В сент. 1948 Ф. переезжает в Нью-Йорк, где становится проф., а затем и деканом (до 1955) Свято-Владимирской Правосл. Богословской акад. Он также преподает в амер. ун-тах — Колумбийском (1951-55), Гарвардском (1956-64), где возглавляет каф. истории Вост. Церкви, в Принстонском (с 1964). В окт. 1993 в Анн-Арборе состоялась междунар. юбилейная конференция его памяти.

Изд.: Collected works. — Belmont (Mass.), 1972-79. — Vol. 1-5; Vaduz, Liechtenstein, 1987-90. — Vol. 6-14.

Лит.: Georges Florovsky: Russian intellectual and Orthodox churchman / Ed. by Blane A. — N.Y., 1993; рус. пер.: М., 1995.

Хоружий С.С. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. — 1991. — № 3.

+ РФН; РФР.

С.С.Хоружий

ФОНДАМИ́НСКИЙ (Фундаминский) Илья Исидорович (псевд.: Бунаков) (1880, Москва — 19.XI.1942, концлагерь, Германия) — публицист, общественно-полит. деятель. Род. в ортодоксальной состоят. евр. семье. Большое влияние на него оказала судьба старшего брата Матвея (1866-96), участника рев. движения, отправленного в ссылку и раненного во время вооруж. выступления в Якутске. Еще в дет. годы сложился кружок друзей, в к-рый, кроме Ф., входили *М.Вишняк*, *В.Зензинов*, А.Р.Гоц, а также будущая жена Ф. Амалия Гавронская. Как вспоминал Зензинов, Ф. был «стройный и высокий юноша, красавец, немного, пожалуй, артистической наружности... В нем вообще было нечто врожденно-художественное, пылкое, увлекательное» (Зензинов В.М. Памяти И.И.Фондаминского-Бунакова // НЖ. — 1948. — № 18. — С. 299). В 1900 Ф. вместе с сестрой Раисой и Абрамом Гоцем уехал в Германию, где поступил в Гейдельбергский ун-т. Там сложился кружок «молодых эсеров» (Ф., Зензинов, Гоц, Н.Д.Авксентьев). Весной 1902 во время возвращения из Германии был арестован на границе за помощь в деле транспортировки рев. лит-ры, однако довольно быстро выпущен. Вскоре Ф. женился на Амалии Гавронской (двоюродной сестре *М.Цетлина*) и уехал в Европу, путешествовал по Италии. Там он изучал иск-во, там же выполнял поручения ЦК партии эсеров, а вскоре и сам стал чл. ЦК. Незадолго до отъезда придумал себе псевд. Бунаков по вывеске большого бакалейного ма-

газина на Маросейке (Москва). Во время дек. вооруженного восстания был в Москве, в эсеровском штабе. После подавления мятежа вместе с *В.Рудневым* и М.Вишняком выехал в Финляндию.

Еще до ареста в 1906 Ф. стал проявлять интерес к религ. проблемам, заходя в ред. журн. «Новый путь» к *З.Гиппиус* и *Д.Мережковскому*. С 1906 по 1917 Ф. прожил в эмиграции, во Франции часто вместе с *Б.Савинковым* бывал у Мережковских, занимался рев. организац. работой. С нач. первой мировой войны стал на позиции «оборонцев» и вместе с Г.В.Плехановым и Н.Д.Авксентьевым был одним из изд. журн. «Призыв». В февр. 1917 вернулся в Петроград. В апр. 1917 Ф. становится тов. пред. Исполкома совета крест. деп., затем — комиссаром Времен. правительства на Черноморском флоте, от к-рого был избран в Учредит. собр.; после его разгона оказался на нелегальном положении. Пытался вместе с М.В.Вишняком пробраться в Поволжье, но не сумел, вернулся в Петроград и в 1918 через Одессу и Константинополь выехал во Францию.

Здесь проявился талант Ф. как организатора, издателя. Привлекали и его душевные качества. «Первое, что поражало и покоряло в Фондаминском, была его редкая доброта... Совершенно неслыханной в кругу русской идеологической интеллигенции была его терпимость к чужим убеждениям, даже самым далеким, даже самым враждебным» (*Федотов Г.П.* И.И.Фондаминский в эмиграции // НЖ. — 1948. — № 18. — С. 318). «Он устраивал какие-то кружки, куда приглашал поэтов, священников и философов, издавал религиозный журнал «Новый град», руководил какими-то собраниями... Книжки *Смоленского*, *Кузнецовой*, *Ладинского* и других были выпущены в издательстве «Современных записок» на деньги, собранные Фондаминским, и он сам продавал их направо и налево» (*Берберова Н.* Курсив мой. — Нью-Йорк, 1983. — Т. 1. — С. 346-347).

Одним из гл. дел Ф. в эмиграции стало изд. журн. «СЗ». «Он сделался, можно сказать, «одержим» интересами журнала. «Современные записки» стали для него как бы целью в себе и высшей ценностью» (Вишняк М.В. «Совр. записки»: Восп. ред. — СПб., 1993. — С.74). Ф. организовывал публ. разл. авторов, причем часто противоположных убеждений, уговорить к-рых выступать в одном журн. было нелегко. С первых номеров в «СЗ» стали появляться его историко-филос. очерки «Пути России». Ф. поддержал идею «противоположности» России Европе, Россию относил к сфере Востока. Моск. царство было для него высшим раскрытием рус. идеи в истории России, а самодержавие — единств. пригодным для России режимом. За 20 лет существования «СЗ» вышло 17 очерков Ф. «Пути России». «Почему Запад и Россия стоят друг перед другом лицом к лицу? И почему преимущество на стороне России? — Потому что Россия и Запад — два разных мира с самобытными и противоположными стихиями и потому, что стихия России чище и праведнее» (СЗ. — 1940. — № 70. — С. 192). Ф. часто посещал собр. «Зеленой лампы», принимал участие в «воскресеньях» на квартире Мережковских, устраивал вечера «СЗ» у себя на квартире. В 1930 был одним из организаторов «Лиги правосл. культуры», в 1931 вместе с Г.Федотовым и *Ф.Степуном* приступил к изд. религ. журн. «Новый град». В предисл. к первому номеру редакторы писали: «Демократия оказалась бессильной создать твердую власть... Из скептического и эстетического декаданса довоенных десятилетий вырастает мощное религиозное движение... Лишь христианство не эклектически, а целостно утверждает равенство целого и части, личности и мира, Церкви и человеческой души» (Новый град. — 1931. — № 1. — С. 3, 7). С 1931 по 1939 вышло 14 номеров этого изд., отстаивавшего христ. ценности и протестовавшего против зап. либерализма.

В 1935 Ф. потерял жену и долго не мог войти в привычную жизнь. В 1935 вместе с *Н.Бердяевым* и матерью Марией (*Е.Кузьминой-Караваевой*) стал одним из основателей объединения «Православное дело» — орг-ции, к-рой предстояло заниматься прежде всего конкретными делами — помощью больным и престарелым. В том же 1935 Ф. организовал лит. объединение писателей и поэтов «Круг», собиравшихся на квартире у Ф. и устраивавших диспуты на религ. и лит. темы. «Ценность Фондаминского стала понятна только теперь. Такие люди необходимы для возникновения культурного центра с положительной иерархией и руководящим общественным мнением» (*Яновский В.* Поля Елисейские. — СПб., 1993. — С. 77).

С нач. войны над Ф. как евреем нависла опасность. Летом 1940 он уехал на юг Франции. Но осенью 1940 вернулся в Париж, предпочитая остаться со своими друзьями, с матерью Марией. Арестован в Париже 22 июня 1941. Сначала был заключен в лагерь Компьен; только там, в одном из бараков, ставшем самодельной часовней, принял крещение. В авг. 1942 Ф. был отправлен в Германию, где и погиб в Освенциме. Архив Ф.: ГАРФ. Ф. Р6212.

Лит.: Памяти Амалии Осиповны Фондаминской. — Париж, 1937.

Дэвис Д. Переписка ред. журн. «Совр. записки» // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.

В.В.Леонидов

ФРАНК Семен Людвигович (16(28).I.1877, Москва — 10.XII.1950, Лондон) — философ, критик. Род. в семье врача. После смерти отца воспитывался у деда, одного из основателей евр. общины в Москве. «Благоговейное чувство, с которым я целовал покрывало Библии, когда в синагоге обносили «свитки закона», в порядке генетически-психологическом, стало фундаментом религиозного чувства, определившего всю мою жизнь за исключением неверующей юности (примерно от 16 до 30 лет)», — вспоминал Ф. («Предсмертное. Восп. и мысли» // ВРХД. — 1986. — № 146. — С. 109). Его отчим, В.И.Зак, участник народнич. движения, ввел Ф. в мир «освободительных» идей рус. интеллигенции. Первонач. образование Ф. получил в г-зии при Лазаревском ин-те вост. яз. в Москве и г-зии Нижнего Новгорода, окончив к-рую он поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та. Уже в г-зии Ф. заинтересовался марксизмом, а осенью 1898 познакомился с *П.Струве*, сразу признав в нем идейного наставника (дань благодарности своему другу Ф. принес в кн. «Биография П.Б.Струве». — Нью-Йорк, 1956). Весной 1899 за участие в студенч. волнениях Ф. исключен из ун-та и выслан в Нижний Новгород. В 1899-1900 слушал лекции по философии и полит. экономии в Берлин. ун-те. В 1901 сдает экзамены за полный курс в Казанском ун-те. В 1900 выходит его кн. «Теория ценности Маркса и ее значение: Критич. этюд» (СПб.), создавшая ему репутацию «легального марксиста». С 1902 начинается активное участие Ф. в общественно-полит. жизни России: он — корр. и автор полит. журн. рус. либералов «Освобождение», участник первого загранич. съезда «Союза Освобождения» и первого съезда кадетов (1905); сотр. журн. «Новый путь» и «Вопросы жизни». Вместе с П.Б.Струве руководит еженед. «Полярная звезда» и «Свобода и культура» (1905-06); участвует в дискуссиях в Религ.-Филос. об-ве в Петербурге. С 1907 Ф. становится чл. ред. журн. «Рус. мысль» и ведет в нем филос. отдел. В 1910 выходит сб. Ф. «Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры» (СПб.). В 1906 начинает пед. деятельность; с 1912 работает в Петерб. ун-те, с 1914 — в Политехнич. ин-те. Ф. участник трех сб. — «Проблемы идеализма» (М., 1902), «Вехи» (М., 1909), «Из глубины» (М.; Пг., 1918). В 1910 Ф. принимает православие. На формирование филос. мировоззрения Ф. оказали влияние Ф.Ницше, Б.Спиноза, И.В.Гете, А.Бергсон. Основная филос. идея Ф. о бытии как сверхрациональном единстве выражена в магистер. дис. «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (СПб., 1915). Этой работой Ф. являет себя представителем философии всеединства, генетич. связанной с неоплатонизмом. Вместе с кн. «Душа человека. Опыт введения в филос. психологию» (Пг., 1917) и «Духовные основы об-ва. Введение в социальную философию» (Париж, 1930) она образует трилогию, составившую первый уровень филос. осмысления мира у Ф. По предложению Мин-ва нар. образования Временного пр-ва Ф. занимает пост декана историко-филол. ф-та Саратовск. ун-та и 1 сент. 1917 приезжает в Саратов. С 1921 он снова в Москве, где ведет занятия в Моск. ун-те. Вместе с *Н.Бердяевым* он — инициатор и руководитель «Вольной академии духовной культуры». Вышедшие за годы революции кн. Ф. («Очерк методологии обществ. наук». — М., 1922; «Введение в философию в сжатом изложении». — Пб., 1922; Берлин, 1923; ст. в сб. «Освальд Шпенглер и закат Европы». — М., 1922) подвергнуты резкой идеологич. критике в сов. печати — В.Адоратским (Печать и революция. — 1922. — № 6), С.Кривцовым, И.Лупполом

(Под знаменем марксизма. — 1922. — № 3 и 9/10) и др.

В 1922 Ф. был выслан за пределы сов. России. Первые 15 лет Ф. живет в Германии, затем во Франции (1937-45), скрываясь от нем. оккупац. армии. «В силу моего неарийства — мне грозила депортация и смерть в газовой камере», — вспоминал Ф. в письме *Вяч.Иванову* (Переписка С.Л.Франка с Вяч.Ивановым // Мосты. — 1963. — № 10. — С. 368). В 1923-32 он работает в Рус. науч. ин-те в Берлине (декан историко-филол. ф-та, зам. ректора и в 1931-32 — ректор ин-та); ведет занятия в Религ.-Филос. акад. и в Берлин. ун-те (1931-33).

События революции и гражд. войны в России Ф. рассматривает как выражение кризиса рус. нац. духа («Из размышлений о рус. революции» // РМ. — 1923. — № 6-8; «Религ.-ист. смысл рус. революции» // Проблемы рус. религ. сознания. — Берлин, 1924; «Крушение кумиров». — Париж, 1924 — «лучшая книга по анализу всей дорев. рус. идеологии» (*Зеньковский В.В.* К десятилетию со дня смерти С.Л.Франка // ВРСХД. — 1960. — № 58-59. — С. 79). Революцию в России он связывает с историей европ. гуманизма, рассматривая последний как «ересь утопизма», в чем отчасти повинно само христианство: «Духовная смута, начавшаяся с ренессанса и реформации, порождена в последнем счете односторонностью, с которой христианское откровение выражено в традиционной церковной догматике» (Переписка С.Л.Франка с Вяч.Ивановым — С. 367). Наиб. полным проявлением утопизма он полагает социализм и коммунизм, закономерно выросшие из гуманизма, в к-ром человек потерял ощущение непосредств. связи с Богом.

В деятельности Ф. за рубежом можно выделить три направления. Первое связано с углубл. разработкой собств. философии, предложенной в кн. «Непостижимое. Онтологич. введение в философию религии» (Париж, 1939), «Свет во тьме. Опыт христ. этики и социальной философии» (написана в 1939; изд. в Париже, 1949), «С нами Бог. Три размышления» (написана в 1941, издана в Париже, 1964; франц. пер. в 1941; на англ. яз. в 1946), а также в ст. в журн. «Logos», «Kant-Studien», «The Monist». Осн. идея этих работ — непосредственное присутствие Бога в мире (панэнтеизм) и идея Богочеловечества — неразрывной связи Бога и несовершенного человека. Прикладная, непосредственно обращенная к человеку религиозно-нравств. сторона философии Ф. нашла выражение в кн. «Смысл жизни» (Париж, 1926), «Личная жизнь и социальное строительство» (Париж, 1933), ст. «Проблема христ. социализма» (Путь. — 1939. — № 60), «Ересь утопизма» (НЖ. — 1946. — № 14) и др.

Второе направление — изучение природы рус. мировоззрения, к-рое, несмотря на очевидное своеобразие, рассматривается Ф. в глубоком внутр. родстве с зап.-европ., поскольку оба они укоренены в «сплаве христианства с духом античности», являясь лишь «различными ответвлениями этого общего ствола» («Духовные основы общества». — М., 1992. — С. 499). Считая православие религ. основой рус. мировоззрения, Ф. объясняет конфессион. различия в христианстве историко-культурными причинами, полагая, что церковь как живое органич. единство естественно существует в форме федеративного единства. Наиб. внимание Ф. направлено на уяснение смысла и особенностей творчества А.С.Пушкина («Пушкин как полит. мыслитель». — Белград, 1937; «Этюды о Пушкине». — Мюнхен, 1957), Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, Ф.И.Тютчева, Вл.Соловьева как типичных представителей рус. нац. духа. Из работ Ф. по рус. мировоззрению особенно выделяется антология «Из истории рус. филос. мысли кон. XIX — нач. XX в.» (Вашингтон, 1965).

Тре́тье направление деятельности Ф. — участие в общественно-культурной и церк. жизни рус. зарубежья, — выразилось в чтении публичных лекций по рус. философии и культуре в разл. местах проживания эмиграции (Германия, Франция, Чехословакия и др. страны), в статьях в газ. «Руль», работе в Рус. студенч. христ. движении и жизни правосл. общины в Берлине.

Изд.: По ту сторону правого и левого: Сб. ст. — Париж, 1972.
Духовное наследие Вл.Соловьева // ВРСХД. — 1977. — № 121.
Соч. — М., 1990.
Религиозность Пушкина. Пушкин как политич. мыслитель. О задачах познания Пушкина. Пушкин об отношениях между

Россией и Европой. Светлая печаль // Пушкин в рус. филос. критике. — М., 1990.
Письма С.Л.Франка к Н.А. и П.Б.Струве (1901-1905) // Путь. — 1992. — № 1.
Введение в философию в сжатом изложении. — СПб., 1993.
Переписка П.Б.Струве и С.Л.Франка (1922-1925) // ВФ. — 1993. — № 2.
Рус. мировоззрение. — СПб., 1996.

Лит.: Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа // РМ. — 1923. — № 6-8.
Степун Ф.А. Рец.: «Крушение кумиров» // СЗ. — 1924. — № 21.
Прокофьев П. (Чижевский) Рец.: «Рус. мировоззрение» // СЗ. — 1927. — № 37.
Вышеславцев Б.П. Рец.: «Духовные основы об-ва» // Путь. — 1930. — № 20.
Бердяев Н.А. Рец.: «Непостижимое» // Путь. — 1939. — № 60.
Ильин В.Н. С.Л.Франк и его место в рус. философии и культуре // ВРСХД. — 1951. — № 1.
Зеньковский В.В. С.Л.Франк // В. — 1951. — № 15.
Памяти С.Л.Франка / Под ред. Зеньковского В.В. — Мюнхен, 1954.
Фотиев К. Облик великого поэта (Речь о кн. «Этюды о Пушкине») // Грани. — 1958. — № 38.
Редлих Р.Н. Социальная философия С.Л.Франка. — Франкфурт-на-М., 1972.
Левицкий С. С.Л.Франк // Рус. религ.-филос. мысль XX в. / Под ред. Полторацкого Н.П. — Питтсбург, 1975.
Чижевский Д. С.Л.Франк как историк философии и лит-ры // Филос. и социологич. мысль. — Киев, 1990. — № 11.
Bibliographie des oeuvres de S.Frank / Etablie par Vasily Frank. — Paris, 1980.
+ Зеньковский; Лосский; РФН; РФР.

А.А.Ермичев

Х

ХОДАСЕ́ВИЧ Владислав Фелицианович (16(28).V.1886, Москва — 14.VI.1939, Париж) — поэт, прозаик, критик, мемуарист. Шестой и последний ребенок Фелициана Ивановича (1834-1911) и Софии Яковлевны (1846-1911) Ходасевичей. Отец — из семьи польского дворянина-эмигранта. Мать — дочь Я.А.Брафмана (перешедшего из иудаизма в православие) — была воспитана ревностной католичкой в польской семье. Х. крестили в польской церкви; он был вскормлен рус. кормилицей Еленой Александровной Кузиной (ей посвятил стих. «Не матерью, но тульскою крестьянкой...», 1922). В 1896-1904 Х. учился в 3-й моск. г-зии. В 1903 переехал от родителей на квартиру старш. брата, моск. адвоката М.Ф.Ходасевича. В 1904 поступил на юрид. ф-т Моск. ун-та, осенью 1905 перешел на ист.-филол. ф-т, где с перерывами учился до весны 1910, но курса не окончил. С юности Х. становится страстным карточным игроком. В 1905 в «Альм. кн-ва «Гриф» (М.) опубликовано три стих. Х. В том же изд-ве в нач. 1908 вышла кн. Х. «Молодость: Первая кн. стихов: Стихи 1907 года», посв. Марине — М.Э.Рындиной (1887-1973), жене поэта, с к-рой он обвенчался 17 апр. 1905 (в кон. дек. 1907 Рындина ушла от Х. к *С.Маковскому*). В 1910-11 Х. пережил любовную драму с ушедшей от мужа Е.В.Муратовой, вслед за к-рой в компании с Б.А.Грифцовым отправился в Италию. По возвращении из Венеции у Х. установились близкие отношения с младшей сестрой Г.И.Чулкова — Анной Ивановной (по первому браку — Гренцион, 1887-1964; лит. псевд. — С.Бекетова), ушедшей к нему от А.Я.Брюсова. В 1917 они обвенчались. В 1914 вышел «Счастливый домик: Вторая кн. стихов»; Х. принимал активное участие в изд. *П.Муратовым* журн. «София». Лето 1916 Х. провел в Коктебеле. В 1917 повторил поездку на дачу к М.Волошину. К 1917 относится ссора Х. с Г.Чулковым, к-рый обвинил своего родственника в «пораженчестве», т.к. Х. сотрудничал в горьковской «Новой жизни». Видя в революции спасение поэзии, Х. тем не менее сохранил уважение к личности Николая II («Мученической смертью они... искупили свои ошибки...»). Х. был свидетелем окт. боев в Москве, с воодушевлением воспринял в дек. 1917 большевист. национализацию банков. «К кон. 1917 года мной овладела мысль, от которой я впоследствии отказался, но которая теперь мне кажется правильной, — вспоминал он в эмиграции. — Первоначальный инстинкт меня не обманул: я был вполне убежден, что при большевиках литературная деятельность невозможна. Решив перестать печататься и писать разве лишь для себя, я вознамерился поступить на советскую службу» («Законодатель» // В. — 1936. — 23 апр.). В 1918 в Москве Х. (совм. с Л.Б.Яффе) издал «Еврейскую антологию: Сб. молодой евр. поэзии». С весны 1918 Х. работал секр. третейского суда, с сент. 1918 вел занятия в лит. студии моск. Пролеткульта; с 1918 по сер. 1919 служил в репертуарной секции Театр. отд. Наркомпроса. По предложению *М.Горького* с кон. 1918 по лето 1920 заведовал моск. отд. изд-ва «Всемирная лит-ра». В 1918 вместе с моск. писателями (Б.Грифцов, *Б.Зайцев*, П.Муратов, В.Лидин, *М.Осоргин* и др.) принял участие в организации Книжной лавки писателей по Леонтьевскому пер. 16, но в 1919 ушел из нее. Из-за голода и холода зим 1918 и 1919 Х. в марте 1920 заболел острой формой фурункулеза. Осенью 1920 едва не был мобилизован в Красную армию, но его спасло заступничество М.Горького. 17 нояб. 1920 Х. с женой и пасынком Эдгаром покинул Москву и с помощью Горького получил в нач. 1921 две комнаты в писат. общежитии при петроград. Доме иск-в на углу Мойки и Невского. Сб. «Путем зерна: Третья кн. стихов» отразил опыт Х. 1914-1919 и вышел двумя изд.: в 1920 (М.) и 1921 (Пг.), где текст и композиция были переработаны. Кн. была подготовлена Х. к печати в 1918, но в окончат. варианте включала и более поздние стих. 11 февр. 1921 на торжествах в Доме литераторов в связи с 84-летней годовщиной

смерти Пушкина Х. был свидетелем выступления А.Блока («О назначении поэта»), и там же 14 февр. выступил с речью «Колеблемый треножник» (Вестник лит-ры. — 1921. — № 4-5). Являясь очевидцем кон. петерб. периода рус. истории и «сумерек культуры нашей», Х. предсказывает неизбежное притупление «чувства Пушкина» и тоскует о том, что та близость к Пушкину, «в которой выросли мы», уже никогда не повторится. 3 авг. 1921 Х. уехал в санаторий Дома иск-в — имение Бельское устье (Порховский у. Псков. губ.), 2 окт. Х. отбыл в Москву, 16 окт. вернулся в Петроград. В нач. зимы 1921-22 Х. познакомился с поэтессой *Н.Берберовой*, когда А.И.Ходасевич, заболев открытой формой туберкулеза, была в санатории в Детском Селе. Увлечение Берберовой стало, по-видимому, одной из гл. причин его отъезда из России. Комментируя свое решение, Х. писал жене: «Офелия гибла и пела» — кто не гибнет, тот не поет. Прямо скажу: я пою и гибну. И ты, и никто уже не вернет меня. Я зову с собой — погибать. Бедную девочку Берберову я не погублю, потому что мне жаль ее. Я только обещал ей показать дорожку, на которой гибнут. Но, доведя до дорожки, дам ей бутерброд на обратный путь, а по дорожке дальше пойду один» (Богомолов Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Ходасевич В. Стих. — Л., 1989. — С. 35-36). 6 мая 1922 Х. приехал в Москву и во время переговоров о публ. новой кн. стихов при поддержке А.Луначарского и Ю.Балтрушайтиса оформил загранкомандировку по линии Наркомпроса для «поправления здоровья» себе и своему секр. Н.Берберовой. По возвращении в Петроград Х. 22 июня 1922 выехал с Берберовой поездом в Ригу.

30 июня после недельного пребывания в Риге они прибыли в Берлин, поселились в пансионате Крампе на Виктория-Луиза Платц, где жил *А.Белый* и др. писатели из России. Печатался в близком к «сменовеховству» журн. «Новая рус. книга», эсеровской газ. «Дни». В нач. июля посетил Горького в Херингсдорфе (на Балтийском море); по возвращении в Берлин стал одним из инициаторов создания Дома иск-в — Клуба писателей, к-рый еженедельно, с 1 сент., собирался в кафе «Ландграф» (позже кафе «Леон»). 15 сент. Х. выступил в «Ландграфе» с чтением своих стих. 1 окт. принимал участие в вечере, посв. 30-летию творч. деятельности Горького, к-рый 25 сент. переехал в Сааров и в нояб. уговорил отправиться туда Х. и Берберову, живших вначале в «Банхоф-отеле», а весной 1923 перебравшихся в пансионат, где обосновался Горький. 14-28 авг. 1923 после отъезда Горького (июнь) на юг Германии Х. вместе с Зайцевыми, Бердяевыми, Муратовым находились в приморском городке Прероу-Остзеебад. Отбытие (с авг. 1923) в РСФСР *А.Толстого*, Б.Пастернака, М.Гершензона, *В.Шкловского* и др. мучительно переживалось Х., он подумывал о возвращении на родину. Из-за близости к Горькому Х. нередко воспринимался «советским гостем» на Западе, стал лит. ред. издававшегося Горьким журн. «Беседа» (Берлин, май 1923 — март 1925, кн. 1-6/7). 8 сент. 1923 при прощальном обеде А.Белого произошла ссора между Х. и автором «Петербурга», когда Х. в ответ на реплику Белого о том, что тот едет домой, чтобы дать себя распять за всю рус. лит-ру, заметил, что не может дать ему такое поручение (Хьюз Р. Белый и Ходасевич: к истории отношений // ВРХД. — 1987. — № 151).

4 нояб. 1923 Х. с женой выехали из Берлина в Прагу, остановились в отеле «Беранек». Благодаря рекомендат. письму Б.Пастернака и участию *М.Цветаевой* Х. встречался с чеш. поэтом Ф.Кубкой в надежде получить заказ на переводы, но безрезультатно. Круг общения Х. в Чехословакии узок — С.Эфрон, *М.Слоним*, *Р.Якобсон*; с ним, по выражению М.Цветаевой, «из-за «большевизма» (Горького) никто из русских не общался» (Эфрон А. О Марине Цветаевой. — М., 1989. — С. 104). Ожидая итал. визу, провел зиму с Горьким в Мариенбаде, куда выехал из Праги 6 дек. Поэзией он в это время не занимался, работая над кн. о Пушкине. Получив визу 11 марта 1924, Х. провел неделю в Венеции, три недели в Риме, посетил Турин и 14 апр. прибыл в надежде на заработок в Париж, остановившись на четыре мес. в квартире на бульваре Распай, 207. В авг. Х. отправляется в Лондон, затем оказывается (до 26 сент.) в Ирландии (Белфаст, побережье) и в окт. возвращается в Италию, чтобы с 16 нояб. поселиться с Берберовой, Горьким и его семьей на соррентинской вилле «Иль Сорито». 18 апр. 1925 Х. покидает «Иль Сорито», навсегда прощается с Горьким, к-

рому посвятит неск. очерков («Горький» // СЗ. — 1937. — № 58; «О смерти Горького» // В. — 1937. — 18 марта; «Завтрак в Сорренто» // В. — 1938. — 6 мая; «Горький» // СЗ. — 1940. — № 70). Причина разрыва отношений с Горьким до кон. не прояснена. Х. знал слабые свойства характера Горького, из к-рых самым уязвимым считал «крайне запутанное отношение к правде и лжи, которое обозначилось очень рано и оказало решительное воздействие как на его творчество, так и на всю его жизнь» («Некрополь» и др. восп. — М., 1992. — С. 182). Отъезду из Сорренто предшествовал ряд событий: «Ходасевич... уже знал, что его имя было... в списке высланных в 1922 из России писателей и профессоров» (Берберова — С. 251); берлин. изд. «Счастливого домика» было включено Н.Крупской и П.Лебедевым-Полянским в список запрещ. в РСФСР кн.; с осени 1924 Х. под псевд. стал печататься в берлин. «Днях» и опубл. ст. о деятельности ГПУ за границей («Почта Амура, 20 сент. 1924); 22 февр. 1925 в «Днях» был напечатан подписанный Х. фельетон «Господин Родов» об одном из ред. рапповского журн. «На посту» С.А.Родове, на что тот ответил обвинением Х. в «белогвардейщине», отправив копии своего письма в отдел печати ЦК РКП(б), правление ВАПП. Разрыв Х. с Горьким оброс слухами. *Г.Иванов* и *Г.Адамович* обвинили поэта в том, что Горький застал его рывшимся в своих бумагах. В ответ Х. иронически обвинил «двух Жоржей» в убийстве «старушки» перед отъездом из Петрограда.

Как сов. подданный Х. должен был продлевать паспорт каждые полгода. В марте 1925 посольство в Риме отказало ему в пролонгации и предложило вернуться в Москву. Уехав в Париж, Х. фактич. стал эмигрантом, но объявил о своем решении позже: «Да, очевидно, поэт Ходасевич решил никогда не вступать на территорию СССР» («Pro domo sua» // Дни. — 1925. — 15 нояб.).

Важным поэтич. событием в жизни Х. стала берлин. публ. «Тяжелой лиры: Четвертой кн. стихов» (1923) — переработ. и расшир. изд. кн., впервые вышедшей со множеством опечаток в 1922 (М.; Пг.). Вошедшие в нее стих. были написаны преим. в России, выдержаны в строго классич. формах. Если «Путем зерна» — итог вдохновения, то «Тяжелая лира» — следствие рефлексии, рационализации обретенного метода и трагич. сомнений в нем. В Париже Х. живет в «Притти-отеле», затем на квартире (ул. Ламбларди). В авг.-сент. 1925 поэт находится в пригороде Парижа Медоне, с окт. 1925 по март 1926 в др. пригороде — Шавилле. Единств. возможностью заработка стала журналистика. В «Днях» Х. вместе с *М.Алдановым* был ред. лит. отдела; печатался в «ПН», но с 1926 против этого выступил ред. газ. П.Милюков. 1926-1930 — самые безденежные парижские годы Х. С февр. 1927 вплоть до смерти Х. возглавлял лит. отдел газ. «В», опубл. в ней неск. сот рецензий, ст., обзоров и заметок; считал своим долгом противостоять «политической беспринципности» «ПН». Поправению Х. способствовал не только консерватизм газ. А.Гукасова, но и разочарование в Горьком, неприязнь к движению евразийцев и «возвращенчеству». *Д.Святополк-Мирский* не мог простить Х. его рец. на свои ст. и откликнулся на журн. публ. стихов Х. словами, к-рые явно имели полит. подоплеку: «...маленький Баратынский из Подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии» (Версты. — 1926. — № 1. — С. 208).

Хотя Х. принимал участие в большинстве событий лит. жизни эмиграции, он жил обособленно, в суждениях и вкусах оставался независимым, почти не имел друзей (исключение — *В.Вейдле*). Из молодых поэтов ближе к нему — *Ю.Терапиано*, *В.Смоленский*, *Ю.Мандельштам*. 5 февр. 1927 Х. прочитал вступ. сообщение на первом собрании об-ва «Зеленая лампа», созданного *З.Гиппиус* и *Д.Мережковским*, но вскоре перестал бывать там: «Мережковский и Гиппиус обвиняли Ходасевича в неспособности понимать метафизику. Действительно... Ходасевич не выносил разговоров о «последних вопросах» (Терапиано Ю. Встречи. — Нью-Йорк, 1953. — С. 86).

Итогом поэтич. деятельности Х., переставшего писать стихи после 1928, стала кн. «Собр. стихов» (Париж, 1927). После ее публ. при жизни Х. напечатал еще 8 стих. Новым в кн. был цикл «Европ. ночь» из 26 стих. (1922-27), из к-рых 11 написаны во Франции. По выражению самого поэта, это «сурово стиснутые стихи»: «Слепой», «Берлинское», «An Mariechen», «Соррентинские фотографии» (Х. считал это стих. лучшим «по звуку»), «Баллада», «Джон Боттом»,

«Звезды» и др. Здесь различимы новые влияния — М.Цветаевой, сюрреалистич. образности; имеются переклички с О.Мандельштамом. Через весь цикл проходит уже знакомая Х. романтич. тема конфликта между творчеством и жизнью, к-рый заканчивается поражением поэзии: суггестируемым признанием невозможности существования хрупкой музы в «аде» современности. Среди немногочисл. отзывов о кн. Х. выделялась ст. В.Вейдле «Поэзия Ходасевича» (СЗ. — 1928. — № 34); в иронич. ключе отозвался о ней Г.Иванов (В защиту Ходасевича // ПН. — 1928. — 8 марта), «защищая» Х. от сравнений с Блоком и «преувеличенных» похвал. Если Вейдле настаивал на том, что Х. «защитился от символизма Пушкиным», то Г.Адамович (Звено. — 1928. — № 1) утверждал, что лирич. герой Х. разделил судьбу, общую для всех романтиков, к-рые противопоставили мир иск-ва «миру вашему».

Летом 1927 Х. и Берберова жили в Канне, почти ежедневно виделись с Мережковскими; поездка в Приморские Альпы повторилась в 1928; в сент. Х. навестил *Буниных* в Грасе. В апр. 1928 был написан мемуарный очерк о только что покончившей с собой Н.Петровской («Конец Ренаты» // В. — 1928. — 12, 13, 14 апр.), что стало отправной точкой автобиографии в «отражениях» — кн. мемуаров «Некрополь: Восп.» (Брюссель, 1939), куда вошли очерки разных лет о Брюсове, Белом, Муни, Гумилеве, Сологубе, Есенине, Горьком и др. С 1929 Х. начал работу над кн. «Державин», к-рая публиковалась по частям в «СЗ» (1929. — № 39-42), «В», «Руле» и вышла отд. изд. (Париж, 1931; М., 1988). Изобразив Державина со всеми его человеч. слабостями, Х. отказался от идеи «героич.» биографии и создал кн. прежде всего о «языке» екатерининской эпохи, сделавшем возможным явление предтечи Пушкина (рец. *П.Бицилли* в газ. «Россия и славянство» 19 апр. 1931: П.Муратова — в «В» 4 апр. 1931). О пушкинской теме у Х. см.: Сурат И. Пушкинист Вл.Ходасевич. — М., 1994.

4 апр. 1930 «В» и «СЗ» отметили 25-летний юбилей творч. деятельности Х. (неприязненный отзыв Г.Иванова под псевд. А.Кондратьев — Числа. — 1930. — № 1). В апр. 1932 ушла от Х. к Н.В.Макееву Н.Берберова. В 1933 Х. женился на Ольге Борисовне Марголиной (1890-1942), после его смерти арестов. во время оккупации Парижа 16 июля 1942 и погибшей в Освенциме. 8 февр. 1936 состоялся совм. вечер Х. и высоко ценившегося им *В.Набокова-Сирина* (рец. Х. на ром. «Защита Лужина» // В. — 1930. — 11 окт.; «Камера обскура» // В. — 1934. — 3 мая), где поэт читал пастиш «Жизнь Василия Травникова» (В. — 1936. — 13, 20, 27 февр.; ПН. — 1936. — 1, 8, 15 февр.). Впервые Х. встретился с Набоковым 23 окт. 1932. 24 янв. 1937 он выступил со вступ. словом («О Сирине» // В. — 1937. — 13 февр.) на авт. вечере Набокова в Париже. 15 февр. 1939 состоялся поэтич. вечер Х. в присутствии Г.Адамовича, *Р.Блох*, В.Вейдле, Г.Иванова, *Н.Тэффи*, — членов опекаемой им поэт. группы «Перекресток».

В 1930-е Х. страдал от болей в желудке, к-рые обострились в янв. 1939. Весну поэт провел в Лонгшене, 13 июня в Париже был прооперирован и на след. день, не приходя в сознание, скончался от рака. 16 июня был отпет католич. священником православн. обряда в церкви на ул. Франсуа Жерар, 38 и в присутствии неск. сотен человек похоронен на кладбище Булонь-Бьянкур в предместье Парижа.

В интенсивной критико-публиц. деятельности Х. можно выделить ряд направлений: участие в крупнейших полемиках (как правило, оппоненты Х. — Г.Иванов и Г.Адамович) — о «возвращенчестве», о задачах лит-ры эмиграции («Лит-ра в изгнании» // В. — 1933. — 27 апр., 4 мая), о назначении поэзии и ее кризисе («Кризис поэзии» // В. — 1934. — 28 янв.); рец. на произв. лит-ры зарубежья и «четверговые» обзоры для «В» о сов. лит-ре, к-рые писались совм. с Берберовой (с лета 1932 — одной Берберовой) и подписывались «Гулливер». Как критик Х. выведен в ром. Набокова «Дар» в лице Кончеева, ведущего полемику с Христофором Мортусом (Г.Адамовичем).

Изд.: Лит. статьи и восп. — Нью-Йорк, 1954.
Собр. стихов (1913-1939) // Ред. и прим. Берберовой Н. — Berkeley, 1961.
[Шесть писем В.Ходасевича к М.Карповичу. 1923-1932] // Oxford Slavonic papers. — 1986. — Vol. 19.

Собр. соч. / Под ред. Мальмстада Дж. и Хьюза Р. — Ann Arbor, 1983-1990. — Т. 1-2.
Колеблемый треножник: Избр. — М., 1991.
Из переписки В.Ф.Ходасевича (1925-1938) / Публ. Мальмстада Дж. // Минувшее. — М., 1991. — Т. 3.
Письма В.Ходасевича к Н.Берберовой / Публ. Бетеа Д. // Минувшее. — М., 1991. — Т. 5.
Письма В.Ф.Ходасевича к В.Г.Лидину / Публ. Андреевой И. // Минувшее. — М., 1993. — Т. 14.
Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона / Публ. Андреевой И. // De visu. — 1993. — № 5.
Переписка В.Ф.Ходасевича с А.В.Бахрахом / Публ. Мальмстада Дж. // Новое ЛО. — 1993. — № 2.
Письма В.Ф.Ходасевича к Г.И.Чулкову / Публ. Андреевой И. // Опыты. — СПб., 1994. — № 1.
Полемика Г.В.Адамовича и В.Ф.Ходасевича (1927-1937) / Публ. Коростелева О.А. и Федякина С.Р. // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.
Статьи о сов. лит-ре // ВЛ. — 1996. — № 4.
Собр. соч.: В 4 т. — М., 1996-97. — Т. 1-4.

Лит.: Сирин В. О Ходасевиче // СЗ. — 1939. — № 69.
Вишняк М. Владислав Ходасевич (из личных восп.) // НЖ. — 1944. — № 7.
Терапиано Ю. Об одной лит. войне // Мосты. — 1966. — № 12.
Богомолов Н.А. Георгий Иванов и Владислав Ходасевич // РЛ. — 1990. — № 3.
Бочаров С.Г. Ходасевич (1886-1939) // Лит. рус. зарубежья. 1920-1940. — М., 1993.
Толмачев В.М. Владислав Ходасевич: Матлы к творч. биографии // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 5/6.
Hughes R.P. Khodasevich: Irony and dislocation: A poet in exile // Russ. lit. triquarterly. — 1973. — № 27.
Hagglund R.M. The Adamovič — Xodasevič polemics // Slavic and East European journal. — 1976. — Vol. 20.
Bethea D. Vladislav Khodasevich: His life and works. — Princeton, 1983.
+ Берберова; Казак; Полторацкий; Струве; Терапиано; Шаховская.

В.М.Толмачев

ХОХЛО́В Герман Дмитриевич (21.V (3.VI).1908, Саратов — 10.X.1938, Москва) — критик, поэт. Род. в купеч. семье. Его дядя Роман Яковлевич Хохлов был дир. Балтийской бумагопрядильной мануфактуры. В 1923 по настоянию родителей и по разрешению сов. правительства уехал к дяде в Эстонию. В 1927 окончил рус. г-зию в Ревеле.

Начал печататься в 1926. В 1928 уехал в Прагу, где учился на филос. ф-те Карлова ун-та и окончил Кооперативный ин-т. Чл. лит. объединения «Скит поэтов» в Праге. Печатался под псевд. Ал. Новик. Сотрудничал в журн. «Воля России», «СЗ», в сб. «Новь», в пражской «Новой газ.». В 1931 уехал в Ревель, где познакомился с Ф.Ф.Раскольниковым. В 1933 вернулся в сов. Россию. Вначале жил в Ленинграде, а затем — в Москве. Работал внештатным работником в Музее дет. лит-ры. Печатался в жур. «Лит-ра мировой революции». 26 сент. 1934 в «ЛГ» была опубл. его рец. «Судьбы, найденные на снегу» на «Повесть» Б.Пастернака. В своей работе «О рус. лит. Праге» Н.Андреев писал: «Герман Дмитриевич Хохлов, слабый стихослагатель, но дававший надежды литературный критик» (Русский альманах. — Париж, 1981. — С. 349). 11 окт. 1936 арестован и приговором военного трибунала Моск. воен. округа осужден по ст. 58-4 сроком на 10 лет. На суде от своих показаний отказался. Закрытым заседанием Военного трибунала МВО 14 мая 1938 приговорен по ст. 58-8 и 58-2 к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

Изд.: О Сергее Есенине // Новь. — Ревель, 1928.

В.П.Нечаев

Ц

ЦВЕТА́ЕВА Марина Ивановна (26.IX (8.X).1892, Москва — 31.VIII.1941, Елабуга) — поэт, прозаик, драматург, критик. Отец — Иван Владимирович Цветаев, сын священника Владимирск. губ., проф. истории иск-в сначала в ун-те Св. Владимира (Киев), затем в Моск. ун-те, дир. Румянцевск. музея, основатель Музея изящных иск-в им. Александра III (Москва, Волхонка), доктор honoris causa Болонск. ун-та; мать — Мария Александровна Мейн — из богатой семьи обрусевших немцев, пианистка. Благодаря ей Ц. свободно знала франц. и нем. яз. Образование: в 6 лет — муз. школа, в 9 лет — жен. г-зия, в 11 лет — католич. пансион в Лозанне, в 12 лет — католич. пансион во Фрейбурге (Шварцвальд), в 16 лет — г-зия Брюхоненко, где Ц. закончила VII класс. В 16 лет с сестрой Анастасией слушала летний курс старинной франц. лит-ры в Сорбонне.

Стихи писала с 6 лет, печаталась — с 16. Впечатления детства нашли отражение в первых сб. Ц. «Вечерний альбом» (М., 1910), изд. ею самой, и «Волшебный фонарь» (М., 1912). В мае 1911 в Коктебеле Ц. познакомилась с Сергеем Эфроном и обвенчалась с ним в янв. 1912. Несмотря на все сложности личных отношений, неразрывная связь с мужем определила поворотные пункты ее судьбы, эмиграцию в 1922 и возвращение в СССР в 1939. В предвоен. годы Ц. пережила период относит. благополучия (в 1913 родилась дочь Ариадна). Выходит сб. ее стихов «Версты» (М., 1921). Ни к одной из лит. группировок не принадлежала. Несмотря на близость к символистам и обожание Блока, к ним не примкнула. Блок — единств. поэт, к-рого чтила не как собрата, а как божество от поэзии (видела дважды — 9 и 14 мая 1920, но знакома не была).

В нояб. 1917 муж Ц. уехал на Дон, после гражд. войны оказался в Константинополе, затем в Чехии. Ц. осталась в Москве с двумя дочерьми в тяжелых бытовых условиях, усугублявшихся тем, что она открыто восхваляла Белое движение. П.Антокольский ввел Ц. в круг актеров вахтанговской Третьей студии МХТ. Она написала для них шесть пьес — «Метель», «Фортуна», «Каменный Ангел», «Червонный валет», «Феникс», «Приключение» (объедин. впоследствии общим названием «Романтика»), но ни одна из них не была поставлена. Два десятилетия спустя быв. студийцам, «спутникам юной поры», была посв. ее прозаич. вещь — «Повесть о Сонечке» (РЗ. — 1938. — № 3), написанная после смерти актрисы студии С.Голлидей. За свою жизнь Ц. сделала лишь одну неудачную попытку служить: в 1918 — в Нар. комиссариате по делам национальностей. Осенью голодного 1919 Ц. в отчаянии отдала дочерей в Кунцевск. приют, но вскоре забрала домой заболевшую Алю; 2 февр. 1920 в приюте умерла дочь Ирина.

По просьбе Ц. *И.Эренбург* разыскал за границей С.Эфрона (учился на филос. ф-те Пражск. ун-та) и 11 мая 1922 Ц. с Алей уехала с Виндавского (Рижского) вокзала из России. Ее жизнь за границей, несмотря на моральные и матер. тяготы, — период высокой зрелости. «Дар Цветаевой, — заметил *М.Слоним*, — достиг наивысшей полноты именно в изгнании, в безвоздушном пространстве чужбины» (НЖ. — 1970. — № 100. — С. 104). За семнадцать с половиной лет эмиграции Ц. написала свои лучшие произв. В Берлине были изд. цикл «Разлука» (1922), сб. «Ремесло» (1923), «Психея. — Романтика» (1923), «Стихи к Блоку» (1922), частично напечат. в Москве. В пражск. период (1922-25) созданы «Поэма Горы» (Версты. — 1926. — № 1), «Поэма Конца» (Ковчег. — Прага, 1926); в журн. «Воля России» печатались «Попытка комнаты» (1928. — № 3), «Крысолов» (1925. — № 4-8, 12; 1926. — № 1), «Деревья» (1926. — № 8/9), «Поэма Лестницы» (1926. — № 11; 1927. — № 10), «Полотерская» (1925. — № 1), лирич. стихи, в к-рых нашла концентриров. выражение своеобр. «цветаевская манера». Творч. расцвет Ц. длился до кон. 20-х — нач.30-х «после разбега, взятого в Праге» (М. Слоним).

После рождения (1 февр. 1925) сына Георгия (домашнее имя Мур), Ц. решила уехать из Чехии в Париж — найти новые возможности печататься, более широкую аудиторию. 31 окт. 1925 она покинула Прагу. В париж. периоде различимы неск. этапов. В 1926-27 Ц. полна надежд. Их укрепил успех ее вечера 6 февр. 1926 в Союзе молодых поэтов и писателей, когда чтение стихов, особенно отрывков из «Лебединого стана», воспевающего Белую гвардию, вызвало восторж. аплодисменты, а отчеты о вечере появились во всех рус. эмигр. газ. Возможно, гл. событие духовной жизни Ц. в 1926 — ее переписка с Б.Пастернаком и Р.М.Рильке (Рильке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года. — М., 1990). В этот период обнадежила ее и перемена позиции *Д.Святополка-Мирского*, в свое время назвавшего ее «распущенной москвичкой» и не включившего ее стихи в свою антологию «Рус. лирика» (Париж, 1924), а после выхода сказки «Молодец» (Прага, 1924) и личного знакомства с нею ставшего другом и поклонником ее поэзии. Творчество Ц. последних лет он рассматривал в контексте свершений Блока, Маяковского, Пастернака. На смену прежней легкости ее стиха пришла многослойная глубина, полифония, отразившая перемены в мироощущении. Существенно осложнила ее положение в эмигр. среде ст. «Поэт о критике» (с доп. в виде «Цветника» — цитат из критич. выступлений *Г.Адамовича*, иллюстрировавших произвольность и легковесность его оценок), опубл. во втором номере «Благонамеренного» (Брюссель). В ней Ц. задела также *М.Осоргина*, известного своим отрицат. отношением к поэзии, *Ю.Айхенвальда*, *А.Яблоновского*. Литературная, не имевшая личной подоплеки вражда Ц. и Адамовича оказалась длит. и глубокой. Адамовичу, ценившему акмеизм — поэтич. сдержанность и ясность, был чужд дух поэзии Ц., ее «скачущие ритмы», резкие переносы. Ц. позволила себе вступить в спор с (неназванными прямо) *И.Буниным* и *З.Гиппиус*, оспорив их предвзятые отзывы о Блоке, Есенине, Пастернаке. После первонач. признания последовал период все более напряж. отношений с влият. эмигрантами-литераторами. З.Гиппиус отозвалась о «Поэме Горы» как о «запредельном новшестве» по форме и почти непристойности по содержанию.

Во время «пражского периода» и после вплоть до 1932 гонорары из «Воли России» были осн. писат. заработком Ц. Она печаталась также в «Верстах», «Своих путях», «СЗ», «Числах», «Окне», «Зап. наблюдателя» (Прага), «Встречах», «ПН» и др. Но в наиб. авторитетных эмигр. изд. «СЗ» и «ПН» стихи ее не понимали, безжалостно сокращали, подвергали цензуре, редактировали. В 1935 в «ПН» четыре месяца перекладывали из номера в номер ст. о ее погибшем друге, поэте *Николае Гронском* — резкое письмо Ц. в ред. привело к разрыву. «Сказка матери» (1934), последняя ее публ. в «ПН» в 1935, искажена до неузнаваемости без ведома автора.

Единств. кн. стихов Ц. «После России. 1922-1925» (Париж, 1928) раскупалась плохо, вызвала отрицат. рец., за исключением откликов *В.Ходасевича* (В. — 1928. — 19 июня), *П.Пильского* (Сегодня. — 1928. — 25 авг.). Критики, в большинстве своем не принимавшие романтизма, вышедшего тогда «из моды», ценившие классич. стройность и строгость, упрекали Ц. в словесной и эмоц. расточительности, анархичности, избыточной страстности, слишком «прерывистом дыхании» и «револьверной дроби» размеров, не приемля ее «природный романтизм», определявший как ее личные отношения — взлеты и поражения в дружбе, в любви, так и принадлежность к лит. «школе». Редкое исключение среди поэтов и критиков — Ходасевич, сумевший оценить Ц. как поэт поэта; убежденный приверженец классич. поэтики, он еще в 1925 назвал «восхитительной» сказку Ц. «Молодец», увидев в ней талантливейший образец поэтич. обработки нар. сказки средствами, отличными от пушкинск. традиции (ПН. — 1925. — 11 июня). Его отклик на сб. «После России» — свидет-во широты его поэтич. мировосприятия.

Немалую роль в усилившейся враждебности к Ц. и в ухудшении матер. положения ее семьи сыграла публ. ею в газ. «Евразия» приветствия приехавшему в Париж Маяковскому, что эмигр. пресса расценила как одобрение сов. режима. После того как в евразийск. движении произошел раскол, Эфрона в 1929 обвинили в апологии большевиков, неумеренном восхвалении революции, искажении евразийск. идей — он остался без заработка. Все это отразилось

на Ц., далекой от полит. страстей мужа. Она была «белой вороной» в эмигр. среде.

Пытаясь найти выход к франц. читателю, Ц. в 1931 перевела на франц. яз. свою любимую поэму-сказку «Молодец», но она не нравилась издателям: пер. был слишком необычен, стих нетрадиционен. В 1934 Ц. написала на франц. яз. «Письмо к амазонке» и неск. автобиогр. миниатюр в прозе: «Шарлоттенбург», «Мундир», «Приют», «Машинка для стрижки газона», опубликовать к-рые не удалось. М.Слоним назвал всю поэзию Ц. кинетической, построенной на движении и полете слов и ритма (НЖ. — 1970. — № 100. — С. 104). Но в 1931-32 чувствуется замедление темпа и увеличение объема прозы, к-рую легче было печатать и платили за нее больше. Лишь благодаря исключит. стойкости Ц. выдержала в 30-е все удары судьбы и не сломилась, как позднее в России. Несомненную роль в противостоянии бедам сыграла важная для ее психологич. самочувствия переписка с Б.Пастернаком, начавшаяся в 1922, достигшая апогея в 20-е годы и постепенно заглохшая к 1936.

Ц. создает трагедию «Ариадна» (Версты. — 1927. — № 2), прозу в разнообр. жанрах — «Мои службы» (СЗ. — 1925. — № 26), «Вольный проезд» (СЗ. — 1924. — № 21), лит.-критич. ст. «Поэт и критика», «Поэт и время» (Воля России. — 1932. — № 1/3), «Живое о живом» (М.Волошин) (СЗ. — 1933. — № 52, 53), «Дом у Старого Пимена» (СЗ. — 1934. — № 54), «Пленный дух» — об *А.Белом* (СЗ. — 1934. — № 55), «Мой Пушкин» (СЗ. — 1937. — № 64), прозу об отце, его музее, о матери, о детстве и др. Даже скупой на похвалы Бунин одобрительно отозвался о лирич. прозе Ц. «Пов. о Сонечке». Стихи Ц. «Куст» (СЗ. — 1936. — № 62) — о таинств. связи человека и природы — подтверждают суждение Ходасевича о пост. развитии как особенности таланта Ц. «Стихи к Чехии», созданные в ноябр. 1938 и продолженные в марте 1939, не уступают лучшим образцам любовной лирики Ц. Последние годы в эмиграции у Ц. почти нет лирич. стихов, она пишет прозу, поэму «Перекоп» (Воздушные пути. — 1967. — № 5), «Стихи к Пушкину» (СЗ. — 1937. — № 63, 64; с изъятием 9, 10, 13, 14, 17-20-й строф, не пропущ. редакцией).

Когда речь зашла о возвращении в СССР, к чему стремились все члены ее семьи, Ц. была против. Сначала из Парижа весной 1937 уехала Аля — по франц. законам она, достигнув совершеннолетия, могла принять любое подданство и без колебаний приняла советское. Для С.Я.Эфрона возвращение на родину стало неизбежностью. Он был убежден в том, что Ц. не понимает «великого эксперимента», совершаемого в сов. России, и активно участвовал в деятельности Союза возвращения на Родину, возникшего в 1925 и расцветшего в сер. 30-х. Предполагается, что С.Эфрон был завербован иностр. отделом НКВД около 1933. Замешанный в деле об «исчезновении» в сент. 1937 в Париже ген. Е.К.Миллера, возглавлявшего эмигр. «Общевоинский союз», в Швейцарии — И.Рейсса, видного сотр. ГПУ-НКВД, не пожелавшего вернуться в СССР, Эфрон в окт. 1937 уехал в Гавр, а оттуда пароходом в Ленинград. 22 окт. на квартире Ц. произвели обыск и допрос; она, ничего не зная о подпольных делах мужа, заверяла чиновников в его честности, цитировала Корнеля или Расина, читала франц. пер. Пушкина. Еще в февр. 1931 в письме к своей чеш. подруге, писательнице и переводчице Анне Тесковой Ц. определила свою ситуацию как «капкан»: «Все меня выталкивает в Россию, в которую — я уехать не могу. Здесь я не нужна. Там я невозможна» (Тескова А. Письма к Анне Тесковой. — Прага, 1969; СПб., 1991. — С. 190). Не видя иного выхода, во второй декаде июня 1939 Ц. вернулась в Москву и поселилась с семьей в Болшево, где 27 авг. 1939 была арестована Аля (реабилитирована в марте 1955), 10 окт. 1939 арестован С.Эфрон (расстрелян 16 окт. 1941, посм. реабилитирован в 1956). Ц. не имела в Москве пост. жилья, снимала комнату, писать перестала, зарабатывала на жизнь переводами. Единств. публикация ее в СССР — стих. пражск. периода «Старинная песня» (Тридцать дней. — 1941. — № 3). Б.Пастернак просил А.Фадеева принять Ц. в Союз писателей или хотя бы в чл. Литфонда, что дало бы ей матер. преимущества — отказано и в том, и в другом. Ее лишь «удостоили чести» принять в групком писателей Литфонда. 8 авг. 1941 Ц. с сыном эвакуировалась из Москвы в Елабугу. После тщетных попыток найти там или в Чистополе, где жило мн. писателей, работу,

она покончила с собой, повесившись утром 31 авг., оставив письмо Н.Асееву и его жене с просьбой позаботиться о сыне. Похоронена 2 сент. 1941 (дата из дневника Мура) на Елабужском кладбище. Г.Эфрон (Мур) в нояб. 1943 поступил в Лит. ин-т на ф-т прозы, направлен на фронт в кон. мая или нач. июня 1944, смертельно ранен 7 июля 1944 под деревней Друйка (в районе Полоцка).

«Возвращение» Ц. в лит-ру в России началось в 1956, когда в альм. «Лит. Москва» были напечатаны 7 стих., затем еще 42 в альм. «Тарусские страницы» (1961). В 1965 вышел сб. избр. произв. Ц. в большой серии «Б-ка поэта». На Западе ее проза и стихи печатались в более полн. виде. В 50-80-е опубл. проза Ц., ее неизд. прежде произв. — «Лебединый стан» (подг. к печати *Г.Струве*, вступ. ст. *Ю.Иваска*. — Мюнхен, 1957), «Перекоп», обширная переписка (Ц. вывела традицию рус. эпистолярного жанра на качественно иной уровень), восп. современников. Амер. лит-вед С.Карлинский изд. первую монографию о Ц. (Marina Cvetaeva: Her life a.art. — Berkeley; Los Angeles, 1966), в 1982 в Лозанне состоялся Первый междунар. симпозиум, посв. Ц. В 1992 в Москве и Париже состоялись междунар. конференции в честь столетия со дня рождения Ц. Исследователи, отеч. и заруб., едины в оценке Ц. как одного из великих европ. поэтов XX в. Ц. знала и ощущала, что слово «есть высший подарок Бога человеку». Как всякий сильный человек, Ц., заметил И.Бродский, в чем-то была абсолютно беззащитна и ни из чего не делала тайны, опираясь на презумпцию доверия и понимания со стороны читателя. И это тем более важно, «потому что Цветаева-поэт была тождественна Цветаевой-человеку; между словом и делом, между искусством и существованием для нее не стояло ни запятой, ни даже тире; Ц. ставила там знак равенства» (Бродский И. Об одном стих.: Вместо предисловия // Цветаева М. Стих. и поэмы: В. 5 т. — Нью-Йорк, 1980. — Т. 1. — С. 53). При «отсутствии» полит. убеждений Ц. обладала даром прозрения и понимания ист. реалий. «Бес разрушения», видевшийся нек-рым в ней, на самом деле — живое негодование перед любым насилием, угнетением в жизни и в иск-ве. «Цветаева — поэт крайностей только в том смысле, что «крайность» для нее не столько конец познанного мира, сколько начало непознанного» (там же. — С. 42).

Значит. часть архива Ц. находится в РГАЛИ и по распоряжению ее дочери А.Эфрон закрыта до 2000 г.

Изд.: Проза / Предисл. Степуна Ф. — Нью-Йорк, 1953.
Избр. произв. / Сост. Эфрон А., Саакянц А. — М.; Л., 1965.
Несобр. произв. — Мюнхен, 1971.
Неизд. письма. — Париж, 1972.
Неизд. Стихи, театр, проза. — Париж, 1976.
Избр. проза: В 2 т. / Предисл. Бродского И. — Нью-Йорк, 1979.
Письма к Ариадне Берг (1934-39). — Париж, 1990.
Собр. соч.: В 7 т. / Сост. Саакянц А., Мнухин Л. — М., 1994-1995. — Т. 1-7.

Лит.: Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. — Париж, 1988; М., 1992.
Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Неизд. восп. современников. — Нью-Йорк, 1989; М., 1992.
Мнухин Л.А. Марина Цветаева. Библ. указ. лит. о жизни и деятельности // Wiener slavistischer Almanach. — 1989. — Bd 23.
Ельницкая С. Поэтич. мир Цветаевой: Конфликт лирич. героя и действительности. — Вена, 1990.
Кудрова И. Версты, дали... Марина Цветаева 1922-1939. — М., 1991.
Восп. о Марине Цветаевой. — М., 1992.
Гладкова Т., Мнухин Л. Марина Цветаева. Библиогр. / Вступ. Лосской В. — М.; Париж, 1993.
Лосская В. Н.Бердяев и М.Цветаева о смерти и самоубийстве // Рос. лит-ведч. журнал. — 1994. — № 4.
Кудрова И. Гибель М.Цветаевой. — М., 1995.
Саакянц А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество. — М., 1997.
Karlinsky S. Marina Tsvetaeva: The woman, her world a.her poetry. — Cambridge (Mass.), 1985.
Lossky V. Chants de femmes. — P., 1994.
+ Бахрах; Берберова; Гуль; Зайцев; Казак; Полторацкий; РЛЗ-2; Рус. Берлин; Соколов; Струве; Терапиано; Шаховская.

Т.Н.Красавченко

ЦЕ́ТЛИН Михаил Осипович (псевд.: Амари) (28.VI(10.VII).1882, Москва — 10.XI.1945, Нью-Йорк) — поэт, прозаик, критик, ред., издатель. Окончил моск. г-зию Ф.И.Креймана. Из-за болезни (костный туберкулез; всегда прихрамывал и опирался на палку) в ун-т не поступал, но получил хорошее дом. образование, владел осн. европ. яз. Участвовал в революции 1905-07; чл. партии эсеров. Обладая значит. капиталом, Ц. поддерживал партию и тогда, когда отошел от политики (1908). В 1906 преследовался как чл. ред. комиссии книгоизд-ва «Молодая Россия». Вынужден был эмигрировать в 1907, в 1910 венчался во Франции с Марией Самойловной (урожд. — Тумаркина, в первом браке — Авксентьева).

Первая кн. Ц. «Стихотворения» (М., 1906; подпись: Амари) была уничтожена цензурой; в том же году вышло 2-е изд. Сб. включал стихи гражд. направленности. Сб. «Лирика» (Париж, 1912), напечат. под псевд. по им. жены: «A Marie», выдержан в традициях лирич. поэзии XIX в. и проникнут радостным волнением, ощущением счастья. В изд-ве «Зерна» (к-рое Ц. субсидировал) в 1916 под псевд. «Амари» вышла кн. «Глухие слова: (Стихи 1912-1913 гг.)» с посвящением: М.С.Ц. (Марии Самойловне Цетлин). В ней продолжалась тема любви, но нарастала и тоска по родине, Москве.

По характеру Ц. был мягок, доброжелателен, очень терпим к чужому мнению. В собств. стихах Ц. ощущается нерешительность, неуверенность в себе. Эти черты характера Ц. не раз отмечали его современники. Поэт, несомненно, понимал, что обладает весьма скромным дарованием. Его стихи были сознательно ориентированы на тютчевск. традицию, но без трагизма.

До 1917 Ц. жил во Франции и Швейцарии, печатал стихи в журн. «Рус. мысль», «Новый журн. для всех», «Совр. мир», «Вест. Европы», «Заветы». Узнав о Февр. революции, семья Ц. возвратилась на родину (совершив вынужд. кругосветное путешествие). Около года жили в Москве; Ц. печатался в газ. «Черниговск. край» (1917. — № 54), «Вольный Урал» (1917. — № 35), в сб. «Весенний салон поэтов» (М., 1918). Окт. революцию не принял. Осенью 1918 окончательно эмигрировал, выехав вместе с семьей *А.Толстого* вначале в Одессу, а в 1919 — за границу (см. об этом пов. А.Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», а также «Восп.» *Н.Крандиевской-Толстой*, Л., 1977). Обосновавшись в Париже, Ц. жили на широкую ногу. В их лит.-полит. салоне бывало одновременно до ста человек. Так было на вечере, организов. К-том помощи рус. писателям в пользу *И.Бунина*. Дочь Ц. уверяла, что ее «родители никогда не причисляли себя к белой эмиграции, оставаясь верными эсерами» (Цетлин-Доминик А. Моя семья: Из восп. // НЖ. — 1991. — № 184/185. — С. 396). На вечерах у Ц. собирались не только писатели — И.Бунин, *А.Куприн*, *В.Ходасевич*, *Н.Берберова*, *Д.Мережковский*, *З.Гиппиус*, *Н.Тэффи*, *Б.Зайцев*, *М.Алданов*, В.Сирин (*Набоков*), Р.М.Рильке, но и полит. деятели, публицисты — Милюков, Керенский, Авксентьев, *Бунаков-Фондаминский*, *Вишняк*, *Руднев*, *Зензинов*, *Степун*...

Сб. стихов «Прозрачные тени» (Париж, 1920; 2-е изд.: Париж; М., 1920) Ц. опубл. под своей фам. (псевд. значится в скобках). По содержанию и стилистике, тяготеющей к изысканности, сб. является как бы продолжением кн. «Глухие слова» — тот же тютчевск. настрой (нек-рые стихи имеют эпиграфы из Тютчева), те же «шорохи невнятных слов», «Да тень прозрачная вечерняя — / Еще не близкой смерти час...» (с. 23). Основной стихотв. формой «рондель избирает поэт» («Рондель»). Мелькают образы родины, видимой «в мечтах» и «во сне». Стих. «Возвращение» отразило противоречивое отношение к России: «Я так стремился к тебе, и еле тебя узнаю: / Вдохновенную, мерзкую, злую, святую, / И, быть может, только не ту, не мою, / А другую, другую!»

В 1923 Ц. и Мария Самойловна издавали трехмесячник «Окно» (№ 1-3), напоминавший более альм., чем журн. Политики в нем не было, и все содержание вышедших трех номеров состояло почти исключительно из стихов (*Бальмонт*, Бунин, Гиппиус, *Цветаева*, Цетлин, *Г.Струве*), беллетристики (Бунин, Зайцев, Куприн, *Муратов*, *Ремизов*, «Солнце мертвых» *Шмелева*) и мемуарной прозы (восп. Гиппиус о Блоке, Брюсове и Розанове, ремизовские «Розановы письма», «Тайна трех» Мережковского, «Странствия по душам» *Шестова*). Ст. *М.Л.Гофмана* и Б.Ф.Шлецера посв. неизд. рукописям Пушкина и рус. музыке.

Ц. бывал на «воскресеньях» у Мережковских и на заседаниях их «Зеленой лампы». На первом собр., состоявшемся 5 февр. 1927, Ц. прочитал доклад «О лит. критике» (Новый корабль. — 1927. — № 1). В беседе IV «Рус. интеллигенция как духовный орден» он высказался о сути отношений между эмиграцией и Россией: «Пусть мы часть России, попавшая в трудное, трагическое положение. Но и советская Россия тоже находится в трагическом положении. Мы физически лишены родины, почвы. Они лишены свободы... Кому хуже? Обоим... Будем избегать греха гордыни, не будем думать, что мы соль земли. Нет, мы соль без земли и все же есть в нас соленость, и мы не должны ее потерять. Между Россией и эмиграцией есть, я верю, духовное взаимодействие... В этом смысле мы должны быть обращены «лицом к России»...» (*Терапиано Ю.* Встречи. — Нью-Йорк, 1953. — С. 61-62).

Ц. откликнулся и на спор о рус. лит-ре, начавшийся в периодике в 1926. В ст. «Эмигрантское: Критич. заметки» (СЗ. — 1927. — № 32) он предпринял попытку подвести нек-рые итоги этому спору, выразив сомнение в возможности достойной смены старшему поколению писателей-беллетристов. В «СЗ» Ц. публиковал ст., написанные в принятом в эмиграции жанре «Лит. заметок» или разговора «На лит. темы». В др. ст. он стремился дать эскиз портрета: «Короленко, человек и писатель» (1928. — № 37), «О Чехове» (1930. — № 41). Но особенно четко был им отработан жанр рец. Ц. откликнулся на появление ром. «Петр I» Ал. Толстого (1930. — № 44), не раз возвращался к творчеству Д.Мережковского (1921. — № 5; 1929. — № 40), Б.Зайцева (1926. — № 28; 1935. — № 59), М.Алданова (1930. — № 41; 1931. — № 46; 1936. — № 62; 1939. — № 68), *М.Осоргина* (1929. — № 40; 1935. — № 58), В.Сирина (1928. — № 37; 1930. — № 42; 1933. — № 51). Особ. интерес Ц. проявлял к поэтам. Он был консультантом стихотв. отдела в «СЗ», опубл. более 60 рец., б. ч. — о стихах, а также различных работах: *Бицилли П.* Этюды о рус. поэзии (СЗ. — 1926. — № 27); *Святополк-Мирский Д.* Антология. «Рус. лирика» (там же. — 1925. — № 24). Критич. суждения Ц. отличались оригинальностью — примером может служить рец. на кн. «Роза Иерихона» И.Бунина, где критик высказал мысль, что самая нетерпимость и непримиримость писателя по отношению к большевист. революции связана с его «классицизмом». Рецензируя ром. о Лермонтове «Поэт и чернь» С.Сергеева-Ценского и ром. о Грибоедове «Смерть Вазир-Мухтара» Ю.Тынянова, критик отдает предпочтение не романам, а худож. биографиям: «Легче достигает своей, более скромной цели не романист, а сознательно ограничивающий полет своей фантазии биограф, стремящийся только вчувствоваться в подлинную данную личность своего героя, осветить сухие документы, скорее воссоздать, а не сотворить» (СЗ. — 1929. — № 38. — С. 528). Именно в соответствии с такими принципами Ц. «воссоздал» характеры ист. лиц в кн. «Декабристы: Судьба одного поколения» (Париж, 1933). «Высоким образцом историко-биографической литературы» (по определению М.Алданова) явилась эта кн., где автор, кроме одного — Лунина, изображал отнюдь не героев, а обычных людей, хороших, но и слабых. Вместе с тем незаметно для читателя возникает «замечательная картина исторической трагедии» (Алданов М. Памяти М.О.Цетлина // НЖ. — 1945. — № 11. — С. 342). Ц. создал и стихотв. кн. о декабристах — своего рода поэму «Кровь на снегу» (Париж, 1939; подпись — «Амари» и в скобках «Цетлин»).

В нач. 1941 Ц. переезжает в США, где вместе с М.Алдановым основывает «НЖ». Кн. «Пятеро и другие» (Нью-Йорк, 1944) по ценности и художественности М.Алданов сравнил с кн. Б.Зайцева о Тургеневе и В.Ходасевича о Державине. «Пятеро» — это портреты (романизированные) Стасова, Глинки, Балакирева, Бородина, Мусоргского; «другие» — это Римский-Корсаков, Даргомыжский, Серов, Кюи. Наиб. интересными оказались развернутые портреты — Мусоргского и особенно Балакирева. Отрывки из кн. «Пятеро и другие» публиковались в первых номерах «НЖ», осн. Ц. и Алдановым. В 1945 смерть прервала работу Ц. над 11-й кн. журн.

В последние годы жизни Ц. работал над кн. о символистах. Отрывки под назв. «Восьмидесятые годы» опубл. в «НЖ» после смерти Ц. (1946. — № 14). Повествование ведется в тональности, как бы заданной эпиграфом из Блока: «В те годы дальние, глухие / В сердцах царили сон и мгла...» Ц. — мас-

тер коротких емких портретов-характеристик (запоминаются «совершенно очаровательная» Гиппиус, «маленький приземистый краснощекий» *Н.Минский*).

После кончины Ц. Мария Самойловна оставалась издателем «НЖ» до тех пор, пока Фордовск. фонд материально не пришел на помощь журн. См. о ней: *Гуль Р.* М.С.Цетлина // НЖ. — 1976. — № 125.

Изд.: Рассказы. — Берлин, 1924.
Малый дар / Предисл. Цетлин-Доминик А. — М., 1993.

Лит.: Бицилли П. Рец.: «Декабристы» // СЗ. — 1933. — № 52.
Ходасевич В. Рец.: «Декабристы // В. — 1933. — 27 июля.
Адамович Г.В. Рец.: «Кровь на снегу» // ПН. — 1939. — 31 авг.
Вейдле В. Рец.: «Кровь на снегу» // СЗ. — 1939. — № 69.
Осокин С. [Андреев В.] Рец.: «Кровь на снегу» // РЗ. — 1939. — № 19.
Алданов М. Рец.: «Пятеро и другие» // НЖ. — 1944. — № 8.
Зайцев Б. М.О.Цетлин // НЖ. — 1946. — № 14.
Берберова Н. М.О.Цетлин // НЖ. — 1950. — № 24.
Цетлин-Доминик А. Из восп. // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Вып. 1.
+ РП-1; Струве.

А.А.Ревякина

Ч

ЧАЯ́НОВ Александр Васильевич (17(29)I.1888, Москва — 20.III.1939, Алма-Ата) — экономист, литератор. Вырос в купеческой семье, получил домашнее образование. Детство провел в Москве, в Малом Харитоньевском переулке. Несомненное влияние на Ч., учившегося в Петровской земледельческой и лесной акад., произвел преподававший там Н.Н.Худяков. Ч. занимался экономикой сел. хозяйства и считается одним из крупнейших специалистов XX в. в этой области. Его экономич. труды изданы на мн. яз.

Стихи начал писать, будучи студентом Петровской академии. Первый сб. стих. «Лелина книжка» вышел в Москве в 1912. В библиофильской среде укоренился термин «чаяновские издания». Он касается пяти романтич. повестей, изданных отд. кн.: «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М. Романтич. повесть, написанная ботаником X. и илл. антропологом А.» — М., 1-й год республики [1918] (переизд.: Ростов-н-Д., 1990); «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей. Романтич. повесть, написанная ботаником X., илл. фитопатологом У.» — М., V год республики [1922]; «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека. Романтич. повесть, написанная ботаником X. и на этот раз никем не илл.». — Берлин, MCMXXIII (переизд.: М., 1989); «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям моск. ботаником X. и илл. фитопатологом У.» — М., VII год республики [1924]; «Юлия, или Встречи под Новодевичем. Романтич. повесть, написанная ботаником X. и илл. А.Кравченко». — М., 1928.

«Фитопатолог У», чьи иллюстрации мы видим в чаяновских изд., — это художник Н.А.Ушакова, а относительно собств. псевд. Ч. писал: «Заглавную букву моего литературного имени часто читают как латинское «Икс». Это глубокое заблуждение, ибо она есть самое подлинное российское «Ха!». Ботаник X. Москва, 15 октября 1925 г.». Возможно, псевд. взят из повести Гофмана «Ботаник», опубл. в «Моск. телеграфе» в 1826. Романтич. повести Ч. настолько «романтичны», что, поскольку они написаны в 20-е, когда мода на романтизм давным-давно прошла, создается впечатление: перед читателем скорее пародийная стилизация романтич. повестей, нежели сознательное использование жанра. Типичная формула, переходящая из повести в повесть — «В комнате удушливо запахло серой, бешено завертелись стрелки часов...» и т.п. За небольшую пьесу «Обманщики» (Обманщики. Трагедия в 3-х актах и 9-ти сценах, написанная ботаником X. Сергиев, 1921) Ч. был избран чл. Моск. Об-ва драматич. писателей и композиторов (МОДПиК). Ч. также был чл. Рус. об-ва друзей книги.

Книга, к-рая принесла Ч. настоящую известность — «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (М., 1920). Вышла только первая часть книги, вторая по цензурным соображениям так и не была опубликована. Утопия Чаянова несет на себе отпечаток клюевского «избяного рая» и есенинской «Инонии», оставаясь, тем не менее, в русле социокультурных утопич. поисков 20-х, к-рые связаны также с именами Я.Ларри, Я.Окунева, В.Татлина и др. Гл. герой повести — зав. отделом совнархоза Алексей Васильевич Кремнев — читая Герцена, вдруг мгновенно оказывается в далеком будущем, в об-ве, где господствует крест. кооперация. Вся страна представлена как множество мелких крестьянских хозяйств, где сведена к минимуму гос. централизация. Герои даже «не замечают» государства... Чаяновское будущее — это общество, в к-ром реализованы лучшие стороны крестьянской культуры, где нет ни тотальной идеологии, ни «духовной монополии», ни репрессивных ин-тов их защиты. Ч. подписал книжку «И.Крем-

нев», а предисл. написал В.Воровский, прикрывшийся псевд. П.Орловский. Марксистская критика сочла утопию реакционной. Сохранился не подлежащий оглашению отзыв на утопию, написанный Е.Ярославским: «Крестьянская реакционная утопия с возвращением к индивидуальному хозяйству, славянофильству, к национализму, к коалициям, печатается на великолепной бумаге в 1920 году в Гос. Издательстве в то время, как у нас не хватает букварей для ликвидации неграмотности, когда мы сокращаем тираж газет и печатаем их на оберточной бумаге» (Филиппов Б. Затерявшиеся утопии // РМ. — 1971. — 2 сент.). В этой утопии все те же аксессуары «гофманической» повести, однако они переплетаются здесь с типичными утопич. мотивами. Любопытно отнесение действия к 1984 — роковой черте для осознания рус. истории: (ср. «1984» Дж.Оруэлла, и «Доживет ли Советский Союз до 1984 г.» Андрея Амальрика).

Критик А.Пешехонов полемизировал с чаяновской утопией по поводу преимущества мелких крестьянских хозяйств: «Крестьянская утопия г.Кремнева утопична потому, что если крестьянство так увеличит свое производство, — то его будет немного, а остальные перейдут к другим занятиям, и страна будет не крестьянской» (Дни. — 1922. — 10 дек.).

Ч. был знатоком старинной зап. гравюры, истории Москвы, занимался также проблемами ее реконструкции и расширения. Известны работы Ч. «Московские собрания картин сто лет назад» (1917), «Старая западная гравюра» (1926), статьи в журн. «Среди коллекционеров», печатавшиеся в 20-е. В 1917-19 в Моск. городском народном ун-те им. А.Л.Шанявского он читал курсы по истории и топографии Москвы. Благодаря этому увлечению топонимика чаяновских повестей весьма точна: на исторически достоверных улицах и площадях происходят в его прозе фантастические события.

В нач. 20-х он не раз приезжал с командировками за границу. В 1922 длительное время провел в Лондоне, затем в Гейдельберге, где когда-то учился. Задуманный им. сб., для к-рого в 1926 уже было написано предисл., так и не вышел. Вернулся в СССР в 1926.

В июле 1929 после разгрома Сельскохозяйств. академии Ч. был арестован. Как рассказывал отбывавший с ним заключение проф. Н.П.Макаров, Ч. продолжал работать и в заключении, написав там ист. роман «Юрий Суздальский» и даже поваренную книгу. После заключения он был сослан в Алма-Ату, где в 1935-36 находился под гласным надзором НКВД, в отделении к-рого и должен был дважды в месяц отмечаться. В ту пору он преподавал в Сел.-хоз. ин-те в Алма-Ате. В 1937 он был вновь арестован. Вскоре была арестована и сослана на 10 лет в Мордовию его жена. 3 окт. 1937 Ч. был приговорен к расстрелу, а 20 марта 1939 расстрелян в алма-атинской тюрьме. Его вдова Ольга Эммануиловна, боровшаяся за реабилитацию Ч., но так ее и не дождавшаяся, умерла в 1983. В 1956 ей выдали справку о том, что «в отношении А.В.Чаянова, бывшего профессора Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, директора Института крупного хозяйства, консультанта Правления «Зернотреста» — дело прекращено за отсутствием состава преступления и факта события» (Октябрь. — 1988. — № 1. — С. 171). Ч. был реабилитирован 16 июля 1987.

Изд.: История парикмахерской куклы и другие сочинения ботаника Х. / Сост. Черткова Л.Н. — N.Y., 1982.
Избранные произв.-М., 1989.

Лит.: Ласунский О. Чаяновские издания // Подъем. — Воронеж. — 1968. — № 3.
Геллер М. Спасшиеся из утопии // РМ. — 1975. — 27 нояб.
Первушин Н.В. Последний защитник рус. крестьянства // НЖ. — 1982. — № 149.
Тельнов Я. Певец в стане русского крестьянства (А.Чаянов) // НЖ. — 1985. — № 158.
Дзюбинская О. Пьеса из «римской» жизни и московская повесть // Театр. — 1988. — № 9.
Муравьев Вл. А.В.Чаянов и его повести // Волга. — 1988. — № 4.
Сербиненко В. «Словом, все было по-хорошему» // Нов. мир. — 1989. — № 12.
Shaw N.D. The only Soviet literary peasant utopia // Slavic and East European journal. — 1963. — Vol. 7. — № 3.

Б.А.Ланин

ЧЕГРИ́НЦЕВА Эмилия Кирилловна (1904, Екатеринбург — 16.XI.1989, Наход, Чехия) — поэтесса. Девичья фамилия — Цегоева. Ее сводный брат (по отцу) — поэт, беллетрист и театр. критик Кирилл Кириллович Цегоев был одним из основателей и гл. ред. журн. «Студенч. годы» (1922-25) и ред.-изд. газ. «Новости» (1934-35) в Праге. Детство прошло в Кишиневе, где в 1919 окончила рус. г-зию баронессы И.П.Гейгинг. После гражд. войны Кишинев отошел к Румынии, и Цегоевы перебрались в Прагу. В 1922 Эмилия стала слушательницей филос. ф-та Карлова ун-та, посещала Кружок по изучению совр. рус. лит-ры, учрежденный при Рус. свободном ун-те в Праге и руководимый последовательно Л.В.Копецким, К.А.Чхеидзе и *В.Булгаковым*. С 1928 участница лит. объединения «Скит поэтов» (впоследствии «Скит»), руководимого *А.Л.Бемом*. В 1932 вышла замуж за инженера Сергея Чегринцева. С этого момента стала выступать и печататься под фам. мужа. Ее стихи публиковались в газ. «Меч», в «СЗ», «Журн. содружества», «Очаг», в антологии «Якорь», в сб. «Новь» и «Скит» и др.

Г.Адамович писал: «Эмилия Чегринцева, поэтесса остроумная и удачно заменяющая лиризм иронией» (ПН. — 1934. — 5 июля). *В.Ходасевич*, говоря о творчестве участников «Скита», отмечал Ч. в числе «наиболее обещающих поэтов» (В. — 1935. — 22 авг.). А.Л.Бем в ст., посв. творчеству Ч., отмечал: «Более чем кто-либо из «скитников» она носит в своем творчестве черты своеобразия, присущие в оценке критики всей группе «Скита». Это неоднократно уже отмечалось в печати; с одобрением или осуждением — в зависимости от личных вкусов... Эм.Чегринцева одна из немногих поэтов эмиграции, кто формально находится в непосредственной генеалогической связи с советской поэзией. На ней больше, чем на других пражских поэтах чувствуется, что поэтическое развитие Праги шло иным путем, чем в остальной эмиграции. Если Париж продолжал линию, оборванную революцией, непосредственно примыкая к школе символистов, почти не отразив на себе русского футуризма и его своеобразного преломления в поэзии Бор. Пастернака и *Марины Цветаевой*, то Прага прошла и через имажинизм, смягченный лирическим упором Серг. Есенина и через Маяковского и через Пастернака. Это не подражание, а естественный путь развития русской поэзии. Думается мне, именно здесь лежит одно из основных различий между «пражской» и «парижской» школами, если уж о них нужно говорить. Третья линия эмигрантской поэзии ведет к Гумилеву, в традициях которого держится Белград» (Бем А. О стихах Э.Чегринцевой // Меч. — 1936. — 12 марта).

В 1936 в Праге в серии «Скита» вышла первая кн. стих. Ч. «Посещения», где господствовали мотивы судьбы и творчества. В отзыве Н.Новаковская писала: «Пронизанный беспокойным дыханием тайны — этот мир Эмилией Чегринцевой создан — и ей принадлежит — в этом ее большая сила... Поэтическая техника Чегринцевой (все еще под влиянием Пастернака) ключ к двери в новый мир». (Меч. — 1936. — 10 нояб.). Г.Адамович замечал: «Эмилия Чегринцева находится в плену «имажинизма». Она, повидимому, убеждена, что поэзия рождается исключительно из образов, и поэтому не хочет сочинить ни строки, где предметы или чувства были бы названы и определены прямо» (ПН. — 1936. — 17 дек.).

В 1938 увидел свет второй сб. стихов Ч. «Строфы», издан. «Священной лирой» в Варшаве. Критик Ник.Андреев свидетельствовал: «У Чегринцевой есть не только своя тема, но — что сейчас не столь часто встречается — своя манера, свой голос, своя «поэтика» (Меч. — 1938. — 5 июня). Г.Адамович был резок в своей оценке: «Ее новые «Строфы» настолько сыры и импровизационны, что не дают возможности судить о развитии или упадке ее дарования. Кстати, и это тоже одна из характерных черт нашей молодой поэзии, в особенности той, которая слагается вне Парижа!» (ПН. — 1938. — 12 мая). В ст. «Письма о лит-ре. «Священная лира» А.Бем отвечал Адамовичу: «В этом отношении очень показателен отклик Г.Адамовича на «Строфы» Эм.Чегринцевой. Я не могу поверить, чтобы Г.Адамович с его поэтической культурой так-таки ничего в стихах Чегринцевой не понял. Никаких иероглифов в ее стихах нет, все очень просто и ясно. Но дело-то все в том, что Чегринцева вовсе не желает «обнажать» перед читателем своего нутра, а ведет его сложным путем образов и литературных реминисценций, — путь, ко-

торый кажется Г.Адамовичу ошибочным» (Меч. — 1938. — 12 июня).

В 1939 появляются в печати последние стихи Ч. (СЗ. — № 69). Последняя прижизн. публ. ее стихов появилась в Сов. Союзе в 1989 за неск. мес. до кончины в больнице районного чеш. города.

Изд.: «Дарование творчески подлинное...» / Публ. Нечаева В. // Моск. комсомолец. — 1989. — 17 мая.

Лит.: Гомолицкий Л. Рец.: «Посещения» // Меч. — 1936. — 8 нояб.
Пильский П. Рец.: «Посещения» // Сегодня. — 1936. — 3 нояб.
Цетлин М. Рец.: «Посещения» // СЗ. — 1936. — № 62.
Резникова Н. Рец.: «Строфы» // Рубеж. — 1938. — № 26.
Ходасевич В. Рец.: «Строфы» // В. — 1938. — 10 июня.

В.П.Нечаев

ЧЕРВИ́НСКАЯ Лидия Давыдовна (1907 — VII.1988) — поэт. Во время гражд. войны семья Ч. перебирается из России в Константинополь. В 1922 Ч. переезжает в Париж; там начинает заниматься лит. творчеством, связав свою судьбу с жизнью рус. монпарнасской богемы, духовно-эмоц. атмосфера к-рой повлияла на поэтич. сознание Ч., чья лирика во мн. определила звучание «парижской ноты» эмигр. поэзии.

Как поэт Ч. сформировалась под воздействием лит.-эстетич. воззрений *Г.Адамовича*, провозгласившего «первенство интимной дневниковой поэзии над хорошо сделанными произведениями искусства» (*Струве*. — С. 220) и требовавшего от молодых поэтов отказа от «литературщины» и формального экспериментаторства во имя правдивого и самоуглублен. отражения кризисной послевоен. эпохи. Лирика Ч. отличается повыш. эмоциональностью, исповед. открытостью и тяготеет к жанру «отрывка», лирич. размышления, в центре к-рого — напряженная рефлексия лирич. героя. Лирич. произв. Ч. создают впечатление дневниковых записей, случайно принявших стихотв. форму. Им свойственна импрессионистичность образов, подчеркнутая лексич. бедность языка, смысловая недоговоренность. Эффект лирич. взволнованности, формальной «небрежности» и непосредственности достигается поэтессой с помощью широкого употребления вводных предложений, риторич. вопросов, неопредел. обращений, эллипсисов и использования «оборванных» строк, зачастую прямо не связ. друг с другом по смыслу. В то же время, как отмечал *Ю.Терапиано*, в своих стихах Ч. «очень точна и сдержанна в выборе, в чувстве слова; ее небрежные, на первый взгляд почти лишенные стихотворных признаков строки, оказываются, по проверке — наиболее точно передающими то, что она хочет сказать. Червинская очень чувствует все оттенки слова — и разнообразнейшая интонация, убедительная и доходящая в нужный момент до читателя — ее ценное открытие... Ее лиризм, сдержанный, грустный, какой-то просветленный, вполне избегает позы, декламации, перегруженности метафорами (Круг. — 1937. — № 2. — С. 163).

В первом лирич. сб. Ч. «Приближения» (Париж, 1934), посв. ее мужу, поэту Л.И.Кельберину (1907 — 1989), господствуют мотивы одиночества, отчуждения, душевной опустошенности, неверия в разумность и благость существ. миропорядка; в сочетании с такой традиц. тематич. доминантой женской поэзии, как несчастная любовь, они определили своеобразие поэтич. мира Ч., сумевшей, по мнению рецензентов, обрести свой неповторимый лирич. голос. «Приближения», так же как и сб. «Рассветы» (Париж, 1937), были высоко оценены эмигр. критиками, в том числе и Г.Адамовичем: «У Червинской все преувеличено, все болезненно-обострено... Но исходная точка ее писаний найдена правильно, и даже хотелось бы сказать — праведно» (ПН. — 1934. — 29 марта). «При обманчивой узости душевного кругозора, стихи ее проникнуты редкостной душевной щедростью, и, если не бояться громких слов, — жертвенностью... Сквозь показное скучанье, сквозь меланхолию, робкую мечтательность, полунамеки, полупризнания, прорывается в этих стихах лучистая энергия, как свет и тепло, ко всему миру» (ПН. — 1937. — 17 июня).

Помимо стихов, Ч. публикует (гл. обр., в журн. «Числа») критич. статьи и лит.-филос. этюды, из к-рых наиб. интерес представляет эссе «Мы», в нем поэтесса раскры-

вает сокровенные черты своего внутр. «я»: «Мое сознание — это ощущение низко-низко висящего над головой неба, сквозь которое нельзя прорваться.. Красота для меня — повод к беспокойству, движению, даже разрушению. Люблю цветы, срезанные в вазе... Но не могу на них долго смотреть. Нестерпимо желание переставить вазу, повернуть головку на стебле. Потом — почти неудержимо — смять, сломать, разбить» (Числа. — 1934. — № 10. — С. 218).

После войны Ч. продолжает писать стихи, изредка публикуя их в эмигр. журн. («Новоселье», «Грани»). В 1956 при содействии *С.Маковского* выходит ее третий и последний лирич. сб. «Двенадцать месяцев» (Париж). Как и в предыдущих поэтич. кн. Ч., в нем выражено трагич. мироощущение человека, к-рый отчаянно пытается найти хоть какую-нибудь точку опоры в пошатнувшемся здании бытия и видит единств. оправдание своего существования в самоотверж., бескорыстной любви и творчестве — в «одиноком подвиге созерцанья» смертельно больного, обреченного, но все же чарующе-прекрасного мира.

Несмотря на ту значит. роль, к-рую сыграла поэзия Ч. в лит-ре первой эмиграции, о ее жизни мало что известно. После войны Ч. на время переехала из Парижа в Мюнхен, где работала на радио «Свобода». Умерла под Парижем (по др. данным — в Бельгии) в доме для престарелых. Архив поэтессы перевезен в США амер. лит-ведом Джоном Мальмстадом.

Лит.: Оцуп Н. Рец.: «Приближения» // Числа. — 1934. — № 10.
Терапиано Ю. Рец.: «Приближения» // Встречи. — 1934. — № 5.
Ходасевич В. Рец.: «Рассветы» // В. — 1937. — 11 июня.
Померанцев К. Рец.: «Двенадцать месяцев» // В. — 1956. — № 59.
Иваск Ю. Рец.: «Двенадцать месяцев» // Опыты. — 1957. — № 8.
+ Казак; Струве.

Н.Г.Мельников

ЧЁРНЫЙ Саша (Гликберг Александр Михайлович; 1(13).X.1880, Одесса — 5.VIII.1932, Ла Фавьер, Франция) — поэт, сатирик, прозаик, переводчик. Дед Я.Гликберг — торговец скобяными товарами, отец — провизор (Иванов А. Потаенная биография Саши Черного // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1993. — Вып. 2). До 10 лет учился дома; после того как был крещен, смог поступить в г-зию. В 1895 вслед за старшим братом бежал из дому в Петербург, где поступил учиться в г-зию, но был отчислен за неуспеваемость. В судьбе Ч. принял участие пред. Крест. присутствия в Житомире К.К.Роше, ставший его опекуном. 2 окт. 1898 был принят во 2-ю житомирскую г-зию, но через год выбыл из 6 класса «без права поступления» (РО ИРЛИ. Ф. 37. № 911). С сент. 1900 по окт. 1902 служил в учебной команде 18-го Вологодского полка рядовым из вольноопределяющихся, с 1902 по 1904 работал на Новоселицкой таможне. С июня 1904 печатался в газ. «Волынский вестник», где помещал театр. рец., хронику местной жизни. В 1905 переехал в Петербург, по рекомендации К.К.Роше поступил чиновником на Службу сборов Петерб. — Варшавской ж.д. Начальница канцелярии М.И.Васильева вскоре стала его женой. С 1905 Ч. печатался в сатирич. журн. «Зритель» (27 нояб. 1905 стих. «Чепуха» подписано псевд. Саша Черный). Сотрудничал также в журн. «Альманах», «Журнал», «Маски», «Леший» и др., публикуя сатирич. стихи и произаич. юморески, к-рые не раз вызывали нарекания цензуры (ЦГИАЛ. Ф. 777. Оп. 7. № 578; Оп. 25. № 919). Выступив как сатирик и юморист в оппозиц. изд. 1905-06, Ч. приобрел репутацию полит. неблагонадежного литератора; его первый поэтич. сб. «Разные мотивы» (СПб., 1906) был запрещен. Весной 1906 Ч. уехал в Гейдельберг, где пробыл около года, вращаясь в об-ве нем. и рус. философов, писателей, ученых (*Ф.Степун*, Е.Шмидт и др.). Вернувшись в Петербург, Ч. стал одним из поэтич. лидеров в еженед. «Сатирикон» (1908-11), где печатал циклы сатир под загл. «Всем нищим духом», «Невольная дань» и др. В 1910 вышел его сб. «Сатиры (СПб.), объединивший стихи, опубл. в «Сатириконе». Назв. второго сб. «Сатиры и лирика» (СПб., 1911) свидетельствовало о тяготении поэта к чистой лирике. В апр. 1911 Ч. порывает с «Сатириконом», протестуя против его «танцклассного» направления, и начинает сотрудничать в газ. «Киевская мысль», «Рус. молва», «Одесские новости», журн.

«Совр. мир», «Аргус», «Солнце России», «Современник», альм. «Шиповник» и др. Он выступает как прозаик, переводчик с нем., дет. писатель («Тук-тук». — М., 1913; «Живая азбука». — Пг., 1914). В 1914 вышла поэма «Ной» (Шиповник. — 1914. — Кн. 23), отразившая кризис мировоззрения и творчества Ч. В годы первой мировой войны он служил в варшавском сводном госпитале, с марта 1915 в санитарной части 5-й армии как «запасной из вольноопределяющихся». В 1916 переведен в Псков в 13-й полевой госпиталь. Впечатления воен. лет легли в основу цикла стих. «Война», написанного в 1917-18 в Пскове.

После Февр. революции Ч. был назначен зам. комиссара Сев. фронта в Пскове. Вызванный в Петроград, побывал в Смольном, слушал речи А.Керенского, Г.Зиновьева, А.Коллонтай. По словам жены поэта, «нервная атмосфера революционного Петербурга и Таврического дворца, в частности, привела нас в трепет. Конечно, зрелище было интересное, неповторимое» (Гликберг М.И. Мемуары. — Рукопись). Окт. революцию Ч. не принял, сотрудничать с новой властью не стал, и осенью 1918 уехал на литовск. хутор близ станции Турмонт, а в дек. того же года — в Вильно. Здесь написаны стихи о Литве и цикл «Русская Помпея», в к-ром Ч. признается, что для него «нет путей назад». Реалистич. зарисовки литов. пейзажей затуманены печалью авт. ламентаций («В тумане дороги и цели, жестокие, черные дни»). Только смех, к-рый Ч. именует «волшебным алкоголем», кажется ему спасением от страшной действительности. В этих циклах появляются ностальгич. ноты, к-рые окрепнут в эмигр. творчестве поэта («На миг забыть — и вновь ты дома»). В Вильно написана также кн. дет. стихов «Детский остров» (Данциг, 1921), к-рая свидетельствует о стремлении автора спрятаться на этом о-ве от войн и революций. Светлый мир дет. чувств и интересов, в к-ром Ч. ощущал себя своим, воплотил его положит. идеал — мечту о «естественном» человеке, свободном от пороков взрослых.

В марте 1920 Ч. с женой из Ковно уехал в Берлин, где начался новый период его творчества. В Германии он провел около двух лет, сотрудничал в газ. «Руль», в журн. «Сполохи», альм. «Грани», редактировал лит. отдел. журн. «Жар-птица», работал ред. в изд-ве «Грани». Благодаря этому он смог издать третью кн. стихов. под назв. «Жажда. 1914 — 1922» (Берлин, 1923). В ней повествуется о трудном и горестном странствии поэта «под чужим солнцем», о безумной жажде вновь обрести потерянную родину. Прежний мир теперь окружен поэтич. ореолом, и даже детали обыват. быта, к-рый Ч. так остроумно высмеивал до революции, кажутся ему дорогими и милыми. Сб. явился завершением поэтич. творчества Ч. первого периода, отразив наиб. характерные особенности его индивид. манеры: сочетание сатиры и лирики, бичующего желчного смеха и чистого светлого юмора. Вспоминая о жизни в Германии, М.И.Гликберг пишет о неустроенном быте, матер. трудностях, к-рым она не придавала большого значения, ибо др. рус. эмигранты бедствовали еще больше. Ч. воспринимал все происходящее трагически. Встретив в Берлине *Г.Алексеева*, он сказал: «Всякий честный человек должен покончить с эмиграцией. Осталось два выхода — пуля в лоб или признать жизнь Запада, раствориться в ней» (РГАЛИ. Ф. 2524. Оп. 1. № 60). Своеобр. «робинзонадой», бегством в мир вымысла стало почти все последующее творчество Ч.

Вторую пол. 1923 и нач. 1924 Ч. провел в Италии. В марте 1924 Ч. и его жене, наконец, удалось получить визы; продав Восточному ин-ту в Риме б-ку рус. классиков, они уехали во Францию. Впечатления от прогулок по «вечному городу» отразились в цикле стих. «Из римской тетради» (Златоцвет. — Берлин, 1924. — № 1), овеянном дыханием древности и беспечальным юмором. В цикл «Римские офорты» объединены пейзажные зарисовки, бытовые юморески, лирич. миниатюры («В Кампанье», «Папское барокко», «В винной лавке»). Эти жанры станут преобладающими в эмигр. поэзии Ч. Чувствуя себя одиноким, бесприютным странником по миру, он фиксирует свои дорожные впечатления, всецело отдаваясь сиюминутным настроениям. В 1920-х все большее место в творчестве Ч. занимает проза. Многочисл. кн. для детей — «Библейские сказки» (М., 1921), «Сон проф. Патрашкина» (Берлин, 1924), «Дневник фокса Микки» (Париж, 1927), «Кошачья санатория» (Париж, 1928), пов. «Чудесное лето» (Париж, 1929), «Румяная книжка» (Белград, 1930), «Белка-мореплавательни-

ца» (Париж, 1933) — привлекают читателя неподдельной веселостью и светлым юмором. Но даже в этих кн. то и дело звучит мотив ностальгии. «Темным рус. ядом» отравлены забавные рассуждения фокса Микки, ибо «это собака-поэт, умнее которой в мире нет».

Ч. стал сотрудничать в газ. «ПН» и «В», журн. «ИР», «Перезвоны», «Сатирикон» и др., устраивал лит. вечера в студии художника Ф.А.Малявина, ездил вместе с В.Яблоновским по Франции и с *А.Куприным* по Бельгии, выступая перед публикой в рус. кружках. Лето 1925, проведенное в Бретани, отражено в лирич. повести «Чудесное лето». Он ежегодно участвует в «Днях рус. культуры», обращаясь с призывом прививать детям любовь к России. В 1928 под ред. Ч. вышел альм. для юношества «Рус. земля», задачей к-рого было знакомство с рус. нар. творчеством и историей родины. Значит. место в творчестве Ч. 1925-32 занимает описание эмигр. жизни. Он рассказывает о скудном быте, о лишениях и моральных унижениях, к-рые приходится преодолевать эмигрантам, об их стойкости и неброском патриотизме. В поэме «Кому в эмиграции жить хорошо» поэт заставляет героев-правдоискателей услышать много горестных историй, пока они — три рус. журналиста — не находят единств. счастливца — маленького Мишутку, безмятежно спящего в своей кроватке. Впрочем, к кон. жизни дет. тема тоже перестала радовать писателя: дети эмигрантов вырастали маленькими французами или англичанами, забывающими родной язык.

Последние кн. Ч. — «Несерьезные рассказы» (Париж, 1928; М., 1992) и «Солдатские сказки» (Париж, 1933; М., 1990). Первая из них неоднородна по своему составу: здесь и остроумные рассказы, воскрешающие недавнее прошлое, милый писателю петерб., моск. и провинц. быт, и колоритные сценки эмигр. жизни, и веселый шарж-шутка «в одном бездействии» «Третейский суд». Рецензируя кн., А.Куприн писал: «Вся она пронизана легкой улыбкой, беззлобным смехом, невинной проказливостью, и если ухо улавливает изредка чуть ощутимый желчный тон, то что ж поделаешь: жизнь в эмиграции не особенный сахар» (В. — 1928. — 25 окт.).

Важное место среди поздних произв. Ч. занимают «Солдатские сказки», к-рые печатались с 1928 гл.обр. в газ. «ПН». Блистательно остроумные, увлекательные, остросюжетные, они тоже были пронизаны легкой улыбкой и помогали озарить смехом серые эмигр. будни. Вместе с тем они воскрешали вполне реальный мир солдатской казармы или лазарета первой мировой войны. Впрочем, колоритная фигура рус. солдата запечатлелась в памяти Ч. гораздо раньше. Вспоминая о своей службе в 1900-02, он говорил: «Мне было поручено обучать грамоте солдат в учебной команде, что я и делал с большим удовольствием — целые два года. А в свободное время слушал их рассказы, часто своеобразные, а иногда и будто наивные, многие из них запомнились так, что я их использовал почти через 25 лет» (Б.Л. Памяти А.М.Черного // Часовой. — Брюссель, 1932. — № 88. — 15 сент.). Достоинство «Солдатских сказок» — прежде всего в удивительно красочном языке, в непринужденной передаче бойкой солдатской речи, воссоздающей фигуру простого рус. человека. Грубоватый нар. юмор, солдатское острословие органически сочетаются с живой остроумной речью самого автора. Н.Станюкович писал: «Может быть, кое-что в этих «сказках» и присочинено, но основное в них — подлинно народное творчество в верной передаче писателя» (В. — 1966. — № 169. — С. 120).

В 1929 Ч. купил крошечный клочок земли и построил дачку в Ла Фавьере на юге Франции. С 1930 он проводил здесь каждое лето вместе с женой и фоксом Микки. Здесь же в жаркий день 5 авг. 1932 случилось несчастье: начался пожар на одной из ферм. По свидетельству очевидцев, Ч. много работал на пожаре с непокрытой головой, а «возвратясь домой, плохо себя почувствовал, слег и больше уже не встал» (РМ. — 1978. — 22 июня). Н.Станюкович вспоминал: «Нести его гроб надо было далеко, по крутым склонам до дороги, где стояла черная колесница, запряженная одной древней клячей. Несли князь Лев Оболенский, *Ладинский*, Билибин, пишущий эти строки, сменяясь с другими» (В. — 1966. — № 166. — С. 125). Ч. похоронен на кладб. Лаванду в деп. Вар. 6 авг. 1978 по инициативе почитателей Ч. там установлена памятная доска.

Архивы. Ч.: ИРЛИ. Ф. 377; Архив А.М.Горького (Москва).

Изд.: Стих. / Вступ. ст. Чуковского К.И. и Евстигнеевой Л. — Л., 1960.
Избр. проза. — М., 1991.
Собр. соч.: В 5 т. / Сост. Иванов А.С. — М., 1996. — Т. 1-4.

Лит.: Куприн А. Рец.: «Дет. о-в» // Общее дело. — 1922. — 9 мая.
Не-Буква (Василевский И.) Рец.: «Жажда» // Накануне. Лит. неделя. — 1923. — 27 мая.
Алданов М. Рец.: «Несерьезные рассказы» // ПН. — 1928. — 23 нояб.
Куприн А. Рец.: «Несерьезные рассказы» // В. — 1928. — 25 окт.
Цетлин М. Рец.: «Чудесное лето» // ПН. — 1930. — 13 февр.
Некрологи: Сирин В. // ПН. — 1932. — 13 авг.; Лазаревский Б. // Россия и славянство. — 1932. — 13 авг.
Куприн А. Рец.: «Солдатские сказки» // В. — 1933. — 26 окт.
Осоргин М. Рец.: «Солдатские сказки» // ПН. — 1933. — 26 окт.
Иванов А.С. Потаенная биография Саши Черного // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Т. 2.
Спиридонова Л.А. Саша Черный (1880 — 1932) // Лит-ра рус. зарубежья. — М., 1993.
Мемуары М.И.Гликберг. / Публ. и предисл. Спиридоновой Л. // Рос. лит-ведч. журн. — 1993. — № 2.
Приходько В. Что осчастливит паяца: О Саше Черном — известном и неизвестном // ЛО. — 1993. — № 5-7/8.
Иванов А.С. Саша Черный: Библ. — Париж, 1994.
Иванов А. «Родина духа блуждающего»: Саша Черный в Италии // РМ. — 1996. — 1-14 февр.
+ Казак; Седых; Соколов.

Л.А.Спиридонова

ЧИЖЁВСКИЙ Дмитрий Иванович (23.III(4.IV).1894, Александрия, Херсонская губ. — 18.IV.1977, Гейдельберг) — историк, философ, филолог. Отец, Иван Константинович — полит. деятель, мать — художница. По окончании г-зии (1911) поступает в Петерб. ун-т, где изучает астрономию, математику и философию. Здесь он встречается с *Н.Лосским*, к-рый читает в ун-те курс метафизики; это событие оказывается поворотным в судьбе Ч. В 1913 он переводится в Киевский ун-т, где изучает философию и филологию. Особому интересу к философии способствует и тесное общение с преподавателем *В.Зеньковским*. Ч. посещает семинар В.Н.Перетца по древней лит-ре, пишет дис. о влиянии Шиллера на рус. лит-ру (1919), принимает деят. участие в полит. жизни России. Будучи марксистом, примыкал к партии меньшевиков, в 1916 был арестован и освобожден только после Февр. революции. В 1919 Ч. сдает академич. экзамен и до 1921 преподает в разл. высших уч. заведениях Киева. В этот период его неоднократно арестовывают, после очередного ареста он попадает в лагерь, где чудом избегает расстрела.

13 мая 1921 Ч. нелегально переходит польск. границу и становится эмигрантом. Поселяется в Гейдельберге, а вскоре переезжает во Фрейбург (1922 — 24) — центр нем. филос. мысли. Здесь он изучает философию М.Хайдеггера, близко сходится с *Ф.Степуном*, знакомится с идеями неогегельянства. В 1924 начинает работу над докт. дис. «Гегель в России». С 1924 по 1932 Ч. — преподаватель в Вольном укр. ун-те в Праге, в 1926 участвует в Пражск. лингв. кружке, где сближается с *Н.Трубецким*. С 1927 начинает публиковаться в журн. «Zeitschrift für slavische Phihologie», где печатает ст. по истории лит-ры. Как философ выступает в журн. «Путь», нередко подписывая свои ст. псевд. Андрей Карпов. Под псевд. П.Прокофьев печатает рец. в журн. «СЗ». В Праге выходят кн. Ч.: «Фільософія на Украіні» (1926), «Г.С.Сковорода и нем. мистика» (1929), «Нариси з історіі філософіі на Украіни» (1931). Ст. Ч. «К проблеме «Двойника» (сб. Dostojevskij-Studien. — Reichenberg, 1931) отмечена Н.Лосским: «Чижевский вскрывает глубокий философский смысл двойничества как следствие нравственного упадка субъекта, именно невыполнение им своего конкретного индивидуального назначения, откуда возникает заменимость субъекта другими субъектами, утрата им своей неповторимости» (СЗ. — 1932. — № 49. — С. 463). В 1933 в сб. «О Достоевском» (Прага) публикуется работа «Достоевский-психолог», в к-рой Ч. доказывает, что творчество писателя стало новым этапом развития традиц. иерархич. учения о душевной жизни. В ст. «Schiller und die «Brüder Karamazov» (Zeit-

schrift für slavische Philologie. — 1929. — № 1—2) Ч. говорит о «бессознательном» у Достоевского, в к-ром есть не только темное начало, но и источник откровений и пророчества, творчества и преображения личности.

О Достоевском ученый писал в течение всей жизни: «Die Gestalt des Stavrogin in dem Roman «Die Dämonen» (Tübingen, 1974) и «Dostoevskij und die Aufklärung» (Tübingen, 1975). Ч. работает над словарем личных имен у Достоевского. Ст. по истории философии на Украине, написанные в пражск. период, были отмечены рус. эмиграцией как чрезвычайно ценные изыскания. Уже в этих ранних публ. намечена одна из осн. тем будущих науч. тр. Ч. — эволюция стилей и влияние зап-европ. культуры на славянскую. С.И.Гессен писал о «Фільософії на Україні»: «Вряд ли будет преувеличением сказать, что труд Д.Чижевского останется надолго незаменимым пособием в руках каждого, кто занимается историей не только «философии на Украине», но историей русской философии вообще» (СЗ. — 1929. — № 38. — С. 545). Тр. о философии на Украине были также отмечены Н.Лосским (СЗ. — 1932. — № 48) и *Г.Флоровским* (Путь. — 1929. — № 19; 1931. — № 30). Дис. о Гегеле нашла свое воплощение в кн. «Гегель в России» (Париж, 1939), к-рая в 1961 была переведена автором на нем. яз. Ч. вскрывает причину близости философии Гегеля к рус. мистич. мысли, унаследованной от новоплатоновской традиции в святоотеч. лит-ре, и показывает путь, к-рый прошло гегельянство в России. В работах о Г.С.Сковороде Ч. размышляет о символике его неоплатонизма, пересекающейся с символикой Ветхого Завета, и указывает, что философ был последним представителем поэзии и теологии барокко на Украине и в то же время предвосхищал романтизм и философию Шеллинга и Гегеля: «Фільософія Г.С.Сковороди» (Варшава, 1934), «Філософічна метода Сковороди» (Б.м., 1938), «Skovoroda. Dichter, Denker, Mystiker» (München, 1974).

С первых шагов Ч. заявил о себе как ученый с широким кругом интересов и познаний: он читал лекции о Гегеле на нем. яз., в об-ве им. Достоевского выступал по-русски, в укр. учреждениях — на укр. яз. В 1932 Ч. приглашают преподавать рус. яз. в Галле, однако с приходом к власти фашистов эту вакансию ему не удается получить, т.к. он был женат на еврейке (Л.И.Маршак). Тем не менее эти годы оказались плодотворными в его науч. и преподават. деятельности. В.Беркефельд из Галле вспоминает: «Этот профессор из России находится в «подземной» связи с немецкой мистикой и даже интерпретировал нам Гегеля как мистика, что было в противоположность привычным нам интерпретациям» (Orbis Scriptus. Dmitrij Tchizevskij zum 70. Geburtstag. — München, 1966. — S. 28). Здесь зарождается увлечение Яном Коменским, труды к-рого Ч. обнаружил в 1935 в архиве ун-тской б-ки. В Гейдельберге в 1960 ученый публикует кн. «Komensky, Jan Amos». К кон. войны Ч. признан как видный историк лит-ры и философии. В 1945 он покидает Галле и переезжает сначала в Марбург, а затем в 1949 в США читать лекции в Гарвардском ун-те, где публикует комм. к «Евгению Онегину». Особый интерес представляют заметки о галлицизмах, о роли образа автора, о значении слов-терминов в произв. Пушкина: «Evgenij Onegin»: A novel in verse. The Russian text ed. with introd. and commentary by D.Čiževsky» (Cambridge, 1953). В 1956 Ч. снова возвращается в Германию, в Гейдельберг и преподает здесь вплоть до 1963. В 1962 избран чл. Гейдельбергской акад. наук и иск-в, позднее становится и чл. Хорватской акад. в Загребе.

Его работы о Гоголе, Достоевском, о стиле галицко-волынских и рус. летописей произвели переворот в методе изучения др-рус. лит-ры. В 1952 в Бостоне выходит «Outline of comparative Slavic literatures» и там же в 1960 «History of old Russian literature». С 1964 в Мюнхене начинается публикация кн. «Russiche Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts». Одновременно выходят труды о романтизме и барокко, о рус. лит. пародии, эволюции стилей. Ч. устанавливает новые временные рамки лит. эпох: в чередовании стилей видит филос. закономерность «отрицания отрицания», в результате чего не считает реализм последним и наиб. совершенным достижением худож. творчества. По-новому подходит Ч. и к представителям разл. стилей. В романтизме он выделяет «натуральную школу», утверждая, что причисление Гоголя к реалистам — недоразумение. К импрессионистам относит Толстого и Чехова, отмечая в творчестве последнего черты,

родственные символизму. Особого внимания заслуживает его подход к романтизму как метафорич. лит-ре и реализму как лит-ре метонимич. тропов, когда богатство сравнений сменяется желанием изобразить действительность. С.А.Зеньковский в рец. на первые два тома «Russiche Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts» писал, что этот труд «бесспорно является большим событием не только в немецкой славистике, но и вообще в истории изучения русской литературы» (НЖ. — 1967. — № 89. — С. 283).

В кн. «Paradies und Hölle» (Recklinghausen, 1957) Ч. анализирует изображения рая и ада (текст и рисунки) в древних лит-рах. В 1960 вместе с Н.Зарецким публикует кн. о рисунках писателей и поэтов «Russiche Dichter als Maler und Zeichner» (Recklinghausen). Продолжая изучение творчества Гоголя, Ч. пишет ст. «О «Шинели» Гоголя» (СЗ. — 1938. — № 67), где выступает как филолог-формалист и как философ языка. В исследовании значения слова «даже» в прозе писателя он раскрывает секрет гоголевского юмора, построенного на игре противопоставлений. Ч. по-новому интерпретирует образ Башмачкина, видит в нем не «маленького человека», а героя, к-рого постигло абсолютное духовное падение от ничтожных страстей. Неожиданно трактует Ч. эротич. мотивы и образ черта (портного Петровича) в «Шинели». В ст. «Неизвестный Гоголь» (НЖ. — 1951. — № 27) дана одна из наиб. убедит. переоценок «Выбранных мест из переписки с друзьями». Ч. считает, что этот труд Гоголя не «проблески безумия», не реакционный полит. шаг, а плод влияния на творчество писателя рус. святоотеч. лит-ры и протестантских течений.

Популярность Ч. за рубежом была необычайно велика. *П.Ковалевский* писал о юбилейной кн. в честь ученого «Orbis Scriptus»: «Влияние Д.Чижевского в научном мире настолько велико, что в юбилейном издании к его 70-летию в 1966 году приняли участие ученые со всего мира, и оно разрослось до тома в 1000 страниц» (Ковалевский П.Е. Заруб. Россия. — Париж, 1971. — С. 167). Подобный сб. стал традиционным, поскольку рус. эмиграция такого рода изданием отметила и 60-летие ученого (Festschrift für Dmytro Čyževs'kyi zum 60. — B., 1954).

Изд.: Історія украінськоі літературі. — Прага, 1942.

Musagetes. Contributions to the history of Slavic literature and culture. — 'sGravenhage [The Hague], 1957.

On romanticism in Slavic literatures. — 'sGravenhage, 1957.

History of Russian literature. From the eleventh century to the end of the Baroque. — 'sGravenhage, 1960.

Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen. — B., 1968. — Bd 1-2.

Slavische Barockliteratur. — München, 1970.

Comparative history of Slavic literatures. — Nashville, 1971.

Russian intellectual history. — Ann Arbor, 1978.

Лит.: Плетнев Р. Некролог // НЖ. — 1977. — № 128.

Бойко-Блохин Ю. Д.И.Чижевский. — Heidelberg, 1988.

<К 100-летию со дня рождения Дм.Чижевского> // Филос. и социологич. мысль. — Киев, 1994. — № 5/6.

Врубель В.А. Д.И.Чижевский и его ст. «Неизвестный Гоголь» // Н.В.Гоголь: Мат-лы и иссл. — М., 1995.

Pritsak O., Sevčenko I. Dmytro Čyževs'kyj in memoriam // Harvard Ukranian studies. — Cambridge, 1977. — Vol. 1. — № 3.

+ РФН.

М.А.Васильева

ЧИ́ННОВ Игорь Владимирович (12(25).IX.1909, Рига — 21.V.1996, Дейтона-Бич, Флорида) — поэт. Род. в имении бабушки под Ригой. Отец — потомств. дворянин, судья, страстный библиофил, увлеченно читавший наизусть Гомера, Расина, Гете, Шиллера — передал сыну любовь к лит-ре. Мать — из старинного рода Корвин-Косаговских, двоюродная сестра П.Ф.Якубовича-Мельшина, потомка декабриста, переводившего на рус. яз. Бодлера. В нач. первой мировой войны отец поэта, занимавший должность чл. окружного суда, эвакуировался из Риги вместе со своим учреждением. В годы войны Ч. с матерью попадает в Рязань, затем оказывается на юге России — в Харькове, Ростове-на-Дону и в конце концов в Ставрополе, в зоне боевых действий, что нашло позже отражение в его

стихах «Эти годы страха, бедности и голода (военный коммунизм) оставили травму надолго» («Автобиография» // Коллекция *Ю.П.Иваска*. Архив Амхерст-колледж, США).

После 1922 семья оседает в Латвии, где Ч. закончил юрид. ф-т Латвийск. ун-та (1939). Ко времени обучения в ун-те относятся первые поэтич. опыты, к-рые, по признанию Ч., «значения не имеют» (Глэд Дж. Игорь Чиннов // Глэд Дж. Беседы в изгнании. — М., 1991. — С. 22). Однако ранние стихи Ч. оценил *Г.Иванов*, побывавший в Риге в нач. 30-х. По свидет-ву Ч., Г.Иванов «написал письмо в «СЗ»: «Я даже помню, как оно начиналось: «Ему двадцать лет, он очень талантлив и, слушая его стихи... я испытываю такой же шок от настоящей поэзии, как в свое время от *Поплавского*» (Князев М. Последний парижский поэт // Северо-Восток. — Новосибирск, 1992. — № 7. — С. 12). Стихи Ч. были напечатаны в «Числах» (1932. — № 10) — журн. париж. авангардистов. В др. номере «Чисел» (1932. — № 6) ред. поместила эссе «Рисование Несовершенного», где, по словам Ю.Иваска, Ч. удалось наметить «тему поэзии без фона» (Иваск Ю. — Отзывы о книгах, поступивших в редакцию «Нови» // Новь. — Таллин, 1934. — № 7. — С. 104). Впечатления от стихов Ч. 30-х и очертания его духовного облика сохранились в поэме Ю.Иваска «Играющий человек» (Париж; Нью-Йорк, 1988).

В годы оккупации Прибалтики Красной армией в 1940-41 и Германией в 1941-44 Ч. оставался в Латвии. На последнем этапе войны в 1944-45 вместе с перемещенными лицами оказался в Германии, в лагере, в Рейнской области (откуда и был освобожден наступающими амер. войсками). В 1945 Ч. удается переехать в Париж; здесь он постоянно встречается с *Г.Адамовичем*, *А.Ремизовым*, бывает на четвергах у *И.Бунина* и на воскресеньях у *Н.Бердяева* в Кламаре. В 1950 в изд-ве «Рифма» выходит первый сб. стих. Ч. «Монолог», в стиле «парижской ноты». Рождение нового поэта приветствовали Г.Адамович, *В.Вейдле*, *Ю.Терапиано*. В «Объединении рус. писателей» *С.Маковский*, размышляя о природе поэтич. дарования Ч., обратил внимание на «невещественный характер» его стихов, «характер зыбких, чуть мерцающих отражений. Вся настроенность Чиннова и вся поэтика его содействует тому же впечатлению, приоткрывают ту же тему: нереальность реального, восприятие жизни, как потока явлений, вызывающих ассоциации, связанные между собою созерцательной грустью» (Маковский С. Поэзия И.Чиннова // Опыты. — 1953. — № 1. — С. 143).

До 1953 Ч. живет в Париже, посещает Сорбонну, читает лекции при РСХД, преподает нем. яз. в рус. г-зии. В 1953 Ч. возвращается в Зап. Германию (Мюнхен) и до 1962 работает в лит. ред. радио «Освобождение». В 1960 в Париже выходит второй сб. стих. Ч. «Линии». В рец. на «Линии» Г.Адамович признавал, что в «поэзии Чиннова «двадцатый век» присутствует как тема, как зловещий фон, но в ней есть и вызов веку... в ней есть острое ощущение современности» (НРС. — 1961. — 4 июля). Еще более восторженная оценка «Линий» содержится в опубл. после смерти Адамовича письме к Ч.: «Меня в них изумляет и наполняет завистью их тончайшая выделка. Именно ее-то и не оценить при быстром чтении! Но и помимо того, что принято называть «мастерством», — а рядом с Вашим всякое другое кажется грубым, топорным! ...Я читаю 2-3 Ваших стихотворения, а потом книгу откладываю, и невольно спрашиваю себя: можно ли дальше продолжать subtilité [тонкость] или Вы дошли до предела, где надолго придется остановиться?» (13 мая 1961; НЖ. — 1989. — № 175. — С. 256). В США Ч. преподавал рус. лит-ру в Канзасском (1962 — 1968) и Питтсбургском (до 1970) ун-тах и в ун-те Вандербилта в Нэшвилле, Теннесси (до 1976). Выйдя в отставку, Ч. поселился во Флориде.

Третий сб. стихов — «Метафоры» (Нью-Йорк, 1968) знаменует отход поэта от безусловного следования канонам «парижской ноты». По мнению Ю.Терапиано, «образы его и ассоциации усложнились, стали неожиданнее и свободнее, и в таком их сочетании есть порой какая-то острая, своеобразная прелесть» (РМ. — 1969. — 29 мая). В «Метафорах» впервые появляются нерифмованные стих., не встретившие, однако, безусл. признания критики. *Г.Струве*, благодаря Ч. за присылку «Метафор», сожалел, что «все меньше и меньше» в сб. стих. с рифмами («хотя бы неточными») и что «все больше и больше» поэт «вдается в прозу, пусть и поэтическую» (Письмо Глеба Струве Игорю Чиннову. 5 июня 1969 // Коллекция Ю.П.Иваска. Архив Амхерст-

колледж, США). Стихи Ч. и ст. о его творчестве в 60-90-е постоянно появляются в журн., сб., альм., газ. рус. зарубежья.

В четвертом сб. стих. «Партитура» (Нью-Йорк, 1970) гл. остается «сосредоточенность на человеческой судьбе, на безысходности человеческого удела... на смерти» (Глэд Дж. Игорь Чиннов. — С. 24). В «Партитуре» привлекают внимание новые элементы поэтики Ч. — гротески, шаржи, ирония, фантастич. преображение реальности, поэт сознательно стремится к «претворению поэтизмов (подсушенных иронией) и прозаизмов (облагороженных музыкальностью) в единое поэтическое целое» («Автобиография» // Коллекция Ю.П.Иваска. Архив Амхерст-колледж, США). Ю.Иваску чинновские гротески видятся «достойными кисти Иеронима Босха, но — очень обрусевшими с шуточками добровольных шутов Достоевского... Еще слышится в его поэзии жалость ко всем раздавленным Мармеладовым, ко всем доходягам» (*Полторацкий*. — С. 64).

Пятый сб. «Композиции» (Париж, 1972) убедил *М.Слонима*, что сила Ч. «в сочетании лирики и гротеска, в замысловатых языковых находках, в звучной меткости аллитераций, ассонансов и полных рифм, в неожиданности сравнений, в избыточности языка и метафор, и в остроумии пародий» (Слоним М. Поэзия Игоря Чиннова // НРС. — 1973. — 6 мая). В «Композиции» Ч. включил и стихи из первой кн. «Монолог». Стихи из «Монолога» Ч. разместил во всех трех частях кн. «Старое к новому приросло, оттого, что новое из него выросло», — заключает В.Вейдле (НРС. — 1973. — 21 окт.), сожалея лишь о том, что в ряде случаев у старых стих., попавших в кн., оказались новые концовки. Этот прием Ч. повторил и в шестом сб. стих. «Пасторали» (Париж, 1976), где наряду с новыми стихами напечатаны и ранние из второго сб. «Линии». В 70-80-е Ч. становится страстным путешественником: стихи из сб. «Пасторали» — своеобр. дневник путешествий поэта по странам и городам Зап. Европы, Америке; также в послед. сб-ках «Антитеза» (College Park; Md., 1979) и «Автограф» (Holyoke, 1984) находим много стих., возникших под впечатлениями о странствиях по Сев. Африке, Центр. и Юж. Америке. В.Вейдле удачно назвал первую кн. Ч. «Монолог» — «монологом приговоренного к смерти» (НЖ. — 1976. — № 123. — С. 253). Этот монолог продолжается и во всех последующих кн. поэта, вплоть до его последних стих.

В 1991 Ч. приехал в Россию и выступил в чтением стихов в Фонде культуры, Союзе писателей, в Доме журналистов. Вторично Ч. побывал в Москве в 1992. Неск. стих., написанных в Москве и Подмосковье в 1992, Ч. напечатал в «НЖ» (1992. — № 189).

Изд.: Эмпиреи. Девятый сб. стихов. — М., 1994.
Алхимия и ахинея: Гротескиада. Десятый сб. стихов. — М., 1996.

Лит.: Вейдле В. О поэтах и поэзии. О стихах И.Чиннова // Мосты. — 1961. — № 7.
Райс Э. Поэзия Игоря Чиннова // В. — 1971. — № 235.
Одоевцева И. Рец.: «Композиции» // НЖ. — 1973. — № 113.
Бахрах А. Один из последних // РМ. — 1978. — 16 февр.
Нарциссов Б. Рец.: «Антитеза» // НРС. — 1980. — 10 февр.
Шаховская З. «Автограф» Игоря Чиннова // НРС. — 1985. — 24 марта.
Крепс М. Поэтика гротеска Игоря Чиннова // НЖ. — 1990. — № 181.
Пасквинелли А. Метафоры и Метаморфозы: Гностич. изгнанничество И.Чиннова // НЖ. — 1991. — № 183.
Богословский А. Игорь Чиннов // Человек. — 1992. — № 3.
Крейд В. Поэт И.Чиннов; Ильинский О. Памяти И.В.Чиннова // НЖ. — 1996. — № 200.
+ Казак.

А.Н.Богословский

ЧИ́РИКОВ Евгений Николаевич (24.VII (5.VIII). 1864, Казань — 18.I.1932, Прага) — прозаик, драматург, публицист. Род. и вырос в небогатой дворянской семье. Его отец служил по акцизу, становым, пом. исправника в селах и городках Казанской и Симбирской губ., семья была вынуждена кочевать по провинции, что дало будущему писателю возможность изучить быт и нравы разл. слоев уездного захолустья. В Казани Ч. окончил г-зию, поступил в Казанский ун-т (сначала на юрид. ф-т, через год перевелся на матем. по разряду естеств. наук), из к-рого в 1887 был исключен с чет-

вертого курса за участие в беспорядках и выслан в Ниж. Новгород. Был дважды арестован, жил под надзором полиции (в 1887 — 1902 в Царицыне, Астрахани, Казани, Самаре, Минске и др.), перепробовал мн. специальностей: смотрителя керосиновой станции, чиновника особых поручений, счетовода и контролера на ж.д., ревизора в пароходном об-ве и пр. Постоянно сотрудничал в провинц. газ.: «Астраханском вест.», «Астраханском листке», казанск. «Волжском вест.», «Самарском вест.». В 1885 Ч. напечатал цикл стих. в «Сб. Волжского вест.» (Казань); первый рассказ — «Рыжий» (Волжский вест. — 1886. — 7 янв.). С 1893 становится автором столичных журн. Его рассказ «Ранние всходы» появился в «Мире Божьем»; рассказы «Бродячий мальчик» и «Gaudeamus igitur» — в «Рус. богатстве». Обществ. полит. взгляды Ч. формировались под влиянием народников; в сер. 1890-х сближается с марксистами, группирующимися вокруг газ. «Самарский вест.». Переоценке взглядов народников посв. первая пов. Ч. «Инвалиды» (СПб., 1897).

Важным событием в жизни Ч. было его знакомство с *М.Горьким*, состоявшееся в Царицыне в 1888 или 1889. Наиб. близость Ч. и Горького приходится на период деятельности изд. т-ва «Знание» в годы рус.-япон. войны и первой рус. революции. Изд-во «Знание» выпустило 8 т. его пьес и рассказов (Собр. соч. — СПб., 1903-09). Февр. революцию 1917 Ч. приветствовал, к Окт. отнесся резко враждебно. Поздние письма Ч., адресованные к другу Н.С.Каринскому, содержат горькую оценку роли рос. интеллигенции в трагич. судьбе страны: «А ведь как в раю жили и Революцией-то от жиру занимались! Для интеллекта! Горе от ума вышло...» (8 апр. 1930). По убеждению Ч., революцию в России устроили интеллигенты: «Сверху, а не снизу она зачалась», «только из рук мы ее выпустили». Рабочий и мужик при этом были статистами. «Всегда я был врагом монархии, а теперь думаю, что федеративная республика не воссоединит, а на куски расколет Россию, и этим воспользуются все враги и акулы. Хорошая к.-дем. монархия — вот что вернет Россию к прежнему могуществу. Опора на крестьянство и интеллигенцию, не прежнюю партийную социалистическую, а на национально-государственную. Ко всем чертям всякий интернационалистический бред! Строй и укрепляй Россию как свой собственный Русский Дом!.. Сделай вовремя земельную реформу — у Ленина не было бы почвы одурачить крестьянство» (отдел рукоп. Нью-Йоркской публичной б-ки; далее цит. по этому архиву).

В годы гражд. войны Ч., наиб. близкий идейно к партии кадетов, оказался в Крыму, откуда в 1920 эвакуировался с сыном при отступлении Белой армии в Константинополь; в янв. 1921 перебрался в Болгарию (София), оттуда в 1922 в Прагу, где провел почти безвыездно десять лет. Семья, поначалу разбросанная (жена Валентина Георгиевна оставалась в России, дочь Новелла играла в нижегородском т-ре), к кон. 1922 воссоединяется в Берлине, чтобы тут же снова распасться: Ч. с женой и сыном вернулись в Прагу, дочь Людмила уехала в Париж. Ч. содержал всю семью, зарабатывая напряженным лит. трудом: продажей изд. своих ром., лекциями в Праге и Белграде, журн. и газ. поденной работой. Вместе с *В.Немировичем-Данченко* он стоял во гл. рус. колонии в Праге.

Среди первых значит. произв. Ч., написанных в эмиграции — пов. «Опустошенная душа» (РМ. — 1922. — № 1/2) — психол. портрет революционера-большевика, и резко обличит. брошюра о Горьком: «Смердяков рус. революции: (Роль Горького в рус. революции)» (София, 1921). «Имя Горького очень вредно, особенно за границей», — полагает Ч. Еще более резкими становятся отзывы Ч. о Горьком к 1930. «Все: Блок, Брюсов, *Белый*, искренно было увлекшиеся большевистской революцией, меня не возмущают, но этот господин ненавистен мне безгранично. А ведь когда-то «на ты» пребывали» (Архив Нью-Йоркской публ. б-ки). В нач. 1923 Ч. написал ром. «Зверь из бездны» о любви на фоне гражд. войны, изд. дважды на чеш. (1924, 1925) и на рус. яз. с подзаголовком «Поэма страшных лет» (Прага, 1926. — Т. 1-2). Посв. истории Белого движения в России и показывающий моральное разложение и Белой, и Красной армий на юге, ром. вызвал бурные нападки на писателя и слева, и справа. «Моя муза оказалась между двумя огнями: белым и красным, и оба жгутся. Искренность и правда в этот исторический момент гонима обеими сторонами», — сообщал Ч. 22 мая 1923 Н.Каринскому. Он пишет

пьесы (нек-рые идут на чеш. и нем. яз.), сценарии для кино. В 1924 он издает ром. «Жизнь Тарханова» (Берлин) и «Семья» (Берлин), в 1926 — «Мой роман: Записки беженца» (Париж), в 1928 — «Красный паяц: Повести страшных лет» (Берлин), кн. рассказов «Девичьи слезы» (Париж, 1927), «Между небом и землей» (Париж, 1927), в 1932 — «Вечерний звон. Повести о любви» (Белград). В 1929 — 31 в Белграде выходит пятитомный автобиогр. ром. Ч. «Отчий дом».

Осн. темы творчества Ч. в эмиграции — Россия, интеллигенция и ее судьба. Ч. живет мыслью о скором — «на Пасху, под звон колоколов», «Доживем, доживем до радостного дня!» — возвращении в освобожденную от большевиков Россию. Его огорчают идейное расслоение эмиграции, вражда партий, склоки и нетерпимость, а также сужение издат. возможностей и малое количество рус. читателей. Он готовится публиковать все свои ром., пов. и пьесы на родине, куда непременно вернется. В письме от 8 апр. 1930 Ч. подводит итоги: «Написал я в изгнании немало: роман «Семья», «Зверь из бездны», «Мой роман», две книги новелл, книгу повестей «Красный паяц», «Опустошенная душа», три части «Отчего дома», семейной хроники. Сейчас пишу четвертую часть — книгу этого «Дома»... Переведены на французский «Юность» и «Опустошенная душа», на немецкий — «Мой роман», «Красный паяц», на датский язык — «Зверь из бездны», на шведский — «Юность». Сейчас переводят на испанский «Мой роман». Только это и поддерживает бюджет, да переводы всего на чешский язык». Чехия, Прага дают Ч. постоянную моральную и матер. поддержку. Здесь на стипендию Лиги наций учились молодые рус. эмигранты в ун-те, здесь нет эмигр. склок, и «вот что хорошо в Праге: интеллект не усыхает, по той причине, что пребывает среди концентрированной атмосферы интеллигентных людей». Вместе с тем начинает сдавать здоровье. «Только дожить бы до падения Красного Дьявола! Очень хочется принять участие в этом неописуемом торжестве, уготованном нашему молодому поколению!» Предсмертная болезнь Ч. продолжалась немногим более полутора мес. — по свидет-ву вдовы, за неск. часов до смерти он спросил у нее, лучше ему или хуже, и на ее заверение, что лучше, ответил: «Да-а-а, но вы все большие оптимисты, хотя это для вас лучше». Последние его слова — «Я еще глубже теперь понимаю Достоевского».

Изд.: Собр. соч. — М., 1910-1916. — Т. 1-17.
Пов. и рассказы. — М., 1961.
На путях жизни и творчества: Отрывки восп. / Публ. Бобыря А.В. // Лица. — М., 1993. — Т. 3.

Лит.: Бунин И. Рец.: «Смердяков рус. революции» // Общее дело. — 1922. — 12 янв.
Василевский И. Рец.: «Смердяков рус. лит-ры» // Новая рус. книга. — 1922. — № 3.
Бельговский К. Рец.: «Семья» // Сегодня. — 1924. — 13 июня.
Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.] Рец.: «Семья» // Руль. — 1924. — 29 июня.
Айхенвальд Ю. Рец.: «Зверь из бездны» // Руль. — 1926. — 3 нояб.
Благов В. // Годы. — Прага, 1926. — № 4.
Воинов И. Рец.: «Между небом и землей» // В. — 1927. — 29 дек.
Зайцев К. Грех писателя Чирикова // РМ. — 1927. — № 1.
Струве П. Последнее слово о «Звере из бездны» Е.Н.Чирикова // В. — 1927. — 13 марта.
Гофман М. Рец.: «Отчий дом» // Руль. — 1929. — 24 апр.
Осоргин М. Рец.: «Отчий дом» // ПН. — 1929. — 11 апр.
Алексеев Г.В. Е.Чириков // Встречи с прошлым. — М., 1990. — Вып. 7.
Бобырь А. К истории одной полемики: «Зверь из бездны» // ВЛ. — 1995. — № 4.
+ Струве.

Н.В.Королева

Ш

ШАРШУ́Н Сергей Иванович (4(16).VIII.1888, Бугуруслан, Самарская губ. — 24.XI.1975, Париж) — прозаик, поэт, живописец, график. Сын купца. Отец — словак, мать — русская. Окончил коммерч. уч-ще в Симбирске. В 1910 переехал в Москву. Занимался живописью в студиях Н.И.Машкова, К.Ф.Юона, сблизился с М.Ф.Ларионовым, Н.С.Гончаровой, А.Е.Крученых. В 1912 уехал в Париж. Учился в Рус. акад. и Акад. Ла Палетт, а также у Д.де Сегонзака и А. ле Фоконье. В 1913 и 1914 выставлял кубистич. картины в Салоне независимых. В годы первой мировой войны жил в Испании, где увлекся живописью дадаистов, написал первые абстрактные картины, участвовал в выставках дадаистов. Создал два рисованных фильма на рус. темы.

В 1917 вернулся в Париж. В 1921-23 жил в Берлине, общался с *А.Белым*, *А.Кусиковым*, И.Пуни, *Б.Поплавским*, *В.Парнахом*, *Б.Божневым*. В 1921 опубл. на рус. яз. поэму «Слепой мозг. Перевоз дада», а также написанную на франц. яз. поэму «Foule immobile» («Неподвижная толпа»), сопроводив ее рисунками в дадаистск. манере. В 1922 вошел в «Палату поэтов» и в лит.-худож. группу «Через». В 1930-е посещал кружок антропософов, сотрудничал во мн. лит. изд. — «Числа», «Меч», «Полярная звезда» (Париж; Брюссель, 1935), бывал на заседаниях «Зеленой лампы» и на «воскресеньях», устраиваемых *З.Гиппиус* и *Д.Мережковским*. *И.Одоевцева* характеризовала Ш. тех лет: «Мне всегда казалось, что Шаршун находится не на одном уровне с остальными, а немного выше их и немного в стороне от них. Никогда не вместе с ними, а всегда сам по себе. Одиноко. Один. Всюду не свой, а чужой. Другого измерения или с другой планеты — чужой и непонятный» (Одоевцева. — С. 100). Встретив Ш. после второй мировой войны, И.Одоевцева писала: «Обыкновенно люди меняются и очень сильно только внешне, а внутри остаются все теми же, застывают в своих чувствах, мыслях и взглядах, и в этом их трагедия. А он, наоборот, внешне все такой же, а внутри у него, должно быть, происходят революции и землетрясения, не оставляющие следов снаружи» (там же. — С. 103 — 104). Отвечая в 1931 на анкету «Что вы думаете о своем творчестве?», Ш. сформулировал свое отношение к лит. труду: «Лет десяток назад, увидев первую книгу (стихи) Поля Морана «Feuilles de temperature» (Отметки температуры больного), — написал эти слова на своем знамени. Да, я пишу с градусником под мышкой, трепыхая и сотрясаясь, будто вырвавшись из рук убийцы» (Числа. — 1931. — № 5. — С. 288). Неск. годами позже, подчеркнуто отождествляя себя с гл. героем своей пов., он писал: «Я — лирический поэт, пишущий прозой» («Заячье сердце». — Париж, 1937. — С. 56).

В 1930-е в журн. печатались главы будущих пов. и ром. Ш., причем время действия в одном отрывке могло опережать развитие сюжета в следующем. В 1919-29 Ш. работал над «Небом-Колоколом». Жанр этого произв. автор определил как «поэзия в прозе». Увидевшая свет в 1938, эта кн. похожа на сб. стихов: отд. главы сюжетно никак не связаны между собой, рядом с объяснением в любви к керосиновой лампе, наблюдающей, как писатель работает, стоит сказка-дифирамб в честь Цеппелина или вдруг возникает фигура Чаплина, вокруг к-рого разыгрывается сложная фантасмагория. Одновременно Ш. создавал свое гл. произв. — поэму в прозе «Долголиков» (Париж, 1934; 1961), к-рую автор рассматривал как часть задуманной эпопеи «Герой интересней романа». Жизнь рус. интеллигента-эмигранта в Париже показана через выхваченные в разные моменты времени состояния его духа. Своего героя он называет «внуком российского Дон Кихота — Обломова» («Долголиков». — Париж, 1961. — С. 71), «самым отрицательным типом русской литературы» («Клапан» № 6. — Париж, 1961). Его герой

способен глубоко переживать, но почти не способен действовать. *Г.Адамович* назвал «Долголикова» «духовной автобиографией». Познакомившись с рукоп. ром. в 1929, критик усмотрел влияние А.Белого и *А.Ремизова*, отметив при этом, что Ш. свободен от подчинения кому бы то ни было. Этот ром. «из жизни художников» проникнут «подвижнически-суровым духом, и есть редкое очарование в смешении монастырства с богемой или далекой, позабытой, но в каждой строчке Шаршуна еще живой России с разговорами на монпарнасском арго. Россия побеждает. Удивительно сквозь чужую оболочку узнавать знакомые черты» (Адамович Г. Об одной рукописи // ПН. — 1929. — 20 июня). Спустя три десятилетия в связи с переизд. ром. Г.Адамович писал: «Это — одна из самых странных книг, когда-либо написанных по-русски, и одна из самых оригинальных. Следует подчеркнуть то, что сразу в ней подкупает, полнейшее отсутствие оригинальничания... Исповедь? Нет, определение это было бы не совсем правильно. Скорее какая-то судорожная фантазия на тему, которая могла бы оказаться предметом исповеди» (Мосты. — 1963. — № 10. — С. 415). Я.Горбов, анализируя своеобразие стилистики Ш. в поэме «Долголиков», писал: простота соседствует с утрированной замысловатостью, «образчики реализма» с принуждающими к поискам страницами, где «сразу бросаются в глаза лишь краски и рисунок — сокровенное же содержание абстрактно... Образ одиночества — глухого, непроницаемого, почти выраженного линиями какого-то чертежа, какой-то теоремы — дрожит — на каждой странице этой привлекательной и увлекательной поэмы... Ее необычность не только не пугает — она притягивает, гипнотизирует (В. — 1963. — № 141. — С. 148). К.Померанцев рассматривал «Долголикова» как автобиогр. Ш. — «не в смысле жизненных путей и похождений, но душевно-духовных скитаний и метаморфоз» (РМ. — 1986. — 14 февр.).

Над ром. «Путь правый» (Париж, 1934) Ш. работал ок. шести лет. Это рассказ о попытках героя пробудить живое чувство в молодой, привлекательной женщине, о к-рой автор пишет: «Жизни у нее не было, была лишь «не-смерть»». Ром. вызвал противоположные оценки критиков. *В.Ходасевич* отозвался о нем резко отрицательно, утверждая, что мат-ла у писателя «ровно на небольшой рассказ» и что автор похож на человека, к-рый занят беспорядочной стрельбой наугад, вместо того, чтобы наметить цель и прицелиться: «Скучен и утомителен «Путь правый» (В. — 1934. — 26 апр.). Г.Адамович также считал, что «Шаршуна с его романом постигла неудача», хотя в нем есть «страницы, будто вырванные из другой книги, простодушно-мудрые, как бы «скрипичные» по тонкому, тоскующе-нежному, уводящему звуку, который в них звенит, полные удивления и печали... Но музыка длится недолго» (ПН. — 1934. — 10 мая). Иной взгляд на ром. принадлежит *Ю.Фельзену*: «Для меня роман Шаршуна — одна из самых замечательных русских книг в последние годы» (Числа. — 1934. — № 10. — С. 285). Критик рассматривает это произв. как подробную, неспешно развертывающуюся хронику внутр. и внешних событий, «нередко случайных и произвольных, но в итоге последовательных, причинно-обоснованных» (там же. — С. 283). «Михаил Самоедов (фамилия, повидимому, символическая) — живет необыкновенно трудно, возвышенно и страшно, он — герой в самом буквальном смысле, обреченный в силу предельной своей независимости на полное одиночество, на жестокую отгороженность от мира, он постоянно находится в особой разреженной атмосфере, где нет у него ни утешителей, ни друзей, где он всегда наедине с самим собой и только перед собой отвечает за свои поступки, решения и мысли. Но эта ответственность вовсе не пустой звук, Самоедов постепенно осознает свой истинный путь. — «путь правый» — духовного и творческого восхождения» (там же).

В лирич. пов. «Заячье сердце» (Париж, 1937) Ш. представил читателю разрозненные «отметки температуры» героя, художника, озабоченного необходимостью искать покупателя для своей картины. Но не эти поиски, а неожиданные движения души героя составляют содержание пов. Назвав «Заячье сердце» собр. «бессвязных записей», Г.Адамович замечает, что «иногда в них мелькнет такая находчивость, и всегда в них столько душевного бескомпромиссного напряжения, столько парсифалевской простоты и детской веры в добро, что книгу забыть нельзя» (ПН. — 1937. — 9 сент.).

Ш. работал во мн. жанрах. В 1938 в Париже вышла «Подать», названная автором «лирич. повествованием»; в 1950 там же — пьеса «Наблюдатель», год спустя первая кн. задуманной им эпопеи «Вслепую» — «Яно Грустнейший, или Хождение к истокам отцовской крови» (Париж). В 60-е большинство кн. Ш. выходило в изд-ве «Вопрос». В лирич. пов. «Ракета» (Париж, 1965) вновь возникает фигура Долголикова; кн. «Роздых» (Париж, 1966) писатель дал подзаг. «Идиллия». В этом же изд-ве вышел сб. «Неприятные рассказы» (Франкфурт-на-М., 1964). Упомянув три сб. рассказов Ш., К.Померанцев пишет: «Рассказы оригинальные, в которых перемешаны умелая выдумка с былью... Кроме того, он... упорно выпускал (по мере накопления) четырехстраничные листовки 21x14 см. — «Клапаны» и «Вьюшки» (РМ. — 1986. — 14 февр.). «Клапаны» выходили под номерами. В этих «листовках» сосуществовали афоризмы, поэтич. образы («Упавший с дерева листик, убившись о землю, дрыгает лапкой»), восп. детства и филос. рассуждения о страхе смерти и страхе перед жизнью, мысли о России и о лит-ре. «Клапан» № 13 был посв. частушке, ее бытованию в разных обл. России, отличию заволжской «матани» от среднерус. «страдания». Посетив СССР в 1960-х, Ш. был глубоко разочарован записанными на патефонную пластинку частушками: «Ах, какое это оказалось отображение СССР! Дикий, безудержный, самобытный разгул, удаль, размах превратился в пролетарское «изящество» теперешних доморощенных композиторов. В их «аранжировке», предназначенная на мировую потребу матаня стала пресной тюрей... Матанинского духа, запаха, смысла в этих высокомузыкальных произведениях больше не было» («Клапан» № 13. — Париж, 1965).

Ш. выступал как лит. и худож. критик. Ему принадлежат ст. о Дж.Джойсе, *И.Бунине*, В.Маяковском (Числа. — № 4, 10, 6). Ценностным ориентиром была для Ш. рус. классич. лит-ра. В ст. к 10-летию кончины Ш. К.Померанцев писал: «Прославился Шаршун (и теперь почти уже всемирно) своей живописью. Шаршуна-литератора знает лишь узкий круг славистов и его друзей» (РМ. — 1986. — 14 февр.). Ш. многократно выставлял свои картины в самых престижных галереях Парижа, в Монреале (1957), в Женеве (1967, 1971). Он работал в духе «орнаментального кубизма», абстракционизма, развивал в живописи тему музыки; в последний период на его творч. манере сказалось увлечение археологией. В 1976 состоялась мемориальная ретроспектива произв. Ш. в Париже. Работы Ш. представлены в крупнейших музеях совр. иск-ва Европы и США.

Изд.: Из листовок // НЖ. — 1986. — № 163.

Лит.: Бакунина Е. Рец.: «Путь правый» // Меч. — 1934. — № 9/10.
Пильский П. Рец.: «Путь правый» // Сегодня. — 1934. — 26 июня.
Пильский П. Рец.: Страх перед необычным: Два новых ром. С.Шаршуна // Сегодня. — 1934. — 29 дек.
Пильский П. Рец.: «Заячье сердце» // Сегодня. — 1937. — 2 сент.
Терапиано Ю. Рец.: «Заячье сердце» // Журн. содружества. — 1937. — № 8/9.
Пильский П. Рец.: «Небо-Колокол» // Сегодня. — 1938. — 6 авг.
Ровская Н. Сергей Шаршун // НЖ. — 1986. — № 163.
Пахмусс Т. Сергей Шаршун и франц. символизм // ЗРАГ. — 1994. — Т. 26.
Bosquet A., Guerra R. Charchoune — une archeologique de l'âme. — P., 1973.
+ Одоевцева; Струве; Терапиано.

Е.С.Померанцева

ШАХОВСКА́Я Зинаида Алексеевна (30.VIII(12.IX).1906, Москва) — поэт, прозаик, критик, журналист. Род. в семье, принадлежавшей к старинному дворян. роду, ведущему свое нач. от киевск. кн. Владимира. Отец, кн. Алексей Николаевич Шаховской, действит. стат. сов., камергер, прослуживший много лет по деп. герольдии, почти безвыездно жил в своем Матово, занимаясь хозяйством и делами по земству как предводитель Веневского дворянства. Мать — княгиня Анна Леонидовна, урожд. фон Книна. В честь прабабушки — Зинаиды Карловны Росси, дочери знаменитого зодчего, девочку назвали Зинаидой. Ее дет. годы прошли в Тульской губ. в имении отца. Лишь на зиму семья приезжала в Москву. Ш. выдержала экзамены в 7-й

класс Екатерининского ин-та в Петрограде, где успела проучиться лишь 6 мес., с сент. 1916 по февр. 1917. Разоренный дом в Матово, арестованные и по дороге убитые брат и сестра отца, мать, отправленная в следств. тюрьму ЧК в Москве, любимые собаки, отравленные крестьянином — все это отразится впоследствии в рассказе-восп. «Собачья смерть» (1973), где воспроизведен пережитый кошмар гражд. войны. В 1920, уговорив мать, не хотевшую эвакуироваться из Новороссийска, Ш. с сестрами навсегда покидает Россию, в к-рой остался отец, уверенный, что скоро все вернется «на круги своя». По легенде матовских старожилов, кн. Шаховской в 1921 замерз на улице, сторожа зимой какой-то склад.

Ш. продолжает свое образование в Амер. колледже Константинополя (1921-22), в католич. монастыре Берлеймон в Брюсселе (1923-24), в Протестантской школе социального обеспечения в Париже (1925-26), одновременно слушая лекции в Коллеж де Франс. В Брюсселе, куда она переехала из Константинополя вместе со своим старшим братом *Д.Шаховским* она общается с рус. писателями и поэтами, входящими в лит. объединение «Единорог»: К.Льдовым, Л.Страховским, *И.Наживиным*; пишет стихи, открывает для себя поэтич. мир А.Ахматовой, А.Блока, *М.Цветаевой*, к-рой, по собств. признанию, пытается подражать. Находится под сильным влиянием Гумилева.

В Париже Ш. представляет интересы журн. «Благонамеренный», редактировавшегося в Брюсселе в 1926 ее братом. 21 нояб. 1926 Ш. выходит замуж за Святослава Святославовича Малевского-Малевича (1905-73), племянника рус. имп. посла в Японии. Их венчал в париж. Сергиевом подворье *о. Сергий Булгаков*. Писатель *А.Ремизов*, шутя, протянул скрещенными руками две сушки: «Это вам кольца!» В кон. 20-х — нач. 30-х Ш. участвует в работе Париж. союза молодых писателей и поэтов, общается с *А.Эйснером, Ю.Софиевым, А.Штейгером, В.Смоленским*, сближается с литераторами «парижской ноты». *Г.Адамович* писал, что она отлично усвоила «общепарижский поэтический стиль. Немного иронии, немного грусти... остановки именно там, где ждешь развития темы: рецепт знаком. Но пользуется им Шаховская с чутьем, находчивостью и вкусом» (Шаховская З. Отражения. — Париж, 1975. — С. 199). Сама Ш. утверждала: «Несмотря на то, что мои стихи, особенно первые, носят отпечаток «парижской ноты», я никогда целиком эту ноту не приняла и была в поэтической жизни молодого Парижа скорее наблюдателем, чем участником ее мистерий» (там же. — С. 41). С 1932 по 1940 Ш. — сотрудник в бельг. лит. журн., спец. корр. газ. «Ле Суар» (Брюссель) в Польше, Литве, Латвии, Эстонии. Под псевд. Зинаида Сарана (Сарана — назв. ее быв. имения в Пермской губ.) в Брюсселе выходит сб. стихов «Двадцать одно» (1927). Под своим им. Ш. издает в Брюсселе две кн. стихов: «Уход» (1934) и «Дорога» (1935), сразу же замеченные эмигр. критикой. *М.Цетлин* писал о том, что кн. «Дорога» «привлекает общим тоном ее лиризма», а ее стихи «говорят о духовном и общем» (СЗ. — 1936. — № 60. — С. 465).

В 1940 Ш. участвует в антифашист. движении. Сначала она находилась в санитарных войсках франц. армии, работая сестрой милосердия в воен. госпитале, потом принимала участие в Сопротивлении на юге Франции. Ею интересуется гестапо, в сент. 1940 после допроса она находится под полицейским контролем с запретом выезда из Парижа. В февр. 1941 нелегально переходит в свободную зону в Экс-ан-Прованс, участвует в бельг. Сопротивлении в Марселе. 1 нояб. 1941 Ш. покидает Францию, через Испанию, Португалию и Гибралтар направляясь в Англию, где находится ее муж, доброволец уже не существовавшей к тому времени бельг. армии. В Лондоне Ш. с янв. 1942 до апр. 1945 работает ред. Франц. информац. агентства. С 1945 по 1947 Ш. — воен. корр. при союзных армиях в Германии, Австрии, Италии и во время гражд. войны в Греции. Она передавала репортажи с Нюрнбергского процесса. Ш. — офицер орд. Поч. легиона, Командор орд. Иск-в и Словесности, имеет Крест за побег (Бельгия), медаль города Парижа и др. награды.

Широкую известность принесли Ш. романы, написанные по-франц., под псевд. Жак Круазе (Jacques Croisé): «Europe et Valérius (P., 1949), «Sortie de secours» (P., 1952), «La parole devient sang» (P., 1955), «Jeu de massacres» (P., 1956). Она становится лауреатом пр. Парижа за 1949 и дважды лауреатом Франц. Академии. В

1951-52 Ш. является исполнит. секр. Междунар. федерации киноархивов (Париж), организует съезды чл. федерации в Остенде, Копенгагене, Риме. Ш. путешествовала по Экваториальной и Сев. Африке, США, Канаде, Мексике; в 1956-57 с мужем, первым секр. бельг. посольства, жила в Москве. Результатом осмысления всего виденного и пережитого стали кн. мемуаров, восп. и очерков. Первые четыре тома восп., написанные на франц. яз., охватывают период от 1910 до 1950, их общее назв. «Tel est mon siècle» («Таков мой век»). «Несмотря на их «космополитичность», во всех четырех, а не только в двух первых томах, Россия и русские... всегда присутствуют», — писала Ш. в ст. «О либералах» (Слово. — М., 1991. — № 4. — С. 23). Задачу своих восп. Ш. сформулировала так: «Я всего только хочу рассказать историю, которая является составной частью Истории» («Lumières et ombres». — P., 1964. — P. 16). Во вступлении к первой кн. она писала: «Окружающий меня мир я вижу меняющимся на моих глазах»; но память — «живопись, а не фотография, для того, чтобы вспоминать, требуется столько же воображения, сколько для того, чтобы создавать. Память не объективна... следовательно, это не что иное, как мой сегодняшний взгляд на мир, который я могу предложить другим: унаследованный или приобретенный, он восходит к моему детству» (там же. — С. 12). В кн. «Lumières et ombres» Ш. возвращается к дет. и юнош. годам, времени революции и гражд. войны, вплоть до отъезда из России в 1920. Второй том «Une manière de vivre» (P., 1965) охватывает период 1920-39. Ш. вспоминает о бегстве в Константинополь, жизни в Париже, позже — Конго и Бельгии перед нач. второй мировой войны. «В моих воспоминаниях, возможно почти бессознательно, я стремлюсь подчеркнуть, что моя суровая судьба, мой образ жизни мне нравятся, и современная проблема — жить и творить, будучи выброшенной из страны, народа, социальной среды, данной мне по моему рождению, вывела меня на трудную дорогу, к свободе и одиночеству, безусловно необходимым для моего спасения» (с. 7). В третьей кн. мемуаров «La folle Clio» (P., 1966). Ш. воссоздает «годы второй мировой войны в их повседневном контексте» (с. 9) — поражение Франции, жизнь в оккупированном Париже, участие в Сопротивлении, Лиссабон и Лондон тех лет. «Историки вышелушивают суть отдаленного прошлого. Правда, даже если она не всегда бывает приятной, заслуживает уважения; может быть, для людей, как и для народов, спасительно вспоминать об их грехопадении» (с. 10). Четвертый том мемуаров называется «La Drôle de Paix» (P., 1967) и охватывает события 1945-1950. О пребывании в Москве написана кн. «Ma Russie habillée en URSS» (P., 1958), переведенная с франц. на мн. яз. Прочитав поднесенную ему кн., генерал де Голль в своем письме Ш. отметил: «Ваша Россия есть то, что она есть, была тем, чем была, будет тем, чем она будет. Во что бы ее ни «одевали», ничто не может переменить ее сущность очень большого, очень дорогого, очень человечного народа нашей общей земли» (РМ. — 1970. — 19 нояб.). С 1961 по 1964 Ш. — сотр. гл. ред. франц. радиовещания, в 1964-68 была ответственна за передачи о франц. культуре рус. секцией франц. радио и телевидения. С 1968 в течение 10 лет возглавляла ред. газ. «РМ». Также она сотрудничала во мн. лит. журн. Бельгии, Швейцарии, США, Франции; чл. Об-ва франц. писателей, ПЕН-клуба и профсоюза франц. критиков.

В послевоен. годы в газ. «В.» и в «НЖ» печатаются новые стих. Ш., а в 1970 выходит поэтич. сб. «Перед сном», предисл. к к-рому написал Г.Адамович. В поэзии Ш. критик почувствовал напряженные духовные искания, «одинокие ночные раздумья»; в смолкающем лирич. оркестре эмигр. лит-ры ее стихи подобны одной из скрипок «с новой, еще незнакомой мелодией».

Осн. в мироощущении Ш. являются христ. идеи любви и жертвенного служения людям, жизнелюбие. В стих. «Без денег, даже без друзей» она утверждает: «И в страшный час земной разлуки — / Благословенно бытие, — / Прими, Христос, пустые руки / И сердце полное мое». В стих. «С каждым часом я не та, и ты не тот» она обращается с такой молитвой к Богу: «Господи, все темное спали, / Но спаси простое сердце наше!» Только вера спасает от ненависти и отчаяния: «Не случайно я с детства верна / Гумилевскому подвигу битвы, / У парижского стоя окна, / Я шепчу о солда-

тах молитвы» («Просыпаемся. Плачет звезда...»). Эти мотивы звучат и в годы второй мировой войны, и после пребывания на родине, всегда вызывавшей сложные чувства: «О тебе кричать... Тебя забыть... / Это все, что нам теперь осталось. / И еще — осталась в сердце жалость, / Нам велящая тебя любить» («О России»). Тема Родины — одна из гл. в творчестве Ш. Пронзительны строки стихотв. «Россия — сон? Предвиденье? Обман?»: «Россия — горе, странная тоска. / Ничем не утоляемая жажда, / Горсть пепла теплого, / Горсть теплого песка, / Ревниво сберегаемая каждым». Всегда отмечая связь с породившей ее землей, Ш. с полным правом писала о себе: «О Русь, я связана с тобой / Тысячелетними снегами / Над черной русскою землей» («Пускай пожар горит над нами...»). Однако она также всегда подчеркивала и свою принадлежность к двум культурам — рус. и франц. В ст. «От частного к общему», задавая себе вопрос о том, почему после стольких лет пребывания за границей она считает себя русской, Ш. пишет: «Ответ один — я принадлежу к русской культуре, то есть к тому, что единственное составляет народность и к себе притягивает», хотя рус. культура создавалась не одними русскими. И далее: «Я считаю за особую привилегию, что к культуре, полученной мной по наследству, присоединилась культура лично приобретенная — французская» (Лит. Россия. — 1989. — 26 мая. — С. 19).

В 1975 в Париже вышла кн. очерков-восп. о рус. писателях-эмигрантах «Отражения», где собраны воедино газ. и журн. ст., портреты друзей и мат-лы из личного архива. Ш. дружила с А.Ремизовым, *В.Набоковым*, М.Цветаевой, *В.Ходасевичем*, *Е.Замятиным* и др. Ее ценили *И.Бунин*, *И.Шмелев*, *Б.Зайцев*. Стилистич. изящные, написанные с юмором, лаконичные восп. Ш. человечны, объединены общей нелегкой судьбой изгнанников и любовью к России.

«Я принадлежу к тем, которые верят, что жизнь писателя неотделима от его творчества, что они необходимо складываются вместе... и что нельзя понять его произведения, игнорируя его биографию», — писала Ш. в предисл. к своей кн. «В поисках Набокова» (Париж, 1979; М., 1991. — С. 10). В иссл., ставшем первой монографией о творчестве Набокова на рус. яз., прослеживается жизн. и творч. путь писателя, а личные восп. о нем Ш. перемежаются с мнениями др. лиц. Назвав его «самым большим писателем своего поколения», Ш. высказала опасение: «Что-то новое, блистательное и страшное, вошло с ним в русскую литературу и в ней останется. Он будет — все же, вероятнее всего, — как Пруст, писателем для писателей, а не как Пушкин — символом и дыханием целого народа. На нем заканчивается русский Серебряный Век» (там же. — С. 44).

Всю свою жизнь Ш., живущая ныне в Париже, остается пропагандистом и защитником рос. словесности и культуры. Одной из первых она стала поддерживать А.Солженицына, написала о нем не одну ст. еще до его изгнания из страны. Заслугу писателя Ш. видит «в том, что он говорит нам о вечном новыми словами» и несет через все свои книги образ «внутренней и не зависимой от тирании свободы», показывая и путь к ней («О правде и свободе Солженицына» // Слово. — М., 1990. — № 3. — С. 82). Отвечая на вопрос, поставленный в назв. кн., — «Одна или две рус. лит-ры?» (Женева, 1989), Ш. говорит о том, что «эмиграции осуждены на умирание, и только посмертно то, чем они жили, то, для чего они жили, возвращается к истокам, не задержавшись навсегда в странах, где они были гостями...» (с. 62).

Изд.: Рассказы, ст., эссе. — Париж, 1978.

Лит.: Резникова Н. Рец.: «Уход» // Рубеж. — 1934. — № 48.
Ходасевич В. Рец.: «Уход» // В. — 1934. — 27 сент.
Богословский А.Н. [З.Н.Шаховская] // Человек. — 1993. — № 3.
З.А.Шаховской — 90 лет // РМ. — 1996. — 12-18 сент.

Т.Г.Петрова

ШАХОВСКО́Й Дмитрий Алексеевич, кн., архиепископ Иоанн Сан-Францисский (23.VIII(5.IX).1902, Москва — 30.V.1989, Сан-Франциско) (псевд.: Странник, Священнослужитель) — поэт, писатель, критик, философ и богослов, брат *З.Шаховской*. В 1912 учился в царскосельской

школе Левицкой, в 1915 поступил в Александровский лицей, к-рый не закончил из-за начавшейся революции. В 1918-20 принимал участие в гражд. войне на юге России, с 1920 — в эмиграции. В 1921 поступил в париж. Школу полит. наук, познакомился с *И.Буниным*, *Б.Зайцевым* и *М.Алдановым*. В 1922 переехал в Бельгию, где поступил на эконом. отд. Лувенского ун-та, но после получения первого «сертификата» перевелся на ист. отд. филос.-словесн. ф-та. В 1922 в журн. «РМ» (№ 5) было опубл. первое стих. Ш. В 1925-26 издавал журн. «Благонамеренный», к сотрудничеству с к-рым привлек И.Бунина, *В.Ходасевича*, *А.Ремизова*, *М.Цветаеву*, *Г.Адамовича*, *К.Мочульского* и др.

23 авг. 1926 на Афоне по благословению епископа Вениамина Ш. принял монашеск. постриг и был наречен Иоанном, после чего поступил в Рус. Дух. академию в Париже, где под рук. *о. Сергия Булгакова* готовил богословск. доклад «Об Именах Божьих». С 1923 по 1925 вышли три поэтич. сб. Ш.: «Sic transit gloria mundi. Стихи» (Париж, 1923), «Песни без слов» (Брюссель, 1924), «Предметы. 1924-1926» (Брюссель, 1926). В 1927-31 Ш. жил в Югославии, в Белой Церкви. В 1932 митр. Евлогий назначил иеромонаха Иоанна настоятелем Свято-Владимирской церкви в Берлине, где он и оставался до весны 1945. В янв. 1946 после короткого пребывания в Париже Ш. по приглашению своего друга и духовного сына авиаконструктора И.И.Сикорского переехал в США, где ок. года был священником в Лос-Анджелесе, потом епископом Бруклинским и, наконец, епископом и архиепископом Сан-Францисским.

Лит. наследие Ш. огромно: помимо чисто богословск. трудов, оно включает в себя поэтич. сб. «Удивительная земля» (Калифорния, 1983; под псевд. Странник), кн. «Время веры» (Нью-Йорк, 1954), «Письма о вечном и временном» (Нью-Йорк, 1960), «Книга свидетельств» (Нью-Йорк, 1965), «К истории рус. интеллигенции» (Нью-Йорк, 1975), автобиогр. кн. «Биография юности» (Париж, 1977). В этой последней, в частности, Ш. на основании своих встреч и бесед с А.Ф.Керенским в 1950-60-е сформулировал «квадратуру круга» Февр. революции: «Свою великую российскую неудачу он (Керенский) объяснил мне тем, что «не мог пойти на кровь»... Квадрат государственности мешал безупречности круга, а круг свободы демократической, возвещенной Февралем, сам себя оказался не в силах спасти» («Избранное». — Петрозаводск, 1992. — С. 31; далее цит. это изд.).

Как правило, ни одна из кн. Ш. не обходится без глубокого филос.-критич. анализа произв. или творчества в целом того или иного рус. писателя или поэта. Наиб. внимание Ш. привлекает творчество Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского, а из поэтов — А.К.Толстого, к-рому посвящена кн. «Пророч. дух в рус. поэзии. Лирика А.К.Толстого» (Берлин, 1938). «Пушкин написал о Пророке, глагол которого остался неизвестен... Алексей Толстой явил этого Пророка в его глаголе. Явил то, что пророк этот призван был сказать русскому народу», — так заканчивает он свою работу об А.К.Толстом.

В кн. «К истории рус. интеллигенции» Ш. исследует творчество Л.Н.Толстого (раздел «Революция Толстого»), Ф.М.Достоевского (раздел «Великий Инквизитор Достоевского») и А.И.Солженицына («Рус. реализм»), к-рый, по его мнению, «удостоверяет правду пророчества Достоевского». Толстой и Достоевский олицетворяют для Ш. два полюса рус. интеллигенции в ее отношении к Иисусу Христу и правосл. церкви. В своих идеях, какова бы ни была их тема, Толстой почти всегда высказывает правду одновременно с неправдой. Неправду — в правде, и правду — в неправде. «Религиозная неправда его оплетается вокруг его религиозной правды, как лиана вокруг дерева, и иссушает дерево. Правда христианская, как зеленый плющ, обвивается вокруг мертвого дерева толстовских идей и придает этому дереву цветущий вид» (с. 267). «Идеологическая работа» Толстого по разложению рус. государственности и подрыву правосл. веры, — приходит к выводу Ш., — была разрушительнее «многих революционных пироксилинов и динамитов». Достоевский, в противоположность Толстому, считает Ш., не породил «изма», он свободен от партийности, свободен от всех и открыт всем. «В сущности, — пишет Ш., — весь мир уже находится в «Обществе Достоевского», является его имплиситным членом» (с. 523).

В 1967 в Париже с предисл. Ш. вышла кн. М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита».

Реализм Булгакова Ш. расценивает как «метафизический»; осн. драма кн. — «неистинное добро». «С шекспировским блеском, — пишет Ш. о Булгакове, — его книга открывает подлинную ситуацию человека, еще находящегося в области Понтия Пилата» (с. 508). На какую бы тему ни писал Ш., в центре его раздумий — судьба России и рус. народа в XX в. «Атеистический максимализм вышел не только из иностранных недр; он выполз, вылетел, как саранча, из собственной русской греховности и материалистичности... И мы, пастыри Русской Церкви, может быть, более всех виновны в том, что не защитили своего стада от волков воинствующего атеизма» (с. 404).

Трагич. символом России Ш., как и П.Я.Чаадаев, считает безгласный и расколотый «Царь-Колокол». «Предвестие о падении православной России прозвучало над страною в падении Царя-Колокола, — пишет Ш. — ...Это лежащий во прахе Царь-Колокол Кремля остается до наших дней символом недостигнутой цели русского народа... И в самом своем молчании он зовет русский народ — и все народы — к покаянию» (с. 405).

Последние поэтич. кн. владыки Иоанна: «Книга лирики» (Париж, 1966), «Странствия. Лирич. дневник» (Нью-Йорк, 1968), «Упразднение месяца» (Нью-Йорк, 1968), «Нескучный сад» (Калифорния, 1970), «Созерцания» (Сан-Франциско, 1971), «Избр. лирика» (Стокгольм, 1974), «Иронич. письма» (Париж, 1975), «Поэма о рус. любви» (Париж, 1977). Поэзия Ш. — просветленное, целостное религ. миросозерцание: это этич. поэзия, представляющая собой исчерпывающий сыновний ответ Богу на весь Божественный Апокалипсис.

Изд.: Размышления о религиозности Пушкина. — Берлин, 1932, 1938.
Толстой и церковь. — Берлин, 1939.
Собр. избр. трудов. — Нью-Йорк; Париж, 1965-1977. — Т. 1-5.
Переписка с Кленовским. — Париж, 1981.

Лит.: Бальмонт К. Рец.: «Песни без слов» // ПН. — 1924. — 11 дек.
Даманская А. Рец.: «Песни без слов» // ПН. — 1924. — 18 сент.
Мочульский К. Рец.: «Песни без слов» // Временник Об-ва друзей рус. книги. — 1925. — № 1.
Адамович Г. Рец.: «Пророч. дух в рус. поэзии» // ПН. — 1938. — 8 сент.
Зеньковский В.В. Рец.: «Зап. о любви к Богу и человеку» // ВРСХД. — 1959. — № 53.
Константинов Д.В. Рец.: «Листья древа» // НЖ. — 1966. — № 85.
Чиннов И. Памяти архипастыря и поэта // НЖ. — 1989. — № 176.

В.В.Сапов

ШЕСТО́В Лев (псевд. Льва Исааковича Шварцмана) (31.I(12.II).1866, Киев — 20.XI.1938, Париж) — философ-экзистенциалист и критик. Происходил из семьи крупного текстильного фабриканта, в доме к-рого собирались деятели культурного сионизма и читал свои ранние произв. Шолом-Алейхем. Двенадцати лет Ш. пережил опыт заложника, похищенного подпольной полит. организацией в расчете на щедрый выкуп. Гимназич. учение в Киеве Ш. пришлось оставить как замешанному в полит. деле. Он перевелся в Москву и, окончив г-зию (1884), поступил на матем., а затем на юрид. ф-т Моск. ун-та (один семестр проучился в Берлин. ун-те). Из-за неладов с администрацией Моск. ун-та Ш. вернулся в Киев, где закончил юрид. ф-т (1889). В годы моск. студенчества Ш. под влиянием проф. И.И.Янжула и А.И.Чупрова увлекся политэкономией и злободневным обществоведением, написал дис. о рабочем законодательстве, не опубл. из-за слишком «резкого» тона (см. Шестов Л. Автобиография // Первые лит. шаги: Автобиогр. совр. рус. писателей. — М., 1911. — С. 173 — 176). По окончании ун-та он поступил на воен. службу, затем работал пом. присяжного поверенного в Москве. С 1891 (1892?) до 1896 Ш. — в Киеве, помогает отцу в делах фирмы; вместе с тем это было время поисков себя. Ш. пробовал силы в лит-ре, писал рассказы и пов., принимался за стихотв. переводы. В состоянии нервного расстройства отправился на поправку за границу (1896). Посетил Вену, Карлсбад, Берлин, Париж, Мюнхен, остановился в Риме, где вскоре (вероятно, в февр. 1896) женился на рус. студентке мед. ф-та Анне Елеазаровне Березовской. Брак с правосл. женщиной Ш. всю жизнь скрывал от родителей и чув-

ствовал себя семейным человеком только за границей. В 1898 вышла первая кн. Ш. «Шекспир и его критик Брандес» (СПб.), написанная в антипозитивист. духе борьбы за идеализм. Ш. увлеченно читал Ницше, к-рый произвел в его сознании радикальный переворот, выразившийся в кн. «Добро в учении гр. Толстого и Фр.Ницше. Философия и проповедь» (СПб., 1900). Весной 1898 Ш. с семьей переехал из Рима в Швейцарию, а к янв. 1899 один возвратился в Петербург. С янв. 1900 по сент. 1901 он снова в Швейцарии, откуда ненадолго переезжает в Италию. В это время Ш. работает над третьей кн.: «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» (Мир искусства. — 1902. — № 2, 4-9/10; отд. изд.: СПб., 1903). С 1901 по 1908 Ш. живет попеременно: летом в Швейцарии, зимой в Киеве, участвует в делах семейного предприятия; наезжает в обе столицы, где укрепляются его друж. связи с *Н.Бердяевым*, *С.Булгаковым*, В.Розановым, *Д.Мережковским*. Из замысла написать очерки о Чехове и Тургеневе возникла кн. «Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления» (СПб., 1905; Л., 1991). В Петербурге Ш. посещал «башню» *Вяч.Иванова*, подружился с *А.Ремизовым*, переписка с к-рым продолжалась почти до кон. жизни (Рус. лит. — 1992. — № 2. — 1994. — № 2). В 1908 вышел сб. ст. Ш. «Начала и концы» (СПб.), в к-рый вошли его ст. «Творчество из ничего. А.П.Чехов» и «Пророч. дар. К 25-летию смерти Достоевского». С марта 1910 по июнь 1914 Ш. с семьей обосновался в швейц. городке Коппе; на родине бывал наездами, но часто принимал на своей вилле на берегу Женевского озера близких друзей и литераторов из России. В 1910 вышла кн. «Великие кануны» (СПб.). В нач. 1917 Ш. пережил смерть сына, убитого на фронте.

Разочаровавшись в Февр. революции, поначалу казавшейся Ш., как и мн. другим, «великой и бескровной», он пытается уйти в работу от мыслей о «войне и политике». В июле 1918 переезжает с семьей в Киев, читает в Нар. ун-те в течение зимнего семестра 1918-19 курс по «Истории греч. философии» (неопубл.); заканчивает кн. «Potestas clavium (Власть ключей)» (Берлин, 1923). Осенью 1919 решает выехать из России в Швейцарию, куда сложным маршрутом через Ялту, Константинополь и Геную попадает в февр. 1920 и откуда в апр. следующего года переезжает в Париж. Публикует фрагмент «Откровения смерти. Последние произв. Л.Н.Толстого» (СЗ. — 1920. — № 1-2), вошедший затем в кн. «На весах Иова» (Париж, 1929) под загл. «На страшном суде»; ст. «Тысяча и одна ночь» (СЗ. — 1921. — № 3), «О корнях вещей» (СЗ. — 1921. — № 5) приготовлены для сб. «Власть ключей».

К 100-летнему юбилею со дня рождения Достоевского Ш. подготовил работу «Преодоление самоочевидностей» (СЗ. — 1921. — № 8; 1922. — № 9-10), вошедшую затем в кн. «На весах Иова». Переведенный на франц. яз. очерк привлек внимание париж. прессы, вызывал восторженные отзывы (Ж.Ривьер, А.Жид, Л.Р.Лефевр, Ш.Дю Бос): «Этот критик, — пишет Лефевр, — абсолютно неизвестный во Франции, удивляет своей логикой, своим пониманием... Его анализ сочинений Достоевского — шедевр» (Lefevre L.R. L'individualisme de Dostoevsky // Le Radical. — P., 1922. — 27.II).

С самого нач. своей париж. жизни Ш. завязывает сотрудничество с рус. эмигр. прессой во Франции, как ранее он сотрудничал с берлин. изд. «Скифы». Благодаря юбилейной ст. о Достоевском, произв. Ш. регулярно переводятся, рецензируются, нередко выходят по-французски раньше, чем по-русски. Ш. становится чл. Академич. группы при Ин-те славянск. исследований (Славянская б-ка). Ш. читал там курс лекций: «Осн. идеи древней философии», о Достоевском; а с 1923 по март 1936 — «Рус. философия XX столетия», «Филос. идеи Достоевского и Паскаля». С нач. 1923 Ш. поглощен заказанной ему работой «К 300-летию Паскаля» (Звено. — 1923. — 18 июня), а также корректурами итал. пер. «Достоевского и Ницше» и франц. пер. «Власти ключей». Он публикует ст. «Гефсиманская ночь. Философия Паскаля» (СЗ. — 1924. — № 19), два собр. филос. афоризмов «Дерзновения и покорности» (СЗ. — 1922. — № 13; 1923. — № 15) и «Из книги «Странствия по душам» (Окно. — 1923. — № 1-2) — затем они составили части кн. «На весах Иова». В конце авг. — нач. сент. 1923 Ш. участвовал в коллоквиуме «Потаенные и непереводимые сокровища поэзии» в рамках Декад в Понтиньи, куда съезжалась

европ. лит. элита; здесь он ближе знакомится с А.Жидом. Через год на след. Декаде «Муза и благодать» Ш. сближается с Ш.Дежарденом, Ш.Дю Босом, М.Шелером.

Обосновавшись в Париже, Ш. не терял связи со старыми друзьями, оставшимися на родине или осевшими в др. краях. Он переписывается с М.О.Гершензоном, к-рому выхлопотал поездку в Европу, с Бердяевым, к-рому помог перебраться из Берлина в Париж. В переписке с Бердяевым за 1923-24 шел страстный диалог, в к-ром, быть может, ярче, чем в публичных откликах, выявлялось расхождение их мировоззренч. позиций — между христиански ориентированной и лишенной такой ориентации экзистенциальной мыслью. После переезда Бердяева в Париж (Кламар) Ш. — частый посетитель бердяевских воскресных чаепитий, увлекат. частью к-рых была «дуэль Бердяев — Шестов». Ш. вступил в чл. открытого Бердяевым париж. отд. Религ.-Филос. акад.: здесь в февр. 1925 Ш. выступил с докладом «Наука и Библия»; стал автором учрежденного в 1925 Бердяевым при РФА журн. «Путь».

Сер. 20-х — время частых поездок Ш. в Германию, где он ищет издателей и сотрудничества. Ш. вошел в президиум Ницшеанского об-ва и стал соизд. его ежегодника «Ariadne: Jahrbuch der Nietsche-Gesellschaft». В эти годы он много занимался Плотином: ст. «Неистовые речи. Об экстазах Плотина» (Версты. — 1926. — № 1) вошла в кн. «На весах Иова», ст. «О добродетелях и звездах» (Из неизд. книги о Плотине) (Дни. — 1926. — 7 марта). Работа над кн. о Плотине была прервана участием Ш. в полемике вокруг феноменологии Э.Гуссерля. В февр. 1926 вышел франц. пер. ст. Ш. «Memento mori. По поводу теории познания Э.Гуссерля» (Revue philosophique de la France et le l'etranger. — P., 1926. — № 1-2). Благодаря этой ст. во Франции заинтересовались нем. философом, к-рый был там мало известен.

В мае 1927 Ш. ездил в Берлин читать лекции из курса «Вл. Соловьев и религ. философия», опубл. под назв. «Умозрение и апокалипсис. Религ. философия Вл.Соловьева (СЗ. — 1927. — № 33; 1928. — № 34) и заложившие основание нового сб. — «Умозрение и Откровение. Религ. философия Вл.Соловьева и др. статьи», вышедшего посм. (Париж, 1964). В апр. 1928 Ш. выступал на Амстердамском филос. конгрессе с компаративистским докладом о Плотине и Гуссерле, с к-рым там и состоялось личное знакомство. Завязалась дружба, несмотря на пост. полемику; вплоть до 1933 они неоднократно встречались или во Фрейбурге у Гуссерля или в Париже. В доме Гуссерля Ш. познакомился с М.Хайдеггером (8 нояб. 1928). Там же, во Фрейбурге, на след. день Ш. выступил с лекцией о Толстом, на к-рой присутствовали оба нем. философа. Ш. был уверен, что ст. Хайдеггера «Was ist Metaphysik?» (Heidegger M. Wegmarken. — Frankfurt a. M., 1967) появилась в результате его с автором беседы. Весной 1928 Ш. ездил во Франкфурт повидаться с М.Шелером, где познакомился с М.Бубером и заинтересовался соч. С.Кьеркегора. По возвращении в нояб. 1928 в Париж из лекционного турне по Швейцарии и Германии Ш., продолжая чтение курса в Славянском ин-те, углубился в чтение Кьеркегора и в работу над «Скованным Парменидом». 29 мая 1929 Ш. прочитал в парижском Филос. обве доклад «Об источниках вечных истин», завершившийся дискуссией с участием Н.Бердяева, *Б.Вышеславцева*, *В.Ильина*. В том же году вышла кн. «На весах Иова (Странствования по душам)» (на рус. и нем. яз. одновременно). Сюда вошли работы первой пол. 20-х, включая этот доклад.

В 1930 Ш. стал сотрудничать в журн. «Числа»: участвовал в устроенном ред. 26 янв. вечере, посв. В.В.Розанову; опубл. в журн. серию антирационалистич. афоризмов «Добро зло» (Числа. — 1930. — № 1), к-рые вместе с др. группой афоризмов, озаглавл. «О втором измерении мышления» (СЗ. — 1930. — № 48), составили четвертую часть вышедшего посм. соч. — «Афины и Иерусалим» (Париж, 1951), развивающего тему антиномичности веры и знания. В то же время Ш. закончил работу над «Скованным Парменидом. Об источниках метафизич. истин» (Париж, 1932; одновременно вышли ее франц. и нем. пер.), вошедшую затем в «Афины и Иерусалим». Гл. мысль, развиваемая в «Пармениде»: подлинная философия — это «упражнение в смерти», как учил Платон, в противовес представлению о ней как о дисциплине, следующей принудит. законам мышления. 16 нояб. 1933 Ш. выступил в Религ.-Филос. акад. с докладом в связи с захватившей его

теперь фигурой дат. мыслителя: «Религиозно-филос. идеи Киркегарда», а через полгода там же — с докладом «Киркегард и Достоевский» (Путь. — 1935. — № 48).

Образованный в 1936 по инициативе Б.Шлецера «К-т друзей Шестова» (к его 70-летию) помог изд. кн. «Киркегард и экзистенциальная философия. Глас вопиющего в пустыне», к-рая вышла на франц. яз. в 1936, а на рус. яз. в Париже в 1939.

24 марта 1936 началось двухмес. «паломничество» Ш. в Палестину, где в Тель-Авиве проживала его сестра; он прочел неск. лекций о Толстом, о Достоевском и Кьеркегоре в Тель-Авиве, Хайфе и Иерусалиме. В окт. 1938 выходит ст. «Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия» (СЗ. — 1938. — № 67), где Ш. развивает гл. упрек своему другу — склонность к рассудочным Афинам и «навязывание своей истины». Отвечая Ш. в письме от 30 окт. 1938, Бердяев не без грусти констатирует старое разногласие между христ. миросозерцанием и состоянием бесконечного искания (Мосты. — 1961. — № 8). После смерти Гуссерля (27 апр.) Ш. посвятил ему некролог «Памяти великого философа. Эдмунд Гуссерль» (РЗ. — 1938. — № 12; 1939. — № 13). В нояб. 1938 Ш. заболел тяжелым бронхитом, был помещен в клинику Бауло, где и скончался. Похоронен на Новом кладбище в Булони.

Идейно-творч. путь Ш. — это путь от атеистич. бунта против абсурдного и бесчеловечного мироустройства, апологией к-рого занят разум, к пафосу веры в лютеровской формулировке «Sola fide» и ветхозаветному Богу. Однако Бог, не связанный с идеей Логоса, становится символом всемогущего своеволия, что открывает перед человеком возможности, не считающиеся ни со строем бытия, ни с нормами нравственности, и оставляет его, как и на первом шестовском этапе, «по ту сторону добра и зла». Объявленный фидеизм оказывается, т.о., все той же верой в абсурд.

Изд.: Соч.: В 12 т. — 1-6 т. — СПб., 1898-1910; [т. 7]. — Берлин, 1923; [8-12 т.]. — Париж, 1929-1964.
Соч.: В 2 т. — М., 1993.

Лит.: Федотов Г.П. Рец.: «На весах Иова» // Числа. — 1930. — № 2/3.
Бердяев Н. Лев Шестов и Киркегард // СЗ. — 1936. — № 62.
Бердяев Н. Осн. идея философии Льва Шестова // Путь. — 1938. — № 58.
Булгаков С. Нек-рые черты религ. мировоззрения Л.И.Шестова // СЗ. — 1939. — № 68.
Ловцкий Г.Л. Лев Шестов по моим восп. // Грани. — 1960. — № 45, 46.
Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. По переписке и восп. современников. — Париж, 1983. — Т. 1-2.
Гальцева Р. Иск к разуму как дело спасения индивида // Гальцева Р. Очерки рус. утопич. мысли XX в. — М., 1992.
Fondane B. Rencontres avec L.Chestov. — P., 1967 (отрывок: НЖ. — 1956. — № 45).
Bedard A. La nuit liberatrice. Liberté, raison et foi selon L.Chestov. — P., 1973.
Baranoff N. Bibliographie des oeuvres de L.Chestov. — P., 1975.
Baranoff N. Bibliographie des etudes sur Chestov. — P., 1978.
+ Адамович; Бахрах; Зеньковский; Лосский; РФН; РФР.

Р.А.Гальцева

ШИМА́НСКАЯ Аглаида Сергеевна (урожд. Левицкая; 10(23).V.1903, Москва — I.1995, Ганьи, Париж) — поэтесса и прозаик. Род. в семье судебного и обществ. деятеля С.Левицкого, основателя дома для русских в Монтре в Швейцарии в 1920-х; Ш. — сестра Анатолия Левицкого, ученого-этнографа, одного из организаторов франц. Сопротивления (расстрелян немцами 23 февр. 1942) и поэта Юрия Рогаль-Левицкого. В Швейцарии до первой мировой войны прошли ее дет. и юнош. годы. Училась в школе в Лозанне. Была читательницей Рубакинской б-ки. В нач. 30-х в связи с тем, что не могла найти работу в Швейцарии, приехала в Париж, посещала чтения в Рус. консерватории Рахманинова в Париже. В 1934 вышла замуж за офицера царской армии Сергея Семеновича Шиманского, к-рый работал как музыкант.

В 1947 ее первое стих. было опубл. в газ. «НРС». С этого времени ее стихи стали появляться в журн. «Грани», «Новоселье», «Современник», «НЖ». Участница сб. «Эстафета» (Париж, 1948), «Музы диаспоры» (Франкфурт-на-М., 1960), «Содружество» (Вашингтон, 1966) и «Сб-ке Объединения

молодых деятелей рус. иск-ва и науки» (Париж, 1947).

В 1950 в париж. изд-ве «Рифма» вышел ее первый сб. стихов «Капля в море», почти не замеченный критикой. За ним последовал второй «Новолуние», опубл. тем же изд-вом в 1955. В рец. на сб. *Е.Таубер* писала: «Стихи этого сборника легкие, звенящие, пронизанные голубоватым туманом «Новолуния». Полутона, полунамеки. Нет резких контуров. Все скользит, переливается. И все в движении. Остановиться и углубиться в скользящее некогда» (НЖ. — 1955. — № 41. — С. 302).

Кн. Ш. «Я вам прочту» вышла там же в 1963. «В ней автор отразился целиком, — откликалась на выход книги *И.Одоевцева*, — и это делает книгу правдивой и настоящей. В ней нет фальши, выдуманных, хотя и красивых чувств, и нет обычной банальности — «все о том же», о любви и природе, о разбитом сердце и надвигающейся старости» (НЖ. — 1963. — № 74. — С. 299). Последняя кн. Ш. «Антенны» увидела свет в 1976 в Париже. Прозаик и поэтесса Е.Ф.Рубисова отмечала: «Две перемежающихся темы в стихах А.Шиманской: тема гибели... и, несмотря ни на что, приятие этой жизни и ее закона. И также — темы родины» (Современник. — 1976. — № 32. — С. 82). Кроме стихов, в журн. «Современник» и «В» печатались и ее рассказы. В 70-е была создана пов. «Господин Бург» (до сих пор не опубл.).

Ш., как и мн. поэты «парижской ноты», следует предписаниям рус. классич. версификации. Воспоминания и ностальгия — осн. темы ее творчества, на к-рое повлияло эзотерическое учение. Она была дружна с *Ю.Терапиано* и на ее средства была издана его кн. «Лит. жизнь рус. Парижа за полвека» (Париж; Нью-Йорк, 1987). Архив Ш.: Центр. научн. б-ка Союза театр. деятелей РФ. Фонд Шиманской А.С.

В.П.Нечаев

ШКЛО́ВСКИЙ Виктор Борисович (12(24).I.1893, Петербург — 4.XII.1984, Москва) — писатель, историк и теоретик лит-ры, критик, кинодраматург. Род. в семье учителя математики Боруха Шкловского, мать — Варвара Бундель из прибалт. немцев. Учился на историко-филол. ф-те Петерб. ун-та, посещал Пушкинский семинарий С.А.Венгерова. В стенах ун-та и в петерб. лит. кругах познакомился с Ю.Н.Тыняновым, Б.М.Эйхенбаумом — будущими союзниками в науке, О.Э.Мандельштамом и С.М.Городецким, К.И.Чуковским и др. Бывал в артистич. кафе «Бродячая собака», «Привал комедиантов», участвовал в заседаниях Вольного филос. об-ва (Вольфила). Первая публ. — «Право скорби» (Весна. — СПб., 1908). В 1914 издал брошюру «Воскрешение слова» (СПб.) — манифест рус. футуризма, в к-ром сформулировал концепцию иск-ва как ощутимой формы, ставшую эстетич. программой созд. им вместе с Л.П.Якубинским, О.М.Бриком и Е.Д.Поливановым Об-ва изучения поэтич. яз. (ОПОЯЗ). В ранний период был связан с футуристами В.В.Хлебниковым, В.В.Маяковским и др., в 20-е с ЛЕФом и Новым ЛЕФом, являясь своеобр. связным ОПОЯЗа и лит. авангарда; сб. ОПОЯЗа со ст. Ш. выходили с 1916 до кон. 1918. Ш. был в действ. армии вольноопределяющимся, сражался в Галиции, был тяжело ранен, награжден лично Л.Г.Корниловым орд. Св.Георгия. Большевистский переворот не принял, примкнул к правым эсерам. В февр. 1922 в Берлине вышла кн. руководителя воен. организации ЦК партии эсеров Г.Семенова «Воен. и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1981 гг.» (Берлин, 1923), в к-рой были разглашены неизв. ранее факты террористич. деятельности Ш. Опасаясь ареста, 14-15 марта 1922 Ш. переправляется нелегально в Финляндию, а оттуда при содействии друзей и дяди *Дионео* (И.В.Шкловского) в Берлин. Сотрудничает в «Новостях лит-ры» *М.Слонима*, «Голосе России». Первая кн. Ш., изд. в Берлине — «Ход коня» (М.; Берлин, 1923), состоит из ст., печатавшихся в 1919-20 в «Жизни иск-ва» (Пг.). *Р.Гуль* упрекал автора в саморекламе, в «странном невропатическом стиле», в том, что яз. газ. репортажа не достоин писателя (Новая рус. кн. — 1923. — № 1. — С. 25). С.Карцевский подчеркивал важность постановки Ш. вопроса об условности иск-ва (Воля России. — 1923. — № 4. — С. 79). К.Кириллов (*А.Бахрах*), находя в кн. черты «типичнейшего и элементарнейшего

романа», настаивал на принцип. разведении лирич. героя этого «романа» и самого Ш. — «облик «я» удался Ш. великолепно, и в русскую литературу он смело может войти сотоварищем Онегина, Печорина, Рудина и иже с ними, т.е. именно ненавистным «автору» ненаучным эпохальным типом» (Дни. — 1923. — 4 февр.). С.Карцевский, анализируя след. кн. Ш. «Лит-ра и кинематограф» (Берлин, 1923), протестовал против формалист. «обнажения приема», утверждая необходимость иллюзии в иск-ве: «Выйти из этого плана... это значит выйти за пределы искусства». Он также призывал Ш. перейти от фельетонного жанра к серьезной кн. об иск-ве (Воля России. — 1923. — № 4. — С. 80). Бурные отклики вызвала кн. «Сентиментальное путешествие» (Берлин, 1923) — «горячий мемуар» участника неслыханных событий в России. *Ф.Степун* отмечал талантливость кн., «зоркие глаза, острый ум, крепкий интеллектуальный настой образа», «темп повествования» (СЗ. — 1923. — № 16. — С. 411-414). «ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (Берлин, 1923), написанная в форме писем к любимой женщине Э.Триоле, запретившей автору писать о любви, наполнены рассказами о жизни рус. Берлина, о себе, о своем чувстве к адресату. «Виктор Шкловский очень способный и очень нервный человек. Если бы он не был опоясан разными «опоязами», был бы более культурным европейцем или культурным русским, но настоящим, не на нынешний масштаб, он мог бы быть превосходным публицистом... А вот может ли В.Шкловский писать роман — неизвестно», — писал *М.Осоргин*, называя «ZOO» фельетоном (СЗ. — 1923. — № 17. — С. 486-488). Одно из писем Ш. заканчивается обращением во ВЦИК с просьбой разрешить ему вернуться в Россию. В окт. или нояб. 1923 Ш. возвращается в СССР. Конец 20-х ознаменован выходом теоретич. книг Ш. формалист. периода «О теории прозы» (Л.; М., 1925), «Гамбургский счет» (Л., 1928). Позиции школы на Западе укрепляются в связи с созданием *Н.С.Трубецким*, *Р.Якобсоном*, Я.Мукаржовским, С.Карцевским и др. Пражского линвистич. кружка. И после распада и разгрома ОПОЯЗа эстафета переходит за рубеж. «Третья фабрика» (М., 1926) Ш. — кн. биогр. характера вызвала сочувств. отклики. *Н.Оцуп* писал: «Душевный мир — не очень веселый, но живой... Трагизм живого человека» (ПН. — 1928. — 26 апр.). Теплый отзыв *А.Бема* получила автобиогр. кн. Ш. «Поиски оптимизма» (М., 1931) (СЗ. — 1933. — № 51). После войны выходят его кн.: «Заметки о прозе рус. классиков» (М., 1953), «За и против: Заметки о Достоевском» (М., 1957), «Художеств. проза. Размышления и разборы» (М., 1959), «Лев Толстой» (М., 1963). «Тетива. О несходстве сходного» (М., 1970), «Эйзенштейн» (М., 1973) и др. Архив Ш. в РГАЛИ.

Изд.: Собр. соч.: В 3 т. — М., 1973-74. — Т. 1-3.
Избр.: В 2 т. — М., 1983. — Т. 1-2.
Гамбургский счет: Статьи. Восп. Эссе (1914-1933). — М., 1990.

Лит.: Гуль Р. Рец.: «Сентимент. путешествие» // НРС. — 1923. — № 3/4.
Осоргин М. Падающие камни («Сентимент. путешествие») // Дни. — 1923. — 18 февр.
Серман И. Некролог // РМ. — 1984. — 27 дек.
Sheldon R. Victor Shklovsky. An international bibliography. — Ann Arbor, 1977.
+ Казак.

А.В.Громов-Колли

ШМЕЛЁВ Иван Сергеевич (21.IX.(3.X).1873, Москва — 24.VI.1950, Бюси-ан-От, Франция) — прозаик, публицист. Род. в Кадашевской слободе, затем семья переехала в собств. дом на Б.Калужской ул.; предки — из крестьян-староверов Богородского уезда Моск. губ. Детство Ш. благоговейно вспоминал всю жизнь: проведенное в Замоскворечье, в патриархальной, глубоко правосл. семье, среди купеч., мещанского, рабочего люда, оно стало гл. истоком творчества писателя. Отец Ш., Сергей Иванович, подрядчик, оказавший сильнейшее влияние на маленького Ваню, умер, когда тому было всего семь лет; — последним его делом стал подряд по постройке трибун на открытии памятника Пушкину. Окончив г-зию, Ш. поступает на юрид. ф-т Моск. ун-

та. В пору студенчества (1894-98) заявляет о себе как писатель: в июльск. номере «Рус. богатства» за 1895 опубл. его рассказ «У мельницы». В окт. того же года, женившись, Ш. совершает свадебное путешествие в Валаамский монастырь и выпускает кн. очерков «На скалах Валаама» (М., 1897). Сорок лет спустя Ш. создает новую ред. этого автобиогр. повествования — «Старый Валаам» (Владимирова, Чехословакия, 1936). После непродолжит. работы пом. присяжного поверенного в Москве, Ш. становится чиновником для особых поручений во Владимире. В этом «медвежьем углу» он открывает для себя рус. деревню, а в путешествиях по Оке и Каме, в поездках в Сибирь — многообразие рус. природы.

В 1905 Ш. начинает печататься в «Рус. мысли», «Дет. чтении», а получив в 1907 отставку, поселяется в Москве и целиком уходит в лит. работу. Ш. близок писателям-реалистам демокр. книгоизд-ва писателей «Знание», куда Ш. вошел в 1910. Начало выходить собр. соч. писателя (к 1916 вышел восьмой том). Появление пов. «Человек из ресторана» (Сб. т-ва «Знание» за 1911. — Кн. 36), принесшей Ш. всерос. славу, критики сравнивали с дебютом Достоевского.

С нач. первой мировой войны Ш. переселяется в калужское имение; сб-ком «Суровые дни» (М., 1916) он откликается на бедствия и тяготы войны. В 1916 ушел на фронт его единств. сын Сергей, и неприятие Ш. войны как человеч. бойни, самоистребления озверевших людей нарастает и получает отражение в повести «Это было» (М., 1919). Демокр. иллюзии, питавшие прогрес. интеллигенцию, заставили Ш. горячо приветствовать Февр. революцию. Он ездил в Сибирь корр. «Рус. вед.» встречать политкаторжан, сотрудничал в газ. «Власть народа». Но размышления о начавшемся переустройстве об-ва приводят Ш. к мысли, что оно невозможно, не будет понято народом в его темной, косной массе; он предвидит, во что превратится на практике воплощение социалистич. идеалов.

Не приемля безнравственности большевист. насилия, Ш. не принял Октябрь. Но об эмиграции писатель не помышлял: в 1918 семья Ш. уехала в Крым, где в 1920 был куплен клочок земли с домиком — «дачка». В нояб. 1918 им написана житие крепостного художника «Неупиваемая чаша». В это же время Ш. обратился к жанру сказки. Гражд. войну прожил в Крыму. В нояб. 1920 в Севастополь вошли красные. Всем офицерам было предписано явиться для регистрации. Ш., прапорщик запаса, был отпущен комиссаром ревкома как автор «Человека из ресторана». Но трагич. участи не избежал его сын Сергей. Взятый из госпиталя в Феодосии, он был расстрелян в кон. 1920. Проводившими «красный террор» в Крыму Бела Куном и Р.Землячкой были расстреляны без суда и следствия тысячи офицеров, представителей интеллигенции, не пожелавших эмигрировать и поверивших большевикам. Смерть сына потрясла Ш. Вместе с женой они тщетно искали его могилу, с надеждой ловили слухи, надеясь на чудо, сами едва не погибли во время страшного крымского голода. Едва перебравшись в Москву, Ш. начинает хлопотать о выезде за границу, куда его все настойчивей зовут *Бунин* и *Зайцев*. 20 нояб. 1922 Шмелевы выезжают в Берлин, через два мес. перебираются в Париж, лето проводят у Буниных в Грасе, на юге Франции, где Ш. заканчивает самую, по словам *А.Амфитеатрова*, «страшную книгу», написанную на рус. яз. — «Солнце мертвых» (Кутырина Ю. Иван Сергеевич Шмелев. — Париж, 1960. — С. 37). Книга посв. трудным, мучит., кошмарным месяцам большевист. террора в Крыму. В ней нет ни слова о личном горе писателя. Но сила впечатления, к-рую ощутили на себе Т.Манн, Р.Роллан, Р.Киплинг, Г.Гауптман, и отмеченное ими общечеловеч. звучание кн. исходит не только от ужасающих картин духовного распада одних и физич. унижения и гибели других, но от той худож. силы, в к-рой переплавляются личная боль писателя и его глубокие размышления о человеке и стране с изображением повседневного хода жизни.

Сразу переведенная на иностр. яз. эпопея «Солнце мертвых» (Париж, 1926), даже символич. своим назв. свидетельствующая, что все же «тьма не покрыла» всего мира, стала первым произв. Ш. о послерев. России. Он печатается в газ. «Руль», «Сегодня», «За свободу!» и в журн. «СЗ», «РМ», «Окно», «ИР». Большинство произв. Ш., написанных до 1930-х («Про одну старуху», 1925; «На пеньках», 1925; романы «История любовная», 1927; «Солдаты», 1930), были опубл. в «СЗ». Два сб. дорев. рассказов Ш. появились в сов. России: «За-

бавное приключение» (М.; Л., 1927) и «Стена» (М.; Л., 1928). Гл. темой творчества Ш. 20-х становятся разверзшаяся духовная бездна и нравств. одичание человека. В прошлом России, в православии, в душевной чистоте отд. личности Ш. видит залог грядущего возрождения и очищения. Чувством утраты родины и светом восп. о минувшем пронизаны выходящие в Париже сб. рассказов и очерков писателя: «Про одну старуху. Новые рассказы о России» (1927), «Степное чудо. Сказки» (1927), «Свет разума. Новые рассказы о России» (1928), «Въезд в Париж. Рассказы о России зарубежной» (Белград, 1929), «Родное. Про нашу Россию. [Восп., рассказы]» (Белград, 1931).

В Европе Ш. так и не сумел прижиться, не смог принять ее прагматизма, рационалистичности; его рассказы о судьбах русских за рубежом, ром. на ту же тему «Няня из Москвы» (Париж, 1936; переизд.: История любовная; Няня из Москвы. — М., 1995) все более окрашиваются религ. чувством. Постепенно все мотивы его творчества переплавляются в одной всеобъемлющей теме — Россия. Не столько из-за монархизма воззрений, к-рые никогда не были у Ш. ярко выражены, сколько благодаря своему православию — «исконному, кондовому, наполняющему жизнь и самому по себе являющемуся политической программой» (В. — 1957. — № 70. — С. 99), Ш. находился на крайнем правом фланге эмиграции. Подобное мировоззрение было неприемлемо для «левой» интеллигенции, и начавшееся «выживание» писателя из печати, превратившееся в ускорившую его кончину травлю, исходило от авторитетных критиков зарубежья, от ред. самого популярного и декларативно «непартийного» органа рус. эмигр. печати — журн. «СЗ». Причина травли лежала не в личной сфере, не была продиктована эстетич. критериями, хотя «Солдаты» порицались и за худож. решение. «Важно было то, что Шмелев осмелился защищать историческую Россию против революции. Этого ему простить не могли. Шмелеву не дали докончить роман...», — свидетельствовал В.Рудинский, приоткрывший эти страницы лит. жизни эмиграции (В. — 1957. — № 70. — С. 99-100). Упреки быв. эсеров приобретали в эмиграции зловещий оттенок: полицейщина, черносотенство. После рец. *Г.Адамовича* на сб. «Родное» (СЗ. — 1932. — № 49) Ш. был вынужден излить свое возмущение в письме в ред. «Игриво-глумливые», «безответственные» суждения критика, полагавшего, что Ш. пишет о «благополучии разбогатевших банщиков», что «все это сейчас мертво», что «все это патриотизм», «струна, на которой играть легко», и, вообще, «соляночка на сковороде», писатель отнес на счет того, что рецензенту «оказался недоступным внутренний лик произведения».

Несмотря на отвержение Ш. леворадикальной, европоцентристской критикой (мнения о Ш. Г.Адамович не изменил и в позднейших восп.: Комментарий. — С. 54), Ш. обретает в рус. зарубежье и своего читателя, и своего критика. Он был одним из любимых писателей рус. изгнанников, его «Богомолье» перечитывал уже не выходивший из комнат дряхлый старец *Вас.Ив.Немирович-Данченко*, просил читать за четыре дня до смерти *К.Бальмонт*, державший кн. в изголовье рядом с Евангелием. Наиб. глубокое и тонкое прочтение Ш., особенно центр. его творений — «Лета Господня» и «Богомолья» — дал *И.Ильин*, сумев проницательно отметить в творчестве Ш. соединение почвенного, народно-бытового со стихией православия и разглядеть в соч. этого национально ориентированного писателя их общечеловеч. значение. «Шмелев есть прежде всего — русский поэт по строению своего художественного акта, своего содержания, своего творчества. В то же время он — певец России, изобразитель русского исторически сложившегося душевного и духовного уклада; и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ — в его подъеме, и в его падении, в его силе и слабости, в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве. Это — национальное толкование национального. И уже там, дальше, глубже, в этих узренных национальных образах, раскрывается та художественно-предметная глубина, которая открывала Шмелеву доступ почти во все национальные литературы» (Ильин И.А. О тьме и просветлении. — Мюнхен, 1959. — С. 136; переизд.: М., 1991).

Первые гл. из «Лета Господня» стали появляться на страницах печати в 1927, первая часть кн. («Праздники») вышла в 1933 в Белграде; в процессе работы над «Летом Господним» пишется «Богомолье» (Белград, 1935), полн. изд. к-рого появляется одновременно с «Летом Господним»

(«Лето Господне. Праздники. — Радости. — Скорби». — Париж, 1948; «Богомолье». — Париж, 1948). Содержание «Лета Господня» определяется тем годовым календарным циклом, к-рый в России имеет и природную, и религ.-обрядовую стороны. Это нерасторжимое единство простонар. быта и озаряющего его православия ложится и в основу композиции кн. Ш.: календарь рус. природы и церк. календарь сплетены на страницах повествования Ш. с его автобиогр. восп. о детстве. «Лето Господне» — не идиллия, не утопия, не миф, как принято определять жанр кн. Ш., а эпос рус. жизни, окрашенный лирич. чувством рассказчика.

«Богомолье» композиционно решено иначе, чем «Лето Господне», согласно линейности реального времени (лето 1879) и движения к цели — обители Живоначальной Троицы в Сергиевом Посаде. Повествование в «Богомолье» центростремительно — это приближение к гл. рус. святыне, символу правосл. веры и рус. нац. духовности, воплощенной в зримом образе немеркнущей над лесами Подмосковья свечи-колокольни.

Тяжелым ударом стала для писателя смерть жены, Ольги Александровны, 22 июня 1936. В годы войны Ш. оставался в оккупиров. Париже; публ. четырех очерков и рассказов о старой России в пронемецком. «Парижском вест.» стоила писателю репутации — на него обрушилось обвинение в коллаборационизме.

Опытом «духовного романа» стали задуманные как тетралогия «Пути небесные»; первый том ром. был завершен в 1936, над вторым Ш. работал в 1944-47. Это последнее произв. писателя посв. его жене, и в основу его положена реальная история, связанная с обстоятельствами жизни и брака родного дяди О.А.Шмелевой—В.М.Вейденгаммера. «Пути небесные» — кн. «о самом важном», роман-завещание, широкий замысел к-рого не был осуществлен (1 том вышел в 1937, 2 — в 1948 в Париже; М., 1991). В «Путях небесных» Ш. отвечает на нерешенные (или трагически решенные) вопросы рус. классич. лит-ры, предлагая путь веры и самопожертвования как путь преодоления греха и освобождения, восхождения души. Третью часть ром., действие в к-рой разворачивалось бы в Оптиной Пустыни, Ш. предполагал писать в обители Покрова Божьей Матери в Бюси-ан-От, в 150 км от Парижа. В этот правосл. монастырь Ш. приехал 24 июня 1950; в тот же день он скончался от сердечного приступа.

Последний раз на рус. земле Ш. побывал в 1936, заехав в Изборск и Печоры псковские, принадлежавшие тогда Эстонии. Прах свой он завещал перенести на кладбище Донского мон., где покоятся его предки. «Но верю я, — выражала общие чувства почитателей Ш. мемуаристка, — что когда возродится Россия, вернется и он туда, вернутся его тленные останки, бережно и благоговейно перенесенные нами из изгнания в русскую землю, в родную его Москву, вернется и его нетленная сущность — книги его, — духовное его наследие нам» (Зоммеринг Л. Воспоминания об И.С.Шмелеве // В. — 1952. — № 24. — С. 105).

Изд.: Свет вечный: Посм. изд. рассказов 1895-1950 г. — Париж, 1968.

Соч.: В 2 т. / Сост. Михайлов О.Н. — М., 1989. — Т. 1-2.

Лит.: Мочульский К. О Шмелеве // Звено. — 1927. — № 225.

Кульман Н.К. И.С.Шмелев: к 35-летию лит. деятельности // Россия и славянство. — 1930. — 18 окт.

Карташев А. Певец Святой Руси: Памяти И.Шмелева // В. — 1950. — № 10.

Федоров Н. Путь Шмелева // Южный крест. — Буэнос-Айрес, 1951. — № 1.

Памяти И.С.Шмелева: Сб. ст. и восп. — Мюнхен, 1956.

Клименко Н.К. Шмелев и его «Неупиваемая чаша» // В. — 1960. — № 102.

Марченко Т.В. Традиции Гоголя в творчестве И.С.Шмелева // Рос. лит-ведч. журн. — 1994. — № 4.

Любомудров А.М. Правосл. монашество в творчестве и судьбе И.С.Шмелева // Христианство и рус. лит-ра: Сб. ст. — СПб., 1994.

Сорокина О. Московиана: Жизнь и творчество И.Шмелева. — М., 1994.

Schakhovskoy D. Bibliographie des oeuvres de Ivan Chmelev. — P., 1980.

Schriek W. Ivan Šmelöv: Die religiöse Weltsicht u. ihre dichterische Umsetzung. — München, 1987.

+ Адамович; Амфитеатров; Казак; Михайлов; Полторацкий; Рус.Берлин; Соколов; Струве.

Т.В.Марченко

ШТЕ́ЙГЕР Анатолий Сергеевич (7(20).VII.1907, имение Стебелевская Николаевка, Киевская губ. — 24.X.1944, Швейцария) — поэт. Происходил из старинного швейц. рода, одна из ветвей к-рого в нач. XIX в. переселилась в Россию. Отец поэта, барон Сергей Эдуардович фон Штейгер, был военным (одно время состоял адъютантом одесского ген.-губернатора); выйдя в отставку в чине полк., занялся зем. деятельностью, был избран поч. судьей и предводителем дворянства Каневского уезда Киевской губ. Детство Ш. и его сестры, будущей поэтессы *Аллы Головиной*, протекало сначала в отцовском поместье Николаевка, а затем в Петербурге, куда семья переехала после того, как в 1913 отец стал деп. Гос. Думы. Во время гражд. войны семья Ш. перебирается в Одессу, откуда в 1919 эвакуируется в Константинополь. Спустя год на нек-рое время они возвращаются на юг России. Вторая эвакуация из Одессы, в февр. 1920, описанная Ш. в его незаконч. восп. («Детство» // НЖ. — 1984. — № 154), проходила в чрезвычайно драматич. условиях: потеряв все имущество, семья Ш. чудом получила место на англ. ледоколе, к-рый оказался последним судном, покинувшим город.

После бедств. пребывания в Константинополе семья Ш. переезжает в Чехословакию, где Ш. оканчивает рус. г-зию. С 17 лет он всецело отдается поэтич. творчеству. Вскоре семья Ш., формально никогда не терявшая швейц. гражданства, стала получать кантонскую пенсию, и Ш., с детства болевший туберкулезом, смог избавиться от тяжелой поденной работы, получив право бесплатно лечиться в швейц. санаториях. С сер. 20-х он ведет скитальч. жизнь, разъезжая по всей Европе. Примыкая к общественно-политич. «Союзу младороссов», Ш. «во всех центрах эмиграции находил друзей... Благодаря природному savoir faire <умению держать себя>. Штейгера принимали как своего не только среди монархистов, но и у эсеров, пореволюционеров и, конечно, на Монпарнасе» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. — СПб., 1993. — С. 231).

Несмотря на разъезды и вынужд. затворничество в швейц. санаториях, Ш. активно участвует в лит. жизни рус. Парижа: сотрудничает в изд. эмиграции («СЗ», «Числа», «Круг», «РЗ»), посещает «воскресенья» *Мережковских* и собрания религ.-филос. об-ва «Круг», выступает на лит. вечерах с чтением своих стихов и рассказов. Ш. был знаком со мн. литераторами рус. зарубежья, переписывался с *З.Шаховской*, в 1936-37 — с *М.Цветаевой* (См.: Цветаева М. Письма к Анатолию Штейгеру. — Калининград Моск. обл., 1994), посвятившей ему лирич. цикл «Стихи сироте»; особенно близко Ш. сошелся с *Г.Адамовичем*, оказавшим влияние на формирование его поэтич. мировоззрения. Лит. авторитетами для Ш. были также поэты «петербургской школы» — неслучайно мн. стих., вошедшие в его первый лирич. сб. «Этот день» (Париж, 1928), отмечены влиянием И.Ф.Анненского, раннего *Г.Иванова* (его игриво-декоративная манера особенно ощутима в таких стих. Ш., как «На блеклом шелке медальоны» и «Миниатюры Изабэ») и Н.Гумилева. Тем не менее и в «Этом дне», и в сб. «Эта жизнь» (Париж, 1931) Ш. проявил себя как самобытный поэт, нашедший свою неповторимую манеру. Ее характерными чертами являются приглушенная эмоциональность тона, острый психологизм, экономность худож.-выразит. средств, «прекрасная ясность» яз. и лаконичность поэтич. фразы. В первых двух сб. Ш. преобладают мотивы нераздел. любви, одиночества, тоски по утрач. родине и безвозвратно ушедшему миру детства.

В последнем прижизн. стих. сб. «Неблагодарность» (Париж, 1936) Ш. окончательно обрел самостоят. лирич. голос и свои особые темы. Туманно-радужным образам прошлого поэт «предпочел безотрадное эмигрантское настоящее, в котором он себя чувствовал лишним, чужим, по-детски беспомощным» (*Иваск Ю.* // НЖ. — 1951. — № 25. — С. 299), сладким ностальгич. восп-ям — беспощадный самоанализ, откровенный разговор о коренных вопросах человеч. существования. Стих., включенные в сб. (чаще всего — это лирич. миниатюры в пять-шесть строк), отличаются простотой формы, предельной смысловой насыщенностью, интимной доверительностью интонаций. Обилием вводных предложений и эффектной «оборванностью» заключит. строк они напоминают отрывки своеобр. лирич. дневника «или даже заметки, вырванные из записной книжки», как писал *В.Ходасевич*, высоко оценивший поэзию Ш. Он высказал мысль о том, что в своей основе поэзия Ш. «восходит к источнику проза-

ич.: к розановским записям в «Уединенном» и в «Опавших листьях» (В. — 1936. — 28 мая). Сб. «Неблагодарность» выдвинул Ш. в число лучших молодых поэтов эмиграции. Г.Адамович, признанный законодатель лит. мод на Монпарнасе, прежде упрекавший поэта в незрелости, в своем отзыве на его кн. заявил: «Теперь... Штейгера должны бы знать все, кому дорога русская поэзия. Он — подлинный поэт... Помимо того, он — настоящий мастер» (ПН. — 1936. — 30 апр.). После успеха «Неблагодарности» камерная, «дневниковая» лирика Ш., наряду с поэзией Г.Адамовича и его ученицы *Л.Червинской*, стала восприниматься как наиб. яркое выражение «парижской ноты», поэтич. мироощущения, так или иначе повлиявшего на творчество большинства молодых париж. поэтов.

С нач. второй мировой войны Ш. переезжает в Швейцарию. Работая в воен. цензуре, он составлял антифашист. листовки (за что нем. оккупац. власти пограничных со Швейцарией стран назначили награду за его голову). Одновременно, уже смертельно больной, поэт подготавливает к печати сб. «Дважды два четыре: Стихи 1926-39 г.» (Париж, 1950), вышедший после его смерти и считающийся лучшей кн. поэта, во мн. предвосхитившего своей лирикой беспощадно-ироничную манеру позднего Г.Иванова. Большинство стих. сб. проникнуто горькой иронией и настроениями тоски и отчаянья, однако в целом кн. не оставляет впечатления безысходности: чувству исчерпанности идеалов, опустошенности человеч. личности и осознанию общей катастрофичности бытия поэт противопоставляет умиротворенно-живописные образы природы и «особый мир беспомощных фантазий» о все разрешающей и оправдывающей любви: «У нас не спросят: вы грешили? / Нас спросят лишь: любили ль вы? / Не поднимая головы, / Мы скажем горько: — Да, увы, / Любили... как еще любили!..» «В своем долгом швейцарском одиночестве, больной, беспомощный, мало-помалу от всего отказывавшийся, одно за другим, даже в надеждах, терявший, Штейгер дотянулся, дописался до настоящих слов, горьких и чистых», — так писал о поэте Г.Адамович, считавший, что поэзия Ш. «принадлежит к тому немногому истинно ценному, что за последние десятилетия русскими поэтами написано» (Адамович Г. Одиночество и свобода. — СПб., 1993. — С. 153).

Лит.: Адамович Г. Рец.: «Этот день» // СЗ. — 1929. — № 38.
Струве Г. Рец.: «Этот день» // Россия и славянство. — 1929. — 2 февр.
[Сосинский Б.] Рец.: «Эта жизнь» // Воля России. — 1931. — № 10/12.
Засекин А. Рец.: «Эта жизнь» // В. — 1932. — 14 янв.
Цетлин М. Рец.: «Неблагодарность» // СЗ. — 1936. — № 62.
Червинская Л. Рец.: «Неблагодарность» // Круг. — 1936. — № 1.
Терапиано Ю. Анатолий Штейгер // Терапиано Ю. Встречи. — Нью-Йорк, 1953.
Мосешвили Г. Стихи из заколдованного круга // ЛО. — 1996. — — № 2.
+ Адамович; Казак; Струве; Шаховская.

Н.Г.Мельников

ШУЛЬГИ́Н Василий Витальевич (1(13).I.1878, Киев — 15.II.1976, Владимир) — полит. деятель, журналист, публицист, прозаик, поэт, ист. романист. Отец — Виталий Яковлевич, историк, проф. ун-та Св. Владимира (Киев), основавший в 1864 газ. «Киевлянин», передовая ст. первого номера к-рой заканчивалась словами: «Этот край русский, русский, русский!», что во мн. определило убеждения и судьбу Ш. Род Шульгиных прослеживался с XII в., и в XIX и XX вв. его представители проявили себя и как укр., и как рус. националисты. Будучи инспектором киевского ин-та благородных девиц, В.Я.Шульгин в преклонном возрасте женился на своей воспитаннице Марии Константиновне Поповой, скончавшись за месяц до рождения сына. Вдова вышла замуж за Дмитрия Ивановича Пихно, к-рый не изменил направленности «Киевлянина» и воспитал приемных и своих детей. В 1886 Ш. поступил во 2-ю киевскую г-зию, в 1895 — на юрид. ф-т Киевского ун-та. В 1895 женился на Екатерине Григорьевне Градовской. «Антисемитом я стал на последнем курсе университета. И в тот же день, и по тем же причинам я стал «правым», «консерватором», «националистом», «белым», ну словом тем, что я есть сейчас...», — писал Ш. в кн. «Что нам в

них не нравится. Об антисемитизме в России» (Париж, 1929. — С. 52). В 1901 поступил в 5-й саперный батальон вольноопределяющимся, через год произведен в прапорщики, вышел в запас, занимался сел. хозвом и воспитанием детей на хуторе Агатовка и имении Курганы в Острожском у. Волынской губ., был земским гласным. Писал ист. ром. «Приключения князя Воронецкого», действие к-рого происходит в 1591 на Волыни, где под руководством кн. Острожского ведется борьба русских за свои обычаи, независимость, с поляками и татарами (Ч. 1 «В стране свобод». — Киев, 1914; 2-е изд.: Париж, 1930). К 1905 Ш. стал ведущим журналистом в «Киевлянине», отстаивал законность, свободу личности, выступал против подрыва гос. устоев; вместе с Пихно, ставшим чл. Гос. совета, стоял за неогранич. царскую власть, возмущался предат. позицией интеллигенции в отношении рус.-япон. войны. Д.Заславский, автор кн. о Ш. под назв. «Рыцарь монархии» и «Рыцарь черной сотни», писал, что у Ш. «не было предвзятой, ожесточенной ненависти к левой интеллигенции и студентам, рабочим, евреям. Скорее было презрительно-пренебрежительное к ним отношение» (Л., 1927. — С. 9).

Манифест 17 окт. 1905 был встречен Ш. с недоумением. 19 окт. в «Киевлянине» Ш. писал: «Не говорите, что русский народ — раб. Это великий и любящий народ. Вы не понимаете его веры, как он не понимает вас. Но вы заставили его понять, что значит революционное насилие, вы заставили понять, что вы предаете поруганию его святейшие верования. И ненависть против оскорбителей разразилась в погром евреев, которых он счел вашими соучастниками...» В тот же день Ш. был призван в 14-й саперный батальон, вместе со своими солдатами защищал евреев от погрома. После покушений на Столыпина, борясь с рев. террором, Ш. прошел на выборах от Волыни во II Гос. думу, где сразу привлек к себе внимание блестящим ораторским мастерством, спокойствием, искренностью. Он поддерживал Столыпина во всех его начинаниях. В III Гос. думе Ш. голосовал против отмены смертной казни за террористич. деятельность. Стал лидером фракции «рус. националистов». Ш. обвинял в убийстве Столыпина еврейские деньги и в то же время выступил в «Киевлянине» по делу Бейлиса, за что был приговорен к тюремному заключению, но не отбывал его.

Лит. деятельность Ш. тесно связана с его полит. воззрениями. В кн. «Писатель» (СПб., 1907), посв. Г.В.Короленко, Ш. стремится дать портрет литератора, уходящего от «проклятого чада грязной революции в чистую область искусства» (с. 4). Ш. выступает с восп. «Саперный бунт (1905)» (Харьков, 1908), «Выборное земство в Юго-Зап. крае» (Киев, 1909). Сб. «Недавние дни» (Харьков, 1910) вобрал в себя предыдущие кн., новые отрывочные восп. о 17 окт. 1905, о нек-рых событиях в Думе, рассказы, очерки. В рассказе «Вечер», изображая поджоги имений, Ш. пишет, что бешеную собаку нельзя успокоить уступками, «застрелить ее надо, а не кисель разводить» (с. 9). В рассказе «Смертная казнь» Ш. предлагает читателю представить Л.Толстого, сидящего в тепле Ясной Поляны и поучающего не противиться злу, к нему же врывается зверь с браунингом и ножом в руках. В рассказе «Еврейка» трактуется проблема восприятия евр. семьей любого не нравящегося ей высказывания. Ш. недвусмысленно заявляет: «Вся наша революция — это борьба инородцев, к которым присоединились тушинские воры, с Россией» (с. 261) и «Вот план кампании... Главными ее вдохновителями и исполнителями являются евреи... Они дали лозунг, они дали огромный революционный кадр... а главное, они завладели прессой» (с. 264). Вскоре, однако, появляется кн. «Один из многих» (Киев, 1913), в к-рой обвиняются те, кто без достат. оснований долгое время продержал Бейлиса в тюрьме.

С нач. войны Ш. попросился на Юго-Зап. фронт и был зачислен в 166-й Ровенский пехотный полк. Будучи членом IV Гос. думы, прапорщик Ш. ходил в атаки, получил ранение, после излечения стал начальником земского передового перевязочно-питательного отряда. В июле 1915 он вернулся в Петербург и в Думу. Его с А.Шингаревым доклад носил следы фронт. впечатлений, сообщал правду о бездарности начальников, плохом вооружении армии и пр. Ш. сближается с лидером кадетов П.Милюковым, раскалывает в Думе фракцию рус. националистов, возглавляет фракцию «прогрес. рус. националистов», входит с ней в Прогрессивный блок и становится чл. Особого совещания по обороне. 3 нояб.

1916 с трибуны Думы Ш. произнес слова: «Бороться с властью, пока она не уйдет». Это было началом революции, изменой Ш. своему классу, о к-ром он потом сказал свое знаменитое: «Был класс, да съездился...»

Февр. революцию 1917 Ш. встретил с негодованием. О толпе, ворвавшейся в Таврич. дворец, Ш. вспоминал: «У всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злобное... Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы — этот зверь был... его величество русский народ...» («Дни»; 1920: Записки» / Предисл. Жукова Д. — М., 1989. — С. 181-182).

Ш. выбирают во Врем. к-т Гос. думы. Ему предложен пост министра юстиции во Врем. правительстве, Ш. отказывается в пользу Керенского. Ш. вместе с А.И.Гучковым поручено принять отречение имп. Николая II, что и было сделано в 11 вечера 2 марта 1917 во Пскове. Ш. присутствует и при отказе вел. кн. Михаила Александровича от престола. События 1905 и с окт. 1916 по март 1917 отражены в кн. «Дни» (РМ. — 1921. — № 5/7; 1923. — № 6/8), вышедшей за рамки мемуарной лит-ры благодаря нервно-красочному стилю, афористичности, коротким пассажам, каждый из к-рых — новелла или яркое рассуждение. Ш. участвует в Гос. совещании в авг. 1917. Его арестовывают в Киеве как корниловца. По выходе из тюрьмы Ш. продолжает издавать «Киевлянина». После большевист. переворота он становится во гл. «Рус. нац. союза», создает секретную организацию «Азбука», посылает на Дон эшелоны с офицерами; вместе с ген. Алексеевым, Корниловым, Деникиным и др. участвует в формировании Добровольч. армии и кладет нач. белогвард. движению. По возвращении в Киев арестован большевиками, но не расстрелян благодаря заступничеству Г.Пятакова, облагодетельствованного некогда Д.И.Пихно. Ш. не приемлет ни немцев, ни «самостийников», ни большевиков. В дневнике, к-рый он вел в подполье, дан анализ атрофии нац. чувства у русских: «Россия, подмываемая снизу естественной еврейской ненавистью, противоестественной злобой русского интеллигента и воровскими наклонностями дикаря — русского мужика, в конце концов была добита...» (Жуков Д. Прозрения. Россия на Голгофе. — М., 1991. — С. 382).

В авг. 1918 Ш. разработал «Положение об Особом совещании при Верховном руководстве Добровольческой армии», к-рым вскоре стал А.И.Деникин. Ш. издавал газ. «Россия» (Екатеринодар, 1918), в к-рой исповедовал монархич. и националистич. принципы. Во время франц. интервенции в Одессе с нояб. 1918 чл. Особого совещания Ш. держался независимо от Деникина и назначил ген. А.Н.Гришина-Алмазова воен. губернатором города, в к-ром собрался цвет рус. интеллигенции от *И.Бунина* до *А.Толстого* и Веры Холодной. Пережив смерть любимой, гибель старшего сына, Ш. отказывается от ведущих ролей, сражается рядовым, в Царицыне сближается с П.Н.Врангелем. В авг. 1919 возвращается в Киев, издает «Киевлянина» с мартирологом жертв большевиков, расследует их зверства. Отступив под натиском красных в Одессу, Ш. создает «отряд особого назначения», к-рый истреблен бригадой Котовского и румынами на льду Днестра. Об этих событиях, а также о пребывании в подполье в красной Одессе и у Врангеля в Крыму Ш. написал кн. «1920» (РМ. — 1921. — № 3/4, — 10/12). Он видел причину поражения белогвардейск. движения в ущемлении интересов крестьянства, приветствовал процесс укрепления гос-ва и армии большевиками, к-рые дерутся за «Единую Россию», выразил надежду, что социализм «сотрется» и появится самодержец. «Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям. У него нижняя челюсть одинокого вепря... И «человеческие глаза». И лоб мыслителя» («1920». — София, 1921. — С. 273). Через Румынию, Болгарию Ш. добирается до Константинополя, где Врангель вводит его в «Рус. совет».

Старший сын Ш. Василий убит петлюровцами, второй сын Вениамин раненым оказался в плену у красных, один брат умер от тифа, другой погиб по дороге на расстрел в Крыму; племянник попал в ЧК и не вышел, жена и др. племянник остались под красными в Одессе. Не зная о судьбе близких и желая их выручить, Ш. на гонорар от «1920» снаряжает экспедицию в тыл красным, терпит неудачу. В результате ряда совпадений и встреч (Г.И.Гюрджиев, ясновидящая Анжелина)

Ш. проникается мистич. настроениями, остающимися у него до кон. жизни. Он сходится с дочерью ген. Марией Дмитриевной Седельниковой, впоследствии ставшей его женой.

1922-23 Ш. проводит в Болгарии, Германии, Франции. Общается и ведет переписку с деятелями эмиграции, писателями, духовенством, пишет кн. «Нечто фантастическое» (София, 1922) — это мечта о преображении «Страны советов» в демокр. гос-во. Мн. пометок на полях кн. сделано В.И.Лениным, к-рый настоял на публ. «1920» и «Дней» в сов. России. В кн. «Нечто без окончания. Фантастич. очерк» (София, 1925) Ш. предугадал появление в «жалких хатах» России телевизоров, электричества, изобретение передачи энергии без проводов, атомной энергии и пр.

В 1924 Ш. поселяется в Сремских Карловцах (Югославия), где был штаб Врангеля; оба выступили против Кирилла, объявившего себя «императором всерос.». Ради заработка Ш. пишет под псевд. бульварные ром., киносценарии, сотрудничает во мн. эмигр. газ. и журн. С помощью врангелевской контрразведки Ш. входит в связь с подпольной орг-цией «Трест» с целью поисков сына Вениамина, 23 дек. 1925 тайно пересекает границу СССР, посещает Киев, Москву, Ленинград, сына в живых не застает, в февр. 1926 возвращается. В Париже и неподалеку от бунинского Граса пишет кн. «Три столицы: Путешествие в красную Россию» (Берлин, 1927; М., 1991; послесл. Жукова Д.А.). Впечатления Ш. многогранны, он отмечает хоз. успехи НЭПа, засилие евреев, занявших место вырезанных образованных рус. чиновников и интеллигенции, выступает против «черного бунта», когда заодно вырежут остатки культурных русских. Ш. обвиняли в предательстве Белой идеи. В.Л.Бурцев начал кампанию против Ш., сомневаясь в возможности поездки без опеки ГПУ. Ш. отходит от полит. деятельности. Пишет кн. «Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России» (Париж, 1929; СПб., 1992) о добрых и дурных сторонах русских и евреев, о роли амер. банкира Якова Шифа в финансировании рев. террора и пр.

Ш. живет в Югославии, работает бухгалтером, продолжает «Приключения князя Воронецкого». Часть 2. «В стране неволи» (Белград, 1934), о похождениях героя в Царьграде в 1591. Всего написано Ш. семь томов. В архивах ГАРФ, РГАЛИ, ИМЛИ и др. имеются рукописи т. 3 «В стране островов и поэтов», место действия Адриатика, время — 1593, и т. 7 «Жалость Вселенская», законченный 8 сент. 1943.

Оставался чл. РОВС до конца этой орг-ции. С 1933 чл. НТСНП (Нац. трудовой союз нового поколения), участвовал в обществ. жизни рус. колонии в Югославии, опубл. мн. статей. Во время оккупации жил в Сремских Карловицах, с немцами не общался. Арестован СМЕРШем в дек. 1944, доставлен на Лубянку, в 1947 осужден на 25 лет, пробыл во Владимирской тюрьме до 1956. Из дома инвалидов и престарелых в Гороховце извлечен при Хрущеве, получил квартиру во Владимире. Ш. повозили по стране, в результате появились ст. и кн. «Письма к рус. эмигрантам» (М. 1961) — неискреннее соч., смысл к-рого: националисты хотели сильной России, слава большевикам, сделавшим ее такой. Гость XXII съезда КПСС. Гл. герой, сценарист документ.-худож. фильма «Перед судом истории» (1965, реж. Ф.Эрмлер), прозвучавшего в то время вызывающе и быстро снятого с экрана. До кон. жизни Ш. писал: восп., стихи, кн. «Мистика» (рукоп.), вел обширную переписку.

Изд.: Годы. Восп. быв. члена Гос. думы / Предисл. Владимирова В. — М., 1979.
Украинствующие и мы // Свободное слово Карпатской Руси. — Нью-Йорк, 1986. — № 9-10.

Лит.: Зайцев К. Рец.: «Дни» // В. — 1925. — № 104.
[Авксентьев Н.] Рец.: «Три столицы» // СЗ. — 1927. — № 31. Подпись: Н.Д.А.
Арцыбашев М. Рец.: «Три столицы» // ПН. — 1927. — 15 февр.
Гессен И. Рец.: «Три столицы» // Руль. — 1927. — 2 февр.
Минцлов С. Рец.: «В стране неволи» // Сегодня. — 1930. — 10 марта.
Зайцев К. Рец.: «В стране свобод» // Россия и славянство. — 1930. — 8 февр.
Осоргин М. Рец.: «В стране свобод» // ПН. — 1930. — 30 янв.
Жуков Д. Таинственные встречи. — М., 1992.

Д.А.Жуков

Э

Э́ЙСНЕР Алексей Владимирович (5(18).X.1905, Петербург — 30.XI.1984, Москва) — поэт, прозаик, критик, публицист. Отец — киевский губ. архитектор, мать — дочь черниговского губернатора; родители рано расстались, и мать с детьми переехала в Петербург, где, выйдя замуж, вскоре умерла. В 1916 Э. был определен в петрогр. 1-й кадет. корпус; в годы революции Э. с отчимом жил в Москве, затем на юге России; в 1920 из Новороссийска эвакуировался вместе с Добровольч. армией в Константинополь, потом обосновался в Югославии. В Сараево поступил в рус. кадет. корпус, по окончании к-рого в 1925 переехал в Прагу, учился в Карловом ун-те. В Праге Э. стал чл. «Скита поэтов». Его первые стихи были напечатаны в 1926. В 1927-30 Э. публиковался в журн. «Воля России», что принесло ему известность в эмигр. лит. среде.

Первые стихи Э. в «Воле России» (1927. — № 5-6) были подписаны Алексей Айснер, все последующие — Алексей Эйснер. *М.Слоним* связывал поэму Э. «Конница» (Воля России. — 1923. — № 5) со скифской традицией в истории рус. мысли и писал: «Эйснер ощутил известное настроение — полубольшевицкое, полуевразийское — но не сумел дать ему того последнего выражения, которое могло бы объяснить смысл столкновения и, если хотеть, искупить его... Эта детская болезнь пробуждающегося национального самосознания приняла совершенно неожиданные формы. Она явно одушевляет коммунизм и тайно присутствует в мыслях и настроениях религиозных антикоммунистов, евразийцев и попросту националистов». По свидет-ву Д.Самойлова, сов. поэтами воен. поколения, узнавшими «Конницу» по случайно попавшему номеру журн., поэма Э. воспринималась безоговорочно: «Конница» поразила нас яркостью, вещественностью своего стиха, невероятной энергией и какой-то необычайной для эмигрантской поэзии ноткой. Она была о победном походе красной конницы. В ней было восхищение и любование» (Знамя. — 1988. — № 8. — С. 120).

Э. печатал в «Воле России» также прозу и критику. В 1929 он принял участие в конкурсе журнала на лучший рассказ и получил вторую премию; премированный рассказ «Роман с Европой (зап. художника)» (Воля России. — 1929. — № 4), символично завершался возвращением героя — рус. эмигранта — в СССР. В критич. статьях в журнале Э. писал об изд. в Ленинграде «Воспоминаниях» И.Панаева (1928. — № 4), о молодых поэтах-эмигрантах, особенно выделив оригин. талант *Б.Поплавского* — «самое волнующее, живое слово» (1928. - № 6), о поэзии *Бунина* (1929. — № 12).

В Праге на Э. оказали заметное влияние идеи евразийства и, в частности, публицистика С.Я.Эфрона; в 1930 Э. переехал в Париж, где состоялось личное знакомство Э. с *М.Цветаевой* и С.Эфроном. 8 апр. 1932 М.Цветаева писала А.Тесковой об Э., «с которым я только недавно познакомилась и который мне решительно нравится. Смесь ребячества и настоящего самобытного ума. Лично — скромен, что дороже дорогого» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1995. — Т. 6. — С. 402). В 1932 Э. печатает в «СЗ» (№ 49) новые стихи (среди них — «Надвигается осень...»). В Париже Э. зарабатывает на жизнь мытьем окон; он фактически бросает лит-ру, участвует в работе «Союза возвращения на родину». В 1936 Э. уезжает воевать в Испанию и вскоре становится адъютантом командира 12-й Интербригады ген. Лукача (Матэ Залки). Исп. война 1936-39 стала гл. событием жизни Э.; с ней связаны и его основные лит. работы последних десятилетий. «Знамя» напечатало его «Восп. адъютанта» (1938. — № 8), посв. М.Залке и переизд. в сб. «Памяти Матэ Залка» (М., 1938) — это первая публ. Э. в СССР.

В 1940 Э. приехал в Москву, где вскоре был арестован. В воркутинском лагере в 1946-48 он пишет последние лирич. стихи; с 1948 находится в ссылке в Казахстане. В

1955 реабилитирован. «Адъютанта Залки Алешу Эйснера я знал по Парижу, — вспоминает *И.Эренбург*. — Его увезли из России, когда он был мальчиком; в Париже он писал стихи и произносил страстные коммунистические речи на любом перекрестке. В Испании он ездил на коне, обожал генерала Лукача, заводил литературные разговоры и с восхищением поглядывал на Хемингуэя. В Москву он приехал в скверное время и узнал на себе, что такое «культ личности». Отрезанный от мира, он душевно сохранился лучше многих, и в 1955 году я увидел того же энтузиаста» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. — М., 1990. — Т. 2. — С. 142).

После реабилитации Э. возобновляет лит. работу; значит. ее часть посв. Испании — очерки «Писатели в интербригадах» (Иностр. лит-ра. — 1957. — № 6), «Он был с нами в Испании» (Новый мир. — 1961. — № 9), «Матэ Залка — генерал Лукач» (Иностр. лит-ра. — 1962. — № 6), «Двенадцатая Интернациональная» (Новый мир. — 1968. — № 6); отд. изд.: М., 1990; на исп. яз. в 1972. Многолетние попытки издать кн. об Испании в полном объеме кончились ее запрещением.

Изд.: Сестра моя, Болгария. — М., 1963.
Человек с тремя именами. — М., 1986.
Лит.: Слезкин Л.Ю. Памяти А.В.Эйснера // Проблемы испанской истории. — М., 1987.
Гефтер М.Я. Он жил здесь, он был там // Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. — М., 1991.

Б.Я.Фрезинский

ЭРЕНБУ́РГ Илья Григорьевич (15(27).I.1891, Киев — 31.VIII.1967, Москва) — поэт, прозаик, журналист. Сын купца второй гильдии Григория Григорьевича Эренбурга (1852-1921), мать — Анна Борисовна, урожд. Аренштейн (1857-1918). С 1895 семья Э. живет в Москве; в 1900 Э. поступает в I-ю моск. мужскую г-зию, в 1904 редактирует гимназич. журн. «Первый луч» (РГАЛИ. Ф. 1204); в 1905 участвует в рев. событиях в Москве, знакомится с Н.Бухариным и Г.Сокольниковым, в 1906 входит в подпольную большевист. орг-цию. В 1907 под угрозой ареста уходит из г-зии; 30 янв. 1908 арестован и заключен в тюрьму, 11 июня 1908 освобожден под залог по состоянию здоровья, находится под надзором полиции, 4 дек. 1908 уезжает в Париж. В Париже общается с лидерами большевиков — Лениным, Каменевым, Зиновьевым, в 1909 живет и работает в Вене у Троцкого, после чего отходит от полит. работы, начинает писать стихи, к-рые с 1910 печатаются в России. Сб. «Стихи» (Париж, 1910), «Я живу. Стихи» (СПб., 1911), «Одуванчики: Стихи» (Париж, 1912), «Будни» (Париж, 1913), «Детское» (Париж, 1914), «Стихи о канунах» (М., 1916), кн. пер. Ф.Жамма (М., 1913), «Поэты Франции 1870-1913» (Париж, 1914), кн. пер. Ф.Вийона (М., 1916); поэмы «Пов. о жизни некой Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей» (литогр. изд.; илл. Д.Риверы, Париж, 1916), «О жилете Семена Дрозда» (Париж, 1917). В Париже сближается с поэтами и художниками франц. авангарда, знакомится с *К.Бальмонтом*, *А.Толстым*, М.Волошиным, *Б.Савинковым*; участвует в изд. журн. «Гелиос» (Париж, 1913), изд. журн. «Вечера» (Париж, 1914), в работе «Рус. Академии». О стихах Э. писали В.Брюсов, Н.Гумилев, М.Волошин, О.Мандельштам, *В.Ходасевич*. Ст. Э. о войне печатают газ. «Утро России», «Биржевые вед.».

В июле 1917 возвращается в Россию, знакомится с Пастернаком, *М.Цветаевой*, Маяковским, Хлебниковым, Есениным. Сб. стихов «Молитва о России» (М., 1918) высоко оценен Волошиным (ст. «Поэзия и революция: Александр Блок и Илья Эренбург» // Камена. — Харьков, 1919. — № 2). Антибольшевист. памфлеты Э. печатаются в эсеровских газ. Москвы (янв.-июль 1918). В сент. 1918 под угрозой ареста Э. бежит в Киев, руководит поэтич. студией, выпускает сб. стихов «В смертный час (Молитва о России)» (Киев, 1919), «Огонь» (Гомель, 1919), ром. в стихах «В звездах» (Киев, 1919). Став свидетелем обоюдных зверств гражд. войны, выступает за демокр. путь развития России (в газ. и журн. Киева, Харькова, Ростова). В кон. 1919 вместе с О.Мандельштамом отправляется в Крым; до лета 1920 живет в Коктебеле у Волошина. Пишет кн. стихов «Раздумия», переоценивает отношение к полит. событиям, приходит к приятию осуществившихся в России перемен. Осенью 1920 через Грузию

возвращается в Москву, арестован; из внутр. тюрьмы ОГПУ освобожден стараниями Н.Бухарина. Работает в ТЕО (Театральный отдел Главполитпросвета) под рук. Вс.Мейерхольда. В марте 1921 получает разрешение на выезд за границу.

В мае 1921 Э. приезжает в Париж, откуда по доносу выслан, живет в Бельгии, где за 28 дней пишет давно продуманный ром. «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (Берлин, 1922; М., 1923). Л.Лунц назвал его «сатирич. энциклопедией» (альм. «Город». — Пг., 1923. — С. 101). «Хулио Хуренито мне дорог потому, — писал Э. М.Шкапской 5 мая 1922, — что никто (даже я сам) не знает, где кончается его улыбка и начинается пафос» (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 543). *Е.Замятин* отмечал, что «роман — умный и сам Хулио Хуренито — умный. За редким исключением русская литература десятилетиями специализировалась на дураках, тупицах, идиотах, блаженных, а если пробовала умных — редко у кого выходило. У Эренбурга — вышло» (Россия. — 1923. — № 8. — С. 28). Роман-фельетон, романобозр. («Хуренито» многие сравнивали с «Кандидом» Вольтера), книга, жанр к-рой трудно определить, остался вершиной прозы Э., кн. во многом пророческой.

С осени 1921 Э. живет в Берлине, принимая участие в интенсивной лит. жизни. Выходят кн., написанные им в России (сб. стихов «Кануны (Стихи 1915-1921 гг.)» (Берлин, 1921), «Золотое сердце. Мистерия — Ветер. Трагедия» (М.; Берлин, 1922), антология «Портреты рус. поэтов» (М., 1923) — «сжатые, отчетливые психологические этюды», по замечанию *М.Осоргина* (Звено. — 1923. — 5 марта), антология «Поэзия револ. Москвы» (Берлин, 1922). Ранее вышли очерковая кн., написанная на основе фронтовых ст. «Лик войны» (София, 1920) и сб. стихов «Раздумия» (Рига, 1921; Пг., 1922). 1921-23 фантастически продуктивны для Э. Осн. изд. Э. того времени: сб. новелл «Неправдоподобные истории» (Берлин, 1921) — «подлинная попытка заглянуть в загадочный лик русской революции и подслушать голос загадочной и растерянной русской души» (ПН. — 1922. — 27 янв.), эссе о конструктивизме и совр. иск-ве «А все-таки она вертится» (Берлин, 1922, обложка Ф.Леже), сб. лирики «Опустошенная любовь» (Берлин, 1922), «Шесть повестей о легких концах» (М.; Берлин, 1922), стихи «Звериное тепло» (М.; Берлин, 1922), сб. новелл «Тринадцать трубок» (М.; Берлин, 1923), «Жизнь и гибель Николая Курбова» (Берлин, 1923; М., 1923) — в 1924 по этому ром. поставлен спектакль в т-ре Вс.Мейерхольда; «Любовь Жанны Ней» (М., 1924; Рига, 1925).

В янв.-марте 1924 Э. совершает поездку по России (Москва, Харьков, Киев, Гомель, Одесса, Петроград). Впечатления и размышления об этом отразились в ром. «Рвач» (Париж, 1925; Одесса, 1927). В сб. новелл «Условные страдания завсегдатая кафе» (Одесса, 1926) и в пов. «Лето 1925 года» (первонач. назв. «Отчаянье Ильи Эренбурга». — М., 1926), написанных в Париже, намечен переход к ром. «В Проточном переулке» (Париж, 1927; М., 1927), к-рый создан по впечатлениям поездки в Россию (май-авг. 1926). «Удивленная и показанная сквозь жижицу Проточного переулка Советская Россия — это не реальная наша страна, а заповедный идеал П.Н.Милюкова» (Веч. красная газ. — 1927. — 26 окт.) — таков был приговор сов. прессы. *Г.Адамович*, рецензируя эту кн., назвал Э. «*Боборыкиным*, начитавшимся Жироду» (Звено. — 1927. — 1 сент.). Сатирич. ром. «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца» (Берлин, 1928; в СССР запрещен до 1989) — несомненная лит. удача, где создан своего рода «еврейский Швейк». «Эренбург написал хорошую книгу в чисто эренбурговском духе: злую и достаточно циничную сатиру на всех и вся, — и на советский быт, и на эмиграцию, и на всякое попутно попавшее государство, какое случалось в маршруте Лазика Ройтшванеца, маленького еврея из Гомеля, претерпевшего великое число житейских бурь и неудач» (Осоргин М. // Дни. — 1928. — 5 февр.). Невозможность печататься на родине заставляет Э. искать новые темы и новые жанры — он написал ром. о том, чем кончилась франц. революция («Заговор равных». — Берлин, 1929), кн. об «акулах капитализма» («10 л.с.» — Берлин, 1929; М., 1931; «Фабрика снов: Хроника нашего времени». — Берлин, 1931; «Единый фронт». — Берлин, 1930), кн. путевых очерков («Виза времени». — Берлин, 1930; М., 1931; «Испания». — М., 1932; Париж, 1933; «Англия». — М., 1931); совм. с *О.Савичем* выпустил антоло-

гию высказываний рус. писателей о Франции «Мы и они» (Берлин, 1931). К 1931 обозначается духовный кризис Э. В условиях поляризации полит. сил в Европе (победа нацистов в Германии и революция в Испании), когда неминуемая война не могла сохранить для Э. «место над схваткой», он принимает ответств. решение «занять свое место в боевом порядке» и стать «советским писателем». В этом сказалась и оторванность Э. от реалий сов. действительности, где полит. практика все дальше уходила от декларируемой идеологии, и его неизменно иронич. взгляд на зап. демократии. Эта перемена сказалась уже в пов. «Москва слезам не верит» (Париж, 1933; М., 1933), но в полном объеме она была заявлена в написанном по впечатлениям от поездки в Сибирь и на Урал (сент.-окт. 1932) ром. «День второй» (Париж, 1933; М., 1934).

С 1934 Э. имеет офиц. статус сов. писателя, активно работает как корр. «Известий» в Париже, а также на фронтах гражд. войны в Испании, участвует в работе I съезда сов. писателей в Москве и Антифашист. конгресса писателей в Париже, печатает прозу и эссеистику, проводит страшные мес. в Москве (дек. 1937 — май 1938), возвращается в Париж, переживает падение Испанской республики, сговор Гитлера со Сталиным, оккупацию Франции и 29 июля 1940 возвращается в Москву. Пишет ром. «Падение Парижа» (М., 1942), военно-публицистич. произв. в годы Отечественной войны (более 1500 ст. для сов. и заруб. прессы), затем ром. «Буря» (М., 1948). Часто ездит на Запад, принимает участие в пропагандист. кампаниях «борьбы за мир». Сразу после смерти Сталина Э. — один из самых активных борцов за либерализацию сов. режима, именно таков смысл пов. «Оттепель» (М., 1954), эссеистики и, наконец, мемуаров «Люди, годы, жизнь» (1961-65. — Кн. 1-6), семь книг к-рых дают панораму культурной и полит. жизни России и Европы XX в., запечатленную участником событий; мемуары подверглись резкой критике со стороны Н.Хрущева и фактически были запрещены в СССР на долгие годы.

Изд.: Люди, годы, жизнь: Восп. в 3 т. / Подг. текста Эренбург И.И., Фрезинского Б.Я. — М., 1990.
Собр. соч.: В 8 т. — М., 1990-1996. — Т. 1-6.

Лит.: Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества. — СПб., 1993. — Т. 1. 1891-1923.
Coldberg A. Ilya Ehrenburg. Writing, politics and the art of survival. — L., 1984.
Laychuk J: Ilya Ehrenburg: An idealist in an age of realist. — Bern, 1991.
Berard Ewa. La vie tumultueuse d'Ilya Ehrenbourg. Juif, russe et soviétique. — P., 1991.
Marcou Lilly. Ilya Ehrenbourg un homme dans son siècle. — P., 1992.
Rubenstein J. Tangled loyalities (The life and times of I.Ehrenburg). — N.Y., 1996.
+ Казак; Рус. Берлин.

Б.Я.Фрезинский

Ю

ЮШКЕ́ВИЧ Семен Соломонович (25.XI (7.XII).1869, Одесса — 12.II.1927, Париж) — прозаик, драматург. Выходец из семьи евр. торговца. Детство и юность провел в Одессе. Учился в г-зии (5 классов), служил в аптеках. В Париже учился на мед. ф-те ун-та (сдал экзамены в 1902). В «Одесском листке» печатал маленькие рассказы. Настоящим лит. дебютом явился рассказ «Портной» (Рус. богатство. — 1902. — № 8). Известность «печальника горя народного» принесла Ю. автобиогр. пов. «Распад» (СПб., 1903). Ю. сотрудничал в сб. «Знание». В изд-ве «Знание» выпустил «Собр. соч.» (СПб., 1903-08. — Т. 1-5). Позднее выходило его «Полн. собр. соч.» (Пг., 1914-18. — Т. 1-15). Оценивая ранние произв. Ю. («Хаимка и Иоська», «Распад», «Кабатчик Гейман», «Евреи» и др.), *В.Ходасевич* писал: «Все это в сущности вариации одной главной темы о невероятных человеческих страданиях, темы о людях, замученных нищетой, голодом, побоями, злобой». «В его произведениях проходят существа, задавленные жизнью» (Ходасевич В. Юшкевич // Юшкевич С. Посмертные произв. — Париж, 1927. — С. 46, 47). Ранние пьесы Ю. «Голод» (СПб., 1903), «Чужая» (Журн. для всех. — 1903. — № 12), «Король» (СПб., 1908) и др. сценич. успеха не имели. Написанную в Берлине в 1905 пов. «В городе» (СПб., 1908) поставил в своем т-ре Мейерхольд (1906). Позднее Ю. создал пьесы «Miserere» (СПб., 1910). «Комедия брака» (СПб., 1911), «Человек воздуха» (Пг., 1915), «Пов. о господине Сонькине» (Пг., 1916), к-рые входили в репертуар рус. и заруб. т-ров. В 1907 Ю. написал пьесу «Мендель Спивак» (М., 1914), в к-рой, наряду с образами буржуазии, вывел персонаж из среды евр. пролетариата. В 1907 пьеса была поставлена в Нью-Йорке. В дорев. время Ю. был одним из видных писателей, талантливым сатириком, как отмечала газ. «Правда» (1927. — 25 февр., некролог). В 1918-19 Ю. работал ред. в одесском изд-ве. Под его ред. вышел «Юж. альм.» (Кишинев, 1918).

В 1920 через Бессарабию и Румынию Ю. эмигрировал во Францию. В 1921 выезжал в США, но вскоре возвратился в Европу, жил в Германии (Эмс) и во Франции в окрестностях Парижа. В Берлине издал ром. «Леон Дрей» в 3-х ч. (1923) (ранее печатались 1 и 2 части. — СПб., 1914, Пг., 1915). Под назв. «Похождения Леона Дрея» ч. 1 публиковалась ранее (СПб., 1911). Ром. вызвал негативное отношение в кругах рус. эмиграции: тираж берлинского изд. был сожжен. Гл. персонаж ром. оценен В.Ходасевичем как «пустышка» и «пошляк» (в назв. выше ст.). В Берлине Ю. издал также пьесу «Похождения Леона Дрея» (1922), отд. кн. вышел рассказ «Дудька» (Берлин, 1922) — о мелком торгаше, мечтавшем о накоплении миллиона. В числе кн. Ю. эмигр. периода — «Эпизоды» (Берлин, 1923). В ней предстают картины евр. жизни в период рев. событий 1917 и гражд. войны: хаос бегства за границу, реквизиции, грабежи, панич. страх в среде евр. буржуазии. Кн. была переизд. в Москве с предисл. Л.Авербаха. «Это книга о нашем враге. И это книга врагом написанная о находившихся по ту сторону баррикад, — писал критик. — У них вместо разума страх, трусливый трепет. Его персонажи кажутся карикатурами». В заслугу автору ставилось то, что он видел и описывал быт и нравы евр. местечкового мещанства и буржуазии, изображал их «уверенной рукой мастера, что сделало его известным в разных кругах читателей» (Авербах Л. Предисл. // Юшкевич С. Эпизоды. — М.; Л., 1926. — С. 116). По-иному оценивалась кн. в эмиграции. *А.Бахрах* заметил, что писатель, посвятив ее анекдотич. Одессе, отобразил бесконечные перевороты: «Эпизоды» — в глубокой своей сути книга трагическая и горькая. Лишь написанная в ключе юмора». Ю., писал Бахрах, «вскрывая комизм обывательщины, в равной мере живописует моменты, насыщенные подлин-

ным и глубоким трагизмом» (Дни. — 1923. — 27 мая).

В заруб. цикле произв. Ю. — переизд. пов. «Пролог» (Пг., 1917; Берлин, 1924), сб. рассказов «Автомобиль» (Берлин, 1923), «Облака: Четыре картины» (Берлин, 1922), «Голубиное царство» (Берлин, 1923; ранее: «Голуби».-М., 1913), «Улица. Рассказы» (Берлин, 1924), «Семья. Комедия» (Берлин, 1923). В Берлине были переизд. пьесы «Чужая» (б.г.), «Комедия брака» (б.г.), «Пов. о господине Сонькине» (1922). В Париже переизд. пов. «Вышла из круга» (1921. — Вып. 1-2), там же в 1929 опубл. кн. Ю. «Одинокие». Как отмечал В.Ходасевич, в последний период творч. деятельности Ю. перенес действие своих рассказов в рус. среду, перешел к новым темам, отказался от гротеска. Господствующими в его произв. стали «случаи из жизни». *Ю.Айхенвальд* невысоко оценил включенные в кн. Ю. «Посм. произв.» рассказы. Критик отметил лишь «трогательные страницы» рассказа «У Днестра» (Руль. — 1927. — 30 нояб.). Кн. привлекла внимание включенными в нее ст. о Ю. писателей и критиков, близко знавших его — В.Ходасевича, П.Нилуса («Краткая пов. о жизни Семена Юшкевича»), А.Левинсона («О нек-рых чертах творчества С.С.Юшкевича»), Ст.Ивановича («Семен Юшкевич и евреи»). Это вызвало одобрит. отзывы *М.Осоргина* (ПН. — 1927. — 15 дек.), *П.Пильского* (Сегодня. — 1927. — 30 нояб.). Ю. сотрудничал в журн. «Воля России», «СЗ», «Перезвоны», газ. «ПН». На сценах Парижа ставились пьесы Ю. «Леон Дрей», «Пов. о господине Сонькине», в Нью-Йорке — «Человек воздуха» (1926). Произв. Ю. издавались в пер. на англ., франц. и нем. яз.

Лит.: Н.Р. Памяти С.С.Юшкевича // Звено. — 1927. — 20 февр.

Бунин И. Памяти Юшкевича // В. — 1927. — 15 февр.

Зайцев Б. С.С.Юшкевич (1869-1927) // СЗ. — 1927. — № 31.

Швейцер В. Семен Юшкевич и его тень // Швейцер В. Диалог с прошлым. — 2-е изд. — М., 1976.

Е.Ф.Трущенко

Я

ЯБЛОНО́ВСКИЙ Александр Александрович (Снадзский, 3(15).XI.1870, с. Китросановка, Елизаветградский у., Херсонская губ. — 3.VII.1934, Париж) — прозаик, фельетонист, публицист. Из дворянской семьи. Окончил г-зию в Одессе, юрид. ф-т Петерб. ун-та, работал присяжным поверенным. Лит. дебют состоялся в 1893 в журн. «Рус. богатство» (рассказ «Последыши»). Я. сотрудничал в журн. и газ. («Мир Божий», «Образование», «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Речь», «Киевская мысль» и др.), издал неск. сб. пов. и рассказов. В журн. «Образование» Я. вел сатирич. отдел «Родные картинки». Впоследствии написанные для этого отдела очерки и фельетоны издал в 3-х т. под тем же назв. (М., 1912-13). Большой лит. резонанс вызвала его автобиогр. пов. «Из гимназич. жизни» (Мир Божий. — 1901. — № 6); отд. изд.: Воронеж, 1903; Берлин, 1922 под назв. «Гимназич. годы»), направленная против мертвящей системы гимназич. классич. образования.

В годы гражд. войны Я. работал на юге в ряде газет. В 1918 переехал из Москвы в Одессу. В 1920 с частями Добровольч. армии эвакуировался в Египет. О своих египетских впечатлениях написал кн. «В гостях у английского короля» (не опубл.), показав всю трагичность положения рус. эмиграции, заброшенной в чуждый ей край. В нач. 1920-х Я. перебрался в Берлин, где пережил смерть жены. В 1925 переехал в Париж. Публиковался в газ. «Сегодня», «Руль», «Общее дело», в дальневост., америк. эмигр. периодике и др., но гл. обр. в «В.», где был ведущим сотр. с 1925 по 1934, работая в жанре полит. фельетона. Он занял непримиримую позицию по отношению к большевист. эксперименту, сатирич. пафос его памфлетов направлен против сов. образа жизни. Воссоздал зловещие фигуры правящей гос. парт. верхушки: В.И.Ленина («Жил-был Ленин» // Либавское рус. слово. — 1924. — № 27), Л.Д.Троцкого (Последние известия. — 1924. — 20 мая), Ф.Э.Дзержинского (Сегодня. — 1926. — 28 июля), М.И.Калинина (В. — 1933. — 11 февр.), Л.Б.Красина (Сегодня. — 1926. — 26 сент.), обличал финансовые махинации сов. дипломатов («Брат Литвинова» // В. — 1928. — 13 нояб.). Я. пишет о голоде в сов. России в 1930-е, скорбит о том, что расхищается нар. достояние — «отцово богатство»; его ужасает «страшная цифра» умерших от голода (В. — 1933. — 15, 18, 30 июля), он протестует против зверского уничтожения рус. духовенства, осн. часть к-рого осталась в сов. России, против расхищения церковных ценностей («Тати церковные» // Сегодня. — 1922. — 22 дек.). По мнению писателя, в России совершается столько преступлений против человечности, что невольно напрашивается сравнение с эпохой Ивана Грозного («Родств. эпохи» // Сегодня. — 1928. — 19 февр.). Он с горечью пишет о тайной распродаже большевиками культурных ценностей России за границу (В. — 1928. — 11 нояб.). Его волнует положение лит-ры и писателей на его родине, он выступает против парт. цензуры, репрессивных нравов сов. лит. критики. Особенно возмущен Я. «прислужничеством» сов. писателей. Он мечет сатирич. стрелы в *А.Белого*, В.В.Маяковского, *А.Н.Толстого*, С.А.Есенина, В.В.Вересаева, делая их героями своих фельетонов. Цикл памфлетов Я. посвятил *М.Горькому*, к-рый был раздражен его нападками: «А.А.Яблоновский осатанел ... Очень жаль его, он был человек небесталанный» (ПСС. Варианты: В 10 т. — М., 1977. — Т. 5. — С. 687). И после смерти Я. Горький не мог ему простить выпадов в свой адрес: «Недавно умер в Париже А.Яблоновский, один из сотрудников подлейшей газетки «Возрождение». Он печатал в этой газетке маленькие фельетоны, грубо, старчески глупо и злобно издеваясь над Союзом

Советов. Эмигранты называли его королем шуток. Шутки его относились к разряду писания на заборах неудобосказуемых слов и мазания ворот дегтем» (там же). Но объективности ради Горький вспоминает один из остроумных фельетонов Я. — его «Письмо в редакцию «Сына Отечества» (13-26 сент. 1905), где фельетонист в присущей ему хлесткой манере иронизирует над «бедственным» положением бакинских нефтепромышленников.

Я. в своих фельетонах осуждал франц. писателей — А.Барбюса, А.Франса, приветствовавших сов. власть как залог будущего процветания России («Товарищ Барбюс» // Сегодня. — 1927. — № 6; «Наш дорогой, наш великий Анатоль Франс» // Сегодня. — 1927. — 19 окт.). Он не мог смириться с просов. настроениями части франц. интеллигенции («Господа французы» // Скорбь земли русской. — Нью-Йорк, 1920). В «Юманите» был напечатан протест против блокады сов. России, подписанный А.Франсом. В памфлете «Господа французы» Я., обращаясь к изв. писателю, говорит, что и для него в большевистской России было бы только три выбора: «Или нищий, или арестант, или смертник» (с. 61). Я. протестовал против ареста большевиками изв. книгоиздателя И.Д.Сытина («Книжный «Наполеон» // В. — 1928. — 13 дек.), выступил против фальсификации худож. и филос. наследия Л.Н.Толстого («О толстовском «социализме» // В. — 1928. — 9 сент.).

За границей писатель переиздавал свои худож. произведения, созданные еще в России. В Берлине в изд-ве «Грани» выходит сб. рассказов в 2-х т. (1922), «Рассказы для детей» (Париж, 1921). Единств. большое произв., созд. на чужбине — пов. «Дети улицы», вошла в сб. под одноим. назв. (Париж, 1928). В ней изображено «дно» дорев. Киева, мир воров, проституток, куда попадают бесприютные дети. *Ю.Фельзен* отметил невысокий худож. уровень произв.: описательность, заданность сюжета, мелодраматизм ситуаций, фельетонность языка (Звено. — 1928. — № 4). Авторы критич. ст., высоко ценя Я. как публициста, единодушно отмечали, что в беллетристике «лучшее время его таланта осталось в России», «отсутствие связи с родиной лишало самых важных, самых питательных соков таланта» (Р.С. Памяти А.А.Яблоновского // ПН. — 1934. — 5 июля). Я. был пост. чл. правления Союза писателей и журналистов в Париже, работал в разл. юбилейных комитетах, неоднократно проводились его творч. вечера: с большим успехом прошел его вечер 8 июня 1928 в Рус. клубе с участием *Н.Тэффи*, *Саши Черного* и др. (ПН. — 1928. — 10 июня). Взлет популярности Я. в эмиграции произошел на Первом съезде рус. заруб. писателей в Белграде (сент. 1928). На первом заседании Я. произнес речь: «Мы все знаем, все чувствуем, что за нашей спиной стоит тень великой России и что мы должны отвечать перед ней не только за наше слово, но и за наше молчание. Когда-то наш знаменитый духовный оратор митрополит московский Филарет так говорил о долге пишущего человека: «Да благословит Господь Бог и слово и молчание. Да не будет слово праздно и молчание бессловесно»... Россия распалась на две половины. Одна половина молчит, а другая еще говорит. Это нам, русским эмигрантам, выпала страшная задача — говорить за Россию и требовать прав для нашей обездоленной Родины. Это нам судьба указала сохранить в чистоте великие традиции русской литературы и честные заветы свободного русского слова» (В. — 1928. — 1 окт.). Речь Я. произвела большое впечатление на присутствующих. Председателем Совета Союза рус. писателей и журналистов был избран Я. За свою лит -обществ. деятельность по указу югославск. короля Александра он был награжден орденом Св. Саввы 3-й степени. Я. похоронен на парижском кладб. Исси-ле-Мулино, в его могилу была брошена горсть земли, привезенная из России. Архив Я.: РГАЛИ. Ф. 1697.

Лит.: Василевский И. Рец.: «Рассказы» // Накануне. Лит. прил. — 1922. — № 21.

Айхенвальд Ю. Яблоновскому Привет // Сегодня. — 1924. — 21 сент.

Ганфман Н. А.А.Яблоновский как фельетонист // Сегодня. — 1924. — 21 сент.

Изгоев А.С. На лекции А.А.Яблоновского // Последние известия. — 1924. — 29 мая.

Осоргин М. Рец.: «Дети улицы» // Дни. — 1928. — 29 янв.

М.А. [М.Арцыбашев]. Рец.: «Дети улицы» // Сегодня. — 1928. — 26 февр.

Некрологи: В. — 1934. — 5, 11 июля; Сегодня. — 1934. — № 184, 186, 188; ИР. — 1934. — № 29; Часовой. — 1934. — июль.

Л.Г.Голубева

ЯКОБСО́Н Роман Осипович (11(23).X.1896, Москва — 18.VII.1982, Кембридж, шт.Массачусетс) — языковед, лит-вед. Учился в г-зии при Лазаревском ин-те Вост. яз. (1906-14), испытал воздействие фольклористич. интересов Вс.Ф.Миллера (1848-1913), бывшего в ту пору дир. Ин-та. В гимназич. годы Я. начинает собирать моск. гор. фольклор, сближается с худ.-экспериментаторами П.Филоновым (1883-1941), К.Малевичем (1878-1935) и В.Хлебниковым (1885-1922), с к-рым обсуждает внутр. законы рус. сектантских глоссолалий, записанных в XVIII в., и магич. рус. нар. заклинания. Исследует соотношение между звуками и значением на примере франц. поэта-символиста Ст.Малларме. В своей последней кн. (Jakobson R., Waugh L. The sound shape of language. — Bloomington, 1979) Я. поставил эпиграфом к гл. о связи звука и значения фразу Малларме «Чтобы такие звуки обозначали именно это». Под воздействием одного из своих учителей — этнографа В.В.Богданова Я. составляет списки разл. значений каждого падежа, что позднее найдет отражение в работах об общих значениях рус. падежей (Jakobson R., Pomorska K. Dialogues. — P., 1980). В 1914 Я. поступает на славяно-рус. отд. историко-филол. ф-та Моск. ун-та, усваивает принципы школы Ф.Ф.Фортунатова. В 1915 возглавляет Моск. лингвистич. кружок, в заседаниях к-рого принимали участие Маяковский, Пастернак, Мандельштам. Кружок занимался вопросами поэтики, метрики, фольклором. Первый науч. доклад Я. «Влияние нар. словесности на Тредиаковского» был зачитан в 1915. В том же году получает Буслаевскую премию в Моск. ун-те. Я. принимает активное участие в деятельности ОПОЯЗ'а (Об-ва по изучению поэтич. яз.), созданного в 1916 в Петрограде. Чл. об-ва были также Ю.Тынянов, *В.Шкловский*, Б.Эйхенбаум. Кн. Я. «О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским» (Берлин; М., 1923) была одной из первых монографий, изд. ОПОЯЗом. Работал в Моск. ун-те (1918-20).

В 1921 Я. выехал в Прагу в составе постпредства РСФСР и не вернулся. Дружил с В.Незвалом, В.Ванчурой и др. чеш. писателями. Был участником Пражского лингвистич. кружка (создан 6 окт. 1926), в к-ром участвовали С.И.Карцевский, П.Г.Богатырев, *Н.С.Трубецкой*, чеш. лингвисты В.Матезиус, Б.Трика, Б.Гавранек. Был проф. ун-та Масарика (1933-39). После оккупации Чехословакии для Я. наступили годы вынужд. блужданий из страны в страну. В 1939-41 был приглашенным проф. в ун-тах Копенгагена, Осло, Упсалы. В Дании сотрудничал с М.Ельмслевом и др. дат. чл. Копенгагенского лингвистич. кружка. В Норвегии в 1939 завязывается тесная дружба Я. с А.Соммерфельтом (1892-1965), специалистом по общему языкознанию и кельтологии. В Швеции Я. встречается с выдающимися финноугроведами В.Штейницем (1908-1967) и Я.Лотцем (1913-1972), с к-рым Я. пишет совм. работу об аксиоматике мордовск. стиха, дающего образец использования фонологич. идей в стиховедении; изучает нивхск. яз. 4 июня 1941 Я. прибывает в Нью-Йорк, где в 1942-49 работает в Вольной школе высших иссл., созданной франц. и бельг. эмигрантами. Знакомится с К.Леви-Строссом, к-рый писал, что Я. излагал свои новаторские взгляды «с тем бесподобным искусством, которое делает из него самого блестящего профессора и докладчика, какого мне когда-либо приходилось слышать» (Lévi-Strauss C. Préface // Jakobson R. Six leçons sur le son et le sens. — P., 1976. — P. 9). В 1946-49 Я. — проф. славянск. яз. и лит-ры и общей лингвистики в Колумбийском ун-те; в 1949-67 преподает в Гарвардском ун-те; с 1957 одновременно работает в Массачусетском технологич. ин-те, ведет совм. семинар с Н.Бором, стремясь к установлению широких связей с др. науками. С 1956 Я. почти ежегодно приезжал в СССР, принимал участие в науч. съездах в Москве, Ленинграде, Тбилиси. С 1967 Я. выходит на пенсию, но продолжает активно работать приглашенным проф. в ун-тах США (Йельский 1967; Принстонский, 1968; Браунский, 1969-1970; Нью-Йоркский, 1973), Токио (1967), Парижа (1972). Становится чл. Британской и Финской академий; получает пять междунар. наград, является чл. мн. науч. об-в.

Работы Я. отличает широкий диапазон: от трудов по теоретич. лингвистике, славянск. и общей фонологии, сравнит. анализу грамматич. категорий, дет. языку, речевым повреждениям — до изучения поэтики: стиховедения, метрики, яз. традиций. В обл. лит-ведения Я. принадлежат работы по раннеславянск. поэзии, «Слову о полку Игореве», «Задонщине», об А.С.Пушкине, А.Н.Радищеве, А.А.Блоке, В.В.Хлебникове, Б.Л.Пастернаке, В.В.Маяковском, а также о Данте, Шекспире, Блейке, Бодлере, Брехте и др. Новизна работ Я. как лингвиста-фонолога заключалась в иссл. звуков с т.з. их функций. Идея двойного противопоставления в фонологии высказана в докладе Пражскому лингвистич. кружку 23 марта 1938. Типологич. т.з. в ист. языкознании представлена в сообщении Нью-Йоркскому лингвистич. кружку в 1949, докладе на VIII Междунар. лингвистич. съезде в Осло. С им. Я. связан опыт перенесения структурных принципов в обл. морфологии. В последние десятилетия жизни важной обл. иссл. Я. было изучение использования грамматич. значений и выражающих их форм в поэзии. Я. намечает шесть осн. функций яз., опираясь на общую модель акта коммуникации, и определяет место поэтич. яз. («Лингвистика и поэтика» // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975). «Язык не сводим ни к одной из отдельно взятых его функций, среди которых эстетическая — одна из самых важных и неотъемлемых. Тем самым для сравнительного изучения славянских литератур наиболее естественно было бы сосредоточиться в первую очередь на тех элементах художественного творчества, которые наиболее тесно связаны с языком» («Основа славянского сравнит. лит-ведения» // Якобсон Р. Работы по поэтике. — М., 1987. — С. 24). Я. предложил новое понимание яз. поэзии (в тр. о Хлебникове и Маяковском).

В кон. 20-х вместе с П.Богатыревым Я. намечает общие черты, объединяющие лингвистику и фольклористику. С 30-х занимается восстановлением исходных форм славянск. нар. стиха на основании сопоставления архаич. южнославянск. форм с северновеликорус. Я. соединяет лингвистич. иссл. с изучением мифологии славянск. и др. индоевроп. народов («Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки» // Труды отдела др-рус. лит-ры. — М.; Л., 1958. — Т. 14; «The Slavic god Veles and his Indo-European cognates» // Studi linguistici in onore di Vittore Pisani. — Brescia, 1969). Я. был пост. участником симпозиумов по семиотике (Междунар. семиотич. симпозиум в Варшаве, авг. 1965; летняя школа по семиотике в Кяэрику (под Тарту), июль 1966). Я. интересовали контакты лингвистики с биологич. науками. Афазиологич. труды Я. поднимают проблемы соотношения яз. и мозга в целом. Исследуя проблемы, пограничные между лингвистикой и психиатрией, Я. опирался на поэтич. творчество Ф.Гельдерлина, к-рый после заболевания шизофренией стал писать стихи, существенно отличавшиеся от предшествующих («Hölderlin. Klee. Brecht». — Frankfurt a.M., 1976). Объединяющим началом литведч. работ Я. служит структурный метод анализа, к-рый дает ему возможность сосредоточиться на проблеме «литературности» произв., т.е. на его внутр., имманентных чертах, отличающих худож. произв. словесного иск-ва от иных дискурсов. Момент оценки и внелит. факторы произв. отступают на задний план, что и отличает структурный метод от традиц. лит-ведения. Последние иссл. Я. связаны с изучением яз. и бессознательного («К языковедч. проблематике сознания и бессознательного» // Бессознательное: природа, функция, методы иссл. — Тбилиси, 1979. — Т. 3).

Я. вел большую ред. и переводч. работу; совм. с *А.Бемом* редактировал 4-томное «Юбилейное издание избр. соч. А.С.Пушкина» на чеш. яз. (Прага, 1936-38). Одним из первых он обратил внимание на связь переводч. проблематики с коренными вопросами общ. языкознания. Большое значение придавал осн. проблеме перевода — эквивалентности, в к-рой усматривал кардинальную задачу яз. в целом («О лингвистич. аспектах перевода» // Вопросы теории пер. в заруб. лингвистике. — М., 1978). Большинство работ Я. первоначально выходило в журн. и сб-ках и только после междунар. конгресса лингвистов, организов. в 1962 Гарвардским ун-том и Массачусетским технологич. ин-том, вышло восемь т. его избр. соч. («Selected writings». — The

Hague; P.; N.Y., 1962 — 1988). 60-летие Я. было отмечено томом «For Roman Jakobson» (The Hague, 1956). К 70-летию Я. коллеги и ученики выпустили 3-томное изд. «To honor Roman Jakobson» (The Hague; P., 1967), в к-ром приняли участие ученые из 13 стран. Сб. содержит библ. указатель, вышедший отд. доп. изд. (Roman Jakobson. A bibl. of his writings.- The Hague; P., 1971); включает св. 500 назв. В 1967 в Кембридже опубл. кн. «Studies presented to prof. Roman Jakobson by his students».

Изд.: Новейшая рус. поэзия: Набросок первый. В.Хлебников. — Прага, 1921.
Славянская филология в России за годы войны и революции. — Берлин, 1923 (Совм. с П.Богатыревым).
О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Вл.Маяковского. — Берлин, 1931.
Неизв. стихи Маяковского // Новоселье. — 1942. — № 2.
О худож. реализме // Readings in Russian. — Ann Arbor, 1962. — № 2.
Рус. отголоски древнечешск. памятников о Людмиле // Культурное наследие Др. Руси. Истоки. Становление. Традиции. — М., 1976.
Игра в аду у Пушкина и Хлебникова // Сравнит. изучение лит-р. — Л., 1976.
Избр. работы / Предисл. Иванова Вяч.Вс. — М., 1985.
Якобсон-будетлянин: Сб. мат-лов / Сост. Янгфельдт Б. — Стокгольм, 1992.

Лит.: Карцевский С.И. Рец.: «О чеш. стихе преим. в сопоставлении с русским» // Воля России. — 1923. — № 5.
Володин В. Роман Якобсон о Маяковском // Грани. — 1977. — № 104.
Станкевич Э. Роман Якобсон [Некролог] // НЖ. — 1982. — № 148.
Малевич О. Роман Якобсон в Чехословакии // Евреи в культуре рус. зарубежья. — Иерусалим, 1992. — Т. 2.
Language, poetry and poetics. The generation of the first Roman Jakobson Colloquium, of the Massachusetts institute of technology. October 5-6. 1984. — B.; N.Y.; Amsterdam, 1987.
Rudy S. Roman Jakobson. 1896-1982: a complete bibliogr. of his writings. — B.; N.Y., 1990.
+ РФР.

Е.А.Цурганова

ЯКОВЕ́НКО Борис Валентинович (24.V (5.VI).1884, Тверь — 16.I.1949, Прага) — философ, историк философии, издатель и переводчик. Род. в семье обществ. деятеля, земского статистика, писателя и книгоиздателя Валентина Ивановича Яковенко и переводчицы Клавдии Андреевны Мурашкинцевой. Окончил г-зию в Петербурге, учился в Париже (Сорбонна, Свободный Рус. ун-т), два года был студентом естеств. ф-та Моск. ун-та; филос. образование завершил в Гейдельберге и Фрейбурге (Германия). В отечеств. печати выступает с 1905 («Вест. психологии, криминальной антропологии и гипнотизма»). С 1908 публикуется в «Вопросах философии и психологии», с 1910 — в журн. «Логос», «Труды и дни». В 1910-12 сотрудничает в газ. «Рус. ведомости». С 1911 чл. ред. журн. «Логос». С 1913 пишет в журн. «Сев. записки», где помимо ст. по философии даны его пер. рассказов и «Филос. сказок» итал. писателя-футуриста Дж.Папини, в к-ром Я. восхищает «крайний философский негативизм в самом тесном и неразлучном содружестве с поэтическим и персоналистическим плюрализмом и магическим прагматизмом», что, собственно, и составляет философию футуризма (Сев. зап. — 1916. — № 11. — С. 82, 83). Я. выступает решит. защитником философии как науки, пропагандистом и истолкователем новейших направлений европ. философии (неокантианство, феноменология). Он утверждает, что развитие философии подчиняется присущим ей имманентным законам, а нац. форма ее выражения носит случайный характер. Отрицая саму возможность нац. философии, он полагал, что филос. мысль в России не обнаружила «никакого систематического построения, за которым можно было бы признать значение нового философского шага» («Очерки рус. философии». — Берлин, 1922. — С. 5). Все, что именуется рус. философией, — неоригинально, подражательно, эклектично, подчинено внефилософским задачам политики, нравственности, религии. Он резко критикует представителей «вероисповедной» философии рус. духовного ренессанса *Н.Бердяева*, *С.Булгакова*, П.Флоренского. За Я. закрепилась репутация нигилиста в отношении к рус. мысли, хотя сам он полагал, что накопленный рус. филос. опыт является хорошей основой для возможного вклада в мировую

философию. Деятельность «Логоса» и Я., в частности, способствовали освоению новейшего опыта зап-европ. философов их рус. коллегами, что привело к филос. построениям с ясно выраженным научно-критич. и феноменологич. содержанием у *Б.Вышеславцева*, *И.Ильина*, *С.Франка*, Г.Шпета и, наконец, самого Я. В 1912 в связи с подг. к празднованию 300-летия дома Романовых Я. был арестован из-за его связей с моск. эсерами. В 1913 он уезжает в Италию, где его застают первая мировая война и рев. события в России. В Италии Я. нек-рое время работал в рус. посольстве (1917). Публикует пер. кн. Дж.Папини «Конченый человек» (Берлин, 1922). Когда в Италии воцаряется фашист. режим, Я. по личному приглашению президента Чехословакии Т.Масарика переезжает в Прагу.

В 1925 Я. вместе с С.Гессеном и *Ф.Степуном* восстанавливает журн. «Логос», прерванный в России событиями первой мировой войны (вышел только один номер). В 1929-34 в Бонне Я. издает «междунар. журн. рус. философии, лит-ведения и культуры» на нем. яз. «Der russische Gedanke» (вышло пять кн.). Вне общей нумерации до 1940 выходили доп. кн. (о Т.Масарике, *Н.Лосском*, по истории гегельянства в России). Гл. задачи журн. Я. видел в ознакомлении европ. читателя с рус. культурой и предоставлении рус. философам, оказавшимся за рубежом, трибуны для выступлений. Журн. печатал ст. по истории рус. лит-ры (частью как пер. с рус. на нем. яз. и частью написанные специально для «RG»). Это — ст. *Е.Ляцкого* «Воскресение» Л.Толстого как художественный памятник» (1929. — № 1) и «Два призрака, два крыла. Изучение ром. Ф.М.Достоевского «Идиот» (1931. — № 2), *Д.Святополк-Мирского* «Заметки о пролетарской лит-ре в Сов. России» (1929. — № 1), *М.Слонима* «Заметки о рус. эмигр. лит-ре» (1929. — № 2), *А.Бема* «Достоевский и его полемика с Толстым по вопросам иск-ва» (1930. — № 3) и др. Гл. работы Я. 20-40-х посв. истории рус. европ. и североамер. философии: «Философия большевизма» (Берлин, 1921), «Очерки рус. философии» (Берлин, 1922), «Очерки американской философии» (Берлин, 1922). Его работы выходят также на итал. («Filosofi russi: Saggio di storia della filosofia russa». — Firenze, 1925) и нем. («Geschichte des Hegelianismus in Russland». — Prag, 1938-1939. — Bd 1-2) яз. На нем. яз. изд. его философско-теоретич. работы («Vom Wesen der Philosophie». — Prag, 1936; «Vom Wesen der Pluralismus». — Bonn, 1928). В 1935-44 в Праге Я. издавал «Междунар. филос. б-ку» — сер. небольших кн., отражающих состояние филос. мысли.

Изд.: Мощь философии // На переломе: Филос. дискуссии 20-х годов. — М., 1990.

Тридцать лет рус. философии (1900-1929) // Филос. науки. — 1991. — № 10.

Лит.: Лосский Н.О. Памяти философа Б.В.Яковенко // НРС. — 1949. — 24 февр.

Ермичев А.А. Борис Валентинович Яковенко // Ступени. — 1991. — № 3.

Сапов В.В. Рыцарь философии: Штрихи к портрету Б.В.Яковенко // Вест. Рос. академии наук. — 1994. — Т. 64. — № 8.

+ Зеньковский; РФН; РФР.

А.А.Ермичев

ЯНО́ВСКИЙ Василий Семенович (14(27).IV.1906, Полтава — 20.VII.1989, Нью-Йорк) — прозаик, мемуарист. В 1922, нелегально перейдя польскую границу вместе с отцом и двумя сестрами, Я. покидает Россию. Проведя четыре года в Польше, переезжает во Францию и поселяется в Париже, где поступает на мед. ф-т Сорбонны (в 1937 получает степень д-ра медицины). Живя «трудовой, штампованной эмигрантской жизнью — нищей и великолепной», он вынужден был совмещать учебу и занятия лит-рой (писать прозу он начал в 18 лет) с поденной работой в мастерской по раскраске материй. Вскоре Я. втягивается в лит. жизнь рус. Парижа: сближается с поэтами-монпарнасцами В.Ф.Дряхловым, *В.Мамченко*, *Б.Поплавским*, заводит знакомства среди писателей «старшего» поколения, посещает «воскресенья» *Д.Мережковского* и З.*Гиппиус*, выступает с чтением своих произв. на лит. собр. «Союза молодых писателей и поэтов» и худож. вечерах; вместе с *Ю.Фельзеном* организует лит. выставку писателей рус. зарубежья. В 1928 в варшав. газ. «За свободу!» опубликованы первые рассказы писателя. В 1930, при содействии

М.Осоргина, в изд-ве «Новые писатели» выходит его первая кн. «Колесо» (Париж; Берлин) — своеобр. «роман-воспитание», где показаны трагич. судьбы детей «испепеляющих годов» гражд. войны и воен. коммунизма, обреченных на отчаянную борьбу за существование в условиях катастрофич. распада привычного жизн. уклада и нивелировки традиц. человеч. ценностей. В центре повествования — процесс мучит. взросления рано осиротевшего мальчика Саши, во время своих злоключений познавшего «спокойную, бесстрастную жестокость мира», но, несмотря на окружающий его кровавый хаос и всеобщее одичание, сумевшего сохранить в себе человечность и веру в добро. Хотя нек-рые рецензенты и сетовали на неровность, невыдержанность авт. стиля, «манерничанье», «беллетристические нажимы» и рецидивы «холодной рассудительности» «горького горьковского учительства» (*Пильский П.* // Сегодня. — 1930. — 17 марта), в целом «Колесо» было благосклонно принято эмигр. критикой.

Иную реакцию вызвала вторая кн. Я., ром. «Мир» (Берлин, 1931), повествующий о беспросветном существовании опустившихся рус. эмигрантов, после разрыва с родиной не сумевших найти себе места в жизни и затерявшихся в «сорных лабиринтах» большого совр. города (в обобщ. образе к-рого едва угадываются приметы Парижа). В отрицат. оценке этого ром. — «скучного, шаблонного, наивного, с парадоксами, звучащими как общие места, с провинциальными погрешностями против русской речи» (*Сирин В.* Волк, волк! // Наш век. — Берлин, 1932. — 31 янв.) — были единодушны все рецензенты, даже такие антиподы, как *Г.Адамович* и *В.Ходасевич*. В качестве гл. недостатков «Мира» Адамович выделил авторское «многословие и пустословие, ... склонность к грубым мелодраматическим эффектам и контрастам», «готовность по любому поводу ставить и разрешать мировые загадки» (СЗ. — 1933. — № 52. — С. 457). В.Ходасевич резко высказался по поводу утомит. религиозно-метафизич. споров и откровенно «книжных» филос. дискуссий, загромождающих повествование «Мира»: «...герои Яновского философствуют — и их философствования с первой же до последней минуты поражают своим убожеством» (В. — 1932. — 28 янв.). Тем не менее оба критика указывали на «несомненную одаренность» (В.Ходасевич) молодого писателя, отмечая то, что «рядом с бутафорской мудростью есть в его книге и удивительные черты: настоящее знание людей, настоящее, живое чувствование людского страдания» (Г.Адамович).

Теме людского страдания — одиночества, нищеты, нравств. деградации в условиях одуряюще монотонного труда за кусок хлеба посв. и мн. рассказы Я.: «Тринадцатые» (Числа. — 1930. — № 2/3), «Документ» (Сборник Союза молодых поэтов и писателей. — Париж, 1931. — Вып. 5), «Рассказ медика» (Числа. — 1933. — № 7/8). «Нарочитость физиологических нагромождений» (С.Савельев), интерес к «тухлой экзотике» городских трущоб и окраин, к низменному «подпольному» миру человеч. души, настроения отчаяния и нигилистич. отрицания «бессмысленного балагана» жизни, пронизывающие «Мир» и ранние рассказы Я. — все это создало ему репутацию последователя *М.Арцыбашева* и *Л.Андреева*, не способного к глубокому осмыслению и творч. преображению грубого жизн. материала. Этой нелестной репутацией во мн. был обусловлен весьма сдержанный прием следующей кн. Я., пов. «Любовь вторая» (Париж, 1935; отрывок: СЗ. — 1933. — № 53), в к-рой он попытался преодолеть трагич. безысходность своих прежних писаний, взяв тему религ. преображения. Критики признали «внутреннюю серьезность», «сердечную правдивость и глубокую человечность» (Ходасевич В. // В. — 1935. — 22 авг.), с к-рой была написана пов., но вместе с тем отметили, что со своей темой Я. не справился — прежде всего потому, что духовное просветление гл. героини было изображено психологически неубедительно и оставляло впечатление авт. «насилия» над материалом.

Дальнейшая творч. эволюция Я. проходила в русле мистико-религ. исканий рус. Монпарнаса: он увлекается антропософией, одно время сближаясь с группами Татьяны Киселевой (любимой ученицы Р.Штейнера) и Н.А.Тургеневой, знакомится с философией А.Бергсона и религ. учением Н.Ф.Федорова, принимает активное участие в деятельности религиозно-филос. об-ва «Круг». Идеологич. установки «Круга» и «Нового града» (идеи *И.Фондаминского* о практике духовного делания и необходимости создания духовного рыцарства, жертвенного ор-

дена интеллигенции), равно как и религ. утопии Н.Ф.Федорова, легли в основу наиб. значит. довоен. произв. Я., ром. «Портативное бессмертие» (сокр. вариант: РЗ. — 1938. — № 10; 1939. — № 15, 17; отрывки: Новый град. — 1939. — № 14; Новоселье. — 1942. — № 6; НЖ. — 1944. — № 9; отд. изд.: Нью-Йорк, 1953), где рассказывается о борьбе идеального содружества (полумонаш. ордена «Верных») за нравств. возрождение человечества и установление «Царства Божия на земле». Ром. интересен своей филос. проблематикой и свидетельствует о возросшем лит. мастерстве писателя, сумевшего творчески усвоить и переработать разнородные лит. влияния (прежде всего романов Л.Ф.Селина и Г.Миллера, отчасти — поэмы в прозе «Распад атома» *Г.Иванова*). В «Портативном бессмертии», отличающемся напряж. лиризмом, границы между прозой и поэзией зачастую размываются. Этому способствует бесфабульное построение ром., а также обилие эмоцион. лирич. монологов и филос. медитаций героя-повествователя, чьи раздумья и восп., сопровождающиеся прихотливыми ассоциативными скачками и временными наплывами, растворяют в себе приметы конкретной реальности и подчиняют своему внутр. ритму весь ход повествования. Однако и в этом произв. Я., по мнению эмигр. критиков, не избежал срыва в финале ром., где «повествование сбивается... на довольно-таки легковесную утопию, с чисто внешним одушевлением и бойкой внешней занимательностью» (Адамович Г. // ПН. — 1939. — 1 июня).

После вторжения нем. войск во Францию Я. перебирается из Парижа на терр. свободной зоны, в Монпелье, далее — в Касабланку (Марокко), откуда в июне 1942 вместе с женой и дочерью отплывает в США. Обосновавшись в Нью-Йорке (в 1947 писатель получает амер. гражданство), Я. вместе с Е.А.Извольской и А.С.Лурье организует экуменич. об-во «Третий час» (при к-ром на трех языках издается одноим. журн.), сотрудничает в эмигр. изд.: «Новоселье», «НЖ», «Опыты». Первое крупное произв., написанное Я. в США, — ром. «Американский опыт» (НЖ. — 1946. — № 12-14; 1947. — № 15; 1948. — № 18, 19; отд. изд.: Нью-Йорк, 1982), где с помощью фантастич. сюжета (гл. герой из белого превращается в негра), элементов мистики и сюрреалистич. гротеска автор показывает пагубность душевного самоуспокоения и духовной энтропии, приводящей человека к забвению своего высшего «божественного» предназначения, к измене своему подлинному «я».

Наиб. значительна среди произв., созданных Я. в Америке, пов. «Челюсть эмигранта» (НЖ. — 1957. — № 49, 50; изд., Нью-Йорк, 1957), в к-рой под влиянием идей А.Бергсона о времени Я. развивает концепцию «линейной» и «вертикальной» памяти, родств. платоновскому учению об анамнесисе. В пов. «ломается привычный причинно-следственный каркас мира... граница между сном и явью... порой становится условной» (Линник Ю. Филос. искания в прозе В.Яновского // НЖ. — 1994. — № 194. — С. 219). Сложный мир своих раздумий, переживаний и восп. автор, по словам *Ф.Степуна*, «настойчиво связывает с зубоврачебным сюжетом больной эмигрантской челюсти, что придает его повести характер назойливого кошмара» (НЖ. — 1958. — № 54. — С. 296). Сюжетно-стилистич. парадоксальность в той или иной степени характерна и для др. послевоен. произв. писателя: рассказов «Зап. современника» (Опыты. — 1953. — № 2), «Болезнь» (НЖ. — 1958. — № 54), ром. «Заложник» (НЖ. — 1960. — № 60-62; 1961. — № 63, 64), в к-ром глубина филос. проблематики и напряженность миросозерцат. и религ. устремлений автора сочетаются с увлекат., динамично развивающейся фабулой и символич. многозначностью образов.

Я. публикует англояз. версии ром., первонач. написанных на рус. яз.: «No man's time» (N.Y., 1967; по-рус.: «По ту сторону времени» // НЖ. — 1987. — № 166-170) и «Of light and sounding brass» (N.Y., 1972). Следом выходят кн. «The dark fields of Venus: From a doctor's logbook» (N.Y., 1973), ром. «The great transfer» (N.Y., 1974) и кн. по философии науки «Medicine, science and life» (N.Y., 1978; отрывок на рус. яз.: ВРСХД. — 1973. — № 107).

Завершением творч. пути Я. явилась «Поля Елисейские. Кн. памяти» (Нью-Йорк, 1983; СПб., 1993; отрывки: Воздушные пути. — 1967. — № 5; Время и мы. — 1979. — № 37-39; Гнозис. — Нью-Йорк, 1979. — № 5-8), продолжившая традиции беллетризов. мемуаров Г.Иванова «Петербургские зимы». «Поля Елисейские» содер-

жат ценный фактологич. материал (свидетства о жизни монпарнасской богемы, сведения о малоизв. эмигр. авторах «второго ряда», описания заседаний «Круга» и «Зеленой лампы»), позволяющий полнее представить особенности лит. процесса «первой волны» рус. эмиграции. В то же время «книга памяти» отличается субъективностью авторской позиции. Я. выступает не столько в роли бесстрастного очевидца, рассказывающего о своих встречах с эмигр. писателями, сколько в качестве темпераментного полемиста и оригин. мыслителя, для к-рого образы и картины прошлого служат лишь отправным пунктом для колкого публицистич. выпада или филос. размышления о глобальных проблемах человеч. бытия. Часто автор «Полей Елисейских» проявляет себя и как строгий и пристрастный критик, оспаривающий устоявшиеся лит. репутации (отсюда и чрезмерная резкость критич. замечаний в адрес писателей «старшего» поколения и тенденциозность нек-рых характеристик, в частности, *М.Алданова*, Г.Иванова, *В.Смоленского* и др.). Однако именно принцип подчеркнуто субъективного подхода к мат-лу и раскованная манера изложения позволили Я. передать духовную атмосферу рус. Парижа и по-новому, с т.з. представителя «незамеченного поколения» эмигр. писателей, осветить лит. и культурную жизнь рус. зарубежья. Неск. написанных на англ. яз. ром. Я. не опубл. Архив Я.: Бахметевский архив в Колумбийском ун-те (Нью-Йорк).

Лит.: Зайцев К. «Новые писатели» о сов. детях // Россия и славянство. — 1930. — 22 февр.
Зензинов В. Рец.: «Колесо» // СЗ. — 1930. — № 42.
Кельберин Л. Рец.: «Колесо» // Числа. — 1930. — № 2/3.
Н.О.[Н.А.Оцуп] Рец.: «Мир» // Числа. — 1932. — № 6.
Волошин Г. Рец.: «Любовь вторая» // СЗ. — 1935. — № 59.
Осоргин М. Рец.: «Любовь вторая» // ПН. — 1935. — 11 июля.
Адамович Г. Рец.: «Любовь вторая» // Круг. — 1936. — № 1.
Пильский П. Рец.: «Любовь вторая» // Сегодня. — 1936. — 10 авг.
Савельев С. [С.Г.Шерман] Рец.: «Любовь вторая» // СЗ. — 1936. — № 62.
Иваск Ю. Рец.: «Портативное бессмертие» // НЖ. — 1953. — № 2.
Горбов Я. Рец.: «Челюсть эмигранта» // В. — 1964. — № 145.
Андреева В. Летописец «необыкновенного десятилетия» // РМ. — 1984. — 7 июня.
+ Струве.

Н.Г.Мельников

ЯССЕН Ирина (наст. фам. и имя Чеквер Рахиль Самойловна; 1893, Ромны — 28.XI.1957, Нью-Йорк) — поэтесса. Детство и ранняя юность прошли на Украине. Окончив с золотой медалью ромненскую г-зию, Я. поступила на Высшие жен. курсы в Петербурге. По окончании курсов вернулась в Ромны. Редактировала местную газ. демокр. направления, продолжая эту работу и в годы гражд. войны. Вместе с мужем, обществ. деятелем Л.И.Чеквером, в 1923 Я. эмигрировала в США. Семья поселилась в Нью-Йорке, где, не считая поездок в Европу, Я. прожила треть века. Лит. интересы проявились у Я. еще в г-зии, однако реализация творч. возможностей началась только в 1943. В течение двадцати лет (1923-1943) Я. жила вне сферы рус. культурных интересов и отошла от рус. яз. Лишь в связи с событиями второй мировой войны к Я. вернулся обостренный интерес к России, ее ист. судьбе и к рус. культуре. В годы войны, вспоминал *М.Слоним*, у Я. «возникло страстное желание писать и высказывать свои думы и порывы именно по-русски» (НРС. — 1957. — 8 дек.). Ее лит. дебютом был поэтич. сб. «Земной плен» (Нью-Йорк, 1944). За ним последовала кн. «Дальний путь» (Нью-Йорк, 1946). С 1946 Я. печатает свои стихи и ст. в рус. периодич. изд. — сначала в нью-йркском «Новоселье» и затем в «НРС», «Гранях», «Опытах» и «Лит. современнике». Как активный сотр. «Новоселья» она была приглашена в редколлегию этого журн. Сближение с рус. поэтами, жившими в США и во Франции, привело Я. к мысли об издании первой послевоен. антологии эмигр. поэтов. Антология «Эстафета» (Париж), включившая стихи 41 автора, в том числе и самой Я., вышла в

1948 под ее ред. (совместно с *В.Андреевым* и *Ю.Терапиано*). В дальнейшем стихи Я. были напечатаны и в др. эмигр. антологиях — «На Западе» (Нью-Йорк, 1953) и «Муза диаспоры» (Франкфурт-на-М., 1960). В 1950 Я. основала эмигр. книгоизд-во «Рифма», специализировавшееся на выпуске сб-ков рус. заруб. поэтов. Всего было издано около 30 кн. и в их числе ее три поэтич. сб.: «Лазурное око» (Париж, 1950), «Память сердца» (Париж, 1956) и «Последние стихи» (Париж, 1959, с портретом автора), к-рый Я. готовила как посм. изд. Незадолго до кончины она писала поэтессе *Софии Прегель*: «В мои «Последние стихи» должно войти все, что отражало мои мысли и чувства за последнее время» (Архив Иллинойсского ун-та, Урбана). Через неск. лет после смерти Я. имя ее было забыто, и лишь в 1988 ее стих. и краткая биография появились в антологии рус. духовной лирики «Источник» (Чикаго, 1989). Лит. наследие поэтессы состоит примерно из трехсот лирич. стих. В своей поэтике Я. исходила из рус. классич. наследия. В стихах Я. нет ничего, что связывало бы их с поэтич. техникой XX в. В пяти ее сб. преобладают стих., написанные четырехстрочной строфой, традиц. ритмами и метрами, с весьма не изобретат. рифмами. Словарь и синтаксис в такой же мере связаны с версификаторской традицией кон. XIX в. Поэтесса не стремилась избежать условно-поэтич. фразеологии, к-рая воспринималась как клише уже в кон. прошлого столетия. Источник ее вдохновения — мгновения просветленных состояний. Стихи Я. проникнуты нравств. пафосом, в лучших из них отразилась созерцательность. «В ней было много наивности, святой и порою немного смешной простоты и такой же взволнованности», — писал знавший поэтессу критик М.Слоним (НРС. — 1957. — 8 дек.). Отсюда — осн. темы Я.: принятие мира, оправдание его несовершенств, преодоление зла духовностью, мечта о вселенском преображении. В зрелых стихах Я. присутствует надежда на поэтич. чудо — «На музыку миров / В мелькнувшем сочетаньи / Обыкновенных слов». Поэзию Я. *Ю.Иваск* охарактеризовал так: «Ее стихи одушевлены доверием к миру и чувством братства; в них есть нравственная сила, есть любовь и участье» (НЖ. — 1951. — № 25. — С. 303). О последнем прижизн. сб. «Память сердца» писал поэт К.Померанцев: «Наше время ничего не хочет знать ни о сердце, ни о его памяти, а память рассудка рассыпается в прах... В этом трагедия нашего времени. И маленькая книга стихов Ирины Яссен — человеческий документ об этой трагедии» (Опыты. — 1957. — № 7).

Лит.: Трубецкой Ю. Ирина Яссен // Лит. современник. — Мюнхен, 1954.

К.П. (Кирилл Полянский). Памяти Ирины Яссен // Мосты. — 1960. — № 4.

Вадим Крейд (США)

Я́ЩЕНКО Александр Семенович (24.II (8.III).1877, Ставрополь — 10.VI.1934, Берлин) — издатель, библиограф, правовед. В 1896 окончил ставропольскую г-зию и поступил на матем. ф-т Моск. ун-та, в 1896 перевелся на юрид. ф-т, к-рый окончил в 1900. Входил в моск. поэтич. круги, был близок к Брюсову. Жил в Париже, в 1909-13 проф. Юрьевского ун-та, в 1913 в Москве защитил дис. Был принят в худож. и лит. модернист. кругах. Я. входил в группу литераторов и философов, группировавшихся вокруг журн. «Народоправство». Проф. Пермского ун-та. Весной 1919 в составе делегации прибыл в Германию для обсуждения доп. параграфов к Брестскому миру и отказался вернуться в Россию. «На последнем заседании... я Менжинскому прямо сказал: а все-таки русский народ вам когда-нибудь оторвет голову!», — эти слова Я. приводит *Р.Гуль* (Т. 1. — С. 72). Гуль оставил красочный портрет Я.: «Ященко — крепкий жилец, без всяких интеллигентских «вывихов». Среднего роста, крепко сшитый, физически сильный, с лысым черепом и невыразительным лицом» (там же. — С. 71).

Он печатал лит.-библ. статьи в журн. «Жизнь» и «Рус. эмигрант», «Вест. самообразования». В 1921 в Берлине под его руководством вышло девять номеров библ. журн. «Рус. книга». «Для нас нет, в области книги, разделения на советскую Россию и на эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих берегах. И мы

будем стремиться к тому, чтоб наш журнал получил доступ и в России» (Рус. книга. — 1921. — № 1. — С. 1). Журн. и его гл. ред. стали одним из центров лит-ры рус. зарубежья в Берлине. В «Рус. книге» печатались и писатели из сов. России. В 1922-23 журн. выходил под назв. «Новая рус. книга». «Та мысль, которая была положена в основу прежней «Рус. книги», остается руководящей и для нашего нового журнала. Начавши выпускать «Русскую книгу» в обстановке полной разрозненности и эмигрантского рассеяния, мы поставили задачей собрать и объединить сведения о русской и заграничной издательской литературе» (Новая рус. книга. — 1922. — № 1. — С. 1). Я. принял активное участие в деятельности берлин. «Дома иск-в», готовил к изданию рус.-нем. словари. С 1924 Я. — проф. юрид. ф-та Каунасского ун-та, где получил должность зав.каф. междунар. права. В 1931 в Каунасе вышел первый том его «Курса междунар. права» (на лит. яз.). В нач. 1930-х Я. вернулся в Берлин.

Лит.: Емельянов Ю. «Рус. Берлин» // Культурное наследие рос. эмиграции. 1917-1940. — М., 1994. — Кн. 1.

+ Рус. Берлин.

В.В.Леонидов

Указатель имен

Абациева В.Н. 115
Абеляр П. 402
Абрамович Р.А. 353
Абызов Ю.И. 5
Аввакум протопоп 26, 288
Августин 263, 264
Авдеева О.Ю. 299
Авель см. Василевский Л.
Авербах Л.Л. 467
Аверченко А.Т. 9-12, 13, 97, 133, 157, 313, 396, 397
Авксентьев Н.Д. 176, 177, 341, 411, 412, 425, 462
Авксентьева М.С. см. Цетлин М.С.
Агатов В. 103
Агеев М. 12-13
Агнивцев Н.Я. 13-14
Агурский М. 305
Адамович Г.В. 7, 12, **14-17**, 23, 31, 35, 50, 53, 54, 56, 58, 64, 66, 71-73, 76, 77, 85, 90, 93, 100, 107, 116, 117, 120, 121, 125, 128, 131, 146, 147, 152-154, 157, 165, 166, 172, 173, 181, 184, 190, 191, 194-196, 203, 212, 216, 217, 221, 225-227, 229, 234, 235, 238, 257, 259, 262-264, 268, 272, 277, 280, 284, 295-298, 300, 301, 303, 306, 307, 309, 315, 320, 325, 327, 328, 335, 352, 353, 359, 364, 365, 368, 377, 380, 382, 390, 398, 401, 406-408, 418-420, 422, 427, 430, 431, 438, 443, 445, 446, 448, 449, 452, 456, 458, 459, 465, 475-477
Адамс В.Т. 351
Адан П. 152
Адоратский В. 413
Азадовский К.М. 54, 62, 125
Азеф Е.Ф. 22, 148, 176
Айналов Д.В. 98
Айснер А. см. Эйснер А.
Айхенвальд Ю.И. 17-19, 20, 55, 63, 71, 81, 111, 118, 142, 160, 171, 186, 198, 201, 202, 225, 241, 251, 267, 268, 275, 295, 313, 317, 337, 338, 346, 374, 379, 422, 441, 468, 470
Акита Удзяку 166, 167
Аксаков И.С. 374
Аксаков С.Т. 53, 260, 404
Аксенова А.А. 194
Алданов М.А. 17, **19-23**, 55, 65, 70, 71, 88, 100, 111, 152, 157, 171, 176, 177, 186, 205, 227, 232, 234, 240, 247, 264, 273, 274, 278, 297, 313, 317, 352, 353, 418, 425-427, 435, 448, 477
Алейников О.Ю. 406
Алеко см. Куприн А.И.
Александр I 20, 262, 355, 395
Александр II 21, 222
Александр III 233
Александр I, король Югославии 171, 286, 470
Александра Федоровна, имп. 80
Александров А.В. 25
Александрова В. 304
Александрова-Гурьева А.А. 138
Алексеев А.Д. 5
Алексеев Г.В. 23-24, 241, 433, 441
Алексеев М.В. 461
Алексеев Н.Н. 113, 114, 196
Алексей, митрополит 332
Алексей Петрович, царевич 261
Алексеевский Л. 34
Алексинский Г.А. 398
Алехин А.А. 363
Алешковский П. 348
Аллен Л. 191, 320
Аллен У. 275
Алымов С.Я. 24-25
Альберти Р. 379
Альтман М.С. 190
Альтман Н.И. 37
Альчанинова М.А. 372
Амальрик А. 429
Амари см. Цетлин М.О.
Д'Амелия А. 334
Аминадо см. Дон Аминадо
Амфитеатров А.В. 7, 12, 18, 23, **25-28**, 36, 44, 54, 65, 90, 172, 184, 222, 223, 234, 264,

280, 313, 335, 338, 345, 346, 348, 385, 398, 409, 455, 458
Амфитеатров-Кадашев В.А. **28-29**, 223, 253, 314, 400
Амфитеатрова И. 28
Амфитеатровы 216
Анастасьев Н.А. 269
Андерсен Л. **29-30**, 45
Анджелико 274
Андреев А.В. 30, 31
Андреев В.Л. **30-32**, 34, 47, 102, 121, 282, 325, 363, 382, 391, 427, 478
Андреев Г. (Хомяков) 382
Андреев Д.Л. 30, 32
Андреев Л.Н. 19, 29, 30, **32-35**, 39, 43, 97, 160, 167, 169, 219, 246, 252, 312, 315, 356, 357, 475
Андреев Н.Е. 180, 183, 184, 226, 401, 420, 430
Андреев Ю. 335
Андреева А.И. 33
Андреева В.Л. 35, 477
Андреева И.Г. 34, 420
Андреева-Карлайл О.В. 31, 32
Андроникова С.Н. 269
Андронов М.В. 269
Анин Д. 95
Аничков Е.В. **35-36**
Анна Ярославна 239
Анненков П.В. 36
Анненков Ю.П. 7, **36-39**, 138, 163, 175, 176, 194, 256, 296, 298, 335
Анненский И.Ф. 15, 85, 187, 188, 195, 255, 302, 315, 345, 365, 382, 458
Анстей О. 283
Антар см. Ренников А.
Антокольский П.Г. 421
Антонова Е. 241
Антонович В.Б. 39
Аполлинер Г. 195, 378
Апраксины 283
Апухтин А.Н. 213, 239
Арабажин К.И. **39-40**, 54
Аратов Б. см. Слоним М.Л.
Аргус М. 47
Аренский А.С. 329
Аренштейн А.Б. см. Эренбург А.Б.
Ариель см. Витковский Е.В.
Аристотель 72
Аристофан 266
Аронсон Г. 138
Арсеньев В.К. 48
Арсеньев Вл. 305
Арсеньев Н.С. **40-42**, 283, 317, 403
Д'Артаньян 406
Арцыбашев М.П. 39, **43-45**, 312, 356, 409, 462, 470, 475
Арцыбушева М. 103
Арьев А. 297
Асеев Н.Н. 91, 287, 289, 379, 424
Асеева Т.Д. см. Ратгауз Т.Д.
Астров Н. 161
Аттила 175
Ауэрбах Э. 99
Афанасий Никитин 388
Афанасьев А.Н. 282
Афанасьевский Б. см. Иваск Ю.П.
Ахмадулина Б. 307
Ахматова А.А. 14, 17, 36, 38, 39, 41, 55, 85, 100, 104,129, 149, 209, 215, 228, 241, 242, 270, 296, 306, 307, 316, 344, 358, 363, 369, 370, 380, 381, 445
Ачаир А.А. **45-47**, 122, 215
Ашбе А. 90
Ашукин Н. 236

Бабель И.Э. 27, 38, 316, 321, 358, 379
Бабенко В.Г. 105, 106, 163
Бабенчиков М. 37
Бабореко А.К. 90, 227
Багратион-Мухранский Т.К. 385
Багрицкий Э.Г. 269, 365, 379
Багряна Е. 351
Базилевская Е. 73
Байков Н.А. **48**
Байрон Дж.Г. 21, 191, 266, 277, 379
Бакалейников А.Р. 236
Бакалейников В.Р. 236, 237
Бакунин М.А. 148, 357
Бакунина Е.В. **49-50**, 177, 444
Бакунина-Осоргина Т.А. см. Осоргина Т.А.
Балакирев М.А. 426
Балакшин П.П. **50-51**, 144
Балашов А. 276
Балиев Н. 37, 163
Балтрушайтис Ю. 170, 417
Бальзак О. де 21, 258, 374
Бальмонт Е.А. 54
Бальмонт К.Д. 36, **51-54**, 55, 104, 123, 169, 171, 209, 236, 242, 260, 264, 270, 353, 378, 382, 397, 409, 425, 449, 456, 464
Барабтарло Г. 277
Баранова А. 352
Баранова Л.Н. см. Андерсен Л.
Баранова-Шестова Н. 452
Барановская Л.В. 99

Баратынский Е.А. 53, 77, 141, 142, 195, 260, 261, 418
Бараш М. 119
Барбарус И. 351
Барбюс А. 167, 305, 470
Баррас П. 20
Барт К. 68
Барташевич 141
Барятинский А.И. 54
Барятинский В.В. 54
Батый 45, 282, 391
Батюшков К.Н. 85, 120, 196
Батюшков Ф.Д. 35
Бауэрс Ф. 279
Бахметев Б.А. 384
Бахрах А.В. 7, 19, 21, 23, 24, **54-56**, 61, 62, 72, 76, 77, 90, 95, 106, 108, 121, 132, 158, 159, 172, 213, 218, 231, 237, 239, 256, 258, 264, 275, 280, 294, 301, 303, 320, 324, 326, 327, 330, 335, 351, 387, 398, 420, 424, 439, 452, 453, 467
Бахрах К. 56
Бахтин М.М. 56, 58, 208
Бахтин Н.М. 56-58, 208, 264
Беато Анджелико см. Анджелико
Бедный Д. 204
Безбородко А.А. 20
Безруч П. 63
Бейлис М. 460
Бек-Софиев М.О. 210
Бек-Софиев Ю.Б. см. Софиев Ю.Б.
Бекетова С. см. Ходасевич А.И.
Беккер Г.А. 349
Бекфорд У. 169
Белавина Н. 346
Белинский В.Г. 18, 36, 252, 374
Белич А. 126
Белобородов А.Я. 247
Белов В. 201
Белов Е.Н. 163
Белов С.В. 6, 63
Белозерская-Булгакова Л.Е. 97, 98
Белоусов И.А. 37, 34
Белоусов Р.С. 167
Белоцветов Н.Н. 59
Белоцветов С.А. 170
Белошевская Л.Н. 64, 243, 244
Бельговский К.П. 11, 253, 329, 441
Белый А. 18, 25, 31, 36, 39, 55, **60-62**, 66, 78, 85, 94, 95, 97, 138, 160, 169-171, 187, 190, 197, 245, 258, 268, 271-273, 293, 302, 319, 323, 335, 366, 379, 386, 410, 417, 419, 423, 449, 442, 443, 469
Белых Г. 284
Беляев Ю. 313
Бем А.Л. 12, 13, 28, **62-64**, 93, 128, 131, 146, 147, 161, 223, 330, 331, 400, 409, 430, 454, 472, 474
Беме Я. 195
Бенедиктов В.Г. 268
Бенеш Э. 11
Бенешевич В.Н. 62
Беннет А. 152
Бенуа А.Н. 37, 100, 145, 165, 218, 255, 408
Берберова Н.Н. 7, 19, 62, **64-66**, 76, 90, 109, 115, 122, 123, 125, 136, 138, 170, 172, 176, 191, 193, 211-213, 227, 234, 238, 256, 273, 275, 280, 357, 382, 384, 387, 407, 412, 417, 419, 420, 424, 425, 427
Берви О.В. 323
Берг А. 424
Бергсон А. 300, 413, 475, 476
Берд Т. 42
Берджесс Э. 279
Бердслей О. 24
Бердяев Н.А. 18, 29, 55, 56, 57, **66-69**, 99, 113, 123, 170, 171, 178, 188, 195, 198, 207, 229, 230, 256, 270, 284, 286, 303, 316, 317, 320, 332, 334, 365, 366, 368, 403, 410-413, 415, 424, 438, 450-452, 473
Бердяевы 170, 273, 417
Береговой Ф. 144
Березовская А.Е. см. Шестова А.Е.
Беркефельд В. 436
Берлин И. 284
Бернар Клервский 206
Бернанос Ж. 99
Бернсон Б. 273
Беседовский Г.О. 331
Бескин Э.М. 246
Бетаки В. 292, 293
Бетеа Д. 419
Бетховен Л. ван 21, 187, 258, 326
Бзаров Р. 117
Биджевская Л.И. 153
Билибин И.Я. 163, 234, 434
Биск А.А. 241
Бицилли П.М. 15, **69-71**, 142, 166, 172, 184, 185, 192, 212, 226, 263, 271, 278, 279, 303, 305, 359, 360, 401, 419, 426, 427
Блаватская Е.П. 130, 318
Благов В. 441
Блантер М. 25
Блейк У. 472
Блинер Б.И. 269
Блинов В. 195, 196, 218, 332

Блок А.А. 16, 26, 28, 31, 35, 36, 38, 39, 43, 60, 61, 66, 71, 85, 86, 91, 95, 97, 100, 104, 118, 122, 123, 125, 129, 137, 141, 170, 171, 192, 209, 213, 219, 220, 228, 242, 246, 255, 265, 268, 270, 271, 273, 283, 288, 293, 296, 303, 310, 315, 316, 319, 322, 323, 334, 335, 344, 349, 351, 357-360, 367-371, 373, 378, 386, 394, 404, 405, 410, 417, 419, 421, 425, 426, 440, 445, 464, 472
Блох Р.Н. 56, **71-73**, 104, 132, 296, 407, 419
Блох Н. 71
Блох Я.Н. 71, 72
Блюм А.В. 267
Блюм Л. 108
Блюмкин А.Г. 347
Блюхер В.Г. 148
Боборыкин П.Д. 73-75, 465
Боборыкина С.А. 74
Бобринский А. 154
Бобров С. 206
Боброва Э.И. 297, 343
Бобырь А.В. 441
Бобышев Д. 194-196
Богаевский Н.Н. см. Воробьев В.Н.
Богатырев П.Г. 471-473
Богданов А.А. 333
Богданов В.В. 471
Богомолов А.Е. 170
Богомолов Н.А. 5, 6, 125, 194, 417, 420
Богословский А.Н. 15, 251, 320, 360, 439, 447
Богословский Н. 12
Бодлер Ш. 101, 107, 130, 277, 293, 374, 378, 437, 472
Божнев Б.Б. 75-77, 119, 211, 378, 442
Божнев В. 75
Бойко-Блохин Ю. 437
Боккаччо Дж. 126
Болдырев И.А. 77-78
Бор Н. 471
Боратов Н. см. Бахтин Н.Н.
Борзов Н. 135
Борис и Глеб, сыновья киев. кн. Вл. Святосл. 172
Борисов-Мусатов В.Э. 272
Борман А. 393-395
Бородин А.П. 65, 218, 426
Бородина М. 73
Бостром А.А. 385
Бостром А.Л. 385
Босх И. 439
Ботичелли С. 272
Бочаров С.Г. 64, 405, 420
Бочарова З.С. 389
Бразоль Б.Л. 130, 131
Бракман М. 72
Брандес Г. 450
Браславский А. 234
Браун Я. 174
Брафман Я.А. 416
Браше Е. фон 144
Брежнев А. 222
Брехт Б. 472
Брешко-Брешковская Е.К. 78, 274, 333, 346
Брешко-Брешковский Н.Н. 12, **78-81**
Бржезин О. 63
Брийа-Саварэн 58
Брик О.М. 305, 453
Бринтон К. 92
Бровцын Б. 383
Бродзинский К. 39
Бродский Б. 395
Бродский И.А. 195, 424
Броше Г. 340
Брук Р. 277
Бруннер Р. 242
Бруно Дж. 207
Брюсов А.Я. 416
Брюсов В.Я. 25, 36, 51, 95, 100, 112, 122, 123, 187, 297, 242, 247, 267, 270-272, 312, 313, 322, 329, 349, 369, 381, 385, 419, 425, 440, 464, 478
Бубеникова М. 64
Бубер М. 451
Бугаев Б.Н. см. Белый А.
Бугаев Н.В. 60
Буданцев С. 236
Будберг А. 149
Буденный С.М. 148
Буйневич Ю. 169
Буковский В. 279
Булавин К. 112, 164, 220
Булак-Булахович С.Н. 347
Булгаков В.Ф. 5, **81-82**, 131, 165, 168, 322, 430
Булгаков М.А. 15, 97, 104, 175, 204, 313, 356, 448, 449
Булгаков С.Н. 58, 66-68, **82-84**, 99, 113, 179, 207, 229, 248, 317, 368, 394, 403, 411, 445, 448, 450, 452, 473
Булич В.С. 56, **84-86**, 345
Булич С.К. 84
Булыгин П.П. 86-87
Бунаков И.И. см. Фондаминский И.И.
Бунаков-Фондаминский И.И. см. Фондаминский И.И.
Бундель В. 453

Бунин И.А. 7, 17, 19, 20-23, 26, 27, 32, 52, 53, 55, 56, 70, 71, **87-90**, 93, 98, 100, 102, 106, 109, 115, 117, 122, 123, 128, 129, 133, 136, 138, 148, 157, 158, 160, 169, 170, 172, 173, 176, 177, 183, 194-197, 199, 200, 219, 222, 225-227, 234, 235, 238-240, 243, 258, 271, 274, 278, 283, 292, 295, 296, 304, 305, 317, 318, 335, 337, 338, 345, 346, 352, 353, 359, 367, 368, 370, 374, 380, 385, 387, 392, 394-396, 407, 422, 423, 425, 426, 438, 441, 444, 447, 448, 455, 461, 463, 468
Бунина А.П. 87
Бунина В.Н. 23, 89, 90, 129, 172, 225-227
Бунины 90, 171, 183, 226, 227, 337, 419, 455
Бурд-Восходов А. см. Буров А.П.
Буренин В.П. 319
Бурлюк В.Д. 90
Бурлюк Д.Д. 90-93, 144, 145, 351
Бурлюк Д.Ф. 90
Бурлюк Л.Д. 90
Бурлюк Л.И. 90
Бурлюк М.Н. 91
Бурлюк Н.Д. 90, 91, 351
Буров А.П. 93
Бурцев А. 144
Бурцев В.Л. 33, 34, 177, 462
Бутков В.Н. 317
Бухарин Н.Н. 157, 163, 464, 465
Бучинская В.В. 396, 397
Бучинская Е.В. 396
Бучинская Н.А. см. Тэффи Н.А.
Бучинский В. 396
Бушман И.Н. 343
Бычков С.С. 405
Бэринг М. 267

Ваганова И.В. 373
Вагнян В. 206
Вагемас Э. 223
Валентинов Н. 94-95
Валери П. 57, 99, 107, 258
Валлотон Ж. 37
Ван Розен Р. 92
Ван-Рейс О. 378
Ванеев А.А. 208, 269
Ванек М. 203
Ванечкова Г. 82
Ванчура В. 471
Варшавский В.С. 56, **95-97**, 107, 134, 184, 239, 278, 279, 283, 319
Варшавский О. 117
Василевский И.М. 79, 80, **97-98**, 107, 159, 204, 240, 282, 379, 386, 435, 441, 470
Василевский Л.М. 97, 133
Василенко С.Н. 236
Васильев И. 320
Васильев П.Н. 269
Васильева К.Н. 60, 61
Васильева М.И. см. Гликберг М.И.
Васютинская В. 390
Ватто А. 190
Вахаловска Л. 64
Вахтангов Е.Б. 297, 421
Вебер-Хирьякова Е.С. 131
Вега М. 132, 182
Ведекинд Ф. 322
Вейденгаммер В.М. 457
Вейдле В. 98
Вейдле В.В. 12, 17, 23, 71, **98-101**, 117, 132, 142, 166, 172, 194, 195, 238, 239, 284, 295, 317, 319, 325, 326, 418, 419, 427, 438, 439
Вейнбаум М.Е. 353
Велигорская А.М. 30
Величковская Т. 359
Величковский А.Е. 101-102
Вельский Р. см. Пильский П.М.
Венгеров С.А. 9, 62, 63, 264, 265, 329, 453
Веневитинов Д.В. 41
Вениамин, епископ 179
Венус Г.Д. 102-103, 241
Вентура Джовани см. Лоло
Вербицкая А.А. 25, 312, 313
Вергежский А. см. Тыркова-Вильямс А.В.
Вергилий 406
Вересаев В.В. 19, 33, 252, 469
Вериго В.К. 78
Веритнов Н. 377
Верлен П. 72, 107, 242, 266, 277, 308, 378, 379, 392
Вермель А. 378
Вернадский В.И. 340
Версилов К. см. Мочульский К.В.
Вертидис А. см. Вертинский А.Н.
Вертинская В.С. 103
Вертинский А.Н. 13, 30, 55, 72, **103-106**, 163, 313, 320
Верхарн Э. 242, 392
Верховский С. 284
Верховский Ю.Н. 99
Веселовский А.Н. 35, 36
Ветлугин А. 92, **106-107**
Вийон Ф. 95, 464
Виктор Пекинский, архиеп. (Святинин) 308
Виленкин Н.М. см. Минский Н.

Вильгельм, кайзер 307
Вильде Б.В. 55, 96, **107-108**
Вильде В.И. 107
Вильде М.В. 107
Вильде Э. 107
Вильдрак Ш. 379
Вилькина Л. 266
Вильчинский В. 90
Вильчковский К. 218
Вильчур М. 355
Вильямс Г. 393, 394
Винавер М.М. 56
Виндельбанд В. 366
Виноградов В.В. 126
Виноградов П. 187
Вио де Т. 379
Виснапу Г. 351
Витгенштейн Л. 58
Витковский Е.В. 6, 50, 194, 218, 289, 308, 310, 382
Витте С.Ю. 97, 392
Вишняк М.В. **108-109**, 125, 176, 177, 300, 341, 342, 353, 368, 411, 412, 420, 425
Владимир, кн. киевский 282
Владимир Мономах 239
Владимиров В. 462
Владимиров М.К. 12
Власов А.А. 221, 222
Водов С.А. 353
Воеводин А.А. **109-110**
Вознесенский А.А. 65, 307, 358
Воинов В. 145
Воинов И. 441
Войтоловский Л. 213
Волжанин О.А. 247
Волин М. 45
Волкова М.В. **110**, 112
Волковыский Н.М. 112, 399
Волконский А.М. 111
Волконский С.Г. 110, 111
Волконский С.М. **110-112**, 251, 255
Володин В. 473
Волошин Г. 477
Волошин М.А. 228, 255, 353, 370, 381, 416, 423, 464
Волчек Д.В. 13
Волынский см. Рафальский С.М.
Волькенштейн М. 340
Вольский А. 107, 237
Вольский Н.В. см. Валентинов Н.
Вольтер 21, 191, 465
Воробьев Н. **112**
Воробьева М.Н. 112
Воровский В.В. 44, 45, 429
Ворожейкина З. 393
Воронова Т.П. 71, 72
Воронский А.К. 174
Воронцов М.С. 20
Воропаева Е. 172
Ворошилов К.Е. 148
Врангель Л.С. 234
Врангель П.Н. 10, 28, 30, 80, 104, 115, 150, 204, 238, 289, 316, 331, 347, 363, 373, 375, 392, 461, 462
Врубель В.А. 437
Врубель М.А. 219
Врхлицкий Я. 53
Вундт В. 336
Вырубова А. 123
Вышеславцев Б.П. **112-114**, 188, 262, 272, 284, 317, 415, 451, 474
Вышинский А.Я. 163
Вяземский П.А. 194

Гавранек Б. 471
Гавронская А. см. Фондаминская А.О.
Гаврюшин Н.К. 114
Гадалин В. 247
Газданов Г.И. 19, 20, 23, 96, **115-117**, 119, 120, 121, 175, 278, 297, 298, 407
Газданов И.С. 115
Газданова А. 115
Гаккель С. 230
Галас Ф. 243
Галахтин М.Г. 406
Галицкий Н. 102
Галич А.А. 104
Галич Ю.И. **117-118**
Галушкин А.Ю. 176
Галеева Т. 145
Гальцева Р.А. 69, 452
Гамильтон А. 20
Гандев Х. 70
Ганди М.К. 81
Ганфман Н. 470
Гарднер В.Д. **118-119**, 345
Гарднер Д.Т. 118
Гаретто Э. 28
Гарин-Михайловский Н.Г. 356
Гарсия Лорка Ф. 305
Гаске Ж. 378
Гартман Н. 113
Гаспаров М.Л. 127
Гауптман Г. 61, 152, 455
Гегель Г.В.Ф. 133, 197, 198, 207, 435, 436

Гейгинг И.П. 430
Гейне Г. 14, 101, 152, 188
Гейнике И.В. см. Одоевцева И.В.
Гейро Р. 320
Геллер М. 429
Гельдерлин Ф. 427
Георге С. 107
Георгий Александрович, вел. кн. 196
Герман, монах см. Перелешин В.Ф.
Герра Р. 382
Геррелл Г. 181
Герцен А.И. 74, 340, 357, 410, 428
Гершельман К. 195
Гершензон М.О. 55, 410, 417, 420, 451
Гершун Б. 75
Гессе Г. см. Хессе Г.
Гессен И.В. 18, 33, 34, 39, 63, 170, 462
Гессен С.И. 63, 245, 321, 366, 435, 474
Гете И.В. 42, 44, 60, 187, 258, 277, 328, 374, 392, 413, 437
Гефтер М.Я. 464
Гзовский А.И. 409
Гидальго см. Дон Аминадо
Гидони А.Г. 297
Гиевский Н. см. Сергиевский Н.Н.
Гиль Р. 378
Гильен Н. 349
Гингер А.С. 31, 55, **119-121**, 211, 217, 327, 378
Гиппиус В.В. 178, 269
Гиппиус З.Н. 15, 36, 44, 45, 50, 53, 64, 66, 88, 103, 109, **121-125**, 128, 158, 169, 180-182, 184, 192, 193, 195, 199, 227, 255-257, 261-263, 268, 296, 298, 301, 312, 317, 335, 346, 348, 380-382, 396, 397, 406, 408, 409, 412, 418, 422, 425, 426, 442, 474
Гира Л. 53
Гитлер А. 22, 29, 158, 263, 361, 362, 394, 466
Гладкова Т.Г. 6
Гладкова Т.Л. 6, 424
Глазер Р. 324
Глазунов А.К. 353
Глебский А. см. Плещеев А.А.
Гленни М. 276
Гликберг А.М. см. Черный Саша
Гликберг М.И. 432, 433, 435
Гликберг Я. 432
Гликман В.Я. см. Ирецкий В.Я.
Глинка А.С. (Волжский) 67
Глинка М.И. 426
Глэд Дж. 149, 196, 352, 353, 438, 439
Гоголь Н.В. 27, 36, 37, 42, 62-64, 67, 70, 71, 101, 129, 132, 140, 178, 197, 261, 266, 267, 271, 272, 279, 311, 334, 335, 374, 378, 388, 393, 410, 436, 437
Голенищев-Кутузов И.Н. 99, **125-127**, 239, 251, 288
Голенищева-Кутузова И.В. 127
Голенчек И. 322
Голицын В. 173
Голлербах Э.Ф. 91-93
Голлидей С. 421
Голль Ш. де 108, 446
Головин А.С. 128, 165
Головин С.А. 128
Головина А.С. 63, **128-129**, 458
Голохвастов Г.В. 129-131
Голубева Л. 338
Голубева М.В. см. Вильде М.В.
Гомер 58, 266, 437
Гомолицкий Л.Н. 131-132, 431
Гонгора-и-Арготе Л. де 195
Гончаренко Ю.И. см. Галич Ю.И.
Гончаров И.А. 55, 252, 261, 395, 411, 442
Гончарова Н.Н. 142
Гончарова Н.С. 38, 305, 339, 442
Гора Й. 243
Горак Й. 63, 253
Горбов Я.Н. 117, 164, 166, 188, 242, 256, 272, 290, 295, 296, 302, 343, 382, 402, 443, 477
Горелов П. 11, 149
Горийский В. (Давыдов В.А.) 79
Горлин М.Г. 56, 72, 73, 132, 407
Горлина Д.М. 73
Горный С. 18, **133-135**, 160, 173, 202, 217, 328
Городецкий С.М. 141, 213, 228, 330, 453
Городницкий Л. 352
Горская А.А. (Грифцова) 142, 327, 360
Горький М. 19, 23, 26, 29, 35, 37-39, 43, 44, 60, 64, 65, 90, 115, 116, 123, **135-139**, 145, 148, 150, 153, 158, 163, 168, 170-172, 175, 188, 190, 203, 219, 234, 236, 252, 265, 269, 274, 303, 315, 316, 329, 335, 340, 349, 356, 362, 375, 379, 386, 387, 396, 408, 416-419, 434, 440, 469, 470
Горянский В.И. 138-141, 323
Гофман М.Л. 59, 71, **141-142**, 290, 329, 375, 376, 425, 441
Гофман Э.Т.А. 132, 140, 311, 428, 429
Гоц А.Р. 176, 411
Гоцци К. 297
Грабарь И.Э. 273
Градовская Е.Г. см. Шульгина Е.Г.
Гранин Г. 45
Гранмезон В.П. 162

Грановская Е.М. 313
Грановская Л.М. 112
Граф Онучкин см. Галич Ю.И.
Гребенщиков Г.Д. 45, 53, **143-144**
Гребенщикова Е.П. 143
Гревс И.М. 98, 206, 402
Греков В. 220
Гренцион А.И. см. Ходасевич А.И.
Гржебин З.И. 148, 170, 174, 273
Гри Б. см. Григорьев Б.Д.
Грибанов А.Б. 58
Грибоедов А.С. 63, 75, 111, 252, 373, 426
Григорков Ю.А. 159, 234, 240, 282
Григорьев Б.Д. **144-145**, 164, 165, 175, 394
Григорьев Д.В. 144
Григорьев К.Б. 145
Грин Ж. 284
Грин М.Э. 23, 90, 172, 227
Гринберг Р.Н. 353
Грифцов Б.А. 272, 273, 416
Грифцова Е.С. см. Муратова Е.С.
Гришин А.С. 69
Гришин-Алмазов А.Н. 461
Гронский Н.П. 131, **145-147**, 422
Гронский П.П. 145
Грузенберг О.О. 109
Груздев И.А. 138
Грызов А.А. см. Ачаир А.А.
Грэг Э. 253
Грякова Н.Ю. 28
Гуго Сен-Викторский 206
Гудиашвили Л. 305, 378
Гужон Ю.П. 169
Гукасов А.О. 418
Гуковский А.И. 341
Гулиа Г. 392
Гуль Р.Б. 7, 62, 65, 66, 101, 105, 106, 109, 128, 133, **147-149**, 175, 192-194, 218, 221, 236, 282, 283, 294, 296, 319, 335, 352, 353, 382, 387, 424, 426, 453, 454, 478
Гумилев Н.С. 14, 18, 26, 36, 38, 51, 55, 64, 85, 86, 100, 110, 118, 119, 126, 127, 135, 146, 180, 181, 190, 191, 241, 255, 257, 267, 270, 271, 294, 296, 301-303, 315, 322, 323, 325, 344, 349, 363, 370, 371, 373, 378, 381, 386, 396, 419, 430, 445, 446, 458, 464
Гурвич Г.Д. 300
Гуро Е.Г. 90
Гуров П. 340
Гусев И.И. см. Гусев-Оренбургский С.И.
Гусев-Оренбургский С.И. 150-151
Гуссерль Э. 56, 451, 352
Гутнов Е.А. 29
Гучков А.И. 36, 461
Гущин Н. 24
Гюго В. 305
Гюйо Ж.-М. 391
Гюрджиев Г.И. 462

Даватц В.Х. 54, 344
Давыдов В.Н. 313
Давыдов С. 64
Давыдов Ю. 348
Давыдова Т.Г. 175
Далин Д.Ю. 353
Далтон М. 194
Даль В.И. 149
Дальский М. 313
Даманская А.Ф. 31, 138, **152-153**, 155, 159, 201, 318, 325, 449
Данилевский А.А. 333
Данилов Юрий см. Кузьмина-Караваева Е.Ю.
Данилова Т. см. Ратгауз Т.Д.
Данте Алигьери 42, 127, 169, 171, 187, 258, 262, 265, 272, 302, 472
Даргомыжский А.С. 426
Дарк О. 279
Даркблоом В. см. Набоков В.В.
Дашков Н. см. Вейдле В.В.
Двинов Б. 353
Дворникова Л.Я. 369
Дежардан Ш. 451
Дейша А. 310
Дейша-Сионицкая Е.А. см. Песков Г.
Декарт Р. 114
Декобра М. 158
Демидов И. 153, 264
Демидова О.Р. 153
Дени Э. 251
Деникин А.И. 98, 122, 133, 149, 150, 267, 337, 341, 346, 363, 373, 394, 461
Деникина К. 344
Денисов Д. см. Ветлугин А.
Державин Г.Р. 100, 142, 146, 195, 196, 419, 426
Деспотули В.М. 29
Джанумов Ю. 132
Джером Дж. К. 9, 90
Дживелегов А.К. 273
Джойс Дж. 101, 269, 271, 406, 407, 444
Дзержинский Ф.Э. 148, 149, 469
Дзюбинская О. 429
Дикгоф-Деренталь А.А. 409
Диенеш Л. 117
Дикинсон Э. 241
Дикой Б. см. Вильде Б.В.

Диксон В.В. 153-154
Дионео 154-156, 453
Диц В. фон 90
Дмитриев Е.Н. 378
Днепров Р. см. Рощин Н.Я.
Добиаш-Рождественская О.А. 72
Добрингер Э. 110
Добролюбов А.М. 255, 272
Добролюбов Н.А. 35
Добротворская Г. 46
Добужинский М.В. 254-256
Доде Л. 251
Д. Оз 393
Дозоров Николай см. Несмелов А.
Долинин А.А. 280
Долинин А.С. 62, 248
Долматовская И.А. 151
Домбровская М.В. (Балкис Савская) 350
Дон Аминадо 55, 97, 141, **156-158**, 219, 323, 324, 378
Дорожинский С. 219
Доронченко Л.М. 101
Доронченков И.А. 101
Дорошевич В.М. 25, 375
Достоевский Ф.М. 6, 12, 16, 21, 36, 37, 39, 42, 43, 53, 63, 64, 67, 68, 71, 82, 95, 100, 114, 131, 142, 145, 168, 178, 179, 181, 182, 186, 185, 190, 192, 199, 200, 208, 228, 242, 244, 245, 248, 249, 252, 253, 260,261, 271, 272, 302, 311, 335, 349, 358, 362, 368, 373, 374, 388, 393, 395, 410, 414, 435, 436, 439, 441, 448, 450, 452, 454, 455, 474
Дризен Н.В. 162, 317
Дроздов А.М. 23, 106, 133, 152, **158-160**, 173, 201, 239
Дряхлов В.Ф. 474
Дувинг Л. 205
Дудин И. 109
Дудинцев В.Д. 149
Дукельский В. 318, 319
Дунаевский И.О. 25
Дункан А. 107, 313
Духонин Н.Н. 118
Дыбенко П.Е. 221
Дык В. 63
Дылевский Н.М. 70
Дынник А. 234, 317
Дыхова Е.И. 118
Дьяков И. 362
Дьякова Е.М. 54
Дьякова О. 159, 240
Дэвис Д. 109, 342, 413
Дэвис Р. 34, 109, 247
Дю Бос Ш. 99, 450, 451
Дюамель Ж. 357
Дюма А. (отец) 79, 374
Дюррант Дж. С. 409
Дюшен Б. 138
Дягилев С.П. 255, 408
Дягилева А.П. см. Философова А.П.
Дятловицкая В. 24

Евангулов Г.С. 119, 378
Евдокимов В. 196
Евлогий, митрополит Георгиевский 170, 215, 228, 229, 411
Евреинов Б.А. 161
Евреинов Н.Н. 37, 65, 93, 106, 145, **162-163**
Еврипид 261
Евсеев Н.Н. 112, **163-164**
Евсеева С. 92
Евстигнеева Л.А. см. Спиридонова-Евстигнеева Л.А.
Евтушенко Е.А. 6, 307, 358
Ежов А. (Шульгина Е.Г.) 111
Екатерина II 20, 21, 222, 395
Екатерина Павловна, вел. кн. 165
Елагин И.В. 100, 283, 343, 346
Еленев Н.А. 39, **164-165**
Еленевская М.Н. см. Бурлюк М.Н.
Елизавета Петровна, имп. 222
Елина А.И. 139
Елшанский Н. 240
Ельмслев М. 471
Ельницкая С. 424
Ельчанинов А.В. 372
Ельяшкевич В.Б. 171
Емельянов В.Н. 165-166, 402
Емельянов Ю. 478
Ермак Тимофеевич 164
Ермичев А.А. 69, 369, 474
Ермолова М.Н. 75
Ермольев И.Н. 103
Ерофеев В. 280
Ерошенко В.Я. 166-167
Ерошенко Е.В. 166
Ерошенко Я.В. 166
Есенин С.А. 6, 36, 38, 56, 72, 85, 107, 125, 139, 145, 217, 236, 237, 296, 302, 315, 331, 344, 386, 419, 420, 422, 428, 430, 464, 469
Еськина Л.А. 86

Жамм Й. 464
Жанна'д Арк 263
Жебри А. 23

Женук С. 346
Жернаков В.Н. 48
Жернакова-Николаева А. 164
Жид А. 68, 97, 271, 450, 451
Жиллес де Пелиши Ф. 128
Жильсон Э. 126
Жирмунский В.М. 57, 127
Жироду Ж. 274, 278, 465
Жуков Д.А. 348, 461, 462
Жуковский В.А. 87, 142, 171, 196, 205, 370
Жуковский С.В. 109, 165
Жулавский Ю. 317
Журавская З. 152

Забежинский Г. 300, 380
Заболоцкий Н.А. 369, 395
Завадский В.Р. 168
Завадский С.В. 63, 81, **168**
Завалишин Б.А. 130
Завалишин В.К. 93, 305, 343, 353, 371
Зайцев Б.К. 7, 15, 18, 19, 20, 23, 27, 35, 54, 55, 62, 67, 89, 90, 101, 109, 112, 113, 139, 153, **169-172**, 178, 190, 227, 235, 240, 250, 251, 261, 271-275, 284, 292, 296-298, 300, 317, 324, 367, 368, 374, 380, 392, 416, 424-427, 447, 448, 455, 468
Зайцев В. 240
Зайцев К.И. 78, 90, 134, **173**, 227, 250, 279, 316, 317, 377, 441, 462, 477
Зайцев К.Н. 169
Зайцева В.А. 169-172
Зайцева Н.Б. 170, 171
Зайцева С. 173
Зайцева Т.М. 20
Зайцева-Сологуб Н. 170
Зайцевы 273, 274
Зак В.И. 413
Закревская-Бенкендорф-Будберг М.Н. 65
Залка М. 463, 464
Замятин Е.И. 35, 37, 38, 138, 144, 145, 152, **174-176**, 203, 268, 278,302, 304, 334, 335, 348, 358, 386, 447, 465
Замятина Л.Н. 174, 175
Зандер В. 230
Зандер Л. 84, 368, 372
Зарате О. де 378
Зарецкий Н.В. 165, 335, 437
Засекин А. 459
Заславский Д. 460
Захаров А.Н. 125
Звонков В.В. 355
Зданевич И. 320
Зедльмайр Х. 99
Зейдейнберг С.М. 37
Зелинский Ф.Ф. 186
Землячка Р.С. 455
Зензинов В.М. 78, **176-177**, 411, 425, 477
Зеньковский В.В. 7, 42, 63, 84, 97, 114, 172, **177-179**, 198, 201, 208, 249, 264, 271, 272, 317, 372, 374, 409, 414, 415, 435, 449, 452, 474
Зеньковский С.А. 437
Зернов М.С. 179
Зёрнов Н.М. 83, **179-180**, 284, 317
Зернова М.В. 179, 180
Зерновы 179, 180
Зильберштейн И. 219
Зиновьев Г.Е. 37, 135-137, 433, 464
Зиновьева-Аннибал Л.Д. 312
Златовратский Н.Н. 356
Злобин В.А. 122-125, **180-182**, 262, 264, 282, 360, 408, 409
Зноско-Боровский Е.А. 76, 211, 213, 330, 378
Золя Э. 35, 163
Зоммеринг Л. 457
Зонина Л. 316
Зощенко М.М. 17, 19, 70, 140, 163, 313, 316, 358, 362, 398
Зубарева В. 402
Зуров Л.Ф. 65, 158, **183-184**, 227

Ибсен Г. 261
Иван IV Васильевич Грозный 45, 214, 260, 387, 403, 469
Иванов А.И. 141
Иванов А.С. 432, 435
Иванов Вс.В. 19, 175
Иванов В.И. см. Горянский В.И.
Иванов Вс.Н. 104, **185-186**
Иванов Вяч. Вс. 473
Иванов Вяч. И. 35, 36, 66, 118, 123, 127, 128, 141, 171, **186-190**, 195, 228, 244, 255, 273, 274, 317, 321, 367, 368, 382, 414, 450
Иванов Г.В. 14, 17, 23, 38, 56, 99, 101, 104, 124, 128, 149, 182, **190-194**, 195, 197, 216, 238, 262, 274, 277, 278, 292-296, 301, 319, 320, 323, 324, 360, 418-420, 438, 458, 459, 476, 477
Иванов П. 235, 264
Иванов Ф. 26, 107, 152, 281
Иванов Ю. 289
Иванова Е.В. 53
Иванова Л.В. 190
Иванович С. 282, 468

Иваск Ю.П. 7, 55, 56, 59, 97, 100-102, 117, 131, 172, 182, **194-196**, 218, 223, 239, 254-256, 259, 283, 284, 292, 293, 301, 302, 308, 309, 317, 319, 329, 353, 367, 368, 371, 382, 403, 405, 424, 432, 438, 439, 458, 477, 478
Ивелич см. Берберова Н.Н.
Ивинский Б. 27
Ивнев Р. 349
Игнатов И. 349
Игнатьева Н.И. см. Рубакина Н.И.
Игорь Святославич, кн. Новгород-Северский 217, 253
Изабе Ж.-Б. 21
Извольская Е.А. 270, 284, 476
Измайлов А.А. 75, 252
Иларион 113
Ильин А.Ф. 297
Ильин В.Н. 186, 190, **196-197**, 249, 264, 272, 303, 317, 415, 451
Ильин И.А. 197-200, 263, 316, 317, 335, 456, 474
Ильин М.А. см. Осоргин М.А.
Ильина Н.Н. 30, 105, 200
Ильинская В.Н. см. Мунштейн В.Н.
Ильинский О. 439
Ильяшенко В. 129, 130
Ильяшенко Л.С. (Панкратова-Кемеровская) 330
Иоанн XXIII, папа 40
Иоанн Павел II, папа 196
Иоанн, архиеп. Сан-Францисский см. Шаховской Д.А.
Иоанн Скот Эриугена 206
Иоахим Флорский 262
Иорданская М.К. 34
Иосиф Флавий 282
Иофьев М. 89, 105
Ирецкий В.Я. 200-202
Ирманцева см. Кроткова Х.П.
Исаков С.Г. 40
Искржицкая Н.Ю. 406
Иссако Г. см. Иваск Ю.П.
Итин В. 287
Йетс У.Б. 277

К.П. (Кирилл Полянский) 478
К.Р. (Романов К.К.) 355
Кавелин К.А. 161
Каверин В.А. 316
Каган А.С. 207
Кадашев В.А. см. Амфитеатров-Кадашев В.А.
Казак В. 5, 7, 12, 17, 23, 28, 35, 45, 54, 62, 66, 93, 97, 117, 121, 125, 144, 149, 158, 163, 172, 176, 182, 190, 194, 196, 210, 213, 218, 227, 231, 234, 239, 256, 259, 264, 266, 267, 275, 280, 291, 293, 297, 300, 303, 311, 320, 327, 332, 335, 348, 352, 353, 360, 382, 387, 398, 408, 420, 424, 432, 435, 439, 458, 459
Казанова Дж.Д. 323, 357
Казнина О. 269
Калашников Н. 176
Каледин А.М. 318, 347
Калинин М.И. 469
Каллаш М.А. см. Курдюмов М.
Каллинников И.Ф. 203, 400
Калиостро см. Плещеев А.А.
Кальвин Ж. 263
Кальдерон де ла Барка П. 261
Каляев И.П. 332
Каменев Л.Б. 91, 135-137, 170, 464
Каменецкий Б. см. Айхенвальд Ю.И.
Каменский А.П. 204
Каменский В.В. 36, 90, 91, 144, 145
Каминер Э.М. 76
Камоэнс Л. 379
Камышников Л. 9
Кандинский В.В. 92, 254
Каннак Е. 72, 132
Кант И. 114, 249
Кантор М.Л. 50, 216, 272, 278, 307, 364
Кап Д.Л. 86
Каракалла 239
Карамзин Н.М. 142, 210, 239, 349
Каратеев Д.В. 205
Каратеев М.Д. 204-205
Караулова Н.И. 64
Карачевские 205
Карачевский В. 205
Карганова Т. 260
Кардовский Д. 144
Кардуччи Дж. 127, 379
Каринский Н.С. 440
Карл Орлеанский 379
Карлинский С. 309, 424
Карно С. 22
Карпинский В.А. 340
Карпов Андрей см. Чижевский Д.И.
Карпович, ген. 260
Карпович М.М. 23, 95, 97, 283, 371, 405, 419
Карсавин Л.П. 206-208, 317, 386
Карсавин П.К. 206
Карсавина Т.П. 105, 206, 313
Карсавины 208
Карташев А.В. 123, 208, 317, 394, 457
Картер Дж. 384

Карцевский С.И. 453, 454, 471, 473
Каспрович Я. 53
Кастильехо К. де 379
Катаев В.П. 316, 358, 365
Катуар Г.Л. 372
Каутский К. 133
Кауфман Р.И. см. Пастернак Р.Н.
Кафка Ф. 258, 278
Качалов В.И. 104
Кашина-Евреинова А.А. 162, 163
Каюрин А. см. Перелешин В.Ф.
Келдыш В.А. 175
Келлерман Б. 152
Кельберин Л.И. 29, 259, 358, 408, 431, 477
Кельнер В. 73
Керенский А.Ф. 10, 79, 80, 122, 150, 176, 220, 246, 284, 297, 332, 334, 341, 346, 358, 396, 425, 433, 448, 461
Кеслер С.А. 179
Кизеветтер А.А. 109, 252
Киносита Ш. 91
Киплинг Р. 315, 396, 455
Киприан (Керн), архимандрит 170-172, 275
Киреевские 205
Киреевский И.В. 142
Кирико Дж. де 274
Кириллов К. см. Бахрах А.
Киселев А., худож. 144
Киселев А., прот. 245, 283
Киселева Т. 475
Кислинг М. 37
Киссинджер Г. 308
Китс Дж. 277
Клайн Дж.Л. 317
Клейнер Ю.А. 389
Клементьев А.К. 170, 172, 208
Клементьева С. 208
Кленовский Д.И. 42, 241, 255, 380, 449
Клепинин Дм. 40, 96, 270
Клименко В.В. 330
Клименко Н.К. 225, 375, 376, 457
Клименко-Ратгауз Т.Д. см. Ратгауз Т.Д.
Клингер Г. 131
Клодель П. 99, 189
Клюев Н.А. 28, 56, 139, 145, 192, 370, 428
Ключевский В.О. 40, 210, 404
Ключников Ю.В. 97
Книна А.А. фон см. Шаховская А.А.
Кнорринг И.Н. 209-210, 364
Кнорринг Н.Н. 185, 209, 210
Кнут А.А. 212
Кнут Д. 31, 55, 66, 119, 210-213, 256, 328, 331
Князев А. 197
Князев М. 438
Кобяков Л.Ю. 213
Ковалев И. 239
Ковалевский Е.П. 213
Ковалевский М.М. 74, 75, 113
Ковалевский П.Е. 213-214, 289, 437
Ковалевские 214
Коваленко С.А. 106
Коварский И.Н. 341
Коген Г. 113
Кодрянская Н.В. 335
Кожевников В.А. 42
Кожевников П.А. 330, 400
Кожевникова О. 153
Козин А. 9
Козлов П.К. 309
Козловский Л. 409
Козловский П.Б. 370
Козьма Прутков 157, 158
Койранский А. 272
Кокошкин Ф.Ф. 108, 393
Кокто Ж. 57, 258
Колеров М.А. 374
Коломейцева Л.А. см. Рубакина Л.А.
Колоницкий Б. 408
Коллонтай А.М. 396, 433
Колосов А. 289
Колосова М.И. 45, 215
Колридж С.Т. 191, 308
Колчак А.В. 86, 91, 122, 176, 287, 347
Кольцов А.В. 261
Кольцов М.Е. 313
Комарович В.Л. 62
Комаровский В.А. 255
Комбилла 73
Коменский Я.А. 63, 436
Комиссаржевская В.Ф. 162, 348
Комиссаржевский Ф.Ф. 37, 162
Кондаков Н.П. 70, 388
Кондратьев А.А. 131, 215-216
Кондратьев А. см. Иванов Г.В.
Коневский И.И. 255
Кони А.Ф. 74
Конкин С.С. 58
Конкина Л.С. 58
Конрад Н.И. 127
Конради М. 44
Константин архимандрит см. Зайцев К.И.
Константин игумен см. Зайцев К.И.
Константинов Д.В. 449
Константинов Н. 139
Копецкий Л.В. 430
Копо Ж. 162

Корбьер Т. 379
Корвин-Косаговские 437
Корвин-Пиотровский В.Л. 132, **216-218**, 282, 325, 327, 348
Коренди В.Б. 351
Коркина Е. 352
Корнель П. 423
Корнилов Л.Г. 80, 147-149, 345, 346, 453, 461
Корнфельд М.Г. 9, 157, 246
Коровин А.К. 218
Коровин К.А. 114, 163, **218-219**, 353
Коровин С.А. 218
Королева Н.В. 125
Короленко В.Г. 19, 137, 210, 266, 340, 356, 357, 373, 426, 460
Королькова Л.К. 357
Коростелев О.А. 16, 17, 420
Корш Ф.А. 246
Коршунова В.П. 338
Костер Ш. де 152
Костиков В. 108
Кострица В. 203
Кострова В. 163
Костырко С. 66
Котенко Н. 362
Котовский Г.И. 148, 461
Котрелев Н.В. 190
Кохановский Я. 127
Коханский С.В. 378
Кохманская С.В. 318
Кравецкая В. 313
Кравченко А. 428
Крайний Антон см. Гиппиус З.Н.
Крамов И.Н. 269
Крандиевская А.Р. 219
Крандиевская-Толстая Н.В. **219-220**, 236, 385, 425
Крандиевский В.А. 219
Крандиевский Ф.Ф. 220
Красавченко Т.Н. 117, 180
Красин Л.Б. 469
Краснов И.И. 220
Краснов И.К. 220
Краснов Н.И. 220
Краснов Н.Н. 221
Краснов П.Н. 98, 110, 157, **220-223**, 310, 399
Краснов С.Н. 221
Красовский В. 28
Краузе Жак см. Шаховская З.А.
Крачковский Д.Н. 330, 400
Крейд В. 5, 16, 17, 54, 194, 216, 242, 439
Крейман Р.Ф. 12
Крейман Ф.И. 425
Кремнев И. см. Чаянов А.В.
Крепс М. 439
Крестинский Б. 114
Крестовский В.В. 399
Кречетов С.А. (Соколов) 106, 399
Кривич Н. 27
Кривцов С. 413
Кригер М. 371
Кришнамурти Дж. 114, 317, 319
Кроль Ю. 353
Кропоткин П.А. 156, 166
Кротков П.В. 223
Кроткова К.А. 233
Кроткова Х.П. **223**, 285, 318
Крузенштерн-Петерец Ю.В. 30, 45, 46, 289, 308
Крук Т.К. 340
Крупская Н.К. 136, 137, 418
Крус Х. де ла 42
Круус Р. 108, 352
Круут Ф. 350, 351
Крученых А.Е. 442
Крыленко Н.В. 383
Крылов Г. 348
Крылов И.А. 252
Крымов А.М. 220
Крымов В.П. 13, **223-225**
Крымов Н.П. 272
Кторова А. 385
Кубка Ф. 417
Кублановский Ю. 380
Кубрик А. 77
Кубрик Ст. 278
Кугель А.Р. 162, 313
Куденис В. 282
Кудрова И.В. 424
Кузина Е.А. 416
Кузмин М.А. 37, 118, 192, 270, 271, 296, 309, 312, 322, 323
Кузнецов П.В. 218
Кузнецова Г.Н. 88, 89, **225-227**, 278, 412
Кузнецова М. 163
Кузьмин-Караваев Д.В. 228
Кузьмина-Караваева Е.Ю. 55, **228-231**, 259, 270, 368, 412, 413
Куйбышев В.В. 215
Кулаева Л.М. 267
Куланчаковы 231
Кулешов В.И. 208
Кульбин Н. 144
Кульман Н.К. 142, 253, 311, 457
Кун Б. 455
Куприн А.И. 9, 10, 27, 34, 35, 36, 43, 45, 53, 78-80, 97, 98, 106, 123, 204, 222, 224, 231-

234, 240, 241, 250, 312, 314, 317, 338, 352, 353, 378, 396, 397, 425, 434, 435
Куприна К.А. 234
Куприянова Д.В. 231
Куприяновский П. 51
Курдюмов М. 234-236
Курциус З.Р. 99
Кусиков А.Б. 56, 236-237, 442
Кусикян А.Б. см. Кусиков А.Б.
Кускова Е.Д. 138
Кустодиев Б.М. 333
Кутепов А.П. 352
Кутитонская И.Е. см. Сабурова И.Е.
Кутырина Ю.А. 289, 291, 455
Кьеркегор С. 451, 452
Кэррол Л. 277
Кюи Ц.А. 329, 426
Кюхельбекер В.К. 268

Лаврин А. 289
Лавров А.В. 62, 125
Лавров В.А. 269
Лавров В.В. 5, 90, 297
Лавров В.М. 240
Лавров П.Л. 154
Лаврова М.В. см. Зернова М.В.
Ладинский А.П. 31, 65, **238-239**, 256, 298, 325, 412, 434
Ладыженский В.Н. 239-240, 241
Лазаревский А.М. 240
Лазаревский Б.А. 240-241, 435
Лакло Ш. де 64
Лалу Р. 99
Ламзаки Ф.Д. 116
Ламенне, братья 36
Ландау Г.А. 18, 109
Ландау М.А. см. Алданов М.А.
Ланин Б.А. 223
Лао Цзы 309
Лаппо-Данилевский К.Ю. 371
Лапшин И.И. 63, 321
Ларионов М.Ф. 305, 442
Ларри Я. 428
Ласунский О.Г. 300, 429
Латта Ф. 112
Лахман Г.С. 241-242
Лацис В.Г. 148
Лебедев А. 372
Лебедев В.И. 63,357
Лебедев В.М. 63, **242-244**, 330, 401
Лебедев-Полянский П.И. 418
Лебон Г. 181
Лебон Ф. 378
Лев IX, папа 72
Леви М.Л. см. Агеев М.
Леви-Стросс К. 471
Левин И. 93
Левинсон А. 153, 378, 385, 468
Левитан И.И. 218, 219
Левицкая А.Н. 28
Левицкая М.Н. 244, 245
Левицкий А.П. 244
Левицкий А.С. 96, 108, 452
Левицкий Д.А. 12
Левицкий С. 452
Левицкий С.А. 114, **244-245**, 248, 249, 317, 415
Легр Ж. 146
Леже Ф. 465
Лейкин Н.А. 395
Лейкинд О.Л. 6
Леконт де Лиль Ш. 258
Ленау Н. 380
Ленин В.И. 10, 22, 26, 34, 37, 38, 79-81, 83, 94, 95, 97, 101, 108, 135-137, 148, 163, 186, 206, 231, 246, 265, 269, 287, 313, 339, 366, 372, 373, 396, 405, 440, 462, 464, 469
Ленин Н. см. Ленин В.И.
Лентулов А.В. 351
Леонардо да Винчи 261
Леонидов А. 76
Леонидов Андрей см. Потемкин П.П.
Леонидов В.В. 73
Леонов Л.М. 321, 334, 358, 368, 370, 405
Леонтьев К.Н. 57, 69, 178, 194, 260, 261
Леонтьев-Щеглов И.Л. 138
Леопарди Дж. 392
Лермонтов М.Ю. 15, 36, 39, 53, 85, 142, 178, 187, 197, 250, 252, 261, 277, 335, 344, 407, 426
Леру П. 36
Леруа О. 235
Лесков Н.С. 203, 213, 239, 250, 314, 335, 374, 376, 404
Летинуа Л. 308
Лефевр Л.Р. 450
Лефевр Ф. 175
Ли Александр см. Перфильев А.М.
Ли Сао 309
Либерман С. 102
Ливен А.А. 410
Лившиц Б.К. 92
Лигский К.А. 28
Лидин В.Г. 363, 416, 420
Линд М. 273
Линник Ю.В. 30, 476
Лисица Ю.Т. 200, 201

Литвин Е.Ю. 103
Литвинов М.М. 469
Лифарь С.М. 105, 140, 214, 314, 334
Лихачев Д.С. 127, 284, 403
Ло Гатто Э. 170
Лобковиц Б. 127
Лобковский С. 159
Ловцкий Г.Л. 452
Лозинский М.Л. 71, 72, 191, 301
Ложа бель-этаж см. Плещеев А.А.
Локкарт Р. 65
Лоло 245-247
Ломоносов М.В. 21, 268
Лонг 261
Лонгфелло Г.У. 87
Лондон Дж. 174
Лопатин Г. 29
Лопатин Л.М. 40, 41
Лопатто М.И. 56
Лосев А.Ф. 248
Лосская В.К. 268, 424
Лосский А.Н. 248
Лосский В.Н. 84
Лосский Н.О. 7, 62, 63, 84, 113, 114, 190, 196, 201, 207, 208, 244, 245, **247-249**, 264, 266, 271, 283, 317, 368, 415, 435, 436, 452, 474
Лот Ф. 72, 73
Лот-Вильде И. 108
Лотарев В.П. 349
Лотарев И.В. см. Северянин И.
Лотарева-Шеншина Н.С. 349
Лотреамон 392
Лотц Я. 471
Лоуренс Д.Г. 49, 68
Лохвицкая Е.А. 395
Лохвицкая М.А. 349, 395
Лохвицкая Н.А. см. Тэффи Н.А.
Лохвицкие 395
Лохвицкий А.В. 395
Лохвицкий К. 395
Лохвицкий Н.А. 395
Лу Синь 167
Лугин Н. см. Степун Ф.А.
Луис П. 29
Лукаш И.С. 19, 65, 133-135, 173, 217, **249-251**
Лукиан 374
Луковкин, ген. 220
Луначарский А.В. 33, 162, 169, 170, 236, 332, 341, 356, 396, 417
Лундберг Е. 236
Лунин М.С. 426
Лунц Л.Н. 19, 465
Луппол И.К. 413
Лурье А.С. 284, 476
Лурье В. 103, 348
Лутохин Д.А. 138, 156
Лучинин Л. 318
Лыжин П.П. 251, 330
Лыжин Ю.П. 251
Лысенко И.В. 400
Львов Л. 330, 398
Льдов К. 445
Льюис К.С. 284
Л'Эрмит Т. 379
Любимов Л. 80
Любомудров А.М. 457
Лютер М. 263, 452
Ляпин В. см. Лебедев В.М.
Ляцкий Е.А. 252-253, 474

Мавричева К.Г. 341
Магеровский В.Л. 149
Магула Д. 129
Маевский В.А. 144
Мазон А. 132
Май К.И. 408
Макаревич Е.В. 5
Макаров Н.П. 429
Макартур Д. 50
Макеев Н.В. 64, 65, 419
Макиавелли Н. 72, 173
Маккавейский В. 381
Маклаков В.М. 109
Маклейн Х. 357
Маклиш А. 66
Маковский К.Е. 254
Маковский С.К. 38, 65, 119, 161, 182, 190, **254-256**, 272, 330, 400, 416, 432, 438
Макогоненко Д.Г. 53
Макошин Р. см. Амфитеатров-Кадашев В.А.
Малевич К.С. 471
Малевич О. 358, 473
Малевский-Малевич С.С. 284, 445
Малларме С. 378, 379, 471
Малоземова Е. 402
Мальмстад Дж. 56, 175, 420, 432
Мальро А. 48, 99, 148
Мальцев Ю.В. 90
Малявин Ф.А. 434
Мамин-Сибиряк Д.Н. 19, 305
Мамонтов С.И. 218, 246
Мамченко В.А. 31, 181, **256-258**, 474

Мандельштам О.Э. 14, 17, 100, 112, 189, 191, 194, 196, 238, 255, 264, 268, 270, 271, 296, 353, 358, 369-372, 379, 381, 419, 453, 464, 471
Мандельштам Ю.В. 77, 85, 127, 134, 173, 184, 211, 219, 225, 239, 258-259, 264, 328, 363, 365
Мане Э. 254
Манн Т. 61, 62, 202, 324, 455
Манухин И. 168
Манухина Т.И. 230
Манциарли И. де 301
Марвелл А. 379
Марголина-Ходасевич О.Б. 64, 419
Марджанов К.А. 13, 162
Марино Дж. 379
Маритен Ж. 57, 68, 99, 284
Мария, мать см. Кузьмина-Караваева Е.Ю.
Мария Федоровна, имп. 86
Марк Аврелий 261, 318
Марков В.Ф. 257, 335
Маркова Е. 241
Маркс К. 97, 133, 173, 231, 269, 332, 357, 372, 395, 413
Маро К. 379
Марсель Г. 68, 69
Март В. (Матвеев) 287
Мартен дю Гар Р. 68, 100
Мартынов И. 149
Мартынов И.Ф. 267
Мартыновский-Опишня И. 375
Марченко А. 65
Марченко Т.В. 300, 457
Маршак Л.И. см. Чижевская Л.И.
Маршак С.Я. 220
Масарик Т.Г. 11, 63, 243, 471, 474
Маслов П.П. 94
Масловский В. 106
Мата Хари 22
Матезиус В. 203, 471
Матусевич И. 19
Мах К.Г. 63
Мах Э. 94
Махно Н.И. 400
Мачадо А. 349
Машков Н.И. 442
Маяковский В.В. 19, 36, 38, 90, 91, 103, 115, 124, 139, 144, 196, 218, 266, 268, 287, 303, 313, 315, 316, 350, 351, 356, 422, 430, 444, 453, 464, 469-473
Медведенко А. 215
Медичи Л. 186
Мезьер Ф. де 126
Мей С. 285
Мейер А.А. 402, 403
Мейер Г.А. 255, 260-261, 337
Мейер фон Зегевольт 260
Мейерхольд В.Э. 37, 38, 162, 274, 305, 323, 330, 334, 465, 467
Мейлах М.А. 66
Мейн М.И. 421
Мельгунов С.П. 75, 111, 177, 317, 321
Мельников Н. 77
Мельников-Печерский П.И. 404
Мельникова-Попоушкова Н. 156, 358
Менделеев Д.И. 304
Менелик, негус 86, 220
Менжинский В.Р. 148, 478
Мень А., о. 403
Меньшиков М.О. 312
Мережковские 122-125, 180-182, 258, 264, 365, 378, 406, 408, 412, 419, 426, 458
Мережковский Д.С. 12, 29, 36, 53, 55, 56, 64, 66, 67, 98, 109, 121, 123, 128, 130, 171, 182, 184, 189, 192, 195, 197, 199, 227, 250, 256, 261-264, 296, 301, 317, 320, 353, 382, 396, 397, 401, 408-410, 412, 418, 425, 426, 442, 450, 474
Мериме П. 101, 272
Мерич Арсений см. Даманская А.Ф.
Местр Ж.М. де 208
Метерлинк М. 266, 378, 392
Метнер Э.К. 113
Мещерский А.П. 71
Мзоков А. 117
Миклашевский Б. см. Балакшин П.П.
Миклухо-Маклай Н.Н. 304
Микулина Е.Н. 230
Миллер Вс.Ф. 471
Миллер Г. 476
Миллер Е.К. 30, 352, 423
Миллер Е.С. 361
Милобендзская Т.В. см. Туринцева Т.В.
Милославский П.П. 321
Мильтон Е. 266
Милюков П.Н. 10, 33, 109, 139, 141, 155, 260, 281, 318, 341, 352, 353, 358, 361, 386, 394, 418, 425, 460, 465
Миних Б.Х. 21
Минор А.С. 341
Минский Н. 56, 123, 264-266, 312, 426
Минцлов Р.И. 266
Минцлов С.Р. 266-267, 462
Мираев А. см. Горлин М.Г.
Мирбах В. 347
Мирбо О. 152

Мирный В. 295
Миронов М. 324
Мирский Д.П. (Святополк-Мирский) 56, 99, 125, 157, **267-269**, 274, 319, 418, 422, 426, 474
Мистраль Г. 349
Митропольский А. см. Несмелов А.И.
Митропольский И. 287
Михаил Александрович, вел.кн. 79, 80, 461
Михаил Федорович, царь 98, 354
Михаил Черниговский, кн. 146, 205
Михайлов А.Д. 127
Михайлов Н.П. 361
Михайлов О.Н. 7, 11, 12, 90, 172, 175, 205, 223, 231, 234, 264, 280, 316, 320, 397, 398, 457
Михайловский Н.К. 66, 133, 154, 312
Мицкевич А. 132
Мишеев Н.И. 39, 250
Мнухин Л.А. 6, 424
Модзалевский Б.Л. 111
Модильяни, братья 363
Можаев Б.А. 289
Можайская О.Н. 290, 303
Мозжухин И.И. 103, 105
Мокроусов Б.А. 25
Молдованов Н. см. Ремизов А.М.
Молохов А.В. 12
Моммзен Т. 187
Монахов Н.Ф. 313
Моне К. 254
Монтень М. де 55, 261
Моран П. 442
Мориак Ф. 68, 258
Морковин В. 147
Моруа А. 68
Морфесси Ю. 105
Мосешвили Г.И. 6, 459
Московский Л. см. Лоло
Моцарт В.А. 165, 197, 258
Мочульский К.В. 63, 65, 72, 99, 100, 172, 192, 217, 229, 230, 239, 251, 257, 264, **269-272**, 298, 319, 330, 335, 352, 369, 379, 382, 448, 449, 457
Мошин В. 36
Мукаржовский Я. 454
Мулярчик А.С. 280
Муни (Киссин С.В.) 419
Мунштейн В.Н. 246, 447
Мунштейн Л.Г. см. Лоло
Мунштейны 247
Мунье Э. 68
Муравьев В. 215
Муравьев Вл. 429
Муравьев Н. см. Сергиевский Н.Н.
Муратов П.П. 55, 169, 170-172, **272-275**, 416, 417, 419, 425
Муратова Е.В. 272, 416
Муратова Е.С. 272
Мурашкинцева К.А. 473
Муромцева-Бунина В.Н. см. Бунина В.Н.
Мусин-Пушкин В., о. 283
Мусоргский М.П. 251, 426
Муссолини Б. 22, 29
Муха см. Плещеев А.А.
Мюссе А. де 277
Мякотин В.А. 253

Набок Мурза 276
Набоков В.В. 13, 18, 19, 21, 22, 27, 55, 65, 66, 70, 72, 76, 77, 97, 100, 109, 115-118, 128, 132, 133, 153, 154, 160, 164, 177, 182, 191, 195, 201, 213, 217, 218, 239, 250, **276-280**, 284, 297, 315, 320, 330, 335, 370, 371, 379, 392, 407, 419, 420, 425, 426, 435, 447
Набоков В.Д. 276, 278
Набоков Д.В. 276-278
Набокова В.Е. 276-278
Набокова Е.В. 277
Набоковы 283
Нагибин Ю.М. 363
Надсон С.Я. 121, 239, 285
Наживин И.Ф. 97, 98, **280-281**, 445
Назаров А. 129
Найденов Н.А. 332
Найденов С.А. 239, 240
Найденовы 332
Наполеон I 20, 22, 232, 250, 262, 264
Народный И. 90
Нарциссов Б.А. 32, 182, 218, **282-283**, 381, 439
Нарциссова Л.А. 283
Нарышкины 283
Наторп П. 113
Не-Буква см. Василевский И.М.
Небольсин, контр-адм. 283
Небольсин А.Р. 283-284
Небольсин Г. 284
Недзельский Е. 253, 401
Недоля К. см. Арабажин К.А.
Незвал В. 243, 471
Ней А. см. Пастернак Ж.Л.
Некрасов К.Ф. 273
Некрасов Н.А. 53, 204, 262, 271, 285
Нелидова-Фивейская Л.Я. 284-285

Нельсон Г. 20
Немирович-Данченко Вас.И. 65, **285-287**, 400, 401, 440, 456
Немирович-Данченко Вл.И. 285
Немировский А. 239
Нерваль Ж. де 272, 305
Нерознак В.П. 389
Нерон 25, 282
Неруда П. 349
Несмелов А.И. 45, 186, 215, **287-289**, 309
Несмелова Е.И.287
Несмелова Н.А. 287
Нестеров М.В. 333
Нефедов В.В. 90
Нечаев В.П. 210, 401, 431
Нечаев С.Г. 95
Нечаева Е.Н. см. Федотова Е.Н.
Никитин В.П. 335
Николаевский Б.И. 95, 134, 348
Николай I 148
Николай II 9, 33, 79, 86, 97, 98, 165, 196, 220, 221, 246, 281, 318, 332, 376, 396, 416, 461
Николай Кузанский 207
Николай Михайлович, вел.кн. 254
Никольский А. 394
Никольский Н. 246
Никоненко С.С. 11, 305
Никонов-Смородина М.З. 27
Никулин Л.В. 112
Нилус П. 468
Нинина-Петипа М.Н. 103, 104
Ницше Ф. 57, 130, 187, 242, 265, 413, 450
Новаковская Н. 430
Новгород-Северский И.И. 289-291
Новгород-Северский Я.П. см. Новгород-Северский И.И.
Новгородцев П.И. 113, 197
Новик А. см. Хохлов Г.
Новиков И. 273
Новиков М.М. 321
Новицкий Г.И. 283
Нодье Ш. 374
Нольде Э. 109
Носик Б. 56, 280
Нострадамус Ш. 343
Нувель В.Ф. 408

Обинье Т.А. де 305
Оболенская В.А. 96
Оболенский А. 42
Оболенский Д. 284
Оболенский Л. 434
Оболенский Н.Н. 363
Оболенский С.С. 97, 284
Обухов В. 17
Оветт А. 126
Овидий 131
Овсянико-Куликовский Д.Н. 73, 74
Овсянникова М.А. 6
Огарев Н.П. 268
Одарченко Ю.П. 56, 282, **292-293**
Одарченко-Лоеб С. 293
Одесский М. 95
Одоевский В.Ф. 28, 58, 178
Одоевцева И.В. 7, 17, 39, 51, 52, 54, 90, 112, 123, 125, 128, 158, 164, 172, 181, 190, 191, 193, 194, 225, 227, 264, 277, 284, 293, **294-297**, 303, 320, 352, 382, 398, 439, 442, 444, 453
Озеров Л. 53
Ознобишин Д.И. 390
Оксман Ю.Г. 56, 269
Окуджава Б.Ш. 149
Окунев Я. 428
Олеша Ю.К. 104, 356, 365
Олимпов К.К. 349
Ольденбург С. 337
Омар Хайям 392, 393
Онегин А.Ф. 141, 142
Опульский А. 384
Орехов М. 93
Орешников А.В. 169
Орлов В.Н. 53
Орлов П.Н. 313
Орловский П. см. Воровский В.В.
Оруэлл Дж. 371, 429
О'Салливан О.Р. 277
Осовский О.Е. 58
Осокин С. см. Андреев В.Л.
Осоргин М.А. 18, 23, 32, 55, 65, 67, 78, 109, 111, 115-117, 154, 170-172, 177, 186, 210, 273-275, **297-300**, 313, 335, 416, 422, 426, 435, 441, 454, 462, 465, 468, 470, 475, 477
Осоргина Т.А. 6, 84, 300
Осоргины 273
Островский А.Н. 39, 317, 375, 404
Острогские 131
Осыков Б.И. 167
Офросимов Ю.В. 14, 218, 266, 277, 329, 399
Оффенбах Ж. 246
Оцуп А-М.А. см. Горный С.
Оцуп Г.А. см. Раевский Г.

Оцуп Н.А. 55, 59, 65, 117, 133, 172, 180, 181, 191, 209, 210, **300-303**, 323, 328, 351, 432, 454, 477

Павел I 14, 20, 98, 250, 262
Павлов И.П. 180
Павлова А.П. 105, 343
Павлова К.К. 223, 268
Павлова М.М. 125
Павловский С.Э. 347
Паламарчук П.О. 201, 272
Пальм А.И. 391
Пальмов В.Н. 25, 91
Панаев И.И. 463
Панина С.В. 164, 165, 354
Панноний Я. 127
Пантелеймонов Б.Г. 304-305
Панферов Ф.И. 356
Папини Дж. 473, 474
Парецкий А. 93
Парис Г. 35
Парнах В.Я. 305, 378, 392, 442
Парнелл Ч.С. 156
Парни Э. 130
Парнис А.Е. 316
Парнок С.Я. 305
Пархомовский М. 342
Пархомовский П. 109
Парчевский К. 75
Пасвольский Л. 355
Паскаль Б. 58, 114, 258, 263, 450
Паскаль П. 316, 372
Пасквинелли А. 439
Пассос Маркес У. 309
Пастернак Б.Л. 37, 38, 55, 64, 77, 100, 149, 175, 196, 197, 245, 249, 268, 287, 288, 303, 305-307, 316, 319, 320, 326, 363, 365, 370, 395, 417, 420, 422, 423, 430, 464, 471, 472
Пастернак Е.Б. 306
Пастернак Е.Ф. 306
Пастернак Ж.Л. 305-306
Пастернак К./Ч./Ф. 306
Пастернак Л.О. 305, 306
Пастернак Р.И. 305, 306
Пастернак Ф.К. 305, 306
Пастернак-Слейтер Л.Л. 306-307
Пастернаки 306, 307
Пасынков И.Н. 289
Патер У. 272
Паустовский К.Г. 304
Пахмусс Т. 86, 119, 122, 125, 129, 195, 283, 444
Пашуто В.Т. 214
Первушин Н.В. 429
Перелешин В.А. см. Перелешин В.Ф.
Перелешин В.Ф. 30, 45, 102, 146, 196, 215, 289, **307-309**, 381
Перемыкин, ген. 347
Перетц В.Н. 435
Перуайяр Ж. де 149
Перфильев А.М. 45, 46, 86, 112, **309-310**, 343
Перфильев М.А. 309
Перфильев О.А. 309
Перхин В.В. 269
Песков Г. 310-311
Петелин В.В. 386
Петерец Н. 45, 46
Петерс Я.Х. 65, 148
Петлюра С.В. 147
Петр I 14, 124, 133, 222, 255, 261, 334, 361, 387, 404, 426
Петрищев А. 155
Петров Б. см. Вышеславцев Б.П.
Петров В. 30
Петров Д.М. 225
Петров Н. 37, 162
Петров С.Г. см. Скиталец С.Г.
Петров-Скиталец Е. 357
Петровская Н.И. 159, 219, 237, 266, 419
Петроний
1) писатель Др. Рима 28
2) см. Пильский П.М.
Петровский Н. см. Полторацкий Н.П.
Пешехонов А. 429
Пешков А.М. см. Горький М.
Пешкова Е.П. 137, 138
Пивоваров Ю.С. 201
Пикассо П. 254, 305, 335
Пикуб см. Потемкин П.П.
Пиленко С.Б. 228, 230
Пиленко Ю.Д. 228
Пилсудский Ю. 123, 347
Пильняк Б.А. 37, 38, 266, 316, 334, 358, 405
Пильский П.М. 11, 12, 45, 47, 50, 54, 59, 71, 73, 78, 86, 105, 118, 132-135, 153, 166, 194, 202, 216, 222, 225, 227, 230, 232, 234, 236, 241, 247, 259, 267, 289, 297, 301, 311, **312-314**, 324, 325, 327, 338, 351-353, 365, 378, 381, 382, 395, 398, 400, 401, 406, 408, 422, 431, 444, 463, 468, 475, 477
Пиранделло Л. 162, 274
Пиранези Дж.Б. 272
Пирогов Н.И. 39, 179
Пирожкова В.А. 149, 344
Писарев Д.И. 312

Писемский А.Ф. 73, 404
Пискунов В.М. 62
Питт У. мл. 20
Пихно Д.И. 460, 461
Платон 114, 186, 188, 451, 476
Платонов А.П. 208
Платонова М.А. 174
Плевицкая Н.В. 105, 313
Плетнев Р.В. 42, 63, 64, 196, 437
Плеханов Г.В. 95, 339, 340, 412
Плещеев А.А. 314
Плещеев А.Н. 239, 314
Плотин 114, 207, 451
Плотников С.П. 374
Плюханов Б. 230
Пляшкевич Я. см. Новгород-Северский Н.И.
По Э.А. 82, 130, 283
Поволоцкий Я. 406
Подгоринова А.Ф. см. Федорова Н.
Позднякова Н. 197
Познер В.С. 314-316, 378
Познер С.В. 315
Покровская Р.И. см. Колосова М.И.
Покровские 215
Покровский А.Н. 215
Поленов В.Д. 218
Поливанов Е.Д. 453
Поливанов Л.И. 60, 179
Полковник Скалозуб см. Плещеев А.А.
Полонский В.П. 9, 106, 281
Полонский Я.П. 129, 329, 393
Полтавский И. см. Василевский И.М.
Полторацкая В.А. 17
Полторацкий Н.П. 7, 23, 42, 90, 99, 109, 121, 125, 149, 172, 190, 196, 199, 200, 201, 234, 263, 264, 284, **316-317**, 335, 368, 415, 420, 424, 439, 458
Полушин В. 223
Полчанинов Р.В. 344, 346
Поляк Г. 55, 101
Поляков А.А. 352
Поляков И.А. 222
Поляков М.Я. 269
Поляков П. 391
Поляков-Литовцев С.Л. 317-318
Полякова А.Л. см. Туринцева А.Л.
Поляновский Э. 269
Полянский В. (Лебедев П.И.) 18
Померанцев К.Д. 112, 121, 197, 224, 225, 256, 258, 284, 292, 293, 297, 325, 332, 360, 368, 432
Помирчий Р.Е. 190
Понтормо 272
Поплавская Н.Ю. 318
Поплавский Б.Ю. 55, 68, 97, 121, 146, 211, 262, 296, **318-320**, 326, 378, 407, 438, 442, 474
Поплавский В.Ю. 318
Поплавский Ю.И. 318
Попов В. 466
Попов К. 222
Попов Х. 166
Попова М.К. см. Шульгина М.К.
Португалов В.Д. 409
Посошков И.Т. 166
Поспелов А. см. Куприн А.И.
Постников С.П. 109, **321**, 400
Поступальский И. 93
Потанин Г.Н. 143
Потапенко Н. 107, 237
Потемкин П.П. 318, **321-324**, 400
Потырников С.М. 374
Правдин Б. 282
Правдухин В. 144
Прево М. 258
Прегель С.Ю. 132, **324-325**, 478
Пресас Г. 86
Привалов К. 66
Примочкин Н. 138
Присманова А.С. 31, 102, 120, 217, **325-327**, 363
Приходько В. 435
Пришвин М.М. 174, 305, 334, 335
Прокопов Т.Ф. 172
Прокофьев П. см. Чижевский Д.И.
Прокофьев С.С. 37, 38, 75, 197
Прокша Л.Я. 32, 367
Проскурин О. 406
Протопопов Н. 346
Прохорова И. 193
Пруст М. 68, 226, 271, 278, 392, 406, 407, 447
Прюдом С. 392
Пугачев Е.И. 133
Пудовкин В.И. 38
Пуни И.А. 37, 442
Пуришкевич В.М. 19
Пуссен Н. 99
Путятин М.С. 9
Пушкарев С.Г. 161
Пушкин А.С. 36, 42, 53, 62-64, 70, 71, 84, 85, 92, 99-101, 107, 111, 114, 118, 124, 126, 127, 130-132, 141, 142, 147, 149, 173, 178, 179, 181, 186, 189, 197, 200, 204, 244-246, 249, 253, 260, 261, 269, 277, 278, 281, 285, 302, 328, 335, 355, 357, 370, 373, 374, 388, 389, 393-395, 404, 409, 414, 415, 417, 419, 423, 425, 436, 447-449, 454, 472, 473

Пущина Е.Л. 283
Пыпин А.Н. 242, 252
Пьервиль Р. см. Рубакин А.Н.
Пэри М. 127
Пятаков Г. 461

Равдин Б. 13
Раганов Рафаил см. Рафальский С.М.
Раганов Сергей см. Рафальский С.М.
Радашкевич А. 297, 380
Радищев А.Н. 374, 472
Раев М. 6, 7
Раевская-Хьюз О. 7, 334, 371
Раевский Г.А. 133, 211, 227, 230, 234, **328-329**, 395
Разгон Л.Э. 340
Разводова О.А. 406
Разумный М. 163
Разумовский А.Г. 222
Разумовский А.К. 21
Райс Э.М. 195, 284, 320, 331, 439
Райт-Ковалева Р. 108
Ракинт В.И. 72
Раннит А. 36, 54, 190, 309, 351
Расин Ж. 423, 437
Раскольников Ф.Ф. 420
Расловлев М. 393
Распутин Г.Е. 80, 192, 224, 281, 396, 397
Ратгауз Д.М. 329
Ратгауз М.Г. 320
Ратгауз Т.Д. 63, **329-330**
Рафалович С.Л. 330
Рафальский С.М. 63, **331-332**
Рахманинов С.В. 90, 114, 197, 227, 285, 329, 353, 380, 384, 452
Ревоненко А. 289
Редлих Р.Н. 244, 245, 415
Резников Д. 363
Резникова Н.В. 12, 46, 59, 82, 87, 93, 173, 186, 215, 286, 309, 335, 338, 343, 431, 447
Рейсер С.А. 204
Рейснер Л.М. 180, 182, 294
Рейсс И. 423
Рейтблат А.И. 19
Ремарк Э.М. 258
Рембо А. 277, 319, 378
Ремизов А.М. 9, 18, 19, 31, 32, 37, 38, 55, 56, 64, 66, 78, 109, 115, 122, 128, 139, 141, 153, 154, 171, 174, 175, 199, 200, 256, 266, 268, 271, 282, 292, 296, 304, 305, 315, **332-335**, 353, 363, 374, 379, 386, 396, 407, 425, 438, 443, 445, 447, 448, 450
Ремизова-Довгелло С.П. 332, 334
Ремизовы 332
Ренар Ж. 153, 340
Ренар М. 282
Ренников А.М. 218, 303, **336-337**, 369
Ренуар Ж. 175
Ренуар О. 254
Ренье А. де 273, 378
Ренэ см. Перелешин В.Ф.
Репин И.Е. 38, 39, 75, 344, 397
Рерих Н.К. 33, 34, 39, 82, 92, 143, 185
Рехо К. 48
Решеткин М. 318
Ржевский Л. 117
Ривера Д. 464
Ривьер Ж. 450
Рид Т.М. 290
Рильке Р.М. 307, 371, 380, 404, 422, 425
Римский-Корсаков Н.А. 26, 163, 218, 329, 426
Рихтер Р. 131
Ришар Сен-Викторский 206
Робеспьер М.М.И. 20
Ровская Н. 444
Рогаль-Завадские 168
Рогаль-Левицкий Ю.С. 452
Рогальский М.А. 35
Рогович А. 86
Родзаевский К. 215, 288
Родзевич В. 142
Родзянко М.В. 80
Роднянская И. 193
Родов С.А. 418
Розанов В.В. 17, 100, 115, 121-123, 178, 187, 194, 203, 210, 225, 234, 236, 242, 251, 262-264, 271, 313, 317, 333-335, 339, 396, 410, 425, 450, 451, 459
Розенберг И.Е. фон см. Сабурова И.Е.
Розинский Г. 142
Ройзман М. 236
Рок М. 126
Роллан Р. 20, 52, 137, 138, 152, 277, 340, 455
Рокотов М.С. (Бибинов) 307
Романенко А.Д. 22, 54, 172, 374
Романов Н.И. 273
Романовы 86, 98, 155, 201, 474
Ронсар П. де 130, 277, 379
Ропшин В. см. Савинков Б.В.
Росси З.К. 444
Росси К. 444
Ростовцев М.А. 384
Роше К.К. 432
Рощин Н.Я. 227, **337-338**

Рощина-Инсарова Е. 163
Рубакин А.И. 339
Рубакин А.Н. 338-339
Рубакин Н.А. 143, **339-341**, 452
Рубакина Л.А. 339
Рубакина Л.Т. 339
Рубакина Н.И. 339
Рубанов Г. 330
Рубисова Е.Ф. 297, 325, 382, 453
Рудинский В. 121, 456
Руднев В.В. 109, 316, **341-342**, 412, 425
Рудницкий К. 105
Ружман Д. де 284
Рукавишникова Е.И. 276
Руманов А.В. 134
Руссо Ж.-Ж. 198, 339
Руставелли Ш. 53, 163
Рутенберг П. 29
Рыбалкина Т.В. 169
Рыбинский К. 23
Рыков А.И. 137, 157
Рындзюн В.И. см. Ветлугин А.
Рындзюн И.Г. 106
Рындина М.Э. 416
Рюриковичи 54
Рябушинский В.П. 394
Рябушинский Д.П. 214
Рябушинский П.П. 341
Рязановский А.В. 401
Рязановский В. 401
Рязановский Н. 37
Рязановский Н.В. 401

Саакянц А.А. 62, 147, 363, 424
Сабанеев Л.Л. 23
Сабурова И.Е. 309, 310, **343-344**
Савальский В.А. 113
Саввич Н. 314
Савельев А. 406
Савельев С. (Шерман С.Г.) 117, 303, 475, 477
Савельев С.Н. 125
Савин И.И. 344-346
Савина М.Г. 375, 377
Савина-Сулимовская Л.В. 344
Савинков Б.В. 65, 80, 94, 122, 123, 148, 176, 331, 332, **346-348**, 408, 409, 412, 464
Савинов С. 330
Савицкий П.Н. 63, 196, 410
Савич А.Т. 348
Савич О.Г. 348-349, 465
Савкин И.А. 317
Саволайнен Б.И. 344
Саволайнен И.Н. см. Савин И.Н.
Саволайнен Й. 344
Саволайнен Н.И. 344
Саврасов А.К. 218
Савченко Б. 105
Савченко Т.К. 237
Сазонова Ю. 300
Сазонова-Слонимская Ю. 357
Сакулин П.Н. 40
Салатко-Петрище В.Ф. см. Перелешин В.Ф.
Салозар А. ди О. 29
Салимбене Пармский 70
Салтыков-Щедрин М.Е. 27, 37, 261, 299
Самаран Ш. 126
Самарин В. 244
Самков А. 219
Самойлов Д. 463
Санд Ж. 153
Сапов В.В. 114, 245, 474
Сапогов В. 145
Сапронова Н.Т. 287
Сапунов Н.Н. 218
Сарана Зинаида см. Шаховская З.А.
Сартр Ж.П. 149
Сарьян М. 218
Светлов В. 314
Свифт Дж. 258
Святополк-Мирский Д.П. см. Мирский Д.П.
Святополк Мирский П.Д. 267, 357
Святополк Окаянный 267
Святослав, вел. киевский кн. 253
Священнослужитель см. Шаховской Д.А.
Северюхин Д.Я. 6
Северянин В.И. 350
Северянин И. 13, 24, 49, 103, 104, 191, 249, 285, 287, 296, 320, **349-352**, 409
Сегонзак Д. де 442
Седельников В. 348
Седельникова М.Д. см. Шульгина М.Д.
Седова-Троцкая Н.И. 95
Седых А. 7, 23, 54, 59, 90, 112, 125, 157, 158, 172, 234, 263, 318, 324, 335, **352-353**, 384, 398, 435
Сезанн П. 254, 272
Сеземанн В.Э. 113, 207
Сейферт Я. 243
Селезнева Т.В. 93
Селин Л.Ф. 68, 258, 278, 476
Селитренников А.М. см. Ренников А.М.
Селькина Д. 30
Семенов Б.К. 354
Семенов Г. 453
Семенов-Тян-Шанский П.П. 87

Семихат Б. 363
Сенковский О.И. 374
Сент-Аман М.А. 379
Сент-Винсент Миллэ Э. 241
Сентянина Е.А. 307
Серафим Саровский 173, 196
Сербиненко В. 425
Сервантес Сааведра М. де 156, 261, 279
Сергеев-Ценский С.Н. 426
Сергеев М. см. Рафальский С.М.
Сергеич П. 214
Сергиеевская Е.А. 354
Сергиевский Б.В. 384, 394
Сергиевский Н.А. 354
Сергиевский Н.Н. 354-355
Сергиенко П. 297
Сергий, митрополит 235
Сергий Радонежский 83, 171, 179, 411
Серебрякова В. 30
Серков А.И. 299
Серман И.З. 454
Серов А.Н. 426
Серов В.А. 219, 272
Сечкарев В.М. 100, 194
Сигрист А. 127
Сидоров Н. 25
Сикорский И.И. 448
Симонов К. 363
Симонт А. 378
Синкевич В. 282, 309, 343, 346
Синявский А.Д. 335
Сирано 177
Сирин В. см. Набоков В.В.
Скачков М.Н. 355
Скирмунт С.А. 219
Скиталец см. Скиталец С.Г.
Скиталец С.Г. 35, 45, 144, **355-357**
Скобелев Д.М. 232
Скобелев М.Д. 210, 222, 286
Скобелев И.Н. 232
Скоблин Н.В. 361
Скобцов-Кондратьев Д.Е. 228, 236
Сковорода Г.С. 129, 435, 436
Сколацкая Е.С. 103
Сколацкая М.С. 103
Скопиченко О. 215
Скоропадский П.П. 147, 150, 168, 177
Скотт В. 374
Скрябин А.Н. 197, 212
Скэммел М. 276
Славина К. 241
Слащев-Крымский Я.А. 104
Слезкин Л.Ю. 464
Слейтер Э. 307
Слепцов В.А. 150
Словцов Р. 314
Слоним В.Е. см. Набокова В.Е.
Слоним М.Л. 23, 28, 65, 81, 115-117, 144, 160, 175, 211, 222, 243, 289, 305, 321, 324-326, 329, 352, **357-358**, 379, 417, 421, 423, 439, 453, 463, 474, 477, 478
Слонимский А. 104
Слуцкий Б.А. 126, 292
Случановский А. 236
Случевский К.К. 129, 261, 268
Смеляков Я.В. 104
Смирнов А. 169
Смирнов В.П. 17
Смирнов Л. 406
Смирнов Н.П. 87, 227
Смирнова В.А. см. Зайцева В.А.
Смирнова Л.А. 90
Смирнова-Макшеева Т. 247
Смоленская Т. 360
Смоленский А. 358
Смоленский В.А. 56, 182, 211, 292, 293, 328, **358-360**, 407, 412, 418, 445, 477
Смолетт Т.Дж. 269
Снесарева-Казакова Н. 390
Снытко Н.В. 125
Соболев А. 389
Соколов А.Г. 7, 12, 17, 35, 54, 125, 184, 227, 234, 264, 335, 398, 424, 435
Соколов Б. 91
Соколов Н.А. 86
Сокольников Г. 466
Солженицын А.И. 32, 42, 149, 171, 183, 221, 279, 332, 372, 381, 447, 448
Соловьев Вл.С. 19, 41, 58, 67, 82, 83, 127, 129, 130, 169, 178, 179, 186, 187, 207, 228, 244, 245, 249, 255, 262, 271, 272, 366, 378, 410, 414, 451
Соловьев Е. 312
Сологуб Ф. 29, 36, 37, 88, 104, 123, 169, 220, 264, 271, 296, 302, 312, 313, 322, 323, 350, 371, 374, 378, 396, 397, 419
Солоневич Б.Л. 361
Солоневич И.Л. 360-362
Солоневич Т.В. 361
Солоневич Ю.И. 361
Соммерфельт А. 471
Сомов К.А. 408
Сорокин П. 69
Сорокин Ю. 340
Сорокина М.Ю. 13
Сорокина О.Н. 457

Сосинская А.В. 363
Сосинский Б.(В.)Б. 30-32, 102, 154, 212, 335, **363**, 459
Сосинский Б.Э. 363
Сосинский-Семихат С. 363
Софиев Ю.Б. 209, **363-364**, 445
Софокл 168, 261
Спаини А. 274
Спасский Г. 170
Спекторский Е.В. 283
Сперанский Е.В. 317
Сперанский М.М. 395
Спиноза Б. 146, 413
Спиридонова-Евстигнеева Л.А. 12, 28, 98, 141, 153, 324, 398, 435
Срезневский В.И. 62
Ставров П.С. 365-366, 398
Сталин И.В. 16, 22, 38, 94, 126, 140, 141, 157, 158, 163, 204, 281, 358, 387, 405, 466
Сталинский Е.А. 357
Станиславский К.С. 37, 110, 111, 163
Станкевич Н.В. 41
Станкевич Э. 473
Станюкович Н.В. 205, 293, **391**, 434
Старов К. 379
Старовойтова М.С. 352
Стасов В.В. 426
Стендаль 101, 374
Степун М. 227
Степун Ф.А. 55, 56, 69, 99, 104, 109, 113, 136, 138, 172, 198, 208, 227, **366-369**, 311, 317, 393, 403, 405, 412, 415, 424, 425, 432, 435, 454, 474, 476
Стогов П. см. Пильский П.М.
Столица Л.Н. 369
Столыпин П.А. 392, 460
Стравинский И.Ф. 197, 258, 333
Странник см. Шаховской Д.А.
Страховский Л. 445
Страшноватенко К. см. Дон Аминадо
Стрельцов Б. см. Перелешин В.Ф.
Стрижев А.Н. 175
Строк О.Д. 310
Струве Г.П. 7, 15, 16-18, 23, 28, 39, 52-54, 66, 70, 73, 76, 77, 90, 93, 95, 97, 99, 100, 109, 117, 119, 121, 125, 135, 149, 154, 155, 158, 160, 171, 172, 182-184, 186, 190, 192-194, 209-213, 216-218, 220-223, 227, 231, 234, 239-243, 251, 256, 258, 259, 264, 274, 275, 278-280, 287, 289, 297, 300, 301, 303, 309, 311, 320, 327-329, 335-338, 346, 352, 359, 360, 365, 367-369, **372-374**, 381, 382, 387, 390, 392, 398, 406, 408, 409, 420, 424, 425, 427, 431, 432, 438, 441, 444, 458, 477
Струве М. 378
Струве Н.А. 13, 208, **372**, 374, 415
Струве П.Б. 66, 71, 109, 173, 198, 316, 317, **372-374**
Субботин С. 145
Суворин А.С. 162, 223, 336, 399
Суворин Б.А. 199, 361
Суворин М.А. 336
Суворины 118
Суворов А.В. 20, 221, 390, 391
Сувчинский В.А. 268
Сувчинский П.П. 207, 268, 410
Сугай Л.А. 62
Судейкин С.Ю. 378
Сулиман-Грудзинский Э.А. 138
Сумбатов-Южин А.И. 313
Сумеркин А. 66
Сумский С. 266
Суперфин Г.Г. 13
Сурат И. 69, 419
Сургучев И.Д. 81, **374-377**
Сухих И. 223, 300
Сухомлин В.В. 357
Сухотина-Толстая Т.Л. 145
Сытин И.Д. 94, 470
Сюпервьель Ж. 277

Тавридин Н.Н. см. Крымов В.П.
Тагор Р. 39
Таиров А.Я. 163
Талейран Ш.М. 20
Талин В.И. 324
Талов М.В. 378-379
Талош Д. 24
Танеев С.И. 380
Тарасова Н. 165
Тарковский Арс.А. 379
Тархов А. 172
Таскина Е.П. 30, 47
Тассони А. 379
Татаринов В. 29, 145, 216, 251
Татаркевич В. 113
Татищев Н.Д. 121, 318, 320
Татлин В.Е. 38, 428
Таубер Е.Л. 102, 282, 325, 326, 329, **379-381**, 453
Таулер И. 73
Твардовский А.Т. 126, 292, 304
Твен М. 9
Телешов Н.Д. 35, 169, 356

Тельнов Я. 429
Темирязев Б. см. Анненков Ю.П.
Теннисон А. 277
Теплов В. см. Куприн А.И.
Терапиано Ю.К. 7, 16, 17, 22, 31, 32, 45, 52, 54, 65, 66, 77, 85, 90, 96, 97, 102, 110, 112, 117, 119, 120, 121, 123-125, 132, 154, 164, 170-172, 181, 182, 192, 194, 210-213, 218, 229, 239, 254, 256-259, 264, 272, 284, 289, 291, 292, 296, 303, 320, 324-329, 335, 346, 353, 359, 360, 363, **381-382**, 391, 393, 398, 407, 418, 420, 424, 426, 431, 432, 438, 444, 453, 459, 478
Терехина В.Н. 145
Тернизьен Г.Э. 191
Террас В. 309
Тескова А. 423, 463
Тиллих П. 84, 368
Тимашев Н.С. 283, 316, 317
Тимашева Т. 241
Тименчик Р.Д. 154, 280
Тимофеев-Ресовский Н.И. 307
Тимур 205
Тито Б. 126
Тихон, патриарх 83
Тихонов А.И. 137
Тихонов Н.С. 19, 316
Тихонова Л.Т. см. Рубакина Л.Г.
Толмачев В.М. 172, 190, 272, 420
Толстая А.Л. 383-385, 394
Толстая М.А. 220
Толстая С.А. 137, 383
Толстой А.К. 42, 246, 448
Толстой А.Н. 19, 21, 23, 26, 55, 90, 98, 133, 145, 163, 170, 175, 204, 219, 220, 225, 351, 363, **385-387**, 397, 417, 425, 426, 461, 464, 469
Толстой Д. 264
Толстой Д.А. 220
Толстой И.Н. 13
Толстой Н.И. 389, 403
Толстые 110, 219, 383
Толстой Л.Н. 16, 17, 19-21, 23, 37, 39, 42, 43, 53, 55, 62, 64, 67, 68, 70, 74, 81, 82, 89, 90, 114, 131, 153, 168, 173, 175, 177-179, 196, 198, 203, 210, 222, 223, 239, 249, 253, 261, 265, 280, 282, 298, 302, 305, 316, 321, 338, 356, 362, 368, 373, 376, 383-385, 388, 395, 404, 410, 414, 436, 448-452, 454, 460, 470, 474
Толстых Г.А. 6
Томашевский Б.Т. 57, 142
Топоров В.Н. 216, 389, 405
Тредиаковский В.К. 471
Треплев К. 399
Третьяков В. 103, 318
Третьяков С.М. 91, 287
Трика Б. 471
Триоле Э. 454
Троцкая З. 241
Троцкий Л.Д. 10, 18, 22, 34, 37, 38, 79, 80, 157, 163, 294, 464, 469
Трубецкой Е.Н. 41, 67, 197, 207, 317
Трубецкой Н.С. 214, **387-389**, 410, 435, 454, 471
Трубецкой С.Н. 41, 42, 70, 317, 387
Трубецкой Ю. 121, 192, 325, 478
Трубилова Е.М. 305, 398
Трубников А. 255
Трубников Г. см. Пильский П.
Тувим Ю. 104, 351
Тумаркина М.С. см. Цетлин М.С.
Туниманов В.А. 71
Тургенев И.С. 39, 53, 64, 74, 85, 89, 111, 142, 145, 152, 168, 169, 171, 178, 197, 203, 205, 285, 334, 335, 370, 374, 381, 393, 426, 450
Тургенев Н.И. 385
Тургенева А.А. 60, 61
Тургенева Н.А. 475
Туринцев А.А. 389
Туринцева А.А. 389
Туринцева А.Л. 389
Туроверов Н.Н. 112, **389-391**
Тутанхамон 262
Тухачевский М.Н. 55, 148
Тхоржевская А.А. 391
Тхоржевский Г.И. 393
Тхоржевский И.И. 375, **391-393**
Тхоржевский И.Ф. 391
Тхоржевский С.С. 392
Тынянов Ю.Н. 62, 174, 268, 426, 453, 471
Тырков А.В. 393
Тыркова-Вильямс А.В. 65, 251, **393-395**
Тэффи Н.А. 11, 12, 18, 55, 97, 104, 125, 246, 247, 296, 304, 305, 317, 352, 353, 387, **395-398**, 419, 425, 470
Тютчев Ф.И. 32, 42, 53, 77, 101, 129, 130, 142, 158, 171, 179, 189, 197, 205, 212, 255, 262, 277, 303, 315, 328, 365, 382, 410, 425

Уайльд О. 157
Уборевич И.П. 287
Ужанков А.Н. 335
Уилсон Э. 268, 277, 278
Уитмен У. 53
Уиттмор Д. 31
Украинка Л. 39, 129
Ульянов Н.А. 74
Ульянов Н.И. 302, 303

Ульянов Н.П. 272
Унгерн фон Штернберг Р. 316
Унгерман Т. 331
Ундер М. 351
Унковский В.Н. 40, 184
Урбан А. 352
Урванцов Л.Н. 399
Урениус Е.С. см. Муратова Е.С.
Урицкий М.С. 22, 312
Урнов Д.М. 127, 401
Урошевич М.П. 26
Усова Л.Н. см. Замятина Л.Н.
Успенский Г.И. 150, 249
Устинов П. 277
Устрялов Н. 24, 97
Ушакова Н.А. 428
Ушинский Н.Д. 239
Уэллс Г.Дж. 26, 65, 137, 152, 174, 225, 258

Фабрициус Л.Е. 297
Фаворский В.А. 273
Фадеев А.А. 64, 423
Фальк Р. 218
Фаринич А. 168
Фасмер М. 132
Федин К.А. 175, 370, 386, 405
Федоров А.М. 369
Федоров В.Г. 63, 330, **400-401**
Федоров В.С. 280
Федоров М.М. 352
Федоров Н. 457
Федоров Н.Ф. 475, 476
Федорова Н. 401-402
Федотов Г.П. 17, 42, 69, 83, 99, 109, 172, 194, 195, 211, 228, 229, 239, 283, 317, 364, 367, 382, **402-406**, 412, 452
Федотова Е.Н. 402
Федякин С.Р. 16, 58, 218, 272, 420
Фейхтвангер Л. 153
Фельзен Ю. 49, 65, 101, **406-408**, 443, 470, 474
Фернандес Р. 68
Фесенко Т. 100, 217, 283, 343, 380
Фет А.А. 129, 130, 260, 374
Фехнер Е.Ю. 62
Фешин Н.И. 130
Фивейские 285
Фивейский М.М. 285
Фигнер В.Н. 136, 326
Фигурнова О.С. 352
Фидлер Ф.Ф. 395
Фиксман Д.М. см. Кнут Д.
Филарет, митрополит Московский 470
Филикая В. да 379
Филипп, митрополит Московский 403
Филиппов А. см. Даманская А.Ф.
Филиппов Б.А. (Филистинский) 100, 148, 149, 282, 283, 317, 335, 370, 371, 395, 429
Филиппов С. 370
Филонов П.Н. 92, 471
Философов В.Д. 408
Философов Д.В. 44, 121-123, 131, 179, 261, 262, 347, **408-409**
Философова А.П. 408
Фихте И.Г. 113
Фицджеральд Э. 392
Флейшман Л. 7, 77, 175
Флобер Г. 169, 261, 266
Флоренский П.А. 67, 186, 188, 207, 317, 410, 473
Флоровский А.В. 63, 321
Флоровский Г.В. 83, 283, 317, 372, **409-411**, 436
Фокин М.М. 163
Фоконье А. ле 442
Фоксрофт Е. 384
Фоменко А.В. 129
Фондаминская А.О. 411, 413
Фондаминская Р.И. 411
Фондаминские 170, 171
Фондаминский И.И. 65, 99, 107. 109, 176, 227, 229, 238, 259, 341, 342, 367, 403, **411-413**, 425, 475
Фондаминский М.И. 411
Фор П. 99, 378
Фортунатов Ф.Ф. 471
Фосколо У. 379
Фостер Л. 6
Фотиев К.В. 97, 415
Фофанов К.М. 349
Фохт В. 211
Франк В. 132
Франк С.Л. 19, 42, 55, 123, 170, 179, 207, 248, 317, 372, **413-415**, 474
Франко И. 39
Франко Ф. 29
Франкфурт И. 223
Франс А. 137, 167, 379, 470
Франциск Ассизский 206, 263, 264
Франциус Г. 323
Фрезинский Б.Я. 349, 466
Фрейд З. 63
Фрейденштейн Н.Б. см. Фельзен Ю.
Фридман В.Э. 340
Фрост Р. 241

Фукуока Сэйити 167
Фюмэ С. 99

Хадарцева А. 117
Хазан В. 213
Хаиндрова Л. 289
Хайдеггер М. 435, 451
Хаксли О. 100, 269
Хализев В.Е. 42
Ханжонков А.А. 103
Харитон Б. 118
Хармс Д. 292
Харьковский А.С. 167
Хейзинга Й. 195
Хеллман Б. 34, 35, 234
Херасков И. 405
Хессе Г. 307
Хечинов Ю. 385
Хижняк М. 393
Хинрихс Я.-П. 308
Хисамутдинов А. 50, 51
Хлебников В. 38, 90-92, 144, 331, 351, 453, 464, 471, 472
Хлебцевич Е. 340
Хованская Е. 322
Ходасевич А.И. 416, 417
Ходасевич В.М. 64
Ходасевич В.Ф. 7, 12, 13, 16, 18, 19, 31, 49, 55, 56, 62, 64, 65, 73, 76, 85, 88, 97, 99-101, 108, 109, 123-125, 127, 128, 132, 135-138, 146, 170, 191, 193, 202, 209-212, 216, 227, 250, 251, 256, 258, 259, 266, 268, 271-275, 277-279, 303, 315, 316, 325, 327, 328, 358-360, 381, 382, 390, 401, 404, 407, **416-420**, 422, 423, 425-427, 430-432, 443, 447, 448, 459, 464, 467, 468, 475
Ходасевич М.Ф. 416
Ходасевич С.Я. 416
Ходасевич Ф.И. 416
Ходотов Н.Н. 13, 14
Холодная В.В. 103, 461
Хомяков А.С. 42, 83, 179, 228
Хоружий С.С. 84, 208, 411
Хохлов Г.Д. 406, 420
Хохлов Е. 153
Хохлов К. 37
Хохлов Р.Я. 420
Храбровицкий А.В. 234, 240
Христиани Е. 129
Христианович О.П. 383
Хрущов Н.С. 358, 462, 466
Хрущов П. см. Пильский П.М.
Худяков Н.Н. 428
Худяковская Е.И. см. Несмелова Е.И.
Хьюз Р. 7, 417, 420

Цадкин О. 37, 378
Цвейг С. 258
Цветаев И.В. 421
Цветаева А.И. 421
Цветаева М.И. 15, 23, 55, 61, 62, 64, 77, 81, 82, 100, 109, 111, 112, 128, 129, 146, 147, 149, 156, 165, 168, 175, 191, 194-196, 208, 215, 223, 242, 268, 287, 288, 317, 321, 323, 363, 370, 379, 417, 419, **421-424**, 425, 430, 445, 447, 448, 458, 463, 464
Цветиков А. 282, 283
Цвибак Я.М. см. Седых А.
Цвилинский П.Е. 143
Цегоев К.К. 430
Цегоева Э.К. см. Чегринцева Э.К.
Цеппелин Ф. 442
Цетлин М.О. 35, 49, 59, 65, 70, 71, 77, 86, 132, 153, 172, 210-212, 227, 229, 239, 251, 262, 264, 274, 279, 300, 325, 349, 353, 364, 365, 369, 387, 407, 411, **425-427**, 431, 435, 445, 459
Цетлин М.С. 425, 427
Цетлины 171
Цетлин-Доминик А.М. 425, 427
Цигельман Я. 213
Ционглинский Я.Ф. 37
Циргава Л.В. 105
Цуриков Н.А. 316, 317
Цюй Юань 309

Чаадаев П.Я. 198, 222, 260, 367, 370, 394, 449
Чагин А.И. 66, 121, 320
Чайковский М.И. 65
Чайковский Н.В. 386
Чайковский П.И. 65, 197, 210, 318, 329
Чалмаев В.А. 335
Чаплин Ч. 442
Чарковский Б.В. 112
Чарноцкий Г.В. см. Алексеев Г.В.
Чассинг Л. 336
Чаттертон Т. 379
Чаянов А.В. 55, 273, **428-429**
Чаянова О.Э. 429
Чеботаревская А. 350
Чебышев Н. 168, 337, 338
Чегринцев С. 430

Чегринцева Э.К. 63, 131, **430-431**
Чеквер Л.И. 477
Чеквер Р.С. см. Яссен И.
Червинская Л.Д. 78, 209, 210, 226, 320, 365, **431-432**, 459
Чернавин Б. 362
Чернов А. 320
Чернов Б.М. 109
Чернов В. 31, 363
Чернова О.Ф. 31
Черный Саша 133, 139, 145, 179, 311, 322-324, 394, **432-435**, 470
Чернышев А.А. 22, 23
Чернышевский Н.Г. 36, 252, 276
Чернявский В.О. 353
Чертков В.Г. 81, 383
Чертков Л. 318, 429
Черчилль У. 22, 347
Чехов А.П. 19, 27, 39, 43, 71, 84, 90, 111, 117, 169, 171, 178, 196, 204, 219, 235, 239, 252, 261, 286, 298, 356, 368, 376, 397, 426, 436, 437, 450
Чижевская Л.И. 436
Чижевский Д.И. 63, 70, 264, 272, 283, 368, 369, 389, 415, **435-437**
Чижевский И.К. 435
Чингисхан 389
Чиннов И.В. 15, 195, 297, 310, **435-437**, 449
Чириков Е.Н. 35, 173, 240, 399, **439-441**
Чирикова В.Г. 440
Чирикова Н.Е. 440
Чирикова-Шнитникова Л.Е. 111, 165
Чичероне см. Плещеев А.А.
Чичибабин А.Е. 304
Чуваков В.Н. 34, 35.
Чудакова М.О. 175
Чуковский К.И. 32, 35, 37, 43, 191, 294, 302, 306, 363, 385, 435, 453
Чулков Г.И. 35, 169, 322, 416, 420
Чупров А.И. 449
Чхеидзе К.А. 430

Шавельский Г. 361
Шагал М. 37, 401
Шайкевич А. 292
Шалкаускас С. 207
Шаляпин Ф.И. 105, 218, 219, 255, 285, 353, 356, 357
Шамбинаго С.К. 40
Шамиссо А. фон 322
Шанявский А.Л. 17, 429
Шапиро Г. 213
Шарден Т. де 84
Шарль Орлеанский см. Карл Орлеанский
Шаршун С.И. 296, 378, **442-444**
Шатобриан Ф.Р. де 62
Шахвердов А.398
Шаховская А.Л. 444
Шаховская З.А. 8, 17, 39, 78, 90, 117, 158, 170, 172, 176, 184, 190, 210, 213, 214, 256, 276, 278-280, 325, 359, 360, 398, 420, 424, 439, **444-447**, 458, 459
Шаховской А.Н. 444, 445
Шаховской Д.А. 42, 56, 153, 154, 283, 284, 294, 445, **447-449**
Шварц С.М. 353
Шварцман Л.И. см. Шестов Л.И.
Швейцер В.А. 424, 468
Шевченко Т.Г. 129
Шевырев С.П. 142
Шекспир У. 24, 156, 277, 449, 450, 472
Шелапутин Г.П. 28
Шеллер М. 451
Шелли П.Б. 42, 266, 269, 379
Шеллинг Ф.В.Й. 83, 436
Шенгели Г.А. 352
Шенталинский В.А. 348
Шенье А. 14
Шеншина Н.С. см. Лотарева Н.С.
Шервашидзе К. 145
Шерон Дж. 54, 176
Шерри-Бренди см. Перфильев А.М.
Шестов Л.И. 55, 56, 123, 186, 256, 258, 268, 317, 334, 425, **449-452**
Шестова А.Е. 449
Шеффлер И. 59
Шилкарский В. 207
Шиллер Ф. 435-437
Шилтьян Г.И. 274
Шиляева А. 170, 172
Шиманская А.С. 38, **452-453**
Шиманский С.С. 452
Шингарев А.И. 393, 460
Шиф Я. 462
Шифман Л. 340
Шишков В. см. Набоков В.В.
Шишков В.Я. 334
Шкапская М.М. 55, 465
Шкловский Б. 453
Шкловский В.Б. 39, 70, 101, 154, 266, 302, 316, 319, 386, 417, **453-454**, 471
Шкловский И.В. см. Дионео
Шкотт И.А. см. Болдырев И.А.
Шлегель Ф. 366
Шлецер Б.Ф. 425, 452

Шмелев И.С. 19, 27, 93, 109, 123, 171, 199, 200, 271, 289, 290, 313, 317, 335, 376, 377, 425, 447, **454-458**
Шмелев С. 455
Шмелев С.И. 454
Шмелева О.А. 457
Шмелевы 455
Шмеман А., о. 17, 96, 97, 101, 194, 283, 284, 317, 372
Шмидт Е. 432
Шнеур З. 318
Шницлер А. 153, 204
Шолом-Алейхем 449
Шолохов М.А. 221, 303
Шопен Ф. 153
Шопенгауэр А. 130, 245
Шоу Дж.Б. 374
Шпенглер О. 366, 417
Шпет Г.Г. 366, 474
Шполянская Н.М. 158
Шполянский А.П. см. Дон Аминадо
Штайн Б. 110
Штаммлер А. 368, 369
Штаммлер Г. 42
Штейгер А.С. 128, 210, 320, 445, **458-459**
Штейгер С.Э. фон 458
Штейгер С. 128
Штейн Э. 6, 30, 289
Штейнер Р. 59-62, 127, 475
Штейниц В. 471
Штиглиц А.Л. 37
Шторм Г. 318
Штурман Д.М. 353
Шуб Д.Н. 95, 353
Шубникова-Гусева Н.И. 6
Шулепова Э.А. 255
Шульгин В.В. 361, **459-462**
Шульгин Вас.В. 461
Шульгин Вен.В. 461, 462
Шульгин В.Я. 459
Шульгина Е.Г. 459
Шульгина М.Д. 462
Шульгина М.К. 459
Шульц А. 354
Шуман Р. 197
Шумихин С.В. 29, 93, 165
Шустов А.Н. 231
Шюзвиль Ж. 378

Щеголев Н. 45, 46, 215
Щеголев П.Е. 332
Щербаков М. 185
Щербатов С. 219
Щербиновский Д. 144
Щупак Н.О. 61

Эджертон В. 56
Эйзенштейн С.М. 37, 454
Эйнштейн А. 268
Эйснер А.В. 243, 269, 330, 349, 445, **463-464**
Эйхдельбергер А. 110
Эйхенбаум Б.М. 57, 101, 268, 453, 471
Эйхендорф Й. фон 330
Эккерман И.П. 55
Элиот Т.С. 66, 99, 267-269
Эллис (Кобылинский Л.Л.) 95
Элькин Б. 19
Эльяшевич В.Б. 170
Энгельгардт Б. 118
Энгельгардт Л. 124
Энгельс Ф. 97
Эрбиньи де 235
Эредиа Ж.-М. де 71
Эрн В.Ф. 67
Эрн Н. 401
Эренбург А.Б. 464
Эренбург Г.Г. 464
Эренбург И.Г. 39, 97, 175, 237, 241, 349, 379, 421, **464-466**
Эренбург И.И. 466
Эрмлер Ф. 462
Эррера Ф. де 379
Эртель А.И. 90
Эспронседа Х. де 379
Эсхил 261
Эткинд Е. 128-130
Эфрон А.С. 417, 421, 423, 424
Эфрон Г.С. 422, 424
Эфрон И.С. 421
Эфрон С.Я. 164, 268, 368, 417, 421, 423, 463
Эфрос А.М. 273
Эффи 225

Юденич Н.Н. 183, 221, 231, 354
Юзефович А.М. 205
Юлиан 261
Юльский Б. 309
Юнг К.Г. 113, 188, 189
Юон К.Ф. 109, 442
Юпатов А. 82
Юрасов С. 295
Юргали см. Галич Ю.И.
Юрлов А. см. Бобров С.

Юровский Я. 80
Юрьева З. 402
Юрьевский Е. см. Валентинов Н.
Юшкевич С.С. 55, 313, **467-468**

Яблоновский А.А. 422, **469-471**
Яблоновский В. 434
Яблоновский С.В. 76
Яблочкина А.А. 285
Яворская Л.Б. 54, 162
Ягода Г.Г. 148
Языков Н.М. 268
Якимова С.И. 186
Якобсон Р.О. 63, 284, 417, 454, **471-473**
Яковенко Б.В. **473-474**
Яковенко В.И. 473
Яковлев А.С. 145, 170
Яковлев Ф. 273
Яковлев Я.А. 312
Яковлева Т. 374
Яконовский Е. 376
Якопоне да Тоди 73
Якубинский Л.П. 453
Якубович-Мельшин П.В. 437
Якулов Г.Б. 351
Якушев И. 144
Якушев А.И. 288
Янгфельдт Б. 352, 473
Янжул И.И. 449
Яновский В.С. 78, 166, 172, 191, 209, 210, 284, 300, 324, 357, 358, 364, 381, 406, 412, 458, **474-477**
Янтарев Е. 273
Ярославский Е. 429
Ясинский В.И. 273
Ясинский И.И. 19, 264
Яссен И. 325, 328, **477-478**
Ястребинский И. см. Вильде Б.В.
Яффе Л.Б. 416
Ященко А.С. 106, 138, 152, 160, 170, **478-479**

Список основных сокращений

авт. — авторский
автобиогр. — автобиография, автобиографический
акад. — академия, академик
альм. — альманах
б.г., б.м. — без года, без места
быв. — бывший
б.ч. — большей частью
библ. — библиография, библиографический
биогр. — биографический, биография
б-ка — библиотека
вед. — ведомости
вест. — вестник
веч. — вечерний
воен. — военный
восп. — воспоминания
вост. — восточный
всерос. — всероссийский
в т.ч. — в том числе
газ. — газета
гв. — гвардия, гвардейский
ген. — генерал
г-зия — гимназия
гл. — глава, главный
гл.обр. — главным образом
гражд. — гражданский
губ. — губерния, губернский
д. — деревня
Д.Вост. — Дальний Восток
д.чл. — действительный член
деп. — департамент
дет. — детский
дир. — директор
дис. — диссертация
док-ты — документы
доп. — дополнение, дополнительный
дорев. — дореволюционный
д-р — доктор
Др. — Древний
др. — другой
драм. — драматический
европ. — европейский
ед.хр. — единица хранения
ежегод., ежедн., ежемес., еженед. — ежегодник, ежедневный, ежемесячный, еженедельник
жен. — женский
журн. — журнал
зав. — заведующий
загл. — заглавие
зам. — заместитель
зап. — западный; записки
зап-европ. — западноевропейский
зем. — земский
избр. — избранное, избранный
изв. — известия, известный
изд. — издание, изданный, издатель
изд-во — издательство
илл. — иллюстрации, иллюстрированный
им. — имя, имени
имп. — император, императорский
ин-т — институт
иск-во — искусство
иссл. — исследование
ист. — исторический
кладб. — кладбище
кн. — книга, книжный; князь
комм. — комментарий
кон. — конец
корр. — корреспондент
к-рый — который
к-т — комитет
л. — лист
лит. — литературный
лит-вед, лит-ведение, лит-ведч. — литературовед, литературоведение, литературоведческий
лит-ра — литература
мат-л — материал
мед. — медицинский
междунар. — международный
мин. — министр
мин-во — министерство
митр. — митрополит
мн. — многие
мор. — морской
моск. — московский
муз. — музыкальный, музыка
назв. — название
наиб. — наиболее
нар. — народный
наст. — настоящий
нац. — национальный
нач. — начало
нек-рый — некоторый
неск. — несколько
о. — отец
об-во — общество
обл. — область
обозр. — обозрение
одноим. — одноименный
ок. — около
оп. — опись
опубл. — опубликованный
орг-ция — организация
осн. — основан, основной
пед. — педагогический
пер. — перевод
переизд. — переиздание
петерб. — петербургский
петрогр. — петроградский
пов. — повесть
пол. — половина
полит. — политический
полк. — полковник
полн. — полный
пос. — поселок
посв. — посвященный, посвящен
послерев. — послереволюционный
послесл. — послесловие
посм. — посмертно
пост. — постановка
поч. — почетный
пред. — председатель
предисл. — предисловие
преп. — преподобный
прил. — приложение
прим. — примечание
произв. — произведение
проф. — профессор
псевд. — псевдоним
ПСС — Полное собрание сочинений
публ. — публикация
разл. — различный
публиц. — публицистический
род. — родился
рев. — революционный

ред. — редактор, редакция
реж. — режиссер
религ. — религиозный
рец. — рецензия
рис. — рисунок
р-н — район
ром. — роман
рос. — российский
рукоп. — рукопись, рукописный
с. — село
сб. — сборник
св. — святой
свидет-во — свидетельство
сев. — северный
секр. — секретарь
сел. — сельский
сер. — середина, серия
см. — смотри
соавт. — соавтор
собр. — собрание
сов. — советский
совм. — совместно
совр. — современный
сост. — составитель, составление
сотр. — сотрудник
соч. — сочинение
ср. — сравни, средний
ст. — статья
стих. — стихотворение
стихотв. — стихотворный
т. — том, тома
т.з. — точка зрения
т-во — товарищество
терр. — территория
т-р — театр
у. — уезд
ун-т — университет
урожд. — урожденная
уч. — учебный
У.зап. — Ученые записки
уч-ще — училище
ф. — фонд
фам. — фамилия
филол. — филологический
филос. — философский
фольк. — фольклорный
хоз. — хозяйственный
христ. — христианский
худож. — художественный
центр. — центральный
ч. — часть
чл. — член
экз. — экземпляр
эмигр. — эмигрантский
юж. — южный
юрид. — юридический
яз. — язык

Использованы также сокращения при обозначении месяцев, государственной, национальной или языковой принадлежности (итал., рус., франц., япон. и др.). В прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний и суффиксов.

**Литературная энциклопедия
русского зарубежья
(1918—1940)**

ПИСАТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Художественное оформление *А.Сорокин*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н.Галанчева*

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 27.06.97.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 53,76. Уч.-изд.л. 63,98. Доп. тираж 1000 экз. Заказ № 703

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1. Тел. 181-00-13 (дирекция);
181-34-57 (отдел реализации). Факс 181-01-13

АО Типография «Новости»
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 46